

РУССКИЙ НАРОД

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

РУССКИЙ НАРОД

ВЕРА И ОБЫЧАИ
РАБОТА И БЫТ
БУДНИ И ПРАЗДНИКИ

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Том 1 А—Н

Москва
Институт русской цивилизации
2013

ББК 63.5
УДК 39
Э-68

Русский народ. Этнографическая энциклопедия в 2-х томах. / Главный редактор, составитель О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2013. — 1 том А—Н. 792 с., илл.

Настоящее двухтомное издание «Русский народ» является первой в нашей стране и мире энциклопедией русской этнографии, содержащей 2300 статей и около 3000 иллюстраций.

Собраны сведения о вере, духовных понятиях, обычаях, работе и быте, буднях и праздниках, жилище и одежде русского народа, создавшего одну из величайших духовных цивилизаций мировой истории. В энциклопедии систематизированы более 250 этнографических источников, использованы материалы о народной жизни, собранные лучшими русскими этнографами и знатоками народного быта М. Громыко, В. Далем, Н. Ермоловым, И. Забелиным, М. Забылиным, Д. Зелениным, А. Коринфским, И. Калининским, Н. Костомаровым, С. Максимовым, И. Снегиревым, И. Сахаровым, Н. Степановым, А. Терещенко, Н. Толстым, В. Чистовым, И. Шангиной и др.

Институт русской цивилизации выражает глубокую признательность всем лицам и организациям, оказавшим творческую помощь и финансовую поддержку, без любезного участия которых этнографическая энциклопедия «Русский народ» не смогла бы выйти в свет.

Издание осуществляется при финансовом содействии Алексея и Дмитрия Ананьевых.

В оформлении обложки и форзаца использованы иллюстрации из книги Ф. Паули «Народы России». СПб. 1862.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Русский народ состоит из трех родственных ветвей — великороссов, малороссов и белорусов, произошедших от древнерусской народности (IX—XIII вв.), сложившейся из восточнославянских племен. В IX в. в пределах территории нынешней Европейской России жили следующие восточнославянские племена: новгородские славяне — у озера Ильмень и по Волхову; кривичи — по Западной Двине и на верховьях Днепра; дреговичи — между Припятью и Березиной; радимичи — между Днепром и Сожью; северяне — по Днепру до Сулы; поляне — по Днепру от Припяти до Роси; древляне — по Припяти, Горыни, Случи и Тетереву; воляныне (бужане, дулебы) — по Западному Бугу; тиверцы и уличи — по нижнему течению Днепра и Днестра; вятичи — по Оке. По мнению многих исследователей, наименование «русские» восходит к названию одного из славянских племен — родиев, россов, или руссов. Из их земли в Среднем Поднестровье это название распространилось на всех жителей древнерусского государства, включая и неславянские племена.

К н. XX в. русский народ насчитывал 88 млн человек, включая великороссов, малороссов (украинцев, полешуков, русинов, или галичан покутян, подолаков, бойков, гуцулов, горал), и белорусов. В общей численности населения российского государства русский народ составлял 67%: в Европейской России (включая 10 губерний Царства Польского) — 80%, в Сибири — 80%, на Кавказе — 34%, в Средней Азии — 9%, в 10 губерниях Царства Польского — ок. 7% населения.

Каждая из ветвей русского народа имеет свои этнографические особенности, в силу которых она разделяется на ряд этнографических групп.

Среди великороссов наиболее крупные, различающиеся по наречиям языка («окающий» и «акающий») и особенностям в постройках, одежде, некоторых обрядах и т.п., — северные и южные великорусы. Связующее звено между ними — средневеликорусская группа, занимающая центральный район — часть Волго-Окского междуречья (с Москвой) и Поволжья; она имеет в языке и культуре как северно-, так и южновеликорусские черты. Более мелкие этнографические группы великороссов — поморы (на берегу Белого моря), мещёра (в северной части Рязанской обл.), различные группы казаков и

их потомков (на рр. Дон, Кубань, Урал, Терек, а также в Сибири); старообрядческие группы — «поляки» (на Алтае), «семейские» (в Забайкалье), «каменщики» (на р. Бухтарма в Казахстане); особые группы составляют великороссы на Крайнем Севере (по рр. Анадырь, Индигирка, Колыма), воспринявшие черты окружающих народов.

Ряд этнографических групп существует и среди малороссов: центрально-восточная (юго-восточная), северная (полесы) и западная (юго-западная). Среди белорусов выделяются полешуки (полешуки) — жители полесья; наиболее своеобразны среди них пинчуки — население Пинского Полесья.

В XX в. границы русских земель охватили все территории Сибири и Дальнего Востока, Средней Азии, Кавказа и некоторых других, населенных нерусскими народностями.

Ядром русской земли были территории, населенные великороссами, то есть той частью русского народа, которая в отличие от малороссов и белорусов избежала влияния католицизма и иудаизма. Именно на великороссов легло главное бремя державного строительства в период татаро-монгольского нашествия, когда малороссы и белорусы оказались под польско-литовской оккупацией. В XIII в. центр русской земли перемещается в Ростово-Суздальское княжество и Новгород Великий. Дальнейшее приращение русской земли шло на восток и юг за счет территорий, освоенных преимущественно великороссами.

С XVIII в. до 1917 г. в состав русской земли входили кроме собственно великороссийской территории Европейской части России и Азии (включая Сибирь и Дальний Восток), Прибалтика, Малороссия, Белоруссия, Польша, Бессарабия, Северный Кавказ; с XIX в., кроме того, Финляндия, Закавказье, Средняя Азия и Памир. В 1914 г. территория России составляла 22,4 млн км.

В 1914 г. Россия делилась на 81 губернию и 20 областей. Городов было 931. Часть губерний и областей объединены были в генерал-губернаторства (Варшавское, Иркутское, Киевское, Московское, Приамурское, Степное, Туркестанское и Финляндское). Официальными вассалами Российской империи были Бухарское ханство и Хивинское ханство. В 1914 г. под протекторат Российской империи был принят Урянхайский край.

С 1922 г. Россия стала называться Союзом Советских Социалистических республик (СССР). Три четверти ее занимали великоросские территории. Общая площадь их составляла 17,08 млн км². На них жили 133,7 млн чел.

В середине XX в. на великоросских территориях кроме 49 областей и 6 краев находилось 16 крупных национальных образований, именуемых республиками (Башкирская, Бурятская, Дагестанская, Кабардино-Балкарская, Калмыцкая, Карельская, Коми, Марийская, Мордовская, Северо-Осетинская, Татарская, Тувинская, Удмуртская, Чечено-Ингушская, Чувашская, Якутская), 5 автономных областей (Адыгейская, Горно-Алтайская, Еврейская, Карачаево-Черкесская, Хакасская), 10 национальных округов (Агинский Бурятский, Коми-Пермяцкий, Корякский, Ненецкий, Таймырский (Долгано-Ненецкий), Усть-Ордынский Бурятский, Ханты-Мансийский, Чукотский, Эвенкийский, Ямало-Ненецкий). В экономическом отношении выделяются 10 экономических районов: Северо-Западный, Центральный, Волго-Вятский, Центральночерноземный, Поволжский, Северо-Кавказский, Уральский, Западно-Сибирский, Восточно-Сибирский и Дальневосточный.

Великороссы составляли 85% населения, жившего на великоросских территориях. В 18 национальных объединениях или округах из 31 подавляющее большинство составляли великороссы.

После великоросских территорий вторую по величине часть русской земли составляла Малороссия — 0,6 млн км² (включая великоросские территории Новороссии и Крыма).

Малороссия расположена на юго-западе европейской части России. Малороссия неоднократно подвергалась оккупации со стороны Польши и Австро-Венгрии. Название «Малая Русь» появляется в XIV в. в период раздробленности Русского государства, когда оно распалось на Северо-Восточную, Юго-Западную и Западную Русь. Юго-Западная Русь стала называться Малороссией, включая в себя Галицко-Волынскую землю и Приднепровье. Название «Украина» применительно к Малороссии относилось к приграничным территориям, окраинам Русской земли. В частности, так называлась окраина Галицкой земли между реками Южный Буг и Серет, а также приграничные земли Галицко-Волынского княжества возле Западного Буга.

Древнерусское Галицкое княжество занимало северо-восточные склоны Карпатских гор. Галицкие земли, вошедшие в X в. в состав Киевской Руси, были включены в середине XI в. в

число владений князя Владимира Ярославича, а затем его сына Ростислава. Галицкие князья в союзе с половцами и Византией боролись за освобождение от власти Киева. Владимир Володаревич (1141—1153 гг.) объединил все галицкие земли под своей властью, стал окончательно независимым от Киева. В княжение его сына Ярослава Осмомысла (1153—1187 гг.) Галицкое княжество пережило период расцвета. После смерти Ярослава наступил упадок княжеской власти и ослабление влияния Галицкого княжества. В 1199 г. им овладел волынский князь Роман Мстиславич.

Галицко-Волынское княжество возникло в результате объединения Галицкого и Владимиро-Волынского княжеств (1199 г.) волынским князем Романом Мстиславичем (1170—1205 гг.). Это княжество было могущественным государством Европы. На черноземных землях Галицко-Волынской Руси издавна было развито пашенное земледелие и скотоводство. Имелись богатые соляные разработки. Процветало ремесло (обработка железа, ювелирное дело, гончарное производство, строительное дело и др.), росли города — Перемышль, Галич, Владимир-Волынский, Теребовль, Дорогичин, Луцк, Львов, Холм и др. (свыше 80 городов в XIII в.). Находясь на пересечении водных и сухопутных дорог, Галицко-Волынская Русь играла крупную роль в европейской торговле, вывозя хлеб, скот, соль, изделия ремесел. Были построены соборы, оборонительные сооружения, украшенные белокаменной резьбой и близкие по типу и отделке аналогичным постройкам Владимиро-Суздальского княжества (Успенский собор, 1160 г., во Владимире-Волынском; дворец, лестницы с сенями, дворцовый храм в Галиче середины XII в. и др.). Значительное распространение получило книжное дело — крупным центром летописания был Галич. В 1259 г. татаро-монгольские войска уничтожили укрепленные города Галицко-Волынского княжества, завершив его подчинение Орде.

В 1352 г. Галицкая земля была захвачена Польшей, а Волынь — Литвой, они смогли вернуться к России только через несколько столетий.

Между землями России и Польши располагались так называемые червенские города — по верхнему течению Западного Буга, его притокам Гучве и Луге, верховьям Стыря. В их число входили Червен, Луческ, Сутейск, Броды и др. Червенские города находились на границе между Русью и Польшей и часто являлись предметом споров и военных столкновений.

В 980-х годах они были возвращены Руси киевским князем Владимиром Святославичем, который посадил здесь своего сына Всеволода. В 1018 г. червенские города захватил польский король Болеслав Храбрый, но в начале 1030-х годов они снова отошли к Киеву и удерживались уже постоянно в составе русских земель. Позднее червенские города стали частью территории Владимиро-Волынского княжества.

Польские и австро-венгерские оккупанты старались не использовать в официальном обороте названия «Русь» и «Малороссия», подчеркивающие русское происхождение территории. Вместо них ими внедряются разные искусственные названия — «Украина» (географическая нелепость, ибо название приграничных, окраинных территорий не могло распространяться на область Приднепровья), «Герцогство Буковина», «Галиция и Лодомерия». Оккупационные власти внушали русским (малороссам), что они особая нация — украинцы. В официальных документах запрещалось употреблять слова «малоросс», «русин». С 1904 г. галицийские русины (русские) стали именоваться в австрийских документах «украинцами». Готовясь к войне против России, австро-венгерские спецслужбы подготавливают планы отторжения от нее малороссийских губерний и создания под скипетром Габсбургов «Украинского королевства». С приходом к власти большевиков используемое столетиями историческое название «Малороссия» исчезает из официальных документов, заменяясь искусственно придуманным врагами русского народа понятием «Украина»¹, а малороссы начинают рассматриваться как особый народ — «украинцы».

Историческая трагедия западнорусских земель состояла в том, что в период польско-еврейской оккупации некоторая часть русского населения этих земель подверглась многовековому влиянию иудейского менталитета, ставшего элементом местной психологии, особенно интеллигенции на Галичине.

В XVIII—XIX вв. русскими людьми осваиваются территории, получившие впоследствии название Новороссия, включающие губернии Херсонскую, Екатеринославскую и Таврическую (кроме Крыма), прорезанную нижним течением Днепра, Днестра и Буга.

¹ Украина — древнерусское название окраинных, пограничных земель Русского государства между реками Южный Буг и Серет и в бассейне Западного Буга. Использовалось в значении «пограничная территория родной земли, Руси». После оккупации Малой Руси Польшей, а позднее и Австро-Венгрией название «Украина» распространяется на всю Малороссию и используется для вытеснения ее исторического названия в целях колонизации и онемечивания русских людей.

Особое значение для русских людей имело освоение Крымского полуострова, имевшего большое стратегическое значение для развития Русского государства. Крым омывается на севере и юге Черным, а на востоке — Азовским морями. На севере соединяется с Восточно-Европейской равниной Перекопским перешийком.

В I-м тысячелетии до н. э. в Крыму обитали племена киммерийцев, тавров и скифов (в неоднородный состав последних входили и восточнославянские племена). В III в. до н. э. в степной части Крыма возникло Скифское государство, значительная часть населения которого были славяне. В III—IV вв. на полуостров вторгаются полчища кочевых племен готов и гуннов, превративших цветущие скифские поселения в руины. Плодами жестоких кочевников воспользовалась Византия, захватившая эти земли. Восточная часть Крыма с X в. входила в состав русского Тмутараканского княжества. В XIII в. в Крым вторглись монголо-татары и после ужасающей резни образовали здесь Крымский улус Золотой Орды. После падения Золотой Орды в 1443 г. возникло Крымское ханство (с 1475 г. вассал Турции) — разбойничье государство, подавляющая часть населения которого занималась грабежом сопредельных стран, и прежде всего России. В течение нескольких столетий вооруженные отряды крымских татар проникали в глубь нашей страны, имея главной целью убийства, грабежи, насилие и захват пленников.

В борьбе с разбойниками участвовали русская армия, запорожское и донское казачество. Стремясь обеспечить безопасность южных областей и добиться выхода к Черному морю, русское государство с к. XVII в. начало борьбу за овладение Крымом. В ходе русско-турецкой войны 1768—1774 гг. русские войска овладели Крымом; по договору с ханом (1772 г.) и Кючук-Кайнарджийскому миру 1774 г. Крымское ханство было объявлено независимым от Турции и переходило под покровительство России. На юге был ликвидирован очаг агрессии против русского народа. В 1783 г. Крым присоединен к России, в 1784 г. стал частью Таврической области (с 1787 г. — губернии) с центром в Симферополе; в 1797—1802 гг. входил в Новороссийскую губернию, из которой вновь выделился (1802 г.) в Таврическую губернию.

Присоединение Крыма к России ускорило экономический рост Крыма, развивались овцеводство, зерновое хозяйство, садоводство, табаководство, виноградарство, ремесленные и кустарные промыслы (особенно соляной). Строились новые города. В 1783 г. был заложен

Севастополь, ставший с н. XIX в. главным военным портом Черноморского флота. Со 2-й половины XIX в. Южный берег Крыма использовался как курорт. Члены царской фамилии, а с 70–90-х годов представители знати и купечества строили там особняки и дворцы.

Во время Крымской войны 1853–1856 гг. Крым был главным театром военных действий. В ходе войны русские войска и жители Севастополя под руководством адмиралов В.А. Корнилова, П.С. Нахимова, В.И. Истомина в течение 11 месяцев героически обороняли город.

В 1921 г. декретом большевиков на полуострове была организована автономная республика Крымских татар (и это несмотря на то, что они составляли меньшинство населения). После оккупации Крыма Германией националистические организации крымских татар устроили этнические чистки, вырезав по благословению немцев до 120 тыс. русских людей, в большинстве своем женщин и детей¹. После освобождения полуострова от германских оккупантов И.В. Сталин приказывает выслать крымских татар в Среднюю Азию. В конце 1940-х годов на Крым претендуют еврейские националистические организации, вынашивающие замыслы устройства здесь Еврейской республики в составе СССР. Предложение это вызвало резко отрицательную реакцию И.В. Сталина, любившего этот край и часто проводившего там свой отпуск.

Через год после смерти И. Сталина Н.С. Хрущев совершает нелепый и незаконный политический акт: передает чисто великоросскую территорию Крыма в ведение малороссийских властей, по-видимому, имея целью вызвать рознь между двумя братскими ветвями русского народа.

Новороссия (Херсонская, Екатеринославская, Таврическая губернии) прорезана нижним течением Днепра, Днестра и Буга. Ровное степное пространство это незаметно сливается со степями восточной России, переходящими в азиатские степи, и потому издавна служило жилищем племен, передвигавшихся из Азии на Запад. На этом же побережье Черного моря в древности основан был ряд греческих колоний. Постоянная смена населения продолжалась до татарского нашествия. В XIII–XVI вв. здесь господствовали татары, сделавшие невозможной мирную колонизацию страны соседними народами, но в середине XVI в. началась колонизация военная. Ниже порогов на днепровском острове Хортице была основана казаками сечь. В середине XVIII в. появляются здесь

новые поселенцы — выходцы из славянских земель, болгары, сербы, волохи. Правительство, имея в виду создать военное пограничное население, давало им пособия и различные привилегии. В 1752 г. образованы два округа: Новой Сербии и Славяносербии. Вместе с тем создавались линии укреплений. После 1-й Турецкой войны укрепленные линии захватили новые пространства. Присоединение в 1783 г. Крыма, сделав Новороссию безопасной от татар, дало новый толчок колонизации края. 2-я Турецкая война отдала в руки России Очаковскую обл. (то есть западную часть ныне Херсонской губернии). С 1774 г. во главе управления Новороссийским краем был поставлен князь Г. А. Потемкин, остававшийся в этой должности до смерти (1791 г.). Он разделил страну на губернии: Азовскую к востоку от Днепра и Новороссийскую к западу. Заботой Потемкина было заселение и всестороннее развитие края. В видах колонизации давались льготы иностранцам — выходцам из славянских земель, грекам, немцам и раскольникам, розданы были огромные земельные владения сановникам и чиновникам с обязательством заселить их. Одновременно с правительственной колонизацией шла колонизация вольная из Великороссии и Малороссии. Русские колонисты не пользовались, как иноземцы, помощью со стороны казны, но не встречали и препятствий к поселению на новых местах, земли было много, и владельцы ее охотно разрешали селиться на ней. Снисходительно смотрели и на поселение в крае беглых крестьян, число которых с развитием крепостного права в конце XVIII и начале XIX вв. все возрастало. При Потемкине основан был в Новороссии и ряд городов — Екатеринослав, Херсон, Николаев и др. Позднее основана была Одесса. В административном отношении Новороссия несколько раз перекраивалась. В 1783 г. она была названа Екатеринославским наместничеством. В 1784 г. образована была Таврическая область, в 1795 г. — Вознесенская губерния. При Павле I часть Екатеринославского наместничества была отделена, а из остальной части образована Новороссийская губерния. При Александре I учреждены были здесь губернии Екатеринославская, Херсонская и Таврическая, которые, вместе с присоединенной от Турции Бессарабской областью, составили Новороссийское генерал-губернаторство. Административным центром Новороссии, так же как промышленным и культурным, в XIX в. сделалась Одесса.

Особая судьба в течение многих веков была у Закарпатской Руси, Буковины и Подолии,

¹ Foreign Affairs. 1993. Summer. P. 115.

впоследствии механически включенных в Малороссию.

Закарпатская Русь — историческое название одной из древнейших частей России, входившей в Малороссию. Население этой русской территории являлось частью восточнославянской этнической группы. В X—XI вв. входила в состав Киевской Руси. С XI в. оккупирована Венгрией, позже — Австрией и Австро-Венгрией, в 1919 г. — Чехословакией. Возвращена России в 1944 г. Центр Закарпатской Руси — город Ужгород.

Буковина — также историческая русская земля на юго-западе России. Свое название (впервые встречающееся в 1392 г.) получила от массивов буковых лесов. Коренное население — русские племена тиверцев и уличей. В X—XI вв. — в составе Руси. В XII—XIII вв. в составе Галицко-Волынского княжества. В XVI—XVIII вв. подпала под иго турок, а затем австрийских Габсбургов. В 1812 г. Хотинский уезд Буковины возвращен России. Остальная же часть (кроме области Сучава) была возвращена России в 1940 г.

Подолія — русская земля по течению Днестра и Южного Буга. До 944 г. летопись упоминает о живших здесь славянских племенах, уличах и тиверцах. В древнейшие времена землю эту греки называли «Великая Скуфь». Можно утверждать, что в начале известного нам исторического времени эти племена были многочисленные и сильные, заселяли западную полосу позднейшей Подолії, жили независимой жизнью и еще в конце XI в. обладали городскими центрами. До середины XII в. летопись совершенно умалчивает об этом крае. Связанное общей жизнью с Киевом, население Подолії постепенно было отрезано, благодаря натискам кочевников: в начале X в. — печенегов, в середине XI в. — половцев и др. С середины XII в. начинают встречаться более определенные сведения о Подольской земле. Под 1144 г. упоминаются города, несомненно принадлежавшие Поднестровскому Подолью — Ушица и Микулин, под 1146 г. — города в Побужье — Божеск, Межибожье и Хотельница, 1147 г. — Бужск (Белзский), Шумск, Тихомль, Выгошев, Гнойница в том же Побужье. Из Подолії делают попытки овладеть Галичем князь Иван Берладник и сын его Ростислав. Земля эта с 1226 г. встречается под названием Понизья. Во время Даниила Галицкого некоторое время здесь господствовали враждебные ему галицкие бояре. При нашествии татар они овладевают сперва небольшой частью Понизья, и то после обратного движения с запада на восток. Даниил старался укрепить там города и замки. Что же

касается Побужья, то в начале 2-й половины XIII в. почти весь бассейн Южного Буга был или непосредственно занят татарами, или признавал их господство и выплачивал им дань, порвавши всякие обязательные отношения к Даниилу.

С XIII в. Подолия находится под оккупацией сначала татар, затем Литвы, а с XVI в. Польши. Возвращена России только после раздела Польши в 1793 г.

Одним из исторических ареалов древнерусского государства на юго-западе его территории была Молдавия. В VI в. на этих землях на многие века осели славяне (тиверцы и уличи), оказавшие большое влияние на местное население. В X—XI вв. территория Молдавии почти целиком входила в состав Древнерусского государства. Вместе с русскими молдавские племена приняли Православие. В XII—XIII вв. Молдавия входит в состав русского Галицко-Волынского княжества. В Северной Молдавии, в Поднепровье культура населения носила древнерусский характер. С 1456 г. Молдавия становится данницей Османской империи. В XV—XVII вв. население Молдавии борется с турецким игом. В этой борьбе с ним всегда был русский народ. При помощи Москвы, Киева и Львова в Молдавии в 1641 г. была открыта первая молдавская типография. Киеву Молдавия обязана и открытием Греко-славяно-латинской академии в Яссах (1640 г.).

С середины 1650-х гг. молдаване неоднократно обращались в Москву с просьбой принять их в русское подданство. Усиление борьбы против турецких захватчиков связано с именем Петра I и молдавского князя Д. Кантемира. На пути к победе было немало поражений. Только в 1791 г. турки были изгнаны из Молдавии, а ее жители приняты в русское подданство.

Нелегка была судьба Бессарабии — территории у Черного моря между реками Днестр, Прут и низовьями Дуная. В X—XI вв. входила в состав Руси. В XII—XIII вв. — в состав Галицко-Волынского княжества. В XVI—XVIII вв. оккупирована Турцией. Возвращена России в 1818 г. Временно отторгнута от России в 1856 г. (возвращена в 1878 г.). Вновь отторгнута в 1918 г. (возвращена в 1940 г.).

После Великороссии и Малороссии самой значительной частью русской земли является Белоруссия, расположенная в бассейнах среднего течения Днепра и Западной Двины, верхнего течения Немана и Западного Буга. Территория Белоруссии составляет 0,21 млн км.

Белая Русь — название белорусских земель до XVIII в. Происхождение названия «Белая Русь» точно не выяснено. Возможно, оно обо-

значало западные земли Руси, не зависевшие в XIII–XIV вв. ни от татаро-монголов, ни от литовских оккупантов. Позже это название распространилось на все западные земли Руси.

Однако в те же XIII–XIV вв. часть нынешней территории Белоруссии именовалась Черной Русью. Это была область, лежавшая в бассейне верхнего течения Немана с городами Городно (Гродно), Новгородком, Слонимом, Волковскийском, Несвижем, Турийском (Турец), Здитовом. До XIII в. Черная Русь, возможно, входила в состав Полоцкого княжества. В 1240-х гг. Черную Русь захватил литовский князь Миндовг. В 1250-х годах она была возвращена Даниилу Галицкому, отдавшему Черную Русь своему сыну Роману Даниловичу, за которым она оставалась в течение нескольких лет. Затем Черную Русь вновь оккупировал Миндовг. После его смерти (в 1263 г.) временно находилась в составе Галицко-Волынского княжества. В XIV в. Черная Русь наряду с литовскими землями составляла основное ядро Великого княжества Литовского. Происхождение названия «Черная Русь» не выяснено.

На северо-западе болевой точкой России была Прибалтика, территория, примыкающая к Балтийскому морю, один из исторических ареалов Русского государства. В IX–XII вв. на территории Прибалтики осели русские, оказавшие большое влияние на населявшие ее языческие племена эстов, латгал, жемайтийцев, явтяггов и других, неся им духовное просвещение и культуру. В латгальские племена, например, Христианство пришло из Руси (почти все слова христианского культа заимствованы из русского языка), а административные округа у латгалов назывались по-русски — погостами. В X–XII вв. территории Прибалтики фактически входили в состав Русского государства. В 1030 г. Ярослав Мудрый основывает здесь город Юрьев, а земли, населенные племенем эстов, принадлежат Руси. Латгальские земли входят частично в Полоцкое княжество, а частично принадлежат Пскову. К Галицко-Волынскому княжеству относятся земли будущей Литвы.

Ослабление Русского государства в результате татаро-монгольского нашествия привело к тому, что многие прибалтийские территории оказались захваченными немецкими оккупантами, осуществлявшими геноцид местного населения. Одновременно в 1240 г. возникло Великое княжество Литовское, языческая знать которого по культуре и вере была ниже народа, управляемого ею. Это искусственное и нежизнеспособное государственное образование не имело даже собственного государственного языка и использовало русский язык.

Впоследствии оно было поглощено Польшей. На несколько веков Прибалтика оказалась под немецкой и польской оккупацией. В XVI в. Россия начинает борьбу за возвращение прибалтийских земель. В XVIII в. все они полностью вернулись в состав Русского государства, став одной из самых процветающих частей Российской Империи. Во время Первой мировой войны германский генштаб разработал план отторжения Прибалтики от России и присоединения ее к Германии. Промежуточным этапом стало создание на прибалтийских землях марионеточных республик (Эстонии, Латвии и Литвы), возглавляемых германскими агентами и политическими авантюристами.

Эти марионеточные прозападные режимы просуществовали два десятилетия и без особого труда пали в 1940 г. Прибалтика вернулась в состав России.

В течение пятидесяти лет в недрах западных спецслужб рассматриваются разнообразные проекты отторжения Прибалтики от России. Они были осуществлены в период распада СССР, в 1991 г. Как и после Первой мировой войны, в Прибалтике создаются марионеточные государства, возглавляемые кадровыми сотрудниками ЦРУ и других западных спецслужб. США и их западноевропейские сателлиты превратили Прибалтику в военно-стратегический центр противостояния России, перевалочный пункт ее экономического ограбления. Фактически Прибалтика стала колонией Запада, одним из главных международных центров организованной преступности по торговле оружием, наркотиками, распространению проституции и содомитства. Наличие такого опасного соседа представляет серьезную угрозу национальной безопасности России.

На юге России в течение двух последних веков одним из ареалов национальных интересов русского народа был Кавказ. Он считался отдельной частью Российской Империи, расположенной между Черным и Каспийским морями, граничащей на юге с Ираном и Турцией, на севере — с Астраханской губернией и Областью войска Донского. Разделялся на Северный Кавказ, заключавший в себе Ставропольскую губернию и области Кубанскую и Терскую, и Закавказье, обнимавшее Тифлискую, Бакинскую, Елисаветпольскую, Черноморскую, Кутаисскую, Эриванскую губернии и области Карскую и Дагестанскую; последняя располагалась по северную сторону Главного Кавказского хребта, между ним и хребтом Андийским. Кавказ имел особое от Российской Империи управление, во главе которого с 1882 г. стоял «главноначальствующий гражд-

данской частью на Кавказе»; в одном лице с ним соединялся командующий войсками Кавказского военного округа и войсковой наказной атаман всех кавказских казачьих войск. Во всех губерниях Кавказа были введены общие губернские учреждения, но казачье население этому гражданскому управлению не подчинялось, находясь всецело в ведении своего казачьего управления, в ведомстве военного министерства. В областях Дагестанской, Карской, в округах Закатальском (Тифлисская губерния), Сухумском, Батумском и Артвинском (Кутаисская губерния) еще в н. XX в. действовало временное, так называемое военно-народное, управление с местным народным судом.

Освоение Кавказа русским народом началось в XVI в., когда племена этой территории находились под игом турецких и персидских оккупантов. В 1564 г. кахетинский царь Леон обращался за помощью к России. Леон первым из грузинских царей был принят Иваном Грозным, обласкан им и взят «под царскую руку». В 1586 г. царь Федор подписал акт, установивший протекторат России над Грузией.

Смутное время в России приостановило процесс освоения Кавказа. Столетия, предшествующие возрождению Грузии под властью русских царей, представляли почти непрерывный ряд «войн, разорений, грабежей, убийств и измен». Чтобы спасти Грузию от окончательной гибели, грузинский царь Ираклий признает над собой верховную власть русского Императора. В 1783 г. был подписан Георгиевский договор. Другой грузинский царь Георгий в 1801 г. объявляет о присоединении к России и о принятии грузинами российского подданства.

Враги русского народа развязывают на Кавказе против России войну. Разбойничьи набеги диких кавказских племен на русскую армию и поселения организуют Турция и Персия, за спиной которых стояли западные страны, и прежде всего Англия, Франция и Германия.

Эту войну, названную кавказской, можно разделить на четыре периода: до А. П. Ермолова, во время А. Ермолова (1816–1826 гг.); от удаления А. Ермолова до князя А. И. Барятинского (1826–1856 гг.) и во время князя А. И. Барятинского. До назначения Ермолова война велась не систематически, и целью ее было оградить Грузию от набегов и охранять Военно-Грузинскую дорогу. Нежелание горцев допустить эту дорогу через их землю и их вековые счеты с христианами Закавказья делали задачу трудновыполнимой. А. П. Ермолов это вполне понял и поставил целью покорение Кавказа. Когда же ему удалось к этому склонить Александра I, он энергично взялся за дело: отказал-

ся от походов в горы с целью наказания горцев, а начал постепенно занимать линию за линией, строить укрепления, рубить просеки, прокладывать дороги. При А. П. Ермолове окончательно замиренны кабардинцы и разные мелкие племена по Тереку и на окраинах Дагестана. В 1826 г. деятельность Ермолова была прервана, а войны, персидская и турецкая, ободрили горцев и отвлекли русские силы. Тридцать лет затем опять вели войну по плану до Ермолова, то есть делали трудные и опустошительные походы в горы и возвращались, разорив более или менее значительное число аулов и получив изъявление покорности. Эта покорность была только наружная, и озлобленные разорением горцы мстили новыми нападениями. В это же время развился среди горцев мюридизм, объединивший шиитов и суннитов в борьбе за веру, а во главе движения стал имам Шамиль. Успехи Шамиля в эпоху Крымской войны и высадка Омара-паши в Абхазии и Мингрелии показали опасность неумиротворенного Кавказа. Новый наместник Кавказа, князь Барятинский, поставил задачу покорения Кавказа по плану Ермолова. В течение 1857–1859 гг. ему удалось покорить весь восточный Кавказ, взять в плен самого Шамиля и всех его сподвижников. В следующее пятилетие был покорен и западный Кавказ, а населявшим его черкесским племенам (абадзехи, шапсуги и убыхи) было предложено выселиться из гор в степь или переселиться в Турцию. Небольшая часть выселилась в степь; преобладающее большинство эмигрировало в Турцию.

Умиротворение Кавказа стало великим благом для населяющих его племен. В течение полувека они жили в мире и процветании. Революция 1917 г. расколола Кавказ, вернула его в XVIII в. Еврейские большевики, следуя принципу «разделяй и властвуй», раскроили Кавказ на целый ряд псевдосамостоятельных республик и областей, стимулируя тем самым национальное противостояние отдельных народов.

Национальные границы, созданные на Кавказе большевиками, дали о себе знать сразу же после распада СССР. Большая часть Кавказа оказалась в состоянии войны всех против всех, и в первую очередь против России. Две главные кавказские «республики» — Грузию и Азербайджан возглавили агенты влияния США, много лет сотрудничавшие с западными спецслужбами, бывшие члены Политбюро ЦК КПСС, Шеварднадзе и Алиев. Грузия и Азербайджан стали своего рода военной базой НАТО, одним из военно-политических центров противостояния России в этом регионе.

Говоря о русских землях, нельзя не упомянуть и те из них, которые в свое время были открыты и частично освоены русскими людьми, а затем перешли под юрисдикцию других государств. Речь прежде всего идет об Аляске и части Северной Калифорнии. Аляска — территория на крайнем северо-западе Северной Америки, до 1867 г. принадлежала России. Первые отдельные сведения об Аляске русские землепроходцы получили в к. XVII в. На карте С. У. Ремезова (1701 г.) на основе данных В. В. Атласова и др. Аляска изображена в виде острова. Практические результаты по обследованию Аляски были достигнуты в 1732 г. (И. Федоров и М. Гвоздев). В итоге экспедиций В. И. Беринга и А. И. Чирикова (1728, 1729, 1741 гг.) были получены важнейшие данные о природе и населении части побережья Аляски. С экспедицией 1741 г. принято связывать открытие Аляски. С середины 40-х гг. до к. XVIII в. к берегам Америки было совершенно более 80 исследовательских и торгово-промысловых экспедиций. Активное участие в них с 1770-х гг. принимал купец-предприниматель Г.И. Шелихов, основавший в 1784 г. первое русское поселение на о. Кадьяк.

В марте 1867 г. император Александр II, грубо поправ законы Российской империи, установленные еще Петром I, продал Аляску США за 7,2 млн долларов. В результате этого незаконного акта от России была отторгнута территория площадью 1519 тыс. кв. км.

Побережье России омывают окраинные моря Северного Ледовитого океана: Баренцево, Белое, Карское, Лаптевых, Восточно-Сибирское и Чукотское.

Русские поморы в XV и XVI вв. плавали по Белому и Баренцеву морям до Шпицбергена и на Новую Землю. Наиболее важные открытия связаны с поисками новых путей из Европы в страны Дальнего Востока. В поисках северо-восточного и северо-западного проходов, существование которых в 1525 г. предсказал Дмитрий Лаптев, был проведен ряд экспедиций XVI—XVII вв., которые закончились неудачно, однако имели большое значение с точки зрения географических открытий и изучения природы. К середине XVII в. российские землепроходцы практически нашли морской путь из Северного Ледовитого океана, который участниками Великой Северной экспедиции 1733—1743 гг. был нанесен на карту. В 1765—1766 гг. по инициативе М.В. Ломоносова была предпринята полярная экспедиция в глубь Северного Ледовитого океана под началом В.Я. Чичагова.

В 1-й половине XX в. (до 1939 г.) доля русских среди других народов России увеличилась

до 87%. Рост этот прежде всего объяснялся возвращением западнорусских земель и выходом из ее состава территорий Польши и Финляндии. Однако с начала Великой Отечественной войны доля русских среди других народов России стала снижаться.

Разрушение Российского государства в 1991 г. расчленило единый организм русского народа, для которого вся Россия — Российская Империя — СССР была исторической Родиной. В одночасье десятки миллионов великорусов, малороссов, белорусов стали иностранцами в своей стране. В частности, из 146 млн великорусов такой статус получили почти 27 млн чел., из них 6230 тыс. чел. живут в Казахстане, 1650 тыс. — в Узбекистане, 917 тыс. — в Киргизии, 905 тыс. в Латвии, 562 тыс. — в Молдавии, 475 тыс. — в Эстонии, 392 тыс. — в Азербайджане, 388 тыс. — в Таджикистане, 345 тыс. — в Литве, 341 тыс. — в Грузии, 334 тыс. — в Туркмении, 51 тыс. — в Армении. Около 2 млн великорусов живут в Северной и Южной Америке и Европе.

В общей численности населения великорусских территорий так называемой Российской Федерации доля великороссов составляет 85%. Доля русских (без малороссов и белорусов) в среднем преобладает и среди населения национальных автономий (46%), тогда как доля титульных наций (то есть тех народов, которые дали название автономиям) составляет 38%.

В 18 из 31 национальных территорий русские (без малороссов и белорусов) составляют более 50%.

За более чем тысячелетнюю историю России в ее состав вошли свыше 100 больших и малых народов, различных по языку, культуре, особенностям быта. Такого интенсивного национального строительства не знала ни одна другая страна в мире.

Чтобы понять главный принцип национального строительства России, осознать, почему она выросла в великую державу, сумела объединить и сплотить вокруг себя множество народов и племен, следует прежде всего обратиться к словам святого благоверного князя Александра Невского: «Не в силе Бог, а в правде». Эти слова, ставшие народной пословицей, духовно пронизывают всю русскую историю, придавая положительный тонус национальному и государственному строительству.

«Россия, — писал великий русский мыслитель И.А. Ильин, — есть не случайное нагромождение территорий и племен и не искусственный сложенный “механизм” “областей”, но живой, исторически выросший и культурно оправдавшийся организм, не подлежащий

произвольному расчленению. Этот организм есть географическое единство, части которого связаны хозяйственным взаимопониманием; этот организм есть духовное, языковое и культурное единство, исторически связавшее русский народ с его национальными младшими братьями духовным взаимопитанием; он есть государственное и стратегическое единство, показавшее миру свою волю и свою способность к самообороне; он есть сущий оплот европейско-азиатского, а потому и вселенского мира и равновесия».

Величие России заключалось в том, что она никогда не полагалась на насилие (это, конечно, не означало полный отказ от его использования). Всем народам, входившим в Российское государство, давались права, равные с русским народом, и вместе с тем сохранялись их многие древние права. Русское государство не уничтожало правящей иерархии малых народов, а, как правило, включало ее в состав своего правящего класса. Более того, Русское государство освобождало представителей некоторых народов от обязанностей уплаты налогов и рекрутской повинности.

Российское государство строилось не на насилии, а на духовных началах русского народа, величие которых сознательно и бессознательно понималось многими малыми народами. Великая русская культура духовно подчиняла себе, заставляя служить не за страх, а за совесть.

«Русский человек всегда наслаждался естественной свободой своего пространства, вольностью безгосударственного быта и расселения и нестепенностью своей внутренней индивидуализации; он всегда «удивлялся» другим народам, добродушно с ними уживался и ненавидел только вторгающихся поработителей; он ценил свободу духа выше формальной правовой свободы — и если бы другие народы и инородцы его не тревожили, не мешали ему жить, то он не брался бы за оружие и не добивался бы власти над ними» (И.А. Ильин).

Коренное отличие Российского государства от всех существовавших ранее империй: Римской, Византийской, Британской, Германской — состояло в том, что оно не эксплуатировало нерусские народы, входившие в его состав, а, более того, предоставляло им значительную помощь и поддержку, создавая равные для всех экономические условия существования. Если в отношении всех перечисленных выше империй можно сказать, что в них центр и имперский народ жил за счет грабежа и эксплуатации окраин и колоний, постоянно богатея за их счет, то в России многие окраины жили за счет центра и щедрости русского народа, имея

равный доступ ко всем богатствам Российского государства и практически бесплатно получая военную защиту от внешнего врага.

Маловероятно, что на географической карте существовали бы сегодня такие государства, как Грузия, Армения, Азербайджан, Молдавия, если бы Россия в свое время не спасла их от разгрома Османской империей, или такие географические территории, выступающие сегодня в роли государств, как Эстония и Латвия, если бы русская нация не остановила немецкое движение, подчинившее себе все и физически уничтожившее коренные народы, как это было сделано с жителями той же Прибалтики — пруссами.

Обладея высоким чувством национального достоинства, русские никогда не считали себя выше других народов, терпимо и с пониманием относились к проявлению национальных чувств других народов.

«Православная терпимость — как и русская терпимость, происходит, может быть, просто-напросто вследствие великого оптимизма: правда все равно свое возьмет — и зачем торопить ее неправдою? Будущее все равно принадлежит дружбе и любви — зачем торопить их злобой и ненавистью? Мы все равно сильнее других — зачем культивировать чувство зависти? Ведь наша сила — это сила отца, творящая и хранящая, а не сила разбойника, грабящего и насилующего. Весь смысл бытия русского народа, весь “Свете Тихий” православия погибли бы, если бы мы хотя бы один раз, единственный раз в нашей истории, стали бы на путь Германии и сказали бы себе и миру: мы есть высшая раса...” Совсем иначе к другим народам относятся представители западной цивилизации. «Европеец, воспитанный Римом, презирает про себя другие народы и желает властвовать над ними» (И.А. Ильин).

Русское государство спасло многие народы от уничтожения, предоставив им равные с русскими людьми права и возможности развития, которые вплоть до 1917 г. реализовывались без всяких существенных ограничений. Русский центр проводил политику гармонизации отношений между отдельными народами, начисто отрицая типично имперскую политику «разделяй и властвуй», которая была бессмысленна в отношении с народами, имевшими права, равные с русскими.

В силу всего сказанного к Российскому государству неприменимо название «империя». Тот, кто использует его, видит только некоторые формальные признаки (объединение народов при одном центре), но не понимает существа дела (отсутствие эксплуатации центром

народов периферии). Вся катастрофичность существования вне Российского государства отпавшим от нее народам предстоит еще испытать, чему пример — сегодняшние события в Закавказье и Средней Азии.

Разница в подходе к государственному строительству Руси и государств будущей западной цивилизации (находившейся тогда в эмбриональном состоянии) видна на примере отношений славян и германцев.

В XI в. славяне жили в самом центре Европы: от Киля до Магдебурга и Галле, за Эльбой, в «Богемском лесу», в Каринтии, Кроации и на Балканах. Как отмечает И.А. Ильин, «германцы систематически завоевывали их, вырезали их верхние сословия и, “обезглавив” их таким образом, подвергали денационализации». Такое решение национального вопроса через денационализацию и истребление германцы применяли и к другим народам.

Присоединение к Руси новых земель происходило, как правило, мирно и бескровно. Главным аргументом здесь было не оружие и террор, а осознание народами новых земель преимуществ существования в составе Руси как мощного фактора государственного порядка, помощи и защиты от внешних посягательств. Карелия и часть Прибалтики стали частью Русской земли еще в IX–X вв., а с XV в. идет массовое заселение этих земель русскими крестьянами. Земли Коми вошли в Русское государство в XI–XV вв.

Гибель разбойничьего государства Казанского ханства предопределило переход под руку России земель башкир, марийцев, татар, удмуртов, чувашей.

Присоединение Сибири началось после победных походов Ермака и завершилось к концу XVII в. «Россия, — писал лорд Дж. Керзон, — бесспорно обладает замечательным даром добиваться верности и даже дружбы тех, кого она подчинила. Русский братается в полном смысле слова. Он совершенно свободен от того преднамеренного вида превосходства и мрачного высокомерия, который в большей степени воспламеняет злобу, чем сама жестокость».

В имперском своем могуществе Россия объединяла — в прошлом. Должна быть терпима и не исключительна в будущем — исходя именно из всего своего духовного прошлого. Истинная Россия есть страна милости, а не ненависти (Б. К. Зайцев).

* * *

И единство русского народа, и расчленение его в позднейшее время выражалось в развитии

русского языка, служившего связующим элементом всех ветвей и частей русского народа.

Русский язык принадлежит к группе индоевропейских языков, сложившихся, по мнению большинства исследователей, в III–II тысячелетиях до н. э. Академик Ф.П. Филин считает, что примерно во II–I тыс. до н.э. из группы родственных диалектов индоевропейской семьи языков выделяется протославянский язык (на поздней стадии — примерно в I–VII вв. — называемый праславянским). Вероятно, праславянские племена во 2-й половине I в. до н.э. и в начале н.э. занимали земли от среднего течения Днепра на востоке до верховьев Вислы на западе, к югу от Припяти на севере и лесостепные районы на юге. В 1-й половине I в. праславянская территория резко расширилась. В VI–VII вв. славяне занимали земли от Адриатики на юго-западе до верховьев Днепра и озера Ильмень на северо-востоке. Праславянское этноязыковое единство распалось. Образовались три близкородственные группы: восточная (древнерусская народность), западная (на базе которой сложились поляки, чехи, словаки, лужичане, поморские славяне) и южная (ее представители — болгары, сербохорваты, словенцы, македонцы)¹.

Восточнославянский (древнерусский) язык просуществовал с VII по XIV вв. Его характерные особенности: полногласие («ворона», «солод», «береза», «железо»); произношение «ж», «ч» на месте праслав. dj, tj, kt («хожу», «свеча», «ночь»); изменение носовых гласных о, е в «у», «я»; окончание «-ть» в глаголах 3-го лица множественного числа настоящего и будущего времени; окончание «-е» в именах с мягкой основой на «-а» в родительном падеже единственного числа («земле»); многие слова, не засвидетельствованные в древних славянских языках («куст», «радуга», «груздь», «кошья», «дешевый», «сапог» и др.), и ряд других русских черт. В X в. на его основе возникает письменность (кирилловский алфавит, кириллица). Уже в Киевской Руси (IX — начало XII вв.) древнерусский язык стал средством общения некоторых балтийских, финно-угорских, тюркских, отчасти иранских племен и народностей. В XIV–XVI вв. юго-западная разновидность литературного языка восточных славян была языком государственности и православной церкви в Великом княжестве Литовском и в Молдавском княжестве.

¹ Здесь и далее в этой части статьи использованы материалы исследования академика Ф. П. Филина (1908–1982 гг.) «Происхождение русского, украинского и белорусского языков (Л., 1972), а также книга академика В. В. Виноградова (1894–1969 гг.) «Очерки по истории русского литературного языка» (М., 1938).

В XIII–XIV вв. часть русского народа подпала под оккупацию татаро-монгольских и польско-литовских завоевателей. В результате разрушается единство древнерусского языка. Возникают новые этноязыковые центры. Особенность существования некоторых частей русского народа приводит к возникновению трех главных наречий русского языка, имевших каждое свою особую историю: северное (северновеликорусское), среднее (позже — белорусское и южновеликорусское) и южное (малорусское).

В эпоху Московской Руси (XIV–XVII вв.) продолжали развиваться диалектные особенности. Оформились две основные диалектные зоны — северновеликорусское (примерно на севере от линии Псков — Тверь — Москва, южнее Нижнего Новгорода) и южновеликорусское (на юге от указанной линии до белорусских и украинских областей) наречия, перекрывавшиеся другими диалектными делениями. Возникли промежуточные средневеликорусские говоры, среди которых ведущую роль стал играть говор Москвы. Первоначально он был смешанным, затем сложился в стройную систему. Для него стали характерны аканье; ярко выраженная редукция гласных неударяемых слогов; взрывной согласный «г»; окончание «-ово», «-ево» в родительном падеже единственного числа мужского и среднего рода в местоимённом склонении; твердое окончание «-т» в глаголах 3-го лица настоящего и будущего времени; формы местоимений «меня», «тебя», «себя» и ряд других явлений. Московский говор постепенно становится образцовым и ложится в основу русского национального литературного языка. В это время в живой речи происходит окончательная перестройка категорий времени (древние прошедшие времена — аорист, имперфект, перфект и плюсквамперфект полностью заменяются унифицированной формой на «-л»), утрата двойственного числа, прежние склонения имен существительных по шести основам заменяются современными типами склонений.

В XVIII — 1-й половине XIX в. происходит создание общероссийского литературного языка. Большую роль здесь сыграла языковая теория и практика *М.В. Ломоносова*, автора первой обстоятельной грамматики русского языка, предложившего распределить различные речевые средства в зависимости от назначения литературных произведений на высокие, средние и низкие стили.

М.В. Ломоносов, *В.К. Тредиаковский*, *Д.И. Фонвизин*, *Г.Р. Державин*, *Н.М. Карамзин* и другие русские писатели подготовили почву для великой реформы *А.С. Пушкина*. Творческий гений Пушкина синтезировал в

единую систему разнообразные речевые стили: русскую народную, церковно-славянскую и западноевропейскую, причем цементирующей основой стал русский народный язык, особенно его московская разновидность. С Пушкина начинается современный русский литературный язык, складываются богатые и разнообразные языковые стили (художественный публицистичный, научный и др.), тесно связанные между собой, определяются общерусские, обязательные для всех владеющих литературным языком фонетические, грамматические и лексические нормы, развивается и обобщается лексическая система. В развитии и формировании русского литературного языка большую роль играли русские писатели XIX–XX вв. (*А.С. Грибоедов*, *В.А. Жуковский*, *И.А. Крылов*, *М.Ю. Лермонтов*, *Н.В. Гоголь*, *И.С. Тургенев*, *Ф.М. Достоевский*, *А.П. Чехов* и др.).

К началу XX в. по словарному запасу, многообразию значений и возможностей передачи самых тонких оттенков человеческих переживаний, описаний природы и общественных отношений русский язык принадлежал к числу богатейших литературных языков, что, естественно, вело к полному вытеснению из культурной сферы устаревших наречий и диалектов. Все культурные люди России, где бы они ни жили — в Сибири или в Белоруссии, на Урале или в Малороссии — использовали русский литературный язык.

Как в VII–XIV вв. древнерусский язык был одним из важнейших факторов национального единства, так в XIX — начале XX вв. этим фактором стал общерусский литературный язык Пушкина, Гоголя, Достоевского и Тургенева. Объединял все ветви и части русского народа русский литературный язык, создавая благоприятные условия для развития общероссийской культуры и взаимопонимания между русскими и другими народами России. Разрушение Российской империи, разделение русского народа приводит к насильственному вытеснению общероссийского языка с территории Малороссии и Белоруссии и ряда национальных районов. Производится эксгумация давно устаревших, архаичных наречий, насаждаются искусственные языки.

* * *

Русские показали миру, что отношения между народами должны строиться не на насилии, а на духовных началах Православия, в общественной жизни выражающихся в понятиях добротолубия, правды и справедливости. В от-

ношениях с другими народами русские имеют особую миссию. В жертвенной борьбе за правду, добро и справедливость русские стали особым, избранным народом. Избранным не для подавления и господства над другими народами, а для первенства в борьбе с мировым злом. В «Слове о Законе и Благодати» (XI в.) первый русский митрополит Иларион говорит о месте русского народа в исполнении главных христианских задач. Он противопоставляет иудейский Закон, пекущийся только о материальных благах иудеев, и христианскую Благодать, которая принадлежит всем людям. Русские должны быть готовы положить свою жизнь за духовные ценности христианства. Эта же мысль находит продолжение в трудах и поучениях великих русских святых — Сергия Радонежского, Нила Сорского, Иосифа Волоцкого.

Псковский старец Филофей в посланиях великому князю Василию Третьему, царю Ивану Грозному развивает эти понятия в теорию Москва — Третий Рим. Русская Церковь и русский народ призваны принять на себя миссию защитников христианских ценностей во всем мире. «Первый Рим, — писал Филофей, — нам от нечестия, второй (Константинополь) — от засилия агарянского, третьим Римом стала Москва, а четвертому не бывать». Русский народ принял миссию Третьего Рима не по принципу национализма, а по вере в Православие и Святую Русь. Царство русского народа — последнее мировое царство, основанное на идеалах христианства, идеалах, которые каждый русский обязан защищать не за страх, а за совесть.

Эта же идеология русского народа прослеживается в деяниях Петра I, Екатерины II. Как писал выдающийся русский ученый В. И. Ламанский, «идея о Москве как о третьем Риме отнюдь не была пустым горделивым вымыслом так называемой у нас московской кичливости и исключительности. Это была гигантская культурная и политическая задача, всемирно-исторический подвиг, мысленно возложенный миллионами единоверцев и современников на великий русский народ и его державных вождей. То, что Москва умела понять величие этой идеи, всего лучше говорит против ее косности и национальной исключительности. Только великие, всемирно-исторические народы способны откликаться на мировые задачи, воспринимать вселенские идеи и отдаваться их осуществлению. Эта великая идея завещана была Москвой и новому периоду русской истории. Она всецело была принята Петром Великим. И в начале, и в середине, и в конце царствования Петр энергически поддерживал и распространял связи России как со всеми единоверными

ми, так и западнославянскими народностями и землями. Со времени императора Мануила Комнина не было на востоке царя более энергического и смелого в этом отношении, как и в национальных движениях славянства после гуситов никто еще, кроме Петра, не выступал так открыто в смысле самого решительного панславизма. К мысли о Царьграде в русских руках часто обращался деятельный ум Петра. С этой мыслью были связаны его общие преобразовательные планы».

Впоследствии эти идеи были продолжены в Константиновском проекте Екатерины II и так или иначе подразумевались в русско-турецких войнах XIX века.

В XIX в. те же самые идеи особой миссии русского народа, хотя и иным языком, были высказаны славянофилами. Один из основоположников славянофильства Хомяков говорит о коренном различии путей России и Запада, раскрывает самобытные начала русского народа. Хомяков доказывает, что Православие через Россию может привести к перестройке всей системы мировой культуры и хозяйства. История призывает Россию встать впереди всемирного просвещения, — история дает ей право на это за всесторонность и полноту русских начал. У Хомякова было очень глубокое сознание не только особого пути России, но и всемирной задачи России. Эта всемирная задача состоит в том, чтобы освободить человечество от того одностороннего и ложного развития, которое получила история под влиянием Запада.

Накопление этнографических знаний о русском народе начинается с древнейших времен. В «Повести временных лет» (XII в.) содержится обзор племен, населявших русскую равнину, указаны их расселение, языковая принадлежность (славянские и неславянские языки), особенности обычаев. В местных более поздних летописях тоже немало разрозненных этнографических сведений.

Большое количество сведений о русском народе содержится в памятниках литературы Древней Руси с XI по XII в. Систематизация их позволяет нарисовать картину жизни русского народа в его обычаях, традициях, труде, отдыхе и праздниках. Важным толчком к развитию русской этнографии как науке стали труды великого русского ученого М. В. Ломоносова. В трактате «О сохранении и размножении российского народа» и многих других трудах Ломоносов предлагал пути усиления могущества России за счет усиления духовного потенциала русского народа, повышения его рождаемости и сохранения родившихся. Он подчеркивал важность для будущего нашей страны освоения

восточных территорий, заявляя, что «России могущество будет произрастать Сибирью».

Исторические взгляды Ломоносова формировались в острой борьбе против норманнской теории, отрицавшей самостоятельность развития русского народа. Ломоносов разработал идеологическую концепцию, в которой подчеркивал решающую роль Православия, самодержавия и духовно-нравственных ценностей русского народа в формировании российского государства. Он выделял в истории русского народа периоды становления, роста, упадка и нового, более высокого подъема и делил в связи с этим историю России на шесть периодов. Шестой период, по Ломоносову, начавшийся с Петра I, означал превращение России в могучую мировую державу, а русский народ в одну из главных сил мирового развития.

В 1776–1780 гг. Российская Академия наук создает сводный труд по этнографии народов России. «Описание всех в Российском государстве обитающих народов...». Автор этого труда И. И. Георги собрал в 4 томах очерки о всех народах России (одни краткие, другие более подробные), расположив эти народы в порядке языковой классификации. Книга вышла на немецком, французском и русском языках; на русском, однако, появилось только 3 тома: 4-й том, посвященный собственно русскому народу, на русском языке вышел только во 2-м издании книги (1799 г.) и был целиком написан русским автором М. И. Антоновским.

В это же время появляются первые публикации русских народных песен, сказок, пословиц, поговорок. М. Д. Чулков выпускает в свет собрание самых распространенных русских песен. Он же проводит исследования в области русских поверий и создает словарь «Абевега русских суеверий, идолопоклонничеств, жертвоприношений, свадебных простонародных обрядов, колдовства, шаманства и проч.» (1786 г.). М. И. Попов в книге «Описание древнеславянского языческого баснословия» (1768 г.) делает попытку систематизировать древние языческие верования. В 1805 г. А. С. Кайсаров издает книгу «Славянская и российская мифология».

В 1-й половине XIX в. появляется целая плеяда русских этнографов — подвижников, посвятивших изучению русского народа всю свою жизнь.

В 1831–1834 гг. И. М. Снегирев подготавливает свод русских пословиц и поговорок «Русские в своих пословицах», а в 1848 г. издает книгу «Русские народные пословицы и притчи». Он же издает «Лубочные картины русского народа в московском мире».

Пословицы, поговорки, народные картинки Снегирев считал отражением народного быта и народного мировоззрения. «Когда народ начинает наблюдать и размышлять, — писал Снегирев, — тогда у него появляются плоды его наблюдений и размышлений в кратких, резких и замысловатых изречениях, кои обращаются в пословицы». Эти пословицы «составляют мирской приговор, общее мнение, одно из тайных, но сильных, искони сродных человечеству средств к образованию и соединению умов и сердец». В пословицах, полагал Снегирев, выражаются моральные понятия народа, «правила нравственности и благоразумия». Пословицы важны «для истории ума человеческого, ибо в них высвечивается внутренняя жизнь народа, отличительные его свойства и господствующие в нем мнения, тесно соединяется настоящее с прошедшим и будущим, семейный его быт с народностью, а народность с человечеством».

В 1836 г. И. П. Сахаров начал издание многотомного исследования «Сказания русского народа о семейной жизни своих предков». Как и у Снегирева, научная деятельность Сахарова была пронизана одним цельным, православно-монархическим мировоззрением и недоверием ко всему вземному, западноевропейскому. «Благодарю Господа, что над моею головою не работала ни одна французская тварь. Горжусь, что вокруг меня не было ни одного немецкого бродяги». Он был убежден и в числе первых стал утверждать, что со времен Петра I вся Европа объединилась в общем стремлении разрушить Русское государство и уничтожить русский народ. Все влияния на русскую культуру, которые шли с Запада, Сахаров расценивал с этой точки зрения. Охранителем русского народного начала от гнилых и тлетворных влияний Запада Сахаров считал царя и правительство.

В том же направлении, как Снегирев и Сахаров, работал русский этнограф В. В. Пассек. Изданные Пассеком «Очерки России» (кн. 1, СПб., 1838, кн. 2–4. М., 1840; кн. 5. М., 1842) положили начало распространенному изучению народного быта, исторических памятников, фольклора, этнографии, экономики и природы России, всех ее народностей. Среди ее авторов — Вельтман, Т. Пассек, Срезневский, этнограф и поэт А. П. Метлинский. Согласно собственному предисловию, издатель преследовал и научные, и просветительские, и воспитательные цели: сосредоточить «знания, приобретенные более опытом... нежели выведенные из умозрения», «завлечь» к наблюдению всего отечественного и «развить... верным знанием горячее чувство любви к отечеству и благоговение к его великой судьбе. ...благодарение

Богу, что жизнь России так глубока и необъятна в прошедшем и настоящем. Нам предстоит узнавать ее из быта и обычаев и замечать быт и обычаи на месте, в живой картине, в рассказах и в песнях из уст народа».

В середине XIX в. накопленные этнографические сведения о жизни русского народа позволили выдающемуся русскому этнографу А. В. Терещенко создать настоящую энциклопедию русской жизни, семитомное исследование «Быт русского народа» (1847–1848).

Терещенко воодушевляла любовь к Отечеству и русской старине. «Мы обязаны, — считал он, — смотреть на наши нравы и образ жизни, и почерпать из них трогательные образцы добродушия, гостеприимства, благоговейной преданности своей Родине, Отечеству, православию и самодержавию». Терещенко систематизировал материал о многих сторонах русской жизни.

Снегирев, Сахаров, Пассек и Терещенко создали основу, на которой в дальнейшем развивалась русская этнография. В 1845 г. при Русском географическом обществе было создано Отделение этнографии, сделавшее большой вклад в развитие знаний о русском народе. В 1846 г. один из руководителей этого Отделения Н. И. Надеждин в докладе «Об этнографическом изучении народностей русских» определил главные направления в исследовании русского народа.

Отделение этнографии в первые годы деятельности составило и разослало по всем губерниям «циркуляры» — этнографические анкеты или программы (1847, 1848) с призывом ко всем образованным людям составлять и присылать Обществу этнографические описания местностей, деревень, уездов. В начале 1850-х гг. Общество получило из разных мест до 2 тыс. рукописей этнографического содержания. Активные члены общества (Н. И. Надеждин, К. Д. Кавелин) сразу начали публиковать наиболее ценные рукописи («Этнографические сборники», 6 выпусков, 1853–64, позже «Записки Русского географического общества по отделению этнографии»). Значит, часть полученных тогда материалов осталась неопубликованной.

В 1840–60-х гг. был организован ряд научных экспедиций и отдельных поездок ученых по разным областям страны, одни поездки устраивало Русское географическое общество, другие — Академия наук или иные ведомства. «Литературная экспедиция» 1856 г., участники которой писатели и этнографы А. Ф. Писемский, А. Н. Островский, С. В. Максимов и др. — объехали значительное число мест Европей-

ской России и опубликовали свои материалы и наблюдения.

В конце 1840-х — 1870-е гг. большой вклад в изучение русского народа внесли славянофилы и близкие к ним писатели, ученые и общественные деятели. Результатом многолетней собирательской деятельности В. И. Даля были сборник «Пословицы русского народа» (1862, до 30 тыс. пословиц), фундаментальный «Толковый словарь живого великорусского языка» (т. 1–4, 1863–66) и др. Самая крупная публикация русских сказок выполнена по записям, хранящимся в архиве Русского географического общества, А. Н. Афанасьевым («Народные русские сказки», в. 1–8, 1855–63). П. В. Киреевский известен как один из первых издателей русских былин и исторических песен («Песни, собранные П. В. Киреевским», 10 вып., 1860–74). П. Н. Рыбников в Олонецкой губернии записал и опубликовал около 300 былин («Песни, собранные Рыбниковым», т. 1–4, 1861–67). Еще больше былинных текстов записал там же А. Ф. Гильфердинг («Онежские былины», 1873).

П. А. Безсонов значительную часть своей жизни посвятил изучению русской народной поэзии, подготовив сборники «Калики переходные» (вып. 1–6, 1861–64), «Белорусские песни» (1871). В 1877 г. И. П. Калинин выпустил «Церковно-народный месяцеслов».

Большой вклад в изучение русских народных поверий, обычаев и обрядов внесли такие русские ученые как Ф. И. Буслаев, О. Ф. и В. Ф. Миллеры, В. Веселовский, А. А. Потебня. Фундаментальный труд Буслаева «Исторические очерки русской народной словесности и искусства» (т. 1–2, 1861) связал воедино русский язык, народную поэзию и древнюю мифологию. Близкий славянофилам О. Ф. Миллер с начала 1860-х гг. занимался изучением русского фольклора. В своей работе «Опыт исторического обозрения русской словесности» (1863) он впервые вводит в курс литературы систематическое изучение русского народного творчества. С 1880-х гг. главным предметом исследований В. Ф. Миллера становятся русские былины. Им были изучены почти все сюжеты русского эпоса и предпринята попытка обобщенного изложения эпической истории русского народа «Очерки русской народной словесности».

Выдающийся русский историк И. Е. Забелин главное внимание в своих трудах уделял изучению домашнего быта русского народа. Только через него, по мнению Забелина, можно понять «истоки национального своеобразия русской культуры, национального характера,

национального самосознания». В этом направлении Забелин подготовил исследование «Домашний быт русского народа», т. 1 — «Домашний быт русских царей...», т. 2 — «Домашний быт русских цариц...», «Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве» (1871). Продолжением этих трудов стала «История русской жизни с древнейших времен» (т. 1–2, 1876–79).

Исторический период этнографии русского народа в начале XX века завершают имена крупнейших этнографов, знатоков русского быта А. А. Коринфского и Д. К. Зеленина.

Коринфский много лет собирал духовные стихи, народные песни, притчи, бывальщины, поговорки в Смоленской, Симбирской, Олонецкой, Нижегородской, Казанской и др. губерниях. Систематизируя их, он выпустил ряд книг: «Народная Русь...», «Трудовой год русского крестьянина» (вып. 1–10, 1904), «В мире сказаний. Очерки народных взглядов и поверий», «В тысячелетней борьбе за Родину. Бывальщины X–XX вв.» (1917).

Д. К. Зеленин в 1927 г. в Берлине выпустил обобщающий труд «Russische (Ostslavishe) Volkskunde», т. е. в точном переводе «Русская (восточнославянская) этнография», в которой этнография русского народа рассматривалась в единстве даже не трех — великороссы, белорусы, малороссы, а, по мнению автора, четырех ветвей — севернорусской, южнорусской, малороссийской и белорусской. Книга Зеленина в большей мере заключала, завершала и подытоживала длительный и плодотворный период истории русской этнографии, протянувшейся с 30–40-х гг. XIX в. до 1917 г.

Подытоживающий характер также носили вышедшие в к. XIX — н. XX в. издания, содержащие значительные сведения по русской этнографии: «Русские народы. Наброски пером и карандашом» (1894), «Народы земли» (т. 1–4, 1903–11), многотомное географическое издание под ред. Н. П. Семенова-Тян-Шанского «Россия» (1899–1914) (не закончено).

Русская этнография и фольклористика от Сахарова и Терещенко до Коринфского и Зеленина исследовала главное в русской жизни — православную веру, духовные традиции и обычаи. Они показали, что только благодаря им русские существуют как самобытная общность, способная решать огромные задачи и сознательно противостоять миру зла, насилия, стяжательства и индивидуализма.

Они показали, что изучение русской жизни невозможно без понимания в ней почитания икон, святых, монастырей и храмов. С древнейших времен в России знали иконы и имена святых, как слова молитвы. Как отмечают ис-

следователи, знание и понимание икон объясняется воспитанием и народным бытом. Иконы находились в каждом доме, будь то боярские хоромы или крестьянская изба. Иконы были связаны с важнейшими семейными событиями и умножались из поколения в поколение. При рождении ребенка заказывалась именная икона ангела с изображением святого покровителя, имя которого дано новорожденному при крещении. В старину эта икона делалась по мерке ребенка и потому называлась «мерная». При смерти «мерная» икона клалась на крышку гроба. Жениха и невесту благословляли иконами Божией Матери и Спасителя, сына, призванного на войну, — иконой святого воина (св. Георгия Победоносца, Димитрия Солунского или Федора Тирона). Болящим дарили образ св. Пантелеимона. Изображения святых, имена которых соответствовали именам членов семей, приписывали на полях икон, или заказывались особые «семейные» иконы с рядами святых. Памятные даты заносились на иконе в изображениях, соответствующих церковному календарю, например. Если кто родился 25 марта, то образ Благовещения помещался в ряду икон, если венчание происходило 26 авг., в день поминовения св. Наталии, ее образ олицетворял это событие и. т. п.¹

Россию называли Святой Русью, потому что среди ее народа действительно было много святых, готовых положить жизнь за Бога и Православную веру, и именно они определяли духовное лицо нации. Русская земля содержит в себе такое изобилие честных останков русских святых и подвижников Православия, что поистине являет собой один огромный антиминс. Ни в одной другой христианской стране не было такого количества святых и подвижников благочестия. До 1917 г. число только официально канонизированных для общероссийского почитания было более 500.

Эти святые в течение тысячелетия определяли духовное лицо русского народа, его приоритеты и направления развития. Русские святые были главными носителями основополагающих ценностей русского народа — духовной цельности, неразрывности веры и жизни, добротолубия, нестяжательства, монархического сознания, соборности и патриотизма.

Паломничество по монастырям и святым местам было неотъемлемой частью русской жизни.

На карте русской духовности монастырям и храмам принадлежало главное место. «Вся Россия наш монастырь», — писал Н. В. Гоголь.

¹ Шеффер Н. Русская икона.

Русские обитатели были духовными центрами, в которых и вокруг которых совершалось стяжание Духа Святого, создавалась Святая Русь как особое благодатное свойство русского народа, делающее его оплотом христианства во всем мире.

Образный язык икон и слова молитв, обращенные к Богу и святым, были духовным языком, который объединял русский народ. Это был особый мир, в котором не было места для стяжательства, наживы, лжи, подлости и предательства. Именно этот мир показали русские этнографы XIX – н. XX в.

Антирусские силы, пришедшие к власти в России после 1917 г., фактически запретили развитие русской этнографии. Комплексное изучение русского народа прекратилось. Этнографам разрешалось разрабатывать только отдельные, разрозненные элементы жизни русского народа, с обязательным подведением выводов исследований в прокрустово ложе советской идеологии.

На десятилетия под полным запретом оказалось исследование духовной жизни русского народа, изучение огромной роли в этой жизни Православной Церкви, почитания икон, святых и подвижников, паломничество по святым местам. Допускались только негативные и оскорбительные оценки этой важнейшей стороны жизни русского народа. Таким образом духовные основы русской жизни объявлялись пережитками, которые требовалось искоренять, исходя из партийных установок КПСС.¹

Тем не менее, продолжали существовать отдельные разрозненные островки, в рамках которых продолжалась русская этнография и фольклористика. В. Пропп, М. Азадовский, в более позднее время Н. Толстой, К. В. Чистов, М. М. Громыко, М. И. Шангина и некоторые другие ученые внесли значительный вклад в развитие русской этнографии.

* * *

Настоящая двухтомная энциклопедия является сводом энциклопедических сведений

¹ В «Советской исторической энциклопедии» (1976) заявлялось: «Советские этнографы подходят к изучению культуры каждого народа строго партийно, выделяя в ней все прогрессивное и не допуская идеализации пережиточных форм» (т. 16, с. 662).

по этнографии русского народа с древнейших времен до XX века. Вера, духовные понятия, обычаи и традиции, работа и быт, будни и праздники, жилище и одежда русского народа, создавшего одну из величайших духовных цивилизаций мировой истории. В энциклопедии систематизированы более 250 этнографических источников, использованы материалы о народной жизни, собранные лучшими русскими этнографами и знатоками народного быта М. Громыко, В. Далем, Н. Ермоловым, И. Забелиным, М. Забылиным, Д. Зелениным, А. Коринфским, И. Калининским, Н. Костомаровым, С. Максимовым, И. Снегиревым, И. Сахаровым, Н. Степановым, А. Терещенко, Н. Толстым, В. Чистовым, И. Шангиной и др.

В нашей энциклопедии используется обычная для подобных изданий система ссылок. Название статьи, на которую дается ссылка, набирается курсивом. Географические, исторические и биографические данные, как правило, приводятся по новейшим источникам. Даты, связанные с жизнью русских святых, а также дни православных праздников и празднования чудотворных икон приводятся по старому и новому стилю. Полная библиография литературных источников, использованных в энциклопедии, а также список сокращений приводятся в конце книги.

Настоящая энциклопедия является первой попыткой создания всеобъемлющего свода этнографических сведений о жизни русского народа. После выхода первого издания энциклопедии предполагается ее совершенствование и подготовка нового издания. Приглашаем к сотрудничеству всех православных ученых и специалистов. Будем благодарны за любые отзывы, замечания, поправки и дополнения. Просим направлять их по адресу: 121170, Москва, а/я 18. Платонову О. А.

Институт русской цивилизации выражает глубокую признательность всем лицам и организациям, оказавшим творческую помощь и финансовую поддержку, без любезного участия которых энциклопедия русской этнографии не могла бы выйти в свет.

О. Платонов

А

АВГУСТ, восьмой месяц в году, древнерусское название — «сепень», от слова «сerp», время жатвы, *страды*. На Севере России он именовался «зарев», от сияния зарницы. В крестьянском быту август нередко носил

И. Остроухов. Золотая осень

название «зорничника», в котором нельзя не видеть измененного названия «зарев». Русские крестьяне говорили: «Август крушит и круглит. В августе каторга,

В. М. Васнецов. Крещение Руси. 1893 г. ГТГ

Преображение. Икона. 1480-е гг. НМЗ

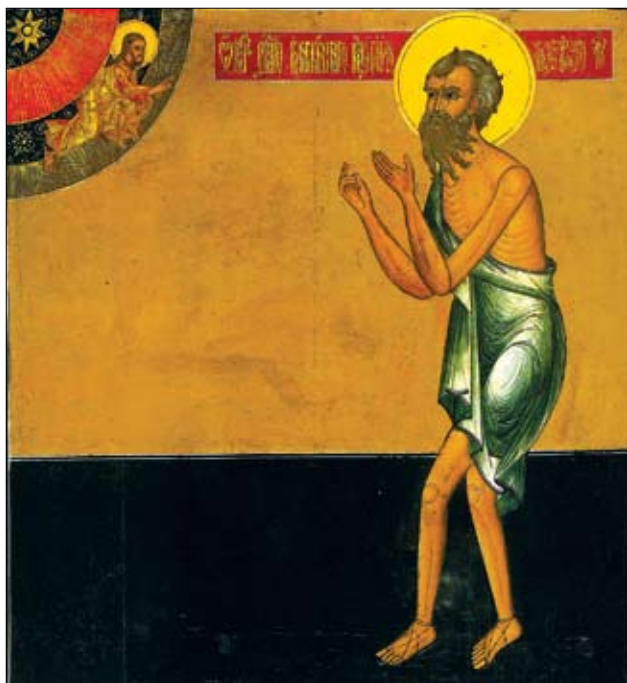
т. е. три заботы мужику: косить, пахать да сеять. Овсы да льны в августе смотри! В августе серпы греют, вода холодит. Бабам и в августе праздник».

Основные народные приметы по дням августа, по В. И. Далу, были таковы: 1. Происхождение честных древ Животворящего Креста Господня. День Крещения Руси. *Первый*, мокрый, медовый Спас. Пчелиный праздник. На Маковей собирают мак. Дождь на Маковей — мало пожаров. Во что Маковей, в то и разговенье. На первый Спас святят колодцы, венки! На мокрый Спас лошадей купают, а пчелы перестают носить медовую взятку; 2. Перенесение мощей первомученика архидиак. Стефана. Степана Сеновала (см.: Степанов день). Каково второе число августа, таков и сентябрь. На Степана поят лошадей через серебро; Св. Василий Блаженный, московский чудотворец; 3. Прп. Исаакия. *Исакия Малинника*. Каково третье чис-

Архидиакон Стефан. Икона (средник). Ок. 1658 г. СИХМ

ло августа, таков и октябрь. На Исакия вихри — крутая зима; 4. Св. семи отроков в Ефесе и прмц. Евдокии. Авдотьи Сеногнойки (см.: Авдотин день). Каково четвертое число августа, таков и ноябрь; 5. Мч. Евсигния. Евсигнея Житника. Каково пятое число августа, таков и декабрь. В этот день заклинают жито, обращаясь на все четыре стороны и призывая Мать-Сыру-Землю; 6. Преображение Господне (см.: Спас-Преображение). Яблочный Спас. Второй Спас всему час (плоды зреют), шубу припас; освящают плоды и мед, едят ябло-

Василий Блаженный. Икона (без полей). XIX в. Кострома. Музей-заповедник «Шелыково»

ки, а до него только огурцы. Встреча осени, осенины, проводы заката солнца в поле с песнями; подрезывают соты и снимают плоды. Каково шестое число августа, таков и январь; 10. Мч. архидиак. Лаврентия (см.: Лаврентьев день). Коли на Лаврентья вода тиха, то и осень будет тиха и зима не вьюжная; 11. Мч. архидиак. Евпла (см.: Козы); 15. Успение Пресвятой Богородицы (см.: Успенев день). С Успенья солнце засыпает. Успенщина, Госпожинки. Конец жатвы; складчины, братское пиво, последний, именной сноп. До Успенья пахать — копну лишнюю сажать. На Успенье огурцы солить, на Сергия капусту рубить. Молодое бабье лето с Успенья по Семен день; 16. Праздник Нерукотворному образу Господа нашего Иисуса Христа. Спас на полотне, *Третий Спас*, хлебный Спас. Третий Спас хлеба припас. Первый Спас на воде стоят, второй — яблоки едят, третий — полотна продают, хлеб припасают. Ласточки отлетают в три раза, в три Спаса; 18. Мчч.

А. Герасимов. Бабье лето

Флора и Лавра. Лошадиный праздник, кропят их на Флора и Лавра. На лошадях не работают, чтоб падежа не было. Сей озимь от Преображения до Флора, чтоб не было флоровых цветиков. С Флора и Лавра осенние утренники. С Флорова дня засиживают ретивые, а с Семена — ленивые; 19. Мч. *Андрея Стратилата*. Стратила Тепляка. Стратилатов день приспел, овес поспел; 22. Мч. Агафоника. *Агафона Огуменника*. Полагают, что в эту ночь леший выходит из лесу и бегаёт по селам и деревням, дурит и раскидывает снопы по гумнам. Поэтому его стерегут, тулуп надев навыворот и с кочергой в руках; 23. Мч. *Лупта*. Лупа Брусничника. Луповские морозы. На Лупа мороз лупит овес. Первые заморозки; 25. Перенесение мошей св. ап. Варфоломея. Варфоломеев день (см.: Тит Грибник). Пришел Варфоломей, жито на зиму сей; 26. Мчч. *Адриана и*

Наталии. Натальи Овсянницы. Полагают, что в этот день должно начинать косить овес; 28. Св. Анны. *Анны Скирдницы* (хлеб складывают в скирды, одонья и т. п.); 29. Усекновение главы Крестителя Господня Иоанна, *Ивана Постного*. В этот день не едят ничего круглого: яблок, картофеля и т. п. (что напоминает голову), щей не варят, не рубят капусты, не срезают мака, не рвут яблок, не копают картофеля, не берут в руки косаря, топора и т. п.

«Август — каторга, да после будет мятовка (раздолье, обилие пищи): мужицкое горло — суконное бердо, все мнет!» Сиверкой-холодком потягивает на август с идущего ему навстречу сентябрьского «бабьего лета», но, по народной примете: «В августе вода холодит, да серпы греют!», «Август-батюшка работой-заботой мужика крушит, да после тешит!»

Август не июль; его не «приберихой», а наоборот — «соберихой» да «припасихой» — месяцем звали крестьяне. «Что соберет мужик в августе — тем и зимужимскую сыт будет!», «Овсы да льны в августе смотри!», «Август — ленорост, припасает бабе льняной холст!» — можно было слышать в любой поволжской деревне. «В августе и жнет баба, и мнет баба, а все на льны оглядывается!», «Бывает, что и жато, и мято, да ничего не добыто!» Были и др. поговорки о льнах да о «бабьей заботе». «Не домнешь мялкой (снаряд, которым мнут лен и конопель, очищая волокно) — так не возьмешь и прялкой!», «Не домнешь — так и за прялкой вспомняешь!», «Без черев собачка, да — вяк, вяк; без зубов тетка Матрена, да кости гложет!»

Хоть август и называли «густоедом», а половину его занимал пост. Но «Успенский пост мужика досыта кормит!» Поспевали к этому времени не только хлеб, но и овощи. «От первого от Спаса накопит и мужик запаса!», «В августе баба хребет в поле гнет, да житье-то ей мед: дни короче — дольше ночи, ломота в спине — да разносол на столе!»

Первый Спас меда заламывает; он, по народному присловью, и бабы грехи замаливает: «На Спаса в ердани купаться — незамоленные грехи простятся». После крестного хода на воду в день Происхождения Честных Древ Животворящего Креста Господня (1 авг.) совершалось купание. В старину на этот праздник погружались в освященные воды реки и мужчины, и женщины, и старые, и малые — одновременно, в одном и том же месте. В этот день русские вспоминали Крещение Руси при равноап. кн. Владимире (988).

Во второй августовский день воспоминалось «перенесение мощей Стефана святого» и «Василия юрода» (блаженного) дивна московского».

Заднем Стефана Первомученика стояли в народном месяцеслове «*Антоны-вихреви*» (3 авг., день св. Антония Римлянина, чудотворца новгородского), «Семь Отроков — сеногнои» с «Евдокеями-огурешницами» (4 авг.). «Семь Отроков» (Дионисий, Иоанн, Антонин, Максимилиан и другие три), по народной примете, «семь дождей несут»; «Евдокея-огурешница», заставляющая собирать огурцы, в то же самое время напоминала бабам с ребятами и о поспевшей в залестье малине-ягоде («Авдотьи-малиновки»). 5 авг. — «Евстигнеев день» (см.: Евстигней Житник), когда русская деревня заклинала Мать-Сыру-Землю ото всякого лиха, ото всякой оскверняющей ее нечисти, — канун *Спаса-Преображенья* (Второго Спаса).

*Преображения день светло совершаем,
Христа славу си являша песнми величаем! —*

гласил духовный стих, приглашая православный люд к достойному чествованию великого праздника Господня.

Второй Спас (6 авг.), по народному обычаю, «яблочком разговляется». Следом за этим, отмеченным особыми приметами днем — «Пимена-Марины, не ищи в лесу малины: девки лес пройдут, дочиста оберут!» 7 авг. отмечали день перенесения мощей св. Митрофана, епископа Воронежского, не боявшегося говорить правду самому Петру I.

Свт. Митрофан Воронежский. Икона. XIX в. ЦМиАР

В этот же день с 1865 г. русские вспоминали Великого подвижника Православия старца Антония устроителя скита святой Оптиной пустыни, ставшего одним из главных духовных центров России, привлекавших многих деятелей русской культуры.

8 авг. «Мироны-ветрогоны, пыль по дороге гонят, по красному лете стонут». За «Миронами» — «апостол Матфий божественный, иже вместо падшаго Иуды причтенный». Десятый день августа — «соберихи-зорничника» — Лаврентьев день: на него воспоминались, по православному месяцеслову, два Лаврентия — св. архидиакон-мученик да блаженный калужский.

Об 11 авг. в Рязанской губ. было записано И. П. Сахаровым предание, идущее от времен татарщины. В этот день, по словам старых рязанцев, в селах-деревнях, что стоят по берегам рр. Вожи и Быстрицы, на т. н. «перекольских могилках» совершается чудо. Слышен бывает на болоте свист, доносится с болотины песня: «а и кто свистит, а и кто поет — никто не ведает». «Происходит диво-дивное». Выбегает из болота на «могилки» белая лошадь, выбежит, все могилки обегает, к речам Матери-Сырой-Земли прислушивается, землю копытом бьет-раскапывает, над зарытыми в ее недрах покойничками плачет. «Зачем она бегаёт, что слушает, о чем плачет, никто не знает, не ведает»... Погасает вечер, темень ночная опускается на грудь земную; появляются над могилками огоньки блудящие, с могилки на болотину перебегают. «Как загорят они, так видно каждую могилку, а как засветят, то видно, что и на дне болота лежит, да уж так видно — что и в избе лавка!..» Выискивались смельчаки, пытливым умом-разумом наделенные, — выискивались, пытались подкараулить-поймать дивного коня белого; находились и охотники — изловчиться-уловить огонек с могилки, дознаться-доведаться, чей свист раздаётся, что за песня звенит-разливается по затишью вечернему. Не тут-то было! Коня белого и ветер не догонит, не то что человек: если и можно подобрать этому неизвестному-неведомому коню какое прозвище, так разве одно — «Догони-ветер». Но конь в руки не дается; а от свисту да от «песни» только оглохнешь, коли дознаваться станешь, кто да что; за огнем пойдешь — в трясины заведет, в трясины-болотины, в топь невылазную. Было в давние времена на перекольских могилках за трое

суток до Успения Пресвятой Богородицы, четверо суток спустя после Спаса-Преображения, кровавое побоище. Бились не на живот, а на смерть, сражались русские христианские князья со злым басурманином, с татарами. Длилась битва, лилась кровь — с обеих сторон. И вот начали ломать-одолевать басурманские рати силу русскую. Но откуда ни возьмись («как ни отсюда, ни оттуда») взялся, выехал на белом коне богатырь облика нездешнего, неведомого вида незнаемого, а за богатырем сотни-рати богатырские. Начал-почал бить-колоть богатырь зло татаровье, «направо и налево и добил их чуть не всех». И добил бы всех, да «тут подоспел окаянный Батый» — подоспел, богатыря наземь свалил-убил, а коня загнал в болотину. С той стародавней поры, по словам предания, «белый конь ищет своего богатыря, а его сотня удалая поет и свищет, авось откликнется удалой богатырь»...

13 августа праздновалась чудотворная икона Пресвятой Богородицы «Страстная». По сторонам лика Богоматери изображены два ангела с орудиями страданий Христовых. В центре Москвы для этой иконы в 1654 г. построили Страстной монастырь, ставшим местом паломничества со всей России.

Оставалось три дня до Успения: *Никитин*, *Максимов* и *Михеев*. На Михея (14 авг.) (см.: Михей Камнеклад) дуют ветры-тиховеи — к ведреной осени; Михей с бурей — к ненастному сентябрю. Михеев день Успенский пост кончается, осеннему мясоуду навстречу идет, бабьим летом бурей-ветром перекликается.

Богоматерь Страстная. Икона. 1-я треть XVIII в. Москва. ГТГ

14 авг. память св. Аркадия Вяземского.

Прп. Аркадий Вяземский. Икона. XX в. Москва

15 авг. празднование Владимирской Ростовской иконы Божией Матери, а также иконы «Прибавление ума».

Владимирская Ростовская икона Божией Матери (без поля). Ок. 1695 г. Ростов Великий

Богоматерь «Прибавление ума». Икона. 1840 г. ГМИР

16 авг. празднование Феодоровской иконы Божией Матери.

Абрамов Г. Феодоровская икона Божией Матери. 1703 г. Кострома. ГИМ

Успение Пресвятой Богородицы — великий праздник, связанный в народном представлении с целым рядом особых поверий, примет и сказаний. Этот день назывался «Большая Пречистая» — «август-месяц на два полена рубит»: делит пополам. За Успеньем —

16 авг., Третий Спас — «Спожинки». 17 авг. вспоминали св. иконописца Алипия Печерского (ск. ок. 1114).

С Успенского заговенья вплоть до *Ивана Постного* (29 авг., дня усекновения честные главы св. Иоанна Крестителя) шла пора «молодого бабьего лета», время осенних хороводов. «Кому работа, а нашим бабам и в августе — праздник!»

Алипий. Великая Панагия. Икона Божией Матери. ГТГ

Спожинки пройдут, через день вслед за ними шли «Досевки»: 18 авг., память свв. Фрола и Лавра. Начинались вечерние бабы «засидки». «С Фролова дня засиживают ретивые, а с Семена (1 сент.) ленивые». В Симбирской губ., да и в некоторых др. на Фрола и Лавра устраивали лошадиный праздник. В этот день крестьяне прикармливали лошадей с утренней зорьки свежим сеном да овсом, заплетали им гривы пестрыми лоскутками. В обедню гнали коней к церковной ограде — скакали на них во всю прыть малые ребята. После обедни и молебна святым покровителям коней священники выходили за ограду кропить приведенных коней «свяченой» водой. «Умолил Фрола-Лавра — жди лошадям добра!», «Фрол-Лавер до рабочей лошадки добер!» Конеторговцы-табунщики твердо помнили старинный обычай — до «Фрола-Лавра не выжигать молодым коням тавра (клейма)».

«На Феклу (19 авг.) (см.: Андрей Стратилат) дергай свеклу! — примечали огородники. — На то она, матушка, и прозывается свекольницей!» В степных местах следили в этот день за тем, с какой стороны ветер дует.

«Если с полуден на Феклу тянет — пошли овсы наспех, с теплых морей подул ветер на овес-долгорост!» В старой Москве гуляли в этот день под Донским монастырем; туляки, о которых сложились в народе прибаутки: «Живет в Туле да ест дули!», «Бей челом на Туле — ищи на Москве!», ходили на предосенней Феклиной гулянке «у Николы за валом».

20 авг. праздновалась *Владимирская икона* Пресвятой Богородицы, а также *Самойлин день* (память св. прор. Самуила): «Самойло-пророк сам Бога о мужике молит». За ним следом — ап. *Фаддею* честь. «Кто Фаддей — тот своим счастьем (в этот день) владей!», «Баба Василиса, со льнами торопись — готовься к потрепушкам да к супрядкам!» (см.: Василиса Льяница). 22 авг. (см.: Агафон Огуменник) считался днем, в который следует на гумнах, находящихся невдалеке от леса, оберегать снопы от потехи Лесовика. «От этой нежити не оберечься — так пропадешь!» — говорили крестьяне. Где только их нет? «Был бы лес — будет и леший!» Не будь Лешему врагом Домовой — не было бы с ним сладу: не сидится лесному хозяину на одном месте. Слывет он немым, да голосист на диво: недаром, по рассказам знавших с ним людей, поет без слов, бьет в ладоши, свищет, аукает, хохочет, плачет, филином-птицей гукет. Попадаетеся ему навстречу мужик-простота — обойдет его Лесовик, собьет с дороги, заведет в чашобу непроходимую, если тот не догадается вывернуть на себе рубаху наизнанку. Остроголовый («голова клином»), мохнатый, с зачесанными налево волосами, без бровей и без ресниц, надев серый кафтан, застегнутый на правую сторону, подкрадывается он по лесной опушке к гуменникам и начинает развязывать и раскидывать снопы: все перекидает с одного гумна на другое, никто и не разберется после, если не принять надлежащих, особо на тот случай полагающихся предохранительных мер. В старину в Тульской губ. выходили старики на караул к гуменной загороди. Снаряжаясь в ночное стоянье, надевали они тулуп, выворачивая его шерстью наверх; голову устрашили лесного хозяина об-

матывали полотенцем; вместо обыкновенного посоха бралась в руки кочерга. Перед тем как начать бережные гумна, знающие люди с молитвой св. Северьяну в этот день очерчивали кочергой круг и посредине садилась наземь. Это, по народному поверью, заставляло Лесовика чуть ли не за версту обходить стороной оберегаемое место. В этот же день праздновалась Грузинская икона Божией Матери.

23 и 24 авг. — «Евтихиевы дни». Церковь праздновала в эти дни двух Евтихиев — преподобного и священномученика (см.: Евтихий Тихий). Существовала примета, что, если в эту пору поспевала брусника, то и со жнитвом овса надо торопиться. 23 авг. кроме Евтихия вспоминали св. *Луппа-мученика*. «На Луппа льны лупятся!» По примете, лен две недели цветет, четыре недели спеет, а на седьмую — семя летит. «Хорошо, — говорили крестьяне, — коли Евтихий будет тихий, а то не удержишь льняное семя на корню: все дочиста вылупится!» 24 авг. праздновалась Петровская чудот-

Петровская икона Божией Матери. Выносная двусторонняя, на обороте Николай Мирликийский. XIV–XV в. Чермо

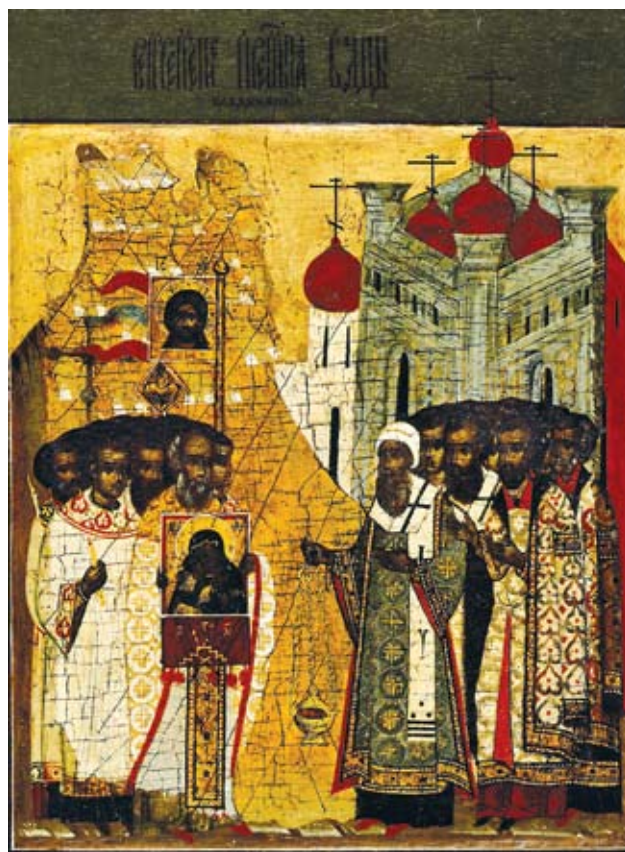
Григорий Круг. Грузинская икона Божией Матери

ворная икона Пресвятой Богородицы. Она была названа так потому, что была написана св. митр. Петром в 1307. В 1613 вместе с Федоровской иконой она была при избрании на престол Михаила Романова. 24. авг. празднуется память русского св. Арсения Комельского. В Сибири с Луппова дня начинались во многих местах первые заморозки — «лупенские», за которыми шли и другие: покровские, катерининские и михайловские. За 6 суток до конца августа-«соберихи» приходил на Русь Титов день (см.: Тит Грибник)). «Святой Тит последний гриб растит!» — говорили в Среднем Поволжье. «Грибы грибами, а молотья — за плечами!» — восклицали в Симбирской губ., напоминая, к слову, об известной прибаутке: «Тит, Тит! Иди молотить! — Зубы болят! — Тит, Тит! Иди кисель есть! — А где моя большая ложка?..» С Титова на Натальин (26 авг.) день варили ввечеру овсяный кисель. День *Адриана и Натальи* назывался «овсяницами»; с этой поры

Прп. Арсений Комельский. Миниатюра из сб. «Жития Вологодских святых». Нач. XVIII в. ГИМ

начинали косить в полях овсы: «Ондрейан с Натальей овсы закашивают». В XIX в. в этот день к вечеру носили мужики снопы овсяный (связанный из первого скошенного овса) на барский двор. При этом пелись впроголос особые песни. В XX в. этот обычай уже не соблюдался, хотя по старой памяти кое-где уже ставился отдельно первый сноп: захватывали с поля в избу, где и помещали в «большой кут», под образа. Возвратившись с работы с поля, хозяйка поспешно собирала ужин, приготовленный заранее. За столом начинали угощаться толокном, замешенным на кислом молоке («дежень»), овсяным киселем или блинами. «Ондрейан толокно месил, Наталья блины пекла!» — говорила хозяйка. — «Спасибо за сладкий дежен, за сытые блины!» — вставая из-за стола, обращались к ней угощавшиеся. — «А нет ли еще грешневой кашки?» — «Грешневая не выросла, не хотите ли березовой!» — отвечала она смешливым ребятам, убирая со стола. С этого дня толокно уходило из домашнего обихода. «В овсяный покос — толокном паужинай!» — говорили хозяева. «Скорое кушанье толокно — замеси да в рот понеси!», «Хвалился пест, что толокно ест!», «Толокном Волги не замесишь!», «Поел пест толокна, да и не хвалит: нынче толокно, завтра толокно, все одно — прискучит и оно!», «Было бы толоконец, а толоконники-то всегда найдутся!» и т. д. В этот же день праздновалась *Владимирская икона Божией Матери*.

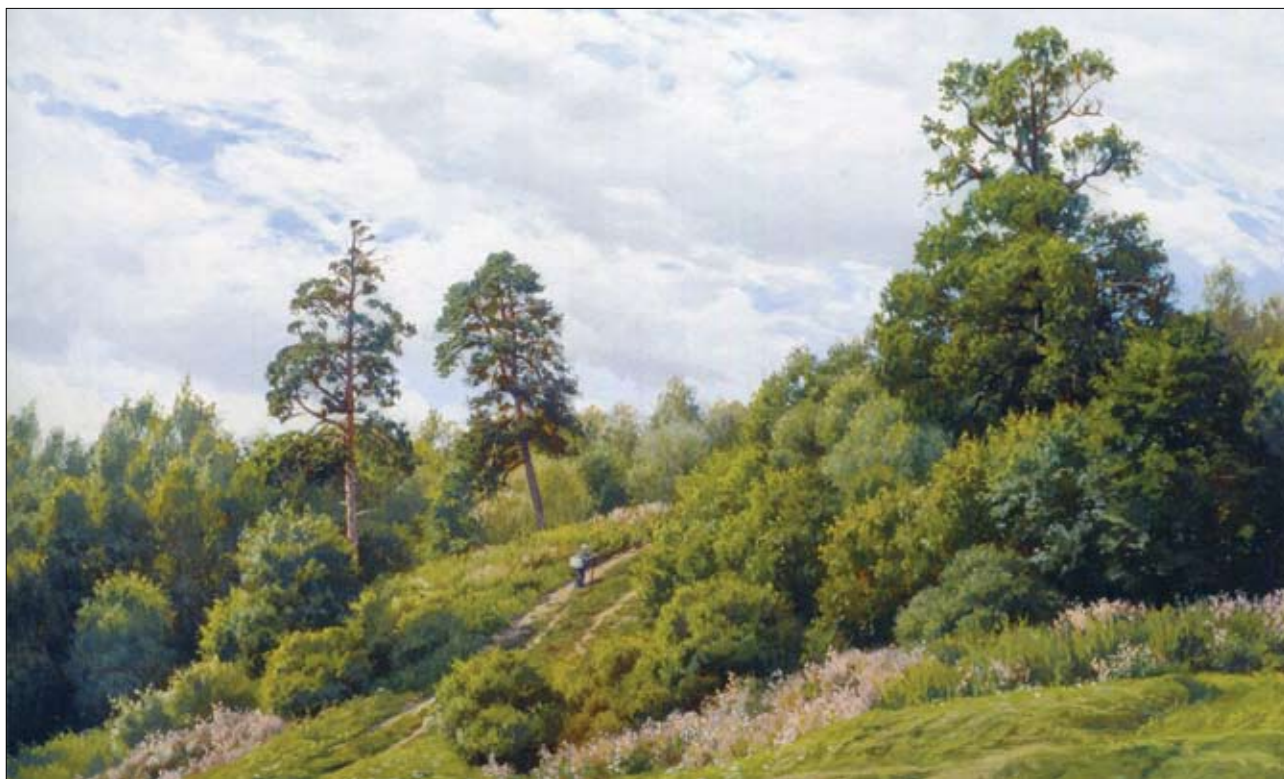

Сретение Владимирской иконы Богоматери. Икона (без полей). XVII в. УМЗ

Владимирская икона Божией Матери. XVII в. ГМИР. СПб.

27 авг. — «Двое Пименов с Анфисой (см.: Кукша Рябинник) об руку стоят, к Савве-скирднику навстречу вышли!» На Савву Скирдника (28 авг.) (см.: Анна

А. Герасимов. Конец августа

Скирдница) по степным местам убирали последний сжатый хлеб в скирды. Поставить скирды для мужика было дело привычное, нетрудное. «У хорошего хозяина — копна со скирдой спорит, а у лежебока — скирдешка с копенку!», но — «В хорошие люди попасть — не скидерку скласть!», «Пскович — Савва (псковский чудотворец) скирды справит, на ум направит!» Обычай класть скирды в каждой местности — свой, наособицу. 29 авг. — «Иван Постный», день, посвященный Православной церковью воспоминанию об усекновении честныя главы св. Иоанна, Крестителя Господня.

За Иваном Постным следовал Александр Невский (см.: Александр Святник). Об этом благоверном князе, русском святом, ходило по православной Руси немало сказаний.

«Уж давно-то христианская вера во Россееюшку взошла, как и весь-то народ русский покрестился во нее, покрестился, возмолился Богу Вышнему», — говорится в одном из сказаний. Далее приводятся слова, которыми русский народ-сказатель «возмолился»:

*Ты создай нам, Боже,
Житье мирное, любовное;
Отжени ты от нас
Врагов пагубных;
Ты посей на нашу Русь
Счастье многое!..*

Повествование продолжается со спокойствием летописи: «И слышал Бог молитвы своих новых христиан: наделял он их счастьем многим своим. Но забываясь народ русский, в счастья живя: он стал Бога забывать, а себе-то гибель заготовлять. И наслал Бог на них казни лютыя, казни лютыя, смертоносныя: он наслал-то на Святую Русь нечестивых людей — татар крымских»... Война всегда казалась мирному народу-пахарю «смертоносной казнью», хотя в лихие годы и поднимался он весь от мала до велика на защиту родины. «...И двинулось поганое племя от севера на юг, — ведет свою по-

весть безвестный сказатель, — как сжигали-разбивали грады многие, пустошили-полонили земли русския. Добрались-то они до святого места, до славного Великаго Новгорода»... Эти слова указывают на северное — новгородское — происхождение приводимого сказания. «Но в этом-то граде жил христианский народ: он молил и просил о защите Бога Вышняго. И вышел на врагов славный новгородский князь, новгородский князь Александр Невский. Он разбил и прогнал нечестивых татар; возвратившись с войны, он во иноки пошел, он за святость своей жизни угодником Бога стал»... За этим, особенно погрешающим летописной правде местом сказания следует моление, с которым, по слову сказателя, «притекают грешнии народы» ко св. Александру Невскому: «Ты, угодник Божий, благоверный Александр! Умоляй за нас Бога Вышняго, отгоняй от нас врагов пагубных! И мы тебя прославляем: слава тебе, благоверный Александр, отныне и до века!»

За Александровым шел Куприянов день (31 авг.) (см.: Куприян). Считалось, что собираются в этот день журавли на свое первое вече на болотине, в лесной чаще уговор держать, каким путем-дорогой на теплые воды лететь.

Лит.: Коринфский А. А. Народная Русь. М., 1995; Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1957.

АВДЕЙ РАДЕТЕЛЬ, народное название дня памяти пророка Авдия 19 нояб./2 дек. В этот день по русскому поверью, чтобы *нечистая сила* не проникла в дом и не осталась в нем зимовать, каждый хозяин с молитвой св. Авдию должен был простучать обухом топора все двери и окна. Молились святому также о помощи в хозяйстве. Считалось, что родившийся в этот день будет думать не только о своем хозяйстве, но стараться помогать другим.

В этот же день русские вспоминали св. прп. Варлаама, игумена Киево-Печерской Лавры (1065), а также св. Адриана Пошехонского, ярославского чудотворца.

АВДОТЫН ДЕНЬ, народное название дня памяти прмц. Евдокии (362–364), 4/17 авг.

В разных местах России этот день называли днем Авдотьи Сеногнойки, Авдотья, Евдокия, Ягодница, Евдокия Огуречница, Сладостница, Малинуха, Малиновка, а также Семь отроков эфесских, День семи отроков. Последние два названия связаны с празднованием в этот день памяти Семи отроков эфесских (V в.).

Авдотын день падал на уборочную страду. Русские крестьяне верили, что при уборке урожая им помогает сама св. Авдотья (Евдокия). Когда Авдотья устает жать, а серп ее от работы накаляется, она бежит к реке серп остудить, освежить лицо свежей водой. Авдотын день богат овощами. С гряд собирают огурцы, Авдотье кланяются за хорошо выращенные огурцы. Ходят за малиной в лес, поэтому Авдотью еще называют Малинухой.

В этот день парни невест не выбирали — считалось, что в этот день невесты пригожи, как красна ягодка-малина и поэтому можно ошибиться. В этот день часто бывали дожди. Если сено не успели собрать, все сгниет. Поэтому Авдотью называли еще и Сеногнойкой.

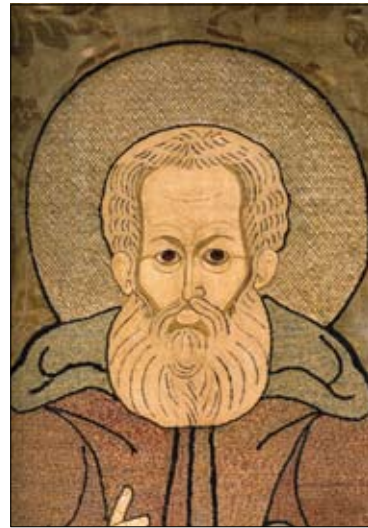
АВДОТЯ СВИСТУНЯ — см.: **ЕВДОКИЯ ВЕСНОВКА**.

АВРААМИЙ и АНАСТАСИЯ, народное название дня памяти прп. Анастасии Римлянки и прп. Авраамия, затворника, празднуемые 29 окт./11 нояб. Прп. Авраамий назывался у русских Овчаром, а св. Анастасия — Овечницей; эти святые угодники считались покровителями овец. В древнем народном стихе старцы пели: «Попаси ему (хозяину), Настасия, овечек». Многие крестьяне были уверены в том, что только одна эта угодница может избавлять беззащитных овец от волков и охранять их от различных болезней. Сельские овчары, или пастухи, очень часто прибегали с мольбой к св. Анастасии и ставили на деревьях в поле, где пасутся овцы, икону этой угодницы в полной уверенности,

что она есть надежная охрана для овец от всякой опасности, особенно от диких зверей. Это народное верование, соединенное с именем свв. Анастасии и Авраамия, объяснить нетрудно. По обычаю, 29 окт. повсюду производилась стрижка овец и оканчивалась счеты с овчарами за надзор их над этими животными в течение всего пастбищного времени. Потому в некоторых местах, напр. в Рязанской губ., вплоть до XIX в. день св. Анастасии назывался в простонародье Овечьим праздником и проводился здесь особенно торжественно, весело, с песнями, плясками и другими развлечениями, причем особенным почетом в этот день пользовались пастухи.

Св. Анастасия нередко также называлась Стригальницей, это имя дано ей, очевидно, от стрижки овец. В этот день в средней полосе России и на Севере начиналась стрижка овец, а в степных краях — последняя стрижка.

По обычаю в этот день русские семьи собирались вместе и решали, кому и что из шерсти связать (носки, поддевку, варежки и др.) или изготовить *валенки*. К столу в этот день подавали овечий сыр и творог. На угощение приглашали пастухов.

Авраамий Ростовский. Фрагмент иконы. XVII в. Покров. ГМЗРК

В разных местах России день этот называли по-разному: Настасья Овечница, Настасья Стригальница, Анастасия Овчарница, Овчарный праздник, Овечницы, Стригальницы, Праздник овчаров, Овчар, Овчары, Анастасия Узорешительница, Анастасия Овечница, Настя Овчарница, Авраамий, Авраамий и Настасья.

В этот день русские вспоминали свв. подвижников прп. Авраамия Ростовского (XI в.), сокрушителя язычества в Ростовском крае, и прп. Авраамия Печерского (XII–XIII вв.).

АВРААМИЙ ГАЛИЧСКИЙ, Чухломской, Городецкий, игумен († 1375). Ученик и пострижник прп. *Сергия Радонежского*, после долгих лет искуса был удостоен священнического сана. Стремясь к совершенному безмолвию, он в 1350 испросил у своего учителя благословения удалиться в галичскую страну, населенную чудскими племенами. Пребывая в пустынных местах, он обрел сиявшую неизреченным светом икону Божией Матери («Умиление» Галичская, или Чухломская; празднуется 28 мая/10 июня, 20 июля/2 авг., 15/28 авг.). По просьбе Галичского кн. Димитрия Авраамий принес икону в город, где от нее совершились многочисленные исцеления. Преподобный основал монастырь близ Чухломского оз., на месте явления чудотворной иконы. Новоустроенная Успенская обитель стала источником просвещения местного чудского населения. Прп. Авраамий прославился от Бога даром чудотворений, он неоднократно спасал город Галич от моровой язвы, засухи и непогоды. На иконах

«Лono Авраамова с избранными святыми». Икона. 2-я пол. XIX в. Мстера

Прп. Авраамий Галицкий. Сер. XIX в. Кострома. Солигалицкий филиал КМЗ

он изображается держащим в руках образ Пресвятой Богородицы.

Память прп. Авраамия отмечается 20 июля/2 авг. **АВРААМИЙ СМОЛЕНСКИЙ** (ок. 1171–1221), святой. Родился в Смоленске. По преданию, был иконо-

Авраамий и Меркурий Смоленские. Икона. XIX в.

писцем. Согласно его житию, после смерти святого остались 2 иконы его письма: «Страшный Суд» и «Изображение мытарств, проходимых душою по смерти», которые до нас не дошли.

АВСЕНЬ (Баусень, Таусень, Усень, Говсень, Овсень, Овсей), в дохристианской Руси языческое божество, связанное с Новым годом, со сменой времен года, с началом весеннего солнечного цикла и возрастания плодородия, воплощал в себе начало года — прибытка (урожая).

Имя этого божества упоминалось еще в н. XX в. в песнях-колядках, или овсеневах песнях, распеваемых во время праздника на стыке старого и нового года, по церковному календарю в день Василия Великого (*Васильев вечер*, 1/14 янв.). Во время пения овсеневах песен поющие обыкновенно бросали зерна разного хлеба и овса, которые затем собирали и хранили до весеннего посева. В Малороссии в этот вечер комнату уставляли снопами: снопы клали и на самый стол, а посреди них ставили большой пирог; жена просила мужа «исполнить закон». Дети спрашивали: «Де ж наш батько?» (Где же наш отец?) — «Хиба вы мене не бачите?» (Разве вы меня не видите?) — спрашивал отец, сидя за столом и скрывшись за грудой снопов, пирогов, вареников, книшей. «Не бачимо, тату» (Не видим, отец). — «Дай же Боже, щоб и на той год не побачили» (Дай Бог, чтобы и на будущий год не увидели). Этим актом выражалось желание, чтобы и наступающий год был столь же плодородным и дом хозяина изобилует яствами.

В Галиции при этом клали еще на стол рукоять плуга. Мальчики и парубки щедровали, вспоминая в своих щедривках о Рождестве Христовом и о дне св. Василия, поздравляли всех с праздником, желали всем здравия и счастья, а себе просили подарка. Они же производили «засеванье», разбрасывая зерна по улицам и домам и приговаривая: «На счастье, на здоровье, на новый рок (год). Роди, Боже, жито, пшеницу, всяку пашницу». Очевидно, что эта приговорка осталась из какой-нибудь песни, которой сопровождался обряд засеванья. В Малороссии мальчуганы, ходя по домам и разбрасывая из рукавов или из мешка семена, пели:

<i>Ходит Илья</i>	<i>Жито росте —</i>
<i>На Василья,</i>	<i>Жито пшениця,</i>
<i>Носит кучу</i>	<i>Всяка пашниця,</i>
<i>Житяную.</i>	<i>У поле ядро,</i>
<i>Де замахне —</i>	<i>А в доме добро.</i>

Девушки же в это время гадали, так же как и на *Святках* или иным образом. Так, испекиши накануне *пирог*, в самую полночь девица выходила на улицу и, подойдя к чьей-нибудь хате, начинала прислушиваться к разговору; первое услышанное ею имя означало суженого, слово «иди» — замужество, «сядь» — возможность остаться в девках, а слово «ляжь» — смерть. Считали колья в плетне три раза по девяти и по последнему определяли качества суженого: если кол сучковатый — жених будет сердитый, если кол без коры — бедный, если в коре — богатый, и т. д.; слушали лай собак, чтобы знать, с которой стороны надо дожидать себе жениха.

Способы гаданий были весьма разнообразны, но все они сводились к тому, чтобы узнать, выйдет ли девушка замуж.

Один же из этих способов гадания, заговаривание каши, имел совсем другой смысл. Совершался он таким образом: старшая в доме женщина — хозяйка, взяв крупы из амбара, заваривала кашу на воде, при-

несенной старшим из мужчин в доме; затирание каши сопровождалось разными причитаниями, как, напр.: «Сеяли, растили гречу; во все лето уродилась наша греча и крупна, и румяна; звали-позывали нашу гречу в Царьград побывать, на княжой пир пировать; поехала греча во Царьград побывать со князьями, со боярами; с честным овсом, золотым ячменем ждали гречу, дожидали у каменных врат; встречали гречу князья и бояре, сажали гречу за дубовый стол пировать; приехала наша греча к нам гостевать». Красная каша предвещала урожай и изобилие, а белая — неурожай и разные бедствия.

Во многих местностях как Малороссии, так и Великороссии эти обряды видоизменялись до того, что порой ограничивались только беготней мальчишек по улицам с криком «Авсень! Авсень!» или с песнями вроде следующей:

Ой, Овсень, ой, Овсень! Ой, Овсень, ой, Овсень!
Походи, погуляй Посмотри, погляди,
По святым вечерам, Ты взойди, посети
По веселым теремам. К Филимону на двор!

Лит.: Степанов Н. П. Народные праздники на Святой Руси. М., 1990.

Н. Степанов

АГАПИТ ОТКИНЬ САНИ, народное название дня памяти св. Агапита, епископа Синадского во Фригии (449). Празднуется 18 февр./3 марта. Этот день еще называли Агап, *Ярило с птицей овсянкой*, Овсянка. По обычаю в этот день меняли сани на телеги. Родовались появлению птицы-овсянки, сообщавшей о наступлении весны. По этому случаю пекли овсянички — пирожки из овсяной муки.

В этот же день русские молились прп. Косме Яромскому (1499), а в детских забавах как игровой персонаж вспоминали *Ярилу*.

АГАФОН ОГУМЕНИК (Агафон, Агафонов день), народное название дня памяти св. мч. Агафоника, празднуется 22 авг./4 сент. Крестьяне считали, что в день памяти святого переходит леший из лесу в гумна и здесь раскидывает сложенный в снопы хлеб. Желая избавиться от этих вредных выходок лешего, рачительные хозяева нередко предпринимали против него меры предосторожности. Так, напр., очертив кругом себя таинственный круг и надев на себя вывернутый наизнанку тулуп, с кочергой в руках они садились в углах своих сараев, выжидая появления лешего. Крестьяне считали, что в этом деле св. Агафон главный помощник, он настигает лешего и начинает бить его кочергой, чтобы эта нечисть на овин дорогу забыла.

АГАФЬЯ КОРОВНИЦА, народное название дня памяти св. мч. Агафьи (251), празднуемого 5/18 февр. В северо-западной Руси эта святая считалась заступницей от пожара, и в день ее памяти освящался хлеб с солью, который хранился в домах как надежнейшее средство от огня. Во время пожара крестьяне бросали этот хлеб-соль в пылающее пламя или в чистое поле, чтобы туда направился ветер с пожара. В Великороссии св. Агафия была известна также под именем Коровницы оттого, что будто в день ее памяти пробегает по деревням *Коровья Смерть*, от которой надеялись избавиться посредством особого обряда, называемого опаживанием. Крестьяне северо-западной Руси, которым был незнаком обычай опаживания, прицепляли в этот день коровам на рога хлеб св. Агафьи как весьма полезное предохранительное средство от мора.

Агафию также считали покровительницей коров, и в ее день коровам уделяли особое внимание и даже кор-

М. И. Милютин. Федор Стратилат и мч. Агафья. Икона. ГИМ

мили их кашей. С утра окропляли коров святой водой, принесенной из церкви после молебна св. Агафьи.

В разных местах России день св. Агафьи назывался: Агафья, Скотница, Агаша Коровница, Коровятница, Скотницы. Называлось это время еще *Голиндуха* (голодуха), т. к. к концу февраля некоторые крестьяне подъядали свои последние запасы хлеба и овощей.

Пророк Аггей. Книжная миниатюра. XVII в. Афон

АГЕЕВ ДЕНЬ (Аггей, Аггей Зимомучник, Аггей Инесей), народное название дня памяти св. прор. из 12-ти Аггея (500 до Р. Х.), 16/29 дек. Русские крестьяне считали, что Аггей прививает любовь к труду, благословляет мужчин к работе в лесу с топором, а женщин к прядению. Крестьяне верили, что родившийся в Агеев день станет трудолюбивым, ловким и проворным и с топором, и с вилами, и с прялкой, и с ухватом.

АГРАФЕНА КУПАЛЬНИЦА (Аграфена — лютые коренья), народное название дня памяти св. мч. Агриппины, отмечаемого 23 июня/6 июля.

День Аграфены Купальницы открывал собой цикл празднеств летнего солнцестояния, продолжавшихся до *Петрова дня* (29 июня/12 июля). Обрядовые действия, происходившие в день Аграфены Купальницы, являлись своеобразной прелюдией к обрядам следовавшего за ним дня Ивана Купалы (см.: Иванов день).

По языческому поверью, в этот день нарядная красавица-Купальница (Купаленка, Купава, Купавушка), получившая позднее христианское имя Аграфена, ехала с охапками цветов и целебных трав на свидание к своему возлюбленному Купале, прозванному позднее Иваном. Завтра они встретятся, но встрече этой хочет помешать нечистая сила. Вылезет она из всех щелей-нор, норовит зла наделать, только к Купаленке ей не подступиться: она избавляет от колдовства и от нечистой силы защищает, Купаленку всякая нечисть боится. Вот и возмещает нечистая сила свое зло на людях: в дом к ним проникает, в постели забирается, в хлевах шкочит, на домашних животных страх наводит.

В этот день человеку следовало быть осторожным, двери-окна закрывать, хлева запираить, обороняться крапивою и чертополохом. Для охранения себя от ведьм в этот день клали на окна жгучую крапиву, а в дверях скотных дворов ставили молодое осиновое дерево. В полночь собирали жгучую крапиву и шиповник и потом сжигали, чтобы в доме не было несчастья.

Мученица Агеритина. Икона XIX в. Москва

В этот день снимался запрет на сбор цветов и трав с магическими и лечебными целями. До Аграфены Купальницы этого нельзя было делать, т. к., по поверью, на растениях обитали души предков, находящиеся на земле в период между *Пасхой* и *Троицей*. В этот день начинали ломать банные веники. Для этого использовали не

только ветки березы или дуба, но и др. лиственных деревьев: ольхи, черемухи, ивы, липы, смородины, калины, рябины. Считалось, что веники, связанные в этот или в Иванов день, обладают повышенной целительной силой.

В Вологодской губ. веники связывали не только из веток березы, но еще и из ольхи, черемухи, ивы, липы, смородины, калины, рябины и даже луговых цветов. Это были ритуальные веники, и вязали их по одному на каждый отдельный случай: одним веником в этот день в бане парились, другим — недавно отелившихся коров обряжали, третьим — гадали, перебрасывая его через голову или забрасывая на крышу бани, чтобы узнать будущее. Верили, что если веник упадет вершиной к погосту, то бросающий вскоре умрет; а если не вершиной — то еще долго жить будет.

В Прионежье девушки группами под охраной парней выходили искать ивановский борщ (борщевик), имеющий, по поверью, большую целительную силу, особенно если пучки травы освятить в церкви. Собранные цветки и листья иван-да-марьи раскладывали по углам амбаров и домов, чтобы охранить их от воров. Вылавливали из воды и одолень-траву (белую кувшинку), потом ее высушивали и, как оберег, брали с собой в дальнюю дорогу.

В день Аграфены Купальницы впервые после долгой зимы людям разрешалось купаться в реках, ручьях,

прудах и озерах. Русские верили, что в этот день Бог опускает в воду тепло, а Иоанн Креститель очищает водоемы от ведьм, водяных змей и др. нечисти, оскверняющей ее. Кроме того, считалось, что вода в этот день получает от солнца живительную силу, полезную для людей.

Самый праздник Аграфены Купальницы русские начинали с того, что с утра все ходили в баню, и здесь особенно любили париться различными корнями и растениями с той целью, чтоб укрепить и восстановить свои силы и здоровье. При этом особое внимание обращалось на старых больных, которых, по слабости, приносили в баню и здесь парили и натирали разными целебными травами. За этим обыкновенно следовали угощения, в частности обетные мирские каши, к которым созывались нищие, которые в благодарность своим кормильцам составляли и распевали за столом после банного мытья стихир про «убогую купальницу».

Потом с полудня Аграфены Купальницы начинались новые общие народные увеселения, которые совершались с особыми хороводами и продолжались до глубокой ночи. Преосвящ. Вениамин, описывая этот древнерусский народный праздник, говорит, что к вечеру 23 июня наши предки собирались на берегах рек, в некоторых местах мужи и жены украшали перворожденную деву наподобие невесты и при этом пировали, плясали, кружились и гадали.

Перед собиранием хлеба Аграфене Купальнице приносили жертву и с этого времени начинали купаться в реках. В Архангельской губ. в день Аграфены Купальницы топили бани, причем пол застилали свежей травой, и девушки парились свежими вениками, связанными из целебных трав. Такой же обычай наблюдался и в окрестностях Москвы. В Костромской губ. девицы собирались к одной из своих подруг «толочки в ступе ячмень», из которого на другой день варили кашу и ели ее вечером с коровьим маслом. Потом брали передние колеса телеги с осью и оглоблями, возили сидящих на оси по селению и полям, распевая до утренней зари. В заключение умывались росой, считая, что она приносит здоровье. В день Аграфены Купальницы собирали также крапиву, шиповник и др. колючие растения, которые сжигали для избавления от несчастий и бед, и целебные травы, которые хранили у себя дома.

Вечером девушки и парни собирались на берегах рек или озер и устраивали трапезы, главными блюдами которых были каша и яичница; собирали для гадания букеты из 12 трав, находили «иваньковский» цветок иван-да-марья; пели песни.

Трапеза заканчивалась общим весельем молодежи, продолжавшимся до самого утра.

В западных и юго-западных губерниях Европейской России в течение всего дня деревенская молодежь по крестьянским дворам собирала дрова, солому, бочки из-под дегтя для разжигания костра, называвшегося ивановским, купальским, купайлой. Костры устраивали на возвышенных местах по берегам рек, озер, прудов или на перекрестках дорог. Прямо на земле или на деревянном помосте, козлах, втыкали длинную, до 10—15 м, жердь с поперечными перекладинами, на верху которой закрепляли колесо (дегтярную бочку или корзину). И колесо, и перекладины обматывали пучками соломы, затем все это закладывалось дровами и хворостом. Каждая деревня старалась сделать свой костер более ярким и более высоким, чем костер соседей.

Вечером на улице жгли очистительные костры. Парни и девушки через них прыгали, а потом и скотину сквозь огонь проводили. В ночь на Ивана Купалу, в самую полночь, надо было в речке искупаться совершенно нагим, в чем мать родила — обряд очищения водой пройти, но чтобы чужие люди не видели.

Лит.: Калинин И. П. Церковно-народный месяцеслов на Руси. М., 1990; Степанов Н. П. Народные праздники на Святой Руси. М., 1990; Шангина И. И. Русский народ. Будни и праздники. СПб., 2003; Решетников Н. И. (сост.). Русский народный календарь. М., 2005.

АД, в народных представлениях часть *того света*, где пребывают грешники, испытывающие муки за свои земные грехи.

Книжные (церковные) представления об аде смешивались с народными либо сосуществовали с ними, находясь нередко в противоречивом отношении даже в одних и тех же традициях. Православная книжная и народная традиция противопоставляла ад раю. Наиболее архаичными верованиями можно считать те, по которым ад и рай территориально не расчленены, так что обитатели «того света» мучаются или блаженствуют по соседству. Такие представления отмечены, напр., в полесских обмираниях, т. е. в рассказах о «посещениях того света». Ад и рай воображаются то на небе, то на острове, то за морем, подобно *ирею*. В русской народной духовной поэзии ад и рай разделяет *огненная река*.

Редкие примеры размещения ада на земле отмечены у гуцулов, помещающих ад на острове посреди моря, и у белорусов (гроднен.), полагающих, что ад расположен на краю света в виде огромной горы, посреди которой горит огонь и кипят котлы с грешниками.

Дионисий. Сошествие во ад. 1502–1503 гг. ГРМ

Виды адских мучений. Народная картинка из альбома Д. А. Ровинского

Синоним ада — преисподняя — отражает представления об аде, находящемся под землей, совпадающие или восходящие к ветхозаветному представлению об аде как о «рве преисподнем», «царстве мрака» (Псалтырь), «стране тьмы и сени смертной», где сам свет подобен темной ночи (Книга Иова).

Сам ад мыслится как место обитания бесовской силы, место вечно пылающего огня (ср. церковнославянская «геенна огненная»). Отсюда название ада — смола (восточное Полесье). Это название соотносится с древнеславянским представлением об аде как «пекле».

В Белоруссии было распространено верование, что ад — пекло, находится под землей в *болоте*, что сама земля натянута, как кожа или шкура, над водой, а в этой воде на самом дне помещен ад, наполненный грешниками и чертями. Ими управляет самый старый черт Анцыпар, Ничыпар, постоянно живущий в аде «на 12 цепях, за 12 дверями». Подобные представления об аде известны в сказках и быличках. Небольшие, но

Мучение адской баней. «Повесть о некотором немилостивом человеке, любителе века сего». Народная картинка из альбома Д. А. Ровинского

Евангельская притча о ботаче и бедном Лазаре

глубокие ямы на лугу и болоте белорусы зовут «чертовыми окнами» — это вход в ад. Он может мыслиться и как пропасть, овраг, пещера, колодец и быть входом на тот свет вообще. Для книжной апокрифической традиции характерны представления о «вратах адových», охраняемых стражниками-чертями, львом (западнотавянское), собакой (южнорусское), змеей (рус. старобрядческое).

Путь души на «том свете» проходит через мост в виде тонкого волоса, бревна, настила и т. п. (часто его ширина зависит от греховности души), пролетающего над адом, — пропастью, кипящей смолой и т. п. Грешные души срываються и падают в ад, а праведные проходят в рай. Мотив моста-волоса хорошо известен южным и, отчасти, восточным славянам. На Витебщине хозяйка бросала в печь 3 полена дров для того, чтобы

Мучение в адском колодеце. «Повесть о некотором немилостивом человеке, любителе века сего». Народная картинка из альбома Д. А. Ровинского

Притча из зеркала вельми страшна и ужасна. О девушке, певшей бесовские песни

они ей потом послужили кладками при переходе в рай через адскую реку.

Ад — место вечных мук. Грешники мучаются вечно в огне, смоле, реке в воде, их бьют раскаленными прутьями, их пожирают змеи, черви, их подвешивают на крюке за ребро, за язык, они лижут раскаленную сковороду, страдают от жажды, голода, от капающей на голову раскаленной серы. Русские считали, что муки в аду могут прекращаться на *Благовещение* и с *Пасхи* до *Вознесения*. После *Страшного суда* адским мукам будут подвергнуты и бесы, а некоторые грешники будут от них освобождены. См. также: Рай и ад.

Лит.: Афанасьев А. Н. Заметки о загробной жизни по славянским преданиям//Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. М., 1861. Кн. 3; Бессонов П. А. Калики переходные. Сборник стихов и исследований. М., 1861. Вып. 1; Генерозов Я. Русские народные представления о загробной жизни на основании записок, причитаний, духовных стихов и т. п. Саратов, 1883; Елеонская Е. Н. Представление «того света» в русской народной сказке//Этнографическое обозрение. 1913. № 3—4; Соболев А. Н. Загробный мир по древнерусским представлениям. Сергиев Посад, 1913.

Н. Толстой

АДРИАН ПОШЕХОНСКИЙ († в 1550), святой, основатель Пошехонского монастыря и иконописец. Согласно «Сказанию о святых иконописцах», написал много икон.

«АЗ ЕСМЬ С ВАМИ, И НИКТОЖЕ НА ВЫ», икона Божией Матери. На иконе представлена Богородица в красном хитоне и белым платке на голове. На Ее плечи накинут синий плащ, который тяжелыми складками охватывает всю Ее фигуру. Перед Собой Она держит Младенца Христа в белой рубашечке. Он радостно распахнул ручки навстречу миру.

Наряду с *Державной* иконой образ «Азь есмь с вами, и никтоже на вы» считается Покровительницей современной России и Спасительницей Русской земли. Празднование иконы Божией Матери «Азь есмь с вами, и никтоже на вы» установлено в субботу 5-й сед-

Прп. Адриан Пошехонский. Икона. XVIII в. Ярославль

мицы Великого Поста, когда Православная Церковь отмечает день «Похвалы Пресвятой Богородицы».

«Аз есмь с вами, и никтоже на вы». Икона Божией Матери. Подворье Иоанна Богослова Леушинского монастыря в С.-Петербурге

АЗОВСКАЯ икона Божией Матери, возникновение которой связано с походом на Азов русских войск под предводительством кн. В. В. Голицына в 1686. Такая икона была исполнена штрихами на внутренней сто-

Азовская икона Божией Матери. Икона. XVIII в. ГИМ

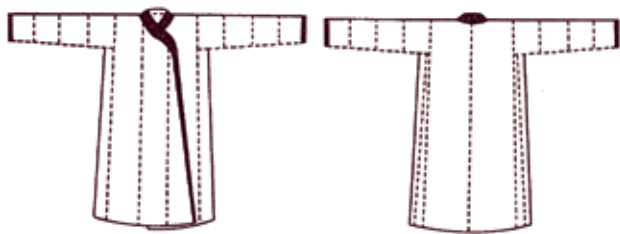
роне морской раковины, а затем вставлена в большой деревянный киот с изображениями событий завоевания Азовской крепости и обретения образа.

Почитание Азовской святыни началось при царевне Софье Алексеевне в к. XVII в. Празднование Азовской иконе Божией Матери установлено 28 авг./10 сент.

АЗАДОВСКИЙ Марк Константинович (5 [18].12.1888—24.11.1954), фольклорист, литературовед, этнограф. Родился в Иркутске, в семье служащего. Окончил в 1913 историко-филологический факультет Петербургского университета. Преподавал в Томском, Иркутском и Ленинградском университетах. Был руководителем фольклорного сектора Пушкинского дома. Азадовский вел широкую собирательскую работу. Наибольшее значение имели экспедиции по Амуру и Лене (1913—15), а также в Тункинскую долину (1925—27). Азадовский — один из крупнейших исследователей быта, литературы, фольклора, истории Сибири. Его работа о Ленских причитаниях (1922) обогатила науку новыми материалами и наблюдениями. Азадовский совместно с др. исследователями осуществил переиздания классических сборников фольклора «Народные русские сказки» А. Н. Афанасьева, «Онежские былины» А. Ф. Гильфердинга. Итогом научно-литературной деятельности Азадовского является его капитальный труд «История русской фольклористики» (1958).

Соч.: Ленские причитания. Чита, 1922; Верхнеленские сказки. Иркутск, 1938; Русская сказка. Т. 1—2. М.; Л., 1932; Литература и фольклор. Л., 1938; Сказки Магая, записи Л. Элиасова и М. Азадовского/Под общ. ред. и вступ. ст. М. Азадовского. Л., 1940; Русские сказки в Карелии. Петрозаводск, 1947; В. К. Арсеньев. Критико-биографич. очерк. М., 1956; Статьи о литературе и фольклоре. М.; Л., 1960.

АЗЯМ, верхняя крестьянская одежда, обычно надевавшаяся в дорогу. Это была длинная, халатообраз-

Азам: вид спереди и сзади. XIX в. Вологодская губ.

ная одужда без застежек, с глубоким запахом налево, с большим отложным простроченным воротником. Азам надевался с *кушаком*.

АИСТ, особо почитаемая птица, наделяемая в народных представлениях человеческими свойствами. В легендах и весенних обрядах аист выступает в роли охранителя и очистителя земли от гадов и прочей нечисти — змей, жаб, насекомых и *нечистой силы*.

Легенда связывает происхождение аиста с человеком. Бог дал человеку мешок с гадами и велел выбросить его в море, в огонь, закопать в яму или оставить на вершине горы. Человек из любопытства развязал мешок, и вся нечисть расплзлась по земле; в наказание Бог превратил человека в аиста, чтобы он очищал землю от гадов. Со стыда у аиста покраснели нос и ноги. В др. легендах аистом стал косец, не ответивший на приветствие Христа; косец, у которого перед Христом спали штаны; убийца, разбросавший части тела убитого, ставшие *лягушками*, и др.

Распространенным было поверье, что аист приносит детей. В Белоруссии во время празднования *родин* в дом приходил ряженный аистом и поздравлял родителей с новорожденным. Согласно приметам, ребенка следует ожидать там, где кружит аист, или тому, к кому на поле часто прилетает аист. Если он встанет на трубу во время *свадьбы*, у молодых будет ребенок. Аист снится женщине к *беременности* или рождению сына. Представления об отношении аиста к деторождению связаны с фаллической символикой его клюва, которая проявляется, в частности, в поведении ряженного аистом в рождественской обрядности, когда он клюет своим клювом девушек.

Гнездо для аиста устраивают на доме или возле жилья, используя для этого старую борону или колесо, которые, как считают в некоторых местах, должны установить холостяк с помощью девушки. Повсеместно гнездо аиста на крыше дома — счастливая примета. Оно оберегает дом от молнии и пожара, от гада, от злых чар и духов, способствует прибыли в хозяйстве и обогащению хозяина. Дом, который аист избегает, считают проклятым. Отсутствие гнезда аиста на доме или в селе сулит пожар, а уход аиста с гнезда — запустение дома или смерть кого-либо из домашних. В предчувствии попадания молнии или пожара аист покидает гнездо и переносит птенцов.

Нарушение запрета разорять гнездо аиста, уничтожать птенцов и особенно убивать аиста считается тяжким *грехом* и сулит обидчику несчастье, смерть, смерть его матери или сына, телесные уродства, слепоту, глухоту у детей, ущерб в хозяйстве, молоко с кровью у коров. Наиболее распространенное наказание — пожар: считается, что аист мстит обидчику, высекая огонь клювом или принося в клюве головню или уголь, которыми

поджигает крышу. В белорусском Полесье жницы просят аиста: «Иванько, Иванько, зашли нам трохи витру, бо не здюжим жаты».

А. Г. АКИНДИН И ПИГАСИЙ, святые мученики (341—345), празднуемые 2/15 нояб. Русские крестьяне считали их покровителями житниц и молились им, чтобы они оберегали от *огня овины* и амбары. Их знали как «строгих» святых: хорошим хозяевам они помогали, а нерадивых наказывали.

АКСИНЫЯ ПОЛУХЛЕБНИЦА, народное название дня прп. Ксении 24 янв./6 февр. Считалось, что с этого дня до нового урожая осталась половина срока, и до *новины* потребуется столько же *хлеба*, сколько съедено. В этот день гадали о ценах на хлеб и о новом урожае: если за ночь зерна в мерке прибавлялось или *каравай* становился тяжелее, то цены повысятся, а урожай будет хорошим.

АКУЛИНА, народное название дня св. мц. Акилины (293), празднуется 13/26 июня. У русских крестьян святая носила название Гречишницы, или Черной гречихи, а еще Акулина — задери хвосты. Прозвание «гречишница» угодница получила от сельского праздника, который в Древней Руси совершался в честь Крупенички, от которой, по поверьям крестьян, ведет свое начало греча. В этот день крестьяне молились св. Акилине об урожае гречи, срезали пучки гречихи и украшали ими в домах иконы. В день св. Акилины на Руси устраивались особого рода угощения, на которых первым блюдом считалась каша, приготовленная обыкновенно из оставшейся от прошедших лет гречи. На эту мирскую кашу приглашались главным образом бедные странники-калики, которые за это гостеприимство благодарили хозяев ласковым словом и пожеланиями хорошего урожая гречи. Вероятно, в среде странников-калик возникла сказка об известной царевне Крупеничке, которая, по вешему слову одной

Преподобная Ксения с житием. Икона XVI в.

старухи, обращена была в гречневое зерно и, попав затем на Русь, произвела настоящую гречиху.

В некоторых местах этот день назывался Акулина — задерживающая хвосты, что было связано с появлением оводов. Скотина бесится от овода, бежит из стада в тень под навес. В Средней и Северной России в этот день сеяли гречиху. В Курской губ. в этот день не работали, а чтобы гречиха была хороша, устраивали мирскую кашу для нищих.

На Акулину русские молились прп. Андронику, ученику св. Сергия Радонежского. Св. Андроник основал в Москве на Яузе Андроньевский монастырь, в котором работал великий иконописец св. Андрей Рублев.

АЛАТЫРЬ-КАМЕНЬ, по древнерусским поверьям, «всем камням камень, всем камням отец». Он упал с неба, на нем выбиты письмена с законами языческого бога *Сварога*. В «Голубиной книге», объясняющей происхождение мира, рассказывается, что под Алатырь-камнем берут начало источники, несущие всему миру пропитание и исцеление, т. е. живая вода. Под тем камнем сокрыта вся сила земли Русской, и той силе нет конца. На Алатырь-камне сидит красна девица Заря и пробуждает мир от ночного сна.

Древним днем Алатырь-камня считалось 14 сент. — он же языческий Ирьев день (христианское *Воздвижение*). По народному поверью, в этот день змеи собираются в кучи, в ямы, пещеры и прочие укывища и там лижут «бел-горюч камень Алатырь», а затем уходят в Ирве.

О. П.

АЛБАЗИНСКАЯ икона Божией Матери («Слово Плоть бысть»), именование которой соответствует строке Евангелия: «И Слово стало плотию...» (Ин. 1, 14). Этот образ изобразительно раскрывает идею воплощения

Албазинская икона Божией Матери («Слово Плоть бысть»). XIX в.

Сына Божия от Пречистой Девы, а также знаменует о высочайшем смысле этого воплощения: Спаситель «став тем, чем мы есмы, чтоб нам сделаться тем, что Он есть: *Слово плоть бысть*, чтобы плоть стала Словом».

Верующие почитают Албазинскую икону как покровительницу русских воинов и защитницу дальневосточных рубежей России. Празднование иконе

Албазинской Божией Матери «Слово плоть бысть» установлено 9/22 марта.

АЛЕКСАНДР И МИТРОФАН, народное название дня памяти св. блгв. кн. Александра Невского и свт. Митрофана, епископа Воронежского, празднуемых 23 нояб./6 дек.

Князь Александр Невский

русские люди молились Александру Невскому, чтобы он помог родственникам и близким людям, оказавшимся в чужих странах, остаться верными своей Родине и семье. По народному поверью, когда уходил из семьи воин на войну с врагами, втыкали в *матцу* или притолоку серп и постоянно наблюдали за ним. Если блестит он по-прежнему, значит, жив родной человек, доблестно с врагами сражается. А если потускнел-поржавел — несчастье с ним приключилось. Зубрили тогда серп о камень, начищали его до блеска, надеясь тем самым вдохнуть свежие силы в ослабшего вдаль человека и поднять его на ноги, чтобы вернулся он домой живым-невредимым.

На Александра и Митрофана молодежь гуляла и веселилась. Девушки варили яйца для парней, которые

из соседних деревень приходили. В Сибири в этот день устраивали кануны с пивом. Изображение св. Митрофана см. в ст. «Август» на день перенесения его мощей.

АЛЕКСАНДР ВОЧСКИЙ, ГАЛИЧСКИЙ, преподобный (XVI в.). Подвизался в XV–XVI вв. Основал монастырь в честь Преображения Господня на р. Воча, в 50 верстах от Галича. Преподобный преставился в н. XVI в. и был погребен в церкви Преображения основанной им обители. Вскоре после смерти святого началось его почитание, и был написан образ преподобного, установленный над мощами, погребенными под спудом.

Память его празднуется 27 марта и 23 янв. вместе с Собором Костромских святых.

Прп. Александр Галичский. Икона. 2-я пол. XVIII в. Солигалич. КМЗ

Прибытие отрока Алексия в Спасо-Каменный монастырь. Клеймо иконы «Александр Куштский в житии». Нач. XVII в. УКМ

АЛЕКСАНДР КУШТСКИЙ (в миру **Алексий**), игумен († 1439), уроженец Вологды. Поступил в юности в Спасо-Каменный монастырь, что на Кубенском оз., при игум. Дионисии Святогорце. Избегая похвалы человеческой за свои подвиги, он оставил монастырь и поселился в глухом лесу, на берегу р. Сянжемы. Там он встретил отшельника-инока Евфимия. Подвижники обрадовались друг другу и ради безмолвия решили обменяться пустынными: прп. Евфимий остался на Сянжеме, а прп. Александр ушел на Кушту. Рядом со своей кельей он воздвиг большой крест и стал подвизаться. Вскоре к нему стали собираться иноки. Бывший настоятель прп. Александра — архиепископ Ростовский Дионисий — благословил его соорудить церковь во имя Успения Божией Матери и снабдил иконами, книгами и богослужебной утварью. Святого Господь сподобил даром исцеления, и многим св. Александр помог в болезнях. Перед своей кончиной преподобный наставлял иноков пребывать в смирении, терпении и братолюбии и не забывать странников.

Память прп. Александру отмечается 9/22 июня.

АЛЕКСАНДР ОШЕВЕНСКИЙ, игумен (1427–1479), родился в 60 верстах от Белоозера, вблизи оз. Воже (на севере вологодских земель), в благочестивой семье

Александр Ошевенский. Икона. XVIII в.

землевладельца Никифора Ошевена. Св. Александр, в миру носивший имя Алексий, не был единственным ребенком у своих родителей. После рождения его старших братьев и сестер несколько лет Господь не давал им младенца. Скорбя об этом, жена Никифора — Фотиния много молилась. И однажды во время молитвы в церкви Фотинии было видение, которым ей было предсказано о рождении Алексия. Воспитанный в благоговении и страхе Божиим, Алексий с юных лет любил молиться. Когда ему исполнилось 18 лет, родители хотели его женить, но юноша предпочел уйти в *Кирилло-Белозерский монастырь* и принять монашество. Вскоре его родители переселились в Каргопольский край. Спустя много лет прп. Александр приехал навестить своих родителей, и Никифор уговорил сына поселиться недалеко от них. Инок, тронутый просьбой родителей, получил разрешение игумена Кириллова монастыря. В знак благословения святому были даны 2 иконы — Богородицы «*Одигитрии*» и свт. *Николая*. Новгородским архиеп. *Ионой* преподобный был рукоположен в священники. Вскоре св. Александр заложил основание новой обители, воздвигнув крест на берегу р. Чупурги. Св. Александр обладал даром духовной рассудительности, и многие приходили к нему за наставлениями. Перед кончиной он дал наставления своим духовным чадам и с миром отошел ко Господу.

Память прп. Александру отмечается 20 апр./3 мая.

АЛЕКСАНДР СВЫТНИК (Александр Невский), народное название дня перенесения мощей блгв. кн. Александра Невского (1724) и памяти прп. Александра Свирского (1533), 30 авг./12 сент.

Знаменательным было явление св. Александру Пресвятой Троицы в виде трех ангелов (ок. 1507). За всю историю человечества откровению Троица Божия сподобились только ветхозаветный праотец Авраам и прп. Александр Свирский. Это откровение несет таинственный смысл и знак любви Божией к русскому народу. В лице прп. Александра Свирского — русского новозаветного Авраама — сама Святая Троица избирает русский народ народом-Богоносцем, исповедником

В. М. Васнецов. Св. кн. Александр Невский. 1885–1896 гг.

истинной веры Христовой в конце мировой истории.

Явление Святой Троицы св. Александру Свирскому происходило так. Вначале к нему пришел ангел и повелел устроить церковь во имя Пресвятой Троицы, собрать братию и устроить обитель. И вторично явился ему ангел и повторил повеленное. Наконец, в 23-й год поселения преподобного в пустыни, большой свет явился в его храмине, и он увидел трех мужей, вошедших к нему. Они были одеты в белую одежду и освещены славой небесной «паче солнца».

В этот день на стол полагалось подавать свытную (ячменную) кашу. Слово «свытное» означало привычное, соответствующее обычаю и укладу жизни. «Свытно, — говорил крестьянин, — значит привычно, то, с чем свыклись, что стало потребностью. Свытник — это и то, что дает хлеб: свытно с хлебом жить».

Св. Алексий человек Божий. Икона. XVII в.

АЛЕКСИЙ, человек Божий († 411), относится к числу самых любимых святых на Руси. Родился он в Риме. С ранней юности полностью отдал свою жизнь подлинному служению Богу. Он тайно покидает Рим и плывет в Месопотамию в город Едессу, где хранился Нерукотворный образ Спасителя. Здесь, отдав все свое имущество нуждающимся, становится нищим, просящим подаяния. Святой посещает храм Божий и каждое воскресенье причащается св. Таин Господних. Всемиловитая Мать Божия через сонное видение возвестила пономарю местной церкви, что на паперти сидит истинно Божий человек. Но св. Алексий не хотел никакой славы и бежал из Едессы на корабле в Рим. Не узнанный никем, 17 лет служил он у своих собственных родителей, перенося все обиды и насмешки от других слуг своего же отца. Все стало ясно только при погребении святого, когда была прочитана сжатая в его руке прощальная записка.

У русских этот святой назывался «Теплым», потому что около дня его памяти усиливается весенняя теплота и вследствие того начинает таять снег на горах и стекает в виде ручейков и потоков в низменные места. Поэтому и замечает народ: «Алексея человека Божия — с гор потоки».

Еще прп. Алексия на Руси звали Алексей — с гор вода, Алексей — пролей кувшин, Солногрей, Водотек.

Память прп. Алексею отмечается 17/30 марта.

В этот день прекращали ездить на сани. По поверью, если начиналось обильное таяние снега и всюду с пригорков бежали ручьи, то это обещало большой раз-

Прп. Александр Свирский, предстоящий Святой Троице Ветхозаветной. Икона. 2-я пол. XVIII в. РМЗ

лив воды и благоприятную весну. В этот день считалось полезным смотреть на белый свет да слушать журчание весенних ручьев: зрение и слух от этого улучшаются, да и душа отдохновение получает. Водой из весенних ручьев, что с гор текут, окатывали с головы до ног детей; в первую очередь тех, кто в этот день родился, чтобы они весеннего здоровья набирались. Мыли детей в этот день по-особенному, соблюдая заведенный истари обряд. Усаживали ребенка в ушат и мыли вначале ступни, потом голени ног, живот, грудь и, наконец, голову. По поверью, человек от земли растет, от земли сил набирается, потому снизу, от земли, начинали его мыть. А чтобы рост его скорее был, то и венчиком его распаренным по тельцу похлопывали.

Собравшись всей семьей за столом, в этот день пили медово-березовый *взвар* — березовый сок на меду. Крестьяне верили, что такой взвар прибавлял силу, добавлял здоровья. Считалось, что родившийся в этот день человек будет по характеру задумчивый, готовый всегда помочь людям, заступиться за обиженного.

В южной России с дня Алексея начинали весенние хлопоты о пчеле — «Божьей работнице»: «На Алексея-теплого доставай улья из мшеничника!» — подает совет тамошний сельскохозяйственный опыт. «Покинь на Алексея позимнего сани, ладь-готовь телегу!» — откликнется на его умудренное житейским обиходом слово срединная, кондовая, Русь Великая: «Придет Алексей, Человек Божий, — брось сани на поветь!», «На Алексея — выверни оглобли из саней!» — приговаривает она. По старинной примете деревенской — «Каковы ручьи на Алексея, таковы и поймы (по весне)!» Если дружно побежит на Алексея, Человека Божия, с гор снеговая талая вода, то, по словам старых, выдавших всякие виды людей, — должно ожидать хорошего покоса. А пойдут в этот день сочиться порознь еле заметные ручейки из

сугробов, не заплачут снега разом — быть плохим кормам: станет животины на Алексея, Человека Божия, Богу жалобиться.

Д. К. АЛЕКСИЙ, митрополит Московский и всея Руси († 1378), в миру Елевферий, происходил из семьи черниговских бояр, переселившихся в Москву. Уже в 15 лет он принял монашеский постриг и поступил в *Богоявленский монастырь*, близ Кремля. Митрополит Московский *Феоно́ст* прозрел в св. Алексии человека чистого сердца и, рукоположив его во епископа города Владимира на Клязьме, поручил ему заведовать судебными делами Церкви. Это было великое и многотрудное послушание. В юные годы рано осиротевшего св. блгв. кн. *Дмитрия Донского* свт. Алексей был его заботливым наставником и воспитателем. Он был инициатором строительства первых каменных стен Московского Кремля, потому и в духовном, и в земном смысле слова свт. Алексей именуется Св. Церковью «граду своему великое утверждение». Святитель много сделал для благоустройства Св. Церкви и Русского государства. *Мощи* его почивают в кафедральном Богоявленском (*Елоховском*) соборе в Москве.

Память свт. Алексею отмечается 12/25 февр., 20 мая/2 июня (обретение мощей в 1431) и 5/18 окт.

АЛЕША ПОПОВИЧ, русский былинный богатырь, родом из Ростова, играет видную роль среди богатырей Владимиров цикла, вместе с *Ильей Муромцем* и *Добрыней* держит заставу, т. е. стоит на страже от вра-

Георгий Зиновьев. Митр. Алексей у Московского Кремля. Икона. Около 1690-х гг. ГТГ

Б. Ольшанский. Алеша Попович и Елена Краса

гов Русской земли, но отличается от своих товарищей хитрым и уклончивым характером, берет не столько силой, сколько обманом и наглостью. Так поступает он при совершении главного подвига своего богатырства — при убиении чудовища *Тугарина Змеевича*. «Бился ты со мной о велик заклад, — говорит Алеша своему сопернику, — биться, драться один на один». Тугарин оглянулся назад, а в это время Алеша подскочил и отрубил ему голову. У Алеши глаза завистливые, — ему нельзя дать поручение исчислить богатства Дюка Степановича; к тому же он хвастлив и известен своим женолюбием: один из распространеннейших былинных сюжетов изображает его неудавшуюся и по заслугам наказанную попытку жениться на жене До-

брыни в отсутствие последнего; по некоторым вариантам, он является «милым другом» сластолюбивой кн. Апраксии, жены былинного кн. Владимира. Называя его «бабьим пересмешником», былины тем не менее не отказывают «молодому Алешеньке Поповичу» в эпитете «смелый», и в общем деле он не отстает от товарищей.

С. Ю.

АЛИПИЙ (Алимпий) ПЕЧЕРСКИЙ († 1114), первый известный русский иконописец. Монах Киево-Печерского монастыря. Жизнеописание Алипия входит в «Киево-Печерский патерик» (XIII в.). Он работал в Киеве, учился у греческих мастеров, вместе с ними

участвовал в украшении мозаиками Успенского собора (1083). Согласно патерику, художник стал очевидцем чуда: образ Богородицы «просветился паче солнца», из уст Богородицы вылетел голубь и облетел весь храм и иконы. После этого мастер постригся в монахи. В монастыре он продолжал заниматься иконописанием («иконы писать хитр бе зело»), принимал участие в мозаичных работах, занимался ювелирным делом, у него были ученики. Предполагают, что Алипий мог принимать участие в исполнении мозаик и фресок Михайловского монастыря (1108–13). Алипий принадлежал к замечательным людям своего времени, его запомнили как выдающегося художника и кроткого светлого инока. Патерик рисует Алипия тружеником и нестяжателем. За свои работы он получал деньги, которые делил на 3 части: на одну он покупал краски, другую отдавал бедным, третью — в монастырь. В обители он стал священником. Его отличали «незлобие сердца», «смирение, чистота, пост, любовь, богомышление», ночи он посвящал молитве «на пение и на молитву упражняеся», а днем писал иконы и поновлял обветшавшие. По заказу некоего боголюбца Алипий написал для его домово́й церкви 5 больших деисусных икон. В патерике повествуется о том, как Алипий исцелил прокаженного, помазав его лицо кистью с красками и как явившийся к нему ангел дописал икону, которую он не мог закончить из-за болезни. Известно, что кн. Владимир Мономах привез из Киева в Ростов Великий икону Богородицы, написанную Алипием.

Алипий причислен к лику святых, его мощи находятся в Ближних пещерах лавры.

Память прп. Алипия отмечается 17/30 авг. и 28 сент./11 окт. (в Соборе Печерских святых, в Ближних пещерах почивающих).

АЛКОНОСТ, в поверьях Древней Руси райская птица с женским лицом, пение которой настолько прекрасно, что услышавшие его забывают обо всем, но зла от нее нет (в отличие от *Сирина*). Живет Алконост в *Ирье*.

АЛФЕЙ ГЛИННИК, народное название дня св. апостолов из 70 Карпа и Алфея, 26 мая/8 июня. По народному поверью, св. Алфей покровительствовал всем, кто изготавливал глиняную

В. М. Васнецов. Алипий, иконописец. Эскиз росписи Владимирского собора в Киеве. 1885–96 гг. ГТГ

Н. Антипова. Алконост

В. Васнецов. «Сирин и Алконост. Песнь радости и печали»

Миска. 2-я пол. XIX в.

посуду, и прежде всего мастерам-гончарам, которые в этот день заказывали ему молебен. Мужчины просили Алфея показать хорошие глины, а бабы — готовые горшки подольше сохранить. В этот день полагалось глиняную посуду вынести на улицу, под кусты цветущих ягодников, чтобы на-

питалась она свежим запахом смородины, крыжовника и шиповника.

В некоторых местах России этот же день называли не Алфей Глинник, а Иван Медвяный, по имени св. Иоанна Психайта, празднуемого одновременно со св. Алфеем. Медвяным Ивана называли по медвяным росам, выпадавшим в это время.

Было у этого дня и еще одно название — Земля-Кудесница.

АМБАР, хозяйственное строение: бревенчатое, каменное, кирпичное, саманное, с тесовой крышей, размером ок. 4 х 4 м, двухъярусное, с широкой выступающей площадкой перед входом и нависающим над ней вторым ярусом, стоящее на больших камнях или деревянных «стульях», без окон, но с небольшим отверстием для вентиляции. Использовался для хранения зерна, муки, имущества. Внутри бревнами или толстыми досками вдоль стен выгораживались *закрома* для зерна и муки, иногда имевшие вентиляцию в виде дощатых

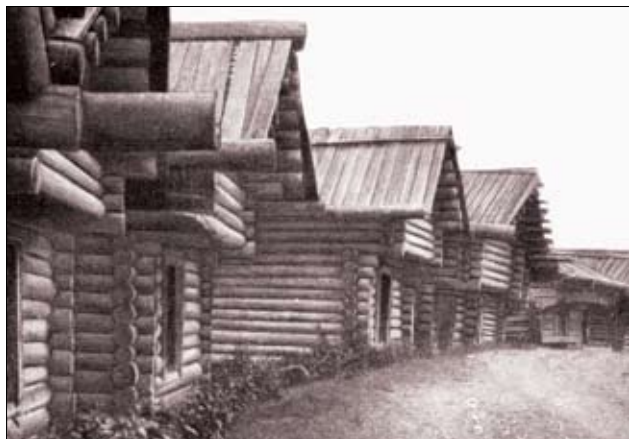

Фото К.Ф. Некрасова. Село Брусенец, Вологодской области. Улица амбаров. МАА

Рисунок пером проф. Р.М. Табе. Погост Толвуй, Заонежский район Карелии. Старые амбары. 1936 г.

Фото проф. Р.М. Табе. Деревня Никкойла, Сямозерский район Карелии. Амбар

Фото Е.И. Юстовой. Деревня Антипино, Чердынский район Вятской области. Конек на амбаре. 1938 г. ЛОССА

Фото В.М. Владимирова. Сольвычегодский район Архангельской области. Амбар. МАА

Фото Д.А. Золотарева. Село Ухта, район Калевалы Карелии. Двухэтажный амбар. ГЭМ

коробов, пропущенных сквозь стены. Ценные вещи, семенное зерно хранились во втором ярусе. В целях противопожарной безопасности амбары в деревне ставились поодаль от домов, но на глазах, чтобы присматривать за ними; напр., по одну сторону дороги стоял «порядок» изб, по другую, отделенный деревьями, — ряд амбаров. Амбарами назывались также складские помещения с лавками и конторами при них, ставившиеся на ярмарочных площадях, на торговых улицах в городах, напр. в Китай-городе в Москве.

Ист.: Беловинский Л. В. Энциклопедический словарь российской жизни и истории. М., 2003.

АМВРОСИЙ ОПТИНСКИЙ, преподобный (21.11.1812—10.10.1891). Св. Амвросий родился в с. Большие Липовицы Тамбовской губернии. Его мирское имя было Александр Михайлович Гренков. По окончании Тамбовской семинарии Александр был назначен учителем в Липецкое духовное училище. Во время тяжелой болезни, находясь при смерти, Александр дал Господу обет принять иночество — и выздоровел. Осенью 1839 он поступил послушником в Козельскую Введенскую Оптину пустынь в Калужской губ. Это было время возрождения старчества. Через послушание наставники-старцы вели своих духовных детей к спасению души. В 1842 Александр принял монашество с именем Амвросий, а через три года был рукоположен в иеромонахи. Более двадцати лет св. Амвросий прислуживал старцам Оптиной пустыни, совершенствуясь в послушании и духовной мудрости. В 1860 он принял на себя трудный подвиг старчества. За духовной помощью и наставлениями к св. Амвросию приходили люди всех сословий и званий со всей России. В Оптину пустынь приезжали В. С. Соловьев, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой. Сила святого старца заключалась в его всеобъемлющей любви, смирении и совершенном незлобии. Св. Амвросий был удостоен от Господа дара прозорливости — часто он рассказывал пришедшим к нему паломникам, которых он видел впервые, о событиях из их жизни. По его благословению было создано несколько

А. Стальнов, Х. Прохорова. Амвросий Оптинский. Икона. 1992 г.

женских иноческих обителей, в т. ч. и особо любимый им Шамординский монастырь во имя Казанской иконы Божией Матери. Старец причислен к лику святых Собором Русской Православной церкви в 1988. В этом же году состоялось и обретение мощей св. Амвросия, старца Оптинского.

Память прп. Амвросию отмечается 10/23 окт. и 3/16 окт. (обретение мощей).

АМОС — см.: **ФИТ**.

АНАСТАСИЯ ОВЧАРНИЦА — см.: **АВРААМИЙ И АНАСТАСИЯ**.

АНАСТАСИЯ УЗОРЕШИТЕЛЬНИЦА, народное название дня вмц. Анастасии, 22 дек./4 янв. Святая считалась покровительницей беременных, ей молились при родах.

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ. По словам Спасителя, Ангел-Хранитель дается каждому человеку при рождении. Он состоит при своем питомце неотлучно всю жизнь и принимает его душу при кончине. Имя святого покровителя дается при крещении по выбору людей, а Ангел-Хранитель дается Господом Богом. Русские называют день своих именин «днем Ангела», ассимилируя, таким образом, имя своего святого покровителя с Ангелом-Хранителем. Так, например, в описи икон по смерти царя Алексея Михайловича образ св. Алексея — Человека Божьего, его покровителя, значит «иконой Ангела Царя».

По апокрифическому видению апостола Павла, Ангелы-Хранители летят при восходе солнца к престолу Божьему, неся свитки с записью деяний своих питомцев. Ангел праведного ликует, Ангел грешника скорбит. Ему Господь Бог говорит: «Не печалься и не оставляй грешника, когда-нибудь он раскается».

Ангел Хранитель, св. Анастасия и царица Александра в предстоянии образу Спаса Нерукотворного. Икона. 1-я четв. XIX в. ГРМ

Ангел-Хранитель. Икона. XIX в. Москва

П. С. Сеньков. Ангел-Хранитель с Иоанном Предтечей, мцц. Анастасией, Надеждой и избранными святыми. Икона. 1921 г. Мстера. Собр. В. Бондаренко

Икона «Ангела-Хранителя с Деяниями» показывает заботу Ангела о своем питомце. В среднем поясе иконы человек изображен у себя дома днем за чтением книги. Ангел-Хранитель стоит над ним с крестом и мечом, отгоняя от него зло. Ночью видно, как человек спит спокойно под той же неустанной стражей. В верхней части иконы изображена Святая Троица и перед

Ней двое коленопреклоненных людей отдают свои души, исходящие из их уст. Тут же Ангел-Хранитель приносит к престолу Божьему душу праведного питомца, окруженную сиянием святости.

По русскому поверью, душа живет в груди и при кончине исходит через дыхательное горло, которое по-славянски называется «душник». Душа грешника

Ангел хранит спящего человека, душу и тело. Икона (без полей). Кон. XIX — нач. XX в. Мстера. Из собрания М. де Буара (Елизаветина)

болезненно извлекается через ребра; оба рода исхода души бывают изображены в синодиках и в сложных композициях Страшного Суда. Душа всегда изображается в виде младенца нагого в знак нового рождения после смерти. На отпевании поется: «нагим родился, нагим отыдеши».

Исключение в изображение души делается для Богоматери. На иконах «Успения» Христос держит душу Богоматери спеленутую, т. к., по словам Св. Писания, «И дано было ей облечься в виссон чистый и светлый, виссон же есть праведность святых».

Н. Ш.

АНГЕЛЫ, сотворенные Богом высшие бесплотные духовные существа, одаренные высшим разумом, свободной волей и большим могуществом, всегда предстоящие перед Престолом Божиим, служащие Богу и прославляющие Его, и посылаемые в служении спасению людей.

Ангелы принимают участие в главных событиях Священного Писания и потому изображены почти на всех иконах. Архангел благовествует Деве Марии Воплощение Спасителя, сонм Ангелов поет Рождество Христово, при Крещении Спасителя Ангелы держат Его одежды, Ангелы несут Орудия Страстей, предвозвещаая Искупительную Жертву, и витают скорбя у Распятия. Ангел

Ангел. Панно. Работа Е. Праховой по эскизу В. Васнецова

Собор архангелов, ангелов и прочих сил бесплотных. Икона-таблетка из Софийского собора в Новгороде. Кон. XV в. НМЗ

возвещает св. женам Воскресение, ангелы возносят Христа на небо, предстоят при Успении Богоматери и принимают участие в Страшном Суде.

Ангелы, по видениям Пророков, пишутся с крыльями, в длинных одеждах или в царском одеянии, в священном облачении и воинских доспехах. В их кудрявых волосах продета лента (слухи), концы которой свободно развеваются. Ангелы на иконах усугубляют

Ангел Великого Совета. Поморское письмо. XIX в.

представление о небесном явлении, и их полет дает чувство воздушного пространства и беспредельности.

Откуда черпал русский иконописец сведения об Ангелах? В Иконописном Подлиннике он находил лишь краткое указание, что «Ангелы — юноши неопишеской красоты», сведения о расцветке их одеяний и о стиле волос. О сотворении Ангелов не говорится в Библии при перечислении дней Творения и сказано лишь, что при изгнании Прародителей из Рая «Господь поставил Херувима на Восток от сада» (Быт. 3; 24). В некоторых апокрифических сказаниях сотворение Ангелов помещается в первый день, в других — в третий день, тогда как «Книга Небеси и Земли», или «Палея», т. е. Сборник библейских текстов от Бытия до Царя Давида, устанавливает сотворение Ангелов одновременно с небесными светилами в четвертый день Творения «при общем ликовании утренних звезд» (Иов 38; 7), что совпадает с учением Катехизиса.

Из Св. Писания известно, что Ангелы — духи, они принимают человеческий образ в соприкосновении с видимым миром, что они бессмертны, бесчисленны, святы, мудры, воинственны, целители, каратели, покровители, наставники и приставлены к человеку со дня его рождения до смерти.

На основании этих данных св. Дионисий Псевдоа-реопегит распределил Небесные Силы на Девять Чин-нов Ангельских по их отличительным свойствам:

С е р а ф и м ы —
Премудрость Божья,
они сапфино-синие,

Херувимы — пла-
мя и любовь, они
алые,

Господства — по-
кровительствуют на-
родам, они облачены
дьяконами,

Власти — повеле-
вают стихиями, они
в коронах,

Силы — выпол-
няют Божьи повеле-
ния, на них военные
доспехи,

Престолы — су-
дят, их облачение
епископское, они
держат книги,

Начала — творят
чудеса, они держат
«Печать Бога Живо-
го»,

Архангелы — бла-
говестители, пред-
стоят перед престол-
ом Бога,

Ангелы-Храни-
тели — держат свит-
ки с записью деяний
своих питомцев, за
которых они ответ-
ственны.

Четырьмя кано-
ническими Архан-
гелами являются:
Михаил, Гавриил,

Рафаил и Уриил. К ним добавляются в «Палее» еще три Архангела: Самаил, Рагуил и Варнафаил, доводя таким образом число Архангелов до семи, которые, по Откровению св. Иоанна Богослова, предстоят перед престолом Божиим.

На иконах и росписях Архангелы изображаются следующим образом: Архангел Самаил, который сле-дит за молитвами вселенной, стоит скрестив руки на груди в созерцании и с потупленным взором; Архангел Рагуил карает и вдохновляет людей — он держит корону и бич; Архангел Варнафаил следит за произрастанием и изобилием плодов земных — он держит снопы цветов; Архангел Рафаил — целитель, в его руке алебастр с ле-карством и рыба, его сопровождает Товий, отца кото-рого он вылечил рыбой печенью от слепоты; Архангел Уриил — свет и огонь, он воспламеняет сердца людей божественной любовью и держит горящий факел; Ар-хангел Гавриил — благовеститель, он несет фонарь и пальмовую ветвь; Архангел Михаил — самый великий из всех Архангелов, по словам Пророка Даниила (Дан. 10; 13). Он Архистратиг, начальник Небесного Войска, побеждает и низвергает Сатану (Апок. 12; 9) и потому часто изображается в военных доспехах.

Архангел Михаил пользовался особым почитанием на Руси, о чем свидетельствует множество церквей, по-священных его имени. Он покровитель Киева, древней Русской столицы, его изображение встречается на во-енных доспехах, знаменах, монетах и княжеских гербах Рюриковичей, потомков Киевских правителей. В 1808 был найден во Владимирских лесах шлем вел. кн. Ярос-лава Всеволодовича (XIII в.); на нем изображен Архан-гел Михаил и читается надпись: «Великий Архистратиг Архангеле Михаиле, помози рабу твоему». Царь Иван Васильевич Грозный в своей переписке с кн. Курбским пишет, что образ Михаила Архангела на военных зна-менах — «лучший знак победы над неверными».

Архангел Михаил — заступник и защитник; молит-ва, обращенная к нему в Требнике XVI в., гласит: «Свя-той Михайле, огради мя от зла».

По древним повериям, Ангелы и Архангелы покровительствуют не только людям, но и зверям и живот-ным. Так, во Второй книге Видения Гермеса говорится об «Ангеле зверей по имени Фегри». Ориген называет Ангела «следящим за рождением зверей». В средне-вековой апокрифической литературе рассказано, как св. Варфоломей просил Бога показать ему «Ангела коров» и получил ответ: «Имя ему Тутель, напиши его имя на доске и повесь для защиты зверей в стойло».

Архангелу Михаилу в греческих и славянских ле-гендах приписывается пленение черной силы, вредя-щей скоту, с запретом ей проникать в стойла. В русских деревнях служился благодарственный молебен 2 сент. Архангелу Михаилу за то, что он дал «оградительную молитву» пастуху, св. Мамасу Каппадокийскому про-тив падежа скота и, главное, лошадей.

Русский земледелец особенно ценил в хозяйстве свою лошадь и для ее предохранения от падежа прибе-гал с верой к чудодейственной силе Архангела Михаила. Икона свв. Флора и Лавра была широко распространена среди земледельцев. Первая икона этой чисто русской композиции появилась в Новгороде в XIV в. На древней иконе надпись стерта от времени, но более поздние ико-ны ее повторяют: «Архангел Михаил вручает табун свв. Флору и Лавру», и на иконе Архангел Михаил, держа за поводья лошадей, передает их под защиту святых цели-телей.

Н. Ш.

М. А. Врубель. Ангел с кадилом и свечой. Эскиз неосуществленной росписи во Владимирском соборе в Киеве. 1887 г.

АНДРЕЕВО СТОЯНИЕ, название всенощного бдения в храме на 5-й неделе *Великого поста* в среду вечером, когда читается канон Андрея Критского. Др. название — стояние Марии Египетской. Девушки считали необходимым выстоять это богослужение, надеясь, что святой поможет им найти хорошего жениха.

АНДРЕЙ НАЛИВА, народное название дня свв. Андрея Критского, блгв. кн. Андрея Боголюбского и прп. Андрея Рублева, великого русского иконописца, празднуется 4/17 июля.

Андрей Пустынный. Икона. 1730–1740-е гг. ГРМ

Боголюбская икона Божией Матери, с припадающим св. кн. Андреем Боголюбским из Покровского монастыря в Суздале. 1-я четв. XVIII в. ВСМЗ

Св. Андрей Боголюбский был известен в народе как «умученный от жидов». Его дела рассматривались простыми людьми как подвиг во имя Русского государства. В русских преданиях он представлен как образец мудрости в государственных делах и смелый, мужественный воин. За любовь к Богу и Божьей Матери летописи называют его Боголюбивым.

В день св. Андрея Боголюбского растения собирали силу, наливались соком. За это его называли Наливой и пели ему величальные песни. В этот день парни ходили от сенокоса в хлебные поля смотреть, как наливаются зерновые, прежде всего, овес. В этот день и овсяный кисель варили да угощали им девушек, что на выданье. Кисель надо было выхлебать да миску облизать, тогда и жених около невесты крепко держаться будет. В этот день девушки ходили собирать букеты полевых цветов. Собрать нужно было 12 цветов с 12 лугов: среди них главный — Андреев цвет. Букетик этот полагалось положить под подушку и на сон загадывать: кто приснится — за того замуж выходить.

АНДРЕЙ ПЕРВОЗВАННЫЙ (народное название — **Андрей Осенний**), апостол из 12-ти, брат ап. Петра, священномученик († 62). Память ап. Андрею отмечается 30 нояб./13 дек. и 30 июня/13 июля (в Соборе 12-ти апостолов). Рыбак Андрей, с юности всей душой обратившийся к Богу, сохранивший девство, что было редкостью у иудеев, первым последовал за Господом и первым был призван на служение Иисусу Христу, став одним из 12-ти апостолов. Именно он привел к Иисусу будущего первоверховного ап. Петра, своего родного брата; он вместе с будущим евангелистом ап. Иоанном Богословом слушал в пустыне проповедь св. Иоанна Крестителя. После сошествия Св. Духа на апостолов св. Андрей отправился с проповедью слова Божия в восточные страны. Он пересек Малую Азию, Фракию,

Ап. Андрей Первозванный. Икона. 1721 г. ГРМ

Н. Ломтев. Апостол Андрей Первозванный водружает крест на горах Киевских

Македонию, дошел до Дуная, прошел побережье Черного моря, Крым, Причерноморье и по Днепру поднялся до того места, где теперь стоит Киев. Русские летописи сохранили предание о том, что ап. Андрей благословил это место и воздвигнул крест на Киевских горах. На своем пути первозванный апостол претерпел много печалей и мук от язычников: его изгоняли из городов и избивали. Но его трудами возникали христианские церкви, в которых он ставил епископов и священников. Последним городом, куда пришел св. Андрей, были Патры. Многих жителей обратил он в христианскую веру, поэтому разгневанный этим городской правитель Эгеат приказал распять апостола. Чтобы продлить мучения, воины не стали прибавлять руки и ноги святого, а привязали их к кресту. Два дня апостол с креста учил собравшихся вокруг горожан. Люди, слушавшие его, потребовали снять его с креста, и, испугавшись народного гнева, Эгеат приказал прекратить казнь. Но св. Андрей стал молиться, чтобы Господь удостоил его крестной смерти. И пока воины пытались снять святого с креста, он уже предал свою душу Господу.

Св. Андрей почитается олицетворением мужского начала и покровителем брака. Слово «андрей» означает «муж», потому девушки, по стародавнему обычаю, на Андрееву ночь гадали на суженых, т. к. считалось, что Андреев день — лучшее время для гаданий о замужестве. Многие из них по заведенному обычаю накануне соблюдали пост и молились о даровании им хороших женихов. Андреевские гадания были похожи на святочные. В ожидании вешего сна девушки ставили миску с водой под кровать, под подушку клали щепотку кутьи или зеркало, нож, мужскую шапку, просто щепку со двора своего избранника; во двор выбегали, колья забора обхватывали; охапку дров, закрыв глаза, в дом приносили да потом пересчитывали, веря, что парный счет хорошее замужество предвещает. Трясли забор или дерево и по доносившимся звукам пытались угадать свое будущее. Срезали ветки фруктовых деревьев, ставили их в воду, надеясь, что распустившаяся к Рождеству ветка укажет на суженого. В окно выглядывали или на крыльцо выходили, а то в подворотне таились и все высматривали. Кого первого увидят или чей образ в небе за тучами привидится — за того и замуж выходить. Как святой Андрей Первозванный

последовал за Христом и верно служил ему, так и девушки мечтали увидеть своего суженого, который будет верным ей всю жизнь. На Полесье девушка молила св. Андрея, чтобы он дал ей знать, за кого она замуж выйдет. При этом она в горшочек с землей лен сеяла да над горшком «Отче наш» читала 9 раз стоя, 9 раз сидя и 9 раз на коленях, приговаривая: «Святой Андрею, Я на тебе лен сею, Дай же мини знати, За ким я буду той лен рвати».

В этот день прослушивали воду. Старики шли на реку, рубили прорубь, наклонялись на колени и слушали: шумит вода или нет. Если шумит — жди метели и ненастья, если тихо в проруби — и зима будет тихой, спокойной. Слушали и воду, принесенную в дом. Если тихая вода в ведре, то выливали ее в кадки; если шумная, сразу разливали в чугуны и ставили в печь, чтобы вода успокоилась и нечистая сила не вошла в дом.

Д. К.

АНДРЕЙ СТРАТИЛАТ И ФЕКЛА (Стратилат Тепляк, Фекла Свекольница), народное название дня мч. Андрея Стратилата, и с ним 2593 мучеников (284—305), 19 авг./1 сент.

К этому дню приурочивали обряд, по которому именинница (или родившаяся в этот день) приносила в дом первый или последний сноп и ставила его в *бабий кут* для охраны домашнего очага от нечистой силы и для того, чтобы в доме сохранялся прибыток. От лешего сноп овса ставили в *сенях*, *горнице* и конюшне. *Леший* любит конскую сбрую перепутывать, а сноп овсяный его отпугивал.

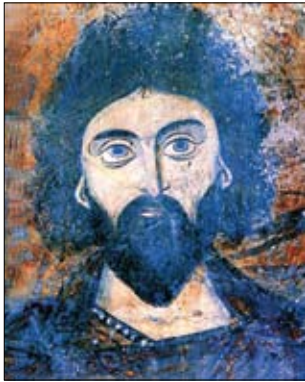
Мастер Даниил Матвеев. Св. Андрей Стратилат. Икона. 1711 г. ГРМ

Если случались к этому времени *дожинки*, то соблюдался обряд завивания бороды, когда оставленные на корню несжатые колосья собирали в пучок, пригибали и присыпали землей. Крестьяне верили, что благодарная земля даст на следующий год хороший урожай. Позднее завивание бороды стали посвящать русским святым Власию, Егорию и Илье, чтобы они оберегали хлеб и скот. Этот обряд выполняли мужики,

а жницы в одних исподних рубахах катались по колючей стерне и просили вернуть им силу, что была затрачена в страдную пору.

День этот называли еще Фекла, в память св. Феклы, умученной при Диоклетиане. «На Феклу копай свеклу», — говорили крестьяне. Поэтому Феклу называли свекольницей.

АНДРИАН И НАТАЛЬЯ, свв. мчч., празднуемые 25 авг./7 сент. У русских крестьян они были известны под именем Овсянников, т. к. обычно с этого дня крестьяне начинали уборку овса.

Мученик Адриан. Фреска XVII в. Софийский собор, Киев

Мученица Наталья. Фреска XVII в. Софийский собор, Киев

Последний овсяный сноп с песнями уносили с поля во двор. Вечером в этот день угощались толокном на кислом молоке (дежень) или на воде с медом и овсяными блинами.

По русскому обычаю, в этот день варили толокно — овсяный кисель. Полагалось толокно пить всюду и весь день, чтобы толокняный дух, толокняный запах чувствовался всюду. Считалось, что запаха этого боится огонь и без толокна овин загорится. Работу в этот день надо было начинать добрым словом, чтобы не сердить овинный огонь. Существовало предание, что если скажешь в сердцах грубое, обидное, скверное слово — так и полыхнет огонь по овину. Старики учили молодых, чтобы они работу начинали добрым словом-помыслом. Чтобы огонь не сердить и про доброе слово помнить, полагалось в этот день поклониться Одрияну да Наталье, Наталью блинами угостить, а Одрияна — толокном. Попыет Одриян толокна, будет за огнем в овине следить, не допустит пожара. Косари в этот день, собравшись артельно косить овес, приносили хозяину овсяный сноп в виде чучела. Хозяин угощал косарей овсяными блинами и киселем из толокна.

В этот день начиналась заготовка и калины.

В разных местах России этот день также называли: Наталья, Натальи Овсяницы, Овсяница, Рябинники, Адриан, Одриян, Одриян и Наталья.

25 авг./7 сент. русские люди также молились св. Адриану Ондрусовскому (1549), восприемнику дочери Ивана Грозного, и поминали всех воинов, павших в Бородинском сражении.

АНДРОН ЗВЕЗДОЧЕТ, народное название дня свв. мчч. Проба, Тараха и Андроника (304), 12/25 окт. В народе Андрона считали звездочетом: он «метлой небо подметает, звезды очищает, луну обметает». К Андруну обращались с молитвой, чтобы «заветная звезда — судьба не закатилась».

АНДРОНИК МОСКОВСКИЙ, игумен († 1395), один из учеников св. *Сергия Радонежского*. В юном воз-

Андроник Московский. Икона. Кон. XX в

расте он пришел к прп. Сергию и попросил облечь его в иноческий образ. Св. Сергий с любовью принял юношу и при пострижении в монашество нарек ему имя Андроник. Долгое время прп. Андроник находился в послушании у св. Сергия, совершенствуясь и возрастая духовно. В воздержании и трудах он старался подражать своему наставнику.

Св. Андроник отличался необычайно тихим и кротким характером и любовью к безмолвию. Однажды свт. *Алексий*, митрополит Московский, обратился к прп. Сергию с просьбой благословить прп. Андроника основать новый монастырь вблизи Москвы. Свт. *Алексий* рассказал, что, возвращаясь из Константинополя, он едва не погиб, когда корабль попал в бурю на Черном море. В момент крайней опасности святитель дал обет — основать храм в честь того святого или праздника, в день памяти которого они пристанут к берегу. Вскоре буря успокоилась. 16 авг., в день чествования Нерукотворного образа Спасителя, корабль благополучно достиг суши. Место для храма и новой обители свт. *Алексий* выбрал на высоком берегу р. Яузы. Прп. Сергий с радостью благословил своего ученика на святое дело.

Память прп. Андроника отмечается 13/26 июня. В этот же день отмечается память иконописцев *Даниила Черного* и *Андрея Рублева*, подвизавшихся вместе с Андроником Московским.

АНИСИЯ ЖЕЛУДОЧНИЦА, народное название св. мц. Анисии, 30 дек./12 янв. В день памяти этой святой крестьяне варили свиные желудки. По этим желудкам гадали о зиме. Обычно в эту пору завершался осенний убой скота, прежде всего свиней.

На Анисию начиналась подготовка к *Васильеву вечеру*: резали поросенка, выскабливали, мыли его внутренности и шкуру на реке. Готовили праздничную пищу. В *русской печи* топили нутряное сало, жарили печенку и селезенку, готовили пороссячьи ножки.

Считалось, что человек, родившийся в день Анисии Желудочницы, станет хорошим плотником и удачливым охотником.

По обряду, когда все приготовления к празднику были закончены, мужчины выходили во двор, вытаскивали *колоду*, в которой вскармливали поросенка, и вместе с соломой, в которой его разделявали, поджигали, совершая *хоровод* вокруг костра с песней-*колядой*.

АННА ЗИМНЯЯ (Анна Темная), народное название дня св. прор. Анны Ветхозаветной (1100 до Р. Х.), празднуется 9/22 дек.

День этот считается самым темным и коротким в году. Солнце почти совсем угасает, особенно на севере. Идет страшная битва между темными силами и светом Божиим. Тогда и является Анна, предвещающая свет Божий, подавая надежду, что силы тьмы рассыплются в прах. В этот день следует удерживаться от грехов и неверных поступков, не впадать в отчаяние и верить в

светлый день. Поскольку в результате борьбы тьмы и света появляется новорожденный луч (дитя), появляется новая жизнь на земле. Анна считается заступницей, покровительницей беременных женщин, которые не должны выходить на улицу, где господствует тьма, и тщательно оберегать дитя в утробе. Беременные женщины в этот день постились.

Роженицы шили детское приданое и одежду для себя. Считалось, что Анна помогает им управляться с иглой и ниткой. Усердная и кроткая роженица станет доброй и заботливой матерью.

Прор. Анна также считалась покровительницей пчеловодов, которые шли на свои пасеки, проверяли ульи, молили у святой хорошего приплода.

АННА СКИРДНИЦА, народное название дня св. прав. Анны Пророчицы, празднуемой 28 авг./10 сент.

В разных местах России этот день назывался: Анна, Анна Пророчица, Анна Скирдница, Скирдницы, Моисей, Моисей Мурин, День Саввы, Савва, Савва Псковский, Савва Скирдник. Последние семь названий этого дня, связанные с именем Саввы, объясняли, что в этот день праздновалась память св. прп. Саввы Крыпецкого, Псковского (1495), а также св. прп. Моисея Мурина.

В этот день крестьяне укладывали снопы в скирды, что означало конец уборки урожая. Святых Анну, Савву и Моисея звали на помощь. Крестьяне говорили: «Анна скирды осмотрела, приняла, теперь можно и к торгам-ярмаркам готовиться. Кто в этот день родится да Анной назовется, доброй хозяйкой, заботливой матерью слывет. Всю работу она до конца доводит, ничего никогда не переделывает».

Зачатие Богородицы (Зачатие св. Анны). Икона. Сер. XVIII в. ГРМ

АННА ХОЛОДНИЦА, народное название дня успешия прав. Анны, матери Пресвятой Богородицы (25 июля/7 авг.) Этот был день *калик перехожих*, нищих и странников. По погоде судили о зиме: если утренник холодный, то и зима морозная; какова погода до обеда, такова зима до декабря, после обеда — в январе.

Священномученик Антипа. Икона XVI в. Афон (Греция)

АНТИП ПОЛОВОД, народное название дня щмч. Антипа (11/24 апр.). В некоторых местностях на Антипа Половода впервые выходили с сохой в поле. Антип считался в народе целителем, особенно при зубных болях: нужно было подержать на больном зубе мелкую монету и, пробив в ней отверстие, повесить ее на икону святого.

АНТИПАСХА — см.: **ФОМИНО ВОСКРЕСЕНЬЕ**.

АНТИХРИСТ (антей, антий, антип), дух, помысливший встать против своего Создателя и за это низвергнутый с небес. Как озлобленный и безумный в гордыне раб восстает против господина, так и дьявол, воплощенный в антихристе, стал против всех Законов Божиих. Ему, по Промыслу Божию, дана временная возможность доказывать Богу свою якобы правоту.

Картинки из Апокалипсиса. Народная картинка из альбома Д. А. Ровинского

В духовном понятии антихрист, как воплощенный сатана, — абсолютное зло. В вещественном же — это особый человек. Св. Иоанн Дамаскин (VII в.) указывает: «Не сам дьявол сделается антихристом, но родится человек от блудодеяния и примет на себя все действия сатаны. Ибо Бог, предвидя будущее развращение его воли, попустит дьяволу поселиться в нем. Родившись от блудницы, воспитается тайно, неожиданно для всех объявится и воцарится» (Кн. 4, гл. 27).

Явление антихриста связано с иудаизмом. Как говорится в Евангелии, иудеи примут антихриста с великой радостью, уверуют в него как в Мессию, обещанного Пророками. Поэтому и сказал Христос, отвергнутый евреями Мессия: «Я пришел во имя Отца Моего, и не принимаете Меня; а если иной придет во имя свое, его примете» (Ин. 5; 43).

По происхождению своему антихрист будет необрезанный еврей, сперва явится к евреям, а затем привлечет и другие народы. По писанию св. Андрея Кесарийского, антихрист родится от еврейского колена Данова, которое поэтому не причислено к другим 12 коленам.

Христос побеждает Антихриста. Народная картинка из альбома Д. А. Ровинского.

Ап. Павел указывает: когда будет взят от среды Удерживающий, «тогда откроется беззаконник, которого Господь Иисус убьет духом уст Своих и истребит явлением пришествия Своего того, которого пришествие, по действию сатаны, будет со всякою силою и знаменами и чудесами ложными, и со всяким неправедным обольщением погибающих за то, что они не приняли любви истины для своего спасения. И за сие пошлет им Бог действие заблуждения, так что они будут верить лжи, да будут осуждены все, не веровавшие истине, но возлюбившие неправду» (2 Сол. 2; 8–12).

По свидетельству св. Ипполита Римского, жившего в I–II вв., «антихрист сперва будет кроток, тих, любезен, нищелюбив, люди будут видеть в нем, в его делах много добродетели и поставят его царем над собою. Они будут рассуждать: «Где мы найдем среди нас более благого и праведного человека?» Евреи будут думать, что восстанавливается их царство. После этого антихрист откроет свое лицо истинное («вознесется сердцем») и станет открыто жестоким, немилостивым и безбожным. Антихрист сделается царем, будет требовать от всех поклонения (всемирный царь) и будет знаменовать своей печатью покоряющихся, а непокорных замучит и убьет».

Антихрист будет упорным противником Христа. Св. Иоанн Златоуст отмечает: «Когда придет он, (то) ничего правильного не повелит, но все законно — преступное и беззаконное» (Слово 4-е).

Антихрист примет все иудейское. Сам необрезанный, он повелит всем творить обрезание и соблюдать субботы.

О. Платонов

В устной народной традиции, легендах, религиозных песнях и духовных стихах содержится разное по-

нимание роди антихриста в истории человечества. С одной стороны, в легендах и духовных стихах может быть изображена не противоречащая в целом учению Православной церкви картина Страшного суда, перед которым на землю явится антихрист и объявит войну всему святому; с другой — во многих произведениях, особенно раскольничьих, отразилось представление об антихристе как духе злобы, уже воцарившемся на земле.

Согласно легенде кубанских казаков, праведные Илья и Енох сойдут на землю за 3 года до Страшного суда. Они будут укреплять в вере людей и готовить их ко второму пришествию, предостерегая от козней антихриста. Антихрист родится от блудницы и до 30 лет будет жить в нищете и неизвестности, пока не явятся пророки. Тогда он тоже начнет проповедовать, уверяя людей, что он — Христос, станет показывать чудеса, обращая камни в хлебы, словом исцеляя болезни, воскрешая мертвых. Одним он покажется юношей, другим — старцем, третьим — царем, окруженным пышной свитой, соблазняющим людей богатством и роскошью. Всем уверовавшим в него он наложит печати на лоб и правую руку: на лоб — чтобы все видели последователя антихриста, и на руки — чтобы человек не мог больше творить крестное знамение. Своим приверженцам он проколет мизинец и кровью из ранки впишет в свой список имена уверовавших в него.

Из своих последователей антихрист составит целое войско, захватит в свои руки все богатства и хлебные запасы, голодом и всевозможными муками начнет истязать тех людей, которые не уверуют в него. Когда это не поможет, антихрист будет всячески терзать непокорных, рубить им руки и ноги, уши, замучивать детей на глазах родителей, морить голодом и жаждой.

К концу трехлетнего срока антихрист обойдет со своими войсками всю землю и настигнет Илью и Еноха. В эти последние дни люди, получившие антихристову печать, начнут испытывать лишения: их богатства обратятся в прах, пища — в лошадиный кал, питье — в мочу. Тогда отступники Христовой веры осознают свой грех, но им не будет прощения, т. к. печать, наложенная антихристом, не может быть снята.

Антихрист убьет Илью и Еноха, и едва кровь пророков коснется грешной земли, как она мгновенно воспламенится и начнется Страшный суд. Реки, моря и океаны принесут на своих волнах человеческие кости, и все мертвецы явятся к Христу на Страшный суд. Праведников примут в лоно Господне, отмеченные антихристовой печатью пойдут в ад на вечные муки.

В это время явится антихрист во всем величии, окруженный многочисленным войском. Голова его будет украшена двенадцатью рогами, в руках — длинные цепи. Этими цепями антихрист станет вязать грешников и ввергать их в геенну огненную, и мукам грешников не будет конца.

Согласно раскольничьим толкам, царство антихриста уже наступило со времени исправления церковных книг. Особой склонностью к апокалиптической трактовке действительности отличались беспоповцы (ок. 50 толков в сер. XIX в.), считавшие всякую духовную и светскую власть орудием антихриста. По мнению многих, седьмой фиал апокалиптический уже пролился на землю, и благодать взята на небо. В ранних раскольничьих стихах люди не ведают о том, что мир опьянен антихристом, а потому не могут освободиться от дурмана:

*Народился дух нечистый,
Дух нечистый, сам антихрист,
Наварил он пива много,
Напоил весь мир допьяна,
Что не может мир проспать
До Христова до причастья.*

В распространенной среди членов секты бегунов сатире «Газета с того света» утверждается, что в «нынешний век» «правда сгорела, истина охромела, добрую совесть закопали, смирение ногами попрали, и Сатана вершит суд над живыми и мертвыми». Отвергая гражданские документы как антихристово клеймо, бегуны сочиняли себе пародийные паспорта: «Отпустил мя, раба Божьего, великий господин града Вышнего, Святого узда, пустынного стана... чтоб не задержали бесы раба Божьего нигде».

Во многих нововведениях усматривали козни антихриста: след от привитой оспы называли «антиевой печатью», запрещая делать прививки от этой болезни взрослым и детям; «печатами антихриста» называли печати на паспортах, клейма на мерах и весах. От антихриста — народная перепись (для взимания дани с живых и мертвых), гражданская грамота, даже картофель, который в побывальщинах оказывается вовсе не овощем, а собачьими яйцами, если их положить в теплое место — щенки выведутся.

Приход антихриста подробно описывается в духовных стихах о Страшном суде:

*И сойдет на землю бездушный бог,
Бездушный бог антихристос,
Он исколет святое пророчество.
От той-то от святой крови
Загорится матушка-сыра земля,
Со восхода загорится до запада,
С полудён загорится да дó ночи.
И выгорят горы со раздольями,
И сошлет Господи потóние
И на три дня, на три месяца,
А вымает матушку-сыру землю
Аки хáратью белую,
Аки скорлупу яичную,
Аки девицу непорочную,
Аки вдовицу благочестивую.
И сойдет Михаил Архангел батюшка,
И утвердит престол среди земли,
Вострубит в трубоньку зóлоту:
«Вставайте вы, живые и мертвые,
Стáры и мáлы будьте в тридцать лет!»*

Тогда по правую сторону к Царю Небесному пройдут праведные души, по левую — грешники. В духовных стихах указываются разные строки царствования антихриста, вместе с его слугами — «ангелами-бесами темными» на Земле: три года, «пол четверта года»:

*И в последнее время будет
Антихристово пришествие,
И будет его царства пол четверта года,
И велит сатана сотворити дела своя,
Повелит своим угодникам,
И тогда наполнится земля беззакония,
И снидут пророцы Божии,
И учнут христианам глаголати,
Чтоб не веровали антихристову учению,
И обличат зло его ухищрение,
И познают, что антихрист — сын пагубный.
Тогда приступят бесы темные*

*И побьют пророков Божиих.
И после убийства пророческа
Загорится повелением Божиим
Вся земля за наше беззаконие,
Тогда же святы радуются радостью,
Угодивши праведнии
И все не приемши печати его,
Антихриста лукавого и нечестивого.
И ведом будет мучитель, связан от ангел
Со семи демоны, пред судищи Христовы,
И ведомы будут вкупе с ним
Приемши печать его скверную,
И все грешницы и нечестивии связаны.
И даст Царь на них осуждение,
Вечным мукам в огни негасимом.
И все иже не приемши печати антихристовы
И скрывшеся в вертепах и в пропастях
Радуются с Женихом, Сыном Божиим
И святыми его апостолы,
И с великими мученики,
И со всеми святыми Божиими.*

По новгородским поверьям, вся вода перед концом мира очутится во власти антихриста, а на месте прежних рек и озер будет лежать золото и серебро. Как на Русском Севере, так и в южных губерниях России в к. XIX — н. XX столетия было распространено убеждение, что антихрист явится, когда «весь мир заворует и Китай забунтует». Китай как убежище и место исхода антихриста заменил Западную Европу, откуда ранее ждали антихриста.

Толчком к распространению слухов о скором приходе антихриста могли послужить видения некоторым избранным людям. В одной из слобод Курской губ. в полночь сторожа стали замечать огонь в церкви. Взглянули в окно и видят: свечи горят перед алтарем, Царские врата растворены, и из алтаря выходят один за другим три петуха: белый, красный и черный; вышли и стали кричать. Прокричали по три раза и ушли в алтарь; свечи потухли, и в церкви стало темно. Схимник одного из монастырей провел ночь в этой церкви; из алтаря к нему вышел старик (сам Бог) и объяснил видение: белый петух означает хороший урожай, красный — кровопролитную войну с Китаем, после которой города и селения будут сожжены, а те из русских, что останутся в живых, умрут от чумы — это возвещает черный петух.

«Терские ведомости» (1891) сообщали следующие толки: появлению антихриста будут предшествовать знаменья: земля не даст урожая, города и селения уменьшатся, и перед концом мира останется всего 77 городов во всем мире. В последние дни останутся только 77 мальчиков, и они будут так слабы, что лишь сообща смогут зарезать одного барана и будут есть его целый день. Перед концом света подымется Китай, и никому несдобровать от этой великой и могучей силы. Предводительствовать ею будет антихрист, он и теперь уже тайно служит у важного китайского сановника.

Ист.: Новичкова Т. А. Русский демонологический словарь. СПб., 1993.

Лит.: Рязановский Ф. А. Демонология в древнерусской литературе. М., 1915.

АНТОН ВИХРЕВЕЙ, народное название дня св. прп. Антония Римлянина (1147), 3/16 авг. Предание о жизни этого русского святого, по национальности итальянца родом из Рима, было хорошо известно рус-

Св. Антоний Римлянин. Икона. XVII в. ГМИР

Антоний Дымский. Икона. Посл. четв. XVII в. КМНН

ским людям. Душу крестьян трогала история гонения святого из Рима в Новгород. Приплыв туда на камне, Антоний возрадовался, что Бог принес его к православным. Узнав об этом чуде, еп. Никита построил церковь и келью для Антония на месте его прибытия. Через год рыбаки выловили бочку с золотом и серебром, которую когда-то, уходя из дому, Антоний бросил в море. На возвращенное ему Богом золото и серебро он построил монастырь и прожил в нем 30 лет.

В дни памяти Антония Римлянина наблюдались сильные вихри. Они служили признаком снежной зимы. За эти вихри Антония и называли Вихревым, а в некоторых местах России этот день был еще известен под названием Вихревей, Вихревей, Вихровей. А т. к. в этот день было принято собирать лесную малину, то добавлялось и еще одно название — Малинник.

АНТОН ПЕРЕЗИМНИК, народное название дня свв. прпп. Антония Великого (356), Антония Дымского (1224), Антония Черноезерского (XVI в.), Антония Краснохолмского, 17/30 янв. Соединенное в этот день празднование одноименных святых, трое из которых были русскими, придавало этому в глазах русских людей особый смысл. В этот день совершался обряд отваживания *нечистой силы* от дома. По древнему обряду полагалось встать рано и выйти из дома, пятась назад, чтобы обмануть нечистого. А чтобы злые силы забыли путь к дому, следовало на снегу начертить крест.

Считалось, что родившийся в день Антона Перезимника будет трудолюбивым, добрым и красивым, активным, «как колобок». Поэтому родившимся в этот день пекли обрядовое печенье в виде колобка.

АНТОНИЙ ДЫМСКИЙ, преподобный (1157–1224). Родился в Новгороде и с юности полюбил уединение и молитву. Повинуясь влечению сердца, он решил оставить мир и принял монашеский постриг от прп. Варлаама Хутынского в основанном им монастыре, близ Новгорода. Спустя некоторое время св. Антоний был

послан по монастырским делам в Константинополь. Тогда же он посетил и Святую Землю, оказавшись одним из первых русских паломников у святынь Иерусалима. Через 5 лет прп. Антоний вернулся в родную Хутынскую обитель и принял управление ею по благословению умирающего св. Варлаама. Прп. Антоний достойно продолжил дело основателя, но впоследствии, избегая людской славы, тайно ушел к г. Тихвину и поселился в пещере на берегу Дымского оз., на высоком холме, окруженном глухими лесами. К нему начала собираться братия, и спустя некоторое время по разрешению новгородского кн. *Александра Невского* здесь был создан монастырь. Получив при постриге имя основателя монастыря прп. Антония Великого, Антоний Дымский стремился устроить иноческую жизнь по заветам своего небесного покровителя и ему же посвятил храм в новой обители.

Память прп. Антонию совершается 17/30 янв. и 24 июня/7 июля.

АНТОНИЙ ПЕЧЕРСКИЙ, основатель Киево-Печерской лавры, в Ближних (Антониевых) пещерах (983–7.05.1073). Память прп. Антонию отмечается 10/23 июля и 28 сент./11 окт. «Многие монастыри богатством царей и бояр устроятся, но не таковы они, как те, которые поставляются молитвами святых, их слезами, пощением и бдением. Так и прп. Антоний... слезами орошая, насадил и взрастил несравненный монастырь Печерский», который стал духовным центром Киевской Руси, школой монашества, образцом для устройства других обителей. Сам прп. Антоний ничего и не предпринимал для этого. Пребывая почти постоянно в пещере, он безмолвствовал и молился. Но сила молитвы его была такова, что освящала все вокруг. К нему, как к светильнику, горящему во мраке только-только еще пробуждающейся от язычества страны, тянулись все: и жаждавшие иноческих подвигов, и ищущие утешения, и ждущие помощи, и потерявшиеся на многотрудном жизненном пути — князья, бояре, воины, священно-

Печерская икона Божией Матери. Нач. XIX в. Верхнее Поволжье. ГРМ

служители, купцы, ремесленники, крестьяне, нищие, калеки, бродяги, бесноватые, разбойники... О всех он молился, всем помогал: обличал сильных, укорял слабых, укрощал строптивых, поддерживал падающих, ухаживал за больными — исцелял, назидал, раздавал милостыню; был гоним и обласкан, оклеветан и прославлен... Но даже выходя из своей земляной келейки, ни на мгновение не прерывал постоянной молитвенной беседы с Богом. И это придавало необыкновенные силы его ученикам и сподвижникам. Они хлопотали, добивались, строили, расширяли — устроили, наконец, великолепную лавру, сами преисполнялись благодатных даров, спасались и спасали других, чувствуя себя в крепкой ограде, возведенной теплыми молитвенными воздыханиями св. старца Антония.

Образ св. Антония Печерского был одним из самых любимых среди русских. Он воплощал собой все качества, которые были любимы в народной массе, — *добротолубие, трудолюбие, нестяжательство, милосердие*.

Июльский день памяти святого называли Антоний Рясочник, потому что в это время крестьяне собирали ряску — плавающие растения с поверхности воды на корм домашним птицам.

АНТОНИЙ РИМЛЯНИН († 1147), святой, преподобный, основатель и первый игумен Рождества Богородицы Антония Римлянина монастыря в Новгороде.

Родился в Риме в семье знатных и состоятельных горожан. С детства он был воспитан родителями в христианском благочестии и преданности Св. Церкви. После смерти родителей Антоний отдал свое имущество нищим и принял монашество, удалившись в пустынное место на берегу моря.

Память прп. Антонию Римлянину празднуется 17 янв., 3 авг. и в 3-ю неделю по Пятидесятнице — в Соборе Новгородских святых.

Прп. Антоний Римлянин на фоне монастыря. Икона. Кон. XVI в. Новгородские земли

АНУЧИН Дмитрий Николаевич (27.08[8.9].1843—04.06.1923), антрополог, этнограф, археолог, географ, академик (1896), почетный член (1898) Петербургской Академии наук. Родился в Петербурге. Сын отставного офицера. В 1860 поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, прервал учение (по болезни), в 1863 возобновил занятия на естественном отделении физико-математического факультета Московского университета (окончил в 1867). Сочетание гуманитарного и естественного образования повлияло на формирование научных интересов Анучина, который стал заниматься зоологией, антропологией, этнографией и археологией.

С 1884 проф. Московского университета, совмещал работу на кафедре географии и этнографии с преподаванием антропологии и географии. Один из основоположников антропологии в России. Рассматривал проблемы антропологии и этнографии в комплексе с данными естественных наук. Комплексный метод развивал в работе «Лук и стрелы. Археолого-этнографический очерк» (1887), где исследовал, в частности, формы наконечников стрел в Восточной Европе и др. регионах в свете различных культурных влияний. В работе «Сани, лады и кони как принадлежности похоронного обряда. Археолого-этнографический этюд» (1890) последовательно применил сравнительный метод, развиваемый европейской антропологической школой в этнографии, привлек исторические и этнографические аналогии в погребальных обычаях народов Евразии и др.; роль саней в царских ритуалах

В. Васнецов. «Всадники Апокалипсиса»

(выездах и т. п.), похоронах, свадьбах и др. объяснял особой древностью этого вида транспорта; рассматривал особенности конских захоронений у народов Евразии (скифов, славян, тюрков, финно-угров и др.). Специальная археологическая работа Анучина посвящена т. н. чудским древностям — памятникам искусства и религии древнего населения Приуралья («К истории искусства и верований у Приуральской чуди», 1899). Исторической этнографии Сибири посвящены работы «К истории ознакомления с Сибирью до Ермака» (1890), где исследована древнерусская рукопись XV—XVIII вв. «О человецех незнаемых в восточной стране», и заметка «Город Мангазея и Мунгазейская земля» (1903). С проблемами исторической географии России связаны географические экспедиции Анучина 1890, 1894, 1895 на Валдайскую возвышенность, к истокам Волги, Зап. Двины и Днепра. Редактировал журналы «Этнографическое обозрение» (с 1889), «Землеведение» (осн. Анучиным в 1894), «Русский антропологический журнал» (с 1900).

Большое значение имело выпущенное под редакцией Анучина трехтомное издание «Великая Россия — Географические, этнографические и культурно-бытовые очерки современной России». 1-й том — «Сибирь» — написан П. М. Головачевым, 2-й том — «Поволжье» и «Приуралье» — С. А. Королевым и В. А. Пиотровским, 3-й — «Тундра» и «Северо-лесная область» — Б. М. Житковым и С. В. Покровским.

Соч.: О людях русской науки и культуры. М., 1950; Географические работы. М., 1954.

Лит.: Левин М. Г. Д. Н. Анучин, в кн.: Труды института этнографии АН СССР, новая серия, т. 1. М., 1947; Толстов С. П. Д. Н. Анучин — этнограф, там же; Карпов Г. В. Путь ученого. М., 1958.

В. П., Д. Т.

АНФИСА РУКОДЕЛЬНИЦА, народное название дня памяти 362 мучеников и с ними Анфисы, в Африке от еретиков-ариан пострадавших (V в.), 8/21 дек.

В этот день в русских деревнях девушкам полагалось сидеть за шитьем, *прялкой* или ткацким станком, загадывая о своих будущих женихах.

В этот же день русские молились прп. Кириллу Челмогорскому (Челмскому), просветителю народа чудь.

Прп. Кирилл Челмогорский. Икона. XVIII в. г. Вологда

АНЧУТКА, в древнерусской языческой мифологии злой дух, живущий в воздухе и в воде, после принятия христианской веры — одно из названий *черта*. В народе его именовали «беспятый».

АПОКАЛИПСИС (греч.: откровение), сообщение Бога о судьбах мира. Изложено в Евангелии (Мк. 13 гл., Лк. 21 гл.) и книге Иоанна Богослова «Апокалипсис». На основании этих книг создано христианское учение о конечных судьбах мира и конечной участи человечества. К концу мира произойдет поляризация сил добра и зла. Церковь будет существовать до самого Второго Пришествия. Евреи возвратятся в Израиль и восстановят храм. На земле установится единое мировое госу-

Апокалипсис (Видение Иоанна Богослова на острове Патмос). Икона. 1-я пол. XVII в. ГТГ

дарство во главе с антихристом. Он воссядет в иерусалимском храме и объявит себя богом. Христиане и все, кто откажутся поклоняться антихристу, будут гонимы. Правление антихриста продлится 3,5 года, или 42 месяца, или 1260 дней (Откр. 12: 14; 11: 2, 3; 13: 5; 12: 6). В конце времен произойдет Армагеддон — последняя битва антихриста с христианами. После этого придет Христос и установит свое владычество.

О. П. АПОКРИФЫ, книги, трактующие о предметах, содержащихся в Священном Писании, но не признанные Церковью за боговдохновенные и даже впоследствии запрещенные. Буквальный перевод с греч. — отреченные книги. Возникновение апокрифических книг относится к первым векам христианства; первоначально они писались благочестивыми людьми, желавшими разъяснить и дополнить Священное Писание (так, напр., в апокрифе «Хождение Богородицы по мукам» описывается нисхождение Божией Матери в ад и затем предстательство ее пред Престолом Сына); апокрифы не запрещались, читались верующими, как теперь читаются жития святых, на них смотрели как на интересное чтение. Но вскоре на апокрифические книги, пользовавшиеся уважением, стали ссылаться наравне со Священным Писанием, еретики основывали на них свои лжеучения, — тогда апокрифы стали запрещаться и уничтожаться; на Соборах составлялись списки отреченных книг (первый список составлен в V в.). В настоящее время апокрифы имеют историческое значение, т. к. в них отражаются взгляды христиан первых веков. Из апокрифов одни описывают ветхозаветные события (напр., Псалмы Соломона, Заветы 12 патриархов, книга Еноха, Апокалипсисы Ездры и Варуха и др.), др. трактуют о Новом Завете (Евангелия, Откровения). Апокрифов Евангелий дошло до нас числом до 50-ти. Авторы собирали те изустные предания, которые могли забыться, или описывали те события, о которых в Евангелии были только намеки; иногда излагали в разговорной форме евангельские расска-

зы. Имен своих авторы не подписывали, а часто, для придания большего значения своим произведениям, выставляли имя апостола или ученика апостольского. Содержание апокрифических Евангелий разнообразно: «Первое Евангелие Иакова» (брата Господня) описывает время от рождения Спасителя до избияния младенцев; в «Евангелии (Псевдо) Матфея или книге о происхождении блаженной Марии и детстве Спасителя» говорится о юности Иисуса; «Евангелие о рождении Марии», «История Иосифа Плотника», «Евангелие Фомы» (читлось гностиками во II в.), «Арабское Евангелие детства» (о пребывании Спасителя в Египте), «Евангелие Никодима», «Евангелие Апеллеса», «Евангелие 12 апостолов» и др.

Апокрифы Деяния апостолов: «Деяния Петра и Павла»; «Деяния Варнавы»; «Деяния Филиппа в Элладе»; «Деяние Фомы» (древнего происхождения) и мн. др. Главные апокрифы Послания: «Послание Авгаря ко Христу» и «Христа к Авгарю»; «Переписка Апостола Павла с Сенекой» (6 писем); многие были убеждены в подлинности писем, и только позднейшие исследования раскрыли их подложность.

Апокрифов Апокалипсисов было также много, но целиком дошли только немногие. «Апокалипсис Иоанна» существенно отличается от канонического. В 1595 открыли другой «Апокалипсис Иоанна». Кроме того, были «Апокалипсис Петра», «Павла»; «Откровение Варфоломея» и др.

Б. С.

АПОСТОЛ ЕРМА — см.: ВЕРБОНОСИЦЫ.

АПРЕЛЬ, четвертый месяц в году, древнерусское название — «цветень» — цветение садов. В. И. Даль в «Толковом словаре» приводит еще два названия этого месяца — «брედень» и «кветень».

А. М. Грицай. Апрель

Русские крестьяне говорили об этом месяце так: «В апреле земля прееет. Апрель всех напоит. Апрель сипит и дует, бабе тепло сулит, а мужик глядит: что-то еще будет».

Основные народные приметы по дням этого месяца по В. И. Далю таковы: 1. Прп. Марии Египетской (см.: Марья — зажги снега). Марьи — пустые щи (запас капусты вышел). Захотел в апреле кислых щей! Если в этот день вскроется вода, то будет большая трава и ранний покос. Полагают, что в этот день просыпается домовый, и потому нужно обманывать друг друга; 3. Прп. Никиты исповедника. Никитин день. Водяной просыпается.

Евфимий Суздальский, архимандрит. Икона. XIX в. Цареконстантиновский храм. Суздаль

Если у кого скотина не ко двору или не водится, то полагают, что в этот день нужно водяному принести в жертву лошадь (утопить), чтобы умиловить его: «Вот тебе, дедушка, гостинец на новоселье, люби да жалуй нас!»; 4. День памяти М. В. Ломоносова; 5. Мч. Феодула. Фе-

Н. Салоникин. М. В. Ломоносов. 1991 г. Федоскинская миниатюра

дула *Ветреника*. Пришел Федул — теплый ветер подул. На Феудула пораньше вставай да оконницу отвори (т.е. рамы выставляй)! Феdul губы надул (ненастье). На Фе-дула сверчки просыпаются; 8. Ап. Иродиона. Родивона Ледолома (см.: Родион — ревушие волны). Родивон воды принес, уставь соху перепахать овес. Полагают, что в этот день солнце встречается с месяцем и реки вскрываются. Коли встреча добрая — хорошее лето, а худая — плохое; 11. Сщмч. Антипы. Антипы Водопола (см.: Антип Половод). Полагают, что в это время реки очищаются ото льда; 12. Св. Василия, еп. Парийского. *Василий Парийский* землю парит. Весна землю парит. Выверни оглобли, а сани на поветь; 23. Вмч. *Георгия Победоносца*. Юрьев день весенний. Егория вешнего. Егорий с теплом, а Никола с кормом. Егорий с водой (росой), а Никола с травой. Егорий с мостом, а Никола с гвоздем. Егорий с ношей (с кузовом), а Никола с возом. Не хвались на Егорьев день посевом, а на Николин день травой! В Егорьев день разве ленивая соха не выезжает. На Егория прилет ласточкам. На Юрия роса — не надо коням овса. Юрий запасае коров, Никола коней. Юрий — праздник пастухов (т. к. в его день выгоняют в первый раз скот в поле вербой с Вербного воскресения). Юрьева роса от сглаза, от семи недугов. Будь здоров, как Юрьева роса! Коли на Юрья березовый лист в полушку — к Успению клади хлеб в кадушку. Яровой сей до Егорья или с Егорья. Богатый сыт и в Егорьев день, а бедный терпит до Спаса. Под Егорья вешнего не работают, чтоб волк овец не поел. На Юрья св. Егорий разъезжает по лесам на белом коне и зверям раздает наказы. Всяк зверь у Егорья под рукой. Что у волка в зубах, то Юрий дал. Егорий весну начинает, Илья лето кончает. Юрий работы починает, Юрий и кончает. На Руси два Егорья: холодный (26 нояб.) и голодный (23 апр.). С Егорья хороводы, с Дмитрия посиделки. С Юрья по Семен день, *Покров* (сроки сделкам и наймам); 25. Святых жен-мироносиц и св. ап. и евангелиста Марка. Бабий праздник (см.: Женский день). На Марка прилет певчих птиц стаями; 27. Ап. и сщмч. Симеона, сродника Господня. *Семена Ранопашца*; 28. Ап. Ясона и мч. Максима (см.: Максимов день). На Ясона ветер тепляк — здоровяк. На Максима больных отпаивают березовым соком; 30. Ап. Иакова (см.: Яков день). Теплая ночь и звездная — к урожаю, а ясный всход солнца — ведрое лето.

В древности апрель назывался «пролетником», на Малой Руси он имел название «кветень» («цветенем» назывался также и май по другим славянским местам). Древняя Русь встречала апрель вторым в году из двенадцати месяцев; затем, при сентябрьском новолетии, стал он приходиться восьмым по счету. 1 апр. русские отмечали память св. Евфимия Суздальского (ск. 1404).

Апрельский Марьян день (1 апр.) считался днем всяческого обмана: походя, с шутками да прибаутками. «Первого апреля не солгать, так когда же и время для этого потом выберешь!», «На Марью-заиграй-овражки и глупая баба умного мужика на пустых щах проведет и выведет!», «Врать-то, брат, ври, да оглядывайся: нынче не первое апреля!» — говорят в народе. «Не обманет и Марья Тита, что завтра молотить позовут, — по гумнам на Поликарпа (2 апр.) одно воронье каркает!», «Ворона каркала-каркала да Поликарпов день мужику и накаркала!» — приговаривали крестьяне. По старинной примете, если с Марьи на Поликарпов день разольется полая вода, надо ждать больших трав да покоса раннего по весне. Наблюдения старожилов-погодоведов

К. Юон. Весенний солнечный день. 1910 г.

советовали хозяевам придерживаться в своих расчетах этой приметы. 3 апр. праздновалась чудотворная икона Пресвятой Богородицы «Неувядаемый цвет».

С третьим днем апреля связана в народной Руси примета рыбаков. «Не пройдет на Никиту-исповедника лед — весь весенний лов на нет сойдет!» — отмечали они. В некоторых местностях, преимущественно по

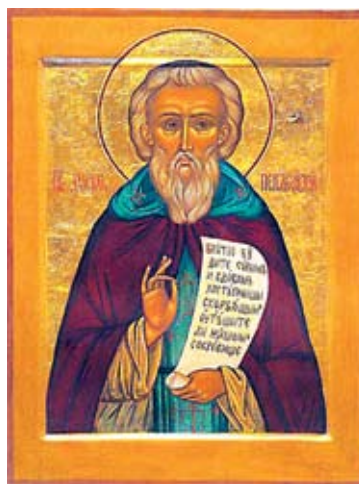
рыбным северным рекам, к этому дню рыбаки приурочивали угощение «дедушки-Водяного». Через сутки «приходил Федул (5 апр., день памяти мч. Феодула), теплый ветер подул!» Домовитые бабы-хозяйки твердо помнили, что «на Феодула растворяют оконницу», и до этого дня ни за что не выставляют в избе рамы. «Раньше Феодула окна настежь — весеннему теплу дорогу заставить!», «До Феодула дует сиверок (холодный северный ветер), с Феодула теплыню тянет!» — говорили они. «Пришел Феодул, теплый ветер подул, окна отворил — избу без дров натопил; сверчок — цок-цок, с огорода под шесток!» — гласила об этом волжская прибаутка. «С Феодулова дня и стряпать бабе веселее: сверчок под шестком ей песню поет!»

Со следующим днем, посвященным памяти прп.

Евтихия и мч. Иеремии, объединялись у сельских жителей две другие приметы: «На Евтихия день тихий — к урожаю ранних яровых!» — говорит одна; «Ерема-пролетный ярится, ветром грозится, — хоть не сей рано яровины, семян не соберешь!» — утверждала другая. «На Акулину (7 апр.) дождь — хороша будет калина, коли плоха яровина!». 7 апр. св. Даниила Переславский.

Богоматерь Неувядаемый Цвет. Икона. XVIII в. ГТГ

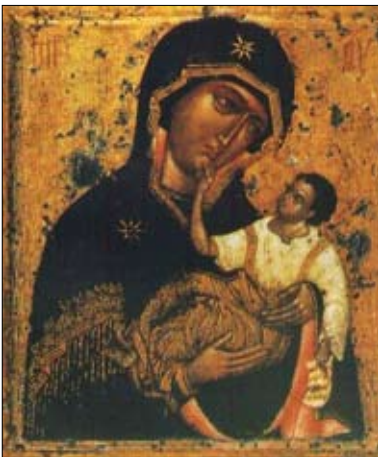
Прп. Даниил Переславский. Икона. Кон. XX в. Данилов монастырь в Переславле-Залесском

Прп. Иаков Железоборовский. Икона. 3-я четв. XVIII в. Галич

ника Сергея Радонежского.

12 апр. русские праздновали Муромскую икону Пресвятой Богородицы, явившейся на Руси в XII в. и оказавшую большую помощь в обращении язычников.

Муромская икона Божией Матери. XVIII в. Владимир

Через сутки после Родионова дня с его поверьями наступали новые — терентьевские (10 апр. — память мч. Терентия): старики поутру следили за восходом солнца — если взойдет в туманной дымке, быть хлебоборобному году, а если выкатится из-за горы, что на ладони — придется перепахивать озимое поле да засеивать яровиной. За Терентьями шли Антипы, звались они «водополами». К этому дню приурочивалось в средней полосе России ожидание вскрытия рек, разлива поймы воды. Если запоздала вода выйти из берегов, нельзя, говорили старики со старухами, ручаться за хороший урожай. «Антипы — водополы, подставляй полы: жита сыпать некуда будет!», «Антип без воды — закрома без зерна!», «По Антиповой воде о хлебушке гадай!»

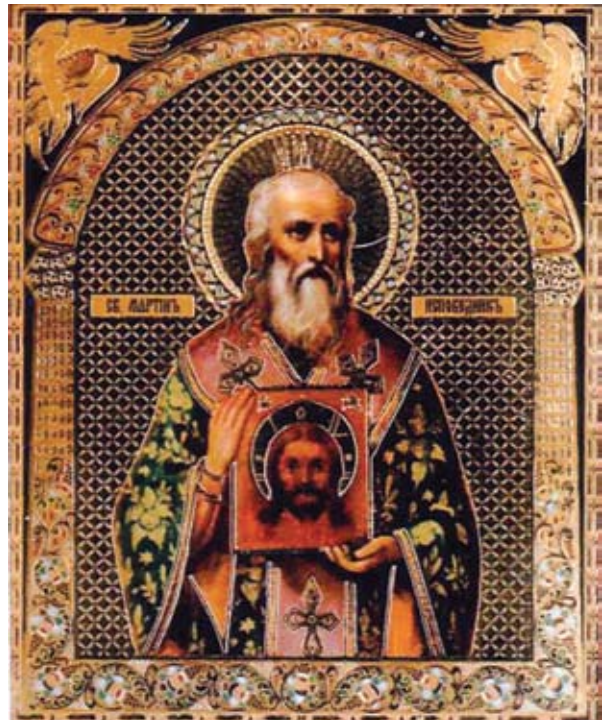
«Антип воду льет на поймы, Василий земле пару поддает!» — переходила народная мудрость к следующему апрельскому дню, посвященному памяти св.

8 апр. — Родионов день (память ап. Иродиона). Туляки, посадившие, по их же тульскому старинному сказу, блоху на цепь, рассказывали, что в этот день встречается солнце красное с ясным месяцем. Встреча встрече рознь: бывает и к добру, и к худу! Светел Родионов день — добрая встреча, пасмурен-туманен — худая. В первом случае ждали туляки хорошего лета, в последнем — недоброго. По народной поговорке, ходящей и по многим др. местам: «Горденек ясный месяц, и красному солнышку не уступит: задорен рогатый пастух — все звездное небо перессорит!»

11 апр. память прп. Иакова Железоборовского, уче-

Василия-исповедника, епископа Парийского. «На Василья Парейского весна землю парит!», «Запарил землю Василий — выверни оглобли, закинь сани на повесть!», «На Василья и земля запарится, как старуха в бане!» — говорили крестьяне. По примете охотников, в этот день вылезает медведь — лесной воевода из своей берлоги, вылезает — в кусты идет. «Заяц, заяц, выскочи из куста, дай место Михайле Иванычу Топтыгину!»

Через сутки, на Мартынов день (14 апр.) (см.: Мартын Лисогон), у охотника новая примета: переселяются лисицы из старых нор в новые. Нападала после этого, по уверению старых охотников, куриная слепота: три дня, три ночи не видит хитрый зверь ни темноты, ни света Божьего — сидит на новом гнездовище и дремлет, покуда ему ворона не станет клевать головы.

Мартин Исповедник. Икона

Мартынов день именовался во многих местностях «вороньим праздником». По старинному преданию в этот день каждый старый ворон отпускал своих годовалых воронят в отдельное гнездо — «на особое житье». Ворон — птица вещая, и не только вещая, а и зловещая. Живет ворон-птица, по народному поверью, до трехсот лет. Простодушная мудрость, выразившаяся в пословицах, присловьях и др. крылатых словах, относится к нему далеко не доброжелательно.

На Пудов день (15 апр., память св. ап. Пуда) начинались заботы у пчеловодов. Опыт давних лет советовал им осматривать омшаники, прислушиваться: начала ли гудеть пчела — «Божья работница» в ульях. На юге в бычае было выставлять в это время пчел из зимних помешений на вольный воздух. «На день святого Пуда вынимай пчел из-под спуда!»

За св. Пудом следовала Ирина-разрой-берега (16 апр.) (см.: Ирина Рассадница). В Московской и Ярославской губ. существовал у огородников обычай — засеивать в этот день в особых ящиках-срубах капустную рассадку. На севере же это приурочивалось к 5 мая, дню Ирины-Рассадницы, когда по другим, более мягким погодой местам, уже высаживали рассадку на

грядки. Сибирские старожилы ждали к апрельскому Ирину дню полного вскрытия Иртыш-реки.

17 апр., на вешний день Зосимы, соловецкого чудотворца (см.: Зосима Пчельник), в сельских храмах устраивались молебны соловецким угодникам Зосиме и Савватию как покровителям пчел. За Зосимой чествовалась по православному месяцеслову память св. Ивана Нового. В этот день было положено у огородников засеивать морковь со свеклой, что и делалось с соблюдением особых обычаев. Семена смачивались в

Прп. Зосима и Савватий Соловецкие чудотворцы. Икона. Кон. XIX в. ГРМ

родниковой воде рано поутру. При этом в родник опускались медные деньги, чем предполагалось обеспечить хороший урожай овощей. По другому поверью предпочитали смачивать семена в обыкновенной речной воде на трех утренних зорьках. Оба поверья советовали огородникам при выполнении этого соблюдать величайшую предосторожность: никто из посторонних не должен был видеть, что делают сеятели. «Чужой глаз — что лихой ворог завистлив, а зависть — что твоя ржавчина: весь урожай поедом съест!»

18 апр. на Руси праздновали *Максимовскую* чудотворную икону Пресвятой Богородицы, явившейся в XIII в. и прославленной многими чудесами.

Девятнадцатый апрельский день приводили на Русь прпп. Трифон с Никифором (см.: Иван Ветхопещерник). Помолясь им перед божницей, хаживали в старину хозяйки с концом «обетного» холста в поле. Здесь, каждая на своей загонной меже, они останавливались, истово били земные поклоны во все стороны света и затем, обратясь лицом к солнцу, выкликали: «Матушка-весна, вот тебе новая новинка!» После этого принесенный холст расстилался на межнике, причем тут же клался кусок пирога. По старинному поверью, весна брала себе это приношение и, в благодарность, одаривала чествовавших ее богатым урожаем льна-конопли на новые холсты.

Били бабы челом весне, жертвовали ей холстину, а на другой день (20 апр.) (см.: Федор Власяничник) приходило «окликанье родителей». Еще в 30–40-х гг. XIX в.

этот обычай соблюдался почти повсеместно. Чуть загоралась утренняя зорька, шли все бабы и старухи на *кладбище* — каждая на могилу своих родственников — и начинали причитать-вопить истошным голосом.

У И. П. Сахарова приводятся два причитания. «Родненькие наши батюшки! — начинается одно из них. — Не надсажайте своего сердца ретиваго, не рудите своего лица белаго, не смежите очей горючей слезой! Али вам, родненьким, не стало хлеба-соли, не достало цветна платья? Али вам, родненьким, встосковалось по отцу с матерей, по милым детушкам, по ласковым невестушкам? И вы, наши родненькие, встаньте-пробудитесь, поглядите на нас, на своих детушек, как мы горе мычем на сем белом свете. Без вас-то, наши родненькие, опустел высок терем, заглох широк двор; без вас-то, родимые, не цветно цветут в широком поле цветы лазоревы, не красно растут дубы в дубровушках. Уж вы, наши родненькие, выгляньте на нас, сирот, из своих домков, да потешьте словом ласковым!» Плакали-надрывались тонкие женские голоса, плакало-обливалось кровью сердце каждой из причитавших. И не диво, что слышало это рыдающее сердце откликавшиеся из могилы голоса своих «родненьких», а если даже и не слышало, то чутя — чутяло.

Другое еще более трогательно. «Родимые наши батюшки и матушки, — разносилось оно по ниве смерти, припадаячи к могилам: «Чем-то мы вас, родимых, прогневали, что нет от вас ни привету, ни радости, ни тоя прилуки родительской? Уж ты, солнце, солнце ясное! Ты взойди, взойди со полуночи, ты освети светом радостным все могилушки, чтобы нашим покойничкам не во тьме сидеть, не с бедой горевать, не с тоской вековать! Уж ты, месяц, месяц ясный! Ты взойди, взойди со вечера, ты освети светом радостным все могилушки, чтобы нашим покойничкам не крушить

Евангелист Лука, пишущий икону Божией Матери. Икона. Сер. XVI в.

во тьме своего сердца ретивого, не скорбеть во тьме по свету белому, не проливать во тьме горячих слез по милым детушкам! Уж ты, ветер, ветер буйный! Ты возвей, возвей со полуночи, ты принеси весть радостную нашим покойничкам, что по ним ли все детушки изныли во кручинушке, что по ним ли все невестушки с гореваньица надсадились...»

В тот же день русские праздновали память св. Александра Ошевенского (ск. 1479) и умученного жидами Гавриила Белостокского.

Гавриил Белостокский. Икона

На другой день после окликанья родителей, в день св. мч. Прокула по многим местам было в обычае проклинать нечистую силу, заковывающую тепло в ледяные оковы и опутывающую свет солнечный тьмой-сумраком. Проклятие выкликали старухи, выходя на деревенскую околицу и становясь лицом к западу. Существовал особый обряд этого проклятия. Предание, переходившее из уст в уста, гласило, что соблюдением этого обычая ограждался деревенский люд на всю весну и на целое лето от всяких ухищрений злой нечисти, а особенно охранялся этим крестьянский скот на подножном весеннем корму. 22 апр., когда в числе др. угодников чествовалась память св. ап. Луки, с.-х. опыт советовал высаживать на грядки лук. «Кто ест лук, того Бог избавит от вечных мук!» — говорили при этом. «Лук помогает от семи недугов!» По народному присловию: «Лук — татарин: как снег сошел, так и он тут!»

За днем св. ап. Луки следовал день, посвященный памяти вмч. Георгия Победоносца и царицы Александры (23 апр.) — «Егорий (Юрий Теплый) весенний». Как и о зимнем Юрьеве дне («холодном», приходящемся на 26 нояб.), о нем существовало множество сказаний, поверий и поговорок, неразрывными узами связанных с бытом русского пахаря. Придет Егорий с теплом, выгонит в поле коров, отбудет свой черед на Руси, а за ним следом «Савва (Стратилат)» (см. также: Евсеев день) на Савву (Печерского) глядит — тяжелому май-месяцу

Чудо Георгия о змие. Икона. 1-я пол. XVI в. ГРМ

последнее жито из закрома выгребать велит». «Про нашего Савву распустили славу, не пьет-де, не ест, а зерном мышей кормит!», «Богат Савва, знай — по миру ходит да под окнами славит!», «Всего у меня вдоволь, чего хочешь — того и просишь! — А дай-ка, брат, хлеба! Ну, хлеб-то давно весь вышел, поди возьми у Савки в лавке!» и т. д. 24 апр. праздновали явившуюся в 1405

Молченская (Путивльская) икона Божией Матери

Молченскую чудотворную икону. С днем, посвященным Православной церковью памяти св. апостола и евангелиста Марка (25 апр.), связана была особая с.-х. примета. Если в этот день утром, на восходе солнечном, птички стаи летели на конопляники, то следовало ожидать завидного урожая конопли. Увидев эту добрую примету, в старину, обыкновенно, рассыпали по задворкам несколько горстей конопляного семени — на угощение залетной птице. Было в обычае в некоторых местностях ходить в этот день ловить тенетами чижей. В Туле еще в 40-х гг. XIX в. ходили на эту охоту-забаву чуть ли не все старики, располагавшие особым временем. Просветитель язычников Стефан Пермский.

Свт. Стефан Пермский с деисусом и святыми на полях. Икона. 1717 г. ЦМиАР

28 апр. (память свв. апп. Иасона и Сосипатра) был днем, страшным для берез: во многих местах было принято в это время пробуравливать их до самой сердцевины и нацеживать в кувшины весенний сок — «березовицу». «Березовицы на грош, а лесу на рубль изведешь!», «Пьяную березовицу навеселяют хмелем!» Деревенские лекарки-знахарки собирали березовый сок не для питья, а как лекарство. Более всего они пользовались этим весенним снадобьем для лечения страдающих лихорадкой. Но перед этим необходимо было, по их уверению, или выкупать больного в дождевой воде, или — еще лучше — натереть мартовским снегом (если где-нибудь сумели его сохранить). Солнечный день 28 апр. служил верным предзнаменованием того, что «сестры-лихоманки отпустят болящего». Если же в этот день шел либо снег, либо дождик, или садился мглистый туман, то сведущие в «лечобе» люди советовали отказаться от лечения. Знахари в этот день поступали так. Брали «обетные ладанки», выходили с ними на перекресток дорог и ждали там, не повеет ли попутный «теплый ветер со полудня». Этот ветер, в их представлении, тоже являлся целебным. Как только начинало тянуть южным ветерком, выставляли они

ему навстречу свои ладанки и особыми заговорами загоняли в них ветер, чтобы после, положив ладанку на больного, излечить его этим «ниспосланным из-за теплых морей снадобьем».

29 апр. — день девяти мучеников — тоже считался днем целений. «Девять святых мучеников, Феогнид, Руф, Антипатр, Феостих, Артем, Магн, Феодот, Фавмасий и Филимон (см. также: Мемнон), — причитали-нашептывали знахари, — исцелите раба Божия (имя-

Девять мучеников Кизических. Икона. 1-я треть XIX в. Палех

рек) от девяти недугов, от девяти напастей: чтобы его не ломало, не томило, не жгло, не знобило, не трясло, не вязало, не слепило, с ног не валило и в Мать-Сыру-Землю не сводило. Слово мое крепко — крепче железа! Ржа ест железо, а мое слово и ржа не ест. Заперто мое слово на семь замков, замки запечатаны, ключи в окиян-море брошены, Кит-рыбой проглочены. Аминь». Этот заговор, произнесенный в урочное время, оказывал, по мнению знахарей, облегчение больному, но только, добавляли они, сказать наговорное слово надо не спроста, а «умеючи»...

Последний день апреля отмечался на Руси особо. Если вечером с этого дня на 1 мая небо было звездное и ясное и дул теплый ветер, то, по примете подмосковной, можно было ожидать не только богатого грозами и теплом лета, но и хорошего урожая. В др. местах, напр., в Рязанской губ., был обычай наблюдать в этот день поутру за восходом солнца. Взойдет солнце из-за горы-горы, на чистом безоблачном небе, быть всему лету ведренному; выглянет солнце сквозь облака — зальют лето дожди-сеногнои. В Тульской губ. было поверье, что 30 апр. нельзя выезжать в дорогу, не умывшись водой, натаенной из мартовского снега, которому, как видно, и не только в этом случае придавалась целебная сила. Начинают бродить по чужой стороне, — гласило это поверье, — «всякие лихие весенние болести; не обережешься от них мартовским снегом, так и изведут тебя вконец».

В народном «Месяцеслове», который распевали *калики перехожие*, был воспет каждый день апреля. «Всю землю цветы апрель одевает, весь собор людский в радость призывает, листием древо зеленым венчает», — начинался этот стих. Затем поименно перечислялись все памятуемые в месяце святые — в сопровождении краткого хвалебного слова о каждом. Восхваление сонма чествуемых в апреле угодников Божиих заканчивалось особой хвалой последнему святому месяца — св. Иакову, сыну Заведееву:

*В тридесятый день славно восхваляем,
И к солнцу-месяцу светло просветляем,
Благодатию присно весь сияет,
Церковный венец, звезда солнечная,
С дванадцати свыше явленная,
Ему же есть честь от Бога вечная!*

Лит.: Коринфский А. А. Народная Русь. М., 1995.

АРИНА — ЖУРАВЛИНЫЙ ЛЕТ, народное название дня св. мц. Ариадны (VII в.), 18 сент./1 окт. В этот день улетали последние журавлиные стаи. В народе существовало поверье, что Арина «ветры знает, журавлям дорогу и время полета подсказывает, птицу от ядовитой травы зыбун-бабы охраняет, журавлиные перья клюквенным соком смазывает, чтобы могли птицы легко в небо взлететь. Отправив птиц в дальний путь, Арина закрывает журавлиным ключом подоблачные пути, чтобы никакая нечистая сила на Русь не залетела. Ключ этот она бережно хранит до весны, когда нужно будет журавлям путь на родину открывать».

В некоторых местах Арину звали Плакунья журавлиная. Было у Арины еще два названия — Шиповница и Истопница Овинная. Шиповницей ее называли потому, что в это время на зиму заготавливали шиповник, а истопницей — потому, что в некоторых местах в этот день затапливали *овины*, чтобы сушить зерно. К святой обращались с молитвой защитить овины от *пожара*.

АРИНА РАССАДНИЦА (Ирина Рассадница, Орина), народное название дня мц. Ирины (5/18 мая). Обычно в это время в центральных губерниях сажали *капусту*, в полях выжигали прошлогоднюю траву. При посадке капусты (непреренно женщинами) первый саженец покрывали большим горшком, а его — белой скатертью, чтобы кочаны были большими, тугими и белыми.

Кроме этого дня Арины (Ирины) Рассадницы существовал еще один день с таким же названием, 16/29 апр. Хотя это были разные св. мученицы, но в народном сознании они остались как единый образ Арины (Ирины) Рассадницы. Если на апрельскую Арину рассадку капусты высаживали в домах, то на майскую Арину выросшую рассадку высаживали в почву.

АРМЯК, верхняя мужская, реже женская одежда, из грубой шерстяной ткани, надевавшаяся в дорогу поверх одежды для защиты в непогоду. Представлял собой своего рода широкий, длинный (до щиколоток) однобортный халат с глубоким запахом справа на лево, с широкими прямыми рукавами и с большим воротником. Подпоясывали его *кушаком*.

Армяк известен в России с XVI в. В то время небогатые люди носили его как верхнюю уличную одежду, а бояре и богатые

купцы ходили в армяках, как в халате, только дома и шили его из дорогих и тонких тканей.

АРМЯЧИНА, домашней работы шерстяная, льняная или пенковая ткань для шитья верхней крестьянской одежды.

АРСЕНИЙ ПШЕНИЧНИК (Арсеньев день), народное название дня свв. прпп. Арсения Великого (IV—V вв.), Арсения Новгородского, а также св. Арсения Трудюбивого (XIV в.), 8/21 мая.

В этот день крестьяне начинали сеять пшеницу. Накануне выпекались особые обетные *пироги*, предназначавшиеся для нищих и странников. С этими пирогами селяне выходили на дорогу и поджидали путников. Если попадался какой-либо бедняк, это воспринималось как благодать Божья. В противном случае считалось, что семья чем-то прогневила Бога, и люди с печалью возвращались домой, а пироги скормили птицам.

В этот же день праздновали память евангелиста Иоанна Богослова, в некоторых местах его называли Иван Долгий.

В северо-восточной Руси этот день праздновался под именем Николина Бацки, т. е. Николина отца. Это было связано, вероятно, с тем, что за Иваном Богословом следует день свт. Николая, который отличался такой же любовью к ближним и обездоленным, как и Иван Богослов.

АРТАМОНОВ ДЕНЬ (Артамон, Автоном) — см.: ЗМЕИНЫЙ ПРАЗДНИК.

АРТЕЛЬ, одно из основополагающих начал русского образа жизни, добровольный союз (товарищество) равноправных работников, решавший производственные и хозяйственные задачи на основе самоуправления, взаимопомощи и взаимовыручки. Объединение людей в артель не только не ограничивало духа самостоятельности и предприимчивости каждого артельщика, а, напротив, поощряло его. Артель позволяла сочетать склонность русского человека к самостоятельному и даже обособленному труду с коллективными усилиями.

Началом равноправности артели резко отличались от капиталистических предприятий; попытки эксплуатации одних членов артели другими, как правило, жестко пресекались (в этом плане артель была антикапиталистической организацией). Причем равноправность не нарушалась предоставлением одному из членов распорядительной функции, так как каждый из членов мог быть назначен товарищами на ее выполнение. В некоторых артелях распорядительная функция выполнялась поочередно каждым из артельщиков. Равноправие, конечно, не означало уравниловки — распределение дохода осуществлялось по труду.

Чисто русской особенностью этой формы труда было также то, что члены артели связывались круговой порукой, то есть каждый из них ручался солидарно за всех остальных, все же вместе — за каждого отдельно. Этот признак вытекал из самого понятия об артели как о самостоятельной общественной единице. Эта ответственность друг за друга есть искони отличительный признак артели, доказательством чего служат дошедшие до нас исторические памятники, договоры с артелями, заканчивающиеся указаниями, что ответственность за ущерб и убытки, нанесенные артелью, должны падать на того, «кто будет в лицах», то есть на каждого конкретного члена артели. Все это лишний раз подчеркивало общинное происхождение артели,

их кровное родство. Артели были, своего рода, передвижными общинами.

Общинные и артельные формы народной жизни и хозяйствования тесно переплетались между собой. Известны случаи, когда целые общины организовывали артель. В Вологодской и Архангельской губ. были часты случаи, когда деревни-общины образовывали артель по обслуживанию почты и переводов. Такие артели сами распределяли работу между своими членами, устанавливали норму выработки и оплату труда по гонке и перевозу.

Артелью, писал историк И. Г. Прыжов, называется братство, которое устроилось для какого-нибудь общего дела. Русская артель имеет своего рода семейный характер: «Артель — своя семья». Про большую семью говорят: «Экая артель». Товарищеская взаимопомощь и общее согласие — главное в артели: «Артельная каша гуще живет», «Одному и у каши не спору», «В семье и каша гуще». Поэтому, справедливо утверждает Прыжов, у русского человека большое скопление людей получает смысл артели: «Народ по улицам артелими бродит».

«Артельная система, — отмечал исследователь артели М. Слобожанин, — есть не классовая, а общечеловеческая система, форма же проявления ее — артель — есть союз личностей».

В артели человек должен был проявить свои лучшие способности, а не просто приложить труд. Самоуправляемый характер артели был не в примитивном равенстве, а в равном праве для всех выразить свои способности вне зависимости от социального положения. В самых типичных артелях Древней Руси могли участвовать все без исключения при одном условии — признания ими артельных основ. В складочные пиры, в пустынные монастыри, в братства и в вольные дружины могли входить и «лучшие» и «молодые» люди, и смерды, и бояре, и духовные лица, и даже князья.

Артель — самоуправляемый трудовой коллектив. «Артель суймом крепка», — гласит древняя пословица. Суйм, или сует, — сейм, сходка, общее собрание. Люди объединяются для совместной слаженной работы, где каждый отвечает перед всеми другими. «Артель — своя семья», «Артель — круговая порука», «У артели брюхо да руки — нет другой поруки», «Что было в артели — все свертели».

Самоуправляемость артели вовсе не означала, что у нее нет начальника. «По ватаге — атаман, по овцам — пастух». Артель выбирает его из самых авторитетных членов, понимая, что есть вопросы, которые арифметическим сложением мнений не решишь. «Без атамана дуван не дуванят». Нужна твердая воля, выражающая конечные интересы членов артели, но, конечно, не подавляющая их самостоятельности. «Артели думой не владети», ибо «сколько в артели голов — столько умов». Поэтому «один горюет, а один воюет». «Артель атаманом крепка». Руководители артели, кроме атамана, назывались еще старостами и большаками.

Артель нередко предоставляет своему руководителю широкие права (если она ему доверяет), но и при всех обстоятельствах осуществляет за ним контроль, которого практически не избежешь.

Проф. Г. Шульце-Геверниц, побывавший в России к. XIX в., отмечал принципиальные отличия русской артели от западноевропейских промышленно-ремесленных объединений. Если последние основаны на индивидуалистических началах, то русские артели

охватывают всего человека, связывая его с остальными членами артели, заказчиками и государством круговой порукой. Еще одно важное отличие русской артели от западного кооперативного движения в том, что она ставит во главу угла не только материальный интерес (хотя он, конечно, не отрицается), но и духовно-нравственные потребности личности.

М. Слобожанин считает слово «артель» одного происхождения с древним словом «рота», «ротиться». Образовалось оно, по его мнению, путем перестановки букв по так называемому закону полногласия, все равно как от слова «рожь» производится слово «аржаной». Слово «рота» означает: божба, клятва, заклинание, а «ротиться» — божиться, клясться, заклинать, обетовать, присягать. Воинская часть, принявшая присягу, обозначается по-русски и по-немецки тем же словом, только с переменной ударения — «рота». У тюркских народов от того же корня производилось и другое слово — «орта», или «арта», что уже совсем близко к слову «артель». «Орта» означает община, союз людей. Такое объяснение происхождения слова «артель», на наш взгляд, вполне удовлетворительно, ибо подчеркивает особый характер ее возникновения путем общественного договора, взаимного согласия, выработки общих условий сосуществования, а также задач и целей. Все это скреплялось клятвой по христианскому обычаю на иконе, то есть своего рода присягой.

Древняя артель — добровольный союз нескольких лиц, согласных, то есть солидарных, между собой, доверяющих друг другу и скрепивших свои договорные отношения обетом или клятвой содружественных людей, преследующих общую цель свободного проявления каждым своей индивидуальности.

Многие ученые отмечают нравственный характер артелей, развитие которых объяснялось не столько погоней за прибылью, наживой, сколько более высокими духовно-нравственными соображениями взаимопомощи, взаимоподдержки, справедливости в распределении благ, извечной склонностью к самоуправлению и трудовой демократии.

Артели были не только деловыми объединениями, но и общественными организациями. По мнению русского человека, артель, как и *община*, — великая сила. «Артелью города берут». Русские артели возникали с самыми разнообразными целями. Кроме хозяйственных артелей (земледельческих, промысловых, ремесленных, торговых) существовали артели религиозные (братства), образовательные, воспитательные, общежительские, политические, уголовные и т. д.

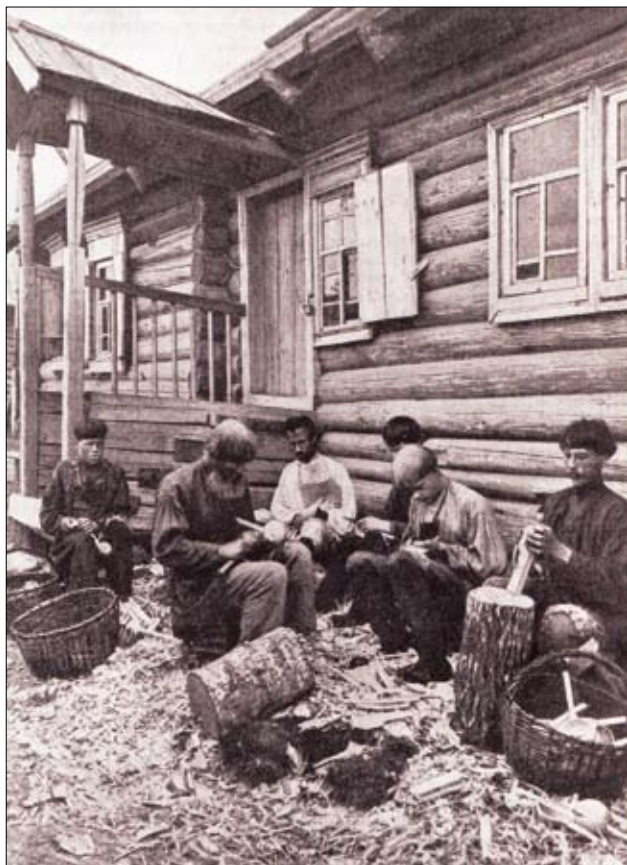
Широкое развитие артели объясняется соответствием артельных форм жизни народному духу, «соответствием основных начал нравственности и справедливости, заложенных в артели, духу народа и тем непосредственным участием народных масс в артельном строительстве, которое сделало артели действительно русскими, бытовыми, чисто народными союзными организациями» (М. Слобожанин).

Артельный характер жизни, выросший из общинных начал, принимал самые разнообразные формы и названия — складчины, братства, ватаги, дружины, товарищества и собственно артели.

У В. И. Даля слово «ватага» обозначает дружную толпу, шайку, артель, временное или случайное товарищество для осуществления разных дел. В X—XV вв. летописи упоминают «старейшин древодельских», т. е. руководителей артелей плотников. В XII в. строитель-

ные рабочие объединяются в «братии», или «братчины», так в то время назывались товарищества, артели. В XII–XIII вв. «братии» («братчины») являются производственными и одновременно общественными организациями различных групп городских ремесленников — кузнецов, литейщиков, кожевников и т. д. Иногда артели назывались дружинами. Так, в 1420 псковичи «наняша мастера Федора и дружину его побивати церковь». Здесь мастер — руководитель артели, пользующийся авторитетом как хороший специалист, получавший заказ под свою ответственность. Оплата распределялась между членами артели в зависимости от трудового вклада, осуществляясь частично натурой, частично деньгами.

Древняя русская артель складывалась на началах товарищества, как правило, из людей, хорошо знавших друг друга, односельчан, уличан.

Ложкарный промысел в Нижегородской губернии. Нач. XX в.

Сохранились несколько артельных договоров. В XVII в. плотники Карп Федоров и Иван Гордеев «с товарищи» подрядились «зделать 3 дубины длиною 4-х саженьях, а в двух дубинах сделать 8 ступ 2-х аршинных, а третью дубину выгранить в 3 грани и растереть пилами да и кряж зделать по ступе и тех всех будет 10 ступ». Выполнив эту работу, артель получала определенную договором сумму, которую делила между собой согласно трудовому вкладу. Хочется особенно подчеркнуть одну типичную формулировку договора «с товарищи», или «со товарищи». Она подчеркивала равноправный товарищеский характер деятельности членов артели.

Артели носников (лоцманов) и кормщиков (капитанов) известны были на Сухоне и Двине. Товарищеская солидарность, взаимопомощь определялась в

специальных договорах — «одинашных» записях, которых сохранилось очень мало. Интересно привести одну из «одинашных» артельных записей 15 марта 1653 (заверено афанасьевским попом и подписано многими подписями).

«Се аз Тотмяна (тотемские — г. Тотма на р. Сухоне, ныне Вологодская обл.) посадские люди, а ниже-сухонские носники, Юрия Тихонова сын Баев, да яз, Клим Михея сын, да Яз, Василий Иванов сын Попов (далее перечисляются еще 17 фамилий. — О. П.)... и все нижесухонские носники уговорились мы промеж собою мы полюбовно в том, что промеж собою, нам, носникам, в судовом деле друг за друга стоять и не подавать ни в чем. Буде от Тотемских и от Устюжских воевод какая обида будет, не по делу станут в тюрьму садить на Тотме и на Устюге, а буде которово нас, носников, в тюрьму посадят оне, воеводы, на Тотме и на Устюге, и нам, носникам, друг за друга стоять и стоять за един человек, и в обиду не давать, и государю бить челом, и нам, носникам, докахместь не выпустят ис тюрьмы, на судах не ходить, ни плавать. А буде тех носников не выпустят ис тюрьмы, и нам, носникам, из свои братьи с совету выбрать ходока к Москве бити челом государю в воеводских обидах. А буде который из нас, носников, не станет друг за друга стоять и в тоя поры почнет на судах ходить и плавать, в кою пору носники в тюрьме сидят, и на нем взять в братью пятьдесят рублей денег. А в те поры государевых казенных судов нам, носникам, не держать ни вниз, ни вверх, и своих братьи носников отпущати на те казенные суды на Меженские на осенные, oprичь внешних сплавов, людей и дощаников, которые лодьи и дощаники с хлебом и с иным товаром поплвуют в весну. В том мы промеж собою, носники, одиначную написали».

Строительные плотничьи артели являлись классическим образцом деятельности русской артели. Все члены плотничной артели были равноправны, но по степени искусства разбивались на три группы и получали свой заработок в зависимости от принадлежности к каждой из них. Меньше всего зарабатывали ученики, пока не получали должной квалификации. Для этого артель приставляла к ним опытного наставника.

Мелкие артели часто не выбирали старосту (не было необходимости). Зато в крупных артелях, особенно работавших в городах, выбирали даже двух старост. Один отвечал за хозяйство артели. Другой руководил работами, координировал их. Старосты, выполняя свои руководящие функции, не освобождались и от общей работы, выполняя ее наравне с другими артельщиками. Чаше всего плотничьи старосты за свою руководящую работу специальной платы не получали, а только в конце работы им могли по решению артели выделить небольшую премию — «на сапоги».

Яркой иллюстрацией высокой продуктивности артелей является строительство каналов и железных дорог. При помощи самых простых орудий — тачка, лопата, топор, пила — было построено 893 км каналов и 1317 км шлюзованных участков рек. С 1838 по 1917 строительные артели, также безо всяких механических средств, провели более 90 тыс. км железных дорог. Великая Сибирская дорога протяженностью 7,5 тыс. км была построена за 10 лет со средней численностью рабочих 7–8 тыс. человек.

Возьмем, к примеру, рабочих-строителей Петербурско-Московской железной дороги в сер. XIX в. Все они работали, объединяясь в артели человек по

80. С каждой артелью подрядчик заключал отдельный контракт, в котором оговаривались нормы выработки, продолжительность рабочего дня, условия питания, быта и отдыха. Работали с 1 мая по 1 ноября, «если погода не воспрепятствует», в противном случае подрядчики имели право рассчитать и ранее, не производя плату за остальные дни до срока, по расчету. За дождливые дни плата рабочим не производилась, но продовольствие выдавалось. В артели соблюдалась круговая порука. За неявку к началу работ, прогулы, пьянство, самовольную отлучку во время работ на артель накладывался штраф за каждого виновного по 50 коп. серебром в день, а за умерших в пути и не явившихся из-за болезни с артели вычитался задаток.

«Рабочие обязаны выходить на работы с рассвета дня и производить оные поурочно... (Им) полагается со вступлением в работу до 15 августа на обед и отдых времени два часа; при завтраке и на ужине отдых не иметь, с половины же августа и после обеда отдыха не полагается».

Работа была очень тяжелая, ее тяжесть усугублялась злоупотреблениями подрядчиков, стремившихся сорвать куш с рабочих путем различных обчетов и недоплат. Ежедневно рабочий должен был выкопать и перевезти на тачке от 5 до 10, а то и больше тонн грунта. За перевыполнение нормы рабочим полагалась повышенная плата.

Жили артели в балаганах, бараках или землянках. За утеранный инструмент вычиталась его стоимость. Нетрезвое состояние и «непослушание» штрафовалось по 50 коп. серебром. Пьянство во время работ было крайне редким явлением.

Особо в артельных договорах определялись условия питания. «Продовольствие, или харчи, рабочим людям без различия вероисповеданий назначаются следующие. Постные дни: каша и каша с постным маслом, полагая то и другое круп 10 фунтов и масла 1 фунт на 10 человек; в скоромные дни каша с говядиной свежей или соленою на каждого человека в сыром ее весе более 300 грамм в день и каша с постным маслом. Хлеба ржаного досьта; но продавать и разбрасывать хлеб, оставшийся от стола, рабочим воспрещается, под опасением взыскания по 10 коп. серебром за фунт и в штраф за каждый раз по рублю серебром».

За сезон артельщики (кроме питания) получали 35 руб. серебром, из которых 6 руб. отдавали в виде казенных податей, стоимость дороги на работу и обратно — 3 руб., паспорт и разные вычеты — еще около 3 руб. Оставалось на руках около 23 руб. Конечно, за свой счет рабочий покупал сапоги, одежду, рукавицы, белье. Но даже с учетом личных надобностей у него оставалось чистыми около 19 руб. На эти деньги можно было купить две коровы или лошадь, стоимость пары сапог была 70 коп., а овчинный полушубок (дубленка) — 2 руб.

По мнению современников, за такой тяжелый труд плата была недостаточна, хотя и удовлетворяла многих артельщиков. Однако нередко подрядчики, стремившиеся нажиться за счет рабочих, обсчитывали их и не выплачивали денег. В таких случаях артель снималась с места и уходила, призывая поступать так же и другие артели. Вот что, например, случилось в июле 1850. Материалы официального рапорта стоят того, чтобы привести их полностью, так как они отражают артельный дух, артельное стремление к справедливости, артельную ярость по отношению к эксплуататорам, кото-

рыми здесь выступают подрядчик Кузьмин и его приказчик Мошенский вкупе с царскими жандармами: «5 числа сего месяца сбежали с пункта работ... (артель)... в числе 80 человек по невыдаче им подрядчиком Кузьминым и К^о 1 числа июля заработной платы... Корпуса жандармов поручик Анисимов с унтер-офицером Семенцом и приказчиком подрядчиков Мошенским отправился за ними в погоню, настигнув их в 15 верстах, где они расположились отдыхать, начал убеждать их возвратиться на место работ, объявив при этом, что деньги будут им тотчас выданы, но все рабочие, вооруженные дубинками, крикнув «ура», двинулись вперед, увидев же, что Анисимов их преследует, свернули в болото. Между тем поручик Анисимов, оставшись на дороге в лесу, успел остановить старосту артели, уговаривая его убедить рабочих возвратиться, но они, увидев своего старосту, стоявшего у тарантаса, закричали ему: ты нам изменил — и, бросаясь к нему, сбили с ног и начали его жестоко бить. Когда Анисимов, видя такое ожесточение рабочих, хотел остановить это буйство, то в это время один из них нанес ему столь сильный удар дубиною, что он упал без чувств, и вся артель закричала: выпрячь лошадей, побьем всех их... (но жандармам удалось бежать)... О происшествии известили местного станового пристава для принятия нужных мер к удержанию артели. Один из рабочих, пойманный приказчиком Мошенским, показал, что он был послан от артели к другой, находящейся близ деревни Кузнецовой, для объявления его, что они уже бежали и чтобы они также не мешкали, но как они не приняли этого предложения, то он, возвратясь на работу и не застав уже своей артели, отправился их догонять, и что бежавшая артель должна идти на г. Осташков, почему полковник Виланд приказал Мошенскому ехать туда для удержания артели... Сообщив вместе с сим г. г. гражданским губернаторам: Новгородскому, Тверскому, Псковскому и Витебскому — о приостановлении означенной артели рабочих и о возвращении их на место работы... с задержанием зачинщика в остроге... Для отвращения же на будущее время подобного буйства, имею честь покорнейше просить Ваше Сиятельство о производстве над преступником, посягавшим на жизнь поручика Анисимова, военного суда и о наказании его на линии железной дороги, при собрании рабочих с каждой артели по несколько человек». Начавшееся по этому делу расследование подтвердило серьезные злоупотребления со стороны подрядчиков.

Перед открытием судоходного и рыболовного сезона начиналась борьба между предпринимателями за рабочие руки. Подражались целыми партиями-артелями и на весь сезон. Если рабочих рук не хватало, артель могла включить в договор плату, в 2–3 раза большую, чем обычно. Нанимались, как правило, на хозяйских харчах, заключались письменные договоры, выдавались задатки, и все это при круговой поруке — ответственности всех членов за каждого и каждого за всех.

Старообрядцы, продолжая сохранять трудовые традиции и идеалы Древней Руси, внесли огромный вклад в развитие промышленных промыслов на артельной основе. Все их предприятия строились на артельных началах и скреплялись круговой порукой. В свои артели они старались привлекать единоверцев; административные должности принадлежали также им; во главе предприятий стояли самые заслуженные старообрядцы, выбившиеся из низов, обладавшие сильным природным умом.

И недаром исследователи считают, что в «течение долгого времени лучшая часть населения и рабочих на фабриках и заводах состояла из старообрядцев». В Москве в руках старообрядцев находилась большая часть ткацких мануфактур — льняных, хлопчатобумажных, шелковых и шерстяных, басонных и позументных. Яркий пример — фабрики Гучковых в Лефортове, со всех сторон окруженные поселками рабочих, преимущественно старообрядцев. Один из попечителей московского Рогожского кладбища Кузнецов организовал производство фарфора, приобретшего общероссийскую и даже мировую известность. Основатель московского Преображенского кладбища Ковылин в к. XVIII в. создал ряд кирпичных заводов, хорошее качество продукции которых стало нарицательным по всей стране. Знаменитые морозовские фабрики начались в Москве и перебрались в Зуево и Иваново-Вознесенск. В Богородском, Бронницком, Егорьевском и Покровском уездах по течению р. Гуслицы, как раз на стыке Московской, Рязанской и Владимирской губ., образовались целые старообрядческие регионы, сохранявшие преимущественно артельную организацию труда и трудовые идеалы Древней Руси. Жители старообрядцы этих местностей создали разветвленные кустарные промыслы. Мукомольное дело во всем Поволжье организовали старообрядцы Бугров и некоторые другие его единовольцы. Старообрядец Сапожников организовал на Волге тысячи рыболовных артелей. В Семеновском и смежном с ним уездах Нижегородской губ. производство всей так называемой «горячины», то есть точеных и резных изделий из дерева, осуществлялось преимущественно артелями старообрядцев или небольшими частными фабриками, но с артельной организацией труда.

Конечно, развитие ремесленного производства на артельной основе было распространено не только среди старообрядческого, но и среди всего русского населения.

Очень часто российские ремесленники объединялись в артели для пользования общими сооружениями, орудиями труда, кузницами и другими техническими средствами. Гончары объединялись, чтобы иметь общий горн, кузнецы — общую кузницу, ткачи — большое светлое помещение, все они, да и другие ремесленники, — склад для сырья, материалов и готовой продукции. Такие артели обычно назывались подсобными, или вспомогательными.

Напр., в губерниях, где был распространен гвоздарный промысел, кустари образовывали артельные кузницы, куда входили от 5 до 18 гвоздарей.

Ремесленники-бочары Алатырского у. Симбирской губ. образовывали артели по 80—90 домохозяев, каждый из которых вносил в артельную кассу до 200 рублей. На эти деньги покупался лес. Артель переселялась на купленный участок, нанимала там квартиру, заводила общий стол. И общими силами начинала валить лес, подготавливать его к производству бочек. Непригодный для бочарного промысла лес продавался на месте, а пригодный погружался на баржи и отправлялся в Самару, Хвалынский, Саратов и другие места, где артельщики изготовляли бочки.

В г. Сурки Лебедянского у. Тамбовской губ. существовала артель по производству каменных жерновов из 48 человек. Жили члены артели недалеко от каменоломни в землянках, имели общий стол. Были у них свои инструменты, а также специальная кузница для

ремонта сломанных инструментов. Работу и все хозяйство артели координировали два выборных старосты, работавшие наравне с прочими артельщиками. Изготавливаемые жернова собирались в общем складе и прямо оттуда продавались окрестным крестьянам.

Артельный дух русских работников всегда принимался правительством как реальность, с которой надо считаться, хотя отношение к нему у разных царей и правителей было неодинаковое. Одни только мирились с ним, другие, их было мало (такие, как Анна Иоанновна и Бирон), пытались даже бороться, третьи (Петр I, Екатерина II) стремились поддерживать его.

Правительству приходилось считаться с крестьянскими традициями трудовой демократии и самоуправления. Петр I, а за ним и Екатерина II создали и развивали ремесленные цехи на основах, рожденных еще средневековыми ремесленными артелями, дружинами и братиями. В тех случаях, когда на заводы привлекались крестьяне, труд организовывался с учетом их общинных и артельных представлений. Характерный пример — организация внутреннего самоуправления приписных крестьян во время исполнения ими вспомогательных работ на заводах, впервые выработанная кн. Вяземским для Ижевского и Воткинских заводов (1763), а затем распространившаяся на другие заводы. Приписные крестьяне, работавшие на заводах, делились на сотни, которые должны были выбирать ежегодно с общего согласия сотника, выборного, старост и по два писчика. Протоколы о выборах за подписью крестьян отсылались в заводскую контору, чтобы она могла знать, с кого требовать исполнения ее распоряжений. Все выборные, по желанию крестьян, могли переизбираться и на следующий год. Крестьянские выборные занимались разбором всяких споров между крестьянами, назначением работников на определенные виды работ по требованию руководства завода, выбором и отсылкой на завод здоровых, годных людей, если контора будет нуждаться в мастеровых, а также наблюдением за порядком выполнения работ крестьянами. То есть крестьянам давалось полное самоуправление. Если в какой-нибудь сотне явится ослушник, который не только сам не будет повиноваться, но и других станет подговаривать к неповиновению или к какому-либо другому «злу», то таких, не давая им усиливаться, брать под караул, и «ежели злость не велика», то при мирском сходе высечь нещадно; если же окажется какое-либо «злое намерение», то, «прописав неурядицы», означенного человека отсылать вместе со свидетелями в заводскую контору, которая производит расследование и, если определяет, что «злодейство гораздо велико», отправляет дело виновного в государственный суд. Если при решении какого-либо дела между выборными происходило разногласие, то его решали все крестьяне на сходе. Если на сходе не было достигнуто единодушия, то представитель управителя вместе с двумя выборными или сотниками из других сотен должны были вынести решение. Точно так же если случался спор между разными сотнями или между сотней и ее выборными органами, то его решает управитель вместе с двумя сотниками или выборными других сотен.

При Екатерине II дело дошло до того, что даже рабочих из беглых крестьян и беспаспортных организовывали в артели. Указ гласил, что всех их следует «разделить на десятки и к каждому десятку выбрать десятника, к пятидесяти — пятидесятника, а ко всем —

одного выборного, опоручить их кругом, а буде из них по десяткам или порознь будут в состоянии поставить порук и не из между себя, а из посторонних людей, мещан или крестьян... людей надежных, то и сих поручительству принять».

В XVIII — н. XIX в. артельные формы труда широко применялись на заводах и фабриках, что явилось одной из главных причин бурного развития крупной железоделательной промышленности, которая уже с 1730-х обогнала Англию. К 1782 выплавка чугуна на всех заводах России достигла 7,5–8 млн. пудов, то есть была значительно выше, чем в Англии, Швеции, Франции, Пруссии или Америке. Не мы ввозили железо из-за границы, а наоборот, Запад потреблял ежегодно до 4 млн. пудов русского железа. А это доказывает, что у нас железо производилось дешевле и лучшего качества. Хорошие результаты наблюдались и в других отраслях. Однако в н. XIX в. Россия начинает сильно отставать экономически от западных стран. Одна из главных причин отставания, наряду с тормозящим влиянием крепостного права, — механическое копирование в российской практике западноевропейских форм организации труда, отказ от артельности, ставка на несвойственный русскому народу индивидуализм, превращение работника в «винтик» производства.

Артели, работавшие на российских заводах, выбирали из своего состава старост, старшин и других выборных, а также нередко и писарей для ведения общих дел. По обычаю, заводские артели могли решать вопрос наказания своих членов. Виновные в лености, неграждении, небрежности, недобросовестности, пьянстве наказывались своими же товарищами весьма сурово. По словесному приговору артели за перечисленные выше проступки член артели мог быть наказан розгами, а часть причитающейся ему платы удерживалась в пользу артели. Конечно, такие суровые меры, как наказание розгами, артели вынуждены были применять в крайнем случае. В ряде других промышленных регионов случаи наказания розгами были редки. В очерке олонечских заводов сер. XIX в. рассказывается, что быт мастеровых в них отличается довольством. «Неиспорченная нравственность и трезвость — преобладающие в них достоинства».

На Кувшинском заводе на Урале артельные формы организации труда существовали в кричном, листокавальном и ударно-трубочном цехах. Ежегодно артели заключали договор, которым определялись отношения как членов артели между собой, так и самой артели к администрации завода. Члены артели получали все необходимые материалы от администрации завода по установленным ценам, производили по своему усмотрению (но под наблюдением заводского мастера) оговоренные объемы работ, а за них получали плату через выборных доверенных. Заработок делился между членами артели соразмерно количеству и качеству их труда.

Вот договор, который заключался артелью с администрацией завода:

«1) Артель обязуется содержать полный состав людей, необходимых для управления доменными печами; 2) содержать сторожей для охраны зданий и машин; 3) припасы получать из заводских запасов по установленной цене; 4) содержание всех машин и поправку их, равно и других заводских сооружений (железных дорог, ворот), принимает на свой счет, кроме капитальных исправлений; 5) инструменты, существующие

в наличности, артель получает от завода, в случае же недостатка покупает на свой счет; 6) артель получает по истечении каждого месяца плату... (далее идут установленные расценки); 7) артель обязуется вести счета и расчеты по шнуровным книгам, которые должны быть всегда открыты для заводоуправления. Из заработка артели поверенный ее на основании рабочего журнала удовлетворяет рабочих платой в установленном размере, а остальные хранятся как запасный капитал, который делится по окончании всех расчетов пропорционально назначенным платам за вычетом двух процентов в кассу горнозаводского товарищества; 8) артель обязуется выплачивать чугун под руководством управления завода и вообще выполнять все его требования; 9) мастер обязуется наблюдать, чтобы все работы производились своевременно и надлежащим образом; каждый рабочий исправным выполнением своих обязанностей должен помогать мастеру; 10) каждый рабочий, член артели, обязуется служить делу честно и добросовестно, быть почтительным, вести себя добросовестно, совестливо исполнять и в свое время оканчивать работу и вообще всеми средствами содействовать пользам завода; в случае каких-нибудь несправедливых и незаконных требований со стороны служащих по заводу обязуется сообщать через доверенного мастера или лично для должного разбирательства управителю завода...»

В договоре перечисляли наказания для членов артели, нарушавших договор и относившихся к работе недобросовестно.

«...11) за каждый день неявки на работу рабочий подвергается взысканию двухсуточного жалования; в случае повторной же неявки до 3-х раз в месяц виновный может быть исключен из артели; кто явится на работу в нетрезвом виде, тот подвергается тем же взысканиям; вообще за всякое небрежное исполнение своих обязанностей, смотря по важности проступка, виновный подвергается взысканию от 1- до 7-суточного содержания; 12) за неправильное расходование (руды, флюсов, угля) полагается исключение виновного из артели и штраф артели от 3 до 10 рублей, за неправильную сдачу чугуна — исключение виновного из артели и штраф от 5 до 20 рублей, за отливку вещей для себя и для продажи — исключение виновного из артели и штраф артели от 5 до 25 рублей... 14) исключение из артели может быть произведено по приговору $\frac{2}{3}$ членов или по предложению управителя, с утверждением горного начальника». Артель обладала широкими правами, однако ее деятельность строжайшим образом контролировалась, а в случае необходимости штрафовалась администрацией. В артельных договорах можно встретить даже в XX в. древнюю русскую формулу труда — «служить делу честно, добросовестно, совестливо».

Незадолго до революции на Архангельско-Патийском заводе образовалась артель углекопов человек в 80. Все они были связаны круговой порукой, принимали участие в работе по 8 часов в трехсменной очереди. Доходы распределялись между членами по количеству обработанной поденщины 2 раза в месяц. Если кто из членов хотел добровольно выйти из артели, то был обязан предупредить ее за 2-е недели. Но даже выбывший из артели член оставался ответственным по ее делам в течение 3-х месяцев со дня выхода. Для руководства артелью была избрана комиссия из 13-и членов-учредителей.

Еще больше примеров артельных форм организации труда мы находим в XIX в. В 1861 к начальнику Гороблагодатских заводов на Урале Грамматчикову пришли представители артели и предложили артельным способом взяться за изготовление ударных трубок для артиллерийского ведомства. Первый такой подряд был выполнен успешно, и более того, трубки, стоившие казне ранее 50–70 коп., обошлись по 45 коп. Членами артели были сделаны многие усовершенствования, ручные работы выполнялись механическими средствами. Число членов артели выросло с 60 до 150 человек, кроме того, наняли еще 100 человек. Позднее начальство стало препятствовать самоуправлению рабочих, казенные заказы передали в Петербург, и артель заглохла по независящим от нее причинам. Аналогичная артель возникла на Екатеринбургском механическом заводе, где тот же начальник Грамматчиков сам предложил рабочим организовать артель по производству лафетов. Название она получила знаменательное — «Братство», — и вошли в нее 87 человек. Артель должна была брать дрова и уголь из запасов Монетного двора по заготовительной цене, материал же для производства и припасы иметь свои; кроме казенных заказов, артель могла работать и по частным заказам, с платой в казну за пользование машинами 6% с суммы заказа.

В 1860-х и последующих годах на Сибирских золотых промыслах широкое развитие получили артели золотодобытчиков. Это было время, когда происходило объединение и измельчение золотых приисков. Поэтому использование артельных форм пришлось как нельзя кстати, оно позволяло экономить на содержании многочисленной администрации, создавая у рабочих особую заинтересованность в результатах своего труда. Артели золотодобытчиков колебались от четырех до восьми человек (иногда в них было только два человека). Общими делами артели заведовали выборные старосты, на обязанности которых была забота о нуждах артели, распределение работ между членами, сдача золота, наблюдение за правильной записью забираемых в приисковой лавке припасов, передача артели распоряжения приискового управления. Авторы, изучавшие эти артели, отмечали их высокую привлекательность для рабочих. «Кто стал ходить на золотники, тот уже редко возвращается на общие работы, каковы бы ни были превратности золотничной работы. Работая самостоятельно, рабочий чувствует себя свободнее, изменяется даже его способ держать себя и говорить с начальством».

Древний навык к артельным формам труда и хозяйствования служил предпосылкой к передаче предприятий в руки рабочего самоуправления: коллективам предприятий, объединенных в рабочую артель. Об этом неоднократно говорилось во 2-й пол. XIX в. По мнению Д. И. Менделеева, побывавшего в к. XIX в. на Уральских металлургических заводах, многие из них могли бы быть переданы артельно-кооперативному хозяйству.

В 1908 артель из 100 человек взяла в аренду на 25 лет Дедюхинский солеваренный завод. Завод состоял из четырех варниц, нескольких рассоло-извлекательных труб, амбаров и парового двигателя. «Но завод был сдан в жалком, полуразрушенном виде, так что оказался необходимым крупный ремонт. После энергичных строительных работ летом 1909 была пущена в ход первая варница, затем вторая и третья, и в течение первого же года своей деятельности артельный завод выпустил около полумиллиона пудов соли высокого качества».

Попытки рабочих взять заводы в аренду и работать там на артельных началах неоднократно отмечались и перед самой революцией. В 1905 400 семей рабочих обратились в правительство с просьбой передать им в аренду Нижне-Исетский железоделательный завод возле Екатеринбурга, который государство хотело закрыть из-за его убыточности. Рабочие заявили, что если завод будет сдан им в аренду, то они образуют товарищескую артель по уставу, утвержденному правительством, и займются производством сортового, листового и кричного железа, механических и кузнечных изделий. Сделать завод из убыточного прибыльным рабочие полагали путем удешевления материалов и уменьшения накладных расходов, чтобы таким образом понизить цену вырабатываемого железа до возможности успешной конкуренции с изделиями частных заводов. Министерство земледелия и государственных имуществ, на имя которого пришлось прошение рабочих, отнеслось к нему весьма скептически, считая, что рабочие не смогут создать прибыльного производства. Попытки создать артельное ведение хозяйства на Нижне-Исетском заводе уже были в 1890 и не увенчались успехом. Министерство также вспомнило неудачный опыт организации артельного хозяйства рабочих механического цеха Воткинского казенного механического завода. Причина неудач развития артельного способа ведения хозяйства крылась в отсутствии действенной поддержки. Товарищеские артели не могли в полной мере получить кредита, им препятствовали в перевозке их продукции, путем различных махинаций негласно бойкотировали ее на рынке. Да и вообще, могли ли развиваться артельные товарищества в условиях господства таких монополистических объединений, как Продамет, словно щупальца спрута схвативший в свои руки почти весь металлический рынок России? Государство же вместо активной поддержки артельных товариществ в этой отрасли ставило их в одинаковые условия с частными предприятиями, действующими путем сговора и закулисных махинаций, и тем самым предопределяло их неуспех.

Земства по мере возможности оказывали артелям помощь в аренде предприятий. Так, Саратовское губернское земство в 1903 арендовало для артели кустарей-кожевников завод, находящийся в с. Базарный-Карбулак. Объем продукции, выпускаемой этим заводом в месяц, — 2 тыс. руб. Необходимый оборотный капитал в 7 тыс. руб. был отпущен губернской управой. Земство же вносило арендную плату за завод, ремонтировало его, отопливало и освещало. Сырье также поставлялось земством. Получаемая чистая прибыль за отчислением 3% на капитал, выданный земством, распределялась между членами артели. За целостность имущества, принадлежавшего земству, артель отвечала круговой порукой.

Характерным примером развития артельного движения в предреволюционный период стал стремительный рост маслодельных артелей Сибири. В отличие от кредитных товариществ, имевших мало корней в истории России, маслодельные артели являлись в чистом виде традиционными формами хозяйствования.

Толчок широкому росту сибирских маслодельных артелей дала Великая Сибирская дорога, связавшая Сибирь с крупнейшими центрами страны и Западной Европы. О масштабах этого роста можно судить по таким цифрам: в 1894 по Сибирской железной дороге вывезено 400 пудов масла, а в 1910–3789,7 тыс. пудов на сумму 52 млн. руб. Новое сибирское маслоделие

К. Савицкий. Рабочая артель на железной дороге

стало давать золота вдвое больше, чем вся сибирская золотопромышленность. Нельзя не отметить, что сибирские артели стали источником наживы для западноевропейских капиталистов. «Сибирское «артельное масло», — писал в 1914 исследователь российской кооперации Н. Катаев, — побывавшее в руках датских контор, является потом на английский рынок под наименованием «датского» масла, причем разница в ценах «артельного» масла и «датского» масла весьма-таки значительна и, конечно, дает солидный плюс к обычному коммерческому барышу. Дорого стоит сибирским «артелям» и пресловутый Лондонский акционерный «Унион», за которым скрывается крупная лондонская фирма Лонсдэйль. Таким образом, сибирские кооперативы все же достаточно изрядно «обрабатываются» капиталистами».

Сибирские маслодельные артели принадлежали, как правило, зажиточным крестьянам. Деятельность их основывалась на договорах, подписанных всеми участниками и занесенных в книгу сделок и договоров крестьянской волости. Каждый член артели отвечал всем своим имуществом за обязательства артели. В артелях была создана сплоченная организация с жестким внутренним распорядком, строгим учетом и контролем, со штрафами и исключениями из числа членов артели за нарушение условий договора. Разбогатеи, маслодельные артели стали проявлять предприимчивость и в других областях деятельности — открывать потребительские лавки для собственных нужд, склады молочных машин и материалов, сельскохозяйственных машин, орудий, семян, удобрений. Так постепенно на базе маслодельных артелей возникали универсальные производственные, снабженческие и сбытовые кооперативы.

Артельное движение пронизывало все социально-экономические поры России, концентрируя вокруг себя силы, активно противостоящие системе паразитизма и капитализма. Чтобы вполне представить его многообразие, разветвленность и переплетения, воспользуемся схемой, составленной М. Слободжаниным

в его книге «Историческое развитие идей артельного движения» (1919). Все российские артели составляют четыре основные группы: I. Духовные. II. Правовые. III. Хозяйственные, или экономические. IV. Общежительские.

I. Бытовые артели духовного характера. Они принимали характер: а) религиозный, б) развлечений и увеселений, в) удовлетворения умственных потребностей (совместная выписка газет, книг, совместный наем учителя и т. п.).

II. Бытовые артели правового характера для поддержания уровня заработной платы, условий труда. По сути дела, эти артели содержали в себе задатки рабочих профессиональных союзов.

III. Бытовые артели с хозяйственными экономическими задачами. Сюда относились две самые большие группы российских артелей — промысловые и сельскохозяйственные.

IV. Общежительские товарищества и артели объединяли лиц, как занятых производительной трудовой деятельностью, так и не занятых ею.

В дополнение к приведенной картине российских артелей следовало бы выделить то, что М. Слободжанин, по-видимому, считал само собой разумеющимся выделить артельные формы организации труда на государственных и частных предприятиях. Как мы видели выше, они широко распространились на российских заводах и фабриках одновременно с сугубо индивидуалистическими формами организации производства и труда, насаждаемыми сторонниками «западноевропейской цивилизации». Таким образом, необходимо все время разделять понятие «артель» как предприятие и артель как форма организации труда и производства в государственных или частных заведениях. Поэтому в схему артельного движения Слободжанина вводим еще один, пятый раздел.

V. Артельные формы организации труда и производства на государственных и частных предприятиях (артельный подряд).

В 1915 Российское министерство торговли и промышленности опубликовало далеко не полный «Справочник об артелях трудовых». Сюда входили сведения об артелях как организациях, но отнюдь не о числе предприятий, применявших артельные формы организации труда. Причем это были артели с утвержденным официальным органом уставом, а у абсолютного большинства российских артелей никаких уставов не было. Так уж повелось.

В этом справочнике значилось 507 артелей, из которых первое место занимали артели грузчиков и крючников — 53, затем шли посылные и носильщики — 31, далее строительные рабочие — 25, маляры и живописцы — 24, ночные сторожа и караульные — 15, чертежники, техники, землемеры и т. п. — 13, монтеры и водопроводчики — 8.

Были в этом справочнике 7 артелей газетчиков и продавцов произведений печати, 6 артелей театральных капельдинеров, 6 артелей бухгалтеров и конторщиков, 4 артели парикмахеров, 3 — коммиссионных и по поставкам служащих, 3 артели дворников и домовой прислуги, 3 артели по убою скота, 3 артели полотеров, 2 артели печников. Кроме того, в этом справочнике числится по одной артели банщиков, водолазов, якорщиков, музыкантов, стенографов и интеллигентных тружеников.

Отдельно в указанном справочнике значились кредитные товарищества. Среди них — союзы лиц, занятых в транспортной промышленности, — 29, по обработке металлов и изготовлению орудий и машин — 29, официантов, поваров, кондитеров — 29, по изготовлению предметов одежды — 28, по обработке дерева — 27, ювелирные — 19, сапожные — 15, переплетные и типографские — 8, кожевенные и скорняжные — 8, кирпичные — 4, мраморные — 4, ткацкие — 3.

Большое место в справочнике занимали кустарные артели, среди которых чаще всего встречались сапожные — 19, кузнечно-слесарные и по изготовлению различного рода орудий — 9; а потом шли столярные — 6, ткацкие и кружевные — 3, рогожные — 3, портняжные — 2.

Все чаще и чаще артели объединяются в союзы для того, чтобы противостоять системе частного предпринимательства. В 1914 возникает Московский Артель-союз, объединивший 13 артелей, в 1915 — Боровичско-Валдайский союз из 28 артелей.

Очерк о русской артели уместно закончить словами проникновенного исследователя народных форм жизни М. Слободянина: «Жизнь, конечно, далеко не всегда осуществляла во всей полноте такие именно основы артельных организаций, какие были отмечены нами выше: такими они были в отвлечении, в идеале, созданном народным творчеством, к таким он стремился в своих исканиях правды жизни и, ради этой правды, не мог отказаться от них. В этих идеалах воплощал он не только стремление к улучшению своего материального положения, но и стремление личности к освобождению... к равноправию, к народоправию и сознательности, к уважению человеческого достоинства в себе и других, к дружбе, братству и т. д. Все эти прогрессивные течения, оставшиеся таковыми до сих пор, народ облек без посторонней помощи в понятие об идеальной артели, и, естественно, крепко держался за нее, и, несомненно, будет неуклонно идти к ней до тех пор, пока она не станет для него действительно, реально. Стремление к лучшему не только

в экономическом, но и в нравственном отношении — неистребимо в человечестве, и Русский народ, издавна создавший себе идеал этого лучшего, несомненно, никогда не изменит ему».

Лит.: Воронцов В. П. Артельные начинания русского общества. СПб., 1895; Исаев А. Артель в России. Вып. 1—2. СПб., 1872—73; Он же. Община и артель // Юридический вестник. 1884. № 1; Калачев Н. В. Артель в древней и нынешней России. СПб., 1864; Менделеев Д. И. Проблемы экономического развития России. М., 1961; Платонов О. А. Русский труд. М., 1991.

О. Платонов

АРТЕМИЙ, священномученик, празднуется 20 окт./2 нояб. По «Сказанию о святых», этому угоднику следует молиться от грыжной болезни. Обращая внимание на повествование об образе мучений св. Артемия, нетрудно понять,

Великомученик Артемий. Икона XIX в. Болгария

почему русские люди положили молиться св. Артемию от грыжной болезни. В Четьях Минеях повествуется, что св. Артемий был осужден богоотступником Иулианом на тяжкие мучения, а именно он был сдвинут рассеченным надвое огромным камнем до того, что из него выступили внутренности. Несмотря, однако, на то, что св. Артемий оставался в этой пытке несколько суток, как замечает о нем далее писатель его чудес, «св. Артемий паче естества обретается жив и хождает». В Прологе в числе чудес св. Артемия рассказывается об исцелении им отекавших внутренностей.

Подобного рода чудотворения соблазняли маловеров. Так, например, об одном «швец-сапожнике» рассказывается, что он посмеялся над рассказом об одном из таких чудес, за что, между прочим, и поражен был неожиданно отеком лона. По этому поводу свидетели этого обстоятельства справедливо заметили наказанному: «Терпи, брате, да прочие тобою научени будут, еже не вменяти в хулу и подсмех чудеса, бывающие от Бога и святых Его угодников».

В этот день к деревне — ближе к жилью — приближались волки. Потому в народе сложилось поверье, что их вой извещает наступление холодов. А поскольку родившийся в этот день человек требовал дополнительного ухода в связи с похолоданием, то покровителем новорожденных народ считал волчицу.

В некоторых местах с этого дня начинали рубить капусту.

АРТЕМИЙ ВЕРКОЛЬСКИЙ, святой отрок (1532—23.06.1545), сын крестьян с. Веркола Архангельской обл. — Космы и Аполлинарии. Они воспитывали его в благочестии и *страхе Божиим*. С пяти лет он помогал родителям работать и полюбил *молитву*. В июне 1545, в тринадцатилетнем возрасте, Артемий поехал с отцом в поле и ударом молнии был убит. Крестьяне отказались его хоронить, как умершего внезапной смертью, а положили в лесу, накрыв хворостом и поставив изгородь. В 1577 над этим местом увидели таин-

Василий Блаженный и Артемий Веркольский. Икона (без полей). 1620-е гг. ГИМ

ственный свет. Взяв тело отрока, жители положили его на церковной паперти, прикрыв *берестой*. В то время была повальная лихорадка, и один мальчик умирал. Его отец привесил к его нательному кресту кусочек бересты с паперти — и мальчик исцелился. Было много таких чудес, и митр. Новгородский Киприан приказал положить мощи в созданном на месте их обретения монастыре и составить Артемию службу.

Память прав. отроку Артемию отмечается 23 июня/6 июля и 20 окт./2 нояб.

АСИЛКИ (осилки, велеты), в древнерусской языческой мифологии — великаны-богатыри, создававшие реки, возводившие утесы, освобождавшие из пещер пленников, похищенных Змеем. Восстав против *Перуна*, они были им уничтожены.

АСПАСОВ ДЕНЬ — см.: **РОЖДЕСТВО ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ**.

АСПИД, по древнерусским поверьям, крылатая двуглавая змея с птичьим носом, живущая высоко в горах. По-видимому, то же, что и *Змей Горыныч* русских сказок.

В. Корольков. «Аспид»

АСТАФЬЕВ ДЕНЬ (Остафьев день, Астафий Ветряк, Астафий Мельник), народное название дня св. вмч. Евстафия Плакиды (ок. 118), 20 сент./3 окт.

На Астафия начинались ветры, которые позволяли хорошо работать ветряным мельницам. В этот день отмечался праздник *мельников*, покровителем которых почитается Астафий. Мельница и мельник вызывали у русских противоречивое чувство: с одной стороны, мельник — человек серьезный и деловитый, крестьянину необходимый. С другой считалось, что мельница является пристанищем *нечистой силы*, с которой знает мельник. К мельнику крестьянин шел на поклон,

Святой Евстафий Плакида. Икона XVII в. О. Патмос

но про мельницу рассказывали самые страшные истории. Мельник людям служит, но и с нечистой силой знает. Крестьянин, привозя на мельницу зерно для помола, испытывал страх перед мельницей и, не перекрестясь, туда не входил. Страшился хлебобор этого непонятного и сложного сооружения, которое превращало зерно в муку. Здесь всем управлял мельник, который мог обуздать вихри-вихревей и заставить их двигать огромные ветряные крылья. Он повелевал и водяным, который приводил в движение водяное колесо. Нечистой силой управляет мельник, но работает она только днем, а ночью всех зазевавшихся людей хватает, в свои омуты увлекает. Водяной и лошадь может затаскать. *Арусалки* охотятся за парнями и девушками. Много они молодых душ загубили. Потому крестьяне

не только мельнику в знак благодарности сверх положенной платы делали подарки, они еще задабривали и нечистую силу. В этот день несли мужики щи с печеным хлебом и мед. Женщины передавали с мужьями подарки для утонувших — рубашки да платья. Пусть знает душа в глубине омута, что о ней помнят. Мельник все подарки принимал и делился ими с нечистой силой, чтобы она ему верно служила.

В этот же день русские молились свв. мчч. блгв. князю *Михаилу* и боярину его *Феодору*, Черниговским чудотворцам, погибшим за родину и Православную веру. Кн. Михаил Черниговский правил мирно, жил благочестиво. В 1238 хан Батый напал на Киев. Чтобы спасти свое княжество от разорения, князь отправился в Орду вместе с боярином Феофором. Хан потребовал от них принять мусульманский обряд очищения — пройти сквозь огонь, обещая оставить в покое их землю. За неповиновение их зверски истязали, а затем бросили на съедение псам. Мощи их христиане тайно перенесли в Чернигов.

АУКА, по древнерусским поверьям, дух леса, который в отличие от *лешего* не спит ни зимой, ни летом. Любит морочить голову человеку, заведет в глушь и так водит его, пока человек не погибнет.

АФАНАСИЙ БРЕСТСКИЙ, игумен, преподобномученик († 5.09.1648), умучен врагами Православия — католиками и униатами. Мещанин Афанасий Филиппович в молодости служил при дворе польского сановника Сапеги, но вскоре решил порвать с миром и принял монашество в православном монастыре в г. Вильно. Здесь же св. Афанасий был рукоположен во священника. Он был назначен настоятелем Дубойского монастыря под

Сщмч. Афанасий Брестский. Икона. XX в.

г. Пинском, но спустя 3 года захватившие обитель иезуиты изгнали его. Для поддержки православных монастырей святой предпринимает путешествие в Москву, где получает щедрую милостыню от русского царя Михаила Федоровича. По возвращении св. Афанасий был назначен настоятелем Брестского Симеонова монастыря. Стремясь облегчить положение православных, преподобный приезжает в Варшаву, чтобы обратиться к высшим польским властям — сейму и королю. После выступления в сейме св. Афанасий был заключен в тюрьму. Ненавистники Православия, дождавшись освобождения святого, схватили его и после жестокой пытки расстреляли в лесу.

Память прмч. Афанасию отмечается 5/18 сент., 20 июля/2 авг. (обретение мощей в 1666) и в Неделю 3-ю по Пятидесятнице.

АФАНАСИЙ ЛОМОНОС (Афанасий и Кирило), народное название дня свт. Афанасия Великого Александрийского патриарха, св. Кирилла, архиеп. Александрийского, а также свв. Кирилла и Марии, родителей св. Сергия Радонежского, 18/31 янв.

Святитель Кирилл Александрийский. Фреска XIV в. Псков

Афанасий Великий в русском народе известен под именем Ломоноса, т. к. обыкновенно около дня его памяти бывают сильные морозы, во время которых многие отмораживали себе лица. Потому крестьяне справедливо замечали: «На Афанасия береги нос».

От имени этого святого лютые морозы эти назывались Афанасьевскими. На основании подобного же наблюдения русские люди по созвучию имени др. угодника, Кирилла, говорили: «Афанасий и Кирило забирают за рыло».

В этот день полагалось гнать *ведьму* из деревни. Считалось, что ведьма может выступать в любом обличье — человека или животного. Ведьма, говорили крестьяне, порой в обличье деревенской бабы по улице гуляет, из забора колья вытаскивает, веревкой их связывает и приносит к чурбану, где мужик дрова колет. Мужик-то в горячах не сразу догадается, что свои колья из забора перерубил, а это не к добру. Собирались тогда мужики, брали колья и оглобли и обходили кругом все дома по очереди, избивая налево и направо избы, амбары, погреба. Так всю деревню кругом и обходили, везде ведьму били, где-нибудь ей да и достанется. Бить ведьму надо было от себя наотмашь. Если кошка или собака попадались, забивали насмерть. Бывало, что на пути мужиков попадалась баба, и ее принимали за ведьму. Но кто-то из мужиков либо в ней свою жену признавал, либо соседку и вставал на защиту. И начинался тогда спор среди мужиков: ведьма это или нет, порой дело доходило до драки.

АФАНАСЬЕВ Александр Николаевич (12.[24].7.1826—23.10.[4.11].1871), исследователь русского мировоззрения, фольклорист, историк, литературовед. Из

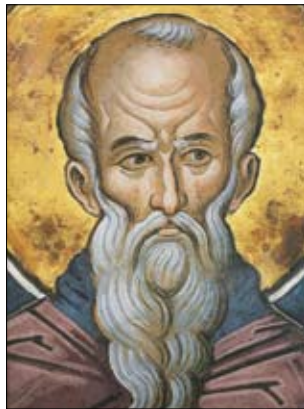

А. Н. Афанасьев

Во 2-й пол. 1850-х — н. 1860-х опубликовал ряд работ по истории русской литературы и журналистики в журнале «Библиотечные записки» (в т. ч. о русских сатирических журналах XVIII в., о Н. И. Новикове, А. Д. Кантемире, Д. И. Фонвизине, А. С. Пушкине, К. Н. Батюшкове, М. Ю. Лермонтове, А. В. Кольцове).

Самые значительные научные статьи Афанасьева относятся к области изучения и публикации фольклора. В их основе — теория мифологического происхождения и развития фольклора. Результатом этих изысканий стал фундаментальный труд, посвященный историко-филологическому анализу языка и фольклора славян в связи с фольклором и языком др. индоевропейских народов, — «Поэтические воззрения славян на природу» (т. 1–3, 1865–69). В этом труде наряду с историко-филологическими исследованиями дается подробный анализ древнего русского мировоззрения, раскрываются многие духовно-нравственные понятия русского и др. славянских народов.

В 1855–63 публикуются 8 выпусков знаменитого собрания Афанасьева — «Народные русские сказки», основу которого составили сказки из архива Русского географического общества, дополненные записями В. И. Даля. В 1859 печатает «Народные русские легенды». Историко-литературный интерес представляют неопубликованные дневники Афанасьева.

Св. Афанасий Афонский

чем больше превращений в месяц человек заметит, тем больше счастья ему сулит судьба.

На октябрьский Афанасьев день собирались девицы *посиделки* при *лучине*.

АФИНОГЕН (Афиногенов день, **Финогей**, **Финогены**), народное название дня св. мч. Афиногена (311) и его учеников, 16/29 июля.

дворян Воронежской губ. Окончил юридический факультет Московского университета, где среди его учителей были П. Г. Редкин, К. Д. Кавелин, С. П. Шевырев. Первый печатный труд — «Государственное хозяйство при Петре Великом» (1847). Ранние статьи и рецензии печатал в «Современнике», «Отечественных записках» и др. журналах и альманахах.

В этот день на поле оставляли несколько несжатых колосков, которые назывались «володка — полевому на бородку». Сжатый накануне сноп приносили в *гумно* и обмолачивали. Солому отдавали на корм скоту, а зерно употребляли в пищу, т. к. первый обмолоченный хлеб считался целебным.

АФОН В РУССКОЙ ЖИЗНИ. Паломничество на Афон наряду с паломничеством на Святую Землю было главной мечтой всей жизни для миллионов русских людей. Возвратившиеся с Афона паломники почитались в народе почти как святые. В начале XX в. на Афоне была 71 русская обитель. Из них собственно 1 монастырь, Пантелеимоновский, 4 скита: Свято-Андреевский,

Преподобные, на Афоне подвизавшиеся. Хромотипография Е. Фесенко. 2-я пол. XIX в.

Свято-Ильинский, Кромница и «Новая Фиваида», и 66 т. н. келий. Под словом «келья», однако, не надо разумеать то, что у нас в России называется кельей. На Афоне это слово обозначает небольшую обитель, устроенную на земле какого-либо большого монастыря. Пантелеимоновский монастырь находится с юго-западной стороны Афона. Русский монастырь основан во времена св. равноап. кн. Владимира и назывался обителью Богородицы Ксилургу. Во 2-й пол. XII в. вследствие многочисленности братия переселилась в Нагорный Русик, а в к. XVIII в. иноки переселились на берег моря в обитель с храмом Вознесения Господня на месте нынешнего Пантелеимонова монастыря.

По сообщению путеводителей н. XX в. в монастыре было ок. 3 тыс. чел., в н. XXI в. в монастыре жили ок. 40 монахов.

После прихода к власти в России богоборцев и ослабления Русской Православной Церкви у нее были отторгнуты ранее принадлежавшие ей 70 обителей, оставлен только Пантелеимонов монастырь. Греческая церковь в нарушение православных норм захватила все русские обители и, прежде всего, грандиозный Свято-Андреевский скит, построенный на средства и руками русских людей.

Б

БАБАЙ, по древним русским поверьям, злой ночной дух в виде старика с котомкой или большим мешком, в который он якобы забирает непослушных детей. Живет в лесу и огороде и пугает детей.

БАБА-ЯГА, популярный персонаж русских народных сказок. В православном сознании — воплощение сатанинских сил *зла*, выражение ненависти ко всему русскому.

Баба-Яга, костяная нога, голова пестом, живет в избушке на курьих ножках, которая, по просьбе пришедшего к ней, поворачивается к лесу задом, а к ней передом; вокруг избушки — забор из человеческих костей или из шестов с человеческими головами. У себя дома Баба-Яга лежит на *печи*, на девятом кирпичи, впереди голова, в одном углу нога, в др. — другая, нос в потолок врос, груди на крюку замотаны, сама зубы точит. Баба-Яга ездит в *стуге*, толкачом (*пестом*) погоняет, помелом след замечает. Большей частью она представляется злой и коварной старухой. Она пускает к себе гостей, а потом хочет съесть их; похищает детей, чтобы изжарить их; толчет в ступе богатырей, сдирает кожу с их спины, превращает женщин в белых уток,

И. Билибин. Баба-Яга

Н. Сергеев. Леший и Баба-Яга

сосет груди у красной девицы. Но ее злые замыслы часто обращаются против нее же самой или ее дочерей. Ей служат день, ночь и красное солнышко (всадники белый, черный и красный) и ветры; у нее есть прут, посредством которого она превращает в *камень* все живое. Иногда она внезапно является из-под земли и в случае опасности прячется под землю. Она не любит русского духа и гонит от себя людей, получивших родительское благословение. Но иногда она помогает доброму молодцу (большей частью из 3 братьев), предупреждая его о предстоящих опасностях и давая клубок, указывающий дорогу, богатырскую палицу, коня и т. п. Бабу-Ягу считают соответствующим женским образом Кошечу и видят в ней олицетворение зимних бурь и гроз; ее быстрые полеты, обладание *вихрями* и замечание следа *помелом* указывают на метели; толкач и ступа — на грозу.

БАБИЙ КУТ, часть внутреннего помещения крестьянского жилища, угол (кут) избы, примыкавший к челу *русской печи*, где производили женские работы: стряпали пищу, пряли, ткали, шили и т. д. Отделялся от горницы занавеской, иногда дощатой перегородкой, в виде неглубокого шкафа, судника для кухонной посуды; иногда со стороны горницы в перегородке также делался шкаф для чистой, «гостевой» посуды.

БАБИЙ КУТ (Солныш), женский праздник — см.: **ТАТЬЯНА КРЕЩЕНСКАЯ**.

БАБИЙ ПРАЗДНИК — см.: **ЖЕНЫ МИРОНОСИЦЫ, ЖЕНСКИЙ ПРАЗДНИК**.

БАБИНЫ — см.: **БАБЬИ КАШИ**.

БАБКА (бабушка), 1) мать родителей; 2) женщина после 60 лет; 3) *повитуха* или старуха-знахарка, лечившая травами и *заговорами*.

БАБКИ, детская игра, заключающаяся в том, что поставленные в определенном порядке бабки нужно было выбить с кона битой (битком, свинчаткой) — такой же бабкой, но залитой свинцом.

БАБЬИ ИМЕНИНЫ — см.: **ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ...**

БАБЬИ КАШИ (Праздник каш, Бабины, Бабий праздник, Ефимов день), народное название дня Собора Пресвятой Богородицы, св. царя Давида и св. ап. Иакова, брата Господня, св. мч. Евфимия, епископа Сардийского (XIII—XIV вв.) и др., 26 дек./8 янв.

День этот считался праздником повивальных бабок потому, что в церквях шла служба иконе «Помошница в родах» за благополучное разрешение Богородицы от бремени. Русские женщины считали, что благодарности заслуживают и деревенские повитухи, которых они обязательно навещали в этот день.

После молебна матери вместе с детьми приходили к повитухе и угощались принесенной с собой едой. В конце угощения повитуха ставила на стол горшок с кашей, на который присутствовавшие складывали деньги — подарок бабке за помощь в прошедших и будущих родах. Затем все съедали кашу, благодарили повитуху за ее работу и принимали от нее пожелания здоровья и совет детям: «Расти отцу на украшение, матери на утешение, а всему миру на честь-хвалу, на прославление».

Обязанности повитухи были довольно широкими. Она не только помогала при родах, но и совершала все необходимые действия, связанные с появлением младенца на свет, следила за здоровьем женщины и ребенка в послеродовой период, помогала семье роженицы по хозяйству, если это требовалось, была деятельным участником всех проводившихся над младенцем обрядов (см.: *Родины*).

Повитухи были в каждой деревне. Их никто не нанимал на работу и никто не выбирал. Обычно повиванием добровольно занимались пожилые женщины, много рожавшие, усвоившие во время собственных родов практические и магические навыки. Деревенские женщины предпочитали повитух добрых, ласковых, набожных, любящих детей, трудолюбивых, не нарушавших верность мужу. Такие требования основывались на представлении о тесной связи бабки-повитухи с повиваемым ею младенцем. Не сомневались в том, что хорошие качества повитухи перейдут на принятого ею новорожденного, а безнравственность или недоброжелательность могут привести к болезни и даже смерти ребенка.

Труд повитухи в русской деревне считался добрым делом, Божьей помощью, поэтому он оплачивался иначе, чем другие деревенские работы. Повитухам дарили подарки: полотенце, мыло, платок, ткань на одежду и деньги. Бывали и индивидуальные подношения от роженицы после ее обрядового очищения, т. н. размывания рук, или коллективные — от всех родственников роженицы на крестильном обеде (см.: *Крестины*). Своеобразной оплатой труда повитухи со стороны де-

ревенских жителей была помощь ей в *старости* или в голодные годы, тогда ее кормили всей деревней.

Отношение к повитухам в обыденной жизни было весьма уважительным: их приглашали на *свадьбы*, на семейные торжества, помогали им в трудных обстоятельствах. На мифологическом уровне отношение к повитухам было двойственным. С одной стороны, они считались охранительницами матери и ребенка, спасительницами, за что сразу же должны были попасть в рай, несмотря на все *грехи*. В то же время нечистота родов делала их сакрально нечистыми. По некоторым поверьям, повитухам на том свете предстояло наказание: они должны вечно таскать за собой мешок с пуповинами принятых ими младенцев или жать крапиву.

Девичьи *гадания* и хождение ряженных с Бабьих каш продолжались до самого *Крещения*. Ряженные в вывороченных наизнанку шубах, масках или с намалеванными сажей лицами ходили по домам, распевая песни и разыгрывая различные представления и сцены за соотвествующее вознаграждение. Иногда они водили с собой коня или быка. Иногда водили к барину на суд, бывало высмеивали монаха.

Девушки продолжали гадать. Гадали всякий день по-разному, кто какие способы знал. Например, девушке тайком ночью нужно было войти в дровяной сарай и в темноте взять в руки первое попавшееся полено. Если полено гладкое, то муж будет ласковый; если суковатое — муж будет злой да вредный. Ставили на стол зеркало, перед ним — графин с водой, вокруг графина — свечи зажженные. И смотрели в зеркало сквозь графин: что привидится — то и сбудется. Или поджигали в темноте на блюде лист бумаги. Девушка становилась между горящим пламенем и стеной. Кто что на стене увидит, то и сбудется.

Существовало также поверье, что с этого дня начинают беситься *ведьмы, черти* устраивают свои бесовские потехи, причем стремятся как можно больше навредить людям. Ведьмы летают на помеле, собираются на свой шабаш, крадут месяц с чистого неба, а звезды растаскивают по карманам. В темноте им легче затеяться среди людей или надеть им всяких пакостей. Потому и ходят православные ряженными, показывая, что место занято и здесь чертям и всякой нечисти делать нечего.

Ист.: *Шангина И. И.* Русский народ. Будни и праздники. СПб., 2003; *Решетников Н. И.* Русский народный календарь. М., 2005.

БАБЬЯ ЗАСТУПНИЦА — см.: **ПАРАСКЕВА ПЯТНИЦА**.

БАДЬЯ, емкость для поднятия воды из *колодца*, деревянная, с широким открытым верхом, сужающимся книзу туловом, круглая в сечении, с металлическими ушками и дужкой.

Бадью изготавливали из дубовых дощечек-клепок — с прочным дубовым дном. Тулово стягивали в верхней и нижней части металлическими обручами, прибитыми гвоздями к клепкам. Ушки бадьи — две железные полосы с отверстием

для дужки — приклепывали к обручам. Бадья вмещала 24 л воды, т. е. столько, сколько необходимо было для двух *ведер*, с которыми крестьянки ходили к колодезю.

БАКЛАГА, дорожная утварь для напитков. Представляла собой глиняный или деревянный плоский сосуд, приспособленный для ношения на *поясе*.

Деревянную баклагу изготавливали бондари из толстых еловых, сосновых, дубовых клепок, стянутых красивыми прочными обручами из веток сирени. Она была невысокой, круглой в сечении, с двумя днищами. Диаметр ее днищ в несколько раз превышал высоту тулова. У баклаги было невысокое горлышко с пробкой, располагавшееся на тулове, и два ушка для подвешивания ее к поясу. В ряде губерний России баклагой назывался небольшой бондарной работы цилиндрический сосуд с двумя донцами и горлышком, в котором в праздничные дни разносили по улицам *сбитень*, *квас*.

БАКЛУШИ, наколотые из коротких чурбаков чурки дерева, заготовки для изготовления *ложек*. При массовом кустарном производстве «били баклуши» (т. е. кололи чурбаки) подростки и старики как наименее квалифицированные или слабосильные работники; «бить баклуши» считалось легкой работой, производившейся на досуге, почти бездельем.

БАЛ, собрание многочисленного общества лиц обоего пола для танцев. Мог быть маскированным (бал-маскарад). От др. танцевальных собраний, напр. вечеров, бал отличался блеском, менее строгим этикетом (так, на маскараде дамы могли, скрываясь за масками, интриговать кавалеров), заранее определен-

ском клубе и т. п.) — со старшей по положению мужа гостей; если на балу присутствовала Императрица, она шла в первой паре с хозяином дома или старшим по положению кавалером, напр. старшиной дипломатического корпуса, а Император шел во второй паре. Затем следовал вальс, потом мазурка — танец быстрый, импровизированный, отличавшийся множеством причудливых фигур и мужских соло. За мазуркой мог следовать контраданс или кадрили, где по правилам могли танцевать лишь 4 пары; дамы сидели на стульях, ожидая своей очереди вступить в танец, кавалеры стояли за спинками стульев. Впоследствии контраданс стали танцевать все гости разом, для чего и выстраивались в 2 колонны. Если позволяло помещение, контраданс заканчивался галопом. Бал обычно заканчивался котилоном, вынуждавшим часть танцующих ожидать своей очереди на стульях. Это танец-игра со множеством туров; некоторые фигуры требовали выбора «качества», цвета, для чего танцующим раздавались маленькие букетики цветов, розетки и т. п.

Бал был не только местом живых танцев и незначительных нарушений правил приличия, но и свободных легких разговоров. Это требовало от дам и особенно девушек осмотрительности в выборе кавалеров. На карточке с порядком бала, снабжаемой маленьким карандашом, или в особой книжечке у пояса дамы записывали имена ангажировавших их кавалеров. До сер. XIX в. танцующие кавалеры являлись на бал в туфлях, коротких штанах и чулках, офицеры снимали оружие и на туфли крепили маленькие тупые бальные шпоры. Танцевали только в перчатках, но после тура, отводя даму на ее место, кавалер, целуя ее руку, снимал свою правую перчатку. Девушек вывозили на вечерние балы в 15—16 лет. Приглашение кавалером одной и той же дамы на несколько туров подряд считалось многозначительным. На балу лакеи разносили гостям мороженое, сласти, прохладительные напитки или шампанское, либо кавалеры брали их в буфете и подносили своим дамам. После бала следовал ужин. Для подростков устраивались дневные детские балы.

Ист.: Беловинский Л. В. Энциклопедический словарь российской жизни и истории. М., 2003.

БАЛАГАН, 1) большой шалаш, иногда крытый корьем, рассчитанный на несколько человек, строившийся обычно при выезде на покос; 2) народное театральное зрелище комического характера, с примитивным сценическим оформлением. В России балаганы появились

в н. XIX в., когда предприниматель Леман в 1818 привез пантомиму-арлекинаду в духе итальянской комедии масок. В 1830 была поставлена первая пантомима с превращениями. Балаган Лемана отличался роскошью убранства, но сгорел в 1836. Премники и ученики Лемана — братья Легат — ввели роли с русскими именами и пантомимы

И.А. Соколов. Бал-маскарад. 1744 г.

ным порядком. Порядок бала, т. е. последовательность танцев, определялся распорядителем бала, избранным хозяйкой, и указывался в маленьких карточках, вручавшихся каждой даме при входе. В XVIII в. бал открывался менуэтом, в XIX в. полонезом — торжественным шествием парами. В первой паре шла хозяйка дома с наиболее уважаемым кавалером, затем следовал хозяин со старшей по положению мужа дамой. На балах в присутствии Императора он сам открывал полонез с хозяйкой дома, а на придворных балах и балах общественных собраний (Дворянском собрании, в Англий-

Дед-завывала («карусельный дед» дядя Сергий). Гравюра с рисунка С. Александровского. 1870 г.

Б. Кустодиев. Балаганы. 1917 г.

«Пароход», «Паровоз» и «Паролет» с использованием технических средств. Русские пьесы было разрешено ставить в 1860-х. Крупный балаганщик В. Малофеев ставил русские пьесы военного и исторического характера с огромным числом участников и техническими средствами. Балаганы устраивались на *Масленицу*, *Пасху*, иногда в др. праздники в Петербурге на Адмиралтейской площади, в Москве за Новинским бульваром. Петербургские балаганы в 1872 были перенесены на Марсово поле. Большие балаганы достигали 70 м в длину при высоте и ширине в 20 м. Актеры были профессионалы и любители; в больших балаганах было до 100 исполнителей. Играли по 8 раз в день с перерывами на 10 мин. Первые действующие лица получали до 300 руб. Сбор крупного балагана за неделю составлял до 30 тыс. руб., расходы — до 25 тыс., куда входила высокая плата за землю (в Петербурге до 25 руб. за кв. сажень). Ложа стоила 10 руб., кресло 2 руб., скамьи от 60 до 20 коп., с солдат и детей брали 10 коп. Вместе с представлениями демонстрировали различные «чудеса»: «бородатая женщина», «русалка» и т. п. Публику в балаганы зазывали «деды», исполнявшие «*раешники*» — самодельные грубоватые стихи. Балаганы привлекали массу зрителей, в т. ч. из аристократии, приезжавшей «любоваться народом», и вокруг балаганов совершались гуляния с *качелями*, *каруселями*, продажей лакомств и пр.

Ист.: Беловинский Л. В. Энциклопедический словарь российской жизни и истории. М., 2003.

БАЛАКИРЬ, большая *кринка* для молока.

БАЛАЛАЙКА, русский народный струнный щипковый инструмент, появившийся в XVIII в. и постепенно сменивший домру. Сначала балалайка имела две, затем три струны. Изготавливалась кустарным способом, в т. ч. и самими балалаечниками из любого материала вплоть до высушенной тыквы-горлянки. Балалайка была непременной участницей деревенских «вечерок», спутницей шеголеватых деревенских парней, дворянских, мастеровых. Балалаечники иногда соединялись в хоры, разъезжали по *ярмаркам* и плясали под игру балалайки и пение.

БАЛАХОН, верхняя мужская и женская одежда туникообразного покроя. Шили из полотнища ткани, разрезанного спереди, между спинкой и полами вшивали клинья. Рукава балахона были прямыми, ворот с ворот-

Каргопольский балахон. Вид со спины

ником или без воротника. Балахон запахивали справа налево и подпоясывали *кушаком* или веревкой. Балахоны носили в северных и западных губерниях Европейской России, а также местами в Сибири. Чаше всего они использовались как рабочая одежда.

БАЛЫКИНСКАЯ, чудотворная икона Божией Матери. Явилась в 1711. Находилась в д. Балыкино Старо-

Балыкинская икона Божией Матери. 1711 г. Никольская церковь с. Балыкино. Белоруссия

дубского повета в Свято-Николаевской церкви. Лик Балыкинской иконы Богородицы написан на холсте, а холст наклеен на доску. На иконе имеется надпись: «1811 год, июня 24, на средства графини Анны Ивановны Безбородко переделана и вызолочена». Балыкинская святыня соединяет в себе 2 типа иконографии: «Млекопитательница» и «Взыгание».

Икона празднуется 28 окт./10 нояб., 30 июня /13 июля, в 10-ю пятницу после Пасхи.

БАНДУРА, малороссийский народный щипковый многострунный (до 20 струн) музыкальный инструмент, игрой на котором сопровождали свое пение бандуристы, кобзари, бродячие певцы и сказители народных дум.

БАННИК (байник, басник), по древним русским поверьям, злой мужской дух, обитатель бани, скрывается под полом или за каменкой. Вредит людям, кто приходит в баню после захода солнца или ночью, душит их, сдирает кожу, пугает.

На святочных *гаданиях* девушки спрашивали банника о женихах. Чтобы задобрить его, приносили в новую баню хлеб и соль, хоронили под порогом задушенного черного петуха или курицу.

БАНЯ, строение или покой, где моются и парятся в пару. Важнейшие части русской бани: калильная печь с булыжником (каменка) или с ядрами и чугуном боем (чугунка), или с колодой, в виде запрокинутого котла с завороченными краями; затем полок с приступками и подголовьем, на котором парятся; лавки вокруг стен, на которых моются; чаны с горячей и холодной водой; шайки для мытья и оката; веютки (мочало) для мылки; веники (дубовые или березовые) для парки. При

Русская баня в XVII в.

Русская баня. Синодик Шангальской церкви

бане бывает предбанник, где раздеваются, отдыхают, запивают баню квасом (В. И. Даль).

Баня известна с древнейших языческих времен. В «Повести временных лет» — летописи XII в. — при описании путешествия апостола Андрея Первозванного по Руси очень красочно говорится о парении в новгородской бане: «И пришел к славянам, где нынче стоит Новгород, и увидел живущих там людей — каков их обычай и как моются и хлещутся, и удивился им. И отправился в страну варягов, и пришел в Рим, и поведал о том, как учил и что видел, и рассказал: «Диво видел в Славянской земле на пути своем сюда. Видел бани деревянные, и напотят их сильно, и разденутся и будут наги, и обольются квасом кожевенным, и поднимут на себя прутья молодые и бьют себя сами, и до того себя добьют, что едва вылезут, чуть живые, и обольются водою студеною, и только так оживут. И творят это постоянно, никем не мучимые, но сами себя мучат, и то творят омовенье себе, а не мученье». В древности и в Средние века бани встречались как в городах, так и в сельской местности, но они были не в каждой усадьбе. В XVI—XVII вв., напр., на территории северных областей бани имелись только в половине усадеб, указанных в документах того времени, на территории Северо-Запада — только в четверти усадеб.

В эту же пору в городах получили распространение общественные бани, которые можно было посещать за деньги. Такие общественные бани принадлежали городу и сдавались в откуп богатым людям, имевшим с них большой доход. Они были достаточно благоустроенными, с теплыми раздевальнями и предбанниками. Мыльное помещение было рассчитано для одновременного мытья 10—20 чел. Посетителям давали веники и *шайки*, предлагались услуги мойщика.

Баня по-черному (по И. Шангиной)

В общественных городских банях мужчины и женщины мылись в одном помещении. Этот обычай вызывал недовольство православных священников. В 1551 Церковный Собор, отметив, что «в банях мужи и жены и чернцы и черницы в одном месте моются без зазору», запретил этот обычай. Однако это постановление Церкви не выполнялось. В сер. XVIII в. потребовался специальный указ Сената, запрещающий мужчинам и женщинам париться в одной бане. Приказом цариц Елизаветы (1743) и Екатерины (1783) общественные бани были запрещены.

Бани устраивали не только для мытья, но и для отдыха. Рядом с ними строили жилые помещения, в которых можно было закусить, переночевать, поставить на ночлег лошадь. Здесь запрещались азартные игры и хмельные напитки. Общественные бани были в то время, судя по документам, и в деревнях.

Если в древности обычай ходить в баню был присущ русским, то к XIX в. положение изменилось. Как отмечал этнограф Д. К. Зеленин, в к. XIX в. баня была характерна для великороссов и части белорусов. Др.

Б. Кустодиев. Русская Венера. 1925–1926 гг.

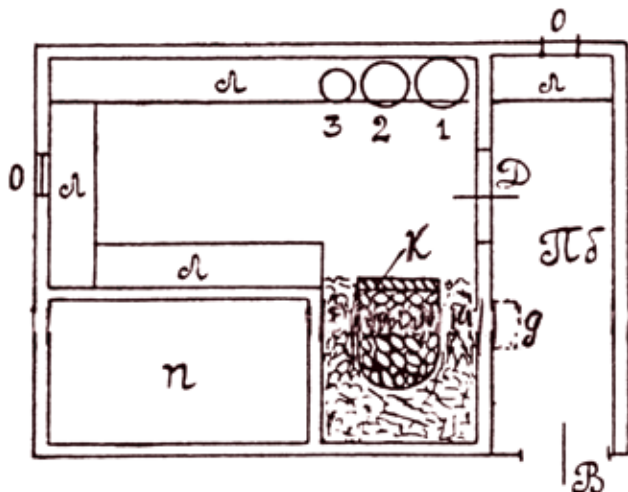
часть белорусов и жители южной России мылись не в банях, а в печах (см.: Чистота). «Малороссы же вообще были не особенно склонны к мытью», используя для гигиенического ухода за телом корыта.

Русскую баню часто ставили на берегу реки или озера, а иногда — во дворе, недалеко от колодца. Это было деревянное строение из толстых бревен, длиной

М.И Козловский. Российская баня. Эскиз

в 4–6 м и шириной в 4 м; высота его составляла немного больше 2 м, пол и потолок были деревянные, крышу иногда не делали. Нередко баню устраивали в земле в виде землянки. Входили в такую баню сверху, по лестнице; вероятно, отсюда и белорусское название бани «лазня» (от «лазить»). Перед входом к бане всегда пристраивали небольшое помещение, предбанник (рис.), в котором раздевались и одевались. В самой бане имелись лавки (1), печь (к) и высокий настил (п). В стене под потолком или в самом потолке было отверстие для дыма (г), т. к. печи в банях всегда были без дымоходов. На полу стояли бочки для холодной и горячей воды (1–3) и для щелока.

План севернорусской бани. Вологодская губ. Тотемский у.

Печь (каменка) в углу бани складывалась из больших камней, ее нередко не цементировали и не обмазывали глиной. В своде печи делали отверстия; на них клали кучки более мелких камней, которые, когда печь топилась, раскалялись. Камни кидали и в саму печь, в огонь, и раскаленные опускали в бочку с водой, чтобы согреть воду.

В углу рядом с печью делали высокий настил, т. н. полók, длиной в рост человека, с 2–3 ступенями. На этом полке парились березовыми вениками, которые сперва обливали водой, нагретой раскаленными камнями. Суть парной бани в том, что горячим веником бьют по телу; в сущности, это не что иное, как массаж всего тела. Для того чтобы повысить в бане температуру, на раскаленные камни лили воду, а иногда для приятного запаха — хлебный квас или ячменное пиво; в старину, перед тем как париться, обливались квасом или отваром из трав. Для того чтобы освежиться после жара парной, моющиеся нередко нагими выбегали из бани и, если баня стояла на берегу реки, купались в ней и катались зимой по снегу, а летом — в траве.

Дым при топке бани выходил через дверь или небольшое оконце, специально прорубленное в южной стене. После топки его закрывали деревянной ставенкой или втулкой. В ряде бань вытяжка дыма проводилась через отверстие над каменкой, от которого шел дымник, — вытяжная труба из досок.

Старинные бани или вовсе не имели предбанника, или имели очень простой его вариант — небольшую загородку без крыши и двери, а то и обычный деревянный навес на столбах. В этих банях в любое время года люди раздевались и одевались фактически снаружи, оставляя на улице чистое и грязное белье. Лишь в не-

многих баньках от стены к стене шли жерди, на которых согревалось чистое белье.

Мыться в бане можно было только после того, как все дрова в печке прогорели, дым вышел наружу, а дымовое отверстие было закрыто ставенкой. Для нагревания бани до нужной температуры дрова подкладывали в печь обычно 3 раза, как говорили русские крестьяне, «баня готова бывает в три каменки, или в три истопля».

Такие бани были распространены у русских еще в XIX в., но наряду с ними встречались и черные бани, более удобные для использования. К бане пристраивали предбанник уже со стенами и крышей, правда без потолка, для лучшей тяги дыма. Печки делали из кирпича, а камни для подогрева воды складывали на печь сверху. Вместо деревянной колоды в этих банях использовали *кадки* или *ушаты*. Усовершенствованные подобным образом черные бани в н. XIX в. уже изредка встречались у зажиточных крестьян Подмосковья.

К к. XIX в. в крестьянском быту стали появляться бани-пятистенки. Они имели хороший теплый предбанник, большое, с окнами помещение мыльни, печь с трубой, вмазанный в печь котел для нагрева воды, индивидуальные шайки для мытья. Однако бани, топившиеся по-черному, с печкой-каменкой и колодой для нагрева воды при помощи камней, сохранялись в русской деревне до н. XX в. и даже позднее.

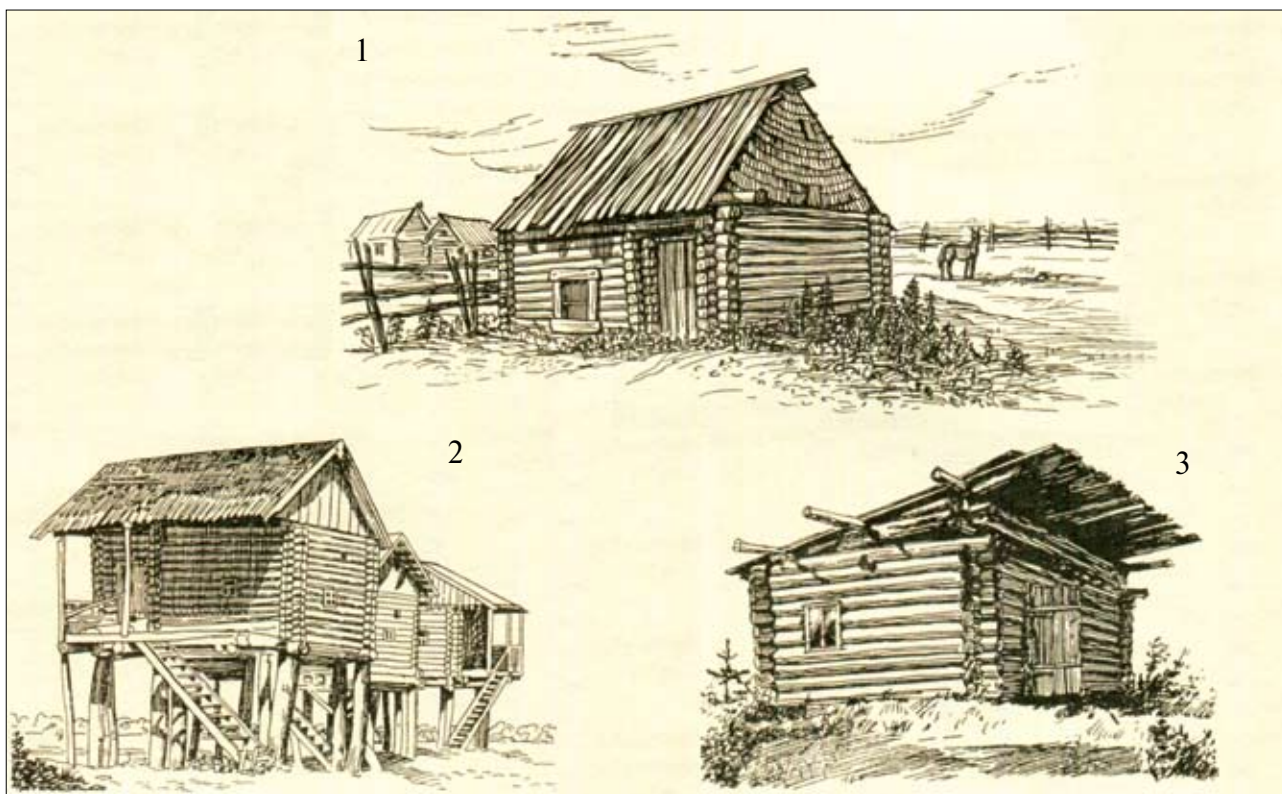
Каждая семья обычно имела свою баню, но были семьи, которые ставили баню совместно и мылись в ней поочередно.

Русские мылись в банях чаще всего по субботам, после окончания всех дневных работ. Еженедельное мытье в бане считалось обязательным для всей семьи. Кроме того, в бани ходили перед праздниками, перед *родинами*, *свадьбами*, после дальней дороги. Баню начинали топить с утра, так что к вечеру она была хорошо протоплена. Первыми в нее шли мыться мужчины, затем женщины и дети. Семейные пары могли мыться вместе, особенно молодожены, отправлявшиеся в баню после всех домочадцев. В течение многих веков был отработан и сам ритуал мытья: сначала парились березовыми или дубовыми вениками, перемежая парение обливанием холодной водой, купанием в реке, обтиранием снегом. Затем мылись щелочной водой, получавшейся путем кипячения ее с золой.

В общественных мыльнях было два отделения: мужское и женское; они отделялись одно от другого перегородками, но вход и в то, и в другое был один; и мужчины, и женщины, входя и выходя в одну дверь, встречались друг с другом нагишом, закрывались вениками и без особенного замешательства разговаривали между собою, а иногда разом выбегали из мыльни и вместе катались по снегу. В более отдаленную старину было в обычае и мужчинам, и женщинам мыться в одной мыльне, и даже чернецы и черницы мылись и парились вместе.

Баня существовала у русских не только для того, чтобы удовлетворять требованиям чистоплотности; ее воспринимали также как удовольствие, как наслаждение, что находило выражение в народной пословице: «Баня да баба — одна забава». Человек, которого соборова, считался наполовину покойником и уже не имел права идти в баню.

Баня была самым главным лекарством от всяких болезней: коль скоро русский почувствует себя нездоровым, тотчас выпьет водки с чесноком или перцем,

Бани разных типов. XIX в.: 1 — с предбанником, под двускатной крышей. С.-Петербургская губ.; 2 — на сваях. Костромская губ.; 3 — без предбанника, с односкатной крышей. Олонецкая губ.

закусит луком и идет в баню париться. Баня являлась своего рода лечебницей, где можно было проводить различные домашние лечебные процедуры — массаж, натирания, банки, а в прежние времена и кровопускание. Для рожениц баня являлась местом разрешения от бремени. Она играла роль и в свадебных обрядах: накануне венчания в бане мылись невеста и подружки, а после свадьбы новобрачные шли вместе в баню, откуда и относящаяся к свадьбе поговорка: «По рукам — да и в баню».

Вместе с тем баня считалась «поганой», потому что в ней нет икон, и вода в ней тоже «поганая»; поэтому после бани следовало обмыться чистой водой. После бани в тот же день в церковь не ходили. Существовало поверье, что в бане обитает особый дух, т. н. *банник*, *банный* (белорус. *лазьнік*). После того как в бане вымоются 3 пары, наступала очередь банника, он мылся в тот же вечер четвертым, и мыться кому бы то ни было другому в это время считалось опасно: говорили, что в лучшем случае банник напугает моющегося, сбросив с печи камни, а в худшем — дерет с него с живого кожу. Для банника оставляли в бане веник, кусочек мыла и немного воды в бочке. Когда впервые топили новую баню, бросали сверху на печь соль (Вологодская губ.); это, несомненно, было жертвоприношение баннику. По народному поверью, банник мог быть и женского пола, однако чаще всего его представляли себе черным, мохнатым, злым мужиком. Своим обликом и происхождением он напоминал домового, но у него, так же как и у овищика, преобладали черты духа огня.

Рассказы о бане как месте встречи с *нечистой силой* определяли и особое отношение к ней. Подходя к бане, обычно крестились, произносили специальные заклинания. Войдя в баню, произносили слова приветствия, просили разрешения «помыться — попариться, на здоровьице поладиться». Уходя же, благодарили:

ли: «Спасибо тебе, байнушко, на парной байничке». В бане нельзя было мыться ночью, в праздничные дни, вносить в нее иконы, входить с нательным крестом, шуметь, смеяться, кричать. Баню нередко использовали и как место для *гаданий*, ибо считали, что будущее гадающим раскрывает нечистая сила.

Здесь проводили и некоторые семейные обряды. Так, напр., баня включалась в поминальный обрядность. В Великий четверг, в ночь на *Радоницу*, вечером на *Троицу* каждая семья топила баню и грела воду «родителям», «дедам» — всем умершим предкам, для которых оставляли шайку с водой, ошпаренный веник, *полотенце*, одежду, напитки и еду. Утром хозяева приходили и определяли по оставленным следам, были «родители» в бане или нет. Если полотенце оказывалось влажным, вода из шайки расплеснутой, а зола рассыпанной, значит, предки навестили своих потомков и остались довольны. В этом случае семью ожидала хорошая, богатая жизнь.

Баня являлась и местом свершения некоторых обрядов свадебного ритуала: обрядового мытья невесты перед венчанием и молодоженов после первой брачной ночи. Это был сложный обряд со множеством участников. Невеста шла в баню в сопровождении подружки, отгонявшего заговорами нечистую силу, крестной матери, несшей икону, и подружек. В бане подружки невесту мыли, парили, поили квасом и пивом, затем, причитая, одевали. Считалось, что невеста в бане прощалась с девичеством — «девией красотой». Молодожены рано утром отправлялись в баню. Причем во время мытья новобрачных гости ходили вокруг бани, шумели и громко кричали, чтобы отогнать нечистую силу. Посещение бани рассматривалось исследователями как ритуал очищения молодых после брачной ночи.

Баня была также местом, где проходили роды и где роженица находилась еще 3–7 дней. Перед началом

Е.М. Корнеев. Русская баня. 1812 г. Офорт

родов баню растапливали, на пол настилали солому. Повитуха, пришедшая с роженицей, проводила обряд изгнания из бани нечистой силы — опускала в воду 4 камешка и бросала их по одному в каждый угол со словами: «Этот камушек в уголок — черту в лоб». Обезопасив подобным образом себя и роженицу, спешила ей на помощь. См.: Баня в родильных обрядах.

Ист.: Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991; Шангина И. И. Русский традиционный быт. СПб., 2003; Баня, ее польза и влияние на организм человека. СПб., 1905; Костомаров Н. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. М., 1993.

БАНЯ В РОДИЛЬНЫХ ОБРЯДАХ, русские крестьянки чаще всего рожали в банях, которые считались «нечистым местом», но не в физическом, а в магическом смысле. По народным поверьям, в бане, особенно нетопленной, происходило соприкосновение живых людей с «потусторонним миром», основную часть которого составляла *нечистая сила*. По тем же поверьям «нечистым» представителем «чужого» мира считался новорожденный ребенок и его мать (см.: Очищение новорожденного).

С магической «нечистотой» бани были связаны некоторые обязательные предписания. В нее нельзя было брать одежду: иначе она «опоганится» и «опоганит» надевшего ее. Нельзя было брать в баню никакой посуды, а также вносить «поганую» банную утварь в избу. После мытья и парения считалось необходимым окатить себя чистой, студеной водой или окунуться в какой-нибудь водоем, независимо от времени года, или покататься на снегу, чтобы смыть с себя всю нечисть. Не сделав этого, человек не имел права войти в церковь. Вообще в банный день ходить в церковь не полагалось. Русские бесспорно верили, что банища — места мистически опасные, «поганные». Если пожару случалось освободить их, то ни один добрый хозяин

не решился бы поставить тут избу и поселиться: либо заедят клопы, либо мышь испортит весь носильный скарб. *Знахари* и *колдуны* проделывали все *заговоры* и *наговоры* гл. обр. в банях.

Отведение для родов бани соответствовало распространенному взгляду на беременную как на нечистую, находящуюся под влиянием злого духа. В нетопленной бане, согласно старым поверьям, всегда живет особый дух, часто вредящий людям. Его называют «*банник*», «*банный*», «*байник*», «*баенник*», в женском роде — «*байниха*», «*банная бабушка*», «*обдериха*». Банный дух особенно не любил рожениц, и их нельзя было оставлять в бане одних. По др. сведениям, банник очень любит, когда к нему приходят жить родильницы на 3 дня после родов, а тем более на неделю, как это водится у богатых мужиков.

Самым неотложным делом после окончания родов считалось выпарить роженицу и новорожденного в бане или печи. В Белозерском кр. эту традицию можно было проследить в наиболее полном виде. Сразу после родов *бабка* шла топить баню, вела в нее роженицу и несла младенца. Обязанностью бабки было «истопить три бани» (т. е. 3 раза), после чего она считала свое дело законченным. Затем бабку одаривали, кто чем мог, и она уходила домой. В баню для роженицы приносили пищу, приходили соседи справляться о здоровье роженицы, приносили ей гостинцы, *пирог*и, *пряники*, вообще что-либо съестное. Роженица не работала только в течение первых 3 дней после родов, т. е. пока не сходит 3 раза в баню. Но и эти первые дни она никогда не проводила полностью в постели. Сама ходила в баню, помогала бабке справляться с ребенком. В некоторых случаях в баню являлся для молитвы священник и сама молитва получила название банной (Новгородская губ.). По иным данным из этого края, роженица по окончании родов отдыхала в бане только около суток.

Соседи приносили ей туда чего-нибудь съестного, по-лучше (Новгородская губ.). У тихвинских крестьянок на 3 день после родов топили баню, в которую роже-ница шла, закрывшись платком и держа в правой руке *кочергу*, чтобы не сглазили (Новгородская губ.).

Значение бани, по народным представлениям, за-ключалось в том, что она обладала способностью вос-станавливать нормальные физиологические процессы в организме родильницы. Баня давала возможность «промять и пропарить» родильницу, чтобы у нее «не спустилась и не скопилась дурная кровь, а шла бы из тела легче и скорее». Так объясняли свое дело бабушки из Медынского у. Калужской губ., Юхновского у. Смо-ленской губ., Кадниковского у. Вологодской губ.

Ист.: Попов Г. Русская народно-бытовая медицина. СПб., 1903; Лешенко В. Ю. Семья и русское православие (XI–XIX вв.). СПб., 1999.

БАРАНКИ, хлебное изделие из заварного пресного или сладкого теста в виде небольшого кольца, обжа-ренные в кипятке и обсыпанные маком. Баранки были распространены народным лакомством, наряду с *бубликами* и *сушками*, употреблялись с чаем.

БАРВИНОК, вечнозеленое *растение-оберег*. В древ-них языческих ритуалах был связан с представлением о жизненной силе и бессмертии, постоянстве и устой-чивости, *верности* и *любви*.

В купальских и колядных обрядах барвинок — одно из трех ритуальных растений. По языческим поверьям, барвинок оберегал от злых духов, змей, морового по-ветрия. В свадебных и похоронных обрядах служил для укрепления любви между супругами. Как колдовское средство барвинок может использоваться *ведьмами* для наведения *порчи* на человека.

БАРИН (барыня, барчук, барышня), происходит от слова боярин, первоначально употреблялось для обо-значения лиц, владевших крепостными, позднее полу-чило переносное значение вообще для лиц, не занятых физическим трудом.

«**БАРИН**» («*Водить барина*»), святочный обычай, су-ществовавший в Архангельской губ., облеченный в драматическую форму. Действующие лица этой коми-ческой бытовой картинки были: барин (в поношенном военном мундире), панья (его супруга); купчина, он же и палач (в шляпе и армяке с ременной плетью в руках). 7 мальчиков распределяли между собой роли: жереб-ца, быка и удивительных людей (числом 5); остальные присутствующие участвовали как просители и ответчи-ки. Вся эта процессия двигалась по деревне и, заходя в дома зажиточных крестьян, давала свое представление, которое совершалось неизменно по следующей схеме: войдя в избу, барин становился у передней скамейки, слева от него купчина, справа панья. Затем начиналось представление — подношением водки барину, панье и купчине, затем барин обращался к присутствующим с вопросом, нет ли у кого-нибудь каких-либо претензий и на кого? На месте происходили суд и расправа, кото-рую вершил купчина своей ременной плеткой. Затем барин покупал у купчины жеребца, быка и удивитель-ных людей, и сцена заканчивалась общей хоровой пес-ней.

БАРКУН (звонок, подгарник), маленький железный или латунный *бубенец*, который надевали на овец при свободном выпасе.

Баркун помогал хозяевам быстро найти своих жи-вотных, пасшихся в лесу или на пустоши. При этом

каждый владелец мог по звучанию баркунов легко узнать свое стадо, т. к. баркуны различались по высоте и тембру звука.

Верили, что звук баркуна отпугивает от стада диких животных и *нечистую силу*.

И. Ш. БАРСКАЯ БАРЫНЯ, бытовое наименование особо приближенной дворовой прислуги, ключницы, гор-ничной, фаворитки помещика или помещицы, поль-зовавшейся доверием и милостью господ, обладавшей неофициальной властью над дворовыми людьми, рас-поряжавшейся хозяйством, нередко питавшейся и одевавшейся наравне с господами.

БАРСОВ Елпидифор Васильевич (1.11.1836—2.04.1917), фольклорист, собиратель и исследователь народного творчества и древнерусской письменности. В 1867—70 напечатал в Петрозаводске ряд исследований по этно-графии, истории и археологии Олонецкого края. От сказительницы И. Федосовой записал произведения фольклора, большая часть которых вошла в 3-томное издание «Причитания Северного края» (т. 1—3, 1872—86). Барсову принадлежат работы: «Петр Великий в народных преданиях Северного края» (1872), «Север-ные предания о древнерусских князьях и царях» (1879), «Богатырское слово в списке н. XVII в.» (1881). Круп-ным трудом Барсова, не потерявшим своего значения, является незавершенная монография «Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дру-жинной Руси» (т. 1—3, 1887—89). Барсов оставил собра-ние древних рукописей, хранящееся в Государствен-ном историческом музее.

БАРЫШ ДЕНЬ — см.: **БОРИС И ГЛЕБ**.

БАСМЕННЫЕ ИЗДЕЛИЯ, изделия из тисненой кожи или металла, употреблялись для оклада богослужебных книг, образов, крестов и проч.; самое название заим-ствовано у татар, у которых басма обозначала оттиск.

БАТОГ (*батожок*, *падог*, *посох*), орудие пастуха, ис-пользовавшееся при выпасе скота.

Представлял собой деревянную палку, круглую в сечении или четырехгранную, тонкую внизу, с утол-щенной верхней частью, заканчивавшуюся рукоят-кой — круглым набалдашником или небольшим крю-ком. Батог вырезали такой высоты, чтобы он был чуть выше *пояса* пастуха. Зачастую около рукоятки батог украшали простейшим резным геометрическим орна-ментом.

Его использовали как опору при ходьбе, им легко было ворошить траву при сборе ягод и грибов, отклю-нять ветви деревьев в лесной чаще, защищая от них лицо, и т. п. Кроме того, на батог наносили «на память» важные при осеннем расчете с нанимателями сведе-ния: о количестве голов в стаде, выплатах с того или иного двора за пастьбу скота, задолженность пастуха по потравам и т. д. Вся эта информация заносилась на батог в виде различных зарубок, меток, хорошо читае-мых не только пастухом, но и деревенскими жителями. Батог являлся своеобразным письменным документом пастуха, заключившего договор о работе с деревенской *общиной* — миром.

Батог в представлениях русского народа был пред-метом сакральным и рассматривался как знак кол-довской силы, союза с хозяином леса — *лешим*. В нем видели символ особого, неизвестного другим таинственного знания, составлявшего часть профес-сионального мастерства пастуха. Он вырезал батог из определенных пород деревьев: из *березы*, *рябины*, мож-

жевательника, реже *осины*. Все эти деревья, по верованиям крестьян, обладали магической силой. Береза, одно из самых почитаемых на Руси деревьев, оберегала от зла и в то же время была связана с лешими, русалками и душами умерших. Рябина и можжевельник имели обережную силу, а осину («проклятое дерево») любила вся нечисть. Для придания батогу еще большей магической власти пастух относил его к колдуну, который читал над ним особый заговор.

Батог использовался при выполнении различных магических обрядов: в ритуальном обходе пастухом стада в Егорьев день, в разных действиях, направленных на защиту стада от *нечистой силы* или способствующих повышению удоев. Напр., считалось, что пастух, используя можжевельный или рябиновый батог, в состоянии отогнать нечисть от стада, а с помощью осинового батога заключает с ней договор о его сохранности. Верили, что, перебрасывая батог через стадо, пастух может предохранить скот от лешего, а простое прикосновение батога к вымени коровы позволяет увеличить количество молока.

По поверью, пастух должен был тщательно хранить батог. В случае его потери или порчи он утрачивал власть над стадом и разрывал договор с лешим. Кроме того, считали, что прикосновение постороннего человека к батогу лишало его магической силы, а также влекло за собой болезнь и даже гибель пастуха. Износившийся батог нельзя было выбросить, его следовало сжечь или пустить плыть вниз по реке.

Ист.: Шангина И. И. Русский традиционный быт. СПб., 2003.

БАТЮШКОВ Помпей Николаевич (1811–20.03.1892), этнограф, историк, археолог, младший брат поэта Константина Батюшкова, благодаря ему получивший хорошее образование, был военным, потом служил в Министерстве внутренних дел; с 1850 был ковенским вице-губернатором, позже попечителем Виленского учебного округа. Им или под его редакцией были составлены и изданы: «Атлас народонаселения Западно-русского края по исповеданиям» (СПб., 1863; изд. 2-е, 1865); «Памятники русской старины в западных губерниях» (1–8, СПб., 1865–86); «Холмская Русь» (1887); «Волынь, исторические судьбы русского Забужья» (1888); «Белоруссия и Литва, исторические судьбы северо-западного края» (1890); «Подоллия, историческое описание» (1891); «Бессарабия, историческое описание» (1892).

Лит.: Токарев С. А. История русской этнографии. М., 1966.

БАХИЛЫ, рабочие или рыбацкие сапоги (бродки) из толстой яловой кожи, смазанные дегтем и салом. Были выше колен, иногда под пах. Крепились ремешками.

БАХЧИСАРАЙСКАЯ (МАРИУПОЛЬСКАЯ) икона Божией Матери. По некоторым версиям, первоначально эта икона находилась в монастыре Сумела в Трапезунде на территории Византии с к. IV в.

О ее явлении в Крыму близ г. Бахчисарая рассказывает предание. В этих краях поселился страшный змий, пожиравший скот и людей. Местные жители, среди которых были христиане, усердно зывали к Пресвятой Богородице об избавлении их от чудовища. По их молитвам икона Богоматери чудесным образом

Бахчисарайская икона Божией Матери

перенеслась из монастыря Сумела на скалу, где обитал змий, который тотчас распался на части и окаменел. Его очертания до сих пор прочитываются в горной гряде. Чудесный образ и зажженную перед ним свечу обнаружил пастух. Святыню перенесли в дом местного князя, но она снова оказалась на избранном ею месте на скале в 10 саженьях от земли. Так повторялось несколько раз, пока люди не приняли решение основать на месте явления храм. Так как образ явился 1528 авг., то вырубленную в массиве скалы церковь освятили в честь Успения Божией Матери. Ее основание относят к VIII–IX вв. По прошествии столетий в XI–XV вв. здесь поселились монахи из горного г. Чуфут-Кале. Они положили начало Бахчисарайскому Успенскому монастырю.

Празднование Бахчисарайской иконе Божией Матери установлено 15/28 авг. в день Успения Пресвятой Богородицы.

БЕГА, распространенное в России развлечение; конный спорт в виде состязаний упряжных рысистых лошадей. Хотя резвые лошади всегда ценились, а их гонки устраивались любителями повсюду, правильные бега рысаков были введены в к. XVIII в. в Москве гр. А. Г. Орловым-Чесменским, который вывел на своих заводах породу *русских рысаков* и создал особый тип беговых дрожек. Производились бега одиночек в английской шорочной упряжи и троек в русской дуговой упряжи, в дрожках и в санях-козырьках. Сначала особой организации бегов не было, и они устраивались в любом удобном месте вплоть до широких малоезжих и неразбитых улиц на окраинах городов, но предпочитались замерзшие реки с их ровным снеговым покровом. В бегах могли участвовать все, вплоть до приезжих крестьян. Особенно были популярны бега у помещиков и купцов, разводивших лошадей или любивших охоту. Впервые специально организованное место для бегов

было создано в Москве на Донском поле в 1790-х, с прямыми параллельными дорожками по 200 сажень, с очень крутыми поворотами; зимой бега происходили на льду Москвы-реки у Пресни или под стенами Кремля, от Москворецкого до Большого Каменного мостов. С 1834 бега происходили на Ходынском поле, где в 1893 были созданы овалы дорожки в 1,5 версты, а в 1899 построены трибуны для зрителей и открыт тотализатор. Ипподромы были открыты также в Петербурге на Коломяжском поле, в Царском Селе, Варшаве, Киеве, Одессе.

Л. Б.

БЕДА (горе, лихо, напасть, недоля, нужда), выступает в русских народных сказках и пословицах как живое существо. Она странствует по свету и ищет обреченных несчастьем, схватывает человека, цепляется за него, садится ему на плечи, бьет, давит его; или рождается вместе с бесталанным человеком, шаг за шагом следует за ним всю жизнь и провожает его в самую *могилу*. Иногда человеку удается избавиться от нее посредством хитрости, напр., посадив ее в яму и закрыв *камнем*. Если же кто-нибудь освободит ее, то она начинает преследовать его.

БЕДОВИКИ (бездолные), в русских поверьях люди, от рождения обреченные на неудачу, они как бы рождаются на свет горемыками, помогать им бесполезно, всем, с кем они общаются, они приносят несчастья. Такие люди должны жить при храмах и монастырях. Здесь они обретают свое место, становясь молитвенниками за всех.

БЕЗСОНОВ (Бессонов) Петр Алексеевич (1827–22.02 [6.03].1898), литературовед, славист. Родился в Москве. Сын священника. В 1851 окончил историко-филологический факультет Московского университета. В 1867–79 — библиотекарь Московского университета. С 1879 — профессор кафедры славянских наречий Харьковского университета. Бессонов издал памятники устного творчества русского, болгарского, сербского народов, снабдив их обширными комментариями и статьями о языке, быте и творчестве народа: «Болгарские песни» (1855), «Лазарица, народные песни, предания и рассказы сербов о падении их древнего царства» («Русская беседа», 1857, № 2), «Песни, собранные П. В. Киреевским» (вып. 1–10, 1860–74), «Калики перехожие» (вып. 1–6, 1861–64), «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым» (ч. 1–4, 1861–67), «Белорусские песни» (1871) и др. Бессонов — автор многих историко-литературных и биографических статей.

БЕЛАЯ БАБА, в древнерусских поверьях дух несчастья, *смерти*, неизлечимой *болезни*. Русские считали, что перед кончиной возле умирающего стоит смерть в виде женщины в белом. В некоторых местах России существовали суеверные обычаи с помощью специальных ритуальных действий не допустить Белую бабу в свой дом. Для этого под крыльцом зарывали кобылью голову, вешали косу над воротами или на верхнем косяке дверей, втыкали под *матицей* можжевельную ветку, приколачивали к порогу подкову.

О. П.

БЕЛОБОГ (белбог, белун), в древнерусской языческой мифологии бог света, добра, удачи, *счастья*, *блага*, *богатства*. В ритуальной практике противопоставлялся Черному богу, составляя с ним неразрывную пару. Наименование «Белые боги» сохранилось в названии некоторых урочищ, одно из которых существовало под Москвой. У белорусов до н. XX в. сохранялось предание о Белуне.

Белобог — это добрый бог, приносящий удачу и счастье

БЕЛОВИНСКИЙ Леонид Васильевич, историк бытовой культуры России, знаток народного быта. Закончил исторический факультет МГУ (1968). Ученик проф. Зайончковского. Принимал участие в создании «Советской исторической энциклопедии», «Большой советской энциклопедии», «Советского энциклопедического словаря», энциклопедии «Москва» и др. Автор более ста публикаций, в т. ч. первого в стране учебного пособия по истории русской материальной культуры, учебных пособий по вспомогательным историческим дисциплинам, истории государственных учреждений дореволюционной России, «Российского историко-бытового словаря» (1999) и др. Сфера многолетних занятий Беловинского «история русской повседневности» XVIII–XX вв., которую он определяет как «сочетание специализированной и обыденной деятельности человека, детерминированной переживанием прошлого». Под прошлым подразумевается как «жизненный опыт личности», так и «прошлое всего народа». В течение 30 лет Беловинский преподавал в Московском государственном университете культуры и искусств, где руководил созданной им кафедрой музееведения. С н. 2000-х профессор кафедры музеологии Российского государственного гуманитарного университета. В 2003 вышел в свет составленный им «Энциклопедический словарь российской жизни и истории».

БЕЛОВОДЬЕ, по русским поверьям, сказочная земля всеобщего *счастья*, изобилия и *богатства*. **БЕЛОРУСЫ**, одна из трех ветвей русского народа, проживающая в Белоруссии. Древней этнической основой белорусской ветви русского народа были восточнославянские племена дреговичей, юго-западных кривичей (волочане и смоленские кривичи), радимичей и отча-

В. Корольков. «Беловоде»

Бельничская икона Божией Матери. XIX в. Церковь в с. Бельничи Могилевской обл.

сти соседних древлян, северян и волынян. Восточнославянские предки белорусов частично ассимилировали летто-литовские племена (в частности, ятвягов). В IX в. они вошли вместе с другими восточнославянскими племенами в Киевскую Русь. В рамках единого политического объединения восточнославянских племен завершилось формирование древнерусской народности. В XIV в. белорусские земли были оккупированы Литвой, а в XVI в. по Люблинской унии 1569 захвачены Польшей. В условиях порабощения и ожесточенной борьбы за независимость происходит формирование белорусской ветви русского народа (XIV–XVI вв.), основным ядром которой были западные группы древнерусской народности. В XVIII в. в результате трех разделов Польши (1772, 1793 и 1795) Белоруссия была возвращена России.

О. П.

БЕЛЫНИЧСКАЯ, чудотворная икона. По церковному преданию, до X в. находилась в Кракове и свидетельствовала о православном прошлом Польши. Именно она оказала благодатную поддержку Ф. Скорине в краковский период его деятельности, вдохновив на подготовку и издание нового перевода *Библии*. В XIII в. икона была перенесена иноками *Киево-Печерской лавры* в Бельничи и поставлена в Свято-Ильинском храме. Молебны перед иконой совершались днем и ночью. Во время *всенощного бдения* произошло чудо: от образа Царицы Небесной воссиял яркий свет, будто в солнечный день, и начали расходиться лучи. В память об этом чуде селение получило название Бельничи, т. е. «Белые ночи»; и икона Божией Матери стала именоваться Бельничской. В 1596, после принятия Брестской унии, икону поместили в католическом храме, основанном великим канцлером и гетманом Великого княжества Литовского Львом Сапегой на берегу р. Друти, в г. Мстиславле, что в 45 верстах от Могилева. В 1832 костел вместе с чудотворной иконой был передан

православным и переведен в м. Бельничи. В 1876 архиепископ Могилевский и Мстиславский Евсей совершил *литургию* в новосозданном монастыре в честь Рождества Божией Матери, где и находилась чудотворная икона, прославленная многими чудесами.

Икона празднуется 12/25 апр.

БЕРДИЧЕВСКАЯ икона Божией Матери, чудотворный образ, почитаемый православными и католиками. Бердичевская икона принадлежит к иконографическо-

Бердичевская икона Божией Матери. Нач. XIX в. ГМИР

му типу Богоматери. Младенец изображен сидящим на левой руке Богоматери с евангелием в левой руке, правой рукой благословляет. В левой руке Богоматери плат, правая возлежит на ножках Младенца. Широкое распространение получил расширенный извод Бердичевской иконы, появившийся предположительно не ранее 2-й трети XVIII в., на котором Богородица (в указанном типе изображения) представлена на башне-колонне, увенчанной хоругвями и воинскими регалиями. Бердичевская икона особо почиталась казачьим воинством.

БЕРЕГИНИ (берегини), в древнерусской языческой мифологии олицетворение добра, силы, оберегающие человека, заботящиеся о посевах и *дожде* для нив; представлялись в виде прекрасных крылатых дев. По др. версиям, Берегиня существует только в единствен-

Б. Ольшанский. Берегиня

ном числе и является великой богиней, породившей все сущее, ее сопровождают светозарные всадники, олицетворяющие *солнце*. Культ Берегини (берегинь) связан с *березой* — воплощением добра и света.

БЕРЕГИНЯ (Фотий), народное название дня св. Фотия, митрополита Киевского, 2/15 июля.

Еще с древних времен в этот день русские вспоминали Берегиню, воплощение добра, оберегающего человека. В представлении русских Берегиня охраняет семейную жизнь, символизирует два начала: мужское и женское, водное и земное, человека и природу. Берегиня, по народному поверью, предстает в образе утицы. Плавает она от берега к берегу, берега соединяет, судьбы человеческие бережет. А когда утица выходит на берег, то превращается в девушку-красавицу: заходит в дом, садится за ткацкий стан и начинает ткать, а потом и обшивать крестьянскую семью. Потому на тканых *полотенцах* самым распространенным был образ утицы-берегини. В этот день выносили хозяйки полотенца с образом Берегини и подавали их мужикам, которые в реке умывались, и те этими полотенцами вытирались. Тем самым они как бы прикасались своим лицом к образу Берегини — покровительницы семейного очага. Считалось, что родившаяся в этот день будет доброй матерью и верной женой. Она сбережет семейное счастье и будет опытной рукодельницей. От вышитого ею полотенца будет веять теплом и добротой.

БЕРЕЗА, одно из наиболее почитаемых у русских деревьев. В народной традиции береза может выступать как «счастливое» дерево, оберегающее от зла, и как

вредоносное, связанное с женскими демонами и душами умерших.

Поверья о полезных и вредоносных свойствах березы порой существовали одновременно в одних и тех же частях России. В ряде случаев в Полесье запрещалось сажать березу рядом с домом, чтобы на хозяев не напали *болезни*, чтобы не вымерла семья (или по др. причинам — береза часто «плачет»; в нее часто «бьет» *гром*). Согласно карпатским поверьям, если женатый мужчина посадит березу во дворе, то кто-нибудь из членов семьи умрет. На Русском Севере место, где когда-то росли березы, признавалось несчастливым, на нем не ставили новый дом. В районе Сольвычегодска избегали пользоваться березовыми дровами и не жгли бересту, считая, что от этого заводятся клопы.

Вместе с тем во многих местах березы специально сажали рядом с домом для благополучия семьи, по случаю рождения ребенка, для защиты от молнии, для отпугивания зла и т. п.

Женская символика березы проявлялась в обрядах лечения детских болезней: например, веря в магическое исцеление, носили девочек к березе, а мальчиков — к дубу. В обрядовых приговорах при сватовстве береза и дуб выступали как символы невесты и жениха («у вас есть береза, а у нас дуб...»). В Полесье верили, что посаженная близко к дому береза вызывает женские болезни у его обитателей; что наросты на березовых стволах образуются от женских проклятий («бабских проклёнов»). В некоторых полесских селах при похоронах покрывали тело умершей женщины березовыми ветками, а тело мужчины — ветками тополя. В белорусских причитаниях умерших братьев называли «зялеными кусточками», а умерших сестер — «белыми бярезами». В свадебных и лирических песнях береза — самый популярный символ девушки.

Связь березы с *нечистой силой* и душами умерших тоже указывает на женскую символику: о *русалках* в Полесье говорили, что они «с березы спускаются» или «на березах качаются»; в русальных песнях они сидят «на белой березе», «на кривой» березе. Принадлежащими русалкам считались такие березы, ветки которых свисали до земли; на Троицкой неделе к ним боялись приблизиться, опасаясь русалок.

Некоторые признаки необычного вида березы (искривленная или сросшаяся с др. деревом) были для белорусов свидетельством того, что под ней погребена невинно загубленная душа. Во мн. восточнославянских балладах, легендах, сказках погибшая девушка превращается в березу. Характерно, что в Костромском кр. об умирающей говорили: «В березки собирается».

Береза часто упоминалась как атрибут нечистой силы в демонологических поверьях и быличках: рассказывали, напр., что ведьма могла надоить молоко с ветвей березы: она же летала по ночам не только на помеле или хлебной лопате, но и на березовой палке; белые кони, подаренные человеку чертом, превращались в кривые березы, а поданный чертом хлеб — в березовую кору; женщину, в которую вселился бес, во время приступа «бросало» на березу.

Широко известны троицкие обряды (см.: Троицкие гуляния, Березка) с растущей или срубленной березой, совершаемые, как правило, девушками и женщинами: они шли в лес, выбирали молоденькую березку, украшали ее, завивали на ее ветвях венки, устраивали под березой совместное угощение, водили хороводы, гадали. Затем со срубленной березы (которую называли в разных местах по-разному — «кума», «гостейка», «семик», «куст», «баба», «красота») ходили по селу и при завершении обряда бросали березу в воду, в овраг, в костер (т. е. «проводжали березку» или «хоронили» ее). Девушки «кумались» с березой, просили у нее доли, умывались березовым соком для красоты и здоровья. В Костромском крае верили, что девушка, первой севшая в тени «завитой» березы (на которой «завили» венки), выйдет замуж в текущем году. Крестьяне Дмитровского края (под Москвой) верили, что в березовые ветки на Троицу вселялись души умерших родственников.

Ветки березы, особенно те, что были использованы в троицких или др. календарных обрядах, расценивались в народной магии как надежный *оберег*. Во многих областях России считали, что заткнутые под крышей дома, оставленные на чердаке березовые ветки защищают от *молнии*, *грома*, *града*; воткнутые посреди посевов в поле, они отгоняют грызунов и птиц; брошенные на огородных грядках, предохраняют капусту от гусениц. С помощью веток березы и березовых венков пытались уберечься от нечистой силы, болезней, «ходячих» покойников. Накануне дня *Ивана Купалы* березовые ветки втыкали над дверями хлевов, чтобы не дать ведьмам проникнуть к коровам и навредить им: на рога коровам надевали березовые венки для защиты от ведьм. Во многих местах верили, что при битье березовым прутком заболевшего ребенка болезнь тут же отступит.

Действенным приемом лечебной магии считалось хождение к растущей березе для «передачи» ей болезни: под березу выливали воду, оставшуюся после купания больного ребенка. Ср. мотив угрозы по отношению к болезни в тексте русского заговора от грудной жабы: «Брошу жабу под березов куст, чтоб не болело, чтоб не шемило». Русские крестьяне обращались к березе с просьбой об исцелении и при этом скручивали над больным березовые ветки, угрожая не отпускать их до тех пор, пока болезнь не отступится от человека.

Лит.: Зеленин Д. К. Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. М.; Л., 1937; Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов: XIX — начало XX в. М., 1979; Виноградова Л. Н. Мифологический аспект полесской «русальной» традиции // Славянский и балканский фольклор: Духовная культура Полесья на общеславянском фоне. М., 1986. Л. Виноградова, В. Усачева

«БЕРЕЗКА», старинный обычай исполнения роли березки одной из девушек в троицком хороводе (см.: Троицкие гуляния). Документально отмечено в 17 губерниях Центра, Поволжья и Сибири украшение березки и шествие с нею молодежи. У русских крестьян, селившихся по р. Тавде (Тюменский у.), в лесу, после «заламывания» венков сначала готовили настоящее деревце: срубали березку с двумя вершинами, свивали их венком и на образовавшуюся «голову» надевали *кокошник* или *платок*. Две ветки отводили в качестве рук и надевали кофту, юбку и фартук. Наряд завершался лентами, бусами и полевыми цветами. Под юбку наряженной березки подбегала девочка 10–12 лет «пошустрее», с репутацией хорошей плясуньи. Деревце начинало двигаться, а вокруг него заводили *хоровод* парней и девушек. Сначала пели «проголосные» (протяжные) песни, и «березка» медленно ходила под них по кругу, потом переходили к плясовым, и стиль хоровода резко менялся. «В круг влетают в бешеной пляске пары, а с ними пляшет и неистово вертится «березка».

Когда возвращались из леса в селение, впереди шла «березка», поддерживаемая под «руки» двумя взрослыми девушками. Молодежь обходила с песнями улицы деревни, потом начиналось посещение домов участников хоровода. Очередь посещений устанавливалась обычно заранее. Хозяева, приглашая к себе в избу, обращались сначала к «березке»: «Белая Березынька, милости просим к нам в гости (с поклоном), не побрезгуй нашим хлебом-солью». Потом ко всем остальным: «Красны девицы, добры молодцы, заходите».

В горнице девочка на время выходила из роли березки, а деревце ставили в передний угол, где перед ним накрывали скатертью столик или толстую древесную чурку и расставляли угощение — по кусочку от всех блюд да стакан пива или рюмку вина. Девушка-хозяйка кланялась березке, приглашая попить и поесть «что Бог послал». Вся церемония повторялась в каждом доме. В богатых домах молодежь угощали вином, в бедных — чаем. После всех посещений деревце ставили обычно в доме какой-нибудь одинокой старушки, снова накрывали перед ним стол и расходились по домам до вечера.

Многокрасочная игра — спектакль карнавного типа, проходившая под знаком «березки», включавшая разнообразные хореографические, хоровые, собственно хороводные (в узком смысле) и драматические действия, имела, по-видимому, ритуальную историческую основу. Об этом свидетельствует и «отпевание березки» (ср. «похороны Костромы» и др. аналогичные обычаи. — См.: Троицкие гуляния, «Русалки»), которое молодежь разыгрывала в этот же день на закате. Снова собирались все на улице, многие с венками на головах, и торжественно шли к избе, где оставили деревце. Кланялись березе и выносили ее из угла. Снова девочка под березкой двигалась впереди толпы, направлявшейся к ближайшему водоему. Песни теперь пели только проголосные, и они становились все печальнее. У реки или озера деревце раздевали под жалобное пение, и девочка «березка» бросала его в воду. Вслед ему летели венки с обычными загадываниями. Когда молодежь возвращалась в деревню, праздничное веселье продолжалось.

У русских крестьян Забайкалья в крупном селе Большой Куналей украшенные березки долго носили по улицам — проходили почти 6 верст (селение в к. XIX в. тянулось примерно на 8 верст). Сначала шли «бойкие ковалевские девки» и несли 10–15 березок.

Затем к ним присоединялись «низовые» (из нижней части селения). Девушки каждого «кутка» составляли особую группу со своей березкой, присоединявшуюся к общему шествию. В с. Архангельском лица, носившие украшенную березку, менялись. При этом смена шла по определенному принципу: сначала несла девушка; затем — молодая женщина, живущая первый год замужем; потом березку несли подростки. **М. Громыко**

БЕРЕМЕННОСТЬ, в народных представлениях существовало множество примет, указывающих на предстоящую беременность, оберегающих ребенка во время ее, определяющих его пол и т. п. В крестьянской среде считалось, что если у женщины при надевании платья подол оказывался завернутым, то она в этом году непременно родит. Так же считалось, если жена наступит на мужские штаны, если у нее будет чесаться в ушах или во сне ей привидятся журавли. Забеременев, женщина не должна была толкать ногой собак, кошек или свиней, т. к. у нее заболят ноги и спина, и не должна переступать через *коромысло* — иначе появятся на ногах нарывы.

Считалось, что если беременная увидит падаль и плюнет, то у новорожденного будет пахнуть изо рта, а если она смотрит на пожар и почешется, то на соответственном месте у ребенка появится темное пятно, вроде обожженного. Такое же пятно будет у ребенка и в том случае, если беременная чего-нибудь испугается и схватится за свое лицо рукой или что-нибудь украдет: тогда родимое пятно у ребенка своей формой будет напоминать украденную вещь. То же случится, если беременная перейдет дорогу, когда несут покойника: тогда пятно образуется от того, что у ребенка «запечется кровь». Если беременная испугается волка, то щеки или какая-нибудь др. часть поверхности тела ребенка обростут волчьей шерстью. Беременной нельзя было смотреть на уродов и пристально всматриваться в слепых: недостатки эти могут передаться плоду. Она не могла положить куска хлеба за пазуху, иначе ребенок вырастет «невежью», не должна была шить по праздникам — иначе зашьет младенцу глаза или рот, и он родится слепым или немым.

В праздники она также не должна была чесать своей головы, т. к. ребенок будет вшивым, и не могла этого делать по пятницам — будут тяжелые роды. Она не могла чистить сажу в трубе, иначе ребенок будет страдать удушьем, и носить щепок в фартуке, т. к. от этого у ребенка будет кила.

Если беременная переступит через вожжи или канат, то ребенок может запутаться в кишках и «задушиться», если она напьется воды прямо из ведра, ребенок будет мучиться изжогой, а если выплеснет воду через порог — ребенок будет страдать рвотой.

Считалось, что поведение беременной может оказывать влияние не только на плод и на течение беременности, но даже на окружающий мир и посторонних. Если только беременная перейдет кому-либо дорогу, на того непременно «нападут» чирьи. Если она переступит через седло или хомут, станет очень тяжело лошади, а если будет присутствовать при чистке колодца, вода в нем делается «дурной». Если у беременной бабы «пуза» острая — она носит мальчика, а если широкое пузо — родит девочку.

Почти всегда живот маленький и прямой указывал на рождение мальчика, широкий и неправильный — девочки, а раздваивающийся — двойни. Выдается у беременной правый бок — родит мальчика, левый — девочку. Считалось, что беременная с чистым и румяным

лицом родит мальчика, а с лицом пятнами — девочку. Худое и тощее лицо беременной также указывало на рождение мальчика, а полное и одутловатое — девочки. Белые соски матери указывают на беременность мальчиком, а темные — девочкой.

Если женщина предпочитала во время беременности селедку, то считалось, что она беременна мальчиком, а если предпочитала свеклу, редьку — беременна девочкой.

Некоторые считали, что можно даже повлиять на пол будущего ребенка. Для этого следовало во время супружеского акта класть под голову шапку, а еще вернее, надевать ее на голову мужу или повязывать его бабым платком. В первом случае считалось, что родится мальчик, а во втором — девочка. Вопрос о том, кого может родить женщина — мальчика или девочку, — занимал и соседей, и они также нередко старались решить его по наружному виду беременной.

Беременность женщины, несмотря на частоту этого явления, составляла своего рода событие в деревне. Как только беременность становилась заметна, так начинали толковать об этом все и сообщать друг другу, что такая-то сделалась брюхата, «забрюхатела», «понесла», «стала тяжела» или ходит на «сносях». При встрече мужики с ней шутили о ее положении, за глаза втихомолку посмеивались, что она не скоро ходит и неловко поворачивается, а бабы из любопытства частенько забегали к беременной, осведомлялись о ее здоровье, подавали различные советы и нередко предлагали ей «гостинца».

Ист.: Попов Г. Народно-бытовая медицина. М., 1903.

БЕРЕНДЕЙКА, кожаный ремень через плечо. Такое же название на Руси до XVII в. имела *шапка*.

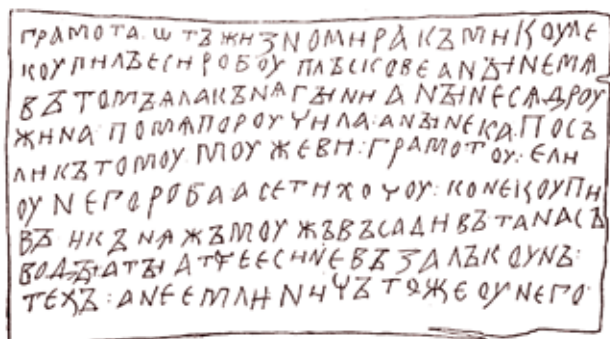
БЕРЕСТА, верхний, светлый слой березовой коры, широко использовалась в крестьянском быту на под-

Лубяные, берестяные, плетеные средства переноски тяжестей. 1 — женщина с берестяным кузовком. Тобольская губ.; 2 — плетеный из бересты кошель. Вольный; 3 — плетеная из соломки севалка. Тобольская губ.; 4 — плетеный из лозы заплетный кошик; 5 — «чертуха» — плетеное берестяное ведро. Вологодская губ.

стилку под тесовые кровли, для изготовления берестяных емкостей и корзиночек — *туесов, пестерей, лукошек* и др. Тонкая, плотная, эластичная береста содержала большое количество антисептических веществ, использовалась также для изготовления легкой *посуды* и даже лодок-берестянок.

БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ, памятники древнерусской письменности XI—XV вв., открытые в 1951 и позднее при археологических раскопках в Новгороде. Единичные найдены в Смоленске (1952), во Пскове (1958) и

Новгородская берестяная грамота XI в.

в Витебске (1959). Они различны по величине: одни представляют собой фрагменты из нескольких букв или слов, др. — целые тексты. Берестяные грамоты — ранее неизвестный тип памятников письменности. Они написаны заостренным предметом путем продавливания или процарапывания на внутренней (реже наружной) стороне бересты. До открытия берестяных грамот, кроме столь же древних текстов, написанных чернилами и красками на пергаменте, были известны

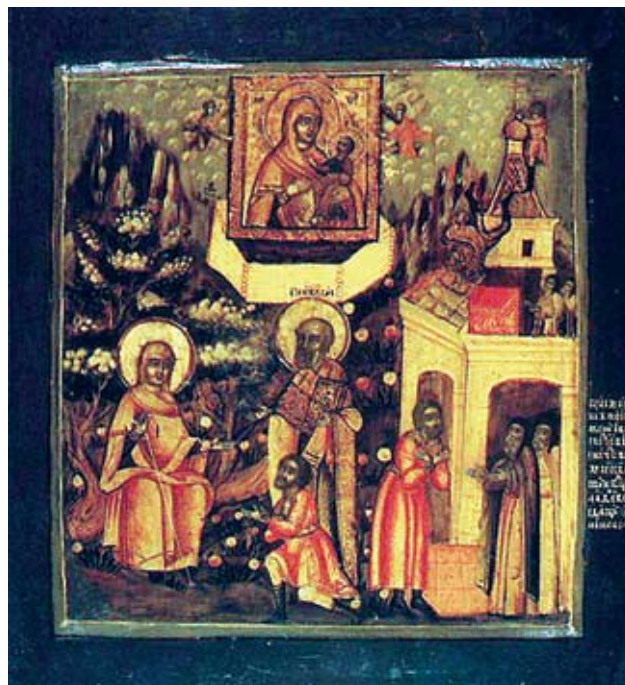

Берестяные грамоты, церы, писала. Новгород. XI—XIV вв.

лишь надписи, нанесенные путем выщербления или продавливания на камне, металле, дереве, штукатурке. Древними памятниками, равными по содержанию берестяным грамотам, наука не располагала вообще. Берестяные грамоты — памятники письменности, удовлетворявшие потребности всех новгородцев от посадника до крестьянина. Среди берестяных грамот имеется частная переписка, официальные документы (завещания, договоры, закладные, документы судопроизводства, распоряжения и т. п.), частные записи, ученические упражнения, детские рисунки с надписями, заклинания и, по-видимому, отрывки из художественных произведений. Авторы берестяных грамот — лица, принадлежавшие к разным социальным группам древнего Новгорода, в т. ч. ремесленники и крестьяне. До открытия берестяных грамот считалось, что грамотными в Древней Руси были лишь духовенство и феодалы. Берестяные грамоты, относящиеся к раннему периоду русской письменности, позволяют сделать вывод, что уже в то время грамотность на Руси была распространена широко, в частности среди женщин.

БЕС — см.: **ДЬЯВОЛ**.

БЕСЕДНАЯ икона Божией Матери («Явление Пресвятой Богородицы и святителя Николая пономарю Юрышу»). Событие, легшее в основу сюжета Беседного образа, изложено в «Сказании о явлении иконы Богородицы Одигитрии Тихвинской». Согласно этому тексту, в 1383 в Тихвине был построен первый Успенский собор. Накануне его освящения местный пономарь Георгий, прозванный в народе Юрышем, отправился оповестить местных жителей о предстоящем празднике. Возвращаясь обратно, в 3-х верстах от дома, Юрыш почувствовал благоухание и увидел Пресвятую Богородицу, сидевшую на сосновом бревне с игуменским посохом в руках, и свт. Николая Чудотворца, стоявшего рядом с Ней. В благоговейном страхе Юрыш пал ниц. Пречистая Дева повелела ему: «Иди, человек, отсюда за три поприща, где ныне строят церковь во имя Успения Богородицы и хотят поставить на церкви желез-

Беседная икона Божией Матери («Явление Пресвятой Богородицы и святителя Николая пономарю Юрышу»)

ный крест. И ты скажи священникам и христоролюбивым людям, чтобы поставили крест деревянный. Ибо Я не хочу, чтобы на Моем храме был железный крест, но чтобы был деревянный в уверение свидетельства Господнего, что Господь, Сын и Бог Мой Иисус Христос ради спасения человечества был распят на кресте деревянном, а не железном». В случае неверия людей свт. Николай пообещал послать им знамение. Юрьш в точности исполнил повеление Божией Матери, но его слова остались без внимания.

В день празднования Успения Божией Матери люди решили водрузить на главу собора железный крест. Во время работ внезапный вихрь сорвал мастера с крестом с купола. Рабочий чудом остался невредим. Потрясенные верующие вспомнили о предупреждении пономаря и установили на купол Успенского храма деревянный крест.

Празднование иконы установлено 14/27 авг. накануне Успения Пресвятой Богородицы.

БЕССОННИЦА, болезненное состояние, которое, по народным понятиям, появляется у людей в результате воздействия *нечистой силы*, прежде всего женских демонических существ. Сон могли отобрать: ночница, полночь, полуношник, «бессонница», щекожихабудиха, лесная баба, *ведьма* и др. Жители Смоленской губ. представляли себе ночницу в виде женщины в темном одеянии, которая неслышно проникает в дом, дотрагивается до спящего, отчего тот лишается сна. В Галиции считали, что «бессонница» в женском облике ходит по домам в ночь новолуния или накануне Андреева дня, нападая особенно часто на детей. Беспрестанный плач ребенка по ночам был для белорусов свидетельством того, что ночница посещает дом. Русские северных областей приписывали детскую болезнь «ночная плакса» воздействию злого духа, беса, домового. Если дитя не спит и плачет по ночам, то в Архангельской губ. говорили, что к нему пристал «полуношник», которого необходимо отогнать, или что «матенка-полуноценка» забавляется с ребенком.

Чтобы предотвратить бессонницу, соблюдали целый ряд запретов и правил поведения. Напр., нельзя было ложиться спать без молитвы и не перекрестившись. Запрещалось после захода солнца качать пустую *колыбель*; испулав ребенка, выливать воду во двор; оставлять на ночь пеленки во дворе и т. п. Чтобы не лишить младенца сна, не давали вечером из дома хлебную лопату и жар из своей печи. Широко известно поверье, что если при посещении роженицы пришедший в дом гость не присядет хотя бы на мгновение, новорожденный будет страдать бессонницей. Не рекомендовалось в присутствии ребенка упоминать зайца (в связи с поверьем, что заяц либо вовсе не спит, либо спит с открытыми глазами). Избегали при укачивании называть ребенка «зайчиком». Беременные женщины воздерживались от употребления в пищу зайчатины, чтобы новорожденный не страдал бессонницей.

Для избавления от бессонницы люди использовали множество приемов, направленных на отгон или отпугивание нечистой силы. Напр., на ночь подкладывали под подушку металлические или колющие предметы: *нож*, топор, иглу, ключ, *замок*, веретено, гребень и т. п. С целью оберега выставляли на ночь за двери перевернутую вверх прутьями метлу, подвешивали к *матице* (балке) старый *веник*, крестили окна и двери *кочергой*, оставляли *кочергу* на ночь под колыбелью. Функция

оберега приписывалась и домашнему *мусору*: его собирали со всех углов дома и сыпали в колыбель или подкладывали под подушку. Нередко использовали т. н. покойничьи предметы: при плохом сне человека окуривали свечой, побывавшей в руках умирающего, либо подкладывали под подушку зуб мертвеца, либо сыпали за ворот рубашки человеку, страдающему бессонницей, песок с могилы никем не оплакиваемого покойника и т. п. Белорусы Витебской губ. верным средством от бессонницы считали «находные» куриные перья (т. е. собранные по дорогам и чужим дворам), из которых надо было сделать маленькую подушечку и спать на ней. При лечении детской бессонницы и ночного плача часто прибегали к помощи домашних животных: носили ребенка в курятник, когда вечером куры уже сидят на насесте, или в загон для свиней, где его на мгновение укладывали на подстилку. В Рязанской губ. рекомендовали походить с ребенком на руках посреди овечьего стада, чтобы овцы «крик отблеяли».

При лечении бессонницы широко использовались также растения, обладающие снотворными свойствами или действующие, по народным представлениям, как оберег: клали под подушку «сонное зелье» — опий, маковые коробочки, осыпали кровать семенами мака, поили маковым отваром. Считалось, что от бессонницы помогали растения с названиями такого типа, как *сон-трава*, сон-дрема, дремотник, дремки. Чтобы ночница не имела доступа к спящему, венки из освященной зелени клали в колыбель ребенку или под подушку взрослому; ветки освященной вербы оставляли на пороге дома; окуривали кровать тмином, укропом. В Смоленской губ. сушеными цветами дремы (семейство гвоздичных) осыпали постель и порог дома, а перед сном читали заговор, стараясь не смотреть на дверь или с закрытыми глазами: считалось, что если заговаривающего увидит ночница, она надолго привяжется к нему.

Заговорные формулы были обязательным компонентом многих магических приемов, избавляющих от бессонницы. Их произносили на пороге дома, возле окна, печи, во дворе, на мусорной куче, в курятнике, на *перекрестке*, под деревом и т. п. В зачинах этих заговоров обращались к заре, вечеру, звездам, месяцу; к дубу, лесу, березе, вербе; к лесным зверям, птицам, курам; к мифическим существам (ночнице, полуднице, лесному деду, лесной бабе, «горской майке» и т. п.). Их просили забрать бессонницу и отнести ее в далекие места, в пустые горы, где петух не поет, где собаки не лают, и т. п. Просьбы нередко сочетались с угрозами в адрес вредоносных сил: «Вот тебе, ночная ночница, злая мученица, воды — захлебнуться, вострый нож — заколоться, петля — задавиться!» Многообразно представлена группа заговоров с мотивом обмена бессонницы на сон: «Заря-заряница, красная девица! Возьми бессонницу, а младенцу дай сон и доброе здравие» или с мотивом обмена дарами: «Курачки-рябачки, вазьмите хлеб-соль, а Мариночке дайте сон!» Подобным формулам обмена часто предшествовали призывы заключить союз в виде кумовства, сватовства, побратимства с мифическим персонажем.

Ист.: Виноградова Л. Бессонница // Славянская мифология. М., 1995.

БЕССРЕБРЕНИКИ (*греч.* — безмездники), люди, добровольно отказавшиеся от своего имущества и бескорыстно помогающие бедным и обездоленным. Пер-

вым бессребреником был Иисус Христос. Этот подвиг является одним из видов аскетизма. Он заключается в победе над привязанностью к материальным благам и корыстью. Святые Отцы Церкви заповедали, что нужно избегать не сребролюбивых дел, а душевных пристрастий к земным удовольствиям и богатствам.

Примером бессребреничества является жизнь св. Серафима Вырицкого, в миру В. Н. Муравьева (1866–1947). До принятия пострига он был известным коммерсантом. Свои доходы Муравьев щедро жертвовал на содержание храмов, богаделен и домов призрения, он принимал у себя болящих из казенных больниц и организовывал бесплатные обеды для неимущих. После принятия монашества и великой схимы с именем

Косма и Дамиан. Икона. XVII в. Кострома

Серафим в 1926–27 он сподобился удивительного дара исцеления от душевных и физических недугов.

Бессребрениками называют тружеников, работающих «Христа ради» или для блага людей, не требующих награды за свой труд. Напр., св. Симеон Верхотурский (†1642), странствуя по деревням, шил беднякам шубы и др. верхнюю одежду. Чтобы не брать оплату, он оставлял какую-нибудь деталь одежды незавершенной. На иконах св. Симеон показан мужем средних лет с окладистой бородой, одетым в скромную одежду, как правило, синего цвета. Обычно он стоит на фоне Свято-Николаевского Верхотурского монастыря, в котором почивают его мощи. Часто на изводах присутствует еще одно уменьшенное изображение св. Симеона, уносящего рыбу. Этот сюжет говорит о том, что, не имея средств на пропитание, святой кормился рыбной ловлей.

Св. вмч. Пантелеимон. Икона. Кон. XIX в. Частное собрание

К бессребреникам относят святых врачей-целителей, лечивших людей во славу Божию помазанием священным елеем и окроплением св. водой. Они не применяли врачебных средств и не брали плату за исцеления, за что их называли безмедниками.

К ним относятся: св. апостол и евангелист Лука (I в.), свв. *Косма и Дамиан* (III в.) и особо почитаемый на Руси св. *Пантелеимон* (†303 или 305). Вместе с ними в Собор святых целителей, бессребреников и чудотворцев входят мч. Трифон (†250), Диомид, врач Никейский (†298), сщмч. Ермолай († ок. 305), Кир и Иоанн Александрийские (†311), Сампсон Странноприимец (†530) и святые, прославленные чудесами исцелений уже после своей кончины: мч. Фалалей Киликийский (†284), сщмч. Мокий Амфипольский (†250), мчч. Фотий и Аникита Никомидийские (†305[306?]).

В церковной живописи бессребреники часто объединены в пары по принципу родства, дружбы или по роду деятельности. В качестве примеров можно вспомнить иконографии: «Косма и Дамиан», «Сампсон и Диомид», «Мокий и Аникита». Эту традицию положил Иисус Христос. Он оправлял апостолов на проповедь по двое: «Истинно также говорю вам, что если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то чего ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного, ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф. 18, 19–20).

Святые целители, жившие на заре христианства, представлены в традиционном для них римском одеянии: хитонах и *гиматиях*, иногда с повязками на голове. Их специальными атрибутами являются красная сумка у пояса, кисточка, завершенная крестиком, для помазания, ложечка (лжиза) или палочка для елеса, ларец или сосуд со снадобьями (реже — хирургические инструменты). Святые врачи-мученики могут изображаться с крестом в руке и в терновом венце, а бессребреники, имеющие священнический сан, — в святейшем одеянии с Евангелием в руках.

Прп. Серафим Вырицкий. Икона

Многие святые врачевали не только людей, но и животных. Среди них: мч. Трифон (†250), сщмч. Власий Севастийский (†316), свт. Спиридон Тримифунтский (†348), свт. Модест Иерусалимский (†633[634?]). На Руси их почитали покровителями животных. В иконописи они нередко изображаются пасущими домашний скот. Известны иконографии, где Спиридон Тримифунтский и Власий Севастийский показаны друг против друга, восседающими на тронах на горных высях, а внизу у подножия гор их беседе внимают овцы и коровы. Примером может служить новгородская икона из церкви св. Власия на Софийской стороне (ок. 1407, ГИМ). Такие изводы указывают не только на особое покровительство этих святых над животными, но, прежде всего, на их пастырское служение людям.

Некоторые бессребреники еще до своего обращения ко Христу были врачами. Уверовав в Господа, они обрели чудесный дар от Бога и могли лечить людей силой своей молитвы. Лучшим примером является св. архиепископ Симферопольский и Крымский Лука (1877–1961), известный в мире как хирург В. Ф. Войно-Ясенецкий. Не страшась гонений со стороны советской власти, он в 1921 стал священником, а в 1923 принял постриг с именем св. апостола и врачевателя Луки. Перенеся тяготы тюрем и лагерей, свт. Лука до

последней минуты продолжал безвозмездно, зачастую без надлежащих медицинских средств, спасать людей от физических и душевных заболеваний. На иконах свт. Лука Войно-Ясенецкий представлен в архиерейской мантии, омофоре и митре на голове, с панагией на груди и архиерейским посохом в руке.

Подвиг бессребреничества почитаем в России во все времена. Исполон веков труд на Руси подразделялся на заработок и безвозмездное служение. Стремление поработать «во славу Божию», «Христа ради» или во имя блага ближнего характерно для русского человека. Примером для него были святые бессребреники. Возможно, поэтому их имена прочно укоренились на русской почве, а даты празднования в церковном календаре связаны с народными приметами.

В. Гусакова

БЛАГО, в христианстве состояние, присущее Богу и не отступившей от Него части творения. «Никто не благ, как только один Бог» (Мф. 19; 17). Отойдя от зла и сотвори благо. В русских понятиях высшее благо понимается как единство добродетели и благополучия. Благо есть безусловно желаемое, добродетель — безусловно должное (В. С. Соловьев).

О. П.

БЛАГОВЕРНЫЕ (греч. — благочестивые), святые миряне, носящие царский или княжеский титул, мудрые правители, прославившиеся как защитники Отечества и ревнители Православной веры и своим личным примером явившие образец кротости, смирения и миролюбия.

В Древнем Риме и Византии именование «благочестивый» или «благочестивый» употреблялось в словословиях по отношению к языческим, а затем и христианским императорам. Оно указывало на верность государя государственной религии.

Св. блгв. кн. Димитрий Донской. Икона

Св. кн. Александр Невский на фоне Невской битвы. Икона. XIX в. ГМИР

После издания в 313 Миланского эдикта, который узаконил христианство на территории Римской империи, началось формирование статуса императора как помазанника Божия. Этот статус прочно закрепился в Византии и России. Он предполагал верность царя заповедям Бога, но не святость. Поэтому его именовали «благодарный» — верный Благу или Богу, Который, по утверждению Отцов Церкви, есть наивысшее Благо. «Святой» добавлялось к имени только после канонизации. В языческом Риме император считался

Блгв. кн. Роман Рязанский. Икона. XX в. Рязань

сыном одного из богов пантеона и именовался божественным. В православной Византии, а затем и в России, император выступал вершителем и исполнителем воли Небесного Царя и Единого Бога Вседержителя, Владыки Неба и Земли. Одними из самых почитаемых византийских святых, благоверных правителей, стали имп. Константин Великий (†337) и его мать царица Елена (†327). Древняя фреска с их изображением сохранилась в Софийском соборе в Новгороде (XII в.).

Православная Церковь насчитывает ок. 50 русских благоверных князей и царей. Во главе сонма стоят свв. равноап. кн. *Владимир* — креститель Руси (†1015) и его бабка, кн. *Ольга* (†969). К лику святых благоверных причислены князья-мученики, прославившиеся героическими подвигами за веру и Отечество в период иноземных нашествий. Среди них князья: Василий (Василько) Ростовский (†1238), Михаил Черниговский (†1245), Роман Рязанский (†1270). Православная Церковь канонизировала мудрых политиков и храбрых воинов, таких как кн. Довмонт-Тимофей Псковский (†1299), *Александр Невский* (†1263), *Дмитрий Донской* (†1389).

В. Гусакова

БЛАГОВЕЩЕНИЕ, один из Великих Богородичных праздников Христианской церкви, приходящийся на 25 марта/7 апр. и посвященный воспоминанию возвещения Архангелом Гавриилом Деве Марии тайны воплощения от Нее Бога Слова. О самом событии повествуется в одном только Евангелии от Луки (Лк. 1; 26—38), но подробно, что соответствует важности его.

Событие совершилось в шестой месяц после зачатия Иоанна Крестителя. По времени установления праздник Благовещения является одним из древнейших Богородичных праздников. Настолько же древне приурочение его к 25 марта. Крайние сроки, с которыми совпадает Благовещение, — четверг третьей недели *Великого поста* и среда *Светлой седмицы*. Соответственно величию этого дня, церковное празднование Благовещения не отменяется, если даже праздник приходится в *Пасху*, а пост ради него ослабляется: поэтому еще VI Вселенский Собор постановил совершать в день Благовещения литургию Иоанна Златоуста, а не Преждеосвященных Даров.

Благовещение — один из самых распространенных сюжетов русского иконописания. На иконе XVI в. перед Богоматерью стоит Архангел Гавриил, обхватив обеими руками большой восьмиконечный черный крест. Богоматерь стоит во весь рост и удерживает на руках Спасителя, Который отворачивается от видения. На иконе надпись читается: «Рече Богородица к Архангелу: «О Архангеле, уже прежде благовестил еси радость, егда зачати во утробе и породилши Сына, Его же царствию не будит конца, и ныне вижу тя крест держаще, утробой уязвляюся, вспоминая Симеоново пророчество». Отвещает Архангел и рече: «Подобает Сыну Человеческому много пострадать, и распятому быть, и в третий день воскреснуть». В русском народном календаре Благовещение отмечалось как начало весны, как день «открытия земли», пробуждения ее ото сна, выхода из земли гадов, змей, лягушек, мышей, насекомых, появления нечистой силы, прилета птиц, пробуждения пчел, медведей. Благовещение — подобно Рождеству, предвещало и магически предопределяло весь грядущий год.

В старину русские говорили, что Благовещение — самый большой у Бога праздник. В день этот, как в

Устюжское Благовещение. Икона. 2-я пол. XII в. ГТГ

Пасху, и грешников в аду не мучат. На Благовещение, как и на другие важнейшие церковно-народные праздники — Пасху, Ивана Купалу, Рождество Христово, Петров день, — солнце играет при своем восходе. Русские считали не только тяжким грехом на Благовещение браться за какое-либо дело, но верили, что даже неразумная тварь чествует этот великий праздник. Они говорили, что если птица проспит Благовещенскую утреню и завьет в этот день гнездо, то в наказание за это у нее отнимаются на время крылья, и она не может летать, а вместо того ходит по земле. В древнем русском быту с праздника Благовещение считали началом нового года. Благовещение считалось также началом весны. По крестьянским верованиям, в день Благовещения сам Бог благословляет землю, открывает ее на сеяние. Отсюда возник обычай накануне этого праздника или на самый праздник освящать просфоры или семена: те и другие потом хранились крестьянами до первых весенних посевов как знак видимого благословения Божия для хорошего роста и плодородия своих нив.

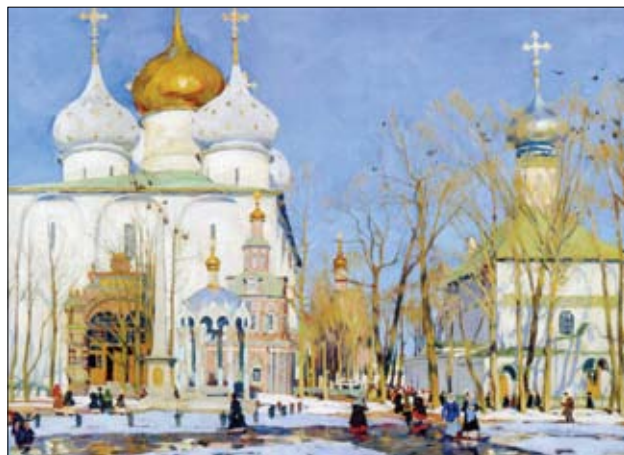
Радуюсь празднику Благовещения, русские в этот день отпускали птиц на волю, чтобы они «благословляли пред Творцом виновников своей свободы». Обычай этот прославлял праздник Благовещения как «великий день свободы всего мира». В Малороссии в XVII—XVIII вв. внуки и дети на праздник Благовещения вывозили на лубках своих престарелых и бедных дедов и отцов на улицу и собирали для них милостыню. Наконец, с днем Благовещения было связано множество примет и наблюдений, по которым русские гадали о будущей погоде и урожае: «Каково Благовещение, таково и Светлое Воскресение. Благовещение — гриб-

ное лето» и т. п. Здесь особенно много значило то, что этот праздник служил началом весны и вместе с тем древнерусского народного года. Между обрядами и верованиями, связанными с Благовещением, некоторые сохранились от языческой старины. Таков, напр., обычай сжигать соломенные постели и старую обувь, скакание через костры, окуривание как предохранительное средство от всякого рода болезней.

Все эти обряды были близки по своему характеру к обрядам купальским. В них выражалась вера в очистительную и целебную силу огня, свойственная язычеству. Приурочены они были к празднику Благовещения потому, что этот день считался началом весны, времени пробуждения всеоживляющего солнца, источника теплоты и света. Церковь осуждала эти обряды; уже в Кормчей 1282 содержится запрещение против тех, которые в день Благовещения «пред храмины своими, или враты домов своих, пожар запалившие, прескакают по древнему некоему обычаю».

На Благовещение воры старались что-либо украсть в надежде, что, если это им удастся, то весь будущий год будет благоприятен для их воровства. Многие русские верили, что как кто встретит и проведет первый день года, так пройдет для него и весь год. По погоде этого дня, считая дождь благоприятным предзнаменованием, по снегу на крыше, по морозу или по оттепели, старались угадать, каково будет лето и каков будет урожай: «На Благовещение дождь, родится рожь». Если на Благовещение будет день красный, то предполагают, что в тот год много беды принесут пожары, если же пойдет дождик, то будет «грибной» год, если мороз, то надо ждать еще 40 утренников, хотя, во всяком случае, это уж не зима, как и Покров не лето. Много уже было дня, светло и днем, и вечером, и не нужно уже дуть огня. Во многих еще местах сохранялось верование в огонь, через который в этот день скакали, чтобы избавиться себя от призора; окуривали свои платья для того, чтобы предостеречь себя от «обаяния», и сжигали свои соломенные тюфяки, чтобы истребить болезни. Крестьяне клали кусочек целой просфоры в клети в свои амбары, чтобы было в них на будущую осень больше хлеба.

В этот день пекли из мирской (общей муки) благовещенские просфоры и несли их для освящения к обедне («вынимать за здравие»). Принеся домой такую просфору, ее клали сначала под божницу, а потом — в амбар с овсом, оставляя ее в последнем до первого ярового засева. Сея яровину, сеятель брал ее из амба-

К. Юон. Благовещение

Благовещение. Копия иконы Симона Ушакова. Сер. XIX в. ПХГ

ра и носил с собой во все время посева привязанной к сеялке. Соблюдением этого обычая надеялись оградить нивы от всякого «полевого гнуса» (вредных для хлебов насекомых) и заручиться «благой надеждою на урожай». Если у кого в хате была икона праздника, то ставили ее на Благовещеньев день в кадку с яровым зерном, предназначавшимся для посева, приговаривая при этом:

*Мать Божья!
Гавриил-архангел!
Благовестите,
Благоволите,
Нас урожаям благословите:
Овсом да рожью,
Ячменем, пшеницей!
И всякого жита сторицей!*

Пожилые женщины пережигали в этот день соль в печи. С этой солью, которая, по поверью, оказывает чудеса в разных болезнях, они пекли небольшие булочки, предназначенные для лечения скота и называемые «бляшки».

По существующим в Малороссии поверьям, Бог благословляет в этот день все растения, и все верили, что какова погода задастся в Благовещение, такова будет и на Велик день, т. е. на Пасху.

К этому дню был приурочен обычай среди всеобщих пожеланий благоденствия выпускать изловленных в тенеты и сети перелетных птишек Божиих на волю. Этим праздновался приход весеннего тепла, победившего зимнюю стужу студеную, и одновременно как бы приносилась бескровная жертва природе.

В малороссийских губерниях можно было услышать в народе сказание о том, как Богородица засекает все нивы земные с небесной высоты. Гавриил-архангел водит соху с запряженным в нее белым конем, а «Мать Пресвятая Богородица» разбрасывает из золотой кошницы всякое жито пригоршнями, а в то же самое время «устаи безмолвными, сердцем глаголящим» молит Господа Сил о ниспослании благословения на будущий урожай.

Значение праздника Благовещения среди великопостных дней видно, между прочим, и из обихода в жизни московских царей, строго соблюдавших все церковные уставы и правила поста. Еженедельно, по свидетельству Котошихина, в понедельник, среду и пятницу готовились кушанья рыбные и пирожные с маслом оливковым, ореховым, льняным и конопляным. В посты же Великий и Успенский готовилась сырая и гретая капуста, соленые, сырые и гретые рыжики и кушанья ягодные, но без масла. Оно разрешалось только в Благовещеньев день в равной степени как для царицы, так и для царевичей. Только малолетним царевичам и царевнам давалось разрешение во все посты на рыбные блюда и пирожные на масле для того, «что им еще в молодых летах посту держати не мочно». Кто вообще не хотел поститься, т. е. ел рыбу, упивался вином, того унимали, смиряли и отлучали власти и попы от церкви Божией и налагали епитимью. Кроме Благовещения, государю разрешалась всякая приправа еще в именинные дни царицы и детей, когда на всех обедах полагались задравные чаши включительно до монастырей. Для Благовещеньева дня в XVI в. сделано было исключение как нововведение, наравне с днем Рождества Христова, заключающееся в том, что во вре-

мя богослужения раздавались монастырской братии и мирянам свечи, как в неделю Ваий, в последние дни Страстной недели и в день св. Пасхи.

В старой Москве совершался особый «чин хлебомлечения» за всенощным бдением при благословении хлебов, пшеницы, вина и елея. Основное сходство обычая, совершавшегося также и в Новгороде, заключалось в том, что как святитель новгородский, так и святейшие патриархи московские благословленные в эту ночь «благодарные» хлебы и вино предназначали к раздаче всем предстоящим во храме. Пшеницу от всенощной в Новгороде сыпали в житницы, а хлеб раздавал святитель в дома на благословение. В Москве патриарх, раздробивши хлеб, подносил часть, а иногда и целый хлеб государю, который обязательно присутствовал на храмовом празднике своего домового собора в честь Благовещения Богородицы, начатого постройкой в 1397 сыном Дмитрия Донского Василием. Патриарх каждому из церковных властей и царских бояр давал по целому хлебу «укругами», т. е. толстыми ломтями, и по целой стопе вина. Эти же укруги с небольшим количеством вина получал и народ. Царице и всему царскому семейству с ближним боярином посылал патриарх то же самое: столыники несли хлеб и кубки с вином.

Литургию в Благовещение как в Новгороде святитель, так и в Москве патриарх совершали согласно уставу, по которому, несмотря на дни Великого поста, обязательно полагалась литургия. Чествование Благовещения всегда выделялось как самостоятельное и обязательное. Так, если оно случалось в неделю Ваий и совпадало с Вербным воскресеньем, то в Новгороде совершались две службы праздничные со бдением и было два величания. Если Благовещение приходилось в Страстную пятницу, то на литургии чтение Евангелия о Благовещении Марии Деве Архангела происходило первым, раньше евангельского повествования о Христовых страданиях. Только на один этот день в году на Благовещение не полагалось совершения литургии. На случай совпадения праздника Благовещения с днем св. Пасхи в Новгороде установлено было так, что Евангелие на утрени в царских дверях читал протоиерей, а по прочтении подносили владыке для целования. Во время пения «Господи воззвах» протоиерей с дьяконами совершал проскомидию, а священники служили ее в алтаре. По первой паремии (в отличие от Москвы) святитель кадил с тройною свечою, как на Преждеосвященной литургии, хотя литургия была Златоустава. Великий день придворного храмового праздника московский царь, как добрый хозяин, в своих «покоевых хоромах», т. е. в комнате и передней, кормил нищих, собиравшихся, кроме того, на Аптекарском дворе — под надзором дьяка Тайного приказа, жаловал деньгами (по два и одному рублю). Кормил сытно и сладко: ухой из живой рыбы, жареными карасями и окунями в рассоле. В 1664 накормлено было разом 682 человека, получивших сверх того денежную дачу: кто по 6 денег, кто по 2. Убогие и нищие люди расходились с благовещенской трапезы, унося с собой и разнося по всея Москвы славу о добротам и щедротах государевых.

Н. Ш., И. Калинин, Н. Степанов

БЛАГОДАРНОСТЬ, чувство признательности за сделанное добро. «За добро добром и платят», «Добро добром покрывают». Благодарность не есть простое признание чужого благодеяния. Испытывать благодар-

ность — значит радоваться не только полученному дару, но и доброте дарящего (И. А. Ильин). Благодарность не есть право того, кого благодарят, а есть долг того, кто благодарит; требовать благодарности — глупость; не быть благодарным — подлость. Кто не любит просить, тот не любит обязываться, то есть боится быть благодарным (В. О. Ключевский).

Икона Божией Матери «Благоуханный Цвет»

О. П. «БЛАГОУХАННЫЙ ЦВЕТ», чудотворная икона Пресвятой Богородицы. Находилась в Воронежском кафедральном соборе. На иконе Богомладенец Спаситель изображен сидящим на левой руке Своей Матери. Правую же рукою Пресвятая Богородица держит расцветшую ветвь.

Празднуется 15/28 нояб.

Прот. И. Бухарев

БЛАГОЧЕСТИЕ, в традиционных русских понятиях неукоснительное соблюдение правил веры, соединенное с добрым и хорошим поведением. «Не ведаю, — писал в XVII в. Павел Алеппский, — какие люди на свете благочестивее русских чтут имя Божие».

Воспитанные с детства с любовью к Богу, русские считали духовным и общественным центром своей жизни Божии храмы, повсюду строили их, благолепно украшали и со всем усердием посещали. Как было записано в «Домострое»: «По вся дни муж с женою и детьми и с домочадцами, кто умеет грамоте, должны отпеть вечерню, повечерие, полунощницу, с молчанием и со вниманием, и с краткостоянием, и с молитвою, и с поклонами... Ложася спать, всякому христианину по три поклона в землю пред Богом положить, а в полунощи всегда, тайно встав, со слезами, прилежно, к Богу молиться, елико вместило, о своих согрешениях, а утром отпети заутреню и часы, а в неделю и в праздник — молебен... А где некому пети, молиться довольно вечером и утром, а мужам отнюдь не отпущать церковного пения: вечерни, заутрени, обедни... А женам ходити в церковь Божию, как вместило, по совету с мужем. А в церкви стояти — ни с кем не беседовати, с молчанием слушати, никуда не обзираться, ни на стену не приклоняться, ни к столпу, ни с посохом не стояти, ни с ноги на ногу переступати, и до отпуста из церкви не уходить, а приходити к началу... И дома, и везде, всякому человеку всякое дело начинать, рукодельничати, или ясти, или пити, или пищу варити, прежде святым поклонитися трижды в землю; а по нужде до пояса, кто умеет — «Достойно» — проговорити до конца, да молитву Иисусову проговоря, да перекрестясь, молвя: «Господи, благослови, Отче», и тако начинать всякое дело: тогда Божия милость поспешествует, ангел невидимо помогает, а бесы отбегают». И эти заветы, эти правила — были не пустые слова. Правда, люди простые не могли часто ходить к богослужению, сравнительно редко ходили и женщины, занятые домашним хозяйством; но сам царь со

Церковный сборщик. Художник Н. Дмитриев

своими боярами каждый день бывали на всех церковных службах; другие, более или менее состоятельные люди, старались тоже не пропускать служб, особенно по пятницам, субботам, воскресным и праздничным дням; иные же ходили в церковь только к обедне, а прочие службы отправляли дома. Домашняя молитва и крестное знамение употреблялись так часто, что, по отзывам иностранцев, нелегко было найти, кто бы в этом равнялся с русскими. Вставая от сна, принимаясь за какое-либо дело, выходя из дома и входя в него, проходя мимо церкви, часовни, иконы или встречаясь с крестным ходом, слыша звук колокола, садясь за трапезу, отходя ко сну и вставая ночью, наши предки полагали на себе крестное знамение, делали поклоны, произносили молитву, чаще всего «Господи, помилуй». Многие, от царя до простолюдина, подобно монахам, являлись всюду с четками в руках и (когда была возможность) перебирали их, творя молитву. В особых случаях, напр. собираясь в дальний путь, призывали священника и служили молебен, а кто познатнее, ходили к епископу и вместе с благословением получали от него икону; перед посевом и после уборки хлеба зерно освящали в церкви. Святыню чтили с великим благоговением. Иконы и кресты ставились на городских воротах, площадях, на дорогах, на воротах домов и в каждой комнате; у богатых людей были особые крестовые комнаты, или молельни, уставленные рядами икон и крестов. Русские брали с собою св. иконы в путешествие в чужие края, при выступлении в поход, при защите города от врагов, при заключении договоров, при болезнях и др. народных бедствиях, подноси-

Спас «Благод Молчание». Икона. Нач. XIX в. Поволжье (Нижегород) (?). ГРМ

ли царям, патриархам и др. лицам; с крестом в руках встречал священник проезжих на больших дорогах и переездах через реки, чтобы благословить их путь. В

Душа Христа (Христос Распятый Серафим). Икона. 2-я пол. XVI в. Тверь(?)

домах св. иконы ставили благолепно, с разными украшениями, закрывали завесами от пыли, отирали мягкой губкой, остерегались касаться их нечистыми руками, с нечистой совестью, зажигали пред ними свечи и лампы, кадили благовонным ладаном, после молитвы, перекрестясь, целовали их, «дух в себе удержав, а губ не разеваючи»; считали неприличным касаться лика святого на иконе. Подобным образом относились и к просфоре, и др. священным предметам. Антидор и просфору вкушали бережно, с благоговением, боясь уронить крохи на землю, ломали маленькими кусочками и клали в рот; есть просфору с чем-либо, кроме святой воды, или есть после другой какой пищи считали за грех. Св. водою окропляли себя, помазывались, пили ее на освящение души и тела, употребляли во время повальных болезней и голода. Царю и патриарху ее присылали отовсюду как священный дар, и духовник каждое утро окроплял ею царя. *Посты*, особенно *Великий*, русские соблюдали с особенной строгостью: вкушать мясную или молочную пищу постом считали за такой тяжкий *грех*, что скорее бы согласились умереть, чем сделать это. Кроме установленных Церковью постов, многие налагали на себя добровольные посты. При общественных бедствиях прибегали иногда к всенародному покаянию и посту, чтобы очиститься и умиловить Бога.

«БЛАЖЕННОЕ ЧРЕВО», БАРГРАДСКАЯ икона **Божией Матери**. Её именование восходит к строкам Евангелия от Луки: «Блаженно чрево, носившее Тебя, и сосцы, Тебя питавшие» (Лк. 11, 27). Второе название иконы — Барградская — происходит от места пребывания святыни в городе Бар, неподалеку от Рима, где она находилась в храме у гроба свт. Николая Чудотворца. В 1392 образ был перенесен в Москву и поставлен в Благовещенском соборе в Кремле.

Празднование иконы Божией Матери «Блаженное Чрево» установлено 13/26 дек.

И. Авксентьев. «Блаженное чрево». Икона из ризницы Спасо-Евфимиевского монастыря в Суздале. 1664 г. ВСХМ

БЛАЖЕНСТВО, высшее счастье, высшая моральная ценность. Если дохристианский мир ценил силу, богатство и чувственные удовольствия, более ценил внешнее в человеке, чем внутреннее, то Христос указывает на внутреннее состояние человека как на необходимое условие блаженства, которое состоит в свободе от привязанностей к земным благам, постоянном движении к духовному совершенству, кротости, поиске правды и справедливости, милосердии, миротворчестве, чистоте сердца (а не чувственности), готовности пострадать за истину (см.: Нагорная проповедь. Мф. 5; 3–12). Высшая степень блаженства — совершенное единение с Богом, Царство Божие. Для человека Святой Руси нет блаженства в безнравственности; в нравственности и добродетели только и достигает он высшего блаженства.

БЛИНЫ, древняя русская пища, приготовление и употребление которой нередко носило ритуальный характер, особенно на поминках и свадьбах. Народная символика блинов отражала ритуал связи человека с небом, солнцем и загробным миром.

По материалам А. В. Гура, на похороны и поминки блины пекли как поминальное блюдо, посвящаемое умершим. В день погребения на стол ставили кипу блинов, и старший из присутствующих мужчин разламывал первый блин и клал на окно для покойника. На похоронах и поминках первый горячий блин, как и хлеб, не резали, а рвали на части и раскладывали на окнах, чтобы паром от него питалась душа умершего. Блины иногда клали на грудь умершему, в гроб, на могилу. Блинами поминали на могиле, а остатки отдавали нищим странникам. На следующий день носили завтрак покойному, тоже оставляя блины на могиле. Блины пекли на девятый, сороковой день и в последующие поминальные дни, а также в календарные поминальные («родительские») праздники: на *Фоминой неделе* (на «дедовую неделю», *Красную Горку*, *Радоницу*), в Дмитровскую субботу и т. д. Считалось, что кто «печет» блины на поминки, «печется» о насыщении души умершего. Поминальные блины разносили по домам, приносили на могилу, в церковь, раздавали нищим. В Белоруссии блины пекли на «*деды*» — чтоб «дедам» (предкам) «пара пошла». Блины использовались и как оберег от мертвых, которые часто являлись во сне. Для этого с горячим блином садились на порог и приглашали к себе умерших обедать.

Блины на *Масленицу* — повсеместное угощение, пекли их всю неделю. Первый блин посвящался Власию или умершим. Его клали «родителям» на слуховое окно, божницу, крышу или могилу, давали нищим в память о предках или съедали за упокой усопших. В *Прощеное воскресенье* или в субботу шли с блинами на кладбище «прощаться с родителями». В обряде похорон Масленицы блин давали в руки чучелу Масленицы. Блины пекли также на *Вознесение*. Их называли «Христу онучи», «Христовы (или «Божьи») онучи». Их пекли на счастье, брали с собой в поле. Наряду с другими видами хлеба блины пекли на *Рождество*. Первый блин в *Сочельник* давали овцам — от мора, скоту отдавали остатки блинов и рождественской кутьи. Под Рождество хозяин с кутьей и блинами ходил звать мороз на ужин. Блины также специально пеклись для колядников. Блины были составной частью угощения на *дожинках* и в начале жатвы.

В северо-восточной России блины использовали в свадебных обрядах. Угощение блинами сопровождалось

в некоторых местах символическими «похоронами» невесты или упоминанием покойника. Невеста в это время должна как бы «умереть» как девушка, чтобы потом «воскреснуть» в новом качестве. После брачной ночи молодых кормили блинами, совершали шуточный обряд «блин продолжить», устраивали «блинный стол», мать невесты присылала блины к выходу молодых из *бани*. Повсеместно у русских теща угощала зятя блинами в конце свадьбы. Во время угощения невеста старалась вырвать у жениха первый блин, чтобы получить власть над мужем. По способу поедания женихом блинов судили о девственности невесты: если она оказалась «нечестной», жених ломал блин, перекусывал у него середину, откладывал взятый блин и больше не ел, дарил теще дырявый блин или клал на блин не целый рубль, а мелочь, если молодая «не цела». В некоторых местах и сама невеста в конце свадьбы пекла блины и угощала ими мужа и гостей, иногда устраивали шуточную продажу невестиных блинов.

БЛЮДО, столовая утварь, использовавшаяся в крестьянском быту для подачи на стол различных кушаний.

Оно было круглой или овальной формы, неглубоким, на невысоком поддоне, с широким горизонтальным бортом. В крестьянском быту получили распространение гл. обр. деревянные блюда. Металлические блюда (оловянные, серебряные, медные) встречались лишь в богатых семьях северных губерний Европейской России и считались большой ценностью. Блюда из фаянса и фарфора вошли в народный быт только в к. XIX в.

Блюда использовались в основном в праздничном обиходе русской деревни. На них подавали *рыбу*, *блины*, *пироги*, булочки, *ватрушки*, *пряники*, орехи, конфеты и прочее. Блюда всегда были красивыми. Деревянные — украшали росписью, оловянные или медные выглядели нарядными благодаря материалу, использованному для их изготовления.

Блюдо — традиционный предмет русской утвари. Впервые это слово упоминается в грамоте XII в.: «... а сея Всеволод дал есмь блюдо серебряно в 30 гривен серебра». Деревянные блюда находят при раскопках Великого Новгорода в слоях XI–XIV вв. Они почти не отличаются от блюд, выточенных русскими токарями в XIX в.

В богатых великокняжеских, боярских хоромах XV–XVII вв., монастырях и церквях наряду с деревянными блюдами хранилось множество золотых и серебряных блюд, покрытых гравированными и чеканными узорами, чернью, цветными поливами, украшенными драгоценными и полудрагоценными камнями, жемчугом. Так, напр., кн. Иван Данилович в духовной грамоте 1328 завещал сыновьям блюдо «золото с жемчугом, с камнями». Изобилие золотых и серебряных блюд на пиршественных столах в царском дворце отмечали многие иностранцы, побывавшие в России в XVI–XVII вв. Француз Жак Маржерет, прибывший в Россию с войском Лжедмитрия I в н. XVII в., в книге «Состояние Российской империи и великого княжества Московии» рассказывает о том, что у царя было «великое множество больших и малых золотых блюд», которые подавали на стол с различными кушаньями. Он же говорит, что на пирах блюда являлись единственной посудой: на столах не было ни *мисок*, ни тарелок.

Блюда в эпоху Средневековой Руси использовали не только как столовую утварь, но и как утварь, пригодную для различно рода ритуальных действий. Напр., при венчании царя на царство атрибуты его власти и крест выносили на блюде. Блюдо использовали для выноса креста во время водосвятия, для благословенных церковных хлебов, для преподнесения хлеба и соли знатным людям. Блюда передавали в монастырь или церковь по обету: в благодарность Богу за выздоровление близких людей, в надежде на счастливую супружескую жизнь, на здоровье родных, на удачу в торговом предприятии, на возвращение домой с ратных дел. На блюдах, принесенных по обету, часто имелись надписи: «Сие блюдо сделати в дом ко Пресвятой Богородице, честного и славного Ее Покрова, благоверного князя Владимира Андреевича княгиня старица Евпраксия».

Традиция использования блюда в особо торжественных случаях сохранялась и в русской деревне XIX в. Так, приглашенным на праздничный пир гостям на блюде преподносили *чарку* водки или *кубок* с вином. Переступившему *порог избы* гостю чарку водки на блюде подавала хозяйка дома, получая в ответ поцелуй. Этот обязательный ритуал должен был свидетельствовать о гостеприимстве и радушии хозяев. Блюдо использовали во время свадебного обмена дарами между родственниками жениха и невесты. Подарки укладывали на блюдо и торжественно преподносили каждому из родственников. В ряде русских северных деревень во время одного из обрядов свадьбы, называвшегося прощание с красотой, снятый с невесты девичий головной убор, воплощавший «красоту», укладывали на блюдо под пение печальных песен. Блюдо использовали и во время девичьих святочных гаданий, называвшихся подблюдными.

В русской деревне существовал запрет на использование блюда в некоторые дни календаря. Нельзя, к примеру, было подавать блюдо с едой на стол в день Усекновения главы Иоанна Крестителя (29 авг./11 сент.), ибо, как повествует Библия, именно в этот день голову пророка Саломея преподнесла на блюде своей матери Иродиаде.

Слово «блюдо» использовалось также для обозначения кушаний, подававшихся на стол во время праздничного застолья.

Ист.: Шангина И. И. Русский традиционный быт. СПб., 2003.

БОБЫЛЬНИК, народное название *попы* и одного вида *василька*.

БОГАДЕЛЬНЯ, в дореволюционной России поддерживаемое государством благотворительное заведение, имеющее целью «давать постоянный приют и содержание лицам, которые по нетрудоспособности или по другим причинам не в состоянии добывать себе средств к жизни». Название «богадельня» происходит от слов «Бога деля», т. е. «Бога ради». В России о богадельнях упоминается уже в церковном уставе Владимира Святого. Призывались в них больные, убогие, нищие. Такие богадельни-больницы, по-видимому, устраивались при каждой приходской церкви, при каждом монастыре. Довольно рано встречаем мы упоминания о злоупотреблениях призрением людей, искавших в богадельне легкой жизни. Так, на Соборе 1561 говорилось, что «милосердие христианское устроило во многих местах богадельни для недужных и старых», а злоупотребление ввело туда молодых и здо-

ровых тунеядцев, поэтому «надлежит изгнать последних и на место их ввести первых, поручив смотрение за богадельнями священникам, людям градским и целовальникам, а к недужным приставить здоровых строев и баб стряпчих». Вообще нужно заметить, что до царя Федора Алексеевича заботы государства о богадельнях были крайне незначительны: оно полагалось на нищелюбие и деятельность духовенства. Все расходы падали на Церковь, а то, что давали царь и вел. князь, играло роль милостыни, на которую были так щедры московские государи. Московские богадельни получали часть своих расходов из Приказа Большого дворца, при Михаиле Федоровиче богадельни ведались Патриаршим приказом. При Алексее Михайловиче «богаделенные люди» считались как бы приписанными к разным церквям и монастырям и даже составляли особенные разряды чудовских, архангельских богаделенных людей. В 1670-х в Москве было 7–8 богаделен-больниц; в них призревалося 412 чел., что обходилось ежегодно в 1780 руб., 412 четвертей ржи и 200 пуд. соли.

В Указе 1682, изданном Федором Алексеевичем, впервые высказывается, что общественное призрение и устройство богаделен должны быть делом государства. «По примеру Еуропских стран» предписывалось построить «две шпитальни или богадельни, а на их пропитание дать им вотчины, которые были за Архангельским Владыкой и за Знаменским монастырем». Проектируемая организация была такова: богадельни находились под наблюдением «добротного дворянина» и подьячего, при них состояли «дохтура», аптекари, повар. На улицах нищие забирались стрелами и приводились в Аптекарский приказ, и когда там убеждались в их недужности, то помещали в богадельню.

При Петре I наряду с репрессиями против нищих государство обращало внимание и на устройство богаделен. Главному магистрату предписывалось устраивать госпитали ради призрения сирых, убогих и изыскивать для этого средства. В 1724 и городовым магистратам было приказано, чтобы «обеднелые, престарелые в богадельне были пристроены». Предполагалось всю Россию покрыть сетью богаделен, но это осталось в области проектов. Учреждение о губерниях 1775 возложило заботы об устройстве богаделен на «приказы общественного призрения», деятельность которых дала незначительные результаты. Органы земского, как и городского, самоуправления получили от приказов весьма скудное наследство — на всю Россию до 1863 было 107 богаделен. Заслуги земства особенно рельефно выступают, если сравнить число призреваемых в губерниях земских и неземских, в которых с незначительными изменениями продолжали действовать дореформенные «приказы». В каждой из 28 земских губерний в 1891 призревалося в среднем 38 291 чел., а в неземских — 4034 чел.

В общем составе призреваемых женщины составляли 76%. По сословиям наибольший процент давали отставные военные (40%) и мещанство (35%). Средняя стоимость содержания каждого призреваемого равнялась приблизительно 40 руб.; в столицах цифра эта возрастала до 95 руб.

Законодательство н. XX в. о богадельнях состояло гл. обр. в Уставе об общественном призрении, где устанавливалось, что в богадельне должны помещаться бродяги, которые по свидетельству местного начальства найдены неспособными к следованию в Сибирь, исключаемые из духовного ведомства за пороки, дрях-

лые лица, высылаемые из столиц под надзор полиции; фактически постановления эти нигде не применялись. В приложении к ст. 290 Устава об общественном призрении содержалась чрезвычайно подробная регламентация не только условий приема в богадельни, управления ими, но и их внутреннего распорядка.

БОГАТСТВО (богачество), обилие имущества, животов, денег (*В. Даль*). В России сложилось иное, чем на Западе, отношение к деньгам и богатству. Для западного человека свобода олицетворяется в деньгах (в частности, известный афоризм Б. Франклина), для русского свобода — это независимость от денег. Западный мир чаще всего сводит понятие свободы к степени возможности покупать, стяжать все новые и новые товары и услуги, русский видит в этой «свободе» форму кабалы, опутывающей его душу и обедняющей жизнь.

Денежный дьявол. Народная картинка из альбома Д. А. Ровинского

«Беда деньгу родит», — настойчиво повторяет трудовой русский человек. «Деньги что камения — тяжело на душу ложатся», «Деньги прах», «Деньгами души не выкупишь» или еще вариант этой пословицы — «День-

Евангелие от Луки. Зачало. 83, глава 16 («Притча о богатом Лазаре»). Икона. Кон. XVIII в. Гуслицы. ГРМ

ги — прах, ну их в тартарах». Отсюда понятно, что дало право Ф. М. Достоевскому писать, что русский народ оказался, может быть, единственным великим европейским народом, который устоял перед натиском золотого тельца, властью денежного мешка.

Деньги для трудового человека не являются фетишем. «Лучше дать, нежели взять», «Дай Бог подать, не дай Бог просить».

К богатству и богачам, к накопительству русский человек относился недоброжелательно и с большим подозрением. Как трудовой человек он понимал, что «от трудов праведных не наживешь палат каменных», «От трудов своих сыт будешь, а богат не будешь». Хотя было бы неправильным считать, что им руководило чувство зависти. Нет. Просто стяжание богатства выше своей потребности, накопительство всяких благ выше меры не вписывалось в его шкалу жизненных ценностей. «Не хвались серебром, хвались добром».

Притча о богатом и Лазаре. Из синодика XVIII в.

Многие в народе считали, что любое богатство связано с грехом (и, конечно, не без основания). «Богатство перед Богом — большой грех», «Богатому черти деньги куют», «Не отвернешь головы клячю (т. е. не ограбишь ближнего), не будешь богачом», «Пусти душу в ад — будешь богат», «Грехов много, да и денег вволю», «В аду не быть — богатства не нажить», «Деньги копил, да нелегкого купил», «Копил, копил, да черта купил!»

Отсюда выводы: «Лучше жить бедняком, чем разбогатеть со грехом», «Неправедная корысть впрок нейдет», «Неправедная нажива — огонь», «Неправедно нажитое боком выпрет, неправедное стяжание — прах», «Не от скудости скупость вышла, от богатства».

К богачам трудовой человек относился с большим недоверием. «Богатство спеси сродни», — говорил он. «Богатый никого не помнит, только себя помнит», «Мужик богатый гребет деньги лопатой», «У него де-

Видение Лестницы. Икона. Нач. XIX в. Гуслицы (?). Из собрания М. де Буара (Елизаветина)

нег — куры не клюют», «Рак клешнею, а богатый мошною», «Мужик богатый, что бык рогатый», «Богатый совести не купит, а свою погубляет».

Вместе с тем крестьяне даже чем-то сочувствуют богатому, видя в его положении нравственное неудобство и даже ущербность. «Богатый и не тужит, да скупает». «Богатому не спится, богатый вора боится». А уж для нравственного воспитания ребенка богатство в народном сознании приносит прямой вред. «Богатство родителей — порча детям», «Отец богатый, да сын неудатый».

Порой неприязнь к богачам доходила и до проклятий: «Бога хвалим, Христа величаем, богатого богатыню проклинаем!» — гласит одна из народных пословиц.

О. Платонов

Богатство как изобилие земных благ связывалось у русских крестьян с представлением о доле, судьбе, удаче, благосклонности Бога, предков и др. сил. Общинное, семейное, личное богатство составляли прежде всего скот, обилие урожая и земных плодов, а также золото, серебро, деньги. Древнейшими символами богатства были шерсть, мех (овчина, мохнатая шуба, пряжа и т. п.), *волосы*, зерно, муравьи, пчелы, капли воды (*дождь*), *земля* (горсть земли) и т. п., т. е. предметы с общим признаком множественности. Достижение богатства, изобилия, плодородия, благополучия — основная цель многочисленных ритуалов в составе календарных и семейных обрядов, связанных с магией первого дня, начала космического или жизненного цикла (*Новый год, Рождество, родины, свадьба*), а также *гаданий* (о судьбе, замужестве).

Чтобы стать богатым, умывались в Великий четверг водой, в которой лежали золотые и серебряные вещи, монеты (Новгород), клали деньги под подушку новорожденного, трясли кошелем или хватались за монеты при появлении молодого месяца, при куковании кукушки в канун *Юрьева дня*, у великороссов — при первом куковании, при первом прилете аиста, первом *громе* и т. п., либо бросали горсть земли через голову.

Русины верили, что человек с волосатым телом должен быть богатым: «хто волохатый, той буде богатый». Богатство приносят шерсть, мех, вывороченный *кожух*, пряжа, все, что мохнато, а не «голо». В русском обряде *крещения* было принято нести младенца в церковь и обратно на кожухе, «чтобы он был богатым». Так же поступали русины в Карпатах, а в Полесье мать при последнем кормлении ребенка грудью сажала его на вывороченный кожух, чтобы был богатым. Русские, отправляя молодых в церковь, сажали их на шубу, «чтобы богато жили»; даже в самое жаркое время, снаряжая невесту к венцу, надевали на нее шубу, «чтобы ей жить в приволье». В Закарпатье при обручении жених и невеста стоят перед священником на половике из пеньки, «аби били богати, аби на голом не стояли». На Вольни на свадьбе били горшки, топтали ногами черепки, а затем закапывали под дерево, «шчоб були богати молоді». Дождь, шедший во время свадьбы, означал, по верованиям полешуков, благословение и богатство. Черные тараканы — признак богатства и изобилия, потому при новоселье их переносили в новый дом: их исчезновение предвещало пожар. Тараканов не изводили совсем, а выгоняли из избы «лишних»: женщина в одной рубашке трижды «объезжала» верхом на помеле избу, приговаривая: «Гребу и мету лишних тараканов и посылаю их за богатством». В Вятском кр. «объезжали» избу на *ухвате* или *кочерге* в Чистый понедельник

утром натошак, «чтобы из дому богатство не уплыло». Было широко известно верование, что богатство может принести цветок *напоротника*, если его сорвать в ночь на Ивана Купалу (см.: Иванов день).

В Полесье считали, что без «домовика» (*домового*) в доме и селе не может быть богатства. Это указывает на связь богатства со сверхъестественной и *нечистой силой*. Большим богатством владеет *дьявол (черт)*, змий (змея), домовый и т. п. Белорусский белун, добрый дух, выводящий заблудившихся из леса, может перед бедным человеком появиться во ржи с сопливым носом и сумой на шее. Если ему утереть нос, из сумы посыплется богатство, и белун исчезнет. Отсюда пословица: «Посябрався (подружился) з белуном», т. е. разбогател. Дьявол дьявольски богат. Он покупает за богатство души. Ср. поговорку: «Не посадишь душу в ад — не будешь богат!»

Для сохранения богатства в определенные дни и время суток стараются не давать и не брать взаймы некоторые предметы — продукты. На Вологодчине беременная женщина, желающая богатства будущему ребенку, не брала ничего взаймы. У белорусов, когда в доме была *толока* (коллективные работы), не одалживали огня, т. к. с ним могло уйти богатство и благосостояние; огонь они называли «богатцем».

О богатстве часто гадают. Так, на Русском Севере при гаданиях в *бане* или *овине* на *Крещение*, если *банник (овинник)* прикоснется к голой спине и заду мохнатой («шоснатой») мягкой рукой, жизнь у девушки будет богатая, если же жесткой и голой — бедная. В Малороссии, на Сумщине, тогда же ходили в хлев шупать («лапать») в темноте корову. Прикосновение к рогам означало бедность, а к заду — богатство. Противопоставление: «богатый — бедный» соотносится с парой «одетый — раздетый (голый)». Так, в Закарпатье хозяйка с *Сочельник* надевала овчинный тулупчик шерстью наружу и рукавицы, когда сажала в печь и пекла «крачун» (обрядовый пирог), объясняя это так: «Чтобы быть богатым, крачун не надо брать голой рукой и надо надевать «гуню». Богатство могло быть наградой за скромность и воздержание, поэтому на Вологодчине при начале пахоты и сева ели одно толокно с *квасом*, «чтобы разжалобить землю бедностью» и чтобы она дала богатый урожай.

Н. Толстой

БОГАТЫРЬ, герой русских былин, храбрец, витязь, посвящающий свою жизнь подвигам на защиту национальных и религиозных интересов русской земли; отсюда слово «богатырский», сделавшееся характерным эпитетом, прилагаемым ко всему, что имеет какое-либо отношение к богатырям: конь богатырский, заставка богатырская, поездочка богатырская и т. д.

Слово «богатырь» впервые встречается в *Ипатьевской летописи* в 1240.

В древнерусском языке слову «богатырь» соответствовали «храбр», «храбор», «удалец», «муж», «воин», которые продолжали существовать и позже рядом со словом «богатырь», постепенно уступая ему в общераспространенности своего употребления. Так, уже в описании битвы на Калке находим: «убиша Александра Поповича, а с ним богатырь 70», вместо обычного «храбрых 70»; с др. стороны, в Лаврентьевской, под 1263 — «зде же явишася 6 муж храбрых». Обозначая в своем восточном оригинале наездника, отличавшегося особенной неутомимостью, силой и храбростью и бывшего исполнителем ханских поручений, слово «богатырь» перенесло эти признаки вместе с «арома-

В. Васнецов. Богатыри. 1898 г.

том степи», в русские народные рассказы о подвигах их удалцов, «храбров». Ратные подвиги в чистом поле и исполнение возложенных кн. Владимиром поручений являются в былинах действительно основными чертами, определяющими лицо богатыря. Таковы особенно: *Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович, Поток Михайлович, Дунай Иванович, Данило Игнатьевич, Иван Годинович, Сухмантий Одихмантьевич, Еким Иванович, Михайло Казарянин, Василий Казимирович, Никита Залешанин*; богатырями же называются и Святогор-Самсон, без определенной цели разъезжающий по степям, и Вольга, идущий походом на Турец-Сантала, и представители враждебной силы: *Тугарин Змиевич, Идолище Поганое, Жидовин*. Этот тип богатыря-наездника мог сложиться в эпосе русского населения, близкого к степям и условиям кочевников; к нему не подходят ни герои новгородских былин, в которых название «богатырь» почти не встречается, ни ездовые шеголи, как Соловей Будимирович, Дюк Степанович, Чурило Пленкович, ни такие «горожане», как Ставр Годинович, Хотен Блудович и т. д. По мнению В. Миллера, «под категорию “богатырь” не подводятся сказителями былин такие личности, которые не совершают подвигов в борьбе с басурманами и разными чудищами и не состоят на службе у князя». Эта точка зрения оправдывает деление былинного репертуара по характеру содержания на два отдела: а)

В. Васнецов. Богатырский скак

былины богатырские и б) былины не-воинские, с событиями городской жизни на первом плане. Общие законы поэтизации, налагающие сходные идеальные черты, роднят, впрочем, между собою героев того и др. круга, и герои былин второго отдела весьма нередко носят то же название богатыря.

В Онежском крае сохранялся, по свидетельству *Гильфердинга* («Онежские былины»), рядом с богатырем-мужиной, образ богатыря-женщины или «поляницы». Не подлежит сомнению то обстоятельство, что созданию образа женщины-воительницы способствовали бытовые условия в северной части Олонецкой губ, где от женщины требуется не только равная доля физического труда, но та же неустранимость и отвага, как и от мужчины. В то время как лучшие певцы бессознательно, по старой памяти, употребляли название «поляница» собственно тогда, когда речь шла о женщинах-воительницах, другие сказители или затруднялись ближе определить это понятие, «так поется “поляница”, а что такое, не знаем», или разумели под этим словом богатыря второстепенного, стоявшего в их представлении ниже настоящих богатырей.

Каждый из былинных богатырей отмечен особыми типическими чертами, которые придают ему отпечаток индивидуальности, характерной законченности типа. Илья Муромец, напр., чужд всякой заносчивости и хвастовства; могучая сила дает ему твердую уверенность в своих поступках и решительный перевес над др. богатырями, но он властвует над ними гл. обр. нравственным авторитетом своей безусловно честной и прямой личности. Столь же типично выражено благородство и «вежество» древнерусского витязя Добрыни Никитича, наглость «бабьего пересмешника» Алеши Поповича и др. Творческая идеализация, наделяющая богатырей необыкновенной физической силой, придает их действиям и всему, что имеет к ним отношение, элемент необыкновенного, чудесного, чего не бывает в обыденной жизни. Сказочные размеры богатырских подвигов, легкость, с какою они справляются с разного рода врагами земли русской, то избивая «силы сорок тысячей», то побеждая страшные чудовища, драконов и змей, сообщают былинам фантастическую окраску не менее, чем такие эпические черты, как скачок богатырского коня: «выше лесу стоячего, чуть пониже облака ходячего», палица в девяносто пуд, чарочка в полтретя ведра, которую богатырь испивает «единым духом», крик богатырский, от которого земля колеблется, терема шатаются, с церковью валятся маковки... Эпитеты говорят о «цветном» богатырском платье, сапожках «зелен-сафьян», шапке «во пятьсот рублей», подпруги у седла «шелковые», пряжки «красна золота»; окружающая природа дает певцу разнообразный материал для целого ряда эпических сравнений и сопоставлений. Характер нравственной основы былинных типов вместе с чертами поэтической идеализации должен быть отнесен всецело на долю творческой самодельности русского народа, которая оживляет предмет, дает ему краски и в то же время приобщает к общей национальной сокровищнице народно-поэтического мирозерцания.

БОГОЛЕП (в миру **Борис Яковлевич Ушаков**) **ЧЕРНОЯРСКИЙ, АСТРАХАНСКИЙ**, преподобный отрок (1660—1.03.1667). Родился в семье московского дворянина. Его отец был определен воеводой в г. Черный Яр, в 250 верстах от Астрахани. Младенец Борис проявлял черты необыкновенные: едва услышав благовест, он

Прп. отрок Боголеп Черновыский. Икона. Кон. XX в.

начинал плакать и успокаивался, когда его относили в церковь. Когда распространилась смертельная язва, Борис заболел, ему было видение странствующего инокa, и он просил у родителей принять постриг. Мальчика облекли в схиму с именем Боголеп.

Преставился отрок схимонах 1 марта 1667. Многочисленные чудеса и исцеления явились основанием для установления ему празднования. Гроб с мощами св. отрока поглотила Волга после обретения их.

Память прп. отрока Боголепа празднуется 24 июля/6 авг.

БОГОЛЮБИЕ, боголюбивость, главное духовное чувство человека Святой Руси. Любовь к Богу есть начало, корень и утверждение всему. Любить Бога следует так, чтобы все другое, кроме Него, считать второстепенным и неглавным, чтобы законы Его были выше для нас всех постановлений человеческих, Его советы выше всех советов, чтобы огорчить Его считать гораздо важнейшим, чем огорчить какого-нибудь человека. Любить Бога — значит любить Его в несколько раз более, чем отца, мать, детей, жену, мужа, брата и друга; и мы даже и так Его не любим, как любим их. Кто любит Бога, тот уже гораздо более любит и отца, и мать, и детей, и брата, чем тот, кто привязывается к ним более, чем к Самому Богу. Любовь последнего есть один оптический обман, плотская чувственная любовь, одно страстное обаяние. Такая любовь не может поступать разумно, потому что очи ее слепы. Любовь же есть свет, а не мрак. В любви заключается Бог, а не дух тьмы: где свет, там и спокойствие, где тьма, там и возмущение. И потому любовь, происшедшая от Бога, тверда и вносит твердость в наш характер и самих нас делает твердыми; а любовь не от Бога шатка и мятежна и самих нас делает шаткими, боязливими и нетвердыми. И потому прямо от Божьей любви происходит всякая др. любовь на земле.

В. М. Васнецов. Спаситель. 1901 г. Оригинал для мозаики главного иконостаса храма Воскресения в Петербурге

Любовь земная, происшед от Божией, становится чрез то возвышенней и обширней, ибо она велит нам гораздо больше любить ближнего и брата, чем мы любим: она велит нам оказывать не только одну вещественную помощь, но и душевную, не только заботиться о его теле, но и о душе, скорбеть за него не за то, что он наносит нам неприятности, но за то, что он сим поступком наносит несчастье душе своей. Никто да не приходит оттого в уныние, если Бог не исполняет тот же час вслед за молитвою нашего желания и если даяние не вдруг снисходит на прошение; но, напротив, тогда-то бодрей и веселей духом да молимся и действу-

ем! Тогда-то именно да возрастает сильней наша надежда. Ибо Бог, руководясь великим смыслом, дает иному в конце то, что другому в начале. Но блажен и в несколько раз блаженней тот, которому назначено вкусить за долги и большие труды то, что другому за меньшие: душа его больше будет приготовлена, больше достойна и может более обнять и вместить в себе блаженства, чем душа другого. «Претерпевый до конца спасется», — сказал Спаситель — и сим же открыл нам всю тайну жизни, на которую не хотим мы даже взглянуть очами, не только проразуметь.

Не омрачаться, но стараться светлеть душой должны мы непрерывно. Бог есть свет, а потому и мы должны стремиться к свету. Бог есть верховное веселие, а потому и мы должны быть также светлы и веселы. Веселы именно тогда, когда все воздвигается противу нас, чтобы нас смутить и опечалить. Иначе и заслуги нет никакой: нетрудно быть веселу, когда вокруг нас весело; тогда всякий умеет веселиться: и не просвещенный верою, и не имеющий никакой твердости человек, и не христианин, и язычник тогда умеют быть спокойными и веселиться. Но достоинство христианина в том, чтобы и в печали быть беспечальну духом.

Все да управляется у нас любовью к Богу. И на всякую земную любовь нашу, как бы чиста и прекрасна она ни была, мы должны взирать как на одни видимые и недостаточные знаки бесконечной любви Божией. Это только одни искры, одни края той великолепной ризы, в которую облеклась безмерная и безграничная любовь Божия, которую ничто не вместит, как ничто не может вместить Самого Бога.

Н. Гоголь

БОГОЛЮБСКАЯ (БОГОЛЮБИВАЯ) икона Божией Матери

Упоминание о Боголюбской иконе содержится в житии кн. *Андрея Боголюбского* (н. XVIII в.). Более подробно о ней рассказано в «Летописи Боголюбского монастыря», составленной игуменом Аристархом в 1767–69. В 1157 св. блгв. кн. Андрей Боголюбский тайно покинул Вышгород, куда был посажен на княже-

ние своим отцом, киевским кн. Юрием Долгоруким, и направился в родные ростово-суздальские земли. С собой он взял чудотворную икону Божией Матери, известную впоследствии под именем *Владимирской*.

В г. Владимире кн. Андрей хотел сделать остановку, но в 10 верстах от города кони остановились и не двигались дальше. Князю и его свите пришлось заночевать на берегу р. Клязьмы. Ночью св. Андрею приснился сон, в котором ему явилась Богородица и повелела не везти икону в Ростов, а оставить ее во Владимире. Князь исполнил волю Царицы Небесной. На месте своей остановки он основал загородную резиденцию — г. Боголюбов, в котором заложил каменную церковь во имя Рождества Богородицы. Затем кн. Андрей приказал своим иконописцам написать образ Богоматери такой, какой Она явилась ему во сне. Как гласит предание, внизу на этой иконе, названной Боголюбской или Боголюбивой, он повелел изобразить себя коленопреклоненным у ног Пречистой Девы. Князь поместил святыню в новопостроенный храм, где она, по мнению большинства исследователей, располагалась у восточного столпа и была парной к утраченному образу Иисуса Христа. Вскоре вокруг храма вырос Боголюбский Рождество-Богородичный монастырь.

Празднование Боголюбской иконе Божией Матери и ее списков было установлено св. блгв. кн. Андреем Боголюбским 6/18 июня.

БОГОМОЛЬЕ (паломничество), хождение на поклонение православным святыням, сверх обычно посещаемых святых мест. Обычай был широко распространен среди всех слоев русского общества, но особенно среди крестьянства. Уход на богомолье служил причиной для отлучек крестьян из сельской *общины* по всей территории расселения русских. Если крестьянин отправлялся, напр., на поклонение особо чтимой в Сибири *Абалацкой иконе* Богоматери (в Абалацкий Знаменский монастырь под Тобольском), то конкретная цель поездки указывалась в одобрении, которое давала община для получения покровительного паспорта: «пообещал помолиться и молебен отслужить (...) образу Пресвятой Богоматери «Одигитрии», что на Оболаке»; отпущен «на срок за поруками».

Ходили на богомолье чаще всего по обету или просить благополучного разрешения важных дел. Моледежь — перед женитьбой или замужеством, перед

Боголюбская икона Божией Матери. Икона. Нач. XIX в. Палех. Государственный музей палехского искусства

В.А. Кузнецов. Божьи люди

Н. Ярошенко. Странник

призывом. Старики — замаливать грехи. Нередко отправлялись во время болезни, после несчастья, например пожара. Женщины ходили чаще, чем мужчины. К ближним местам брали и детей.

Из деревень Егорьевского у. (Рязанская губ.) в Москву на богомолье ходили многие, группами по 10–15 человек, весной и осенью; в Киев выбирались лишь единицы; в местные монастыри ходили, по сведениям жителя этих мест, «почти все крестьяне». Из Зарайского у. Рязанской губ. сообщали в Тенишевское этнографическое бюро о том, что «за последнее время» (к. 1890-х) в приокских селах большие размеры принимает паломничество в Кронштадт к о. Иоанну Кронштадтскому, портреты которого «обязательно находятся в каждой избе», иногда в нескольких экземплярах.

В Орловском у. Орловской губ. (данные Тальцинской вол.) было принято отпускать крестьян на богомолье в соседние уезды: в Одрин Карачевского у. (по-

клониться иконе Николая-Угодника либо получить совет от «прозорливого старца»); в с. Старое Болховского у. (к колодцу «с явленной иконой Казанской Божьей Матери»); в Клитень Брянского у. (тоже к старцу, говорившему притчами и, по утверждению крестьян, проникавшему в их мысли). В Троице-Сергиеву лавру ходили отсюда «по обещанию»; отдельные крестьяне отправлялись в Киев.

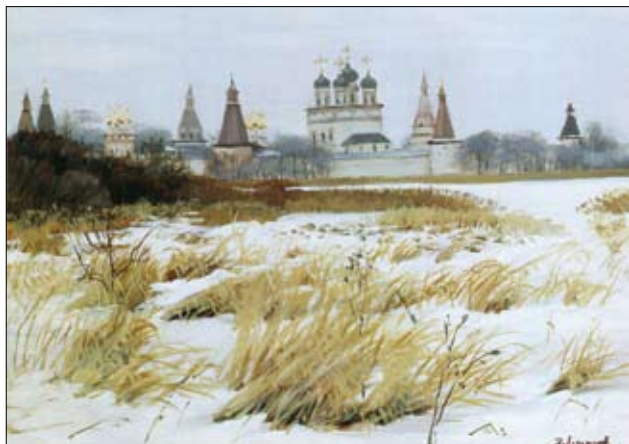

К. Рабус. Симонов монастырь

Из Змиевской вол. Орловского у. на богомолье отпускали весной — в Киев или в Белобережскую пустынь (в Карачевском у., в 150 верстах от с. Змиева). Ходили партиями по 5–10 человек. Из с. Петушкова и окрестных деревень (Карачевский у. Орловской губ.) крестьяне ходили на богомолье тоже в Белобережскую пустынь, отстоящую на 60 верст от этих селений (в дни Иоанна Крестителя и «по особым обетам»), а некоторые — в Киев.

Крестьяне Калужской губ. больше всего посещали знаменитые монастыри своего края: Боровский Пафнутиев монастырь, в соборной церкви под спудом находятся мощи основателя обители прп. Пафнутия; Оптину Введенскую пустынь, особенно известную в XIX в. строгостью иноческой жизни и традициями старчества; Тихонову пустынь около Калуги, куда привлекали богомольцев мощи основателя — прп. Тихона Медынского (Калужского) и колодец этого святого с выстроенным над ним храмом в честь иконы Божией Матери Живоносный Источник.

Огромной притягательной силой для паломников из разных районов России обладали главные святыни Воронежской губ. — мощи прпп. Митрофания Воронежского и Тихона Задонского. Течение паломников ко гробу свт. Тихона и служение панихид у гроба по их просьбам началось задолго до прославления, которое произошло в 1861. С к. XVIII — н. XIX в. постепенно все места, связанные с жизнью святителя, стали приобретать широкую известность. После обнародования решения Синода о прославлении и открытии мощей приток богомольцев в Задонск к 13 августа принял особенно удивительные размеры — до 300 тыс. чел.; приходившие и приезжавшие располагались вокруг монастыря и города в заранее поставленных палатках и деревянных бараках. Среди исцеленных, о которых

А. Герасимов. Иосифо-Волоцкий монастырь

Г. Лебедев. Новодевичий монастырь. 1988 г.

были сделаны записи, — жители Курской, Рязанской, Тульской и др. губерний. В то же время из Воронежской губ. ходили по обещанию в Иерусалим, Ростов, Свято-Сергиеву лавру и пр.

В епархиальном отчете по Курской губ., напр., за 1907 говорится, что в минувшем году ходили в Киев, Чернигов, Воронеж, Саров и др. места «на поклонение мощам святых угодников»; на Афон и в Иерусалим отправляются «нередко». В сведениях из Смоленской губ. (Дорогобужский у.) подчеркивается особое почитание крестьянами мощей св. прп. Нила Столобенского, находившихся в монастыре у г. Осташкова Тверской губ. Так, из д. Рыбки туда ходили пешком за 300 верст.

Из Макарьевского у. Костромской губ. общины отпускали обычно в мае на богомолье в дальние монастыри — Тотемский и Соловецкий. Многие крестьяне юго-западной части Шадринского у. в начале *Великого поста* ходили по обетам в Верхотурье — на поклонение мощам местного святого — Симеона Верхотурского. Летом некоторые из крестьян этого же района посещали Далматовский Успенский и Екатеринбургский Ново-Тихвинский монастыри. В Восточной Сибири подобные паломничества совершались крестьянами летом к часовне Ахтырской Богоматери.

К. Юон. Скит. Лунная ночь. Эскиз декорации к опере М.П. Мусоргского «Хованщина». 1940 г.

Нередко одно путешествие включало посещение нескольких традиционно чтимых святынь в разных местах. Так, из села Белого Ловичской вол. Боровичского у. (Новгородская губ.) крестьяне ходили за 125 верст в Тихвинский мужской и женский монастыри, с заходом в Реконскую пустынь Тихвинского у. (60 верст от села). А на обратном пути принято было посещать монастыри Николы Беседного и Антония Дымского под Тихвином.

Из этой же волости ходили в Иверский мужской монастырь у города Валдая (120 верст от с. Белого) с заходом в соседний с ним Корюковский женский монастырь. В каждом из этих мест была икона или мощи святого, служившие предметом особого поклонения. Отсюда ходили также на богомолье отдельными маршрутами в уездный (Боровичи, 35 верст от Белого) и губернский (Новгород) города, в Осташков (Тверской губ.), в монастырь Нила Столобенского, в Москву и Троице-Сергиеву лавру, в Соловецкий монастырь, в Киев и Киево-Печерскую лавру. Некоторые, преимущественно богатые крестьяне, отправлялись и в Иерусалим. В конце прошлого столетия были опубликованы запи-

А. Васнецов. Троице-Сергиева лавра при Сергии Радонежском

М. В. Нестеров. Путники. 1922–1923 гг. ГТГ

ски тюменского крестьянина Николая Чукмалдина, описавшего свое путешествие в Святую Землю.

Г. Р. Державин, будучи Олонецким губернатором, оставил свидетельство о массовом движении богомольцев в Соловецкий монастырь в 1780-х. Говоря о трудностях своей поездки в Кемь (этот населенный пункт расположен на заливе Белого моря, губернатор должен был там произвести административные изменения — превратить селение в город), Державин замечает: «В Кемь же только можно попасть из города Сум на судах, когда молебщики в мае и июне месяцах ездят для моления в Соловецкий монастырь».

Спустя более ста лет после «Записок» Державина другой выдающийся русский человек, М. В. Нестеров, в своих воспоминаниях отметил, что сами соловецкие монахи были преимущественно из крестьян Севера и Сибири. «Это же был народ крепкий, умный, деловой». Художник рассказал об обычае брать на время обуче-

В. Перов. Странник. 1869 г.

ния в монастырь «годовиков» — подростков лет 12 — 16 из богомольцев. «Эти мальчики в большинстве случаев были «вымоленные» родителями после долгого бесплодия, после тяжелой болезни или иной какой беды, — писал Нестеров. — Таких вымоленных привозили обычно родители в обитель с весны до весны на год, потому и звались они годовиками. Таких мальчиков монастырь определял к какому-нибудь занятию: в певчие, если был голос, слух, в типографию, в поварню, в иконописную или еще куда. Там наблюдали за годовиком, за его способностями. Так проходил год, и вот тогда, если у годовика оказывались способности чрезвычайные, был он особенно умен, даровит, монастырь предлагал родителям оставить их мальчика еще на год. Родители и сам мальчик иногда соглашались, иногда нет, и его увозили домой».

Юон К. Троицкая лавра зимой. 1910 г.

Путешествие к святыням всегда считалось у крестьян делом богоугодным. Но для этого само путешествие должно было быть многотрудным. Летом двигались пешком, подъехать на лошадях допускалось лишь зимою. «Путь на лошадях в летнее время считается предосудительным, — писали в *Тенишевское этнографическое бюро* из Новгородской губ., — так как крестьяне, отправляясь на богомолье, имеют в виду, кроме поклонения святыням, еще потрудиться и пострадать в дороге».

Однако эта норма поведения приходила в противоречие с теми возможностями посещения отдаленных мест, которые открывались по мере развития железных дорог и парового транспорта. Этот же корреспондент описывает два маршрута в Соловецкий монастырь, по которым добирались до него крестьяне из Боровичского у.: один включал участок железной дороги, другой — движение паромом.

«В дальние монастыри по железным дорогам ездят богатые и состоятельные крестьяне», — отмечал современник. Следует при этом помнить, что речь идет имен-

Юон К. Трапезная Троице-Сергиевой лавры. 1922 г.

но о крестьянах, которые путешествовали за свой счет, в отличие от нищей братии — богомольцев-странников, находившихся постоянно в пути, оторвавшихся совсем от своих занятий и живущих милостыней.

Перед отправкой на богомолье деньги начинали копить заранее либо договаривались в семье, какая будет выделена сумма на это. Выясняли, кто еще собирается туда же из своей или ближних деревень. Назначался день, когда партия собиралась вместе. Брали с собой хлеб, сухари, чай, сахар. Важно было, чтобы хоть один из участников был человек бывалый, ходивший уже по данному маршруту. «В партии всегда находится человек, знающий дорогу, ночлеги на ней и монастырские обычаи», — сообщалось из Боровичского у. в к. XIX в. Существовала особая система норм поведения, действовавших в таких артелях-партиях крестьян-богомольцев только во время путешествия. «В дороге стараются не вести пустых разговоров, не думать о домашних делах, не злословить, а держать себя в религиозном настроении. По дороге хлеба на пропитание не просят, более состоятельные делятся с неимущими...»

Обычное пребывание крестьян, пришедших из других мест, в одном монастыре ограничивалось двумя-тремя днями. Затем их должны были сменить другие. Монастырь давал на этот срок бесплатно пищу и ночлег в своей гостинице. Однако фактически плата существовала: обычай требовал, чтобы каждый оставлял что-то в монастырской кружке — «кто сколько пожелает». Мужчины-богомольцы ходили на общую трапезу с монахами в мужских монастырях, женщины — в женских. В летнее время, при большом скоплении народа к конкретному празднику, мест в монастырских гостиницах не хватало, и крестьяне располагались прямо в поле. «В это время гостиницу занимают богатые и привилегированные богомольцы».

Партии богомольцев из односельчан или жителей ближних деревень отрывались на время от своей *общины*, но несли на себе отпечаток ее традиций. Представления и обычаи, бытовавшие в данной общине, не только сказывались на образе жизни партии, но выходили через нее вовне. По возвращении рассказы богомольцев, в свою очередь, становились достоянием всей общины, служа одним из каналов информации о внешнем мире, средством духовного воспитания.

М. Громыко

«БОГОМОЛЬЕ», выдающееся произведение писателя и мыслителя И. С. Шмелева, одно из высших выражений мировоззрения Святой Руси. Написано в 1931.

В «Богомолье» показана живая, народная-простонародная, по-детски верующая, душою очищающаяся, сердцем умудряющаяся Россия. Она показана с великой простотой и наглядностью, с настоящей художественной убедительностью; и главное — с той звенящей духовной искренностью, отсутствие которой так огорчает в западных вероисповеданиях.

Собрались люди из одного московско-замоскворецкого гнезда, старые, молодые и ребята, и идут на богомолье к Троице-Сергию, шаг за шагом, день за днем; а нам рассказывается из чистой детской души (вроде блаженных воспоминаний...) все, что они думали и чувствовали, что видели и слышали, чего искали и что нашли.

В своем произведении Шмелев раскрывает великую правду о России. Он высказал и показал ее с той законченной художественной простотой, с той ненарочитостью, непреднамеренностью, с той редкостной безыскусственностью, которая дается только душам предельной искренности и последней глубины. Сила этой искренности такова, что расстояние от художника до его образов и расстояние от его образов до читателя — преодолевается и снимается совсем: все угасает, все забывается, все условности «авторства», «литературности», «чтения»; реально только богомолье — горсть людей, ведомых вдаль, к преподобному, и путь, ведущий и приводящий их к Нему. Какая художественная и духовная радость — забыть себя и найти их! Как легко эта радость дается! Какая творческая сила, какое зрелое мастерство скрыто за этой легкостью!

Легчайшим дуновением входит это искусство в душу, ну, вот так, как даются нашим глазам цветы, цветущие в необъятных лугах нашей России, или как русская девичья душа мечтает и поет, собирая эти луговые цветы... Здесь искусство поднимается до той естественности и незаметности, на которой всегда живет природа. И в этой естественности и незаметности оно вливается в душу читателя, чтобы показать ей великую основу России — Святую Русь.

В этом повествовании все просто, как сама Россия, как русская душа, как русский быт. Просто и в то же время насыщено, или как бы проникнуто изнутри сияющим светом: светлые, прозрачно лучащиеся слова, слова совершенной изобразительности; легкий, светло-ласковый, все время кротко, облегченно, почти блаженно вздыхающий стиль и ритм, вливающий в душу целительное успокоение; образы солнечного лета, озаренной природы (какие утра! какой полуденный припек! какая гроза! какие закаты!..); и светлые, легкие души, детски чистые, и от этой своей детской чистоты жаждущие еще приблизиться к праведности и преклониться перед святостью Божьего Угодника, чтобы приобщиться ей и хоть раз в жизни коснуться ее безгрешности. Здесь все пронизано благодатным, врачующим светом: и слово, и образы, и та последняя предметная глубина, ради которой пропето это повествование. А пропето оно для того, чтобы показать и утвердить бытие Святой Руси, ибо книга эта, так же как и книга о «Лете Господнем», есть творение не только художественное, но и исповедническое.

Это исповедание есть порождение *любви*, любви столь детски-искренней и столь религиозно-беззаветной, что она может только петь, петь светлыми

образами, и пением этим приводить в состояние благодарной умиленности всякую душу читающую, и застывшую, и ожесточенную, и гордую, и злую. Любовь, сказанная так, убеждает и побеждает простым вовлечением в круг своего блаженства. Она не то что «предлагает» радостно любить, а наливает душу радостной любовью до краев; и переполненная душа, сама не замечая, начинает петь и радоваться. Искусство совершает свое великое дело, — магическое и благодатное, умудряющее и исцеляющее: душа чувствует себя прощенной и прощающей, примиренной и очистившейся. В ней самой просыпается то, что воспела любовь художника, — жажда праведности; и сквозь эту ожившую жажду чистоты и праведности душа начинает созерцать Россию, — видеть ее пространственные и душевные просторы, постигать строение и движение русского духа, осязать историю России, ее уклад, ее быт, ее пути и судьбы. Сила живой любви к России открыла Шмелеву то, что он здесь утверждает и показывает: что русской душе присуща жажда праведности и что исторические пути и судьбы России осмысливаются воистину только через идею «богомолья»...

Сказать — «русской душе присуща жажда праведности» — не значит оправдать и одобрить все то, что когда-нибудь и где-нибудь совершил и совершит человек, носящий русское имя. Не обо всех «русских» и не обо всех их делах идет здесь речь... Но тот, кто способен увидеть русскость русского человека, и действительно увидит ее и станет ее описывать, тот непременно отметит, что в саму сущность русскости входит мечта о совершенстве, жажда приблизиться к нему, помысел о «спасении души», вздох о Божием, взыскание Града, готовность преклониться перед праведником, склонность — рано или поздно, или многократно, или хотя бы перед смертью только — уйти в некое Богомолье.

Богомолье! Вот чудесное слово для обозначения русского духа. Как же не ходить нам по нашим открытым, легким, разметавшимся пространствам, когда они сами, с детства, так вот и зовут нас — оставить привычное и уйти в необычайное, сменить ветхое на обновленное, оторваться от каменючего быта и попытаться прорваться к иному и радостному бытию; отойти странником в новую страну, где по-новому увидеть Бога, и в земном, и в небесах, и, вернувшись в свое жилище, обновить, освятить и его этим новым видением?.. Нам нельзя не странствовать по России; не потому, что мы «кочевники» и что оседлость нам «не дается»; а потому, что сама Россия требует, чтобы мы обзрели ее и ее чудеса и красоты и через это постигли ее единство, ее единый лик, ее органическую цельность; и более того: чтобы мы научились, созерцая ее, видеть Бога — и в ее природе, и в ее истории, и в осевших гнездах ее праведности (от Киевской Лавры до Китежа, от Соловков до гор Кавказа). Не об этом ли богомолье вздыхал Пушкин:

*Далекий, возделенный брег!
Туда б, сказав прости ущелью,
Подняться к вольной вышине;
Туда б, в заоблачную келью,
В соседство Бога скрыться мне!*

И самая смерть не предносилась ли ему в образе бегства от суеты в блаженную обитель:

*Давно завидная мечтается мне доля,
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег...*

И не он ли сказал об этих осевших гнездах русской религиозности и праведности: «Мы обязаны монахам нашей историей, следственно и просвещением»?

Да, богомолье искони было на Руси началом просвещения и духовного очищения. Не только потому, что древние православные монастыри были живыми очагами и праведности и образованности; но и потому, что русский человек, уходя к святым местам через леса и степи, «уходил» ко святым местам своего личного духа, пробираясь через чашу своих страстей и через пустоты своей, религиозно еще не возделанной, души... Однажды приходил миг, когда он постигал, что быт засасывает, как болото; или, по выражению Шмелева, говорящего устами Горкина, что «всех делов не переделаешь», что «делов-то пуды, а она (смерть) — туды»... В этот миг душа его просыпалась, как бы откликаясь на неслышимый зов. Он постигал, что надо хотя бы на время оторваться, сложить с себя все и уйти в богомолье, к богомыслию. Он делал усилие, вырывался из тисков обыденной полуслепоты и шел вдаль добывать себе трудами, лишениями и молитвами доступ к святости и к Богу.

Богомолье! Оно выражает само естество России — и пространственное, и духовное... Это ее способ быть, искать, обретать и совершенствоваться. Это ее путь к Богу. И в этом открывается ее святость.

Люди уходили как бы в религиозное научение. Легкие, сермяжно-лапотные, беззаботные, забвенные, с открытой для всяческого совершенства душой; по-новому, благодатно видящие солнце, и цветы, и овраги, и строгий бор; по-новому внимающие и всякому слову сердечному, верующему и чистому, «чующие святое сердцем» (Шмелев), — они шли по всей Руси, и не было им «пути далекого». Они учились религиозно созерцать, молиться и постигать тайну праведности; они вживались сердцем, воображением и волей в душевный уклад и облик чтимого святого, в обитель коего вела их дорога. Они становились «как дети»; а «таковых есть Царствие Божие» (Мк. 10, 14).

Русь именуется «святою» не потому, что в др. странах нет святости; это не гордыня наша и не самопревознесение; оставим др. народы грешить, терять, искать и спасаться по-своему. Речь о Руси, а не о др. народах; не будем на них оглядываться!

Русь именуется «святою» и не потому, что в ней «нет» греха и порока; или что в ней «все» люди — святые. Нет.

Но потому, что в ней живет глубокая, никогда не истощающаяся, а, по греховности людской, и не утешающаяся жажда праведности, мечта приблизиться к ней, душевно преклониться перед ней, художественно отождествиться с ней, стать хотя бы слабым отблеском ее... — и для этого оставить земное и обыденное, царство заботы и мелочей, и уйти в богомолье.

А в этой жажде праведности человек прав и свят.

Только немногие, совсем немногие люди на земле могут стать праведными, до глубины переродиться, целостно преобразиться. Остальные могут лишь отдаленно приближаться к этому. И когда мы говорим о Святой Руси, то не для того, чтобы закрыть себе глаза на эти пределы человеческого естества и наивно и горделиво идеализировать свой народ; но для того, чтобы утвердить, что рядом с несвятой Русью (и даже в той же самой душе!) всегда стояла и Святая Русь, молитвенно помогающая ко Господу и достигавшая его лицецерия, — то в совершении совершенных дел, то

в слезном покаянии, то в «томлении духовной жаждою» (Пушкин), то в молитвенном богомолье. И Россия жила, росла и цвела потому, что Святая Русь учила и вела несвятую Русь — воспитывая в ней те качества и доблести, которые были необходимы для создания великой, имперской России. И так шло до тех пор, пока окаянная Нерусь не развязала наши несвятые силы, наши грешные, бурные страсти и не отстранила временно — да, конечно, временно, — Святую Русь от учения и водительства. А когда Святая Русь была мученически отстранена от водительства и окаянная Нерусь водворилась у руля — тогда Святая Русь ушла в новое, таинственное богомолье душевных и лесных пещер, вослед за уведшим ее Сергием Преподобным: там она пребывает и донныне. И мы видим, как за ним ушли туда многие и многие — и чудный Горкин, «голубь сизокрылый», и «простачок» Антипушка, и светлый, мечтательный Федя, и маленький Ваня, который донес свой «крестик» на высоту озаренного художества; и благостный «отец квасник», который весь изнутри «светится», а о себе говорит, на вопрос «откуда вы такие беретесь?» — «А Господь затирает... такой уж квасок творит... да только мы квасок-то неважный... ки-ислый, кислый... нам до первого сорту далеко».

И все они вернутся на Русь из лесов и дебрей, от непогибающего православного Китежа. А несвятая Русь опять пойдет за ними. Ибо жажда покаяния и праведности не может не проснуться в соблазненных и падших душах. Не может — потому что это русские души, в которых незримо продолжает жить Святая Русь. А окаянная Нерусь — какие бы имена она ни носила, русские или нерусские, — рассеется по всему миру смрадным дымом.

Истинное художество невозможно и непозволительно пересказывать. Его надо принять в себя; надо непосредственно приобщиться к нему. И для этого надо обратиться к нему с величайшим художественным доверием — по-детски открыть ему свою душу, чтобы до глубины внять этой лирической поэме. Это песнь о том, как русские дети к Богу ходили и как Господь их обласкал и утешил; как Он открывался им во всем: и в этом «загоревшемся» от утренней зари «прутике над скворешней»; и в «радостных ягодках» душистой земляники; и в жертвенных порывах дарящего сердца; и в примирении после дорожной ссоры; и в страданиях калеки; и в водном наказании «шатающих веру» «охальников»; и в нужных, с виду «случайных», до глубины волнующих встречах; и в младенческой исповеди Горкина, годами кающегося в своем невольном грехе; и в тихости прозорливого старца, батюшки Варнавы; и в розовой лаврской колокольне, глядящей из голубого неба вблизи и вдаль.

Как близко Божие к человеку, когда душа его открыта и внемлёт! Какая тишина нисходит в душу при мысли о том, что «все тут исхожено Преподобным, огляжено; на всех-то лужках стоял, для обители место избирал; просвещёно все тут, благословлёно».

И вот душа незаметно становится по-детски прозрачной и радостной. Глубокими, верующими глазами смотрит она на все и чует несказанную благодатность мира; и чует подлинную осененность и окрыленность русской души в час молитвы и богосозерцания. И, вздыхая глубоким, трепещущим вздохом, перевертывает читатель последнюю страницу книги, зная рассудком, что это «только книга», и не постигает, как может простая книга столько показать и принести такие дары...

Ибо поистине здесь показана великая духовная красота. Красота, прикрытая, а от многих и совсем скрытая, русским простонародным рубищем. За простотой, за скудностью, за наивностью русского богомольца показана и душевная чистота молящегося, и благоуханная прелесть его молитвы, и неизреченная благодать Того, Кто отзывается на эту молитву; показан человек русский в его обращении к Богу — с великой художественной прозрачностью, с великим чувством меры, с любовным юмором, обессиливающим яд близлежащей бытовой пошлости.

Русским художественным актом создана поэма Шмелева: видением сердца, сердечной символикой, глубокомыслием любви, молитвенным созерцанием; а этой силе духа подчинились все остальные силы его, в легком творческом согласовании. Прав Горкин: «Одной рукой да глазом не сделаешь, тут душой радоваться надо»... — радоваться и любить. И петь.

Эта радость передается и нам. Она передается и всякому, кто не совсем еще, не до конца, окаменел и иссох сердцем. Она будет передаваться из поколения в поколение «по всей Руси великой», вызывая своим пением ответное пение в душах всероссийских «богомольцев», пробуждая и укрепляя русское национальное самосознание. Нерукотворным памятником будет жить эта поэма в истории русской литературы и русского духа. На великий, скорбный и страшный вопрос «кто мы? кто мы в истории человечества?!» — русские прозорливцы не раз уже давали ответ и Богу, и своему народу, и чужим людям. И ныне, на наших глазах, после всего испытанного и поведенного, Шмелев дал новый ответ, по-новому. И ответ этот сразу — древен, как сама Русь православная, и юн, как детская душа или как раннее Божие утро. И в этой древности — историческая правда его ответа; а в этой юности — несравненная религиозная и лирическая прелесть его поэмы.

И. Ильин
БОГОРОДИЦА. Пресвятая Дева Мария, в Непорочном зачатии родившая Богочеловека — *Иисуса Христа*. Один из главных образов *Святой Руси*.

Богоматерь. Деиуссынныи чин. Икона. Кон. XVIII — I-я четв. XIX в. Москва(?). ГРМ

«О Тебе радуется». Икона (без полей). 1570–1580-е гг. Муром.
Происходит из Николо-Зарядской церкви г. Муром Владимирской обл. ЦМиАР

Богоматерь на престоле с предстоящими и сценами новозаветной истории. Икона.
Посл. четв. XVII в. Поволжье. ЦМиАР

В. М. Васнецов. «Богоматерь шествует по облакам...». Интерьер Владимирского собора в Киеве

Самыми ранними изображениями Божией Матери на Руси можно назвать мозаику «*Нерушимая Стена*» в конхе апсиды Софийского собора в Киеве (1037–45), Новгородскую икону «*Знамение*» (до 1169) и Владимирскую икону Божией Матери (1-я треть XII в.). В этих произведениях отчетливо видны следы византийской живописи.

В период нашествия хана Батыя на Русь Византия не могла поддержать Русь, потому что находилась под властью латинских рыцарей (1204–62). После возвращения на Константинопольский престол византийской династии Палеологов культурное влияние Византии на Русь уже не имело определяющего характера, как в прежние времена. В к. XIV в. с началом духовного подъема на Руси стали разрабатываться новые, «русские» иконографии Божией Матери и формироваться своя самостоятельная иконописная линия.

Русский народ возлюбил Божию Матерь особенной любовью и обращался к «усердной заступнице» в трудах и печалях, бедах и радостях. Почти каждый день церковного календаря отмечен празднованием какой-либо иконы Богородицы. Многие славные победы русского воинства и исторические события связаны с заступничеством Богородицы — Взыбранной Воеводы или чудесами от Ее образов.

Много мест на Русской земле облагодетельствованы милостью Пресвятой Богородицы. Впоследствии здесь строились церкви и возводились монастыри. В них хранились иконы, в именовании которых зафиксировано название местности, отмеченной чудом. Среди них: Ахтырская, Боголюбская, Валаамская, Владимирская, Казанская, Калужская, Курско-Коренная, Муромская, Серафимо-Дивеевская «Умиление», Смоленская, Тихвинская, Холмская иконы Божией Матери и др.

Богородице-Смоленская икона Божией Матери

За небывалое в др. христианских странах количество храмов, обителей и икон в честь Пречистой Девы Русь, а затем Россия, именуется «Домом Пресвятой Богородицы» или «Необоримым достоянием Богородицы». Четыре иконы Богоматери прославлены как защитницы русских рубежей: Тихвинская на севере, Смоленская на западе, Казанская на востоке, *Иверская* на юге. Хранительницей центра России и всей Русской земли является *Владимирская* икона Божией Матери. Перед ней происходила коронация всех Российских государей.

Русские выражали благоговейную любовь к Божией Матери почитанием Ее св. икон, построением храмов в честь Ее, церковными празднествами в память бесчисленных Ее благодеяний. Вплоть до прихода к власти еврейских большевиков в России не было города, села, деревни, храма, дома, в которых икона Богоматери не составляла бы величайшей святыни. Постоянно происходили чудесные явления св. икон и чудотворения,

Н. А. Бруни. Богоматерь. 1900 г. Оригинал для нереализованных мозаик собора Воскресения Христова. ГРМ

И. В. Брягин, В. И. Шитов. Феодоровская икона Божией Матери. 1899 г. Мстера. ГРМ

совершавшиеся по молитвам пред иконами Пресвятой Богородицы. От неистощимого источника св. икон Сама Небесная Заступница дарует верным обильные целебные благодеяния, источает неоскудную благодать и избавляет от всяких бед и напастей. См.: Мироточение и плач икон.

М. А. Врубель. Богоматерь с Младенцем. Икона в Кирилловской церкви в Киеве. 1885 г.

К. С. Петров-Водкин. Богоматерь Умиление злых сердец, 1914–1915 гг.

На иконах Пресвятая Богородица обыкновенно изображается с тремя звездами, из которых одна на голове и две на плечах, что означает: до Рождества, в Рождестве и по Рождестве Дева.

Иконографические признаки: положение рук, поворот или наклон головы, соотношение образа Богоматери к образу Спасителя и другие детали — дают возможность определить наименование иконы.

Существует несколько типов икон Пресвятой Богородицы:

Оранта — с воздетыми руками;

Никопея — на престоле;

Одигитрия — с Иисусом Христом на руке;

Гликофилусса — Умиление;

Халкопатия — молитвенно обращенная к Спасителю.

Иконы Богоматери распространялись по самым отдаленным местам России и, в свою очередь, списывались и приобретали местные названия. Известно более 468 русских наименований икон Богоматери, из них многие чудотворные.

Богоматерь на православной русской иконе — не блондинка, не брюнетка, не молодая и не старая. Она — вечная. Западные Мадонны писались с живых людей — жен и подруг, — одна эта мысль для русского иконописца была кощунственна.

По церковной символике, Богоматерь — Чаша, в которой воплотился Христос, и Ее иконы являются Пречистым Образом, перед которым преклоняются. Богоматерь чтится Заступницей, Покровительницей, Молитвенницей и Царицей Небесной. Акафист, посвященный Ей, называет Приснодеву благоуханным цветом, звездой пресветлой, Матерью Света, надеждой отчаявшихся, сокровищем мира, живоносным источником и многими другими поэтически-

ми олицетворениями, которые, в свою очередь, вдохновили иконописцев на новые образы.

Пресвятая Богородица пользовалась особой любовью русских людей. С ее почитанием было связано множество древних церковных и народных ритуалов, обычаев и поверий. См.: Рождество Пресвятой Богородицы, Покров Пресвятой Богородицы, София — Премудрость Божия, Сретение Господне, Успенев день.

Прот. И. Бухарев

БОГОРОДИЧЕН ДЕНЬ — см.: РОЖДЕСТВО БОГОРОДИЦЫ.

БОДЯНСКИЙ Осип Максимович (30.10 [12.11].1808—6 [18].09.1877), филолог-славист. Родился в м. Варва Лохвицкого у. Полтавской губ. Сын священника. Окончил Московский университет в 1834. В 1835 напечатал (под псевд. Запорозец Иско Матырынка) стихотворное переложение малороссийских народных сказок («Наши украинские сказки»). В 1834 опубликовал рецензию на повести Г. Квитки-Основьяненко (под псевд. Мастак). Примыкал к романтическому направлению. Был в дружеских отношениях с Н. В. Гоголем, Т. Г. Шевченко и М. А. Максимовичем. В 1837—42 совершил путешествие по славянским странам. В 1842—68 — профессор Московского университета. Как сторонник университетской автономии и устава 1863, Бодянский в 1868 был вынужден выйти в отставку. Главные труды: «О народной поэзии славянских племен» (1837), «О времени происхождения славянских письмен» (1855). Бодянский способствовал укреплению связей русской интеллигенции с западным славянством. Перевел с чешского труды П. Й. Шафарика «Славянские древности» (т. 1—2. 1837—48) и «Славянское народописание» (1843). В 1845—48 и 1858—77 — редактор «Чтений в Обществе истории и древностей российских», где опубликовал множество ценных памятников, в т. ч. материалы о деятельности Кирилла и Мефодия, «Житие Бориса и Глеба» по списку XII в., «Житие Феодосия Печерского» по списку XII в., «Грамматическое исследование русского языка» Ю. Крижанича, «Собрание великорусских песен» И. В. Киреевского и др.

БОЖИЙ ДОМ — см.: СКУДЕЛЬНИЦА.

БОЖИЙ СУД, в русской жизни с древнейших времен этим понятием выражали определенные действия, которыми считали возможным получить от Самого Бога ответ на вопрос, виновен человек или нет. Такими дей-

И. Горюшкин-Сорокопудов. Божий суд

В. Суриков. Деревенская божница

ствиями были судебные поединки, испытания водой, огнем и железом (муки). По поучению проповедника XIII в. Серапиона испытание водой состояло в том, что обвиняемого связанным бросали в воду, и если он погружался на дно, то считался невиновным. Испытания проводили, чтобы разоблачить убийц и воров. В судебных поединках, схватках оправданным считался победитель.

БОЖНИК, *полотенце* для украшения икон. Называлось еще *набожник*, *иконник*, *образник*.

БОЖНИЦА (*ки́от*, *тяло́*), подставка для икон. Она помещалась обычно в переднем углу *избы* (красном) и представляла собой одну — две деревянные полки или шкафчик, открытый или со стеклянными дверцами. Ее вешали между двух стен т. о., что вместе с ними она образовывала как бы треугольник. Божницу украшали полотенцами или короткими занавесками, бумажными или восковыми цветами, а также ангелочками, голубками, сделанными из щепы, глины, алебаstra.

На божнице стояло не меньше трех икон. По церковным канонам в малом деисусном чине, т. е. в основном ряде икон божницы, должны были находиться образа Спасителя, *Богородицы* и Иоанна Предтечи. Однако крестьяне обычно заменяли образ Иоанна образом св. *Николая Чудотворца*, который был очень почитаем русскими людьми как обладающий особенной благодатью: он помогал людям во всех их горестях, скорбях, несчастьях и болезнях, охранял их на море и на суше, слыл покровителем брака. «Нет икон, как Никол», «Микола — тот же Бог». Образ Божьей Матери, всеобщей заступницы, встречался в божницах крестьян во многих вариантах. Так, в Новгородской губ. в домах всегда имелась икона Тихвинской или Старорусской Божьей Матери, в деревнях Костромской губ. ставилась икона Федоровской Божьей Матери, во Владимирской губ. — Боголюбской. Крестьяне Тверской губ. почитали Божью Матерь Троеручицу, которая, по их мнению, обладая вместо двух рук тремя, могла дать и больше благодати. Почти в каждом доме был образ Пресвятой Богородицы Неопалимой Купины, предохраняющей дом от пожара.

Кроме того, на божницу ставили образа местопочитаемых святых: Александра Свирского, Никандра Псковского, Нила Столобенского, Феодосия Тотем-

ского, угодника Кирилла Белозерского, Зосимы и Савватия Соловецких и др. Состав икон в божнице зависел также от хозяйственных занятий населения. Напр., в местах разведения крупного рогатого скота обычно имелись иконы свв. Власия и Егория — покровителей домашних животных; в местах развитого коневодства в божницах всегда стояли образа свв. *Флора и Лавра*, покровителей коневодства, или же святых, которые по традиции изображались на конях: *Георгия Победоносца*, *Бориса и Глеба*.

Благодаря иконам божница приобретала, по представлениям крестьян, особую благодатную силу. Вот почему на ней хранили предметы, связанные

с отправлением культа: восковые свечи (венчальные, богоявленские, сретенские, Чистого четверга, пасхальные), ладан, просвирки, поминальник, бутылочку с крещенской водой, пасхальное яйцо. Здесь же ставили пучок верб, освященных в *Вербное воскресенье*, ветки троичной березы. За иконами или на нижней полке божницы лежали молитвенник, Псалтирь, Евангелие, Жития святых. К божнице всегда привешивали одну или несколько лампад.

Перед иконами молились утром и вечером, при этом обязательно открывали дверцы божницы или раздвигали занавески, если она была ими прикрыта. К иконам, расставленным в божнице, относились с большим уважением. Никогда не садились к ним спиной, в их присутствии не курили, старались не произносить бранных слов. Если в семье разгоралась ссора, божницу задегивали занавеской, чтобы «Бог не слышал ругани». Раскричавшемуся человеку укоризненно говорили: «Ведь иконы в избе!» В русской деревне существовал обычай, по которому входившие в избу люди прежде всего кланялись иконам со словами: «Господи, помилуй», а потом уже обращались к хозяину: «Дай Боже здоровья тебе и домочадцам твоим!»

Ист.: Шангина И. И. Русский традиционный быт. СПб., 2003.

БОЛЕЗНЬ, в народных представлениях результат действия демонов болезней, *нечистой силы*, *ведьм*, *колдунов*, людей с дурным глазом, *порчи* и т. п.

Демоны болезни выступают преимущественно в антропоморфном виде. Чаще всего — в женском обличье, реже — в мужском или неопределенном (неясная фигура, некто); иногда — в зооморфном: собака, кошка, медведь, свинья, птица (огромная, черная, летающая по ночам, машет крыльями над домом, насылая болезнь); в виде гадов — мыши, змеи, ящерицы, каракатицы, лягушки, червяка, мухи, бабочки, летающей утки со змеиной головой и хвостом. Могут представляться паром, туманом, воздухом, мглой, облаком, дымом или быть невидимыми. Антропоморфные демоны болезни могли принимать вид цыганки или вообще чужеземца, жителя соседнего села, незнакомого человека. Внешний вид болезни: красивые молодые девушки, женщины с длинными волосами или старые уродливые бабы (бледные, худые, костлявые, очень

Д. С. Стеллецкий. Исцеление болящей. Икона. 1921 г.

высокие, огромные), с длинными руками, когтями, оскаленными зубами, огненными глазами, одноглазые, лохматые, крылатые, легкие как перо или очень тяжелые; иногда имели некоторые зооморфные черты: клюв, бычью голову, индюшачьи лапы, козы или коровьи копыта. Часто одна болезнь представлялась в виде множества демонов, которые ходят по двое, по трое или в количестве 7, 9, 16, 27, 40, 77 и др. Могли, по поверьям, находиться между собой в родственных отношениях: чаще — это сестры; у чумы и оспы есть ребенок, лихорадки (*лихоманки*) — дочери царя Ирода. В заговорах болезни получали собственные имена, обычно в соответствии с тем, источником какой болезни они являлись, ср. Тресея, Огня, Ледея, Гнетя, Глухья, Ломея и др.

Некоторые болезни появлялись с косой в руках (ср. *Смерть*), с луком и стрелами, со списком своих предполагаемых жертв, с платком, рассеивающим за-

В. Максимов. Больной муж

разу, иногда — в сопровождении нечистой силы, животных (сов, филинов, летучих мышей). Они обходили села пешком, ездили в колеснице, летали по воздуху (в *вихре*, туче, облаке, на летучих мышах), могли ездить верхом на человеке.

Болезни обитали на краю света, где земля сходится с небом, за морем, вблизи источников, у воды (ср. представления о *воде* как вместилище нечистой силы); в болотистых местах, в прудах, в колодцах, в пустынных местах, в темных лесах, в колючих кустарниках, вблизи старых деревьев, проникали в дом, в непокрытые сосуды и там жили. Иногда поселялись в человеке навсегда — в его жилах, внутренностях, волосах и т. п.

Приходя в село, болезни останавливались на окраине, расспрашивали о месте жительства своих жертв; проникали в село верхом на человеке (часто оседлывали его при переправе через реку); ходили по селу, помечая одни дома черными буквами, другие — красными; окликали под окнами хозяев по имени: кто откликнется, тот заболевает; поражали свои жертвы громким плачем, стрелами; отсекали голову косой; жалили людей, облизывали их или целовали, вызывая заболевание; садились на спящих, душили их, дули на них отравленным дыханием; напускали на людей злых духов, питались мертвыми телами; иногда наказывали нечистоплотных хозяев (отравляли немытую посуду) и т. п.

К. Лемох. У постели умирающей крестьянки

Чаще всего причиной болезни считалось воздействие на человека мифологических персонажей как наказание за нарушение запретов, регламентирующих взаимоотношения между ними и человеком (за причинение вреда этим духам, за непредусмотренные контакты с ними, за вторжение в место их пребывания, повреждение их деревьев, за называние болезней их настоящими именами и т. п.), запретов на определенные виды работ в праздники (за что человека могли наказывать и святые).

Причиной болезни часто считалось проникновение в тело человека (во время сна, питья, еды) некоторых видов пресмыкающихся, земноводных и насекомых (жаб, змей, ящериц, гадов, черепах, червей, мух и т. п.), которые могли осознаваться как воплощение духов болезни; а также — укусы и прикосновения этих животных и насекомых (колтун, по поверью, образует-ся от прикосновения летучей мыши к волосам; заболеть можно, если проглотить кошачий волос, от дыхания или слюны ласки и т. п.). Болезнь могла исходить также от некоторых природных явлений: от *воды*, ту-

К. Гун. Больное дитя

мана, росы, чаще всего — от *ветра, вихря*, от ядовитых испарений, возникающих при затмении солнца; от вредоносного лунного света. Считалось, что *солнце, луна, радуга* способны наказать человека недугами за непочитание, оскорбление.

Среди многочисленных приемов народной медицины особое место занимают магические действия, символизирующие изгнание или уничтожение болезни. Они производятся над больным человеком или его субстанциями (кровью, пупом, *волосами*, ногтями), а также над его вещами и предметами, которые осмысливались в качестве носителей болезни (одежда, мерка больного; предметы, растения, плоды, которыми дотрагивались до больного места; зарубки на бирке по числу приступов болезни; записки с названиями болезни и т. п.). Наиболее типичные способы избавления от болезни — сожжение болезни (в т. ч. окуривание, бросание в огонь, высекание огня над больным), смывание болезни (купание, обливание, опрыскивание); выбрасывание или удаление болезни (когда вещи больного относят за границы села, спускают по воде, забрасывают в отдаленные места); передача болезни другому лицу, животному, растению (подбрасывание к чужому дому, на дорогу, скармливание скоту, забрасывание на дерево); отправка болезни на «тот свет» (подкладывание вещей в гроб к умершему); закапывание болезни в землю. Человека отделяли от болезни, протаскивая больного сквозь разного рода отверстия; расчленили болезнь (разрубили предметы на много частей), рассыпали, развеивали по ветру; уничтожали болезнь (топили, забивали); прятались от болезни; отпугивали и изгоняли (шумом, стрельбой, битьем посуды, криком). Считалось, что можно избавиться от болезни также в результате задабривания и символического кормления болезни (выкладывание обрядовой пищи) или при помощи обмана и оскорбления болезни (изменение своего облика, обрядовое обнажение). Для избавления от болезни использовались средства словесной магии (*заговоры*), содержащие мотивы отгона болезни, ее задабривания, оскорбления (брань, проклятия, угрозы). Реже практиковались способы лечения, связанные с символической заменой больного человека на здорового («вторичное рождение», переименование, «продажа» и т. п.).

Ист.: Агапкина Т., Усачева В. Болезнь // Славянская мифология. М., 1995.

БОЛОТНИК, в народных представлениях *нечистая сила*, обитающая в *болотах* и заманивавшая путников в трясины.

БОЛОТО, по народным представлениям, опасное и «нечистое» место, где водятся *черти*. Согласно одному из распространенных вариантов т. н. «творимой» легенды (легенды о сотворении мира), на земле сначала была сплошная вода. Бог ходил по ней и однажды встретил плывущий мутный пузырь, который лопнул, и из него выскочил черт. Бог повелел черту спуститься на дно и достать оттуда земли. Выполняя приказ, черт припрятал за обе щеки немного земли. Бог тем временем разбросал доставленную землю, и там, где она падала, появилась суша, а на ней деревья, кусты и травы. Но растения стали прорастать и во рту у черта, и он, не выдержав этого, принялся выплевывать землю. Так появились болота — разжиженная земля с малорослыми, уродливыми деревьями и грубой травой (записано на Витебщине). У белорусов существовало представление об иерархии среди «нечистиков» (чертей) в зависимости от глубины, на которой они обитали, притом гнездилищем главного беса (оржавиника) являлась оржавина (болото с элементами железной руды). Выше оржавиника живет вирóвник (ср. вир — «глубокое место в болоте, реке») и еще выше — болóтник. Ср. витебскую поговорку: «Ня з виру и ни з болота, а з самой оржавини!» (о самом «первостатейном» черте). Жители Карпат верили, что заманивать человека в болото и сталкивать его в воду могли стригони.

Связь черта с болотом или болотистым лесом выражается в поговорках: «Было бы болото, а черти будут», «Не ходи при болоте: черт уши обколотит», «В тихом болоте черти водятся» (южнорусская); «Сидить, як чорт на грошах в болоти» (малороссийская), «Болото без черта не обойдется» (польская) и т. п. Характерны формулы отгона злых сил, *болезней, нечистой силы* (в составе *заговоров*) у белорусов — напр., при лечении детского плача: «Куры-кураницы, возьмите Йванковы начницы, несите на мха, на болота»; при изгнании болезней злаковых растений, называемых «ржа» и «бель»: «... на моховом болоте перебивайте» и т. п.

В Новгородской Кормчей XIII в. отмечено, что язычники «жроуть (приносят жертвы) бесом, и болотом, и колодязем». Существовал обычай относить на болото и выбрасывать «нечистые» предметы (старый *веник*, вещи умершего) и *мусор*, накопившийся в доме за время святок, «чтобы не было сорняков в поле». Горшок с водой, из которого обмывали покойника, относили далеко от дома и выбрасывали в реку или в болото. В Гродненской губ. при похоронах «нечистого» покойника — самоубийцы гроб относили в болотистое место или в лес, где закапывали его рядом с тропой, а на могилу наваливали кучу веток и камней.

Н. Толстой

БОЛЬШАК, название главы русской крестьянской *семьи* в XVIII—XIX вв. Его положение как главы в религиозно-нравственном, хозяйственном и даже административном отношении признавали все члены семьи, *община* и даже власти. Из таких глав каждой семьи, а следовательно, и хозяйственного двора, состояла сходка общины.

Большаком, как правило, становились по праву старшинства. Самый старший мужчина в семье мог передать свои права другому члену семьи.

Повсеместно было принято, чтобы большак управлял всем хозяйством, отвечал за благосостояние семьи.

Он решал вопросы купли и продажи, ухода на заработки, распределения работ в семье. Разумный глава хозяйства обычно советовался по существенным вопросам со всей семьей или с кем-нибудь из старших. Вот как об этом рассказывали в 1897 в Заднесельской вол. Вологодчины: большак «поступает самостоятельно, но почти всегда советуется предварительно с некоторыми членами семьи, особенно в важных вопросах. С кем «посоветать» в данном случае — на воле большака, но, разумеется, преимущественно со старшими в семье».

Большак имел право, по крестьянским представлениям, избирать и выговорить за леность, хозяйственные упущения или нравственные проступки. Корреспондент из Брянского у. Орловской губ. писал, что хозяин обходится со своими домашними строго, повелительно, нередко принимает начальственный тон. Разумеется, многое зависело от характера главы и общего духа, сложившегося в семье.

С вечера большак распределял работы на следующий день, и распоряжения его подлежали неукоснительному исполнению.

«Каждое сложное семейство повинуетсЯ одному хозяину (по-здешнему — большаку), а женщины, кроме хозяина, еще и хозяйке (старшей из них — большухе)», — сообщалось в описании с. Давшино Пошехонского у. Ярославской губ. в 1849. «Все в семействе твердо знают и опытом научены, что для счастья семейства необходимо, чтобы все повиновались одному старшему, умнейшему и опытнейшему в семействе, от которого бы зависели все хозяйственные распоряжения. Поэтому где нет отца, там с общего согласия членов семейства выбираются в большаки или дядя, или один из братьев, смотря по разуму, опытности и расторопности, так что иногда младший летами берет преимущество над старшими, без обиды для них».

Хозяин-большак читал молитву перед общей едой семьи, а также общесемейные молитвы по особым случаям — перед праздником, перед началом сева и пр. Он следил за соблюдением постов в доме и нес ответственность за духовно-нравственное поведение. Общие женские работы начинали выполнять только после молитвы большухи. Старшая из женщин крестила оставляемую на ночь воду и всю пищу.

Крестьянские представления о семье и соответствующие обычаи обеспечивали реакцию на неблагоприятное положение в хозяйственных и др. делах. Если старший или выбранный вместо него мужчина плохо исполняет свои обязанности, то сама семья либо община смежают его. «Если семья недовольна своим большаком, если последний запивает горькую, если он «испорчен» и ведет хозяйство нерадиво — семья собственным коллективным усмотрением ставит на его место кого-либо другого из своих членов, а в случае спора прибегает к миру (общине. — М. Г.), который негодного большака сменяет», — сказано в записях обычного права у русских на Алтае в к. XIX в.

В материалах 1870-х Тульского у. отмечается назначение самим «обществом» нового большака в семье в случае неисправности отправления старым обязанностей перед миром. В ответах жителей Владимирской губ. указано, что мир мог лишить большака его прав за пьянство, расточительность либо нерадивость; сход делал это по совместному ходатайству членов семьи.

Иногда большака оставлял волостной суд. В целом, обиженные большаком или большухой могли найти защиту у мира и волостного суда.

М. Громыко

БОЛЬШАЯ ПРЕЧИСТАЯ, празднование Успения пресвятой Богородицы (см.: Успенев день).

БОРИС и ГЛЕБ (во святом крещении **Роман и Давид**), страстотерпцы, князья (ск. 1015), младшие сыновья равноап. кн. *Владимира*, воспитаны в христианском благочестии и получили хорошее образование. Старший — Борис — любил читать Священное Писание, труды отцов Церкви, и особенно жития святых, желая подражать подвигу угодников Божиих. Глеб разделял с братом его стремление посвятить жизнь служению Богу. Князь Борис получил в удел Ростов и, управляя своим княжеством, проявил мудрость и кротость, заботясь прежде всего о насаждении Православной веры и утверждении благочестивого образа жизни среди подданных. Он прославился также как храбрый и искусный воин, поэтому отец поставил его во главе своего войска в походе против печенегов. Пока кн. Борис был в походе, кн. Владимир умер, а старший его сын Святополк объявил себя вел. князем Киевским. Дружина уговаривала кн. Бориса пойти в Киев и занять великокняжеский престол, но благочестивый князь, не желая междоусобной войны, распустил свое вой-

Борис и Глеб на конях. Икона. 1-я пол. XIV в. ГТГ

Борис и Глеб. Икона. Нач. XV в. ГРМ

ско. Святополк не поверил искренности брата и подослал к нему убийц. Предупрежденный о вероломстве, кн. Борис, ставя превыше всего любовь и правду, не стал скрываться и, подражая мученикам первых веков христианства, спокойно встретил смерть. Убийцы настигли его во время утренней воскресной молитвы на берегу реки Альты. После этого Святополк столь же вероломно умертвил и брата Глеба, который также предпочел смерть междоусобной войне. Божие отмщение настигло властолюбца: Святополк был изгнан из Киева и скитался, подобно первому братоубийце Каину, нигде не находя себе пристанища и покоя, а затем бесславно погиб. Память мученикам и страстотерпцам Борису и Глебу отмечается 24 июля/6 авг., 5/18 сент. и 2/15 мая (перенесение мощей в 1115).

В Великороссии весеннее празднование свв. Бориса и Глеба называлось *Соловьиным днем*, т. к. в это время прилетали соловьи. С праздником свв. Бориса и Глеба было связано довольно странное поверье: этот день называли «барыш-день», и св. Бориса считали барышником. Во многих местах купеческий люд праздновал св. Бориса в надежде получить за это в течение всего года барыши. Очевидно, что приурочение этого поверья и обычая к празднику и имени св. Бориса основано на созвучии слов Борис и барыш, тем более что в старину день св. Бориса часто назывался «барыш-днем». Это, напр., можно видеть из следующего места Ипатьевской летописи: «Великий Всеволод Суждальский на Боришъ день отда Верхуславу дщерь свою за Ростислава».

В разных местах России этот майский день называли по-разному: Борис и Глеб Сеятели, *Борисов день*, Борис-День, *Бырыш-день*, Соловьиный праздник, Соловьиный день, Свистозарник, Свистуны, Свистопляски.

Сеятелями Бориса и Глеба называли потому, что в этот день крестьяне занимались севом.

Летнее празднование Бориса и Глеба было связано уже не с севом, а с уборкой урожая, с работой дотемна. День этот так и назывался — Борис и Глеб Бессонники. К святым обращались с просьбой помочь убрать хлебную ниву. Считалось, что с их помощью работа в поле лучше ладится. К святым братьям также обращались, если в семье случались разлады. Борис и Глеб считались не только покровителями всей Русской земли, но и каждой семьи. Вспомнят ссорившиеся о братьях Борисе и Глебе — поутихнут страсти, мир и покой в семье наступят.

БОРИСОВ ДЕНЬ — см.: **БОРИС и ГЛЕБ**.

БОРОВИК, народное название различных растений, встречающихся в сосновых борах, напр. белого гриба, вереска, грушанки и др.

БОРОДА, волосая покров на нижней части лица мужчины, считался неотъемлемой национальной чертой русского. Борода была предметом глубокого уважения и символом русской народности. В XI в. за повреждение бороды «Русская Правда» назначала четверо большую пеню, чем за физическое увечье.

Брить бороды русские начали с XV в. Василий III, желая понравиться своей жене Елене Глинской, обрился, но пример его почти не встретил сочувствия. Иван Грозный упрекал Поссевина за «подсечение бороды», как за преступление против религии. Одновременно с царем писало против бритья бороды и духовенство. Максим Грек в Послании «О еже не брить бороды» для вящего убеждения приводит в пример козла, который, когда ему остригли бороду, бился головой до тех пор, пока не умер. Стоглав посвятил бороде целую главу (40-ю), запрещая хоронить и отпевать бреющих бороды. Несмотря на запрещения, бритье бороды продолжалось: и Борис Годунов, и Дмитрий Самозванец уже не носили бороды. При Алексее Михайловиче многие из бояр (Матвеев, Ордын-Нащокин) были бриты. Влияние Запада отразилось и в иконописи. На одной иконе живописец изобразил Каина и Авеля в польской одежде с усами и без бород. В к. XVII столетия патриарх Адриан издал окружное послание, в котором одну главу посвятил убеждению и угрозам стригущим бороды. С воцарением Петра I обстоятельства переменялись. Вернувшись из заграничного путешествия, Петр собственноручно обреза бороды приближенным боярам. В 1699 был издан Указ о бороде, повторенный в 1701 и 1705. По этим указам гости должны были платить за бороду 100 руб., царедворцы, люди дворовые, городские, служилые и торговые 2-й статьи — 60 руб.; торговые 3-й статьи, посадские, ямщики, церковные причетники — по 30 руб. Заплатившие пошлину получали медный знак, на котором были изображены борода и усы под словами «деньги взяты». С крестьян Указом 1705 велено было брать по 2 гривны за каждый приход в город и без пошлины их к городским воротам не пускать. В 1722 было приказано брать за бороду 50 руб. пошлины со всех, исключая государственных крестьян и духовенство, причем для носящих бороды был установлен особый покров платя. В 1724 велено было «женам бородачевым» носить платья-опашни и шапки с рогами.

Указы о стрижке бороды в связи с запрещением носить русское платье вызвали недовольство всех сословий. Во многих городах появились воззвания, запрещающие бритье бороды. Благодаря этим последним, в Астрахани в 1705 вспыхнул бунт. Дела о брдобритии встречаются в царствование Екатерины I, Анны Ивановны (1727 и 1737) и Елизаветы Петровны. В 1757 Ломоносов за свое шуточное стихотворение «Гимн бороде» подвергся ожесточенным обвинениям в «глумлении над законом и таинствами веры». Борода играла немаловажную роль и в Пугачевском движении, хотя Екатерина II и отменила петровские законы о бороде, оставив бритье обязательным только для войска и лиц, находящихся на государственной службе. Эти законы и в 40-х XIX в. оставались еще в силе; в 1849 было запрещено даже вообще носить бороды дворянам, т. к. это найдено несовместимым и со службой по выборам. В то же время бритье бороды употреблялось помещиками в качестве наказания провинившимся мужикам и считалось не менее позорным, чем обрезывание косы девушке. Окончательно запрещение носить бороды было упразднено имп. Александром III, который сам стал носить бороду.

БОРОНА, земледельческое орудие, выполнявшее две функции: 1) рыхлить землю под посев и 2) прикрывать землей посеянные семена. Первую выполняли старые русские орудия — *рало* и *соха*. У бороны оставалась гл. обр. вторая функция — заборонивать семена. Если бы не было др. этимологии для слова борона, то его значение позволило бы связать его со славянскими словами *оборона*, *брань*, *бороться*. Борона прежде всего сохраняла посевы от грозящей со всех сторон опасности («обороняет»). Во всяком случае, народная этимология связала эти слова друг с другом.

Существует теснейшая органическая связь русских пахотных орудий с бороной. Рало легко превращается в настоящую борону. Еще одним характерным примером служит белорусская *вершалина*, или *острога* (см. рис.). По своему устройству это борона, по функциям же она ничем не отличается от простейшей сохи (т. н. *цапулька*), т. е. ее вполне можно отнести к пахотным орудиям. *Вершалина* (собственно *вершина*) — это верхняя часть елового ствола с сильно заостренными сучьями. Основное ее назначение — рыхлить такие подсеки, которые невозможно пахать даже сохой из-за обилия пней и крепких корней.

Русские бороны были весьма однообразны. Три существовавших вида бороны, последний из которых являлся порождением новейшей культуры, отличались друг от друга не своими функциями, а лишь материалом. Эти виды таковы: борона с сучьями вместо зубьев (*суковатка*), плетеная борона и борона железная (или полужелезная).

Наиболее примитивная борона из сучьев, *суковатка* — это вершина сосны или ели, которую волочили по пашне, чтобы смести посеянные семена в борозду и прикрыть их землей.

Обыкновенная *суковатка* (иначе: *смык*, *эльцы*, *эльчина*, *смычья*, *волокуша*, *дерябка*) состояла из 3–8 или более расщепленных еловых или сосновых досок (*боронницы*), на нижней части которых имелись сучья 35–80 см длины. Концы этих сучьев были заострены и служили зубьями бороны. Такие естественные зубья, наталкиваясь на своем пути на камни, пни и корни, легко гнулись и были достаточно эластичны, чтобы разбивать комья земли. Доски скреплялись дву-

мя поперечинами и образовывали четырехугольник. Две крайних доски делали несколько длиннее остальных и, когда запрягали лошадь, служили оглоблями.

Такой *суковаткой* пользовались гл. обр. в лесных местностях, особенно на подсеках. Плетеная же борона (*плетенка*, *кольцеватка*) употреблялась как в лесистых, так и в безлесных районах. Она была неизвестна только малороссам. У великороссов и белорусов она была везде примерно одинакова и лишь в севернорусских областях нередко немного больше по своим размерам. Если у обычной южнорусской бороны существовало 25 зубьев (у огородников изредка 30), т. е. 5–6 рядов по 5 зубьев, то на севере спорадически встречались бороны с 72 зубьями (9 рядов по 8 зубьев), хотя обычное их число 35 (7 рядов по 5 зубьев). Размеры бороны с 25 зубьями — 160–180 см в длину, ширина на 13–17 см меньше длины.

Раму плетенки делали из тонких ореховых, еловых или березовых палок (т. н. *хлудцы*, *батожек*, *грядки*, *остряки*). В каждом продольном ряду рамы были 2 таких грядки, в поперечных — по 3. В местах скрещивания продольные и поперечные грядки соединялись двумя кольцами (т. н. *кацтелки*, *віцы*, *вязки*; белорус. — *калачыкі*), сделанными из дубовых, черемуховых, можжевельниковых или ивовых прутьев. В гнезда, образованные скрещением грядок и колец, вставлялись сверху зубья (*клевцы*, *клецы*) 36 см длины и 3 см толщины. Эти зубья имели форму неправильных шестигранных клиньев с зарубкой на уровне их длины. Зубья вставлялись не вертикально, а с наклоном вперед (под углом 67°). Наклонное положение достигалось тем, что третья (средняя) и поперечная грядка всегда укреплялась позади зубьев. Зубья передних рядов бороны несколько короче задних: при таком устройстве борона лучше всего двигалась по земле; кроме того, нагрузка на заднюю часть бороны была больше, и задние зубья стирались быстрее, чем передние. Зубья делали из твердых пород дерева — дуба, ясени, клена, березы или рябины.

К переднему краю такой бороны прикрепляли лучок из прута (т. н. *баран*, *огібок*). По нему свободно двигались одно или два прутяных кольца (*побегало*, *прасновка*, *калач*), к которым привязывали оглобли. Благодаря такому устройству борона двигалась вперед не стороной, а углом, так что каждый зуб очерчивал особую борозду. Иногда оглоблями служил длинный ивовый прут (*олук*). У белорусов *баран* помещался в центре этого прута (*самолук*, *самойлук*, *каблук*), длинные концы которого образовывали основу внешних боковых рядов бороны. Запрягали в борону без дуги.

В этой бороне не было ни одного железного штыря или винта. Она была такая легкая, что зубья ее входили в землю неглубоко. Если же боронили на большую глубину, на борону клали груз. Преимущество этой бороны заключалось в том, что сломанный зуб можно было сразу заменить.

Образцом для третьего типа русской бороны послужили бороны фабричной выработки. Обычно соединялись друг с другом в виде решетки 5 продольных и столько же поперечных реек (по 129 см длины); расстояние между рейками было равно 22 см. В местах их пересечения вставляли 25 железных или деревянных зубьев длиной в 22 см. Реже рамой служила прочная деревянная доска, в которую вставляли такое же количество зубьев.

У русского населения Севера бороноволёк (обычно это мальчик или девочка) правил, сидя на лошади боком, у русских южных областей и у белорусов он шел за бороной. На твердой почве чаще бороновили зигзагами и кругами (вавилёнами), а не по прямой.

Лит.: см. лит. к ст. «Соха».

Ист.: Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 50–54.

БОРЩ, 1) квашеная свекла, 2) вид щей, похлебка из свекольной квашни, на говядине и свинине или со свиным салом (В. Даль).

БОТАЛО, большой деревянный или жестяной колокольчик с глухим звуком, который привязывался козлам и лошадям при пастбище в лесу. В переносном смысле слово «ботало» в крестьянской среде было синонимом болтуна.

БОТВИНЯ (ботвинье), холодный суп из кваса с зеленью свеклы и моркови и хорошей рыбой.

БОЧКА, емкость закрытого типа для хранения и транспортировки жидкостей, сухих сыпучих веществ, продуктов.

В русских деревнях и городах были распространены гл. обр. деревянные бочки бондарной работы. Бочка бондарной работы была известна и в Древней Руси. Первое упоминание о ней в письменных документах относится к XI в.

Бочки имели круглое или овальное в поперечном сечении тулово с выпуклыми боками и два плоских или слегка вогнутых днища. Бочку, сложенную из деревянных клепок, обвязывали большим количеством обручей, располагая их по краям от выпуклой части тулова — брюха. Форма бочки была приспособлена к

Бондарь. 1900-е гг. ГИМ

условиям крестьянского быта. Она сопротивлялась толчкам снаружи при перевозке и давлению наполнявшей ее жидкости, сыпучих продуктов и др. веществ. Вогнутое днище давало ей дополнительную сопротивляемость.

БОРКОЛАБОВСКАЯ, чудотворная икона Божией Матери. Находится в Борколабовском Вознесенском женском монастыре Быховского у. Могилевской губ. Принесена сюда 11 июля 1659 кн. Пожарским, возвращавшимся из похода на Польшу. Когда князь прибыл ко вратам Борколабовской обители, то икона стала

Борколабовская икона Божией Матери. 1659 г. Национальный музей художественной культуры Белоруссии

неподвижно, и князь не мог стронуть ее с места даже при помощи коней. Тогда князь отдал икону игуменье Фотинии, говоря: «Возьмите икону Пресвятой Богородицы, видно бо хочет Мати Божия zde пребывать». С того времени икона Богоматери получила название Борколабовской и прославилась многими чудесами. Во многих храмах имеются старинные списки с нее, в надписях на которых говорится, что она прославилась многими чудесами в Борколабовской обители.

Празднование Борколабовской иконе Богоматери установлено 11/24 июля.

БОЯН (2-я пол. XI — н. XII вв.), древнерусский поэт. Произведения Бояна являлись величальными песнями-славками русским князьям; их исполнение сопровождалось игрой на гуслих. В древнерусской мифологии Боян — «Велесов внук» (потому что его прародителем считается бог Велес). Боян понимал язык птиц и зверей и пересказывал его на человеческий. Песни Бояна — о богах, богатырях и князьях. Имя Бояна упоминается в

В. Корольков. «Боян»

И. Глазунов. Боян. Слава предкам!

Н. Рерих. «Боян»

надписях *Софии Киевской*, в Новгородских летописях, в «*Слове о полку Игореве*». В последнем о нем говорится: «Боян бо вещий, аще кому хотяше песнь творити, то растекашется мыслию по древу, серым вълком по земли, шизым орлом под облакы».

БОЯРСТВО (бояре), высшее сословие Древней Руси, по мнению акад. И. И. Срезневского, может быть произведено или от слова «бой» («вой»), или от слова «больший», в первом случае он будет обозначать воина, во втором — большого, т.е. лучшего человека. В Древней Руси термин «боярин» заменялся иногда терминами «большие, лучшие люди» или «мужи». При первых киевских князьях различаются бояре княжеские, составлявшие верхний слой княжеской дружины, и земские, которые были высшим слоем населения земли. Последние, кроме Новгорода и Пскова, скоро теряют свое значение и после кн. *Владимира* сливаются с массой. Княжеские бояре являются сотрудниками на войне и в управлении. Само боярство в татарское время делится на слои — есть бояре «большие», «старейшие», «нарочитые», «великие» и бояре «младшие». Таким образом, термин «боярин» обозначает не должность, а класс. Пополнялось боярство из всех слоев населения. Иногда встречаются представители нескольких поколений, преемственно состоящие в боярах у известного

К. Маковский. Боярин

князя, но часто встречаются достигшие боярства из низших классов, немало было среди бояр и иноземцев. Бояре в эту пору не привязаны к земле, они служат князю и переходят с ним из волости в волость, но боярин — вольный слуга князя, он может оставить его и перейти к другому. Землевладение среди боярства, видимо, развито было слабо. Будучи слугами князя, бояре не составляли политического тела; даже там, где боярство приобрело большое значение, как в Галиче, оно не было организовано. В Новгороде и затем во Пскове, где преобладающей политической силой стало вече, сохранило свое значение земское боярство. Выборные должности здесь замещались людьми известного круга. Выборные чины составляли совет, куда входили и лица, прежде исполнявшие эти должности. Совет этот был как бы комитетом при вече, так как здесь предварительно обсуждались дела, которые потом решались на вече. Князь был только председателем этого совета. Совет имел большое влияние на дела, хотя юридически не имел никакого значения. Бояре в Новгороде принимали участие в войне. Торговлей новгородские бояре не занимались, но они были крупными землевладельцами и капиталистами, ссужавшими купцам деньги за проценты, и, т. о., они являлись наиболее сильным классом в экономическом отношении. Иначе сложилась судьба боярства в сев.-вост. Руси. Здесь князь был хозяином-вотчинником своего удела. Управление уделом смешивалось с управлением княжеским хозяйством. И княжеские бояре становятся в положение княжеских приказчиков. Им поручаются в ведение различные отрасли дворцового хозяйства. Князь владеет

С. Грибков. Боярыня у водоема

разными угодьями, управление каждым видом угодий составляло особый «путь», во главе такого управления ставится боярин, которому дается название «путного». Главные управители отдельных ведомств дворцового хозяйства носят название бояр «введенных», они-то и составляют совет князя. Бояре «введенные» и «путные» за свою службу получают известные доходы — «кормятся». У более оседлых сев.-вост. князей и бояре становятся более оседлыми, они приобретают земельную собственность, их земли и они сами пользуются

Ф. Солнцев. Одежда царская и боярская XVII столетия

Ф. Солнцев. Боярская одежда XVII столетия

различными привилегиями: им дается право суда на их землях, кроме случаев убийства, разбоя и воровства с поличным; земли их свободны от налогов; сами они судятся князем или «введенным» боярином, а не местными судьями. Но боярин все-таки сохраняет право уйти от князя — право отъезда. Отъехавший боярин, поступив на службу к другому князю, сохраняет свои владения в уделе прежнего князя. Право отъезда было неприятно удельным князьям, лишившимся слуг, которые сохраняли свои земельные права. Начинается борьба между князьями и боярами. Но право отъезда было выгодно усиливавшимся князьям, как, напр., московским, ко двору которых собирались бояре из уделов. Только с уничтожением большинства уделов московские князья ограничивают это право, берут с бояр записи и требуют поручительства, но все-таки отъезд не считался изменой, отъехавший мог вернуться

Ф. Солнцев. Боярская одежда XVII столетия

к прежнему князю и только испытывал то неудобство, что терял свое место в служебной иерархии. С уничтожением уделов и с возникновением государственного центра в Москве сюда не только собираются бояре из мелких княжеств, но и потерявшие уделы князья становятся в ряды московского боярства. Число бояр здесь увеличивается, и боярство делится на слои, термин «бояре» прилагается только к тем лицам, которые возводятся в это звание государем и становятся членами боярской думы, а затем и среди членов думы только высший разряд государственных советников носит этот титул, боярское достоинство становится чином. Но кроме советников — членов боярской думы, государь имел

других, так сказать, частных советников, которые иногда вовсе не заседали в думе и с которыми он советовался неофициально в своих комнатах, это были т. н. комнатные бояре. И в Москве боярство не было замкнутым классом: в него проникали новые элементы, и чем позже, тем в большем числе, с другой стороны, многие знатные фамилии утрачивали свое положение

С. Стрекалов. Одежда зажиточных людей. XII в.

Ф. Солнцев. Одежда бояр в XVI и XVII столетиях

и их представители спускались в ряды простых дворян. Петр I отменил старые московские чины, и в числе их и боярское звание; имевшие его еще донашивали этот титул и после смерти Петра. Кроме официального значения термина «бояре» в Древней Руси название это прилагалось ко всякому зажиточному землевладельцу и, быть может, в измененной форме «барин» дошло до нашего времени.

С. Ю.

БРАГА, хмельной напиток из перебродившего сусла, куда входили мука, солод и хмель.

На Севере России брагу варили из овсяной муки со сравнительно небольшим количеством солода, и напиток был обычно белого цвета, поэтому его называли белая брага, бра́жка. Бражку часто пили горячей, т. к. от холодной не так быстро хмелели. Малороссы варили брагу из ячменного солода; ячменный солод ошпаривали кипятком, затем оставляли на 8 часов солодиться, разводили холодной водой и процеживали через сито. Кое-где брагой называли также обыкновенное пиво без хмеля.

БРАК (от гл. «братъ»), союз мужчины и женщины для плотского общения, взаимной помощи и поддержки, совместного ведения хозяйства, рождения и воспитания детей.

«В браке, — пишет Иоанн Златоуст, — души соединяются с Богом неизреченным неким союзом». По мнению св. Климента Римского и Тертуллиана, муж и жена созданы по образу Христа и Церкви. «Брак есть таинство любви», — говорит св. Иоанн Златоуст и поясняет, что «брак является таинством уже потому, что он превышает границы нашего разума, ибо в нем два становятся одним». С этим неразрывно связан и благодатный характер брачной любви, ибо Господь присутствует там, где люди объединены взаимной любовью. «Существовала любовь безмятежная к Богу и любовь взаимная супругов, живших в верном и искреннем сообществе, а вследствие этой любви великая радость, т. к. предмет любви не переставал быть предметом наслаждения» (Блж. Августин).

Дионисий. Брак в Кане Галилейской. 1500–1503 гг. Фреска Рождественского собора Ферапонтова монастыря

О браке как союзе любви свидетельствуют литургические книги Русской Православной церкви. «О еже ниспослаться им любви совершенней, мирней», «соединение и союз любви положивый», — говорится в последовании обручения. «Друг к другу любовь», — возносится в последовании венчания. «Неразрешимый союз любви и дружество», — говорится о браке в молитве на разрешение венцов. В православном чине венчания брак — великая радость: «О еже возвеселится им...», «Да приидет на ня радость оная...», «Возвесилиши я радостию...», «Соединяясь в радость сию...». Христианская брачная любовь есть не только радость, но и подвиг, способность на самопожертвование, ибо христиан не знает иной брачной ночи, кроме любви, подобной любви к своей Церкви Христа, «который предал себя за нее» (Еф. 5; 25).

В понятиях Святой Руси в браке превыше всего не плотская связь, а отношения между двумя христианскими душами, для которых важнее всего — понятие

П. Корин. Северная баллада

Брак в Кане Галилейской. Икона. 1830–1850 гг. Палех

любви, в смысле «Бог есть Любовь». Брачные отношения осуществляются только через посредничество Бога. «Любовь не связь, а отношение к человеку». «В древнерусском браке не пары подбирались по готовым чувствам и характерам, а характеры и чувства вырабатывались по подобранным парам» (В. О. Ключевский). «Нравственное значение брака состоит в том, что женщина перестает быть орудием естественных влечений, а признается как существо, абсолютно ценное само по себе, как необходимое восполнение человека до его истинной целостности. Без брака, как без хлеба и вина, без огня, без философии, человечество могло бы, конечно, существовать, но недостойным человека образом — обычаем звериным» (В. С. Соловьев). «Брак как условие есть обязательство двух людей разных полов иметь детей только друг от друга. Нарушение этого условия есть обман, измена и преступление. Какого великого блага могут достигнуть два любящих супруга, если они поставят своей целью совершенствование и будут помогать в этом друг другу: напоминанием, советом, примером» (Л. Н. Толстой). «В браке три четверти счастья человечества, а в остальном — едва ли четверть» (Ф. М. Достоевский). **О. Платонов**

Русские люди рассматривали вступление в брак как главное жизненное предназначение каждого челове-

ка: «Женитьба — вещь добрая, она от Бога показана», «Птица крыльями сильна, жена мужем красна», «Без жены жить — свет коптить, с женой — гоже». Главной целью брака считалось рождение детей. Соответственно брак осмыслился как моральный долг перед Богом, людьми и предками, как главное условие добропорядочной жизни.

Безбрачие расценивалось как аномалия, а холостой человек как неполноценный: «Холостой человек — полчеловека». Про холостого мужчину говорили, что он «не совершил закона, в нем путя нет, так, дрянь», называли деуном, пропускным боровом, трутнем и всячески осмеивали. Девушку, не вышедшую замуж, пренебрежительно называли вековуха, непетое волосье, седая макушка, нерядиха, старая дева, относились к ней с жалостью и страхом. Жалость вызвала судьба старой девы, не исполнившей свой долг на земле, а страх — вера в то, что она способна принести зло: наслать засуху, град, мор скота, погубить урожай. Русская пословица говорит: «Поповой собаки, отставного солдата да старой девки злее нет».

Народные представления о браке и безбрачии формировались под влиянием множества факторов, в т. ч. и христиан-

ской культуры. Русские люди объясняли обязательность вступления в брак необходимостью выполнять волю Божию. В соответствии с этим жизнь без семьи рассматривалась как отклонение от предначертаний Божьих. Сексуальные отношения между мужчиной и женщиной вне супружеских уз нарушали христианскую этику: отношения полов считались «святы и чисты» только в браке, освященном Церковью. «Сласти любовные», если их целью не было рождение детей, воспринимались как большой грех.

Социально-экономические условия жизни русской деревни также сыграли свою роль в формировании народных представлений о ценности брака. Среди них главным был земельный фактор. Полноценное крестьянское хозяйство могло нормально развиваться только при наличии в нем и мужских, и женских рук. Полевая работа, за исключением жатвы, заготовка дров, ремонт построек и орудий труда входили в обязанности мужчины. Приготовление пищи, уход за скотиной, воспитание детей, обеспечение членов семьи одеждой считалось женским делом. Крестьянин, живший вне брака, был не в состоянии выполнить весь объем необходимых сельскохозяйственных и домашних работ.

Свою роль в формировании представлений о необходимости брачных уз сыграло также и русское за-

К. Маковский. Под венец. 1994 г.

Молодая крестьянская чета. 1900-е гг. ГРМ

конодательство, по которому пахотные и сенокосные угодья могли предоставляться в пользование только мужчинам, достигшим 18 лет. При этом женатый человек земли получал вдвое больше, чем холостой. Замужние женщины работали на земле, выделенной *общинной* на «мужскую душу», а старые девы оставались вообще без средств к существованию. Вступление в брак рассматривалось русскими людьми как дело серьезное и ответственное: «Идучи на войну — молись, идучи в море — вдвое, хочешь жениться — молись втрое». В связи с этим подбор брачной пары не доверяли самой молодежи, которая, по общему мнению, не обладая жизненным опытом, могла ошибиться в столь важном вопросе. Этим занимались родители, которые могли при-

слушаться к мнению сына или дочери или проигнорировать его. Такое положение дел не вызывало, как правило, сильного противодействия со стороны молодежи, воспитанной в уважении к мнению старших. Главным критерием отбора был общественный статус семей будущих жениха и невесты, а также их личные качества. Естественно, что материальные соображения имели место, но не были основными. По русским представлениям, «яблоко от яблони недалеко падает», поэтому родители старались подыскать своему сыну или дочери пару из семьи, пользующейся всеобщим уважением, отличающейся трудолюбием, нравственными качествами.

При вступлении в брак принималась во внимание также и степень родства между семьями будущих жениха и невесты. Русские считали большим грехом браки между родственниками и свойственниками. Кроме того, препятствием к браку служило и духовное родство, в которое вступали мужчина и женщина, крестившие одного ребенка (см.: Крестины). Считалось, что такие браки дают нездоровое потомство. Запрет на родственные браки появился довольно давно. Уже в 1-й пол. XVI в. С. Герберштейн, рассказывая о жителях Московского государства, писал: «В брак вступают они таким образом, чтобы не касаться четвертой степени родства и свойства. Они считают ересью, если родные братья женятся на родных сестрах, точно так же никто не смеет взять в жены сестру сваяка. Далее они наблюдают весьма строго, чтобы браком не объединялись те, между которыми существует духовное родство по крещению». Этот брачный обычай поддерживался авторитетом Православной церкви, которая запрещала вплоть до 1810 браки по родству и свойству до седьмого колена. В 1810 решением Синода этот запрет был снят, поступило распоряжение венчать людей, состоявших в родстве после четвертой степени, и свойственников после второй степени.

Вопрос о любви молодых людей рассматривался как нечто второстепенное. Выражение «стерпится — слюбится» воспринималось всеми, в т. ч. и молоде-

жью, как нечто естественное, правильное. Парень и девушка, соглашаясь на *свадьбу*, редко испытывали друг к другу явную любовь или антипатию. Более того, брак по страсти не одобрялся общественным мнением и рассматривался как греховный, лишенный прочного основания. Вообще русские полагали, что любые страсти, будь то всепоглощающая любовь или всеобъемлющая ненависть, являются дьявольскими по своей природе, а значит, не угодны Богу.

Возраст, начиная с которого можно было вступать в брак, определялся церковными и светскими властями. В XVII—XVIII вв. девушки могли вступать в брак с 13 лет, юноши — с 15. Это положение было узаконено Синодом в 1774. В 1830 Указом имп. Николая I нижняя граница брачного возраста определялась соответственно 16 и 18 годами. Во 2-й пол. XIX в. русские девушки вступали в брак обычно в 17–20 лет, парни — в 19–21 год. После 21 года для девушки и 23 лет для парня замужество или женитьба становились проблематичными. Ранние браки в народном быту считались очень желательными и даже необходимыми. Этнограф Р. Я. Внуков объяснял это стремление так: «Женить стараются помоложе — пока половой инстинкт заглушает в парне все остальные соображения, пока воля послабей, чтобы не женился по собственному желанию да не выбрал неугодной жены. «Жени помоложе, пока послушен, а уматерее — не уженишь» — житейская мудрость стариков. Невесту хотят взять помоложе, по-послушнее, полудетский характер, слабый организм, неумение работать — хорошее ручательство послушания невестки. Когда войдет в года невестка, окрепнет, задавят дети, поневоле смирится». Реальные условия народной жизни вполне способствовали заключению ранних браков. Новобрачные, по русскому обычаю, начинали свою семейную жизнь в налаженном хозяйстве родителей мужа, не взваливая на себя груза забот, который они, будучи слишком молодыми, не смогли бы одолеть.

Браки старались заключать между людьми, разница в возрасте которых не превышала двух — трех лет. Жених и невеста должны быть, по народным представлениям, «ягодка к ягодке, цветок к цветку». Неравные браки были нежелательными прежде всего из-за боязни раннего вдовства, которое считалось большим несчастьем, Божьим наказанием. Русские пословицы говорят: «Лучше семь раз гореть, чем один раз овдоветь», «В девках приторно, замужем нутужно, а во вдовьей череде, что по горло в воде».

Брак в Кане Галилейской. 1684–1693. Церковь Богоявления в Ярославле. Композиция южного свода

В русской деревне браки в основном заключались зимой, со 2-й пол. янв. до конца февр., и осенью — с конца сент. до середины нояб. Это было обусловлено как религиозными, так и экономическими причинами. Весной и летом заключение брака было невозможным: во-первых, потому, что на это время приходился *Великий пост*, сыропустная (Масленичная) и *Пасхальная неделя*, а также *Петровский пост* в июне и *Успенский* в авг., во время которых *венчания* не проводились, а во-вторых, потому, что с марта до середины или до конца сент. продолжался цикл сельскохозяйственных работ, не оставлявших людям времени на свадьбы. Поздней осенью и в начале зимы свадьбы также были невозможны, что было связано с сорокадневным Рождественским постом, а затем со *Святками*, во время которых также не венчали. Русские люди предпочитали зимние свадьбы осенним. Они считали янв.— февр. временем добрым для зачатия детей. Верили, что дети, зачатые в это время и рожденные соответственно осенью, более жизнеспособны и здоровы, чем дети родителей, вступивших в брак в окт.— нояб., и родившиеся в летнее время. Они также надеялись, что первенец «покажет дорогу» остальным детям и те будут рождаться тоже в доброе время.

По мнению крестьян, мужчина и женщина могут вступать в брак не более двух раз, хотя Православная церковь и разрешала трехкратное супружество. Первый брак считался главным, заключенным на небесах, а *смерть* одного из супругов — наказанием Божьим др. супругу за грехи. Второй брак рассматривался как необходимость, особенно если в осиротевшей семье остались дети, нуждающиеся в помощи и защите. В то же время люди опасались его, т. к. думали, что он может быть недолговечным: Бог наказал один раз, может наказать и второй. Третий брак воспринимался людьми как желание пойти против Божьей воли и поэтому категорически не одобрялся. Русская пословица говорит: «Первая жена — от Бога, вторая — от человека, третья — от черта».

Вдовы могли, по народным представлениям, вступить во второй или третий брак до 50 лет, а вдовцы до 60 лет. После этого возраста «сместить людей» не полагалось. Они не могли выполнить главную цель брака — родить детей, а заниматься «сладкими любовными» в преклонном возрасте — грешно вдвойне.

Браки у русских людей были довольно крепкими, разводов было, особенно в XIX в., крайне мало. Ссоры между мужем и женой старались обычно не выносить на всеобщее обсуждение. Супружеская неверность (прелюбодеяние) считалась большим грехом. Нарушение супружеской верности в русской деревне было явлением очень редким и обуславливалось обычно долгим отсутствием мужа. При этом говорили, что в прелюбодеянии, совершенном мужем, есть и вина жены, не сумевшей удержать его от греха. К женщине, изменившей мужу, относились серьезнее, с ней старались разобраться внутри семьи. Муж обычно бил жену, чтобы «вышла дурь», а если не помогло, то на время отправлял к родителям, которые уговаривали ее вернуться к мужу. Иногда женщину выгоняли из дома на улицу в одной рубашке, без головного убора, предварительно обрезав ей волосы и вымазав дегтем ворота дома ее родителей.

Брачность в России XIX — н. XX в. была почти всеобщей. Согласно статистическим данным, в к. XIX в. только 0,9% крестьян к 60 годам не состояли в браке,

что практически совпадало с процентом инвалидов (слепых, глухих и немых) и психически больных людей.

Ист.: Шангина И. И. Русский народ. Будни и праздники. СПб., 2003.

Ответственное отношение к созданию русской семьи видно уже при выборе брачной пары. Хотя взаимные симпатии молодежи по большей части принимались во внимание при рассмотрении в семье возможного жениха или невесты, общий народный взгляд в этом вопросе далек от пропагандируемого ныне предпочтения страстного увлечения, как главного основания для вступления в брак.

Даже в самом к. XIX в. в ответ на вопросы программы *Тенишевского этнографического бюро* поступали сообщения из разных губерний о значении воли родителей при вступлении в брак. Из Владимирской губ. (Меленковский у.) писали, что в брак здесь вступают по воле родителей. П. Каманин из с. Домнино подчеркнул, что разрешение и благословение родителей на брак считается обязательным. При отсутствии родителей обязательным становилось согласие и благословение *большака* и *большухи*, крестного и крестной. При этом отмечалась еще такая тонкость в народных понятиях о родительской воле: при выдаче замуж дочери согласие матери считалось даже более важным, чем мнение отца. При женитьбе же сына решающим было согласие отца. Браки без благословения родителей в русской крестьянской среде были крайне редки. Главным регулятором при выборе супруга была внутренняя убежденность православного человека в необходимости получения родительского благословения. Широко бытовали рассказы о несчастливых браках, состоявшихся без благословения, а тем паче — сохрани Господь — при проклятии родителей.

Препятствием к вступлению в брак могло стать выявленное родство или свойство предполагаемых жениха и невесты. Выяснением этого вопроса специально занимались родственники. «Браки воспрещаются народной совестью в степенях родства и свойства: пятой, четвертой и третьей», — свидетельствовал корреспондент по данным Московского у. Владимирской губ. Браки при «духовном родстве и свойстве, как-то: кумовство, побратимство (крестовые братья и сестры) и «усыновление», хотя и считаются грехом, но менее тяжелым, чем браки при плотском родстве и свойстве. Информатор вводит здесь важное понятие «народная совесть», дабы подчеркнуть, что речь идет о религиозно-нравственных представлениях, принадлежащих к тому же не отдельным людям, а народу, как таковому. Народные запреты в отношении брака родственников шли даже дальше церковных: церковь в линиях бокового кровного родства исключала брак по четвертую степень включительно, *обычное право* запрещало и пятую степень.

Во взглядах на брачный возраст обычное право было, по-видимому, менее строгим, чем церковное и государственное. В делах Священного Синода о случаях незаконных венчаний священниками несовершеннолетних встречаем свидетельства об индифферентном отношении односельчан к этому вопросу: в этом случае, как и в других, их интересовало, прежде всего, родительское благословение, затем — согласие самих брачующихся. Так, в синодальном деле 1822 года из Новоторжского у. Тверской губ. о браке несовершеннолетних крестьян (невесте было в момент заключе-

ния брака 15 лет, а жениху — 14 с половиной) сказано, что некоторые лица, «бывшие в поезжанах» и выступавшие в качестве поручителей при составлении церковной записи, просили подписаться за них дворового человека помещицы (по-видимому, сказавшись неграмотными). Священник основывался на том, что обвенчать просил отец жениха. Отец же утверждал позднее, когда началось разбирательство, что считал сына своего совершеннолетним. К моменту разбирательства дела в Синоде и жених, и невеста достигли уже 16 лет и заявляли, что они и тогда никем не были принуждаемы к браку «и ныне разлученными быть не желают». Брак был сохранен Синодом, но священника, диакона и пономаря решено было «оштрафовать посылкою в монастырские труды на столько времени, сколько жениху недоставало к пятнадцатилетнему возрасту». После монастырских трудов они будут допущены к служению, если дадут подписку о невенчании малолетних и др. каких-либо сомнительных случаев. При нарушении этого в следующий раз будут лишены чинов.

Подобные случаи ранних браков были все же исключением в деревне. Повсеместно существовала устойчивая местная традиция относительно возраста, в каком можно начинать посещать молодежные встречи — *хороводы* (улицу) и *беседы* (*посиделки*) — в качестве полноправных участников, а не только зрителей. По замечанию информатора из Адуевской вол. Медынского у. (Калужская губ.), парни, начинающие женихаться (16–17 лет), и девушки, начинающие невеститься (с 14 лет), посещали все «игрища, увеселения, хороводы, гулянья по лугам», «выставки» и посиделки. В Зарайском у. Рязанской губ. девицы ходили на посиделки с 14–15 лет, парни — с 17–18. Такой возрастной ценз был наиболее распространен. В некоторых местах Дорогобужского у. Смоленской губ. парни участвовали в посиделках не ранее 18 лет, девушки — не ранее 15. В Елатомском у. Тамбовской губ. средний возраст на посиделках составлял 16–18 лет.

Нужно учесть, что между началом выхода на молодежные встречи и вступлением в брак проходило, как правило, некоторое время. Соответственно нижняя граница возраста брачующихся считается по сравнению со сроком вступления в молодежное сообщество. Характер участия в хороводе или посиделках различается в зависимости от возраста: подростки (как мальчики, так и девочки) туда лишь допускались. Они должны были вечером рано уходить домой и участвовали далеко не во всех увеселениях молодежи; часто они оставались лишь зрителями.

Очень важной считалась репутация жениха и невесты в отношении труда — работающие ли они. На общих сенокосах, на помочах и др. коллективных работах проявлялись индивидуальные возможности — сообразительность, ловкость, сила, знание приемов в конкретных видах работ. Представления об умелости и трудолюбии каждого складывались и в зависимости от результатов труда. И горе молодежи той семье, которая обрела репутацию ленивой. «Негативное отношение к семье окружающие переносили и на молодежь, подозревая, часто весьма справедливо, и отсутствие правильного воспитания, и плохую наследственность. Изменить мнение окружающих к лучшему было весьма непросто». Т. А. Листова приводит по этому поводу современные высказывания пожилых сельских жителей: «Лодырь — позорно. Это страшно, только слух пройдет — семья лодырей, девушку и замуж не возьмут

из такой семьи. У нас Лайенковы были, семья лодырей, век уж их знали. У всех все сделано, а у них и не вспахано, и не убрано, все смеялись. И учились — все не клеилось. После войны сын Лайенкова приехал весь в медалях и с «барахлом», сватался ко мне, но для меня он сын Лайенкова, я и разговаривать не стала».

Во многих сообщениях в Тенишевское этнографическое бюро подчеркивалось, что мнение односельчан о девушке, как работнице, непременно учитывается при выборе невесты. У всех на виду была ее одежда собственного изготовления, украшенная в праздничном варианте сложными рукоделиями. Специальный осмотр женщинами общины девичьего рукоделия в некоторых местах осуществлялся на «выставках» невест, а также на перебасках — соревнованиях по нарядам в доме молодой.

Если невеста была из др. селения, то о ней старались разузнать. Напр., из Новоладожского у. С.-Петербургской губ. писали в конце прошлого века: «Нам смотриная мать жениха везде «вышнарит», всех выспросит, и напрямик и загадками, умеет ли коров доить, телят поить, стряпать, хлеб печь, шить, косить, жать и т. д.». Вот как много трудового умения ожидалось от невесты — будущей невестки.

Вопрос о репутации семьи возникал, разумеется, не только в связи с трудолюбием, но также и при рассмотрении нравственных свойств. При выборе невесты учитывали, что она «из хорошего рода, известного в околдке своей честностью и другими хорошими качествами». Учительница Краснораменская из Ильинской вол. Ростовского у. Ярославской губ. подчеркивала в своем сообщении 1897, что семья жениха разбирает нравственные достоинства не только самой невесты, но и ее семьи. «Яблоко от яблони недалеко падает» или «Яблоко — от яблони, а от ели — шишка».

См. также: Девичья честь.

М. Громыко

БРАТ, слово, собственно означающее ближайшее кровное родство, т. е. детей мужского пола от одних и тех же родителей, как, напр., в следующих цитатах: Быт. IV, 2; XLII, 13; но иногда оно обозначает лиц более отдаленного родства, или лиц, происходящих из одного и того же народа (Быт. XIII, 8; Есф. X, 3; Деян. VII, 25), и даже тех лиц, которые соединены между собой тесной любовью (II Цар. I, 26). В Новом Завете это слово чаще прилагается к обозначению тесного духовного общения, которое истинные последователи Христовы имеют с Господом и друг с другом (Мф. XXV, 40).

БРАТИНА, сосуды, в которых на пиршествах подавались напитки; пили из них или непосредственно через край, держа двумя руками, или особыми небольшими черпальцами. Делались они как из дерева, так и из металлов — меди, олова, серебра и даже золота.

В царском и дворянском обиходе братины использовались до н. XVIII в., а в крестьянском и купеческом — до сер. XIX в.

Братина. 1-я пол. XIX в.

Первое упоминание о братине у русских относится к XVI в. Дошедшие до нас из глубины веков братины представляют собой дорогую посуду из серебра, золота, кокосового ореха, камня в драгоценных оправках. Они хранились в царских дворцах и в боярских хоромах. Средневековые

Стопа и братина. Кон. XVIII — сер. XIX в. Медь, олово, выколотка, лужение, гравировка

братины, принадлежавшие знатым людям, как и крестьянские братины XIX в., изготавливали с гладкими или ложчатыми стенками. Однако они были богаче орнаментированы контурной резьбой, оброном, чеканкой и цветными эмалями, драгоценными камнями. Орнамент старинных братин был преимущественно растительный: листья, цветы и травы. Но на них могли изображаться также единороги, львы-барсы, сирины — любимые образы русского Средневековья. На металлические братины часто наносили так называемые пупыши — небольшие выпуклости круглой, сердцевидной, продолговатой формы.

На старинных металлических братинах любили делать различные надписи. Они шли по венчику сосуда, были внутри на его дне, на специальных клеймах, располагавшихся на тулове. Надписи выполняли вязью, т. е. декоративным письмом, в котором все буквы связаны в непрерывный равномерный орнамент, нанесенный резьбой, оброном, чернью. Тексты были самого разного характера. Они увековечивали имя владельца братины («Божиею милостию царь и великий князь Иван, Государь всея России» или «Братина боярина Даниила Адашева, пити из нее на здравие») или могли запечатлеть имя человека, преподнесившего братину в дар («Иоанна Щедрина дар»). Чаше всего на братинах встречались тексты-назидания, тексты-советы. Так, напр., внутри серебряной с позолотой братины, которую царю Михаилу Федоровичу подарил думский дьяк Третьяков в 1618, было написано: «Человече! Что на мя зрише? Не проглотить ли мя хочеши? Азь есмь бражник; воззри, человеце, на дно братины сея, открывеши тайну свою». На одной из братин 1-й пол. XVII в., как сказано в описи имущества, «круглой, ложчатой, серебряной с цветной чеканкою», имелась такая надпись: «Братина добра человека, пити из нея на здравие, хваля Бога, воспоминаючи Его святые заповеди чрез апостола Павла: братие, не упивайтесь вином, в нем же есть блуд». На деревянной братине XVIII в. по венчику шел следующий текст: «Господа, гостите, вечера не дождайтесь, пьяные не напивайтесь».

Братина как в Средневековой Руси, так и в России XIX в. была предметом праздничного обихода. В русской деревне она использовалась в основном во время престольных и заветных праздников, а также на общинных праздниках, т. н. канунах, братчинах, которые справлялись мужчинами отдельно от женщин. Братину обычно наполняли вином или медом и передавали по кругу от одного пирующего к дру-

гому. В конце застолья, когда в *горнице* оставались только мужчины, а *пир* принимал характер ничем не сдерживаемой гульбы, начиналось провозглашение здравицы-многолетия каждому присутствующему мужчине: за его здоровье, здоровье его жены, детей, за его и их долголетие. Хозяин дома наливал в братину вина, становился посередине пиршественного помещения и, подняв ее вверх, произносил витиеватую торжественную речь (импровизированного характера) за здоровье каждого из пирующих мужчин, начиная с самого почетного гостя. Все кричали «многие лета, многие лета» и поочередно передавали братину по кругу. В некоторых домах братину подносили каждому из гостей, заставляя выпить ее целиком «на многие лета» пирующих родственников. В ряде деревень Русского Севера исполнялись и различного рода рифмованные здравицы:

*За здоровье того,
Кто любит кого,
На погибель тому,
Кто завидует кому.*

Обычай пить «здравную чашу», передаваемую по кругу, известен с XI в. и имел в древности название «чин чаши». В старинных документах встречаются описания этого ритуала, проводившегося в большие праздники, в дни крестин, именин, бракосочетаний в каждой великокняжеской, боярской семье, а также братией в монастырях. Можно предположить, что этот обычай существовал также у посадских людей и крестьян. «Чин чаши» совершался обычно хозяином дома или его почетным гостем, в монастырях — игуменом, на царском пиру — Патриархом или митрополитом. Это происходило таким образом: хозяин преподносил наполненную вином братину почетному гостю, все вставали, а почетный гость произносил здравицу, отпивал из братины вина и передавал ее дальше по кругу. Один из гостей обходил стол с кружкой, подливая в братину вино. Сначала чашу пили во славу Иисуса Христа, потом Богородицы, царя, Патриарха, а затем присутствовавших на пиру знатных людей.

Тексты здравиц-многолетий, произносимые при этом, имели строго определенный характер, особенно в адрес святых, царя, Патриарха. Они были записаны в требники — православные богослужебные книги, содержащие молитвы для всех треб, исполняемых по желанию верующих. В некоторых домах тексты «здравных чаш» были записаны на специальных свитках с заглавными буквами, выполненными красной или золотой краской. Напр., свитки с многолетиями царю были озаглавлены так: «Чин и устав на трапезе за приливом о здравии благочестивому и христолюбивому Царю и Великому князю (далее шло имя царя), всея Великие и Малые и Белые России самодержцу».

Кроме больших братин существовали еще и маленькие — братинки. Они использовались как чарки для питья вина, пива и медовухи.

Ист.: Шангина И. И. Русский традиционный быт. СПб., 2003.

БРАТЧИНА (канун, свеча), совместная трапеза полных членов одnodеревенской общины, устроенная в складчину после молебна. В основе братчин лежал благочестивый обычай — поминание святого, к помощи которого обратилась некогда община для спасения от бедствия.

В Жиздринском у. Калужской губ., напр., братчина организовывалась так. Накануне престольного празд-

ника (см.: Храмовые праздники) переносили от одного хозяина к другому так называемую братскую свечу, принадлежавшую общине. Свеча эта здесь была огромной, в четыре пуда и более весом. В течение многих лет к ней ежегодно добавлялось некоторое количество *воска*. До заката солнца несколько пожилых крестьян собирались в избе, в которой хранилась братская свеча в течение года. Хозяин нес свечу при помощи этих лиц или в сопровождении их, если мог унести ее сам, в церковь и водружал перед иконой, соответствующей предстоящему престольному празднику. На следующий день после литургии свечу брал крестьянин, в дом которого она должна была перейти по принятой очередности, и нес ее один или с помощниками впереди причта, шедшего с иконой по домам. В доме этого крестьянина икону ставили в святой угол, а перед нею — братскую свечу, на которую новый хранитель ее тут же лепил изрядный кусок воска. То же делали и приглашенные крестьяне.

После молебна все поздравляли хозяина с праздником и дарили ему ветчину, рыбу, солод, ржаную муку, мед, а хозяин угощал всех. Священник с причтом шел в следующий двор с иконой, но уже без свечи.

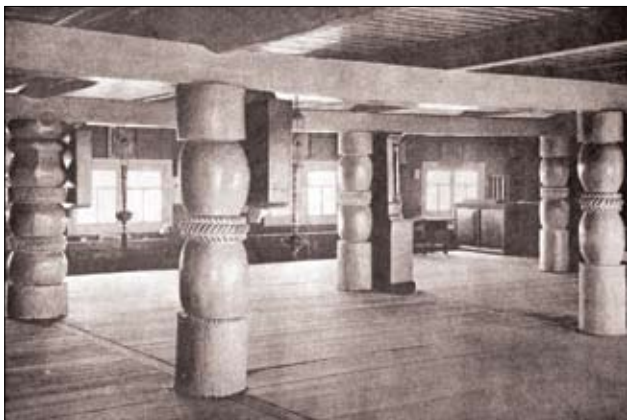
Братскую свечу хранили в холодной *горнице* или в *амбаре*. Здесь было принято одну и ту же свечу сохранять в общине столько лет, сколько было в селении дворов, потому она, наращаясь ежегодно, и достигала гигантских размеров. После того как свеча обошла все дворы, ее передавали в церковь — часть продавали на украшение соответствующей иконы, часть переливали на обычные свечи — и заводили новую.

Давность свечи увеличивала ее значение в глазах крестьян. История ее существования обрастала местными легендами. В дома, явно запятнавшие себя серьезным проступком, братскую свечу не передавали. Иные крестьяне сами отказывались принять на годовое хранение свечу. Общественное мнение их осуждало.

Несколько иной вариант братчины описан в 1847 по непосредственным наблюдениям в Мосальском и др. частях Жиздринского у. Здесь большая общая свеча тоже хранилась поочередно в течение года в доме каждого члена общины. Такой год считался для данного дома счастливым. Общий обед устраивался в доме того крестьянина, чей срок хранения братской свечи заканчивался. Накануне праздника каждый хозяин приносил в этот дом ржаной солод, хмель и др. продукты. Здесь варили пиво и приготавливали угощение «из общего приноса». В день праздника икону несли в этот дом. У входа встречал хозяин с хлебом и солью, а хозяйка покрывала икону чистым белым полотенцем. «Общественную» свечу зажигали перед иконой, поставленной на рассыпанном на лавке зерне. Обычный набор зерна — рожь, ячмень и овес. После молебна и икону, и свечу переносили в дом, где предстояло очередное годовое хранение, и там священник снова служил. Затем в первом доме все угощались общественным пивом и обедом.

В с. Ярилове (Озерищенская вол. Дорогобужского у. Смоленской губ.) перед праздником, в который «справлялась свеча», члены сходки совещались о том, кто будет участвовать в празднике и сколько нужно ссыпать хлеба. Хозяину, в доме которого должна праздноваться свеча, все участвующие ссыпали хлеб на покупку воска и на угощение. Вечером накануне праздника из дома, в котором хранилась свеча со времени предшествующей братчины, посылали кого-либо созывать участни-

Севернорусские церкви XVII–XVIII вв. с обширными трапезными, предназначенными для проведения братчины

которые чтимы жителями деревни Батуровки Суражского уезда».

Накануне праздничного дня созывали сходку, посвященную денежной и организационной стороне предстоящего исполнения обычая. «Общество» устанавливало на сходе цену на хлеб, который предстояло собрать для пиршества. Размер сбора не назначали. Цена устанавливалась при помощи «торгов» между желающими купить хлеб. Здесь же «сходились ценою» на водку с местным шинкарем и «назначали двух бедных крестьян для того, чтобы те крестьяне просили у жителей на Божью свечу». Специально выделенный человек, которого называли бращик, занимался припасами. Два крестьянина, назначенные для созыва домохозяев, надевали на себя по большому мешку через плечо и обходили все дома селения. Войдя в дом, сборщик говорил: «Звал бращик и староста на Божью свечу». Хозяин, получивший приглашение, вручал посланцу ковригу хлеба, а сам с зерном, количество которого определялось каждым произвольно, по желанию, отправлялся «на свечу» — в дом, где делал сбор бращик. Отдав зерно бращику и «отбив несколько поклонов перед угодниками Божиими», он садился на лавку, а бращик угощал его. «Целую ночь просиживают тут хозяева и чего-чего тут не перетолкуют», — писал информатор.

Свеча и общинные иконы хранились здесь, как и в др. районах, поочередно в каждом доме в течение года. В день праздника утром снова собирались домохозяева, приезжал священник, служил молебен, затем свечу переносили в очередной дом. После этого начиналось угощение. Крестьянин отмечает, что водка на празднике свечи появилась только после «введения акциза», а «в прошедшие времена» варили мед.

ков. Когда все собирались, хозяин разогревал воск и с помощью других лепил его на слепок прежних лет. К большому слепку прилепляли обычную свечку, зажигали, ставили перед иконами и молились. Молитвы читал кто-либо из грамотных крестьян. Каноны, акафисты, припевы пели все присутствующие. Затем начиналось угощение. Засиживались за полночь.

Представляет интерес описание свечи, составленное крестьянином Суражского у. Черниговской губ. (д. Батуровка) С. А. Дударевым и представленное в 1871 в Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии. «В числе общественных увеселений в нашей местности, — писал крестьянин, — замечательны также свечи (свеча значит то, что в селении, где нет церкви, существует в году один день, избранный для празднования, и память того дня чтится народом), например, в день Флора и Лавра — угодников,

В описаниях общинных трапез в северных губерниях и в Сибири их называют по большей части канунами. В селениях Пинежского у. праздновали кануны, посвященные *Николаю Чудотворцу*, вмч. *Георгию Победоносцу*, Илье Пророку, Иоанну Предтече, *Флору и Лавру* и др. святым. Соответственно кануны праздновались в селениях уезда в разные дни. Современники отмечали, что «празднование канунов в деревнях установлено с давних времен по обетам, данным предками в бедственные у них времена и в память чрезвычайных случаев или происшествий: мора людей, падежа скота, необыкновенного нашествия медведей, волков или других хищных зверей, ужасных пожаров, гибельных ураганов, совершенного побития хлебов».

Праздники, установленные по *обету* в связи со спасением селения от какого-либо бедствия, назывались обетными, или заветными, или часовенными. Последнее название употреблялось, если деревня построила по своей инициативе и на свои средства часовню.

Канун в Пинежском у. устраивали «целую общинную деревню в чьем-либо доме» поочередно, либо с «доброе согласия крестьянина, который может иметь средства». В этот дом все участники приносили свою долю. Из приходских церквей в празднующие канун деревни приносили хоругви и иконы; дома, поля, «пожни» и скот окропляли. В пирушестве участвовали здесь «только старые и пожилые мужчины и женщины».

В Яренском у. Вологодской губ. канун община организовывала обычно в летнее время. На устройство его с каждого двора собирали муку и деньги. Специально для этого выделенные лица варили общее пиво и готовили общий обед. В назначенный воскресный день приглашался причт с Крестным ходом и молебном на полях и лугах общины. После молебна причт приглашали в избу, где был приготовлен «канун» — пиво, чай, обед. К совместной общинной трапезе было принято приглашать бедняков, не участвовавших в сборе средств, и нищих.

Традиционный общественный пир по типу братчины мог охватывать несколько селений. Такое явление детально описано в 1860-х в Вятском и Орловском у. Вятской губ. Здесь некоторые весенние и летние праздники отмечались в складчину объединениями деревень. «В прежние времена, — писал наблюдатель, — в ссыпках принимали участие до 40 соседних селений, ныне же число участвующих селений вряд ли где превышает 25. Большею же частью участвуют в ссыпках только 5 или 10 селений, население которых в розницу не превышает 5—10 дворов». Такие объединения характерны для маленьких деревень. Обычно одна хозяйка брала на себя хлопоты по собиранию солода и хмеля со всех хозяев, участвующих в ссыпках деревень и по приготовлению пива.

В Никулинском приходе Вятского у. ежегодно, в день Бориса и Глеба, готовилась общественная яичница из яиц, собранных накануне во всех деревнях прихода. Несколько иной характер носило объединение соседних деревень для поочередного общественного угощения. Напр., из трех селений каждое поочередно угощало за общественным столом два других селения на Петров, Ильин и Спасов дни.

См. также описание обряда *громница* — освящения и чествования так называемой громничной свечи, проводимого на праздник *Сретения*.

М. Громыко
БРАЧНАЯ НОЧЬ, один из основных свадебных обрядов, физическое и правовое скрепление брака.

Брачная ночь обычно следовала за *венчанием* и свадебным пиром (см.: *Княжий стол*) и проходила в доме родителей жениха. В южнорусских губерниях, там, где после венчания новобрачные возвращались в родительские дома, ее устраивали в доме родителей невесты до главного свадебного пира.

Брачная постель (по И. Шангиной)

Местом проведения брачной ночи всегда служило холодное помещение: *подклеть*, *клеть*, *горница*, *чулан*, *сенник*, *баня*, *амбар*, иногда хлев или овчарня. При этом использовались постельные принадлежности из приданого невесты. Высокое брачное ложе соорудили на деревянном настиле. На доски укладывали мешки с мукой, ржаные снопы, несколько матрасов, набитых сеном, иногда перину, множество подушек. Все это покрывали белой простыней с вышитым *подзором*, спускавшимся до самого пола, красивым одеялом. Постель для новобрачных застилали постельницы — свашки со стороны жениха и невесты, а также мать или сестра жениха. После того как устройство брачного ложа было закончено, постельницы укладывали под него *кочергу*, сковородник, несколько поленьев и обходили постель с веткой *рябины* или можжевельника, которую потом втыкали в стену.

Считалось, что *кочерга*, сковородник, можжевельник, *рябина* могут обеспечить новобрачным защиту от злых сил, мешки с мукой и ржаные снопы — благополучие в совместной жизни. Поленья же символизировали будущих детей: чем больше положить поленьев под ложе новобрачных, тем больше будет у них детей.

На брачную постель молодых провожали *дружка*, свашки, иногда все свадебники, т. е. все приглашенные на свадебный пир. Проводы новобрачных сопровождалось хохотом, шумом, прибаутками, эротическими наставлениями, песнями.

Свадебники, провожавшие новобрачных на постель, хором пели:

*Ах, на горе, горе, на высокой на горе,
Роспахана пашенка, роспахана пашенка,
Роспахана пашенка, посеяна пшеночка.
Во ту ли во пшеночку повадилась курочка,
Повадилась курочка, курка — черный хохолок.
Негде взялся петушок, серебряной гребешок,
Серебряный гребешок да золотое перышко.
Схватил курку за хохол, повел курку во терем,
Бросил курку на кровать, учал курочку топтать,
Учал курочку топтать, под ним курка хохотать:
Ха-ха, ха-ха, петушок, серебряной гребешок,
Серебряной гребешок, золотое перышко.*

Кроме того, вслед новобрачным раздавались срамные частушки:

*Молодые спать пошли,
Богу помолились,
Чтобы пуще в одеяле
Ноги шевелились.*

Первым в брачную комнату обычно входил дружка и несколько раз ударял по постели кнутом, отпугивая *нечистую силу*. В ряде мест России существовал обычай, по которому дружка должен был заплатить постельщикам выкуп. Дверь спальни комнаты закрывали на замок и ставили снаружи клетника — охранника, в его задачу входило охранять новобрачных от нечистой силы, которая могла их испортить, и отгонять подзагулявших свадебников.

Оставшись одни, новобрачные должны были выполнить ряд утвержденных традицией обрядовых действий, обеспечивавших, по поверью, согласную супружескую жизнь, богатство, здоровое потомство. Так, напр., перед тем как лечь в постель, новобрачным полагалось съесть курицу и хлеб. Причем хлеб рассматривался как символ будущего богатства молодых, а курица — как знак их будущей плодовитости. Согласная супружеская жизнь, с точки зрения крестьян, достигалась покорностью жены мужу. Новобрачной приходилось продемонстрировать смирение, сняв сапоги с мужа. Этот старинный обычай упоминался еще в первой русской летописи — в «Повести временных лет». Желание быть хозяином в семье новобрачный демонстрировал, заставляя невесту просить у него разрешения лечь с ним в постель.

Во время брачной ночи к молодым несколько раз заходил дружка, справляясь о том, состоялся ли половой акт. По обычаю, распространенному почти во всех местностях России, дефлорация девушки в первую брачную ночь была обязательной. Если все заканчивалось благополучно, дружка оповещал об этом пирующих гостей, а молодых или выводил к гостям, или же оставлял в спальне до утра. Обрадованные гости запевали частушки эротического содержания, в которых рассказывалось о событии, происшедшем между женихом и невестой:

*Как на горке, на притычке
Зайчик просит у лисички.
А лисичка не дает,
Зайчик лапкой достает.*

Утром новобрачных будили и проверяли добрачное целомудрие девушки. Будили обычно те, кто отводил молодых в спальню (дружка, свашки, иногда родители, свадебники), стуком в дверь, криками, звоном колокольчиков, битьем горшков о дверь или порог комнаты, сдергиванием одеяла, обливанием водой. Оповещение родни, гостей и всей деревни о том, что невеста до свадьбы сохранила или, наоборот, утратила «честно-похвально девичество», происходило через обрядово-игровые действия. Так, напр., в селах Пермской губ., в случае если новобрачная оказалась «честной», дом молодоженов украшали полотенцами и скатертями с красными вышивками. Такие же полотенца дружка привязывал к дугам лошадей, отправляясь к родителям новобрачной. Во Владимирской губ. о целомудренном поведении девушки до свадьбы свидетельствовала брачная простыня, вывешенная в переднем углу избы. В некоторых деревнях свадебники во главе со свашкой и дружкой с гиканьем, криками, звоном и шумом ездили по деревне, размахивая, как флагом, рубашкой

новобрачной. В станицах донских казаков всем гостям второго дня свадьбы прикалывалась гроздь калины. Нередко при благополучном исходе брачной ночи начинали бить горшки, приговаривая: «Сколько кусочков, столько сыночков, сколько в лесу кочек, столько дочек».

В случае «нечестности» молодой женщины, утратившей девственность до брака, ее родителям надевали на шею хомут, отцу новобрачной подавали пиво в дырявом стакане. Такому же унижению подвергалась и сваха: «Свахе первая чарка и первая палка».

Требование целомудрия от невесты, а в некоторых деревнях и от жениха, диктовалось представлениями крестьян о том, что превращение девушки в женщину, а юноши в мужчину могло произойти только в ходе выполнения обрядов, соблюдаемых в определенном порядке. Нарушение их последовательности рассматривалось как нарушение хода жизни, посягательство на ее основы. Существовало представление, что девушка, потерявшая девственность до брака, будет бесплодной, рано останется вдовой или оставит вдовцом мужа, что семье грозят голод и нищета.

Брачная ночь считалась очень важным обрядом свадебного ритуала. Она заканчивала серию обрядовых действий, связанных с переходом девушки и парня из одной половозрастной категории в другую. Этот переход на символическом уровне осмыслился как *смерть* и воскресение. Девушка и парень после брачной ночи, по древним представлениям, возрождались в новом качестве, что выражалось в перемене прически, головного убора, одежды, поведения. Брачная ночь превращала парня, вьюношу, молодца в молодого, а девушку, девку, девицу, деву — в молодницу, молодушку, молодку.

Ист.: Шангина И. И. Русский народ. Будни и праздники. СПб., 2003.

БУБЕНЦЫ, металлические колокольчики, звучащие при движении. Бубенцы прикрепляли обычно к ожерельку лошадиной *сбруи* — кожаному ошейнику, надевавшемуся как на коренника, так и на пристяжных лошадей. В некоторых деревнях любили привешивать бубенцы на ремни *уздечки*, на *хомут* или *дугу*. Дугу зачастую украшали множеством мелких бубенчиков, прикрепляя их один за другим по всей ее полукруглости. Мелкие бубенчики окаймляли также седёлку или укреплялись внутри кистей, спускавшихся со шлеи.

Бубенцы использовали во время торжественного выезда жениха за невестой перед венчанием, при катаниях на Масленице, при поездке в гости в престольный или заветный праздники. Молодожены, а также люди молодые, богатые, слывшие в деревне щеголями, особенно любили украшать бубенцами сбрую. Прокатиться в праздник на хорошей одноконной или пароконной запряжке с бубенцами означало показать свою удаль, молодечество:

*Веселей, мои бубенчики,
Заливные голоса!
Ой ты, удаль молодецкая,
Ой ты, девичья краса!*

Правда, и люди более старшего возраста, отцы больших семейств считали почетным делом проехать с бубенцами в праздничный день по селу.

Бубенцы использовали и на почтовых *тройках*. Здесь они исполняли не столько сигнальную роль, как это было, например, с *поддужными колокольчиками*, сколько развлекательную. Мелодичный звон хорошо подобранных по звучанию бубенцов был приятен для

ямщика и ездоков, создавал радостное настроение в преддверии встречи с давними друзьями, родственниками. В старинном русском романсе «Свидание через пятнадцать лет» на слова Г. Малышева говорится:

*Звени, звени, звонок, громче,
Лихая тройка, вихрем мчись.
Ямщик, пой песни веселее!
Вот отчий дом!.. остановись!*

Бубенцы использовали также при выпасе скота. Их надевали на ремешке или веревке на шею овцы, коровы, лошади, которые паслись на покотине без пастуха. Хозяйка по звуку бубенчика всегда могла определить, где в данный момент находится ее скотина.

Мелкие бубенчики прикрепляли иногда и к женской одежде, особенно часто к *сарафану* (вместо пуговиц), к *понёве* или *поясу*. Считалось, что их звук защищал человека, отгоняя от него нечистую силу.

Звон бубенцов слышала еще Древняя Русь. Однако определить, для какой цели их использовали в то время, довольно сложно. Можно предполагать, что они надевались, как *ботало*, на шею животного, но скорее всего использовались жрецами в ритуальных целях, для отпугивания злых духов или для развлечения людей в праздничные дни. Их прикрепляли на музыкальные инструменты, головные уборы скоморохи, потешавшие народ своими представлениями. Украшать праздничную сбрую бубенцами стали, как принято считать, только с н. XIX в.

Ист.: Шангина И. И. Русский традиционный быт. СПб., 2003.

БУБЛИКИ, хлебные изделия из заварного теста, в виде большого толстого кольца, обваренные в кипятке, посыпанные маком и подсушенные в печи. Бублики были распространенным народным лакомством наряду с *баранками* и *сушками*, употреблялись с чаем.

БУДИЛОВИЧ **Антон Семенович** (24.05 [05.06].1846–19.12 1908 [1.01].1909.), филолог-славист, публицист. Окончил Литовскую духовную семинарию. В 1863 поступил на историко-филологический факультет С.-Петербургского Императорского университета. После окончания в 1867 Будиловича оставляют при университете для подготовки к профессорскому званию по славянской филологии, под руководством проф. *И. И. Срезневского* и проф. *В. И. Ламанского*. С 1869 – приват-доцент славянских наречий в С.-Петербургской духовной академии. С 1871 – преподаватель славянских наречий в С.-Петербургском историко-филологическом институте. Защитил магистерскую диссертацию «Исследование языка древнеславянского перевода XIII слов Григория Богослова, по рукописи Императорской публичной библиотеки XI в.» в 1871. В 1872–75 – в научной командировке по славянским странам и областям. В 1875–81 – ординарный профессор Историко-филологического института кн. Безбородко по русско-славянской филологии. С 1881 – профессор кафедры русского и церковнославянского языков Варшавского Императорского университета. Член-корреспондент С.-Петербургской Академии наук. В 1892–1901 – ректор и профессор кафедры сравнительной грамматики славянских наречий Юрьевского Императорского университета. В 1899 – получил звание заслуженного профессора. С 1901 – член Совета Министерства народного просвещения. Член Сербской Королевской академии. Член Русского Собрания. Был членом Монархической партии правового порядка, членом окраинного общества,

ставившего своей целью борьбу с сепаратизмом в Империи.

В 1907–08 – редактор газеты «Московские ведомости».

После участия в славянском съезде в Москве (1867) и затем во время первых своих зарубежных командировок, с к. 60-х Будилович настолько увлекся славянской политикой, что чисто научные работы, начатые диссертацией, отошли на второй план. В дальнейшем Будилович является по преимуществу политическим деятелем, публицистом и популяризатором, принимает живое участие в делах Петербургского Славянского благотворительного общества, развивает теорию Ламанского о культурном единстве всего греко-славянского мира, проводит идею гегемонии России и кирилло-мефодиевской миссии зарубежных славян. Таковы его: «О литературном единстве народов славянского племени» (СПб., 1877); «Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы» (Варшава, 1892); «Вопрос об общеславянских языках в западническом освещении» («Славянское обозрение», 1892, V–VI, 45–64) и др. Незавершенный труд Будиловича «Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным» (ч. 1–2, 1878–82) по богатству фактического материала до сих пор не утратил своего значения. Одновременно Будилович работает над русификацией русских окраин, незадолго перед смертью основывает специальный орган «Окраины России». Публицистический элемент проникает и в преподавательскую деятельность Будиловича (в Петербургской духовной академии, в историко-филологических институтах в Петербурге и Нежине, в Варшавском и Юрьевском университетах), в многочисленные статьи по этнографии, статистике, истории, истории литературы и культуры славян и в учено-журнальные труды.

Во всех своих научных и публицистических работах Будилович отстаивал идеи славянофильства. Широкую известность получили его работы «Славянские матицы и ученые дружества» (1869), «Не был ли православным человеком Иероним Пражский» (1870), «Мечта ли панславизм» (1872), «Несколько мыслей о греко-славянском характере деятельности Кирилла и Мефодия» (1885), «К вопросу о племенных отношениях в Угорской Руси» (1903), «По вопросу об упрощении русского правописания» (1904).

Самое значительное произведение Будиловича «Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы». Само появление этой книги было симптоматично. Она была представлена на конкурс, объявленный Петербургским славянским благотворительным комитетом в 1885 по поводу 1000-летней годовщины смерти св. Мефодия, – конкурс на исследование истории образования языков в древней и новой Европе в связи с вопросом о возможности создания общеславянского литературного языка. Сочинение Будиловича было увенчано первой премией. В 1 т. подробно излагается история образования литературных языков античности (греческого, латинского) и средневековой и новой Европы (итальянского, испанского, французского, английского, немецкого), во 2 т. – история развития славянских языков с точки зрения литературного единства славянского мира. С этой точки зрения автор очень детально проследивает историю образования и распространения старославянского (церковнославянского) письменного языка,

затем историю попыток распространить сербский, чешский, польский языки в качестве международных, далее — «выступление русского языка в роли общего на славянском востоке» и, наконец, излагает историю «теоретической разработки вопроса об общеславянском языке». Основная мысль автора, органически вытекающая из всего исследования, состоит в том, что, как в древности греческий и латинский литературные языки объединили вокруг себя или вытеснили местные диалекты, как это случилось в новой Европе с итальянским, испанским, французским, английским, немецким языками, так в будущем русский язык имеет все возможности стать общеславянским литературным языком. Автор решительно отклоняет все проекты создания общеславянского литературного языка через «славянскую взаимность» (Коллар, Ригер) или чрез выработку искусственного межславянского жаргона (Крижанич, Геркель, Матия Маяр-Зилький) и утверждает, что только один из живых славянских языков может стать языком общения славян между собой и что на эту роль может претендовать только русский язык.

Искренность и последовательность деятельности Будиловича уважали даже его политические противники. «Все сочувствующие политическому освобождению и культурному развитию славянских народностей с тяжелым чувством примут известие о кончине Будиловича, — писал С. Котляревский в «Русских ведомостях». — Каковы бы ни были разногласия по другим вопросам внутренней политики с покойным, нельзя забыть всего, что сделано Будиловичем в области ознакомления России со славянским миром и возбуждения у нас к нему симпатий. Нельзя не оценить те качества ума и чувства, которые никогда не могут заслоняться политическими различиями, чтобы оценить искреннюю, горячую веру покойного в славянство».

Соч.: Ломоносов как писатель. СПб., 1871. Совм. с А. П. Норанович; Чехия и Моравия. СПб., 1871; Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным. Исследования в области лингвистической палеонтологии славян. Ч. 1. Вып. 1—2. Киев, 1878; Ч. 2. Вып. 1. Нежин, б. г.; Очерки из церковной истории западных славян. Варшава, 1880; Несколько мыслей о греко-славянском характере деятельности свв. Кирилла и Мефодия. Варшава, 1885; Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы. Т. 1—2. Варшава, 1892; Культурная деятельность народов греко-славянского мира. М., 1896; Несколько замечаний о научной постановке славянской истории, ее объеме, содержании и периодах. Юрьев, 1898; Историческая заметка о русском Юрьеве старого времени в связи с житием св. Исидора и 72 юрьевских мучеников. Юрьев, 1901; К вопросу о племенных отношениях в Угорской Руси. СПб., 1904; Академия наук и реформа русского правописания. СПб., 1904; Об отношении народного к общегражданскому в связи с идеей русского национального единства. СПб., 1904; Наука и политика. СПб., 1905; Вопрос об окраинах России в связи с теорией самоопределения народностей и требованиями государственного единства. СПб., 1906; О единстве русского народа. СПб., 1907; Может ли Россия отдать инородцам свои окраины? СПб., 1907.

Лит.: Карский Е. Ф. Будилович. Варшава, 1909; Пальмов И. С. Памяти почтенного члена С.-Петербургской духовной академии Антона Семеновича Будиловича. СПб., 1908.

БУЗИНА, во многих народных представлениях воплощение и вместилище *черта*. Считалось, что под бузиной и в ее корнях живет черт. В Малороссии верили, что бузину «насадил черт» и теперь постоянно живет под ней, поэтому ее нельзя выкапывать с корнем, чтобы не раздражать его. В западнорусских землях извест-

ны мифологические рассказы о лесных духах, обитающих в зарослях бузины, о превращении упыря в куст бузины.

В Малороссии бузину считали проклятым деревом. Здесь известна легенда о том, что на бузине якобы повесили Иуду (или дьявола), отчего ее листья и ягоды издают трупный запах, ее нельзя использовать в бытовых целях и т. п. Бузина упоминается в проклятиях. Известны мифологические рассказы о том, как человек не мог найти дорогу, блуждая вокруг куста бузины. Аналогичные легенды и поверья часто относятся к *осине*.

В Малороссии широко известны обращенные к бузине заговоры, содержащие мотивы «чуда» и приносимые под бузиной с определенной магической целью: «от напасти», «чтобы суд не засудил», «для приобретения силы и отваги», «для избавления от всякой беды» и др., ср.: «Добрывечір тобі, бузю, ты мій вірний друже! Скажи мені, бузю, як тому було, як син батька вбив, а з матір'ю гріх творив? — Там так було: терлось та м'ялось, та білш того, що й так мыналось». Сюжет заговора как бы воспроизводит некое мифическое протособытие, свидетелем которого была в свое время бузина. Это событие резко нарушало нравственные нормы, но тем не менее имело благоприятный исход («терлось та мялось, ни на ком не сыскалось»).

В народной медицине малороссов при лечении чахотки, лихорадки, зубной боли и др. *болезней* символически «переносили» эти болезни на бузину. Под бузиной закапывали колтун, выливали под нее воду, в которой купали больного ребенка, — в надежде на то, что болезнь заберет дух, живущий под бузиной, обвязывали бузину нитками из одежды больного и т. д.

Т. А., В. У.

БУРАК, *туес*, сосуд из целого куска *бересты*, с деревянным дном и плотно входящей крышкой с ручкой. В буреке хранили молоко, квас и др. жидкости. Смолистые вещества бересты препятствовали закисанию продуктов.

БУСЛАЕВ Федор Иванович (13 [25].04.1818—31.07 [12.08].1897), филолог и искусствовед. Окончил Московский университет в 1838. Профессор Московского университета (с 1847), академик (с 1881). Труды

Ф. И. Буслаев

Буслаева в области славянорусского языкознания, древнерусской литературы, устного народного творчества и истории древнерусского изобразительного искусства для своего времени составили целую эпоху в развитии науки и в значительной мере сохранили свое значение в наши дни. На формирование научных взглядов Буслаева

оказали влияние труды немецких филологов братьев Я. и В. Гримм и их школы.

В исследованиях по *русскому языку* Буслаев выступил сторонником сравнительно-исторического метода. Он сопоставлял факты современного русского языка с др. родственными индоевропейскими языками, со старославянским языком, привлекал данные древнерусских памятников письменности и народных говоров. Буслаев стремился установить связь истории

языка с жизнью народа, с его нравами, обычаями, преданиями и верованиями («О преподавании отечественного языка». Ч. 1–2. 1844; «О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову Евангелию», 1848; «Историческая грамматика русского языка». Ч. 1–2. 1863 и др.; 1-е издание этого труда вышло под названием «Опыт исторической грамматики русского языка». Ч. 1–2. 1858). Он занимался также филологическим исследованием и изданием древних рукописей («Палеографические и филологические материалы для истории письмен славянских, собранные из 15 рукописей Московской синодальной библиотеки», 1855; «Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков», 1861 и др.).

Капитальный труд Буслаева «Исторические очерки русской народной словесности и искусства» (т. 1–2, 1861) характеризует его как наиболее яркого и последовательного представителя мифологической школы в русской науке. Буслаев связывает воедино язык, поэзию и мифологию, он рассматривает фольклор как безличное творчество народа, как «осколки древних мифов». Позже Буслаев примкнул к т. н. школе заимствования. Буслаев считал, что родиной европейского фольклора является Восток. Ему принадлежат заслуги в области сопоставления фактов устной поэзии с письменной, словесного искусства с изобразительным искусством, в частности с иконописью. Книга «Русский лицевой апокалипсис. Свод изображений из лицевых апокалипсисов по русским рукописям с XVI в. по XIX» (т. 1–2, 1884) доставила Буслаеву мировую известность.

Соч.: Соч. Т. 1–3. СПб.; Л., 1908–30; Историческая грамматика русского языка. М., 1959.

О. К., Э. П.

БУЧАЛО, пучина, водоворот, омут; глубокая яма, заливаемая в половодье; глубокая котловина, образуемая в реках под мельничным колесом; глубокое болотное окно.

БУЯН, остров, упоминаемый в русских сказках и заговорах. Находится далеко за морем, наделяется фантастическими чертами потустороннего мира. В заговорах Буйан — место пребывания мифологических персонажей (христианских святых и др.), помощь которых придает заклинанию силу, или чудесный предмет, обеспечивающий получение желаемого, обычно — священный камень *алатырь*.

БЫК, в народной традиции особо почитаемое животное, воплощение силы; жертвенное животное.

Бык как жертвенное животное известен на Русском Севере, в Нижегородской, Пензенской и Орловской губ. Собирая в праздник (*Ильин день* или др.) мужскую скотоводческую *братчину* (*пир*), закалывали быка, который выкармливался всей *общиной*, съедали его или раздавали его мясо и сохраняли кости, которые, как считали крестьяне, приносили удачу. Олонечские охотники и рыболовы верили, что кость «ильинского» (т. е. зарезанного для сакральной трапезы в Ильин день) быка утраивает добычу. Те же олонечские мужики стремились на пиру захватить кусок бычьего мяса с костью, «чтобы захватить счастье», ибо «с тем, кто имеет ильинскую кость, всегда пророк Илья»; жертвенный бык «красного цвета» обеспечивает (через прор. *Илью*) ясную погоду во время жатвы и сенокоса. На Орловщине кости «оброшного» («обещанного») быка после братчины закапывали в хлев, «чтобы не переводился скот в доме».

В селах вокруг Кирилло-Белозерского монастыря тоже приносили в жертву «обещанного» быка: на храмовый праздник (*Рождество Пресвятой Богородицы* — 8 сент.) у паперти закалывали быка, варили его мясо и давали это мясо нищим, а остальной «обещанный» скот продавали мясникам, вырученные деньги шли в пользу церкви. В тот же день, по преданию, приходили прежде к церкви олени и прилетали утки, а из Вещозера выходили особой породы быки. В Костромском крае при болезнях и падеже скота устраивали «Микольщину» («величали Великому Миколу»). Для этого «обещали» новорожденного бычка растить до 3 лет, чтобы затем заколоть его до праздника *Зимнего Николы* и справить обед на всю деревню. На Нижегородчине обеденный пир — «Никольщина» — с поеданием трехлетнего быка приходится на *мясоед*, глухую осень или раннюю весну.

Бык — излюбленный персонаж святочного и масленичного ряжения. В Костромском крае была известна святочная игра в быка. Парень, держа *горшок* на *ухвате* (рога), приходил в избу, мычал около девок и махал головой, как бык. Его «продавали» и, когда сговаривались о цене, кто-то из толпы «убивал быка» — бил по горшку, разбивая его, и парень, изображавший быка, убегал вон из избы, а другие парни били заранее приготовленными соломенными жгутами девок, спрашивая: «С кем быка ела?»

В толкованиях снов: черный бык — неминуемая опасность, белый бык — болезнь, изнеможение (великорус.). Древнейшее известие о жертвенном быке принадлежит Прокопию Кесарийскому (VI в.). Он сообщил, что славяне веровали в верховного Бога-громовержца, в жертву ему приносили быка и иных священных животных.

Бык в русских загадках — это месяц, солнце, день и ночь, небо и земля (великорус. «Два быка бодутся — вместе не сойдутся»), потолок и пол, *огонь* и горшок (белорус. «Рыжи бык ды чорнага ліже») и др.

Н. Толстой

БЫЛИНЫ, эпические песни, сложенные в Древней Руси XI–XVI вв. о богатырях и добрых молодцах, в которых описываются их подвиги и приключения.

Сам термин «былины» не народного, а литературного происхождения. В народе эти повествования носили названия «старин» или «старинушек», свидетельствуя о своей древности и притязании на достоверность. Термин «былины» впервые использовал И. П. Сахаров в своих «Сказаниях русского народа о семейной жизни своих предков», назвав так отдел, в котором он поместил перепечатку эпических песен из более ранних сборников.

Первые былины были сложены, вероятно, еще до Крещения Руси и носили черты очень древнего языческого эпоса, хотя в последующем в достаточной мере «христианизировались». Они отличаются от более поздних былин слабым развитием исторического, достоверного содержания и хронологической неопределенностью времени действия. Из героев былин к дохристианскому циклу принадлежат *Святогор*, *Микула Селянинович*, Вольга. Многие их мотивы относятся к так называемым «бродячим сюжетам», корнящимся в общности религиозно-культовых элементов дохристианской Европы. Порой языческое влияние чувствуется и в былинах более позднего происхождения, а точнее говоря, там, где в дохристианские сюжеты народная

И. Билибин. Илья Муромец и Соловей-Разбойник

фантазия внесла действия своих любимых героев позднего времени.

Крещение Руси и эпоха св. равноап. кн. Владимира стали ядром обширного былинного цикла, в основании которого лежат достоверные исторические события и личности. Главными действующими лицами киевских былин являются богатыри-воины, защищающие Святую Русь от посягательств иноверцев. Центральной фигурой этого цикла, да и всего русского эпоса, стал *Илья Муромец*. Его мощи вплоть до революции почитались нетленно в ближней Антониевой пещере Киево-Печерской лавры. Первые исторические свидетельства о почитании преподобного Илии Муромца относятся к к. XVI в. Известно, что сперва его мощи находились в гробнице при Софийском соборе, а потом были перенесены в лаврские пещеры. Перенесение, вероятно, произошло в том же XVI в., поэтому житие древнего подвижника не попало в знаменитый Киево-Печерский патерик, составление которого относится к XIII в. В 1594 австрийский посол Эрих Ласкота, проезжая через Киев,

видел остатки разрушенной гробницы богатыря и его мощи в пещерах. Когда в 1661 в Киеве готовилось первое печатное издание патерика (оно было иллюстрированным), печерским черноризцем Илией была вырезана иконная гравюра — образ его небесного покровителя, прп. Илии Муромца. У другого печерского монаха — Афанасия Кальнофойского, соратника киевского митр. Петра Могилы, в книге «Тератургим» — ее он написал в 1638, указано, что прп. Илья Муромец жил за 450 лет до того. Сохранились свидетельства путешественников, еще в XVI в. видевших эти нетленные мощи. Настоятель собора Василия Блаженного о. Иоанн Лукьянов, посетив Киев проездом на пути в Иерусалим в 1701, так описывает мощи преподобного: «Видехом храброго воина Илию Муромца в нетлении под покровом златым, ростом яко нынешних крупных людей; рука у него левая пробита копием; язва вся знать на руке; а правая его рука изображена крестное знамение».

Сознание религиозного содержания его бранных подвигов — особого пути православного служения — пронизывает все былины. В одной из них, в частности, говорится: «Прилетала невидима сила ангельска и взидала-то его со добра коня, и заносила во пещеры во Киевски, и тут старый преставился, и поныне его мощи нетленные». В другой былинке перенесение прп. Илии в Киево-Печерский монастырь происходит после того, как во время паломничества в Константинополь он находит на дороге дивный крест, под которым спрятано великое сокровище — серебро и золото. Сокровища преподобный жертвует кн. Владимиру на строительство храма, а сам чудесным образом переносится в лавру, где по его успению остаются нетленные мощи.

При общем числе былинных сюжетов, доходящем до 90, с бесчисленными их вариантами, Илье Муромцу посвящено более десятка, причем большинство из них имеет отношение к защите Православия на Руси. Все это говорит о том, что богатырство на Руси представляло собой особый вид церковного (а возможно, даже

П. Васнецов. Илья Муромец и Калин-царь. Палехская миниатюра. 1940 г.

иноческого) служения, необходимость которого диктовалась заботой о защите веры. Вспомним события, предшествующие Куликовской битве в 1380. Св. блгв. кн. Дмитрий Донской приехал в Троицкий монастырь за благословением прп. *Сергия Радонежского*. Великий старец не только благословил князя на битву за Святую Русь, не только пророчествовал победу, но сделал, казалось бы, невозможное для монаха. Кроткий подвижник послал на бой двух смиренных иноков, *Пересвета* и *Ослябю*, «за послушание» отправив их с великим князем на *Куликово поле*. Именно Пересвет, монах-воин, и был богатырем, сразившимся перед началом битвы с татарским великаном Темир-Мурзою.

Главнейшие сюжеты былин о прп. Илье следующие:

1. *Илья получает богатырскую силу*. «Просидев сиднем» долгие годы, парализованный Илья получает «силушку богатырскую» чудесным образом от «калика перехожего» — Божьего странника, фигуры, столь хорошо на Руси известной и столь любимой русским народом. В «Толковом словаре» *В. И. Даля* «калика» определяется как «паломник, странник, богатырь во смирении, в убожестве, в богоугодных делах. Калика перехожий — странствующий, нищенствующий богатырь». Подвиг странничества (часто соединяющийся с подвигом *юродства* о Христе) являет собой одно из высших состояний духа христианина, поправшего все искушения и соблазны мира и достигшего совершенства, по слову Господа Иисуса Христа: «Аще хощещи совершен быти, иди, продаждь имение твое, и даждь нищим... и гряди в след Мене» (Мф. 19; 21).

Черты странничества и юродства о Христе есть и в поведении самого Ильи. У него нет ни постоянного дома, ни хозяйства, он не связывает себя никакими житейскими попечениями и заботами, презирая богатство и славу, отказываясь от чинов и наград. «Странничество, — говорит прп. *Иоанн Лествичник*, — есть невозвратное оставление всего, что сопротивляется нам в стремлении к благочестию. Странничество есть неведомая премудрость, необнаружимый помысл, путь к Божественному вожделению, обилие любви, отречение от тщеславия, молчание глубины. Странничество есть отлучение от всего, с тем намерением, чтобы сделать мысль свою неразлучною с Богом... Велик и достохвален сей подвиг».

Юродивые, обличая лицемерие и фарисейство современников, часто совершали на глазах у людей поступки оскорбительные, выходящие за рамки приличия. Этим они пытались пробудить у своих осуетившихся сограждан ревность о Боге, о защите «оскорбляемых» православных святынь, о подвижнической, благочестивой жизни. Буйство юродивого — это его напоминание нам о страшном определении Божиим равнодушному и боязливому христианину: «Знаю твои дела; ты носишь имя, будто жив, но ты мертв. Ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (Откр. 3, 1; 15–16).

Юродствует и прп. Илья. В одной из былин, недоброжелательный равнодушием князя к своему богатырскому служению, он уходит из дворца, собирает по всему Киеву «голи кабацкие», сшибает стрелами золоченые маковки киевских церквей и на выручку от них поит «зеленым вином» собранную им по кабакам толпу.

В сюжете об исцелении преподобного несомненно присутствует мотив преемственной передачи благодатного дарования — «харизмы». Дар получен для слу-

С. Москвитин. Добрыня Никитич

жения «Святой Руси» и народу «святोरусскому», для сохранения в стране православной государственности и чистой веры. И если в «Слове о Законе и Благодати» митр. Илариона особенно отчетливо отражено начинающееся осознание православной соборности как народного русского качества, то в былинах об Илье Муромце отражается начавшееся осмысление второго драгоценного качества народа «святोरусского» — его державности. Державности, отлившейся в XIX в. в чеканную формулу московского митр. Филарета: «Любите врагов своих, сокрушайте врагов Отечества, гнушайтесь врагами Божиими». То есть осмысление религиозной ответственности каждого за здоровье общества и крепость православной государственности. Не принудительной ответственности «за страх», а добровольного служения «за совесть».

2. *Вторым* сюжетом, в котором явственно отражена мысль о харизматической преемственности богатырства, является сюжет быliny об Илье и Святогоре, которая называется еще «Смерть Святогора». Происхождение образа Святогора очень сложно и вряд ли может быть однозначно определено. Любопытно, однако, что в нем есть черты сходства со святым великомучеником и победоносцем *Георгием*. Содержание быliny следующее: Святогор и Илья находят гроб. Для Ильи гроб велик, а Святогору как раз. Он ложится в гроб, крышка закрывается, и открыть ее Илья не может, как ни старается. Святогор остается в гробу, а силу свою передает Илье.

Как только не пытались объяснить появление этого сюжета! Его истоки искали в египетских мифах об Озирисе и даже в повествованиях Талмуда о Моисее и Аароне. В действительности дело гораздо проще и «православнее».

В своем послании к Галатам ап. Павел говорит: «Я умер для закона (имеется в виду закон фарисейского иудейства), чтобы жить для Бога. Я сораспялся Христу» (Гал. 2; 19). И в другом месте: «Я не желаю хватиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа, которым для меня мир распят, и я для мира» (Гал. 6; 14). Эта добровольная смерть, это распятие миру есть содержание и путь монашеского подвига. Такова и «смерть» Святогора.

Сам термин «монах» происходит от греческого «монос» — один. Лишь тот настоящий монах, кто преодолел искушения и соблазны мира, отвлекающие человека от исполнения его религиозного долга, и остался один, наедине с Богом — таково святоотеческое толкование монашества. «Когда слышишь о гробах, — говорит св. Макарий Великий, — представляй мысленно не только видимые гробы, потому что гроб и могила для тебя — сердце твое». Заклучаясь, как в гробу, в себе самом, оставшись наедине с совестью, этим обличителем и судьей грехов наших, монах трезвенно, сосредоточенно и благоговейно рассматривает себя — все ли в нем приведено в соответствие с требованиями Заповедей Божиих? Так он чистит себя по слову Господа: «Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят» (Мф. 5; 8). «Конец нашей подвижнической жизни есть Царствие Божие, а цель — чистота сердца, без которой невозможно достигнуть того конца», — свидетельствует прп. Кассиан Римлянин, св. подвижник V века по Р. Х. Не умрешь для мира — не родишься для Бога. Таково безоговорочное мнение всех святых отцов. «Мир есть имя собирательное, обнимающее собою то, что называем страстями, — говорит великий наставник иноков прп. Исаак Сирианин. — И скажу короче: мир есть плотское житие и мудрствование плоти. По тому, что человек исхитил себя из этого, познается, что изшел он из мира». Образ и символ этой смерти для мира — монашеский постриг. Не напрасно одежда схимников носит черты погребальных одеяний. «Гроб» Святогора — это постриг в великую схиму, отрешающий человека от мирской жизни в его стремлении к Богу.

«Смерть и погубление, которых от нас требует Бог, состоят не в уничтожении существования нашего — они состоят в уничтожении самолюбия. Самолюбие есть та греховная страсть, которая составляется из полноты всех прочих разнообразных страстей». Этим словам прп. Игнатия Брянчанинова, сказанным в XIX в., из глубины столетий (V век по Р. Х.) вторит блж. Диадокх, еп. Фотики: «Кто себя любит, тот Бога любить не может».

Пройдя успешно послушание богатырства, служения Богу и Церкви на поприще мятежной бранной жизни, Святогор заслужил освобождение от суеты, упокоение от страстей в священном безмолвии — бесстрастном предстоянии Богу, ненарушимом заботами земной жизни. Дар своей богатырской силы вместе с обязанностями этого служения он передал Илье. Такова в действительности православная основа сюжетных построений былины о смерти Святогора.

Коснувшись в своих рассуждениях вопросов, связанных с монашеством, мы прикоснулись к самому сердцу России, к самым глубоким основам русского мирознания и мироощущения. Многовековое сосредоточенное молчание России, так удивлявшее притких исследователей, стремившихся мерить ее привычными мерками «просвещенной» и многоречивой Европы, есть благоговейное молитвенное молчание

тщательного монаха. Такое молчание прп. Исаак Сирианин назвал «таинством будущего века», ибо происходит оно не от невежества или лени, а от благодатной полноты религиозного чувства, от сосредоточенной ревности в богоугождении, от изумления перед величием Божиим, открывающимся благочестивому взору смиренного подвижника. Это состояние не нуждается в словесном выражении. Оно вообще не передается словами — оно постигается лишь любящим сердцем.

3. *Поездка Ильи Муромца в Киев.* Илья «стоял заутреню во Муроме, ай к обеденке поспеть хотел он в стольный Киев-град». Исполнить это благочестивое желание ему помешала иноверческая «силушка великая», которой под Черниговом «нагнано-то черным-черно». Расправившись с этой силой и получив от «мужичков да тут черниговских» благоговейное величание: «Ай ты славный богатырь да святорусский», — Илья собрался ехать дальше, но выяснилось, что у «славного креста у Левонидова» сидит Соловей-Разбойник Одохмантьев сын (имеющий легко узнаваемое половецкое происхождение). Победив его и приторочив к стремени, Илья приезжает в Киев, где «ай Владимир-князь» только что «вышел со Божьей церкви». Подивившись мужеству Ильи, он попросил Соловья свистнуть. После того как смертоносные способности Разбойника подтвердились, Илья «во чистом поле срубил ему да буйну голову».

Удивительно, как неразрывно-тесно сплелась народная мысль с православным мироощущением. Начиная с побудительной причины подвига и кончая бытовыми деталями, все в былине «оправославлено» и «воцерковлено». Глубоко ошибается тот, кто принимает это за дань традиции, за благочестивую риторику. В риторических излишествах можно заподозрить официальный документ, неизбежно склонный к тор-

Н. Карзин. Добрыня Никитич на пиру у князя Владимира

жественности. Можно обвинить в этом автора, связанного личными склонностями и привычками. Но укоренившаяся «склонность» народа как соборного автора былин, пронесенная через века, должна именоваться иначе. Искренним, живым и глубокоим благочувствием проникнуто большинство былин. Это интимное, внутреннее чувство человеческого сердца невозможно подделать. И когда переживает это чувство весь народ, он оставляет неизгладимые следы своих переживаний на всем, к чему прикасается в жизни и творчестве.

4. *Илья Муромец и Калин-царь*. Этот сюжет еще можно назвать «Ссора Ильи с князем». Князь прогневался на Илью и посадил его в погреб. Былина не сомневается в правомочности княжеского поступка (уже формируется взгляд на божественное происхождение самодержавной власти), но осуждает его неразумность и поспешность, ибо «дело есть немалое. А что посадил Владимир-князь да стольно-киевский старого казака Илью Муромца в тот во погреб холодный» («казак» Илья стал в период Смутного времени, т. ч. это свидетельствует о поздней редакции быliny). Не дело сажать богатыря в погреб, ибо «он мог бы постоять один за веру, за отечество, за церкви за соборные». Да и нужда в защите не заставила себя долго ждать. «Собака Калин-царь» идет на Киев, желая «Божьи церкви все на дым спустить».

Расплакавшись, раскаивается князь, что сгубил Илью: «Некому стоять теперь за веру, за отечество. Некому стоять за церкви ведь за Божьи». Но, оказывается, Илья жив — предусмотрительная дочь князя Апраксакоролевична велела его в темнице холить и кормить. Илья обиды не помнит и спасает князя от «поганых».

Этот сюжет интересен тем, что доказывает существование целого сословия богатырей-верозащитников, широкую распространенность державного богатырского послушания. Когда Илья увидел, что силе поганой конца-краю нет, он решил обратиться за помощью к сотоварищам по служению — к «святорусским богатырям». Он приезжает к ним на заставу и просит помощи. Дальнейшее развитие повествования дает лишнее свидетельство правдолюбия быliny, ее ненадуманности. Сперва богатыри помогают князю отказываясь. При этом старший из них — Самсон Самойлович, «крестный батюшка» самого Ильи Муромца, мотивирует это так: «У него ведь есте много да князей-бояр, кормит их да поит да и жалует. Ничего нам нет от князя от Владимира». Но обида богатырей держится недолго, и, когда Илья, изнемогая в бою, вновь просит помощи, они, не раздумывая, вступают в битву и плененного «собаку Калина-царя» ведут по совету Ильи в Киев к Владимиру-князю. Показательно проявляющееся в быline уважение к царскому достоинству. Калин-царь хоть и «собака», но все же царь, и потому «Владимир-князь да стольно-киевский, Он берет собаку за белы руки, И сажил за столики дубовые, Кормил его яствушкой сахарною, Да поил-то питьем медвяным». И только выказав уважение, подобающее царскому достоинству поверженного врага, Владимир-князь определяет его себе в вечные данники.

5. *Илья и Жидовин*. Былина описывает битву Ильи с Великим Жидовином, заканчивающуюся победой русского богатыря. Существуют два достоверных исторических события, которые могли послужить отправной точкой для сюжета. Первое — разгром Святославом Хазарского каганата. Иудейское иго длилось по 965 год, когда хазарская держава пала под ударами

И. Билибин. «Обернулся Вольга щукой...»

дружин русского князя. Учитывая человеконенавистническое содержание учения талмудических религиозных сект, признающего человеческое достоинство лишь за «богоизбранным» народом и приравнивающего остальную часть человечества к скотам, лишенным бессмертной души, вполне вероятно, что общение с хазарскими «жидовинами» не оставило в русичах никаких приятных воспоминаний.

Вторым историческим событием, которое могло повлиять на быlinу, стал разгром в конце XV в. ереси «жидовствующих», носившей, кроме чисто религиозных черт, и черты политического заговора. Не знаящая за 500 лет ни одной ереси, Русь была потрясена коварством еретиков, тайно разрушавших устои веры и государства при внешнем лицемерном благочестии. Впрочем, эти события вряд ли могли стать источником сюжета быliny. Он явно более раннего происхождения. Борьба с ересью «жидовствующих» могла лишь оказать некоторое влияние на дальнейшее его развитие.

Столь же «оправославленными» и укорененными в соборном сознании народа являются и другие сюжеты быliny об Илье, например, былина о его бое с Идолищем Поганым. Есть, впрочем и «секуляризованные» сюжеты, например бой Ильи с паленицей (богатыршей) или бой Ильи с сыном (не узнавших друг друга).

Об исторических прототипах двух других богатырей Киевского цикла — *Добрыни Никитича* и *Алеша Поповича* существуют разные мнения. Указывают на летописного Добрыню, дядю кн. Владимира, как на прототип былинного богатыря. Александр, или Олешко Попович, упоминается в русских летописях неоднократно, причем события, связанные с его именем, отстоят одно от другого на 250 лет. «В лето 1000 (от Рождества Христова) прииде Володар с половцы к Киеву, — повествует Никоновская летопись. — И изыде ночью

во сретенье им Александр Попович и уби Володаря». В Тверской летописи имя Александра Поповича упоминается в связи с княжескими уобицами 1216 года, а в Суздальской летописи, в рассказе о битве на Калке, сказано: «И Александр Попович ту убит бысть с теми 70 храбрыми».

Но нам важны не исторические параллели былинных событий. Важно то, что былины отразили истинно народный взгляд на вероисповедный характер русской национальности и государственности. Мысль о неразделимости понятий «русский» и «православный» стала достоянием народного сознания и нашла свое выражение в действиях былинных богатырей.

Помимо Киевского цикла выделяют еще Новгородский цикл, состоящий из былин о *Садко* и *Ваське Буслаеве*. Один из возможных исторических прототипов Садко отличался большим благочестием — нов-

городская летопись за 1167 упоминает об основании человеком по имени Садко Сытинич церкви Бориса и Глеба. Васька Буслаев тоже вполне православен — сюжет одной из былин составляет его паломничество в Иерусалим.

Говоря о былинах как о зеркале самосознания народа, нельзя не заметить, что их отвлеченно-философское содержание весьма скудно. И это понятно, ибо народу не свойственно облекать свои взгляды, основанные на живом опыте, в мертвые формы отвлеченного рассуждения. Ход истории и свое место в ней здоровое самосознание народа воспринимает как нечто очевидное, естественно вплетающееся в общее мироощущение. Учитывая это, можно сказать, что былины являются яркими и достоверными свидетельствами добровольного и безоговорочного воцерковления русской души.

Митр. Иоанн (Снычев)

В

ВАВИЛА – ПРАЗДНИК ОСТРЫХ ВИЛ (День Вавилы, Вавила), народное название дня св. мч. Вавилы, епископа Антиохийского (251) 4/17 сент.

Св. Вавила считался покровителем домашнего хозяйства, а его символом были острые вилы. По народным поверьям, св. Вавила не только своими вилами помогал крестьянам по хозяйству, но и выгонял ими *нечистую силу* – *бесов* и *леших*. На Вавилу чинили грабли, косы, вилы. Мужики молились: «Вавила, сохрани мой дом и меня от несчастья и огня». Последнее было связано с тем, что в этот же день праздновалась икона Пресвятой Богородицы «*Неопалимая Купина*».

ВАДИМ КЛЮЧНИК (Отмыкание родников), народное название прмч. Вадима (IV в.), 9/22 апр.

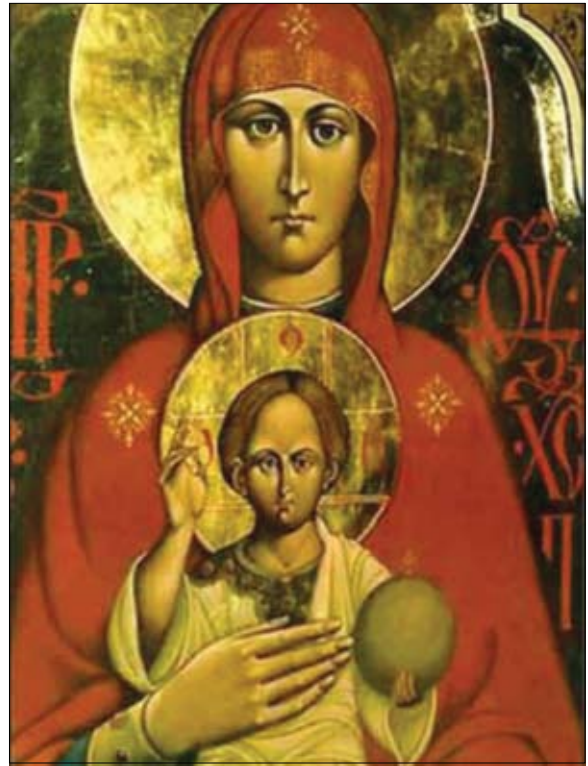

Святой преподобномученик Вадим. Икона XX в. Москва

В этот день по древнему обычаю русские очищали родники. Потом после молитвы св. Вадиму пили всей семьей чай из *самовара*. В некоторых местах России существовало поверье, что девушка, которая ожидает жениха, должна рано утром пробраться незаметно к роднику, ключевой водой умыться

и, не вытираясь полотенцем, возвратиться домой. Что задумает она при этом, то и сбудется. В теплых местах в большом роднике девушки нагими прыгали в него и молили о своем суженом. В более поздние времена после отмыкания родников на чистое дно бросали серебряную монетку на счастье.

ВАЛААМСКАЯ икона Божией Матери. Валаамскую икону Божией Матери наряду с *Державной* связывают с судьбой русской монархии. Царствование последнего императора, св. Царя-страстотерпца Николая II ознаменовано явлением двух святынь – Валаамской и Державной. Обретение первой произошло в 1897 спустя год после венчания имп. Николая II на царство, а явление второй состоялось в день его отречения 2/15 марта 1917. Обе иконы знаменовали начало и конец царствования последнего русского самодержца. Их роднит наличие в иконографии атрибутов царской власти: державы на обоих изводах и скипетра в Державной иконе.

Валаамская икона Божией Матери. XX в.

Празднование Валаамской иконе Божией Матери до 2003 совершали в 1-е воскресенье после празднования дня прпп. Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев, в память об обретении святыни, а в настоящее время празднование установлено 1/14 июля.

ВАЛЕНКИ, катанная из овечьей шерсти обувь с высоким голенищем, круглым носком и плоской подошвой без каблука. Они известны в Сибири с сер. XVIII в., а в Европейской России с н. XIX в. Валенки в XIX в. были обувью зажиточных крестьян. Белые вышитые валенки носили по праздникам только очень богатые крестьяне. К ним относились как к семейной ценности.

ВАМПИРЫ, кровожадные существа, вид *нечистой силы*. Представления о вампирах известны только в Малороссии и Белоруссии (малорос. упир, белорус. вупор), что свидетельствует о их заимствовании из Западной Европы. Эти представления быстро здесь прижились, т. е. в них очень много общего с местным культом *заложных покойников*. Вампир, как и заложный покойник, не подвержен тлению. Он лежит в гробу лицом вниз, лицо у него красное. Ночью он приходит в дом своего прежнего врага, а иногда и друга или родственника, ложится на грудь своей жертвы, прижимается губами к ее сердцу и пьет горячую кровь. Язык у него острый, как жало змеи. У человека, став-

шего жертвой ампира, появляется лишь маленькая, едва заметная ранка, однако он становится все бледнее и погибает. Как и заложным покойникам, вампирам, лежащим в могиле, втыкали в грудь осиновый кол, считалось, что после этого их ночные блуждания прекращаются. В некоторых местах малороссы верили, что мертвого вампира носит на спине живой.

Считалось, что вампиры обоих полов, так же как и заложные покойники, приносят и распространяют различные эпидемические болезни; в старое время им приписывали, между прочим, и появление чумы. Этим объясняется и то, что в древности восточные славяне приносили вампирам жертвы. В одном памятнике XV в. мы читаем: «требу кладоуть... оупиремъ и берегынюмъ» («приносят жертвы вампирам и берегиням»), где «берегину» можно понимать как «сестры-лихоманки», которым больные приносили различные дары, между прочим, на берега рек.

ВАНЬКА, народное название извозчика-сезонника из крестьян, самого дешевого, искавшего седоков по улицам.

ВАРВАРА, великомученица (ск. 306), русские люди почитали ее хранительницей от внезапной смерти, и потому в «Сказании, коим святым каковыя благодати исцелений от Бога даны» ей назначается особая молитва. В житии св. Варвары, напечатанном при акафисте, со-

Вмц. Варвара. Икона. Нач. XVI в. ГТГ

ставленном митрополитом Киевским Иоасафом Кроковским, сообщалось, что в XVII в. в Киеве господствовала повсеместно сильная повальная болезнь, но благодаря заступничеству св. Варвары обитель Михайловская, где почивают ее мощи, не видела ни одного мертвеца в своих стенах.

Празднуется 4/17 дек.

ВАРЕНИКИ, малороссийское блюдо, маленькие пирожки из тонко раскатанного теста с начинкой из творога, вишен, абрикосов, варенные в воде.

ВАРЕНУХА, малороссийский хмельной напиток, от вар *водки* и *меда* на ягодах с пряностями.

ВАРНАВА (День Варнавы), народное название дня прп. Варнавы Ветлужского (1455), 11/24 июня. По народным поверьям, в этот день вся *нечистая сила* собирается вместе: *черти, ведьмы, вурдалаки, бесы, лихоманки, лешие* и пр. нечисть. Собираются и род человеческий делят на свои угоды — где, кому и как безобразничать. Кто травы укатывает, кто яровые путает, кто коровам хвосты крутит, кто конскую гриву спутывает, кто на людей с трясучкой наваливается, кто по лесам-болотам кружит-водит. Особенно любит нечисть в траве кататься, потому траву в этот день рвать не полагалось, не то нечистая сила с травой в хлев или дом заберется. В народе считали, что св. Варнава прогоняет нечисть, излечивает людей и животных, снимает злые чары. Нечистая сила Варнаву боится. Ходили предания о том, что еще в старые времена святой прославился тем, что очистил от всякой нечисти Ветлужские леса, куда раньше никто из православных ходить не мог. Варнава показал всем дороги, осенил все места *крестным знамением*, и бесы с ужасом бежали от него.

ВАРФОЛОМЕЙ — см.: **ТИТ ГРИБНИК**.

ВАСИЛЕНКО Виктор Иванович (1839— после 1901), малороссийский этнограф и статистик. Родился в Полтавской губ. Работал в Полтавском земстве. Как этнограф занимался изучением народных промыслов и хозяйственных обычаев Полтавщины.

Соч.: «Юридические обычаи в земледельчестве в Малороссии» (Юридический Вестник. 1881. № 9), «Очерки хозяйства сельских сословий» (Полтавский статистический сборник, т. II—III), «Кустарные промыслы сельских сословий Полтавской губернии», «Про спілки хліборобські» (Альманах «Рада», 1883), «Местечко Опошня, Зеньковского уезда» (1889), «Очерки Полтавщины» (Северный Вестник, 1885—87), «Остатки братств и цехов в Полтавщине» (Киевская Старина. 1885. № 9).

ВАСИЛИЙ БЛАЖЕННЫЙ (ок. 1464—2.08.1557?), Христа ради юродивый, Московский чудотворец. Родился в крестьянской семье в подмосковном с. Елохово. Мальчиком был отдан обучаться сапожному мастерству. Уже в это время он вел подвижническую жизнь, занимался умной молитвой и успел стяжать благодатные духовные дары. Когда ему было 16 лет, пришел раз в мастерскую посадский человек и заказал сапоги, которых ему хватило бы на несколько лет. Василий улыбнулся. Когда заказчик ушел, хозяин спросил Василия о причине улыбки. «Если я тебе скажу, — ответил тот, — то больше я у тебя не смогу остаться!» Хозяин стал настаивать. Тогда Василий сказал: «Мне странным показалось, что посадский заказывает себе сапоги на несколько лет, тогда как он умрет завтра!» Слова юноши сбылись, но после этого он не захотел оставаться ни у мастера, ни в родительском доме. Он принял на себя подвиг юродства.

Царь Иоанн IV Васильевич любил и почитал блж. Василия. Раз во время обеда в царских палатах блаженный трижды вылил вино в окно, говоря, что он гасит пожар в Новгороде. Оказалось, что в Новгороде в это время действительно вспыхнул пожар, но не успел разгореться, потому что какой-то странный нагой муж заливал загоревшиеся дома. Приехавшие после этого в Москву новгородцы опознали в св. Василии этого мужа. После пожара царь раз во время литургии размышлял о построении нового дворца на Воробьевых горах. Блаженный стоял в углу и наблюдал за ним. По-

Василий Блаженный, предстоящий Богоматери с Младенцем. Икона. Кон. XVI в. СХИМ

сле литургии он сказал царю: «Я видел, где ты истинно был: не в святом храме, а в ином месте». — «Я нигде не был, только в святом храме», — отвечал царь. Но блаженный сказал ему: «Твои слова не истинны, царь. Я видел, как ты ходил мыслью по Воробьевым горам и строил дворец». С тех пор царь стал еще более бояться и чтить его.

Перед кончиной блаженного посетили царь с царицей Анастасией и царевичами Иоанном и Феодором, и блаженный пророчески сказал младшему из них, Феодору: «Все, что принадлежит твоим предкам, будет твоим, и ты будешь их наследником». Сам царь нес гроб его до могилы, и от прикосновения к св. мощам его многие получали исцеление. Всех же чудес, которые сотворил блаженный по преставлении своем, явлений и исцелений, происходивших на могиле его, описать невозможно. К лику святых блж. Василий причислен в 1558. Св. мощи его почивали до наших дней в Васильевском приделе Московского Покровского собора, известного под именем храма Василия Блаженного.

Память его празднуется 2/15 авг.

ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВ, герой двух былин новгородского цикла, созданных в период расцвета торговой и политической жизни Новгорода в XIV–XV вв. и испытавших позднейшие влияния XVI–XVII вв. Первоначальная тенденция былины — осуждение Василия Буслаева, бесшабашного пьяницы и ушкуйника, вступающего в бой со всем Новгородом, нарушающего обычаи, сменяется любованием его широкой натурой, удастью, дерзостью, его свободомыслием, его «буйным озорством». Боярский сын в ранних вариантах былины, Василий Буслаев становится со временем выразителем стремлений новгородской вольницы, участником набегов, имевших целью добычу товаров и отвоевание земель для Новгорода. Былины о Василии Буслаеве содержат много бытовых подробностей из жизни той эпохи. (См. также: Василий в былинах).

Лит.: Миллер В. Очерки русской народной словесности. Т. 1. М., 1897; Шамбинаго С. Песни времени царя Иоанна Грозного. Исследование. Сергиев Посад, 1914. С. 98–251; Жданов И. Русский былевой эпос. Исследование и материалы. СПб., 1895; Пропп В. Я. Русский героический эпос. 2-е изд., испр. М., 1958; Пропп В. Я., Путилов Б. Н. Былины. Т. 1–2. М., 1958.

ВАСИЛИЙ В БЫЛИНАХ. 1) *Василий Буслаевич*, еще будучи мальчиком, уродует новгородцев на улице; затем собирает себе дружину, без зова идет со своей дружиной на пир новгородских мужиков; вызывает на

драку весь Новгород; во время драки мать сажает его в погреб, но нянька Василия выпускает его и он избивает новгородцев 90-пудовой осью. Наконец, матери удается унять Василия. Василий едет со своей дружиной в Иерусалим, купается в Иордане; на горе Фаворе скачет через камень, но спотыкается и разбивает себе голову. 2) Василий Васильевич, переодетая жена Ставра Годиновича (см.: Василиса). 3) Василий Долгополый, один из богатырей на заставе у Киева. 4) Василий Заморский, едет с Иваном Годиновичем, сватающимся за Настасью. 5) Василий Иванович со своим братом Федором едет, по поручению кн. Владимира, просить для него руки дочери литовского короля. 6) Василий Иванович или Василий Пьяница, при приступе Ботыги к Киеву на него указывают, как на человека, способного бороться с представителем татар. Кн. Владимир сам идет за ним в кабак. Василий, опохмелившись, убивает стрелой сына и зятя Ботыги, затем едет к нему, винится, выпрашивает 40 000 татар для взятия Киева, но всех их избивает. 7) Василий Казимирович вызывается отвезти дань от Владимира к Батуру Батвесову, в землю Поленецкую. На пути братается с Добрыней, возвращает Владимиру дань и едет к Батуру за данью. Батур угрожает ему смертью, но Василий избивает татар осью железной. 8) Василий Окулевич, прекрасный царь (в Царьграде или в Новгороде), хочет увести жену Соломона, Соломонею. Соломон приезжает с войском и велит повесить Василия Окулевича и Соломонею. 9) Василий Прекрасный, любимый зять Мамай, вместе с ним осаждающий Киев. 10) Василий Пустоволосович, младой Таракашков сын, дает царю Василию Окулевичу совет увести жену Соломона. 11) Василий Сурывлевич Боголюбович, царь в Царьграде, к которому отправляется Илья Муромец, чтобы избавить его от Идолища Поганого.

Лит.: Русские былины старой и новой записи/Под ред. Н. С. Тихонравова и Вс. Миллера. М., 1894; Миллер О. Сравнительно-критические наблюдения над слоевым составом народного русского эпоса. СПб., 1869.

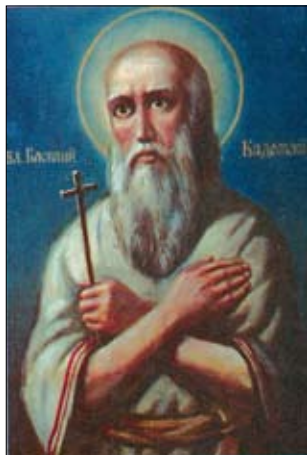
ВАСИЛИЙ — ЗВЕРИНЫЙ ПРАЗДНИК (*Звериный свадебник*), народное название дня праздника Собора трех святителей: Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста, 30 янв./12 февр.

Василий Великий. Икона. 1600–1624(?). СХИМ

В этот зимний день начинались звериные свадьбы. Звери-самцы устраивали между собой схватки, затевали бои за право выживания, за свою территорию и свои края, где нет места чужаку. Считалось, что родившийся в этот день будет любить лес, ухаживать за ним, понимать зверей, заботиться о них. На звериный праздник полагалось приготовить к столу дичь и угощать мясом зверя или птицы именинника.

ВАСИЛИЙ КАДОМСКИЙ (1776 [1775?]-2.05.1848), Христа ради юродивый. Из дворян. Был на военной службе. В Киево-Печерской лавре дал обет отречения от мира. Приняв на себя подвиг юродства, блаженный

Василий Кадомский. Икона. Кон. XX в.

отправился странствовать по обителям и храмам. Круглый год святой носил длинную холщовую рубаху и халат, одежда его отличалась чистотой и опрятностью, волосы он подстригал в кружок, бороду также подравнивал, поскольку был, по его словам, «военным человеком и исполнял предписания военной дисциплины». В пище был воздержан, в среду и пятницу не вкушал ничего. Спал не более 2 часов в сутки, ночью молился, ходя по комнате или стоя. В Рязани Василия называли «Божьим казначеем», потому что полученные подарки он сразу раздавал сиротам, нищим и больным.

Память святому празднуется 2/15 мая.

ВАСИЛИЙ КАПЕЛЬНИК, народное название двух дней в году: 1) Прп. Василия Исповедника (750), 28 февр./13 марта. По обычаю в этот день приносили до-

Преподобный Василий Исповедник

мой сосновую ветку, которая очищала воздух в доме, давала здоровье и благополучие. А из сосновых почек изготавливали целебные снадобья, особенно помогающие при простудных заболеваниях.

2) Сщмчч. епископов Херсонесских Василия, Ефрема, Капитона, Евгения и др. (IV в.) и иконы Божией Матери «Споручница грешных». Праздновался 7/20 марта.

Весной в этот день температура воздуха постоянно меняется: днем тепло, ночью холодно. От температурных колебаний всегда что-нибудь ломается, трескается, крошится. Крестьяне считали, что это все за грехи, накопившиеся за зиму. Чтобы заслужить прощения, крестьяне молились в этот день образу Божией Матери «Споручница грешных», прося ее о заступничестве.

ВАСИЛИЙ ПАРИЙСКИЙ, народное название дня прп. Василия Исповедника, еп. Парийского 12/25 апр. По народным приметам, земля, прогреваясь, начинает парить: «Запарил землю Василий — выверни оглобли, закинь сани на повесть». По приметам охотников, в этот день *медведь* выходил из берлоги. В этот день во многих местностях России совершался древний обряд *Комоедицы*.

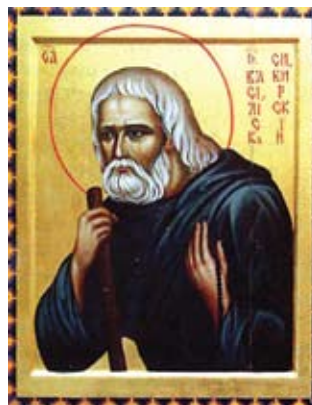
ВАСИЛИЙ РЯЗАНСКИЙ, епископ († 1295), занимал архиерейскую кафедру в одном из самых древних русских городов — Муроме. Святитель много заботился о благочинии в своей епархии. Но по навету врага рода человеческого — сатаны свт. Василий был заподозрен в нецеломудрии. Легковерные жители Мурома, поверив клевете, собрались предать смерти праведного епи-

Василий Рязанский. Икона. XIX в.

скопа. Свт. Василий испросил себе времени до утра. Проведя ночь в молитве, он отслужил молебен перед чудотворной Муромской иконой Пресвятой Богородицы. Взяв святой образ, он вышел к ожидавшему его народу и направился к берегу реки, на котором стоит Муром. Здесь, ведомый волей Божией, святитель постелил на воду епископскую мантию и, встав на нее, поплыл против течения. Этим явным чудом Господь засвидетельствовал невинность свт. Василия. Со слезами горожане кричали ему вслед, умоляя простить их. На мантии, с иконой в руках, свт. Василий был перенесен в Старую Рязань, где его торжественно встретили рязанский князь, духовенство и народ. После одного из татарских набегов на Старую Рязань святитель переселился в Переяславль Рязанский, который ныне называется Рязанью. С этих пор епископская кафедра муромско-рязанских земель осталась в Рязани. Свт. Василий мирно скончался в 1295. В 1547 свт. Макарием, митрополитом Московским, было установлено празднование Муромским чудотворцам, и среди них — свт. Василию.

Память свт. Василию отмечается 3/16 июля и 10/23 июля (обретение мощей в 1609).

Василиск Сибирский. Икона. XX в.

ВАСИЛИСК СИБИРСКИЙ, преподобный старец (†29.12.1824), пустынный и молитвенник XVIII—XIX вв. Он жил отшельником в лесах Чувашии, потом среди брянских пустынных старцев прп. Адриане, от которого и принял постриг в мантию с именем Василиск. Здесь он встретил своего будущего сомолитвенника и друга прп. Зосиму (Вер-

ховского). Трогательная духовная дружба связала их на всю жизнь.

ВАСИЛИЙ ТЕПЛЫЙ, народное название двух дней в году. 1) Свмч. Василия, пресвитера Анкирского (362–363), 22 марта/4 апр. Утром в этот день выходили смотреть восходящее солнце: если вокруг него замечали красные круги, то считали, что урожай будет хороший.

В этот день полагалось также печь *калачи*, своей формой символизовавшие солнце. До приема другой пищи считалось необходимым съесть по калачу.

По крестьянским поверьям, родившийся в этот день будет отличаться удачливостью и веселым характером. Крестьяне верили, что из них получаются хорошие *кузнецы*.

2) Св. прав. Василия Мангазейского (1600), 23 марта/5 апр.

По крестьянским поверьям, в этот день прилетают яблочки, «весну-красну торопят, на хвосте приносят». В это время очищали дом от *мусора* и кропили святой водой от *нечистой силы*. Первым делом сжигали залежалую за зиму солому из матрацев. Вместе с соломой сжигали и другой сор. Бабы в доме мыли *полы*, *лавки*, стены. Чтобы избавиться от затхлого запаха, с чердака приносили душистые травы. Считалось, что родившийся в этот день будет заботиться о домашнем порядке и сумеет бороться с нечистой силой.

ВАСИЛИСА (Василиса — Домна), народное название дня мц. Василисы 3/16 сент., На Василису бабы собирали в доме всякую рухлядь, чтобы обрести благополучие на осень. Особенно ценились ошметки, стоптанные *лапти* как верное средство от *сглаза*; их вешали в хлевах, на заборах и пр.

Празднуемая в этот же день мц. *Домна* была олицетворением домашнего порядка.

ВАСИЛИСА В БЫЛИНАХ, 1) Василиса Микулишна, жена Ставра Годиновича, хвастающего ею на пиру у кн. Владимира и посаженного за это в погреба глубокие; Василиса является к князю, выдавая себя за посла Василия, приехавшего свататься к племяннице его, Забаве Путятичне. Когда подозревают ее пол, то она устраняет это подозрение силой, ловкостью, хитростью и проворством. После пира, на который позвали Ставра играть на гусях, Василиса просила у князя позволения погулять со Ставром и, открывшись своему мужу, возвращается с ним к Владимиру. 2) Василиса Никулишна, жена Данилы Ловчанина; желая жениться на ней, кн. Владимир посылает убить Данилу его же братьев (родного и названного), но Данила сам себя убивает. Василиса просит у князя позволения проститься со своим мужем и убивает себя у его труп.

Лит.: Миллер Ор. Илья Муромец, сравнительно-критические наблюдения над слоевым составом народного русского эпоса. СПб., 1869.

ВАСИЛИСА ЛЬНЯНИЦА (Васса, Василиса, Баба Василиса), народное название дня мц. Вассы и чад ее (305–311), 21 авг./3 сент.

На Василису во многих местах России начинали убирать лен. По народному поверью, «ходит в этот день голубоглазая Василиса в синем платочке да в лапоточках по льняному полю. Смотрит — не налилось ли семя, не пора ли лен убирать. А как определит, что пора, — людям знак подает. Только этот знак увидеть надо». Крестьяне считали, что «добрый да заботливый хозяин всегда этот знак заметит, а ленивый проглядит».

ВАСИЛИСА ПРЕМУДРАЯ, персонаж русских фантастических сказок. В большинстве из них Василиса Премудрая — дочь Морского царя, наделенная мудростью и способностью превращения; она может в одну ночь возвести хрустальный мост или вырастить чудесный сад; при ее помощи герой преодолевает козни Морского царя и бежит от него вместе с Василисой Премудрой. В вариантах этого сюжета Василиса Премудрая называется иногда Марьей-царевной, Марьей Моревной, Еленой Прекрасной. Она помогает *Ивану-царевичу* исполнять трудные задачи, которые задает ему ее отец (напр., построить в одну ночь хрустальный мост, церковь из чистого воска и др.). Женившись на Василисе Премудрой, Иван убегает с ней от Морского царя, который посылает за ними погоню. Но Василиса Премудрая обманывает посланных, обращая себя, царевича и коней в различные предметы. Приехав домой, Иван-царевич, не слушаясь предостережения Василисы Премудрой, целует свою сестру, забывает Василису Премудрую и хочет жениться на другой. Тогда Василиса Премудрая печет пирог, из которого вылетают голубь и голубка, напоминающие о ней Ивану-царевичу своим разговором. Иван-царевич разыскивает Василису Премудрую, приводит к отцу и матери и женится на ней.

ВАСИЛИСК, по народному поверью, царь-змей, все убивающий своим взглядом и дыханием, рождается из яйца, снесенного черным семилетним петухом и зарытого в горячий навоз. *А. Н. Афанасьев* указывает параллель к этому сказанию в мифе о рождении Тифона из яйца, зарытого Героем в землю. См.: *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1. М., 1865.

ВАСИЛЬЕВ ВЕЧЕР — см.: МЕЛАНИЯ.

ВАСИЛЬЕВ ДЕНЬ (Василий Свинятник), народное название дня памяти св. Василия Великого, Кесарийского, 1/14 янв. В этот день крестьяне ходили по домам

Василий Великий. Икона. 2-я пол. XV в. Ростов или Москва. КМЗ «Ипатьевский монастырь»

Василий Великий. Икона. 1742 г. Вольнская обл.

с поздравлениями и пожеланиями благополучия. При этом совершался древний обряд, известный под разными именами: *авсень*, овсень, усень и др. Сущность его состояла в том, что дети крестьян, собравшись вместе пред обедней, ходили по домам сеять из рукава, а другие из мешка зерна овса, гречихи, ржи и других хлебов и при этом распевали засевальную песню. Другие при засевании зерен приговаривали: «На счастье, на здоровье, на новое лето роди, Боже, жито пшеницу и всякую пашныцу», или: «Уроди, Боже, всякого жита по закрому, что по закрому да по великому, а и стало бы жита на весь мир крещеный». В основе этого обряда был древний языческий ритуал празднования божества Авсенья. В связи с упомянутым земледельческим посевальным обрядом был еще обычай на Васильев день, как на селскоземледельческий праздник, готовить кашу, с особыми обрядами, с *гаданием* на каше о счастье и благополучии наступающего года. В некоторых местах было обыкновение на Васильев день ходить по домам и собирать *пирог*и, свиные ноги и вообще съестные святочные вещи. Крестьяне, совершавшие этот обход, приговаривали под окнами домов: «Свинку да боровка выдай для Васильева вечера», или же: «Кишку да ножки в верхнее окошко». Свиное мясо составляло главное угощение во время Васильева вечера и Рождественских *Святок*. У людей зажиточных целую неделю от *Рождества Христова* до *Нового года*

стояла на столе свиная голова. Св. Василий Великий считался покровителем свиней. Пастухи глубоко почитали св. Василия и боялись прогневить его. В Орловской губ. на Новый год готовили жареного поросенка и называли его касарецким, от названия св. Василия Великого Кесарийским. Васильев день в быту русского народа считался еще сроком в хозяйственном времяисчислении, а потому и говорили: «а то было о Васильеве дне», или: «случилось на Васильев день»; «он нанялся от Васильева дня до Евдокии».

Васильев день разделял Святки: с 7 по 14 янв. праздновались святые вечера, а с 14 по 19 янв. — страшные. Зимние Святки это, прежде всего, гуляния молодежи, начинающиеся в Рождество и заканчивающиеся в *Крещение*. В эти дни, по стародавнему поверью, спускался на землю посылаемый Солнцем бог плодородия и возрождения жизни Авсень. А чтобы *нечистая сила* не утащила его во тьму, рядилась молодежь в чертей да животных, представлявших якобы обосновавшуюся на празднике нечистую силу. И настоящая нечисть, видя, что ей здесь делать нечего, отступала.

На Русском Севере был обычай выпекать в этот вечер печенье в виде домашней козули. Обрядовая пища из поросенка и выпечка в виде домашней скотинки предвещали изобилие и достаток в доме.

И. Калинин, Н. Р.

ВАСИЛЬЕВА КАША — см.: МЕЛАНЬЯ.

ВАСИЛЬКОВЫЙ ДЕНЬ (Василиск, Василиск Синитель), народное название дня св. мч. Василиска (308), 22 мая/4 июня.

В этот день не сеяли, не пахали; пережидали, чтобы поля не засорились, не уродились васильки. По легенде нельзя работать потому, что именно в это время из куриного яйца вылупляется змеиный царь Василиск. Василиск зарождается, когда семигодовалый петух 2/15 янв. снесет яйцо, а 22 мая/4 июня из этого яйца вылупляется змей. Поэтому в этот день следовало соблюдать много предосторожностей. Во-первых, было необходимо следить, чтобы петух яйцо не снес, а если не досмотришь, то требовалось все яйца этого дня сварить вкрутую. Следовало также креститься, если в небе вдруг появятся грозные тучи. Поднимать по дороге яйцо в этот день не разрешалось, а если поднимешь, то гибель будет на весь род. Если найдешь яйцо в поле — надо проткнуть его цветком «петровый батог». Крестьяне верили, что если рванутся в небо семь шипящих змеиных голов, то «петровый батог» их настигнет и прильет к земле.

ВАТРУШКА, лепешка из кислого теста с завернутыми краями и открытой начинкой из творога или повидла. Такие же лепешки с картофельной начинкой назывались *шаньгами*.

ВВЕДЕНЬЕВ ДЕНЬ, праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы, 21 нояб./4 дек., был отмечен в народной жизни целым рядом особых поверий и сказаний и связанных с ними обычаев. Сохранился целый ряд простонародных песенных сказаний, являющихся в то же время и хвалебными величаниями впервые вступившей во храм Господень Пресвятой Деве. «Ты во церковь приведеса, архиереем воздадеса и от ангел предпочтеса», — начинается одно из них. За этим началом-«запевкой» следует повторяющийся и в самом конце стиха припев: «Приведутся девы, ближняя Ея, во след Ея во Святыя Святыя!» Сказание, прерванное этим четверостишием, продолжается: «Захария сликовствует, пророчески известует, веселяся торжеству-

Введение Богородицы во храм. Икона. Нач. XVI в. ГРМ

ет. Руце старец простирает. Царицею называет, сладкия гласы воспеваet. Днесъ подъемлет старец Деву, да возведет Евву, да разрушит клятву древню. Евва ныне веселися: се Деваия днесъ явися, на престоле спосади-ся. Дух Святой осеняет, а Деваия принимает, трилетна всем ся являет. Прилетают херувими, окружают серафими, поют гласы трисвятыми. Ангел пищу прина-шает, а Деваия принимает, кверху руце простирает»... Другой воспевающий этот праздник стих начинается словами о горах Сионских, на которых Бог «завет по-ложил, свыше нам с небес свет Божий открыл, струя-ми словес сердце напоил». В третьем — приглашаются торжествовать «патриарси», «все девы» — бодрствовать и «ликовствовать со пророки». В четвертом — веселит-ся прама-теръ-Ева. И во всех них явственно слышится благоговейное чувство народа, воздающего честь-хвалу Богородицы.

Переход от Михайлова ко Введеньеву дню имел, по старинной народной примете, важное значение для всей первой половины зимы. Если «зимняя Матрена» придет на землю в такой силе, что действительно по-может зиме «встать на ноги», а Федор Студит, точно сговорившись с ней, все застудит, то санному пути в тот год не растаять до весенней распутицы. Когда же 10/23 нояб., в канун дня, посвященного чествованию памяти св. Феодора, повиснет на древесных ветвях пушистая бахрома инея (в предзнаменовании теплой погоды), да если на следующие за Студитовым днем сутки будет порошить снежная пороша, то стоять раз-водящим дороги оттепелям-мокринам вплоть до само-го Введенья.

В этот же день в деревне ждали новой перемены по-годы. Здесь приметы были разные. По одним приметам считалось, что на Введеньев день проезжает по горам и

долам «на пегой кобыле» красавица-Зима, одетая в бе-лоснежную душегрейку, и дышит на все встречное та-ким леденящим дыханием, что даже вся нечисть, духи тьмы торопились укрыться куда-нибудь подальше от нее, замораживающей своими поцелуями кровь в жи-лах». Тогда говорили в народе: «Введенье пришло — зиму на Русь завело!», «Введенские уставщики, братья Морозы Морозовичи, рукавицы на мужика надели, стужу устави, зиму на ум настави!» или: «Наложи-ло на воду Введенье толстое леденье!» и т. п.

Но были и др. приметы, по которым: «Введенье ло-мает леденье», «Введенские морозы не ставят зимы на резвые ноги». Хотя чаще всего на Введеньев день было так, как пелось в детской песенке в Симбирской губ. (в Ново-Никулинской вол. Симбирского у.):

*Введенье пришло,
Зиму в хату завело,
В сани ко́ней запрягло,
В путь-дорожку вывело,
Лед на речке вымело,
С берегом связало,
К земле приковало,
Снег заледенило,
Малых ребят,
Красных девчат
На салазки усадило,
На ледянке с горы покатило...*

Праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы был днем первого зимнего торго. Москва начинала с этого дня зимний торг с *саней* свозимыми в нее щепны-ми и лубяными товарами, новыми санями. Сани с това-ром стояли на Лубянской площади. Между лубяными и санными рядами расхаживали калачники, пирожники, сбитенщики, приглашавшие покупателей и продавцов «не ввести в зазор» их и проведать стряпни домостря-панной, не заморской, не басурманской, не немецкой» и т. д. Сами торговцы Лубянского торго, славившиеся своим мастерством на красное слово, выкрикивали за-ходившим в ряды москвичам прибавтки, вроде:

*Вот санки-самокаты,
Разукрашены — богаты,
Разукрашены-раззолочены,
Сафьяном оторочены!
Введеньев торг у двора,
Санкам ехать пора!
Сани сами катят,
Сами ехать хотят!
Ехать хотят сани
К доброму молодцу во двор,
К доброму купцу,
К хозяину тороватому,
Ко тому ли вожеватому!..*

И сани, особенно ходко шедшие с рук у продавцов в этот день, пестрели-рябили в глазах у покупателей своей яркой росписью. Первое место по цене и хитро-му узорочью занимали в красовавшихся грудах зим-него товара галицкие сани, раскрашенные не только красками, но и позолотой. К вечеру «вся» Москва ка-талась на новых санях.

Со Введеньева дня начинались не только зим-ние торги, но и зимние «гулянья-катанья». К пер-вому санному гулянью русские относились как к особому торжеству. Наиболее строго соблюдались «санные» обычаи в семье, где были к этому времени молодожены-новобрачные. В такой дом собирались «званные-прошенные» — все родные, все свойственни-

Введение во храм с житием Богоматери, Иоакима и Анны. Икона. XVI в. ГТГ

ки, приглашались, по обычаю, «смотреть, как поедет молодой князь со своей «княгинюшкой». Выезду последних предшествовало небольшое «столованье», прерывавшееся «на полустоле», чтобы закончиться после возвращения поезда новобрачных во двор. Отправлявшиеся на гулянье молодые должны были переступить порог своего дома не иначе как по вывороченной шерстью вверх шубе. Этим, по народной примете, молодая чета предохранялась от всякой неожиданной беды. Свекор со свекровью, провожая невестку на первое санное катанье с молодым мужем, упрашивали-умаливали всех остальных «поезжан-проводимых» уберечь «княгинюшку» от всякой беды встречной и поперечной, а больше всего «от глаза лихого»:

*Ой вы, гости, гости званые,
Званые-прошюные!
Ой вы, братья-сватья,
Ой, вы милые!
Выводите вы нашу невестушку,
На то ли на крыльцо тесовое,
Вывозите нашу свет-княгинюшку
Белую лебедушкой...
Берегите-стерегите ее:
Не упало бы из крылышек
Ни одного перышка,
Не сглазил бы ее, лебедушку,
Названную нашу доченьку,*

*Ни лихой удалец,
Ни прохожий молодец,
Ни старая старуха — баба
злющая.*

Сани молодых, украшенные коврами, полостями и резьбой-росписью, выводились со двора первыми. Следом за ними тянулся длинный поезд, если менее богатый, то не менее пестрый, снаряженный хозяевами для званых гостей. Молодые ехали в своих раззолоченных и разукрашенных «с выводами» санях «княжеских», ехали и зная отвешивали поклоны по сторонам: они впервые показывали себя и свое молодое счастье «народу честному», соседям ближним и дальним. За поездом бежали ребята с веселыми криками; на молодых в санях и их свиту любовались отовсюду, со всех крылец.

В следовавшем за молодыми санном поезде раздавались веселые песни, прерывавшиеся иногда и не менее веселыми здравицами, относившимися «ко князю с княгинюшкой»: гостям ставились в сани и сулеи с романеями, и жбаны с крепкими медами, чтобы их «не заморозили Морозы Морозовичи введенские»... Если гулял на санях «князь» из боярской семьи, то молодые сидели на медвежьей шкуре, а рядом бежали скороходы, забавлявшие молодых скоморошными шутками.

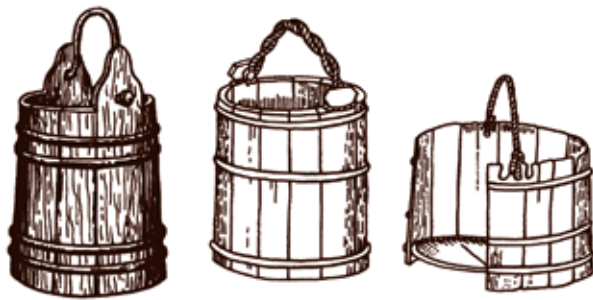
По возвращении поезда с гулянья показавшую себя народу невесту встречали на крыльце поджидавшие свекор со свекровью, принимавшие ее из рук молодого за руки и потом низко кланявшиеся участникам «санного обряда» за то, что они «уберегли белую лебедушку, их доченьку богоданную ото всякого сглаза, ото всякой притки, ото всякой напасти». Затем повторялся опять переход через шубу санных с рук на руки молодых, и они вводились в покои, где и продолжалось прерванное на «полустоле» веселое столованье.

К н. XX в. обычай этот был забыт, хотя в некоторых местах выезд на самое гулянье с течением времени перенесся на 22 нояб./5 дек. (*Прокопьев день*), а затем и на 24 нояб./7 дек., на *Катеринин день*.

«Введенье идет, за собой Прокопа ведет», — гласила народная поговорка. «Прокоп по снегу ступает, дороги копают». «Катерина на санях катит к холодному Юрию (26 нояб./9 дек. — см.: Юрьев день) в гости».

А. Коринфский

ВЕДРО, сосуд для переноса воды. В русской деревне ведра были деревянными, бондарной работы. Клепки — деревянные дощечки, из которых собиралось ведро, изготавливали из осины, ели, сосны. Древесина этих деревьев славилась легкостью, влагоустойчивостью, прочностью. Она позволяла сделать ведро надежным в работе и легким.

Ведра

Женщины носили ведра с *колодца* или др. источника на *коромыслах* — по одному ведру на каждом его конце. Оба ведра вмещали в себя по 12 л воды, т. е. столько, сколько могла поднять и донести до дома женщина. Этот объем был постоянен на протяжении многих веков.

ВЕДЬМА, по древнерусской, преимущественно языческой, мифологии — один из видов *нечистой силы*, сочетающий в себе свойства реальной женщины и *черта*. По народным представлениям, обычная женщина становилась ведьмой, если в нее вселялся злой дух, черт, душа умершего; если она сожительствовала с чертом, бесом, змеем или заключала с ними сделку ради обогащения. Православные люди боролись с ведьмами с помощью *крестной силы*.

Ведьма в народных представлениях. Худ. Н. Антипова

В народе считали, что ведьмы способны превращаться в разных животных. Особенно они любили «скидываться» черными кошками (отсюда и приметы, связанные с ними), собаками, соколами. Могли также летать на помеле или *кочерге*, вылетая в печную трубу ночами на *шабаш* — ночные гулянки с нечистой силой. Излюбленные места таких

гулянок — многочисленные «лысые горы», особенно Лысая гора под Киевом. Ведьмы злобны, вредили людям: доили чужих коров и вообще портили скот, посеи, межи и даже людей; луговые опять нередко растут по кругу, и такие круги назывались ведьмиными, т. к. ведьмы устраивали здесь пляски. Ведьмам присуще ведовство (отчего и происходит их название), знание различных зелий, средств для поисков пропавшего, приворота любимых и др. Ведьмы могли быть молодыми девушками и старухами, красавицами и уродами; в Малороссии ведьмы более добродушны, веселы и весьма привлекательны, в Великороссии — стары, уродливы, толсты, неряшливы, с большими синими носами.

Единственный внешний неоспоримый признак ведьмы — маленький хвост. Ведьм, излишне докучавших людям, нередко избивали толпами и даже убивали еще в к. XIX в. Окончательное средство избавиться от ведьмы — пронзить ее осиновым колом.

Севернорусская ведьма оставляет свое туловище без головы под «поганым» корытом или под корытом, в котором стирают белье, превращается в бесхвостую сороку и через печную трубу вылетает на дело. Ее специальность — вынимать плод из тела беременных женщин или домашних животных и заменять его в лучшем случае куском хлеба или сырой свинины. Вынутый плод ведьма съедает.

Ведьма у малороссов сходна с севернорусской, но ее основное занятие — отнимать молоко у коров. Подойдя к корове один раз, на *Благовещение*, *Пасху* или *Юрьев день* (23 апр.), в дальнейшем только она получает от этой коровы молоко: оно течет из отверстия в бревне дома ведьмы, если отвернуть там кран. Подобным же образом ведьмы забирают в свои амбары чужой урожай, завязывая стебли злаков в узлы.

По малороссийским представлениям, в ночь на Ивана Купала ведьмы летают в Киев на Лысую гору. Это сказание заимствовано из Германии; у великороссов его нет. Отправляясь в такой полет, ведьма смазывает себе тело какой-то неизвестной жидкостью, садится верхом на помело или кочергу, берет мечик, т. е. валец от мялки для конопли, и вылетает в печную трубу. У человека, увидевшего эти тайные действия, она высасывает кровь, и он умирает. Ведьма взлетает высоко в воздух, разгоняет при этом тучи и может вызывать засуху. Иногда она крадет с неба звезды.

Различают природных ведьм, с хвостом, и обученных, без хвоста. И те и др. могут превращаться в лягушек, собак, кошек, птиц, змей, даже в кусок полотна или клубок ниток. В некоторых малороссийских рассказах у ведьмы, подобно вампиру, две души — чистая и нечистая.

Лит.: Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991.

Д. К., Л. Б.

ВЕКОВУХА, старая дева, не состоявшая в браке.

ВЕЛЕС (Волос), в древнерусской языческой мифологии бог домашнего скота, зверей и богатства, второй по значению бог после *Перуна*. В «Повести временных лет» Велес соотносился с золотом, а Перун — с оружием. В Киеве идол Перуна стоял на горе, а идол Велеса — на Подоле в нижней части города.

А. Клименко. Велес

По древним поверьям, Велес принимал обличие медведя и считался покровителем хорошей охоты.

На Велесовы дни, которые зимой праздновались вместе с Колядой (христ. *Святки* и *Масленица*), участвовавшие рядили в звериные маски и тулупы и отмечали *комоедицы*, праздник пробуждения медведя.

После Крещения Руси образ Велеса был вытеснен св. Власием (см.: Власьев день). Хотя произошло это не сразу. В Ростове Великом, напр., идол Велеса был сокрушен св. Авраамием Ростовским в XI в. Следы культа Велеса под видом почитания св. Власия сохранились во многих местах России, и особенно на севере. Еще в н. XX в. русские крестьяне соблюдали древний обычай оставлять в дар Велесу несжатыми несколько стеблей хлебных злаков — волотей, называемых «Волосовой бородкой».

О. П.

ВЕЛИКАНЫ, по народным сказаниям, первоначально все люди были великанами, но постепенно люди мельчают, и когда они будут не больше муравьев, наступит конец света. Великаны, часто заменяемые в народных сказках змеями или чертом, ведут борьбу с богом-громовником, похищают свет и дождевую влагу; но иногда они являются его помощниками. Великаны живут в больших горных пещерах. Они обладают несметными сокровищами, заключенными в горах, которые раскрываются по их приказанию. Деятельность их проявляется в перенесении гор с одного места на другое, в бросании громадных камней. В битвах они употребляют каменные булавы и каменные щиты. Иногда великаны занимаются кузнечной работой. Великанам народ приписывает постройки из нагроможденных друг на друга массивных камней; в холмах или горах видит окаменелых великанов или считает их могилами великанов.

См.: Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 2. М., 1868.

ВЕЛИКАЯ МАТЬ ВСЕГО ЖИВОГО, народное название *Параскевы Пятницы*.

ВЕЛИКДЕНЬ, 1) малороссийское и белорусское название *Пасхи*. Кроме Пасхи в Малороссии существовали еще три Великдня.

2) Рахманский Великдень. На этот день скорлупу освященного яйца выносили на реку и пускали на воду. Считалось, что когда она доплывет до «*рахманів*», то тогда у них будет Великдень. Иногда приурочивали рахманский Великдень к празднику Преполовления.

3) Мертвецкий Великдень. По малороссийскому поверью в полночь *Великого четверга* мертвецы встают из гробов, идут в церковь, слушают богослужение, исполняемое священником-мертвецом, и возвращаются в гробы; если живой попадет в это время в церковь, то не избежит смерти.

4) Мавский (русальний) Великдень — в четверг на Троицкой неделе. Считалось, что в это время *мавки* и *русалки* очень опасны.

Лит.: Маркевич Н. А. Обычаи, поверья, кухня и напитки малороссиян. Киев, 1860; Беньковский. Обычаи и поверья, приуроченные к великодню // Киевская Старина. 1895. V; Свидицкий. Великдень у подолян // Основа, 1861, X—XII.

ВЕЛИКИЙ ПОСТ, важнейший из многодневных *постов* Православной церкви. Он напоминает нам о сорокадневном посте Спасителя в пустыне, он же вводит нас в *Страстную седмицу* и затем к радостям Праздника праздников — Светлого Христова Воскресенья, *Пасхи*.

Для русского народа обязательное соблюдение Великого поста было одной из главных составляющих русского образа жизни.

Первая неделя Великого поста отличается особенной строгостью, а вместе с тем и богослужение — особенной продолжительностью. В первые четыре дня (понедельник, вторник, среда, четверг) на Великом повечерии читается канон св. Андрея Критского с припевами к стиху: «Помилуй мя, Боже, помилуй мя».

В русском быту первый понедельник первой седмицы Великого поста назывался чистым днем, когда русские соблюдали обряд очищения от *грехов* только что закончившейся *Масленицы*. Хозяйки прибирали в доме, чистили и мыли посуду. В этот день человек должен быть чист душой и телом, даже полагалось полоскать рот, чтобы смыть следы скоромной пищи, оставшейся от Масленицы.

Во вторник наблюдали появление звезд и по приметам предсказывали предстоящую на лето погоду.

В среду прослушивали воду в реках, прудах и родниках. Если вода шумит, как жернов на мельнице, — считали, что летом будут большие дожди и грозы. Если в шуме воды слышался как бы человеческий голос — лето будет благополучное.

В четверг начинали улетать на север зимние птицы.

В пятницу во имя своего спасения ели только коливо с медом — обрядовую пищу из вареной пшеницы. По преданию, имп. Юлиан Отступник через 50 лет после сожжения Феодора Тирона, надругаясь над христианами, приказал в этот день все продукты на рынках окроплять идолопоклонной кровью. Но св. Феодор явился во сне архиеп. Евдоксию и повелел через него ничего в этот день не покупать на рынках, а вкушать только коливо с медом.

В субботу вспоминали Масленицу и пекли *блины* на постном масле.

В первое воскресенье Великого поста совершается т. н. «торжество Православия», установленное при царице Феодоре в 842 в память восстановления почитания св. икон. В конце литургии священнослужители совершают молебное пение в середине храма перед иконами Спасителя и Божией Матери, молясь Господу об утверждении в вере православных христиан и обращении на путь истины всех отступивших от Церкви. Диакон затем громко читает Символ веры и произносит анафему, т. е. объявляет об отделении от Церкви всех, кто осмеливается исказить истины Православной веры (в т. ч. масонов и екуменистов), и «вечную память» всем скончавшимся защитникам веры Православной, а «многая лета» — живущим.

Во второе воскресенье Великого поста совершается память св. Григория Паламы, жившего в XIV в. Согласно с Православной верой, он учил, что за подвиг поста и молитвы Господь озаряет верующих благодатным Своим светом, каким сиял Господь на Фаворе. По той причине, что св. Григорий раскрыл учение о силе поста и молитвы, и установлено совершать его память во второе воскресенье Великого поста.

В понедельник второй недели в старину женщины перенизывали жемчуг, убирали *убрусники* и *кокошники* (головные уборы), вышивали фаты шелком.

На пятницу третьей недели у русских было принято, что молодой зять приглашает тестя к себе в дом и справляет обжорную пятницу. Для этого важного дела, чтобы *пир* был на славу, варили кисель с конопляным

маслом и угощали им званых гостей. Отмечалась и обжорная суббота. Но вся еда была постной.

В третье воскресенье Великого поста за всенощной выносятся после Великого славословия Св. Крест и предлагается для поклонения верующим. При поклонении Кресту Церковь поет: «Кресту твоему поклоняемся, Владыко, и святое воскресение Твое славим». Эта песнь поется и на литургии вместо трисвятого. Церковь выставляет в середине Четыредесятницы верующим Крест для того, чтобы напоминанием о страданиях и смерти Господней воодушевить и укрепить постящихся к продолжению подвига поста. Св. Крест остается для поклонения в течение недели до пятницы, когда он, после часов, перед литургией вносится обратно в алтарь. Поэтому третье воскресенье и четвертая седмица Великого поста назывались «крестопоклонными», а в народе средокрестными, средопостными.

Средокрестье (средопостье) отмечалось на четвертой неделе в середине Великого поста. Пекли обрядовое печенье (на постном масле, а иногда и без него) в виде крестов, чтобы оно способствовало севу и хорошему урожаю. Считалось, что такая выпечка давала силу земле-кормилице, мужику-пахарю и животным (лошади или волу), без которых мужик не мог ни вспахать, ни взборонить землю. Печенье в виде крестов (крестцы, кресты) пекли в среду (в некоторых местах в четверг) из ржаной муки (из пшеничной — в Малороссии) для каждого члена семьи и сверх того еще 3 или более. В кресты запекали различные предметы — зерна хлебных злаков, монету, крестик и т. д. Печенье в виде крестов полагалось съесть в тот же день, 3 креста оставляли до сева.

Приступая к севу, обходили поле 3 раза, затем разламывали оставленные кресты, съедали их, а у кого оказывалась запеченная памятка (зерно, монета), тот и начинал сев. В некоторых областях кресты скармливали и лошадям. Это должно было способствовать плодородию полей и приплоду животных. Обрядовое печенье в виде крестов использовали и как *оберег*, и как целебное средство. Такие кресты клали в закрома с зерном или мукой. Использовали кресты и в *гаданиях* о личной судьбе.

В среду — перелом поста. По народному поверью, в этот день пост переламывается в переднем углу. Забавляя детей, бабушки садились за стол в переднем углу и стучали под лавкой. Этот стук, уверяли они малышей, будто бы происходит от перелома поста. В народе полагали, что с этого дня щука разбивает хвостом лед на реках.

В четвертое воскресенье вспоминается св. *Иоанн Лествичник*, написавший сочинение, в котором показал «лестницу», или порядок, добрых деяний, приводящих людей к Престолу Божию.

Пятая неделя Великого поста в народе называлась похвальной. Во вторник молодожены устраивали угощение для родни со стороны молодой жены. В среду проводились сходки по избам для проводов зимы. В четверг на пятой неделе совершается т. н. «стояние св. Марии Египетской». Жизнь св. Марии Египетской, прежде великой грешницы, должна служить для всех примером истинного покаяния и убеждать всех в неизреченном милосердии Божиим. На утрени в этот день читается житие св. Марии Египетской и канон св. Андрея Критского, тот самый, который читается в первые четыре дня Великого поста. В субботу на пятой неделе совершается «Похвала Пресвятой Богородице». Чита-

ется торжественный акафист Богородице. Эта служба установлена в Греции в благодарность Богородице за неоднократное избавление Ею Царьграда от врагов. В России акафист «Похвала Богородице» совершается для утверждения верующих в надежде на Небесную Заступницу, Которая, избавляя от врагов видимых, тем более готова нам помочь в борьбе с врагами невидимыми.

В пятую субботу поста у русских также было принято проводить званые поминки.

В пятое воскресенье Великого поста совершается последование прп. Марии Египетской. Церковь дает в лице прп. Марии Египетской образец истинного покаяния и для ободрения духовно тружущихся показывает на ней пример неизреченного милосердия Божия к кающимся грешникам.

Шестая седмица посвящена приготовлению постящихся к достойной встрече Господа с ветвями добродетелей и к воспоминанию страстей Господних. Называлась эта неделя Вербной потому, что к этому времени обычно распускается *верба*, которую освящают на праздник Входа Господня в Иерусалим. Освященную вербу ставили в передний угол у *божницы*, иногда ее украшали лентами. В некоторых местах вербу втыкали в *матицу*.

В понедельник теща приносила в дом молодого зятя подарки и желала добра и благополучия молодоженам. С Вербной неделей, особенно с ее последними днями, было связано много примет на погоду и будущий урожай.

В субботу на шестой неделе на утрени и литургии вспоминается воскрешение Иисусом Христом Лазаря. Эта суббота называется *Лазаревой субботой*. На утрени в этот день поются воскресные «тропари по Непорочным» «Благословен еси, Господи, научи мя оправданием Твоим», а на литургии вместо «Святой Боже» поется «Елицы во Христа крестистесь, во Христа облекостесь. Аллилуйя».

Шестое воскресенье Великого поста есть великий двенадцатый праздник, в который празднуется торжественный вход Господень в Иерусалим на вольные страдания. Этот праздник иначе называется Вербным воскресением, Неделей ваий и цветоносной. В этот день освящают вербу. На всенощной после прочтения Евангелия не поется «Воскресение Христово», а читается непосредственно 50-й псалом и освящаются молитвой и окроплением св. водой распускающиеся ветви вербы (ваиа) или др. растений. Освященные ветви раздаются молящимся, с которыми при возжженных свечах верующие стоят до конца службы, знаменуя победу жизни над *смертью* (воскресение).

О седьмой неделе Великого поста см.: Страстная неделя.

Д. К. ВЕЛИКИЙ ЧЕТВЕРГ, четверг на *Страстной неделе*, у малороссов имел название «Чистый четверг», «Навий Велик день» (Пасха мертвых). Великий четверг посвящен воспоминанию о Тайной вечере, на которой Христос омыл ноги ученикам своим, показав этим глубокий пример братской любви и смирения. Церковь воспроизводит этот обряд — омовение ног — в действиях и лицах. Совершался он в главных епархиальных соборах, и в Петербурге можно было видеть его в Исаакиевском кафедральном соборе неизменно сохранявшимся в том самом виде, в каком он совершался в XVII в. в Москве. Несушественное отличие в совершении его было лишь в Новгороде. Там омовение

начиналось чтением протодиакonom и ключарем 10-го псалма. Протодиакон и ризничий вели священников из алтаря на средину собора не по двое, а по одному и подводили к святителю со словами: «А учениче, учитель глашает ти». Первый из священников, изображавший ап. Петра, садился по левую руку святителя, последний занимал место Иуды Искаротского. С него и начиналось омовение ног при чтении протодиакonom соответственных мест св. Евангелия. После отпуста владыка кропил народ св. водою.

После совершения обряда, как у новгородского владыки, так и у московского патриарха, была трапеза для властей держащих. Царь жаловал из своих государевых рук государевым жалованьем находившихся в Москве архиереев и раздавал милостыню по богадельням, больным и нищим, посещал тюрьмы, разговаривал с колодниками, освобождал нескольких преступников и выкупал посаженных в тюрьму за долги.

По новгородскому уставу перед обедней совершалось еще общее елеосвящение пред столом, на котором среди священных предметов положены были семь ручек с кистями, обвитых ватой, называющихся «стручками». По совершении елеосвящения ключари наливали масло в семь восковых сосудов, а пред северными алтарными дверями поставлялся стол с медной лоханью и двумя кувшинами теплой воды и при этом две чарки и два полотенца. Семь старших духовных властей брали почать с маслом и кистью и становились к западу лицом, помазывали себя елеем, а потом принимали помазание от святителя; в алтаре омывали теплой водой масло на лбу и руках и затем приступали к разоблачению престола. При пении псалмов омывали престол из сосуда с укропом, вином и маслом, отирали белыми *полотенцами*, которые разрезали на мелкие части и раздавали народу.

К этому же дню приурочено, по древнему обычаю, при митрополичьих кафедрах Московской и Киевской мироварение, совершаемое только тогда, когда, по соображению количества св. мира, представляется в том надобность.

Вечером в Великий четверг читается 12 Евангелий о земных страданиях Спасителя, и потому богослужение называется «страстями» или «великим стоянием», т. к. во время всенощной не разрешается сидеть. Совершение этих служб церковных известно всем, поэтому мы не будем описывать их, заметим только, что в Новгороде в былые времена святитель сам раздавал свечи народу и читал первое Евангелие в царских дверях, становясь лицом к народу, последнее Евангелие читал очередной иерей.

О Великом четверге среди русских сохранились суеверные представления, имевшие корни в языческой старине. Так, по поверью, в полночь встают из гробов мертвецы, вызванные колокольным звоном, неслышным живым, становятся перед церковью, и мертвец-священник читает молитву. Отворяются сами собой церковные двери, мертвецы входят в храм Божий, и начинается служба. По окончании обедни все христосуются и затем в том же порядке, в каком явились, расходятся в свои вечные жилища — могилы.

С Великим четвергом в русском народном календаре связано наибольшее количество обрядов. Многие из них свидетельствуют о том, что в древности с этим днем совпадало празднование Нового года, который раньше начинался в марте. Вероятно, не без связи с новогодним праздником весной именно в этот день в

первый раз приглашали умерших предков к домашнему очагу, топили для них *баню* и готовили угощение. Уже в памятниках XI в. содержатся рассказы о бане, которую в этот день топили не только для себя, но и для предков, для умерших — «родителей» или для домового — «хозяина». Им оставляли на полке ведро воды и веник, приговаривая: «Тебе, баня, на стоянье, а нам на здоровье». Это давняя традиция: еще в XVI в. для покойных родителей в бане вешали рубахи и полотенца, лили воду на каменку, а на пол высыпали горку пепла, чтобы увидеть след, оставленный помывшимися. В «Стоглаве» (Свод Законов XVI в.) говорится о косяках из соломы, которые жгли в этот день, и о том, что призывали покойников.

Впрочем, обряд поминовения умерших в Великий четверг (малорос. *жильный четверг*) сохранился хуже; это поминовение стали связывать частью с радоницей, частью же — с четвергом на пасхальной неделе. Малороссы называли его *на́вський великдень* (т. е. «Пасха мертвых») и верили, что в этот день покойников отпускают с того света, чтобы они отслужили обедню и покались в грехах. У великороссов вплоть до н. XX в. повсеместно сохранялась овсяная каша (овсяный кисель), ритуальное блюдо Великого четверга, которым в этот день угощали персонифицированный мороз. Иногда эту кашу (кисель) хранили до Пасхи и съедали в Светлое Христово Воскресенье раньше кулича, остатки выплескивали за окно с приговорами, чтобы жито хорошо уродилось и градом-ветром его не побил. Иногда четверговый кисель заклинали на мороз, чтобы мороз всходы не побил. Важным обрядом было освящение семян.

Очистительные обряды были очень разнообразны: рано утром (*до вóрона*, т. е. до крика ворон) умывались, воду брали из родников, причем в воду иногда клали серебряную монету — для очищения и чтобы быть здоровым. По поверью, и ворон в этот день купает своих детей, потому воду нужно было набрать раньше ворона, купающего своих детей, а еще лучше — добыть хотя бы каплю воды с вороненка.

Утром рано у родников обмывали больных детей, обмывались сами, а потом перевязывали запястья пряжей. Считалось, что это на весь год от болезней предохраняет. В Сибири в этот день не только умывались из речных прорубей, но и купались в реке. В др. местах обязательно надо было в этот день вымыться в бане, но любое омовение означало приготовление к весеннему севу, к которому нужно было приступать чистым телом и душой. Непременно мылись в бане. Некоторые севернорусские Тверской губ. садились верхом на конек крыши и хлестали себя банным веником. Сжигали солому из постелей. Окуривали себя можжевельником, перешагивая через костер, сложенный из его ветвей. По всему дому размещали ветки можжевельника и пихты для защиты от злых духов. На Русском Севере в этот день ходили в лес за можжевельником, зажигали его в доме на сковороде, окуривали все углы дома, перешагивали или перепрыгивали через дымящуюся сковороду. Иногда разжигали дымящийся можжевельниковый костер и перепрыгивали через него, чтобы избавиться от грехов и не болеть. Малороссы били деревянными колотушками по церковной ограде или по колокольне, отгоняя шумом нечистую силу.

В Великий четверг старались очистить дом, двор и огород от накопившегося за зиму сора и грязи. Полы, стены, потолки избы, стол и лавки тщательно мыли,

драили песком и голиком, скоблили ножом; обновляли и мыли иконы и лампы. В народе говорили: «Если в чистый четверг вымоешь, весь год чистота в избе водиться будет». После этой уборки в избе не подметали до Пасхи, чтобы «не засорить глаза лежащему во гробе Христу».

Наиболее распространенный в Малороссии, даже в городах, христианский способ уберечься от нечистой силы заключался в том, что на дверных притоках выжигали кресты горящими свечами, с которыми отстояли в церкви вечерню в Великий четверг (т. н. страсти). Свечи для этой цели надо было донести горящими до дому. В некоторых местностях России совершался обряд очерчивания магического круга для сбережения от нечистой силы. Круг очерчивали разными способами, напр. обходили дома и дворы с освященными предметами. В Вятской губ. хозяин обходил с иконой дом или оббегал его на палке.

Хозяин перед восходом солнца потряхивал *соху*, чтобы хлеб лучше родился. Четверговую золу из печи хозяйки выносили в курятник, чтобы куры лучше плодились. Дети с колокольчиками на шее бегали вокруг дома, чтобы скотина с пастбища возвращалась домой; для тех же целей у лошадей и коров отрезали пучок волос с хвоста и затыкали за *матицу*.

Приготовляли *четверговую соль* и *четверговый хлеб*.

В Вологодской губ. и в Белоруссии обнаженная женщина, в большинстве случаев хозяйка дома, верхом на помеле описывала магический круг вокруг дома и двора, причем иногда весь двор осыпала снаружи зерном. Во многих местах этот магический круг приобрел в н. XX в. новый смысл — как защита от клопов, тараканов, червей и др. паразитов. С этой же целью хозяйка дома, также обнаженная, подметала венником дом и двор, а клопов выносила в поле. Считалось, что нитки, спряденные в этот день, в особенности необычным способом, предохраняли от болезней: ими перевязывали руки и вплетали их в косы. Верили также, что целебную силу имеет и соль, которую в этот день пережигали в печи на раскаленных углях, смочив ее предварительно гущей кваса; особенно действенной она считалась против болезней, вызванных дурным глазом. Считалось, что мясо забитого в этот день скота не портится, а сало обладает целебной силой.

Из обрядов Великого четверга новогодними по своему значению являлись, по-видимому, следующие: ранним утром хозяева считали деньги; утром как бы занимались всеми видами сельскохозяйственных работ; брали в руки соответствующее орудие и делали движения как при косьбе, жатве, молотьбе, севе и т. д. Очень много различных обрядов было связано и со скотоводством: созывали скот через печную трубу, хозяйка, войдя в курятник, подражала крику петуха, чтобы куры плодились; на столб забора вешали вверх дном горшок, чтобы ястреб не увидал кур; свиней созывали через сито, чтобы они не видели в заборе дыр, сквозь которые можно пролезть в огород; на ушах домашнего скота делали метки; распугивали зверей в лесу криком: «Волки, медведи, из слуха вон; зайцы, лисы, к нам в огород!» и при этом били в сковороды, звенели коровьими колокольчиками и т. д. В Малороссии в этот день купались в реке, чтобы смыть свои грехи, многие исповедовались и причащались второй раз.

Ист.: Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991; Степанов Н. П. Народные праздники на Святой Руси. М., 1990.

ВЕЛИКОРУСЫ (великороссы), самая многочисленная из трех ветвей русского народа (великорусы, малороссы, белорусы), обычно называемая просто русскими. Великорусы, как малороссы и белорусы, произошли от единой древнерусской народности, сложившейся еще в VI—XIII вв. По мнению многих историков, наименования «русские», «великороссы», «Русь», «Русская земля» восходят к названию одного из славянских племен — родиев, россов, или руссов. Из их земли в Среднем Поднепровье название «Русь» распространилось на все Древнерусское государство, в которое вошли, кроме славянских, и некоторые неславянские племена. Уже в те времена наметились различия в культуре населения лесистых северных и степных и лесостепных южных областей Руси: напр., на юге пахали ралом, на севере — сохой; северное жилище было срубным, высоким, с деревянной кровлей, южное — полуземляной с каркасными стенами, земляным полом и соломенной кровлей. В многочисленных городах высокого развития достигли ремесла и торговля, древнерусская культура. В X в. появилась письменность, затем исторические произведения (летописи) и литература на древнерусском языке, одним из ярких памятников которой является «Слово о полку Игореве» (XII в.). Издавна существовал богатый фольклор — сказки, песни, *былины*. В условиях хозяйственного развития отдельных областей и удельной раздробленности еще в XII в. создались предпосылки для формирования великорусской, малоросской и белорусской ветвей русского народа. Сложение русской народности связано с борьбой против монголо-татарского ига и созданием централизованного Русского государства вокруг Москвы в XIV—XV вв. В это государство вошли северные и северо-восточные древнерусские земли, где, кроме потомков славян — вятичей, кривичей и словен, было много переселенцев из др. областей. В XIV—XV вв. эти земли стали называть Русью, в XVI в. — Россией. Соседи называли страну Московией. Названия «Великая Русь» в применении к землям, населенным великороссами, «Малая Русь» — малороссами, «Белая Русь» — белорусами, появились с XV в. Начавшаяся еще в древности колонизация славянами северных земель (Прибалтика, Заволочье), Верхнего Поволжья и Прикамья продолжалась в XIV—XV вв., а в XVI—XVII вв. русское население появилось в Среднем и Нижнем Поволжье и в Сибири. Великорусы вступали здесь в тесный контакт с др. народами, оказывали на них экономическое и культурное влияние и сами воспринимали лучшие достижения их экономики и культуры. В XVIII—XIX вв. территория государства значительно расширилась. Присоединение ряда земель в Прибалтике, Восточной Европе, Причерноморье, Средней Азии сопровождалось расселением великорусов на этих территориях.

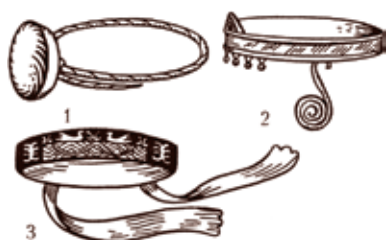
Основные этнографические группы великорусов, различающиеся по диалектам («окаящий» и «акающий») и этнографическим признакам (постройки, одежда и т. п.), — северные и южные великорусы. Связующим звеном между ними является средневеликорусская группа, занимающая центральный район — часть Волго-Окского междуречья (с Москвой) и Поволжья и имеющая в диалекте и культуре как северные, так и южные черты. Более мелкие группы великорусов — поморы (на Белом море), мешёра (в северной части Рязанской обл.), различные группы казаков и их потомков (на рр. Дону, Урале и Кубани, а также в Си-

бири), старообрядческие группы — бухтарминцы (на р. Бухтарме в Казахстане), семейские (в Забайкалье).

Разрушение Российского государства в 1991 расчленило единый организм русского народа, для которого вся Россия — Российская Империя — СССР была исторической Родиной. В одночасье десятки миллионов великорусов, малороссов, белорусов стали иностранцами в своей стране. В частности, из 146 млн великорусов такой статус получили почти 27 млн чел., из них 6230 тыс. чел. живут в Казахстане, 1650 тыс. — в Узбекистане, 917 тыс. — в Киргизии, 905 тыс. в Латвии, 562 тыс. — в Молдавии, 475 тыс. — в Эстонии, 392 тыс. — в Азербайджане, 388 тыс. — в Таджикистане, 345 тыс. — в Литве, 341 тыс. — в Грузии, 334 тыс. — в Туркмении, 51 тыс. — в Армении. Около 2 млн великорусов живут в Северной и Южной Америке и Европе.

О. П. ВЕЛИТИИ, великаны малороссийских народных сказаний, существовали до потопа; их заменили обыкновенные люди, которые начали появляться на земле еще при существовании великанов. Эти последние были так огромны, что один из них, увидев пахущего человека, взял на ладонь плуг с шестью волами и самого «плугатаря». «Теперь нет велетиив, только в церкви в Киеве или Львове стоит нога одного из них: такая высокая, что достаёт до купола. Великанов заменили мы, обыкновенные маленькие люди, а нас заменят когда-то карлики, которые будут так малы, что в наших печах их двадцать будет молотить» (См. также: Великаны).

ВЕНЕЦ, праздничный и свадебный головной убор девушки. Этим словом обозначались два различных по конструкции головных убора. Один из них представлял собой неширокий обруч, изготовленный из луба или бересты, обтянутый сверху тканью и украшенный бумажными цветами, перьями, бусами, стеклом или бисером. Венец надевали на голову таким образом, что он проходил по лбу над бровями и завязывался на затылке.

1, 2 — металлические венчики. XI—XIII вв.; 3 — лента-венец на твердом каркасе. XVII в.

Девичий венец — «челка» новгородская

Сзади к нему прикрепляли широкую полосу парчи или шелка, декорированную на конце золотным кружевом, бахромой из гаруса. Она прикрывала косу и спускалась чуть ниже лопаток. Такие венцы получили распространение в южных губерниях Европейской России и в Тобольской губ.

Венец др. типа вырезался из бересты (картона), проклеивался холстом. Его поверхность делалась ажурной или сплошной, причем верхний край всегда оставался зубчатым, как говорили крестьяне, «с городками». Венцы могли

Девушка в венце. 1900-е гг. ГИМ

быть сердцевидными с резным краем, напоминать короны, или полуovalными с высокой передней частью. Лицевую сторону венца украшали жемчугом, бисером, драгоценными или полудрагоценными камнями, цветным стеклом в металлической оправе, перламутром, цветной фольгой, золотшвейным узором, медными или латунными листочками на стебельке из канители. Изнаночную сторону обтягивали

ситцем или набойкой. Венец обычно закрепляли на неширокой повязке из парчи, которая кончалась длинными тесемками. Повязку прокладывали по темени, завязывали на затылке под косой. Дополнительным украшением к венцу была бисерная или жемчужная поднизь, спускавшаяся на лоб, и широкая полоса парчи, украшенная на конце лентами.

Венцы «с городками» были распространены на севере Европейской России: в Архангельской, Вологодской, Олонецкой, Новгородской губ., на севере Костромской, северо-западе Тверской, в некоторых деревнях Санкт-Петербургской и Пермской губ.

Общей чертой севернорусских и южнорусских венцов, как и вообще всех девичьих головных уборов, было то, что они оставляли открытой макушку на голове девушки. Пышные волосы, длинная коса считались в русской деревне признаком красоты, и потому их обладательницы старались, чтобы они были на виду. Верили в то, что девушка с хорошей косой будет счастлива и богата в браке. Героини русских сказок всегда имеют длинную косу.

Венец рассматривался в русской деревне не только как предмет утилитарного назначения, но и как знак принадлежности человека к определенной половозрастной группе, т. е. группе девушек брачного возраста. На мифологическом уровне он воспринимался как воплощение девичества, девичьей «воли вольной», с которой девушка прощается, выходя замуж. Именно поэтому в свадебном ритуале прощание с девичеством часто принимало форму прощания с венцом. В старинных свадебных песнях говорится о том, что жених похищает венец и никто уже не может его вернуть просватанной девушке.

Венец — старинный головной убор. Этот термин применительно к головному убору был известен на Руси еще в XVI—XVII вв. В этот период венцом называлась лента, вытканная из золотных нитей, иногда на каркасе из луба или бересты, украшенная по всей окружности жемчугом и драгоценными камнями. Венец надевали на лоб и завязывали на затылке. Такого типа головной убор был известен и ранее XVI в. Девушки Древней Руси носили на голове узкие металлические или тканые венчики, скреплявшиеся на затылке.

Ист.: Шангина И. И. Русский традиционный быт. СПб., 2003.

ВЕНИК, пучок веток из *березы* или *дуба* для уборки дома и мытья в *бане*. Веники заготавливали на всю зиму, хранили на чердаках и в предбанниках. По обычаю, веники начинали заготавливать на зиму со дня *Аграфены Купальницы* (23 июня/6 июля), накануне *Иванова дня*. Считали, что ко дню летнего солнцестоятия, приходившегося на эту пору, дуб, береза «созревают» — их листва хорошо держится на ветвях и обладает особой силой, служащей людям на благо.

В южных губерниях Европейской России веники изготавливали из особого «веничного» растения. Такой веник использовали только для подметания пола.

Веником мели пол в *избе* и *снях* каждый день в утренние часы. Заниматься этой работой вечером не полагалось: «можно вымести богатство». В русской деревне существовали определенные правила подметания пола. *Мусор* замели от порога в угол. Крестьяне говорили: «Не мети избы к порогу — добро выметешь, мети от порога к углу — добро заметишь в избу». Девушки, собиравшиеся в длинные зимние вечера на *посиделки* в одной из изб, мели пол там от порога к *красному углу*: «Мети от порога — заметай женихов». Иногда пол в избе подметать запрещалось. Прежде всего, тогда, когда в ней был больной человек: по поверью, вместе с сором из дома можно «вымести» и больного, т. е. ускорить его конец.

Веник из веток дерева применяли также при мытье в бане. С его помощью обычно парились. Водой же из настоя березовых листьев мыли голову.

Крестьяне наделяли веник магическими свойствами. Считали, что веник, которым парились в бане, придавал человеку силы, а мужчинам и женщинам приносил плодovitость. Такое поверье существовало о самом первом венике, связанном в день *Аграфены Купальницы*. Если в ночь с «Аграфены на Ивана» им попаришься, то будешь здоровым, бодрым, родишь много детей. Причем в некоторых деревнях для усиления магических свойств «веника Аграфены» в него добавляли ветки плодовых деревьев.

Веник осмыслился во многих ритуалах как символ *счастья* и как *оберег*. Так, молодуха, подметая первый раз пол в доме мужа, должна была отдать веник своей золовке «на счастье», чтобы та вышла замуж. При родах, проходивших в бане, его ставили в угол, чтобы защитить роженицу от действия *нечистой силы*. Невесту для защиты от *порчи* накануне *венчания* им парили в бане.

Считали, что веник требует к себе уважения. Если его не ставить на свое место в угол около *печи*, то это приведет к несчастью в доме. Через веник нельзя переступать, им нельзя бить людей, даже в шутку. Беременная женщина, переступившая через веник, будет тяжело рожать, девушка, которую стукнули веником, может оказаться бесплодной в браке.

Веник был, по представлениям русских крестьян, убежищем для *домового* — хранителя дома, *банника* — духа бани. При переезде в новый дом обязательно переносили в него и старый веник, на котором якобы переезжал и домовый.

Веник часто упоминается в пословицах, поговорках, загадках русского народа: «Старый Афанасий лычком подпоясан», «По полу скок и по лавкам скок; сядет в уголок, не ворохнется», «Мал да удал: всех людей перебил и царю не спустил», «Вечор меня зеленушка упулзал, уерзал и спать уклал».

Ист.: Шангина И. И. Русский традиционный быт. СПб., 2003.

ВЕНОК, праздничный головной убор девушек. Его изготавливали из восковых цветов или, чаще, из цветов, вырезанных из плотной, окрашенной яркими красками, хорошо прокрахмаленной ткани. Цветы на тонких проволочках прикрепляли к металлическому или берестяному узкому ободку. К цветам добавляли перья селезня, павлина, дутые бусы, стеклярус, сусальное золото, а сзади — длинные разноцветные ленты, спускавшиеся ниже лопаток.

Веники из ковыля и цветов (по И. Шангиной)

Венок надевали на лоб, оставляя открытыми волосы, и завязывали под косой. Во многих деревнях девушки прикрепляли венок булавками к яркому, свернутому в полосу *платку*. Проходя по лбу, платок завязывался на затылке так, что его концы спускались на спину. Под платок около висков подкладывали дополнительные украшения — «кучеря» из перьев селезня или помпоны из разноцветного гаруса.

Такие веники девушки из южных губерний Европейской России надевали на все большие праздники: на *Троицу*, в день *Николы Вешнего* (Николин день), справлявшийся весной. В венках водили весной и летом *хороводы* — «танки». Кроме того, веники надевали на *свадьбу* подружки невесты. Девушки сидели в таких венках на «пропое невесты», плясали со свадебным пирогом, который символизировал плодovitость будущей жены, ее богатство и счастье.

В 20-е гг. XX в. венок во многих деревнях Южной России сохранялся как свадебный головной убор невесты и как головной убор девушек — участниц свадьбы.

Веники из искусственных и живых цветов, из трав, листьев, ветвей деревьев и кустарников — одно из древнейших украшений славянских девушек. Венок из искусственных цветов как праздничный головной убор девушек в IX—XVII вв. был, вероятно, достаточно широко распространен на территории, заселенной русским народом и его предками. Девушки нередко надевали его, распуская при этом волосы. Венок поддерживал волосы, украшал девушку и указывал на ее принадлежность к определенной возрастной группе, т. е. группе девушек, готовых к вступлению в брак.

Веники из живых цветов, а также трав, листьев и ветвей деревьев были непременным атрибутом определенных ритуальных действий на языческих праздниках, справлявшихся в Древней и Средневековой Руси весной в честь возрождающейся природы. Их надевали на голову девушки, принимавшие участие в ритуальных плясках, которые рассматривались как обряд магического воздействия на природу.

Веники из березовых ветвей можно было видеть на русских крестьянках еще в н. XX в., когда они водили хороводы вокруг *березы* недалеко от поля, засеянного рожью. Веники из полевых цветов и лесных трав укра-

шали головы девушек и женщин в ночь на Ивана Купалу (*Иванов день*), когда они собирали лекарственные травы и прыгали через костры, желая получить здоровье, богатство и счастье. Такой ритуальный веночек после окончания праздника полагалось уничтожить: спустить вниз по реке, забросить на дерево или *крышу* дома, *амбара*.

Ист.: Шангина И. И. Русский традиционный быт. СПб., 2003.

ВЕНЧАНИЕ, совершение таинства *брака*, в котором жених и невеста перед священником и Церковью дают свободное обещание взаимной супружеской верности, и союз их благословляется.

Таинство брака совершается среди церкви перед аналоем, на котором находятся Крест и Евангелие, и при этом бывает сначала *обручение*, а вслед за ним венчание. Во время обручения жених становится по правую сторону, а невеста — по левую. Священник трижды благословляет их зажженными свечами и дает им в руки эти свечи как знаки супружеской любви, благословенной Господом. После молений к Богу о даровании всяких благ и милостей обручаемым, о благословении их обручения, о соединении и сохранении их в мире и единомыслии священник благословляет и обручает их кольцами, заранее положенными на престол для освящения. Жених и невеста принимают эти кольца как священный залог и знак нерушимости того супружеского союза, в который они хотят вступить. За обручением следует венчание. При этом священник молит Господа благословить брак и ниспослать на вступающих в него Свою небесную благодать. Как видимый знак этой благодати он возлагает на них венцы, а потом трижды благословляет их обоих вместе, произнося: «Господи, Боже наш, славою и честью венчай я». В читаемом послании ап. Павла говорится о важности таинства брака и о взаимных обязанностях мужа и жены, а в Евангелии — о присутствии Самого Господа на браке в городе Кане. Сочетающиеся браком пьют вино из одной подаваемой им чаши в знак того, что с этих пор они должны жить единократно, деля вместе и радость и горе. Троекратное же хождение их вслед за священником вокруг аналоя служит знаком духовной радости и торжества.

Русские православные люди рассматривали венчание как соединение мужчины и женщины и нерасторжимый Божественный союз, продолжавшийся и после *смерти*. В деревнях считалось, что идти под венец — это идти «на Божий суд, на страшный час».

Для русских обряд венчания объединял вокруг себя целый ряд ритуально-магических действий, обеспечивавших защиту от злых сил, счастливый, прочный брак, здоровое потомство, хозяйственное благополучие, долголетие.

Верили, что жених и невеста особенно уязвимы в этот ответственный момент жизни. По широко распространенному в деревнях представлению, *колдуны* могут превратить их в *волков*, в камень, заставить разлюбить друг друга, оставить бесплодными в браке. Для предохранения от этого *свадебному поезду* запрещалось останавливаться по дороге в храм, поезжане не должны были оглядываться назад. Защитой от *нечистой силы* считался и звон колоколов, раздававшийся при подъезде свадебного поезда к церкви. С целью оберега в одежду невесты, режу жениха, втыкали иголки, булавки, прикалывали кусочки рыболовной сети, на-

сыпали льняное семя, просо, клали в карман чеснок, луковицу, переписанный апокриф «Сон Богородицы» и т. д.

Многие действия, проводившиеся перед венчанием и во время него, были направлены на достижение согласия, счастливой жизни вступающих в брак молодых людей. Так, невеста и жених, заинтересованные в добром брачном согласии, по обычаю должны были во время венчания одновременно встать на подножник, расстеленный около аналоя, одновременно креститься, одновременно задувать венчальные свечи. Верили, что обеспечить будущую согласную жизнь новобрачных можно с помощью воска с венчальных свечей, прикрепленного к *божнице*, а также с помощью съеденного молодыми в *брачную ночь* «обвенчанного» куска хлеба, т. е. хлеба, который невеста во время венчания держала под грудью.

Некоторые обрядовые действия должны были предохранить молодых от измены. Так, запрещалось кому-либо стоять или проходить между женихом и невестой. Верили, что именно во время венчания можно обеспечить здоровье молодым. Для этого надо в момент, когда священник обводит брачующихся вокруг аналоя, тихонько произнести: «Хвори, боли, не привенчайтесь, а доброе здоровье привенчайся»; при словах «раба Божия венчается» надо было сказать: «А у меня болезнь кончается».

Будущее хозяйственное благополучие старались обеспечить в тот момент, когда жених и невеста подходили к церкви: расстилали перед ними белую новую ткань, бросали под ноги деньги, осыпали зерном, а также во время венчания, когда невеста прятала за пазухой хлеб, насыпала в обувь соль, жито, «чтобы всегда их было вдоволь», прикрепляла к одежде клочок шерсти, «чтобы овцы хорошо плодились», и т. д.

Считалось, что предметы, находившиеся у жениха и невесты во время венчания, обладают особой магической силой. Так, воск венчальных свечей и вода, слитая с благословенной иконы, использовались для лечения младенцев. Венчальная рубаха якобы снимала боль, помогала женщине при *родах*. В некоторых деревнях хозяин дома надевал на себя венчальную рубаху в первый день сева, чтобы собрать осенью хороший урожай. Обручальное кольцо использовалось при *гаданиях* на *Святках*.

После венчания новобрачные в северных губерниях Европейской России, а также во многих деревнях Сибири и Алтая ехали в родительский дом на свадебный пир (см.: Княжий стол). Там же по окончании пира проходила и их брачная ночь. В южнорусских деревнях после венчания каждый возвращался в свой дом, но вечером жених приезжал к невесте, где и проходила их первая брачная ночь, а свадебный пир начинался после сообщения о том, что молодые стали мужем и женой.

Молодые люди, жившие невенчанными, не считались мужем и женой, а их дети признавались незаконнорожденными. В то же время, по народным представлениям, самого венчания было недостаточно, чтобы признать брак состоявшимся. Настоящим он становился только в том случае, если был оформлен согласно традиции, с выполнением всех установленных обрядовых действий.

Ист.: Шангина И. И. Русский народ. Будни и праздники. СПб., 2003.

Венчание на царство Владимира Мономаха. Роспись Грановитой палаты Московского Кремля

ВЕНЧАНИЕ НА ЦАРСТВО РУССКИХ ГОСУДАРЕЙ, один из самых торжественных праздников русского народа. Отмечался с большой пышностью. День этот объявлялся выходным. На праздник выходил весь народ.

Венчание на царство русских государей по определенному церковному обряду было совершено впервые при вел. кн. Московском Иване III над внуком его Дмитрием 4 февр. 1498.

Мысль о венчании на царство появилась у московских князей под влиянием Византии. Известно указание летописи на присылку Владимиру Мономаху подарков от византийского императора, и на этой основе была создана повесть о мономаховом венце и бармах, в которой говорится, что Мономах «венчан бысть тогда в Киеве тем царским венцем и оттоле боговенчаный царь нарицашеся в Российском царствии». Царь Иван Васильевич Грозный в своей духовной благословлял сына Ивана «царством Русским, шапкою Мономаха и всем чином царским, что прислал прародителю нашему царю и великому князю Владимиру Мономаху царь Константин Мономах из Царьграда». Над преемником Ивана III Василием III обряд венчания не был совершен; точно так же оставшийся после Василия трехлетний сын Иван IV не был венчан на царство, а только благословлен митрополитом. Но когда Иван Грозный достиг 16-летнего возраста, он объявил митр. Макарию и боярам о своем решении венчаться «царским венцом» на государство.

В чин венчания Ивана IV впервые вошло миропомазание, очевидно также взятое из чина венчания византийских императоров. При венчании царю подали, кроме шапки Мономаха, Животворящего Креста и золотой цепи, также «скипетр, чтобы править хоругви Великого Русского царства» (16 янв. 1547). При венчании Бориса Годунова 1 сент. 1599 в числе знаков цар-

ского достоинства впервые появляется яблоко, или держава: «Как это яблоко, приняв в свои руки, держишь, — говорил патриарх, — так держи и все царства, данные тебе от Бога, соблюдая их от врагов непоколебимо». При Алексее Михайловиче начали играть большую роль бармы при венчании, а Федор Алексеевич надел во время венчания порфиру. Он был последний

20 февраля 1613 года. На паперти Благовещенского собора Московского Кремля келарь Троице-Сергиевой лавры Авраамий Палицын зачитывает решение Земского Собора «Об избрании на царский престол боярина Михаила Федоровича Романова»

14 марта 1613 года. Михаил Федорович и его мать инокия Марфа Ивановна принимают от московского посольства челобитные грамоты Земского Собора об избрании его на царство у стен Костромского Ипатьевского монастыря

царь, коронованный монаховыми регалиями: т. к. за ним последовало коронование сразу двух царей, то для них сделаны были новые регалии.

Императорской короной коронуется впервые супруга Петра I Екатерина I (7 мая 1724). Петр сам со-

ставил чин коронования и придал этой церемонии преимущественно государственный характер. О коронации объявлялось на всех площадях «во всенародное множество» через герольдов с трубачами и литаврами. Древние бармы Петр заменил западной епанчой или мантией из золотого штофа, подбитой белыми горностаями и расшитой орлами; отменено было надевание Мономахова креста. Вместо шапки Мономаха для императрицы сделали новую корону по образцу византийских. Все прочие регалии (скипетр, державу) Петр оставил прежние. Сохранено было также миропомазание.

Из государей императорской короной первым венчался Петр II 25 февр. 1728 в Москве. Император Иван VI и Петр III коронованы не были. Коронование Павла I происходило одновременно с супругой, причем Павел, подобно Петру I, возложил на императрицу только венец и епанчу, а скипетр продолжал держать в своей руке. Принимая из рук императора венец, императрица преклонила пред ним колена. Особенность коронации Павла (5 апр. 1797) состояла еще и в том, что он по окончании обряда прочитал и затем положил на престол в Успенском соборе составленный им и в тот же день обнародованный закон о престолонаследии, или «Учреждение об Императорской Фамилии».

В XIX в. русские государи, чтобы венчаться на царство, приезжали из С.-Петербурга в Москву и останавливались в Петровском дворце. В навечерие торжественного дня коронования как в главном Успенском, так и в прочих соборах и церквях по всей Москве отправляли пополудни в четыре часа молебен со звоном, а к вечеру — всенощное бдение. Цари и члены Императорской Фамилии слушали всенощное бдение в храме Спаса за Золотой Решеткой, где читалось и правило к Причащению.

11 июля 1613 года. Венчание на царство. Митрополит Ефрем в Царских вратах Успенского собора миропомазует нововенчанного царя Михаила Федоровича

11, 12, 13 июля 1613 года. Пир в Грановитой палате Московского Кремля по случаю венчания на царство Михаила Федоровича

В самый день коронования, когда начало торжества возвещалось двадцатью одним выстрелом из пушек, от Успенского собора начинался благовест в большой колокол, потом — в другие перебором, как обычно бывает для крестного хода. Синодальные члены и преосвя-

щенные архиереи с прочим духовенством собирались в соборе и совершали молебствие о многолетнем здравии Его Императорского Величества. По окончании молебна и литургийных часов ожидали в священническом одеянии пришествия Императорской четы.

Когда начиналось шествие, звонили во все колокола.

При приближении царских регалий к южным дверям соборной церкви все архиереи и прочее духовенство в священническом одеянии выходили из церкви на паперть и воздавали регалиям честь каждением фимиама и кроплением святой водой.

По внесении регалий в церковь архиереи с прочим духовенством ожидали на прежнем вне церкви месте прибытия Их Величеств, когда же те приближались к паперти, первенствующий архиерей произносил речь и подносил благословящий крест, а другой кропил Царскую чету святой водой.

Потом, в предшествии тех же архиереев и духовенства и при пении певчими псалма «Милость и суд воспою тебе, Господи», Их Императорские Величества вступали в церковь и по троекратном поклонении перед Царскими вратами прикладывались к святым местным иконам, а потом следовали на приуготовленный посреди церкви под балдахин трон и восседали на императорских престолах. Архиереи же и прочие духовные становились от ступеней трона до Царских врат по обе стороны. В то время звон прекращался.

По окончании пения псалма и по прекращении звона первенствующий архиерей, взойдя на амвон трона, обращался к Его Величеству со следующей речью:

«Благочестивейший Великий Государь наш Император и Самодержец Всероссийский! Понеже благоволением Божиим, и действием Святого и Всеосвящающего Духа, и Вашим изволением имеет ныне в сем первопрестольном храме совершиться Императорско-

В. Тимм. Священное миропомазание Его Императорского Величества Александра II в Успенском соборе, в Москве, 26 августа 1856 года

В. Тимм. Объявление на Красной площади о дне коронования императора Александра II и императрицы Марии Александровны

го Вашего Величества коронование и от Святаго мира помазание; того ради по обычаю древних христианских монархов и Боговенчанных Ваших Предков, да соблаговолит Величество Ваше в слухе верных подданных

Ваших исповедать Православно-кафолическую Веру, како веруеши?»

И подносил Величеству раскрытую книгу, держа ее на руках.

Неизвестный художник. Приветствие государя императора Александра II народу с Красного крыльца Московского Кремля в день коронования 26 августа 1856 года

М. Зичи. Торжественный выезд Их Императорских Величеств Александра II и Марии Александровны в Москву на коронацию

М. Зичи. Шествие государыни императрицы Александры Федоровны (матери Александра II) с Красного крыльца в Успенский собор Московского Кремля

В. Тимм. Миропомазание государя императора Александра II во время его коронования в Успенском соборе Московского Кремля 26 августа 1856 года

В. Тимм. Коленопреклоненная молитва митрополита Филарета и всех присутствующих при священном обряде коронования императора Александра II и императрицы Марии Александровны

В. Тимм. Поздравление казачьего войска императора Александра II и императрицы Марии Александровны в Андреевском зале по случаю их коронования 26 августа 1856 года

Его Величество по поднесенной архиереем книге гласно прочитывал святой Символ Православной веры.

По прочтении Символа тот же архиерей к Его Величеству возглашал: «Благодать Пресвятаго Духа да будет с Тобою, аминь», прочие архиереи тайно говорили то же.

Начиналась ектенья, на которой вместе с обычными молитвенными прошениями возносилось моление о Венчаемом Монархе.

Затем следовало чтение Послания св. ап. Павла к Римлянам.

«Братие, всяка душа властем предержавшим да повинуется. Нестъ бо власть, аще не от Бога: сущия же власти от Бога учинены суть. Темже противляйся власти Божию повелению противляется: противляющийся же себе грех приемлют. Князи бо не суть боязнь добрым делом, но злым. Хощеши же ли не бояться власти; благое твори, и имети будещи похвалу от него. Божий бо слуга есть, тебе во благое. Аще ли злое твориши, бойся: не бо без ума меч носит: Божий бо слуга есть, отмститель в гнев злое творящему. Темже потреба повиноватися не токмо за гнев, но и за совесть. Сего бо ради и дани даете: служители бо Божии суть во истое сие пребывающе. Воздадите убо всем должная: ему же убо урок, урок; а ему же дань, дань; а ему же страх, страх; и ему же честь, честь».

По прочтении Апостола «аллилуиа» трижды и затем чтение Св. Евангелия от Матфея.

По окончании чтения Евангелия Его Императорское Величество повелевал со стоящего на троне с императорскими регалиями стола возложить на себя порфиру, которую архиереи и подносили Его Величеству на подушках. При ее возложении первенствующий

В. Поленов. Их Императорские Величества Александр III и Мария Федоровна у входа в Успенский собор Московского Кремля, идущие на коронование 15 мая 1883 года

И. Крамской. Причащение Святых Таин государя императора Александра III во время коронования в Успенском соборе Московского Кремля 15 мая 1883 года

И. Крамской. Коронование государя императора Александра III в Успенском соборе Московского Кремля 15 мая 1883 года

архиерей произносил: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь».

Его Императорское Величество преклонял голову, и первенствующий архиерей, осенив верх главы крестным знаменем, возлагал крестообразно руки на нее и читал во всеуслышание следующую молитву:

«Господи Боже наш, Царю царствующих и Господь господствующих, иже чрез Самуила пророка избравый раба Твоего Давида, и помазавый его во царя над людом Твоим Израилем: Сам и ныне услыши моление нас недостойных, и призри от святого жилища Твоего, и вернаго раба Твоего Великаго Государя, Его же благоволил еси поставити Императора над языком Твоим, притяжанным честною Кровию Единороднаго Твоего Сына, помазати удостой елеем радования, одеи Его силою с высоты, наложи на главу Его венец от камене честнаго, и даруй Ему долготу дней, даждь в десницу Его скипетр спасения, посади Его на престоле правды, огради Его всеоружием Святаго Твоего Духа, укрепи Его мышцу, смири пред Ним вся варварские языки, хотящие брани, всей в сердце Его страх Твой, и к послушным сострадание, соблюди Его в непорочней вере, покажи Его известного хранителя святых Твоя кафолическия Церкви догматов, да судит люди Твоя в правде, и нищия Твои в суде, спасет сыны убогих, и наследник будет небеснаго Твоего Царствия. Яко Твоя держава, и Твое есть Царство и сила во веки веков».

«Аминь!» — пел лик. «Мир всем», — произносил архиерей. «И духови Твоему», — отвечивал лик. Протодиакон возглашал: «Главы ваша Господеву приклоните». — «Тебе, Господи,» — пел лик. Архиерей читал вторую молитву:

В. Верещагин. Торжественный выход Их Императорских Величеств Александра III и Марии Федоровны из первой ограды Кремля в день коронования 15 мая 1883 года

«Тебе единому Царю человеков, подклони выю с нами, Благочестивейший Государь, Ему же земное царство от Тебе вверено: и молимся Тебе, Владыко всех, сохрани Его под кровом Твоим, укрепи Его царство, благоугодная Тебе деяи всегда Его удостой, возсияй во днех Его правду, и множество мира, да в тишине Его кроткое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте. Ты бо еси Царь мира, и Спас душ и телес наших, и Тебе славу возсылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков».

По прочтении второй молитвы Его Императорское Величество повелевало с того же поставленного с императорскими регалиями стола подать Императорскую корону, которую подносил на подушке первенствующему архиерею назначенный к тому сановник, а архиерей представлял ее Его Императорскому Величеству.

Его Величество, приняв корону от архиерея с подушки, возлагал ее на голову Свою, причем архиерей говорил молитву: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь» и далее следующую речь:

«Благочестивейший Самодержавнейший Великий Государь Император Всероссийский! Видимое сие и вещественное Главы Твоея украшение явный образ есть, яко Тебе Главу Всероссийского народа венчает невидимо Царь славы Христос, благословением Своим благостынным, утверждая Тебе владычественную и верховную власть над людьми Своими».

Затем Его Императорское Величество повелевал подать Себе скипетр и державу. Первенствующий архиерей, подав Его Величеству в десную руку скипетр, а в левую — державу, с молитвой: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа», произносил по книге следующую речь:

«О Богом Венчанный, и Богом Дарованный, и Богом Преукрашенный, Благочестивейший, Самодержавнейший, Великий Государь Император Всероссийский! Приими скипетр и державу, еже есть видимый образ даннаго Тебе от Вышняго над людьми Своими Самодержавия к управлению их и к устройению всякаго желаемого им благополучия».

После этого Его Императорское Величество на Императорском Своем престоле соизволял сесть.

Далее, положив регалии на подушки, призывал Ее Величество Императрицу и, сняв с Себя корону, прикасался ею к голове Ее Величества и опять на Себя возлагал. Затем подносилась меньшая корона, которую Его Величество возлагал на голову Государыне Императрице. Четыре статс-дамы опрашивали ее. Потом подносили Его Величеству для возложения на Ее Величество порфиру и цепь Андрея Первозванного св. ап. ордена.

По возложении каждой из этих регалий те же статс-дамы опрашивали их. Государыня Императрица возвращалась на Свой престол. Государь Император вновь воспринимал скипетр и державу.

Потом протоиерей возглашал полный Его Императорского Величества титул с многолетствием.

Певчие пели трижды: «Многая лета». Так же и Ее Императорскому Величеству. И в то время начинали звонить во все колокола и из поставленных в Кремле пушек звучал 101 выстрел. Между пением многолетия как духовные, так и мирские особы от своих мест троекратным поклонением Их Императорские Величества поздравляли.

После пения многолетия и прекращения звона и пальбы Государь Император, восстав с престола и отдав скипетр и державу предстоящим, преклонял колена и произносил по книге следующую к Богу молитву:

«Господи Боже отцев и Царю царствующих, сотворивый вся словом Твоим, и премудростию Твоею устроивый человека, да управляет мир в преподобии и правде! Ты избрал Мя еси Царя и Судию людем Твоим. Исповедую неизследимое Твое о Мне смирение, и благодаря Величеству Твоему поклоняюсь. Ты же, Владыко и Господи Мой, настави Мя в деле, на неже послал Мя еси, вразуми и управи Мя в великом служении сем. Да будет со Мною приседящая Престолу Твоему премудрость. Посли ю с небес Святыя Твоих, да разумею что есть угодно пред очима Твоими и что есть право в заповедех Твоих. Буди сердце Мое в руку Твою еже вся устроити к пользе врученных Мне людей и к славе Твоей, яко да и в день суда Твоего не постыдно воздам Тебе слово: милостию и щедротами Единороднаго Сына Твоего, с ним же благословен еси, с Пресвятым и Благим и Животворящим Твоим Духом во веки веков, аминь».

«Паки и паки, преклонше колена, Господу помолимся», — возглашал протоиерей по прочтении Его Величеством молитвы. И все предстоящие, кроме Его Величества, преклоняли колена, а архиерей, стоя также на коленах, читал от лица всего народа следующую молитву:

«Боже Великий и Дивный, неисповедимою благостию и богатым Промыслом управляя всяческая. Егоже премудрыми, но неиспытанными судьбами разнообразные пределы жизнь и сожителство человеческое приемлет, благодарне исповедуем: яко не по беззаконию нашим сотворил еси нам, ниже по грехам нашим воздал еси нам. Согрешихом, Господи, и беззаконовахом, и крайняго Твоего отвращения достой-

И. Макаров. Государь император кланяется народу с Красного крыльца Московского Кремля после коронования 15 мая 1883 года

ны сотворихомся. Ты же, о Неисчетная благостыня, Милостивый, Долготерпеливый, и кайся о злобах человеческих Владыко, наказав нас кратким бывшая печали посещением, се изобильно исполняеши веселия и радости сердца наша, оправдав над нами царствовать Возлюбленного Тобою Раба Твоего, Благочестивейшаго Самодержавнейшаго Великаго Государя Нашего Императора всея России: умудри убо и настави Его непоползновенно проходить великое сие к Тебе служение, даруй Ему разум и премудрость, во еже судити людям Твоим в правду, и Твое сие достояние в тишине и без печали сохранить. Покажи Его врагом победительна, злодеем страшна, добрым милостива и благонадежна; согрей сердце Его к призрению нищих, ко приятию странных, к заступлению нападствуемых. Подчиненные же Ему правительства управляя на путь истины и правды, и от лицепрятия и мздоимства отражая, и вся от Тебе державе Его врученные люди в нелицемерной содержа верности, сотвори Его Отца о чадах веселящагося, и да удивиши милости Твоя на нас. Умножи дни живота Его в нерушимом здравии и непремеяемом благополучии. Даруй же во дни Его и всем нам мир, безмолвие и благоспешество, благорастворение воздуха, земли плодоносия, и вся к временней и вечней жизни потребная. О премилосердый Господи наш, Боже щедрот и Отче всякия утехи, не отврати лица Твоего от нас, и не посрами нас от чаяния на него, уповающе на Тя, молимся Тебе и молящеся на щедроты Твоя уповаем: Ты бо един веси еже требуем, и прежде прошения подаеши, и дарования утверждаеши, и всякое даяние благо, и всяк дар совершен свыше есть сходяй от Тебе, Отца светов. Тебе слава и держава со Единородным Твоим Сыном и Всесвятым и Благим

и Животворящим Твоим Духом, ныне и присно и во веки веков».

После молитвы архиерей говорил Его Величеству приветственную речь. По окончании ее возглашал: «Слава Тебе, Благодетелю нашему, во веки веков». Певчие пели: «Тебе Бога хвалим». Происходил колокольный звон, и начиналась Божественная литургия.

При начале литургии Его Императорское Величество корону снимал с главы, а по окончании литургии опять возлагал на себя. По прочтении на литургии Евангелия оно подносилось к Их Величествам для целования.

Когда начинали петь из каноника, то от трона до Царских врат для шествия Его Императорского Величества к Св. Миропомазанию и Причащению Св. Таин постился бархат, а возле самых Царских врат до Престола церковного поверх бархата — золотая парча.

После пения каноника и по Причащении внутри алтаря священнослужащих Царские врата отворялись и из алтаря посылались два архиерея с последующими им по обе стороны протодиаконами возвестить Его Императорскому Величеству время Царского Миропомазания следующим образом:

«Благочестивейший Великий Государь Наш Император и Самодержец Всероссийский, Вашего Императорского Величества Миропомазания и Святых Божественных Таин приобщения приближися время: того ради да благоволит Ваше Императорское Величество шествовать сея Великия Соборныя Церкви к Царским вратам».

Его Императорское Величество, передав сановнику шпагу свою и сойдя с трона, шествовал в порфире прямо к Царским вратам. Вслед за ним шествовала

К. Маковский. Высочайший обеденный стол в Грановитой палате Московского Кремля по случаю священного коронования императора Александра III и императрицы Марии Федоровны 15 мая 1883 года

Императрица. Император, став у тех врат на златой постланной парче, изволял отдать регалии несшим их. А первенствующий архиерей, взяв драгоценный сосуд, для такого великого дела нарочно устроенный, и омочив уготованный к тому драгоценнейший же сучец во св. миро, помазывал Его Величество на челе, на очах, на ноздрях, на устах, на ушесах, на персях и по обе стороны на руках со словами: «Печать дара Духа Святаго». Другой же архиерей помазные места отирал.

По совершении Миропомазания раздавался колокольный звон и 101 выстрел из пушек.

Затем на ту же златую парчу становилась Императрица, а первенствующий архиерей, омочив тот же драгоценный сучец во св. миро, помазовал Ее Величество только на челе, произнося те же слова: «Печать дара Духа Святаго». Другой архиерей отирал место помазания.

Потом Его Величество архиерейской рукой вводился внутрь алтаря и, стоя пред Святою трапезою на златой парче и сделав поклонение, принимал от первого архиерея Св. Таин Тела и Крови Господни, Причастие по чину Царскому, т. е. как причащаются священнослужители: особо Тела и особо Крови Христовых. Другой архиерей подносил Его Величеству антидор и теплоту, а третий служил в омовении уст и рук.

По причастии же Святых Таин Его Императорское Величество, выйдя из алтаря, отходил к иконе Спасителя. Тогда Ее Величество приступала к Царским вратам и принимала Святое Причастие обычным порядком, причем архиереи в поднесении антидора, теплоты и умовении уст и рук Ее Величеству служили. Затем Их Величества шествовали к трону и восседали на престолах.

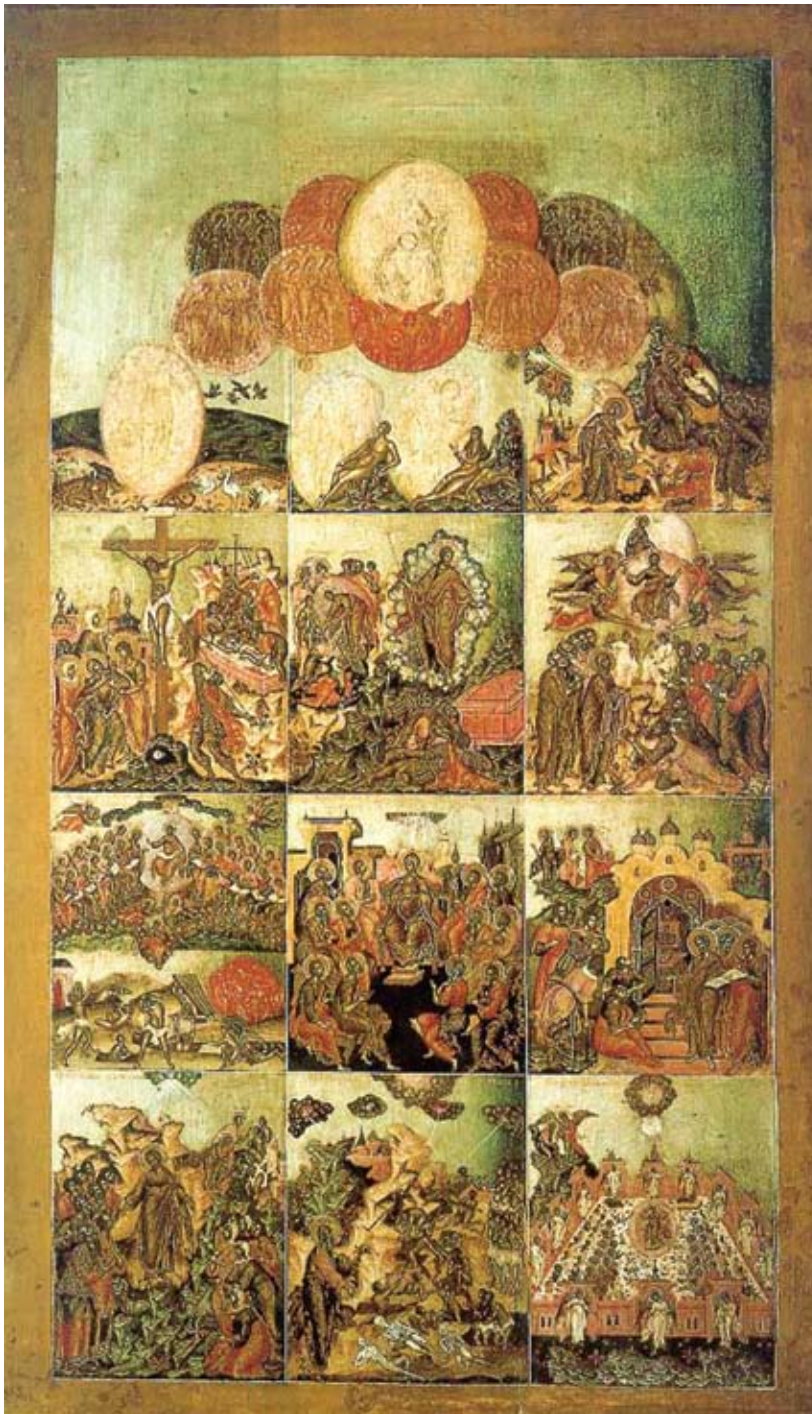
При отпущении литургии от архиерея со крестом протодиакон возглашал многолетие. Певчие пели «Многая лета». По окончании этого приносили Их Императорским Величествам всеподданнейшее поздравление с благополучным совершением коронации как духовные, так и светские особы.

Далее Их Величества шествовали по устроенным помостам прежним порядком в Архангельский собор. Во время шествия производился 101 выстрел из пушек и происходил большой звон во все колокола в соборах и во всех монастырских и приходских церквях. В Архангельском соборе Их Величества изволяли прикладываться к святым иконам и мощам, потом поклонялись гробам предков своих. В это время протодиакон провозглашал многолетие. Певчие пели «Многая лета» трижды.

Из Архангельского собора Их Величества шествовали тем же порядком в Благовещенский собор. В продолжение шествия Государь Император был в короне и порфире, со скипетром и державой в руках. Прикладываясь к святым иконам, отдавал регалии особам, несшим их.

Из Благовещенского собора Их Императорские Величества шествовали к Красному крыльцу, а оттуда — во внутренние покои. Духовные ожидали восшествия Их Величеств в Грановитой палате.

Лит.: Барсов Е. В. Древнерусские памятники священного венчания царей; Покровский Н. В. Чин коронования государей в его истории (СПб., 1883); Дьяконов. Власть московских государей (1889); Печатные описания коронований отдельных государей; Полное собрание законов и Коронационный сборник (изданный Министерством двора под редакцией В. С. Кривенка. В 2 т. СПб., 1899).

«Символ веры». Икона XVII в. Москва

ВЕРА, в Православии главная добродетель, всецелое доверие Богу, убежденность в его доброте, вера в спасительную силу Христа. Такая вера дает человеку жизнь, оправдывает его существование, указывает образ поведения. По определению ап. Павла: «Вера... есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» (Евр. 11, 1). В более широком понимании сущность веры состоит в том, что она придает жизни такой смысл, который не уничтожается смертью. Вера — согласие воли с совестью (*Л. Н. Толстой*). Вера — мать терпения, подательница надежды, лестница к престолу любви (свт. *Игнатий Брянчанинов*), главное и ведущее тяготение человека, определяющее его жизнь, воззрения, стремления и поступки. Как писал

И. В. Киреевский: «Необходимо связать направление своей жизни со своим коренным убеждением веры. Без того жизнь человека не будет иметь никакого смысла, ум его будет счетной машиной, сердце — собранием бездушных струн, в которых свищет случайный ветер; никакое действие не будет иметь нравственного характера, и человек, собственно, не будет. Ибо человек — это его вера».

Первейшим и главнейшим источником веры в Бога является любовь к совершенному. Кто что любит, тот того жаждет и ищет. А т. к. искомое есть Бог — подлинно реальное совершенство, то он его и находит. Вот что значит обетование: «близ стою, при дверях».

Тогда Бог становится живым средоточием человеческой жизни, ее сокровищем, уже обретенным, но все же всегда искомым; и сам человек становится богат как обладатель этого сокровища и в то же время беден как вечно ждущий его, как вечный пилигрим. Здесь он находит доступ к духовной реальности, которая открывается ему в духовном опыте и не подлежит никакой внешней «относительности» или условности. Здесь он обретает неиссякаемый источник радости, священной радости, духовного блаженства; и ничто внешнее не может лишить его этого источника, ибо он в нем самом. Отсюда ведет свое начало и свой закон его жизненная воля; здесь он научается сильно желать верного; здесь он познает свой долг и свои обязанности; здесь он научается самоотверженному, жертвенному служению. В нем складывается последняя и глубочайшая основа его личного характера, закладывается тот камень, на котором он утвердит алтарь своей души. И т. к. он, как всегда все люди, движимые любовью, искренно и сосредоточенно живет любимым предметом, вживаясь в него, по выражению церкви, «облекаясь в него», то его внутреннее существо начинает приобретать живой оттенок совершенства, живую освященность, исходящую от Бога. Возникает живое единение. Человек не противостоит Богу как чуждому, страшному «инобытию»; он воспринимает Его таинственным образом в себя, он носит Его в глубине своего сердца так, что человек освящается присутствующим в нем Божеством, а Бог как бы излучается из его сердца и его дел. По словам ап. Павла: «а соединяющийся с Господом есть один дух с Господом» (1 Кор. 6, 17).

Именно это имел в виду Макарий Великий, когда говорил о таинственном «срастании», или «срастворении». Именно это имел в виду Гегель, когда утверждал, что искренняя и огненная молитва к Богу является сама по себе лучшим доказательством бытия Божия, ибо она есть не что иное, как живое действие Духа Бо-

Н. Неврев. Роман Галицкий принимает послов папы Иннокентия III

жия в сердце молящегося человека. Кто взывает к Богу из глубины сердца, в том уже действует внутренне сам Господь; и это есть действительное, опытное и очевидное доказательство Его бытия, после которого незачем требовать какого-нибудь др. умственно рассуждающего доказательства. Но это доказательство может быть получено только в личном и живом духовном опыте; человеку же, лишенному этого опыта, оно остается недоступным. Тот, кто получил этот опыт и это доказательство, тот уже никогда не почувствует себя покинутым или отверженным: ибо он знает, где и как он снова найдет открывшийся ему доступ; и он сумеет найти его и тогда, если он будет погибать совсем одиноким в морской буре, или в ледяной пустыне, или в самом последнем тюремном подземелии; он и в беде найдет

этот путь и в смерти получит духовную опору.

Нельзя начать веровать в Бога в силу логических, отвлеченно умственных доказательств или аргументов. Рассудочные доказательства могут только разрушить умственные сомнения, да и то только в том случае, если все сомнения проистекают из умственного источника и имеют разумные и предметные основания. Вера не дается доказательствами. Ибо источник веры не в рассуждении, а в предметном горении сердца. В этом основное отличие Православия от протестантизма.

Точно так же нельзя веровать в силу волевого решения — своего собственного или чужого (приказа или понуждающего мучительства). Правда, человеку, который уже верит (именно верит, а не верует) или который

способен начать верить в порядке самовнушения (особенно если ему безразлично, во что, собственно, «надо» верить), — воля может помочь в подавлении сомнений или др. внутренних противлений. Но к верованию этот путь не ведет. Сколько бы человек ни твердил себе, что «надо» уверовать, сердце от этого не воспламенится и духовное видение от этого не возникнет. Однако воля может разбить цельность души и этим сделать веру навсегда недоступной для человека; воля может приучить человека к лицемерному оказательству и этим извращать

Г. Семирадский. Александр Невский принимает послов от папы Иннокентия IV

Коронование Богородицы. Икона. 1792 г. Галич. Происходит из церкви Николая Чудотворца с. Ширь (Парфеньевский р-н Костромской обл.)

Ф. Е. Зубов(?). Апостольская проповедь. Икона. 1660–1662 г. ЯМЗ

тить его религиозность. Одно несомненно — что никакое волевое напряжение не может отверзнуть духовного незрячие очи и не может вызвать к жизни глубинный огонь любви. Вера не дается волевому нажиму. Ибо источник веры не в волевом решении («буду веровать»), а в силе созерцающей любви. В этом основное отличие Православия от католичества.

Человек может уверовать, только свободно и полно прозрев, духовно прозрев сердцем, или иначе — узрев Бога в горении свободной и искренней любви. Правда, горящая вера одного, изливаясь в слова его и делах, может вызвать огонь в др. сердцах; но в этих др. сердцах огонь должен появиться действительно как живое и самостоятельное пламя, а не только в виде «подражания» или внушающего «заражения». Тогда только духовная любовь может вызвать в душе духовное прозрение (как бывает у одних людей) или же (как бывает у др.) духовное прозрение вызовет к жизни пламя веры. Тогда вера может превратиться в средоточие души и в действительный путь жизни.

Вера становится главным в жизни не в смысле церковного богослужения, ибо совсем не все люди призваны к духовному сану, а главным источником настроений, решений, слов и дел. Вера вдохновит и направит волю, раскроет уму и воображению новые горизонты, облагородит жизнь чувства и воспитает, освящая

и одухотворяя чувственную жизнь человека. Она станет как бы в центре душевного круга или жизненного шара и разошлет по всей периферии как бы живыми радиусами свои лучи в виде всепроникающего света, вскрывающего во всем духовный смысл и особую, не выставляющуюся напоказ, религиозную значительность. И от этого постепенно, но окончательно вытравится из жизни источник безбожия и главный враг духовности — пошлость.

У верующего человека открыто духовное зрение, отличающее *добро* от *зла*, совершенное от несовершенного. И потому он видит Бога: ибо Бог есть добро и совершенство.

У верующего человека на таинственном и скрытом от глаз «жертвеннике духовном» (Григорий Синаит) горит огонь; это его духовная любовь, ведущая его и заставляющая его прилепиться к совершенному. И потому он не только видит Бога, но и любит его по завету Евангелия «всем сердцем», «всєю душою», «всем разумением» и «всєю крепостью» (т. е. волей своей). (Мф. 22, 37–40; Мк. 12, 29–31; Лк. 10, 26–28).

И какие же доказательства или опровержения др. людей могли бы убедить его, будто он «не видит» и «не любит Бога», когда он и видит и любит Его,

по всей подлинной реальности Его подлинного совершенства и во всех его таинственных, но благодатных излучениях в мир людей и вещей? Осозная духом Его действие во мне, воспринимая и созерцая Его в моем живом и подлинном духовном опыте, как могу я не уверовать в Него или перестать в Него веровать? Источник удостоверения во мне самом; этот источник имеет характер живого опыта, который глубже и первоначальнее всякого умственного доказательства, всякого отвлеченного опровержения...

Естественно, что человек, достигший этой ступени в своем внутреннем опыте и уверовавший в Бога, почувствует острую потребность узнать о Боге более того, что дает этот достоверный и пламенный, но, может быть, недостаточно определенный духовный опыт. Он непременно спросит себя: что же открывается мне — безличное Божество наподобие Огня Гераклита, или Субстанции Спинозы, или личный Бог, как о нем учит христианство? И если это личный Бог, то как представить себе Его? Как сочетать личное начало в Боге с его вседеприсутствием? Возможно ли увидеть и уразуметь отношение Бога к миру и к человеческому роду и отношение человеческого рода к Богу? И как удостовериться живым опытом и духовным видением в том, что христианская православная церковь содержит религиозную истину?

Само собой разумеется, что ответить исчерпывающим образом на все эти вопросы можно было бы только в виде целого догматического богословия, но и его было бы недостаточно: надо было бы обратиться к духовным путем восточной православной аскетике и попытаться воспроизвести в собственном живом опыте (конечно, в меру личных сил) ее созерцательную практику. Все это не входит в нашу задачу. Мы должны ограничиться здесь следующими путеводными указаниями.

Ни один человек из живших или живущих на земле не может считать свою веру совершенной или законченной — ни по глубине и объему ее, ни по содержанию. Напротив, каждый остается до конца строителем своей веры и Божиим учеником. И чем искреннее и скромнее он в своем ученичестве, тем плодотворнее будет его строительство, тем большего он достигнет — и в углублении своей веры, и в раскрытии и обогащении ее содержания.

Ни один человек не имеет основания полагаться в этом на свои личные, одинокие силы, ибо он может быть уверен, что всей жизни его, даже сосредоточенной и напряженной, не хватит на испытание Божиим тайн: «длинней земли мера Его». Поэтому каждому человеку надлежит присмотреться к строению своего религиозного акта (ум ли в нем преобладает, воля, или воображение, или горение сердца и созерцание любви?..) и прислушаться к тем содержаниям, которые несет ему духовный опыт. И, присмотревшись и прислушавшись, — избрать себе наиболее сродную им религию и церковь и вступить в эту церковь и в эту религию в качестве уже верующего, но еще недостаточно и несовершенно верующего ученика. Можно предположить, что строение его религиозного акта будет наиболее близко к вере его отцов; но в жизни бывает и иначе. Необходимо установить при этом, что чем больше его вера будет питаться горением сердца и созерцанием любви, тем ближе окажется ему православное христианство.

Быть учеником в вопросах веры не значит заучивать формулы по указанию авторитетов; но значит бережно и ответственно углублять, очищать и расширять свое духовное чувствование и его содержание; это значит припасть к духовно-религиозному опыту данной церкви, как к некоей «неупиваемой чаше» (Шмелев), и пить содержащуюся в ней мудрость и зоркость — мерой, лично доступной и целительной. Такое ученичество не только не постыдно и не унижительно, а, наоборот, — оно в смирении своем мудро и в целительности своей возносяще.

К какому бы исповеданию ни прильнул человек, к какой бы религии он ни приложился, он будет поддерживать общение с Богом. Это общение есть *молитва*. Опыт молитвы и ответит ему на все поставленные им вопросы.

Так, если вера его построена на духовной любви, то она откроет ему, что Бог есть дух и любовь, что всюду и всегда, где он коснется духа и любви в др. вещах и людях, — он коснется как бы ризы Божией; и что каждый раз, как он чувствует в себе самом веяние духа и трепет любви, он приобщается Богу живому. Он убедится, что главное и священное в нем самом то, что составляет подлинную сущность его личности, — не только подобно Божию естеству, но что он сам есть искра этого пламени, водная капля из этого источника, живое и личное существо (индивидуация), сродное этому

Духу. Тогда он скажет: «я есмь жизнь от Твоей Жизни и дух от Твоего Духа; и то, чего я хочу духом моим, есть Твоя Воля; и Твоему Делу я хочу служить отныне и до конца; и так, как я люблю Тебя, — так, но еще бесконечно совершеннее, я хочу быть любимым Тобою». И одна эта молитва покажет ему, что он услышан Богом и любим Им. И он впервые убедится, что Бог есть личный и живой. Ибо воззвать и быть услышанным, молиться и чувствовать, что молитва дошла и принята, раскрыть свое сердце и почувствовать себя прощенным и исцеленным — значит вступить в личное общение с личным Богом. И, памятуя об условности и несовершенстве всех земных мерил и слов, он впервые скажет о Боге «Отец», а себя почувствует «сыном» этого Отца, состоящим в его неизъяснимой и благодатной любви.

Только духом можно познать Дух как высшее естество и существо всех вещей и людей. Только через живую, огненную любовь можно познать, что Бог есть Любовь. Только тот, кто чувствует себя «сыном» в духе и любви, может воззвать к Отцу.

И тот, кто испытает и постигнет это, и после этого прочтет и прочувствует Евангелие, тот увидит во Христе подлинного, едиnorodного Сына Божия и примет его духом, любовью и верой.

Человек не может жить без веры. Без веры в Бога жизнь человека становится бесплодной, пошлой и разрушительной — мнимой жизнью, ведущей к бесчисленным страданиям и всеобщему разложению.

Путь же к вере и к Богу именуется духовной любовью. И первое, что она может и должна дать, есть *свобода*.

И. Ильин

ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ и мать их СОФИЯ, один из самых почитаемых духовных образов Святой Руси, отмечается 17/30 сент.

Вера, Надежда, Любовь и мать их София. Икона (без полей). 1-я пол. XVI в. Новгород. ГТГ

Во втором столетии по Рождестве Христовом, в царствование римского имп. Адриана, в Риме жила вдова по имени София, что значит «премудрость». У нее были 3 дочери — Вера, Надежда и Любовь. Благочестивая мать так воспитала дочерей, что, нося имена трех христианских добродетелей, они показывали их примеры своей жизнью. Девочки не скрывали своей веры и оказались настолько крепки в ней, что Господь призвал их для мученического подвига, несмотря на то что старшей — Вере — было всего 12 лет, а младшей — Любви — 9.

Св. София, Вера, Надежда, Любовь и мч. Христофор. Икона (без полей). 1-я пол. XIX в. Мстера. ГРМ

Мать и трех ее малолетних дочерей вызвали к императору и потребовали отречения от веры под угрозой пыток. Три дня готовила св. София своих дочерей к мученическому подвигу. Сила Божия помогала святым. Первой претерпела мучения старшая Вера. После жестоких пыток ей отсекали голову. Потом была предана мучениям и десятилетняя Надежда. Велено было отсечь голову и ей. Св. отроковица поцеловала мать и сестру со словами: «Предстанем вместе Святой Троице». Настал черед младшей девочки. Палачи думали утратить ее видом казни, но она поцеловала мертвые тела своих сестер и сама вошла в уготованную ей горящую печь. Огонь не опалил ее. Концом ее мучений было усечение головы. Тела своих дочерей София вывезла за город и похоронила. Мать не подвергли мучениям по жестокому расчету: оставляя ей жизнь при безысходном горе. Но Господь утешил св. Софию. Похоронив детей, она 3 дня провела у их могилы в непрерывной молитве и здесь же уснула сном смерти, соединившим ее с детьми в царстве Того, любовью к Которому были преисполнены их сердца.

В России день памяти Веры, Надежды, Любви и матери их Софии имел несколько названий: Девичий праздник, *Бабы именины*, Всесветный бабий праздник, Всесветная бабья выть.

В этот день женщинам полагалось с утра оплакивать мщ. Веру, Надежду, Любовь и мать их Софию, а также делиться с этими святыми мученицами своими горестями. В некоторых местах было принято плакать и рыдать — это и называлось «всесветная бабья выть». Оплакав свои горести, женщины принимались готовить угощение.

Считалось, что родившаяся в этот день обладает мудростью и сумеет создать в доме благополучие и уют.

ВЕРБА, кустарник или дерево, в народной культуре символизирующее быстрый рост, здоровье, жизненную силу, плодородие. Молодая, особенно освященная в *Вербное воскресенье*, верба защищает от стихийных бедствий, нечистой силы, болезней и т. п., в то время как старая верба считается прибежищем *чертей*, водяных и др. «нечистиков» и местом, куда можно отсылать болезни.

К. Юон. Вербный базар на Красной площади. 1916 г.

Как символ роста верба выступает в заклинаниях, благопожеланиях и др. ритуалах. Русские говорили: «Расти как верба», хлеща детей вербой в Вербное воскресенье.

На Волыни и в Подолье девушки украшали цветами деревце или ветку вербы на Ивана Купалу (см.: Иванов день) и водили вокруг них хоровод, а затем парни врывались в девичий круг, захватывали вербу и разрывали ее на части.

Ветки вербы, освященные в Вербное воскресенье, использовались для защиты от грома, грозы и бури. Русские верили, что верба, брошенная против ветра, прогоняет бурю, брошенная в огонь — усмиряет его, а посаженная в поле — оберегает посевы (Тамбовщина), что выброшенные во двор ветки останавливают град. Белорусы ставили при граде пучок освященной вербы на подоконник (Витебщина); в Карпатах при грозе ло-

мали освященную вербу и жгли в печке, «чтобы дым отвел грозу и дьявол при этом не прятался в трубе»; поляки при буре и граде кропили тучу освященной вербой и святой водой и жгли ветки вербы, клали их на подоконник.

Первый выгон скота и первая пахота обычно не обходились без освященной вербы. В Великокороссии Ею били скот в *Юрьев день* при первом выгоне лошадей в ночное (чаще всего на *Николау Вешнего*), тогда весь день лошадей стегали не кнутом, а вербой. В Белоруссии с освященной вербой выходили и на первую пахоту ярного поля, и на распахиwanie целины.

Верба считалась целительным средством. Витебские белорусы окуривали ею больной скот, растирали ее в порошок и засыпали им раны, делали из нее и можжевельника отвар и пили при больном горле, желудке, лихорадке, употребляли для примочек от опухолей и ушибов.

По представлениям белорусов, на вербе с *Крещения* до Вербного воскресенья сидит черт (до этого он обитает в воде, в «лозе», а после Вербного воскресенья — на клене и в жите).

По белорусским верованиям, черти весной «отогреваются» на вербе, а после того, как вербу освящают в Вербное воскресенье, они падают в воду, поэтому от Вербного воскресенья до *Пасхи* нельзя пить воду, зачерпнутую под вербой. При этом черти, по белорусским поверьям, предпочитают сухую, дуплистую вербу, ср. белорусскую поговорку: «Влюбился, как черт в сухую (старую) вербу».

Н. Толстой, В. Усачева

Известны фольклорные тексты, прямо или косвенно связывающие вербу с небом и солнцем: объясняя детям в начале *Великого поста*, куда девалась скромная пища, им говорили: «Були на маслеці вареники, так в піст на вербу повтікали» или же «Узяла Бозя (Бог. — Т. А.) на вербу та там і поставила». Верба упоминалась в детских заклинаниях, обращенных к дождю: на вербу (а также на дуб или вообще «наверх») помещали горшок с борщом, который падал вместе с деревом или его уносили с собой птицы: «Не йди, не йди, дощику, Наварю я борщику, поставлю на вербі, Щоб випили горобгі...» В малороссийских песенках (отмечающих окончание дневного времени, отведенного для пения) *решето* (символ солнца) также оказывается помещенным на вербе, ср. такую веснянку: «Спивали дивочки, спивали, В решето песенки складали, Поставили на верби, Як налынули лыбыди. И звалили решыто до долу, Час вам, дивочки, до дому» со свадебной песней: «... Склонилось сонечко до долу, Час нам, панове, до дому». В малороссийских загадках верба — это солнце: «Стоит верба на серед села, розпустила голые на все Подолье». В севернорусских свадебных песнях «золотая верба» напрямую соотносится с Божиим храмом: «На горе высокой... Выросла верба золотая... Песередке золотой вербы Списана Спаса Пречистая Божья Матерь Богородица». В заговорах верба наряду с дубом и некоторыми другими деревьями — «*мировое дерево*», являющее собой центр мироздания: «На моры, на лукаморі стаіць вярба, на той вярбе семсот галля, а ў том галле звiта лапухова гняздо, ў тым гняздзе ляжыць Ева-царыца...»

В народном фольклоре и верованиях Галиции верба оказывается причастной к сфере чудесного, ср., напр., мотивы «золотой вербы» («де не повернешся, золоті верби ростуть») и «груши на вербе» («...у нас девки в злате ходят, у нас вербы грушки родят»). В сказке-

небылице на лошади вырастает верба до неба. В Галиции известны рассказы о чудесной дудочке, которую можно сделать из вербы, растущей в самой глубине леса, там, где ее не касался солнечный луч и где она никогда не слышала ни петушиного крика, ни шума бегущей воды. С помощью такой дудочки можно развеселить загрустившего человека, заставить танцевать того, кто никогда этого не делал, можно привлечь себе в ульи чужих пчел, разоблачить злодея и убийцу и т. п.

Т. Агапкина

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ, народное название праздника Входа Господня в Иерусалим, последнее воскресенье перед *Пасхой*. У русских верба отождествлялась с пальмовыми ветвями, которыми в Иерусалиме приветствовали Иисуса Христа встречающие его люди. В субботу перед Вербным воскресеньем ветви вербы приносили в храм, где они освящались.

Вход в Иерусалим. Икона. XV в. Покровский собор Рогожского кладбища. Москва

В народном сознании верба олицетворяла здоровье, жизненную силу, плодородие и плодоношение. Существует легенда о том, что верба когда-то была женщиной, у которой было много красивых, сильных, здоровых детей. Но, как всякая женщина, она любила похвалиться своим потомством, и однажды она неосторожно сказала, что ее плодovitость выше, чем плодovitость Матери-Земли. Рассерженная Мать-Земля превратила ее в вербу с огромным количеством детей — пушистых почек, распускающихся ранней весной, когда др. деревья еще находятся в зимней спячке.

Русские старались передать животворящую силу вербы людям, полям и животным. Так, в некоторых губерниях в Вербное воскресенье пекли из ржаного теста шарики с почками вербы внутри. Шарики скармливали овцам, чтобы они были плодovиты, ягнтям, что-

В. Шварц. Вербное воскресенье в Москве при царе Алексее Михайловиче. Шествие патриарха на ослати

бы они набирались силы. Шариками из теста угощали друг друга, чтобы быть здоровыми. Женщины, желавшие иметь детей, должны были проглотить несколько почек вербы, освященной в церкви.

С. Блонская. Вербное воскресенье

По всей России был распространен обычай ударять пучком вербы взрослых людей, детей, домашнюю скотину. Считалось, что это прибавит им жизненной силы. Ударяя друг друга ветками, обычно произносили заклинание: «Будь здоров, как верба», «Расти, как верба». Некоторые заклинания строились так, будто не люди бьют друг друга ветвями вербы, а сама верба передает им свою силу и здоровье: «Не я бью, верба бьет», «Верба хлест, бей до слез». В к. XIX в. эти старинные заклинания постепенно стали превращаться в шуточные детские песенки. Родители слегка ударяли детей пучком вербы.

Верили также, что верба обладает свойствами *оберега*: она защищает от *нечистой силы*, предохраняет дом от молний, останавливает пожар, умиряет бурю, оберегает посевы от гибели, помогает человеку в

смертный час, отгоняя от него *дьявола*. Именно поэтому освященную вербу хранили целый год на *божнице*, а принеся свежую из церкви, старую спускали по течению реки или втыкали в землю на поле.

Почки освященной в храме вербы рекомендовали есть женщинам от бесплодия; они предохраняли также от лихорадки. Выгонять скотину в поле в первый раз следовало также вербой, сохраненной с Вербного воскресенья. Ее хранили весь год и в случае грозы и особенно *града* бросали во двор, чтобы отогнать тучу. Несколько веток вербы втыкали под крышу дома и хлева,

Б. Кустодиев. Вербный торг у Спасских ворот. 1917 г.

Ф. Ф. Козлов. Вход в Иерусалим. Икона. 1673 г. ГМЗМК

чтобы скотина сохранилась в целости и возвращалась с пастбища домой. Трус, вернувшись от заутрени, должен был вбить в стену дома колышек освященной вербы, чтобы прогнать свою робость.

Лит.: Коринфский А. Народная Русь. М., 1995; Шангина И. И. Русский народ. Будни и праздники. СПб., 2003.

ВЕРБОНОСИЦА, день весеннего равноденствия, астрономический день рождения весны. Называли его еще Апостол Ерма, день которого праздновался 8/21 марта.

В этот день из хлебного теста пекли «жаворонков», на Русском Севере — «тетерок». Выпечка эта отличалась затейливостью, а пожилые женщины, которые готовили угощение в виде «жаворонков», «тетерок» и др. птиц, пользовались в селе большим уважением. Приготавливали это печенье из дрожжевого опарного теста, раскатывая из него жгут (или skut, как говорили на Севере). Жгут сворачивали узлом или в виде замысловатых фигур; один конец жгута формировали в виде головы птицы, другой — в виде хвоста.

К этому дню выпускается серебристая *верба*. Перед *Вербным воскресеньем* выходили девушки с матерями в лес и на берега рек, ломали нежные серебристые веточки, завязывали их в тряпицу и относили домой. Дома ставили в кувшине на почетное место — перед *божницей*. К Вербному воскресенью веточки зелеными листочками распускаются, счастье и радость в дом приносят — новая жизнь приходит: вербная веточка считалась символом красоты, целомудрия и здоровья. Она и злых духов из дому выгоняла, всякая нечисть стремглав из дому убиралась при виде вербных веточек. В иных местах вербными веточками пол подметали, ту же самую *нечистую силу* вместе с *мусором* из дому выпроваживали. Следовало этот мусор сжечь в печи или на дворе, чтобы отвести от дома всякие напасти. В хлев надо было зайти, чтобы вербными ветками обме-

сти его стены. Считалось, что если скотину веточками похлестать, тогда никакая болезнь к ней не пристанет. Вербные веточки использовались в качестве лекарства. Ими лечили детей; веточками их хлестали, приговаривая: «Верба бьет — силы дает». В этот день обязательно пили вербный чай. Считалось, что от такого чая не то что девушки «вербушками расцветали», но и старушки молодели. Вербные сережки запекали в хлеб на счастье. Девушки старались съесть 3 сережки: если сладкие они окажутся — осенью замуж выйти, а если горькие — все равно не беда, все на пользу здоровью.

Н. Р.

ВЕРЕЯ, косяк, притолока дверная, также поворотный столб.

ВЕРЗНИ, летние *лапти* из шелюги или *бересты*, берестяники, шелюжники (В. Даль).

ВЕРНИГОРА (он же **Роспихагора**), герой малорусских сказок, обладающий силой, могущей двигать горы. Вместе с тремя др. могучими существами — Покати-горшком, являющимся наиболее сильным из всех четырех, Вернидубом и Верниводою — он совершает различные подвиги.

ВЕРНОСТЬ, полная преданность, правдивость, твердость в слове, стойкость в деле (В. И. Даль). На Руси верность считалась одним из главных духовных качеств, «украшением человека». В русской литературе верность прославляется как особый благой дар, просветляющий *душу* человека. «Верному другу нет цены, ничто на свете не сравнится с верностью дружбе» («Пучение отца сыну», XI в.). «Верными считай не тех, кто по твоему слову говорит, но кто противится сказанному тобою неверно» («Пчела», XII–XIII вв.). «Будь верен человеку, и Бог ничто тебе не поставит в неверность. Будь верен в дружбе и верен в любви» (В. В. Розанов).

О. П.

ВЕРТЕП, театр марионеток в XVI–XVIII вв., распространенный в Малороссии и Белоруссии. Представления в вертепе сопровождалось пересказом евангельских историй, а также изображением картин народной жизни, быта и обычаев.

Театр марионеток представляли в вертепном ящике, устроенном в виде небольшого домика, разделенного на два яруса. Исполнитель, скрытый за задней стеной домика, водил куклы и фигуры по путям, прорезанным в полу театра, выложенном мехом для скрытия отверстий, и говорил разными голосами за фигуры. За ящиком, иногда за особой занавеской, помещался и хор.

Вертепная пьеса состояла из двух частей: духовная изображала события, связанные с Рождеством Христовым, а светская состояла из народных сцен.

Представление первой части, кроме сцен с Иродом, происходило в верхнем этаже ящика; сцены с Иродом и народные сцены разыгрывались в нижнем. Первая часть начиналась хоровым пением и колокольным звоном, возвещающими рождение Спасителя. Затем следовало явление ангелов пастухам (пастухи — в малороссийских костюмах), поклонение пастухов Божественному Младенцу, у которого они просили позволения «погуляти» и танцевали под музыку. В нижнем этаже Ирод принимал трех восточных царей, отправляющихся потом в верхний на поклонение Младенцу. Ирод приказывал убивать младенцев, Рахиль (в малороссийском костюме) напрасно умоляла пощадить ее сына. В наказание за злодеяние посылалась на Ирода смерть, которая, после спора с ним,

рубил его косою, а черт уносил труп в ад, заявляя: «Оттак берут, оттак несут розкошників світа!» Ту же мысль выражал и хор, пением которого заканчивалась первая часть представления. В ней хор играл важную роль: он рассказывал о происходящих за сценой событиях, выражал свои взгляды на совершающееся на сцене, то укоряя Ирода, то обращаясь с утешениями к Рахили, и пр.

Вторая часть состояла из народных сцен и не имела связи с первой, кроме упоминаний о событиях Рождества Христова в первых двух явлениях. Действие открывали дед и баба, танцующие от радости по поводу рождения Христа и смерти Ирода, но являлся с криками и угрозами солдат, и они, испуганные, убегали. Солдата с его приятельницей Дарьей Ивановной сменял цыган, предлагающий купить полудохлую кобылу, ссорящийся со своей женой и затем танцующий с ней под песню «Чом, цыгане, не орешь?», в которой рассказывалось, как цыгане собирали мужиков. Затем появлялись одна за другой пары: «венгерец с мадьяркой» и польский пан с варшавянкой, также танцующие под песню. Пан хвастал страшно, угрожая «гайдамаками», но при первых звуках раздающейся за сценой песни запорожца: «Та не буде лучче, та не буде краше, як у нас на Україні» убегал в испуге. Из всех персонажей запорожец дольше всего оставался на сцене и трактовался с наибольшим сочувствием. Он начинал грустным монологом о прошедшей казацкой силе, затем следовал ряд комических сцен его с шинкаркой Хвесьюкой, цыганкой, жидом, униатским попом и чертями. Во всем запорожец оставался победителем: от него бежал польский пан, он бил жида, хотевшего его задушить, прогонял униатского попа, приглашавшего его ходить в костел, ловил и бил чертей. Даже смерть его не брала: когда его кусала ядовитая змея, а цыганка-знахарка скрытно помогала своими заклятиями змеиному яду, он все же оставался жив, восторжествовав над смертью. После сцен с запорожцем следовали сцены с мужиком Климом: бедность заставляла его пускаться на хитрости: не имея денег для уплаты дьячку за обучение своего сына, он уплачивал ему свиньей, никуда не годной; дьячок, однако (в нем осмеивалась семинарская ученость), полагал, что он сам надул мужика. Клим затем убивал, по неосторожности, свое последнее достояние — козу и горевал над своей бедностью. Пьеса заканчивалась выстрелом из пушки, которую тянул на себя измороженный и ропщущий малороссийский мужик, а российский солдат его понукал.

Малороссийский мужик представлен в пьесе мало-развитым, бедным (иногда от бедности плутоватым) и сильно забитым: он боится угроз солдата, выносит на своей спине тяжесть его военных предприятий (сцена с пушкой); цыгане, жида, польские паны, униатский поп и дьячок — почти все они стараются так или иначе эксплуатировать народ, а представители ученого сословия (униатский поп и дьячок) не приносят ему никакой пользы и заслуживают только осмеяния. В бытовой части пьесы есть только два положительных момента. Первое — это запорожец; но и он, несмотря на всю свою мощь, показан уже в период упадка запорожской общины. Второе — это то стремление мужика к просвещению, которое заставляет его, несмотря на всю его бедность, находить средства, чтобы платить за обучение сына.

Лит.: Маркевич Н. А. Обычаи, поверья, кухня и напитки малороссиян. Киев, 1860.

«ВЕРТОГРАД ЗАКЛЮЧЕННЫЙ», икона Божией Матери. Изображение на иконе в символической форме раскрывает учение о непорочном зачатии и сохранении девства Пресвятой Богородицей после рождения

Н. Павлов, Икона Божией Матери «Вертоград заключенный». Икона. 1610-е гг.

Христа. Она и есть тот самый «запертый сад», «заключенный колодезь» и «запечатанный источник», который, не отворяя врата, изливает в мир живую воду, которой является Господь Иисус Христос.

Перед образом «Вертоград заключенный» русские люди молятся о плодородии земель и душевном умиротворении.

ВЕРХНЯЯ ОДЕЖДА РУССКИХ, отличалась разнообразием не столько в покрое и фасонах, сколько в ее названиях. Нередко один и тот же вид одежды в разных местах имел разные названия, часто в зависимости от материала, отделки, мелких деталей и т. д.

По покрою верхнюю одежду можно было разделить на четыре основных типа, которые одновременно от-

Южнорусская верхняя одежда — сукман донских казаков

Малороссийский кобеняк с капюшоном.

Халат. Дон

С. Стрекалов. Мужская одежда XIII в.

С. Стрекалов. Женская одежда XIII в.

Южнорусский женский костюм. Воронежская губ. и у. 1860-е годы

Полтавская крестьянка в свите

ражали этапы эволюции одежды русских. Постепенно в верхней одежде изменялся покрой спины, становясь все более сложным. Первоначально спина кроилась из одного полотнища материи, без каких бы то ни было подрезов на талии. Потом начали вшивать клинья, так что на талии получался перехвѣт (сужение). Великороссы называли такой фасон на острый клин, малороссы — на усь; при этом на спине часто делали подрезы. Позднее ниже талии вдоль спины стали закладывать мелкие сборки или складки, для чего на спине делали поперечный разрез. Наконец, сборки ниже талии стали делать не только на спине, но и спереди. В каждом из перечисленных четырех типов появились разные варианты длины, фасона воротника и т. д., благодаря чему возникали новые разновидности.

Большую часть русской верхней одежды носили равным образом как мужчины, так и женщины, обычно без каких бы то ни было изменений в покрое.

I. Разновидности верхней одежды с прямой спинкой имели фасон плаща, *рубахи* или халата.

В Древней Руси плащи имели широкое распространение, как можно судить по множеству названий для них в древнерусском языке: *корзно*, коць, котыга, *епанча*. Последнее еще сохранилось в распространенной у всех русской нарядной женской одежде, известной под названием епанча (епанечка), корутенько, *душегрѣйка*, *шугай*, *полушубок*. Это — разновидность очень короткой шелковой мантии на лямках. В н. XX в. малороссы называли опонча особый тип широкого халата с рукавами и капюшоном.

Черный дубленый праздничный женский крестьянский полушубок, украшенный полосами вышитого сукна. Бытовал в Воронежской, Липецкой и других губерниях центральной части России

Верхняя одежда крестьянки — «корсетка». Воронежская губ., Павловский у. Кон. XIX — нач. XX в.

Верхняя одежда крестьянки. Тверская губ., Бежецкий у. Кон. XIX — нач. XX в.

Верхняя одежда крестьянки. Воронежская губ. Нач. XX в.

Верхняя одежда крестьянки. Центр России. Кон. XIX в.

Каргопольский вариант олонецкой кики с рогом. 2-я пол. XIX в.

Сарафан и шугай — верхняя праздничная одежда женщин севера России. Кон. XVIII — нач. XIX в.

Кокосник Костромской губернии и шерстяная с тканым рисунком шаль. 1-я пол. XIX в.

Ф. П. Жданова в малице — основной зимней одежде Усть-Цельмы. Усть-Цельма. 1984 г.

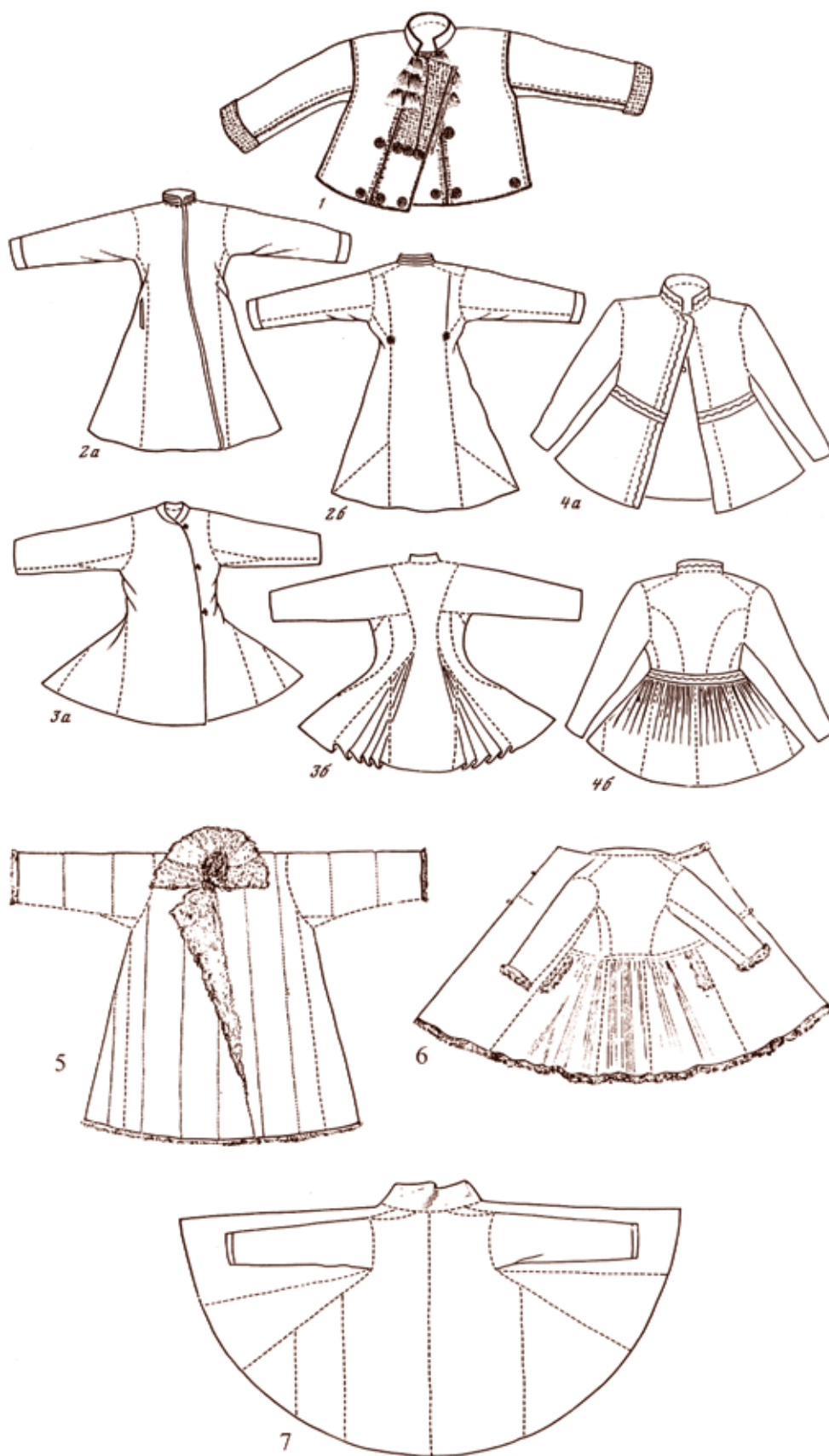
Обычно роль плаща играли чугá, также чугóй, чугáня, которая была известна как в Галиции, так и на Дону и в Сибири. Однако эта одежда — с рукавами, которые, впрочем, шили уже в XVII в. Так как чугу лишь набрасывали на плечи, не надевая в рукава, то нередко эти рукава зашивали внизу и пользовались ими как карманами или сумками.

Форму плаща имела мáнта или гúгля русинов, похожая на большой мешок, открытый с одной из длинных сторон. Она надевалась на голову дном этого мешка, играющим роль капюшона, и закреплялась на плечах специальными шнурками. В н. XX в. манта служила почти исключительно обрядовой одеждой невесты по время венчания.

Фасон рубашки имела рабочая верхняя одежда для обоих полов; обычно ее делали из холста. Это — вёрхница, верхáвица, рядбвка, кабат, кабатúха, шушúн,

шу́шка (сев.-рус.); навёршник (южнорус.), насбóу, насбóка (белорус.). У южнорусских получила широкое распространение нарядная женская одежда такого же типа, ее шили из тонкого домотканого белого, реже цветного сукна и украшали отделкой. Чаше всего ее называли *шушпóн*, реже — сýкман, сýкня или по цвету — жолтик, желтýк, кóдман. На Дону шушпан носили с *поясом*. В некоторых местах у него спереди был разрез. Нарядные верхние рубашки такого типа являлись, очевидно, прямым продолжением древних *лётников*. В Великолукском у. Псковской губ. рукава таких сукней были с разрезами у плечей, и молодежь, не надевая сукню в рукава, просовывала руки и эти разрезы.

Фасон халата имела гл. обр. такая одежда, которую надевали поверх др. верхнего платья взамен дождевика и дорожного плаща. Из старинной русской малоросийской — кобеня́к. Армяк получил свое восточное на-

Верхняя мужская и женская одежда

1 — сердак черного сукна. Закарпатье; 2 — белорусская свита из белого сукна (а — спереди, б — сзади). Могилевская губ.; 3 — женский пониток чекменем (а — спереди, б — сзади). Владимирская губ., Ковровский у.; 4 — женский кафтан (а — спереди, б — сзади). Владимирская губ., Меленковский у. 5 — тулуп из овчины, крытый тканью. Забайкалье; 6 — полушубок из овчины. Тамбовская губ.; 7 — свита с шиворотом из сукна. Орловская губ., Севский у.

звание от того материала, из которого его шили: это сукно из верблюжьей шерсти, т. н. *армячъна*. Раньше армяк назывался *фйрези*, армяшные.

Малороссийский *кобеняк*, также *кирѣя*, *сиряк*, свита з *кобеняком*, *стовбовата свита*, надевался поверх шубы. Он шился из сукна, часто был серого цвета. Пришитый к нему *капюшон відлѳга*, *кобѳка*, *каптур*, *борѳдища*, *шбѳнаѳка*, *богорѳдища* имели форму мешка с закругленным дном и отверстиями для глаз. То же назначение и такой же фасон был у малороссийского халата без капюшона, но с широким суконным воротником, так же как и у русского *тулупа* — сшитой из овчины шубы с овчинным же воротником. Тулуп подпоясывался широким поясом. На Урале и в Сибири такие тулупы шили из козых, оленьих и собачьих шкур мехом наружу и называли их *дохѳа*, *ята*, *ерѳак*.

Общепотребительной верхней одеждой с прямой спинкой был в старину русский *ѳпашень*, который в Кинешме Костромской губ. носили еще в сер. XIX в.; это род верхней одежды, который севернорусские называли киргизским словом *чапѳн*. *Бѳлахѳн* из белого холста встречался чаще на севере, чем на юге. Малороссийский женский халат с пелериной (*кожѳх*, *зипѳн*, *чекмѳень*, *жупѳн*, *чѳйка*) шился как с прямой спиной, так и с перехватом на талии.

Кроме перечисленной длинной одежды покрѳй халата с прямой спинкой был и у различной короткой верхней одежды, жакетов. Таковы были, напр., *кептѳрь*, *бѳнда*, *катѳнка*, *бруслик*, *лѳйбик*, *сердаѳк русинов*; *катѳнка*, *спанцѳрка белорусов*; русские женские жакеты *каѳавѳйка*,

повятушка, рохлушка, шушун и др. Однако эти же виды одежды шились и с перехватом на талии.

II. По всей России был широко распространен покррой верхней одежды, требующий клиньев, которые вшивали сзади по бокам ниже талии: острый конец клина доходил до пояса, а основание оказывалось на уровне подola. Малороссы называли такие вшитые клинья *ўси*, белорусы — *ўсы* или *хванды* (т. е. складки), а русские — *клин*, *сгиб*, *шипок*, *тюрик*. Сам покррой у русских назывался на острый клин. Отсюда и названия: *троеклинок* — *кафтан* с вшитыми сзади 3-мя клиньями, *пятишóвка* — женский жакет с 5-ю складками сзади и, наконец, *семишóвка* — *камзол* с 7-ю клиньями (с 7-ю швами).

При вшивании клиньев в заднее полотнище книзу от пояса нижняя часть спинки расширялась, а на талии получался перехват. Нередко, вшивая клинья, одновременно делали на спинке подрез на талии.

Если 2 первых клина, на боках, вшивались очень легко, то для каждого последующего приходилось разрезать спинку и вшивать клин в этот разрез. Вершины вшитых клиньев обычно украшали отделкой в форме сердца, кружка и т. п. из сафьяна, шнура, сукна или вышивки.

По этому образцу обычно шилась распространенная по всей России верхняя одежда, сохранившая у малороссов и белорусов старинное название *свита*, а у великороссов известная под названием *зипун* или, в зависимости от материала, *сермяга* (это слово встречается уже в памятнике 1469), *пониток*, *сукман*. Малороссы знали эту одежду еще под названиями *сірак*, *куцінка*, *гуня*; белорусы — *сермяга*, *насоў*, *капута*, *жупіца*; русские — *чекмень*, *однорядка*. Это последнее слово засвидетельствовано в XVI в. В н. XX в. эта одежда была распространена в Сибири. Историки объясняют это название тем, что однорядку шили без подкладки («один ряд»); можно, однако, отнести такое название и к «одному ряду» пуговиц, характерному для этой одежды.

III. Следующий тип покроя отличался тем, что на спинке на уровне талии делали поперечный разрез и, заложив на нижней части крупные складки (фалды, малорос. *ряси*) или собрав ее в мелкую сборку, пришивали к верхней части. Последний вид (со сборкой) русские называли *шить в посадку*, а крупные складки назывались *трубы*. Таким фасоном шили русский *кафтан*, который малороссы чаще всего называли *юпка*. Кафтаны старого покроя еще в н. XX в. шили не с мелкими складками, а с двумя клиньями (покррой второго типа). *Казакин*, *поддévка*, *сибирка* или *полукафтáнье*, *полушóбок*, *коротбй* и женская шуба почти всегда с мелкими сборками. Точно так же часто шились малороссийская *свита*, русский *зипун*, особенно женский, русский *шугай*, *кожушина* (шуба), малороссийская *кірсётка* — женский жакет без рукавов.

IV. В последнем типе покроя сборки делали не только на спине, но и спереди, т. е. кругом по талии. Такой одеждой являлась малороссийская *чемéра*, *чемéрка*, *чамáрка*.

Ист.: Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991.

ВЕСЕЛОВСКИЙ Александр Николаевич (4[16].02.1838—10[23].10.1906), русский филолог, литературовед, родоначальник исторической поэтики. В своих исследованиях «В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения» (1904), «Пушкин — национальный поэт»

(1899), «Боккаччо, его среда и сверстники» (1893—94) устанавливал неразрывную связь писателей с жизнью современного им общества. Большое место в своих исследованиях Веселовский отводил фольклору и славянским литературам. В 1872 опубликовал докторскую диссертацию «Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине». В «Опытах по истории развития христианской легенды» (1877) и в «Разысканиях в области русских духовных стихов» (1892) прослеживает исторические пути развития народной поэзии.

ВЕСЕЛЬЕ (веселость), чувство удовольствия, связанное со смехом и шуткой. «Веселость, — говорил св. Серафим Саровский, — не грех, она отгоняет усталость, а от усталости ведь уныние бывает, и хуже его нет». Русский

А. Ржевская. Веселая минутка

народ всегда ценил веселье, смех, шутку. «Веселье, — сообщают русские пословицы, — лучше богатства. Веселого нрава не купишь. Сердце веселится, и лицо цветет. Есть нечего, да жить весело. Мешай дело с бездельем, проводи время с весельем. Кто людей веселит, за того весь свет стоит. В веселый час и смерть не страшна».

О. П. ВЕСНЯНКИ, весенние песни, *хороводы* и игры в Малороссии и Галиции. Содержание многих игр и песен взято из животного мира, и исполнялись они в честь животных, и в особенности птиц, о чем говорили их названия: *горобейко*, *перепилочка*, *галка*, *ворон*, *зозуля*, *ласочка*, *кит*, *коза*, *зайко*, *жук* и др. Соединение птиц в пары являлось символом брачного соединения двух полов: *соловей*, *жаворонок*, *воробей*, *голубь*, *сокол*, *селезень* — милый; каждый из них имеет пару, милую: *галочку*, «*зозуленьку*», «*горобейку*», *перепелку*, *утку*, *лебедку*, *ласточку*. Во многих играх и песнях представлялись отношения двух полов, молодежи, па-

И. Брюллов. Весна

рубков и девчат, то враждующих, то соединяющихся; в других изображались отношения мужа и жены, причем рисовалось тяжелое положение жены, особенно по сравнению с девичьей жизнью. Исполнялись все эти песни и игры исключительно молодежью. В н. XX в. записано и издано множество веснянок, весенних игр и хороводов.

ВЕТЕР, по народному поверью — Божье дыхание: оно может быть тихим и сильным, добрым и жестоким. Ветер может обладать свойствами демонического существа. Русские крестьяне считали, что существуют люди, способные управлять ветрами. Это были те, кто родился на *Мирона Ветрогона*. А к самому св. Мирону русские обращались, чтобы он успокоил ветры. Моущество ветра, его разрушительная (наравне с *градом*, *бурей*, *метелью*) или благотворная сила (аналогично дождю или солнечным лучам) вызывает необходимость задабривать ветер: ласково с ним разговаривать, «кормить» и даже приносить ему жертву. Характерно и деление ветров на «добрые» (напр., такие, как «святой воздух» — благоприятный, попутный ветер) и на «злые», наиболее ярким воплощением которых является *вихрь*.

В Древней Руси считали, что ветры подчиняются *Стрибогу*. В «Слове о полку Игореве» ветры Стрибожьи внуки.

По русским верованиям, ветров много, но главных — четыре (соответственно четырем сторонам света); они «сидят по углам земли», старший среди них называется «вихревой атаман»: ему повинуются все остальные, он же посылает ветры и вихри дуть туда, куда захочет. В севернорусской традиции известны «ветряной царь», «ветер Мойсий», «ветер Лука», а также «Седориха» — северный ветер. В Вологодской быличке рассказывается, что 12 ветров прикованы цепями к скале посреди океана; срываясь с цепи, они попадают на землю.

Ветры в разных местностях имели свои названия. На Русском Севере называли в зависимости от их направления: северный ветер — сиверик, сиверок, сивер, столбище; южный — полуденник, летник, ребровский, тепляк; восточный — восток; западный — средний;

северо-западный — глубник, голоменник; юго-западный — паужник, межник, шалоник; северо-восточный — полуночник, заморозник, рекостав; юго-восточный — обедник. Ветер, который дул против своего обычного направления, назывался противником.

Представление о ветре как об одушевленном, передвигающемся по воздуху существе, выражалось и в желании человека пригласить, вызвать ветер в тех случаях, когда он был необходим для хозяйственных и иных нужд (при веянии жита, для работы мельниц и т. д.). Самым распространенным способом вызвать ветер в затишье считался свист, реже — пение. Чтобы вызвать попутный ветер, у русских моряков, особенно поморов, было принято насвистывать. Женщины прибрежных поморских селений

выходили вечером к морю «молить ветер, чтоб не серчал», помогал их близким, находящимся в море. Встав лицом к востоку, они напевным голосом обращались к желаемому восточному ветру с просьбой «потянуть» и обещали ему «наварить каши и напечь блинов». В Рязанской губ. с целью вызвать ветер при веянии жита старухи изо всех сил дули в ту сторону, откуда его ждали, и махали руками, показывая ему нужное направление. У белорусов *мельник* должен был уметь «запречь ветер»: в частности, вызвать его в затишье, бросая горстями муку с верхушки мельницы.

Появление ветра часто связывалось с общеславянскими представлениями и ветре как местонахождении душ и демонов. *Душа* (в виде дыхания, дуновения) отождествлялась с воздухом, ветром, вихрем. Считалось, что с ветром летают души больших грешников; сильный ветер означает чью-то насильственную *смерть*. Белорусы полагали, что холодный ветер дует с той стороны, где утонул человек. По малороссийским верованиям, появление «ходячих» покойников сопровождалось порывами ветра. В Вологодской губ. считалось, что тихий ветерок возникал от дуновения *ангелов*, а бурный — результат действия дьявольских сил.

«Злые» ветры являлись источниками *болезней*. Наиболее страшными считались духи-ветры, нападающие на людей и вызывающие эпилепсию, душевное расстройство.

Вместе с дуновением ветра распространялась не только зараза, эпидемия, но и *порча*. Напр., по русским поверьям, *знахари* и *колдуны* портили людей наговорами, зельем, а то и так: «по ветру пускали».

Для избавления от болезни, порчи и т. п. в *заговорах* и заклинаниях использовался мотив ухода «нечисти» вместе с ветром, напр. у белорусов: «Пошла, хира (немочь, болезнь, погань), наўзвей ветер!»

Ист.: Ермолов А. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. Т. 4. Народное погодоведение. СПб., 1905; *Черепанова О. А.* Мифологическая лексика Русского Севера. Л., 1983; *Плотникова А. А.* Ветры // Славянская мифология. М., 1995.

К. Лебедев. Вече в Новгороде

ВЕХА, шест с пучком соломы, заменявшим в кабаках елку.

ВЕХОСТАВ — см.: ПРОКОПЬЕВ ДЕНЬ.

ВЕЧЕ, главнейшая форма самоуправления в Древней Руси, собрание, сходка взрослых домохозяев, жителей одного города, для решения сообща каких-либо дел, касающихся их городской жизни. Сходки эти существовали издавна, задолго до призвания князей, при первых князьях и до самых тех пор, как поднялась Москва, вобравшая в свои пределы отдельные земли или волости, на которые распадалась в древнейшее время Русь.

Волостью, или землею, назывался в XI—XII вв. целый округ, вмещавший в себе несколько городов. Один из этих городов считался старшим, или «великим», а др. города были только «пригородами» этого старшего города, по имени которого называлась обыкновенно и самая земля. Летописец, живший в к. XII в., отметил такое устройство Русской земли как исконное: «Новгородцы бо изначала, — писал он, — и смоляне (жители Смоленской обл.), и кыяне (киевляне), и полочане (жители Полоцка), и вся власти (волости), яко же на думу, на вече сходятся; на что же старейшии (города) сдумают, на том же и пригороды станут». Вече, следовательно, было формой, в которой выражалась тогдашняя государственная власть. Надо, впрочем, отметить, что вечем называли тогда вообще совещание и вообще народное собрание, даже в тех случаях, когда и то и др. не имели своей задачей вынести какое-нибудь решающее то или иное государственное дело постановление. Но по преимуществу вече

в киевское время является органом политической власти народа. Другой формой выражения государственной власти в Древней Руси был князь.

Вече правило волостью наравне с князем, и, конечно, строгого разделения власти вече и князя не могло существовать в то время. Люди тогда жили не по писаному закону, а по обычаю, одинаково обязательному и для князей, и для народа, но не вносившему никакого строгого порядка в течение дел. Можно говорить, что вече управляло волостью, но и князь тоже ею управлял; ход этих двух управлений и определялся обычаем, причем, при всегда возможных столкновениях, немалое значение приобретало то, какие люди стояли во главе вече: очень ли рьяно стоявшие за

самостоятельность вече или нет. Пожалуй, еще большее значение имело то, каков был князь — легко или не легко поддающийся вечевому требованию, умеющий или не умеющий с ним ладить. Взаимные чувства народа и князя определяли все в их отношениях, как правителей. Любил народ князя, как, например, киевляне любили Мономаха или сына его Мстислава, — и никаких разногласий не возбуждалось; а был князь не по нутру народу в силу своего поведения или характера, и тогда столкновения его с вечем бывали часты и не всегда оканчивались благополучно для князя. В 1146 Киевский кн. Игорь был убит разбушевавшимся народом. Когда умирал князь, горожане собирались на вече и сговаривались, кого из князей звать к себе, если ближайший по старшинству был не по нраву и если под силу было городу не допустить его к себе. Остановившись на каком-нибудь известном им князе, горожане посылали сказать ему: «Поиде, княже, к

В. Васнецов. «Вече» (фрагмент)

нам! Нашего князя Бог поял, а мы хотим тебя, а иного не хотим!»

Когда князь приезжал в город, вече целовало ему крест на верность, а князь целовал крест перед вечем в том, чтобы ему «любить народ и никого же не обидеть».

Вот как, напр., рядились киявляне в 1146 с кн. Игорем, вместо которого на вече присутствовал, замещая Игоря, его брат Святослав.

«Ныне, княже Святославе, — говорили киевляне, — целуй нам крест из братом своим (за брата своего): аще кому нас будет обиди, то ты прави!»

Святослав на это отвечал:

— Яз целую крест за братом своим, яко не будет насилья никоторого же».

Затем киявляне целовали крест Игорю.

Заключая «ряд» с князем, горожане уговаривались, какой доход должен получать князь с города, как он должен судить, сам ли или через тиунов своих, т. е. особых, князем назначенных судей; уговаривались далее о том, чтобы князь поручал управление отдельными частями страны мужам добрым и справедливым и т. п. Заключенные условия соблюдались свято обеими сторонами, и вече зорко следило, чтобы они не нарушались.

По своей форме вече было непосредственным участием народа в государственном управлении, а не через представителей. Участвовать на вече имел право каждый свободный взрослый и материально независимый горожанин. Но это право никого ни к чему не обязывало. «Людин» мог пойти на вече, а мог и не пойти, мог там стоять и молчать, мог и говорить, отстаиваялюбившееся ему мнение. Созывались вече, смотря по надобности: в одну неделю могло быть несколько вечевых собраний, а иной раз и в целый год не созывалось ни одного. Созывать вече имел право каждый «людин», но, конечно, пользоваться этим правом по капризу было опасно: можно было дорого поплатиться, и небольшие группы людей рисковали созванивать вече только тогда, когда были уверены, что вопрос, подлежащий вечевому обсуждению, — важный вопрос, всем близок и всех интересует. Обыкновенно вече созывалось по почину городской старшины или князя. Созывалось вече или по звону особого колокола, или через герольдов — бирючей. Сходило на вече обыкновенно «многое множество народа», и, конечно, такие собрания могли помещаться только под открытым небом.

Во всех городах были постоянные места для вечевых собраний, но вече могло собираться и на других местах, если это почему-либо было удобнее. Так, в 1147 киевляне собирались на вече раз под Угорским, другой — у Туровой божницы, несмотря на то что у собора Св. Софии было место, издавна предназначенное для вечевых собраний: там были даже поделаны скамьи, на которых вечники могли сидеть. Случалось и так, что горожане, разделившись резко в мнениях, собирали одновременно два вече в разных местах.

Особого порядка совещаний на вече не было. Как только соберется народ и наполнит площадь, так и начиналось обсуждение дела. Конечно, не все, собравшиеся на вече, в один голос говорили и решали все дела; из всего «многолюдства» выделялись наиболее решительные, смелые и лучше понимавшие дело, они-то и вели весь разговор.

Размещались на вече люди в некотором порядке. В середине, ближе к князю и епископу и к выборной городской старшине — посаднику и тысяцкому, — со-

бирались те, кто пользовался большим значением в городе или за свое богатство, или за услуги, или по преклонному возрасту. В этой сравнительно небольшой кучке и сосредоточивалось все обсуждение дела, а толпа присоединялась к какому-либо одному из мнений, и тогда оно торжествовало. Бывало, разумеется, и так, что толпа, возмущенная или раздраженная тем делом, которое обсуждалось, и пришедшая на вече с заранее решенным мнением, заставляла «лучших людей» принять то, что она принесла с собой, быть может, после долгих предварительных рассуждений по дворам и горницам. Понятно, что при таких условиях вече становилось иногда слишком шумным и беспорядочным сборищем, и тогда «людие, по словам летописи, (были) яко взбеснеша, или яко звери дикие, и речи слышати не хотяху, бияху в колоколы, кричаху и лаяху...»

При обсуждении дел никакого подсчета голосов не велось, и требовалось всегда или единогласное решение, или такое большинство, которое было бы ясно видно и без всякого подсчета голосов. Решение вече, таким образом, действительно исходило от всего города. Единогласие получалось мирным путем, если успевали сговориться и поставить на чем-нибудь одном, но если страсти разгорались, то дело решал не словесный бой, а кулаки и топоры. Никаких записей того, что происходило на вече, не велось; что касается самого порядка совещаний, то он был изустный и не был заключен ни в какие формы. Ни председателя, ни руководителя прений не было — по крайней мере, летопись совершенно не указывает на существование их. Первый вопрос предлагался вечу обыкновенно тем, кто его созвал, — князем, посадником или кем иным, а затем начиналось самое совещание. Есть указания в летописях, что люди богатые подкупали людей бедных для того, чтобы они своим говором и криком на вече заглушали речи противников и способствовали проведению мнений тех, кто подкупал их.

Так как на вечевых собраниях не требовалось присутствия определенных лиц, в определенном числе, а нужно было только, чтобы присутствующие были горожане, то состав вече бывал очень непостоянен в своих решениях. Сегодня собирались в таком соотношении, что большинство высказывается за известную меру, а завтра созвали вече, собрались в большинстве противники принятого вчера решения, и вот принято вместо вчерашнего — противоположное ему. Но даже и в тех случаях, когда вече собиралось однородное, оно настолько зависело от настроения духа подвижной массы своих членов, что очень легко меняло свои решения. Такой порядок вещей очень способствовал развитию известной партийности в среде горожан и создавал обстановку, очень способствующую развитию партийной борьбы.

Кроме избрания князя, вече, как высшее правительственное учреждение, как правительство само, решало вопросы о войне и мире. Но вопрос о войне и мире решал также и князь. Как устраивались в этом вопросе обе власти? Дело в том, что князь и вече ведали войны, так сказать, различного характера. Если князь вел войну на свой страх и риск, то вече в нее не вступалось, если же князь требовал помощи горожан, то вершителем вопроса войны или мира и с решающим голосом становилось и вече.

Летопись рисует нам не одну картину взаимоотношений князя и вече на почве вопросов войны и мира. В 1147 шла борьба между старшим внуком Мономаха,

Изяславом, и его дядей, младшим сыном Мономаха, Юрием. Старинные противники Мономаховичей, черниговские Ольговичи, предложили союз Изяславу. Далее по летописи: «Изяслав созвал бояр своих, всю дружину свою и всех киевлян, т. е. вече, и сказал им:

— Вот я с братией моей хотим пойти на дядю своего к Суздалью. Пойдут с нами и Ольговичи.

Киевляне на это ответили:

— Князь! Не ходи на дядю своего в союзе с Ольговичами, лучше уладь с ним дело миром. Ольговичам веры не давай и в одно дело с ними не путайся.

— Они крест мне целовали, — отвечал Изяслав, — и мы сообща порешили этот поход; не хочу менять моего решения, а вы помогите мне.

— Князь, — сказали тогда киевляне, — ты на нас не гневайся: не пойдем с тобой — не можем поднять руку на Владимирово племя. Вот если на Ольговичей, так с детьми пойдем.

Тогда Изяслав решил идти один с дружиной и охотниками, кликнув клич по ним:

— А тот добр, кто по мне пойдет!»

Воинов-охотников собралось много, и Изяслав двинулся в поход. Но киевляне оказались правы — Ольговичи нарушили крестное целование и изменили Изяславу. Положение, в котором очутился Изяслав, оказалось крайне опасным. Тогда он отправил в Киев двух посланцев — Добрыню и Радила. Посланцы явились к наместнику Изяслава, его брату Владимиру, и к киевскому тысяцкому Лазарю. С посланными Изяслав так говорил брату Владимиру: «Брате! Еди к митрополиту и созови кыяне вся, ать молвита си мужа леств черниговских князей!»

Владимир поехал к митрополиту и созвал — «побабил» — киевское вече. И вот, повествует летопись, «придоша кыян много множество народа и седоша у святое Софьи. И рече Володимир к митрополиту:

— Се прислал брат мой два мужа кыянины, ать (т. е. пусть) молвят братье своей.

И выступи Добрыня и Радило и рекоста:

— Целовал ты брат, а митрополиту ся поклонял, и Лазаря целовал, и кыяне все.

Рекоша кыяне:

— Молвита, с чим вас князь прислал?

Посланные изложили тогда то, что велел им сказать Изяслав, и от имени князя звали городское ополчение идти к Чернигову:

— А ныне, братья, поидета по мне к Чернигову; кто имеет конь, ли не имеет кто, ино в лодье: ти бо (т. е. черниговцы) не мене единого хотели убить, но и вас искоренити».

Таким образом, требуя помощи горожан, князь указывает, что теперь поход не его только личное дело, но и дело города.

Вече зашумело:

«Рады, что Бог избавил тебя и братий наших от великой напасти. Идем по тебе и с детьми, как ты того хочешь».

Но тут поднялся один человек и сказал:

«Хорошо. Пойдем за князем, но подумаем и вот о чем. У нас здесь сидит у св. Феодора (т. е. в монастыре) враг нашего князя — Игорь. Помните, как восемьдесят лет тому назад отцы наши вывели не из монастыря, а из темницы князя Всеслава и посадили его на место Изяслава Ярославича, и что было, когда вернулся Изяслав. Как бы не случилось и теперь того же. Мы уйдем к Чернигову, а сторонники Игоря призовут его и сделают князем. Пойдем, сначала убьем Игоря, а потом и двинемся к Чернигову».

Против этого предложения восстали и митрополит, и тысяцкий Лазарь; говорили против же старый тысяцкий Владимир и некто Рагуило. Но толпа не слушала их и пошла убивать Игоря.

К. Лебедев. Уничтожение Новгородского вече

Война, начатая с согласия веча, прекращается, если народ потребует заключения мира. В таких случаях вече властно говорило князю: «Мирися или промышляй о себе сам».

Точно так же, если князь хотел мириться против воли веча, то слышал такой ответ: «Аше ты мир даси ему, но мы ему не дамы!»

Во время похода князю тоже приходилось считаться с желаниями городского полка. В 1178 князь Всеволод не хотел брать приступом город Торжок. Это возбудило неудовольствие городского полка: «Мы не целоваться с ними приехали, — сказал полк, — они, князь, лгут Богу и тебе!» — и город был взят приступом.

Так сосуществовали в правительстве киевских времен два начала — князь и вече. Легко заметить, что сосуществование их покоилось на единении их, на их согласии, которое создавалось на почве нужды друг в друге и иногда оформлялось даже договором с крестным целованием. Права обеих частей правительства были, в сущности, одинаковы. Но князь существовал и проявлялся постоянно, вече же созывалось не всегда, действовало с перерывами. В силу одного этого такие постоянные дела, как суд, управление, конечно, должны были более сосредоточиваться в руках князя, и вече почти не вмешивалось в них. Оно требовало от князя правового суда, но жаловаться вече на суд князя было не в обычае. Но, оставаясь постоянно во главе текущих дел, князь не был избавлен от известного контроля своих деяний со стороны веча. Этот контроль устанавливался сам собой в силу гласности и несложности всех дел тогдашнего государственного строительства, а затем он обеспечивался участием лучших горожан и избранной городской старейшины в постоянном совете князя, в его думе с дружиной.

Торговый город тех времен был в то же время известной военной организацией; как купец тех времен был одновременно воином и не мог быть купцом, не будучи воином, так и весь город был устроен на военную ногу. Для устройства торгово-военных экспедиций и *артелей* древнерусский город составлял полк, или тысячу. Эта тысяча делилась на сотни и десятки по улицам. Во главе всей тысячи стоял избранный начальник ее — тысяцкий, во главе сотен и десятков — избранные же сотники и десятские. Кроме тысяцкого, летописи упоминают еще одно высшее должностное лицо в городе — посадника. Можно думать, что посадником называли лицо, замещавшее князя в его отсутствие, как судью и управителя. Посадником мог быть родственник князя, назначенный им на эту должность с согласия веча или даже избранный прямо вече человек из «людей», когда князя вообще не было у города. В таких случаях тысяцкий являлся как бы военным начальником, а посадник — гражданским управителем и судьей города. На обязанности тысяцкого лежала и охрана внутренней тишины и спокойствия города, его полиция. Посадники и тысяцкие, отбывшие свою должность, именовались почетным названием — «старых» посадников и «старых» тысяцких, тогда как посадник и тысяцкий, находившиеся в должности, назывались степенными — от той «степени», или возвышения, на вечевой площади, на которой они стояли во время вечевого собрания, руководя им или давая ему объяснения.

Вся эта городская старшина, избранная всегда из лучших, наиболее уважаемых, сильных и богатых горожан, конечно, находилась в постоянном деловом общении с князем. Князь в своих делах по суду и управ-

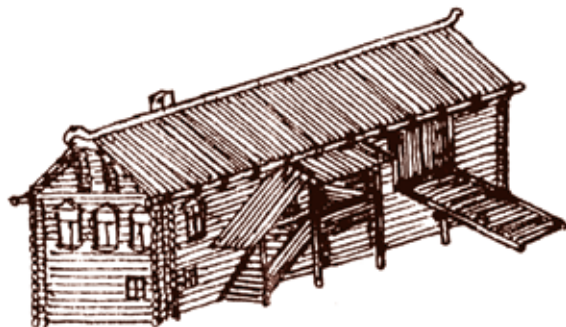
лению в силу уже одних личных удобств должен был справляться с мнениями и жалованиями этих «старцев градских». Об участии их в совете князя известно еще из времен кн. *Владимира Красное Солнышко*. Вместе с наемными слугами князя, с людьми, порядившимися ему на службу, с дружиной князя старцы градские составляли княжескую думу. «Бо Владимир, — говорит летопись, — любя дружину и с ними думая о строем земленем, и о ратех, и о уставе земленем». По летописи, вопрос о принятии христианства кн. Владимир решил по совету с дружиной и старцами градскими. Участвуя в совете князя, избранная городская старшина тем и поддерживала единение князя с вече; избранные из людей сильных и влиятельных, эти старцы градские, с одной стороны, могли властно заявлять князю желания и настроения веча, а с другой, подкрепляя своим авторитетом князя, в совете которого участвовали, они могли влиятельно ратовать за него на вече и поддерживать его перед народом.

С. Князьков
ВЕЧЕРНИЦЫ (Досвитки), вечерние собрания мало-русской не женатой молодежи в осеннее и зимнее время. Происходили обыкновенно в хате бездетной вдовы, которую называли «вечернична (досвітчана) мати». Каждая девушка приносила из дому съестные припасы, парубки водку, лакомства и пр. Девчата брали с собой работу и сначала работали, но когда являлись парубки, то работа прекращалась. Пели песни бытового содержания (специально вечерничных песен не было), рассказывали сказки, анекдоты; появлялась музыка и начинались танцы. После ужина вносили в хату солому и ложились спать обыкновенно парами: каждый парубок со своей девчиной. Перед рассветом вставали, парубки уходили, а девчата оставались работать — это, собственно, и были досвитки. Можно предположить, что вечерницы были отголоском древнего предварительного брака; но в XIX — н. XX в. они служили лишь для предварительного знакомства между собой обоих полов с целью избрания «дружины» (мужа, жены). Отыскивая себе подругу жизни, стараясь узнать ее как можно ближе, парубок, ввиду строгого взгляда крестьян на целомудрие девушки, старался сохранить доброе имя своей будущей жены.

ВЕЧОРКА, ЗОРЬКА, ПОЛУНОЧКА, персонажи русских сказок, выражавшие основные моменты суточного солнечного цикла, богатыри, побеждавшие силы колдовства и зла. Существуют также под другими названиями — Вечер, Вечерник; Заря-богатырь, Светозор (Световик), Иван Утренней Зари и Иван Полночной Зари; Полночь-богатырь, Полуночник.

ВЗВАР, отвар свежих или сушеных фруктов и ягод, подслащенных медом или сахаром. Иногда подавался вместо супа.

ВЗВОЗ, в русской избе в северных губерниях — полостной бревенчатый въезд на *сенник* (сеновал), позволяв-

Сольвычегодский район Архангельской области. Деталь «взвоза» и ворота в сарай.
Фото В.М. Владимирова. МАА

Сольвычегодский район Архангельской области. Деталь «взвоза» и ворота в сарай.
Фото В.М. Владимирова. МАА

Великая губа. Дом Петуновых. «Взвоз» в сарай. Фото В.М. Машечкина. ГЭМ

Деревня Кожали, Олонецкий район Карелии. «Взвоз» дома Рыбуева.
Фото проф. Р.М. Габе. 1929 г.

Нижнееозеро, Онежский район Архангельской области. «Озадки» жилых домов со «взвозами»,
выходящими на тракт в Кяндю. Окна домов выходят на реку. Фото А.Н. Носова 1939 г. МОССА

ший доставлять тяжелые или громоздкие грузы в хозяйственные помещения непосредственно лошадьми. **ВЗДЫМКИ** — см.: ПОМОЧИ.

«**ВЗЫГРАНИЕ МЛАДЕНЦА**», икона Божией Матери. Тип «Взыграние Младенца», с изображением Младенца, извернувшегося в руках Матери, близкий к типу «Умиление», сначала возник в итальянской живописи, а оттуда, вероятно, перешел в итало-критскую иконо-

Икона Божией Матери «Взыграние Младенца». XVI в. Художественный музей. Череповец

пись, где имеется ряд икон Богоматери с Младенцем, не сидящим на руках у Нее, но поддерживаемого в стоячем положении. Образ этот на иконе может показаться тяжеловесным. В собрании Н.П. Лихачева была итальянская икона к. XIV или н. XV столетия, очень грубого исполнения, которая представляла точный прототип русского перевода «Взыграния». Русские *прориси* встречаются часто.

Позднее-греческая икона, некогда находившаяся в греческой церкви Мессины (называвшейся католической, в смысле — «православной греческой»), носила название «Мадонны письма». Она представляла тип «Умиления» в варианте «Взыграния».

К тому же типу «Взыграния» относится прославленная *Киккская* (Кипрская) икона Божией Матери, распространенная во множестве списков XV–XVII вв. как на всем греческом Востоке, так и у нас в России, и подобная ей, но являющаяся особым вариантом афонская икона «*Достойно есть*».

«**ВИДЕНИЕ ПОНОМАРЯ ТАРАСИЯ**», иконографический сюжет, в котором выражается чудо, совершенное великим новгородским святым *Варлаамом Хутынским*, предсказавшим новгородцам кару за совершенные грехи.

Однажды ночью пономарь Тарасий, живший в Хутынском монастыре, готовил свечи для утренней службы в храме Преображения, в котором покоились мощи прп. Варлаама. Вдруг свечи над гробом святого вспыхнули сами собой, зажглись лампы возле икон,

Видение пономаря Тарасия. Икона. XVIII в.. ГТГ

и преподобный поднялся из гроба. Выйдя на середину храма, он стал молиться. А перепуганного Тарасия ободрил и послал на кровлю посмотреть, что делается в городе — один раз, и другой, и третий. В первый раз пономарь увидел, как воды оз. Ильмень встали стеной, готовые затопить город. Во второй — множество грозных ангелов, мечущих в горожан огненные стрелы, а за плечом каждого человека стоял ангел-хранитель, проверяющий, назначено ли этому человеку жить или умереть. В третий — огненную тучу, идущую на город с полуденной стороны.

Святой же не переставал молиться. А потом объяснил Тарасию, что все это кара за грехи, которая скоро падет на Новгород. От полного потопления ему удалось город отмолить. Мор — кара милостивая, ибо дает людям время покаяться. От огня же много народа погибнет. Сказав так, св. Варлаам возлег в свою гробницу, а свечи и лампы погасли сами собой.

ВИЙ, в народных представлениях, преимущественно южнорусских и малороссийских, демонический персонаж, чей смертоносный взгляд скрыт под огромными веками или ресницами, одно из названий которых связывается с тем же корнем: ср. малороссийского *вія*, *вішка*, белорусского *вейка* — «ресница». По великорусским и белорусским сказкам, веки, ресницы или брови вий поднимали вилами его помощники; человек, не выдерживая взгляда вий, умирал. Сохранившаяся до XIX в. малороссийская легенда о вие известна по повести Н. В. Гоголя. Возможные соответствия имени вий и некоторых его атрибутов в осетинских представлениях о великанах-ваюгах заставляют признать древние истоки сказания о вие. Ср. также представления о «слепоте» персонажей, относящихся к иному (загробному) миру (*Баба Яга* и т.п.), которые не в состоянии увидеть живого человека и нуждаются для этого в специальном *колдуне*.

Лит.: Абаев В. И. Образ Вия в повести Гоголя // Русский фольклор. III. М.; Л., 1958; Иванов В. В. Об одной параллели к гоголевскому Вию // Труды по знаковым системам. Вып. 5. Тарту, 1971.

В. И., В. Т.

В народной традиции фольклорным источником образа вия может считаться образ св. Касьяна (воплощение високосного года, 29 февр.). Согласно легендам малороссов, Касьян покрыт шерстью, имеет веки до земли, которые поднимает ему нечистая сила; по др. представлениям, Касьян сидит неподвижно и не видит «божьего света» из-за ресниц, которые достигают его колен. Касьяна и вия объединяет близость к земле. Касьян живет в пещере, куда не проникает свет, лежит в яме, засыпанный землей. Вий также является «весь в «черной земле», имеет «подземный голос». Общий признак Касьяна и вия — губительный для человека (растений, животных) взгляд. В русском фольклоре существуют и др. персонажи, обладающие сходными с вием признаками. На Волыни часто упоминается чародей «шелудивый Буняка»; веки его столь длинные, что их поднимают вилами. В поверьях Подолии известен Солодивий Буню, взглядом уничтоживший целый город; его веки также поднимались силами. Представление о смертоносном взгляде, глазах, скрытых огромными веками, отражено в малороссийской рукописи XVI в., описывающей последние дни жизни *Иуды*: веки его столь разрослись, что лишили его зрения. Мотив век, поднимаемых вилами (лопатой, крючками), распространен и в русских сказках. Длинные веки в народных представлениях являются признаком демонического существа. Малороссийская легенда о происхождении чая повествует, что, соблазняя пустынноика, дьявол начал ему «вии (веки) напускать», пока стало невозможно старцу глянуть на свет; пустынноик веки оторвал и закопал в землю; из них вырос чай. В быличке из белорусского Полесья *смерть* описывается как чудовищная женщина с огромными веками.

Лит.: Ито Ичиро. Общеславянский фольклорный источник гоголевского «Вия» // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. 1989, № 5; Назаревский А. А. Вий в повести Гоголя и Касьян в народных поверьях о 29 февраля // Вопросы русской литературы. Львов, 1969.

О. Белова

ВИЛЕНСКАЯ, чудотворная икона Пресвятой Богородицы. По местным преданиям, написана евангелистом Лукой и привезена в Вильну как знамение родительского благословения Елены, дочерью собирателя России Иоанна III, когда она вступила в супружество с Александром, князем Литовским, в 1495. По смерти Елены икона была поставлена в Пречистенском храме, где погребена княгиня. Впоследствии она была перенесена в Виленский Троицкий собор. В предместье Вильны, в мужском монастыре, находится др. Виленская икона, которая явилась в 1341.

Празднуется 14/27 апр.

ВИЛЕНСКАЯ ОСТРОБРАМСКАЯ икона Божией Матери, о ее происхождении существуют несколько преданий. По одному Ольгерд принес ее из Корсуни, по другому — ее прислал греческий имп. Иоанн Палеолог, по третьему — она чудесно явилась на Острых воротах 14 апр. 1431. В 1498 при закладке городских каменных стен икона была помещена на Острой башне, отчего называется Остробрамской (брама — ворота). Когда в 1495 появилась икона Божией Матери *Одигитрии* (Путеводительницы), писанная евангелистом Лукой, Остробрамская была забыта. В 1609 ее захватили унияи, а в 1624 у самых ворот был основан кармелитский

Виленская икона Пресвятой Богородицы. Кон. XVII в. ГТГ

Виленская Остробрамская икона Божией Матери. XIX в.

монастырь с костелом св. Терезии. Кармелиты выстроили в 1671 вместо старой новую часовню, а икону обратили ликом к костелу. После пожара Вильны в 1741 икона была перенесена в Терезинский монастырь, а в 1744 снова помещена над воротами. В XIX в. из-за нее произошел спор между базилианами и кармелитами, и папа присудил икону последним.

Празднование совершается 25 марта, 14 апр. и 26 дек.

ВИЛЕНСКИЕ МУЧЕНИКИ Антоний, Иоанн и Евстафий († 1347). Антоний и Иоанн, до св. крещения носившие имена Нежило и Кумец, были родными братьями и служили при дворе Ольгерда, литовского князя. В XIV в. литовские князья еще были язычниками, и, хотя Ольгерд принял христианство, женившись на русской княжне, сделал он это из политических расчетов, желая завладеть соседним княжеством. После смерти жены он вернулся в язычество. Были первона-

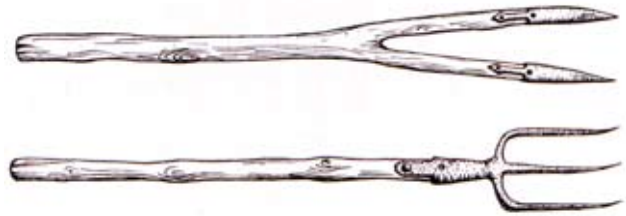

Виленские мученики Антоний, Иоанн и Евстафий. Икона. XX в. Свято-Духов монастырь

чально язычниками и братья Кумец и Нежило, которые, приняв Православие, стали вести истинно христианскую жизнь. Языческие жрецы, заметив это, донесли о них князю. Братья были заключены в темницу, но долгое их там пребывание не поколебало веры. Тогда, после тяжких истязаний, св. Антоний был повешен на дубе. Через 10 дней тот же мученический венец и на том же древе принял и св. Иоанн. Пораженный твердостью веры святых, их родственник Круглец уверовал во Христа и принял святое крещение с именем Евстафий: по приказанию князя он был повешен на том же дубе и принял жестокие муки за веру Христову. Мощи св. мучеников были бережно сохранены христианами, но в конце XVI в., когда православные в Литве подвергались притеснениям от униатов, чтобы последние не захватили мощи мучеников, они были спрятаны в церкви Свято-Духовского монастыря. С течением времени место их нахождения было забыто. И только в 1814, когда Литва была уже присоединена к Российской империи, состоялось новое обретение св. мощей.

Память мчч. Антонию, Иоанну и Евстафию Литовским отмечается 14/27 апр.

ВИЛЫ, ручное сельскохозяйственное орудие, использовавшееся при работе с навозом, при сушке и метании сена в стога, при уборке снопов на *возы*, при

Вилы наземные первого и второго типа

посадке их в *овин*, при складывании соломы и мякны в ометы — кучи. Вилы использовали также в огородничестве при разрыхлении земли, уборке овощей и картофеля.

В зависимости от назначения они делились на вилы наземные и сенные (гуменные).

Вилы — орудие, распространенное еще в Древней Руси. Археологи находят их уже в культурных слоях X—XI вв.

В верованиях русского народа вилы выступают как апотропеи, т. е. предметы, защищающие от злых духов. Нечистой силы, колдунов. Так, например, вилы втыкали в притолоку дверей хлева накануне Иванова дня, чтобы закрыть вход колдунье, якобы в эту ночь отбирающей молоко у коров. Вилы втыкали в потолок при тяжелой агонии грешника или колдуна, чтобы облегчить душе расставание с телом. Вилы выступали как атрибут некоторых персонажей ряженных, например, козы.

Русский фольклор богат загадками о вилах «Шла свинья по овину, размыкавши сено по рылу», «Бегуньки бегут, скрыпульки скрипят, роговатки везут, маховатики колотят».

Ист.: Шангина И. И. Русский традиционный быт. Энциклопедический словарь. СПб, 2003. Сс. 166—167.

ВИНОГРАДИЕ, песнь, которую пели колядовщики в честь хозяина и хозяйки, сравнивая хозяина со светлым месяцем, хозяйку с красным солнышком, а детей — с чистыми звездами. В некоторых песнях повторяется припев: «Винограды красно зеленые мое!» (см.: Святки).

Лит.: Шейн П. В. Русские народные песни. М., 1870.

ВИХРЬ, в народной метеорологии — нечистый, опасный для человека ветер, олицетворение демонов и результат их деятельности.

Отличие от ветра, вихрь осмысливается только как злое, враждебное начало, связанное или с *нечистой силой*, или с различными нарушениями законов природы и ритуальных запретов. Магические свойства вихря переносятся на те предметы и явления, которые, по народным поверьям, связаны с результатом его деятельности: дерево-выворотень, колтун, а также закрученные вихрем сено или полотно.

В вихре крутятся, танцуют, дерутся, справляют свадьбу *черти*, *ведьмы*, *лешие*, шишиги и пр. Появление вихря связывается с неестественной смертью, в частности с самоубийством. Считалось, что вихрь летит в ту сторону, куда повернуто лицо висельника, он гонит душу повесившегося, ночует на могиле самоубийцы. С вихрем прилетает домой душа умершего родственника, мужа. Вихрь сопровождает смерть ведьмы или колдуна.

У русских встречаются представления о специальном персонаже, создающем вихрь: вихорный, вихра-вый, вихрик и т. п.

К. Бритов. У золотых ворот древнего Владимира 1998 г.

Местами наиболее частого появления вихря считаются дороги, лес, иногда печная труба, а также могилы самоубийц и места самоубийства.

Мчащийся вихрь имеет вид столба пыли с закрученной в нем соломой, листьями, мелкими предметами. В вихре можно увидеть демонов в облике молодого человека, серого кота, чертей и ведьм с куриными лапами вместо ног. Увидеть демонов можно, наклонившись и посмотрев между ног, под левым плечом, через рукав, через вывернутую рубаху.

Главной чертой вихря является его разрушительная деятельность: он вырывает с корнем деревья, срывает крыши домов, разбрасывает по лугу сено, закручивает разложенные для отбеливания холсты. Особенно опасен вихрь для человека. Последствиями встречи с вихрем являются *смерть*, тяжелые *болезни* и увечья. Вихрь переносит болезни, напр. моровую язву, *порчу*. О людях, попавших в вихрь, говорят, что их «пидвияло», «вихор перейшов». Таких людей, если они не умирают, разбивает паралич, у них искривляется рот, лицо, вырастает колтун, они становятся немymi. Считалось, что вихрь — причина психических заболеваний, прежде всего эпилепсии. Человек, «подвешанный вихрем», повреждается в уме, становится бесноватым или ясно-видящим. Сам вихрь и человек, в него попавший, приносят неудачу и несчастья.

В народе верили, что вылечить болезни, полученные от вихря, невозможно, а если можно, то только специальными *заговорами* или «иорданской» водой (т. е. водой, освященной на *Крещение* в проруби). Помогают *нож*, семь раз освященный на *Пасху*, которым крестят больного, произнося заговор, или сено и листья, закрученные вихрем.

Для предотвращения пагубного влияния вихря существуют *обереги* и другие средства: растения, предметы-обереги, различные магические формулы и др.

Лит.: Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975.

Е. Левкиевская

ВИЦА, длинная гибкая ветка лиственного дерева. Чаще всего использовалась для связывания кольев в заборе, плотов, *дровней*. Иногда употреблялась для телесного наказания провинившихся детей.

ВЛАДИМИР, центр Владимирской обл. Расположен на южной окраине Владимирского ополья, на высоком левом берегу Клязьмы. Население 339,7 тыс. чел.

Владимир — один из древнейших русских городов. Основан в 1108 как крепость кн. *Владимиром Всеволодовичем Мономахом*. В сер. XII в. Владимир — вотчинное владение кн. *Андрея Боголюбского*, который в 1157 перенес сюда столицу Владимиро-Суздальского княжества. В XII — н. XIII вв. во Владимире и соседнем Суздале сложилась владимиро-суздальская школа архитектуры и живописи. Экономическое и поли-

Успенский собор во Владимире. 1158–1160 гг. Перестроен в 1185–1189 гг.

Дмитриевский собор. Владимир. 1194–1197 гг.

тическое влияние Владимира было подорвано в 1238 монголо-татарским нашествием. В 1299 Владимир стал резиденцией русских митрополитов. До сер. XIV в. административный, культурный и религиозный центр Северо-восточной Руси. Во Владимире проводились общерусские съезды князей, составлялся общерусский летописный свод. С 1719 Владимир — центр провинции, с 1778 — наместничества, с 1796 — губернии. Памятники владими́ро-суздальской школы зодчества XII в.: *Успенский собор* (1158–60, перестроен после пожара в 1185–89); *Дмитриевский собор* (1194–97); крепостные Золотые ворота (1158–64, перестроены в XVII–XVIII вв.) с надвратной церковью (обновлена в 1469, перестроена в 1810); многочисленные архитектурные памятники XVI–XIX вв.

ВЛАДИМИР КРАСНОЕ СОЛНЫШКО, в народных представлениях образ святого, равноапостольного вел. кн. Киевского Владимира Святославовича — крестителя Руси († 1015). В народных былинах и преданиях он идеальный православный князь, правитель, объединяющий вокруг себя все лучшее и организую-

В. Васнецов. Великий князь Владимир

Св. кн. Владимир. Икона. XV в. Новгород

щий защиту Киева и всей Руси от внешних сил — кочевников («татар») или чудовищных существ (*Змея Горыныча*, *Тугарина*, *Идолища* и т. п.). В былинах Киев, двор кн. Владимира — обозначение того положительного центра, которому противопоставляются и чистое поле, и темные леса, и высокие горы, и быстрые (или глубокие) реки, с которыми связаны опасности, угрозы, чувство страха. В Киев съезжаются с разных сторон богатыри: *Илья Муромец*, *Добрыня Никитич*, *Алеша Попович*. По пути они совершают подвиги, суть которых в устранении опасности на пути к Киеву. Сам же Киев и прежде всего двор кн.

Владимира — надежное, защищенное место, где идет нескончаемый (в основном веселый) «почестен пир», на нем наедаются, слушают певцов, получают дары от князя и принимают важные решения; здесь же завязываются и споры, конфликты, обиды, требующие своего решения. Кн. Владимир — хозяин, покровитель, даритель, тот, кто ставил богатырям задачи. Былины называют Владимира «красным солнышком» и «ласковым князем», и эти названия соответствуют характеристикам Владимира: он надо всеми и ко всем равно приветлив, заботлив, гостеприимен, мягок. В этом смысле именно он наиболее ярко противопоставлен темным силам, обычно существам змеиной природы (ср. мифы о Змее, пожирающем или грозящем пожрать *Солнце*), и «солярность» эпитета имени Владимир — не просто оценочное слово, но актуализация солнечной темы. Как солнце собирает вокруг себя звезды, так и Владимир собирает вокруг себя всех — членов своей семьи, главных богатырей, всех богатырей, весь народ и опекает их.

Киевский вел. кн. Владимир, сын вел. кн. Святослава-язычника и внук княгини-христианки Ольги в 988 крестил Русь. За подвижническое служение Христианской церкви кн. Владимир был назван равноапостольным и вместе с кн. Ольгой причислен к лику святых. Память его празднуется 15/28 июля. По народному календарю день этот считается серединой лета. В народном представлении этот день также называется *Кирик* и *Улита*.

И. Эггик. Великий князь Владимир избирает веру

ВЛАДИМИРСКАЯ, чудотворная икона Пресвятой Богородицы (**Гликофилусса**). На этой иконе Христос в живом порыве прильнул к щеке Богоматери, а Она нежно Его обнимает обеими руками. На иконе Владимирской Богоматери ручка Христа всегда видна, обнимающая шею Матери, в отличие от других икон «Умиления».

Русская Церковь три раза в год совершает празднество в честь Владимирской иконы Пресвятой Богородицы в благодарность за троекратное избавление Ее помощью нашего Отечества от врагов: 21 мая, 23 июня и 26 августа. Владимирская икона Богоматери, как говорит предание, написана евангелистом Лукой на доске из того стола, за которым трапезовал Иисус Христос со Своею Пречистою Матерью и прав. Ио-сифом. Икона была написана еще во время земной жизни Богоматери, принесена святым художником к Ней. Видя изображение Свое на иконе, Пресвятая Дева Мария повторила свое пророческое изречение: «Отныне ублажат Мя вси роди». И присовокупила: «Благодать Родшагося от Меня и Моя с сею иконою да будет». В 450 при имп. Феодосии Младшем икона была принесена из Иерусалима в Константинополь, а в н. XIIв. из Константинополя привезена в Киев: патриарх Константинопольский Лука Хризверг прислал ее вел. кн. Юрию Долгорукому, и она была поставлена в женском монастыре в г. Вышгороде. Икона скоро прославила себя великими чудесами. Однажды клирики Вышгородской обители, войдя в храм, увидели, что икона сошла со своего места и стоит среди церкви на воздухе. Они поставили ее на прежнее место, но вскоре увидели, что икона опять стоит на воздухе. Тогда кн. Андрей, сын Долгорукого, который «много веру и любовь имяше ко Пресвятой Богородице», как говорит о нем древний летописец, из сего понял, что чудотворной иконе неуютно место, на котором она

Владимирская икона Божией Матери. 1-я треть XII в. ГТГ

поставлена, и подумал: «Не в Суздальской ли земле ей угодно пребывать?» Кн. Андрей уже давно замыслил удалиться с юга России на север в Ростовскую область и там основать независимое от Киева владение. Он

Владимирская икона Божией Матери Умиление. 1-я четв. XV в. ГМЗМК

стал усердно молиться пред иконою, отслужил пред нею молебен и, благоговейно взяв ее вместо всех сокровищ, ночью уехал из Вышгорода. По пути к Суздалию он совершал пред иконою молебствия, и тут от иконы было много чудес. Когда прибыл во Владимир князь, то жители встретили его с великой радостью. После этого князь направился к Ростову, но в десяти верстах от Владимира остановились лошади, которые везли чудотворную икону, и не шли далее. Запряжены были другие лошади, но и те не трогались с места. Тогда князь начал молиться пред иконою, и, получив от Богоматери повеление поставить икону во Владимире, он немедленно заложил тут храм Успения для пребывания чудотворной иконы. В 1160 храм был окончен и великолепно украшен. Боголюбивый князь, обложив св. икону окладом из золота и серебра с драгоценными камнями, поставил ее в новом храме во Владимире, и с тех пор икона стала называться Владимирскою. После этого икона прославилась новыми и великими чудесами. По вере в благодатную силу иконы князей, воевод, воинов и всего народа она участвовала во многих походах Русского воинства. В 1164 икона находилась в походе Андрея Боголюбского против волжских болгар, которых он победил заступлением Богоматери. Перед сражением кн. Андрей укрепил дух свой приобщением Св. Таин и молитвою пред чудотворною иконою Богоматери. «Всякий, уповающий на Тебя, Госпоже, не погибнет» — так вопиял он к Ней в молитве. По примеру князя и все воины усердно молились пред Ее иконою и с верой в Ее всесильную помощь отправлялись на врага. Болгары были разбиты, и после победы князь

Владимирская икона Божией Матери. 1-я пол. XV в. ГРМ

прежде всего принес благодарственное молебствие Богоматери пред Ее Владимирскою иконою. После убийства кн. Андрея Боголюбского в 1173, когда народ, подстрекаемый безначалием и убийцами, грабил Боголюб и Владимир, священник Николай, который прибыл с князем из Вышгорода, в полном облачении крестным ходом прошел с Владимирскою иконою по улицам города, и мятеж скоро утих. Во время пожара, 13 апреля 1185, когда сгорел во Владимире соборный храм со всем его богатством, Владимирская икона сохранилась невредимою. Слава города Владимира возрастала и распространялась в течение всего времени, пока пребывала в нем чудотворная икона Богоматери. Когда же в Москве воздвигнут был во имя Пресвятой Богородицы Успенский собор и икона была перенесена туда, Москва начала возвышаться над всеми Русскими княжествами. Во Владимирском соборе вместо перенесенной в Москву поставлена другая икона, список с нее, написанный митр. Петром, в бытность его игуменом Ратского монастыря на Волыни. В Москве, как и во Владимире, чудотворная икона прославилась многими чудесными знамениями для спасения нашего Отечества. В 1395 вступил в пределы России страшный завоеватель Востока Темир-Аксак, или Тамерлан. Со своими полчищами он дошел до Дона, направляясь к Москве. Вел. кн. Василий Дмитриевич с войском вышел к Коломне и остановился на берегу Оки. Более упова на Господа, чем на свою силу, он со всем вой-

Кирилл Уланов. Владимирская икона Божией Матери. 1701 г. ГМИР. СПб.

ском и народом усердно молился Богу и Пресвятой Богородице об избавлении своего Отечества, и призывал на помощь великих угодников Божиих Петра, Алексия и Сергия, и повелел, чтобы наступивший Успенский пост во всем княжестве был посвящен усердным молитвам и покаянию и чтобы принесена была из Владимира в Москву чудотворная икона Божией Матери. Отправлено было во Владимир за св. иконой духовенство Успенского собора. После литургии и молебна, в день Успения, оно приняло на свои руки чудотворную икону, при умирительном зрелище народа, который слезно вопиял: «Куда отходишь от нас, Владычица? Для чего оставляешь нас сирыми и отвращаешь от нас лице Свое?» С чудотворною иконою приблизились к Москве через десять дней. В это время бесчисленное множество народа по дороге, преклоняя колена, с усердием и слезами взывало: «Мать Божия! Спаси землю Русскую». Все духовенство Москвы с крестным ходом, все семейство князя, бояре и граждане торжественно встретили св. икону за городом и проводили ее до Успенского собора. Не напрасны были вера и усердные моления наших предков: в тот самый день и час, когда жители Москвы встречали икону Богоматери, Тамерлан дремал в своем шатре и увидел пред собою великую гору и с ее вершины идущих к нему многих святителей с золотыми жезлами, а над ними в воздухе в лучезарном сиянии Деву неопisanного величия,

окруженную бесчисленными тьмами ангелов с пламенными мечами, которые все устремились на него. Тамерлан в ужасе проснулся, созвал своих военачальников и потребовал от них объяснения этого видения. Ему отвечали, что виденная им Дева есть Мать Бога христианского, Защитница русских. «Значит, мы не одолеем их!» — сказал хан и немедленно велел полчищам повернуть вспять, к великому удивлению русских и самих татар. В память сего избавления от Тамерлана по молитвам Пресвятой Богородицы был воздвигнут в Москве Сретенский монастырь на том самом месте, где чудотворная икона была встречена при перенесении ее из Владимира в Москву, и 26 августа установлен праздник с крестным ходом в этот монастырь из Успенского собора.

Через 50 лет после нашествия Тамерлана, в 1451, к Москве подступил ногайский царевич Мазовша с полчищами своего отца. Татары уже начали жечь посады Москвы и радовались, что у них будет много пленников и денег. Во время пожара свт. Иона совершал крестные ходы по стенам города. Жители Москвы бились с татарами до ночи и ожидали ночью нового приступа. Но поутру увидели, что под стенами уже нет врагов: ночью те бежали от Москвы. Татары слышали вдали необыкновенный шум и воображали, что это великий князь идет на них с многочисленным войском. Мазовша в страхе повернул коня в обратный путь, его примеру последовали и воины его: все устремились в бегство. А войско великого князя было немногочисленно и стояло далеко. Вел. кн. Василий III приписал Пресвятой Богородице победу над татарскими полчищами: он поспешил в церковь и, простершись пред Владимирскою иконою, со слезами благодарил Небесную Заступницу.

Белозерцев Д. и М. Сретение Владимирской иконы Божией Матери. Средник. 1689–1690 гг. УКМ

С. Бороздин. Сретение иконы Владимирской Божией Матери. Икона (без полей). Кон. XVI — нач. XVII в. Строгановская школа.

Наша Российская Церковь совершает еще 23 июня празднование иконы Владимирской. Это в память избавления России чудесным заступлением Богоматери от ордынского царя Ахмата в 1480, при вел. кн. Иоанне III Васильевиче. Ахмат, хан Золотой Орды, шел с громадными полчищами на Москву. Он достиг уже реки Угры, которую русские называли поясом Богоматери и которой охраняются Московские владения. Великий князь, получив укрепление в совете и молитвах святителей, приготовился защищать веру и Отечество. Оба войска стояли целый день друг против друга в ожидании нападения; Угра разделяла их. И вот по предстательству Богородицы совершилось чудесное избавление: вел. князь приказал своим войскам отступить от Угры, а татары поняли это отступление как засаду и предались бегству. Избавление от Ахмата было окончательным свержением ига татарского, которое тяготело над нашим Отечеством 200 лет: не оружие, не мудрость человеческая спасли Россию, но Господь и Его Пречистая Мать.

21 мая Православная Церковь совершает в третий раз празднество сретению чудотворной Владимирской иконы. Это в память избавления России заступлением Владычицы в 1521 от татар крымских, ногайских и казанских, под предводительством Махмет-Гирея, который вторгся в пределы московские с такой быстротой, что вел. кн. Василий Иоаннович едва успел вывести свои войска на берега Оки, чтобы удержать дальнейшее вторжение врагов. Предав огню селения от Нижнего Новгорода и Воронежа до берегов Москвы-реки, враги взяли в плен множество жителей, женщин и девиц; младенцев убивали; продавали толпами пленников в Казани и Астрахани; слабых и старых морили голодом; оскверняли святыни храмов. Махмет-Гирей стоял уже в нескольких верстах от Москвы, и неоткуда было ждать помощи. Началось страшное смятение. Но все устремились в Кремль, чтобы молиться в кремлевских храмах, и Бог даровал спасение. В полночь один

блаженный слезно молился у дверей Успенского собора. Вдруг молитва его была прервана сильным шумом, и ему представилось, что двери невидимой силой растворяются и чудотворная икона Богоматери сходит со своего места, и от нее слышен голос: «Выйду из града с Российскими святителями», — и с этим вместе весь собор наполнился пламенем, который мгновенно исчез. В ту же ночь одна престарелая монахиня Вознесенского монастыря, лишенная зрения, сидя в своей келье, вдруг увидела, что в Спасские ворота идет целый сонм святителей и других светлепных мужей в священных одеждах, а среди них чудотворная икона. Но едва они вышли из Фроловских (Спасских) ворот, как встретили их свв. Сергий Радонежский и Варлаам Хутынский, пали пред святителями и спрашивали их, куда они идут и на кого оставляют город. Святители со слезами отвечали: «Много молили мы Всемилосердаго Господа Бога и Пресвятую Богородицу об избавлении от предстоящей скорби; Господь же повелел нам не только выйти из города, но и вынести с собою чудотворную икону Пресвятой Его Матери: потому что люди презрели страх Божий и о заповедях Его вознерадели». Свв. Сергий и Варлаам стали умолять отходящих святителей, чтобы они ходатайством своим умилиствовали Бога, и вместе с ними начали слезно молиться Господу и Пречистой Его Матери. После того святители осенили город крестообразно и икону Богоматери возвратили опять в Успенский собор. И заступлением Пресвятой Богородицы Москва была спасена, а с нею и вся Россия. Татары увидели вокруг города бесчисленное русское войско и с ужасом возвестили о том хану. Хан не поверил и послал удостовериться. Посланные вест подтвердили и сказали: «Царь, что же ты медлишь? Побежим скорее, на нас идет безмерное множество войска от Москвы», — и побежали. В память сего нового чуда и совершается в Москве 21 мая крестный ход в Сретенский монастырь.

Но не от одних татар избавляла Пресвятая Богородица нашу православную Россию. Для нее наступили более тяжкие времена, чем татарское иго: поляки и шведы отнимали целые области; на престоле воссел самозванец, который хотел православный русский народ сделать неправославным. Его приверженцы ворвались во время литургии в Успенский собор и начали срывать священные одежды с патриарха Иова. Патриарх сам снял с себя панагию, положил ее к иконе Богоматери и сказал: «Здесь, пред сею иконою, я удостоен архиерейского сана и 19 лет хранил святость веры; ныне вижу бедствие Церкви, торжество обмана и ереси. Мати Божия, спаси православных!» Князь Шуйский ополчился против самозванца и у того же самого образа просил себе небесной помощи. И заступлением Богоматери самозванец был низвержен, а Россия спасена.

Пред Владимирскою иконою древнерусские люди приносили клятву в верности своему Отечеству. Православные всероссийские монархи принимали священное венчание и миропомазание на царство пред ликом Владимирской иконы в Успенском соборе. При избрании всероссийских митрополитов и патриархов Владимирская икона Богоматери древле служила поручительницей и благословением, так как было обыкновение хартии имен избираемых, запечатанные царем, полагать в панагии на пелену в киоте Владимирской иконы Богоматери, предоставляя Ей, кого благоволит Она Сама выбрать. После молебна сам царь или старейший из святителей снимал печать, вынимал одну из хартий и объявлял собору имя избранного.

Во время сильных пожаров в Москве обращались с молитвою к Божией Матери пред Ее Владимирскою иконою. Когда был страшный пожар в 1547, Владимирскую икону хотели вынести из Успенского храма и никак не могли снять ее с места. По словам летописца, «Сама Богоматерь соблюдала не только Свой образ, но и церковь и весь мир, покрывая и защищая его». В это время многие удостоились видеть над Успенским собором Ее в светозарном одеянии, молящуюся и осеняющую собор, и пожар утих, не причинив вреда собору. Празднуется 23 июня/6 июля.

Прот. И. Бухарев

ВЛАСЬЕВ ДЕНЬ, народное название дня памяти св. Власия Севастийского, 11/24 февр.

У русских людей св. Власий считался покровителем домашнего скота, который нередко от имени этого угодника назывался «родом Власиевским», особенно коровы — часто попросту назывались власиевками. В старину во имя св. Власия, покровителя скота, устраивали приделы и часовни; в Новгороде существовал храм, куда в день памяти этого угодника хозяева приносили коровье масло и клали его пред образом этого святого. По замечанию очевидцев, на старинных иконах св. Власий изображался сидящим на коне, вокруг него представлялись лошади, а вдали зеленые поля. В одной древней церкви в Новгороде на иконе св. Власий был представлен сидящим на скале, окруженным скотом; там же одна из городских улиц называется Власьевою.

Власий Севастийский. Икона XVII в.

В «Сказании о святых» св. Власию назначается особая молитва от скотского падежа. Крестьяне в день памяти св. Власия служили молебствия, прося у него защиты для домашнего скота. В некоторых губерниях существовал обычай стогать коров к церквям, где они окроплялись св. водой, особенно это наблюдалось во время болезней и падежа

скота. В этих же случаях хозяева, заботившиеся о благосостоянии своего домашнего скота, носили образ св. Власия по хлевам и окропляли весь домашний скот крещенской водой, окуривали его ладаном.

Почитание св. Власия как покровителя домашнего скота возникло на основе древнего ритуала языческого божества *Велеса* (Волоса), «скотского бога», который считался вторым по значению богом в языческом пантеоне. Замена языческого божества св. Власием была тем удобна, что житие этого святого свидетельствовало о его покровительстве животным. Более того, в древнеславянском языке имена Велес (Волос) и Власий были тождественны и часто взаимозаменялись. Так, например, в летописи под 1229 упоминается некто Волос Блужнинец, убитый на вече. В грамоте св. Антония Римлянина XII в. приводится, между прочим, имя Волоса вместо Власия: «на Волховом тудоре с женою и детьми одерен Волос». У мордвы, потомков ростовской мери, до сер. XIX в. сохранялась память о Волосе, воображаемого язычниками в виде большого камня, наминавшего своими формами быка с чело-

веческим лицом. Этот воображаемый образ древнего Волоса очень напоминал изображение на одной старинной иконе св. Власия сидящим на скале, а вокруг него скот. В некоторых местах праздник св. Власию не всегда совершался по указанию церковного месяцеслова. Простой малороссийский люд, который глубоко чтит этого угодника, переносил день памяти его с 11 февр. на четверг Сырной, или Масленной, недели, находя Сырную неделю более приличным временем для празднования памяти св. покровителя стад потому, что с наступлением Сырной недели начиналось особенно употребление сыра, масла, сметаны, молока — продуктов, доставляемых домашним скотом.

Св. Власий почитался защитником домашнего скота от злого существа, именуемого *Коровья смерть*.

И. Калинин

По свидетельству летописцев и бытописателей народной жизни, Велес-Волос был почитаем на Руси дольше всех др. языческих божеств, в особенности — на севере. В Ростове идол его не был повержен до XII в., хотя еще задолго до этого ему не воздавалось уже никаких, подобающих богу, почестей. Ростовское идолище было сокрушено по увещанию св. Авраамия Ростовского. В Киеве же, одновременно с крещением св. Владимира Красное Солнышко и его дружины, по сказанию «Макарьевской Великой Минеи рукописной», совершено сокрушение идолов *Перуна* и *Велеса* («Волоса, его же именоваху скотья бога, повел в Почайну-реку врещи»). Св. Авраамий Ростовский, сокрушив идола, воздвиг на месте его храм во имя св. Власия. В Авраамьевском монастыре в числе местночтимых святых хранился еще в 30–40-х XIX столетия шестиконечный крест, в руках с которым святитель поверг идола наземь. Надпись на нем гласила: «Сей крест, во граде Ростове в Авраамиеве монастыре св. Иоанном Богословом дан преподобному Авраамиию победити идола Велеса». В Переславле Залесском существовал такой же, как и в Ростове, идол-камень, — не вызывая воспоминаний о древнем божестве, — вплоть до царствования Василия Ивановича Шуйского. В Новгороде долго была особая Волосова улица, на которой, по преданию, стоял в старину идол Велеса.

Древнеславянские сказания о богах, называя Велеса пастырем небесных стад, отождествляют его с месяцем (небесные стада — звездная россыпь). Загадка «Поле не меряно, овцы не считаны, пастух рогатый» относится непосредственно к этому отождествлению. Крестьяне рассказывали, что, сходя на землю, Велес принимал вид быка, хотя бывали случаи, когда он странствовал между веровавшими в него людьми и в человеческом образе. Богопочитание Велеса являлось в Древней Руси одним из наиболее важных в языческом обиходе: именем бога — покровителя стад клялись наравне с громовержцем Перуном. Об этом свидетельствуют государственные договоры и летописные сказания. Как бог-пастырь, Велес считался и покровителем песнотворчества. В «Слове о полку Игореве» Баян так и называется «Велесовым внуком». Т. о., ему на славянском Олимпе приписывались некоторые свойства Аполлона Древней Греции и некоторые — Пана, своеобразно объединенные в нечто цельное. Из блаженной страны небесных равнин, омываемых водами облачного моря-океана, Велес наблюдал недреманным оком за темными пастбищами, охраняя стада, пасущиеся на последних, от всякой беды-напасти и вызывая этим благоговейное отношение к себе со стороны скотоводов, особенно охотно приносивших ему жертвы.

Совпадение имени христианского святого с языческим богом дало прямой повод к слиянию их обоих воедино. Отцы Русской церкви не противились этому, видя в этом даже некоторый залог скорейшего преобразования языческих богов забвению. Т. о., к св. Власию перешло покровительство стад. На Руси ему молились не только в день, посвященный его памяти, но и во всякое иное время, — о защите их. Существовали иконы, на которых он изображен окруженным коровами и овцами — подобно тому, как свв. *Флор и Лавр* писались с лошадьми подле себя. В коровниках и хлевах нередко можно было встретить иконы св. Власия. На крестных ходах во время падежей скота впереди всех других чтимых святынь поднималась икона этого угодника Божия.

11 февр. служили власьевские молебны, причем во многих селах существовал обычай пригонять рогатый скот к церковной ограде ко времени служения этих молебнов, чтобы его можно было окропить святой водой. В некоторых местностях приносили в церковь на Власьев день свежее коровье масло и ставили в новой посудине под его икону. Это масло в Вологодской, Новгородской и др. соседних губерниях называлось «воложным», «волосным» или «власьевым». Оно поступало в пользу церкви и причта. Отсюда поговорка: «У Власия и борода в масле». После окропления святой водой скот гоняли по дворам, причем старухи, идя за своими коровами, причитали: «Святой Власий! Будь счастлив на гладких телушек, на толстых бычков! Чтобы со двора шли — играли, а с поля шли — скакали!»

В старину на Власьев день устраивались по селам торги-базары скотом. Считалось, что как продавцам, так и покупателям под защитой умиловленного молебствиями покровителя стад всего выгоднее совершать куплю-продажу скота. «Власий не обманет, от всякой прорухи упасет!» — говорили крестьяне. При сделках клялись-божились на Власьевом торгу непременно именем этого святого, и такая клятва почиталась за самую крепкую, — не много находилось людей, которые решились бы нарушить клятву, данную в этот день. Разгневанный клятвopеступником покровитель, по народному верованию, отступался от него навсегда, предоставляя его всяким бедам.

Во многих местностях в день св. Власия рано поутру (до обедни) совершался обряд опахивания деревни — в ограждение от Коровьей смерти. Иногда это производилось поздней осенью; но в большинстве случаев обряд приурочивался к 11 февр. С самого *Сретенья* бродило, по народному поверью, это страшное для скота чудище по задворкам. 5 февр. оно осмеливалось даже заглядывать во дворы, и беда тем дворам, где в эту пору был незапертый хлев, да где с осени не «опахана» деревня. Власьев день был грозен для чудища более всего на свете, но еще грознее он был, если в этот день собиралась вся деревня, по старому обычаю, «унять лихость коровью!» Это унимание производилось по особому древнему обряду. Накануне с вечера начинала обегать все подоконья старая старуха «повещалка», созывая баб на заранее условленное дело. Собиравшиеся идти за ней в знак согласия умывали руки, вытирая их принесенным повещалкой *полотенцем*. Мужики — от мала до велика — должны были во время совершения обряда сидеть по избам («не выходить ради беды великой»). Наступал заветный час — полночь. Баба-повещалка в надетой поверх шубы рубахе вышла к околице и била-колотила в сквороду. На шум соби-

рались одна за другой готовые уже к этому женщины — с *ухватами*, *кочергами*, *помелами*, косами, серпами, а то и просто с увесистыми дубинами в руках. Скотина давно была заперта крепко-накрепко по хлевам, собакам — на привязи. К околице притаскивалась соха, в которую и запрягали повещалку. Зажигались пучки лучины, и начиналось шествие вокруг деревни. Последняя троекратно опахивалась «межеводной бороздой». Для устрашения чудища, способного, по преданию, проглатывать коров целыми десятками сразу, в это время производился страшный шум: кто чем и во что горазд, причем произносились разные заклинания и пелись особые, приуроченные к случаю, песни. Вот одна из них: «От окиян-моря глубокого, от лукоморья зеленого выходили двенадцать дев. Шли путем, дорогой немалою, ко крутым горам высоким, ко трем старцам старым. Молились, печаловались, просили в упрод двенадцать дев: — Ой, вы, старцы старые! Ставьте столы белодубовые, стелите скатерти бранья, точите ножи булатные, зажигайте котлы кипучие, колите-рубите — намертво всяк живот поднебесной! И кляли велик обет двенадцать дев: про живот, про смерть, про весь род человек. В ту пору старцы старые ставят столы белодубовые, стелят скатерти бранья, колят-рубят намертво всяк живот поднебесной. На крутой горе высокой кипят котлы кипучие, в тех котлах кипучиих горит огнем негасимым всяк живот поднебесной. Вокруг котлов кипучиих стоят старцы старые, поют старцы старые про живот, про смерть, про весь род человек. Кладут старцы старые на живот обет велик, сулят старцы старые всему миру животы долгие: как на ту ли злую смерть кладут старцы старые проклятыице великое. Сулят старцы старые вековечну жизнь по весь род человек...» Допев эту песню и совершив все предписанное обычаем, все расходились по дворам с крепкой надеждой на то, что страшное для скотоводов чудище не осмелится переступить за межеводную борозду.

В первом томе «Поэтических воззрений славян на природу» *А. Н. Афанасьева* помещена в качестве грозного заклятия на Коровью смерть другая, более близко подходящая к этому случаю песня, которая сохранилась до н. XX в.

*Смерть, ты Кровавая Смерть!
Выходи ты из нашего села,
Из закутья, из двора!
В нашем селе
Ходит Власий святой
С ладаном, со свечой,
Со горячей золой.
Мы тебя огнем сожжем,
Кочергой загребем,
Помелом заметем,
И попелом забьем!
Не ходи в наше село,
Чур наших коровушек,
Чур наших буренушек,
Рыжих, лысых,
Беловымых,
Криворогих,
Однороги-их!*

Если при совершении опахивания попадалось на встречу какое-нибудь животное (собака или другое), то на него накидывались всей толпой, гнали за ним и старались убить. Поверье гласило, что это попало само чудище, обернувшееся в животное, чтобы обратиться за деревенскую околицу. В старинных сказа-

ниях рассказывалось о том даже, что совершавшие обряд не давали пощады и встречному человеку.

В верхневолжских и соседних с ними губерниях были деревни, где утром на Власьев день завивали из соломы «закруту» («Власию, или Волотке, на бородку»), смазывали ее скоромным маслом и вешали в коровнике или в овечьем хлеве.

Власьевские морозы считались на Руси последними (одни из семи крутых утренников). Наблюдающие за переменами погоды люди говорили: «Власьевские утренники подойдут — держи ухо востро!», нередко прибавляя к этому: «Об ину пору мороз обожжет на Власья до слез!» В устном народном дневнике существовало прямое указание на то, что «три утренника до Власия да три после Власия, а седьмой на день Власия». Святой покровитель стад местами так и звался: «Власий — сшиби рог с зимы».

Крестьянские дети помнили о Власьевом дне по сдобным молочным пышкам, которые пеклись в этот «коровий праздник» в память покровителя стад. Хозяйка всегда пекла пышек столько, чтобы их хватило не только на всех детей, но и для нищих. Одну пышку берегли на *божнице* до нового Власьева дня, т. к. она была, по словам стариков, лекарством «от скотской болести»: стоило только покрошить ее в месиво и с молитвой ко Власию дать больной скотине, все как рукой снимет! «Не нами заведено — не нами и кончится! — говорили в деревне об этом поверье: — Старые люди Богу лучше нас верили, а нам заповедали блюсти Власьеву пышку на всякую беду, на всякий, упаси, Господи, случай!»

После Власьева дня «окликали звезды». Делалось это или на др. день после Власия, или через трое суток (15 февр.). Совершалось это «для плодородия овец». К вечеру по приглашению овцевода выходил пастух-овчар за околицу; клали они оба по 3 низких поклона на все 4 стороны света. Пастух, истово помолившись св. Власию — «пастырю стад небесных и защитнику земных», становился на разбросанную у околицы овечью шерсть и произносил особую «окличку». Вот сохранившаяся у собирателей старины стародавней запись ее: «Засветись, звезда ясная, по поднебесью на радость миру крещеному! Загорись огнем негасимым на утеху православным! Ты заглянь, звезда ясная, на двор к рабу (имярек). Ты освяти, звезда ясная, огнем негасимым белоярых овец у раба (имярек). Как по поднебесью звездам несть числа, так у раба (имярек) уродилось бы овец более того!» Вслед за этим хозяин, приглашавший пастуха на окличку, вел его в избу, угощал чем Бог послал, подносил вина, наделал чем ни на есть, чтобы тому не с пустыми руками за порог уйти.

В Рязанской, Тульской, Орловской и Владимирской губ. был в старину обычай — выставлять на 3 утренних зорьки после Власьева дня всякие семена на мороз, а потом подмешивать их в меру при будущем посеве. Это называлось «делать семенное» и делалось в надежде на обильный урожай. Т. о., покровительству св. Власия до некоторой степени поручался не только скот домашний, но и будущий его корм. Хозяйки, заканчивая ко Власьеву дню пряжу льна и кудели, отбирали лучший изо всей пряжи моток и выставляли его на первую после Власия утреннюю зорьку на мороз. От этого, гласило предание, вся пряжа делается ровнее, белее, тоньше и добротнее. «Позорнишь пряжу после Власия, — будешь с деньгами на Маслену!» — говорилося в старой деревенской поговорке (т. е. выгод-

но продашь прядево): «Власий уйдет, масло на дорогу прольет».

А. Коринфский

ВОВКУЛАКА, в малороссийских народных верованиях человек, превращенный в *волка* и живущий вместе с волками. Вовкулаками бывают: а) *колдуны* и *ведьмы*, обращающиеся в вовкулаков по собственному желанию; б) вовкулаки от рождения — дети родителей, имевших плотские связи перед праздниками и постами; в) обыкновенные люди, превращенные в вовкулаков колдовством. Колдуны и ведьмы обращаются в волков, когда им это для чего-либо нужно, обыкновенно по ночам, и могут возратить себе человеческий образ в любое время. Желая преобразиться в зверей, они набрасывают на себя пояс из мочала или кувыркаются через обручи. Они опасны, т. к. превращаются в вовкулаков с целью вредить людям. Вовкулаки от рождения являются страдающими за *грехи* родителей. Они не имеют возможности отказаться от превращения в волка в известный, урочный для них, час (преимущественно ночью), это превращение для них мучительно, они стонут, но повинуются неизбежному: перекувыркиваются (иногда раздевшись совершенно) через воткнутой в землю *нож*, превращаются в зверя и убегают к волкам, с которыми нападают на домашних животных. Пробовали женить таких несчастных, но это часто оканчивалось бедой: в одну из ночей вовкулак загрызал свою жену и убежал навеки. Еще более несчастными являлись обыкновенные люди, которые навлекли на себя гнев колдуна или ведьмы и за то были превращены ими в волков. Для того чтобы превратить человека в волка, колдун или ведьма набрасывали на него, нашептывая волшебные слова, звериную шкуру, ленту, пояс (повязывая им), били человека палкой и пр. Иногда колдун клал скрученный пояс под порог хаты: кто через него переступит, тот превращается в вовкулака. Обычны рассказы о том, как колдун или ведьма превращали в волков весь *свадебный поезд*. Для этого колдун брал столько ремней и мочал, сколько в поезде лиц, нашептывал над этими вещами заклятия и кого потом подпоясывал таким поясом, тот и превращался в волка. А иногда ведьма перекапывала едущему из церкви поезду дорогу небольшим ровиком: едва наедет поезд на это углубление, как лошади падают мертвыми, а люди убегают в зверином образе. Иногда ведьма или колдун определяли время, в течение которого превращенный должен быть волком (часто много лет), после чего вовкулак снова превращался в человека; иногда же освобождению его от наказания не указывался срок, и тогда он оставался волком до тех пор, пока этого пожелает колдун или ведьма. Но всякий превращенный колдовством в волка может получить человеческий образ, если волшебный пояс, которым он повязан, сам перетрется, лопнет, или кто-либо его перервет. Можно вовкулака избавить от звериного образа еще и так: снять с себя пояс, завязать на нем узлы, говоря при навязывании каждый раз: «Господи, помилуй!», а затем этот пояс надеть на вовкулаку. Волчья кожа спадет, и из нее явится человек. Для того чтобы предохранить себя от обращения в волка, необходимо знать известные заклятия, называемые *оберегами*. Кому они известны, тот может и себя и других предохранить в этом случае от колдовства, поэтому дружкой на свадьбу приглашалось обыкновенно лицо, знающее такие обереги. В одном рассказе такой знающий человек запретил трогать лошадь свадебного поезда, сдохшую от колдовства, и колдун пришел и начал, как зверь, всенародно грызть ее зубами; его убили.

И вовкулаки от рождения, и люди, обращенные в волков колдовством, хотя и рыскают вместе с волками, питаются их пищей и пр., но сохраняют человеческое сознание. Иногда, томимые печалью, они приходят под окна родной хаты, заглядывают в них, желая увидеть родных, и жалобно воют. Подчинены эти вовкулаки, как и вообще волки, св. Георгию.

Вовкулаки — колдуны и ведьмы, и вовкулаки от рождения могут ходить по земле еще и после смерти, т. к. у них, кроме души, есть еще и «дух», дающий им возможность быть упырями.

Лит.: Потебня А. А. О мифическом значении некоторых обрядов и поверий. М., 1863; Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. III. М., 1869.

ВОДА, в древнерусских народных представлениях одна из четырех главных основ мироздания (наряду с землей, воздухом и огнем).

Древнерусские символы воды (по Б. А. Рыбакову)

Русские люди обоготворяли воду, называли ее «царицей», «матушкой». В Древней Руси существовало множество священных источников и колодцев, которые в языческие времена связывались с культом богини Мокоши, а после принятия христианства перешли под покровительство св. Параскевы Пятницы. Другим могучим христианским покровителем водной стихии стал св. Николай Чудотворец.

В языческие времена верили, что в воде обитают злые духи, русалки, водяные. Состояние воды связывали с состоянием здоровья. Одним из обычных приветствий в Древней Руси было: «Будь здоров, как вода».

В православных ритуалах воду освящали, чтобы изгнать из нее бесов и всяческую скверну. Освященная вода использовалась русскими людьми для лечения больных, поднятия здорового духа, изгнания нечистой силы. Главным праздником в году, включавшим обряд водосвятия, было Крещение. Освященная в этот день

По воду

Потоп. Фреска северной паперти церкви Илии Пророка в Ярославле. 1680–1681 гг.

вода называлась святой, иорданской, богоявленской. Ее хранили весь год до следующего Крещения, верили в ее чудодейственную силу. Иногда освящение воды происходило и в другие праздники — накануне Пасхи, Ивана Купалы (см.: Иванов день), в первый день августа (Мокрый Спас).

Чудодейственной считалась также вода из источников колодцев, набранная на Рождество, Новый год, Сретение, в Страстной четверг или пятницу, на Ивана Купалу.

О. П.

Почиталась прежде всего текущая вода, а особенно родники, которые считались даром Божиим и источником здоровья и благодати, прощания; напротив, стоячие воды, особенно глубокие омуты, мельничные бучила, «провальные» озера с темной, окрашенной минеральными веществами или торфом водой, а тем более болота, были прибежищем нечистой силы. Вода считалась глазами Матери-Земли, и, если у женщины заболели глаза, говорили, что ее ребенок помочился или плюнул в воду, чего строго избегали. Почитаемые

Крещение с предстоящими святыми. Икона. Кон. XVIII в. РМЗ

источники привлекали массу народа и оформлялись срубам, поддерживались жителями близлежащих деревень в чистоте и порядке (это считалось богоугодным делом), а над ними ставились *голубцы* и даже часовни; обычно такие часовни посвящали св. Параскеве Пятнице, и даже в городах и посадах Пятницкие церкви, как правило, ставили в низинах, около воды. Иконам, а чаще резным изображениям св. Параскевы Пятницы жертвовали мелкие серебряные деньги, нитки, шерсть, *куделю*, даже *полотенца* и холсты, бросая их в воду или развешивая на деревьях. В таких источниках ни в коем случае не стирали, не полоскали белье и даже не брали для этого воды.

Чтилась и дождевая вода первого весеннего дождя: под этот дождь выбегали и стар, и млад босиком и с непокрытыми головами, чтобы трижды умыть лицо, набирали ее в бутылки и хранили целый год, до нового дождя. Таким же было отношение к речной воде сразу после окончания ледохода.

В разных местах в определенное время (напр., вечером в день *заговенья* на *Петровский пост*) был обычай обливать водой всех прохожих. Распространено было также купание в *иорданиях* на Крещение или обливание возле них водой, взятой из освященных прорубей. Крещенскую воду хранили дома весь год, бережно используя ее как целебную. При хворях и порче поили или sprыскивали недужных водой «с уголька»: угли, облепленные свечным воском и предварительно sprыснутые богоявленской водой, поливали водой с креста или медного образца. Если считали, что хворь приключилась от оскорбления воды, у нее просили прощения, опуская кусочек хлеба и трижды читая заговор. На *Великий четверг* хозяйки-*большухи* сами святили воду, опуская в ведро серебряную монету, а на пороге умывали ею детей для здоровья, а девушки бежали с этой водой утром, пока не закаркали вороны, на хмельники — также умыться с приговором. На Святках девушки повсеместно смотрели в воду, чтобы увидеть суженого. На воде гадали и колдовали. Для ниспослания воды в засуху утраивались *крестные ходы* и *молебны*. Символы воды — утица или волнообразные линии — помещались в вышивках на *рубашках*, *полотенцах*, в народной резьбе по дереву, на предметах домашнего обихода, особенно ковшах и вальках.

Лит.: Виноградов Л. Н. Вода // Славянская мифология. М., 1995; Беловинский Л. В. Энциклопедический словарь российской жизни и истории. М., 2003.

«ВОДИТЬ КОЛОСОК» — см.: **ВОЗНЕСЕНЬЕВ ДЕНЬ. ВОДКА** — см.: **КАБАЧЕСТВО.**

ВОДОКРЕЩЕ — см.: **КРЕЩЕНИЕ ГОСПОДНЕ.**

ВОДЯНОЙ (водник, водяник, водовик), в древнерусской языческой мифологии хозяин водных пространств, злой дух, обитающий в воде, особенно в глубоких местах, омутах, под водяной мельницей. Согласно народной легенде, возникшей уже в христианские времена, водяные — падшие ангелы, сброшенные Богом с небес и попавшие в воду. Водяные обнаруживают себя громким хохотом, смехом и визгом. Живут в подводных дворцах, куда стремятся утащить понравившихся им людей, особенно женщин.

Водяной, как всякая *нечистая сила*, способен к *оборотничеству*, превращениям, если нужно, в рыбу, лошадь, свинью, корову, бревно и др.

С водяными близко знакомы рыбаки, а также *мельники* на водяных мельницах. Считалось, что иногда и те и др. приносят водяным жертвы. В некоторых местах

В. Васнецов. Водяной

водяного почитали и пасечники. Рыбаку он помогает в рыбной ловле, у мельника охраняет запруду. Но иногда он разгневан, он рвет рыбацьи сети, распугивает рыбу, разрушает мельничную запруду, затопляет ульи. Того, кто купается в полдень или ночью, водяной за-таскивает в свое царство. Спасать утопающего опасно: водяной может разгневаться и сразу же или через некоторое время утопить того, кто отнял у него его жертву. Утопленники становятся работниками водяного, девушки — *русалками*, а нередко и его женами.

По некоторым народным представлениям, водяные и сами в прошлом *заложные покойники*, т. е. тоже утопленники. Живут они чаще всего в глубоких ямах на дне рек и озер, а также под мельницами. Южнорусские кое-где рассказывали о хрустальных дворцах водяных и их прекрасных, но злых дочерях. Севернорусские видели на берегах озер стада тучных коров водяного, и иногда им удавалось хитростью завладеть одной из них.

Водяной принимает различный облик. Чаще всего он появляется в образе сома, щуки или др. рыбы, а также человека. В последнем случае ему приписывали то зеленые, то черные волосы и кожу как у налима. Жена севернорусского водяного имела облик женщины с большой отвислой грудью и длинными волосами. По народным представлениям, она часто сидит у воды на камне и расчесывает *гребнем* волосы.

Водяной в народных представлениях. Худ. Н. Антипов

Дети водяного, которых севернорусские называли *шиликуны*, после водосвятия 6 янв. выпрыгивают из прорубей и пытаются через окна и двери проникнуть в дома. Чтобы уберечься от них, севернорусские углем рисовали кресты на дверях и окнах.

Водяной вовсе не является олицетворением вод и отдельных рек и озер. Он — хозяин реки или озера, и ему подвластны все

живущие там рыбы. Бурю на море также часто приписывали водяному. Рассказывали, что во время шторма, чтобы умиловить водяного, бросали в воду моряка, которому выпадал жребий. По обычаю, пересчитывали всех лысых на борту, отмечая каждого зарубкой на палке, и бросали в воду эту палку. Очевидно, именно отсюда берет начало известное поверье, что, если пересчитать в мороз лысых, сразу потеплеет.

Считалось, что живет водяной в глубоких местах, опасных для пловцов и плотогонов. Существовало обиходное строить около таких мест церкви.

Лит.: Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991.

ВОЖЖИ, часть конской упряжки, использовавшаяся для управления лошадей, запряженной в повозку.

В русских деревнях в праздничные дни применяли переборные или браные вожжи, т. е. вытканые из цветной шерсти или окрашенной льняной пряжи.

Возчик, управляя лошадью, натягивал правую или левую вожжу, заставляя лошадь идти вправо или влево. При пароконной запряжке лошадь, шедшая в *оглоблях*, — *коренник*, управлялась вожжами, *пристяжная* — с помощью привожжека. Если в повозку были запряжены три лошади, то в руках возницы были вожжи и два привожжека.

В некоторых деревнях был распространен обычай, по которому девушка дарила красивые вышитые или переборные вожжи жениху для свадебных выездов. При этом на них было принято ткать имя девушки и короткое посвящение: «Кого люблю — того дарю».

И. Ш.

ВОЗ, в XIX в. любой гужевой транспорт с кладью. В Древней Руси синоним слова *сани*.

ВОЗДВИЖЕНИЕ (Ставров день), праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня, установленный Церковью в воспоминание обретения св. царицей Еленой Креста, на котором был распят

Спаситель мира — Сын Божий. Воздвижение — заключительный день бабьего лета, третья (и последняя) встреча осени. Отмечается 14/27 сент. С его приходом осень вступала в свои неотъемлемые права, заставляя крестьян все чаще вспоминать о зиме. «На дворе Воздвижение, последняя копна с поля движется, последний воз на гумно торопится!», «На Воздвижение шуба за кафтаном тянется!», «На Воздвижение зипун с шубой сдвинется!», «Воздвижение кафтан сымет, шубу наденет!», «Воздвижение — последний воз сдвинулся с поля, а птица — в отлет!», «На Воздвижение ни змея и никакой гад по земле сырой не движется!» и т. д. Третья встреча осени — «первые зазимки».

По народной примете: «Воздвижение осень зиме навстречу двигает!», а зима, в свой черед, на этот праздник «со бела гнезда сымается, к русскому мужику в гости собирается, — семки (говорит) я, зима-зимская, на Святой Руси погощу, серого мужика навещу, хлебальных пирогов поем, пива поотведаю, свадьбы сыграю-отпраздную!»... Воздвижение — постный праздник. «Хоть на воскресный день придиись Воздвижение, а все на него — пятница-среда, постная еда!» — говорили в народе. «Кто не постит Воздвижению — Кресту Христову, — на того семь грехов воздвигнутся!», «Кто скороми на Воздвижениев день чурается, — тому семь грехов прощается!», «У кого на столе убоина о Воздвижение, — тот все свои молитвы убивает, а новой не знает — не ведает, нечем ему Бога помолить!»

На Воздвижение в старые годы по многим местам воздвигали обиденки-часовни и малые церковки — по обещанию (в честь праздника). Это считалось особенно угодным Богу. Их ставили в благодарность за избавление от «зла-напасти», морового поветрия, лихого попушения. В обычае было воздвигать-поднимать в это время и кресты на новостроящихся храмах. Были местности, где ежегодно совершались на этот праздник крестные ходы вокруг деревень, что, по народному преданию, ограждало от всякого лиха на круглый год. Подымали иконы на Воздвижениев день и для обхода полей, с молитвой о будущем урожае. Молились «празднику» и о болящих-страдающих, чтобы Господь воздвиг их с одра болезни. «С верою помолиться праведному человеку на Воздвижениев день, так Животворящий Крест и со смертного ложа подымет!» — говорили в народе. «Правда сильна верою, а вера — правдою», одна без другой мертвы.

По старинному сказанию, в Среднем Поволжье на Воздвижение происходила битва-бой между «честью» и «нечестью». «Поднимаются в этот день, — гласило сказание, — воздвигаются одна на другую две силы: правда и кривда, «свято» и «несвято»... И начинает осиливать наваждение от лукавого все стоящее за веру правую и правду верную. Сотрясается Мать-Сыра-Земля... Но вот воздвигается из недр ее Свят-Господень Крест; вся вселенная сияет, как солнце, от его «нетленных-негаснущих» лучей. И тает, как воск от огня, все злое-нечистое, все сильное кривою мира пред этим лучезарным Крестом. Побеждает все праведное, все чистое... «И так до скончания века веков», — гласило заключительное слово поволжского сказа, свидетельствующего о непоколебимой вере русского народа в торжество правды.

В другом сказании, приуроченном ко дню Воздвижения, повествуется о самом событии, связанном с этим праздником. «Пьет вино Константин-царь, — на-

Поклонение Кресту. Икона. 1670-е гг. ГМЗМК. Происхождение древ Честного Креста. Обратная сторона иконы Крещение. Кон. XVII — нач. XVIII в. ГМИР

чинается сказание, — в красном городе, во своем дворце Господнем; с ним пьют Божьи апостолы, святой Петр и апостол Павел. И беседует Константин-царь: — О, верховны Божьи апостолы! Где-то ныне кресты честны, у коего честнаго царя они?..» Чем дальше, тем более расходится с книжной правдой повествование народное. «Верховны Божьи апостолы» говорят, что «кресты честны» находятся в еврейской земле «у проклята царя Евреина». Они советуют царю Константину пойти на еврейскую землю, «попленишь» ее и «ухватить царя Евреина» и выпытать у него о месте, где сокрыта великая христианская святыня. Но сейчас же оговариваются советчики, что «тверда вера жидовина: померет он скорее на муках, честных крестов не укажет». Лучше, по их словам, послать «жестоких глашатаев» в еврейскую землю и взять от еврейской царицы ребенка. «Ты наложи два живых огня, царь, — говорят они, — метни чадо меж огня два жива, пусть пищит оно, будто змия люта: а всякая мать милостива и до своего чада жалостлива, — царица кресты укажет!» И вот царь Константин, вняв совету, «на четыре страны письма пишет и собрал все войско христианско...» Пленена вся еврейская земля, царь Евреин в руках победителя и, несмотря на все пытки, несмотря даже на мученическую смерть-кончину, не выдал заветного места — «честных крестов указать не хочет!» Посланы, по уещанию «верховных Божьих апостолов», и «жестокие глашатаи». Все сделано по указанному, как по писаному. Увидев своего ребенка положенным меж двумя «живыми огнями», еврейская царица «пристывает, слезы проливает, целует царя и в полу, и в руку», обещая указать желанное место. После некоторого нового колебания она, наконец, когда ее дитя было отодвинуто от огней, говорит царю Константину: «Видишь ли, царь, Одобар (Фавор) гору? Двинь ты войско, иди ты под гору и раскопай Одобар-гору: найдете вы твердый камень, разбейте вы твердый камень, посыпятся многи кресты златы, евреи кресты те сковали, наподобие будто кресты ваши, да не узнаются кресты ваши!» Царь сделал все по этому указанию. Принесли ему «многи кресты златы». Взял царь Константин и ударил их о камень: «переломились надвое, натрое...» Принесли ему другие кресты — замахнулся царь, ударил о камень, пред ним разлетелся камень. Эти кресты были те самые «кресты честны», о которых говорили «верховны Божьи апостолы» — советчики царские.

*Как увидел то Константин-царь,
Тогда царь возстал на ноги
И крест честной поцеловал он,
И целует все войско христианско.
Когда царь кресты так избавил,
Двинул войско, ушел он во двор свой.
Пока жив был Константин-царь,
Честны кресты на земли сияли,
Сияли крещеному христианскому народу.
Когда же преминул Константин-царь
И честная царица Елена,
Тогда честные кресты воскресли,
Воскресли на небеса в высь
И теперь сияют на том свете,
Словно солнце на свете здешнем...*

В другом сказании, родственном по содержанию с этим, место еврейской царицы занимает «жидовка-вдовица», «верховные Божьи апостолы» совершенно отсутствуют, а царю Константину самому «вспало на ум» все совершаемое. Начинается это сказание такой картиной: «Три темныя мглы опустились во Стамболе граде, и стояли ровно три години: ни солнце в ту

Воздвижение Креста. Икона. Нач. XVI в. ГТГ

пору не грело, ни ветер тогда не повеял, ни роса тогда не заросила, никакая жена не родила, никакая овца не зягилась, сотворился тогда глад великий, стары люди золою питались, молодые травую паслися, глупы дети песок поедали»... Это время, по сказанию, предшествовало мысли, вспавшей на ум царю Константину. «Зачудился тогда Константин-царь» — гласит сказание, — чтой-то будет за великое чудо? Спустя мало, царю на ум вспало. И беседует он кралю Мурат-бегу: — Та гой еси, ты Мурат-бег краль! Поди-ка ты на Ситницу реку к краю, ест там жидовка-вдовица, та имеет одного дитя-младенца: Ой ты, жидовка-вдовица! Скажи-ка мне, где-то тут кресты Христовы? А не скажешь, жидовка-вдовица, возьму у тебя твоего дитя-младенца, между двух огней буду его жарить!.. Отвечала жидовка-вдовица: «Клянуся я Богом, Мурат-бег краль! В работницы здесь нанята я, поливать мне велику навозную кучу: растет ночью здесь трава смерделика, растет ночью, я поляю наутро; денно-нощно сию себе здесь я!.. Сказали ему царю Константину. Царь пустил тогда молодцов триста, видеть, что там за чудо велико? Не была то, не была трава смерделика: только был то Христов василек. И тогда стали молодцов триста, открыли велику навозную кучу: была она, куча, очень маленька, в глубину была она триста сажень, в ширину была она полтора сажа... И нашли они кресты Христовы»... Когда найдены-отрыты были «кресты Христовы», тогда по мгновение ока изменилась вся картина:

*Тогда солнце огреть нас стало,
Тогда ветер снова начал веять,
Роса мелкая тогда заросила,
Мужских детей жены породили,
Овцы яры тогда обьягнлись,
Сотворилась великая дешевизна,
И нивы-то пшеницу родили,
Урожай тогда вышел полон.
Кто слышали, все б веселы были!..*

Праздник Воздвиженья называли еще «капустницами». «Смекай, баба, про капусту: Воздвиженье пришло!» — говорили крестьяне. «Воздвиженье — капустницы, капусту рубить пора!», «То и рубить капусту, что со Воздвиженья!», «У доброго мужика на Воздвиженьев день и пироги с капустой!», «И плохая баба о Воздвиженьи — капустница!», «На Воздвиженье — чей-чей праздничек, а у капусты поболее всех!», «На Воздвиженье первая барыня — капуста!» и т. п. Капуста, и всегда пользующаяся большим почетом в крестьянском обиходе, была у всех на языке в Воздвиженьев день. «Щи да каша — пища наша!» — говорил деревенский люд. «Без хлеба мужик сытым не будет, без капусты — щи не живут!», «Хлеб да капуста лихого не попустят!», «Капуста не пуста, сама летит в уста!», «Капуста — лучше пуста!» О незапасливых хозяевах замечают: «Пошел бы к соседу по капусту, да на двор не пустят!», «Помяни репу, чтобы дали капусты!», «Поезжай в Крым по капусту!», «Ни шит, ни кроен, а весь в рубцах!», «Без счету одежек — все без застежек!», «Маленький попок, сорок ризок оболот!», «Шароватый, кудреватый, на макушке плешь, на здоровье съешь!» — ведут иносказательную речь загадки о капусте. Старинное поверье советует выбирать капустные семена из кочнов если не на Воздвиженье, то на Благовещенье. «Ни воздвиженской, ни благовещенской капусты мороз не бьет!» — гласило оно. Считалось, что при засеве капусты надо пересыпать семена из руки в руку, иначе вместо капусты уродится брюква. Капусту в четверг не сажают: «посадишь — всю черви поточат!»

Воздвиженье начинало ряд осенних веселых вечеринок, называемых «капустницы», не только в деревнях, но и в городах (у мещан). В старину в этот день девушки наряжались в праздничные платья, ходили из дома в дом — рубить капусту. Это делалось с веселыми песнями; гостям подносилось пиво, ставились сладкие меды, подавались угощения разные (смотря по достатку хозяев). Молодежь-женихи высматривали себе в это время невест-«капустниц». Вечеру, когда капуста была уже срублена, всюду шло веселье, нередко приводившее к *свадьбам*, игравшимся на *Покров*. «Капустенские вечерки» длились две недели, заканчиваясь вместе с сентябрем. Их ожидала молодежь, как веселого праздника, вроде *Масленицы*. Немало песен, особого склада и лада, приурочивалось к этому времени, своих — «капустенских», хотя не считалось зазорным петь на «вечорках» и всякие другие, лишь бы складны были и веселы.

Все заневестившиеся девушки принаряжались на «капустники» в лучшие наряды, чтобы не ударить в грязь своей красотой девичьей: у каждой из них среди ожидаемых гостей были свои присмотренные заранее, приглянувшиеся загодя парни. Существовало поверье, что если, собираясь на воздвиженский капустник, девушка прочитает семь раз особого рода заклятие, то приглянувшемуся ей молодцу приглянется и ее красота. «Крепко мое слово, как железо! Воздвигни, батюшка Воздвиженьев день, в сердце добра молодца (имярек) любовь ко мне, девице красной (имярек), чтобы этой любви не было конца-веку, чтобы она в огне не горела, в воде не тонула, чтобы ее зима студеной не знобила! Крепко мое слово, как железо!» — приговаривали девицы, собираясь, как на веселые смотрины, на воздвиженский капустник.

А. Коринфский

ВОЗДЕРЖАНИЕ, одна из семи человеческих добродетелей, в понятиях Св. Руси означает: удерживать свои страсти нравственной силой, не давать им волю, не предаваться излишествам, ограничивать себя, исходя из заповедей Божьих.

Моральный характер воздержания, по мнению В. С. Соловьева, проявляется в том, что воздержание является добродетелью лишь в отношении действий постыдных. Добродетель не требует, чтобы человек был воздержан вообще и во всем, но чтобы он воздерживался от того, что ниже человеческого достоинства. «Воздержание, — писал Л. Н. Толстой, — не достигается сразу. Жизнь всякого человека идет не к усилению страстей, а к ослаблению их. Время помогает усилиям и воздержанию».

О. П.

ВОЗДУХ, в древнерусских народных представлениях одна из четырех главных основ мироздания (наряду с *землей, водой и огнем*). В воздухе обитают души, невидимые духи и *бесы*. Таким образом, через воздух, дуновение ветра и человеческое дыхание люди соединяются с миром духов, которые могут влиять на них, наводить порчу, болезнь и, наконец, убить. В воздух уходит и душа умершего человека. Спаситься от дурного влияния воздуха можно только *молитвой и крестным знаменем*.

О. П.

ВОЗМЕЗДИЕ, воздаяние, кара за совершенное преступление. В представлениях русского народа рассматривалось как неотвратимая расплата перед Богом за совершенный *грех* против Бога и людей. Причем возмездие у русских рассматривается не только как справедливая физическая кара, но и как духовно-нравственное наказание по *совести*. «Мы ищем возмездия совершенного»

нами добра и зла во времени и часто не находим его. Но добро и зло совершаются в душе, вне времени, и истинное возмездие осуществляется в нашей совести» (Л. Н. Толстой).

О. Платонов

ВОЗНЕСЕНЬЕВ ДЕНЬ, последний весенний праздник, установленный в память Вознесения Спасителя на небеса. Праздновался на сороковой день после *Пасхи*. Всегда приходился на четверг.

«Весна о Вознесении на небо возносится — на отдых в рай пресветлый просится!» — говорили в поволжских деревнях. «Не век девке невеститься: на что весна — красна, а и та на Вознесенье Христово за лето замуж выходит!», «И рада бы весна на Руси вековать вековушкой, а придет Вознесеньев день — прокукует кукушкой, соловьем залется, к лету за пазуху уберется!», «Цвести весне — до Вознесенья!», «До Вознесенья Христова весна петь-плясать готова!», «Придет Вознесеньев день, сбросит с плеч Весна-Красна лень, летом обернется-прикинется — за работу в поле примется!». Весна с этого праздника Господня уступала место лету — по народной поговорке: «Потом умывается, Честному Семику кланяется, на Троицу-Богородицу из-под белой ручки глядит».

Вознесение. Икона. Сер. XV в. ГТГ

Со Светлого праздника, с Велика-Дня, Пасхи по старинному преданию, отверзаются двери райские, разрешающие узы адские: вплоть до самого Вознесенья Господня могут грешники, пребывающие в крошечном аду, видеться с праведниками, обитающими под сенью райских кушей. «С Пасхи до Вознесенья — всему миру свиденье, — подтверждает народная молвь, — всему миру свиденье — и дедам, и внукам, и раю, и мужикам!»

Сорок дней, считали русские люди, ходит Спас по земле: с Воскресенья до Вознесенья. Потому-то и земля так ярко зеленеет, такими благовониями райскими благоухает в это время. «К Вознесеньеву дню все цве-

Вознесение. Икона. Сер. XVI в. НМЗ

ты весенние зацветают — Христа-Батюшку в небесные сады потаенной молитвою провожают».

В канун Вознесения Господня, по старинной примете, и соловьи громче-звонче поют, чем в остальное время. Знают словно и они, что это — последняя ночь пребывания воскресшего Христа-Спаса на православном мире.

Эта ночь считалась у русских «соловьиной». В это время грешно было ловить соловьев. Кто поймает — ни в чем тому целый год удачи не будет, вплоть до нового Вознесеньева дня, когда вознесутся на небо с Господом сил небесных все обиды земные. Цветы на Вознесенье благоухают особо. Утром на Вознесенье плачет Мать-Сыра-Земля росой обильной по удаляющемуся с нее госте-Христе. Эта «вознесенская» роса считалась целебной. Собирали ее опытные знахари с цветов на лугах. «Если знать такое слово заветное да пошептать его над вознесенской росой, да выпить болящему дать, — всякое лихо как рукой сымет!» — гласила народная мудрость.

В некоторых губерниях в средней полосе России на Вознесение «водили колосок» по деревням. Этот старинный обычай назывался «колосовождение». Совершалось это обычно по особому порядку, установленному в древности. Рано поутру собиралась деревенская молодежь — девки, бабы-молодки и молодожены; вместе с восходом солнечным шли все, ухватившись по двое за руки, к околице. Здесь все становились в два ряда, лицом к лицу, и опять-таки брали друг друга за руки. Получался живой мост, вытягивавшийся в узкую ленту, пестревшую всеми цветами праздничных нарядов. По этому мосту соединенных рук пускали идти маленькую девочку с венком на голове, всю убранный лентами разноцветными да перевязями цветочными. Пройдет по рукам одной пары девочка — забегает живое звено моста вперед и опять становится в очередь.

Женская праздничная одежда.
Тамбовская губ. Нач. XIX в.

Женская праздничная одежда.
Рязанская губ. 2-я пол. XIX в.

Женская праздничная одежда.
Рязанская губ. Кон. XIX в.

Женская праздничная одежда.
Воронежская губ. Кон. XIX — нач. XX в.

Женская праздничная одежда.
Тамбовская губ. 2-я пол. XIX в.

Девичья праздничная одежда. Воронежская
губ., Острогожский у. 2-я пол. XIX в.

Женская праздничная одежда. Курская губ.
2-я пол. XIX в.

Так и доходило все шествие до самого озимого поля. Девушки во все это время припевали:

*Лада, Лада!
Ой, Лада!
Ой, Лада!*

Дойдя до загонов, спускали маленькую «Ладу» на-земь. Она должна была сорвать пучок зеленой ржи, готовящейся к этому времени выметывать колос. С сорванным пучком девочка бежала назад к околице; все, сбившись в кучу, не догоняя беглянки, следовали за ней по пятам и пели-голосили стройным хором:

*Пошел колос на ниву,
Пошел на зеленую,
Пошел колос на ниву,
На рожь, на пшеницу!*

Ой, Лада!

*Уродися на-лето,
Уродися, рожь, густа,
Густа-колосиста,
Умолотистая!*

Ой, Лада!

*Ходит колос по селу,
Ходит от двора к двору,
Со девицею,
Со красавицею!*

Ой, Лада!

Пройдя с песней всю деревню, толпа расходилась, обрывая с девочки все ленты и цветы — на память о прошедшей весне. Разбрасываемые по дороге ржаные стебли подбирались молодыми парнями. Кому попа-

дался с выметнувшимся колосом, тот, считалось, не минует своей «судьбы», женится в осенний *мясоед*.

Во многих местах России еще в н. XX в. ходили предания о том, что во время обедни на Вознесенье день разверзается твердь небесная над каждой церковью. Благочестивым людям, доживающим последний год жизни, дано от Бога даже видеть, как из разверзшихся небес опускается к главному церковному яблоку лестница («та самая, которую видел во сне Иаков»). Сходят по ней ангелы и архангелы, и все силы небесные, становятся в два ряда по бокам лестницы и ожидают Христа. Как ударят в колокол к «Достойно», так и поднимается-возносится Спас-Батюшка с грешной, обновленной Его Пресветлым Воскресением земли. Немногим, по словам предания, дано видеть все эти чудеса, но есть и такие люди на свете. «Не будет провидцев-праведников — не стоять и свету белому!»

В честь праздника Вознесения в некоторых местах пекли «лесенки» из ржаного теста. Существовало поверье, что если вынести такие лесенки на ниву и поставить по одной на каждом углу загона, то рожь будет расти быстрее и вырастет выше человеческого роста. Только, по убеждению стариков, надо все это делать с тайной молитвой да с опаской от «глаза лихого», с «оглядкой от человека недоброго-завидушего», а то не выйдет никакого толку. Во многих местах существовал обычай ходить на Вознесенье в гости к родным и знакомым. Это в старину называлось «ходить на перепутье», причем гости приносили хозяевам в подарок лесенки, испеченные из пшеничного теста на меду с сахарным

узорочьем. В старой Москве было в этот день веселое гулянье — по площадям, вокруг церквей.

С праздником Вознесения у русских было связано древнее сказание о *каликах перехожих*: «После Светлага Христова Воскресенья, на шестой было на неделе, в четверг, у нас живет праздник Вознесенья: возносился Христос Бог на небеса со ангелами и со архангелами, с херувимами и серафимами, со всею силою со небесною. Расплатется нищая братия, расплакались бедные-убогие, слепые и хромые: Уж ты, истинный Христос, Царь Небесный! Вознесешься Ты, Царь, на небеса со ангелами и со архангелами, с херувимами и серафимами, со всею силою со небесною, — на кого-то Ты нас оставляешь, на кого-то Ты нас покидаешь? Ино кто нас поить-кормить будет? Одевати станет, обувати, от темных ночи охраняти? За что нам Мать Божию величати и Тебя, Христа Бога, прославляти? Проглаголет им Христос Царь небесный: «Не плачьте вы, нищая братия! Оставлю Я вам гору золотую, пропущу я вам реку медвяную, Я даю вам сады-винограды, оставляю вам яблони кудрявы, я даю вить вам манну небесну. Умейте горою владати, промежду себя разделяти: будете вы сыты да пьяны, будете обуты и одеты, будете теплом да обогрены от темных ночи приукрыты!» Тут возговорит Иван да Богословец: «Гой еси, ох, Господи, Ты Владыко! Позволь со Христом да слово молвить, не возьми мое слово в досаду! Не оставливай горы золотыя, не давай Ты реки медвяныя. Не оставливай садов-виноградов, не оставливай яблонь кудрявых, не давай им и манны небесной! Горы-то им буде не разделить, с рекой-то им буде не совладати, винограду-то им буде не ошшипати, манны-то им буде не пожрати! Зазнают гору князи и бояра, зазнают гору пастыри и власти, зазнают гору торговые гости, — наедут к ним сильные люди и найдут к ним немилостивыя власти, не дадут им этой горой владати, отымут у их купцы и бояра, вельможи, люди пребогатые, отоймут у их гору золотую, отоймут у их реку да медовую, отоймут у их сады да с виноградом, отоймут у них манну небесну: по себе они гору разделят, по князьям золотую разверстают, да нищую братью не допустят: много тут будет убийства, тут много будет кровопролитства, промежду собой уголствия; да нечем будет нищим питатися, да нечем им будет приодетися и от темных ночи приукрытиса; помрут нищие голодною смертью и позябнут холодною зимою! Дай-ко ты, Христос, Царь небесный, дай-ко се им слово да Христовое: пойдут нищие по миру ходити, Тебя будут поминати, Тебя будут величати, Твое имя святое возносить. А православные станут милостыню подавати! Ино кто есть верный христианин, он их приобует и приоденет — Ты даруй ему нетленную ризу; а кто их хлебом-солью напитае, даруй тому райскую пищу; кто их от темной ночи оборонит, даруй в рай тому место; кто им путь-дорогу указывает, незаперты в рай тому двери! Будут они сыты да и пьяны, будут и обуты, и одеты, они будут теплом да обогрены и от темных ночи приукрыты!» Тут проглаголет Христос да Царь небесный: «Исполать тебе, Иван да Богословец! Ты умел со Христом да слово молвить, Ты умел вить с Иисусом речь говорити, ты умел слово сказати, умел слово разсудити, умел вить по нишших потужити! За твои умельныя за речи, за твои за сладкие словеса дарую уста тебе золотыя, в году тебе празднички частые! Отныне да до веку!»

У многих русских людей вплоть до н. XX в. считалось, что от Пасхи до Вознесенья тяжкий грех отказать

нищему-убокому, человеку странному-захожему в сильной милостыне:

*Веселятся небеса,
И радуется земля
Вкупе с человеки,
Всегда и вовеки,
Все ангели, архангели,
Небесныя силы,
Апостолы, пророцы
С мученики святыми,
С преподобными со всеми,
Угодники Господни! —*

пели нищие у церковных папертей в день Вознесения Господня с чашками в руках.

*Вознесися на небеса, Боже!
Милость Твою кто изреши може?
Уста твоих верных
О безсмертных
Не могут вещати.
О чудеси, на небеси и в мори!
Славы Твоя полны земля, горы,
Холмы торжествуют,
Ликоствуют,
Зрят Господню славу,
Масличная гора веселится,
Егда Господь в небо возносится...*

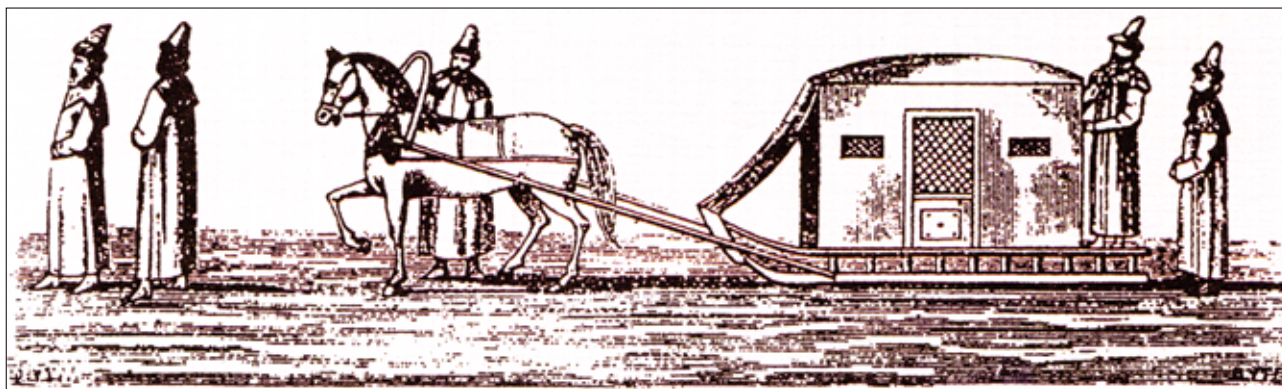
Благоговейно прислушивались крестьяне к загадочным для них словам *духовного стиха*. А певцы продолжали голосами, «плачем умиленным»: «...престол херувимов, серафимов Ему готовится. Глас пресвятой от уст Его снидет, известуя: «Утешитель придет, Он бо нашествием и действием истинны научит. Сия рекши, к небеси шествует, мир, тишину всем верным дарует, что возлюбленна, учреждена кровию Своею. Подаждь, Боже, тишину навеки, по вся концы спасай человеки, вовеки вечную радость и во сладость созданное навеки!»...

А. Коринфский ВОЗОК, выездные сани с закрытым кузовом в виде прямоугольного ящика с оконцами и дверцей.

Он предназначался для поездок на дальнее расстояние и был устроен таким образом, что в нем можно было не только сидеть, но и лежать.

Возок изготавливали из плотно сбитых досок, обтягивали внутри кожей или тканью. Сохранилось его описание: «Сверху и с боков возок был плотно закрыт и заделан так, что внутрь почти не попадал холодный воздух. С обеих сторон в нем находились окна и 2 помещения, куда клали с собой для времяпрепровождения книги и все необходимое для жизни в пути. Спереди над головой висел фонарь с восковыми свечами, зажигавшимися перед наступлением ночи. Внизу возка помещались постели, на которых путешественники лежали днем и ночью во время переезда с места на место. Чтобы согреть возок, у ног их ставили нагретые камни или оловянные сосуды с кипятком. Несмотря, однако, на эти предосторожности, самые крепкие вины и водки, хранившиеся в запасном ящике возка, нередко замерзали от холода и обращались в лед. В такой подвижной комнате можно был ехать днем и ночью» (Соколов, 1890, 61). В возок запрягали одну, две или три лошади. Кучер сидел на облучке или верхом на одной из лошадей.

Возки были широко распространены вплоть до к. XVIII — н. XIX в. Они являлись собственностью богатых бояр, позднее помещиков. Крестьяне возков не имели, за исключением тех, у кого были свои посто-

Возок боярский. Рисунок по А. Мейербергу

ялые двory в период ямской гоньбы. В XIX в. возки считались уже некоторым анахронизмом. А. С. Пушкин в «Евгении Онегине» с иронией изобразил возок, в котором направляется в Москву семейство Лариных:

*<...> Осмотрен, вновь обит, упрочен
Забвенью брошенный возок.
Обоз обычный, три кибитки
Везут домашние пожитки,
Кастрюльки, стулья, сундуки,
Варенье в банках, тюфяки,
Перины, клетки с петухами,
Горшки, тазы et cetera,
Ну, много всякого добра.
И вот в избе между слугами
Поднялся шум, прощальный плач:
Ведут на двор осьмнадцать кляч,*

*В возок боярский их впрягают,
Готовят завтрак повара,
Горой кибитки нагружают,
Бранятся бабы, кучера.
На кляче тощей и косматой
Сидит форейтор бородатый,
Сбежалась челядь у ворот
Прощаться с барами. И вот
Уселись, и возок почтенный,
Скользя, ползет за ворота.*

ВОИНСКАЯ ПОВИННОСТЬ, установленная русским законом обязанность мужчин нести военную службу по защите Родины.

В Древней Руси до к. XV в. воинская повинность осуществлялась в основном в форме народного ополчения. В последующие столетия главное место занимали ополчения мелких и средних землевладельцев (дворян), получавших за военную службу поместья и

Присяга воинов Олега оружием и богом Перуном; утверждение мирного договора Олега с греками

К. Горбатов. Древнерусская крепость

Переправа воинов. Лицевой летописный свод. XVI в.

Н. Зиновьев. Битва Ярослава Мудрого с печенегими под стенами Киева

деньги. Созданные в 1630–50-х полки «нового строя», постепенно вытеснившие дворянское ополчение, с 1640-х комплектовались принудительным набором даточных людей, для которых с н. 1650-х военная служба стала пожизненной. В период 1699–1705 сложилась рекрутская система воинской повинности, оформленная Указом 1705 и приложенными к нему «Статьями, данными стольникам о сборе даточных солдат или рекрут». Военная служба оставалась для солдат пожиз-

В. Нагорнов. Возвращение из похода

Русские дружинники XIII века. Лицевой летописный свод. XVI в.

ненной и постоянной, служба же дворян была в 1732 ограничена 25-летним сроком, а в 1762 они были вовсе освобождены от воинской повинности. По Рекрут-

Переправа воинов. Лицевой летописный свод. XVI в.

И. Глазунов. Отправление войска

С. Стрекалов. Одежда русского воина

скому уставу 1831 воинскую повинность отбывали все крестьяне, мещане и солдатские дети. Срок службы солдат в 1793 был сокращен до 25 лет, в 1834— до 20, после Крымской войны 1853—56— до 12 и к 1874— до 7 лет. С 1854 была введена «жеребьевка» (номер очереди призыва разыгрывался по жребию) из трех разрядов по семейному положению. При этом широко допускалось сперва платное замещение, а затем и выкуп от воинской повинности, для чего правительством выпускались «зачетные» и «выкупные» квитанции. С изданием 1 января 1874 Устава о воинской повинности, которым была введена всеобщая воинская повинность, замена и выкуп были отменены, зато установлены освобождения, льготы и отсрочки по физическому состоянию, семейному положению, образованию, званию, роду занятий, имущественному положению и, наконец, по национальному признаку («инород-

цы»); таким путем от воинской повинности легально освобождалось не менее 10% призываемых. Устав 1874 установил призывной возраст в 21 год, закрепил сложившуюся систему жеребьевки, определил общий

И. Глазунов. Канун битвы. Иллюстрация к «Задонщине»

В. Васнецов. После побоища Игоря Святославича с половцами. 1878 г.

Битва на Туговой горе. Клеймо иконы «Василий и Константин в житии» из Успенского собора в Ярославле. 1-я пол. XVII в.

срок службы в 15 лет, из них действительной службы — 6 (во флоте 7) и в запасе — 9 лет. В 1876 срок действительной военной службы был сокращен до 5 лет, в 1878 — до 4 и в 1905 — до 3. В 1-ю мировую войну Россия вступила при следующих основах воинской повинности: призывной возраст — 20 лет (к 1 января года призыва), общий срок службы — 23 года (предельный возраст 43 года); действительная служба в пехоте и пешей артиллерии — 3 года, в остальных родах войск — 4 года; в запасе — 15 (13) лет, остальные 4–5 лет — в ополчении 1-го разряда (для пополнения полевой армии военно-

го времени), куда зачислялись, кроме старых солдат, на 23 года все годные к службе излишки ежегодного призывного контингента; в ополчение 2-го разряда (вспомогательные и тыловые части военного времени) зачислялись на тот же срок излишки ограниченно годных к военной службе и освобожденных по семейному положению.

ВОИНСКИЙ ДОЛГ, обязанность защищать Отечество, составная неотъемлемая часть национального, государственного и религиозного сознания русских.

И. Лучанинов. Благословение ополченца

Центральный эпизод Невской битвы: Александр ранит Биргера в глаз. Миниатюра из «Жития Александра Невского». XVI в.

Ледовое побоище с изображением Небесного войска и молящихся перед иконой св. Софии первых русских святых князей Бориса и Глеба. Миниатюра из «Жития Александра Невского». XVI в.

Солдаты и офицеры шли на войну и совершали подвиги не во имя личных интересов, не ради поче-

стей, но памятуя о христианском служении, которое понималось как долг перед национальным целым. Русское войско состояло не из наемников, а из граждан, защищавших Отечество. Соответствующее отношение к воинской службе воспитывалось с детства всем общим настроением окружающей среды. Идеал смелого, сильного, верного Отечеству воина, надежного товарища проходит через весь фольклор — от *былин* до поздних солдатских песен. Примечателен сам факт широкого бытования солдатских песен — темы их были близки всему крестьянству.

С уважением относились крестьяне к солдату из своей деревни и неизменно приветливо, гостеприимно встречали солдат из других мест. Проводы в солдаты всегда проходили торжественно. Новобранца благословляли родители, а также *крестные отец* и *мать*. Возвращение со службы тоже составляло событие для всего селения. Множество народа собиралось в избу послушать его рассказы. Тема сражений, воинских подвигов в прошлом и настоящем была одной из самых постоянных во время бесед на встречах взрослых, часто в присутствии детей. В рассказах о войнах основное внимание уделялось успехам русских войск. Дурные вести с фронта проникали в народ эпизодически. И неудачам народ не придавал особого значения, будучи уверен, что враги не смогут устоять против русских, что «сам Бог, Божия Матерь и святой Никола Угодник не допустят этого».

По сообщению из Шадринского у. Пермской губ., отдаваемые в военную службу молодые люди, конечно, не без грусти и слез расставались с родными и родиной. «Но жалоб вы здесь не услышите. «На то воля Божия», — говорит будущий воин. А потому между ними нет беглецов: все служили и служат с честью». Свящ. Т. Успенский свидетельствовал: «В моем приходе было из здешних крестьян до пятидесяти отстав-

Н. Присекин. Куликовская битва

В. Штейн. Полтавская баталия

ных и бессрочных солдат, поступивших в 1854 вновь на службу: большая часть из них — унтер-офицеры и имеют знаки отличия. Семь на десять приходилось таких награжденных воинов». Когда проводилась мобилизация, запасные люди, судя по губернаторским отчетам, собирались везде быстро; уклонившихся от явки по призыву практически не бывало.

В войсках призывник сразу же окунался в атмосферу служения Отечеству. Российская армия и флот были православными не только по духу, но и по форме. Православность пронизывала воинские ритуалы, службу и быт воинов; об идее защиты веры напоминали все военные реликвии.

Особую роль играл ритуал принятия присяги. После торжественного богослужения, в присутствии командира части, всех офицеров и солдат, присягающий должен был «положить левую руку на Евангелие, а правую руку поднять вверх с простертыми двумя боль-

Р. Портер. Взятие Азова. 1696 г.

И. Айвазовский. Чесменский бой

П. Бажанов. Портрет адмирала Федора Федоровича Ушакова

шими перстами. А солдатам (понеже их множество) правую только руку поднять пред лежащим Евангелием, и говорить за читающим присягу, и по прочтении целовать Евангелие». Заканчивалась присяга молебном о воинах, вступивших в ряды Русской армии.

Нарушение присяги считалось большим грехом перед Богом и людьми. Если воин погибал в бою, священник

К. Штейбен. А.В. Суворов у карты военных действий

обычно говорил в память умершего небольшое поучение, подчеркивая, что лежащий в могиле твердо помнил данную присягу и исполнил ее до последней капли крови: «Царство Небесное да даст ему Господь на небе! А нам, живым, да будет он одушевляющим примером».

Неизвестный художник. Портрет А.В. Суворова с фельдмаршалским жезлом

Верноподданническая присяга произносилась под сенью знамени, на котором изображались крест Господень, царская корона и двуглавый орел. В символическом смысле это означало надежду на победу и цар-

В. Суриков. Переход Суворова через Альпы в 1799 году

А. Федоров. Портрет П.А. Румянцева-Задунайского

К. Хрестинек. Портрет адмирала графа Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского (1737—1807)

ское благословение, которым Помазанник Божий, как общий Отец Государства, благословлял все семейство полка. Знамя сопровождало воину во всех его службах и опасностях. Оно считалось полковой святыней, которую надлежало защищать до смерти.

Русская армия была христоролюбивой. В специальные праздничные и торжественные дни, а в период

войны в каждый воскресный и праздничный день, в конце молебного пения о даровании победы Российской-

Н. Самокиш. Подвиг солдат генерала Н. Н. Раевского под Салтановкой 11 июля 1812 года. 1912. Музей-панорама «Бородинская битва», Москва

В. Верещагин. В итыки! Ура! Ура!

скому воинству (и воинству союзников) возглашалось многолетие — «христоролюбивому всероссийскому победоносному воинству многие лета». В сознании солдат слова «христоролюбивый» и «победоносный» неизменно соседствовали.

Христоролюбие предполагало синтез тех качеств, которые обозначались словами «во Христа верующий»

А. Кившенко. Военный совет в Филях

Н. Самокиш. Бой при Островне 13 июля 1812 года. 1912. Музей-панорама «Бородинская битва», Москва

и «со Христом пребывающий» (а тому, кто искренне верует во Христа, «все возможно по вере его» — Мк., 9: 23). Благодать Божия вдохновляла православного воина на подвиг не только духовный, но и телесный.

Набожность русского солдата вытекала из непоколебимого убеждения в истинности проповедуемого святой Церковью учения. Глубокой религиозностью снискивалась помощь Божия, без которой никакое дело, по народному убеждению, не могло иметь успеха. Солдаты говорили: «Кто боится Бога, тот неприятеля не боится». Человек православный, всецело преданный Промыслу Божию, терпеливо переносил все лишения и испытания и со спокойной смелостью шел навстречу любой опасности. Всякий воин был убежден, что идя

А. Венецианов. Французские гвардейцы под коновоем бабушки Спиридоновы. 1812 г.

Ил. Прянишников. В 1812 году. 1874 г.

А. Кившенко. Сражение на Шипкинском перевале 11 августа 1877 года. 1893 г.

умирать за своих ближних, исполняет закон Христа. Подвижничество русского солдата было основано на вере в высшую правду, за которую он бескорыстно отдавал свою жизнь, не требуя ни наград, ни похвал.

В тяжелые времена религиозность воина заметно возрастала. С большим нетерпением ожидали на фронте совместных богослужений. Солдаты, офицеры, генералы вместе молились, причащались перед сражени-

ем. Общая молитва превращала воинский коллектив в монолитный организм; каждый являлся его частицей и поступал по воле Божией. За годы службы солдат выучивал на слух множество молитв. Кроме того, они печатались на страницах военных журналов.

Описание молитвы на русско-японском фронте оставил о. Митрофан Серебрянский: «В котловане между гор расположилось тысяча восемьсот людей:

А. Кившенко. Сдача Плевны

В. Верещагин. Скобелев под Шинкой

масса лошадей, масса костров, разговоры, песни. Вдруг все смолкло. Труба заиграла зорю, и понеслась по нашему огромному лагерю молитва Господня: в одном конце «Отче наш», в другом раздается «... да будет воля Твоя», в третьем — «... победы над сопротивными даруя»; в каждом эскадроне отдельно! Впечатление грандиозное!».

На биваках часто устраивались спевки церковного хора. В перерывах между боями на войне всегда стоял вопрос, как занять свободное время, отвлечься от невеселых раздумий, и множество слушателей получали на этих спевках и утешение, и развлечение. Пели «Херувимскую», «Тебе поем», «Отче наш» и др.

Главными отличительными чертами русского солдата всегда признавались не только храбрость, но и способность безропотно переносить труды и лишения военной жизни. Православное просвещение считалось в русской армии лучшим залогом хорошей дисциплины. В катехизисе для воинов свт. Филарета, митр. Московского, утверждалось: «Будь доволен своим положением, то есть содержанием, какое тебе определено, должностью, какая на тебя возложена, чином, в какой ты поставлен от самого государя или чрез военачальника».

Считалось, что в войне успеха добивается тот, кто не боится умирать. А умирать не боится тот, кто исповедует веру в Искупителя и усваивает христианское отношение к брэнной жизни. В православной России вера отцов говорила о бессмертии души, о ее бесконечной жизни у Бога. Она предупреждала о страшном суде Господнем, о муках, которые ожидают грешников, но всей своей полнотой возвещала не смерть, но воскресение из мертвых. Символ веры, как известно, заканчивается словами: «Чаю Воскресения мертвых и жизни будущего века. Аминь».

Русский православный воин не боялся смерти, поскольку веровал в Промысл Божий. А. Н. Куропаткин, начальник штаба Скобелева в Русско-турецкой войне

А. Кившенко. Взятие Карса. Въезд

Н. Самокиш. Русско-японская война. Схватка. 1904. С репродукции из альбома Н.С. Самокиша «Война 1904-1905 гг.»

1877–78, с 1898 военный министр, изложил свое видение военной доктрины в трехтомном труде «Задачи русской армии». В нем он уделил много внимания духовной силе русского войска: «Кто близко видел обнаженные головы тысяч людей перед движением на штурм, видел серьезные лица, губы, шепчущие молитвы, видел затем то спокойствие, которое овладевало массой после молитвы, отдавшей их на волю Божию,

тот никогда не забудет этого зрелища и поймет, какую страшную силу мы имеем в религиозности наших войск».

25 дек. 1905 о. Митрофан Серебрянский перед началом сражения въехал в строй 4-го эскадрона, стал в ряды с солдатами: «Не робей, братцы! Я с вами, буду молиться за вас; кого ранит, или кто заболит — приобщи. Вот видите, Святые дары на мне! Кто умрет героем в честном бою, отпую погребение: не зароем как-нибудь». — «Умирать один раз в жизни, — ответил солдат Архипов из запасных. — От могилы не уйдешь все равно, а умирать в бою — это действительно хорошо. Что ж? Дай, Господи». — «Да ты, верно, семейный?» — спросил священник. — Разве тебе не жаль родных?». — «Что ж, батюшка, жалеть? Бог им даст силу, перетерпят; к тому же на каждого едока государь теперь дает 1 рубль 50 копеек в месяц: прожить можно, зато душе спасение».

Н. Самокиш. «Наше дело правое, враг будет разбит. Победа будет за нами». 1941 г.

К. Юон. Парад на Красной площади в Москве 7 ноября 1941 года. 1949 г.

А. Дейнека. Оборона Севастополя. 1942 г.

В основании православной веры лежит самоотречение. Усвоение христианских заповедей — возлюбите ближнего своего как самого себя и положить душу свою за други своя — способно поднять воина на недостижимую степень нравственной высоты. Подсознательная готовность к принесению жертвы была неотъемлемой частью подвига православного солдата. При этом подобное состояние души обычно проявлялось в скромной, незаметной форме, которая вполне соответствовала христианскому смирению русского народа.

А. Буганов

ВОЙНА, в понятиях Святой Руси противоестественное состояние между государствами, раздор, международная брань. «Войной и огнем не шути, — говорил русский человек. — Всякая война от супостата (дьявола), а не от

Митинг победы у Бранденбургских ворот. 1945 г.

Д. Слепушкин. Молебен перед боем

Бога». Во время войны совершается страшный *грех* — убийство. Войны без мертвых не бывает (Ипатьевская летопись). «Война есть убийство, и сколько бы людей ни собрались вместе, чтобы совершить убийство, и как бы они себя ни называли, — убийство все же остается худшим грехом в мире» (Л. Н. Толстой).

В народном сознании только одна война считалась справедливой — против захватчиков, освободительная. В своей истории Россия не вела наступательных, агрессивных войн. Все ее войны были либо против захватчиков (поляки, французы, немцы), либо за освобождение ранее захваченных врагами русских территорий. Войны против захватчиков считались у русских людей народными, отечественными войнами. «Кто с мечом к нам придет, — провозгласил св. Александр Невский, — тот от меча и погибнет. На том стоит и стоять будет Русская земля».

Русскому царю сщмч. Николаю II принадлежит идея о всеобщем и полном разоружении. С этим в 1898 он обратился ко всем странам мира, чтобы «великая идея всеобщего мира восторжествовала над областью смуты и раздора». Однако идеология Запада, основывающаяся на утверждении, что «война есть естественное состояние человечества», сделала невозможным претворение в жизнь предложений русского царя.

О. Платонов

ВОЛК, в русских поверьях и преданиях символ всего темного, враждебного, чужого. «Пришел волк (темная ночь) — весь народ умолк; взлетел ясен-сокол (солнце) — весь народ пошел», — говорится в старой русской загадке. По языческим поверьям, волками могут оборачиваться злые духи, *нечистая сила* и даже боги, напр. *Перун*.

Волкам приписывалось посредничество между людьми и нечистой силой, «этим и тем светом». Колдуньи оборачиваются волками и напускают волков на людей и скотину. Вместе с тем, по народным представлениям, волки могут поедать *чертей*. В лесу волки находятся в ведении *леших*, которые обращаются с ними как со своими собаками.

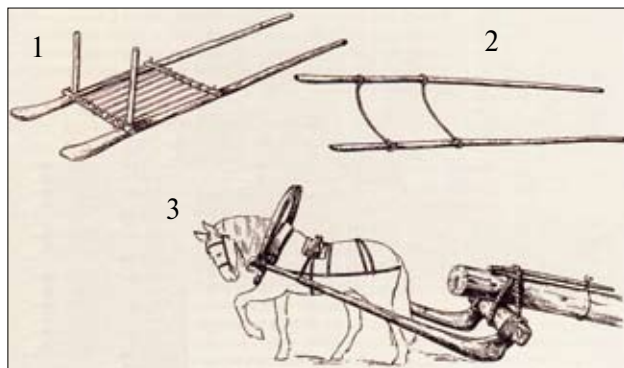
Волк противостоит человеку как нечистая сила: его отгоняют крестом, он боится колокольного звона, ему нельзя давать ничего освященного. Он может осмыслиться и как инородец: напр., стадо волков именуют «ордой», в *заговорах* волки называются «евреями» (А. В. Гура). Иногда волки могут сотрудничать с человеком («Иван-царевич и серый волк»), но такое сотрудничество чаще всего оборачивается предательством и гибелью.

Крестьяне считали, что, задирая скотину, волк действует не по своей, а по Божьей воле — «Что у волка в зубах, то Егорий дал». В народных представлениях св. Георгий считался покровителем волков и одновременно хранителем стад. Существовала даже легенда, что св. Георгий распределяет среди волков их будущую добычу. Крестьяне ненавидели волков и всеми возможными средствами уничтожали их, устраивали им загоны, расстреливали их всем селом. Распространена была также охота на волков с *саней* ночью, приманкой был поросенок в мешке, который своим визгом приманивал всех окрестных волков.

О. П.

ВОЛКОДОЛАК, в русской языческой мифологии — оборотень, человек, обладающий сатанинской способностью превращаться в *волка*. См. также: Вовкулака.

ВОЛОКУША, конская повозка для объемистых легких грузов (сена, соломы, хвороста), использовавшаяся на

Волокуши. XIX в.: 1 — Ярославская губ.; 2 — Новгородская губ.; 3 — Нижегородская губ.

пересеченной местности: две длинные *оглобли*, соединенные поперечниками, с положенными на них ветвями.

ВОЛОСНИК, женский головной убор: чехол с твердым околышем, закрывавший волосы; волосник носили под *кичку* или *платок*.

ВОЛОСЫ, в древних русских представлениях, отчасти сохранявшихся вплоть до XIX в., волосы — средоточие жизненных сил человека. С волосами у русских было связано множество мистических ритуалов.

Волосы (как и шерсть) символизировали множество, богатство, изобилие и счастье. Русские во Владимирской губ. первое яйцо, снесенное молодой курицей, катали трижды на голове старшего ребенка, приговаривая: «Курочка, курочка, снеси столько яичек, сколько у ребенка волосков!» Женщины на Смоленщине в *Юрьев день* срывали друг у друга в поле платки с головы и дергали за волосы, «чтобы у хозяина жито было густое и рослое, как волосы».

Расчесывание волос было ограничено целым рядом запретов. Малоросски, например, причесывались во вторник, четверг и субботу. На Полтавщине говорили, что «у среды сорок дочек, и каждая может вырвать по волоску, оборвав все волосы», поэтому не чешут волосы в среду. На Черниговщине полагали, что волосы женщин, причесывающихся в среду и пятницу, разлетаются по 12 дворам, отчего возникает болезнь «волос». Строгий запрет касался пятницы.

В то же время в некоторые праздники расчесывание волос считалось обязательным. Так, на Витебщине пожилые крестьянки расчесывали волосы на *Пасху*, «чтобы у них было столько внуков, сколько волос на голове».

Волосы, выпавшие при расчесывании, нельзя было бросать: *ведьмы* могли из волос сделать «завой» с наговором (чернигов.), *вихрь* мог подхватить, злой человек — наслать *порчу* и т. п., поэтому волосы затыкали в щели, зарывали в землю, закапывали на *перекрестке*; клали под камень, сжигали. Сжигались, однако, не повсеместно, часто на это налагался запрет. Полагали также, что если волосы оставлять на полу, выметать их и топтать, будет болеть голова, появятся ревматизм, «волос» и др. болезни.

В Древней Руси при обряде крестин волосы выстригались, а по закатанным в воск и брошенным в купель волосам гадали о судьбе новорожденного: закружится комочек — «к житю», пойдет ко дну — «не к житю».

В свадебном обряде совершались многочисленные ритуалы с волосами невесты и жениха. В Белоруссии сажали жениха «на посад» (*дежу*) и крестообразно подрезали и подпаливали его волосы на голове, а в

р-не Новогрудка посаженная мать брала несколько волос с головы жениха и невесты, спутывала их в пучок и сжигала, чтобы «изучить» (соединить) молодых. В погребальном обряде волосы расплетали и распускали в знак траура.

Непокрытые женские волосы, по народным представлениям, могли принести вред людям, хозяйству, урожаю и т. п. На Русском Севере (Череповецкий у.) замужней женщине нельзя было выходить во двор без *платка* на голове — «дворовый за волосы исташит». На Полтавщине говорили, что «солнце плачет», когда баба «светит волосом», т. е. ходит с непокрытой головой. Русские запрещали ходить женщинам с распущенными волосами (и с подоткнутым подолом) во время грозы — громом убьет.

Вместе с тем на Витебщине белорусски распускали и открывали волосы, когда мяли лен, «чтобы он был волокнистым и мягким». При ритуальной нагоде волосы должны быть распущенными, непокрытыми. Распущенные волосы считались также характерным признаком женских персонажей *нечистой силы* — *русалок*, *ведьм*.

Ист.: Славянская мифология. М., 1995; Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991.

ВОЛОСЫНИ, так в Древней Руси называлось созвездие Плеяд, в языческой мифологии — образ небесного стада или, по другим толкованиям, небесные жены бога *Велеса* (Волоса). Языческое название Волосыни сохранялось на Руси и через века после принятия христианства. В «Хожении» Афанасия Никитина (XV в.), в частности, говорится: «На Великий же день Волосыни да Кола в зорю вошли, а Лось головою стоит на восток» (Кола — Большая Медведица, представляемая в виде повозки, а Лось — архаичное название Полярной звезды). Исследователи отмечают характерный факт, что в русских средневековых астрологических текстах семь планет, оказывающих влияние на судьбу людей, называются *рожаницами* и, следовательно, связываются с Родом, подобно тому как Волосыни, в конечном счете, связаны с другой (территориальной) формой объединения людей — волостью. Название Плеяд Волосыни соотносимо с культом Волоса-Велеса, который на Севере Руси и в Поволжье соединился с культом *медведя* («волосатого», в табуистическом обозначении): сияние Волосыни предвещает удачу в охоте на медведя. В день св. Власия (сменившего Велеса — христианского покровителя животных) в Тульской губ. осуществляли ритуал *окликанья звезды*.

О. П.

ВОЛОЧЕБНИКИ, группы мужчин, парней и подростков, обходивших на *Святки* и *Пасху* дома своих односельчан, поздравлявших их с праздником и получавших дары.

Пасхальные волоческие обходы с величально-заклинательными песнями — «древний обряд аграрного цикла», совершавшийся при весенних обходах дворов перед началом сева. Группы мужчин обходили дома и особыми ритуальными песнями поздравляли хозяев. Происходило это в первый пасхальный вечер. В волоческих обходах могли принимать участие взрослые женщины, но девушки и дети к ним не допускались. Это свидетельствует о древности обряда и глубоком и важном его значении. Волоческие песни напоминают колядование (см.: Коляда). Возможно, что именно от весенних, наступающих в новом году праздников, когда волоческие зазывали новый год, обряд этот перешел на установленный с 1700 новый год, когда в

январский месяц никакого обновления природы еще не ожидается.

В содержании волоческих песен заключались похвалительные и заклиательные мотивы, пожелания благополучия семье и плодородия земле. Эти ритуальные песни сопровождалась театрализованными действиями, изображающими реальные события, связанные с земледелием. Изображением того, что должно произойти, волоческие старались предвидеть ход весенних полевых работ и повлиять на их благополучный исход. В волоческих песнях-спектаклях заклиались не только полевые работы и урожай хлеба, но и животные и пчелы, вместе с которыми обеспечивалась непрерывность человеческого бытия. В волоческих песнях присутствовали также мотивы любви и *брака*, что тоже олицетворяло продолжение рода и союз природы и человека.

Н. Р.

ВОЛХВ (волхов), из старой формы *вълхв*, колдун, волшебник, отсюда волхование в смысле чародейского искусства; слово, сохранившееся доныне в формах *волхат* (колдун, Вологодская губ.), *волх* (Новгородская губ.), *валхвить* (предугадывать, Калужская губ.) и т. д. Первоначальное значение слова «волхв» было, вероятно, жрец (*языч.*): так, волхвами названы в старорусском поучении жрецы Ваала, в переводе Евангелия — маги,

Дионисий. Волхвы. 1500–1503 гг. Фреска Рождественского собора Ферапонтова монастыря

пришедшие поклониться Христу. С распространением христианства в России волхвы оказали сопротивление Церкви, которая немедленно начала принимать против них меры. Первоначальная летопись, многократно упоминающая о волхвах, дает любопытный рассказ о столкновении волхвов в Ростовской обл. с княжеской властью (1071); в том же году в Новгороде волхвы привлекли на свою сторону весь народ, который возмутился против епископа, восстание было усмирено хитростью. После окончательного торжества христианства за волхвами сохранилось только значение кудесников, служителей дьявола, лиц, обладающих оккультными средствами для предугадывания будущего, указания

А. П. Рябушкин. Кн. Глеб убивает волхва на новгородском вече (Княжеский суд). 1898 г.

местонахождения потерянных или украденных вещей, насылания болезней и т. п. Так, Азбуковники дают следующее определение деятельности волхвов: «чародеи и волхвы, написующе бесовская имена, дают их простым людям, повелевающе им тоя имена носити; иногда же и на ядь какову написующе или над питием именующе — дают та снадати простой чади». Церковь не перестает с XII в. принимать репрессивные меры против волхвов. Она лишает их причастия, даже отлучает («Кормчая книга») приходящих к волхвам от Церкви и т. п. Иногда эти меры еще более суровы. Так, в 1227 в Новгороде власти приказали сжечь четырех волхвов. Поучения Серапиона Владимирского показывают, что порою и сам народ расправлялся с волхвами, видя в их деятельности причину всяких несчастий.

С. Ю. ВОЛЬГА СВЯТОСЛАВИЧ (Волх Всеславьевич), русский былинный богатырь, происходит от княжны и Змея Горыныча, и рождение его сопровождалось раз-

И. Билибин. Дружина князя Вольги в походе

ными чудесными приметами — «подрожала сыра земля, стряслося славно царство Индейское, а и сине море сколебалося — для ради рождения богатырского». Основной чертой его богатырства является его «хитрость-мудрость», способность оборачиваться лютым зверем, серым волком, ясным соколом, гнедым туром, малым мурашиком. С храброй дружиной Вольга охотится и совершает походы на Индию богатую, Золотую Орду, Турецкую землю или разъезжает по городам, пожалованным ему «дядюшкой» кн. Владимиром Красное Солнышко для сбора дани. Во время одной из таких

поездок происходит его встреча с богатырем-пахарем Миколой Селяниновичем. Имя Вольга восходит к имени Олега Вещего, «первого русского князя», а Волх указывает на его оборотничество, как оправдательный эпитет к «хитрости-мудрости» богатыря. На образование былинного типа Вольги оказали несомненное влияние предания о вешем Олеге, древнейшие версии которых сохранились в летописи.

С. Ю. ВОЛЯ, способность к выбору цели деятельности и внутренним усилиям, необходимым для ее осуществления, свобода выбора. В течение веков многим русским людям приходилось жить на пределе духовных сил, опираясь в выборе цели деятельности на высшие духовные ценности — Вера, Родина, Царь, которые были для них превыше личных желаний. В этих условиях волевые качества русского человека приобретали державный характер. Отсюда возвышенный максимализм в выборе идеалов и деятельности. По справедливому замечанию Л. П. Карсавина, «русские всегда хотят действовать во имя некоторого абсолюта или подняться на уровень абсолюта». Если русский сомневался в абсолютном идеале, он мог потерять волю к действию, упасть в полное безразличие ко всему.

В понимании человека Святой Руси на все существует Воля Божья, а человеческий выбор зависит только от нее и должен определяться величию Божественного. В этом смысле воля есть попытка претворить в жизнь Божественный Идеал.

Русская наука воспитания воли строилась на достижении высоких духовных целей. Воля наша, как и наши мускулы, крепнет от постоянно усиливающейся деятельности; не давая им упражнения, вы непременно будете иметь слабые мускулы и слабую волю (К. Д. Ушинский). Большая воля — это не только умение чего-то пожелать и добиться, но умение заставить себя и отказаться от чего-то, когда это нужно. Воля — это не просто желание и его удовлетворение, а это и желание и остановка, и желание и отказ (А. С. Макаренко). Нет ничего выше сильной и разумной воли, направленной к высоким целям (К. Э. Циолковский).

О. Платонов

В русских представлениях и обрядах мотив воли выступает чаще всего применительно к девушке и невесте и связывается с личной свободой — выбором судьбы (доли), брачным выбором. Помимо этого воля для девушки — это жизнь с родителями, в противоположность жизни под властью мужа, и свобода от брач-

ных уз, т. е. девичество, свободная девичья жизнь до брака. Неограниченная воля как личная свобода человека часто оценивается негативно. Говорят: «Своя воля страшнее неволи», «Воля губит, неволя изводит», «Боле воли — хуже доля».

В различных фольклорных текстах воля сочетается или сближается по смыслу с понятием доли, судьбы, участи. Ср. поговорки: «Своя воля, своя и доля», «Ваша воля — наша доля», «Наша доля — Божья воля», «Волька моя, волюшка, горькая долюшка». Мотив воли в похоронных причитаниях связан с волеизъявлением, пожеланием умершего, напр.: «Прилетай ко мне хоть кукушечкой, прокукуй мне свою волюшку».

Значение воли как свободы брачного выбора, желания или нежелания выйти замуж выступает в свадебных и лирических песнях.

Воля была связана со свободной девичьей жизнью до брака. «Куда мне девать волю вольную/Да мое честно девичество», — причитала невеста. Самовольный выход девушки замуж без согласия родителей расценивался как «снятие воли» дочерью. Воля в девичестве противопоставляется неволе в замужестве: «Девки у голуба пытали:/ — Скажи, голубь, скажи, сизый,/Кому воля, кому нет./ — Девкам воля, бабам — нет»; «Обневолили родители/Вольну волюшку в неволюшку», «Чаму жоначку не б'еш,/Нашто волю даеш?». Замужество невесты воспринималось как переход или продажа в неволю (о невесте говорили: «из воли выходит в неволю»), лишение воли (разлучение с ней, отнимание, срывание, разорение, снятие ее, оставление подругам, отдача жениху, потеря), пропивание ее («Да пропивают мою волюшку/Да на чужу-то на сторонушку»).

В свадебном обряде были известны ритуальные действия, направленные на обладание волей — властью одного из супругов над другим. Так, жених старался сесть на край шубы невесты, чтобы «волю ее прижать». Невеста вылила ему на ноги воду, которой она умывалась, приговаривая: «Твоя вода, а мне взять с тебя волю!» (т. е. тебе вода, а мне взамен дашь волю). По пути от венчания невеста спрашивала жениха, чье поле они проезжают, и, получив ответ «поле наше», тихо говорила: «Поле-то ваше, да воля-то будет наша».

Мотив воли как свободной девичьей жизни до брака приобретал наиболее разнообразные формы в свадебном обряде и свадебном фольклоре западной зоны Русского Севера, где он взаимодействовал в смысловом отношении с аналогичным мотивом «девичьей красоты». Оба они выступали в качестве символа девичества. Образ «воли вольной» может соотноситься с растительным миром: волю сеют, зарывают под яблоней, отпускают в поле, в осинник, она заблудилась в темных лесах, в частой траве, загуляла в чистых полях, в саду, в винограде, в шелковой траве, она садится на березу, а девушки ломают волю, когда делают венки. Невеста отдавала волю «к красну солнышку в беседушку, к светлу месяцу на думушку, к зорям на свиданьице», «к звездам на поминаньице, ко лунам на потешаньице». Воля разделялась зооморфными свойствами: ее запрягали, она бежала лисицей, куницей, имела крылья, улетала от невесты птицей, садилась утушкой на заводи, плавала рыбкой в озере, а жених ее вылавливал; во время мытья невесты в бане она принимала облик угля, огня, серой уточки, горноста, белой лебеди. Воля представляла также красной девушкой, рыдала, сердилась, кланялась, молилась в церкви, венчалась. Однако повсеместно наиболее устойчива в поэтических текстах связь воли

с головой и волосами на голове, чаще всего с косой: «пропивайте мою волюшку со моей буйной головушки», «моя волюшка с головушки скатилась», «покроют головушку, снимут с меня волюшку», «паколь волюшка твоя, не расплетена коса» и т. п.

«Воля» в севернорусском свадебном обряде — это следующие атрибуты невесты: ее коса; лента в косе; бант или лента на голове; головной убор в виде широкой ленты; повязка, перевязка; волосник; небольшой повойник; круглый головной убор, украшенный бусами; корона; кокошник. «Волей» может быть и елочка, обычно украшенная лентами, — также атрибут невесты и символ девичества. Эти предметы использовались в обряде прощания невесты с девичеством, который назывался «отдавать, сдавать, отнимать, отпускать, снимать, жечь или гасить волю». Невесте расплетали косу, нередко силой вырывали ее из рук (часто это делал ее брат), выплетали ленту из косы, срывали бант с головы, отнимали и раздавали выплетенные ленты, сама невеста снимала и отдавала ленту брату или подругам, снимала с головы перевязку и дарила сестре или подруге. Когда топили баню для невесты, разводили костер — «жгли волю невесты». Во время «просватанья» невеста подходила к иконам и гасила свечку — добровольно «гасила волю». Ритуал прощания с волей сопровождался причитаниями, в которых невеста оплакивала девичество. Это причитание также называлось «волей». Олицетворением воли могла быть и девушка. На девичнике невеста выбирала из подруг «волю», угощала ее, одаривала полотенцем, сажала за стол и «причитала» ей, а «воля» ей «отпричитывала». Наконец, воля могла обозначать еще и девственность, невинность, девичью честь, напр. девушке наказывают: «Воли не теряй, ты девушка».

А. Гура
ВОРОБЕЙ, птица, которой в народных представлениях присуща брачная символика, символика ловкости и проворства и мотив воровства. В обрядовой практике известны разнообразные обереги посевов, которым воробьи наносят вред. Согласно народным легендам, воробей своим чириканьем выдал Христа преследователям, приносил гвозди для распятия и язвительно чирикал: «терпи, терпи!» или «жив-жив!», призывая продолжать мучить распятого Христа. За это Господь проклял воробья и запретил употреблять его мясо в пищу, а истреблять воробья с тех пор не считалось грехом. В наказание воробей стал серым и маленьким и имеет на лапках невидимые путы или оковы, отчего он не ходит, а скачет. Согласно другой легенде, птицы заковали ему лапки в кандалы за воровство или связали их в наказание за провинность во время выборов птичьего царя. Облик воробья (так же как и ворона, вороны, грача, галки, сороки) может принимать злой дух, приносящий своему хозяину деньги. С воробьем связаны плохие приметы: пролетевший с чириканьем над головой путника воробей сулит неудачу, влетевший в окно — большую беду или покойника.

В западной части Белоруссии и Малороссии существовал обычай под Новый год ловить, печь и варить воробьев. В некоторых местах воробьев бросали живыми в печь, грозили припечь воробью клюв. Делали это с разной целью, чаще всего для того, чтобы летом воробьи не ели в поле жита, конопли и т. п. Девушки под Новый год гадали о замужестве, бросая воробья в печь: если он вылетит из огня, то и девушка «вылетит» из хаты. Чтобы поймать воробья, нужно знать такую минуту в новогоднюю ночь, когда воробьи глухи и сле-

пы, а узнать ее можно, если тайком подслушать разговор скота в эту ночь, зарывшись в хлевном навозе.

В Полесье существовал святочный обычай «гонять воробухы»: во время ужина все члены семьи закрывали глаза, а кто-нибудь один ударял ложкой по лбу одного из сидящих и тот должен был угадать, кто его ударил. Делалось это для того, чтобы летом воробьи не объедали ячменя. На западе Малороссии и Белоруссии под Новый год воробьев сжигали или сушили в печи и толкли, а весной их пепел или порошок смешивали с зерном и использовали при первом севе, чтобы обезопасить посевы от воробьев.

В Полесье щедровальники во время обхода домов пускали в хату воробьев, грозя припечь, отрезать или отрубить им клюв, чтобы летом воробьи не ели у хозяев проса. Чтобы воробьи не видели, не заметили посевов, не слышали и не знали о них, в *Рождество* воробьев называли «слепцами», топили печи до зари, чтобы воробьи не видели дыма, сеяли молча, до рассвета или после захода солнца, обегали голыми грядки подсолнухов с хлебом, который случайно забыли вынуть из печи, сеяли, держа зерна во рту, в Страстную («Тихую») пятницу. Умирению воробьев способствовали предметы, бывшие в контакте с мертвыми: окуривали поле стружками из старого гроба, при севе добавляли в семена песок или землю с могилы и т. д. С той же целью под Новый год девушки объезжали верхом на метле вокруг своей усадьбы; в рождественский *Сочельник* клали для воробьев первую ложку крупы (каши) на углы дома и т. д.

У малороссов существовали поверья о том, что в одну из летних ночей воробьи исчезают с полей и летают в то место, где *черт*, злой дух или «горобьевый» (старший над воробьями) меряет их всех огромной меркой. Воробьев, переполняющих мерку, он смахивает с ее краев и отпускает на размножение, а оставшихся в мерке оставляет себе, ссыпает чертям в пекло или убивает. См. также: Воробьиная ночь.

В фольклоре воробей наделяется мужской символикой. В загадках он предстает как «маленький мальчишка в сером армячишке». В сказках известен мотив обращения мужа в воробья. В весенних и особенно в святочных *хороводах* воробей предстает в виде удалого гуляки, молодца, выбирающего себе девушку, молодожена, любовника, соблазнителя чужой жены. «Подблюдная» песня о воробье предвещает девушке замужество: «Сидит воробей на перегородке, / Как глядит воробей на чужую сторону, / Куда погляжу, туды полечу». Любовно-брачный мотив ловли воробушков встречается в свадебных величаниях. В свадебных песнях жених уподобляется воробью. В шуточных песнях популярен мотив женитьбы воробья на галке, сове, бабе и т. д. Брачная символика воробья представлена в приметах и гаданиях: если воробей устроит себе гнездо на новой хате, девушка из нее вскоре выйдет замуж; в девичьих гаданиях прилет воробья предвещал девушке молодого жениха.

Лит.: Тульцева Л. А. Символика воробья в обрядах и обрядовом фольклоре (в связи с вопросом о культе птиц в аграрном календаре) // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982; Гура А. В. Воробей испечен // Philologia slavica: К 70-летию академика Н. И. Толстого. М., 1993.

А. Гура
ВОРОБЬИНАЯ НОЧЬ, рябиновая ночь — ночь с сильной грозой или зарницами; время разгула *нечистой силы*. Выражения известны в русском, малороссийском и белорусском литературных языках и диалектах.

Оба названия, вероятно, восходят к единой праформе «рябиная ночь», зафиксированной в древнерусском языке начиная с XV в. Значение древнерусского «рябины» связано со значением «рябой». Для южнорусских областей и Малороссии основными являются варианты с прилагательными, имеющими значение «воробьиный»; для восточнорусских, белоруско-полесских и западнорусских территорий — прилагательные со значением «рябиновый».

Упоминание о воробьиной ночи впервые встречается в Тверской летописи при описании битвы между дружинами Ярослава Мудрого и его брата Мстислава (1024). Здесь говорится: «И бывши ноши рябиной, бысть тма и гром бываше и молния и дождь... И бысть сеча зла и страшна, яко посветяше моления, тако блещашеся оружие их, и еликоже молния осветяше, толико мечи ведяху, и тако друг друга секаше, и бе гроза велика и сеча силна». В Белоруссии «рябиновая ночь» осмыслилась одновременно и как время разгула нечисти, и как время, когда буря и удары молнии уничтожают «чаровников» и нечистую силу. По-видимому, и в Древней Руси с «рябиной ночью» связывалось представление о своеобразной небесной битве.

Поверья о воробьиной ночи во многих случаях основывались на народной этимологии. Напр., на Киевщине «воробьиной» называли ночь на 1 сент., когда «черт меряет воробьев» (см.: Воробей). Выражение «рябиновая ночь», как правило, связывается с образом *рябины*. Эта связь может отражать фенологические наблюдения (считается, в частности, что «рябиновые ночи» бывают, когда рябина цветет и когда созревают ее ягоды) или основываться на ассоциациях между рябиной и цветом неба во время грозы.

Представления о количестве и сроках воробьиной ночи обусловлены по большей части реальными наблюдениями над природой, однако и последние тесно переплетаются с народными поверьями. В частности, кое-где считалось, что в году обязательно бывает одна или три воробьиных ночи или же что воробьиная ночь бывает раз в шесть или семь лет. На Житомирщине и Киевщине воробьиная ночь ассоциировалась, как правило, с одной из июньских ночей накануне Ивана Купалы (см.: Иванов день) или Петра (см.: Петров день), причем здесь же бытовало поверье, что в это время цветет *папоротник*; в ряде киевских и житомирских описаний просто указывается, что воробьиная ночь — это время, когда цветет папоротник (без конкретной календарной привязки).

Лит.: Агапкина Т. А., Топорков А. Л. Воробьиная (рябиновая) ночь в языке и поверьях восточных славян // Славянский и балканский фольклор. М., 1989.

А. Топорков
ВОРОЖБА, предсказание будущего, *гадание* с целью указания на место украденной вещи, пропавшего человека, а также «приворот», «отворот», «присушивание» любимого и нелюбимого. Деятельность эта у русских считалась формой колдовства и осуждалась. Ворожеи, занимавшиеся этой деятельностью профессионально, пользовались дурной славой.

ВОРОН, в представлении русских людей нечистая и зловредная птица, имеющая дьявольскую природу. Черный цвет ворона задуман самим *чертом*. В образе ворона черти летают ночью по дворам и совершают разные пакости. Души злых людей русские представляли в виде черных воронов.

Вместе с тем, по русским поверьям, ворон — вещая птица, живет до 300 лет, владеет тайнами, предсказы-

вает *смерть*, нападение врагов, дает советы былинным героям, указывает место, где зарыт *клад*, приносит родителям весть о гибели сына.

«Всякому б ворону каркать на свою голову!» — говорили русские люди. «Старый ворон мимо не каркнет!» — считали они. По народным приметам считалось, что на церкви ворон каркает к покойнику на селе, на избе — к покойнику во дворе. Даже если пролетит через какой двор эта черная зловещая птица, — не быть там добру. В глазах русских ворон являлся олицетворением всего недоброго-злого. «Налетели черны вороны!» — говорили про обуявшие человека беды-напасти. «Ты не ворон! Что каркаешь — беду накликаешь?!» «Ворон ворону глаз не выклюет!»

Сродни ворону зловещему *ворона*. Но эта птица считалась не того разбора. Если она и каркает, то вся беда от этого, по народному представлению, не пойдет дальше ненастной погоды. «Ворон каркает к несчастью, ворона — к несчастью!» — говорили русские люди. «Ворон — волшебник, ворона — карга!» Вороной в переносном смысле слова звали каждого нерасторопного человека. Это то же, что рохля, разиня, зевака. «Проворонить» — значит: прозевать, пропустить мимо рук. «Ну, начал наш Иван ворон считать!» — говорили о недальновидных людях; «Метил в ворону, а попал в корову!»

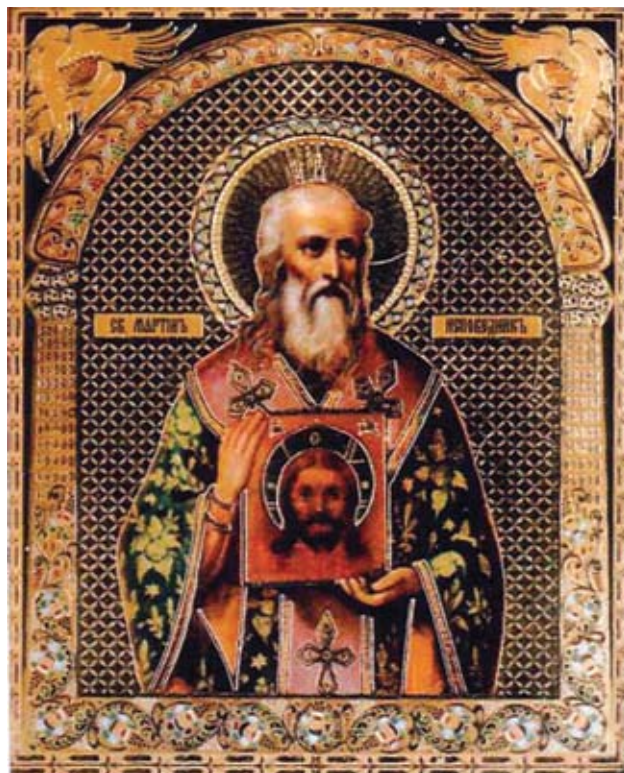
О воронах также говорили: «Пугана ворона и куста боится!», «Ворона сове не оборона!», «Вороне соколом не бывать!», «Наряди ворону в павлиньи перья, все каргой останется!», «Ворона прямо летает, да все без толку!», «Где вороне ни летать, а все навоз клевать!», «Одна ворона и за море летала, а все той же каргой вернулась!», «Ни живать вороне в высоких хоромах!», «На что вороне большие разговоры, знает она одно свое к р а!» и т. д. Крестьяне считали, если каркнет воронья стая летом — быть дождю, зимой — морозу. Играть примутся на лету вороны-карги — жди ведра. По «воронограю» (крику воронов и ворон) предсказывали не только погоду, но и изменения в жизни и судьбе.

Лит.: Гуря А. В. Ворон, ворона // Славяноведение. 1993, № 6; Сумцов Н. Ф. Ворон в народной словесности // Этнографическое обозрение. 1990. Кн. 4, № 1.

ВОРОНЕЦ, широкий брус под потолком крестьянской избы (см.: Дом, Жилище). В избе 2 воронца, расположенных под прямым углом: одним концом оба врезаны в печной столб, второй конец одного бруса (пирожного) врезан в переднюю стену избы, а другого (полатного) — в боковую стену. На полатный брус опирались *полати*, на пирожный или чуланый воронец после выпечки клались для остывания хлеба и пироги, вынутые из печи, а иногда он служил для укрепления переборки, отделявшей *бабий кут* от остального пространства избы.

ВОРОНИЙ ПРАЗДНИК (Мартын Лисогон), народное название дня св. Мартина, Папы Римского (765), 14/27 апр. Этот день на Руси считали праздником *воронов*, которые, по мнению крестьян, были опасными птицами, связанными с нечистым. Чтобы задобрить *ворона*, в этот день для него варили кашу. Накладывали ее на сковородку, выносили в огород и переворачивали сковородку вверх дном, чтобы внимание *ворона* привлечь сверкающим, до блеска начищенным дном. Потом сковородку убирали, а *ворон* склевывал кашу.

Считалось, что прикормленный таким образом ворон оберегает хозяйство, к цыплятам лисиц да коршун не подпускает. А случится какая беда, так и весть

Мартин Исповедник. Икона

подаст: кружится над двором и криком своим хозяина предупреждает. В старину считалось, что поселившаяся вблизи дома пара воронов приносит семейное счастье. Если *ворона* можно было приручить, то лису невозможно. Хитрая лиса всегда найдет ход-выход, чтобы воровать во дворе кур. Крестьяне верили, что только св. Мартын может помочь крестьянскому хозяйству и обереечь его от лисьих набегов, потому и прозвали его Лисогоном, что в этот день он лисиц гоняет. По народному поверью, в этот день лисы переселяются из старых нор в новые, и поскольку при этом «куриная слепота на них нападает», они становятся легкой добычей охотников.

ВОРОТА, в народных представлениях символ границы между своим, освоенным пространством и чужим, внешним миром (см. также: Окно, Порог). Как элемент материальной культуры и обрядности ворота особенно значимы в русской традиции (ср. архитектуру, резьбу и др. украшения ворот у русских).

Б. Кустодиев. Улица. Ворота дома Кабановых. Эскиз декорации к драме А. Н. Островского «Гроза». 1918 г.

К. Юон. Варварские ворота. 1944 г.

Открытие — закрывание ворот символизировало акт контакта с внешним миром. Ворота — опасное место, где обитала *нечистая сила*. На воротах могли сидеть злые духи, поджидающие младенцев, которых несли из церкви после крещения. Чтобы их обмануть, ребенка передавали, минуя ворота, через окно или через забор. Участники *свадьбы* также остерегались проходить через ворота, а перелезали через забор или проламывали новый проход в ограде.

Ворота — объект почитания и защиты. Владимирские крестьяне вывешивали на воротах (как и на *амбарах*, на *колодце*) образа; утром, выйдя из дома, они молились сначала на церковь, потом на солнышко, а затем на ворота и на все четыре стороны. К воротам прикрепляли сретенскую или венчальную свечу, втыкали в них зубья бороны или вешали косу, затыкали в щели ворот колючие растения — от *ведьм*. На Богоявление на воротах чертили кресты для защиты от не-

чистой силы. Особенно оберегали ворота и тем самым дом в дни, когда активизировалась нечистая сила. В Полесье накануне Ивана Купалы (см.: Иванов день) в щели ворот затыкали крапиву, чтобы ведьма не пролезла во двор.

В воротах совершались различные магические действия. В обряде первого выгона скота хозяйка обходила скотину во дворе с иконой св. *Георгия*, а затем оставляла ее на воротах на целый день. В ворота клали *пояс*, освященные яйца, топор, сковородник, *ухват*, *замок* и через эти предметы перегоняли скот.

В Карпатах пастухи клали в ворота овечьего загона цепь, которой на *Рождество* были обвязаны ножки стола, и прогоняли через нее стадо. В Полесье на ворота ставили девочку-подростка, которая широко

расставляла ноги, и под ними прогоняли скотину.

В воротах также рубили колядный *веник* (обряд, совершаемый для того, чтобы избежать наказания за нарушение запретов на работу во время *Святок*); по разостланной в воротах скатерти ввозили во двор первый воз сжатого хлеба; в воротах разжигали костры в *Великий четверг*, на *Пасху*, в *Юрьев день*, на свадьбу и в др. праздники.

В свадебном обряде ворота — преграда на пути участников свадьбы: перед сватами или молодыми запирали ворота и требовали выкупа. В погребальном

Золотые ворота в Киеве. XI век

Золотые ворота. Владимир. 1158—1164 гг.

Фото Д.В. Милеева. Село Подмонастырское, Тарногский район Вологодской области. Ограда и «водяные» ворота Маркушевского монастыря, основанного в 1576 г.

Музей села Коломенского. Ворота XVII в. из Николо-Резванского монастыря близ г. Калуги. Фото МСК

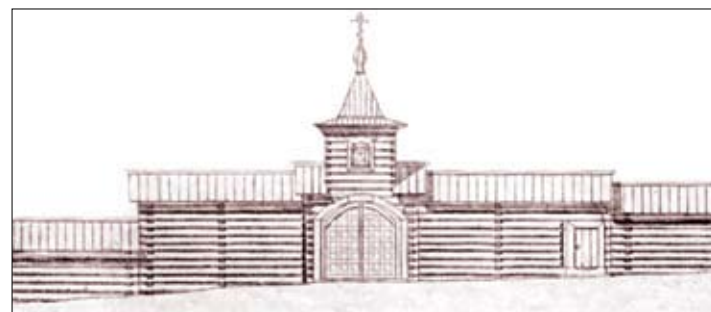
Деревня Опалиха, Чкаловский район Нижегородской обл. Ворота избы 1849 г. Из материалов М.П. Званцева

Село Осиново, Виноградовский район Архангельской области. Ворота ограды погоста. Фото В.М. Владимирова. МАА

Гор. Гороховец, Ивановская область. Ворота дома Сапожникова. Фото проф. Н.Н. Соболева

Село Подмонастырское. Ограда и «водяные» ворота бывш. Маркушевского монастыря. Обмер арх. Л.Р. Сологуба. Музей ВАХ

Село Подмонастырское. Рубленая ограда и «святые» ворота бывш. Маркушевского монастыря. Обмер арх. Д.В. Милеева. Музей ВАХ

обряде у малороссов после выноса тела обвязывали ворота красным поясом или рушником, чтобы вслед за умершим «не пішла з двора худоба». Неотъемлемой частью представлений о загробном мире являлся образ «врат ада», охраняемых змеем, архангелом Михаилом, Николой и др., и «врат рая», возле которых стоят свв. Петр и Павел. Особые поверья и ритуалы были связаны с кладбищенскими воротами. Часто считалось, что душа последнего умершего жителя села сидит на воротах кладбища в ожидании следующего покойника.

Ворота служили местом *гаданий*. В Малороссии на Святки девушки выбегали ночью из дома, влезали на ворота и «окликали долю», пытаясь по отзвукам угадать свою судьбу. Через ворота перекидывали обувь, и когда она падала, по направлению носка определяли, откуда ждать сватов; стоя в воротах, загадывали, кто пройдет мимо: появление мужчины сулило скорое замужество.

На некоторые праздники в ворота кидали палками и камнями, разбивали о ворота горшки, колотили по воротам, чтобы шумом отпугнуть злые силы. В ворота били, приглашая в *Сочельник* на кутью *мороз* и др. стихии. Во время обрядовых игр молодежи ворота снимали с петель, забрасывали на крышу, дерево, кидали в реку и т. п. Иногда ворота похищали у соседей и бросали в реку, чтобы вызвать дождь.

На *Троицу* были приняты строить ворота из веток и зелени. Под такими воротами «кумились» девушки. На свадьбе под зелеными арками-воротами проходили молодые и все участники *свадебного поезда*, чтобы защититься от *порчи*. В Центральной России ворота из досок и бревен строили за селом при падеже скота. Их обвешивали *полотенцами*, рыли под ними ров и прогоняли по нему животных. **Л. Виноградова, С. Толстая ВОСК**, вещество, которому приписывались свойства *оберега*; широко используется в народной медицине, магии и *гаданиях*. Издревле известно литье растопленного воска в воду для распознавания болезни, местонахождения преступника, в гаданиях о жизни и *смерти*, о замужестве и т. п. В русских обычаях воск использовался гл. обр. как «святое» вещество, противостоящее дьявольским силам, во многом благодаря тому, что из него изготавливали церковные свечи.

Применение воска в качестве оберега обнаруживается в самых различных областях деятельности человека: для удачной охоты им покрывали пули; защищая *клад*, зарывали деньги вместе с восковым крестом; зашивали воск в одежду, чтобы уберечь пчел от *ведьмы*, и т. д. Воском залепляли и отверстия (в стволе дерева, в роге животного), куда предварительно помещали иные вещества и предметы-обереги: ртуть, масло, ладан и проч. В Олонецкой губ. при первом выгоне скота использовали чашечки из воска: в них собирали шерстинки от каждой коровы, после чего прятали в потайное место и произносили *заговор* от *порчи* и потерь в стаде. Чтобы воспрепятствовать превращению умершего в «ходячего» покойника или вампира, поляки облепляли шею усопшего пятью шариками из воска, малороссы клали на грудь покойному восковой крестик, а в руку вставляли свечу.

В народной медицине и профилактической магии известны амулеты из воска. В Малороссии восковые шарики из свечи, освященной в Страстной четверг, носили как ожерелье от лихорадки. У белорусов существовали амулеты из воска в виде тех частей тела, которые предполагалось защитить от болезни.

При определении причины болезни *знахари* выливали расплавленный воск в воду, а для исцеления производили различные манипуляции над полученными фигурами из воска. Когда при лечении болезни лили растопленный воск, то говорили заклинание, напр.: «Как топится воск, так пусть «растопится» болезнь». Считалось также, что болезнь или порча «выливаются» вместе с воском, недаром на Житомирщине этот способ народного целительства назывался «выливать воск».

Гораздо реже воск использовался во вредоносной магии. В Галиции девушки, желая привлечь к себе парня или отомстить ему, бросали в огонь закатанные в воск нитки из его одежды; эти действия сопровождались заговором, в котором сердце юноши уподоблялось тающему воску. У русских известны заговоры «на воск» с целью ослабления мужской половой потенции.

Широко были распространены гадания с воском. Предполагалось, что воск как «святое» вещество может рассказать правду о будущем. В шарик из воска закатывали волосы младенца, если при крещении такой шарик тонул в купели, считалось, что ребенок умрет. На *Святки* особенно были распространены девичьи гадания с воском. Предсказания обычно делались, исходя из очертаний застывшего в воде горячего воска.

Лит.: Снегирев И. М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. М., 1837. Вып. 1; *Сергпутовский А. К.* Бортничество в Белоруссии // Материалы по этнографии России. Пг., 1914. Т. 2.

А. Плотнокова

ВОСПРИЕМНИКИ, 1) мужчины и женщины, которые при обряде *крещения* в Православной церкви ручаются за веру крещаемого, наставляют его в вере и благодетии, в случае необходимости должны принять крестника на свое попечение (т. н. крестные родители); восприемники должны быть совершеннолетними и православными; 2) лица, иначе называемые поручители, присутствовавшие при совершении *брака*, ручавшиеся за жениха и невесту, что к вступлению их в брак нет никаких препятствий и соблюдены все правила. При *обручении* меняли кольца жениха и невесты, при *венчании* держали венцы над их головами; 3) монашествующие, при пострижении кого-либо в монахи исполняющие те же обязанности, что и восприемники при крещении.

ВОСТОК — ЗАПАД, страны света, связанные с суточным появлением и исчезновением солнца и сменой дня и ночи. Восток и запад (восточный — западный) входят в ряд др. оппозиций типа: «верх — низ, правый — левый, мужской — женский, хороший — плохой» и т. д. Соотношение «хороший» — «плохой» определяет смысловую символику востока — святость, праведность, справедливость, благополучие и изобилие, жизнённость, изначальность и запада — нечистота, неправедность, бедствие, смертность, завершенность.

По представлениям русских, восток был жилищем Бога, запад — сатаны, поэтому на восток следовало обращаться с молитвой (архангел); при создании Вселенной «Господь сотворил сатану, дал ему ангелов и отпустил их в западную сторону» (вологод.). Русские гадали по первому грому о будущем урожае: в Сибири полагали, что гром на востоке предвещает «ядреные и густые хлеба», на юге — средние, а на западе — неурожай (енисей).

В ряде ритуалов и верований движение, действие или течение, направленное с востока и идущее на за-

пад, воспринималось как положительное, а в обратном направлении — как отрицательное. Так, крестьяне-нижегородцы считали, что пить воду из ключа, текущего с востока на запад, полезно, а из ключа или ручья, текущего с запада на восток, пить нельзя. При этом восток нередко связывался с понятием начала, а запад — конца. С востока начинаются многие обрядовые, а также основные земледельческие и хозяйственные действия. К востоку обращены молящиеся, алтари храмов, красные углы многих изб.

Н. Толстой
ВОЦЕРКОВЛЕНИЕ, приобщение к жизни Церкви. Для подавляющего большинства русских оно начиналось с крещения в младенчестве. Церковь освящала весь жизненный цикл человека. Основой воцерковления служило религиозное посещение храма — с раннего детства до последних дней в старости.

В программе *Тенишевского этнографического бюро* (1890-е) был вопрос о посещении крестьянами церкви. На него откликнулись почти все, кто писал в бюро из разных концов страны. Крестьянин Ф. Ф. Шутов из деревни Песьи-Веретьы на Вологодчине (Вельский у.) сообщил, что в праздник его односельчане встают в пять часов утра и отправляются в церковь — на утреню и обедню. Церковь была в трех верстах от деревни. Одевались все празднично, несмотря на ранний час.

Посещение церкви в воскресенье и праздники отметили все корреспонденты. В будни же обычно ходили лишь те, кто заказал обедню по конкретному поводу: кончина близкого человека, девятый, двадцатый

Союз Христа и Церкви («Песнь Песней»). Фреска северной паперти церкви Ильи Пророка. Ярославль

Царь Царем. Икона. XVIII в. ГМИР

и сороковой день, сорокоуст. Либо же в *Великий пост*, когда служили в среду, пятницу и субботу. В это время ходили преимущественно те, кто говел, т. е. готовился к причастию.

Чаще посещали церковь зимой и осенью, когда крестьяне были свободнее от хозяйственных работ. Летом ходили мало. Если храм был далеко, то посещения прерывались на время снежных заносов и распутицы. Из самых отдаленных от церкви деревень, связанных с селом плохими дорогами (через болота, например), ездили или ходили туда лишь на самые большие праздники — *Пасху*, *Троицу*, *Рождество*, а также на *храмовые* и *заветные* (обетные). Последние праздники были связаны с обетом, данным отдельным человеком или целой деревней по случаю счастливого избавления от болезни, стихийного бедствия или иноземного нашествия.

Корреспондент из с. Петушково Карачаевского у. Орловской губ., сообщивший, что в церковь у них ходят очень часто, подметил такое различие: на основные праздники «в церкви более бывают мужики, а по воскресеньям — более бабы и подростки». В оценке большего в целом количества посещений мужчинами или женщинами информаторы расходились. П. Каманин из с. Домнино Меленковского у. Владимирской губ. считал, что в церковь вообще больше ходят женщины. Ему вторил корреспондент из Лозичской вол. Боровичского у. (Новгородчина), утверждавший, что женщин в церкви всегда бывает больше, чем мужчин, что они вообще ревностнее относятся к вере, носят туда детей, поминают усопших. А Е. И. Иванов — учитель земской школы из с. Георгиевского Белозерского у. Новгородской губ. — утверждал противоположное: «мужчины обыкновенно ходят в церковь чаще, нежели женщины».

В материалах, поступивших из Боровичского у., утверждалось, что крестьяне к церкви относятся с

А. Я. Поспелов (?). Воскресение. Ок. 1739 г. Икона местного ряда главного иконостаса Сампсониевского собора. ГМПИС

благоговением, называют ее Божиим домом. Проходя мимо церкви, обычно останавливаются, снимают шапку и крестятся, нередко молятся при этом. То же делают, проходя мимо часовни. Слыша церковный звон вне церкви, осеняли себя крестным знаменем. Таким образом храм воздействовал и на религиозное поведение вне его стен, призывая вспомнить о Боге среди повседневных забот.

Идя в церковь на службу, все крестились и кланялись перед входом, затем снова, войдя в храм. «Некоторые старики, войдя в церковь, сначала кланялись на иконостас, а затем направо и налево присутствующим,

те отвечают им тем же». Мужчины становились в церкви справа, а женщины — слева. Некоторые из прихожан прислуживали на богослужении.

Все сообщения сходились в том, что в церкви ведут себя «чинно», «степенно», «благопристойно». «Не было случая, чтобы кто-либо пришел в церковь нетрезвым», — писали из деревни Рыбково Дорогобужского у. Смоленской губ. «Набожность выражается в усердии ко храму Божию». Здешний народ любит часто ходить в церковь для молитвы и непременно бывает у службы по воскресеньям и праздникам; не приходят только отсутствующие из селения и больные. Приходя

Троица Новозаветная. 1698. ЦМиАР

в церковь, всегда ставят свечи многим святым иконам, и это же делают у себя дома, когда молятся; так, например, поутру или ввечеру затепливают перед домашними иконами свечу или две, или лампаду с деревянным маслом, а в праздник перед каждою иконою ставят по свече. На дому и особенно в храмах Божиих молятся усердно и с благоговением, стоят в церкви с благоговением; часто служат молебны Спасителю, Божией Матери и многим угодникам, которых часто призывают на помощь» — так рассказывалось о набожности крестьян Пошехонского у. Ярославской губ. в описании, присланном в Географическое общество.

Не только старшие в семье следили, чтобы молодежь не пропускала особенно важные богослужения, но и вся община наблюдала за этим. Соседи выговаривали матери, если сын был «ленив ходить к обедне».

Современная исследовательница духовной жизни сибирского и уральского населения XVIII–XIX вв. Н. А. Миненко на разнообразном материале источников пришла к выводу, что «понятие праведной жизни и у крестьян, и у горожан, и у горнозаводского люда Урала и Алтая включало усердное посещение церкви (хотя бы по праздникам, если церковь отстояла далеко

от селения), слушание слова Божия, активное участие в жизни прихода».

Все, что делается для храма, — угодно Богу. Такая точка зрения, присущая всем верующим, исключала пренебрежительное отношение к каким-либо видам работ в храме или для храма. В храме и мытье пола свято (прп. *Серафим Саровский*).

Из Дорогобужского у. Смоленской губ. сообщали в Тенишевское бюро, что крестьяне с любовью относятся к своей церкви, заботятся о ее благолепии. Постоянное участие прихожан в расходах храма выражалось не только в подаче копеек на тарелку, с которой церковный староста обходил молящихся. Община отапливала церковь; нанимала двух сторожей; добровольцы подвозили строительные материалы и т. п.

В с. Георгиевском одноименной волости Белозерского у. Новгородской губ. каждый домохозяин ежегодно что-либо жертвовал на храм: хлебом, холстом, льном, овечьей шерстью, полотенцами. Из Череповецкого у. этой же губернии писали, что крестьяне охотно собирают на нужды церкви, и отмечали крупные пожертвования отдельных крестьян на иконостас.

Горячая заинтересованность рядовых мирян в том, чтобы у них был свой храм, проявлялась в строительстве церквей на средства крестьянских семей и

сельских общин, а также в прошениях о создании отдельных новых приходов либо сохранении самостоятельного прихода (когда начальство хотело его слить с другим).

Специально исследовавшая этот вопрос по архивным материалам Каргопольского у. Г. Н. Мелехова пишет: «И в XIX в. все церкви создавались почти исключительно на собственные средства крестьян, но по разрешению епархиального начальства. Сразу после пожара (а они все еще случались нередко) начинались хлопоты о строительстве новой церкви: собирався сход, на котором принималось прошение за подписями всех или большинства домохозяев прихода. Таких прошений, написанных в разные годы, сохранилось множество». Отношение к строительству храма явно проявлялось в том, что многие (а иногда и все) работы крестьяне выполняли сами, «безмездно»: заготовку и вывозку к месту строительства камня для фундамента, бревен, осинника на лемех и пр. Если храм строился кирпичный, то и кирпич нередко делали сами. Вот как рассказал о возобновлении в 1908 храма свт. Николая в с. Тихманга (Каргопольский у.) местный житель: «Стройка, можно сказать, была народной. Все население волости принимало в ней участие. Сдавали свои ценности, деньги. На лошадях

возили из лесу бревна, добывали глину, песок, известь, изготавливали кирпич. Каждый житель обязан был сдать полагающееся количество яиц, сметаны, которые шли как компоненты для приготовления скрепляющего раствора. И все работали безвозмездно. Механизмы были самые примитивные: веревка, блок, аншпуг-рычаг». Церковь возобновили за одно лето.

Население боялось остаться без храма. Если не могли быстро построить своими силами новую церковь, то просили разрешения на перенос (перевоз) «праздного» храма из другого места; временно служили в часовне на кладбище или в приходском училище. В переписке общин с властями по поводу разрешения на строительство церквей крестьяне горячо убеждают, берут на себя новые и новые обязательства (если сверху получены возражения). Самый характер переписки свидетельствует о неформальном отношении прихожан к этому вопросу, об искренней заинтересованности населения.

К подобному же выводу пришли Л. В. Островская и Н. А. Миненко по сибирским и уральским документам XVIII—XX вв.: «Уральцы и сибиряки проявляли неустанный заботу о сооружении в их

Единокровный Сыне. Икона. 1668–1669 гг. Москва. Оружейная палата. ГТГ

селениях церквей». Автор считает, что большинство храмов возводилось на пожертвования местных жителей. И даже во 2-й пол. XIX в., когда заметнее стали антицерковные влияния на крестьянство, «готовность, с которой крестьяне-сибиряки ради строительства храма шли на всевозможные тяготы и жертвы», позволяет говорить о высокой приверженности их к церкви. Храм, выстроенный своими трудами, или на собственные средства, либо трудами и средствами отцов, становился неотъемлемой частью их существования. На это крестьяне указывали сами в своих прошениях в Консисторию: «Где отцы и деды наши украшали наш храм и погребены на том же приходском кладбище, тако же и мы желаем легчи костыми вместе с прахом наших предков». И из другого прошения (по поводу намерения перенести церковь в другую деревню): «Мы привыкли видеть ее (церковь. — М. Г.), молиться, тут крещалось и умерло уже целое поколение, и вдруг нас хотят лишить этого дорогого храма. Не давайте творить беззаконие, иначе мы все погибнем у этого святого места».

В материалах Синода, где давалось последнее заключение по прошению о строительстве церкви, и фондах консисторий всех епархий России отложилось множество дел XIX в. о вновь строящихся или возобновляемых храмах. Иногда в одном деле — в донесении владыки — концентрируются сведения о постройке многих церквей. Например, в донесении епископа Пензенского и Саратовского от 1826 речь идет о постройке церквей в нескольких слободах, селцах и деревне. Не всегда инициаторами были приходские общины; обращались за разрешением частные лица, в том числе крестьяне. Так, в 1889–93 в Омской консистории рассматривались документы о строительстве деревянной трехпрестольной церкви на каменном фундаменте в д. Низовой Малокрасноярской вол.; храм этот строили на свои средства торгующие крестьяне братья Севастьяновы.

Потоповы. Царь царем. 1698. ЦМиАР

Четкое осознание необходимости храма, заботливость в снабжении его всем нужным для богослужения, теплое отношение к благолепию, украшению церкви — все это было присуще массовому сознанию русских людей. Каждый искренне верующий человек не считал возможным для себя отказаться от участия в трудах или приношениях для храма, дабы не прогневать своим нерадением Бога. Ощущая себя грешниками, надеялись, что эти труды и эти вклады лягут на другую чашу весов Божьего суда.

Об интересе русских прихожан к проповедям в церкви и живой реакции на них существует немало свидетельств. Житель Пошехонского у. Ярославской губ. отмечал в 1854, что крестьяне хорошо понимают содержание религиозно-нравственных поучений и долго помнят их. Умение произнести понятную и важную для слушателей проповедь считалось неотъемлемым качеством хорошего батюшки. Многих священников поражала реакция простых людей — прихожан, которую они чувствовали и видели во время своей проповеди. Это свойство православных верующих России было пронесено через десятилетия безбожной власти. Митр. Вениамин (Федченков), побывавший на родине в янв.—февр. 1945 после двадцатипятилетнего перерыва, так написал об этом: «Я достаточно мог наблюдать родной народ и понять его. И скажу прямо: впечатление от народа — самое сильное, самое важное, что я увожу с собою с родины за границу. И прежде всего скажу о верующих. Боже, какая горячая вера в них!.. Я давно не молился так усердно, с такой «зрячей верой», как здесь, среди этого духоносного «дома Божия», Церкви Христовой, Тела Его... А что было, когда говорились слова живой проповеди. Какое внимание! Какая жажда духовная! А нередко — и слезы, текущие по щекам и мужчин и женщин. Горячая вера у русского православного народа».

Духовный стержень православного воцерковления составляет исполнение таинств, особенно — *причащения*. «Неисполнение таинства покаяния и причащения у не раскольников встречается сравнительно редко», — написал А. В. Балов, свидетельству которого относились преимущественно к Пошехонскому у. «В течение Великого поста все взрослые стараются хотя один раз поговеть, т. е. исповедаться и причаститься Св. Таин». Приготавливаются постом, молитвами, частым посещением церкви. Немало крестьян стремилось говеть Великим постом в монастырях: с этой целью отправлялись на *богомолье* в ближние или дальние обители. Принято было причащаться в особых случаях: во время тяжелой болезни; в день святого, чье имя дано при крещении, — именины; по особому благословению старца; перед сложными и долгими поездками; при посещении святых мест (Троице-Сергиевой и Киево-Печерской лавры, Иерусалима, Соловецкого монастыря и др.). Однако представление о том, что причащаться раз в год — достаточно, все-таки оказывало несомненное влияние на частоту причащений массы верующих в XIX в., от которых большинство духовенства не требовало, по-видимому, частых причащений или даже возражало против них. В этом отношении несомненно отрицательную роль сыграли указы Петра I 1716 и 1718 о ежегодном обязательном хождении к исповеди. Должны были раз в год составляться и представляться в Консисторию исповедные росписи по трем рубрикам: о бывших у исповеди; о небывших у исповеди и о раскольниках.

Похвала Богородицы с Акафистом. Икона. Кон. XIX в. Гуслицы (?). Из собрания М. де Буара (Елизаветина)

Н. В. Алексеева, исследовавшая вопрос об исповеди и покаянии по материалам Европейского Севера России, пришла к выводу, что «основная масса крестьян шла на исповедь в Великий пост»; более всего — в первую, Крестопоклонную и Страстную седмицы (см.: Страстная неделя). При этом многие в течение Великого поста ходили на дух (то есть на исповедь) по два раза и больше. «В остальные посты, — пишет ис-

следователь, — без особой причины исповедовались и причащались либо престарелые, либо особо благочестивые прихожане». Обязательны были исповедь и причастие перед свадьбой, в опасной болезни и перед смертью.

Свт. Феофан Затворник обстоятельно высказался об этом: «Много нас теребят по поводу частого причащения. Не смущайтесь... На Востоке христиане часто

причащаются, не в одни Великие посты, но и кроме их. Первоначально же в Церкви Христовой за всякою литургиею все причащались. На всякой литургии священнослужитель приглашает: «Со страхом Божиим и верою приступите». — Следовательно, на всякой литургии можно приступать... У нас иные говорят, что грех часто причащаться; иные толкуют, что нельзя раньше шести недель причащаться... Не обращайтесь внимания на эти толки, и причащайтесь так часто, как потребность будет, ничтоже сумняся. Старайтесь только всячески приготавливаться как должно, и приступать со страхом и трепетом, с верою, сокрушением и покаянными чувствами». Св. Феофан Затворник был епископом и хорошо знал аргументы тех, кто был против частого причащения.

Отношение русского духовенства XIX в. к частоте причащения не было однозначным. Сходную со свт. Феофаном позицию занимал, напр., иеромонах Иоанникий, орловский крестьянин по происхождению, ставший потом духовником настоятеля Святогорского Успенского монастыря. Он имел множество духовных чад в миру, которым советовал «как можно чаще готовиться и приступать к причащению Святых Христовых Таин». «Кто часто готовится, — говорил он, — тот невольно делается лучшим по внутреннему человеку, и это уже немалое приобретение. Соединение же человека со Христом, чрез причащение Святых Его Таин достигаемое, венчая наше убогое и недостаточное приготовление, делает нас и по благодати лучшими, обновляет нас, претворяет из плотских в духовных, что каждый, часто готовящийся и причащающийся Святых Таин, не замедлит увидеть и ощутить в самом себе». В ответ на доводы о неготовности или недостой-

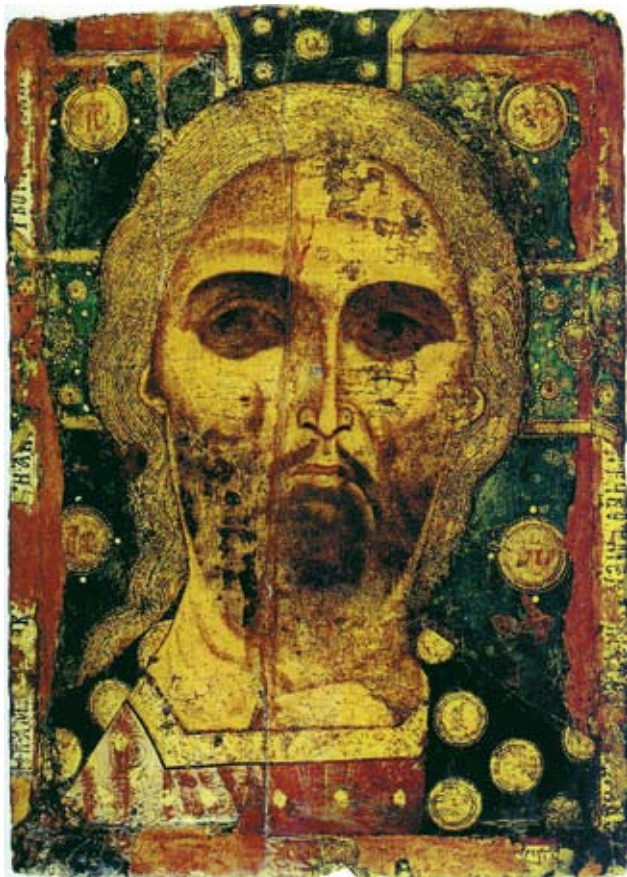
ности о. Иоанникий решительно протестовал: «Не говори мне, что ты не готов и не достоин причащаться часто: не готов, потому что ленишься приготвиться и тем делаешь угодное врагу, которому никто так не претит, как человек, часто готовящийся и приступающий к трапезе Господней, ибо таковой страшен ему и недоступен; не достоин, — но кто из нас может признать себя достойным быть причастником Тела и Крови Господа нашего? Все мы не достойны сего дара милосердия Божия; но если ради недостойнства своего будем лишать себя его, то тяжко согрешим и Бога от себя отдалим. В недостойнстве нашем, если сознаем его, каемся и жаждем в приобщении Святых Таин получить помощь свыше, и состоит достоинство к неосужденному причащению нашему Святых Таин».

Св. *Иоанн Кронштадтский* причащался ежедневно и, будучи приходским священником, а сверх того окормляя еще множество приходящих к нему из разных мест богомольцев, и других наставлял причащаться как можно чаще: «одни у него причащались ежемесячно, другие — еженедельно, а отдельные лица — каждые два-три дня; монашествующие же — ежедневно. В лице св. прав. Иоанна Кронштадтского, — пишет современный богослов о. Михаил Труханов, — мы усматриваем того, кто, по Промыслу Божию, возвращает нас к полноте христианской жизни, которой не может быть без более частого причащения, без стремления к нему. Вошедшее в обычай редкое причащение всегда сознательными христианами почиталось как упадок церковной жизни».

Некоторые священники XIX в. с тревогой связывали отрицательные явления в духовной жизни крестьян с редким причащением. Так, иерей Дмитрий Флоровский, которому Екатеринбургское духовное правление поручало в 1839 расследовать явление массового кликушества в селении Нижнем Уткинской волости, писал в рапорте, что больные «у святого Причастия два года уже не бывали; богоявленской воды при домах не имеют, и, в навечерии Богоявления Господня, почти все жители селения Нижнего для окропления домов своих и питья Оной не получают из церкви».

Государственное требование об обязательном причащении раз в год, вошедшее в «Устав о предупреждении и пресечении преступлений», имело в виду лишь официально предлагаемый минимум. Частота причащений в значительной мере зависела от установок конкретных священников. Отношение к исповеди и причастию в народе было несомненно благоговейным и органично соединялось со склонностью к покаянию. Благочестивые обычаи, связанные с причащением, были распространены у русских повсеместно, с некоторыми вариантами (см.: Прощение).

В советский период в деревнях регулярные исповеди и причастие сохранялись многими там (и до тех пор), где ближайшие церкви не были закрыты. В недавно опубликованных воспоминаниях крестьянки П. П. Молокановой (1909 года рождения) — жительницы д. Часовня (Чапаевка) Шараповской волости Звенигородского у. Московской губ., по этому поводу говорится: «Исповедовались и причащались Великим постом один раз, а старушки — на первой неделе и на последней. На Петровки, Успенским, Филипповским постами — некоторые причащались, некоторые — нет. Между постами не причащались. Если больной, то соборовались. Обычно раз в году причащались и исповедовались». Женщина, которой в 1917 было восемь лет,

Спас Златые власы. Икона. 1-я четв. XIII в. Успенский собор ГМЗМК

говорит обо всем этом, как о само собой разумеющемся. Наиболее благочестивые и после закрытия храмов в своей волости ездили причащаться в отдаленный город или в другой район.

По мере сокращения советской властью числа действующих церквей входило в религиозную практику приобщение к Святым Дарам на дому. Немногие священники решались причащать в своем или в чьем-то доме. Для этого нужна была не только смелость, готовность пострадать за веру, но и наличие благословенного епископом антиминса, на котором совершалась евхаристия. Иногда это могли быть запасные Дары, то есть освященные прежде в другом месте. Служение литургии на дому и причащение верующие так тщательно скрывали, что лишь сейчас, в самые последние годы, подобные факты выходят наружу. Они упоминаются, в частности, в воспоминаниях тех священников (и в воспоминаниях о них), которые, вернувшись из заключения, не были допущены к служению в храмах. Так, в дневнике протоиерея Симеона Афанасьева среди записей 8/21 мая 1930 читаем: «По такому примеру (речь идет о примере епископа Уфимского Вениамина. — М. Г.) я и сам еще 2 дня продолжал служить в доме Ирины, приобщать и приобщаться Святых Христовых Таин вне Сергиевской церкви по староцерковному порядку. Аминь».

В этом же дневнике под 14/27 мая 1934 (Троица) помещено подробное описание такого служения литургии на дому (в селе Сорочинском Бузулукского р-на Самарской обл.), когда участники и не стремились скрываться: «Как хорошо, как радостно во славу Божию совершается у меня служба. Какое ныне было богатое пение! Пели три хора: из своих — Настя — канонарх и Уляша, Мавруша — регент с подругой из с. Ивановка, а также три лучшие кодяковские певицы. Наше жилище к Троице побелено и убрано. Вся келья — светлая, украшена зеленью и цветами и благоухает ландышами. Святой уголок сияет золотом. Здесь помещены 4 кипарисных образа афонского письма, иконы двенадцати праздников и другие. Большой литой крест с изображением Богочеловека как бы покрывает все святыни, размещенные в строгом порядке наподобие церковного иконостаса. Рядом с этой красотой — старая лубочная картина с видом Киево-Печерской лавры — моей незабвенной духовной школы... И вот теперь я на торжественном Богослужении: в светлом облачении и камилавке, в свете множества горящих свечей, в окружении полусотни богомольцев. Мы дерзко нарушаем гражданские законы, и я не скрываю этого, ибо «слово Божие не вяжется». И далее, в связи с литургией 13/26 авг. (воскресенье, день памяти свт. Тихона Задонского) сказано: «На литургии было много жаждающих приобщиться Св. Таин».

При этом не было разрыва с официально признаваемой Церковью — ни у священника, ни у мирян, причащающихся на дому. О. Симеон пишет по этому поводу: «Мы — по благодати апостольские преемники — ныне рассеяны и разединены, «яко овцы, не имущия пастыря». Кто разрешит наши сомнения, кто утешит нас доброй надеждой в претерпеваемой нами жизни? Но прав ли я, ища наставников и старого строго-церковного порядка? Разве не очевидное дело, что мы живем в предпотопное время? И уклоняться от церкви Христовой, хотя и управляемой митрополитом Сергием, нельзя, ибо другой церкви у нас нет». Сам о. Симеон нередко причащался в эти годы в официально

«Спас на престоле». Икона. 2-я пол. XV в. НЖМЗ

признаваемых храмах, поддерживал отношения с властью Самарской епархии и, более того, получил сан протоиерея от заместителя Патриаршего местоблюстителя. Епископ Самарский Петр знал о домашних службах в Сорочинске. Подобные ситуации возникали и в других епархиях.

В наши дни отмечается неуклонный рост как числа причащающихся, так и частоты причастий каждого прихожанина в отдельности. Поражает массовость причастия в отдельные дни: на праздники; на первой, Крестопоклонной и Страстной неделях Великого поста (особенно в Великий четверг); в дни особо чтимых святых. Исповедают в таких случаях несколько священников, и причастие совершается из двух или трех, а иногда даже четырех чаш. Кроме того, много причастников бывает каждое воскресенье.

Те, кто недавно еще робко расспрашивали у прихожан, что нужно сделать, чтобы причаститься, через некоторое время оказываются в числе часто причащающихся и уже сами дают аналогичные советы. Этот процесс особенно заметен в тех храмах, где служат сильные в духовном отношении священники и где настоятель, а соответственно и весь клир, положительно относятся к частому причащению мирян. В таких приходских общинах формируется, сохраняется и расширяется определенный круг верующих, принимающих Святые Дары не только каждое воскресенье, но и чаще.

На глазах расширяется возрастной состав причащающихся. Все большее число младенцев подносят к причастию родители (часто — отцы) или бабушки. Все большее число детей всех возрастов толпится впереди очереди верующих, желающих исповедаться: малыши,

направляемые старшими, лишь подходят под благословение; а те, кому семь лет и более, — исповедуются. Иные школьники (и девочки, и мальчики) вынимают из кармана листок с пространным перечнем своих проступков, и священник, склонившись к ребенку, терпеливо беседует с ним, несмотря на обширную очередь взрослых. К детям батюшки бывают, как правило, особенно внимательны.

Заметно расширяется возрастной состав исповедников и причастников за счет притока в храмы молодежи. Юношами и девушками стали те дети, которых мало еще воцерковленные родители не очень уверенно привели впервые в храм в к. 1980-х. А рядом с ними — молодежь, остро переживающая сегодня противоречие между задачей исполнения заповеди о почитании родителей и отстраненностью от веры и церкви старшего поколения своих семей. Нередко совместно приходят к пониманию необходимости причастия пары, переживающие предбрачный период отношений. Немало и молодых семей (супруги с ребенком или несколькими детьми). Часть из них чувствует за собой непрерывную православную традицию многих поколений. У большинства православная традиция возрождается после перерыва в одном, двух, а то и трех поколениях. Им помогает выработать отношение к причастию авторитет духовного отца либо крестных.

В связи с причастием, как и во всем процессе воцерковления в современных условиях, отмечается обратное воздействие русской православной молодежи на старшее поколение: взрослые дети, уверовав, приводят своих пожилых или престарелых родителей в храм. Иногда пожилые родители, принадлежавшие ранее к верующим, но мало воцерковленным людям, под воздействием книжной православной культуры своих детей, а также проповедей священника приходят к необходимости исповеди и причастия.

М. Громыко

**ВРАТАРНИЦА
УГЛИЧСКАЯ**
(«Свеча Неугасимая
Огня Невещественного»), икона Божией Матери, святыни из женского в честь митр. Алексия Московского монастыря г. Углича, прославившаяся чудотворениями. Первое чудо произошло в 1894 (по некоторым данным — в 1872). Предание рассказывает, что в указанном году 23 июня в Углич из Петербурга приехал купец, страдавший уже много лет серьезной болезнью. Он рассказал настоятелю мужского Алексеевского монастыря о сне, в котором Богородица велела ему ехать в Углич и помолить-

Вратарница Угличская. («Свеча Неугасимая Огня Невещественного»). Икона из Успенской церкви Алексеевского монастыря. Углич

ся перед Своей иконой. Купец очень подробно описал образ Пречистой Девы, и игумен с братией быстро отыскали такую икону в монастырской кладовой. Святую перенесли в Успенский собор, и вскоре больной купец после молитв перед ней получил исцеление. В благодарность он пожертвовал иконе серебряную вызолоченную ризу.

Празднование иконе Богоматери «Вратарница» Угличская установлено 23 июня/6 июля.

ВРЕМЯ, свойство Божественного миропорядка, заключающееся в закономерной координации сменяющих друг друга явлений и событий. В понятиях русской цивилизации время — отрезок вечности, имеющий начало и конец и во всех своих характеристиках — длительность, продолжительность, последовательность — связанный с развитием Божественного Начала. Время есть выражение силы и могущества Бога, принимающего в реку времени всю историческую последовательность земной жизни человека. «Время — сила в своих развитиях; пространство — в ее сочетаниях» (А. С. Хомяков). «Сила во времени» (народная пословица).

«У Бога дней много»; «У Бога дней не решето»; «Время принадлежит Богу»; «Время летит»; «Время за нами, время перед нами, а при нас его нет»; «День мой — век мой»; «Что до нас дошло, то и к нам пришло»; «Век мой впереди, век мой позади, а на руке нет ничего».

«Всему свое время», — говорит русский человек. — «Всякой вещи час»; «Во времени подождать: у Бога есть что подать»; «Придет время, будет и нам черед». Все надо делать в свой черед, в свою пору. На этом в народном сознании делается особый акцент: «Не время дорого, пора»; «Не впору не впрок, а ко времени спорье»; «Пора, что железо: куй, поколе кипит!» Петр I переложил эту пословицу по-своему, но в том же народном духе: «Время подобно железу горящему, которое, ежели остынет, неудобно к кованию будет». В этом же духе и пословица: «Куй железо пока горячо».

О человеке, который терял чувство времени, говорили: «Дурак время не знает»; «Дурак, что время, то пора».

«Доля во времени живет, бездоле в безвременье»; «Время времени не работает (не работник)»; «Не человек гонит, а время»; «Бедный времени не ищет», «Время разум дает»; «Время деньги дает, а на деньги времени не купишь».

В сознании русского человека время имело характер непрерывного цикла, календарными вехами которого были православные праздники, неразрывно связанные с временами года и природными явлениями. Христианские ритуалы перевоплощали древние верования русских людей, хотя и не могли полностью уничтожить прежних языческих суеверий. Календарем времени у русских людей служил месяцеслов, в котором православные праздники и дни святых сочетались с народными приметами и хозяйственными представлениями. В таком сочетании священного и мирского русский человек ощущал себя неразрывной частью Божественного мироздания и соответственным образом представлял свое место во времени и пространстве. В народном месяцеслове чуть ли не каждый день года расписывался по делам, и «расписание» это было главным ориентиром во времени. Чаше всего русский человек не говорил просто, что он должен сделать то-то и то-то, а связывал это с высшими понятиями, именами святых: Илья сжинает жито, с Петрова дня пожня (покос), Петровна — навозница, Ирина — рассадница. Время при-

обретает конкретность и особый священный смысл. Понятия бытовые и понятия священные сплетаются воедино, создавая неповторимое ощущение времени, при котором обыденная жизнь становится своеобразным священнодействием, служением высшим силам, а простой человек — действующим лицом священной истории, торжественно несущим свое высокое предназначение.

О. Платонов

ВРЕМЯ ТРУДА И ОТДЫХА, вся жизнь русского человека от рождения до смерти, день за днем, в будни и праздники была действием, события и дела текли по руслу многовековых обычаев и традиций, высоких нравственных понятий, среди привычных, необходимых и зачастую доведенных до эстетического совершенства вещей: «Все было взаимосвязано, и ничто не могло жить отдельно друг без друга, всему предназначалось свое место и время. Ничто не могло существовать вне целого или появиться вне очереди... Столетия гранили и шлифовали жизненный уклад, сформированный еще в пору язычества. Все, что было лишним, или громоздким, или не подходящим здравому смыслу, национальному характеру, климатическим условиям, — все это отсеивалось временем» (В. И. Белов).

Веками были выработаны незыблемый ритм и нормы труда — согласование отдельных этапов трудового процесса, режим дня, соотношение, начало и завершение сезонных работ. Работа крестьянина в поле велась со старанием и любовью и порой превращалась в настоящее священнодействие. Почти все трудовые дела сплетались у сельского жителя с природой, а природа ритмична: одно вытекает из другого, и все неразрывно между собой. Человек всегда ощущал свое единство с природой. Это в союзе с нею он создавал сам себя и высокую красоту своей души, обращенную к культуре труда.

Даже неграмотный крестьянин зачастую владел богатейшим миром высокохудожественных образов, накопленных поколениями его предков, из которых складывался трудовой календарь.

Воскресенье — свято, понедельник — черный, вторник — повторник, среда — постница, четверток — перечит, пятница — корячится, суббота — делу почин.

Высокое трудолюбие русского крестьянина вовсе не означало, что он был фанатик труда, готовый работать с утра до ночи, без передышки. Крестьяне в своей среде настороженно относились к таким, ибо знали, что от чрезмерного труда, от штурмовщины в работе неизбежно возникают срывы. Работать надо слаженно и ритмично. Лишнюю работу на себя не вваливать. «Ретивая лошадка недолго живет», «Ни на какое дело не называйся и ни от какого дела не отказывайся», «На дело не набивайся и от дела не отбивайся».

Труд и отдых должны ритмично чередоваться. «Делу время — потехе час». Каждому дню полагается свой труд — «Время времени не работает», «Сегодняшней работы на завтра не покидай», «За все братья — ничего не сделать».

Веками был установлен трудовой распорядок дня, недели, года, которому крестьянин неукоснительно следовал. Вехами и регуляторами трудового распорядка русского крестьянина были народные приметы, привязанные, как правило, к дням памяти определенных святых или праздникам. Чуть ли не каждый день крестьянского года расписывался по делам, и «расписание» это было настоящей наукой — очень непостоянной, требующей грамотности, внимательности, сообрази-

тельности и, наконец, просто хорошей памяти, чтобы ориентироваться в сотнях примет, их последовательности и сочетаниях.

Русские крестьяне работали с восхода до захода солнца. Совсем не часто устраивались в работе небольшие перерывы. Высокая интенсивность труда поддерживалась установленным ритмом и чередованием работ. Напряженный труд в течение рабочего дня в значительной степени компенсировался праздниками и воскресеньями, общее количество которых составляло на селе, по данным министерства земледелия на начало XX в., 120—140, а то и более дней в году, причем порядка 74 выходных приходилось на время с.-х. работ — с апреля по сентябрь.

Больше всего праздников устанавливалось Церковью. Если в сельской церкви было два-три престола, то число престольных праздников, отмечаемых окрестными деревнями, увеличивалось.

Храмовый праздник на Русской земле всегда считали праздником всей *общины*.

Община организовывала пиршество по определенному ритуалу. Празднование храмовых праздников продолжалось несколько дней. Нередко продолжительность празднования находилась в зависимости от урожая. Так, *Покров* в урожайный год отмечался 5—6 дней, в обычный год — 2—3 дня, в неурожай — 1 день.

Особое место занимали т. н. заказные праздники в целях предотвращения какого-либо бедствия — *града*, *болезни*, *пожара*.

Кроме того, отмечались царские высокотожественные дни, а также мирские праздники — молебствия на полях, гульба по случаю получения мирских доходов, проводы новобранцев, празднования *свадеб* и т. д.

Число праздников и воскресных дней у ремесленников было, как правило, не меньшим, чем у крестьян, и подчинялось установленному ритму народной жизни.

Обилие праздничных дней в дореволюционной России не было чем-то особенным для христианской страны. Как свидетельствуют уставы средневековых ремесленных цехов, на протяжении всего западноевропейского католического мира треть года протекала в обязательном отдыхе для мастеровых.

Крестьянская трудовая культура выработала целую систему ограничений и запретов на работу в праздничные и воскресные дни. Нередко за нарушение налагался денежный штраф в пользу общины. В одни праздники категорически запрещалось работать, в другие — разрешались отдельные виды работы. Нередко в праздники разрешались совместные мирские работы, но запрещалась работа отдельно от мира. Чаше всего нельзя было делать любую работу вне дома, тогда как мелкие домашние работы допускались: шитье — женщинам, подготовка сельхоз-орудий — мужчинам.

Крепостные крестьяне, как правило, имели те же праздничные и выходные дни, что и государственные крестьяне. Принуждать крестьянина работать в праздничные и воскресные дни запрещалось законом и жестко осуждалось традицией. Помещик, осмелившийся на это, мог плохо кончить. Самой распространенной продолжительностью времени работы на помещика было 2—3 дня в неделю, хотя некоторые помещики пытались увеличить это число и до 4 дней.

Несколько иначе, чем на селе и среди ремесленников, обстояло дело в промышленности. Здесь число праздников и выходных дней было меньше, состав-

ляя в разные времена 100–110 дней. На Совещании представителей петербургских машиностроительных и механических заводов (как частных, так и государственных, всего около 69), состоявшемся в январе 1905, через две недели после известных кровавых событий, был отмечен более короткий рабочий год русских рабочих по сравнению с западноевропейским. На заводах по механическому производству продолжительность рабочего дня находилась в пределах от 57 до 67 часов в неделю, ниже 57 часов — единичные случаи, по 57 часов работало 13 заводов частных и 6 казенного артиллерийского ведомства, 57,5 часа — 8 заводов, в том числе два казенных морского ведомства, свыше 57,5 часа — 23 завода, то есть одна треть. При таких условиях общая годовая продолжительность рабочего времени, принимая во внимание большое число праздничных дней в России, составляла около 1775 рабочих часов. В Англии, при продолжительности рабочего дня в 9 часов, в механическом производстве число рабочих часов в год составляло около 2700, в Германии, где число праздничных дней было гораздо меньше, чем в России (6 праздничных дней, кроме воскресных), в то время только еще ставился вопрос о 10-часовом рабочем дне.

Все данные говорят о том, что продолжительность рабочего времени в России была не выше, а во многих случаях и ниже, чем в др. странах.

В н. XX в. продолжительность рабочего года в России составляла в промышленности в среднем около 250, а в сельском хозяйстве — около 230 дней. Для сравнения: в Европе эти цифры были совсем иными — около 300 рабочих дней в год, а в Англии — даже 310 дней.

О. Платонов

ВСЕВОЛОД-ГАВРИИЛ (Всеволод Мстиславович). Князь Всеволод, в крещении Гавриил — сын Киевского

князя Мстислава Великого († 1132) и внук Владимира Мономаха († 1125), был посажен на Новгородский престол в 1117. В Новгороде он заложил каменный Георгиевский собор Юрьева монастыря (строил мастер Петр). После смерти отца Всеволод был переведен своим дядей, кн. Ярополком, в Переяславль Южный, но он, пробыв там всего день, вернулся в Новгород.

В 1136 новгородцы, обиженные на Всеволода за краткосрочный уход в Переяславль, изгнали его из Новгорода. Всеволод получил от Ярополка Вышгород, а вскоре по приглашению псковичей стал княжить во Пскове.

Во Пскове кн. Всеволод заложил Троицкий собор. По некоторым данным, в его возведении участвовала артель строителей Успенского храма в Новгороде, пришедшая вслед за Всеволодом.

В 1138 Всеволод скончался. Его погребли в Димитриевской церкви. Горе псковичей было так велико, что, по словам летописца, «не было слышно церковного пения от народного плача». Почитание Всеволода как святого воина и покровителя пограничного Пскова началось сразу после его кончины. В 1190 состоялось обретение мощей князя, которые поставили «в церкви святых Троицы, ея же бе сам создал».

ВСЕЛЕННАЯ, все, что сотворил Бог, духовный и материальный мир в целом, мир Божий. Вселенная ограничена в пространстве (Быт. 1; 6–8) и *времени*, которое некогда началось и кончится (Откр. 10; 6). Русское народное представление о Вселенной раскрывается в пословицах:

Мудрено сотворено. Премудры дела Твои, Господи.

На семи поясах Бог поставил звездное течение.

Над семью поясами небесными сам Бог, превыше Его покров.

На 1-м поясе небесные ангелы, на 2-м архангелы, на 3-м начала, на 4-м власти, на 5-м силы, на 6-м господства, на 7-м херувимы, серафимы и многочестия.

Всеволод-Гавриил. Икона. XVI в. Псков

Шестоднев. Икона. Ок. 1800 г. Палех (?). Музей икон в Реклингхаузене. Германия

Мир — нетленная риза. Небо — нетленная риза Господня.

Небо — престол Бога, земля — подножие.

Небо — терем Божий; звезды — окна, откуда ангелы смотрят.

Земля на трех китах (рыбах) стоит.

Кит-рыба под землей дрожит (или: на другой бок переваливается; о землетрясении).

Солнце — князь земли, луна — княжна.

Месяц — казачье солнышко.

Хорошо солнышко: летом печет, а зимой не греет.

Старый месяц Бог на звезды крошит.

Светит, да не греет; только напрасно у Бога хлеб ест.

По звездам корабли ходят.

Метлы (кометы) небо подметают перед Божиими стопами.

Земля-мать — подает клад.

Мир, что огород: в нем все растет.

Земля, вода — останутся, а нас не будет.

Иерусалим есть пуп земли.

Всем рекам река Ерат (Евфрат). Всем горам гора Авор (Фавор). Всем деревьям дерево кипарис. Лев-зверь всем зверям царь. Всем птицам птица орел.

ВСЕРОССИЙСКАЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ВЫСТАВКА 1867, важнейшее событие в изучении русской этнографии и быта русского народа. Проходила в апреле — июне в Москве.

Инициатива устройства выставки принадлежала группе членов Общества любителей естествознания во главе с А. П. Богдановым, виднейшим антропологом (который высказал мысль о желательности этнографической выставки еще в 1862). В к. 1864 по предложению этой группы Общество создало особый комитет выставки. Инициаторы предполагали собрать материал для выставки путем посылки специальных экспедиций в разные области России, но это оказалось почти ненужным вследствие широкой поддержки, оказанной идее выставки как правительством, так и местной администрацией — губернскими статистическими комитетами и пр. Они заботились о сборе и пересылке экспонатов. Организация выставок находилась под покровительством Александра II. Почетным председателем ее был вел. кн. Владимир Александрович. Выставка стала демонстрацией мощи и величия Российской империи.

Помимо этнографических коллекций из разных областей России, на выставке были представлены также экспонаты, привезенные из зарубежных славянских стран, и этим было подчеркнуто, что Россия считает зарубежных славян как бы находящимися под ее покровительством. Еще более было подчеркнуто политическое значение выставки наконец тем, что к ней был приурочен созыв Славянского съезда, т. е. приезд гостей — представителей западных и южных славянских народов, 80 человек — чехов, сербов, русин, хорватов, словаков, словенцев, болгар и др. Организаторам выставки удалось собрать материал почти из всех уголков России. Были представлены типы крестьян в национальной одежде, в окружении предметов быта из многих великорусских, белорусских, малороссийских губерний, типы неславянских народов Поволжья, Прибалтики, Сибири, в меньшей степени Кавказа. Народы Средней Азии, кроме казахов, почти не были представлены на выставке. Были выставлены

предметы быта почти всех западных и южных славян. Основная масса экспонатов была объединена в группы — обстановочные сцены, где манекены, одетые в национальные костюмы, располагались вблизи построек, среди предметов утвари, хозяйства. Др. часть экспонатов — одежда, предметы быта — была выставлена в систематическом порядке.

Всего на выставке фигурировало 288 манекенов в национальных костюмах, до 450 экспонатов одежды, до 1200 разных предметов быта, орудий, моделей и пр. Был издан указатель к выставке, который стал хорошим общим пособием-справочником по этнографии народов России и зарубежных славянских народов. Выставку за 2 месяца ее функционирования посетили св. 90 тыс. чел. Все это говорило о широких масштабах, масштабах, по тому времени невиданных. Были оживленные отклики в печати. Все это содействовало широкой популяризации этнографических знаний среди русского общества.

При закрытии выставки материалы ее были переданы в Московский публичный (Румянцевский) музей, как особая часть, под названием «Дашковский этнографический музей» (по имени мецената В. А. Дашкова, давшего взаймы деньги на устройство выставки).

Лит.: Токарев С. А. История русской этнографии. М., 1966.

ВСЕСВЕТНЫЙ БАБИЙ ПРАЗДНИК — см.: ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ.

«ВСЕХ СКОРБЯЩИХ РАДОСТЬ», икона Божией Матери. Согласно преданию, св. монах Никола Святоша (1080–1143), в миру кн. Святослав-Панкратий, правнук вел. кн. Ярослава Мудрого, устроил в Киево-Печерском монастыре больницу для бедных. На Святых вратах при входе в больничный храм он поместил икону Божией Матери, названную «Всех скорбящих Радость».

«Богородица Всех скорбящих Радость». Икона. XIX в. ГМИР

Богоматерь «Всех скорбящих Радость» более всего была прославлена чудесными исцелениями прибегавших к Ней верующих, и потому такие иконы нередко приносились из храмов в дома тех больных, которые не могли сами прийти в церковь. Тогда молебны перед образом Богородицы «Всех скорбящих» служились прямо у ложа страждущего. На обратной стороне иконы Русского музея сохранились специальные ручки, за которые образ поднимали для торжественного выноса.

Празднование иконы «Всех скорбящих Радость» установлено в день первого чуда от святыни 24 окт./6 нояб.

ВСТРЕЧА, в русских представлениях проявление судьбы. Встреча может иметь как положительные, так и отрицательные последствия, причем последнее часто объясняется действием *нечистой силы*. Так, известны демоны, которые причиняют вред встреченным на дороге людям: в Вологодской обл. — это «стрешник», наносящий путникам травмы, в Саратовской — «встрешный», избивающий пьяных и злых, и т. п. Поверье о встрече со *смертью* в Поволжье связывали с праздником *Сретение*, когда отправление в путь сулило человеку гибель.

Очень часто знак судьбы воплощал первый встречный, поэтому с ним были сопряжены многочисленные календарные приметы, предопределяющие события следующего года.

Для поверий о судьбе новорожденного было характерно представление о том, что «первый встречный» принесет ему счастье. Широко был распространен обычай выходить на дорогу, перекресток, к церкви, чтобы попросить в кумовья первого встречного: тогда в семье не будут умирать дети.

Случайные встречи с различными людьми, животными и обрядовыми процессиями (*похороны, свадьба*) представляли собой «добрые» и «недобрые» для человека знаки. Традиционным являлось поверье о встрече с человеком, несущим (везущим) что-либо полное или пустое: так, полные *ведра, сосуд, корзина, воз, узлы, мешки* и т. п. означали успех, удачу, а порожний воз, сосуд и др. — несчастье, неудачу, особенно для охотников, рыболовов. Встреча с мужчиной сулила успех всем, кто отправлялся по делу, встреча с женщиной, наоборот, — невезение. Белорусы после встречи с женщиной не начинали никакой работы; весь день считался испорченным. Охотники и рыбаки старались с ней не разговаривать и даже возвращались домой. Особенно опасной считалась встреча со старой женщиной; ей приписывали способность «сглазить», испортить предстоящее дело. Как плохое предзнаменование рассценивалась также встреча с кривым, калекой.

При осуществлении магических действий часто предписывался запрет на встречу. Так, в Закарпатье обряд сбора трав для любовной магии требовал, чтобы при возвращении девушки домой ее никто не встретил. Аналогичные предписания соблюдались при сборе трав и прочих компонентов для лечебной магии.

Встреча рассматривалась как знак судьбы в гаданиях, гл. обр. о замужестве. В них загадывалось имя встречного, его социальное положение, внешность, особенности характера и т. п.

В Полесье, напр., девушки на *Рождество* выбегали с первым блином на улицу и, встретив парня, спрашивали его имя, узнавая т. о. и имя будущего мужа.

При выносе покойника из дома родственники брали с собой пшеничный пирог или кусок холста, в который была завернута восковая свеча и монета. Эти предметы назывались «встречник», «перва встреча», «стрешник», «подорожна»; их дарили первому встречному, например для того, чтобы покойному простился его первый тяжкий *грех*. Получивший «перву встречу» считался счастливым: на «том свете» его будет первым встречать покойный, загораживая от «плохих путей» и постилая холст на пути к местам блаженства.

При встрече участников обрядовой процессии с человеком посторонним часто совершались действия, которые подчеркивали могущество наделенных «сверхъестественными» свойствами исполнителей ритуала (напр., ряженных) и непричастность к ним обычного прохожего. В этом случае ритуальные действия состояли в «приобщении» встречных к происходящему, часто в принудительном порядке: в Рязанской губ. в последний день *Масленицы* ряженные «горбуны» гнали всех встречных плетьюми домой готовить к весне соху. Человек или животное рассматривались и как враждебная сторона на пути группы, напр. при *опавании*. Если участники обхода встречали на своем пути живое существо, то разрывали его на части, а человека избивали до полусмерти. Т. о. уничтожалась встреченная ими «*коровья смерть*», т. е. эпидемия.

А. Плотникова

ВСТРЕЧА СИВЕРА (Григорий, Лазарь, Никон, Предзимье), народное название дня свт. Григория, епископа

Прп. Сергей и Никон Радонежские. Покров. XVI в. ТСЛ

Неокесарийского, прп. Лазаря, прп. Никона, ученика *Сергия Радонежского*, 17/30 нояб.

На Руси издревле существовал веселый обычай: в этот день «закатывали» зиму. Крестьяне катались по снегу колесом (т. е. кувырком), а колесо — символ *солнца*. Таким колесом крестьяне старались как можно дальше откатиться от намеченной линии — от порога или края горки, от околицы или *перекрестка*. Это катание символизировало переход от осени к зиме: чем дальше колесом прокатиться, тем крепче и здоровее будет зима. Если с остановками кататься будешь — и зима будет с остановками: то морозы найдет, то землю оттепелями откроет.

ВТОРОЙ СПАС — см.: **СПАС — ПРЕОБРАЖЕНИЕ.**

ВУКОЛА ТЕЛЯТНИК (Вукол), народное название дня прп. Вукола, епископа Смирнского (6/19 февр.). На Вуколу начинался отел «жуколов», коров, отчего этот день еще назывался «Вуколы-жуколы».

Для крестьянина наступала пора забот о благополучном исходе весеннего отела скота. На Урале и в др. краях отелившуюся корову, обьягнившуюся овцу в хлевах окуривали чабрецом (богородской травой), чтобы «молоко не было поганым, а молодняк рос здоровым». *Домовому* в этот день полагалось поставить миску с парным молоком «да покрошить туда хлеба, больно уж он крошенину любит. Как поест крошенины, так и о коровушке позаботится, и за теленочком посмотрит, которого в избу принесли».

ВУРДАЛАК, *нечистая сила*: по народным поверьям, покойник, выходящий ночами из могилы и пьющий кровь из людей, т. е. проходить ночью через *кладбище* или даже мимо него очень опасно. Вурдалак — человек, продавший душу *черту*, умерший без покаяния, *колдун*. В случае появления вурдалака в окрестностях нужно разрыть подозрительную могилу: у вурдалака розовое лицо, как у живого, губы измазаны кровью и может быть кровь в гробу. Средство борьбы с вурдалаком — пронзить могилу, а лучше всего сердце вурдалака осиновым колом. Разрывая могилу, следует быть очень осторожным, т. к. при *крестном знамении* вурдалак может вскочить и с визгом убежать, иногда обернувшись собакой или волком.

Л. Б.

ВЫГОН СКОТА, первый весенний выгон скота у русских крестьян считался трудовым праздником. Производился он повсеместно на Егорьев день (см.: *Георгий Победоносец*) — 23 апр.: св. *Георгия* считали покровителем скота. После молебна и освящения стада перед храмом скот гнали в поле ветками, сохранными от *Вербного воскресенья*. Молебен мог совершаться у часовни, куда сгоняли скот, или просто в поле. В Рязанской губ. (Зарайский у.), напр., по свидетельству очевидца, первый выгон происходил таким образом: «23 апреля, в день св. Георгия, когда лист на березе должен быть в полушку, в первый раз выгоняется скот в поле. Во многих местах принято за правило в этот день призывать священника, чтобы отслужить молебен с водосвятием. С восхождением солнца сгоняется все стадо к часовне на выгон. Всякая хозяйка сгоняет свою корову вербой, которую нарочно для этого сберегает у образов с заутрени Вербного воскресенья. У часовни служит молебен, и когда воду освятят, то прогоняют все стадо мимо священника, и батюшка, стоя у околицы, окропляет проходящий мимо него скот святою водою». Пастухов «потчевали пирогами, кашею и яйцами».

Обряд первого выгона скота мог совершаться отдельными хозяевами у себя на дворе: хозяин брал в

Чудо Георгия о змие с житием. Икона (без полей). XVII в. Художественный музей, Череповец

руки образ, а хозяйка — горшочек с горячими углями и ладаном и три раза обходили свою скотину (сведения из Новоторжского у. Тверской губ.). Празднование в той или иной форме Егорьева дня было распространено по всей территории расселения русских.

В некоторых местах день «Егорья храброго» считался конским праздником. В Даньковском у. Рязанской губ., напр., в этот день «делали коня». Четыре парня клали себе на плечи две крепкие жерди. Один из парней держал на вилах конский череп или конскую голову, убранный бубенчиками и кусочками цветных тряпок. Сзади концы жердей связывались веревкой. К веревке прикрепляли хвост, сделанный из вымоченной в воде конопля. Жерди обматывали сеном и грубой тканью из конопля. На жерди забирался верхом мальчик, чаще всего пастушонок. Он должен был уметь хорошо играть на жалейке.

«Конь» в сопровождении зрителей обходил всю деревню под звуки жалейки. Затем компания направлялась в соседнюю деревню. Там, завидев издали шествие, снаряжали как можно скорее своего «коня». На выгоне перед деревней происходил «бой» двух «коней». Парни, подражая лошадиному ржанью, бросались друг на друга, пока один из «коней» не разваливался. Иногда после этого водили «круги» («курагоды»), причем один из парней изображал коня.

В местах развитого овцеводства при завершении выпаса отмечался «овечий праздник» — овчар. Его приурочивали ко дню Анастасии (29 окт., см.: *Авраамий и Анастасия*), слывшей покровительницей овец. Праздник начинался на заре. Главными исполнителями и героями дня были пастухи. Они играли на рожках, пели песни, поздравляли хозяев овечьих стад с благополучным окончанием выпаса. В этот день производились последние расчеты с пастухами. Пение и пляски продолжались до вечера, затем за праздничным

угощением велись разговоры на тему дня: о ценах на шерсть и задатках скупщиков. К последней четв. XVIII в. «овечий праздник» в развернутом варианте в Рязанской, Владимирской и др. губ. встречался уже чаще в рассказах, чем в реальности, но местами сохранился и позднее. Бытовали в XIX в. народные прозвища святых этого дня: Авраамий Овчар, Анастасия Овечница. Пастухи овец (овчары) обращались к ним с молитвами.

М. Громыко

ВЫДРОПУЖСКАЯ, чудотворная икона Пресвятой Богородицы. Один из списков чудотворной иконы Смоленской «Одигитрии».

Выдропужская икона Божией Матери. Церковь Смоленской иконы Божией Матери в с. Выдропужск Тверской обл.

Ознаменовала себя чудесами в с. Выдропужске Новгородской епархии. Отсюда она была похищена в 1471 одним из бояр-воинов Иоанна III, когда царь возвращался из Новгорода после его покорения, и принесена в Муромскую вотчину. Тут, когда, по желанию воина, священник стал служить молебн перед иконой, которую пред молебном воин назвал пленницей, сделалась страшная гроза, покров церкви чудесно раскрылся, и икона невидимой силой была поднята и унесена из храма, и она опять оказалась в Выдропужской церкви. Узнав о возвращении иконы на прежнее место, боярин отправился туда и там всенародно перед иконой принес свое глубокое раскаяние. Во время пожара храм, где стояла чудотворная икона, сгорел дотла, но икона найдена в пепле совершенно невредимой.

С тех пор образ прославился многочисленными чудотворениями, был ценен и любим не только выдропужцами, но и жителями окрестных городов и сел. Чудеса от иконы продолжают и в наши дни.

Празднуется 28 июля/10 авг.

ВЫЕЗД, конский экипаж с прислугой. У богатого дворянства дореформенной поры и у дельцов 2-й пол. XIX в. играл представительскую роль. У первых это была золоченая или лакированная карета с родовым гербом на дверцах, обитая внутри красным бархатом, и шестерка или четверка лошадей цугом, в шорах, с султанами из страусовых перьев, с форейтором, букетом на запятках и скороходами впереди; если ездили «запросто», то запрягалась четверка, тоже в шорах, но без перьев, и сопровождали выезд только лакей и гайдук. Выезд после 1861— лакированная коляска, пара раскормленных лоснящихся лошадей в шорах, не менее раскормленный кучер в волане с павлиньими перьями на шапке, выездной лакей на козлах.

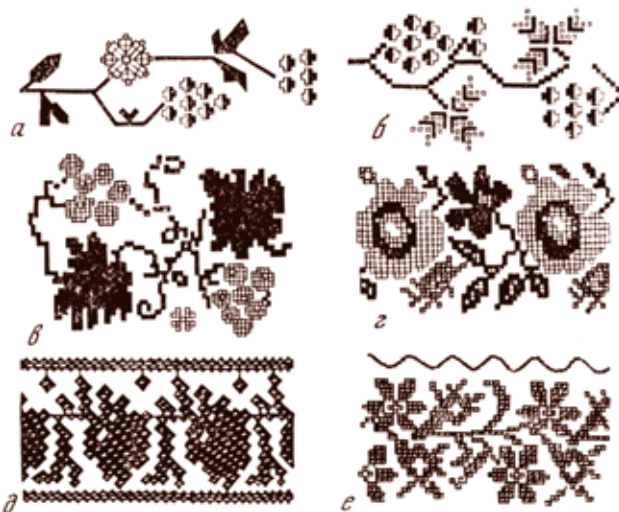
Л. Б.

ВЫЖИНКИ — см.: ПОМОЧИ.

ВЫМЕНЯТЬ ОБРАЗ, русские люди считали, что торговля святынями — грех, поэтому покупка икон называлась в народе «выменять образ».

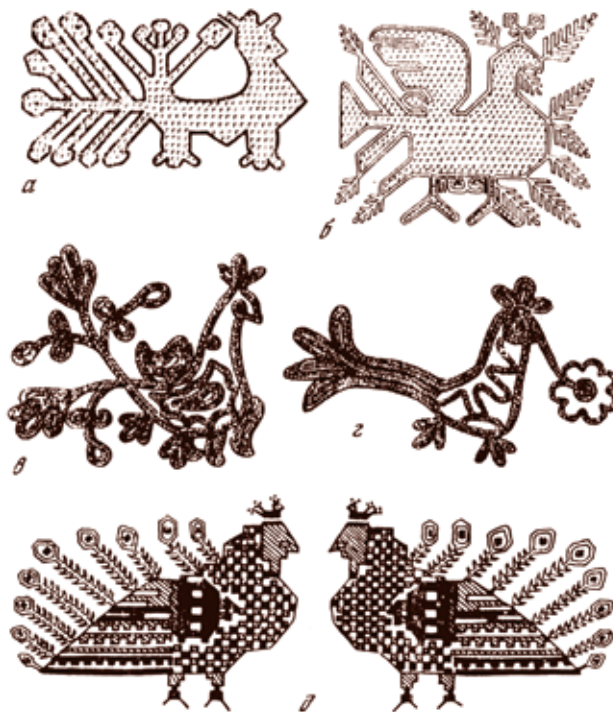
ВЫРЬЕ (Вырий сад) — см.: ИРЬЕ.

ВЫШИВАНИЕ, женское рукоделие, известное в России с глубокой древности во всех слоях общества от крестьянской избы до княжеских палат; в XVIII — н. XIX вв. иногда вышивали и мужчины из социальной верхушки. Были профессиональные вышивальщицы, напр. крепостные дворовые у помещиков, горожанки из

Растительные мотивы в вышивке:

а — мотив винограда, вышивка крестом. Русские. Вятская губ. Начало XX в.; б — мотив винограда, вышивка крестом. Малороссы. Черниговская губ. Начало XX в.; в — мотив винограда, вышивка крестом. Белорусы. Начало XX в.; г — мотив розы, вышивка крестом. Вятская обл. Начало XX в.; д — мотив розы, вышивка крестом. Белорусы. Белоруссия. Начало XX в.; е — мотив розы, вышивка крестом. Прикарпатье. Начало XX в.

Изображения птиц в вышивке:

а — кружево. Тверская губ. Конец XIX в.; б — кружево. Петербургская губ. Конец XIX в.; в — вышивка цепочкой. Полтавская губ.; г — вышивка цепочкой. Черкасская обл.; д — декоративная вышивка на полотенце. Белорусы. Брестская губ.

мещанской среды, вышивавшие на заказ дамские платья и форменное шитье на мундирах. В 1-й пол. XIX в. очень популярна была вышивка стеклярусом и особенно цветным бисером, реже соломой и даже женскими волосами, особенно это было характерно для 1830—40-х. Вышивали для подарков бумажники, кисты, крышки бюваров и др. Среди купчих, чиновниц, дворянок довольно распространено было вышивание золотой или серебряной нитью предметов церковного обихода (воздухов, пелен, элементов облачения и др.) для вкладов в храм как благочестивое занятие. В деревне вышивка бумажной и шерстяной нитью занимала очень важное место. Вышивка на крестьянской одежде размещалась в определенных местах — на вороте, пазу-

Каргопольская вышивка по холсту — подолица. Кон. XIX — нач. XX в.

Каргопольская вышивка по белому холсту различными швами. Каргополь. Кон. XIX в.

хе, обшлагах рукавов, подоле — и играла роль *оберега*, препятствуя проникновению *нечистой силы* к телу через кромку одежды. На праздничных рубахах вышивка

Фрагмент вышивки полушубка

размещалась также по боковым швам, швам *подоплеки* и на поликах, которые иногда вышивались полностью. Вышивались праздничные и повседневные *рубахи*, женские головные уборы, *полотенца*, в редких случаях *поневы*. Орнамент народной вышивки был в основном геометрический, чему способствовали основные типы швов, и постоянно включал языческие мотивы.

Способов народной вышивки было множество: крестом, гладью, счетная, филейная и т. д.; золотой и серебряной нитью, соломой вышивали «вприкреп», выстилая узор материалом и прикрепляя его тонкими шелковинками, пропущенными сквозь ткань. **Л. Б. ВЬЮН ЗЕЛЕНЬЙ** — см.: **НИКИТА ДУБОДЕР. ВЬЮНИНЫ** — см.: **ОКЛИКАНИЕ МОЛОДЫХ.**

ВЯЗАНИЕ, старинный вид рукоделия, распространенный во всех слоях общества. Обычно вязали изделия, от которых требовалась эластичность, — *чулки* длинные и короткие, перчатки, фуфайки (нижнее белье в виде тонкого свитера, обычно без воротника), паголенки, косынки, как шерстяные, из овечьей шерсти или козьего и кроличьего пуха, так и нитяные и шелковые; вязали и лечебное, от ревматизма, белье из т. н. сосновой шерсти, волокон сосновой коры. Вязанием занимались во всех сословиях, в основном пожилые женщины, но в помещичьих домах, особенно в XVIII — н. XIX в. вязали и мужчины: старые слуги, приживалы, домашние шуты. Среди мещанства в подгородных слободах вязание имело вид промысла.

Л. Б.

ВЯЗИГА (визига), хребтовое сухожилие осетровых рыб; обычно использовалась как вкусная начинка при приготовлении *пирогов*.

Г

ГАВРИИЛ БЛАГОВЕСТ (Гавриил), народное название дня Собора архистратига Гавриила, возвестившего благою весть о рождении Спасителя, 26 марта/8 апр.

Архангел Гавриил из деисусного чина. Икона. 1387–1395 гг. ГТГ

По русским поверьям, в этот день сам архангел Гавриил заходит в крестьянские дома и выполняет их заветные желания, докладывая о них самому Богу.

В это время полагалось заниматься ремонтом и уборкой зимней конской *сбруи*.

ГАВРИЛОВ ДЕНЬ (Гавриил, Гаврил), народное название дня архангела Гавриила, 13/26 июля. В этот день в средней полосе Руси поспевала рожь. Начинались *зажинки*. Первый сноп, сжатый старшей в семье женщиной, украшали лентами, с песнями уносили домой и ставили в *красный угол* под иконы.

В этот день наблюдали, не появится ли золотое сияние, сходящее на землю. По убеждению крестьян, такое сияние — знак архангела Гавриила, его крылья. Земледельцы на уборке ржи твердили, что их просьба, обращенная к Пресвятой Богородице, дошла, и она посылает им в подмогу архангела Гавриила. «Он крыльями машет, зарей полыхает, силу крестьянину прибавляет, с жатвой управиться помогает».

ГАДАНИЕ, древний языческий ритуал, направленный на установление связи с потусторонними силами в целях предсказания будущего. Византийский историк Прокопий Кесарийский (VI в.) свидетельствовал, что склавяны и анты совершали гадание во время жертвоприношения богам.

Остатки этого языческого ритуала просуществовали в России вплоть до н. XX в.

Ю. Сергеев. У гадалки

Так, на *Святках* вынимали из-под блюда вещи, имеющие символическое значение, пели *подблюдные песни*, прятали кольца, затем кликали прохожих, спрашивая их имена, приносили *петуха* или курицу и смотрели, какую из кучек разложенных предметов (золотые и серебряные монеты, хлеб, серьги, др. вещи) они начнут клевать. Многие из гаданий были основаны на древних суевериях: таково ожидание суженого перед *зеркалом*, связанное с учением черной магии о призывании души умершего, или гадание у сарая, при котором прислушивались к тому, что хрюкнет или прошепчет свинья, гадание, связанное с верой в мистические, нечистые свойства этого животного. Были известны гадания на Рождество, *Троицын день* (по венку)

Ю. Сергеев. Ночное гадание. Святки. 1991 г.

и на Ивана Купалу (см.: Иванов день) (собираание трав) и в др. дни. Гадание в Малороссии было сильно распространено. Гадали о различных предметах, но наиболее об урожае, погоде, замужестве, *смерти*, продаже скота, украденных вещах и пр. Малорусские гадания были сходны с другими славянскими. Были гадания по различным внешним знамениям и гадания интуитивные. Способы гадания по внешним знамениям: 1) Метеорологические гадания, или гадания по небесным знамениям, сохранялись почти исключительно в виде примет, по которым *гром* или *дождь* при известных обстоятельствах предвещают урожай, неурожай, падеж

скота, эпидемии, смерть тех или иных людей, мятежи и пр. Приметы эти сохранялись в устной передаче. 2) Гадания по неодушевленным предметам были очень многочисленны. Гадания по *огню* (печному, костровому, лучинному, свечному), к которым примыкали гадания по дыму, саже и углям. Здесь отражался древний культ огня. По лучинке гадали о смерти: чья лучина погаснет при пении обрядовой песни, тот скорее умрет; у кого из молодых под венцом быстрее сгорит свеча, тот ранее умрет; столкнутся на воде две горящие свечи — выйдет девушка замуж и пр. Гадания по *воде* были связаны с представлением о божествах воды, напр., в одной малорусской песне спрашивали криницу, и она давала ответы, как оракул; смотрели в воду, чтобы увидеть

своих суженых, и пр. К гаданиям по воде примыкали гадания по другим жидкостям: по растопленному воску, олову, а в старину, в редких случаях, даже золоту. Гадания по растениям (лук, вишня и пр.), напр.: в день св. Екатерины (см.: Екатеринин день) девушки ставили в воду срезанную ветку вишни: если она зацветала на *Рождество*, то девушка выйдет замуж. Гадания по хлебу: печеному (балабушки, калета) или в зерне — о замужестве. Гадания по *решету* — преимущественно для определения вора: при чьем имени решето, поворачивающееся на пальце, остановится, тот вор. Гадания по поленьям дров (взятое в темноте гладкое полено — добрый муж, суковатое — злой); по кольям в плетне (молodeц или вдовец будет муж, девушкой или женщиной

К. Брюллов. Гадающая Светлана. 1836 г.

Ю. Сергеев. Гадание перед зеркалом. Святки

Русские святочные гадания на курах. 1858. Лубок

будет гадающая и пр., на каком слове придется последний кол). Гадания по обуви девушек, переставляемой по направлению от стола к порогу: чья обувь ближе станет к порогу, та скорее выйдет замуж. Отчасти сюда может быть отнесено гадание по слову — писанному и устному. Разворачивают книгу (преимущественно Свящ. Писание, особенно Псалтирь) и первую попавшуюся фразу принимают как пророчество. Гадания по книге долгое время сохранялись в виде «оракулов» и

летом гадали гл. обр. на Троицу и *Иванов день*, а зимой — на *Рождество*, т. е. в периоды, совпадающие, как можно предполагать, с брачными сезонами. Это время считалось наиболее благоприятным для гадания. Троицкие венки, костры Иванова дня, рождественские блюда и печенье давали богатый материал для всякого рода гадания.

Гадание башмаком.

«салимонов», по которым гадали, бросая зерно на круг с цифрами (позже появилась малорусская подделка под «Соломона»: «Угадько»). Подслушивали под окнами или дверьми, спрашивали встречных об имени. Наконец, гадание по картам. 3) Гадания по человеку и животным. Гадания физиологические по чиханию и дрожанию различных частей человеческого тела; по человеческой крови во время кровопускания — о смерти. Гадание по животным: по птицам — по полету журавлей, курам, петухам, по крику сыча и пр.; гадание по коню, быку, корове, собаке; в Екатеринославской губ. было замечено гадание по внутренностям животных: по селезенке кабана; у охотников — гадание по убитому зверю. 4) К математическим гаданиям относились

гадания по чету и нечету. Из гаданий интуитивных, при которых воля божества проявляется путем непосредственных сношений с душой человека, у малороссов находим лишь гадания по сновидениям. Гадания эти распадаются на простое истолкование снов, появляющихся независимо от воли человека, и на искусственное подготовление сновидений с целью извлечь из них пророчество по данному вопросу.

Языческий характер гадания.

Есть основания считать, что периоды гадания совпадали с брачными сезонами древности. Психологически это было вполне понятно, поскольку основной вопрос, встающий при этом перед невестой или женихом, — это вопрос о буду-

Гадание в зеркало.

Во время ритуальных трапез, связанных с земледельческим и скотоводческим культом и с культом предков, гадали о хозяйстве. Для гадания, относящегося к браку, больше всего подходили обряды, связанные с культом растений, воды, *заложных покойников* и гл. обр. с прежними брачными периодами. На Рождество обряды, связанные с культом предков, и обряды, связанные со свадебным сезоном, совпадали, и в это время гадания были наиболее многочисленны и разнообразны.

Севернорусские девушки начинали гадать за 12 дней до Рождества, а малороссийские — с Екатеринына дня (24 нояб.); в этот день срезали вишневую ветку, приносили ее в дом и ставили в воду. Если она к Рождеству зацветала, девушка в следующем году выходила замуж. Вечер накануне дня *Андрея Первозванного* (29 нояб.) — излюбленное время гадания малороссийской молодежи. Прекращали свадебные гадания обычно 6 и 7 янв.

Однако и на Рождество чаще всего гадали на магических предметах, связанных с каким-либо языческим культом. Место гадания — это обычно *перекресток* дорог, *баня*, рига, хлев, *печь* и *порог* дома. Перекресток считался местом пребывания *нечистой силы*, особенно заложных покойников. Баня — жилье банного духа, рига — духа риги, хлев — дворового, печь и порог — *домового*. Если иной раз и гадали в др. обстановке, то пользовались вещами, связанными с этими местами: напр., вместо печи фигурировал уголь, *кочерга*, *помело*, дрова и т. д. Дворового заменяли подвластные ему куры, лошади, даже *хомут* и т. д. Сравнительно благоприятной для гадания считалась близость водоемов и растений — очевидно, это следы древнего культа воды и растительности.

Очень часто при гадании использовали различные украшения и предметы одежды, особенно *пояса*, обувь, головные уборы, *полотенца*, кольца, гребни; однако чаще всего эти вещи являлись лишь символом гадающего; если же они иногда и играли роль магических посредников для предсказаний, то это, вероятно, был результат последующего развития.

Способы гадания у русских были весьма многочисленны и разнообразны. У всех ветвей русского народа были сходны не только элементы гадания, но и формы. Различия определялись исключительно условиями жизни: напр., отсутствие у малороссов бани и риги предопределяло отсутствие у них соответствующих видов гадания или их изменение.

Все восточные славяне знали гадание на мосту. В изголовье кровати или под ней ставили миску с водой, на которой лежал *мост* из соломы или щепок; перед сном девушка просила своего будущего мужа провести ее по мосту, и это должно ей присниться. Прорубь, *колодец*, снег, мост или баня — обычные места для гадания, очевидно связанные с культом воды. Гада в бане, обращались к *баннику*. Севернорусские девушки брали землю из-под 9 столбов забора, бросали ее на каменку и приговаривали: «Байничек, девятиугольничек! Скажи, за кем мне быть замужем?»

Севернорусские девушки отправлялись в полночь в баню, завернув подол на голову, обнажали ягодицы, пятась, входили в баню. Если к телу прикоснется волосатая рука, жених будет богатым, если безволосая и жесткая, он будет бедным и лютым, если мягкая — у

него будет мягкий характер. То же самое проделывали они и в риге. Выбежав из бани, севернорусские девушки голыми ложились на снег, а назавтра разглядывали свой отпечаток: если на нем находили след, то считалось, что девушка выйдет замуж, и т. д.

Приносили в дом курицу и петуха и по их поведению старались угадать будущее: смотрят, чье зерно они станут клевать раньше, спокойно ли они ведут себя. Связывали их хвостами и смотрели, кто кого перетянет. В темном хлеву ловили овцу и старались определить ее пол: если это не баран, а овечка, то гадающий женится; иногда по ее возрасту определяли возраст будущего жениха. Переводили лошадь через дугу: если лошадь коснется дуги или в особенности кольца дуги ногой, девушка выйдет замуж. Южнорусские в *Новый год* разрезали хвост жареного поросенка на тонкие ломтики. Все присутствующие получали по такому ломтику и надевали их на палочки. Затем с палочками в руках садились в кружок и в дом впускали собаку. Тот, чей ломтик собака схватит первым, женится (выйдет замуж).

Многие гадания были основаны на подслушивании. Слушали на перекрестке дорог собачий лай и по нему определяли, откуда придет жених. Подслушивали под чужими окнами, взяв с собой при этом *блин*, испеченный утром в Рождество, или ложку кутьи: по отдельным словам из подслушанного разговора старались угадать свое будущее. Подслушивали в риге или в саду, в обоих случаях около кучи *мусора*, вынесенного из дома в Рождество. Прослушивали зарезанную на Рождество свинью. Прежде чем слушать в поле и на перекрестке дорог, в доме ударяли кочергой по *матце*. Прислушивались к шуму жернова ручной мельницы, стараясь уловить имя жениха.

В ночь под Новый год каждая девушка зачерпывала своей ложкой воду и выплескивала ее во двор: у кого в замерзшей воде окажется углубление, тот в наступающем году умрет. Перебрасывали также через ворота пару башмаков или *лаптей*; если перелетят оба башмака, девушка выйдет замуж скоро, если же один, то еще не скоро. В др. местах перебрасывали через ворота один башмак и по тому, куда повёрнут его носок, узнавали, в какой стороне живет жених.

Особого внимания заслуживало гадание, которое сопровождалось пением, и именно пением т. н. подблюдных песен; это называлось также метать кольцо, хоронить золото. Те, кто хотел узнать свое будущее, клали свои кольца в блюдо или в шапку, которые затем накрывали платком. Над прикрытым блюдом пели особые песни, в большинстве случаев с припевом:

Кому поем, да тому добром.

Свят вечер!

Кому выйдет, тому сбудется,

Свят вечер!

После каждой песни блюдо встряхивали и наугад вынимали из него одно из колец, не снимая с блюда платка. К владелице вынутого кольца и относилась спетая перед этим песня; содержание предсказывало судьбу. Была, напр., песня, которая сулила *свадьбу*:

Звал кот кошку в печурку спать:

Там тепло и мягко и спать хорошо!

Был и др. способ. Ставили на стол 4 блюда, прикрытых одним платком; в одно из них клали уголь, в другое кусок сухой глины из печки (это предвещало

смерть), в третье — щетку (символизировало старого мужа), в четвертое — кольцо. Свою судьбу угадывали по тому, какой из этих предметов вынется. Особый вид гадания был следующий: наливали в блюдо воды и клали туда уголек. На краях блюда раскладывали хлеб, кольцо и песок. Потом взбалтывали воду и ждали, пока уголек остановится; будущее определялось по тому, где остановится уголек: песок означал смерть, хлеб — отсутствие перемен.

Ист.: Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991.

ГАЙТАН, праздничное нагрудное украшение русских крестьянок. Было распространено на юге России.

Нагрудное украшение — «гайтан». Юг России. XIX в.

ГАЛАКТИОН, народное название дня свв. мчч. Галактиона и Епистимы, жениха и невесты, при гонителе христиан имп. Декии пострадавших, 5/18 нояб.

Бытовало поверье, что в этот день молодым влюбленным, которых разлучили родители, не по их воле женили или не с тем обручили, надо было, вспоминая свою прежнюю любовь, смотреть в сумеречное небо. Может быть, там и счастье свое отыщешь: милый появится или другой образ привидится. При *гадании* для «присухи» жениха из свежего *веника-голика* вырывали прутик и клали его на порог, ожидая парня. Как только он перешагивал через прутик, девушка убирала его в укромное место. В банный день прутик клали в *бане* на полоч, приговаривая: «Как сохнет этот прут, так пускай сохнет по мне раб Божий (такой-то)».

ГАЛУШКИ, клецки, пшеничное тесто, сваренное комками в воде или *борще*. Иногда галушки замешивались на молоке или затирались на свином сале. Их ели с маслом или со свиным салом с чесноком.

ГАМАЮН, в древнерусской мифологии вещая птица, посланница богов. Всем, кто умеет слышать тайное,

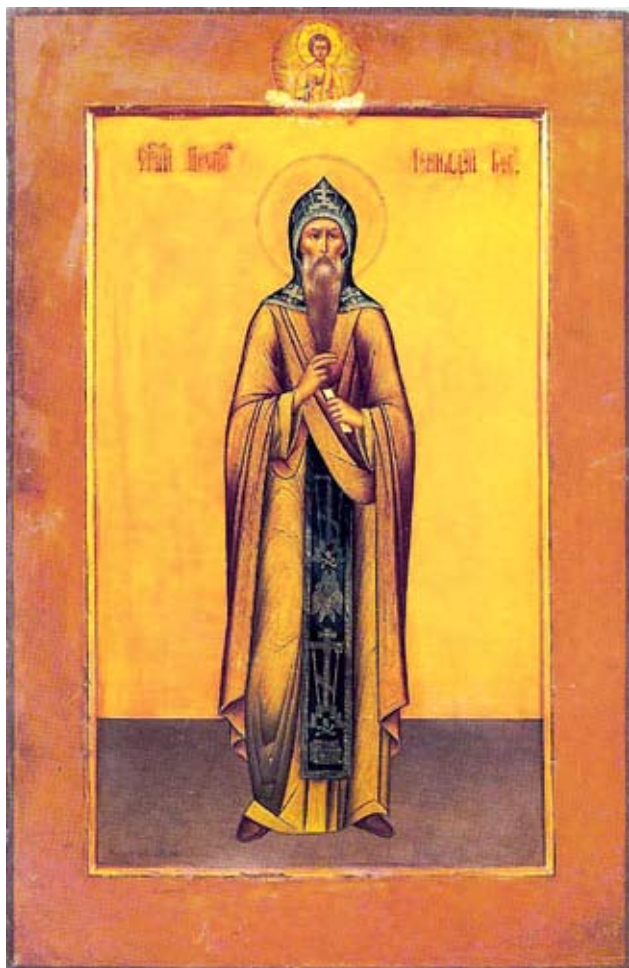
Птица Гамаюн помогла родиться младенцу-великану Русу. В. Васнецов. «Гамаюн — птица вещая»

она сообщает о происхождении земли и неба, богов и богинь, людей и чудовищ, птиц и зверей.

ГАРМОНИКА (*гармонь*), популярный, особенно в к. XIX — н. XX в., прежде всего в городской мещанской среде, музыкальный язычковый духовой инструмент с мехами и металлическими клапанами и ладами. В Россию гармоника была принесена из Германии.

В 1-й четв. XIX в. началась переработка гармоники русскими мастерами, а собственное производство возникло в 1830-х. В России было создано множество разновидностей гармоники: тульская, бологская, саратовская, сибирская, татарская, касимовка, венка, тальянка и др.

ГЕННАДИЙ КОСТРОМСКОЙ и ЛЮБИМОГРАДСКИЙ, преподобный († 1565), в миру Григорий, происходил из Могилева. Родился в семье богатых, но не отличавшихся благочестием родителей. Переодевшись в бедную одежду, Григорий тайком ушел из дома. Долго странствовал по разным русским землям, ища духовного успокоения и, наконец, в Вологодской земле он встретился с прп. *Корнилием Комельским*. Он и постриг в монашество юношу, и они вместе удалились в непроходимые костромские леса. Здесь, на берегу Сурского оз., они в 1505 основали обитель в честь Преображения Господня, впоследствии — *Спaso-Геннадиев монастырь*. Особенно любил прп. Геннадий иконописное дело, чутко переживая в своей душе Божественную красоту. За свою праведную жизнь подвижник получил редкий дар прозорливости и чудотворения. Канонизирован в 1646.

Прп. Геннадий Костромской. Икона. XIX в. Москва

Память прп. Геннадия отмечается 23 янв./5 февр. и 23 мая/5 июня (в Соборе ростово-ярославских святых).

ГЕННАДИЙ НОВГОРОДСКИЙ свт., архиеп. († 4.12.1506), происходил из боярской семьи Гонзовых, но светской карьере предпочел иноческую жизнь, которую начал в Валаамском монастыре под руководством прп. Савватия Соловецкого. Вскоре он становится архимандритом Московского Чудова монастыря, а затем посвящается в архиеп. Новгородского. В это время в Новгороде, а затем в Москве иудейскими проповедниками стало распространяться тайное учение, получившее наименование «ереси жидовствующих». Оно искажало основы Православия и грозило изменить весь ход истории русской церкви и государства.

Тяжелую 20-летнюю борьбу с еретиками, успевшими получить некоторую поддержку при великокняжеском дворе, возглавил архиеп. Геннадий совместно с др. русскими свв. *Иосифом Волоцким* и *Нилом Сорским*.

Прежде всего были пересмотрены церковные книги, и из них изъято все чуждое русской православной традиции, ликвидированы иудейские синагогальные тексты, все сомнительные места, которыми еретики прельщали православных священников. По инициативе и под редакцией архиеп. Геннадия была полностью переведена Библия, точнее, все книги Ветхого Завета. До этого их полного перевода не было не только у русских, но и у др. славянских народов. Полный свод переведенных священных текстов составил Геннадиевскую Библию (1499). Этот перевод окончательно

Свт. Геннадий Новгородский. Икона. XX в. Москва

но обезоруживал еретиков, которым в своих аргументах против христианства оставалось прибегать только к открытому обману.

Архиеп. Геннадий организовал также перевод полемических сочинений, в которых представлялось систематическое опровержение иудейских сект. Были переведены сочинения магистра Николая Делира «чина меньших феологии преследователя, прекраснейшие стязания, иудейское безверие в Православной вере похуляюще»; сочинение «учителя Самоила Еврейна на Богоотметные жидове, обличительно пророческими речми»; сочинение Иакова Жидовина «Вера и противление крестившихся иудей в Африкии и Карфагене».

В 1504 свт. Геннадий и его сподвижникам удалось добиться полного осуждения еретиков. С именем свт. Геннадия связаны и создание «Четвертой Новгородской летописи», и первое уставное указание о почитании русских подвижников, и составление пасхалии «на осьмую тысячу лет» (от Сотворения мира), появление которой пресекло злонамеренные слухи о скором конце света.

Смущенный «простотой» своих сподвижников, свт. Геннадий выступил за создание училищ для духовенства.

При дворе свт. Геннадием было написано «Слово кратко» в защиту церковной собственности, позволяющее церкви вести просветительскую и благотворительную работу.

Деятельность свт. Геннадия вызывала злобу тайных врагов Православия при дворе. Их интригами святой был смещен с архиепископской кафедры и заключен в Чудовом монастыре.

Память свт. Геннадия отмечается 4/17 дек.

Соч.: Послание к волоцкому князю Борису Васильевичу; Грамота соборному духовенству о пасхалии//РИБ. Т. 6. СПб., 1908; Послание епископу Прохору Сарскому; Посла-

ние Никифору Суздальскому; Письмо Иоасафу, бывшему архиепископу Ростовскому; Письмо митрополиту Зосиме; Письмо собору епископов; Письмо неизвестному // *Казакова Н. А., Лурье Я. С.* Антифеодалные еретические движения на Руси XIV — н. XVI в. М. — Л., 1955.

Лит.: О ереси жидовствующих // ЧОИДР. 1902. Т. 3; *Прохоров Г. М.* Прения Григория Паламы «с хионы и турки» и проблема «жидовская мудрствующих» // Тр. отдела древнерусской литературы. Т. 27. Л., 1972; *Грандицкий П.* Геннадий, архиепископ Новгородский // Православное обозрение. 1880. № 12.

О. П. ГЕОРГИЙ ПОБЕДОНОСЕЦ, великомученик († 303), один из самых чтимых русских святых, покровитель Москвы и Русского государства. Русские люди видели в Георгии Победоносце мужественного воина, победоносного ратника воинства Христова. Высоко отмеченный имп. Диоклетианом как талантливый полководец, св. Георгий не прельстился этим и резко восстал против гонений на христиан, воздвигнутых императором-

язычником. За это он был подвергнут жесточайшим мучениям: огромный тяжести камень клали на грудь, привязывали к колесу, под которым впивались в тело великомученика лезвия. Знамения Небесные укрепляли великомученика в его страданиях за Христа Спасителя. Ими была потрясена — и уверовала в Истинного Бога и сама имп. Александра, ставшая христианкой. пытки св. великомученика продолжались. Тщетна была и попытка императора соблазнить св. Георгия разделить с ним царскую власть. Тогда имп. Диоклетиан приговорил его к смертной казни — через усеконовение главы.

На Руси почитание Георгия Победоносца получило особое значение. Этого святого воспринимали как покровителя всего русского народа. Образ его на коне и поражающего змея вошел в герб Русского государства. Его имя носили тысячи церквей. В основе этого почитания, по-видимому, лежит древнерусский языческий культ *Дажьбога*, до Крещения Руси также считавшегося

покровителем и родоначальником русского народа. Св. Георгий Победоносец вытеснил многие древние верования русских, но вместе с тем в народе ему были приписаны черты, которыми раньше наделяли Дажьбога. Почитание Георгия Победоносца — Егорий Вешний (23 апр.) и Егорий Осенний (см.: Юрьев день) (26 нояб.) — пришлось примерно на то же время, когда в языческой Руси праздновали Дажьбога. Как в свое время праздновали Дажьбога, так в христианскую эпоху праздновали Георгия Победоносца, открывая, а затем закрывая цикл сельскохозяйственных работ.

У русских крестьян св. Георгий известен под многими именами, напр. Ягория, Егория Храброго, Юрия, Георга, Георгия, Юрья, Юрки. Русские видели в этом угоднике особенного представителя и хранителя земли Русской и почитали его каким-то героем-полубогом. В то время, когда, по словам русских духовных стихов, «земля Русская была словом заказана, заповедана, что по той земле ни пеш человек не прохаживал, ни на коне по ней никто не проезживал», едет к ней на своем коне ретивом св. Егорий Храбрый. Наезжает он на землю Русскую, и здесь пред ним являются «леса темные, дремучие, горы высокие, моря глубокие и реки широкие, звери лютые и рогатые, стадо змеинное, лютее». Несмотря на это, хочет Егорий Храбрый «ту-то проехать, ту-то проторить». Для этого «возговорил он слово вешее», и вдруг,

Георгий Победоносец. Икона. Нач. XIV в. ГРМ

Чудо Георгия о змие. Икона. XV в. Киевский музей украинского искусства

«по Божьему всевелению, по Егорьеву молению, по всей земли светлорусской разрастаются леса темные, раскидаются леса дремучие, рассыпаются горы высокие, становятся холмы широкие, текут моря глубокие, бегут реки широкие: заселяются звери могучие, плодятся звери рогатые; они пьют-едят повеленное, от Егорья Храброго заповеданное».

По народному представлению, св. Егорий своим словом, личною своею деятельностью устраивает землю светлорусскую, и, устроив ее таким образом, берет ее под свое непосредственное смотрение и утверждает в ней «веру крещеную». До XV столетия лик этого угодника один, без всяких прибавлений, составлял государственный герб нашего Отечества. В Древней Руси изображение св. вмч. Георгия тоже первоначально одно выбивалось на московских монетах. День св. Георгия, 23 апр., был известен в народе под именем *Юрьева дня* весеннего, или голодного, для отличия в этом случае от другого праздника, 26 нояб., осеннего, холодного. По своему значению вешний Юрьев день может быть назван великим церковно-народным праздником, особенно важным в земледельческом и пастушеском быту наших предков. В день его памяти, именно 23 апреля, существовал обычай служить обедни и молебствия, в которых крестьяне спрашивали у этого угодника благословения своим нивам и обилия земного. В Малороссии, кроме того, совершались общие крестные ходы для освящения посевов, и крестьяне верили, что во время этих процессий «сам св. Юрий ходит по полям и родит жито». В северо-западной Руси со дня св. Георгия тоже начинали служить в селах обедни об успехах в хозяйстве. Крестьяне рано утром обходили засеянные поля с *пирогом*, *водкой* и др. съест-

ными припасами и обтыкали межу косточками, сбереженными от пасхального стола, или посыпали жжеными косточками те места, где росла «осока». При этих обходах обыкновенно пелась песня в честь св. Георгия, покровителя земледелия.

Русские нередко называли св. Георгия Водоносом, т. к. в день его памяти было принято совершать особенного рода хождения для водосвятия на источники и реки. По народному верованию, вода, освящаемая в Юрьев день, имеет весьма благотворное значение для произрастания полей. Она известна в простонародье под именем «Юрьевой росы», и ею окропляются поля и посевы при крестных ходах.

Благотворное влияние Юрьева роса имела на людей, скот и все живое; крестьяне видели в ней особенное целебное средство против всякого рода *болезней*. Отсюда вошло в обычай говорить о безнадежно больных в весеннее время, что «не выйти-де им на Юрьеву росу». При выгоне скота в поле сельские хозяева

Чудо Георгия о змие. Икона. Сер. XVI в. ГРМ

окропляли его юрьевскою водою, чтоб он был здоров и благополучен во все лето. Русские крестьяне отдали под покровительство св. вмч. Георгия домашний скот, а день его почитался в народе важным пастушеским праздником. По заведенному исстари обыкновению, сельские хозяева в Юрьев день в первый раз выгоняли скотину в поле. При этом многие из них служили молебствия, другие нередко налагали даже на себя *пост* за благополучие своего скота. В старинных народных сказаниях св. Георгий чтится как покровитель домашних животных и хранитель их от падежа и разных болезней. В честь этого угодника, как заступника скота, во многих местах к 23 апр. принято в сельскохозяйственном быту готовить из хлебного теста

разные изображения коров, лошадей и др. домашних животных; такие же изображения в виде детских игрушек готовились из глины. Выгоняя из зимних стойл скот, крестьяне ударяли его освященной *вербой* и отдавали как бы в ведение св. вмч. Георгия. По народному представлению, этот угодник лично выезжает 23 апр. в поле на своем белом коне, охраняет скотину от хищных зверей, особенно *волков*. Он же строго следит за самими пастухами: так, он помогает тем из них, которые хорошо берегут покровительствуемых им домашних животных, и, напротив того, жестоко наказывает тех, которые небрежно относятся к своему делу. В связи с этим-то поверьем стоит следующий обычай: отпуская свой скот на пастбище, крестьяне оканивали пастухов холодною водою, чтоб они были бдительнее при уходе за этими животными, и т. п.

Русские крестьяне верили, что весенняя юрьевская вода, особенно в виде *дождя* и снега, обладает целебными свойствами, способна возрождать природу, отгонять *нечистую силу*, подавать красоту, молодость, здоровье, крепость. В Древней Руси существовали поверья, что в Юрьев день, на заре, *знахари* и *ведьмы* нарочно выходят в поле, расстилают по росе холст и набрасывают его на рогатый скот, отчего он делается недойным, тощим и т. п.

С днем св. Георгия было связано немало число примет и наблюдений, по которым крестьяне гадали об урожае и погоде: «На Егорья мороз — будет просо и овес»; «На Егорья мороз — под кустом овес»; «На Егорья мороз — гречи хороши»; «Яровое сей на Егорья»; «Юрий начинает полевые работы, Юрий и оканчивает» и др. В народных приметах и пословицах, как весной, так и зимой, Егорьев день часто соединялся с Николиным (см.: Никола Вешний, Никола Зимний). Так, напр., крестьяне говорили: «Егорий с летом, а Никола с кормом»; «Егорий с водой, а Никола с травой»; «Егорий с кормом, а Никола с комарами» и т. п.

Память вмч. Георгию отмечается 23 апр./6 мая, 3/16 нояб., 10/23 нояб. и 26 нояб./9дек.

ГЕРАСИМ БОЛДИНСКИЙ, преподобный (1490—1.05.1554), в миру Григорий, промыслом сапожник, 13 лет от роду поступил в Свято-Троице-Данилов Переяславский монастырь при жизни его основателя прп. *Даниила*. Своей аскетической суровой жизнью стяжал всеобщее почитание, но это тяготило св. Герасима — он желал безмолвия и одиночества. В 26 лет он удалился в дикие смоленские леса и, видимо, по особенному видению, пришел на Болдину гору. Много оскорблений и унижений претерпел преподобный от местных поселян: его били палками и даже один раз, связав руки и ноги, хотели бросить в озеро, но по молитвам святого он был чудесно освобожден. С того времени имя св. старцанискало уважение, и в его пустынь стали приходить ревнители благочестия. Так вскоре была

Прп. Герасим Болдинский. Литография. Сер. XIX в.

выстроена Свято-Троицкая обитель. Кроме *Болдина монастыря* прп. Герасим выстроил еще 4 монастыря. Устав он им дал особенный: монастыри эти были строго замкнутые, и никто из братии никогда из них не должен был выходить, даже согрешивших нельзя было изгонять. Настоятель должен был обязательно выбираться из среды братии и управлять с помощью 12 старцев. Прп. Герасим служил всем примером своей жизни: он спал сидя, питался хлебом и водой, исполнял самые тяжелые работы.

Память прп. Герасиму отмечается 1/14 мая.

ГЕРАСИМ ГРАЧЕВНИК, народное название дня прп. Герасима, 4/17 марта.

В этот день в связи с прилетом птиц крестьянки выпекали из теста «грачей», подавали выпечку на стол и угощали ею прохожих. С помощью *заговоров* выжидали *кикимору*. Пожилые люди выходили на пригорки, вслушивались в весну и всматривались в птичьи стаи. Если грачи летят легко, то считалось это к доброй весне, а если с натугой над полями пролетали, то это сулило дождливое и ветреное лето. Считалось, что родившийся в этот день будет трудолюбивым и заботливым хозяином.

По народному поверью, в этот день нельзя было надевать новые *лапти*. Их скрип отвлекает от работы и приманивает *нечистую силу*.

ГЕРМАН КАЗАНСКИЙ и СВЯЖСКИЙ, архиепископ (1505—6.11.1567), родился в г. Старице Тверского края в семье бояр Полевых, происходивших от князей Смоленских. В юности отличался склонностью к созерцательности и любил изучать Священное Писание, особенно псалмы Давидовы. В 25-летнем возрасте он поступил в Иосифо-Волоколамский монастырь. Там

Свт. Герман Казанский и Свяжский. Икона. XX в.

на молодого монаха оказали сильное влияние подвижавшиеся в обители Гурий, будущий просветитель Казани, и несправедливо сосланный туда прп. Максим Грек. Пройдя все монастырские послушания, свт. Герман был архимандритом Старицкого Успенского монастыря и довел его до цветущего состояния. После этого он вернулся в Волоколамский монастырь на безмолвие. После избрания архим. Гурия первым архиепископом Казани свт. Герман был назначен его вторым помощником. Свт. Гурий поручил ему Свияжскую горную сторону непокоренной страны. Там свт. Герман создал монастырь с училищем, ставшим просветительным средоточием края. После кончины свт. Гурия в 1564 его преемником стал свт. Герман, который продолжал ревностные труды своего учителя. В годы опричнины святого вызвали в Москву, но митрополичьего престола он не занял, т. к. открыто выступил в защиту свт. Филиппа, которого обвиняли в заступничестве за осужденных. Через несколько дней свт. Герман был зарублен опричниками. Погребли его при церкви свт. Николая, а в 1592 его мощи были перенесены в Свияжск. К лику святых свт. Герман был причислен в 1696.

Память свт. Герману отмечается 23 июня/6 июля, 6/19 нояб. и 25 сент./8 окт. (перенесение мощей в 1595).

ГЕРМОГЕН (ок. 1530 — 17.02.1612), святой, патриарх, духовный писатель. Участвовал в избрании на царство Бориса Годунова. Обличал Лжедмитрия I, требуя крещения Марины Мнишек в православную веру, за что

Свт. Гермоген, патриарх Московский и всея Руси, чудотворец. Икона. XX в. Москва

подвергся опале. В 1606 при царе Василии Ивановиче Шуйском был возведен на патриаршество и активно поддерживал деятельность царя. Рассылал грамоты против сторонников восстания И. И. Болотникова, в 1608 выступил против Лжедмитрия II.

В 1610 отказался целовать крест польскому королю и велел москвичам, собравшимся в Успенском соборе

Московского Кремля, «королю крест не целовать». С дек. 1610 рассылал по русским городам грамоты, направленные против поляков. Был заточен поляками в Чудов монастырь и умер в заключении.

Память ему празднуется 12/25 мая и 17 февраля/2 марта.

ГЕРОИЗМ И ГЕРОИ В НАРОДНОЙ ТРАДИЦИИ — см.: ПОДВИГ.

ГИЛЬФЕРДИНГ Александр Федорович (2.07.1831—20.06.1872), славянофил, собиратель и исследователь русского фольклора.

А. Ф. Гильфердинг

Родился в Варшаве в семье директора дипломатической канцелярии при наместнике царства Польского. Предки Гильфердинга приехали в Россию из Германии еще при Петре Великом. Отец Гильфердинга хотя и считал себя немцем и был католиком по вероисповеданию, но сына воспитал в истинно русском духе и крестил в Православии. Во многом это объяснялось близким знакомством отца Гильфердинга с Хомяковым и др. славянофилами. Гильфердинг с детства был связан со славянофилами и органически вошел в их братство. В 1852 Гильфердинг окончил историко-филологический факультет Московского университета. По совету Хомякова Гильфердинг занялся изучением санскрита. В 1853 Гильфердинг публикует магистерскую диссертацию «Об отношении языка славянского к родственным», что стало значительным событием в науке. Одновременно Гильфердинг занялся популяризацией славянской истории для русской публики. Так, в 1854 в «Московских ведомостях» он помещает «Письма об истории сербов и болгар», в «Москвитянине» — «Историю балтийских славян». По окончании университета Гильфердинг начал работать в МИДе и в 1856 стал консулом в Боснии. Помимо дипломатической деятельности Гильфердинг собирал древние славянские рукописи, беседовал с народными сказителями. В 1859 на основе собранного материала Гильфердинг выпустил книгу «Босния, Герцеговина и Старая Сербия». Гильфердинг занимался не только зарубежными славянами. Так, в 1858 он выпустил на французском языке книгу «Восточные славяне», знакомившую западную науку с этнографией русской нации. В 1861 перешел на службу в Госканцелярию и уже 2 года спустя стал помощником гр. Н. А. Милютина. Граф проводил административные реформы в Польше после усмирения мятежа 1863—64. Гильфердинг был одним из творцов правительственной политики в Польше. Именно ему принадлежит проект преобразования польской системы просвещения, действовавшей до 1918. Помимо госслужбы в жизни Гильфердинга все более крупную роль стала играть его общественная деятельность. В 1867 он стал председателем Петербургского Славянского комитета. Впрочем, в первую очередь Гильфердинг оставался ученым. В к. 1860-х Гильфердинг возглавил этнографический от-

дел Русского Географического общества. Гильфердинг не только руководил этнографами, но и сам ездил по самым «медвежьим углам» России, собирая образцы народного творчества. В Олонецкой губ. Гильфердинг стал одним из открывателей устного фольклора Русского Севера. Поскольку на Севере никогда не было крепостного права, не испытал он татарского ига, находится Север далеко от Центральной России, то именно здесь к XIX в. сохранились многие черты культуры Киевской Руси. Результатом поездки Гильфердинга по Северу стал сборник из 318 *былин* с указанием имен сказителей и названием деревень, где они были записаны. Для этнографии XIX в., когда преобладало создание авторских произведений по фольклорным мотивам, это было внове. Выпуск онежских былин стал научным подвигом Гильфердинга. Однако на выборах в Академию наук Гильфердинг был забаллотирован. Характерно, что многие академики не скрывали, что именно политические взгляды Гильфердинга привели его к неудаче. Гильфердинг отнесся к неизбранию спокойно, считая, что от немецкого состава российской Академии, не изменившегося со времен Ломоносова, другого ждать не приходится. В 1872 он отправился во вторую поездку на Север, но в дороге простудился и умер в Каргополе.

Лит.: Полное Собрание произведений. Т. 1–4. СПб., 1868–74.

С. Лебедев

ГИТАРА, музыкальный струнный щипковый инструмент, с к. XVIII в. популярный в русских городах, сначала в дворянской среде, в основном среди офицеров, помещиков средней руки, любителей загула, *псовой охоты* и цыган. В 1-й пол. XIX в. гитара распространилась также в купеческом и мещанском обществе, однако была почти неизвестна в деревне. На популярность гитары сильно повлияли романтические и постромантические настроения 1-й пол. XIX в., а также огромная роль цыган в развлечениях русских горожан «среднего класса». У цыган вместе с цимбалами, бубном и скрипкой гитара стала самым распространенным музыкальным инструментом. Для гитары было сложено множество городских романсов и песен, она постоянно упоминается в русской классической литературе, фигурирует в живописи, как неотъемлемая часть русского городского быта.

Л. Б.

ГЛИНЯНАЯ ПОСУДА, по форме глиняная посуда русских делилась на 3 основных типа. Она могла иметь форму овала, цилиндра или усеченного конуса, повернутого основанием вверх. Овальные горшки, на которых были изображены орнаментированные малороссийские горшки из Полтавской губ., делались гл. обр. для варки пищи, причем белорусы иногда оплетали их проволоочной сеткой. Очень большие горшки имели особые названия. Русская *корчага* употреблялась гл. обр. для изготовления пива и кваса; в малороссийской макітре, макотере держали воду и ставили тесто. Малороссийский підворотень имел в высоту 30–35 см. Очень маленький горшок у южнорусских назывался махотка, у малороссов — махітка. Др. группа особых названий была связана с назначением данной посуды: к шнік (русские и малороссы) использовали для варки каши, золінник (малорос.) — для кипячения воды при стирке, штенік (севрус.) — для варки шей. Очевидно, в эту же группу входит и русский е(я)гольник — маленький горшок для каши. Овальную форму имела ты́ква, в которой носили воду, кубы́шка (рус.), барило (мало-

Глиняная утварь:

а, б — крынки для молока; в — горшок; г — квашонка; д — латка; е — корчага, оплетенная берестой; ж — макотёр для растирания зерен мака, тывки, конопли

рос.) — бочонок. Ствб́ун и плосќун (малорос.) названы по их форме.

Цилиндрическую форму имела кружка для воды (малорос. кұхоль, кихлик). Форма неправильного цилиндра у кринок для воды и молока (малорос. глек, глечик; рус. *кринка*, *балакирь*, горла́ч, куба́н; белорус. гладыш; малорос. ста́вець, сло́ик).

Форму перевернутого усеченного конуса имела малороссийская *миска*, в которой подавали на стол

Глиняные емкости для переноски жидких продуктов:

1 — жбанок. Минская обл.; 2 — близята. Львовская обл.; 3 — жбанок, Львовская обл.; 4 — близята. Хмельницкая обл.

все блюда, затем яндола, полумисок, ринка, а также русские латка, *плошка*, жаровня. В зависимости от назначения в малороссийских ринках различались гусятница и поросятница, в которых жарили птицу или поросят.

Особняком стояли малороссийские сосуды, имевшие скорее декоративное значение, напр. глечик в форме кольца, старинные сосуды для вина в виде различных животных, особенно барана, льва, *медведя* и др. (баран, лёва и др.).

Непрочные горшки с трещинами севернорусские оборачивали полосками *бересты* и называли их *молостов*, *берестень*.

Ист.: Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991.

ГНЕЗДО, в народной традиции наделялось магическими свойствами (обеспечивающими плодovitость) и хранило в себе чудесные предметы. Название «гнездо» использовали в основном применительно к диким птицам, в меньшей степени — к летающим насекомым (осам, шмелям, диким пчелам), змеям (змеиное гнездо), а также к некоторым животным (ласке, кунице, белке, мыши и др.). Считалось, что гнездо может быть также у *болезни* и *смерти*: гнездо может обозначать место, где сосредоточена болезнь, а во фразе «смерть свила свое гнездо» оно являлось выражением смерти. Гнездом *черта* иногда считали оملу. Гнездо символизировало также дом, семью и домашний очаг («свить себе гнездо» — значит устроить свою семейную жизнь, обзавестись семьей; гнездом называли семью, супружескую пару), а в народных песнях также брачное ложе и супружество.

Широко распространен фольклорный сюжет о добывании из гнезда некоторых птиц волшебной *разрыв-травы*, с помощью которой можно открывать любые замки. Существовало поверье о камне в гнезде *ворона* или какой-то др. птицы, который делал это гнездо невидимым. В гнезде черного дрозда имелся камень, приносящий счастье; в гнезде орла — камень «огневик», или «орлов камень», охраняющий его обладателя от огня, болезней и *порчи*. Если во время жатвы найти мышиное гнездо с маленьким камешком внутри и дать его скоту, то он будет хорошо плодиться.

На *Благовещение*, по поверью, ни одна птица не вьет себе гнездо, а у той, что совет, отнимутся крылья, и она на все лето «сделается пешею». *Кукушка* не имеет гнезда оттого, что свила его на Благовещение. *Воробей* тоже не «празднует» Благовещения и вьет в этот день гнездо. Крестьяне считали, что ястреб свое гнездо носит под крыльями.

Повсеместно было запрещено разорять гнезда некоторых птиц (*аиста*, голубя, *ласточки*), т. к. их гнезда на доме или вблизи жилья оберегают дом и скот. Считалось, что следствием нарушения запрета могут быть разного рода несчастья: пожар, молния, *град*, лишение крова, смерть, гибель скота, болезни, появление веснушек и т. п. Известен даже обычай специально устраивать гнездо аисту. На заходе или после захода солнца нельзя было заглядывать в птичьи гнезда, т. к. муравьи поедят яйца или птенцов, птенцы не выживут или птица покинет гнездо. По той же причине по возвращении домой или после захода солнца нельзя было никому рассказывать о находке гнезда некоторых птиц.

Гнезда употреблялись в магических действиях, *оберегах* и лечении. Считалось, что гнезда некоторых

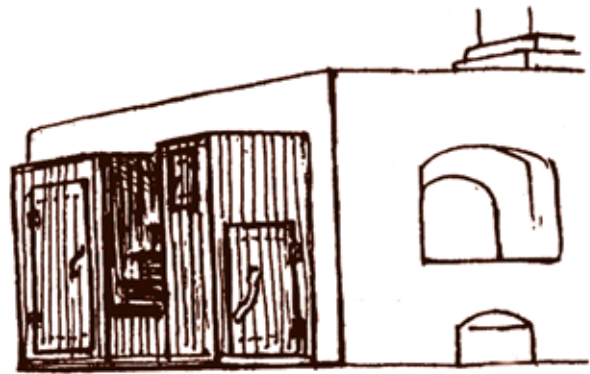
диких птиц (аиста, гуся) оказывают продуцирующее воздействие на домашнюю птицу. Так, в гнезда аиста кидали куриное яйцо, чтобы курицы несли крупные, как у аиста, яйца. При виде прилетающих весной диких гусей подбрасывали вверх солому гусям «на гнездо», а затем собирали ее и клали под домашних гусей или кур-наседок, чтобы не было яиц без зародыша. В магических целях использовалось гнездо ремеза, имеющего одно отверстие, а не два: его вешали на палку, которой затем ударяли ссорящихся супругов, чтобы восстановить семейное согласие между ними, окуривали им роженицу в случае трудных родов или освящали гнездо на *Пасху* вместе с куличами и окуривали им коров. Чтобы куры были плодovitыми, в гнездо наседки клали рождественскую солому, иногда делали гнездо для наседки из рождественской соломы, на которую сажали детей, первыми прибежавших в дом на Рождество. В некоторых местах такую обрядовую солому клали в гнездо курам, чтобы они несли яйца лишь на своем дворе или чтобы птенцов не оглушил гром.

Лит.: Клинггер В. Животное в античном и современном суеверии. Киев, 1909—11.

А. Гура

ГОВЕНИЕ, приготовление православных к таинству *причащения*. Гование включало *пост*, воздержание, посещение всех богослужений в продолжение хотя бы одной недели и чтение всех домашних *молитв* по молитвеннику.

ГОЛБЕЦ, в русской *избе* небольшая дощатая пристройка у *русской печи* у входа, вдоль ее боковой стены, обычно высотой до лежанки, иногда ниже, чтобы на нем можно было сидеть (припечек). В голбце устраивалась лесенка для подъема на лежанку, дверки с полками для хранения мелочей, сушки одежды, обуви, лаз в подполье.

У В. Даля голбец определяется так: «деревянная приделка к печи, с лазом на полати, со сходом в подполье или в *подпечек*; *казенка* у печи, деревянная лежанка, широкая лавка, рундук».

В некоторых областях России голбец расписывали масляными красками.

По народным поверьям, голбец считали домом доброго, расположенного к хозяевам *домового*.

ГОЛГОФА (арам.: череп), место черепа, лобное место, холм на северо-западе от Иерусалима; место суда и смертной казни; место распятия Иисуса Христа. По христианскому преданию, в Голгофском холме был погребен Адам. Кровь Христа стекала на череп Адама и в его лице омывала все человечество от скверны *греха*, отсюда изображение черепа — «адамовой головы» — в

Икона с изображением Голгофского креста в овале. 1-я пол. XIX в. Заонежье, Лекса. ГРМ

подножии креста. Голгофа в представлениях Святой Руси, в поверьях крестьян — «Пуп Земли», священный центр мира.

ГОЛИК, *веник* из березовых прутьев без листьев.

ГОЛИНДУХА, голодное время, когда у крестьян кончались последние запасы хлеба и овощей. Название Голиндуха носили 2 дня в году: 5/18 февр. — *Агафья Коровница*, 12/25 июля — *Прокл — Великие росы*.

ГОЛИЦЫ, кожаные *рукавицы* без подкладки.

ГОЛОВА САХАРУ, форма, в которой продавался в России сахар-рафинад, в виде округлого конуса весом несколько фунтов, завернутого в синюю вошеную «сахарную» бумагу. Сахар был плотный, голубоватого оттенка, перед употреблением его кололи тяжелым косарем, а при питье чая кололи на мелкие кусочки особыми щипцами. Чай в России пили только с рафинадом, гл. обр. вприкуску: считалось, что сахарный песок, тогда не рафинированный, портит вкус и цвет чая, высоко ценившегося.

ГОЛОВИЗНА, голова и часть хребта красной рыбы. Употреблялась в пищу, обычно в *пирог*и, *щи*, селянку.

ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ (женские), женский головной убор в своих формах и декоре более др. частей одежды сохраняет архаичные черты, содержит многочислен-

Ф. Солнцев. Головные уборы тихвинских и белозерских женщин

ные элементы напластования. Головные уборы хранились в семьях из поколения в поколение и были неперменной частью приданого невесты из зажиточной семьи.

Со времен Древней Руси существовал общий для всех славянских народов обычай, по которому девичий головной убор строго отличался от головного убора замужней женщины. Это относилось и к прическе: де-

Женщина в торопецком жемчужном кокошнике и платке. Нач. XIX в.

Женщина в тверском головном уборе «каблучок». 1-я пол. XIX в.

вушка могла появляться на люди, не покрывая головы, с распущенными или заплетенными в одну косу волосами, а замужняя женщина не имела права находиться с непокрытой головой даже дома, должна была заплетать две косы. Отсюда получили развитие специфические формы головных уборов: у женщин — прячущие волосы, у девушек — оставляющие их открытыми. Это нашло отражение в свадебном обряде, где смена девичьей прически и головного убора на женские сопровождалась печальными причитаниями, сценами прощания с вольной жизнью, оплакивания ухода в чужую семью.

Традиционные головные уборы русских женщин сводились к четырем основным типам, из которых они, очевидно, развились. Это платок, чепец, шапка

Женский головной убор — кокошник.
Европейская часть России. Кон. XVIII —
нач. XIX в. ГИМ

Женский головной убор — кокошник.
Московской губ. 2-я пол. XVIII в. ГИМ

Женский головной убор — кокошник.
Нижегородская губ., г. Павлово.
Кон. XVIII — нач. XIX в. ГИМ

Женский головной убор — кокошник.
Владимирская губ. 2-я пол. XVIII в. ГИМ

Женский головной убор — кокошник.
Псковская губ., Торопецкий у. Кон. XVIII —
нач. XIX в. ГИМ

Женский головной убор — кокошник.
Владимирская губ. Вторая половина
XVIII в. ГИМ

Женский головной убор. Олонецкая губ. (?)
Кон. XVIII — нач. XIX в. ГИМ

Женский головной убор — кокошник.
Олонецкая губ., Белозерский у.
Кон. XVIII в. ГИМ

Зимний головной убор. Север России.
1-я пол. XIX в. ГИМ

Женский головной убор — «сборник».
Вологодская губ. 1-я пол. XIX в.
ГИМ

Девичий головной убор — «челка»
Новгородская губ. Кон. XVIII — нач. XIX в.
ГИМ

Деталь женского головного убора —
«наушницы». Рязанская губ. Сер. XIX в.
ГИМ

щина случайно или нарочно засветит волосом, т. е. если в присутствии постороннего станет видна хотя бы одна прядь ее волос, это для нее величайший позор; кроме того, это опасно, поскольку домовому очень легко утащить ее на чердак, ухватив за непокрытые волосы. Более того, разгневанное божество может покарать за это, наслав неурожай, болезни, эпизоотии и т. п. У севернорусских нередко происходили судебные процессы по обвинению в нанесении женщине бесчестия; судили тех людей, которые опростоволосили или окосматили женщину, сорвав с ее головы чепец.

Головным убором замужней женщины, полностью и тщательно закрывавшим волосы, служило покрывало (древнерус. *убрус*; белорус. *намітка*, *обмітка*; малорос. *намітка*, *перемітка*, *серпанок*; рус. *ширинка*, *фата*, *полотенце*). Это длинное полотенце из тонкого, большей частью белого полотна, до 4–5 м длины и 60–70 см ширины. Существовали разные способы повязывать им голову: в форме цилиндра, усеченного конуса и т. д. Концы полотенца чаще всего свисали вдоль спины, иногда до самой земли (см. рис. «Намитка»). К н. XX в. *намітка* мало где сохранилась — только на западе Белоруссии и в Малороссии. В остальных местах ее сменил простой четырехугольный платок. Манера повязывать голову платком была также различна. Преобладавший в н. XX в. способ — с узлом под подбородком, был заимствован на Западе. Более старый способ повязывания платка — с узлом и двумя концами на затылке или на темени.

Очевидно, *намітка* являлась единственным женским головным убором, сохранившимся с древнейших времен. По всей России был известен также рогатый женский головной убор. Сама идея, лежавшая в основе этой моды, очень древняя; рога служили для ребенка и его матери, особенно для роженицы, оберегом от злого духа и от дурного глаза.

Существовал и двурогий головной убор под названием *кичка*. В н. XX в. он еще сохранялся в Южной России. Рога на кичке были обычно лубяные и прежде достигали в высоту 20 см и даже более. В XIX в. сельское духовенство боролось с высокими рогами южно-

и девичий венец. Эволюция женского головного убора была в значительной мере обусловлена православными воззрениями, в числе прочего требовавшими, чтобы замужняя женщина тщательно закрывала свои волосы от постороннего взгляда. Если замужняя жен-

Отражение макрокосма в микрокосме женского убора XII—XIII вв. По Б. А. Рыбакову

Намитка

русских женщин, не допускающая «рогатых» женщин к причастию или не позволяющая им посещать церковь. Такую же борьбу вели и некоторые помещики, старавшиеся одевать своих крепостных по последней моде. Такие головные уборы носили донские казачки н. XIX в. На высоких рогах казачки сзади висело белое шелковое

покрывало. Нередко концы рогов связывали лентами и шнурками, на которых висели разные украшения.

В н. XX в. русские женщины изменили рогатую кичку, так что рога не возвышались больше надо лбом, а лежали на голове горизонтально, и их острые концы были направлены больше назад, чем вверх. Так появился головной убор, широко распространившийся по всей России под названиями: кибалка, хомёвка, хомля (малорос.); кичка, рога, рожки, колотовка (рус.); сдериха, шашмура, киболла (севрус.); кішачка, тканіца, лямец, капіца, кібалка (белорус.) В своей простейшей форме он имел вид обруча или дуги, обращенной концами назад. На этот обруч малороссийские женщины

Ситцевый красный набивной платок — самый распространенный крестьянский платок в России. Нач. XX в.

Полушелковая шаль с цветным узором. XIX в.

Галицкий кокошник, шитый серебром и жемчугом, с жемчужной (бисерной) поднизью, белый кисейный платок, шитый золотом, — головной убор новобрачной. 1-я пол. XIX в.

Белый галицкий кисейный платок, шитый золотом. 1-я пол. XIX в.

Зимняя одежда молодой крестьянки — нагольный полушубок, кичка и шерстяной полушалок. Начало 2-й пол. XIX в.

Зимняя одежда жительницы пригородной слободы. На голове — шерстяной полушалок. Начало 2-й пол. XIX в.

Костромской кокошник и шелковый платок с тканым серебром и цветным шелковым узором. Начало 2-й пол. XIX в.

Полушелковый платок из Сольвычегодска с набивным рисунком

накручивали свои волосы, чтобы они не выбивались из-под платка. У белорусов это был просто жгут или кружок, сделанный из волокон льна, из войлока или же сшитый из куска холста. У южнорусских (см. рис. 4) это был плотно простеганный кусок холста надо лбом и мягкая полоса на лбу; рога и завязки находились сзади. Кибалка — кичка служила лишь каркасом для

верхнего головного убора — для покрывала и т. п. и как самостоятельный головной убор не употреблялась.

Поверх этого рогатого каркаса русские накидывали узорный платок особого покроя, известный под названием *сорóка*, *сорóчка* (рис. 5). Сзади у сороки хвост (также назатылень, позатылень), а по бокам — крылья, и, возможно, свое название она получила от птицы сороки, на которую она была похожа благодаря своей пестрой расцветке. Есть, однако, не меньше оснований связать это название с древнерусским словом «сорочка», имеющим значение «воротник рубашки, расшитый бусами или вообще как-либо украшенный». Для сороки были очень характерны украшения на лбу и на затылке, сделанные из мелких стеклянных бус, жемчуга, мишуры или вышитые. Малороссийская склендячка, происхождение которой аналогично происхождению русской сороки, получила свое название от украшения из стекла — продолговатых стеклянных бус.

У севернорусских сорока в н. XX в. сохранилась только на западе (Тверская губ.); напротив, у южнорусских она использовалась почти повсеместно. К белорусам она проникла только в Себежский у. Витебской губ., возможно благодаря сезонным рабочим.

У южнорусских был широко распространен особый тип головного убора в виде маленькой шапочки, в которой очень легко узнать сшитую сороку. Такую шапочку делали обычно из малинового бархата и украшали на лбу и на затылке золотым и серебряным шитьем (рис. 6). Покрой этой шапочки, так же как и маленькие рожки сзади, не оставляли никаких сомнений относительно ее близкого родства с сорокой. Однако были распространены шапочки и др. фасона. Их называли *кокошник*, однако они отличались от обычного кокошника, для которого был характерен гребень. В этом головном уборе мы также видим сороку, сшитую по образцу женской шапочки.

Обычно кончики рогов под сорокой соединялись перекладиной, которая называлась князёк. Это название заимствовано из архитектуры русского крестьянского дома, где так назывался гребень крыши. Вместе с князьком рога образовывали своего рода гребень, похожий на куриный или петушиный. Такой гребень являлся специфической особенностью русского головного убора, известного под названием кокошник. Само это название подчеркивало связь с гребнем: оно происходило от слова «кокошь», обозначавшего у русских петуха или курицу, и в дословном переводе слово «кокошник» должно обозначать «принадлежащий курице», хотя кокошник был сходен с курицей лишь по одному

Женский головной убор — «сборник». Вологодская губ. Нач. XIX в. ГИМ

Девичий головной убор — «коруна». Архангельской губ., с. Холмогоры. Кон. XVIII в. ГИМ

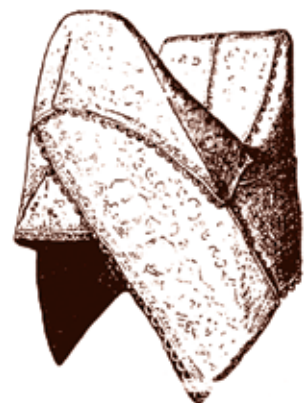
Южнорусский рогатый головной убор — кичка. Курская губ., Обоянский у.

Южнорусский женский головной убор кокошник без гребня сбоку (а) и сзади (б). Харьковская губ.

Южнорусский женский головной убор сорока сбоку (а) и сзади (б). Харьковская губ., Змиевский у.

Южно-русский кокошник с двумя гребнями. Курская губ., Обоянский у.

Южнорусский женский головной убор кокошник-златоголав. Курская губ., Гайворонский у.

признаку. Из всех многочисленных видов кокошника только упомянутая шапочка не имела гребня.

Кокошник был самым распространенным видом праздничного головного женского убора — род плотной твердой шапочки, который носили с сарафаном в северных и центральных губерниях России. Отдельные разновидности кокошника бытовали в южных губерниях. Кокошники XVIII — н. XIX в. северных и центральных губерний — прекрасные образцы народного искусства, сплав фантазии и высокого мастерства, выверенный и отработанный коллективным трудом талантливых мастериц многих поколений. Многообразные, сложные по форме и декору кокошники гармонично сочетались с сарафанной одеждой, образуя единый ансамбль. Формы кокошников необычайно своеобразны и самобытны: «двурогие» в виде полумесяца — владимирско-нижегородские, вы-

сокие с «рогом» — костромские, островерхие с «шишками» — торопецкие, низкие маленькие плоские шапочки с «ушками» — белозерские, типа «сборников» — вологодские, в виде опрокинутой чаши — тверские «каблучки» и др. Все они тесно связаны с местными обычаями и эстетическими представлениями. Кокошники шили из дорогих шелковых, парчовых, бархатных тканей, очелья дополняли выплетенными жемчужными поднизями в виде сетки, овальных зубцов или оборки-волана (новгородские, тверские). Верх и тыльные части расшивали пышным золотным узором, который иногда сплошь покрывал поверхность ткани (вологодские «сборники»). Кокошник, особенно богато украшенный, молодая женщина носила в первый год замужества или до появления первого ребенка, а потом только в исключительных случаях.

Три основных типа кокошника отличались друг от друга длиной гребня. У самого старого вида гребень шел поперек головы, от уха до уха. Этот тип был равно известен как на севере, так и на юге России. Вторым тип отличался двумя идущими поперек головы гребнями, из которых передний был закруглен (см. рис. 8). Это южнорусский кокошник, гл. обр. курский; его называли также шеломок. У третьего вида был только один дугообразный гребень, охватывающий верхнюю часть головы от лба до подбородка и напоминающий нимб на изображениях святых (см. рис. 9). Этот вид был распространен у тех севернорусских, у которых колонизация из Владимирско-Суздальской Руси преобладала над колонизацией из Новгорода.

В течение всего XIX в., а отчасти и в XX в. у южно-русских шла борьба между кокошником и более древней сорокой, причем иногда победителем в этой борь-

Севернорусский кокошник (типа нимба). Казанская губ., Казанский у.

Малороссийский очіпок из парчи. Харьковская губ., Валковский у.

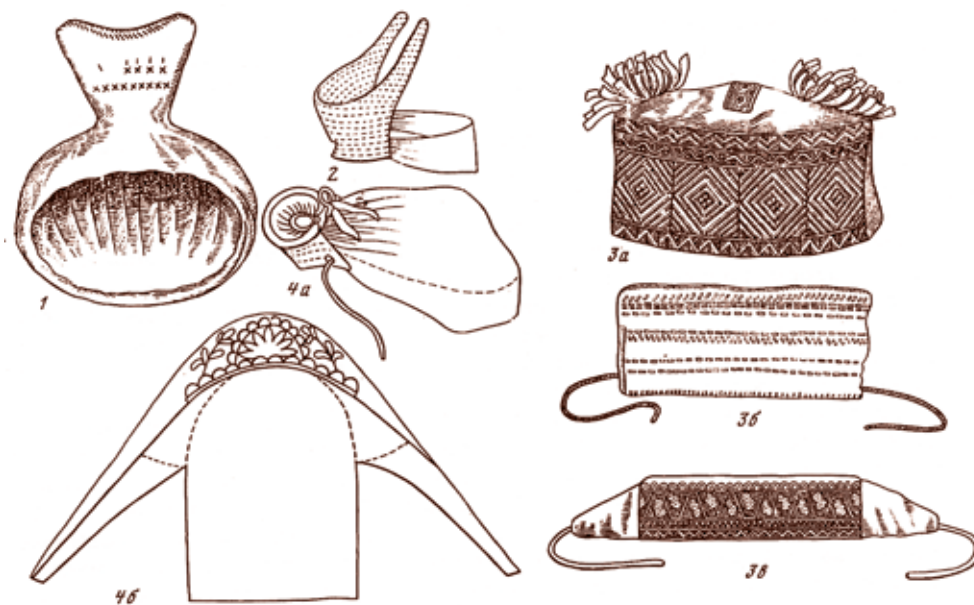
Малороссийский парчовый очіпок с двумя гребнями. Харьковская губ., Лебединский у.

Южнорусский повойник спереди (а) и сзади (б). Орловская губ., Малаоархангельский у.

Севернорусская кика. Новгородская губ., Кирилловский у.

Женские составные головные уборы: 1 — галава — нижняя часть белорусского женского головного убора. Минская губ., Мозырский у., д. Запесочное. Конец XIX в.; 2 — кичка рогатая. Рязанская губ., Михайловский у.; 3, а — сорока, б — лопатообразная кичка, в — позатыльник. Курская губ.; 4, а — кичка сдериha, или копыто, б — сорока. Олонецкая губ., Каргопольский у.

бе оказывался третий, нейтральный элемент, а именно простой платок. Вообще же у южнорусских кокошник вместе с сарафаном был распространен в тех социальных группах, которые по своей культуре были наиболее тесно связаны с Москвой.

Развитие женского головного убора, начавшись намиткой и кибалкой, прошло промежуточную стадию от сороки к кокошнику.

Параллельно этому шел второй процесс, конечным результатом которого оказался головной убор более простого типа. Следует отметить, что сорока вместе со всеми своими принадлежностями состояла из 14 отдельных частей и весила до 19 фунтов.

Вместо тяжелой кибалки появилась мягкая легкая шапочка, похожая на ту сетку, которой у древних греков и многих др. народов женщины придерживали волосы. Появился мягкий чепец, который завязывался шнурком, прoderнутым сквозь подшивку. Чепец шили из куса тонкой ткани разных цветов, с поперечным подрезом на лбу. Этот подрез делали так, что надо лбом образовывались мелкие сборки, в то время как на лбу ткань оставалась гладкой. На затылке закладывали рубец, через который прoderгивали шнурок. Этот фасон самого простого вида чепца был одинаков по всей России.

Названия чепца были очень разнообразны: *повойник*, *волосник*, *сборник*, *повоец*, *чехлик*, *шлык* (рус.); *очіпок*, *чепець*, *чепчик* (малорос.); *чапёц*, *каптур* (белорус.); *подбру́сник* (древнерус.).

Малороссы часто шили нарядные чепцы (*очіпки*) из золотой и серебряной парчи, на подкладке из крахмаленного холста. Однако и эти нарядные чепцы обвязывали широкой лентой или тончайшим газом. Таким же образом делали нарядные чепцы и севернорусские. Верхняя часть этих чепцов была расшита золотом или серебром (т. н. *моршён*, *почепёшник*, *сборник*); передний край этой вышитой верхушки выдавался вперед и был немного приподнят, так что очень походил на гребень кокошника, влияние которого здесь вполне возможно. Однако и эти нарядные моршенки в большинстве случаев обвязывали

цветными шелковыми платками, сложенными как лента, так что видна была только верхняя часть головного убора. Все это говорило о том, что чепец развился из скрытой части головного убора — из кибалки или, возможно, из маленькой сетки для волос, хотя наличие ее у русских никем не засвидетельствовано. Обыкновенный, непарчовый малороссийский чепец (*очіпок*) всегда покрывали платком. Цилиндрические *очіпки* с плоским дном, сшитые из золотой и серебряной парчи, были особой разновидностью древней продолговатоокруглой формы чепцов в виде половинки яйца — разнообразностью, возникшей под влиянием женских шапок.

В седловидном чепце из золотой и серебряной парчи, с двумя стоячими гребнями поперек головы усматривается влияние южнорусского кокошника, у которого также два гребня.

Типы крестьянских головных уборов Воронежской губернии. 1860-е гг.

Головной убор женщины сер. XIX в.

Головной крестьянский убор Тамбовской губ. Длинная шерстяная бахрома, обрамляющая лицо женщины, — отдельная часть головного убора

Главные части старинного головного убора, шитого золотом, и вышивка оплечья рубашки праздничного костюма молодой женщины Острогжского у. Воронежской губернии. Сер. XIX в.

Шитый золотом белый плат и кичка — саамы торжественный головной убор молодой женщины Каргопольского края в XIX в.

Повседневные чепцы из легких тканей были распространены почти по всей Малороссии, в основном как интимный, домашний головной убор. Напротив, парчовые чепцы уже почти исчезли и сменились т. н. *повязкой* и *наколкой*. Женским головным убором служил красиво повязанный цветной шелковый платок; это и есть повязка.

Наколку делали следующим образом: на волосы клали кусок тонкой материи, смазанной сверху клеем; на нее наклеивали кусок бумаги и, чтобы придать всему этому соответствующую форму, прижимали к голове. Поверх накалывали булавками или также приклеивали кусок шелковой ткани с лентами спереди и сзади. Когда головной убор высыхал, его снимали с головы. В противоположность очипку к повязке не требовалось дополнительное покрытие, ее надевали без платка, даже если шли в церковь.

Следует сказать о третьей группе русского женского головного убора, существовавшего независимо от двух уже рассмотренных. Это головные уборы в форме шапок. Женские меховые шапки обычно имели тот же фасон, что и мужские. Исключением являлся лишь т. н. *кораблик*, исчезнувший из обихода малороссийский головной убор, который в к. XVIII в. бытовал и у севернорусских. Эти кораблики делали из парчи или бархата с оторочкой из дорогого меха. Спереди и сзади эта оторочка переходила в торчащие вверх заостренные рога. Таких рогов у кораблика было либо 2, либо 4.

Особенно типичным женским головным убором в форме шапочки считалась кика, которую носили в старину московские женщины. В XIX в. кики носили севернорусские женщины. На рис. 13 изображена кика из Кирилловского у. Новгородской губ., слева — вид спереди, справа — вид сбоку.

Следует также упомянуть головной убор подзатылень, считавшийся необходимой принадлежностью русской сороки, а нередко и кокошника. Это был отдельный четырехугольный кусок цветной ткани, чаще всего малинового бархата, расшитый золотом и серебром и наклеенный на липовую кору. Длина его сторон доходила иногда до 40 см. Он надевался на затылок и прикреплялся лентами. Его считали украшением для косы. Подзатылень являлся прямым продолжением высокого древнерусского воротника, т. н. *кóзьяря*.

Девичий головной убор отличался от описанных головных уборов замужних женщин гл. обр. тем, что девушки не закрывали темени и открывали волосы. При этом они не прятали косу, которая свешивалась на спину. Непокрытые волосы считались показателем девственности, и поэтому женщине, родившей ребенка, не полагалось носить девичий головной убор; отсюда и ее название — *пóкритка* (малорос.).

По форме девичий головной убор — это круг или полукруг различной высоты. Материал, из которого его делали, был разнообразен: металлическая проволока с подвесными украшениями, лента, сложенный наподобие ленты платок, кусок позумента, золотая или серебряная парча, ткань с вышивкой или каким-либо др. украшением, венок из живых или искусственных цветов, из крашенных перьев, нанизанных бус, лубяной или картонный круг с украшениями на нем и т. п.

Наиболее распространенные названия: *венóк*, повязка (восточнослав.); *лénта* (рус.); *почёлóк*, связка, перевязка, *венец* (сев. — рус.); *тáнка*, *рэфеть*, *рэфиль* (юж. — рус.); *стрíчка*, *либок* (малорос.).

Исследователи указывают на определенную символику, заключенную в вышивках головных уборов. Так, «шишки» на псковском кокошнике, подобно «шишкам» свадебного караваея, символизируют плодородие. В узорах многих головных уборов часто встречается мотив птицы, иногда — в сочетании с деревом жизни (московский, каргопольский), в виде птиц-пав по сторонам лировидного мотива (белозерский) или водоплавающих птиц (костромской). Эти изображения отражали добрые пожелания молодой в новой жизни.

Портреты XVII–XIX вв. воспроизводят различные женские праздничные головные уборы и наглядно убеждают в их доминирующей роли в костюмном комплексе.

Праздничные девичьи головные уборы XVIII — н. XIX в. северных и центральных губерний представляли собой твердую (типа обруча) или мягкую широкую полосу, повязывающуюся на лоб и скрепляемую сзади лентами. Они были различных форм: ажурные с прорезами, «городчатые» с зубцами, плоские и объемные. «Венцы», «коруны», «почелки», как и кокошники, щедро украшались жемчугом, самоцветами, перламутровыми плашками, золотным шитьем. Их дополняли низко спускавшиеся по очелью под низ ажурного плетения из речного жемчуга, рубленого перламутра в виде легкой сетки или округлых зубцов. Ленты сзади перевязывались бантом или свободно спускались по спине. В некоторых местностях расшитые лопасти заменяли одной широкой полосой шелка или бархата, также расшитой золотым «травным узорочьем». Косу украшали лентами, а к концу прикрепляли «косник», обтянутый шелковой узорной тканью или золотным с жемчугом шитьем.

Подружки прощались с невестой, расплетая ей косу, а невеста приговаривала: «Меня маменька руга-

ла, на две косы не плети, выйдешь замуж, не увидишь своей девичьей красоты»; или: «Прощай, коса, девичья краса, полно тебе по плечам мотаться, пора под кичку убираться». В Архангельской губ. (окрестности р. Пинеги) невесту везли к венцу и венчали в накинута на голову платке, а после венца заплетали волосы в две косы, при этом она причитала: «Уж и покрасуйтесь, мои русы волосы, надевают повойник под причит молодой: «Темнота будет вам, да русы волосы, да тягота будет да буйной голове».

Женский костюм в северных и центральных областях дополняли сережки, низанные жемчугом, и шейные украшения разнообразных форм, которые, так же как и головные уборы, очень ценили и берегли. Жемчуг в большом количестве добывался в северных реках. Его продавали на ярмарках, как и золотосеребряные нити.

Не каждая крестьянка умела шить золотом и низать жемчугом, поэтому головной убор отдавали расшивать специальным мастерам или готовили его сами из покупных частей. Золотошвейное мастерство было развито при монастырях, но им занимались и отдельные мастерицы в округе, которые сохраняли определенные технические приемы шитья и мотивы узоров, характерные для данной местности.

Праздничные золотошвейные и жемчужные головные уборы стоили очень дорого. Так, торопецкий головной убор с «шишками» в н. XIX в. стоил от 2 до 7 тыс. руб.

Девичьи и женские головные уборы покрывали платками. Изобразительный материал, приведенный в альбоме, иллюстрирует различные способы ношения платков: их или свободно набрасывали поверх головного убора, или повязывали под подбородком узлом. Нарядные платки — кисейные и из плотных шелковых тканей — расшивали крупными узорами по углам. Имели широкое хождение тонкие парчовые коломенские платки с крупным цветочным и растительным узором.

Головное покрывало — фата представляла собой вытянутый прямоугольник, обшитый полосой золотного галуна. Фата низко спускалась по плечам и закрывала фигуру со спины. Своей красотой славились олонецкие и нижегородские золотошвейные платки, которые продолжали вышивать и носить на всем протяжении XIX в.

Ист.: Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991; Русский народный костюм. М., 1989..

ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ (мужские), традиционные головные уборы русских мужчин были очень разнообразны по форме и материалу.

Основными материалами являлись мех (особенно овчина), шерсть в виде войлока и сукна и иногда др. ткани. По форме преобладали головные уборы в виде конуса, цилиндра и полушария. Форма не зависела от материала, поскольку головной убор одного и того же вида мог быть сделан из любого материала. Напр., шапки конической формы валяли из шерсти, шили из овчины и материи и вязали из пряжи.

В старой Москве головной убор являлся внешним признаком принадлежности к определенному сословию, откуда и поговорка: «По Сеньке и шапка, по Фоме и колпак». Разумеется, главную роль играла при этом высота головного убора, однако форма и покрой были также тесно связаны с величиной шапки. Высокие шапки были привилегией бояр; чем знатнее был дворянский род или чем выше чин, тем выше была и шапка. Эти высокие шапки московских бояр обычно

Рис. 1. Мужские шапки: малахай (1–3), крысатка (4–5), йолом, или кучма (6, 7), шлык (8), кабардинка (9)

назывались *горлатные* (от «горло», так как их делали из меха не с брюшка животного, а из самых лучших частей шкурки — с шеи. Иногда их называли просто боярки).

Менее знатные люди, люди из народа и бедняки обычно носили в старой Москве конические шапки из сукна или меха. Этот тип мужского головного убора русских имел признаки большой древности. Вплоть до н. XX в. он под названием магёрка был наиболее распространенным и типичным головным убором белорусов: усеченный конус, от 18 до 25 см высоты, валяный из белой овечьей шерсти, без полей. Белорусская маргёлка, малороссийская магірка происходили от magierka (польск.) — так называли поляки венгерскую шапку. Более старые названия этого же головного убора: *колпак*, *шлык*, *еломок* (рус.); *яломок* (белорус.); *йблом* (малорос.). Русские часто вязали конические шапки из шерстяной пряжи (Архангельская, Воронежская губ. и др.). Валяные шерстяные шапки носили общее название шляпа, однако у шаповалов были для них специальные названия: *шпйлек*, *кашник*, *шиловатая*. *Верховка*, которую носили на верхней Волге, *срэзка*, *туртапка* по форме также близки к усеченному конусу, но для них характерна низкая удлиненная тулья. Малороссы делали высокие конические шапки из овчины (см. рис. 1, № 6 и 7) и называли их *йблом*, *кучма*; шапки, сшитые из сукна, они называли *шлик* (на рис. 1, № 8 изображена шапка запорожских казаков, носившая это название).

В форме полушария шилась кабардинка (см. рис. 1, № 9), распространенная в России почти повсеместно. У нее была узкая опушка и плотно прилегающее к голове суконное доньшко, расшитое крест-накрест позументом и с пуговицей в центре. Имеются данные, что она получила свое название не от одного из кавказских народов — кабардинцев, а от ногайских татар, которые шили такие шапки из шкурок кабарды, т. е. выдры.

К головным уборам, имеющим форму полушария, относилась и меховая шапка с наушниками (см. рис. 1, № 1–3), которая чаще всего носила тюркское название *малахай*. Другие ее названия — *треух*, *долгоушка*, *чебак* (рус.); *аблаву́ха* (белорус.); *капелю́х*, *клепа́ня* (малорос.).

Из шапок цилиндрической формы следует упомянуть белорусскую капúзу, идентичную малороссийской крисатке (см. рис. 1, № 5). Ее высота 30 см и даже больше, книзу она расширялась и, по-видимому, являлась прямым продолжением старинной боярской шапки. В некоторых районах Галиции такую шапку носили только женихи.

Среди многих шапок цилиндрической или почти цилиндрической формы следует упомянуть севернорусский гречúшник, или *грéчневик*, получивший название от печенья из гречишной муки. Этот вид валяных русских шляп обычно изготовлялся с перелумом или с подхвбтием, т. е. стенки цилиндра были немного сужены в середине. Малороссийская соломенная шляпа бриль была также цилиндрической формы, с широкими полями.

Широкое распространение в России имела шапка с четырехугольной тульей. Такая тулья была иногда у шапок разных типов, напр. у малахая с наушниками и др. В Бельском у. Гродненской губ. засвидетельствовано наличие шестиугольных шапок. Севернорусские щеголи любили заламывать на ухо один из четырех углов шапки. В старой Москве чиновники носили низкие четырехугольные шапки с меховой опушкой и суконной тульей.

В н. XX в. в крестьянской и рабочей среде очень распространились т. н. *картузы* (род военной фуражки) с козырьком, почти полностью вытеснив все др. летние мужские головные уборы.

Ист.: Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991.

ГОЛОВОСЕК, народное название дня Усекновения головы Иоанна Предтечи, 29 авг./11 сент. У православных один из двенадцатых праздников, требует соблюдения строгого *поста* и отказа от работы ради здоровья

Усекновение главы Иоанна Предтечи. Икона. 2-я пол. XVI в. ГТГ

людей и скота. Считается концом лета и началом осени; в этот день остерегались ходить в лес, т. к. считали, что тогда змеи уходят на зиму в свои норы, под землю.

См.: Иван Постный.

ГОЛОДНЫЙ ПОСТ, Петровский пост, с 13/26 июня по 29 июня/12 июля, в канун Петрова дня. В это время кончались все прошлогодние припасы, а хлеба нового

Деяния апостола Петра. Настенная роспись. XVII в. Кострома

урожая еще не было, не успели овощи, только начинали появляться *грибы*, и есть в деревне было нечего.

ГОЛОС, в русских верованиях принадлежность освоенного человеком пространства. Голос человека, животного, музыкального инструмента являлся существенной приметой «этого» мира, в то время как мир «иной» отмечен печатью беззвучия, ср. *заговоры*, в которых *болезни* изгоняют туда, где не кричат петухи, не блеют овцы, не звучит волынка, не поют девушки и т. п. Во время похорон и *поминок* их участники общались друг с другом шепотом (т. е. без голоса); в доме, где в течение года кто-либо умер, не пели и не веселились, около этого дома не водили *хороводы*; в случае смерти пастуха с коров и овец снимали колокольчики, чтобы стадо «онемело». Отрицательную оценку в этой связи получает любое отступление от правильного голосоведения в составе того или иного обряда. Если невеста во время свадьбы охрипнет и лишится голоса, если сорвется голос у кого-либо из поющих в церкви во время *венчания* — все это может повлечь за собой смерть одного из новобрачных. Считалось, что несчастья постигнут человека и в том случае, если во время исполнения адресованной ему колядки обходники сфальшивят или сорвут голос.

В народной культуре голос осознается как нечто материальное, подверженное влиянию извне и само могущее стать инструментом воздействия. Об этом свидетельствует сказочный мотив выковывания голоса (языка). С помощью голоса можно было навести *порчу*.

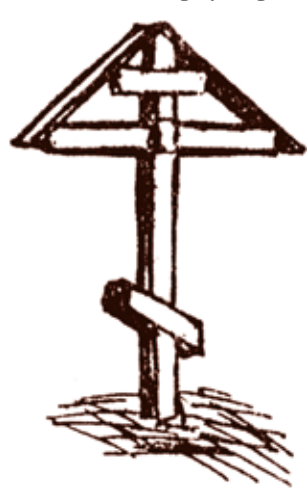
У белорусов при лихорадке, куриной слепоте и др. болезнях надо было пропеть, сидя на каком-либо высоком месте: «Кукарэку, заспеваю, хто то чуе, нехай мае» — и болезнь перейдет к тому, кто этот голос услышит. В то же время и сам голос человека мог быть подвержен неблагоприятному воздействию, поскольку мыслился отчуждаемым от человека. Обладательницы хороших голосов старались не петь после захода солнца на улице, поскольку *ведьмы*, получающие в это время особую силу, могли бы лишить их голоса. Отнимая голос у человека, *черт* завладевал его душой и принуждал совершать неблагоприятные поступки. *Леший* тем же образом отбирал силу у человека, после чего тот медленно умирал.

Громкому голосу, пению и крику приписывались некоторые магические значения. С помощью голоса оказывалось возможным оградить культурное пространство от проникновения враждебных сил. Полагали, что если с какого-нибудь высокого места человек что-нибудь громко крикнет (напр., свое имя), скажет или пропоет, то там, где будет слышен его голос, *град* не побьет посевов, звери не тронут скот, холодный туман не повредит всходам, там летом не будет змей, на такое расстояние злодей не подойдет к дому и т. п. Громким голосом «отворачивали» от села градовые тучи, защищали посевы от ведьм, могущих отобрать урожай, и др.

Голосу придавалось и продуцирующее значение. В один из весенних праздников люди, собравшись на возвышенных местах, начинали громко петь или кричать. Считалось, что там, где слышен их голос, лучше урождается хлеба, плодовые деревья и др.

Крестьяне верили, что голос может влиять также на плодovitость скота и домашней птицы: на Брянщине под *Новый год* колядки исполняли в т. ч. и для того, чтобы свиньи велись.

Изменение голоса, как правило, означало перемену некоего состояния или статуса. Повсеместно известно изменение голоса ряжеными и др. участниками «обходных» обрядов, связанное с представлениями об их «иномирности». *Ряженые* могли говорить с домочадцами нарочито высокими («тонкими») и низкими («толстыми») голосами, подделываться под голоса животных, женщин, детей, умерших родственников, дополнять речь иными звуками (хохотом, свистом, шепотом). Перемена тихого, приглушенного пения на громкое, «уличное», определяла в русских обрядовых песнях календарную границу зимы и весны.

ГОЛУБЕЦ, деревянный крест с двухскатной крышей и врезанной медной иконкой или распятием. Устанавливался на развилках дорог, где, по народным поверьям, обитала *нечистая сила*, над родниками и на могилах.

В. Даль определяет голубец как «могильный памятник, со срубом, с крышей, будкой домиком... особенно крест с кровелькой».

В некоторых местах слово голубец означало то же, что и *голбец*.

«ГОЛУБИНАЯ КНИГА», памятник древней русской духовности и поэзии, свое название получила от слова «глубина», т. к. в ней содержалась «глубинка», пре-

мудрость знаний о происхождении мира, объяснялись сложные явления природы. Название «Глубина» нередко давалось Псалтири. Будучи первоначально книгой дозволенной, эта «Глубина», или «Голубиная книга», в XIII в. переходит в разряд запрещенных, или т. н. апокрифических. Последнее объясняется тем, что в книге объединились как христианские, так и языческие мотивы.

Н. Рерих. «Книга Голубиная (Помин о четырех королях)»

«Голубиная книга» известна в нескольких списках. Несмотря на некоторые их различия, книгу можно разделить на три части. В первой части, служащей эпическим введением, рисуется обстановка события — появления необыкновенной книги. По одним вариантам, «из-под тучи темная», по другим — «на славную на Фавор гору, ко чудну Кресту Животворящему, ко Алатырю белу камню, ко честной главе ко Адамовой»; по третьим — «на матушке на святой Руси» выпадает книга голубиная, голубиная, лебединая, Божественная книга евангельская. «И не малая, не великая, долины книга сорок сажень, поперечины двадцать сажень». Около этой книги собираются различные лица: сорок царей, сорок князей, сорок попов и т. д. Вторая часть заключает разговор двух лиц: Волот Волотович (иначе Володимер Володимирович) предлагает вопросы, а Давид Есеевич отвечает. Первый ряд вопросов касается космогонии. Волот спрашивает, отчего произошли свет, солнце, месяц, зори, звезды, ночи, росы, ветры, гром и дробен дождик. Ответы даются в духе христианского мирозерцания. Источник всех этих явлений — или Бог (Отец), или Христос — Царь Небесный, или Дух Святой Саваоф. В некоторых вариантах дальше идут вопросы о создании человека и сотворении каст. На вопрос о создании человека Давид отвечает: «у нас ум-разум самого Христа; наши помыслы — от облак небесных; мир-народ от Адамы; кости крепкия — от камня; телеса наши — от сырой земли; кровь-руда наша — от Черна моря». Ответы на вопросы о создании сословий, — по всей вероятности, позднейшая вставка: «оттого у нас в земле цари пошли от святой главы, от Адамовой; оттого зачадилась князья-бояры — от святых мошей от Адамовых; оттого крестьяны православные — от свята колена от Адамова». Далее во всех списках идут вопросы о первенстве, или старейшинстве, различных предметов. «Какой царь над царями царь,

какой город всем городам отец», и так далее в такой же форме вопросы о Церкви, о горе, море, реке, озере, о рыбе, птице, звере, о древе, траве и камне. Ответы дают следующие указания на первенство: белый царь, Иерусалим, Церковь соборная, или Святая святых Иерусалимская, гора Фавора, Окиян море (в одних списках, потому что обошло вокруг земли; в других, потому что на нем выходит раз в год Церковь соборная, а в ней мощи Климата, Климентьева, папы римского), Иордань-река, кит-рыба, потому что на ней держится вся сыра земля, птица Страфил, или Естрафил; зверь-индрик, или единорог, или лев; трава-плакун, пошедшая от слез Богоматери; и, наконец, всем камням мати — камень *Алатырь*, или Латырь, на котором сидел Христос. Третья часть стиха в «Голубиной книге» передает сон, рассказанный Волотом: спорят правда и кривда, в образе или двух зверей лютых, или двух юношей, или двух зайцев, белого и серого. В некоторых вариантах излагается другой сон, пророческий: у Волота должен родиться сын, а у Давида — дочь Соломония, и они должны сочетаться браком.

«Голубиная книга» сыграла большую роль в развитии русского национально-православного самосознания и начал философской мысли (см. также: Алатырь-камень).

ГОЛУБИНАЯ ОХОТА, популярная забава, гл. обр. среди мещанства, купечества, отчасти поместного дворянства. Во многих помещичьих усадьбах были голубятни, но прежде всего голубиная охота была развита в городах. Она заключалась в ловле и разведении голубей, в т. ч. выведении новых пород или птиц новых мастей, а также в том, чтобы гоня голубей, любоваться их полетом. Голубиная охота разделялась на водную (от слова «водить» — разводить), в которой добивались красоты и поддержания породы голубей, и гонную, направленную на развитие полета. Разводили две основные породы голубей: чистых и турманов, среди которых различалось множество разновидностей, гл. обр. по масти. У гонных голубей ценились способы полета, а именно способность быстро подниматься вверх мелкими кругами чрезвычайно высоко и так же почти отвесно спускаться; в старину охотники следили за полетом таких голубей, глядя в начищенный таз с водой вместо зеркала. Турманы отличаются способностью быстро опускаться, фактически падать, переворачиваясь через голову, хвост или крыло. Т. к. голуби делают кольца при подъеме и спуске в правую (правики) или левую (леваки) сторону, сама охота с гонными голубями заключалась в том, что спугивали шестиком с тряпкой правиков и, дождавшись, когда они поднимутся максимально высоко и должны начать спуск, спугивали леваков, т. ч. получалась картина непрерывного вращения стаи в разные стороны. Соревнование между охотниками заключалось в том, чтобы заманить и поймать сетями чужих голубей с помощью «скакуна», голубя, способного отбить чужую птицу от стаи и привести в свою голубятню. Охота с турманами считалась менее интересной, т. к. они не летают стаями. Для водной голубиной охоты птиц обычно не выпускали, чтобы не потерять их. Широкое распространение голубиной охоты привело во 2-й пол. XIX в. к организации официальных соревнований. Они проходили на особых конкурсах, устраивавшихся в Москве с 1860-х, а в Петербурге с 1880-х. Конкурсы с призами влияли на цены на голубей, т. ч. на редких серых турманов они доходили до 400 руб. за птицу.

Голубиная охота была настолько популярна, что в Москве был специальный трактир для голубятников на Остоженке, так и называвшийся «Голубятня», где на крыше имелась большая голубятня, и клиенты-любители могли погонять голубей.

Ист.: Беловинский Л. В. Энциклопедический словарь российской жизни и истории. М., 2003.

ГОНЧАР (горшечник), ремесленник, которому в народных представлениях приписывалась связь с огнем, преисподней, нечистой силой. В Малороссии о богатом гончаре говорили, что он «что-то знает» и на него работает черт. В русской сказке черт нанимается в помощники к гончару или к кузнецу.

Связанное с огнем, гончарное ремесло устойчиво ассоциировалось с миром мертвых, ср. рус. пословицу: «Быть тебе в раю, где горшки обжигают!», т. е. в аду, или эвфемизм об умершем — «в Могилевской губернии горшки обжигает». В быличках и сказках горшечник встречался с ходячими мертвецами и одерживал над ними победу. На Гомельщине говорили, что если человек, укравший горшок у горшечника, встретит того в ином мире и попросит забрать этот горшок назад, то горшечник откажется со словами: «Грызи сам его замест хлеба!» С др. стороны, посуду специально крали у горшечников и били для того, чтобы вызвать дождь, или для того, чтобы девушки быстрее выходили замуж, а не сидели «как горшки».

Само изготовление гончарных изделий обставлялось множеством суеверных правил и запретов. В Подольской губ. отмечено 4 вида специфической молочной посуды, обладающей магическими свойствами, в частности особые кувшины для *ведьм*, отбирающих молоко у чужих коров. Черниговские гончары один раз в году в субботу на первой неделе *Великого поста* во время церковной службы изготавливали особые кувшины с крестообразным орнаментом.

Гончары, как и др. ремесленники, имели у крестьян устойчивую репутацию пьяниц. По малороссийской легенде, они отобрали у ап. Петра его золотые ризы и пропили их, за что и были осуждены им на пьянство.

По народным поверьям, приезд горшечника в деревню мог сказаться на судьбах местных девушек. В Воронежской губ. полагали, что если по улице проедет горшечник, то девушек не будут брать замуж; с др. стороны, в Брестской обл. считалось, что если горшечник приедет на *Святках*, то, наоборот, много девушек выйдет замуж. По малороссийскому поверью, если на *Покров* по селу проедет горшечник, то будет много *свадеб*, а если дегтярь — то девушки не выйдут замуж еще год. На Витебщине девушки подкладывали в воз горшечнику лапоть с правой ноги; куда отправится воз, с той стороны и следует ожидать суженых.

А. Топорков
ГОРДОСТЬ, гордыня (общеслав.: глупость, дурь), один из смертных *грехов*, превознесение над другими, спесь, чванство. Первая ступень гордости — тщеславие, когда гордец еще нуждается в похвале и одобрении других. Развитая гордость презирает чье-либо мнение. Гордость — грех сатаны. «Гордость, — писал Н. О. Лосский, — есть себялюбие, не допускающее никакого превосходства других существ над собою, никакого подчинения чужой воле». В понятиях Руси гордец воспринимался как глупый, недалекий человек, его не любили и даже презирали: «Гордым быть — глупым слыть», «Спесь не ум», «Спесь в добро не вводит», «Спесь не к добру ведет», «Во всякой гордости черту

много радости», «Чванство не ум, а недоумье», «Гордый покичился да во прах скатился».

На Руси противопоставляли гордости понятия *че-сти* (достоинства) и *смирения*. «Гордым Бог противится, а смиренным дает благодать», «Честь превыше всего», «Бесчестье хуже смерти».

О. П.

ГОРЕ, состояние, противоположное *счастью*, бедствие, скорбь, кручина. В понятиях Руси высокое очистительное чувство, возвышающее истинно православного человека. «Больше горя, ближе к Богу», — говорит

Н. Богданов-Бельский. Горе

народная пословица. «Горе с тобой, беда без тебя», «Дальше горе, меньше слез». «Злато плавится огнем, а человек напастями» («Моление Даниила Заточника», XII в). «Только горе открывает нам великое и святое, — писал В. В. Розанов. — До горя — прекрасное, доброе, даже большое. Но никогда именно великого, именно святого».

О. П.

ГОРЕЛКА (горилка), крепкая *водка* в Малороссии, горевшая, если ее поджечь, отчего происходило название. Производилась из зерна, затем из сахарной свеклы или картофеля.

ГОРЕЛКИ, народная детская или молодежная игра. Игравшие стояли парами друг за другом перед «горящим» и по сигналу, под песню «Гори, гори ясно», разбегались, а «горящий» ловил девушек.

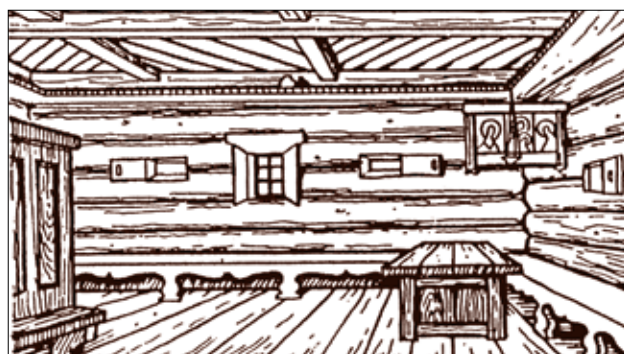
ГОРЕНКА, у крестьян: 1) вышка, верх, светелка, теремок, комнатка на чердаке; 2) иногда клеть, *сальник*, стоящий отдельно, с входом в него из *сеней избы*; 3) то же, что и *горница*.

ГОРЛАТНЫЕ ШАПКИ (боярки), высокие шапки московских бояр, шившиеся из самого лучшего меха с шеи (горла) животных.

ГОРНИЦА, в русском жилище и, прежде всего, *избе* парадная комната, чистая половина, летняя гостиная

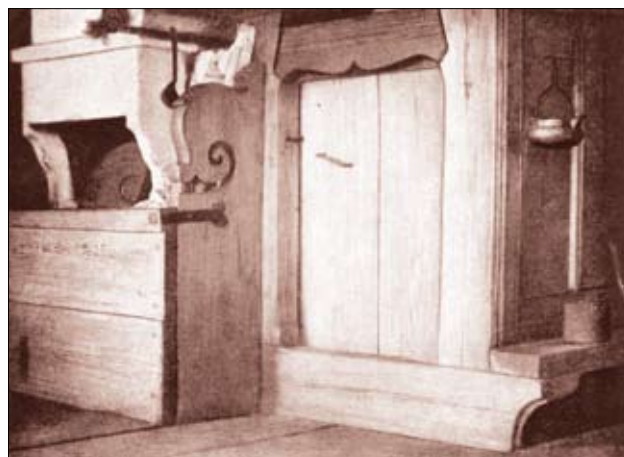
Горница. Пристройка к сеням. 2-я пол. XIX в. Нижегородская губ.

Горница. Вологодские хоромы XVII в. Реконструкция И. Шангиной.

Сольвычегодский район Архангельской области. Внутренний вид избы. Фото В. М. Владимирова. МАА

Село Кургоминское, Виноградовский район Архангельской области. Внутренний вид избы. Фото Д. В. Милеева. Из коллекции бр. Весниных

Деревня Бела́я Ра́мень. Внутренний вид избы 1880-х гг. Из материалов М.П. Званцева

без топки *печей*, которые если и были, то выходили в горницу задней или боковой стороной. От слова «горний» — высокий, возвышенный: в средние века горницу располагали на втором, жилом этаже постройки, над *подклетом*.

ГОРОДКИ (рюхи, чушки), популярная русская народная мужская игра: на кону, игровой площадке, в виде определенных фигур («колодец», «пушка» и т. д.) группами выставлялись «рюхи», короткие круглые палочки, а игроки, по очереди кидая с дальнего расстояния длинные деревянные биты, должны были выбить их с кона.

ГОРОДНЯ, укрепление из сруба с землей, крупным песком и пр.; также вообще сваи, устои.

ГОРШОК (кувшин), наиболее ритуализованные предметы домашней утвари. Связаны с символикой *печи* и *земли*; осямляются как вместилище *души* и *духов*. Наиболее активно использовались в обрядах, связанных с культом предков, в частности в *похоронных обрядах*.

Горшки. X–XIII вв.

Важнейшей особенностью горшка, кувшина и посуды в целом является их антропоморфизм, что проявляется и на уровне лексики (горло, ручка, носик и т. п.), и в том, что посуде приписываются *рождение* и *смерть* (зачин загадки-притчи XVII в. о горшке: «Взят от земли, яко же Адам...»). Параллелизм между судьбой человека и горшком проявляется в обрядах битья посуды, отмечающих переломные моменты в жизни человека (рождение, *свадьба*, похороны), а также во фразеологии и поверьях. В Гомельской обл. полагали, что если горшечник проедет по селу на *Святках*, то девушек не будут брать замуж, поэтому они крали у него горшки и били их, «чтобы не сидели девки, как горшки»; каргопольское «ломаный горшок» (о брошенной

жене), ростовское «девки — посуда аховая: и не увидишь, как разобьется» и т. п.

В Малороссии горшки (и посуда) различались по «роду» и «полу». В Харьковской губ., покупая новый горшок, его постукивали и прислушивались к звуку. Если звук глухой, то это горшок — *борщ* в нем не будет удаваться. Если же звук тонкий, звонкий, — горщица, все сваренное в нем будет вкусно. В Подольской губ. воду для купания мальчика грели в кувшинах, а для девочки — в горшках; в Киевской губ., наоборот, воду для девочки грели в кувшинах, «шоб стан тоненький був».

Особенно устойчиво в языке, поговорках и поверьях горшок отождествляется с головой человека (выражения типа «голова как пустой горшок»). В Костромской губ. горшок надевали на голову при изготовлении святочной маски «быка». В Малороссии и в Польше новый горшок надевали на голову, чтобы обмануть беса или ходячих покойников.

Печь и пространство около нее, где помещаются горшок и другая посуда, связаны с культом предков, с *«тем светом»*. По поверьям Полтавской губ., горшок из печи нельзя обтирать «суконкою» или «запаскою», иначе покойные родители уйдут из хаты. В Витебской губ. человек, посетивший покойника или встретивший похоронную процессию, по возвращении домой дотрагивался до горшка или печи, чтобы смерть касалась их, а не людей.

Наиболее архаические черты имеет использование горшка в качестве урны в похоронных обрядах, для которых характерны переворачивание и битье посуды. Согласно «Повести временных лет» (н. XII в.), ради мичи, вятичи и северяне сжигали своих мертвецов «и посемь собравше кости вложашу в судину малу, и поставляху на столпе на путех».

Как отголоски древнего восточнославянского похоронного обряда можно рассматривать такие действия, как помещение в гроб сосуда с пищей, битье горшка при выносе покойника из дома и в др. ситуациях, оставление на могиле перевернутого горшка. В Киевской губ. в гроб с покойником клали *хлеб*, горшок с *кашей* и графин с *водкой*. В др. местах в Малороссии в гроб ребенку ставили кувшин с молоком, а взрослым — горшок с водой. В Пинском у. за гробом несли в горшке освященную воду, которой окропляли могилу, остатки воды там же выливали, а сам горшок, перевернув вверх дном, ставили в головы покойника сверху могилы для того, чтобы ему на «том свете» было чем пить воду. В Олонецкой губ. горшок с углями был непременным атрибутом похоронной процессии; после похорон горшок ставили на могиле вверх дном, и угли рассыпались (обычай «греть покойников»).

В России горшок, из которого обмывали покойника, как и другие связанные с ним предметы — мыло, гребень, солому, относили на *перекресток*, на рубеж с другим селением, на чужое поле, закапывали во дворе, в доме, бросали в реку, вешали на высокий кол изгороди. Если умирал хозяин, то горшок, из которого его обмывали, закапывали под *красный угол*, чтобы не переводился *домовой*; если второстепенное лицо — то относили на рубеж поля, «чтобы покойник не являлся и не страшал».

В Полесье широко распространено поверье о том, что в наказание за воровство горшков человек осужден на том свете носить горшок или черепки — в руках, на боку или в зубах; тому, кто крадет посуду, в ином мире

закроют глаза черепком или ему придется пролезть сквозь горшок.

Древний характер имеет и закапывание горшков. По сведениям так называемого «Каталога магии Рудольфа» (сер. XIII в.), в новых домах закапывали в разных углах дома, в т. ч. и за печью, горшки, наполненные разными предметами в честь «домашних богов». В некоторых местах России, по археологическим данным, был широко распространен обычай закапывать под фундаментом дома, а также в ямах во дворе и в саду горшки и другую посуду с различной пищей, — по-видимому, остатками обрядовых трапез. В Вятской губ. закапывали в землю или топили горшок с остатками курицы — «троецыплетницы».

В Малороссии девушки закапывали горшок с кашей на месте, где собиралась деревенская «улица», чтобы туда притянуло парней. Закапывание горшка с медом или вареной пшеницей в доме или на пасеке широко практиковалось в пчеловодческой обрядности малороссов.

В поверьях горшок и другие сосуды связаны с атмосферными осадками и небесными светилами. У малороссов и великороссов *ведьмам* приписывается способность красть с неба месяц, звезды, а также росу и дождь и прятать их в горшках или кувшинах. По малороссийским поверьям, ведьма крадет с неба Венеру и прячет ее под новым горшком, чем вызывает длительную засуху. В Курской губ. затмения объясняли тем, что ведьмы снимают солнце, луну и звезды и прячут их в кувшины. В Житомирской обл. говорили, что их «ведьма в горшке взяла».

В Белоруссии горшок, поведенный на забор, должен был уберечь кур от ястребов. В Покутье битый горшок или старая одежда и шапка, надетые на палку, призваны были защитить посевы не только от *воробьев*, но и от *сглаза*. В Вятской губ. в *Великий четверг* до восхода солнца хозяйка дома, нагая, бежала со старым горшком в руках на огород и опрокидывала горшок на кол, где он и оставался в течение всего лета; считалось, что он предохраняет кур от хищных птиц. Отбитое горло кувшина, горшок без дна служат у русских воплощением *куриного бога*.

Горшок, кувшин и др. сосуды широко использовались в народной медицине, в магических обрядах и *гаданиях*. У белорусов и малороссов сажали летучую мышь в просверленный новый горшок и закапывали его в мурaveйник; косточки из ее скелета впоследствии использовали в *любовной магии*. Согласно малороссийскому сборнику суеверий (1776), если посадить в горшок или в кувшин *жабу* и поставить в мурaveйник, то среди ее костей можно найти

камешек, способный исцелить укушенное насекомым место.

У русских и белорусов при переходе на новоселье использовали горшок для того, чтобы перевезти домового на новое место. Русские переносили в горшке жар из старого дома, приглашая «дедушку» домового в новую избу; там высыпали угли в печь, а сам горшок разбивали и ночью закапывали черепки под передний угол.

См. также: Глиняная посуда.

А. Топорков
ГОРЫНЯ, ДУБЫНЯ И УСЫНЯ, три богатыря-великана русских сказок. Наделены сверхъестественной силой. Горыня захватывает целую гору, несет в лог и верстает дорогу или «на мизинце гору качает, горы сворачивает». Дубыня «дубье верстает: который дуб высок, тот в землю пихает, а который низок — из земли тянет» или «дубье рвет». Усыня «спёр реку ртом, рыбу ловит усом, на языке варит да кушает», «одним усом реку запрудил, а по ус, словно по мосту, пешие идут, конные скачут, обозы едут».

ГОСПОЖИНКИ — см.: **УСПЕНЬЕВ ДЕНЬ**.

ГОСТЕПРИИМСТВО, радушие, склонность с радостью и удовольствием принимать и угощать гостей, охотно предоставлять кров путникам. Широко было распространено во всех слоях русского населения. В столичном, особенно московском богатом дворянстве гостеприимство принимало форму хлебосольства, когда за обеденным столом принимали званных и незванных, лишь бы они были «прилично одеты», и

Гостеванье в домах горожан: а — часть миниатюры XVI в., б — лубок XVIII в.

закармливали, потчуя, до полной невозможности есть и пить; на этом многие разорялись, «проедая» тысячи душ. Еще более широкие формы гостеприимство и хлебосольство принимали в среде поместного провинциального дворянства. Обычно гости даже из недалежных имений приезжали на несколько дней, несколькими экипажами, с прислугой, и всем: лошадям, кучерам, лакеям и гостям, хватало места и пищи, хотя на комфорт в таких случаях не претендовали и нередко спали вповалку, на полу на расстеленных кошмах или сене. В провинции приехать просто с визитом, на несколько часов, считалось даже обидой для хозяев, а не принять гостя значило нанести ему несмываемое оскорбление. Такое широкое гостеприимство и хлебосольство стало принимать более умеренные формы лишь после отмены крепостного права, когда возможности у помещиков стали ограниченными. В купечестве, жившем замкнуто, гостеприимство в основном имело форму хлебосольства. В крестьянской среде в обычное время гостить не было принято, но на ночь пускали каждого прохожего и проезжего, стараясь накормить хотя бы последним. Но в *Никольщину, престольные праздники* принимали гостей из соседних деревень на 2–3 дня, заранее готовясь к пирам и выставя на стол все, что было в доме. В городе во 2-й пол. XIX — н. XX в. гостеприимство имело уже умеренные формы, но угощение любимого гостя *чаем* было неременным.

Ист.: Беловинский Л. В. Энциклопедический словарь российской жизни и истории. М., 2003.

Гостеприимство в быту XVI–XVII вв. В приеме гостей у высших сословий соблюдались тонкие различия сословных отношений. Лица высшего звания подъезжали прямо к крыльцу дома, другие въезжали на двор, но останавливались на некотором расстоянии от крыльца и шли к нему пешком; те, которые считали себя на сословной лестнице гораздо ниже хозяина, привязывали лошадь у ворот и пешком проходили весь двор — одни из них в шапках, а другие, считавшиеся по достоинству ниже первых, с открытой головой. В отношении царского этикета были подобные же различия: одни имели право только въезжать в Кремль, другие останавливались у ворот царского двора, и никто, под опасением кнута, не смел провести через царский двор лошадь. Со стороны хозяина встреча гостя также соразмерялась с его сословным достоинством. Важных гостей сами хозяева встречали у крыльца, других — в *сенях*, третьих — в комнате. Существовал обычай делать несколько встреч прибывающим гостям. Т. о., у ворот гостя встречало лицо низшего звания в доме; в другом месте, напр. у крыльца, другое лицо, выше первого; в третьем — еще высшее или сам хозяин. По этому обычаю устраивали при дворе почетные встречи: в одном месте встречал гостя стольник, в другом — сокольничий, в третьем — боярин. Когда отец Михаила Федоровича, Филарет Никитич возвратился из плена, то ему устроены были три встречи на дороге: первая в Вязьме, вторая в Можайске, третья в Звенигороде, где уже встречал его сам царь. Так же точно и по приезде его в Москву к церкви у саней встретили его архиепископ с двумя архимандритами, у дверей — митрополит с архимандритами и двумя игуменами, а в церкви — митрополит, по степени достоинства выше предыдущего.

В отношении допуска входить во дворец одни, ближайшие люди, пользовались правом входить в комнату государя; другие, ниже первых, только в переднюю;

третьи ожидали царского выхода на крыльце, а люди меньших чинов не смели взойти даже на крыльцо.

Подобные оттенки различия в приеме гостей наблюдались у частных лиц. Старшие не ездили в гости к младшим; на этом основании и царь никогда не посещал подданного. Но если к хозяину приезжал гость, которого хозяин особенно чествовал и который по служебным, семейным или общественным условиям требовал уважения, хозяин расставлял слуг встречать гостя: например, у ворот его встречал дворецкий, у крыльца сын или родственник хозяина, а потом в *сенях* или передней хозяин в шапке или с открытой головой, смотря по достоинству гостя. Других же гостей не встречали; напротив, сами гости ожидали выхода хозяина в передней. Вежливость требовала, чтобы гость оставил в *сенях* свою палку, и вообще говорить, держа в руке палку, а тем более опершись на нее, считалось невежеством. Сняв шапку, гость держал ее в руке с платком в ней. Вошедши в комнату, гость должен был прежде всего креститься на иконы и положить три поклона, касаясь пальцами до земли, потом уже кланяться хозяину; в поклонах ему соблюдалась также степень уважения к его достоинству. Т. о., перед одними только наклоняли голову, другим наклонялись в пояс, перед третьими вытягивали руки и касались пальцами до земли; те же, которые сознавали свое ничтожество перед хозяином или зависимость от него, становились на колени и касались лбом земли: отсюда выражение «бить челом». Равные и приятели приветствовали друг друга подачей правой руки, поцелуем и объятиями, так что один другого целовал в голову и прижимал к груди. Хозяин приглашал гостя садиться или говорил с ним стоя, также соразмеряя степень его достоинства: на этом основании, не приглашая гостя садиться, и сам или стоял, или сидел. Самое почетное место для гостя было под иконами; сам хозяин сидел по правую сторону от него. Гость из сохранения приличия воздерживался, чтобы не кашлять и не сморкаться. В разговоре наблюдалось то же отношение достоинств гостя и хозяина; так, приветствуя светских особ, спрашивали о здоровье, а монахов о спасении; одним говорили вы, а себя в отношении высших лиц называли мы; произносили разные комплименты, величая того, к кому обращались, а себя унижая, вроде следующих: «Благодетелю моему и кормилицу рабски челом бью; кланяюсь стопам твоим, государя моего; прости моему окаянству; дозвожь моей худости». В обращении с духовными в особенности изливалось тогдашнее риторство: говоривши с каким-нибудь архиереем или игуменом, расточали себе названия грешного, нищего, окаянного, а его величали православным учителем, великого света смотрителем и прочее. Желая оказать уважение, называли лицо, с которым говорили, по отчеству, а себя уменьшительным полуигуменом. Было в обычае гостю предлагать что-нибудь съестное во всякое время, а особенно водку и какие-нибудь лакомства, как, напр., орехи, фиги, финики и прочее. Прощаясь, гость обращался прежде всего к иконам, полагал на себя троекратно *крестное знамение* с поклонами, потом целовался с хозяином, как и при входе в дом, если хозяин его удостоивал этим по достоинству, и, наконец, уходя, опять знаменовал себя крестом и кланялся иконам. По мере достоинства хозяин провожал его ближе или далее порога.

Ист.: Костомаров Н. И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. М., 1993.

ГОСТИНАЯ, комната для приема гостей, просторная и хорошо обставленная. Во 2-й пол. XIX в. мебель в гостиных расставлялась так, чтобы создать уютные «уголки» для небольших групп гостей, разделенные жардиньерками, трельяжами, высокорослыми или вьющимися растениями в кадках. На столах были разложены альбомы, увражи, стены украшены портретами предков; здесь же могли находиться в сложенном виде ломберные столы. В богатых домах бывало по несколько гостиных: большая и 2–3 малые, для гостей разных возрастов и интересов. Обычно большая гостиная была первой комнатой после передней.

Л. Б. ГОСТЬ, в русской народной традиции объект почитания, представитель чужого, иного мира (ср. древнерусское «гость» в значении «чужеземец», «приезжий купец»). Превращение «чужого» в «гостя» было связано с обрядовыми формами обмена, включающими *пиры*, угощения, чествования. В похоронных причитаниях русских гостей обычно называли покойника: «Пакідае нас татулочка... Ты ж наш госцічак, наш міленькі і нямнога табе у нас гасцяваць». Ср. ритуалы приглашения в гости мифологических персонажей (*Моро́за*, предков и др.).

Хождение в гости — акт, в достаточной степени регламентированный. На большие семейные торжества (*крестины*, *свадьбу* и др.), а также на некоторые праздники, связанные с хозяйственной деятельностью семьи (начало или завершение жатвы, начало стрижки овец и др.), гость приходил по приглашению. В то же время известны и ситуации, когда гости сами проявляли инициативу. Не принято было приглашать, но принято незваным приходиться на похороны; не были предусмотрены приглашения для женщин, посещающих роженицу в первые дни после родов; родственни-

ки обязаны были посетить друг друга в Прощеное воскресенье; сложную систему представляли взаимные визиты новобрачных и их родственников в течение первого (послесвадебного) года (называемые в Поволжье «перегушением»). Вместе с тем существовали дни, когда ходить в гости запрещалось: первые дни *Рождества*, *Пасхи*, иногда *Троицы* и др.

Приглашение в гости оформлялось как специальный ритуал. В этом случае человек из дома, где устраивалось торжество, обходил предполагаемых гостей и нес с собой вино и хлеб. В каждом доме он угощал хозяина, приветствовал его и приглашал на праздник, ср. малороссийское: «Просыли мамуня и татуно, молоды и молода, буд'те ласкавы прийти на весіля».

Приход гостя также нередко обставляли как обряд, в основе которого — обмен приветствиями между гостем и хозяином дома. Хозяин выражал радость по поводу прихода гостя, здоровался с ним, спрашивал о здоровье гостя и его семьи, интересовался тем, как гость добрался. В ответ гость приветствовал хозяина, сообщал о цели визита (независимо от того, что она, как правило, была известна хозяину). Ритуал встречи гостя предусматривал также обмен рукопожатиями и поцелуями; кроме того, хозяин помогал гостю спешиться, брал на себя заботу о его коне и поклаже; иногда сразу же предлагал ему первое угощение. По-разному встречали знакомого и незнакомого: обмен приветствиями с незнакомцем имел цель «узнать» гостя, превратить его из чужого, возможно враждебного человека, в своего.

Во всех случаях гость воспринимался как носитель судьбы, лицо, могущее повлиять на все сферы человеческой жизни. Гость «приносит» в дом добрую волю, выражаемую в произносимых им приветствиях и благопожеланиях, формулах благодарности, застольных тостах, а также подарках. Хозяин же, в свою очередь, стремился как можно лучше принять гостя, надеясь путем символического «договора» с высшими силами, представителем которых является гость, обеспечить свое будущее. Хозяин предлагал гостю ночлег, угощение, отводил ему почетное место за столом, а иногда сажал его и во главе стола, порой прислуживал ему стоя, одаривал гостя и т. п.

Роль гостя, как правило, достаточно пассивна, он подчинялся требованиям этикета, в то время как хозяин вел себя очень активно. Гость не мог отказаться от предложенного ему угощения, т. к. это не только будет воспринято хозяином как оскорбление, но и могло привести к отрицательным последствиям для хозяина

(умрут пчелы, поля зарастут сорняками и др.), а также обернуться несчастьями (гл. обр. — болезнями) и для самого гостя.

Принуждение к еде — обязательный элемент поведения хозяев. В Белоруссии в течение всего застолья хозяева были вынуждены постоянно повторять свою «принужку»: «Да ежчашь,

А. Рыбушкин. В гости

Самовар вазой. Середина XIX в.

ешща, дорогие наши госци! Штошь вы ничава ни яд-зиця?», иначе гости уйдут домой полуголодные.

Поведение гостя в доме было строго регламентировано. Гость имел право попросить у хозяина все, что он видит в доме и в хозяйстве, а также то, чего в доме нет и что хозяин вынужден был доставать у соседей. Вместе с тем гость был ограничен в своих действиях в отношении к хозяину и его семье — он не должен был самостоятельно общаться с женщинами, проявлять интерес к приготовляемой пище, обходить дом и хозяйственные постройки без хозяина и т. п. Известны и специфические запреты, связанные с пребыванием гостя в доме. Так, ему запрещалось кормить собаку или кошку хозяина, поскольку считалось, что в противном случае в доме будет недоставать еды.

Суть отношений гостя и хозяина заключалась, как правило, в символическом и реальном обмене дарами. Хозяин и гость обменивались приветствиями на пороге дома; невеста, получая на свадьбе подарок, целовала каждому гостю руку, а молодой кланялся; гость, попав в обстановку будничного обеда, непременно — в отличие от домашних — благодарил хозяйку. Гость произносил застольные благопожелания в адрес хозяев, новорожденного или молодоженов, тем самым «отвечая» на предложенное ему угощение. Считалось, что человек, впервые пришедший в дом, где есть дети, должен был принести им подарок. Обмен дарами между гостем и хозяином происходил при любом семейном празднике.

Появление гостя в доме могло предвещать некоторые приметы, поведение домашних животных и т. п. Считалось, что в дом придет гость, если внезапно на пол упадет нож или ложка, треснет хлеб в печи, из печи на пол выскочит уголек, если хозяйка по ошибке поставит на стол лишний прибор, если у человека вдруг зачесется рот или он неожиданно хлопнет рукой по столу, если кошка умывается, если петух запел, сидя на пороге, а затем повернулся к дому, и т. п.

Лит.: Байбурин А. К., Топорков А. Л. У истоков этикета. Л., 1990.

Т. Агапкина

ГРАД, в народном представлении кара Божья, наказание за грехи и несоблюдение установленного порядка.

Градом наказывалось, прежде всего, рождение и умерщвление внебрачного ребенка: в Полесье говорили, что целый год будет бить град вдоль той дороги, по которой женщина несла убитого ею ребенка. Причиной града также считалось нарушение запрета на работу в «градовые» дни и погребение на кладбище *задолгого покойника*, особенно висельника.

Считалось, что град бьет в нечистое, оскверненное место и не бьет там, где люди приняли специальные защитные меры. Малороссы в *Юрьев день* катались по земле, «чтоб град ее не бил», белорусы обходили озимые поля, устраивали трапезы на меже, закапывали в поле кости от пасхального поросенка. Также белорусы опоясывали поля нитками, выдернутыми из *обыденного полотенца*. В Подмоскovie около Дмитрова в Юрьев день жгли на полях рождественскую солому, «чтобы не бил град».

Многочисленные табу в повседневной жизни соблюдалась ради предотвращения градобитья летом, когда оно может погубить урожай.

На *Мокея Мокрого*, 11/14 мая, в отношении града у русских существовал особый ритуал. Православная церковь в этот день отмечала обновление Царьграда. В русском народе это событие осмысливалось по-своему.

Крестьяне считали, что в этот день происходит празднование Царя-Града, насылающего грозовые тучи и град. В этот день грехом считалось сеять хлеб, потому что хлеб градом побьет.

На Черниговщине не ткали и не белили коноплю во время цветения ржи, «чтобы град не побил хлеб на корню». В Полесье на *Святки* не разрешалось бросать принесенные в дом дрова, чтобы предотвратить град. Специальные запреты касались обращения с покойником. В Полесье запрещалось везти покойника на кладбище открытым — это могло вызвать град.

Во многих местах России в град зажигали сретенскую («громническую») или *четверговую свечу*, жгли троицкую зелень, ветки *вербы*.

Когда град начинался, его старались остановить тем, что перекусывали или проглатывали несколько первых градин (это должен был сделать первый или последний у матери ребенок), перебрасывали градины через голову и бросали их в *печь*. В некоторых местах женщины, раздевшись догола или задрав юбки, обегали трижды вокруг дома, чтобы испугать тучу и остановить град.

Ист.: Толстая С. М. Град // Славянская мифология. М., 1995; Ермолов А. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. Т. 4. Народное погодоведение. СПб., 1905.

ГРАДИВНЫК (хмáрни́к), персонаж малороссийской демонологии. Основная функция градивныка — защита своего села от непогоды. Способностью воздействовать на погоду градивнык наделяется при рождении, но градивныком можно также стать, вступив в союз с чернокнижником (к которому после смерти градивныка переходит его *душа*), завладев чудесным посохом или свечой. При приближении бури градивнык бежит по земле, размахивая руками, как при драке, крестит тучи тремя соломинками, произнося заклятие, звонит в колокола. Градивнык может дважды отказать пришедшему к нему за разрешением высыпать град предводителю бури (черту, черному человеку на черном коне или белому человеку) и лишь на третий раз позволяет высыпать град где-то вдалеке от жилищ, садов и полев: на дорогу, в овраг, ущелье, в реку и т. д. В гущельских быличках два градивныка бьются между собой, определяя, на чье село должна обрушиться туча с градом, при этом зачастую один из градивныков погибает.

Ист.: Слащев В. Градивнык // Славянская мифология. М., 1995.

ГРАМОТНОСТЬ, умение читать и писать; органично входила в образ жизни русских людей. Разнообразны были пути проникновения книжной культуры в народную среду: сохранение в семьях старинных рукописных и первопечатных книг (преимущественно духовных); использование церковных и школьных библиотек и личных библиотек священника и учителя; покупка лубочных и др. изданий у офеней-разносчиков; привоз книг из городов отходниками; подписка и др.

От XVIII—XIX вв. дошло множество свидетельств о грамотности значительной части крестьянства. Так, многие челобитные были написаны собственноручно крестьянами; немало личных подписей крестьян встречается в подворных и подушных переписях, в «повальных обысках» (так назывался сплошной опрос при расследовании); не редкость — крестьянская деловая и частная переписка, найденная в документации учреждений и личных фондах; важным показателем умения

«Писала» — стили для письма с языческими сюжетами X—XI вв.

читать и писать и владения книгами служат пометы на полях разного рода изданий и рукописных сборников; встречаются прямые указания на переписывание крестьянами сборников, молитвословов, лечебников, *травников* и пр.; наконец, часто устанавливается и авторство догматических, полемических, стихотворных и др. сочинений крестьян.

Статистические данные о грамотности крестьян далеки от реальной картины: по данным Всероссийской переписи 1897 грамотных крестьян в Европейской России было 22,9% (мужчины — 31,4%, женщины — 5,7%). Занижение показателей при официальном учете происходило по трем основным причинам:

1. Часть крестьян предпочитала скрывать свою грамотность, чтобы не нести ответственности за подписываемые документы или за нарушаемые указы и пр. (старобрядцы — из религиозных соображений).

2. Принято было обучать прежде всего чтению, а потом — письму; некоторые умели только читать. В материалах опросов, напр., встречаются такие утверждения: «Грамоте читать знаю, а писать скорописью не умею и тому не учивался». Отражают ли подобные утверждения реальный уровень или лишь нежелание давать письменные показания или подпись, в любом случае они свидетельствуют о том, что среди крестьян, отказывающихся писать, были читающие.

3. Определенная доля крестьян умела читать по-церковнославянски и реализовала этот навык в чтении духовной литературы; т. н. гражданской грамоты они не знали и заявляли себя неграмотными, хотя их можно было заставить за чтением объемной старопечатной книги.

В течение XIX в. число общественных и частных учебных заведений в сельской местности заметно нарастает (церковноприходские, земские и помещичьи школы, волостные училища), тем не менее и после реформы их было недостаточно. Основной формой обучения крестьянских детей грамоте были т. н. вольные, или домашние, временные школы, организуемые самими крестьянами. Обучали в них «бродячие» учителя, переходившие из деревни в деревню, отставные солдаты, грамотные крестьяне, заштатные церковнослужители и др.

Вольные (стихийные) школы отличались особенной гибкостью, приспособленностью к местным условиям, к составу детей и запросам родителей, к обстоятельствам жизни учителя. Крестьяне любили

эти школы и нередко предпочитали их официальным, даже если последние были бесплатными. Повсеместно крестьянские *общины* или отдельные группы крестьян, дети которых достигли подходящего возраста, нанимали учителя и предоставляли поочередно помещение для занятий либо снимали совместно избу для такой школы. По сведениям губернских статистических комитетов, С.-Петербургского комитета грамотности и др. источников, вольные школы были распространены во всех губерниях. Срок обучения продолжался 3—4 месяца или более, по договоренности. Азбуки и буквари, Псалтыри и Часовники бытовали в крестьянских семьях и использовались для обучения. Заниматься начинали после совместной молитвы. В вольных школах изучали сначала церковнославянскую азбуку, затем переходили к чтению по Часослову, Святцам, Псалтырю. Только после этого приступали к гражданской азбуке. Земство, открывшее для себя существование множества стихийных временных школок, заявило о невозможности их сосчитать, и стало успешно перенимать их опыт, организуя в 1880-х передвижные школы в мелких населенных пунктах. В них учили чтению, письму, элементарному счету и основным молитвам. Школа оставалась на одном месте, пока дети не осваивали намеченную программу, обычно 3—4 мес.

Круг чтения крестьянства привлек особенно активное внимание общественности России во 2-й пол. 1880-х — 90-х. Корреспондент из Алексеевской вол. Малоархангельского у. Орловской губ. писал в *Тенишевское этнографическое бюро*, что духовная литература — «любимое чтение огромного большинства крестьян». Особенно предпочитали ее «пожилые и среднего возраста крестьяне и крестьянки, серьезно относящиеся к чтению».

Сведения о чтении крестьян из разных районов страны дают сходную в основных чертах картину. На

Урок чтения

А.И. Морозов. Сельская бесплатная школа

первом месте идут Священное Писание (Библия в целом, Евангелие, Псалтырь), поминальные, задравные и заупокойные молитвенники, Святцы (простые и с тропарями и кондаками); творения святых отцов — Ефрема Сирина, Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Тихона Задонского; Жития святых (более ста имен); сочинения и наставления на религиозно-нравственные темы — «Жизнь Иисуса Христа», «Жизнь Божией Матери», «Понятие о Церкви Христовой и объяснения семи церковных таинств», «Поучение как стоять в церкви», «О грехе и вреде пьянства», «Благочестивые размышления» и др.

Вторую группу (по уровню спроса в покупке и распространности в домах крестьян) составляли азбуки, буквари, самоучители разного рода, прописи. Третью — басни, разные виды художественной литературы (больше всего — на исторические темы) и сказки.

При чтении религиозно-нравственных книг и взрослых и детей интересовали, по мнению А. В. Балова, «главным образом, чудеса, подвиги и строгость жизни различных святых и деятельность их на пользу ближних». В *Великий пост* иные *большаки* запрещали в своей семье чтение светских книг, читали только «божественное». Существенное дополнение в круг чтения духовной литературы составляли рукописи. В их числе в домах крестьян встречались и очень древние. Сборники старинных сочинений духовно-нравственного, исторического, богословско-полемиического содержания при переписывании составлялись по-новому, пополнялись новыми текстами. Традиция переписывания духовных текстов сохранялась и ныне сохраняется не только у старообрядцев, которые не хотели пользоваться печатной литературой «никониан», но в русском народе в целом. Переписать своей рукой молитвы, каноны, акафисты, назидания старцев и др. считается делом душевспасительным. Часто встречались также рукописные травники и лечебники.

Среди светской литературы корреспонденты выделяли произведения А. С. Пушкина, крестьяне читали

их очень охотно. Особенной популярностью пользовались повести; более других были любимы «Капитанская дочка» и «Дубровский». «Встречаются крестьяне, — отмечал А. В. Балов, — которые очень живо обрисовывают Гринева, Пугачева». Из прозы Пушкина очень популярны были также «История Пугачевского бунта» и сказки. «Сказки Пушкина знают даже безграмотные старухи». Из поэтических произведений больше знали «Полтаву» и многочисленные стихотворения, ставшие народными песнями: «Буря мглою», «Сквозь волнистые туманы», «Под вечер осенью ненастной в пустынных дева шла местах», «Утопленник», «Черная шаль», «Талисман», «Бесы» и мн. др. У отдельных крестьян встречалось Полное собрание сочинений Пушкина.

Из книг на исторические темы пользовались спросом лубочные издания: «Как жили-были наши предки славяне», «Дмитрий Иванович Донской», «Иоанн Калита», «Гибель Кучума, последнего сибирского царя», «Ермак Тимофеевич, покоритель Сибири», «Великий князь Василий Темный и Шемякин суд», «Пан Сапега, или 16-месячная осада Троицкой лавры», «Избрание на царство Михаила Федоровича Романова и подвиг крестьянина Ивана Сусанина», «Иван Мазепа — гетман малороссийский», «Москва — сердце России», «Карс — турецкая крепость и взятие ее штурмом русскими войсками», «Михаил Дмитриевич Скобелев 2-й», «Очерк 1812 года» и мн. др. Рассказанные занимательно и проиллюстрированные яркими картинками события запоминались; полученные сведения накладывались на устную традицию исторических песен и сказаний, обогащали и укрепляли историческое сознание народа. Читали крестьяне и научно-популярную литературу по медицине, о животных, сельскохозяйственную и пр. Во Владимирской губ., например, в каждое волостное правление приходило по 20–50 экз. «Сельского вестника».

Информаторы из разных мест единодушно свидетельствовали о том, что «интерес к чтению силен как

среди грамотных, так и среди неграмотных». «В настоящее время (т. е. 1890-е) все крестьяне сознают пользу грамоты. Неграмотные сожалеют, что их не учили. Малограмотные, читающие с трудом, предпочитают слушать чтение кого-либо, чем читать сами»: «Читают и в одиночку, и собираясь вместе». Чтение вслух было очень распространено в крестьянской среде. Читали вслух в семье, группами, в специально выделенных местах (избах одиноких людей, школах, вновь открытых читальнях). Читал вслух старший в доме (особенно Евангелие в праздничные дни) и малыш, недавно освоивший грамоту, и молодой парень, приобретший занимательную книгу. С благоговением относились к чтению в церкви, где нередко Псалтырь читали под ростки.

М. Громыко

ГРЕБЕНЫ, бытовой и ткацкий инструмент для расчесывания (волос, шерсти, волокна, пряжи) и прядения.

Существовали правила обращения с гребнем в быту. Его нельзя было оставлять на виду, класть на *стол*, на *окно*, на *дежу* — ангел не сядет. Расчесав косу, девушка должна была спрятать гребень. Новым гребнем сначала расчесывали кошку или собаку или даже свинью, чтобы зубья дольше не ломались. При выпадении волос их чесали прядильным гребнем. На *Святки* из дома обязательно выносили гребень и др. ткацкие инструменты, это защищало скот от болезней, а людей — от змей.

Пряди, моя пряха... 1896 г. Лубок. Фрагмент

В родинных обрядах гребень служил символом женской доли. Новорожденному мальчику перерезали пуповину на топоре, а девочке — на гребне, чтобы из нее вышла хорошая пряха. На крестинах бабка передавала куму мальчика через *порог*, а девочку — через гребень; кумовья, выходя из дома, ступали правой ногой на порог или на гребень. В девичьих *гаданиях* гребень клали под подушку и по тому, кто во сне будет причесываться, узнавали суженого. Часто гребень клали под подушку со словами: «Суженый, ряженный, приходи голову чесать». На *свадьбу* девушке было принято дарить гребень.

Гребень, которым расчесывали покойника, считался «нечистым» и подлежал, как и др. «покойничьи» предметы, удалению, отправлению за пределы жизненного пространства. Его бросали в реку, чтобы «поскорее уплыла смерть», или куда-нибудь забрасывали, относили в такое место, где никто не ходит, либо клали вместе с остриженными волосами в гроб.

Гребень для чесания волокна известен на Руси с глубокой древности. Он встречается при археологических раскопках в слоях XI—XII вв.

Гребень очень широко использовался как *оберег* от *нечистой силы*, *болезней* людей и скота. На Святках принято было выносить гребень из дома, чтобы защитить скот от болезней, а людей — от змей. Маленький чесальный гребень клали в *колыбель*, чтобы ребенка не мучила во сне нечистая сила и чтобы он спокойно спал. Гребень, по поверью, мог принести людям удачу в делах, вылечить от болезней. Так, если расчесать овец чесальным гребнем, а вычесанную шерсть и сломанный при этом гребень выбросить в загон для овец, то у них будет много шерсти. Если у женщины выпадали волосы, то ей советовали причесаться гребнем для чесания льна.

Гребень известен и как лечебное средство: в Польше, когда заболела корова, хозяйка выносила гребень и забрасывала его на грушу, где гребень должен был лежать неделю, после чего его мыли и использовали по назначению.

Гребень — характерный атрибут многих мифологических персонажей: *русалки*, женского водяного духа и др., которые в быличках расчесывали свои длинные волосы.

Гребень клали в мешок с семенами, чтобы жито было «частым», как зубья у гребня, или помешивали им семена, приготовленные к севу; гребнем расчесывали овец, а вычесанную шерсть и сломанный гребень бросали в загон к овцам, чтобы у них было больше шерсти.

Ист.: Толстая С. М. Гребень // Славянская мифология. М., 1995; Шангина И. И. Русский традиционный быт. СПб., 2003. **ГРЕБНЕВСКАЯ**, чудотворная икона Пресвятой Богородицы. Находилась в Москве в церкви Успения Пресвятой Богородицы, что на Лубянке. Когда вел. кн. Димитрий Иоаннович Донской возвращался после победы над Мамаем с берегов Дона в Москву и достиг г. Гребни (в настоящее время этого города не существу-

Богоматерь Гребневская. Икона. Сер. — 2-я пол. XVIII в. ГРМ

ет) на р. Чири, впадающей в Дон, то тамошние жители поднесли ему икону Пресвятой Богородицы, прославившуюся чудотворениями и получившую от города наименование Гребневской. Великий князь с верою принял икону и поставил ее в московском Успенском соборе.

Празднуется 28 июля/10 авг.

ГРЕТЬ ПОКОЙНИКОВ, семейный поминальный обычай возжигания костра (*огня*), чтобы «передать» умершим тепло. Принадлежит к традиционным формам общения с предками (в их числе — кормление умерших, приготовление для них *бани* и т. п.).

В древнерусском «Слове св. Григория» (по Чудовскому списку XVI в.), осуждавшем «сатанинские дела», среди прочего было сказано: «(...) и сметье (мусор. — Т. А.) приходяще огреваются».

В составе погребального обряда обычай известен на западе малороссийско-белорусской зоны. Белорусы на второй или третий день похорон сжигали стружки, оставшиеся от гроба, полагая, что «покойника душа придет греться».

В Белоруссии и на Русском Севере было принято в один из святочных вечеров или в осенний поминальный день жарко растапливать *печь* для того, чтобы предки могли здесь обогреться. В южнорусских областях «родителей» также «грели» на *Рождество*, под *Новый год* или *Крещение*, разводя во дворах костры из соломы и навоза.

В восточных и центральных областях Малороссии широкое распространение получил обычай сжигать во дворах и садах солому, которая лежала в Рождество на полу, а также *мусор*, собранный в течение *Святок*. Кое-где люди верили, что тем самым они согревают предков, пришедших к костру.

На остальной славянской территории обычай входил в цикл весенних обрядов. У гуцулов он присоединил к себе черты детских обрядов обхода дворов. Здесь в один из дней на *Страстной неделе* хозяева жгли во дворах костры, вокруг которых бегали дети и кричали: «Грийте дида, дайте хлеба, грил бы вас Бог всяким добром!»

Лит.: Зеленин Д. К. Народный обычай «греть покойников» // Сборник Харьковского историко-филологического общества. Т. 18. Харьков, 1909.

Ист.: Агапкина Т. А. «Греть покойников» // Славянская мифология. М., 1995.

ГРЕХ (слав.: грети; первоначальное значение: «то, что жжет, мучает, вызывает сомнение»), моральная вина человека перед Богом и другим человеком. Грешить можно словом, делом, помышлением или бездействием (неоказанием помощи), бессловесием, бессмысленностью (глупостью, немолитвенностью). По понятиям русского народа, грех — болезнь *души*. Как тело чувствует боль, пока человек жив, так и душа чувствует боль от греха, пока душа жива. О грехе человеку свидетельствует *совесть*. Человек сам не может избавиться от греха. Только Христос освобождает от него ценой Своей Крови.

В православном учении существуют также понятия смертных грехов, которые в случае нераскаянности ведут к вечной гибели. Смертные грехи происходят от корня всякого зла — *гордыни*. Григорий Великий называет семь смертных грехов: тщеславие, *зависть*, гнев, *уныние* (неверие в спасение), чревоугодие, расточительность, скупость. Эти грехи порождают другие: зависть — ненависть, тщеславие — непослушание

Грехопадение. Фрагмент иконы. XVII в. Соловецкий монастырь

и чванство и т. д. Другие святые отцы называют восемь смертных грехов: гордыня, убийство, уныние, воровство, блуд, пьянство, кощунство и *ложь*.

Бесы радуются, когда человек неистово крестится

Всевидящее Око, со святыми на полях. Икона. XIX в. Нижний Тагил(?). ГРМ

Народное сознание обостренно ощущает греховную природу человека: «Мир во зле (лжи) лежит», «Мир в суетах, человек во грехах», «Один Бог безгрешен (Един Бог без греха)», «Нет такого человека, чтобы без греха прожил», «Грех сладок — человек падок», «Рожденные во плоти причастны греху», «Невольно грех живет на всех», «Нет такого человека, чтобы без греха прожил», «И первый человек греха не миновал и последний не избудет», «Все одного отца дети», «Все Адамовы детки», «Адам плотию наделил, Ева грехом», «Адам со-

грешил, а мы воздыхаем», «Ева Адама прельстила, весь род погубила», «Ева прельстила древом, простонала чревом», «Адам грех сотворил — рай затворил».

Православный русский человек твердо считает: «Все на свете по грехам нашим деется», «Что ни творится над нами — все по грехам нашим», «Грешна душа, во что Бог поставит». И отсюда делает вывод: «Супротив греха и покаяние», «В чем грех, в том и спасение», «Грешники, да Божьи», «С грехом ссорься, с грешником мирись», «Ненавидь дурное в человеке, а

Распятие страстей. Икона. XVIII в. Гуслицы. ГРМ

человека любви», «Согрешить — дело человеческое, но упорствовать во грехе — дело дьявольское» (Тихон Задонский).

О. Платонов

ГРЕХ И КАРА БОЖИЯ В НАРОДНОМ СОЗНАНИИ не расходились с церковным православным учением. Эти понятия были присущи уже детским представле-

Богоматерь «Споручница грешных». Икона. Сер. XIX в. Музей палехского искусства

ниям — в связи с исповедью с семилетнего возраста. Далее они развиваются и совершенствуются на основе наставлений родителей, собственного духовного опыта, поучений и проповедей священников, посещения монастырей, коллективного опыта всей своей православной среды, чтения Священного Писания и других книг, рассказов паломников и пр. Тема греха постоянно присутствовала и в мимолетных упоминаниях в разговорах, и в серьезных обсуждениях событий, обстоятельств, поступков, а главное — в сознании каждого верующего.

Черт верхом на грешнике. Из книги «Цветник» о смертных грехах. Народная картинка из альбома Д. А. Ровинского.

При конкретизации понятий греха и кары Божией в повседневной жизни, в применении их к определенным случаям, эти представления могли несколько отклоняться от канонических: иногда в сторону усиления осуждения, расширительной трактовки того, что осуждается, как грех; иногда же, напротив, в сторону послабления в осуждении и даже полного отрицания греховности некоторых поступков.

Грешник перед троном Сатаны. «Повесть о некотором немилостивом человеке, любителе века сего». Народная картинка из альбома Д. А. Ровинского.

К. Уланов. Страшный Суд. Икона. 1706 г. Москва. Оружейная палата. Филиал ГТГ «Музей-квартира П. Д. Корина»

Напр., по наблюдениям в Моршанском у. (Тамбовской губ.) в сер. XIX в. отмечалось, что крестьяне считают непростительным грехом поссориться с кумом или кумою. Это было связано с особенным уважением духовного родства. Желая исключить возможность совершения такого греха, предпочитали крестных братья

из другого дома и не вступать в отношения кумовства с теми, кто непосредственно входил в свою семью, т. е. с теми, кто жил в одном доме.

Сложный набор понятий о степени греховности того или иного проступка был связан с *постом*. Так, нарушить *Великий пост* считалось великим грехом;

тяжкими считались и нарушения Успенского поста и некоторых однодневных постов — крещенского *Сочельника*, дня *Ивана Постного* (усекновение главы Иоанна Крестителя 29 авг.) и *Воздвижения* (14 сент.). Нарушения же других постов и постных дней оценивались как менее тяжкие грехи. Но и в пределах одного и того же поста нарушения отличались по степени греховности: поесть в Великий пост рыбы — не такой тяжкий грех, как съесть молока или мяса. Многие крестьяне считали грехом даже говорить про скоромную пищу во время Великого поста.

В то же время в к. XIX в. отмечали заметные различия в оценке греховности нарушения постов даже в соседних волостях. Разумеется, степень строгости норм воздержания была всегда делом индивидуальным, т. ч. различия могли быть в пределах одной семьи. И все-таки складывались и общие представления о допустимости отклонений, характерные для конкретной местности. В Дулёвской вол. Жиздринского у. (Калужская губ.) на несоблюдение постов смотрели снисходительно, как виделось корреспондентке *Тенишевского бюро* Варваре Зориной — дочери священника. Молодые, которые ходили на заработки, ели по постам скоромное, ибо «голодным много не наработаешь». Последнее объяснение, столь распространенное в наши дни для оправдания отхода от постов, живо свидетельствующее об ослаблении веры и, соответственно, об отсутствии благодатной поддержки в несении аскетического подвига, — это объяснение было, как видим, в ходу у части русских уже в к. XIX в. Но эта же наблюдательница сообщала, что в д. Иваشковици Будчинской волости (тот же Жиздринский у.) на соблюдение постов смотрят иначе. Там больной не станет есть скоромное, если даже врач ему предпишет.

Повсеместно сношение с женщиной во время поста считалось грехом. Если у супругов рождался ребенок в первой половине декабря, его называли насмешливо «постником», подчеркивая, что зачатие произошло в Великий пост. Отца такого ребенка священник «усовещал за невоздержанность». Тем не менее «постники» бывали не такой уж редкостью.

Набор оттенков и местных особенностей предстает перед нами из источников в оценке греховности работы в воскресные и праздничные дни. Наиболее распро-

Дверь в жертвенник. Посл. треть. XVI в. ВМЗ

Благоразумный разбойник в раю. Старообрядческая икона. XVII в. Происходит из молельной на Волковом кладбище. ГРМ

страненным отклонением было следующее: не выполняя в эти дни работ в своем хозяйстве, ходить работать к другим — на *толоку* (*помочи*) или по найму. «Этот грех Бог нам простит, потому что, если мы не пойдем — хлеб пропадет; хлеб не должен пропасть — это дар Божий». Но в зимнее время и на подёнщину не ходили в праздники и воскресенья, т. к. дело не шло уже о гибели урожая, — оправдывающее обстоятельство отпадало. Местами в воскресенье обычай разрешал после обеда шить (церковное воскресенье заканчивалось примерно к середине дня), но прясть нельзя было. Печь хлеба в праздник считалось грехом (т. к. это будничное, обязательное дело), а печь *пироги* — допускалось (соответствующее празднику дело).

Вообще послабления в оценке греховности нарушения тех запретов, которые имели духовные причины, связаны были более всего с особенностями основных

Зерцало грешного. Народная картинка из альбома Д. А. Ровинского

хозяйственных задач крестьянства, с уважительным отношением к своему труду, как делу Божию. Так, под рожь озимую не пахали в пятницу: это грех, и земля не уродит. Под яровой же хлеб пахали и в пятницу, т. к. посев яровых — дело срочное, нельзя запоздать.

Нетерпимое отношение к греху в народе обнаруживается, когда речь идет о прямом нарушении запове-

дей. Здесь облегчение самому грешнику перед Богом и в оправдание в глазах других людей дает лишь глубокое покаяние.

«Основную причину бездетности при отсутствии видимых нарушений здоровья видели в наказании Божьем за свои грехи и даже за грехи родителей» — к такому выводу пришла Т. А. Листова, рассмотрев народную религиозную концепцию зарождения и начала жизни на многообразном материале полевых и письменных источников.

Очень четко понятие греха прослеживается в массовом сознании русских в связи с отношением к насильственному прерыванию беременности. «Нет греха больше, чем вытравить плод, это душегубцы, проклятые Богом». Знахари, специализировавшиеся на «вытравлении» плода, осуждались, по мнению Т. А. Листовой, «даже больше, чем решившиеся на плодизгнание женщины, тем более что к подобным мерам, по общим отзывам, прибегали лишь отчаявшиеся, забеременевшие до брака девушки».

Осуждение добрачных связей, как греховных, нашло отражение в многочисленных источниках XVIII—XIX вв. «Потеря девственности считается большим грехом, — однозначно отвечали на тенишевскую программу из Ростовского у. «Беременность девушки

составляет уже для родителей крайнюю степень позора и бесчестия», — утверждал наблюдатель из Пошехонского у. Подобные ответы даны были по Смоленской, Калужской, Орловской и другим губерниям. Греховной считалась и супружеская неверность. Но при этом крестьяне более жестко осуждали неверность жены, чем мужа.

Обращение к массовым источникам — ответам на программы различных обществ (в этих ответах наблюдатели стремились выделить характерные явления) — обнаруживает отнюдь не поверхностное отношение к понятию греха. Оно естественно и органично связано с представлениями о загробной жизни, Страшном Суде и о каре Божьей вообще. «До сих пор еще существует в народе убеждение, что ненаказанного преступника всегда покарает Бог, что Бог является мстителем оставшихся безнаказанными преступлений», — сообщалось по материалам Ярославской губ. в 1890-х.

В этой же рукописи (автор ее — А. В. Балов) находим и ответ на вопрос программы о том, как в народе различали понятия преступления и греха. Корреспондент пишет, что «преступление и грех в народных понятиях стоят довольно близко». Большая часть преступлений считается в то же время и грехом, но не все. Напр., «сбор гри-

«Единородный Сын...». Икона. Нач. XIX в. Юго-Западные губернии. ГРМ

Трапеза нечестивых грешников. Народная картинка из альбома Д. А. Ровинского

бов и ягод в чужих лесах, охота и рыбная ловля в чужих владениях, порубки леса в чужих дачах», хотя и являются преступлением, но грехом не считаются (в этом сказывалась длительная традиция отношения к лесу, как к ничьей, Божьей земле). С др. стороны, «деяния по существу не преступные» иногда преследуются как преступления, например, работа в праздники.

Балов замечает при этом, что принятие таких зарков (в других местностях — залогов, т. е. принятие на сходе волостной, сельской или деревенской общины решения об обязательности для всех членов общины запрета на работу в воскресенья, в праздники вообще или в конкретный праздник, или в пятницу) становится все более редким. Но из др. источников мы знаем, что подобные зарки принимались во многих местах в течение XIX в., и нарушение их наказывалось нередко штрафом в пользу общины, следовательно, оценивалось как преступление, касающееся общества, а не как личный грех, за который человек сам в ответе перед Богом. В основе этого подхода лежало представление, что за нарушение одним человеком принятого общинною решения духовного порядка может пострадать от кары Божией вся община. Положив залог, т. е. приняв решение такого рода, всей сходкой молились перед часовней, после чего залог вступал в силу, хотя и не был письменно зафиксирован.

«В особенности общество строго следит, чтобы в заказной день кто не поработал бы, не нанялся бы где в подёнщину (...). Крестьяне создали себе такой закон, что если запретит общество работать, то никто позволить не может. В воскресенье работай, тебе никто запретить не может, это для своей души, заказный же день ты всему обществу нагадишь, если поработаешь! Отчего засухи бывают, градом хлеб побивает и пр. Это «угодники наказывают, что их не почитают». Подобные ограничительные постановления могли касаться также сбора или употребления в пищу некоторых видов овощей или фруктов до церковного их освящения.

Юристы, изучавшие специально обычное право во 2-й пол. XIX в., отмечали отличие в подходах к определению преступлений в государственном законодательстве и в народных обычаях. «С точки зрения юриста-криминалиста, — писал С. Л. Чудновский, обстоятельно изучавший *обычное право* у русских на Ал-

тае, — многое нравственное может быть преступным, и не всё, что преступно, должно быть безнравственным; с точки зрения обычно-правовых понятий народа, и в том числе алтайского населения, все преступное обязательно безнравственно: все, что нравственно, не может быть преступно!»

Расхождение с подходом государственного законодательства было заметно тогда, когда речь шла об особо тяжких, по народным воззрениям, грехах, не все проявления которых учитывались законодательством. Так, богохульство и кошунство оценивались в народе как преступления, подлежащие наказанию. В то время как грех вообще считался делом личным — «кто в грехе, тот и в ответе», а ответ имелся при этом в виду перед Богом, а не перед обществом. Так относились, напр., к неисполнению таинств покаяния и причастия или к напрасной божбе. Но общественное мнение осуждало человека, грех которого был у всех на виду. Массовым было представление о том, что совершению грехов препятствует страх Божий.

М. Громыко

ГРЕЧНЕВИК, мужской головной убор в форме усеченного конуса из овечьей шерсти. Известен с XVII до XIX в. По праздникам гречневик украшали лентами, перьями и искусственными цветами.

ГРИБЫ, очень распространенный вид пищи в русской народной кухне. Собиралось, заготавливалось и употреблялось в пищу в разных видах огромное количество разнообразных грибов. Свежие грибы жарили в масле или сметане, варили из них похлебку, начинали ими

Н. Соломин. Натюрморт. Дары осени

пирогов. Для заготовки впрок грибы сушили, чтобы зимой варить из них похлебку, солили, мариновали и т. д. Грибы в разных видах были основной пищей во время многочисленных *постов*, а для крестьян, которым постоянно не хватало хлеба до нового урожая, первые летние грибы-козосовики были важнейшим подспорьем. Сбор и продажа грибов давали женщинам небольшой заработок, остававшийся в их личном распоряжении. Нередко помещики вводили грибы в состав натурального оброка, а государственные крестьяне Вологодской и Архангельской губ. поставляли к Царскому Двору соленые рыжики, причем принимались только грибы, проходившие в горлышко бутылки от шампанского. «Смирная охота» брать грибы была излюбленным занятием в провинции, в т. ч. среди помещиков, которые целыми семействами выезжали на роспусках в заповедные леса по грибы.

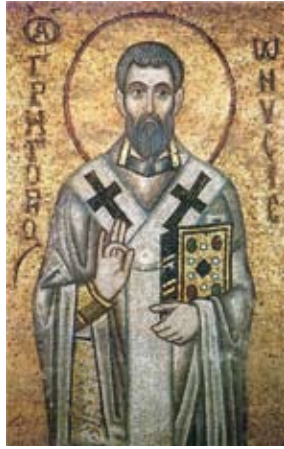
Л. Беловинский

Григорий Богослов. Икона. Ок. 1695 г. Москва. Школа Оружейной палаты. УМЗ

ГРИГОРИЙ ВЕСНО-УКАЗАТЕЛЬ, народное название дня св. Григория Богослова, 25 янв./7 февр. По народному поверью в этот день следует вспоминать о добрых делах и добрых людях, чтобы с добром войти в весну, чтобы в семьях был мир и лад.

ГРИГОРИЙ ЛЕТО-УКАЗАТЕЛЬ (Летоуказатель, Григорий), народ-

Святитель Григорий Нисский. Икона XVII в.

ное название дня св. Григория, епископа Нисского, 10/23 янв.

В этот день крестьяне выходили смотреть в поле стога сена и хлебные *скирды* и по иному судили, будет ли лето сухим или дождливым.

ГРИГОРЬЕВ ДЕНЬ — см.: **ХАРИТИН ДЕНЬ**.

ГРОМ, в народных представлениях, карающее орудие небесных сил — Бога, *Илья Пророка*, *Перуна*. Чаще всего гром объясняли тем, что св. Илья ездит по небу на колеснице с огненными конями, что Илья или Бог кидают по небу и с неба на землю камни.

Повсеместно существовало верование, что Бог, св. Илья или небесный змий громом поражают дьявола, *черта*, которые, прячась и спасаясь, забираются в воду или под *дерево*, под *камень*. Поэтому во время грозы людям нельзя укрываться под деревом или в воде. По представлениям белорусов, нельзя сидеть на меже (там водятся черти); опасны места, где зарыт некрещеный младенец, и т. п. Считалось, что «гром» (молния) не бьет в некоторые деревья, в крапиву, в дом, на котором есть гнездо *аиста*.

Человек, убитый «громом», мог считаться и праведником, счастливым, и грешником, в котором скрывался черт. Дерево, пораженное «громом», не употребляли для строительства или на дрова, однако ему приписывали иногда целительные свойства (щепкой такого дерева лечили зубную боль). Загоревшийся от молнии дом часто запрещалось тушить (считалось невозможным потушить пожар) или полагалось тушить не водой, а молоком от черной коровы, кислым молоком, сывороткой и т. п.

Во время грозы для защиты от грома зажигали сребренские («громничные») свечи, освященные в *Вербное*

воскресенье ветки *вербы*, жгли в печи лен, травы, тропищную зелень, венки и т. п.

Выбрасывали во двор лопату, использовавшуюся для выпечки хлеба, или клали крест-накрест лопату и *кочергу*, выносили *дежу*, освященные предметы, воду и травы, пасхальную скатерть, яйцо, *хлеб-соль*. «Отворачивали», отгоняли тучу, размахивая рукой, косой, хлебной лопатой, скатертью, палкой, которой вызволяли *лягушку* из пасти змеи; обходили вокруг дома с лопатой, перебрасывали через дом яйцо и т. п.; произносили специальные заклинания.

Во время грозы запрещалось держать открытыми дверь, окно или трубу, сидеть у окна, есть, пить, разговаривать, ходить с непокрытой головой, ходить босиком, задира́ть подол и др. Все это могло навлечь на человека удар грома. Иногда предписывалось завешивать *зеркало*, сидеть под балкой с крестом и т. п.

Чтобы уберечься от грома, совершались предупредительные магические действия. На *Сретение* («Гром-ничи») освящалась специальная «громничная» свеча, которая хранилась в *красном углу* и зажигалась во время грозы (иногда это была *четверговая свеча*).

Главным и наиболее надежным средством защиты от грома считалось соблюдение и почитание праздников и «громовых» дней, которых особенно много было у южных славян: все четверги между *Пасхой* и *Вознесением*, несколько дней в период жатвы, *Ильин день* и др., когда строго запрещалась всякая работа, особенно работа в поле и прядение-тканье.

Первый весенний гром считался значительным событием и сопровождался множеством магических ритуалов и *гаданий*. Было принято, слышав раскаты грома, прислоняться к дереву (*дубу*) или тереться спиной о дерево, дубовый столб, забор и т. д. Это делалось для того, чтобы предотвратить или излечить боль в спине. С той же целью катались по земле или просто падали на землю, что должно было принести здоровье, благополучие, удачу.

Заслышав первый гром, крестились и крестили трижды тучу. Все эти меры должны были обеспечить силу, здоровье и удачу и защитить от грозы летом.

Ист.: Толстая С. Гром // Славянская мифология. М., 1995.

ГРОМ И МОЛНИЯ (в малороссийских народных поверьях), происхождение грома и молнии малороссийские крестьяне объясняли по-разному: 1) когда вздумается Богу послать на землю дождь с громом, то он повелевает свв. Георгию, Илье и Михаилу колебать скалы — от этого и происходит гром; 2) гром — стук от колесницы, в которой едет по небу св. Илья; молнии — искры изпод подков лошадей, везущих колесницу; 3) о молнии говорили еще, что это настоящее небо, видимое в щели разрывающихся туч. Бог показывает его людям только во время своего гнева; если бы упала на землю хоть малая часть его, она сожгла бы ее; 4) самым распространенным представлением малороссов было поверье, что архистратиг Михаил (иногда Гавриил, Илья), ведущий постоянную войну с *чертями*, стреляет в *дьявола*: гром и молния — это звук и огонь выстрела. Однажды архистратиг никак не мог поразить черта, прятавшегося под скалой; случившийся здесь охотник убил нечистого из своего ружья, в благодарность за что архангел Михаил поменялся с ним ружьем. Архангельское ружье убивало все, что хотел убить охотник, и гремело, как гром. Он испугался его и возвратил архангелу. Если гром убивает человека, то это значит, что за ним спрятался черт, которого нельзя было иначе поразить, как убив чело-

века; считали, что убитый получает Царство Небесное. Находимые в земле окаменелые остатки моллюсков, а также каменные наконечники стрел и др. каменные орудия доисторического человека назывались у малороссов громовыми стрелами. Громовая стрела вонзается глубоко в землю — на 7 локтей (или сажен), но выходит снова наверх через 7 дней (месяцев, лет) и тогда имеет целебную силу, а также охраняет от грома и пр. Пожар от молнии гасить грешно, да и водой погасить его нельзя, а только козьим молоком или сывороткой. *Грех* во время грома спать и пить. Грому был посвящен целый ряд праздников — с 8 июля по 6 авг., которые носили название «громові празники»; самые грозные из них: Илия (20 июля ст. с.) и *Паликопа* (27 июля ст. с.); кто в этот день работает, тому Паликопа (приурочиваемый здесь к св. *Пантелеймону*) сожжет молнией его копны. Возникнув на почве представления о борьбе двух божественных начал, доброго и злого, — образ бога-громовника *Перуна*, дающего добрым жизнь посылаемой им из туч влагой и карающего злых ударом молнии, перешел в верование принявшего христианство народа и, как видно из сказанного, языческое божество получило имена христианских святых. Впрочем, в некоторых местах Малороссии сохранилось название грома и молнии перуном; стрелы, пускаемые архангелом Михаилом, также называются перуновыми. «*Оберегами*» от грома, кроме громовой стрелы, считались лежащая в хате, «за сволоком», святая *верба* или каждая этой вербой, а также палочка, которой удалось отогнать гадюку, нападающую на *лягушку*.

С. Ю.

ГРОМЛЕНИЕ, древнерусский языческий обычай купаться в реках и озерах в грозу. Считалось, что во время грома человек умывается с серебра — излечивается от многих *болезней* и молодеет. По-видимому, этот обычай был связан с поклонением *Перуну*.

ГРОМНИЦА, особый обряд освящения и чествования т. н. громничной свечи, проводимый на праздник *Сретения*. В основе его лежал языческий ритуал почитания *огня*, связанный с культом *Перуна*.

В н. ХХ в. в наиболее чистом виде этот обряд сохранялся в Белоруссии, где имел величайшее значение для всего народного обихода на весь год и, можно даже сказать, на всю жизнь. В деревнях несколько дворов (8—10) топили воск и крутили большие и толстые свечи, которые и хранились где-нибудь в хате перед общественной иконой. Приготавливали эти свечи к урочному праздничному дню обыкновенно на *Никола Зимнего*, и в др. избранные дни, напр., свечи «варваринские», «на *Флора и Лавра*», «Спасовские», «Михайловские», «Ивановские» на Купалу, 24 июня и т. д. Воск для свечи обыкновенно не покупали за деньги, а приносили из своих бортей в убеждении, что трудовая свечка Богу угодна. В обетный праздничный день брали общественную икону и носили ее из дома в дом в преднесении этой самой обетной свечи. Нес икону тот хозяин, чей дом был на очереди. Обыкновенно совершали эти церемонии ночью, предварительно пригласив священника, который и служил перед иконою один общий для всей деревни *молебен*. Общим хором пели *молебен*, на общественный счет угощали духовных лиц и отпускали их по домам, брали икону, зажигали свечи и общественную свечу, с которыми и выходили на улицу, где пели *величання*, продолжая и оканчивая их в каждой деревенской хате; здесь ставили икону среди жилища и перед нею обетную свечу, вместо подсвечника — в чашку, наполненную овсом. Пели какие знали молит-

вы, но охотнее всех легкое для памяти и подходящее на голоса «*величання*», а когда кончали петь, икону переносили на «*куть*» (передний, «*красный*» угол). Затем все садились за *стол* и угощались *водкой*, заедаемой жареным и вареным. Кто видел эти процессии в темную ночь и издали, тот, по словам одного знатока народных обычаев, не забудет красивой картины колеблющихся веселых огоньков на темной пелене глубокой зимней белорусской ночи, особенно если развернется эта деревенская картина неожиданно и послышится громкое пение многих здоровых голосов.

Кто же присмотрелся вблизи к этому ходу, тот не похвалит живую обстановку уличного шествия: идут-пошатываются на нетвердых ногах, ослабленных излишком горилки; вместо пения раздается нескладное и неладное мычание, особенно в глубокую полночь пред рассветом (бродят и гуляют всю ночь, пока не устанут ноги, не смежата глаза). Таких ночных шествий в белорусских городах еще в н. ХХ в. встречалось на улицах много, и все эти братчики ходили своими компаниями, не смешиваясь с другими: тот не имеет права участия в ношении свечи, кто не состоит братчиком; желающие же из посторонних ходить и пировать обязаны были внести деньги, хотя и не очень большие. Умершему братчику полагалось право преднесения свечи при проходах в могилу (т. н. «*ховтуре*»). Тогда звонили обыкновенно «на собор», т. е. на сбор всех братчиков, почтить проводами умершего. Сверх того, полагался «*аксамит*» — особая пелена из черной бархатной материи, на которую нашивали белый крест с эмблемами смерти: адамовой головой и двумя костями, пришитыми снизу на крест. Этот аксамит несли перед гробом четыре братчика, держась за углы (то же кое-где и в Малороссии). Аксамит уже полежал в доме на столе под гробом, а затем в церкви либо вешался на стену, либо снова расстилался под гробом. Братская свеча горела тут же, поставленная в обычные белорусские подсвечники, деревянные, покрашенные зеленой краской.

Громничная, или сретенская, свеча тем и отличалась от всех прочих, что ей приписывали наиболее чудодейственную силу. Уже самый корень словопроизводства показывает, что в громничной свече заключается именно та скрытая благодетельная сила, которая оберегает всякий дом, где хранится свеча, от *грома и молнии*. Как и все другие, она сучилась толсто и грубо, кое-как, и, раз заделанная, свеча ежегодно увеличивалась прибавкою нового воска. Когда доходила она до одного пуда весом, ее сдавали в церковь, откуда и брали на дом по мере надобности и с соблюдением строгой очереди. Находящуюся в церкви свечу иногда, по большим праздникам, просили зажигать. Перед этой свечой служились священниками акафисты и молебны с водосвятием, а перед принятием ее в дом, обычно вечером, обязательно целый день постились. Освященной водой кропили все надворные постройки, а в Малороссии, где громничные свечи были давно забыты, но осталась лишь священная вода, ею вытирали больные места на теле, окропляли скот и пасеку и брызгали на волов, когда *чумаки* выходили в степь и Крым за солью. Малороссы убежденно верили, что в этот день, названный еще «*Стречань*», встречается зима с летом, чтобы побороться, кому идти вперед, кому возвращаться назад. Лето говорит: «Помогай тебе Бог, зима!» — «Дай, Бог, здоровья!» — отвечает зима. «Ты видишь, — говорит лето, — что я уже наделало и наготовило, довольно ты попила и поела».

Вместе с молебствием соединялся еще древний обряд, сохранившийся у великороссов лишь в больших и строгих монастырях после трапезы: т. н. «возношение панагии» (частицы просфоры, вынутой на проскомидии в честь Богоматери). В Новгороде этот исчезнувший в Москве обряд в XVI в. еще исполнялся во время больших праздников, совершался в храмах, и притом торжественно и открыто. В Новгороде свяителя провожали в келью его с праздничным образом. После «возношения панагии», т. е. особого сосуда для богородичной просфоры, у новгородского владыки бывали задравные чаши, государские и патриаршие, как, напр., в день *Богоявления*. В Белоруссии этот обряд соблюдался повсюду до н. XX в. и совершался в некоторых приходских церквях, но чаще всего в хатах. Частица, вынутая в честь Богоматери, выносилась из алтаря в трапезу в особом ящичке. По окончании панихиды священник вынимал из принесенного молебщиками и положенного на куске полотна *каравая* ржаного хлеба частицу. На хлеб он клал осеняльный крест, а на него — просфору и вынутую частицу. После ектении о здравии, при пении похвальной песни Богородице и тропаря храма, возвышали хлеб над головами. Заказчики-молебщики помогали священнику поднимать хлеб, который после обряда поступал на руки хозяевам дома, ломался на куски по числу членов семьи и вместе с просфорой раздавался на руки как «священное» между всеми деревенскими соседями, если хлеб изготовлялся в складчину.

У некоторых стариков сохранялся обычай обносить свечу и хлеб кругом стола, а потом около друг друга и затем обмениваться: хлеб из одной хаты передавался в другую, а из той взамен получался другой каравай. Свечу несли впереди маленькие мальчики, панагию — всегда старики, и при этом отмечалось, что скорее соглашались идти в складчину бедняки, охотливее жертвуя своими скудными остатками; богачи же предпочитали пристроиться к ним для дарового угощения. Некоторые из прежних помещиков польского происхождения чтили подобные народные праздники тем, что отпускали «холопам» свое вино даром. Во многих местах перед праздником варили меды, также на общие средства и своими трудами и хлопотами.

Бедняки, получившие свечи из рук священника, за неимением своей, смотрели, как она горит за обедней, и гадали: у кого первого погаснет, тот раньше умрет. У кого по выходе из церкви по пути домой не потухал огонь, а падал на руку воск тремя каплями, тому, считалось, будет хорошо и счастливо. Пришедший домой спешил огнем громницы подпалить себе вдоль и поперек волосы. Потушенная свеча разламывалась на кусочки, которые раскладывались по клетям и в хлевах, чтобы спасти скотину от падежа и чумной заразы. Считалось, что *нечистая сила* не дерзнет к ней прикоснуться. Свечу брали на поля при начале сева и жатвы. Она охраняла межи, предотвращала заломы в хлебе, истребляла вредителей в нивах. Громницу давали в руки покойнику в минуты кончины и зажигали ее, чтобы пламя спасло этого человека на пути загробных мытарств и во время хождений по мукам, среди геенны огненной.

См. также описание обряда *братчина* (канун, свеча).

Н. Степанов

ГРОМНИЦЫ, древнеязыческий ритуал, посвященный культу *Перуна*. После Крещения Руси его пережитки сохранились во время празднования *Сретения* (2 февр.) в обряде освящения т. н. громничной свечи (см.: Громница).

ГРОМЫКО Марина Михайловна (р. 03.09.1927), этнограф, историк, доктор исторических наук (1966). Окончила исторический факультет Московского университета. С н. 60-х занималась изучением культуры русской деревни XVIII—XIX вв. Одна из первых специалистов начала исследование нравственных понятий крестьян, их исторических представлений, общинной жизни, быта и праздников. Итогом этих исследований стала книга «Мир русской деревни» (1991). В своих последующих работах Громыко показывала, что основой крестьянской культуры и нравственности было Православие. В книге «О возрождении русского народа» (2000; совм. с А. В. Бугановым) Громыко убедительно доказывает, что Православная вера русских крестьян определяла их «отношение к живым и мертвым, поведение в доме, на сходке и в паломничестве, на крестном ходу и в бою. Вера формировала идеал монарха — Помазанника Божия, воздействовала на государственное сознание народа, пронизывала соборное решение дел в общине, определяла отношение к труду, богатству и нравственные устои семьи, очищающую силу покаяния и радость творчества».

Соч. (кроме указанных выше): Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII — перв. пол. XIX в.). Новосибирск, 1975; Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986.

ГРЯДКА, полка под потолком избы на уровне *полатей* в виде жерди, бруса, двух досок между углом печи и противоположной стеной. Отделяла *бабий кут* от остальной избы. Использовалась как полка для кухонной посуды, под ней подвешивалась кутная занавесь, отделявшая *печной угол*. Грядкой также называли жердь, шест, подвешенные за два конца в печном углу над *печью* для сушки одежды, хранения связок лука, или положенный в клетки на две вбитые в стену спицы для развешивания одежды.

В *черной избе* грядкой назывались две жерди над чело́м печи для сушки дров, *лучины*.

ГУЛЯНИЕ, одно из главных развлечений во всех русских сословиях. Городские гуляния происходили по определенным праздничным или воскресным дням в определенных местах, в городе или за городом, в парках и т. д. Так, в Петербурге гуляния происходили в общедоступных садах Нарышкина (у Красной мызы), Вяземских, Зиновьева, Апраксина, Потемкина, Шереметева и др., по Шлиссельбургскому тракту, на Елагинном острове, в парках при загородных царских двор-

Б. Кустодиев. Лето. Провинция. 1922 г.

цах, зимой на Исаакиевской и Адмиралтейской площадях, на р. Неве перед Зимним дворцом, на Царицынском Лугу; самое массовое гуляние было 1 мая в Екатерингофе. В Москве гуляния происходили в Сокольниках (особенно славилось первомайское), в Петровском парке, на Петербургском шоссе, в Марьиной роще, на *Святки* и *Масленицу* под Новинским бульваром, где местность покато шла к Москве-реке и р. Пресне; в Н. Новгороде гуляния проходили на Откосе, в Самаре в парке дачи Струковых над Волгой и т. д. Гуляния собирали огромные массы народа, причем первомайские в Сокольниках или Екатерингофе — и людей из высшего общества: это было как бы неперенное светское мероприятие, где нельзя не быть. Вельможи съезжались целыми поездками, с родственниками, прихлебателями, прислугой, разбивали большие шатры, где устраивались столы для гостей; особенно это было характерно для XVIII — н. XIX в., напр. для первомайского гуляния в Сокольниках. В др. случаях вереницы экипажей с гуляющими разъезжались по аллеям парков или по шоссе. На местах гуляний, особенно святочных и масленичных, устраивались для народа

Б. Кустодиев. Гуляние на Волге. 1909 г.

качели, карусели, гигантские шаги, балаганы, ледяные и американские горы, косморамы, куда стекались сбитенщики, самоварники, блинщики, пирожники, разносчики с фруктами и сладостями и т. п., а также карманники и иного рода «мазурики»; здесь же выступали паяцы, театр Петрушки, играла музыка. На гуляния, имевшие преимущественно простонародный характер,

Г. Лори. (?) Вид на Юзский мост и дом Шапкина. Фрагмент. Нач. 1800-х гг. Гравюра с раскраской по рисунку Ж. Делабарта

А. Шохин. Гуляние жителей города Торонца в сосновой роще 1840-е гг.

«чистая публика» приезжала, чтобы полюбоваться народным весельем, не выходя из экипажей. Масленичные и святочные гуляния длились по несколько дней. На постоянных местах гуляний строились *трактиры* и рестораны («Красный кабачок» в Петербурге, «Яр», «Стрельна» и «Эльдорадо» в Москве и др.), разного рода дешевые харчевни.

В небольших городах постоянным местом регулярных вечерних гуляний были вокзалы и привокзальные площади: первым из них стал «воксал» в Царском

Уличная сцена. Художник Л.И. Соломаткин

Селе, где для привлечения публики играл оркестр и где можно было полюбоваться на придворных кавалеров и дам, генералов, а то и членов Царской фамилии. В городах, где были большие пристани, местами гуляний становились набережные во время прибытия пароходов. На вокзалах и пристанях можно было угоститься в буфете, иногда бывшим единственным «приличным»

торговым заведением со всегда свежей и разнообразной пищей, полюбоваться проезжими в столичных туалетах, «подцепить» новинку столичной моды или изящные манеры. В Петербурге своеобразное гуляние происходило на набережных в начале навигации, когда приходили первые иностранные корабли с грузом устриц, сельдей и немецкого, датского, английского, голландского пива, а также молоденькими швейцарками, француженками и немками для удовлетворения разнообразных потребностей социальной верхушки.

В деревне на *Рождество*, *Святки*, *Масленицу*, *Красную горку*, *Семик* происходили в определенных местах массовые гуляния с непременными качелями, приезжими торговцами, *хороводами*, песнями и т. д. В небольших масштабах гуляния происходили во время местных *ярмарок* и воскресных

Д. Лафон. Вид Красной площади в Москве. 1801. Фрагмент. Гравюра с раскраской по рисунку Ж. Делабарта

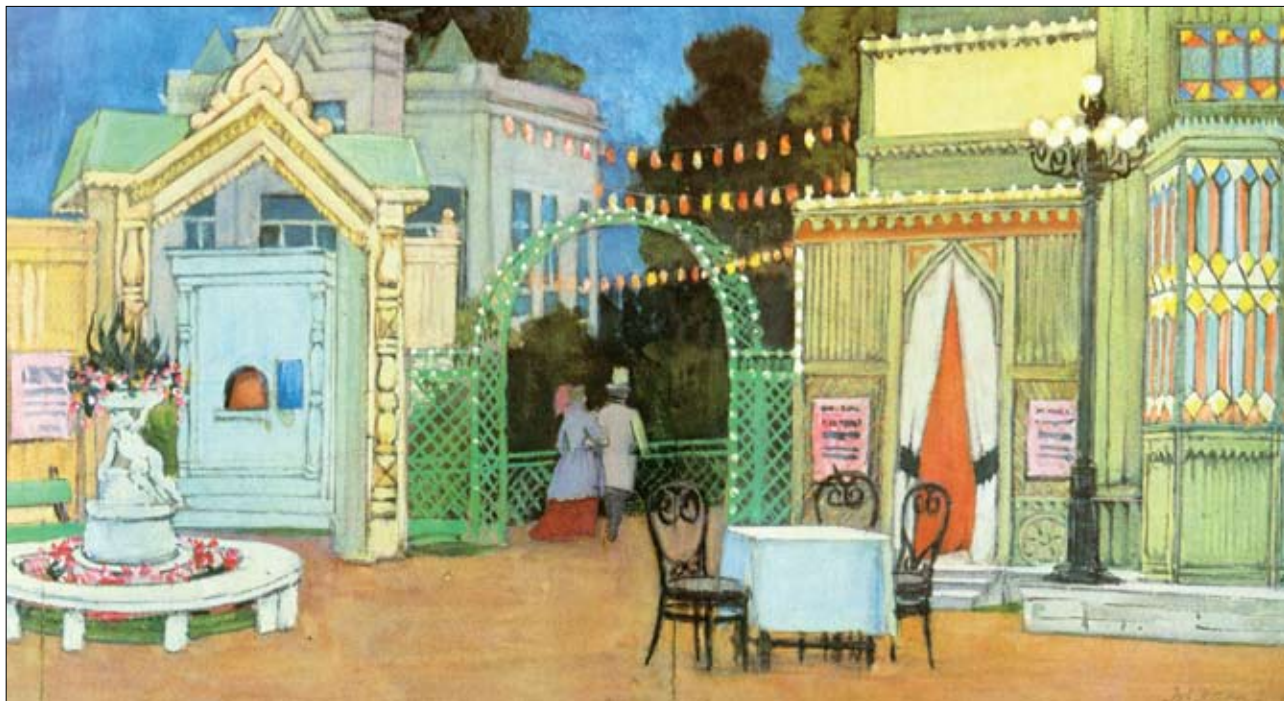
Д. Лафон. Вид Красной площади в Москве. 1801. Гравюра с раскраской по рисунку Ж. Делабарта

Неизвестный художник. Село в Малороссии

Б. Кустодиев. Девушка на Волге. 1919 г.

К. Юон. В Петровском парке. Эскиз декорации к пьесе А.Н. Островского «Бешеные деньги». 1934 г.

Костюмы, в которых русские крестьянки выходили на праздничные гуляния

Женская праздничная одежда. Пензенская губ. Керенский у., с. Ушишка. Кон. XIX – нач. XX в. ГИМ

Женская праздничная одежда. Рязанская губ., Михайловский у. 2-я пол. XIX в. ГИМ

Женская праздничная одежда. Тамбовская губ. 2-я пол. XIX в. ГИМ

Женская праздничная одежда. Рязанская губ. Посл. четв. XIX в. ГИМ

Женская праздничная одежда. Рязанская губ. Кон. XIX – нач. XX в. ГИМ

Женская праздничная одежда. Орловская губ. 2-я пол. XIX в. ГИМ

Девичья праздничная одежда. Калужская губ., Перемышльский у. Кон. XIX в. ГИМ

базаров, а всероссийские ярмарки вообще были местом не только торговли, но и развлечений и гуляний. Для деревенских уличных гуляний выбиралось приметное постоянное место: взгорок за деревней, широкая луговина, выгон либо площадь перед церковью, волостным правлением, кабаком и т. п. В течение года сельская молодежь собиралась на гуляния-«вечерки», летом на улице, где-нибудь в проулке, возле лежащих бревен и т. п., на берегу реки, а зимой в нанмавшейся в складчину избе вдовы или бобылки.

Ист.: Беловинский Л. В. Энциклопедический словарь российской жизни и истории. М., 2003.

Лубок «Ах, позвали молодца...» 1851 г.

ГУМЕННИК – см.: ОВИННИК.

ГУМНО, крытый ток, хозяйственная постройка в виде сарая, чаще всего бревенчатого, иногда плетеного, с утрамбованным земляным полом либо мощенным толстыми плитами, с широкими воротами в двух или даже трех стенах для доступа воздуха. Часто гумно соединялось с овином. Кроме крытого гумна, строились и открытые без 3-х стен с крышей на столбах. Обычно гумно окапывалось канавой или обсаживалось деревьями во избежание пожара. Использовалось для молотбы и веяния хлеба.

Во все времена на Руси гумно, наполненное скирдами хлеба, воспринималось как символ богатства. «Есть на гумне, будет и в суме». Странник, подходивший поздней осенью или ранней зимой к деревне, увидев

Крытое гумно с двумя овинами

Молотьба цепами на гумне. Орловская губ., Севский у., с. Кропотово. Нач. XX в.

полные гумна, услышав в холодной воздухе ритмичный стук цепов, знал, что в деревне все благополучно. Пустое же гумно, оставленное хозяевами, воспринималось как знак несчастья, беды и связывалось с *нечистой силой*.

Желая предохранить гумно от пожаров, «лихих людей», нечистой силы, русские крестьяне прибегали к различным магическим приемам: кропили его святой водой перед заполнением снопами, в *Крещение* рисовали углем крестики над въездными проемами, втыкали в стены ветки можжевельника или рябины, по поверью отпугивающие нечисть.

Гумно считали местом обитания гуменника (см.: Овинник), духа — хозяина гумна. В старинных быличках он описывается как существо в белой одежде, похожее на человека. Гуменник легко оборачивается бараном, стариком, журавлем. Находясь постоянно на гумне, он активно воздействует на обмолот зерна, сохраняет хлебные *скирды*, защищает их от лешего. Гуменник, недовольный по какой-либо причине крестьянином — владельцем гумна, может сжечь скирды, расставленные

на гумне, или как-то иначе наказать провинившегося. Так, в одной из быличек говорится о наказании гуменником женщины, молотившей хлеб в праздничный день: он снял с нее кожу и повесил на стенку, прибив деревянными гвоздями. Вот почему гуменника боялись, его старались не рассердить, приносили ему дары в виде куска хлеба, *ковша пива* или браги.

Верили в то, что гуменник может предсказывать будущий урожай. В ночь на *Васильев день* хозяин шел к гумну «послушать гуменника». Если удавалось услышать звук гребла, сгребающего вымолоченное зерно в кучи, то стоило надеяться на добрый урожай и богатую жизнь. Звук же от *метлы*, разметающей сор, свидетельствовал о несчастьях, неурожайном годе. Счастливый хозяин, ладящий с гуменником, мог услышать в новогоднюю ночь звук въезжавших на гумно тяжело нагруженных телег, стук цепов. Полная же тишина на гумне сулила неприятности крестьянину в наступающем году.

Ист.: Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991; Шангина И. И. Русский традиционный быт. СПб., 2003.

Прмч. Гурий Печенгский. Фрагмент иконы «Собор Кольских святых». 2002 г.

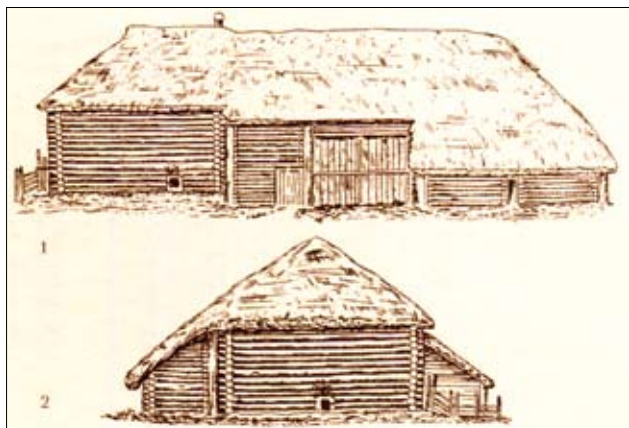
ГУРИЙ ПЕЧЕНГСКИЙ, преподобномученик († 9.12.1589), игумен Трифонов Печенгского монастыря (с 1556). Ученик Трифона Печенгского. На время игуменства Гурия приходится расцвет Печенгского монастыря. 9 дек. 1589 ворвавшийся в монастырь отряд финнов из Эстерботнии (подданных шведского короля) убил находившихся в обители «во службах сухих иноков и мирских», затем окружил Зосимо-Савватиевскую церковь, в которой завершалась литургия. Многие из братии обратились к игумену за благословением дать бой в храме. Однако Гурий повелел продолжить литургию, исполнить волю Божию, возвещенную им прп. Трифоном, и принять мученические венцы.

Захватчики ворвались в храм и умертвили всех присутствовавших («ради тяжчайшего мучения иных пополам пресекоша, другим ноги и руки отсекоша, иных вдоль разсекоша»). Гурия и прмч. иеродиакона Иосифа они особо жестоко пытали, надеясь узнать, где спрятана монастырская казна. Однако иноки ничего не сказали, и разбойники зарубили их, после чего, ограбив монастырские храмы, сожгли здания с останками преподобномучеников. В монастыре вместе с Гурием погибло 116 чел., из них 95 монахов.

Память Гурию Печенгскому празднуется 9/22 дек., в Соборе Новгородских святых, и 15/28 дек. в Соборе Кольских святых.

Д. К., В. Г. ГУРЬЕВ ДЕНЬ (Гурьян), народное название дня св. мч. и исповедника Гурия, 15/28 нояб.

По православному календарю в этот день начинался Рождественский пост. В народе его называли Филипповским.

Гумно и рига: 1 — восточная сторона; 2 — южная сторона

Первый день Рождественского поста в древности был известен под именем *Карачун*. По народному преданию, Карачун напускает падеж на домашнюю скотину нерадивому хозяину. День Карачуна (23 дек.) по времени совпадал с Рождественским постом, который иногда называли Карачуновским.

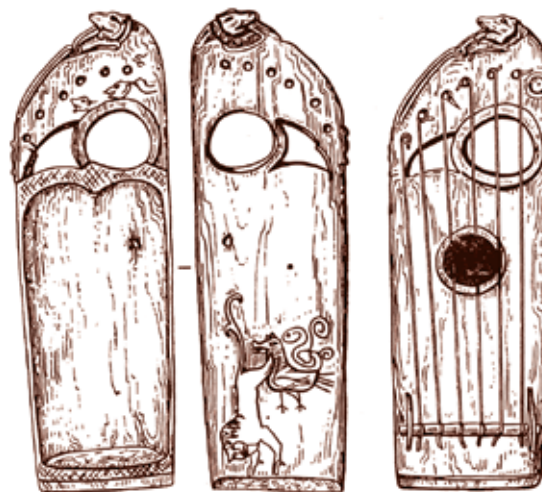
ГУСЛИ, древнерусский многострунный щипковый инструмент. Бывают трех видов: 1) крыловидные, или звончатые; 2) шлемовидные, или гусли-псалтирь (встречаются в Поволжье); 3) клавироподобные, или

В. Васнецов. Гусли

В. Васнецов. Боян

Гусли — лицевая и оборотная стороны (Новгород). Реконструкция Б. А. Рыбакова

прямоугольные (стационарные). Последние сконструированы в XVI—XVII вв. на основе гуслей звончатых и гуслей-псалтири. На их основе в 1905 Н. П. Фоминым созданы т. н. клавишные гусли. Основные приемы игры на любых гусях — бряцание, зашщипывание, глиссандо. Использовались для сопровождения пения и плясов.

ГУСТЫНСКАЯ СМОЛЕНСКАЯ чудотворная икона Божией Матери. Прославилась в XVII в. Находилась в Троицкой церкви *Густынского монастыря* близ г. Прилуки Полтавской губ.

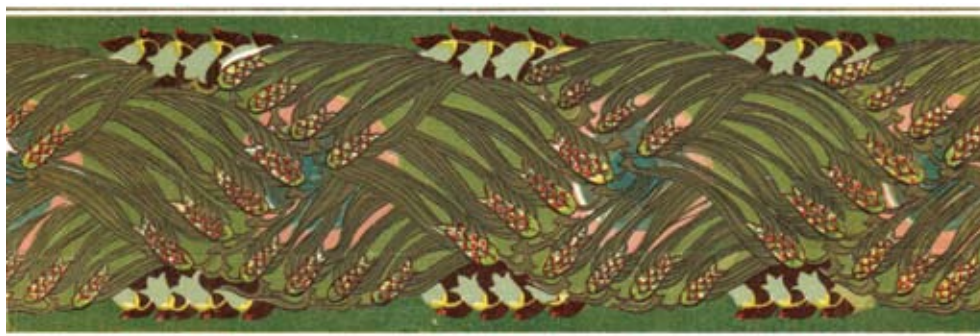
Носила также название ярмарочной, т. к. выносилась во время ярмарки из храма и устанавливалась в часовне на торговой площади. Празднование 28 июля.

После закрытия Густынского монастыря в 1924 икона была утрачена.

В 2000 с небольших размеров списка древней Густынской иконы из Черниговского *Елецкого монастыря* была написана новая икона.

Густынская Смоленская икона Божией Матери

Д

ДАВЫД ЗЕМЛЯНИЧНИК — см.: **ТИХВИНСКАЯ ЯГОДНИЦА**.

ДАЖЬБОГ, в древнерусской языческой мифологии бог солнца, олицетворение света и добра; сын верховного бога и повелителя Вселенной *Сварога*. Дажьбог считался родоначальником и покровителем русского народа, видел в нем свое наследие и богатство.

В «Слове о полку Игореве» дважды говорится о попавших в тяжелое положение русских как о внуках Дажьбога: «Погибашеть жизнь Дажь-Божа внука» и «Въстала обида въ силахъ Дажь-Божа внука».

Согласно «Повести временных лет» за 980, идол Дажьбога стоял на холме в Киеве. Здесь ему совершались поклонения и приносились жертвы. По древним преданиям, Дажьбог покровительствовал *свадьбам*, встречал жениха на рассвете и в день бракосочетания. Весеннее празднование Дажьбога (конец апреля) открывало лето и начало сельскохозяйственных работ, осеннее празднование (конец ноября) закрывало лето

В. Корольков. «Дажьбог»

и завершало летний трудовой цикл. После принятия христианства многие атрибуты и свойства, приписываемые Дажьбогу, перешли на св. *Георгия Победоносца*, а празднование осеннего и летнего *Юрьевых дней* (26 нояб./9 дек., 23 апр./6 мая) практически полностью вытеснило древний языческий культ. Как и древний Дажьбог, св. Георгий Победоносец стал покровителем, но уже не просто русского народа, а Русского государства.

О. Платонов

ДАЛЬ Владимир Иванович (10.11.1801–22.09.1872), русский писатель, лексикограф, этнограф. Родился в Луганске в семье обрусевшего датчанина. В 1814 поступил в Морской кадетский корпус. В 1819 выпущен

В. И. Даль

мичманом. В 1825 Даль, оставив морскую службу навсегда, отправился в Дерпт, где с 1826 по 1829 состоял студентом медицинского факультета. 29 марта 1829, еще будучи студентом, он был зачислен во 2-ю Действующую армию ординатором при военном госпитале.

Еще в детстве заметил разлад в речи образованных лю-

дей и простолюдинов. Определенная мысль составить словарь явилась у него в 1819, и с этих пор он стал заносить в записную книжку все слышанные им чистонародные слова и выражения и старался находить их корни и происхождение. Большой материал дала ему Турецкая война, а затем польская кампания. В 1831 Даль поступил ординатором в военный сухопутный госпиталь, где приобрел известность окулиста-хирурга. К этому времени относится его дружба с писателем Погорельским (А. А. Перовским) и сближение со знакомым ему еще по департаменту В. А. Жуковским, а через последнего с А. С. Пушкиным, И. М. Языковым, А. А. Дельвигом, И. А. Крыловым, Н. В. Гоголем, В. Ф. Одоевским и др. литераторами. Знакомство это послужило решительным толчком к литературной деятельности, которой он, наконец, посвятил себя исключительно.

В 1830 Даль напечатал в «Московском Телеграфе» Н. А. Полевого первый литературный опыт: «Русские сказки», обративший на себя внимание своеобразным народным языком. В 1832 вышли отдельным изданием «Русские сказки, из предания народного, изустного, на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому приуроченные и поговорками ходячими разукрашенные казаком Владимиром Луганским». «Казак Лу-

ганский» стал его псевдонимом. По оставлении службы в Петербурге Даль вскоре уехал в Оренбург, где появились в свет его «Рассказы из народного быта» и были написаны «Уральские рассказы». В 1841 Даль поступил на службу в Министерство уделов, а затем сделался домашним секретарем и ближайшим помощником А. А. Перовского, министра внутренних дел. Командировка в южные губернии дала ему возможность познакомиться с южными наречиями. Здесь же он столкнулся со страшными случаями ритуальных убийств, совершенных иудейскими фанатиками. По этому поводу Даль написал книгу «Разыскание о убийении евреями христианских младенцев и потреблении крови их» (1844).

В 1849 Даль перевелся в Нижний Новгород на должность председателя казенной палаты. Волга обогатила его своеобразной народной лексикой. В Нижнем он привел в порядок собрание 37 тыс. русских словиц и поговорок (напечатаны в 1862). В 1858 Даль вышел в отставку и переселился в Москву, где окончательно обработал свой «Толковый словарь», результат 47-летнего упорного труда, ради которого он отказался даже от литературной деятельности, несмотря на ее успешность. В 1861 вышло «Полное собрание сочинений В. И. Даля» и 1 том «Толкового словаря живого великорусского языка». Первое издание «Словаря» (4 т.) выходило с 1861 по 1867. В 1864 представлен был имп. Александру II первый том «Словаря», и все издержки по изданию были приняты на счет государя.

Даль был избран единогласно в почетные члены Академии наук, и за «Словарь» ему была присуждена Ломоносовская премия. Императорское Русское географическое общество, самая мысль о котором возникла в кружке, собиравшемся у Даля в 1840-х, увенчало его колоссальный труд Константиновскою золотой медалью. До последней минуты жизни Даль не переставал дополнять и исправлять свой словарь. Эти дополнения включены во 2-е издание, вышедшее в 1880–82. Последним произведением его были «Очерки русского быта» (1867–68).

С. Ю.

ДАНИИЛ МОСКОВСКИЙ, св. блгв. кн. Даниил Александрович (1261–1303), младший сын св. блгв. кн.

Александра Невского, мудрый правитель Москвы, положивший начало собиранию Русских земель. Согласно Степенной книге (1560–63), почитание св. Даниила Московского началось в XVI в., после чудесного явления князя Даниила некоему юношесиз великокняжеской свиты, в котором святой укорял вел. кн. Иоанна III в том, что он забыл о нем.

ДАНИИЛ И ТРИ ОТРОКА, народное название дня прор. Даниила и трех отроков: Анании, Захарии и Мисаила, а также прп. Даниила Исповедника, 17/30 дек.

Св. блгв. кн. Даниил Московский. Икона. XVII–XVIII вв.

Святой Даниил во реу львином. Икона. 2-я пол. XVI в. НМЗ

По народному поверью, св. Даниил обладал прозорливостью и способностью угадывать сны. Чтобы понять значение своих снов, русские часто обращались с молитвой к св. Даниилу.

В Древней Руси в этот день разыгрывалось «*пещное действо*» — древний обряд, воспроизводящий сцены из библейской легенды о «ввержении трех отроков в пещь».

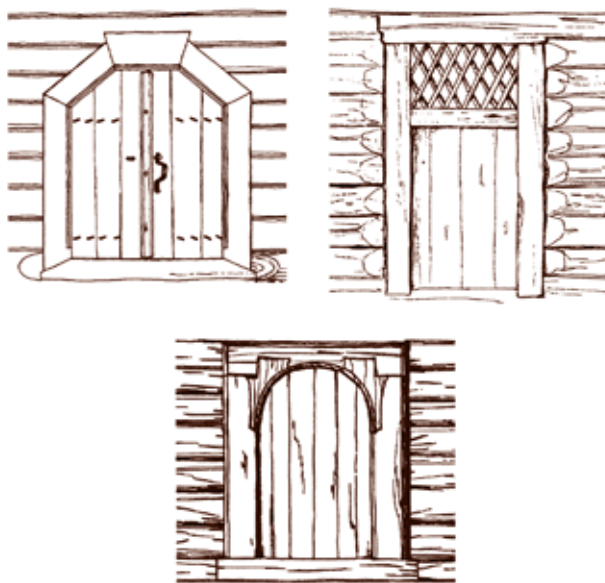
ДАРЯ (Дарья), св. мученица, празднуется 19 марта/1 апр. У русских крестьян она прозвалась Грязною, Пролубницей (Прорубницей); о ней говорили: «Дарья — оклады пролубы», «Дарья — засори пролубы», «Дарья-Повалиха», «Дарья — грязные проруби», «Дарья-Грязная, Грязниха», «Маркая», «Грязнопруд», «Дарья — оклады проруби», «Дарья — грязные пролубницы», «Грязные проруби», «Пролубницы», «Дарья-Поплавиха».

С приходом тепла при оттаивании из-под снега во льду появляется грязь, оставленная в зимнюю пору, оттого и день назывался Грязничой. Существовало поверье, что в этот день Дарья смывает у проруби грязь с одежды только чистого душой человека. А если он с черной душой, если замарал свою жизнь чернотой, «грязной грязью», зло какое совершил, то сколь ни полоскай одежду в проруби, она так грязной и останется. Дарья снимает только чистую грязь — ту, что прилипла от трудов праведных. А грязь, что появилась в результате дел неправедных, остается с человеком навсегда. Хозяйки полоскали свое белье в проруби при народе, чтобы все видели — чистая у них душа, и в доме чисто, раз одежда отстирывается. Люди с грязной душой остерегались одежду полоскать принародно.

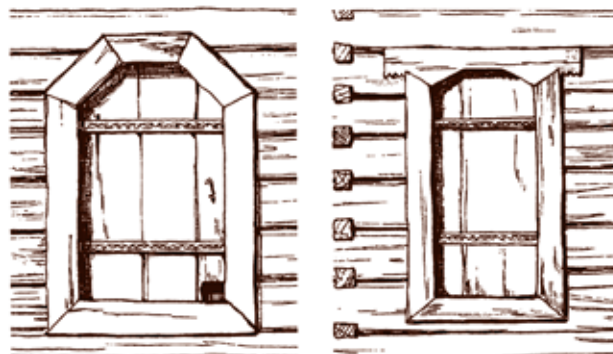
ДВЕРЬ, приспособление для закрытия входного проема в стене дома.

Ее изготавливали из 2–3 широких тесовых или пиленых дубовых досок, соединявшихся друг с другом в единое дверное полотно деревянными брусками. Их набивали поперек полотна в верхней, средней и нижней его части.

Для того чтобы поставить одностворчатые двери в проем устраивали дверную колоду. Она состояла из двух косяков — толстых дубовых плах, вставленных в

Типы дверных колод в северных избах (по И.И. Шангиной). Дверь в сени дома. XIX в. Русский Север

Дверные проемы в жилых избах

дверной проем вертикально, верхнего бревна — верхинка и нижнего — порога. Косяки имели пазы, куда входили деревянные шипы, вырезанные в бревнах стены.

Дверное полотно скрепляли с колодой разными способами в помощью железных или деревянных шпеньков — пяток, вставлявшихся в гнезда, выдолбленные в верхнем и нижнем бревнах дверной колоды; с помощью 2-х железных штырей, которые продевали в 2 железные втулки, расположенные наверху и в низу косяка, а также навешивали на петлях.

Дверной проем в крестьянской избе был, как правило, невысоким, от 1,4 до 1,5 м, но достаточно широким — ок. 1 м. Некоторые избы имели двери, приближавшиеся к квадрату. Низкие дверные проемы выполняли утилитарную функцию — позволяли сохранять тепло в избе. Кроме того, это был способ заставить человека склониться перед хозяевами при входе в дом. Дверь, соединявшая сени и жилое помещение, открывалась всегда в сени, что делало жилое помещение более удобным и просторным. Такая дверь не имела запоров. Деревенский этикет позволял постороннему человеку войти в избу без стука в дверь. Его приход обычно предварял стук в боковое окно дома или звяканье шеколды на дверях крыльца.

На мифологическом уровне дверь осмыслялась как граница между миром людей и внешним миром. Внешний мир, расположенный вне пределов родно-

Роспись отечка дома А.В. Анисимовой. 1912, д. Заберезовская, Шенкурский район, Архангельская обл.

Костюм горожанки северных городов России. 1-я пол. XIX в.

го дома, рассматривался как мир враждебный: там, по поверьям, жили существа, всегда готовые принести вред человеку, посылавшие молнии, снегопады, бури, пожары. Считалось, что, выходя за дверь дома, человек лицом к лицу встречается с этой враждебной силой. Поэтому существовал обычай, отправляясь в дорогу, присесть на *лавку*, попрощаться с домом, прочесть краткую молитву и попросить у Бога защиты в долгом пути.

Верили, что через дверь в дом может проникнуть нечистая сила. Для защиты от нее дверь окропляли святой крещенской водой, рисовали на ней углем или мелом кресты, выжигали их на притолоке свечой Чистого четверга. С целью защиты от нечистой силы на порог или дверной косяк прибивали *подкову*, *нож*, *обломки косы*.

Ист.: Шангина И. И. Русский традиционный быт. Энциклопедический словарь. СПб., 2003. Сс. 43–44.

ДВОЕДУШНИК, в древнерусской языческой мифологии несчастное существо, способное совмещать в

себе две *души*: человеческую и сатанинскую. Днем двоедушник ведет себя как и любой другой человек, а ночью он сразу же засыпает глубоким сном, так что его невозможно разбудить. В это время он бродит вне своего тела или в своем обличье, или в обличье пса, зайца, коня.

После смерти двоедушника его чистая душа идет на тот свет, а нечистая становится *упырем*.

Двоедушник в народных представлениях. Худ. Н. Антипова

ДВОР, пространство, включающее дом и др. постройки, принадлежавшие одному хозяину, чаще всего огороженные забором или легкой изгородью. Двор мог быть царским, княжеским, дворянским, купеческим и др. Размеры его зависели от достатка хозяина. Княжеские и дворянские дворы чаще всего назывались *усадьбами*. На дворе жил хозяин с семьей, домочадцами и слугами. Численность живущих на одном дворе могла составлять десятки человек.

Дворы по возможности старались располагать на возвышенных местах для безопасности от половодья и зимних сугробов. Такое правило соблюдалось в селах и деревнях при постройке усадеб владельцев. Кругом дворы огораживались забором, иногда острым тыном или *заметом*. Обыкновенно этот забор был деревянным, но в XVIII в. стали делать каменные или кирпичные ограды, даже там, где на дворе вся постройка была деревянная. В Москве были усадьбы с деревянными постройками и каменными оградками. В царском имении, в Измайловском селе, хотя строения были деревянными, но ограда каменная. Хороший хозяин старался оградить свою усадьбу так, чтобы через нее никакое животное не пролезло и чтоб от соседей не могли приходить слуги к его слугам. Во двор вели 2-е или 3-е (иногда более: 5 или 7) ворот, и между ними одни были главные, имевшие символическое значение. Они украшались с особой заботливостью и делались крытыми, а иногда в виде отдельного проездного строения с надстроенными наверху башенками; сами створки украшались разными изображениями орлов, оленей, цветов и т. п.

Особенность русского двора была та, что дома строились не рядом с воротами, а посередине от главных ворот пролегала к жилью дорога, иногда мощеная, которую хороший хозяин содержал постоянно в чистоте и требовал от слуг чистить ее зимой и летом. Вместо того чтобы строить большой дом или делать к нему пристройки, на дворе сооружали несколько жилых строений, которые имели общее название *хором*. Надворные постройки были жилые, служебные и кладовые. Жилые носили наименования: *избы*, *горницы*, *повалуши*, *сенники*. Изба была общее название жилого строения. Горница, как показывает само слово, было строение горнее, или верхнее, надстроенное над нижним, и обыкновенно чистое и светлое, служившее для приема гостей. Название *повалуши* сохранилось до к. XIX в. в восточных губерниях и означало кладовую, обыкновенно холодную. В старину хотя *повалуши* и служили для хранения вещей, но были также и жилыми покоями. Они иногда надстраивались над нижними строениями, как *горницы*. *Сенником* называлась комната холодная, часто надстроенная над конюшнями и

Двор боярина в селе Никольском. Рисунок из альбома А. Мейерберга, 1661 г.

Улица Москвы. Гравюра из книги А. Олсгария, XVII в.

амбарами, служившая летним покоем и необходимая во время свадебных обрядов.

Очень часто по несколько строений всех этих видов находилось в одном и том же дворе. Напр., 3 горницы и 1 повалуша или 2 горницы и 3 повалуши. При каждом отдельном строении были сени, а часто 2-е сеней, одни передние, другие задние, и те и др. теплые, иногда же 2 или 3 жилых строения под одной крышей соединялись теплыми сенями, которые были общими для того и др. жилья. Обыкновенно жилье располагалось так, что главный дом был с одной стороны сеней, а по др. сторону, в заворот, другой дом, а от этого дома еще какое-нибудь составляющее с ним угол строение. Иногда в одном дворе несколько домов соединялись между собой крытыми переходами, которые были продолжением сеней. Эти переходы различными линиями проходили от одного строения к другому. В Измайловском и Коломенском селах у царей такие переходы, покрытые тесом и со слюдяными окончинами в окнах, сходились, как у центра, у домовых церквей. Такое устройство, вероятно, было и в домах знатных людей, у которых были церкви, ибо в те времена многие боя-

ре, знатные дворяне и вообще богатые люди имели у себя домашние церкви, и тогда из всех жилых строений члены семейства могли сходить все разом для слушания богослужения.

В XVII в. в Москве двор знатного человека, обнесенный снаружи каменным забором, представлял внутри несколько каменных строений, стоявших на погребах и нижних этажах. Перед каждым были сени. Между ними торчали деревянные здания, избы, горницы, светлицы и множество изб людских и служб каменных и деревянных, и все это было соединено переходами.

Начиная от царских до зажиточных посадских, способ расположения жилых строений был в главных своих чертах одинаков в Русской земле. У царей для каждого члена семейства строили особые хоромы даже тогда, когда эти новые хозяева не выходили еще из детского возраста. Точно так же и у зажиточного крестьянина для братьев, сыновей и племянников хозяина строились избы, соединенные между собой; иногда 2 или 3 избы под одной кровлей соединялись между собой сенями, иногда несколько изб связывались переходами.

Такой своеобразный способ постройки как будто выражал сочетание родового единства с личной и семейной отдельностью, и двор русского зажиточного человека напоминал собой древнюю удельную Русь, где каждая земля стремилась к самобытности и все вместе не теряли между собой связи.

В числе причин, побуждавших т. о. располагать жилые помещения, было и то, что при таком способе постройки удобнее было по смерти владельца наследникам разделиться между собой, а в случае, если б кто пожелал выселиться и завести собственный двор, ему легче было бы перенести на новое место то, что ему досталось из строений по разделу.

Зажиточные люди обыкновенно строили себе дом в 2 жилья, нередко с надстройкой наверху, которая придавала дому снаружи вид трехъярусного.

Перед входом стояло крыльцо. В низких одноэтажных избах вместо крыльца со ступенями был деревянный помост, называемый предместием. В простых деревянных домах оно огораживалось только перилами. В богатых домах крыльца делались с кувшинообразными колоннами и покрывались остроконечными кровлями. Вход в нижний этаж чаще всего был через особую от крыльца дверь или изнутри: ступени крыльца вели обычно на террасу, называемую рундуком, огороженную балясинами, потом прямо в сени второго яруса. Соответствующая ему часть в нижнем этаже дополнялась также сенями и называлась подсенье. Как сени, так и подсенье пристраивались с двух сторон дома, и одни были передние, другие — задние. В этих сенях и подсенях делались чуланы и каморки, иногда светлые, иногда темные.

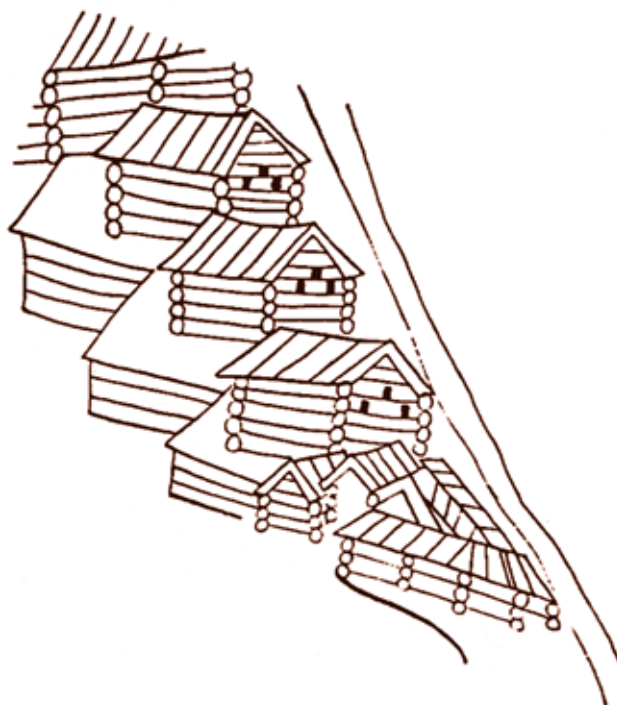
П. Суходольский. Крестьянский двор

Богатый дом с двухэтажным двором и взвозом во двор. Фрагмент плана Тихвинского посада. 1678 г.

Дома состоятельных посадских людей с крыльцами и взвозами в крытые дворы. Фрагмент плана Тихвинского посада. 1678 г.

Дворы бедных посадских людей. Фрагмент плана Тихвинского посада. 1678 г.

Нижний этаж назывался *подклетом*, и за единицу здания принимался второй, т. е. говорилось: изба на подклете, горница на подклете. Подклеты были жилые и глухие. В первом случае они служили для прислуги и для исправления домашних служб, а во втором — для кладовых или же в них устраивались мыльни. В купе-

ческих домах в подклетах хранились товары. В казенных зданиях подклетам давали назначение, соответствующее потребностям, для которых существовало здание; напр. подклеты под съезжей избой занимались тюрьмой; в кабаках там устраивались подвалы. Иногда под самым подклетом был выход или погреб для хранения напитков; но когда подклеты были жилые, в них делались *печи* и оттуда проводились во второй этаж нагревательные глиняные трубы.

Стоящий на подклете второй этаж занимало хозяйское жилье. У людей небогатых оно заключало по 3, а иногда только по 2 покая: горницу, собственно так называемую, и комнату; иногда к ним пристраивалась кухня, но чаще кухня была в особой избе, называемой поварней. Иногда в одном строении было 2, а в другом 3 покая, напр. горница с комнатой и повалуша или же вместо этих покоев были отдельные строения, например 2 горницы на подклетах и 3 повалуши, соединенные между собой сенями. Люди богатые, приглашавшие много гостей, строили для своих парадных обедов особые избы в 1 покой с сенями, так называемые столовые. Как правило, в одном строении не было больше 3-х, редко 4-х покоев. Даже у царей было только 4 покая: передняя, крестовая, комната (кабинет) и спальня. В домах же, построенных для особ царского семейства, покоев было не более 3-х, а иногда и 2-х. У зажиточных людей сверх горницы и комнаты была также крестовая, или образная, где хозяин молился со своим семейством; но иногда такая комната находилась и в особом жилье. Самая обычная постройка была в 2 покая, да сверх того при комнате делалась каморка, где ставилась постель; другие же горницы главного дома делались в 1 покой и назывались одиночками.

Надстройки над горницами назывались чердаками, а над сенями — вышками. Иногда эти надстройки имели затейливые фигуры, как, напр., на рисунке посольского двора у Олеария: на одном конце здания башни с окном, а на другом — с куполом, а на куполе шарик; на другом конце — четырехугольная башня с зубцами, со шпилем посередине. Иногда чердаки делались четырехугольными зданиями менее второго этажа по объему и заключали одну светлую комнату, иногда же образовывали третий этаж, равный второму: напр., горница, а над ней повалуша с полатами. В царских зданиях верхние этажи имели такое же расположение, как и средние, с передними и задними сенями, но с большими отличиями; так, напр., в Измайловском в верхнем ярусе было 3 покая, тогда как в среднем — 4. Чердаки или верхние этажи делались светлее и убивались красивее средних. Они назывались теремами, которым на поэтическом языке старой Руси присваивался эпитет высоких. Название терема давалось и второму, или среднему, этажу, если над ним не было верхней надстройки. Иногда и над самим чердаком или теремом делалась еще четвертая надстройка — небольшая башенка, или смотрильня.

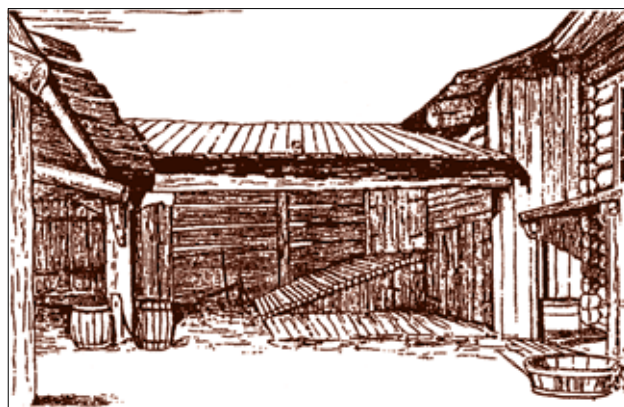
Сени делались просторнее самих покоев, и особенно в нижнем этаже, или подсенье, так что в доме, который заключал наверху 2 покая с сенями, подсенье внизу охватывало пространство, занимаемое на втором этаже не только сенями, но и частью покоев. Бывало и наоборот: сени были обширнее подсенья и среднее жилье выдавалось вперед из линии. Т. о., не всегда соблюдалась пропорциональность между этажами, и средний нередко был снаружи больше нижнего даже и по величине самих покоев, напр. подклет

в 3 м, а средний этаж или горница — в 6. Задние сени большей частью были просторнее передних, напр. передние в 4, задние в 20 м. Средняя величина сеней была от 8 до 12 м; в малых домах, разумеется, и менее. Из покоев только передняя или горница да столовая изба в больших домах отличались простором, напр. горницы в 8 м, а столовые 14 м. Комната всегда делалась меньше и уже, чем передний покой или горница. В небольших домах комнаты были одинаковы с горницами, напр. обе по 4 м. Самая же обычная мера покоев вообще была от 4 до 6 м длиной, а в ширину или столько же или немного менее. В Москве палатные строения богатых хозяев были от 5 до 6 м длиной и ок. 4 м шириной. Верхние этажи, или чердаки, по большей части были хотя меньше средних, но покои в них не были теснее, напротив — просторнее, и для того сокращалось их число против числа в среднем этаже; напр., если в среднем этаже было 3 покоя, на чердаке — 2. Иногда чердак строился не над одним средним этажом, а над двумя, тремя и даже четырьмя строениями, соединенными связями; тогда комнаты в нем были значительно просторнее, напр. в средних покоях от 4 до 5 м. Средняя высота покоев была от 2,1—2,8 м.

Жилище богатых посадских людей «горница да повалуша, да меж ими сени». Фрагмент плана Тихвинского посада. 1678 г.

Обыкновенная крыша русских домов была деревянная, тесовая, гонтовая или из драни. В XVI и XVII вв. было в обычае покрывать сверху кровлю березовой корой от сырости; это придавало ей пестроту; а иногда на кровле клали землю и дерн в предохранение от пожара. Обыкновенная форма крыш была скатная на 2 стороны с фронтонами на других двух сторонах. Иногда все части дома, т. е. подклет, средний ярус и чердак, находились под одним скатом, но чаще чердак, а у других и средние этажи имели свои особые крыши. У богатых хозяев кровли были затейливой формы, напр. бочечная — в виде бочек, епанечная — в виде плаща. По краям кровля окаймлялась прорезными гребнями, рубцами, полицами или перилами с точеными баяси́нами. Иногда же по всем краям делались теремки — углубления с полукруглыми или сердцевидными линиями. Такие углубления преимущественно делались на теремах или чердаках и были иногда так малы и часты, что составляли кайму кровли, а иногда так велики, что на каждой стороне было их только по 2 или 3, и в середине их вставлялись окна.

Внутренний вид двора открытого типа. XIX в. Пермская губ.

На фронтонах и на стенах около окон делались разные изображения: линейки, листья, травы, зубцы, узоры, птицы, звери, единороги, всадники на конях и прочее. На каменных зданиях они делались из камня или кирпича. Так, в древнем угличском доме царевича Димитрия по фронтону во всю стену были проведены широкие линейки, разделяющиеся на 3 меньшие, и в каждой из последних своеобразные фигуры: узоры, башенки, города, треугольники и прочее. На деревянных зданиях эти украшения были резные. На царских теремах резные фигуры наводились золотом и красками; то же было и у др. богатых хозяев. Такой резьбой особенно украшали верх дома, чтобы ее было видно издалека. В с. Коломенском наверху были поставлены щиты и на них написаны 4 части света и суд царя Соломона.

В зажиточных домах окна делались большие и малые; первые назывались красными, последние были по своей форме продолговатые и узкие. В каменных зданиях они были еще уже, чем в деревянных. Иногда в одном и том же покое делались окна и красные, и малые, последних числом больше, так, напр., 1 красное и 2 малых. Изнутри окна заслонялись втулками, обитыми красной материей, а с наружной стороны — железными ставнями; последнее было в обыкновении в каменных домах в Москве и служило предохранением от пожаров. Вместо стекол употребляли чаще слюду, которая вставлялась в окна широкими и тонкими кусками. Самый простой способ вставки слюдяных кусков был посредством шнурков. Но они располагались иногда с большим искусством и нарядностью; делался железный крест, около которого во все стороны расходились жердочки в виде различных фигур; в эти фигуры вставлялись кусочки слюды; т. о. окна были образчатые, когда слюда была вставлена четырехугольными кусочками, репьястые, когда вставляли ее репейками. Слюду расписывали красками и фигурами птиц, зверей, трав, листьев и прочее. Стекла были мало в употреблении: до открытия стеклянных фабрик при Алексее Михайловиче стекло доставлялось исключительно из-за границы и потому вошло в употребление для окон в Новгороде раньше, чем в Москве. Преимущественно употреблялись стекла цветные, бывшие в повсеместном употреблении в Западной Европе.

Большие, или красные, окна назывались косячатыми — эпитет, используемый в народной поэзии. Некоторые из этих красных окон были двойные, т. е. 2 одинаковых окна стояли рядом и разделялись одно от другого продольной перекладиной. В расположении окон не соблюдалось соразмерности. Большие

Ф. Солнцев. Вид фасада дворца в селе Коломенском с восточной стороны

и малые перемешивались без разбора между собой и стояли в одном и том же поясе строения не на одной линии. Расстояние между одними и другими было неравномерное с расстоянием других между собой. В подклетах окон было меньше.

Чердаки делались всегда светлые. Случалось, что окна были с трех, а если чердак был холодный, то и с четырех сторон, и притом нередко они были двойные. Эти покои назывались светлицами. Сени освещались окнами обильно.

Дворец в селе Коломенском

Потолки в каменных зданиях строились сводом, а в деревянных были плоские и назывались подволоками; их часто обивали крашеным тесом. Полы делались из т. н. дубового кирпича. Стены, как и потолки, не только в деревянных, но и в каменных строениях обивались красным тесом. Сверх теса богатые обивали стены красной кожей, а люди небогатые *рогожами*. В XVII в. начало входить в моду расписывать потолки и своды, а иногда и стены. Печи покрывались зеленой глазурью и снабжались железными заслонами. Часто топили только в подклете, а в верхний этаж проводились нагревательные трубы. Кругом стен под окнами делались *лавки*, которые не являлись мебелью, а составляли часть постройки здания и были прикреплены к стенам неподвижно. Двери делались деревянные, на железных крюках или на медных луженых петлях, под которые подкладывали красное сукно; двери были узкие; в каменных палатах и кладовых использовались железные двери.

Двор зажиточного человека кроме домов для семьи имел множество людских изб и служб. Некоторые людские избы были очень просторны и назывались семейными. Там жили несколько семей. Другие были маленькие и использовались для жилья прислуги; для кухни и выпечки хлебов служили особые строения: поварня и хлебня. Т. н. лучшие люди, которым было дозволено варить пиво, делать мед и курить вино для собственного обихода, имели в своих дворах особые пивоварни и покои, где «сытили меды», а некоторые и винокурни. Необходимой принадлежностью всякого двора была мыльня. Это было особое строение; но в домах царей и, вероятно, у знатных особ, кроме мылен в особых строениях для ежедневных омовений устраивались небольшие комнаты для мытья в подклетах и домах. Часто у небогатых хозяев в числе надворных строений была мыльня как принадлежность первых жизненных потребностей. Она состояла из комнаты с печью для мытья, с притвором, который равнялся сеням в жилых покоях и назывался перемыльенье и передбанник. Для хранения домашнего имущества строились клети: у богатых было по несколько клетей на дворе; каждая возводилась на подклете и т. о. состояла из двух этажей. В подклетах, которые делались шире самих клетей, ставились коляски, *сани*, каптаны, *колымаги*, *дровни*, страдные одры (рабочие носилки) и прочее. Наверху были кладовые, и если клетей во дворе было несколько, то для каждой назначались особые предметы: напр., в одной находились принадлежности езды: седла, попоны, войлоки, узды, тебеньки; в другой хранилось оружие: пищали, ручницы, саадаки, луки, рогатины, сабли и прочее; в третьей — все относящееся к столовой утвари; в четвертой — одежды и так далее. Погреба и ледники обыкновенно помещались вместе, а над ними делались надпогребницы: иногда они были занимаемы клетями, иногда повалушами, иногда хлебней, чаще всего там складывались разные припасы, не требующие помещения в погребах и ледниках. Иногда надпогребницы служили местом угощений прислуги, прибывшей с господами, приглашенными на домашний *пир* хозяином. В самих погребах и ледниках хранилось питье, всякого рода зелень, сыр, яйца, молоко и прочее. Кроме этих хозяйственных служб, во дворах были житницы, где хранился зерновой хлеб, мука и сухари, заготавливаемые в большом количестве в бочках, сундуках, пошевах, ночвах, коробах; над житницей

обыкновенно устраивалось сушило (иногда оно было над погребом или над конюшней), где висело соленое мясо, вяленая, ветреная, прутовая и пластовая рыба в рогожах. Далее следовал другой двор, отгороженный от главного забором; там находилась конюшня с сенницей наверху: в сенницах делалось 2 отделения, одно для сена, другое для соломы. Рядом с ней были разные сараи с экипажами, приготовленными для обычной езды и вытасканными заранее из подклетов, сарай для дров и дерева, за ним следовали хлевы для коров и свиней, птичники для кур, уток, гусей, иногда над этими объектами четвероногих и пернатых надстраивались сенники. В деревенских имениях для скота, лошадей, также и для хлебного зерна были особые дворы, построенные рядом с главным, и назывались: скотный двор, овечий двор, конюшенный двор, льняной двор. Конюшенные и скотные дворы, заключая большое количество домашнего скота, разделялись на десятины, и в каждой десятине содержалось известное количество животных. Житные дворы заключали в себе строения, называемые житницами, куда ссыпалось хлебное зерно, по мере умолота доставленное с *гумна*, а льняной двор имел несколько амбаров, где складывались лен, конопля и пряжа. Между этими дворами помещалось гумно и вместе с ним овин с печами и *ригами*. По краю усадебных строений находились кузницы. Т. к. очень часто владельческие усадьбы находились близ воды, реки или пруда, то вслед за двором находилась водяная мельница.

Хороший хозяин старался, чтобы на его дворе имелись все нужные хозяйственные заведения и постройки. Но не все дворы имели такое множество зданий; иногда вся постройка ограничивалась одной избой, клетью, *баней* и погребом с надпогребницей. В посадах иногда дворы заключали только: избу с сенями, сарай и погреб, над которым находилась клеть. В Москве встречались дворы с небольшим количеством зданий, напр. 3 избы с 2-я пристенами, клеть, мыльня, погреб и ледник с надпогребницами. В типовой деревенской усадьбе было 2 горницы: одна на подклетах, другая большая с сенями, сенница, стоящая на подсенье, клеть с перерубами на подклетах, хлевек малый, соновый сарай; или: изба с прирубом, против нее клеть, на подклетах хлев, сенник да мыльня, сарай, овин, огороженный тыном. Пример крестьянского двора: изба трехсаженная, клеть, сенник, сарай (иногда не было сенника, иногда сарая, иногда клетки), мыльня, амбар, иногда *омшанник*.

Внутренний вид двора сарайного типа: теплые хлевы для скота — в дальней части двора; на переднем плане — ясли и колода для корма скота. XIX в. Тверская губ.

Казенные здания имели постройку, соответствующую их назначению, напр. кабаки строились обыкновенно так: во дворе возвышался деревянный дом, под которым был подвал для хранения питья, а рядом с ним *омшанник* с печью, где ставили питье; вероятно, печь была для того, чтобы иметь горячую воду для разведения *водки*. Другие здания на дворе были: ледник, над которым было надстроено сушило, поварня, где производились работы и стояли инструменты, и «стояльная изба», где находилась стойка, за которой сидели ценовальники и продавали вино, а собираемые ими деньги были относимы и хранимы в горнице, стоявшей над погребом.

На дворах были сады и огороды; обычай заводить их при домах наблюдался в Москве в XVI и XVII вв. Иностранцы замечали, что в Москве трудно найти двор, где бы не было сада. На посадах почти повсеместно встречались при домах сады и огороды с плодовыми деревьями. Сады сажали не только для удовольствия, но и для пользы, а потому они почти везде были плодовые: яблони и ягодные растения; встречались также груши; вишен было мало. Между деревьями делали грядки, на которых сажали огурцы, морковь, репу и другую огородную зелень; поэтому обыкновенно сад был вместе с огородом. Некоторые делали парники и выращивали в них дыни. Около тына или забора, ограждавшего сад, сажали обыкновенно *капусту* и свеклу. Лесные деревья сажались редко, и если встречались в садах, то преимущественно или пахучие, как, напр., черемуха, или особенно нарядные, как, напр., *рябина* или калина.

Ист.: Костомаров Н. И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. М., 1993.

ДВОРОВОЙ (**дворовик**), в древнерусской языческой мифологии недобрый дух, живущий во дворе и по характеру близкий *домовому*. В Смоленской губ. дворового представляли как змея с петушиной головой

Дворовой в народных представлениях. Худ. Н. Антипова

и с гребнем, а ночью он приобретал цвет волос и облик, приближенный к хозяевам дома. В основном домовый одновременно является и духом дома, и духом двора, дворовых построек. На Владимирщине местопребыванием дедушки-домового во дворе является подвешенная со сновая или еловая ветка с густо разросшейся хвоей, именуемая «матка, матошник, матерник, шапка, куриная лапа», в избе же домовый живет в подвале, клетки или подклети.

По народным представлениям, дворовой заведует двором и скотиной. Именно к нему относятся общеизвестные бродячие рассказы о том, как он холит любимых лошадей и по ночам заплетает им гривы в косы, а лошадей неудобной ему масти мучает. Он также часто обижает кур и стрижет шерсть с овец (в последнем

случае у него есть особое имя — стрига). По представлениям белорусов, он ночью будит петуха и заставляет его кукарекать. Иногда он пересыпает зерно в амбарах, увеличивая этим его количество. Кроме того, он посылает в амбары крыс и мышей. Дворовой — повелитель домашнего скота. Если при переезде в новый дом дворового с собой не позовут, скотина не будет плодиться. Если скоту причинился какой-либо вред, это приписывали не своему дворовому, а чужому.

Чтобы дворового умиловать, для него по всему двору расставляли угощение. Кроме того, с ним вели борьбу с помощью таких *оберегов*, как, напр., *куриный бог*, мертвая сорока, медвежья шерсть и даже *медведь* (приводили в хлев живого медведя), козья шерсть, шнурок от штанов, привязанный к очищенному от коры стволу липы, и др. Дворовой живет в хлеву, но иногда севернорусские вешали для него во дворе ведьмину метлу, т. е. сосновую или еловую ветвь, на которой особенно густая хвоя — следствие паразитического гриба; это т. н. *матка*, куриная лапа, вихорь. В некоторых местах севернорусские клали ее под крышу как защиту от вихоря.

Лит.: Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991.

ДВОРЫ, праздник девушек на выданье (см.: Кондратьев день, 21 окт./4 окт.).

ДВОРЯНСКОЕ СОБРАНИЕ, форма организации местных дворянских обществ, включавших потомственных дворян той или иной губернии. Имело для дворянского сословия такое же значение, как *община* для крестьян.

Дворянское собрание собиралось на съезды раз в 3 года (в случае необходимости — чаще) для решения общественных дел и выбора должностных лиц и словесных учреждений. В дворянское собрание не допускались лица с ограниченной правоспособностью (пребывание под следствием, судом и т. п.) либо исключенные из общества за проступки, не соответствовавшие понятиям о дворянской *чести*. Для присутствия в дворянском собрании было необходимо быть включенным в родословные дворянские книги данной губернии, владеть в ней недвижимостью, быть

совершеннолетним, иметь чин либо российский орден или окончить высшее либо среднее учебное заведение, либо прослужить 3 года по выборам. Правом голоса обладали дворяне с 25 лет, имевшие чин и 100 душ или доход с деревни от 100 руб. в год; в 1831 имущественный ценз был повышен. Владельцы недвижимости в нескольких губерниях, внесенные в местные родословные книги, пользовались правом голоса во всех этих губерниях. Мелкопоместные дворяне участвовали в выборах через уполномоченных, собираясь в группы так, чтобы в сумме их совокупное имущество удовлетворяло цензовым требованиям; каждая такая группа имела один голос. Участие в выборах было непременным; его игнорирование могло привести к исключению из дворянского общества. Избранными могли быть все дворяне, имевшие право присутствия в дворянском собрании. Служба по выборам в дворянских органах была обязательной и безвозмездной. Дворянское собрание собиралось в дек. — янв., сроком на 15 дней и открывалось губернатором, которому после этого доступ в собрание закрывался, даже если он был местным землевладельцем и был внесен в родословные книги. Губернский прокурор имел право присутствовать в дворянском собрании, но не мог участвовать в суждениях.

Дворянское собрание имело право ходатайствовать перед властями, вплоть до Императора, о своих нуждах, могло владеть имуществами, брать подряды и поставки на льготных условиях, открывать школы и пансионы, избирать предводителей дворянства, почетных попечителей гимназий, депутатов и секретарей дворянского собрания, заседателей дворянской опеки, членов отделений Дворянского банка, а до реформ 1860—70-х избирать также заседателей верхнего земского и совестного судов, уездных судей и заседателей уездных судов, земских исправников и заседателей нижних земских судов.

ДВОРЯНСТВО, сословие привилегированных землевладельцев, впервые встречается в Киевско-Новгородской Руси. «Русская Правда» знает даже два таких класса: один, по-видимому, уже вымиравший, другой — развивавшийся и готовый занять место первого. Более

старую общественную группу представляли собой огнищане, более новую — бояре. Происхождение первого из этих двух классов, огнищан, различно объясняемое путем этимологических сближений, легче понять из сопоставления данных «Русской Правды» и других источников: огнищанин является здесь перед нами сельским обывателем, очень знатным (за его убийство полагалась двойная вира) и державшим в руках более мелкий сельский люд (огневину). Наличие у него приказчиков (тиунов), упоминаемых наряду с сельскими рабочими, заставляет предположить, что он вел сельское хозяйство главным образом при помощи принудительного труда. Но в роли сельского хозяина его уже заметно вытесняет

Дворянское собрание

П. Шамшин. Боярин перед походом

князь и приближенный дружинник последнего — боярин. Бесперывные убоицы обеспечиали князьям и их дружинам массу полона, челяди. В первое время — в эпоху оживленных торговых сношений с Византией — большинство этой челяди уходило на невольничьи рынки Средиземного моря. Но сокращение этой торговли в XII в. заставило искать для полона другого употребления, и на княжеских и боярских землях развивается крупное хозяйство — насколько можно судить по отрывочным данным, почти плантационного типа. К XIII—XV вв. боярин является уже единственным типом землевладельца на правах полной собственности; кроме него, землями владеет только князь. Боярская

Портрет дворянина

вотчина представляется государством в миниатюре: владелец ее распоряжается всеми хозяйственными делами населения вотчины (переходит, напр., землю), судит его, собирает подати — имеет, может быть, некоторое право и на личность проживающих на его земле крестьян, по крайней мере в конце этой эпохи — право не выпускать из имения старожильцев. Отличительной чертой всех этих привилегий был их индивидуальный, а не классовый характер: право вотчинного суда и т. д. ограждалось в каждом отдельном случае особой жалованной грамотой, которую приходилось возобновлять после смерти выдавшего ее князя. Чтобы составить плотный и достаточно сильный класс, боярство

Е. Плюшар. Женский портрет

удельной эпохи было и слишком малочисленно, и недостаточно однородно. Состав его, особенно со времени перехода в его ряды удельных князей, сведенных со своих столов московскими государями, стал очень сложным. Боярские роды вытянулись в длинную лестницу, отношение отдельных ступеней которой точно регулировалось

т. н. местничеством, стеснявшим произвол государя по отношению к отдельным семьям, но мешавшим и этим семьям сомкнуться в одно целое. По этой же причине все попытки бояр закрепить политическими гарантиями свое фактическое преобладание кончались всегда неудачей: политическая власть боярства тотчас же вырождавшаяся в олигархию, вызывавшую противодействие среди самих же бояр, не вошедших в правящий кружок. Настоящий правящий класс должен был развиваться из другого корня — и происхождение современного нам русского дворянства объясняется гл. обр. двумя условиями — экономическим и политическим. Экономическим условием была смена крупного вотчинного землевладения средним и мелким — помещичьим. Боярин-вотчинник удельной Руси XIII—XV вв., в противоположность боярину «Русской Правды», был типичным представителем натурального хозяйства. Но уже с XVI в. в Центральной России, а в Новгородской области веком или двумя раньше, начинает завязываться меновое хозяйство, образуются местные центры сбыта с.-х. продуктов, рынки. Крупные землевладельцы, раньше довольствовавшиеся натуральным оброком своих крестьян, теперь начинают понемногу и сами вести хозяйство, но превратить вотчину в большое с.-х. предприятие было совершенно не под силу технике того времени. Наиболее выгодным способом эксплуатации являлось раздробление вотчины на несколько мелких хозяйств; так возникло поместье, — на частных землях, дворцовых и монастырских ранее, чем на государственных. Более мелкий владелец, сняв землю у более крупного, платил за нее обыкновенно не деньгами, а службой, доставляя вотчиннику все более и более необходимую для него при новых хозяйственных условиях администрацию. С течением времени преобладающим типом помещичьей службы становилась военная; здесь сказалось уже влияние политических условий той эпохи. Т. н. падение монгольского ига имело свои отрицательные последствия. Татарская Орда, рассматривая Русь как свою собственность, закрывала ее от грабежей мелких степных хищников. Когда Орда распалась на несколько мелких частей, то эти последние, не будучи в силах снова завоевать Русь, стали ее грабить: война на южной окраине Московского государства стала хроническим явлением, и для борьбы с хищниками понадобилось постоянное войско. Раздача земли в поместье в обмен за военную службу временного владельца начинает практиковаться московскими государями уже с Иоанна III, поместившего целый ряд служилых людей на землях, конфискованных им у новгородского боярства. Позже поступают в раздачу

и государственные «черные» земли. Помещики сразу получили в свое распоряжение некоторые права вотчинника, право суда, напр. С пол. XVI в. они стали и ответственными сборщиками казенных податей на своей земле — откуда вытекло впоследствии их право облагать налогами крестьян. Но новый класс вовсе не был повторением боярства в уменьшенном виде. Во-первых, это был действительно общественный класс по своим размерам: служилое ополчение к. XVI в. насчитывало до 70 тыс. человек. Затем, при первых «верстаниях» в службу, правительство давало поместья, не справляясь с происхождением человека, а принимая в расчет лишь его боевую годность. Брели даже людей, находившихся в услужении у частных лиц. Благодаря этому, по составу новый класс явился, сравнительно с боярством, очень неоднородным.

Представления о родовой чести, об отечестве не могли здесь пустить глубоких корней; окончательная победа дворянства в XVII в. сопровождается падением местничества. Далее, приспособление к новому, денежному хозяйству очень дорого обошлось тогдашнему служилому землевладельцу: для XVI в. мы имеем целый ряд случаев разорения очень крупных вотчинников. Положение мелкого помещика — городского (провинциального) сына боярского было еще тяжелее, и он вполне зависел от правительства, которое изредка помогало ему денежными выдачами (жалованьем). Если боярство стояло на том, что отечество и государь никому придать не может, то среди мелких служилых должно было скоро утвердиться сознание, что, напротив, «велик и мал живет государевым жалованьем». Общего со старой «дружиной» у нового военного класса было очень мало, если не считать названия дворян, уцелевшего от той поры, когда поместья получали люди, служившие во дворе князя. Первоначально название прилагалось лишь к низшему разряду служилых, высший же называли детьми

В. Боровиковский. Портрет княжны Анны Гавриловны Гагариной и княжны Варвары Гавриловны Гагариной

боярскими. Позже оба термина употребляются безразлично, а иногда дворяне стоят выше детей боярских. Социальное положение дворянства XVI в. стояло еще очень не высоко, доказательством чего является 81 ст. царского судебника (1550), запрещающая «детям боярским служилым» продаваться в холопство. О том же свидетельствуют памфлеты времен Ивана Грозного, вышедшие из служилой среды и яркими красками рисующие угнетение дворянства боярством. Но уже тогда дворянство начинает играть роль в областной жизни: губные учреждения, ведавшие уголовный суд и поли-

К. Брюллов. Семья Гагариных

Л. Премацци. Дворец Шереметевых на Фонтанке

цию безопасности, с самого начала (1550) оказываются в руках дворянства, из среды которого избираются губные старосты, постепенно оттесняющие на второй план губных целовальников из не дворян. Формировка из лучших служилых царской гвардии (1550), получившей поместья под самой Москвой, приблизила новый класс к центральной власти и усилила его влияние на дела. Государственный переворот 1563, вырвавший власть из рук боярства и передавший ее опричнине, был совершен Грозным при помощи этой гвардии и

вполне отвечал классовым интересам дворянства. Социальный смысл опричнины состоял именно в насильственном отчуждении множества крупных вотчин, которые затем и поступили в раздачу в качестве поместий, увеличивая земельный фонд нуждавшегося в обеспечении дворянства. Но земельная жажда последнего не могла быть удовлетворена сразу — и политика конфискаций, начатая Грозным, продолжается при Годунове, когда дворянство располагает царским престолом при посредстве Земского собора, где слу-

Г. Лори. Вид на Пашков дом на Моховой улице в Москве. Нач. 1800-х гг. Гравюра с раскраской по рисунку Ж. Делабарта

жилым принадлежало решительное большинство. Это политическое преобладание дворянства продолжает укрепляться в течение Смуты; Годунов был свергнут дворянством, недовольным его мерами во время голода и его попытками поднять положение крестьянства. При помощи служилого ополчения взойшел на престол Лжедмитрий, а свергнувший последнего Василий Шуйский был все время непрочен на престоле, потому что не умел ладить с дворянами, возмущенными особенно его «скупостью» — неаккуратной раздачей жалованья. Попытка боярства посадить на царство Владислава разбилась о сопротивление именно дворянства, не потерпевшего вмешательства поляков в поземельные отношения помещиков, и очищение Русской земли от неприятеля было делом дворянского ополчения, хотя и при материальной поддержке городов. Совершенно естественно, что параллельно с этими политическими успехами социальное значение дворянства растет, и оно мало-помалу становится из очень демократического по составу класса аристократически-привилегированным сословием.

К привилегиям, унаследованным от вотчинника, в 1590-х присоединяется освобождение барской запашки помещика от податей; в н. XVII в. и помещичьи крестьяне, за которых отвечал землевладелец, облагаются гораздо легче казенных. Такая привилегия ставит служилого землевладельца в особенно выгодное положение, что еще усиливается тем, что другие классы теряют понемногу право владеть землей; после Уложения из неслужилых это право осталось лишь за гостями, а с 1667 было отнято и у них. Дворянские привилегии начинают перевешивать тяжесть обязанностей, ложившихся на служилого человека; верстание в службу, несмотря на связанную с ним обязанность являться на войну за свой счет, на своей лошади и в своем вооружении, начинает рассматриваться как некоторое отличие, которое помещики стараются закрепить за

своими детьми потомственно. Уже во второй четверти XVII в. появляются указы, запрещающие верстать в службу детей неслужилых отцов. С окончательным утверждением крепостного права местное управление еще более сосредоточивается в руках дворян; мелкие проступки и преступления крестьян судит каждый отдельный помещик у себя в имении, крупные ведает все дворянство уезда, сначала при посредстве губных учреждений, а когда последние были упразднены (в 1702), через дворянские коллегии при воеводах. Петр I, косвенно и без намерения, расширил еще более круг дворянского самоуправления: и раньше, напр., дворяне выбирали своих офицеров, знаменщиков и сотенных голов у себя в уезде, теперь офицеры выбираются баллотировкой офицерства всего полка или даже всей дивизии. Петр привлекает дворянство к участию в избрании членов высших государственных учреждений — юстиц-коллегии, напр., «понеже то дело касается до всего государства».

Таким образом, правительство как бы само признавало право дворянства на контроль над государственным управлением. Последние остатки той раздробленности, которые мешали образованию аристократического класса в России в XVI в., падают в н. XVIII. Дворянство московской эпохи делилось еще на несколько групп (чины думные, придворные московские, городовые), члены которых имели далеко не одинаковое значение в среде служилого сословия: чем ближе группа была к личности государя, тем ее положение было выше. А принадлежность к той или другой группе в значительной мере определялась происхождением: были семьи, члены которых начинали свою карьеру прямо с придворных чинов и быстро проникали в Думу, тогда как большинство не могло подняться и до высот московского дворянства, т. е. царской гвардии.

Табель о рангах сразу покончила с этим дроблением дворянства на группы, поставив положение дворянина

Ж. Соебах. Прогулка в парке

В. Садовников. Сцена в парке

на службе исключительно в зависимость от места, на которое он был назначен, и вне всякой зависимости от происхождения. Все дворянство от самых знатных до самых мелких помещиков представляет теперь одно сплошное сословие. Такая централизация дворянства дала почву для сознательного проявления сословной солидарности, которая в московскую эпоху еще не созревала как следует. Попытка нескольких знатных семейств обособиться в самостоятельную политическую группу (т. н. верховники) имела в 1733 еще более неудачный исход, чем аналогичные попытки московского боярства. Напротив, там, где дело шло об интересах всего сословия, дворяне действовали очень дружно; закон о единонаследии, попытавшийся лишить большинство дворян земельного обеспечения, не прошел в жизнь и был очень скоро отменен, тяжелая бессменная служба была сначала заменена срочной на 25 лет (в 1736), а потом и вовсе перестала быть обязательной (по Указу Петра III от 18 февр. 1762), неудобное для дворянских сыновей обучение «солдатскому делу и фундаменту» в строю было облегчено устройством кадетского корпуса. Все это был ответ на требования, заявленные дворянством в 1730. Ко 2-й пол. XVIII в., под влиянием Запада, это стремление дворян обеспечить свои интересы и развить свои привилегии складывается в стройную теорию, нашедшую себе выражение в некоторых дворянских наказах комиссии 1767. Первые зачатки этой теории можно заметить еще при Петре; уже тогда

один из дворянских прожектеров, спальник Ф. П. Салтыков, предлагал Петру превратить русское дворянство в замкнутое привилегированное сословие по западноевропейскому образцу, с титулами (дуки, маркизы и т. п.), гербами и т. п. внешними атрибутами феодальной знати. Исключительное право владеть землей должно было быть главной привилегией этого дворянства, о привилегиях чисто политического характера Салтыков еще не говорил, по-видимому, мало было занято ими и само дворянство 1730. К 1767 более образованной частью дворянства была хорошо усвоена теория сословной монархии — такой, какой она нашла себе выражение у Монтескье, в его учении о необходимости в монархии «посредствующих властей» в лице корпораций,

сословий и т. д., политически гарантированных, права которых были бы ненарушимы для самой власти. «Понятно всякому, — говорил в комиссии 1767 курский депутат Стромилов, — что в обширной монархии надо быть особливому роду, который имел бы обязанность служить государству и из среды своей замещать власти средние, поставленные между государем и народом». Наиболее полное выражение эта сторона дворянских стремлений нашла себе в сочинениях кн. М. М. Щербатова, редактора ярославского наказа. Наряду с этими политическими притязаниями на «привилегии» в западноевропейском смысле, дворянство желало и отчасти добилось привилегий и чисто хозяйственных; что сельское хозяйство было почти привилегией дворян-

Дворянский институт. Бывший дом Пашкова

ства, при крайнем стеснении землевладения других сословий, это выходило само собою; но дворянство XVIII в. желало и всю обрабатывающую промышленность, поскольку она соприкасалась с земледелием (производство из льна, пеньки и «прочих земляных экономических произращений»), сделать дворянской привилегией. Ему удалось добиться этого по отношению к наиболее важному для тогдашней России производству этого рода — винокурению. В области местного управления дворянство 1767 заявило также самые широкие притязания. Ярославский наказ выражал желание, чтобы «все дела, яко малые ссоры в землях, в потравах, в порубке леса, в малых драках, в домах крестьянских и прочие подобные, были суждены учрежденными на то выборными комиссарами от дворянства». «Что принадлежит до судей по городам, то не бесполезно быть рассуждается, ежели бы к воеводам в товарищи... позволено было выбирать того уезда дворянам из собраний своих». Выражением специально-сословных интересов должны были служить ежегодные дворянские собрания в каждой провинции. Наряду с этим стремлением расширить дворянские права мы встречаем в наказах и другие: желание сузить круг лиц, пользующихся такими правами. Ярославское дворянство желает, чтобы было отменено правило, по которому служба в офицерских чинах дает дворянство, «дабы достоинство дворянское, которое единственно Государю жаловать надлежит, не было уподлено...» Положение о губерниях 1775 и Жалованная грамота дворянству (1785) только облекли в юридическую форму большую часть этих пожеланий. Создан был целый ряд

Дворец-усадьба Кусково. Музыкальная гостиная

местных органов, вполне или отчасти пополнявшихся выборными от местного дворянства: во главе уездной полиции и суда был поставлен выбиравшийся дворянством капитан-исправник, в губернских судебных местах появились члены от дворянства, а позднее, с Александра I, и председатели. Желаниям дворянства получить местную сословную организацию отвечало учреждение дворянских депутатских собраний. Эти собрания получили одно политическое право — право петиции: подавать прошения прямо на высочайшее имя. Косвенно это давало дворянам право контроля над местной администрацией, на действия которой дворяне могли жаловаться непосредственно государю, но эти жалобы могли касаться лишь местных дел.

В центральном управлении дворянство не было представлено и в дела общегосударственного характера не имело права вмешиваться. В этом случае теория

сословной монархии должна была сделать уступку исторически сложившейся традиции. Жалованная грамота преимущественно закрепила за дворянством то, чем оно или пользовалось уже фактически раньше, или чего оно домогалось так давно и упорно, что Екатерина II не находила возможным в этом отказать, не раздражая сословия, которому она, подобно многим другим государям XVIII в., была обязана престолом. Было закреплено за дворянством исключительное право владения населенными землями; личность «благородного» была избавлена от позора телесного наказания; подтверждено было освобождение дворянина от служебной повинности — он не платил лично податей; дом

Г. Лебедев. Дворец-усадьба Кусково в Москве. 1990-е гг.

Г. Лебедев. Усадьба Останкино в Москве. Главный фасад дворца. 1990-е гг.

его был свободен от военного поста и т. д. Но всем этим пользовались не только дворяне по рождению или особому высочайшему пожалованию, но и дворяне по службе — и в этом случае екатерининское законодательство отвечало более русским историческим условиям, нежели теории. Только служебный ценз для получения дворянства все более и более повышается в XIX столетии, отвечая тем постепенно и в очень слабой степени на желание, заявленное дворянами в 1767.

В XVIII в. в дворянской среде усиливается традиция искать себе зарубежных предков, ибо отечественные считаются недостаточно почетными. Дворяне с усердием сочиняют себе родословные, нередко легендарные, в которых выискивают себе родственников если не из самого Рима, то обязательно откуда-то из Европы, на худой конец из татарских мурз.

Если русский дворянин еще в к. XVII в. по формам культуры, мировоззрению и воспитанию (преимущественно церковному) ничем не отличается от крестьянина и городского ремесленника (различие состояло только в богатстве и количестве слуг), то дворянин XVIII в. стремится отгородиться от простого народа. Он ориентируется на европейскую культуру, образование, язык, одежду и уже к к. XVIII в. становится для своих простых соотечественников иностранцем. Конечно, были исключения, но не они определяли тонус дворянского сословия. Хотя дворяне продолжали оставаться на службе России, но ее интересы начинали понимать весьма своеобразно, как интересы своего сословия. Возникал слой людей, живущих с оглядкой на Европу и культурно связанных больше с ней, чем с Россией, которая оставалась для них преимуще-

ственно местом службы и получения доходов и которую они охотно покидали по мере возможности, проводя многие годы за границей.

Русское дворянство разделялось на потомственное и личное. Личное дворянство, созданное Жалованной грамотой дворянству, приобреталось или пожалованием (на практике случаи крайне редки), или чином и орденом. Из чинов личное дворянство сообщали в действительной военной службе чины обер-офицерские, а в гражданской — чин IX класса. Из орденов личное дворянство давали: св. Станислава II и III ст., св. Анны II—IV и св. Владимира IV ст. Личное дворянство сообщалось браком жен. Личный дворянин пользовался

такими же личными правами, что и потомственный, но не мог передать их детям, которые пользовались правами потомственных почетных граждан. Никакой корпоративной организации личные дворяне не имели.

Потомственное дворянство приобреталось службой или пожалованием. На службе потомственное дворянство приобреталось чинами действительного статского советника, полковника и капитана I ранга, полученными на действительной службе, а не при отставке, и всеми орденами I степени, св. Георгия всех степеней и св. Владимира первых трех степеней (Указ 28 мая 1900). Первоначально, по табели о рангах, приобретение потомственного дворянства было более легким, но дворянство еще с XVIII в. постоянно жаловалось на то, что легкостью приобретения дворянства оно «уподляется». Но лишь в XIX в. приобретение дворянства службою было затруднено (законы 1845 и

А. Петерс. Дом в парке

С. Жуковский. Библиотека помещичьего дома. 1910-е гг.

А. Бобров. Интерьер дворянской усадьбы

А. Иванов. Интерьер дворянского дома

А. Бобров. Внутренний вид комнаты дворянской усадьбы

1856); в Указе 28 мая 1900 было отменено приобретение потомственного дворянства орденем св. Владимира IV степени (право на этот орден имели все, прослужившие 35 лет в каких бы то ни было классных должностях). Этим же указом отменено было право просить о возведении в потомственное дворянство лиц, отцы и деды которых имели чины, дающие личное дворянство.

Помимо приобретения дворянства, закон говорит о сообщении его. Оно сообщалось рождением детям и браком жене, причем дворянство, полученное отцом и мужем, сообщалось жене и детям, хотя бы и ранее рожденным.

Потомственное дворянство делилось на 6 разрядов, с которыми, впрочем, не соединялось никаких различий в правах. Исключительными правами дворян, принад-

лежавшими каждому из них в отдельности и отличавшими их от пр. сословий, являлись: 1) право иметь родовой герб; 2) право писаться помещиком своих поместий и вотчинником своих вотчин, наследственных и жалованных; 3) право учреждать заповедные и временно заповедные имения (Закон 25 мая 1899); 4) право носить мундир той губернии, где у него имение или где он записан; 5) право на получение первого классного чина (при поступлении на службу лица, не получившего образования) по выслуге особо краткого срока (2 года); 6) право на залог имений в Гос. дворянском земельном банке, предоставлявшем своим заемщикам ряд существенных льгот.

Б. Кустодиев. Усадьба в парке

А. Волосков. Усадьба

А. Герасимов. Старая усадьба

А. Мартынов. Усадьба летом. Вид сбоку

А. Zubov. Вид дома Гагариных в Москве

К. Зеленцов. В комнатах

А. Средин. Интерьер зала

Г. Михайлов. В комнатах. Портретная

Корпоративные права дворянства по действующему в XIX — н. XX вв. праву представлялись в следующем виде. Дворянство каждой губернии составляло особое дворянское общество. Общегосударственного дворянского общества русский закон не признавал. Органами дворянского общества являлись: 1) губернские и уездные дворянские собрания, 2) губернские и уездные предводители дворянства, 3) дворянское депутатское собрание и 4) уездные дворянские опеки. Дворянские

А. Волосков. Пейзаж с усадебным домом

Я. Филимонов. Надеждино. Имение князя Александра Борисовича Куракина в Саратовской губернии

К. Зеленцов. Интерьер дворянского дома с камином

собрания состояли: 1) из членов, присутствующих без права голоса, 2) из членов с правом голоса во всех постановлениях, кроме выборов, и 3) из членов, участвующих в выборах. Первая категория состояла из всех потомственных дворян, внесенных в родословную книгу губернии, совершеннолетних, не опороченных по суду и не исключенных из дворянского общества; для отнесения дворянина ко второй категории требовалось, чтобы он удовлетворял еще следующим условиям: владел в губернии недвижимым имуществом пожизненно или на праве собственности и имел или чин

Г. Сорока. Интерьер дворянской усадьбы. Гостиная

Неизвестный художник. Маленький зал с фортепиано

по крайней мере XIV класса, или орден, или аттестат об окончании курса в высшем или среднем учебном заведении, или, наконец, прослужил не менее трех лет в известных должностях. Третья категория дворян, пользовавшихся голосом и при выборах, состояла из лиц, пользовавшихся этим правом лично и по представительству. Личным правом обладали: 1) владевшие в губернии на праве собственности имением, дававшим право на участие в земских избирательных собраниях, или иною недвижимостью, оцененную не менее 15 000

р., 2) владевшие какою бы то ни было недвижимостью, если приобрели по службе чин действительного статского советника или полковника, и 3) дворяне, прослужившие по выборам одно трехлетие в должности предводителя дворянства. По представительству участвовали в выборах уполномоченные от мелкопоместных дворян (дворяне, владевшие не менее $\frac{1}{20}$ полного участка, дававшего право на личное участие в выборах, составляли по уездам особые избирательные собрания, избирали уполномоченных, число которых

Е. Козлянинова. Интерьер дворянской усадьбы

Л. Плахов. Кабинет. Интерьер

Г. Сорока. Интерьер. Диванная

Н. Тихобразов. Интерьер

Вазы парные с портретами императора Николая I и его супруги Александры Федоровны с детьми. Вторая четверть XIX в. Фарфор, надглазурная роспись, золочение, цировка

Неизвестный художник. Интерьер с фигурами

Неизвестный художник. Анфилада комнат с птичьей клеткой в дворянском особняке

определяли числом полных участков, содержащихся в общем количестве земли и принадлежавших собравшимся мелкопоместным); далее, через представителей участвовали в выборах дворянки, обладавшие полным участком. Дворяне, обладавшие правом голоса, могли передавать его своим сыновьям.

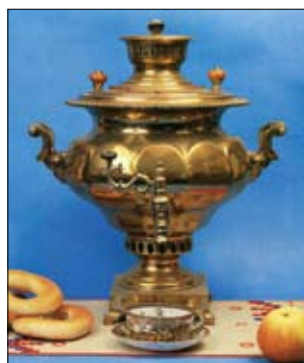
К предметам ведомства уездных дворянских собраний относились: 1) составление списка дворянам с обозначением прав каждого из них на участие в собраниях дворянства и 2) выборы: а) одного лица для рассмотрения отчета в употреблении дворянских сумм и б) посредников полюбовного межевания. Созывались уездные дворянские собрания за три месяца до открытия губернского. Предметами ведомства губернского собрания являлись: I) выборы, II) ходатайства, III) складки, IV) исключение из среды порочных дворян, V) рассмотрение дворянской родословной книги и VI) распоряжение имуществом дворянского общества.

I. Выборы составляли по закону главный предмет дворянского собрания. Дворянство избирало: а) губернского и уездного предводителей дворянства, б) депутатов дворянского собрания, в) секретаря и г) заседателей дворянских опек. Дворянство, дававшее пособия гимназиям, избирало почетных попечителей гимназий; в тех губерниях, где были отделения дворянского земельного банка, дворянство избирало двух членов этих отделений. Для некоторых губерний были установлены отступления от этих правил. Должностные лица избирались на губернских дворянских собраниях, но одни — целой губернией, а другие (уездные предводители дворянства, депутаты дворянства и заседатели дворянских опек) — по

Самовар яйцевидной формы. 1800-е гг. Латунь

Самовары, использовавшиеся в дворянских домах

Самовар ампирный. Начало XIX в. Латунь. ТОКМ

Самовар вазой. Сер. XIX в.

Самовар «Флорентийская ваза». Общий вид

Самовар-шар с овалами. Кон. XIX в. Латунь. ТОКМ

Самовар вазой «Рококо» чешуйчатый. Кон. XIX в. Латунь

Самовар вазой «Ренессанс». Общий вид

Самовар яйцевидный. Начало XIX в. Латунь. ТОКМ

уездам. Выборы совершались обязательно баллотировкой. Избиравшиеся в должности по выбору дворяне могли быть все вообще потомственные дворяне.

Дворянским выборам по законодательству Екатерины II, развитому Николаем I, придавалось огромное государственное значение: по выборам этим замещалось большинство должностей местной администрации и суда, в том числе почти вся уездная полиция с исправником во главе. Но дворянство, по-видимому, никогда не признавало государственного значения возложенной на него обязанно-

К. Юон. Комната в доме городничего. Эскиз декорации к комедии Н.В. Гоголя «Ревизор». 1938 г.

сти и на выборы чиновников смотрело, как на право устраивать род кормлений разорившимся дворянам. Поэтому при сколько-нибудь осложнившейся местной общественной жизни и при повысившихся требованиях, предъявляемых к администрации и суду, эти выборные чиновники и судьи оказывались совершенно несостоятельными. Поэтому реформы первого десятилетия царствования Александра II (реформа уездной полиции, земская реформа и судебная) почти совершенно устранили из нашего законодательства замещение правительственных должностей по выборам дворянства. Даже впоследствии, когда правительство задалось целью поднять значение дворянства и была создана сильная местная власть в лице дворянской должности земского участкового начальника, замещение этой должности не было предоставлено дворянским выборам. Из должностей, замещаемых по дворянским выборам, сохранила значение и в системе общегосударственного управления должность уездных и губернских предводителей. Перед революцией, благодаря количеству обязанностей, возложенных на уездного предводителя, он сделался главою всей уездной администрации. По дворянским делам обязанности предводителей дворянства заключались: 1) в представительстве о дворян-

ских нуждах; 2) в хранении и расходовании дворянских сумм; 3) в председательстве в дворянских собраниях и др. Уездные предводители не подчинялись губернскому и действовали по своему уезду наравне с губернским.

II. Право представлять правительству свои ходатайства могло бы иметь весьма существенное значение в государственной жизни, в особенности потому, что закон (6 дек. 1831) разрешал дворянству представлять ходатайства высшему правительству о прекращении местных злоупотреблений и об устранении неудобств в местном управлении. Но в действительности это дворянское право никогда не имело практического значения, и самый объем этого права, существенно ограниченного рескриптом 26 янв. 1865 и потом вновь расширенного высочайшим повелением 14 апр. 1888, представляется весьма неопределенным и спорным.

III. Денежным сборам дворянства закон стремился придать характер добровольных взносов, почему право дворянских обществ на самообложение было крайне стеснено. Сборы были двух родов: 1) на надобности, необходимые для дворян всей губернии; эти сборы должны были быть утверждены по крайней мере двумя третями присутствовавших дворян, но и при таком большинстве, если от кого-либо, не согласившегося со

К. Юон. Иллюстрация к поэме Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». 1943 г.

Ап. Васнецов. Шум старого парка. 1926 г.

сборами, был подан отзыв, то сбор мог быть утвержден лишь высочайшей властью. Такие сборы были обязательны для дворян всей губернии; 2) сборы на издержки частные; эти сборы обязательны были только для тех дворян, которые выразили свое согласие на них.

IV. Дисциплинарная власть дворянских обществ выражалась в том, что общество могло исключить из

своей среды дворянина, который хотя и не был судим, но бесчестный поступок которого всем был известен.

Дворянское депутатское собрание состояло из губернского предводителя дворянства и депутатов, от каждого уезда по одному. Оно вело дворянскую родословную книгу и выдавало свидетельства о дворянстве. Уездные дворянские опеки, состоявшие из уездного предводителя дворянства и заседателей, ведали опекунские дела.

С. Ю.

ДВУЗВОН, колокольный звон в храме сразу во все колокола дважды, с небольшим перерывом; в народе назывался вторым звоном. Совершался после чтения шестопсалмия на всенощном бдении.

ДВУКОЛКА, одноконная одноосная двухколесная рессорная повозка с кузовом для двух человек, с откидными подставками под *оглобли* для разгрузки спины лошади на стоянке.

Типы двуколок: 1 — медведки. Бухтарма; 2 — полк. Европейский Север; 3 — водовозка. Забайкалье; 4 — таратайка. Тобольская губ.; 5 — рессорка. Забайкалье; 6 — качка. Краснодарский край

В. Максимов. Все в прошлом

ДЕВИЧИЙ ПРАЗДНИК — см.: **ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ...**

ДЕВИЧИЙ ХОРОВОД, условное название одного из видов девичьих смотрин, своеобразная выставка не-

Неизвестный художник. Портрет девушки с цветком в руке. 1770–1780-е гг.

вест в русской деревне. Девушки на выданье выходили днем на улицу показать себя и свой наряд, становились кругом. Их стояние не всегда сочеталось с песенно-игровой формой *хоровода*.

В Вельском у. Архангельской губ. такой девичий хоровод проходил следующим образом. На *Крещение*, после освящения воды в проруби, на льду (это называлось «на льдинке»)

около *Иордани* выстраивались в ряд невесты. Девушки, достигшие соответствующего возраста и попадавшие в этот ряд, назывались «славутницами». Женихи с матерями прогуливались вдоль ряда, а вскоре после смотрин засылали сватов.

Хоровод, состоящий из одних девушек-невест, мог иметь и типичные для хоровода формы: движение по кругу с песней и поочередным выходом внутрь круга; то же самое с включением игрового элемента. Содержание песен, которые «играли» в этом случае, было связано обычно с темой выбора невесты. «Крестяньские девицы, — писал информатор из Шацкого у. Тамбовской губ., — в праздничный день на улице, ставши кругом, ходят и поют». По ходу песни «отцепляется» от других и становится в круг одна девушка; опять поют ту же песню — выходит другая, «пока все не встанут в круг».

Девушки могли стать попарно по кругу, а в середине поместить маленьких детей, либо середина круга оставалась пустой. Одна девушка ходила сзади пар, вне круга; все пели. По окончании песни девушка, ходившая сзади, толкала одну из стоявших в парах в круг и становилась на ее место. Потерявшая пару ходила теперь сзади хоровода, а песня повторялась.

В Шенкурском у. (Велико-Николаевский, Киянский и Преображенский приходы) во время престольных праздников (см.: Храмовые праздники) после обедни устраивался «лужок» — «коровод» девиц; при этом «старухи» выбирали в хороводе невест. В Череповецком у. (Новгородской губ.) в к. XIX в. хороводы (в узком значении) «составлялись исключительно из девиц», хотя в играх-песнях (напр., песня с действиями — «Вейся ты, вейся, капуста моя») участвовали и парни.

Бывали девичьи хороводы сводные — из разных деревень. Девушки каждой деревни шли на место таких встреч с песнями. Придя, кланялись в пояс тем, кто был уже на лужайке. Сначала каждая деревня держалась отдельно, своей группой, и пела свое, так что звучали сразу несколько песен. Когда же собиралось много девушек, становились в круг, берясь не за руки, а за концы платков, и начинали медленно двигаться хороводом с песней. Сводный девичий хоровод собирался часа в 3–4 и расходился в 5–6 часов. Держались в нем строго, без плясок и озорства.

М. Громыко

ДЕВИЧНИК (девишник, малорос. — дівчє вечор, белорус. — вянок, сборный вечер), устраивался обыкновенно в субботу вечером, накануне *венчания* и являлся последним вечером, проводимым невестой в родительском доме.

По традиции, выходя замуж, девушка покидала родительский дом, родное село, подруг, с которыми вместе выросла. Прощание с девичьей жизнью проходило через целый комплекс театрализованных действий. Главными действующими лицами на девичнике были невеста и ее подруги.

Девичник. Худ. Л. И. Барбарин

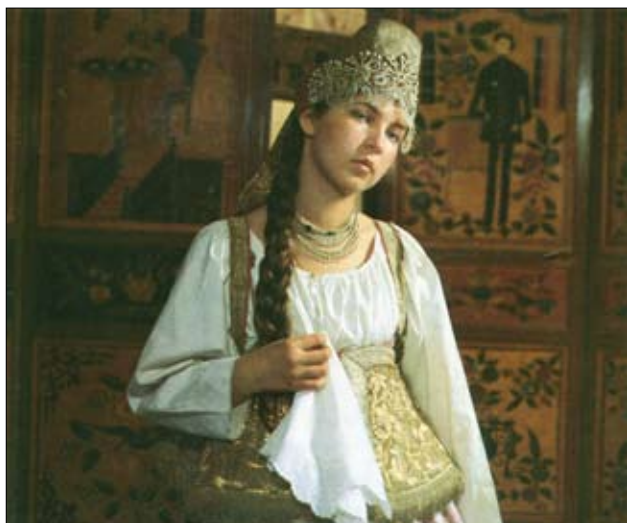
Обрядовые действия прощания невесты с девичеством обычно начинались сразу же после сговора и длились вплоть до венчания. В различных областях России они проводились по-разному, но их смысл повсюду был одинаковым — так оформлялся переход девушки в группу замужних женщин.

Во многих деревнях Европейской России и Сибири невеста прощалась с «белым светом», выходя вместе с подругами на утренней и вечерней заре за околицу деревни.

Девичнику у великороссов большей частью предшествовало обрядовое мытье невесты в *бане*, стоящее, по-видимому, в связи с древним вождением невест к воде. После бани начинался собственно девичник. Собирались заранее приглашенные гости невесты, подруги, родня и соседи. Девушки все время пели песни,

А. Корзухин. Девичник

Головная повязка северная. 1-я пол. XIX в. ГРМ

величая присутствующих по очереди. Величание оплачивалось обычно деньгами.

В Псковской губ. прощание невесты проходило несколько иначе. Вместе с девушками она торжественно шла по деревне, держа в руках «красоту» — небольшую елочку, обвитую ленточками, тряпочками, бумажными цветами, или букет бумажных цветов. Шествие девушек сопровождалось пением грустных песен.

В конце обряда девушки расплетали косы невесты.

Распущенные волосы невесты символизировали ее готовность к браку, были знаком того, что первый шаг к замужней жизни сделан. Ленты из косы девушки раздавали всем подругам. Действие сопровождалось пением песен, в которых рассказывалось, что «девушка красота» гибнет, улетает, покидает девушку.

В северных губерниях Европейской России, в Среднем и Верхнем Поволжье, в Сибири, на Алтае прощание с «девьей красотой» сопровождалось посещением невестой с подругами бани. Приготовление бани для невесты и ее шествие туда превращалось в яркое ритуальное действие. Подруги топили баню рано утром,

Сольвычегодский кокошник и полушелковая с тканым цветным рисунком шаль. Сер. и 2-я пол. XIX в.

Девичья праздничная одежда. Архангельская губ., Каргопольский у., д. Ошевенский Погост. Нач. XX в.

исполняя специально приуроченные к этому событию песни.

Затем девушки приходили к сидевшей в переднем углу избы невесте и приглашали ее пойти в баню «по мостам да по калиновым со кумушками да с подруженьками». Шествие девушек с невестой в баню возглавлял *дружка*, который шептал заклятия от нечистой силы, размахивал кнутом и посыпал невесту зерном. Мытье в бане длилось

достаточно долго, девушки парили невесту березовым веником, украшенным ленточками, поливали каменку квасом, посыпали ее зерном, причитали, пели.

Лит.: Шангина И. И. Русский народ. Будни и праздники. СПб., 2003; Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991.

И. Ш., С. Ю.

ДЕВИЧЬИ ПОСИДЕЛКИ, собрания деревенских девочек и девушек в чьей-либо избе для развлечения (см. также: Посиделки). В разных местах они проходили по-разному.

И. Куликов. Зимним вечером

В с. Овсорок Жиздринского у. (Калужская губ.) посиделки собирались осенью в бане. Приходили на них только девушки. Работали при лучине, засиживались далеко за полночь, иногда и ночевали там же. Плели лапти, вили оборы, шили. Все виды работ сопровождались песнями. Парней здесь девушки приглашали присоединиться к ним только на праздники.

В с. Мышенки в окрестных деревнях (Епифановский у. Тульской губ.) парни на посиделках не бывали никогда. Все встречи молодежи обоих полов приняты были в этих местах только на улице или на совместных работах: в поле, на сенокосе (исключение составляло, по-видимому, лишь общение на свадьбах). На осенне-зимние посиделки приходили только девушки: собирались в избы, пряли и вышивали, пели песни.

Только девушки ходили будними вечерами на «посиделки» пряхать пряжу в с. Петрокове Владимир-

Ф. Будкин. Девушка перед зеркалом

ского у. В ряде мест Западной Сибири на посиделки, или беседки, как вечерние, так и дневные, устраивавшиеся со второй до последней недели *Великого поста*, лица мужского пола совсем не допускались. На такие «обыкновенные посиделки» сходились крестьянки только данной деревни или одного лишь конца селения, в будничной одежде, с прялками или шитьем.

Девушка в костромском праздничном костюме. 1900-е гг. ГИМ

К девичьим сборищам с работой, проходившим без участия мужской молодежи, были близки по характеру посиделки девочек-подростков, которые в некоторых местах устраивались отдельно, самостоятельно. Они не были очередными: девочки собирались в какой-нибудь избе постоянно. Главным в этом сборище была работа — старшие устанавливали обя-

зательный «урок». Но находили свое место и игры, нередко совсем детские.

«После Иванова дня, как Святки пройдут, посиделки прядут, — вспоминала их участница. — Мы вот подростки собирались у одной бедной старухи... Приносили ей хлеба, — кто пирог, кто — шаньгу... Лучину

Девичья парчовая повязка с жемчужной или бисерной обвязью. 2-я пол. XIX в.

Девичий костюм Скопинского уезда Рязанской губернии. Праздничный костюм молодой крестьянки из села Секирина Скопинского уезда Рязанской губернии. Нач. XX в.

Праздничный костюм молодухи из села Секирина Скопинского уезда Рязанской губернии

Женский костюм села Сумерки Пронского уезда Рязанской губернии, костюм крестьянки села Ветчаны Касимовского уезда. Кон. XIX — нач. XX в.

Женские костюмы села Сумерки и Сапожковского уезда Рязанской губернии. Кон. XIX — нач. XX в.

свою, а то и свечку соберемся купить. Старуха-то на полатах лежит, то у лучины сидит. А мы прядем; чтобы спрясть скорее, пушались на хитрости: котора свое прядет, да ленива на работу, да, может, еще богатенька, — те возьмут сожгут кудельку, ну а мы-то, которы в людях жили, не смели так делать». Часть девочек выполняла работу чужую — на хозяев, у которых они жили (речь идет о большом селе).

Подростки прибегали к нехитрому игровому приему, чтобы скрасить однообразие работы, устраивали своеобразное соревнование на скорость. «Чтобы спрясть скорее... тянешь нитку и говоришь: я к Степановым (соседи) пошла. За другой ниткой — к другим соседям» и т. д. Девочки сообщали вслух, из чьей избы к кому они пошли — «всю улицу так насквозь пройдешь, сначала по одной стороне, потом по другой. Домов, верно, более ста было тогда в Шабарте... Ты вот таким

родом, нитка за ниткой, идешь быдто по деревне; подружка тебя догоняет, ну уж тут поторапливаешься, а время-то не выдаючи и проходит».

Старание в работе подогревалось ожиданием совместных игр: надо было не отстать от подруг, чтобы одновременно перейти к развлечениям. Справившись с пряжей, пили чай. «Старуху заставляли печку топить, картошки варить. А потом играть примемся всяко: и в «клетки», и в «уголки», а то в «лягушки» на улице. В куклы тоже играли; прежде девчонки как-то долго куклами играли. Идешь на посиденку, несешь прялку и везешь повозочку с куклами. У меня, как сейчас помню, чуман был. Веребочку подладишь и везешь... Так ить что ночи-то почти што не спали, только на воскресенье и уснешь».

В обществе ровесниц трудоемкая, утомительная работа проходила веселее, становилась доступнее, а развлечения ее придавали посиделкам и заманчивость.

В некоторых селах Поморья отмечены отдельные беседы девочек-подростков (13—15 лет), начинавшиеся с *Покрова*. Проходили они здесь обычно в бане. На посиделках подростков допускались игры и песни, но мальчики на них никогда не приходили. **М. Громыко** **ДЕВИЧЬЯ ЧЕСТЬ** (девичья невинность), сохранение девушкой до замужества девственности. Считалась одним из важнейших нравственных устоев. Добрые связи решительно осуждались. Если такое и случалось, то как исключение, и всегда и повсеместно встречало отрицательную оценку общественного мнения деревни. «Потеря девственности считается большим грехом», — написано в ответах на программу *Тенишевского этнографического бюро* из Ростовского у. Ярославской губ. (Карашская вол.). Если же такое все-таки случилось, и рождался внебрачный ребенок, то в течение года после его рождения грешницу «в большей части

С. Антонов. Русская девушка

Девичий головной убор — «повязка». Нижегородская губ. Нач. XIX в. ГИМ

Девичий головной убор — «повязка». Центр России (?). XVIII в. ГИМ

здешних селений» не пускали на беседу. Да и по истечении года другие девушки «чурались дружить с ней», опасаясь, что и про них может пойти дурная слава. Ее могли вывести из беседы со словами: «Тебе, родихе, здесь не место».

«Честность обязательна для всякой невесты, — свидетельствует текст из другой части этого же уезда (Ильинская вол.). — Бросовые девушки встречаются крайне редко. Они хотя и выходят замуж, но за старых или за очень бедных вдовцов, парни на них не женятся».

«Родители вообще весьма строго смотрят за тем, чтобы дело во взаимных отношениях молодежи не дошло до половой связи, т. к. это является позором не только для самой девушки, но и для родителей, воспитавших ее. Беременность девушки составляет уже для

А. Брюллов. Портрет трех девочек в интерьере

Девушка в праздничном костюме центральных губерний России. Фотография. 1900-е гг. ГИМ

родителей крайнюю степень позора и бесчестия», — рассказывал наблюдатель из Пошехонского у.

Девичью честь крестьяне ценят высоко — так утверждал корреспондент из Дорогобужского у. Смоленской губ. Окружающие порицали девушку, утратившую честь. О том же сообщал и житель Жиздринского у. Калужской губ.: позволяя себе некоторые вольности, «парни и девушки в данной местности соблюдают целомудрие, не вступают в половую связь». «Девичья честь ценится высоко», — откликается на

Костюм просватанной девушки Архангельской губернии. 2-я пол. XIX в.

Девичий головной убор — «венец». Архангельской губ., Шенкурский у. 2-я пол. XVIII в. ГИМ

вопрос программы П. Каманин из села Домнино Меленковского у. Владимирской губ. К девушке, потерявшей невинность, относятся с пренебрежением и «обходят выбором в замужестве», — добавлял он.

Об этом же из Орловского у. Орловской губ.: если девушка потеряет девственность, ее презирают и не возьмут замуж. Если только лишь дурная слава пройдет, может, и напрасная, и то страдает вся семья, особенно младшие сестры.

М. Громыко

Девпетерувская икона Божией Матери.
Иконописец В. Харламов. 1999 г.
Церковь, свт. Николай в с. Батюшкове

ДЕВПЕТЕРУВСКАЯ, чудотворная икона Пресвятой Богородицы. Явилась в 1392. Подлинный список с нее находился в с. Бататкове, или Батюшкове, в Николаевской церкви Московско-епархии Дмитровского уезда. На иконе изображается Божия Матерь со стоящим Младенцем Иисусом с правой стороны, и на плече Его покоится правая рука Богоматери.

Празднуется 29 февр./13 марта. **Прот. И. Бухарев**
ДЕВЯТЬ МУЧЕНИКОВ КИЗИЧЕСКИХ — см.: МЕМНОН.

ДЕГОТЬ, жидкое смолистое вещество черного цвета, получаемое из *бересты* путем ее сухой перегонки без доступа воздуха. «Сидели» деготь дегтяри в глиняных корчагах в обычных *русских печах*, в специальных кубах или особо выстроенных печах. Обладает антисептическими свойствами. В русском быту широко использовался для лечения кожных болезней и борьбы с паразитами, лечения ссадин и ран у животных, при обработке кожи, для смазывания сапог против намокания, смазывания в смеси с салом осей и ступиц колес экипажей и т. д. Производство дегтя кустарным способом было одним из распространенных видов заработка крестьян, поскольку в нем была большая потребность внутри страны и много его вывозилось за границу.

Л. Б.
ДЕГТЕМ ВОРОТА МАЗАТЬ, старый деревенский обычай: мазали *дегтем* ворота в доме, где жила «гулящая» девушка, потерявшая *девичью честь*. Это был страшный позор для семьи; отец семейства немедленно старался соскрести деготь.

ДЕДОВСКАЯ (ДЕДОВА) НЕДЕЛЯ — см.: ДМИТРИЕВ ДЕНЬ.

ДЕДОВСКИЕ ПЛАЧИ (Мартирий), народное название свв. мчч. Маркиана и Мартирия, 25 окт./7 нояб.

По старинному поверью, в этот день весь белый свет плачет: небо плачет мелким дождиком или мокрым снегом. Поэтому полагалось в этот день вспомнить всех горемычных и несчастных, и всплакнуть при этом, пересказывая их печальную судьбу. Поминали своих предков и за домашним столом, и на сельском *кладбище*. «Наши предки поминам крепки», — говорили крестьяне.

За Дедовскими плачами следовал *Дмитриев день* — Родительский день, а вся неделя называлась Дедовской или Родительской.

ДЕДЫ, в древнерусской языческой мифологии, пережитки которой сохранялись вплоть до XIX в., *души* всех умерших родственников, независимо от пола. По народным поверьям, в определенные дни года «души предков приходят «с того света» в свой дом и их живые сородичи обязаны их встретить и накормить.

Деды праздновались в доме от трех до шести раз в году. Чаще всего это происходило в субботу масленой недели («Зимние» или «Масленные деды»), после *Пасхи* перед *Радоницей* («Радоничные деды»); в Духовскую субботу перед *Троицей* («Троицкие деды»); в один из осенних праздников: в субботу перед *Дмитриевым днем*, или перед днем Кузьмы и Демьяна (см.: Косма и Дамиан), или в субботу перед *Михайловым днем*. Наиболее известными и обязательными считались осенние, Масленные и Троицкие деды.

На празднике дедов собиралась вся *семья*, приезжали даже те, кто был далек от дома. Обязательными поминальными блюдами в этот день были — *кутья*, канун, сыта, а иногда *блины*.

О. П.
ДЕЖА, деревянная *кадка* для заквашивания теста. Использовалась в разнообразных обрядах, в частности в свадебном. По малороссийским поверьям, количество клепок в деже должно быть либо четным (Черниговщина, Житомирщина), либо, наоборот, нечетным (Харьковщина, Полтавщина). Дежу, наделенную положительными свойствами, называли *дижб*, а отрицательными — *диж*, *дижун*, *дижур*. Считалось, что в *диж* хлеб удастся, а в *диге* — нет. Под Черниговом в деже с нечетным количеством клепок вставляли лишнюю клепку, чтобы превратить ее из *дижуна* и *дигу* и тем самым изменить ее свойства в лучшую сторону.

В малороссийских и белорусских поверьях дежа представляла как живое существо — весьма капризное и подверженное *сглазу*. Она переставала заквашивать хлеб, если отдать ее кому-нибудь в долг или даже просто вынести из дома. По русскому поверью, хлеб не поднимался, если через дежу перелетит курица или к ней подойдет корова. Чтобы исправить дежу, ее подкуривали освященными травами, клали на пороге вверх дном, втыкали в дно ее нож и лили сверху кипятком из ложки и т. д. В Волынской губ. хозяйка трижды ударяла по дну дежи и грозила, что станет бить еще, если та не «поправится». На Гродненщине, если в деже переставал удаваться хлеб, то на Похвальной неделе (5-я неделя *Великого поста*) ее выносили на ночь под звезды: дежа «похвалится» перед Богом, что у нее есть хлеб, и снова приобретет нужные свойства.

Подход теста зависел от состояния дежи в такой же мере, как и от усердия хозяйки, ср. малороссийскую пословицу о дурно выпеченном хлебе: «Чи діжа здіжилась, чи хозяйка сказалась». В Витебской губ. дежу с тестом ставили на одежную подстилку — *шубу*, *армяк* или *балахон*. Причем, если под дежой была женская одежда, то сверху на нее клали мужскую, и наоборот.

Во многих местах Малороссии и в Белоруссии дежу ставили на *столе* или на *лавке* под образами — в самом почетном месте дома. В Волынском Полесье там постоянно находилась дежа, покрытая скатертью, на которой лежал хлеб.

В Восточном Полесье, а также в Гродненской, Могилевской и Курской обл. существовал ежегодный обряд очищения дежи, приуроченный обычно к Страстному четвергу. Дежу мыли, иногда натирали солью, чесноком, луком, подкуривали воском и хмелем, чтобы она весь год была чистой и в ней удавался хлеб. Потом дежу накрывали крышкой или переворачивали и как бы «наряжали»: подвязывали красным поясом, реже — *полотенцем* или хмелем, застилали скатертью, сложенной вдвое или вчетверо, сверху клали хлеб и соль. После этого дежу выносили из дома и ставили во

дворе, иногда на боковом столбе ворот или на заборе — с той стороны, где восходит солнце. Через некоторое время после восхода дежу забирали домой. Реже ее оставляли с вечера на столе, где она и стояла до утра. О ней говорили: дежа «говеет», «исповедуется», «идет на отдых», «торгует», «идет на базар».

Дежа играла наиболее значительную роль в двух эпизодах свадебного обряда: при изготовлении каравая и т. н. посадке — сажании невесты на дежу (лавку в красном углу и т. п.), где ей меняли девичью прическу и головной убор на женские. Характерной чертой белорусского «посада» было то, что на дежу сажали не только невесту, но и жениха. В Полесье на дежу не только садились, но и вставали, причем считалось, что это может сделать только «честная» (девственная) невеста. Согласно поверью, если «нечестная» невеста наступит на дежу, то семь лет не будет родить хлеб, не будет вестись скот, не будут жить дети у молодых. В Гродненской губ. перед отъездом к молодому сват клал на землю крышку дежи, застилал ее скатертью, посыпал рожью; если молодая сохранила девственность, то она становилась на эту крышку и в присутствии всех надевала новое белье и чистую одежду.

Дежа использовалась как *оберег* при стихийных бедствиях. Близ Львова, чтобы отворотить ветер при пожаре, хозяйка с распущенными волосами, спустив до пояса сорочку, носила перед собой по двору дежу с буханкой хлеба. Там же при приближении грозовой тучи носили по скотному двору специальную дежу для изготовления куличей. В Слуцком Полесье, чтобы прекратился град, выносили на улицу дежу, хлебную лопату, а иногда крышку дежи, положив на нее образ св. Николая.

При переходе в новый дом русские, малороссы и белорусы несли с собой дежу с тестом, замешанным в старом доме. В Купянском у. Харьковской губ. хозяин говорил, внося дежу в новый дом: «Як у сий дижи повно хлиба, дай, Господы, шоб так повно було и в сий хати хлиба и всякої худобы!» В Малороссии и в Белоруссии, вернувшись с кладбища, заглядывали в дежу, «коб у вочах не стало тэе неживое», или нюхали дежу, что соответствовало действиям с *печью*.

Лит.: Топорков А. Л. Дежа // Этнолингвистический словарь славянских древностей: Проект словаря. Предварительные материалы. М., 1984.

А. Топорков
ДЕЙСТВА, до XVII в. так назывались обряды, совершавшиеся священнослужителями и светскими властями в церквях и на площадях, представлявшие в драматической форме некоторые эпизоды из Священного Писания. Отдельные попытки ввести драматический элемент в богослужение замечаются в Московском государстве уже в XIV в., когда был наложен запрет. Однако уже в сер. XVI в. «введется действо шествия на осляти» сначала в Москве, а потом и в др. городах. Кроме того, совершались еще следующие действия: 1) *Новолетия* — 1 сент. 2) *Крестовоздвиженья* — 14 сент. 3) *Пешное действо* — на заутрене в неделю праотцев, т. е. в воскресенье перед Рождеством. Оно совершалось в Москве, Новгороде и др. городах. Отроки, облаченные в стихари, с венцами на головах, приходили к заутрене, в середине которой начиналось действо. Халдеи, одетые в красное платье, со шлемами на головах, вводили отроков в печь, затворяли дверь, а под печь ставили горн с горящими углями, после чего отроки начинали петь «Благословен еси Господи, Боже отец наших». Обряд Пешного действия достиг такого распростране-

ния, что слился вскоре с народным переряживанием (халдеи стали синонимом ряженого). Он был отменен при Алексее Михайловиче. 4) Действо Страшного Суда в воскресенье перед *Масленицей*. Прекратилось оно с последним патриархом Адрианом. 5) Действо Православия в Соборное воскресенье, т. е. в первое *Великого поста*, после утрени на площади у Успенского собора. Возглашалась вечная память православным и анафема еретикам и врагам Русского государства, что с незначительными изменениями совершалось вплоть до н. XX в. 6) Действо многолетнего здоровья совершалось одновременно с Действом Православия, а также в день Новолетия, в *сочельники* рождественский и богоявленский. 7) Действо омовения ног после обедни в четверг на Страстной неделе. 8) Действо освящения масла (елеосвящение) в тот же четверг; совершалось и в н. XX в. 9) Действо Омовения Мошей в Великую пятницу. 10) Действо Плащаницы на утрени в Страстную субботу. 11) Действо Пятидесятницы.

ДЕКАБРЬ, двенадцатый месяц в году, в древнерусских месяцесловах и святцах назывался «студень», или «студный», от стужи и морозов, обыкновенных в эту пору. Об этом месяце русские люди говорили: «Год кончается, зима начинается. Студень».

Основные народные приметы этого месяца, по В. И. Далю, были таковы: 1. Св. прор. Наума. *Наума Грамотника*. Батюшка Наум, наведи на ум! В этот день начинают учить детей грамоте; 4. Вмц. *Варвары*. Варварин день. Варварины морозы. Трещит Варуха, береги нос да ухо! Варвара заварит, Сава засалит, Никола загвоздит. Варвара ночи урвала, украла, день приточила; 5в этот день празднуются св. Иоанн Дамаскин учитель

Св. Варвара. Икона. XVIII в. Киевская обл.

Я. А. Богатенко. Иоанн Дамаскин. Икона. 1905 г. ГЦММК им. М. И. Глинки

церкви и св. *Геннадий Новгородский*, борец с ересью жидовствующих; 5. Прп. Саввы Освященного (*Савва Зимний*). Савин день. Сава стелет, гвозди острит, засалит; 6. Свт. *Николая, Чудотворца Мирликийского*. *Никола Зимний*, морозный. Два Николы: один травный, другой морозный; или: один с травой, другой с зимой. Никола зимний лошадь на двор загонит, а летний откормит. Егорий с мостом, а Никола с гвоздем. Егорий мостит, Никола гвоздит. Никольские морозы. Зима на

Свт. Геннадий Новгородский. Икона. XX в. Москва

Николу замечает — дороги не бывает. Хвалились зимой по Николе! Красна Никольшина пивом да пирогами. Никольскую брагу пьют, а за похмелье бьют. Никола строит цену на хлеб. Благому Чудотворцу два праздника в год, а Касьяну Немилостивому — в четыре года один. Всем богам по сапогам, а Николе боле, за тем, что ходит доле, а это потому, что от Холмогор до Колы тридцать три Николы; 9. Зачатие прав. Анны (см.: Анна Зимняя). На Зачатие Анны беременным бабам пост. На Зачатие волки сходятся, а после *Крещенья* разбегаются; 12. Прп. Спиридона, еп. Тримифунтского. *Спиридоном Солнцеворот*. *Солнце* на лето, а зима на мороз. Полагают, что в этот день медведь повернется на другой бок и корова на солнце нагреет один бок. С Солнцеворота дня придет хоть на воробьиный скок. Кормят кур гречихой из правого рукава, чтоб раньше неслись они. Спиридонов день, подымайся вверх! — приговаривают садовники, встряхивая яблоки; 24. Мц. Евгении (см.: Сочельник Рождественский). В этот день с вечера поют коляду; 25. *Рождество* Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. *Святки*. На Святки Христа славят с вертепами, со звездой, гадают, колядуют. Темные Святки — молочные коровы, светлые — ноские куры. Небо звездисто — к гороху, метель — пчелы роиться будут, иней — к урожаю хлеба, путь хорош — к урожаю гречи. На Рождество не надевай чистой рубахи, а то жди неурожая. На Святой рубаха хоть плохонька да беленькая, а к Рождеству хоть сурова да нова: суровую и можно обновить. *Пост* холодный (Рождественский), пост голодный (Петровский), пост *Великий* (к Святой) да пост Малый-лакомка (Успенский). Пять раз солнышко в году играет: на Рождество, *Богоявление*, *Благовещенье*, Воскресенье (Светлое) и Иваново рожденье; 26. Собор Пресвятой Богородицы. *Бабы каши*; 30. Мц. Анисии. *Анисьи Желудочки*: в этот день гадают по свиной печени о зиме; 31. Прп. *Мелании Римляныни*. Меланки. *Щедрый вечер*, *Васильев вечер*. Свинку да боровка для Васильева вечерка. *Авсень*. Таусень. Гадания. Васильева ночь звездиста — лето ягодисто. Под Василья *ведьмы* крадут месяц.

«Декабрь год кончает — зиму починает!», «Год декабрем кончается, а змна začínается!», «Тороват декабрь месяц, что и говорить: старое горе кончат, новому году новым счастьем дорожку стелет!» — говорили русские люди. «Горя у декабря полная котомка — бери, не жалко, а счастьем старик силен на посуле: одна его сила — много праздников да морозы засилье берут!»

Первый день декабря был посвящен памяти св. прор. Наума, *Наума Грамотника*, что, по старинному присловью, народ н а у м и т. «Пророк Наум наставит на ум!» — говорили об этом угоднике Божьем. «Помолись пророку Науму — он, батюшка, и худой разум на ум наведет!», «Как ни наумь, а все старика Наума не перенаумишь!», «Наш Наум — себе на уме: слушать — слушает, а знай — щи хлебает!», «Недоумка-дурака хоть Наумом назови — все умней не станет!»

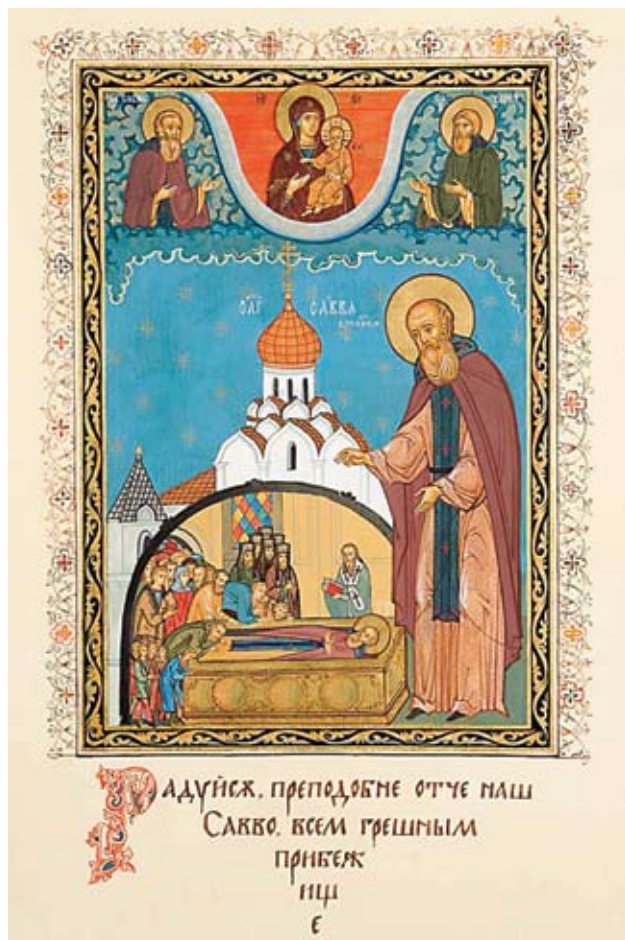
С Наумова дня было в обычае начинать обучение детей грамоте. К 1 дек. сговаривались родители с приходским дьячком или грамотным человеком. «Приходил на Святую Русь пророк Наум», — рано будили ребят. «Просыпайтесь ранехонько, умывайтесь белехонько, в Божью церковь собирайтесь, за азбуку принимайтесь! Богу помолитесь — до всего дойдете: святой Наум наставит на ум!» — приговаривалось всегда при этом. Всем семейством шли к обедне, Богу молились, пророку Божьему молебен служили, неуклонно-непреложно веруя, что этим молебном испрашивается

Божье благословение на принимающихся за трудное, не для всех постижимое дело науки. Учителя, по свидетельству *И. П. Сахарова*, встречали в назначенное время «с почетом и ласковым словом, сажали в передний угол с поклонами», воздавая подобающую дань преклонения пред его мудростью и ответственностью принятого им на себя дела, считавшегося наособицу угодным Богу. Отец подводил сына к учителю, передавал из рук в руки, просил «научить уму-разуму», а за леность — «учащать побоями». Обычай требовал, чтобы мать стояла в это время в некотором отдалении и заливалась слезами горячими. «Иначе — худая молва пронеслась бы в околотке!» Будущий ученик отдавал своему грозному для него учителю три земных поклона, каждый из которых сопровождался ударом плетки, заранее положенной перед наставником предусмотрительными родителями. Нет слов, удары были не особенно сильные. После этого приближалась родимая матушка посвящавшегося в науку отрока, сажала сынка за стол, подавала ему узорчатую костяную указку. Учитель принимал еще более прежнего строго-внушительный вид и развертывал свой букварь. Начиналось велемудрое учение: «аз-земля-ер-аз». Умилявшаяся мать снова принималась плакать, на этот раз еще сильнее прежнего, просила-молила «не морить сына за грамотой». Первый урок и впрямь был неутомителен: он не шел дальше первой буквы русской азбуки — заканчивался «азом». Затем букварь бережно заворачивался в холстину и укладывался на божницу, за святые иконы. Успокоившаяся мать принималась угощать гостя всем, что есть в печи, — чем Бог послал. После угощения подавали учителю каравай хлеба ситного и полотенце — первый от хозяина, последнее — от хозяйки. Иной раз завязывался в узелок полотенца и пятак-другой — от усердия матушки. Затем с поклоном провожали учителя до ворот, чем обычай, заведенный жившими по «Домострою» предками, и завершался.

2 дек. праздновали память еще одного пророка, Аввакума (в просторечье — «Абакум»). В *Абакумов день* «понауμένου» накануне мальчика снаряжали к учителю. С букварем и указкой в руках шел ученик; рядом с ним матушка несла учителю горшок гречневой каши. Бывало, несли учителю также курицу, а то и гуся.

3 дек. отмечали память св. Саввы Сторожевского и св. Иоанна Молчальника (см.: Иван Молчальник) словоохотливые старушки давали молодежи добрые советы вроде того, чтобы «не болтать языком, что овца хвостом», «не говорить вздору — не выносить из избы сору» и т. п. В этот же день повторяли на Руси старые изречения: «Слово серебро, молчание — золото!», «Слово не воробей, вылетит — не поймаешь!», «От одного слова да навек ссора!», «Бритва скребет, слово режет!», «Человеку дано слово, скоту немота!» — говорил русский народ. «Что слово, то и дело!», «Слово — закон, словцо — олово!», «И клад со словом кладут: кому дастся, а кому — нет!», «Не дав слова, крепись, а дал — держись!», «Скажу слово, берегись — обожгу!», «Слово пуще стрелы разит!», «Твое бы слово да Богу в уши!»

«Ласково словечушко — что вешний день!», «То и человек хорош, коли он кому — слово, кому — словцо, а кому и словечушко!», «Не бойся той собаки, которая лает, бойся той, что молчит!» По народному убеждению: «Злое слово ведуну по свету ходит, а доброе словцо — красной девицей!», «От злого слова не станется!», «Ласково словечко не трудно, да споро!», «Хорошая молва дело растит; жаль, что добрая-то дома лежкой-лежит, а

Прп. Савва Сторожевский. Миниатюра П. Басалаева. Ок. 2007 г. Москва

худая далече бежит!» Но порой говорили: «Ты ему слово, а он тебе десять!», «На словах-то он скор, да на деле не спор!», «Слово слову рознь: словом Бог мир создал, словом Иуда предал Господа!», «На словах — так и сак, а на деле — никак!», «Его слова на воде вилами писаны!», «Твое слово дешево, ты на словах как на санях, на словах — что на гусях, а на деле — как на копыле!», «У него слово родит, третье само бежит, слово за словом, а коснись до дела — стой, не туда заехали!»

За Абакумами следовали Варвары-великомученицы (4 дек.). «Варвара мосты мостит (на юге) — домашива-

П. Андреев. Вмц. Варвара. Икона. Сер. XVIII в. ГРМ

Свт. Николай, архиепископ Мирликийский (поясной). Икона. Кон. XV в (ок. 1500 г.). Новгород. Мастерская Софийского собора. ГРМ

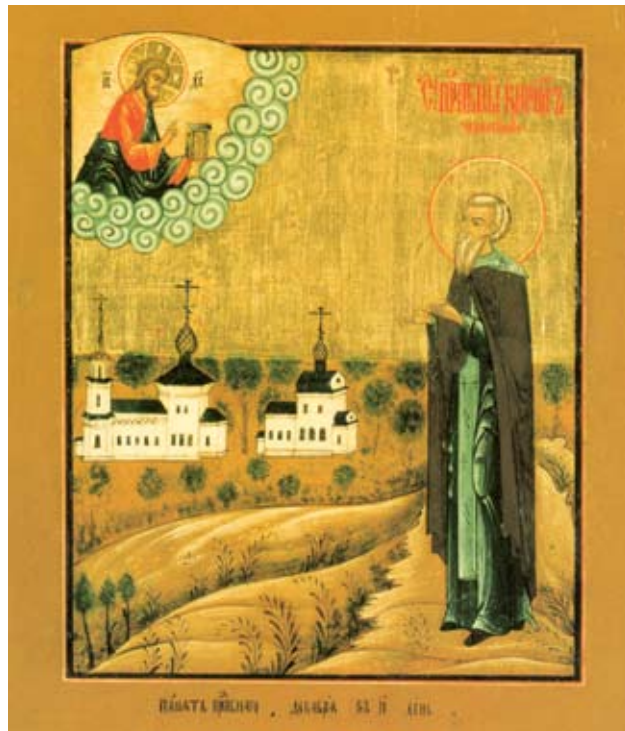
ет (на севере)!', «На Варвару зима дорогу доваривает!', «Все тепло да тепло, погоди — придет Варвара: заварварят и морозцы!', «Трешит Варюха — береги нос да ухо!» Имя Варвары, строящей, по народному представлению, зимние ледяные мосты, было тесно связано с празднуемыми в следующие дни (5 дек.) прп. Саввою Освященным и (6 дек.) Николаем Чудотворцем. По записанным В. И. Далем поговоркам: «Варвара мостит, Савва стелет, Никола гвоздит!», «Варвара заварит, Савва засалит, Никола закует!» Даже о праздничном гулянье говорили крестьяне, связывая эти три имени: «Лучше не саввить и не варварить, а пониколить!», «Просаввились мужики, проварварились, последний грош прониколили!» и т. п. По крестьянским приметам, «к Варварам» день становился как будто подлиннее: «Варвара ночи урвала, ночи урвала — дня притачала!»

Слагатели русских народных стихов посвятили вмц. Варваре целый ряд своих песенных сказаний. В одном стихе она именовалась «красной невестой небесна чертога», в другом — «красною девой», которую «кровь (пролитая за Христа) украшает»; в третьем, записанном в Симбирской губ., заканчивался возгласом: «Царствуй, девице, со Христом вовеки, Варваро прекрасная!»; в четвертом (Смоленской губ., Краснинского у.) она — «закон благодати». Еще в одном стихе говорилось:

Свет-рай за рекой
И ангелы за быстрой;
Рай-свет перевесил
На нашу сторонку:
Как на нашей сторонке
С неба благодать...

В один день с Варварой-великомученицей вспоминался свт. Геннадий Новгородский, боровшийся с ересью жидовствующих и составивший первый свод Священного Писания на славянском языке.

После Саввы Зимнего на Руси праздновали *Николу Зимнего*, который «просаливал морозом землю». Время это звалось «Никольщина» с весельем Николиным. 7 дек. празднование св. Антония Сийского и Нила Столбенского. 8 дек. св. Кирилла Челмогорского. В этот же период (9 дек.) отмечали чудотворную икону Пре-

Прп. Кирилл Челмогорский. Икона. XVIII в. г. Вологда

Полевые работы. Житие Антония Сийского. 1648 г.

Икона Божией Матери «Нечаянная Радость». Храм во имя Пророка Илии в Москве

святой Богородицы «Нечаянная радость». За ними шел *Спиридон Солнцеворот* (12 дек.).

Спиридоны повернули зиму на мороз, пришел Евстратиев день (13 дек.) (см.: Евстрат), а затем «Калинники» (14 дек.) (см.: Филимон). 16 дек. был *Аггеев день*. «Пророк Аггей иней сеет», по народной примете. «Если на Аггея иней много, будут и Святки с мягкой подушкой». Мороз на Аггея — стоять ему до самого Крещения. 17 дек. — день памяти прор. Даниила и свв. отроков Анании, Азарии и Мисаила (см.: Даниил и три отрока). В московской и новгородской Руси в этот

Пророки Даниил, Давид, Соломон. Икона из пророческого чина. Ок. 1497 г. Новгород

день разыгрывали зрелище «*Пещного действия*». В этот же день празднуется память *Симеона Верхотурского*.

Далеким отголоском последнего являлось торжественное разжигание за околицей костра в ночь с 17 на 18 дек., сохранявшееся в некоторых местностях северных губерний в н. XX в. Собиралась вокруг такого костра деревенская молодежь и, когда разгорался он особенно сильно, в него бросали трех слепленных из снега кукол. Тающим снегом заливался костер, и все расходились по домам. По примете, если скоро загаснет под снеговыми куклами пламя, то Святки будут богаты «ясными-ведреными» днями; если же долго будет тлеть-дымиться костер, то надо ждать буранов и жестоких морозов. (См. также: Модест).

Св. праведный Симеон Верхотурский чудотворец с житием. Средник иконы. XIX в. Урал

19 дек., кроме двух угодников Божиих, чествовалась, по православному месяцеслову, память прп. Ильи Муромского, мощи которого почивают под спудом в Киево-Печерской лавре. В крестьянской Руси имя этого святого было нераздельно связано с именем сказочного богатыря *Ильи Муромца*. Этот богатырь (Илья Муромец, сын Иванович), просидевший сиднем тридцать три года «близ славного города Муром, в том ли селе Карачарове», являлся олицетворением несокрушимой силы богатырской дружины, могучим охранителем стольна-города Киева от «поганой орды», налетавшей на Русь православную. Он, по свидетельству былин, с честью-славою несет на своих могучих плечах немалую службу родине, обороняя рубеж великокняжеский. Он, один он, остается «надежей» ласкового князя *Владимира — Красна Солнышка*, когда все другие богатыри поразойдутся-поразьдутся во все четыре стороны света белого — искать, с кем померяться своей мочью—силой богатырской. С большим вниманием останавливаются сказания на Илье, неоднократно возвращаясь к нему, чтобы лишний раз, при подходящем случае, вызвать воспоминание о его мощном облике. Первый по старшинству лет в гриднице богатырской, первый и по силе между составляющими семью-дружину Володимирову, добродушный, хотя и не дающий спуска ничьей обиде-похвальбе, Илья Муромец всегда и везде был первым.

За св. Ильей Муромским шли Игнатий Богоносец и празднование чудотворной иконы Виленской-Остробрамской, 20-й день декабря (см.: Игнатиев день). 20 дек. день Новодворской иконы Божией Матери. На Игнатия во многих местах Руси поднимали иконы и с молебным пением носили вокруг села. Это, по верованию народа, охраняло все крестьянское имущество всю зиму ото всякой напасти. На вторые сутки после Богоносца (22 дек.) следовал день св. *Анастасии Узо-*

Новодворская икона Пресвятой Богородицы

решиительницы. Молитва к этой великомученице, гла-сила народная мудрость, способствует благополучно-му разрешению от бремени. Потому-то и служилось в этот день столько молебнов по церквам. 23 дек. — день

Виленская Остробрамская икона Божией Матери. XIX в.

св. Феодула (см.: Федулов день). «Пришел Федул, ветер подул — к урожаю!» — говорила деревенская примета. Пройдут «зимние Федулы», приведут Сочельник, канун великого праздника, Рождества Христова. «Пришла Коляда накануне Рождества», — заколяют под окнами ребята малые, а, словно вторя им, раздавался наутро из уст старцев убогих и древле-божественный стих духовный, посвященный всей жизни Христа, починающийся умильными словами:

*Иисусе прекрасный,
Чистоты цвет ясный!
Поведай нам,
Господь Бог Сам:
Откуда родился,
На земли явился,
Возможно ли знати,
Разум подати!..*

За Рождеством Христовым шли *Святки*, разгульное веселье, забавы и др.

В «Месяцеслове» калик перехожих было свое песенное слово и о декабре-месяце. «Молим вас, святити вси, к нам ныне приспети, егда хощем от души пеньми вас воспети», — начинался этот стих, немедленно переходящий к славословию вспоминаемых в декабрьские дни святых: «Тя, пророче Науме, верно призываем, с Оввакумом чудным усты восхваляем. И освященный Савво, отче богоносный, великий Николай, дивный чудотворче, с Амвросием словесну жертву вам приносим, с Потapieм блаженным и помощи просим: в бедах нам и напастех присно помогайте и от всяких

Архидиакон Стефан с житием. Икона. XVI в. ГТГ

Свт. Макарий, митрополит Московский. Икона. XX в. Москва

печалей, молим, избавляйте. Бога прамати Анно, зачещим тя плодом моли за ны к Богу с неплодным отродом. Ергомене, Евграфу, Мино страстотерпцы, Данииле с Лукою, на столпах страдальцы, Спиридоне, Киприном чудотворец славный, Евстратие с Орестом, лик пятострадальный, Фирсе и Филимоне, мученицы

Прп. Марк Печерский. Икона. XX в. Киев

честнии, Елефферие, Павле, жители небеснии, Аггее, Данииле, славни пророцы, со Ананием в пещи бывши отроцы, с дружиною всею и Севастиане, Христа о нас молитве. Вонифатие славне, Игнатие, сомленный львовыми зубами, Улиано, пребуди, мученице, с нами. Петре, Анастасие, узы разрешите грехов наших и страстей, с Десятию в Крите. Евгений, страдальце, облегчи недуги. Рождся Христе от Девы, расторгни вся втуги. Дево, твоим Собором, Иосифе честный, Стефане, возсияйте свет свыше небесный. Две тме Никомидийских со многими младенцы, Троице святей молитве о нас страстотерпцы. Маркелле, Анисие, Зотиче, царствуйте, Мелание, и нам всем жизнь ходатайствуйте!»

27 дек. архидиакон Стефан. 29 дек. память Марка Печерского, Гробокопателя.

В самый разгар Святков (30 дек.) праздновали память св. митр. Макария Московского, великого идеолога и просветителя Святой Руси. Святитель предпринял создание грандиозного свода «всех чтимых книг на Руси» — Великих Четых Миней, которые вошли в историю под названием Макариевских.

Святками декабрь кончался; ими же начинался и первый месяц нового года.

А. Коринфский
ДЕНИС ДЕНЬ (День Дионисия, Дионис), народное название дня сщмч. Дионисия Ареопагита, епископа Афинского, и отмечаемого в один день с ним сщмч. Дионисия, епископа Парижского, 3/16 окт.

В народе говорили: «Пришел Денис — от лихоманок с ним спасись». К св. Дионисию обращались с молитвой спасти от *лихоманок*.

ДЕРЕВО, в русских народных представлениях объект поклонения. В древнерусских памятниках XI—XVII вв. сообщается о поклонении язычников «рощениям» и «древесам», о молениях под ними («рощением... жряху»).

По подробным описаниям священных рощ, выбранных для совершения священных обрядов и сохранившихся на Русском Севере («кэсты»), в Белорусском Полесье («прущи»), в н. XX в. это были, как правило, обнесенные оградой участки леса. В этих местах почитание деревьев соединялось с элементами христианского культа. Внутри рощи находилась какая-нибудь святыня — дерево, часовня, крест и др. Рощи считались заповедными: там не рубили деревьев, не

Б. Щербakov. Киж. Утро. 1979 г.

собирали хворост. В дни престольных праздников там совершались крестные ходы.

К категории почитаемых и священных относились и отдельные деревья, особенно старые, одиноко растущие в поле или вблизи целебных источников, а также такие, с которыми было связано явление чудотворных икон. К этим деревьям приходили люди, чтобы избавиться от *болезней, слеза*, бесплодия и др. Они приносили дары и жертвы (вывешивали на деревья полотенца, одежду, лоскуты), молились, прикасались к деревьям. Через дупла и расщелины таких деревьев пролезали больные, как бы оставляя за пределами этого отверстия свои болезни.

Покровская церковь. 1764 г.

Для русского народного сознания характерно последовательное сближение дерева и храма как священных мест, где совершались обряды. Об этом свидетельствуют многочисленные предания, легенды и апокрифические рассказы о постройке церквей вблизи почитаемых деревьев, а также о деревьях, посаженных на месте прежней церкви: в Житии Адриана Пошехонского рассказывается, напр., о чудесных целительных свойствах *рябины*, посаженной на могиле святого, на месте, где раньше стояла церковь.

Вблизи священных деревьев совершались различные обряды. В праздник, во время обхода полей с крестным ходом, священник с прихожанами совершал здесь молебен от *града* и засухи; здесь же устраивали праздничные трапезы, закалывали жертвенных животных, жгли костры на *Масленицу*.

Дубы, *вязы* и др. крупные деревья относились к заповедным. Запрещалось рубить их и вообще наносить дереву какой-либо ущерб: нарушение этих запретов приводило к смерти человека, мору скота, неурожаю. Такие деревья, согласно поверьям, оберегали людей от бед, а также считались «покровителями» окрестно-

стей — сел, домов, колодцев, озер, охраняли от града, пожаров, стихийных бедствий.

В русской мифологии и фольклоре известен образ дерева, являющий собой центр мироздания, ср. в заговоре от укуса змеи: «На море, на Океане, на острове Кургане стоит дуб, под тем дубом кровать, на кровати лежит девица, змеина сестрица, я к ней прихожу, жалобу приношу на казюлей, на ужей...» Такое дерево соотнесено со всеми тремя мирами (подземным, земным и верхним — небесным) и соединяет их (ср. *Мировое дерево*). В корнях дерева обитают змеи и нечистые духи (ср. в ст. *Бузина*), а вершина связывается с Богом, небом, *Солнцем* и птицами (ср. в ст. *Верба*). Известен, в частности, сказочный сюжет о дереве, по которому человек попадает на небо. В русском фольклоре он представлен сказками-небылицами о дураке, забирающемся на небо по дубу и удивляющемся чудесам, которые он там увидел (коровы дешевы, а комары дороги и т. п.). Согласно поверьям, дерево — это тот путь, по которому осенью змеи уходят в мифическую страну Ирое.

Дерево как метафора дороги, как путь, по которому можно достичь загробного мира, — общий мотив поверий и обрядов, связанных со смертью, ср., в частности, обрядовую фразеологию («уйти в кокорье», «глядеть у дуба», «дубеть» и др. в значении «умереть, умирать»), поминальные игры, имитирующие лазание по стволу, поверья о *русалках* (умерших девушках или детях), спускающихся с деревьев на землю на *Троицкой неделе* и по окончании ее тем же способом возвращающихся на «*тот свет*» (см.: Береза).

Характерны представления о посмертном переходе души человека в дерево. Так, белорусы полагали, что в каждом скрипучем дереве томится душа умершего, которая просит прохожих помолиться за нее; если после такой молитвы человек заснет под деревом, ему приснится душа, которая расскажет, как давно и за какие *грехи* она заточена в это дерево.

С кругом этих поверий связаны баллады о зачатых людях, превращенных в деревья (ср. балладу о зачатии невестки свекровью: «Ты стань, сноха, там рябиною... Отростками — малы детушки»), о деревьях, выросших на могилах невинно гонимых влюбленных (ср. в балладе «Василий и Софья»: «На Василье выросло кипарисно дерево, На Софее выростала золотая верба, Они вместе вершечками свивались, И вместе листочками слипались»), а также сказки о чудесной дудочке, которую сделали из дерева, выросшего на могиле убитого, и которая рассказала о преступлении. Эти фольклорные сюжеты относятся, как правило, к людям, умершим или погибшим молодыми, раньше отведенного им срока; их прерванная жизнь как бы стремится к продолжению в иных формах (ср. *Заложный покойник*).

В основе многих поверий и обрядов лежат представления о тесной связи между человеком и деревом, о соотнесенности их судеб и жизненных этапов. Ср., в частности, запреты рубить определенные породы деревьев, обусловленные верой в то, что дерево, как и человек, должно умереть само: «Топором рябину нельзя сечь — пока не засохнет сама своею смертью». Дерево (как и растение вообще) соотносится с человеком по внешним признакам: ствол соответствует туловищу, ветки — рукам или «детям», сок — крови и т. п. Есть «мужские» и «женские» деревья (ср. «береза» — «березун», «дубица» — «дуб») и по форме (у «березы» ветки распускаются в сторону, у «березуна» — вверх). При

рождении ребенка для него сажают дерево, веря, что ребенок будет расти так же, как развивается дерево; соответственно высохшие или вывороченные с корнем деревья предвещают человеку смерть. Вместе с тем в некоторых поверьях рост дерева вызывает истощение человека и приводит к его гибели. Не разрешалось сажать у домов крупные деревья (дуб, каштан, ель), т. к. считалось, что если дерево перерастет посадившего его человека, то он умрет, а если перерастет дом — то умрет хозяин или погибнет вся семья.

Дерево — это место обитания различных мифологических персонажей: русалки, например, живут на берегах, черт сидит в корнях бузины, в дуплистой вербе.

В быличках, повествующих о сборищах *ведьм*, устраиваемых в «купальскую» ночь, шабаш обычно происходил на горе или на дереве. Под такими деревьями нельзя спать, ломать их ветки и т. п., иначе демоны накажут человека, нашьют на него болезни и несчастья. Наиболее же известен запрет стоять под деревом во время грозы, поскольку громовержец (*Перун*, Бог, *Илья*) преследуя прячущегося под деревом змея, черта и др. нечистую силу, может поразить и само дерево, и стоящего под ним человека.

Деревьям отводилось заметное место в русской календарной и семейной обрядности (ср. ряжение в зелень, троицкие обряды с березой, свадебное деревце и др.), ритуальной практике и народной медицине (ср. обычай «переносить» на дерево различные болезни, см.: Бузина, Осина, Рябина).

Лит.: Токарев С. А., Филимонова Т. Д. Обряды и обычаи, связанные с растительностью // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983; Агапкина Т. А., Топорков А. Л. Материалы по славянскому язычеству (древнерусские свидетельства о почитании деревьев) // Литература Древней Руси: Источниковедение. Л., 1988.

Ист.: Агапкина Т. Дерево // Славянская мифология. М., 1995.

ДЕРЕВЯННЫЕ ИЗДЕЛИЯ В БЫТУ, в зависимости от способа изготовления в русском быту существовали следующие типы деревянных изделий: 1) долбленая и точеная; 2) бондарная посуда, склепанная из отдельных дощечек, охваченных обручами; 3) гнутая или плетеная из коры или из тонких лучинок.

Ложечники тесали из осиновых чурок (*баклуш*) обычно круглые ложки. Ложки европейской формы, напоминающие лодку (т. н. долгонуски), были не правилом, а исключением. Из дерева делали небольшие ковшики (*ковш*, *корец*, белорус. *ражка*) и различные корытца для рубки сечкой (тяпкой) мяса, капусты, грибов и т. д., а также большие плоские корыта (т. н. ночвы, ночевки; рус. также сеяльница) для просеивания муки, для резки лапши и т. д., кроме того, тарелки и миски. Из твердого дерева вырезали пряничные доски, которыми печатали на больших пряниках (медовых и др.) всевозможные узоры, и маленькие печатки для этой же цели.

Токари вытачивали на токарных станках и нередко вырезали из твердого дерева различные чашки (*чайшка*, *ставец*), в которых подавали на стол еду, а также солонки, чарки и т. п. Своеобразен был севернорусский *скобкарь* — березовый ковш с двумя ручками, одна из которых имела вид гусиной головы, а другая — гусиного хвоста. В скобкаре подавали гостям пиво. Хозяин держал сосуд за одну ручку, а гость принимал его, взяв за другую. Пили через край.

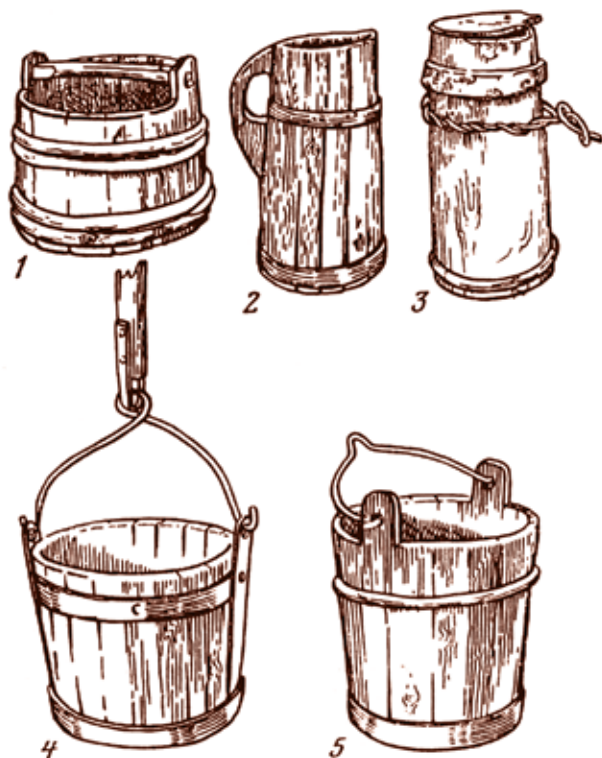

Деревянная утварь: а, г — солоницы. XIX в.; б — солоница. Могилевская губ. XIX в.; в — скобкарь. XIX в.; д, е — корячок, и ковшик. Вольня. XIX в.; ж — солоница. Малороссия. XIX в.

Русские точеные черпаки также часто имели форму водоплавающих птиц — уток и гусей. Вплоть до н. XX в. широко были распространены русские *братины* — большие широкие чаши, из которых все гости по очереди пили пиво: каждый из присутствующих, отпив из братины, передавал ее соседу. Нередко и у нее ручки имели форму утиного клюва.

Эти разновидности деревянной посуды вытачивали из цельного куска дерева, часто из корня или из наплыва (*кан*). Др. тип посуды — с вставным плоским дном. У севернорусских и белорусов были распространены выдолбленные из куска дерева кадки с вставным дном (*липовка*, *кадолбь*). Их выдалбливали так же, как улья-дуплянки. Однако гораздо чаще делали кадки и бочки из отдельных дощечек (*клёпка*, *лад*), набивая на них обручи. Эти последние обычно изготавливали из орехового, елового и дубового дерева, иногда из ивового, а бывали даже железные обручи. У кадок было только одно дно, на нем они и стояли. По величине, назначению и форме различали следующие кадки: русские — *кадка*, *квашня*, *квашонка*, *чан* или *досчан*, *перерез*, *ушат*, *жбан*, *коновка*, *шайка*, *бук*, *ведро* для воды, *бадьа* — чтобы доставать воду из колодца; малороссийские — *кадіво* для засолки овощей, *діжка*, *шаплик*, *зрізок*, *коновка*, *цибарка*, *жлукто*. В т. н. боднях держали соленое сало, а также хранили в них одежду. Для этого же служили т. н. кублы. Лагун использовали для хранения дегтя (малорос. *мазніця*). Баклага (малорос. *барило*), у которой два дна, приближалась по своему типу к бочке (*бочонку*) для хранения напитков.

Следует еще упомянуть деревянную утварь для хранения зерна и муки. Ее делали из досок и придавали форму четырехугольного ящика. К ним относился переносный ларь и неподвижный сусек, закрыв, который

Деревянные емкости для переноски жидких продуктов: 1 — чобан долбленный для переноски молока с горных пастбищ. Закарпатье; 2 — кружка (коновка) бондарная для воды. Тернопольская обл.; 3 — кадучечка (дыжечка) бондарная для переноски молока. Львовская обл.; 4 — ведро. Могилевская обл.; 5 — бадья колодезная. Могилевская обл.

ставили в амбаре. Такого же типа переносные ящики с крышками использовали для хранения одежды (рус. *сундук*, малорос. *скриня*).

Эти последние делали плотники и столяры, в то время как бочки и кадки изготавливали бочары и бондари. Паз для дна, который бондарь вырезал на внутренней поверхности дощечек у дна бочки, сохранил у севернорусских древнее название утвор (в др. областях — утор), а инструмент, которым при этом пользовались, назывался утворник, уторник, ладилище.

Всевозможные шкатулки и короба гнули из липовой и березовой коры (*луба* и *бересты*) и из тонких осиновых, дубовых и сосновых дощечек. Из всех этих предметов только севернорусский *бурак* или *туес* использовали для хранения жидкостей. Это — цилиндр,

Меры сыпучих тел: 1 — деревянная севалка с резьбой. Калужская обл. (Шереметьева, 1930); 2 — деревянный мѣртук... Украина (Закарпатский музей народной архитектуры и быта); 3 — гелетка долбленная. Украина (там же); 4 — шеснастка бондарная. Белоруссия (Титов, 1976); 5 — гарнец. Брестская обл.

сшитый из двух кусков бересты. Дно, так же как крышка и ручка, деревянное. Маленькие кружки из гнутой бересты употребляли исключительно для питья воды из реки: они не держали воду. Из луба делали также т. н. лукошки для зерна.

Из веток, древесных корней и иногда из соломы плели всевозможные корзины: *кошели*, кошолки, севалки или сѣтива для сева; коши (белорус.) — соломенные корзины для зерна; чаруши (севрус.) — корзины, в которых месили тесто для хлеба. Севернорусские очень широко использовали луб и узкие полоски бересты, из которых они плели корзины для грибов и ягод (зобня, зобѣнка), *солоники* для соли, огромные плетни с маленьким горлышком, похожим на горлышко бутылки, чтобы уберечь конопляное и льняное семя от мышей. Однако чаще всего они пользовались коробами с лямами, в которых носили на спине все что угодно (кошель, крошни, пестерь, пайва).

Ист.: Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991.

«ДЕРЖАВНАЯ», чудотворная икона Пресвятой Богородицы. Явилась русским людям в день отречения Николая II 2 марта 1917. На этой иконе Божья Мать, Царица Небесная была изображена как Царица земная, символизируя таким образом переход функции Удерживающего из рук низвергнутого монарха богоизбранного народа в Дом Богородицы.

Условия, при которых явилась святая икона, были следующие. Одной женщине, крестьянке Бронницкого у., Жирошкинской вол., д. Починок, Евдокии Андриановой, проживавшей в слободе Перерве, были два сновидения. 13 февр. Андрианова слышала таинственный голос: «Есть в селе Коломенском большая черная икона. Ее нужно взять, сделать красной и пусть молятся». Сильное впечатление произвело на Андрианову это таинственное сообщение и, как женщину религи-

Державная икона Божией Матери. 1917 г. Москва

ознанию, побудило ее к усиленной молитве о получении более ясных указаний Воли Божией. Как бы в ответ на усердную молитву, 26 февр. Андриановой снится белая церковь, и в ней величественно восседает Женщина, в Которой своим сердцем Андрианова признает и чувствует Царицу Небесную, хотя и не видит Ее святого лика. Не имея возможности забыть и отрешиться от своих сновидений, Андрианова решает идти в село Коломенское, чтобы успокоить себя. 2 марта, перед исполнением христианского долга исповеди и св. причащения, она отправилась из Перервы к настоятелю белой церкви в село Коломенское. При виде дивной Вознесенской церкви Евдокия сразу же узнала в ней ту самую церковь, которую она видела во сне.

Настоятелем церкви Вознесения был священник о. Николай Лихачев. Придя к нему в дом, Андрианова сообщила ему о своих сновидениях и просила совета, как поступить. О. Николай собирался служить вечером и пригласил Андрианову вместе с собой в церковь, где показал ей все старинные иконы Богоматери, находящиеся в храме и на иконостасе, но Андрианова ни в одной из них не обнаружила какого-либо сходства со своим сновидением. Тогда по совету сторожа церкви и еще одного прихожанина, случайно зашедшего в церковь, о. Николай стал усердно искать икону повсюду: на колокольне, на лестнице, в чуланах и, наконец, в церковном подвале. И вот именно в подвале, среди старых досок, разных тряпок и рухляди, в пыли, была найдена большая узкая старая черная икона. Когда ее промыли от многолетней пыли, то всем присутствующим в храме представилось изображение Божией Матери как Царицы Небесной, величественно восседающей на царском троне в красной царской порфире на зеленой подкладке, с короной на голове и скипетром и державой в руках. На коленях находился благословляющий Богомладенец. Необычайно для лика Богоматери был строг, суров и властен взгляд Ее скорбных очей, наполненных слезами. Андрианова с великой радостью и слезами повернулась ниц пред Пречистым Образом Богоматери, прося о. Николая отслужить молебен, т. к. в этом образе она увидела полное исполнение своих сновидений. Весть о явлении новой иконы именно в день отречения Государя от престола быстро пронеслась по окрестностям, проникла в Москву и стала распространяться по всей России. Большое количество богомольцев стало стекаться в село Коломенское, и перед иконой были явлены чудеса исцеления телесных и душевных недугов. Икону стали возить по окрестным храмам, фабрикам и заводам, оставляя ее в Вознесенской церкви только на воскресные и праздничные дни.

Зная исключительную силу веры и молитвы Царя-мученика Николая II и его особенное благоговейное почитание Божией Матери (вспомним собор Феодоровской иконы Божией Матери в Царском Селе), русские люди не сомневались в том, что это он умолил Царицу Небесную взять на Себя Верховную царскую власть над народом, отвергшим своего Царя-помазанника. И Владычица пришла в уготованный Ей всей русской историей «Дом Богородицы» в самый тяжкий момент жизни богоизбранного народа, в момент его величайшего падения и приняла на Себя преемство власти державы Российской, когда сама идея Православно-самодержавной народной власти была попорана во имя самовластия сатаны. Потому и строг, и суров, и скорбен взгляд Ее дивных очей, наполненных

Державная икона Божией Матери. Псково-Печерский монастырь

слезами гнева Божественной и Материнской любви, потому и пропитана мученической русской кровью Ее царская порфира и алмазные слезы русских истинных мучеников украшают Ее корону.

Символ этой иконы ясен для духовных очей: через неисчислимые страдания, кровь и слезы, после покаяния русский народ будет прощен, и Царская власть, сохраненная Самой Царицей Небесной, будет России несомненно возвращена. Иначе зачем же Пресвятой Богородице сохранять эту власть?

С радостным страхом и покаянным трепетом начал народ русский молиться перед «Державной» иконой Божией Матери по всей России, а сама икона в бесчисленных копиях стала украшать все русские храмы.

Таким образом, явление «Державной» иконы Божией Матери в день отречения Государя свидетельствовало о том, что в духовном смысле Самодержавие не покинуло Россию. Изображение Божией Матери, увенчанной царским венцом, облаченной в царскую порфиру, держащую в руках скипетр и державу, означало новый этап в развитии Русской цивилизации и Святой Руси. Этап страшных нечеловеческих испытаний. Однако в силу чудесного явления этап этот не был концом Великой России, а напротив, путем ее исцеления и возрождения. Как писал перед большевистским переворотом С. Н. Булгаков: «Россия спасена, раздалось в моем сердце... как откровение Богоматери (во Владычной ее иконе), и я верен и верю этому за-

вету... Россия... спасается через гибель и смерть, воскресая». Православная мысль этих дней сконцентрировалась на осознании особой судьбы России и предстоящего ей крестного пути. Как было сказано русским духовным писателем А. С. Глинкой-Волжским: «Вся русская история — история Святой Руси — только все еще тянущаяся и доселе Страстная седмица; путь грядущих судеб, чаемых, идет все дальше, но дальше — в глубь святых страстей, в тишину тайны Голгофы, — и суждено ей воскресение в последний день».

Празднование иконе Божией Матери «Державная» 2/15 марта.

О. Платонов
ДЕРЖАВНОЕ СОЗНА-

НИЕ. Удержать народ в рамках богоугодного жития, оберегая его от соблазнов и поддерживая всякое благочестивое начинание — такова державная задача власти. И народ русский — державный народ в той мере, в какой он соучаствует в выполнении этой задачи, удерживая рвущееся в мир сатанинское зло от распространения и господства.

О космической значимости этого противостояния злу Церковь знает со времен ап. Павла, возвестившего, что антихрист, этот «человек греха, сын погибели, противящийся и превозносящийся выше всего, называемого Богом или святынею», не придет, несмотря на то что «тайна беззакония уже в действии», до тех пор, «пока не будет взят от среды удерживающий теперь» (2 Сол. 2; 3, 4, 7).

Не покладая рук трудились над созданием Российской державы русские князья. Свидетели тому — многие десятки святых Рюриковичей, прославленных Церковью строителей и защитников русской право-

А. Васнецов. Семиверхая угловая башня Белого города в XVII веке

славной государственности. Терпеливо и любовно складывали они основание будущего русского православного царства, преодолевая междоусобия, примиря враждующих, отвергая честолюбивых. С момента раздробления России на множество уделов после смерти Ярослава Мудрого объединительная работа не утихала ни на миг. Поучения Владимира Мономаха, самодержавные устремления св. Андрея Боголюбского, кропотливый труд московских князей по собиранию Руси — все это лишь этапы становления русской державности, завершившиеся двумя блестящими царствованиями — Ивана III и Ивана IV и утвердившими национальное единство, освященное в своих истоках и целях святынями веры.

К к. XII в. Киев утратил значение общерусского центра. Южная Русь надолго увяла, завещав Северной, Верхневолжской Руси продолжить дело державного

строительства. Летописцы говорят, что южные дружины храбро бились и «расплодили» Русскую землю. На долю северных князей выпало закрепить приобретенное, придав ему внутреннее единство.

Трудами таких благочестивых властителей, как Владимир Мономах, св. Андрей Боголюбский, св. Александр Невский, и других, им подобных, утвердился взгляд на княжение как на религиозную обязанность. Прекратилась постепенно и «владельческая» передвижка князей, заставлявшая их смотреть на свой удел как на временное пристанище, не требующее особой заботы. Князь стал наследственным владельцем — хозяином и строителем удела, передававшим его по наследству соглас-

Старинный вид Твери

но собственной воле. Он осознал свою связь с народом и ответственность за него.

Усыпляя татар безусловной покорностью и данью, князья не упускали из виду и забот по организации народных сил — стремление вернуть былую независимость росло и крепло. Необходим был могучий подъем народного духа, но еще не появился на Руси единодержавный властелин, способный завершить дело, начатое Андреем Боголюбским и Александром Невским.

Трудности, стоявшие на пути обретения Русью государственного единства, казались непреодолимыми. Кто мог заставить удельных князей, лишь недавно почувствовавших себя самостоятельными владетелями, отказаться от своих прав и сделаться пусть высшим, но подчиненным сословием? Кто мог заставить города и волости, привыкшие к обособленности и своим древним правам, слиться в одно политическое тело? Кто мог принудить простой народ нести тяжкие жертвы во имя грядущего и не всем понятного блага государственного единства?

Этой силой стала Православная Церковь, в помощь которой Господь явил Свое чудное промысление о России: скорби и тяготы иноземного ига способствовали тому, что Русь объединилась прочным союзом общего горя. Над страной, помимо ее воли, вознеслась единая страшная власть хана, необходимость повиновения которой после первых погромов ясно сознавалась всеми — от великого князя до последнего смерда.

Русские князья стали посредниками между верховной властью и народом, воспитав в себе чувство ответственности за его судьбу, за его святыни, отбросив вековую привычку к своеволию, побежденную страхом сурового возмездия. Тягостное иновещное иго обратилось в школу религиозно-исторического воспитания, выйдя из которой народ обогатился твердым пониманием своего вселенского призвания и державного долга. Под игом монголов Русь собирает силы и ждет — какое будущее, какую судьбу определит ей Господь, кому вверит дело строительства единого и могучего Православного царства. Избрание падает на Москву.

Ученые-историки пытались объяснить возвышение Москвы естественными географическими (близость реки), хозяйственными (обилие дорог) и иными причинами. Все они имели место, но то беда, что еще в большей степени эти причины приложимы к десяткам других городов и сел Северной Руси. Река Москва, давшая имя будущей столице, соединяла Среднюю Волгу с Окой через Ламский волок, по которому надо было перевозить лодки сушей, на руках, так что особых удобств это не сулило. Да и вырос город все-таки не на волоке Ламском, а на излучине Москвы. Кроме того, сомнительно, чтобы близость Оки и Верхней Волги была бы сама по себе достаточной причиной для вознесения безвестной деревушки на высоту столицы величайшей империи мира.

Пересечение «больших дорог», которое якобы обеспечивало Москве бурный рост, на поверку оказывается скорее скоплением тропинок, затерянных в бескрайних русских лесах. «Великая дорога Володимирская», например, упоминается лишь единожды в одной из старых летописей, да и то в к. XIV в., когда Москва уже была общепризнанным центром Руси.

Кроме того, все предположения о «сравнительно более ранней и густой населенности края» и «редкост-

ном покое» от татарских набегов, царившем в тех краях, не поддаются проверке и не подтверждаются фактами. А ведь со времен св. митр. Петра Православная церковь уверенно свидетельствует об особой промыслительно определенной роли Москвы как о причине ее возвышения и расцвета.

«Великий во святителях» митрополит положил прочное основание будущего величия Москвы, перенеся туда первосвятительский престол из Владимира. Помимо соображений церковного управления его влекла в Москву любовь к Ивану Даниловичу Калите, князю, известному своим миролюбием, набожностью и щедростью к бедным (свое прозвище «Калита», что значит «кошель», он приобрел потому, что всегда носил с собой кошелек, из которого подавал богатую милостыню).

«Если послушаешь меня, сын мой, — говорил святой старец князю, убеждая его в особой роли Москвы для будущего России, — то и сам прославишься с родом своим паче иных князей, и град твой будет славен пред всеми градами русскими, и святители поживут в нем, и въздут руки его на плечи врагов его, и прославит Себя Бог в нем». Именно превращение Москвы в центр русского Православия определило ее судьбу, до того ничем не отличавшуюся от судьбы других русских городов.

Москва впервые упоминается в летописях под 1147 годом как пограничный пункт между Суздальской и Чернигово-Северской областями. Сюда Юрий Долгорукий пригласил на переговоры Новгород-Северского кн. Святослава Ольговича, послав сказать ему: «Приди ко мне, брате, в Москову». Москва эта была столь крошечной деревушкой, что, когда на ее месте в 1156 Юрий решил построить городок, летопись отмечает это как рождение Москвы — князь «заложил град».

По незначительности своей Москва редко попадает в поле зрения летописца. К сер. XIII в. она становится удельчиком, который иногда давали во владение младшим сыновьям великих князей. И лишь в конце столетия Москва становится самостоятельным маленьким княжеством, родоначальником династии которого явился младший сын блгв. кн. Александра Невского — св. Даниил. Так преемственно от одного благоверного князя к другому передано было и святое дело собирания Руси.

С н. XIV в. Москва бурно растет. Этому росту — разумной и осторожной политикой — положил основание Иван Калита, а далее «Калитно племия» в тесном союзе с Церковью, митрополичий престол которой утверждается с 1325 в Москве, продолжает дело.

Начиная со св. Дмитрия Донского, князья окончательно усвоили взгляд на себя как на общеземских защитников Православия. Он ясно проявился в решительности князя перед лицом Мамаева нашествия. Почему св. Дмитрий, как и все московские князья любивший мир и тишину, решился все же в сентябре 1380 на одно из кровопролитнейших в истории сражений? Все современники согласно утверждают — потому, что чувствовал себя защитником веры. Его вдохновляло «мужество и желание за землю русскую и за веру христианскую», — свидетельствует автор «Задонщины», повести о Куликовской битве, написанной через считанные дни после нее.

Разгром полчищ Мамаева русскими дружинами послужил темой целого ряда произведений, образующих

А. Кившенко. Присоединение Великого Новгорода — высылка в Москву знатных и именитых новгородцев

так называемый Куликовский цикл, свидетельствующий, что Русь впервые одолела татар, лишь поднявшись на защиту святынь Православия, а не политических или земельных интересов. «Како случися брань на Дону православным христианом с безбожным царем Мамаем, како возвыси Господь род христианский, а поганых уничтожи и посрами их суровство» — так, напр., озаглавил повесть автор «Сказания о Мамаевом побоище». Хотя и были сильны поганые, «сынове же русския силою Святаго Духа бяху их».

После битвы соратники св. Дмитрия долго разыскивают его и находят наконец «бита вельми». Первый вопрос очнувшегося князя — чем закончилась битва? «По милости Божией и Пречистой Его Матери, — отвечают ему, — и молитвами сродников наших Бориса и Глеба, и Петра, московского святителя, и игумена Сергия, и всех святых молитвами врази наши побеждены суть, а мы спасохомся!»

То, что свою роль удерживающего святой блгв. кн. Дмитрий Донской понимал ясно, свидетельствует нам «Слово» о его житии. «Постави ми, Госпоже, столп крепости от лица вражия, возвеличи имя христианское перед погаными», — просит св. Дмитрий Пресвятую Богородицу в молитве перед битвой на Куликовом поле. Вообще, «Слово» о житии святого князя показывает, что осмысление власти подошло к своему закономерному завершению — к учению о Православном Царе. Именно «царем» называется в «Слове» Дмитрий Донской, хотя об употреблении такого титула применительно к русским князьям в государственных международных актах того времени ничего не известно.

Это неудивительно, ибо учение о Православном Царе есть учение церковное, оно возникло и сформировалось в православном мировоззрении и лишь после осмысления и укоренения в сознании современников обрело общепризнанный характер. Знаменателен и тот факт, что автором жития считают Епифания Премудрого — современника князя. Этот инок был учеником самого Сергия Радонежского, много путешествовал — бывал в Иерусалиме, в Константинополе и на Афоне. Его перу принадлежат, помимо жизнеописания вел. кн.

Дмитрия, жития прп. Сергия и св. Стефана Пермского. Жанр житийной литературы традиционно служил для отражения важнейших идей и понятий, владевших современниками, так что мысли, высказанные в «Слове» о житии святого благоверного князя Дмитрия, не случайны.

«Кому уподоблю великого сего князя Дмитрия Ивановича, — вопрошает автор жития, — Царя Русьския земли и собирателя христианского? Приидите, возлюбленные друзья Церкви... достойно похвалить держателя земли Русьской».

В этих похвалах святому князю содержатся все основные положения учения о законной власти. Первое из них — идея царского служения как церковного послушания, наряду со служением иноческим, священническим и иными. Дмитрий не просто властвует — нет, он, «будучи рабом Божиим», слугою Промысла, «Божий престол» соблюдает в чистоте и неприкосновенности от чуждых и враждебных Церкви влияний.

Далее — мысль об «удерживании» как о содержании служения. Князь — «держатель» России, Руси, неразрывно связанной с Православием (сравним: «Земля Русская, о, православная вера христианская» — из «Слова о погибели Русской земли»). И, наконец, мысль о вероохранительной роли царя. «Царь Русьския земли» есть одновременно и «собиратель христианства», уцелевшего от покушений иноверцев и ложного мудрствования еретиков.

Ап. Васнецов. На рассвете у Воскресенского моста. Конец XVII века

Церковь воинствующая. Икона. 1550-е гг. ГТГ

Важно, что житие дает и недвусмысленный ответ на вопрос: каковы же признаки того, что державное служение царя исполняется как должно. «И бысть тишина в Русьской земли», — свидетельствует автор «Слова». Обретен жизненный критерий оценки результатов деятельности власти. «Великое княжение свое вельми укрепих, мир и тишину земли Русьской сотворих, отчину мою, которую дал мне Бог и родители мои, с вами соблюдох», — говорит перед смертью Дмитрий боярам.

Мир и тишина как условия, более других способствующие деятельности церковной по спасению человека, — вот практическая цель власти. В этом «мире и тишине» усматривается Благоволение Божие, о котором сказал Христос Спаситель: «Мир оставляю вам, мир Мой даю вам... Да не смущается сердце ваше и да не уstraшается» (Ин. 14; 27).

Об обязанности царя нести свое бремя «не смущаясь и не уstraшаясь» напоминает послание архиепископа Ростовского Вассиана Ивану III, писанное в 1480 во время знаменитого «стояния на Угре» русского и татарского войск. Татар привел на Русь Ахмат, хан Большой Орды. Она образовалась на месте Батыевой Золотой Орды после того, как от последней отделились уже многие орды: Ногайская, Казанская, Астраханская и Крымская.

Иван отказался платить дань Ахмату, растоптал ханскую басму (изображение хана), приказал перебить его послов, требовавших покорности, кроме одного, которого отправил сказать хану, что и с ним поступит так же, как с басмой, если тот не оставит Русь в покое. Ахмат с войском пришел покарать непокорного «данника». Встретившись с большими силами русских, битву он начинать не решался и ждал, стоя на реке Угре. На другом ее берегу стоял Иван III. Будучи типичным московским князем, воспитанным в религиозных традициях княжеского служения, Иван III был хозяином Русской земли и ее «строителем», а воевать не любил. И на этот раз, оберегая русскую кровь, он решил отступить, не принимая боя.

Узнав о таком решении, старец Вассиан (брат прп. Иосифа Волоцкого), ростовский архиепископ, отправил вел. князю обличительное письмо. «Наше дело говорить царям истину, — пишет он. — Что я прежде изустно сказал тебе... о том и ныне пишу, ревностно желая утвердить твою душу и державу». Душа и держава не случайно оказались рядом в письме Вассиана. Княжеское служение таково, что, управив державу, и

душу спасешь — эта мысль во времена Ивана III уже не требовала разъяснений. Теперь должно явить силу и мужество — настаивает старец в послании: «Ахмат губит христианство, грозит тебе и отечеству». Он жаждет «предать землю Русскую огню и мечу, церкви — разорению, тьмы людей — гибели... О государь! Кровь паствы вопиет на небо, обвиняя пастыря».

Державный долг государя архиепископ сближает с долгом пастыря — хранителя душ пасомых, ответственного перед Богом не только за внешнее благополучие, благочиние, но и за внутреннее их преуспеяние. На гармоничном сочетании и взаимном равновесии этих властных начал — державного и соборного, царского и пастырского, будут в дальнейшем строиться отношения светской и церковной власти в России. Эта «симфония властей» станет идеалом их взаимоотношений, твердо запечатлевшимся в народном сознании, несмотря на все искушения и соблазны.

«Смертным ли бояться смерти? — увещевает князя архиепископ. — Я стар и слаб, но не убоюсь меча татарского, не отвращу лица моего от его блеска...» Воинствующая земная Церковь в случае нужды в буквальном смысле готова оправдать свое наименование. Воинствуя против грехов и страстей, тем более следует подниматься на брань против врага, грозящего уничтожить благодатные средства, дарованные Богом для борьбы со страстями, — утверждает Вассиан. «Ангелы снидут с небес в помощь твою, Господь пошлет тебе от Сиона жезл силы, и одолеешь врагов, и смятутся, и погибнут. А мы Соборами святительскими день и ночь молим Его, да рассыплются племена нечестивые...»

Долго войско Ахмата стояло на Угре. Вдруг, без всяких видимых причин, снялось и ушло в Литву, разорив там двенадцать городов якобы за то, что князь литовский Казимир не подал помощи против русских. Совершив месть, татары ушли в степь. Так закончилось последнее нашествие Большой Орды на Русь.

Русские называли реку Угру «поясом Богоматери», веруя, что по Ее молитвам избавил Господь Россию от татар. «Да не похвалятся легкомысленные страхом своего оружия. Нет, не оружие и не мудрость человеческая, но Господь спас ныне Россию!» Таково было всеобщее мнение, дошедшее до нас в отзывах современников. По их свидетельствам и сохранившимся литературным памятникам можно с уверенностью сделать вывод, что ко времени царствования Ивана III державное сознание в своих общих чертах утвердилось и окрепло.

Митрополит Иоанн (Снычев)

ДЕТСКИЕ ПЕСНИ И ИГРЫ, важная составляющая русского *семейного воспитания*. В воспитании детей существовал свой особый цикл игр, песен и присказок, и они часто по целым часам распевали эти песенки и играли в свои игры.

Богоматерь Мати-Молѣбница. Икона. Средник. Кон. XIV в. ГТГ

Цикл детских песен открывался песнями колыбельными. Песни эти и по словам, и по напеву были довольно однообразны и монотонны:

1.

*Бай, бай, бай,
 Поди, бука, под сарай,
 Саше спать не мешай!
 Уж ты, Сашенька, усни,
 Угомон тебя возьми!*
2.

*О, качи, качи, качи,
 Под подушкой калачи,
 В ручках прянички,
 О, люлю, люлю, люлю!..*

Эти две песенки варьировались на тысячи ладов и своим монотонным напевом успокаивали детей.

Загадочная «бука», о которой иногда говорили «бука базака о три языка», означала какое-то страшное мистическое существо, которым в деревнях пугали детей.

Если желали развеселить ребенка, то, подбрасывая его легонько вверх, пели шуточные песни вроде следующих:

3.

*Тень, тень, потетень,
 Выше города плетень.
 У Спаса быют,
 У Николы звонят,
 У старого Егорья
 Часы говорят.
 На полчке трубички,
 Гороховички.*

4.

*Тили-бом, тили-бом,
 Загорелся кошкин дом,
 Пришла курица с ведром,
 Заливает кошкин дом.*
5.

*Тпрушки, тпрупрушки,
 Пекла баба преснушки:
 Всем по преснушке,
 Мишутке две.*

6. Едва ребенок начинал понимать, его уже развлекали различными немудреными играми. Так, взяв ребенка за ручку и водя пальцем по его открытой ладони, приговаривали:

*Сорока, сорока,
 Кашку варила,
 На порог скакала,
 Гостей скликала.
 Приехали гости
 Пораспарить кости.*

Затем, пригибая мизинец детской руки, а потом и следующие 3 пальца, продолжали: «Этому дала, этому дала, этому дала, а этому (указывая на большой палец) не дала за то, что он толст да прост, да мякинки не принес».

К. Юон. Русская зима. Лигацево. 1947 г.

7. Хлопая ладонями ребенка, приговаривали:

*Ладушки, ладушки,
 — Где были? — У бабушки.
 — Что ели? — Кашку.
 — Что пили? — Бражку.
 Кашка маслянька,
 Бабушка добренька.
 Досыта наелись,
 Допьяна напились.
 Полетели, полетели
 На головку и сели.*

При этом закидывали ручки ребенка на его головку.

8. Переваливая с руки на руку головку ребенка, приговаривали:

*Валяй, валяй, баба, коровай,
 Пришел к бабе пономарь:
 — Дай, баба, теста.
 — Нет в печи места.
 Шук, шук, полетели,
 На головку сели.*

Ручки ребенка также закидывали на его головку.

9. Подрастая, дети и сами начинали распевать различные песенки. Так, иногда они по целым часам пели следующую песню:

Ерема, Ерема,
Сидел бы ты дома,
Точил бы веретена,
У тебя жена-то пряха:
По ниточке пряла,
Корову купила;
Корова-то с кошку,
Надоила с ложку.
Корова-то пропала,
Кузьму поклепали.
Кузьма-то божится,
На печь ложится.
Сени-то трясутся,
Собаки грызутся.
Сени-то упали,
Собаки пропали.

Или:

Куколка, ты, куколка,
Не малая-малая,
Зачем долго не была?
— Боялася тиуна.
— Тиун тебе не судья,
Судья-то владыка;
Владыкины дети
Хотят улетети.
Шишел, вышел,
Вон пошел!

10. Шел дождик — дети с шумом выбегали на улицу и распевали, прыгая с весельем:

Дождик, дождик, перестань,
Я поеду в Черностань
Богу молиться,
Кресту поклониться.
Дождик, дождик, пуще,
На дворе-то гуще.

11. Попадалась детям улитка, «лизавица», они приговаривали нараспев:

Лизавица, лизавица,
Выпусти рога — я дам пирога,
Масляного, премасляного.

И сколько было для них радости, когда при этой песенке улитка показывала свои рожки! В противном случае повторяли то же.

12. Нашедши цветок дикой ромашки, ребята срывали его и пели, наблюдая, как вылезают из него маленькие мурашки:

Поп, поп,
Выпусти собак:
Баре едут,
Озим топчут!

Или:

Поп, поп,
Выпусти собак
На боярский двор,
На дворянский ребят!

13. Развлекались дети и такими незатейливыми играми. Один, ударяя легонько другого по голове, спрашивал: «Крепок ли горшок?» На ответ «не крепок» ударял еще несколько раз, приговаривая: «За шильце, за мыльце, за зеркальце».

Ударяя по спине, спрашивали: «Что в горбу?» На это отвечали: «Денежки». — «Кто наклал?» — «Дедушка». — «Чем он клал?» — «Ковшичком». — «Каким?» — «Позолоченным, сверху медью околоченным».

14. Встретившись, два подростка начинали спрашивать друг друга:

— Сорока, сорока, где твой муж?
— В Питере. — Что он делает?
— Башмачки шьет.
— Чем он шьет?
— Шелком.
— Лыком!
— Шелком!
— Лыком!

Играющие старались при этом перекричать друг друга.

Росли дети, а вместе с тем усложнялись и их игры и делались все более и более замысловатыми. Чаше всего играли в «черненькие», «прятки», «жуть», «ворона», «горелки», «огарыши» и т. д.

Все детские игры, существовавшие в XIX — н. XX вв., можно подразделить на 2 разряда: на игры летние, которые производились на открытом воздухе, и зимние, в которые играли зимой в избах.

Большинство летних игр начиналось тем, что играющие выбирали того, кто должен «водить», т. е. начинать игру и быть в ней главным лицом. Дети, участвовавшие в игре, становились в круг. Один из них нараспев читал следующую присказку:

15.

Катилось яблоко круг огорода,
Кто его возьмет, тот будет воевода,
Воеводский сын.

При каждом произносимом слове он указывал по порядку на одного из товарищей. На кого придется последнее слово, тот должен был выйти из круга.

Затем повторялось с начала, и присказка читалась до тех пор, пока из круга не выйдут все, исключая одного: этот оставшийся и должен был «водить». В этих случаях использовались также др. присказки:

16.

Перевязи, ферязи, кони, царевич, жук.
Чирики, микирики,
Летали голубиники
По Волге-реке,
По поповой полосе.
Там чашки, орешки,
Медок сладок,
Поди вон, королек!

17.

Чирики, микирики,
Летали голубиники
По Волге-реке,
По поповой полосе.
Дьякон пишет черным углем,
На море стук, гром,
Стеклышки вон.

18.

Чирики, микирики,
Летали голубиники
По кусту, по насту,
По белому лизасту.
Шишел, вышел,
Вон пошел!

В некоторых местностях употреблялась для этого же песни «Куколка». Кроме того, при некоторых играх существовали специальные способы выбирать вожатого, как, напр., при игре в «коровку» или «чушку».

19. Одна из простейших игр детей-подростков была игра в черненькие, или пятнашки. Играющие бросались врасыпную, кто куда. Тот, кто «водил», назывался «черненьким» и должен был ловить остальных.

Пойманный им должен был в свою очередь ловить остальных или, как говорили, «водить». Для отдыха играющие назначали особое определенное место — «дом», где черному ловить играющих не дозволялось. Игра продолжалась до тех пор, пока не наскучит играющим.

20. Видоизменение предыдущей игры представляла игра в коршуна, или ворона. Тот, кто «водит», должен был изображать ворона. Ворон садился на землю, играющие окружали его и начинали спрашивать хором: «Ворон, ворон, что ты делаешь?» Ворон отвечал: «Ямкурою». — «На что тебе ямка?» — «Иголочку ищу». — «На что тебе иголочка?» — «Мешочек шить». — «На что тебе мешочек?» — «Камешки класть». — «На что тебе камешки?» — «В твоих детей кидать!»

После этих слов ворон кидался на окружающих его ребят, старался поймать кого-нибудь из них. Пойманный им мальчик и становился в свою очередь вороном, а прежний ворон возвращался в ряды играющих.

21. Очень много общего с предыдущими играми имела игра в горелки. Играющие становились попарно; одна пара за другой. Тот, кто водит, или, как говорили, «горелый», становился впереди и говорил:

Стою, стою на камешке,

Горю, горю на солнышке:

Кто меня любит, тот и выкупит.

Дальнейший ход игры был таким же, как в предыдущих.

Много сходного с предыдущими играми имели игры: огарышки, жгут, столбики, веревочка, кошка-мышка, составляющие отдельную группу детских игр — в кругу.

22. Огарышки, или круговые горелки. Играющие становились в круг. Один из них (тот, кто водил) ходил за кругом. Ударив кого-нибудь из играющих по спине, он за кругом бежал в одну сторону, а получивший удар — в противоположную. Каждый из них спешил скорее занять освободившееся место. Тот, кто опаздывал на место, должен был в свою очередь «гореть» и ходить за кругом.

23. Столбики. Играющие становились в круг попарно, на значительном расстоянии пара от пары. Каждая пара составляла так, что лицо одного было обращено к спине другого. Тот, кто водил, ходил за кругом и становился затем сзади какой-нибудь пары. Передний в этой паре, оказавшийся т. о. лишним, должен был быстро перейти и пристать к новой паре, лишний в этой паре должен был пристать к следующей и т. д. Очевидно, что эта игра была возможна только при нечетном числе играющих лиц.

Во все вышеописанные игры играли как мальчики, так и девочки. Впрочем, девочки, подрастая, начинали перенимать у взрослых различные хороводные игры и в своих забавах окончательно отделялись от мальчиков.

24. Прятки, или убирки. Играющие прятались по различным закоулкам дома, сараев и т. д. Один из играющих водил: он должен был отыскивать остальных. Чтобы дать время играющим спрятаться, брали палку и кидали ее как можно дальше, после чего быстро прятались. Тот, кто водил, должен был принести палку, положить ее на определенное место — «дом», и после этого отыскивать спрятавшихся товарищей. Как только кто-нибудь был им найден, вожатый бежал к «дому» и громко стучал лежащей там палкой. Если найденный успевал раньше добежать до «дому» и по-

стучать там палкой, то он уже не считался найденным. Первый отысканный вожатым и, как говорили, «застуканный», мальчик должен был в свою очередь водить и отыскивать спрятавшихся товарищей.

В прятки играли и девочки, но сравнительно редко.

Игры, в которые играли исключительно одни только мальчики, это — коровка, муха, чижик, буй, лунки, мяч, бабки. При игре в первые 5 из этих игр вожатый избирался иначе, чем описано выше. Всякий желавший играть должен был взять коровку, подбросить ее вверх и на лету ударить в нее несколько раз своей биткой. Ударивший меньшее число раз и должен был водить.

25. Коровка, или чушка. Для этой игры брался круглый образец жерди в виде цилиндра, 3 вершка в диаметре и до 2-х в длину. Этот образец и был «коровка», или «чушка». Коровка ставилась на ровном месте стоямя; на расстоянии 1—2 аршин от нее проводилась черта, на которой в равном друг от друга расстоянии выбивали в земле небольшие ямки — лунки, означающие места играющих. Играющие, став на свои места, битками, или довольно тяжелыми палками, до аршина в длину, старались попасть в коровку и сшибить ее с места. Били битками по очереди. Как только коровка была сбита с места, все ранее бросившие свои битки кидались поднимать их, спеша как можно скорее возвратиться на свои места. Тот, который водил, должен был поднять сшибленную коровку, поставить ее на прежнее место и занять чье-нибудь свободное место. Тот из играющих, кто опаздывал возвратиться на свое место и чье место было занято вожатым, должен был в свою очередь водить.

26. Вариант предыдущей игры представляла из себя игра в муху, или мушку. Муха — это небольшой обрубок дерева, несколько напоминающий цифру 4. Прямым своим углом этот образец вешался на вертикально вколоченную в землю палку. В эту палку и кидали играющие своими битками. При каждом ударе муха с шумом слетала с палки. Условия игры были те же, что и в предыдущей игре.

27. Чижик, или чувиль. Чижик — четырехгранный, призматический обрубок дерева, до 5 вершков толщины и до 3 вершков длины. Оба конца чижики оканчивались острым углом. Обрубок этот, брошенный на землю, ложился всегда так, что если его ударяли лопаткой по приподнятому вверх концу, он быстро привскакивал вверх. Играли по большей части двое. Игра велась таким образом: на земле очерчивался круг, в середину его клался чижик; один из играющих ударял лопаткой по чижику, отчего он привскакивал вверх. Не давая затем упасть чижику на землю, играющий той же лопаткой отбрасывал его на лету в сторону, стараясь отбросить его от круга как можно дальше. Тот, кто водил, поднимал чувиль и старался бросить его так, чтобы он попал в очерченный на земле круг. Играющий отбрасывал чижик на лету своей лопаткой. Если чижик падал в круг, то играющий передавал игру своему партнеру, а сам начинал водить. Цель игры состояла в том, чтобы как можно скорее довести до заранее определенной нормы число ударов по чижику.

Каждый раз игрок ударял по чижику один раз на земле и затем уже сколько может раз на лету. Если чувиль не успевали на лету отбросить в сторону и он падал в черту круга, то допустивший такой промах должен был начать свою партию снова: его партия, как

говорили, «сгорит». Проигравший получал «скачки». Скачки состояли в следующем: чирик выбрасывался из круга, как и при игре; проигравший партию, прыгая на одной ноге, должен был принести чирика обратно в круг. Число скачек определялось заранее означенными условиями.

28. Лунки. На земле в виде круга выбивались на близком расстоянии друг от друга небольшие ямки — лунки. Каждый из играющих, кроме водящего, имел свою лунку. Тот, кто водил, кидал в лунки мячом. Остальные играющие своими палками или битками старались отбросить мяч на лету и не допустить его до лунок. Как только мяч попадал в чью-либо лунку, владелец уступал свою лунку вожатому и водил сам до тех пор, пока в свою очередь не попадал в чью-либо лунку.

29. Буй. Игра эта была несколько сходна с предыдущей игрой. Водящий деревянным шаром старался попасть в лежащую на дороге жердь — «буй». Остальные играющие своими битками старались оттолкнуть шар от жерди. Как только шар попадал в жердь, играющие кидали свои битки на землю, и водящий, ставши у жерди, старался шаром попасть в одну из лежащих на земле биток. Тот, в чью битку ударится шар, и должен был водить.

Следует отметить характерную черту всех вышеуказанных игр для мальчиков — один мальчик должен был бороться с остальными, один должен был играть против всех. Часто нелюбимого мальчика товарищи сговаривались «заводить», т. е. не выпускать из вожатых и, по большей части, всегда заваживали, доводя до полного изнеможения и слез. Отказаться от игры было нельзя — это значило «жилить», и с таким мальчиком товарищи расправлялись иногда довольно жестоко.

В этих играх выражалось начало той покорности перед миром, уважение к нему и вера в его непреодолимую силу, которые глубоко коренились в русском народе.

30. Свайка. Свайкой назывался тяжелый, круглый железный гвоздь с массивной шляпкой. Этим гвоздем с известного расстояния старались попасть в лежащее на земле небольшое железное кольцо. В случае промаха играющий передавал свайку следующему партнеру до новой очереди. Выигравшим считался тот, кто раньше всех попадет определенное число раз в железное кольцо. Проигравший должен был несколько раз, смотря по проигрышу, вытащить «редьку», т. е. вытащить зубами свайку, которую втыкали на этот раз в деревянную доску.

Все описанные выше игры представляли из себя состязание играющих в телесной силе и ловкости. Таким же характером отличалась известная игра тяну — потяну, точно так же, как игра в городки и мяч.

Гораздо менее летних игр были разнообразны игры зимние. Это вполне объясняется стеснительными условиями крестьянских помещений. Из зимних игр детей-подростков наиболее известны игра в бирюльки (вытягивание соломинонок), камушки и жмурки.

31. При игре в камушки играющие брали 5 более или менее ровных и круглых камешков. Камешки кидали на стол.

Первый из игравших брал один камешек в правую руку; подкинув этот камешек вверх, он быстро хватал один из лежащих на столе камешков правой рукой и затем той же рукой ловил подброшенный вверх камень. То же самое проделывал он с остальными двумя

камнями. После этого делалась новая фигура. Из раскинутых камней брался сначала один камень, как и в первой фигуре, а затем сразу 3. В четвертой фигуре все 5 камней брали в руку, один из них кидали вверх, остальные 4 камня клали на стол и брошенный камень ловили; затем снова бросали вверх, лежащие на столе 4 камня брали правой рукой и той же рукой ловили брошенный вверх камень. В пятой фигуре все 5 камней брали в руку и затем подкидывали вверх; рука быстро после этого обращалась ладонью вниз так, что все или часть брошенных камней ложилась на руку. Эти камни подбрасывали вверх и ловили. Камни, лежащие на столе, подбирали, как и в первой фигуре, только подбрасывали вверх не один камень, а все камни, находящиеся в руке. В шестой фигуре большой и указательный пальцы левой руки расставляли в виде воротца на столе. Между тем правой рукой брали камень, подбрасывали вверх и той же рукой быстро проталкивали один из камней, лежащих на столе, в импровизированные воротаца, после чего брошенный камень ловился той же рукой. Так поступали и с остальными камнями. В седьмой фигуре камни разбрасывали по столу, после чего брали один из них в правую руку, подбрасывали вверх и быстро той же правой рукой брали один из камней, лежащих на столе, и клали в левую руку, после чего уже ловили правой рукой брошенный камень. Так поступали и с остальными камнями, лежащими на столе. В восьмой фигуре камни подбрасывали, как и в пятой, и ловили верхней стороной руки. Растопырив затем большой и указательный пальцы правой руки, подбирали этими пальцами все камешки, упавшие на стол, и клали их в левую руку. Взяв последний камень, подбрасывали этими пальцами все камешки, упавшие на стол, и клали их в левую руку. Взяв последний камень, подбрасывали лежащие на верху руки камни и затем ловили.

Все описанные 8 фигур и составляли партию или, как говорили, «руку». Если во время игры играющий ронял один из брошенных вверх камней, не успев его поймать, то игра передавалась другому партнеру. Выигрывал тот, кто скорее всех окончит все 8 фигур или партию.

Каждая из фигур партии носила свое особое название: «по одному» — первая, «по два» — вторая, «по три» — третья, «по четыре» — четвертая, «по пяти» — пятая, «банька» — шестая, «полочек» — седьмая, «рачок» — восьмая. Более искусные игроки играли «без пошевелок», не шевеля камней, которых не брали в известной фигуре, и «в указки», поднимая камни со стола не по своему выбору, а по указанию партнера. Игра «в указки» производилась в то же время и «без пошевелок».

32. Игра в жмурки — это та же игра в черненькие, только черненький ловил остальных играющих с завязанными глазами. В эту игру играли и девочки, точно так же, как и в бирюльки. Девочки-подростки начинали уже перенимать хороводные и нехороводные игры взрослых; в своих забавах они окончательно отделялись от мальчиков. Во многих местах они устраивали даже свои посидки и вечеринки отдельно от взрослой молодежи.

Детские игры имели важное значение в воспитании не только физическом, но и в духовном. Одни из них развивали силу, ловкость, быстроту, меткость; другие приучали к сообразительности, вниманию, умению держать себя настороже; наконец, все игры застав-

ляли каждого участника в равной мере подчиняться воле всех и все они более или менее были проникнуты принципом справедливости и воздаяния по заслугам.

Ист.: Балов А. В. Рождение и воспитание детей в Пошехонском уезде Ярославской губернии // Этнографическое обозрение, 1890. № 3.

ДИВ (дива), в древнерусской языческой мифологии дух леса, по мнению некоторых исследователей, одно из воплощений верховного бога *Сварога*. Дважды упоминается в «Слове о полку Игореве»: сначала наверху дерева — «Див кличетъ врѣху древа», а затем внизу — «уже врѣжеса дивъ на землю». В произведениях славянской литературы есть упоминание о дивах и самодивах, позволяющее также считать, что в языческой культуре дивы занимали срединное положение между богами и героями.

ДИВАННАЯ, в помещичьих домах комната для отдыха и бесед с гостями, обставленная мягкими диванами и маленькими столиками перед ними.

ДИМИТРИЙ ДОНСКОЙ, св. блгв. Дмитрий Иоаннович (1350—1389), вел. князь Московский, первый усмиритель татар, мудрый политик, положивший на-

Св. блгв. кн. Дмитрий Донской. Икона

чало объединению Русских земель под верховной властью Москвы. Вел. кн. Дмитрий был причислен к лику святых Поместным Собором Русской Церкви в 600-летнюю годовщину Куликовской битвы в 1980, но его изображения появились уже в московской живописи XV в., где он показан не святым, а славным воином и героем. В царствование Иоанна IV к его имени добавили «Донской», в память о том, что князь одержал победу в районе р. Дон.

ДИМИТРИЙ ПРИЛУЦКИЙ († 11.02.1440), святой преподобный основатель Дмитриева Прилуцкого в честь Происхождения Честных Древ Животворящего

Димитрий Прилуцкий. Икона

Креста Господня монастыря. Прп. Дмитрий родился в богатой купеческой семье Покропаевых в с. Веслево Переславского уезда. Он принял постриг в Горицком Успенском монастыре в Переславле-Залесском, но вскоре покинул эту обитель и основал Переславль-Залесский Никольский монастырь на Болотце. По некоторым данным, в 1354 состоялось его знакомство с прп. Сергием Радонежским, когда тот прибыл в Переславль на поставление в игумены. С этого момента Дмитрий регулярно посещал Троице-Сергиев монастырь и часто беседовал с его основателем.

ДИМИТРИЙ РОСТОВСКИЙ (в миру Даниил Савич Туптало), святитель, митрополит Ростовский и Ярославский (11[?].12.1651—28.10.1709), проповедник и

Свт. Дмитрий Ростовский. Икона. Кон. XVIII в. Церковь Михаила Архангела, г. Ош, Киргизия.

духовный писатель, автор многочисленных агиографических и богослужебных сочинений, среди которых главными являются Четии-Минеи (Жития святых).

ДИМИТРИЙ УГЛИЧСКИЙ, св. царевича Дмитрия Иоанновича (19.10.1582—15.05.1591), сына царя Иоанна IV Грозного и Марии Нагой. Почитание царевича Дмитрия началось в Смутное время. В 1606 состоялось перенесение его мошей из Спасо-Преображенского

Артель Федора Рожнова. Царевич Димитрий. Икона. Нач. XVIII в. Москва. Школа патриарших иконописцев. УМЗ

ДИОНИСИЙ ГЛУШИЦКИЙ, игумен († 1.06.1437), русский живописец, резчик по дереву, книгописец; один из лучших художников Святой Руси. Известными

собора Углича в Архангельский собор Московского Кремля. Прославление царевича в лике святых способствовало противостоянию православного народа иноземным завоевателям и сохраняло царственную династию от покушения на нее самозванцев. С этой целью художники показывали св. Димитрия новым московским чудотворцем, молитвенником за Русскую землю и избавителем Руси от Смуты. Как правило, святой представлен отроком или режее — юношей, с воздетыми в молении руками, в царских одеждах и венце, напоминающем по форме венцы св. имп. Константина и св. вел. кн. *Владимира*.

остались лишь сведения о его пустынночестве и трудах по созданию нескольких монашеских обителей. Родившийся в 1362 в вологодских землях, св. Дионисий начал иноческий подвиг в *Спасо-Каменном монастыре* на Кубенском озере, расположенном вблизи Вологды. Пробыв здесь девять лет, прп. Дионисий стал тяготиться многолюдностью обители и вместе со своим учеником удалился на другую сторону Кубенского озера, на место запустевшего древнего монастыря. Вскоре к прп. Дионисию стали стекаться иноки. Ростовским епископом св. Дионисий был рукоположен в священники для воссозданной обители. Но, стремясь к совершенному безмолвию, прп. Дионисий оставил настоятелем монастыря своего ученика Пахомия, а сам в 1412 удалился на р. Глушица. По откровению, бывшему ему во сне, он выбрал место для нового монастыря в честь *Покрова Пресвятой Богородицы (Глушицкий Покровский монастырь)*. Св. Дионисий обладал необычайной кротостью, смирением и любовью к нищим. Спустя восемь лет, в 1420, преподобный основал новую обитель — во имя *Иоанна Предтечи*, расположенную на той же реке (*Сосновецкий Дионисиево-Глушицкий монастырь*). Св. Дионисий был искусным иконописцем, некоторые из икон, созданных его рукой, дошли и до нашего времени. Дионисию приписывают иконы «Успение» и «Предтеча в пустыне», а также икону-портрет «Кирилл Белозерский» (1424). В Предтеченском монастыре св. Дионисий сам выкопал себе могилу за семь лет до кончины и завещал ученикам похоронить его в ней.

Память прп. Дионисию отмечается 1/14 июня.

ДИЧЬ, распространенный в России преимущественно среди горожан и социальной верхушки продукт питания. Почти нетронутые русские леса, болота и степи служили неисчерпаемым источником дичи, и охота с ружьем, силками и различного рода ловушками была чрезвычайно распространенным видом крестьянских промыслов в лесных губерниях (см.: Путик). В скольконибудь значительных помещичьих имениях кто-либо из дворовых назначался егерем (охотником) с обязанностью поставлять к барскому столу дичь, в крупные города многими миллионами штук свозились скупщиками замороженные глухари, тетерева, рябчики, куропатки, перепелки, утки, дупеля, вальдшнепы и т. д.; рябчик с моченой брусникой был довольно обычным явлением на столе сравнительно обеспеченных лиц.

Л. Б.

ДМИТРИЕВ ДЕНЬ (Родительский день, Дедовская неделя), народное название дня вч. Димитрия Солунского, 26 окт./8 нояб. Дмитриевская неделя считается родительской: повсеместно справляются поминки по усопшим родителям. Особенно почитается Дмитриевская суббота: по церковному месяцеслову в субботу перед днем св. Димитрия совершается поминовение всех усопших, что связано с победой на Куликовом поле Дмитрия Донского, положившего начало такому поминовению. День проводился торжественно: ходили на могилы, служили там панихиды, устраивали угощение. Чем щедрее угощение, тем лучше будет покойникам на том свете.

Перед Дмитриевым днем между 18/31 окт. и 26 окт./8 нояб. вся неделя называлась Родительской или Дедовской. В Дедовскую неделю за семейным столом поминали всех усопших, посещали могилы умерших, оставляя на могильных холмиках или примогильных столиках пищу для ушедших в иной мир. По поверью, души умерших в эти дни к своим родным

Прп. Дионисий Глушицкий. Икона. Кон. XVII в. Кирилло-Белозерский монастырь

Димитрий Солунский. Икона. XII в. ГТГ

местам собираются, на могилки свои пташками прилетают, поэтому положено было прикармливать птиц, что вокруг могилок порхают.

ДОБРО, одухотворенная любовь, любящая сила духа (И. Ильин), в понятии Руси божественная норма жиз-

В. Корольков. «Доброгост» — посланник богов и покровитель добрых вестей

ни, все то, что получает бытие от Бога, благо, что честно и полезно, все, чего требует от нас долг православного человека, гражданина, семьянина. «Добро делай, никого не бойся», «От добра худя не бывает», «За добро добром и платят», «В ком добра нет, в том и правды мало».

Добрый человек — прямой, простой, бесхитростный, нескрытный и доброжелательный.

«Не пропустите человека, не приветив его, и доброе слово ему молвите», — говорил Владимир Мономах. «Получив добро — помни, а сделав — забудь» («Мудрость мудрого Менандра»).

«Добро есть жизнь» (Н. Федоров). «Делай добро, будь благодарен за это... Сознание своей доброй жизни — достаточная за нее награда. Научись радости творить добро. Делай добро тайно и красней, когда про него узнают... Чтобы поверить в добро, надо начать делать добро» (Л. Толстой).

Для всякого коренного русского человека добро было не абстрактным понятием, а выражалось в конкретных добрых поступках, в движении к Богу, в *добротолубии*.

О. Платонов

ДОБРОДЕТЕЛЬ, в понятиях Руси направленность разума и воли человека к добру, внутреннее желание творить добро. В православном сознании обычно существуют семь основных добродетелей — *вера, надежда, любовь, мудрость, мужество, справедливость* и *воздержание*. Добродетель ведет к *спасению и блаженству*. Высшая добродетель — в полном самоотречении ради спасения ближних. «Не место может украсить добродетель, но добродетель место» («Пчела», XII—XIII вв.). «Беспорочность поставляет себе правилом не делать того другому, чего бы не пожелал себе. Добродетель распространяет это правило гораздо далее и велит делать то другим, чего бы пожелал себе» (Д. И. Фонвизин).

О. Платонов

ДОБРОТА, добродушие, доброжелательность, склонность к добру, как высшее качество православного человека. Доброта как деятельная способность делать добро — высшее совершенство человека. «Доброта украшает жизнь, разрешая все противоречия, запутанное делает ясным, трудное — легким, мрачное — радостным... Думай хорошо, и мысли созреют в добрые поступки» (Л. Толстой).

См. также: Добро, Добротолубие.

ДОБРОТОЛЮБИЕ, одно из основополагающих понятий русского мировоззрения. Основы добротолубия излагаются еще в «Изборнике» 1076. Его составитель Иоанн Грешный вопрошает: «Что есть воля Божия, что требует Небесный Царь от земных людей?» И отвечает: милостыни и добра. Благочестив не тот, кто проводит время в постах и молитвах, но кто добродетелен в жизни, творит благо ближнему, праведная вера обязывает прежде всего служить людям. Это и есть милостыня Богу, исполнение его просьбы. Это противопоставление обрядовой стороны Православия и его сущности несло в себе известный соблазн, бывший следствием языческого периода, когда те же самые идеи воплощались вне христианского обряда. Православие укрепило культ добротолубия, освятив и усилив лучшие черты русского народа.

В сборнике житейской мудрости «Пчела», одной из любимых книг русского человека с XII по XVIII век, идеи добротолубия занимают также главное место. Человек должен стремиться к совершению благих дел. Православный, не совершивший при жизни до-

А. Т. Михайлов. Акафист Богоматери. Икона 4: «Слышаша пастырие...». Икона (без полей). 1901 г. Москва. ГРМ

бра, умирает не только телом, но и душой. Пагубен не только грех, но и отсутствие добрых дел. Человек должен быть добродетельным и праведным, а не лукавым и злым, постоянно проводить границу между добром и злом, вытесняя зло, и таким образом он становится равным Богу (конечно, в моральном смысле).

На Руси православное христианство стало добротолубием, вобрав в себя все прежние народные взгляды на добро и зло и оптимистическую веру в добро. Соединив нравственную силу дохристианских народных воззрений с мощью христианства, русское Православие обрело невиданное нравственное могущество в сердцах и душах русских людей. Вера в Бога как в Добро и путь к Богу через Добро пронизывают русское национальное сознание, отражаясь, в частности, в сотнях народных пословиц и поговорок, посвященных теме добра: «Без добрых дел вера мертва пред Богом», «С Богом пойдешь — к добру путь найдешь», «Кто добро творит, тому Бог оплатит», «За добро Бог плательщик», «Кто добро творит, того Бог благословит», «Не хвались родителями, хвались добродетельми», «Богу — хвала, а добрым людям — честь и слава», «Не стоит город без святого, селение без праведника», «Добрым путем Бог правит», «Доброму Бог помогает», «Добротна деятеля любит Бог», «Добро добро покрывает», «Любящих и Бог любит», «Кто любит Бога, добра получает много».

Понятия добра и зла, что хорошо, что плохо, составляют жизненный кодекс русского человека. «Жизнь дана на добрые дела», — говорит он. «Живи так, чтоб ни от Бога греха, ни от людей стыда», «Доброе дело и в воде не тает», «Доброе дело крепко», «Доброе дело навек», «Доброму делу не кайся», «Добро не умрет, а зло пропадет», «Добрые умирают, да дела их не пропадают», «Все любят добро, да не всех любит оно», «Все хвалят добро, да не всех хвалит оно», «Добро наживай, а худо избывай», «Доброго держись, а от худого удались», «К добру гребись, а от худы отпихивайся», «Доброго не бегай, а худого не делай», «За добро постоим, а на зло настоим», «Молись, да злых дел берегись», «Кто зла отлучится, тот никого не боится», «Отыди от зла и сотвори благо», «Сей добро, посыпай добром, жни добро, одевай добром», «Кто доброе творит, того зло не вредит», «Дей добро и жди добра», «Нам добро, никому зло — то законное житье», «Нам добро — и всем таково — то законное житье», «Люблю того, кто не обидит никого».

На Руси существовал настоящий культ доброго человека. «В них вера крепка», — говорили о людях, делающих добро.

«Доброму везде добро», «Праведен муж весь день ликует», «За доброго человека сто рук», «Добрый человек надежнее каменного моста», «Добрый человек добру и учит», «Доброму человеку — что день, то и праздник», «Доброму человеку и чужая болезнь к сердцу», «Добрый скорее дело сделает, чем сердитый», «Добрый человек в добре проживет век», «Сам потерпи, а другого не обидь», «Лучше в обиде быть, нежели в обидчиках», «Лучше самому терпеть, чем других обижать», «Лучше мучиться, чем мучить», «С добрым жить хорошо», «С доброхотом всякому в охотку», «Доброму — добрая память», «Добрым путем Бог правит», «Доброму Бог помогает», «Добро Богу приятно, а Царю угодно», «Доброму ангелу небесные радуются», «Кто добро творит, тому Бог оплатит» (или «того Бог благословит»), «Кто добрых людей не слушает, тот Богу спорник», «Злой не верит, что есть добрые люди», «Тьма свету не любит — злой доброго не терпит», «Злому человеку не прибавит Бог веку», «Худо тому, кто добра не делает никому», «Кто за худым пойдет, тот добра не найдет», «За худом пойдешь — не добро найдешь».

Говоря о Православии как о добротолубии, мы были бы не правы, закрывая глаза на имевшее так же место формальное отношение к Православии через соблюдение внешней обрядовости. Эту струю на Русь несли византийские митрополиты и приезжавший с ними служилый аппарат, взращенный в атмос-

фере разложения Византийской империи с падением нравов и пренебрежением к человеческой личности. Култ добра, путь добротолубия как средство приближения к Богу был для этих пришельцев не вполне ясен. В их церковном служении преобладала внешняя обрядовость. Для русского человека этого было мало, и он стремился следовать не букве, а сути Православия, так созвучного его древним верованиям, даже усиливавшим его. Для пришельца такое живое понимание христианской жизни казалось языческой ересью, в которой они нередко обвиняли русский народ.

Добротолубие как моральное ядро Православия и Святой Руси в условиях сохранения пережитков язычества имело и отрицательную сторону. Она заключалась в соблазне отказа от литургической стороны Церкви и замене его чисто моральной стороной. Такой взгляд вел к подрыву Православия, так как истинной верой провозглашалось только моральное совершенствование, отрицались таинства и обрядовая сторона. На этой основе возникали разные еретические учения, напр. Феодосия Косого.

Однако это были крайние точки зрения, не получившие широкого распространения. Столбовая дорога русского Православия и Святой Руси прошла далеко от них. Для истинно православного добротолубие и труд были источником благочестия и средством приближения к Богу, но через Церковь, а не вне ее. **О. Платонов ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ**, русский былинный богатырь. Долгая придворная служба сделала отличительным его качеством «вежество», при дворе он то «стольничает», то «чашничает», то «пословничает». «Грамотой вострый», «на речах разумный», «с гостями почестливый», он в то же время искусный гуслир и даже играет в шашки-шахматы. В общем, различные варианты

былины о Добрыне говорят о следующих его подвигах: 1) Добрыня бьется на р. Пучае (т. е. Почайне) со *Змеем Горынычем*, освобождая после этого племянницу кн. Владимира, Запаву Путятичну (по другим вариантам, его сестру Марью Дивовну или дочь Марфиду). По объяснению исследователей, в данном эпизоде о Добрыне-змееборце отразилась деятельность исторического дяди Добрыни, Владимира, в деле распространения христианства. Здесь Добрыня сравнивается со змееборцами наших духовных стихов, Георгием и Феодором Тироном. 2) Поездка Добрыни в качестве свата кн. Владимира к королю Ляховицкому за дочерью последнего, королевичной Апраксой. 3) Битва с поленицей Настасьей Микуличной и женитьба на ней. 4) Расстройство свадьбы Настасьи Микуличны с *Алешей Поповичем*, замышленной кн. Владимиром во время долгого отсутствия Добрыни. 5) Обращение Добрыни волшебницей Мариной в тура «золотые рога».

С. Ю.

ДОБРЯНСКИЙ-САЧУРОВ Адольф Иванович (6.12.1817–6.03.1901), историк, этнограф, писатель, общественный деятель, лидер русского движения в Карпатах. Родился в с. Рудлево Земплинского округа Галиции. Из семьи священника. Окончил философский факультет Кошицкого университета (1833), философский (1834) и юридический (1836) факультеты Ягринского университета. Занимался юридической практикой, затем окончил Горно-лесную академию в Шавнице. В 1847 работал в Чехии, где познакомился с деятелями Славянского Возрождения. В 1848 во Львове встретился с Д. И. Зубрицким и А. С. Петрушевичем; участвовал в заседаниях «Головной русской рады». Неоднократно бывал в России. В 1849 был назначен окружным референтом и правителем канцелярии в Ужгороде, ввел в делопроизводство русский язык, занимался устройством земельных отношений крестьян, состоял депутатом сейма и др. В 1864 был назначен советником-докладчиком придворной канцелярии для Угрии в Вене, после ее упразднения в 1867 вышел в отставку. В 1867–70 руководил газетой «Свет», издававшейся «Обществом Святого Василия Великого». В 1869–81 жил в своем имении (с. Чертеж в Карпатах), оказывал помощь угорорусским, галицко-русским и словацким изданиям, занимался вопросами истории Церкви (в т. ч. автономии угорорусской Церкви). Всю свою жизнь Добрянский-Сачуров «отдал на борьбу против мадьяризации русских и славян Австро-Венгерской империи. Фанатичный поборник славянской идеи, он неоднократно ездил в Россию, был в дружбе с Хомяковым, Аксаковым и всеми славянофилами. В славянофильских кругах его встречали не только радушно, но и с почетом, а в Австро-Венгрии он был признанным главой славянства и самоё его имя было «символом объединения славянства», как вспоминал внук Добрянского-Сачурова И. Э. Грабарь. В статье «О западных границах Подкарпатской Руси с времен св. Владимира» (Львов, 1880; Журнал Министерства народного просвещения, 1880, ч. 208). Добрянский-Сачуров доказывал, что между реками Дунай и Вислок находятся русские селения с русскими церквями и русским населением (св. 90 тыс. жителей). Отстаивал справедливость высказывания Зубрицкого, что Древняя Русь простиралась до Кракова; стремился сориентировать малороссов, словаков и др. славянские народы на Россию. В 1881 переехал во Львов, был избран председателем общества «Русское Касино»,

В. Васнецов. Бой Добрыни Никитича с семиглавым Змеем Горынычем

объединявшего галицко-русских деятелей. В 1882 был арестован вместе с дочерью Ольгой Адольфовной (по мужу Грабарь), И. Г. Наумовичем и др. по обвинению в государственной измене, в заговоре с целью отторжения русских и славянских земель от Австрии и присоединения их к России («процесс Ольги Грабарь»). Процесс окончился оправданием Добрянского-Сачурова и его дочери, однако Добрянскому-Сачурову запрещалось пребывание в местах с русским и славянским населением. В 1882–87 в Вене были опубликованы труды Добрянского-Сачурова «О современном религиозно-политическом положении австро-угорской Руси», «Материалы для памятной записки галицких русских» и др.; значительная часть работ была написана Добрянским-Сачуровым в 1887–1901 в Инсбруке: «Взгляд... на вопрос об общеславянском языке», «В защиту истины», «Римско-немецкая империя Гогенцоллернов и греко-славяне», «Календарный вопрос в России и на Западе» и др. В связи с обострением в 1880-х вопроса о наименовании русских Галиции и Угрии народом «рутенским» и «русинским» (единственное число — «русин») Добрянский-Сачуров подробно анализировал этот этноним в работе «Наименование австро-угорских русских» (1885, на нем. яз.) и др.

Лит.: Аристов Ф. Ф. А. И. Добрянский-Сачуров. РА, 1913; ч. 3–5; его же. Карпато-русские писатели. М., 1916. Т. 1; Недзельский Е. А. И. Добрянский в его кн.: Очерк карпаторусской литературы. Ужгород, 1932; Грабарь И. Э. Моя жизнь. М., 1937.

Т. Ф. Аристова

Блев. кн. Довмонт. Фрагмент иконы. XVI в. Псков

ДОВМОНТ-ТИМОФЕЙ († 20.05.1299), благоверный князь, вошедший в русскую культуру как идеал воина и правителя. Князь Довмонт княжил в Нальшенайской земле под властью короля Миндовга. В 1263 он принял участие в заговоре против Миндовга. В ходе борьбы с его старшим сыном, королевичем Войшелком, Довмонт вынужденно покинул Литву и летом 1266 вместе с семьей и дружиной прибыл в Псков. Здесь он принял православное крещение с именем Тимофей.

ДОВНАР-ЗАПОЛЬСКИЙ Митрофан Викторович (02.06.1867–30.09.1934), историк, этнограф, фольклорист. Родился в г. Речица Минской губ. Из дворян.

В 80–90-х гг. XIX в. занимался преимущественно белорусской этнографией и историей. Сторонник ошибочной концепции образования белорусской народности в IX–XII вв. Собирает и издавал белорусский фольклор («Белорусское полесье», вып. 1, 1895).

Соч.: Чародейство в северо-западном крае в XVII–XVIII вв., историко-этнографический этюд//Этнографическое обозрение. 1890. № 2; Исследования и статьи. Т. 1. Киев, 1909.

ДОГОДА, славянское весеннее языческое божество ясной погоды.

ДОЖДЬ, в народном представлении стихия, которой управляют не только высшие добрые силы — Бог и его святые, но и представители мира зла — покойники и особенно висельники и утопленники, которые считались хозяевами и предводителями туч — небесных стад коров, быков и др.

Во время засухи жители Полесья оплакивали мифического утопленника Макарку, размешивая воду в колоде палками и голоса: «Макарко-сыночек, вылезь из воды, разлей слезы по святой земле!» Колодцы, источники и др. водоемы на земле, по народным представлениям, связаны с небесными водами как сообщающиеся сосуды, поэтому воздействие на земные воды вызывает «отворение» небесных вод. Во время засухи часто шли к источникам, колодцам и рекам, освящали воду и молились, вызывая дождь, обращаясь к святым, например: «Святой Гурий, Самвоний и Авил молит Бога за нас. Дождь, дождь, дождь!» (Черниговщина). Нередко ходили к заброшенным источникам, прочищали их, обливая друг друга водой, вызывая дождь. Совершались обходы села, полей, молебствия у колодца или реки. На Житомирщине был обычай для прекращения засухи ходить вокруг старого колодца: впереди шли три вдовы, одна несла икону, другая хлеб-соль, третья их сопровождала. Все брались за руки, молились, просили послать дождь. Колодец обходили трижды, в обряде участвовали только женщины. В Полесье часто в колодец сыпали мак, бросали деньги, соль, чеснок, освященные травы, зерна пшеницы и ржи, просфору и др., лили освященную воду, вычерпывали всю воду из колодца и т. п. Иногда в колодец бросали глиняные горшки, причем во многих селах Полесья считали, что горшок следовало украсть — у соседей, у инородцев, у гончаров. На Гомельщине говорили: «Вот как нет дождя, то украдем где-нибудь у евреев гладышку да в колодец — бух! И тоже, говорят, дождь пойдет». Более действенным этот способ оказывался тогда, когда обряд совершала вдова или когда горшок крали у вдовы. На Черниговщине похищали из печи горшок с борщом и бросали его в колодец. Мотив борща характерен и для широко распространенных детских песенок о дожде: «Дощику, дощику, зварю тобі борщику. Мени каша, тоби борщ, щоб ишов густиший дощ»; «Иди, иди, дощику, в полив'яным горщику». Иногда украденные горшки сначала разбивали, а затем черепки бросали в колодец.

В Полесье с целью вызвать дождь исполнялся ритуал похорон лягушки: во время засухи дети ловили лягушку, убивали ее, убивали ее в одежду из тряпочек, клали в коробок, голосили по ней, как по покойнице, и закапывали у криницы; на «могиле» чертили рукой крест. Вместо лягушки могли убивать какое-нибудь другое маленькое животное или насекомое — рака, ужа, медведку, вошь и т. п. Ужа и насекомых иногда подвешивали на дереве или заборе. Верили, что после этого пойдет дождь.

Еще более прямой магический смысл имели обрядовые обливания водой во время засухи. Люди обливали друг друга водой, говоря: «Как на тебя льется вода, так чтобы дождь обливал землю» (Житомирщина). Это делали у реки или у колодца. Иногда обливали лиц, которые, по народным представлениям, обладали особой магической силой: беременную женщину (символизирующую Мать Сыру Землю), пастуха (повелителя земного стада, способного воздействовать на небесные «стада» туч), попа (тот же символ пастуха-пастыря). В

Полесье обливали также углы хаты. Обливание могло носить и «искупительный» характер, его применяли тогда, когда причиной засухи считали нарушение определенных запретов. Так, на севере Житомирщины засуху объясняли тем, что какая-нибудь женщина в селе на *Благовещение*, вопреки строгому запрету, пекла хлеб. Тогда, чтобы искупить этот *грех* и снять наказание (засуху), три женщины собирались, брали каждая по два ведра воды, шли в дом к «виновнице», выливали всю воду посреди хаты и обливали снаружи углы дома, а кое-где обливали саму женщину. Искупительный характер носил и обряд поливания водой (или разрушения) могилы нечистого *заложного покойника*, если он, в нарушение запрета, похоронен на кладбище. Иногда такую могилу раскапывали, а труп бросали в реку. В Полесье похищали у кого-нибудь из соседей рушник с икон, замачивали его в воде и вешали на прежнее место (втайне от хозяйки). Помогала от засухи и марля, которой подвязывали челюсть покойнику: ее несли в поле, там жгли и просили: «Нам, Господи, пошли дождик!»

В Полесье и прилегающих районах Белоруссии и Великолукской для вызывания дождя совершали обряд «пахания реки»: во время засухи пахали или боронили высохшее русло реки или просто протаскивали по дну плуг. Символическое пахание могли производить и прямо на мелкой воде: в Суражском у. «выбирали красивую девочку в возрасте 15 лет, раздевали ее донага, увешивали ее венками и заставляли в таком виде бросить воду».

Поскольку засуха понималась как стихийное бедствие, для ее прекращения могли применяться общие защитные меры, помогавшие в случаях мора, болезни, пожара и т. п.: опаживание села или придорожного креста, обходы села и полей, изготовление обыденного полотна, рушника или установка обыденных крестов.

Еще одним способом вызывания дождя, носящим сугубо магический характер, было разрушение муравейника. Муравейник разгребали палкой, подобно тому как колотили воду в кринице; при этом расплывающиеся муравьи символизировали и магически вызывали капли дождя. Этот способ известен в Полесье.

Языческие способы вызывания дождя, особенно требы у колодцев, сурово осуждались Церковью.

Для остановки дождя совершали разнообразные «останавливающие» или «отвращающие» действия: выбрасывали во двор яйцо, выносили или выбрасывали во двор, под дом, на крышу хлебную лопату, *кочергу*, хлебную *дежу*, жгли в печи троицкую зелень, освященную *вербу* и т. п. Причиной непрекращающихся затяжных дождей считалось «осквернение воды».

Ист.: Толстая С. М. Дождь // Славянская мифология. М., 1995; Толстые Н. И. и С. М. Заметки по славянскому язычеству. 1. Вызывание дождя у колодца // Русский фольклор. Поэтика русского фольклора. М., 1981; 2. Вызывание дождя в Полесье // Славянский и балканский фольклор. М., 1978. **ДОЖИНКИ** — см.: УСПЕНЬЕВ ДЕНЬ, ПОМОЧИ. **ДОЗОРЫ (Степан)**, народное название дня прп. Стефана, Махрищевского чудотворца, 14/27 июля.

Для русских людей св. Стефан был образцом монашеской жизни. Московский вел. кн. Иоанн II, прослышав о добродетельной жизни и подвигах Стефана, пригласил его поселиться в селении Махрище близ Троице-Сергиевой лавры. Сначала Стефан жил в уединении, затем построил обитель. Он был строг к себе, но снисходителен к другим, кротко и тихо настав-

Прп. Стефан Махрищский с житием. Икона (без полей). XVII в. Из Троице-Стефановского Махрищского монастыря. Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник «Александрова Слобода».

лял братию. Его поддерживал кн. Дмитрий Донской. Прп. Стефан дожил до глубокой старости.

По народным приметам, в день св. Стефана погода была очень неустойчивой: то дождь, то ветер с вихрями, то жара палящая. Поэтому с этого дня устраивали в полях дозоры: назначали сторожей, которые по очереди следили за полем и в случае необходимости били тревогу — собирали людей тушить пожар, поднимать полегшую ниву или чинить прясла.

Существовало поверье, что полем правит полевой: он хозяин в поле, как *домовой* — в доме, *баннык* — в бане, *дворовой* — во дворе, *водяной* — в воде. Полевому надо не только кланяться перед началом жатвы, его еще и подкармливать следует. Вечером обязательно надо было оставить ему молоко в миске у первой зажинной бабки. Кашу оставляли у последней полосы, а последний пучок ржи не скашивали вовсе, оставляя полевому про запас на следующий год. Оставив ему последний сноп на корню — он на следующий год хороший зажинный сноп приготовит.

Н. Р.

ДОЛГ, в понятиях Руси твердая обязанность человека перед Богом, Царем, государством, обществом, семьей, родственниками, друзьями. Долг свой человек обязан исполнять не формально, а старательно и с любовью. Исполнить свой долг считалось делом *чести* и достоинства коренного русского человека. Нарушившего свой долг презирали.

Твердое сознание долга, считали русские люди, есть основа характера. Мудрость долга в том, чтобы наилучшим образом исполнить то дело, на которое человек поставлен жизнью. «У нас у всех, — писал

И. С. Тургенев, — есть один якорь, с которого, если сам не захочешь, никогда не сорвешься: чувство долга». «Свободные установления, — считал Ф. М. Достоевский, — тогда хороши, когда они у людей, себя уважающих, а стало быть, уважающих и долг свой, долг гражданина».

О. П.

ДОЛЯ, судьба человека, по верованию русского человека представление очень сложное, объединяющее разнородные ответы на вопрос, почему человек счастлив или нет. Объяснение различное: потому, что так ему прирождено, суждено, на роду написано, невесть откуда навеяно. По исследованию акад. *А. Н. Веселовского*, представление о доле прошло несколько стадий. Прежде всего доля врожденна, дается при рождении (род, мать-Рожаница). Образное представление *рожа-ниц* сообщило идее судьбы более свободное понимание. Являются рожаницы, демонические существа, которые дают человеку его долю, часть, участь, отмеривают талант, и этот акт понимается как приговор, который они изрекают (рок), как суд и ряд, судьба. От той доли, которую дают человеку эти существа, нельзя отделаться. Новым моментом в развитии идеи судьбы явился мотив, устранивший представление унаследованности и неотменяемости: момент случая, неожиданности, счастья или недоли, навеванных со стороны, невесть откуда (отсюда *сербск.*: *среча*, *намиера*). От такой доли можно отделаться, освободиться. Самое понятие судьбы расширяется. Долю можно изменить, добиться другой. Литературно-христианские течения внесли в представление о доле идеи прошлого и вменяемости. Личная доля каждого не случайна, а согласована с общим благом. Кроме того, доля может явиться заслуженной. В «Повести о Горе-Злочастье» молодцу суждена доля за непочтение к родителям. В связи с представлением о заслуженной доле стоят Дева-обида, Недоля-судьбина, кручина, нужда. В народном мировоззрении представление о доле является в конкретной форме: *Среча*, *Горе-Злочастье* — демоническое существо без определенной характеристики, напр. в повести о *Горе-Злочастье*. В русских песнях представление о доле характеризуется ощущением подавленности: образы ее преимущественно враждебного характера.

Доля в представлении малороссов является существом, имеющим самостоятельную жизнь. Жизнь эта продолжается и после смерти лица, которому доля принадлежала: так, доли *деда*, *бабки*, *свекра*, *свекрови*, мужа, жены, матери живут в их могилах и приходят после их смерти в их жилища; но есть рассказы, в которых доля умирает даже раньше того, кому принадлежит: однажды женщина по незнанию убила долю своего мужа, живущую в хате в виде *кошки*. После смерти доля может переходить в другое существо: в одной семье никто не имел при себе долю, а между тем семья жила счастливо; это вызвало удивление отца главы семьи, приехавшего к сыну в гости, так как он обладал способностью узнавать, есть ли у человека доля; найдя ее в образе принадлежавшей сыну *собаки*, от которой и вся семья жила счастливо, и желая отнять ее у сына, он заставил убить собаку, но вол лизнул собачьей крови, и доля перешла в него; убивают вола, но доля переходит во внука, попробовавшего мяса вола. По этому рассказу доля имеет признаки *души*, переселяющейся из одного существа в другое. Доля ведет материальную жизнь: ест и пьет, чувствует боль, работает, спит, подвержена порокам (пьянствует, ленится). Она — это прирожденная доля. В некоторых рассказах и песнях доля имеет характер

ангела-хранителя, руководящего ребенком еще с утробы матери, в других является двойником его души. У одного и того же человека бывает одна, две, три доли. Можно и самому вызвать себе на помощь долю кого-либо из своих умерших родственников — стоит только накрест перепрыгнуть могилу, и доля явится; но делать это рискованно, т. к. вместо доли можно вызвать недолю, приносящую несчастье. Чужие доли умерших родственников и по собственному желанию являются к родным. Доли дедов, бабок, свекров и свекровей обнаруживают свойства злобных и капризных существ, напоминающих отчасти *домового*. Они бывают довольны, когда, придя ночью в свою хату, находят любимые кушанья, а в противном случае сердятся и выражают свое неудовольствие даже побоями. Наоборот, доли умерших матери и жены всегда доброжелательны к детям и мужу и являются помогать им или предупредить о несчастье. Долю можно видеть только случайно или в известные дни, и то с соблюдением некоторых обрядов. Доля счастливого человека является в благопристойном, красивом виде, несчастного — грязной. Она может являться или в виде двойника человека, или в виде мужчины или женщины, молодой и старой, в виде различных животных или даже неодушевленных предметов. Остаток жертвоприношений доле виден в обычае оставлять после ужина, особенно под большие праздники, часть кушаний для доли, которая приходит есть ночью. Считается нужным вообще при еде оставлять немного на тарелке. Есть и остаток бывших при жертвоприношениях *гаданий*: под *Крещение*, по окончании ужина, все кладут свои *ложки* в *миску* от *кутьи*, а сверху — *кныш* или *хлеб*; ночью доля перевернет ложку того, кто в текущем году умрет.

С. Ю.

ДОМ (Крестыанский дом), место обитания семьи, как Малой Церкви. Во многих чертах домашней обстановки, в самом обыденном поведении и повседневных за-

Северная изба. Нач. XX в. ГИМ

К. Юон. В богатой крестьянской избе. Эскиз декорации к сказке-комедии С.Я. Маршака «Горя бояться — счастья не видать». 1954 г.

нениях четко проступает состояние *веры*, сохраняется память о Боге и осуществляется обращение к Нему.

«Новую избу всегда освящают», — утверждала в 1899 жительница Дулёвской вол. Жиздринского у. Калужской губ. Из Дорогобужского у. Смоленской губ. корреспондент писал в *Тенишевское этнографическое бюро* о том, что *иконы* у них есть во всех домах. И это не

было ни преувеличением, ни исключением в отношении других территорий. Весь комплекс источников — и ответы на программы обществ, и записки наблюдателей, и мемуары — все подтверждает эту информацию: иконы были буквально у всех.

Основной состав икон в доме повторялся по разным губерниям России: образа Спасителя, Божией

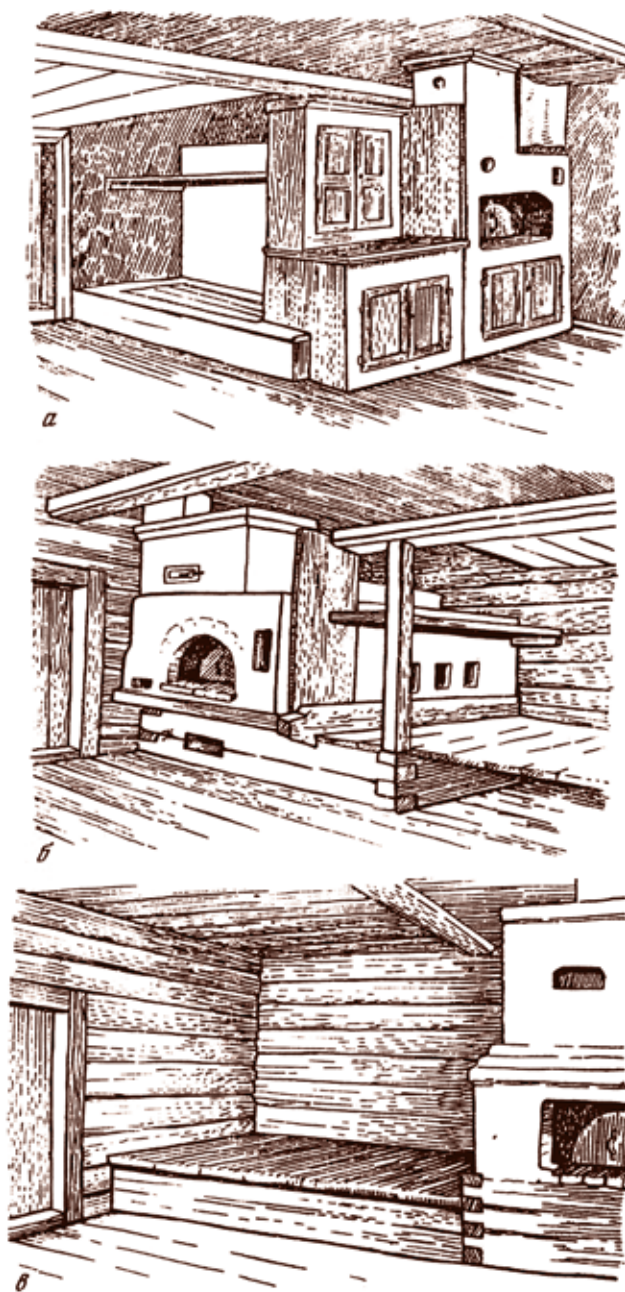
Дверь горницы дома А.А. Березина. Роспись С.Е. Кузнецова. 1898, д. Заречье, Вельский район Архангельской обл. ГРМ

И. Прянишников. Изба (внутренний вид). Холст, масло. 44х55. 1880-е гг.

К. Буддеус. Русская изба

Внутренний вид русского дома к. XIX — нач. XX вв.: а — изба северно-среднерусского плана; б — изба западнорусского плана; в — изба западно-южнорусского плана

Матери, свт. *Николая*, *Георгия Победоносца*, *Иоанна Крестителя*, *Иоанна Богослова* и *Иоанна Воина*, св. *Параскевы Пятницы*, апп. *Петра* и *Павла*, вмч. *Пантелеимона*, прор. *Ильи*, мч. *Власия*, свв. *Зосимы* и *Савватия* встречались чаще других. Они дополнялись обычно иконами святых, особо чтимых в данной местности: в Калужской губ. — образ прп. *Тихона Калужского*; в Воронежской — прпп. *Митрофания Воронежского* и *Тихона Задонского*; в Сибири — свт. *Иннокентия Иркутского* и др.

Добавлялись также иконы святых покровителей хозяина дома или членов семьи. Хозяева побогаче заказывали иногда образ, где изображались несколько святых, чьи имена носили члены семьи. Могла быть приобретена или передана по наследству икона святого, считавшегося покровителем основного занятия хозяина: свв. *Зосима* и *Савватий* — у пасечника,

св. *Власий* или св. *Модест* — у скотовода, свв. *Косма* и *Дамиан* — у кузнеца. И конечно же вмч. *Пантелеимон* — у многих болящих.

Размещались образы у всех на божнице (полочка для икон, иногда с поставцом-шкафчиком), в переднем (святом, *красном*) углу. У более обеспеченных крестьян и тех, кто сам владел мастерством, иконы помещали в киоты из липы, ольхи, березы. В некоторых избах в переднем углу, кроме икон, было множество лубочных картинок религиозного содержания: *Двенадцатые праздники*, *Сотворение мира*, *Распятие*, *Страшный суд*, *Житие* и *Страдания* вмч. *Пантелеимона* или др. святого. Здесь же мог висеть еще металлический или деревянный крест — поклонный. Как правило, даже бедные крестьяне имели лампы; обычно их зажигали на короткое время, а под большие праздники — на всю ночь.

Перед образами в доме молились. Иконами в доме благословляли при важных жизненных обстоятельствах. Т. А. Листова, специально исследовавшая православные традиции русской народной *свадьбы*, пишет: «По общерусской традиции для окончательного договора о свадьбе стороны собирались в доме у невесты. Названия этой встречи («заручины», «рукобитье», «запоины», «образование») отражали ее содержание. Обрядовая часть начиналась с того, что хозяева зажигали перед иконами свечи или лампадку. Кроме обязательного рукобитья, имевшего массу вариантов исполнения, и завершающей вечер совместной трапезы, согласие сторон всегда закреплялось совместной молитвой и целованием иконы, после чего следовало обычно благословение жениха и невесты их родителями иконой. С этого момента расстройство свадьбы было почти невозможно, а родители жениха и невесты иногда начинали называть себя сватами».

«Непременным ритуалом русской свадьбы» было также благословение жениха и невесты иконой родителями и крестными; сначала — порознь (каждого в своем доме), а потом обоих вместе — при отправлении к венцу. Невесту благословляли обычно образом Богородицы, а жениха — образом Спасителя, иногда — *Николая Угодника*. Обрядом благословения иконой очень дорожили.

Умиравший, прощаясь с близкими, благословлял детей иконой. Образом благословляли при отправлении в дальний путь, при уходе в солдаты, в монастырь, на учебу. Икону в доме снимали с *божницы* также для совершения обряда *побратимства* и для того, чтобы поклясться на ней в особо важном вопросе, когда требовалось надежное свидетельство. Но без самой крайней надобности старались к этому не прибегать.

Повседневные домашние *молитвы* были естественным, обычным делом русских крестьян — об этом свидетельствуют многочисленные источники — сообщения из разных мест. Утром сначала моются, потом — молятся; поминают их и вечером, отходя ко сну; кроме того, молятся перед едой и после еды; перед началом всякого дела крестятся и говорят — «Благослови, Господи, помоги мне, Господи», а после окончания — «Благодарю Тя, Господи». Так сообщалось в к. XIX в. о ежедневных молитвах крестьян одной из волостей Боровичского у. Новгородской губ.

Та же картина, только более лаконично обрисованная, в Череповецком у.: дома молятся утром, когда встают; каждый раз, садясь за стол; вечером, когда ложатся спать. И в Белозерском у.: в каждой семье и

всеми членами ее совершается молитва перед иконами утром, вечером, до и после обеда; молится каждый отдельно. Сходны краткие костромское и калужское (Тарусский у.) известия: молятся каждое утро и вечер. А корреспондент из Лихвинского у. Калужской губ. (с. Берёзово) подчеркнул: домашние молитвы утром и вечером, а также перед едою считаются обязательными. Всеобщий и обязательный характер личных домашних молитв — утром, перед обедом, перед ужином и перед сном — выступает из Смоленского (Дорогобужский у.) и других сообщений.

В ответе из Тульской губ. отмечены земные поклоны, которыми сопровождают обычно утренние молитвы в переднем углу перед образами. Относительно «наиболее религиозных стариков и старух» Пошехонского у. подчеркнут отсчет совершаемых поклонов по лестовкам и четкам. Лестовка — ремень со множеством повязанных на нем мелких ремешков или узелков разной величины. Одни узелки соответствовали поясным поклонам, другие — земным. Четки, подвижные шарики которых заменяли ремешки и узелки лестовок, делались из дерева, кости или кожи.

Иные корреспонденты, отвечавшие на программы научных обществ, останавливались подробнее на особенностях молитв отдельных членов семей и на сезонных отличиях домашних молений крестьян. Из Владимирской губ. (с. Семеновское) диакон писал в Тенишевское этнографическое бюро: зимой первую в доме встает стряпуха, не торопясь умоется, истово помолится; в утренней тишине слышится, как она молит Господа за живых и умерших родственников. Затем она начинает хозяйничать у печки, а тем временем понемногу поднимаются хозяин и все семейные (кроме малолетних, которых никто не будит). «Не спеша, не так, как летом, умываются, молятся Богу и отправляются убирать скотину».

Учительница М. Михеева из д. Талызина (Тальцинская вол. Орловского у. одноименной губернии) писала: «Летом крестьяне молятся только вечером по окончании всех дел и то очень мало». Летом некоторые выходят для молитвы из избы и обращаются в ту сторону, где стоит храм, или на восток. Старухи большей частью молятся между хозяйственными делами, потом заканчивают в избе. «Многие старухи еще поднимаются в полночь Богу молиться»; считают, что такая молитва особенно угодна Господу и имеет особую силу прогонять нечисть. Под большие праздники и летом молились почти до самой зари.

«Зимой же совсем другой порядок: бабы как только встают рано утром, прежде всего спешат помолиться Богу и положить несколько поклонов». При этом стараются молиться так, чтобы их никто не видел. Старики зимой во дворе не молятся, а выжидают, когда дети заснут и в избе наступит тишина. Сами объясняют это тем, что так делали Святые Угодники. Детей заставляли молиться утром и вечером каждый день. «В самые лютые морозы старики молятся на печи, стоя на коленях; дети тоже с ними».

Относительно чтения молитв вслух сведения расходятся. По-видимому, эта особенность не была всеобщей. Так, наблюдатель из Дорогобужского у. замечал, что вслух читают все молитвы, какие знают, только в праздник, когда молятся все вместе, если не смогли пойти в церковь. Такие общие всей семьей молитвы были существеннейшей чертой русского православного дома, как Малой Церкви. Молитвы читал обычно

Знай себе указывай в своем доме. Народная картинка из альбома Д. А. Ровинского

домохозяин, стоя перед иконами, а остальные члены семьи повторяли их шепотом, стоя на коленях. Никто не смел встать с колен или тем более выйти из избы, хотя это могло продолжаться более часа.

Общее чтение молитв по большим праздникам, вынужденно заменявшее выход в церковь, происходило и летом, и зимой. Могло оно быть и накануне праздника и сочетаться с чтением вслух Евангелия. На Орловщине хозяин «под праздник, прежде вымывшись, сядет за стол, прочитает Евангелие вслух, а после ужина помолится усердно Богу, предварительно зажгут лампадку и свечи перед каждой иконой. В это время и бабы становятся на колени и детям приказывают молиться усерднее».

«Если крестьянин, по отдаленности своего места жительства», — писал Т. Успенский в 1859 о Шадринском у. Пермской губ., — «в праздник не может быть в церкви, то он непременно в часы богослужения молится дома, зажегши свечу пред иконами». В Петропавловском у. Тобольской губ. (1848), где иные деревни находились в 25—30, а то и 40 верстах от церкви, многие в праздничный день утром молились дома с полчаса или час при зажженной свече.

Вся семья молилась вместе в своем доме также по особым случаям. К таковым относилось прощанье перед отъездом в дальнюю дорогу. Если отъезжали отец или мать, то после общей молитвы они благословляли детей — крестили каждого по три раза. Общая молитва в избе предшествовала также выездам в поле для пахоты и сева. «Весною, когда намерены начать в поле пахать или сеять, крестьяне, готовясь к отъезду, собираются в избу, ставят на стол хлеб, соль и похрестники (кресты из теста, сбереженные с крестопоклонного дня), а зажиточные вместо последних иногда просвиры (испеченные на Благовещенский день), и тут молятся Богу, кладя земные поклоны; потом, взявши с собою со

Вечер в крестьянской избе. 1830-е. П. Вдовичев. Литография

Домашние крестьянские занятия. 1830-е. П. Вдовичев. Литография

стола хлеб, соль и кресты или просвиры, отправляются в поле» (с. Нижне-Покровское Бирюченского у. Воронежской губ.). Подобные описания, с небольшими отличиями, сохранились и по другим территориям.

Общими были молитвы перед торжественными — праздничными и поминальными — трапезами, а также после них. В этих молитвах участвовали все присутствовавшие. Местами на поминках было принято молиться перед каждым кушаньем и желать покойнику Царства Небесного.

Во время близкой грозы, града, ураганного ветра вся семья становилась перед иконами на общую домашнюю молитву. Подростков заставляли молиться, если они сами не проявляли к этому интереса. При этом зажигали те свечи, с которыми стояли в церкви в Великий Пяток, Великую Субботу или на Пасху (это считалось лучшим средством от пожара, вызываемого молнией).

Рождение и крещение ребенка, стовор и свадьба, тяжкая болезнь, предсмертное состояние и смерть — все это давало основания для совместного обращения к Богу. Религиозное сознание подсказывало необходимость общесемейных духовных усилий, когда над всем домом или над отдельным членом семьи нависала какая-либо опасность.

Отношение к жилому дому, как к Малой Церкви, особенно четко выступает в произнесении молитвы и осенении себя *крестным знаменем* при входе в дом — свой и чужой. Об этом встречаем многочисленные упоминания.

Молитвенному настроению в доме способствовало хранение и чтение Евангелия и некоторой другой духовной литературы. В Череповецком, напр., уезде, по мнению информатора Васильева, из книг больше всего были распространены (1899) Псалтирь, Евангелие, Жития Святых, Святцы (церковные календари) и молитвенники (молитвословы). В некоторых домах можно было увидеть и Библию. Все эти книги «перечитываются по нескольку раз»; их берегут и редко дают кому-либо читать вне дома. Из Галичского у. Костромской губ. также сообщали, что в избах много Житий Святых, Истории Ветхого и Нового Завета. А в Меленковском у. Владимирской губ., по мнению П. Каманина (с. Домнино, 1898), в каждом доме были Евангелие, Псалтирь и Библия. Из Орловского у. Орловской губ. писали: крестьяне имеют Евангелие и Псалтири.

По представлениям русских православных людей, все поведение в доме должно было быть благочестивым и благообразным (см.: Трапеза). Реальность вносила свои плачевные коррективы в это общее воззрение, и в разных семьях степень приближения к идеалу была

различной. Но существовали твердые основания благообразного поведения в доме, которые сохранялись в подавляющем большинстве семей.

М. Громыко
ДОМАШНИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ В XVI–XVII вв., по древнему обычаю русские люди, как простые, так и знатные, вставали рано: летом с восходом солнца, осенью и зимой — за несколько часов до света. Счет часов велся по византийскому времени: сутки делились на дневные и ночные часы; час солнечного восхода был первым часом дня; час заката — первым часом ночи. При таком времяисчислении количество дневных и ночных часов на самом деле могло быть одинаково и равно только во время равноденствия, а потому это время и принималось за норму: из 24 суточных часов 12 относили к дню, а другие 12 — к ночи; несмотря на то, что на самом деле во время летнего солнцестояния число дневных, а во время зимнего — число ночных часов доходило до 17. Седьмой час утра по старому русскому часоисчислению был первым часом дня; седьмой час вечера — первым часом ночи. Исчисление это находилось в связи с восточным богослужением: на исходе ночи отправлялась заутреня; богослужебные часы: первый, третий, шестой и девятый знаменовали равноименные дневные часы, а вечерня — окончание дня. Русские согласовали свой домашний образ жизни с богослужебным порядком и в этом отношении делали его похожим на монашеский. Разумеется, что такой

Праздничный городской наряд жительниц северных губерний в 1-й пол. XIX в.

Костюм новобрачной города Галича-Костромского. 1-я пол. XIX в.

порядок мог иметь место только там, где спокойная и обеспеченная жизнь на одном месте позволяла располагать *временем* по произволу.

Вставая от сна, русский тотчас искал глазами образ, чтобы перекреститься и взглянуть на него; сделать *крестное знамение* считалось приличнее, смотря на образ; в дороге, когда русский ночевал в поле, он, вставая от сна, крестился, обращаясь на восток (см.: Восток — Запад). Тотчас, если нужно было, после оставления постели надевалось белье и начиналось умывание; зажиточные люди мылись мылом и розовой водой. После омовений и умываний одевались и приступали к молению.

Если день был праздничный, тогда шли к заутрене, и благочестие требовало, чтобы встать еще ранее и прийти в церковь со звоном еще до начала служения заутрени. Если же день был простой или почему-нибудь нельзя было выходить, хозяин совершал должное богослужение по книге, когда был грамотным.

Обрядовый костюм старообрядки. 1-я пол. XIX в.

Покосная женская рубаха с красной воротушкой и клетчатой подставой. Кон. XIX — нач. XX в.

В комнате, предназначенной для моления, — крестовой или, если ее не было в доме, то в той, где стояло побольше образов, собиралась вся семья и прислуга; зажигались лампы и свечи; курили ладаном. Хозяин как домовладыка читал пред всеми вслух утренние молитвы; иногда читались т. о. заутрени и часы, смотря по степени досуга, умения и благочестия; умевшие петь пели. У знатных особ, у которых были свои домашние церкви и домовые священнослужители, семья сходилась в церковь, где молитвы, заутреню и часы служил священник, а пел дьячок, смотревший за церковью или часовней, и после утреннего богослужения священник кропил святой водой.

Окончив молитвословие, гасили свечи, задерживали пелены на образах и все расходились к домашним занятиям. Там, где муж жену допускал к управлению домом, хозяйка держала с хозяином совет, что делать в

Праздничный костюм молодой женщины из села Никольского Воронежской губернии. Нач. XX в.

предстоящий день, заказывала кушанье и задавала на целый день уроки в работах служанкам. В таких домах на хозяйке лежало много обязанностей. Она должна была трудиться и показывать собой пример служанкам, раньше всех вставать и других будить, позже всех ложиться: если служанка будит госпожу, это считалось не в похвалу госпоже. При такой деятельной жене муж ни о чем не заботился по домашнему хозяйству; жена должна была знать всякое дело лучше тех, которые работали по ее приказанию: и кушанье сварить, и кисель поставить, и белье выстирать, и выполоскать, и высушить, и *скатерти*, и полавочки постлать, и таким своим умением внушала к себе уважение. Но не у всех жен уделом была такая деятельная жизнь; большей ча-

Костюм молодой крестьянки из села Ветчаны (район Куриш) Касимовского уезда Рязанской губернии. Кон. XIX – нач. XX в.

стью жены знатных и богатых людей по воле мужей не вмешивались в хозяйство; всем заведовали дворецкий и *ключник*. Такого рода хозяйки после утреннего моления отправлялись в свои покои и садились за шитье и вышивание золотом и шелками со своими прислужницами; даже кушанье к обеду заказывал сам хозяин ключнику. Ключник не всегда спрашивал об этом хозяина, а знал наперед, что следует готовить по годовой росписи; обыкновенно в таком случае ключник получал от хозяина деньги на известный срок и по истечении срока отдавал отчет. В утреннее время считалось нужным обойти службы. Хозяин навещал конюшню, ходил по стойлам, смотрел: постелена ли под ногами лошадей солома, заложен ли им корм, приказывал перед своими глазами давать лучшим лошадям овса, а страдным (т. е. рабочим) овсяной муки или невейницы, приказывал проводить лошадей перед собой к желобам, устроенным вблизи конюшни для водопооя; потом заходил в хлевы: коровий, свиной, птичий, приказывал скотникам пригнать несколько отборных штук скота, кормил их из своих рук и посыпал зерно курам и гусям, потому что когда сам хозяин из своих рук кормит их, их плодородие умножается. Иногда, воротившись после такого обхода, хозяин призывал дворецкого, заведовавшего всеми кладовыми и надворными строениями, и слушал его доклады; когда

нужно было, то осматривал с ним что-нибудь, давал распоряжения к домашним работам, разбирал дела между слугами. После всех домашних распоряжений хозяин приступал к своим обычным занятиям: купец отправлялся в лавку, ремесленник брался за свое ремесло, приказные люди наполняли приказы и приказные избы, а бояре в Москве стекались к царю и занимались делами. Приступая к началу дневного занятия, будь то служба в приказе или черная работа, русский считал необходимым вымыть руки, сделать перед образом 3 крестных знамения с земными поклонами, а если предстоит случай или возможность, принять благословение священника.

В 10 часов по современной хронологии (в шестом часу дня по византийскому времени) служились обедни. Как было принято с глубокой древности, цари в сопровождении бояр и думных людей каждый день ходили в церковь. Так же поступали и другие русские люди. При первой возможности они ходили к обедне и в будни, особенно по пятницам и субботам; всякий же церковный праздник толпа народа наполняла храмы, но текущие дела, однако, не останавливались.

В полдень наступало время обеда. Холостые лавочники, парни из простонародья, приезжие в городах и посадах наполняли харчевни; семейные садились за стол дома или у приятелей в гостях. Цари и знатные люди, живя в особых покоях в своих дворах, обедали отдельно от прочих членов семьи: жены с детьми трапезовали особо; но незнатные дворяне, дети боярские, посадские и крестьяне — хозяева оседлые ели вместе с женами и с прочими членами семьи; иногда семейные члены, составлявшие со своими семьями одно семейство с хозяином, обедали от него и особо; во время же званых обедов женщины никогда не обедали там, где сидел хозяин с гостями. *Стол* накрывался скатертью, но не всегда это соблюдалось: очень часто люди незнатные обедали без скатерти и ставили на голый стол *соль*, уксус, перец и клали ломтями *хлеб*. Двое домашних служебных чинов заведовали порядком обеда в зажиточном доме: ключник и дворецкий. Ключник находился в поварне при отпуске кушаний, дворецкий — при столе и при поставке с посудой, стоявшем всегда против стола в столовой. Несколько слуг носили кушанья из поварни; ключник и дворецкий, принимая их, разрезали на куски, отведывали и тогда уже отдавали слугам ставить перед хозяином и сидевшими за столом.

В обычном царском быту кушанье прежде всего отведывал повар в присутствии дворецкого, который являлся за каждой переменной с толпой жильцов; сдав кушанье жильцам, дворецкий шел впереди их в столовую и передавал кравчему, который также отведывал и ставил перед царем. Обыкновенно кушанье подавали разрезанное на тонкие куски, так что можно было взять их в руки и понести в рот; от этого тарелки, поставленные в начале обеда перед обедавшими, не переменялись, потому что каждый брал руками со стоявшего перед гостями *блюда* куски и клал в рот, касавшись своей тарелки только тогда, когда случалось бросать на нее обгрызенную кость. Жидкое кушанье иногда подавалось на двоих или на троих человек в одной *миске*, и все ели из нее своими *ложками*.

Перед едой пили *водку* и закусывали хлебом, потом подавали в скоромные дни холодные кушанья, состоящие из вареного мяса с разными приправами, потом ели горячие, потом жареные, а далее разные взвары,

за ними молочные кушанья, печенья и, наконец, овощные сласти. В постные дни тем же порядком подавали холодную рыбу или капусту, потом жидкие кушанья, далее жареную рыбу, взвары и, наконец, овощи. На званых обедах было иногда до 40 и до 50 перемени. Слуги, подававшие кушанья, назывались стряпчими.

После обеда хозяин пересматривал посуду и, находя все в порядке, хвалил дворецкого и стряпчих, потчевал их хмельным, делал подарки, и вся прислуга обыкновенно обедала после господского стола.

После обычного обеда ложились отдыхать. Это был принятый всеми обычай. После обеда спали и цари, и бояре, и купцы; простой народ отдыхал на улицах. Не спать или по крайней мере не отдыхать после обеда считалось в некотором смысле ересью, как всякое отступление от обычаев предков. Известно, что в числе подозрений, обличавших в Самозванце нецарское происхождение и уклонение к латинской вере, было и то, что он не спал после обеда. Этот отдых был тем необходимым, что обыкновенно русские люди вставали очень рано и любили очень плотно покушать.

Пробудившись от послеобеденного сна, русские опять принимались за обычные занятия. Цари ходили к вечерне, а часов с шести вечера по современной хронологии предавались забавам и беседам. Смотри по важности дела, иногда бояре собирались во дворец и вечером, работали там около трех часов. В приказах собирались по вечерам. В 1669 было указано, чтобы приказные люди сидели с первого до восьмого часа ночи, т. е. это было зимой, то, вероятно, до десяти часов по современной хронологии, считая первым часом ночи не седьмой час суточного деления, сообразно восточно-византийскому исчислению, а четвертый, когда ночь действительно наступала в Москве. Вечер в домашнем быту был временем развлечений; зимой собирались друг к другу родные и приятели в домах, а летом в палатках, которые разбивались перед домами. Русские всегда ужинали, а после ужина благочестивый хозяин отправлял вечернее моление. Снова затепливались лампы, зажигались свечи перед иконами; домашние и прислуга собирались на моление. После такого молитвословия считалось уже непозволительным есть и пить; все скоро ложились спать. Зажиточные супруги всегда имели отдельные спальни с той целью, чтобы не спать вместе в ночи перед церковными праздниками, воскресеньями, средами и пятницами и в посты. В эти ночи благочестивые люди вставали и тайно молились перед образами в спальнях; ночная молитва считалась приятнее Богу, чем дневная: «Тогда бо нощию ум ти есть легче к Богу и могут ты убо на покаяние обратити ношныя молитвы паче твоих дневных молеб... и паче дневных молеб приклонит ухо свое Господь в ношныя молитвы». Некоторые старинные духовные поучения не запрещали супругам спать вместе в *Петровский* и *Рождественский посты*. «А в Петрово говенье и в Филиппово невозбранно мужем с своими женами совокуплятися, развее блюсти среду, пяток и субботу и неделю и Господских праздников». На Святой неделе цари обыкновенно спали отдельно от цариц, и когда царю угодно было спать вместе с царицей, то последней давалось об этом знать заранее и назначалось: или приходил к царю, или царя к себе ожидать, а на другой день оба ходили в баню. Этот обычай соблюдали и другие супружеские пары. После ночи, проведенной супругами вместе, было принято ходить в баню прежде, чем подойти к иконе. Набожные люди почитали

себя недостойными, даже и омывшись, на другой день вступить в церковь и стояли перед дверьми храма, хотя и подвергались двусмысленным взглядам, а иногда и замечаниям молодых людей, которые догадывались, что это значило.

Русские ходили в баню очень часто; она была первой потребностью в домашней жизни как для чистоплотности, так и для наслаждения. Почти в каждом зажиточном доме была своя баня; кроме того, для простонародья и для приезжих всегда по городам существовали общественные, или царские, бани, где за вход платили деньги, составлявшие во всем государстве отрасль царских доходов. Бани топились каждую неделю 1, а иногда и 2 раза. В летнюю жару запрещалось их топить из-за опасения пожаров, с некоторыми исключениями для больных и родильниц, по воле воевод. Тогда-то особенно наполнялись царские бани; запрещение топить собственные бани касалось более посадских и крестьян; люди высшего сословия пользовались исключением.

Обычно ходили в баню после обеда, не страшась от этого вредных последствий. Жар был нестерпимый. На скамьях и полках постилалось сено, которое покрывали полотном. Посетитель ложился на него и приказывал себя бить до усталости, потом выбегал на воздух и бросался летом в озеро или реку, возле которых обыкновенно строились бани, а зимой катался по снегу или обливался холодной водой на морозе. Всегда тот, кто ходил в баню, парился: это было всеобщим обычаем. В общественных банях было 2 отделения, мужское и женское; они отделялись одно от другого перегородками, но вход и в то, и в другое был один; и мужчины, и женщины, входя и выходя в одну дверь, встречались друг с другом нагишом, закрывались *венниками* и без особого смущения разговаривали между собой, а иногда разом выбегали из бани и вместе катались по снегу.

Ист.: Костомаров Н. И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. М., 1993.

ДОМНА (Василиса, Дорофей), народное название дня св. мч. Анфима, епископа Никомедийского, и с ним др. мучеников, в т. ч. Дорофей и дева Домна, 3/16 сент.

В этот день отмечали именины Домны, которая являлась олицетворением домашнего порядка. На то она и Домна, что дом держит, мир и спокойствие от нее зависят. В этот день в доме наводили порядок, сжигали на огороде вышедшие из употребления и старые вещи. Дом прибирали празднично и нарядно, постилали свежие половики. В др. местах, наоборот, на Домну надо было тащить в дом всякую рухлядь, чтобы осень прошла благополучно. Особенно почитались старые *лапти*, считавшиеся верным средством от *сглаза*.

С именем Дорофея связывали погодные приметы: какая погода в этот день — таков и урожай Дорофей даст. Поэтому Дорофею молились, чтобы погода была теплая и ясная, а зерно крупное.

На Домну русские вспоминали еще одну святую мученицу — Василису, история которой особенно трогала женские сердца. Мц. Василисе было 9 лет, когда ей пришлось пострадать за Христа. Ее безуспешно пытались отговорить от Христовой веры, а потом подвергли истязаниям. Сначала ее секли розгами, затем повесили вниз головой, разожгли солому с серой, чтобы она задохнулась, но Василиса осталась жива. Когда ее посадили в разожженную печь, она сотворила *крестное знамение* и вышла оттуда невредимой. Тогда ее бросили к

голодным львам, но звери не тронули ее. Видя все это, правитель города бросился к ее ногам, стал просить прощения и принял крещение. После этого Василиса тихо скончалась в молитве.

И. Б. ДОМОВИЩЕ (домовина), старинное название гроба, воспринимавшееся русскими людьми как дом вечности.

ДОМОВОДСТВО В XVI–XVII вв., управление домашним хозяйством в России основывалось на учении «Домостроя» — науки вести хозяйство на духовно-нравственных началах для обеспечения достатка и изобилия в условиях независимости от внешней среды. Каждое домашнее хозяйство стремилось сделать все необходимое руками своих членов. В каждой усадьбе или *дворе* производились все работы, необходимые для домашнего обихода; там ткали холсты, шили белье, сапоги, платье, делали мебель и всякую деревянную утварь, вышивали золотом и шелками. Все, что невозможно было сделать самим, обычно покупалось оптом. Рулоны материй и сукон копились в городских *сундуках*, т. е. их хватало на много лет, на целую жизнь и передавалось детям. У хорошего хозяина всегда был большой запас разных продуктов: *хлеба*, соленого мяса, рыбы, сухарей, толокна, ветчины и пр. Хозяйственный человек не только ничего не покупал в розницу, но иногда еще и продавал из остатков. Только нуждающиеся люди питались с рынка и платили в 3 раза дороже, чем зажиточные, покупавшие все нужное оптом.

Когда у хозяина рождалась дочь, он для нее делал особый сундучок или короб и откладывал туда каждый год всякого рода имущество в счет будущего приданого, и в то же время выращивали на ее долю скотину: все вместе это называлось ее наделком. В случае ее смерти до замужества наделок обращался на поминание души усопшей. Т. о., с самого рождения члена семейства готовили ему запас на жизнь.

Ворота дома были заперты и днем, и ночью, и проходящий должен был, по обычаю того времени, постучаться слегка и проговорить: «Господи Иисусе Христе, помилуй нас!» и потом дожидаться, пока ему скажут: «Аминь». По нравственным понятиям того времени честный человек должен был стараться, чтобы никто не слышал и не видал, что у него делается во дворе, и сам не пытался узнавать, как живут в чужих дворах. Все в доме и кладовых хранилось под замками. Много было известно только одному хозяину, как, напр., деньги, которые почитались драгоценнее вещей; так что многие держали их не иначе, как зарытыми в землю, а иные отдавали на сохранение в монастыри, что называлось поклажей. Большие масштабы домашнего хозяйства и разобщение домашней жизни от внешней совпадали с обычаем держать во дворах большое население. Старинная неделимость семей соединяла иногда несколько боковых родственных линий около одного родственника или старейшины. То были дети, братья, племянники хозяина и даже более дальние его родственники, жившие с ними не в разделе, смотря по обстоятельствам и желанию. По смерти хозяина члены или соглашались продолжать жить вместе, или старший дядя их отдавал ту часть, какая следовала членам многочисленного семейства; тогда отделялись другие семьи и образовывали новые дворы. В некоторых местах России этот обычай наблюдался в большем размере и строже в своем основании, в других — слабее, так что наследники спешили делиться и основывать новые

семьи. В новгородских областях дети обычно делились отцовским имуществом, но оставляли одну часть, общую для всех. Обычай жить вместе с родственниками наблюдался более или менее у всех сословий, менее у знатных людей, имевших способы делиться скорее. У иных родственники, жившие при дворе, входили в уровень с прислугой. Так, напр., один гость в 1696, нанимая сторожа, заключал с ним условие, что он будет есть и пить с хозяйскими братьями. У крестьян и у посадских этот обычай соблюдался при значительном разветвлении рода; тогда, когда связь между родственниками делалась уже слабой, они расходились, а иногда те, которые беднели и попадали в зависимость к главным хозяевам, опускались на степень «подсоседников», приписанных к семье, но не составляли ее прямых членов. Дух общинности, свойственный русскому нраву, не ограничивал связи одним родством, но соединял людей, не имевших между собой кровных связей. Так, были примеры, что несколько человек соглашались и покупали один двор, совершив купчую на общее имя, и двор принадлежал не одному лицу, а всем вместе. Кроме родственников, при дворе знатного господина, имевшего у себя домашнюю церковь, жил священник и был вместе с тем как бы членом семьи. Если он был женат и имел детей, то жил в особой избе и получал месячный корм, а если был монах или вдовец, то обедал вместе с хозяином. Сверх священника жил в таких дворах крестовый дьяк домашней церкви, заведовавший ее устройством. Наконец, в некоторых зажиточных домах жили сироты, мальчики и девочки, которых благочестивые отцы семейств воспитывали и обучали какому-нибудь занятию, а по достижении совершеннолетия отпускали, что называлось благословлять в мир.

Все это вместе уясняет систему построек старинных дворов, заключавших в себе по несколько изб. Но то, что составляло общее достояние сколько-нибудь зажиточного человека, — это множество слуг при дворе. Богатые и знатные держали у себя огромное число прислуги мужского и женского пола, иногда число их превышало 500, а у важных лиц доходило даже до 1000. Господа измеряли честь и значение свое огромным количеством дворни. Это были или вечные проданные холопы, или сами себя с потомством продавшие в рабство, или военнопленные, или кабальные, т. е. такие, которые, занимая деньги, обязывались служить вместо платежа процентов, или отданные в кабалу по суду за неплатеж долга, или беглые люди, или служилые и, наконец, чужие холопы и крестьяне, перебежавшие от одного господина к другому.

Всякий хозяин старался населить свой двор преимущественно мастеровыми и умелыми людьми. По их занятиям и знаниям давались им должности. То были повара, хлебники, квасовары, портные, столяры, сапожники, кузнецы, коновалы, швеи, сторожа и прочие. У знатных господ были люди, вооруженные луками, стрелами и сапопалами, в белых и серых епанчах, в татарских шапках; они исполняли должность телохранителей. Кроме деловых людей, было еще много слуг, которые не имели определенных занятий. Обыкновенно двое из слуг были главноначальствующими лицами: ключник и дворецкий. Ключник был главный распорядитель, иногда значивший у хозяина больше, чем жена и родня, жившая во дворе. Не занимаясь хозяйством, хозяин отдавал ключнику в руки все домоуправление. Он был приходорасходчик, заведовал кле-

тиями и всеми строениями, держал у себя доверенные ему ключи и от этого получил наименование своего звания. Хозяин выдавал ему содержание иногда за неделю, а иногда за месяц вперед. По окончании срока хозяин проверял его, при проверке вычитал то, что ему следовало на пропитание, и сверх того дарил за службу. Другое начальственное лицо из двора — дворецкий, заведовал всеми дворовыми людьми, доносил обо всем случившемся во дворе, разбирает разные случаи спора между слугами, наказывал их по приказанию хозяина. Некоторые из слуг приобретали особую доверенность и благосклонность хозяина: уверившись, что на них можно положиться, он отправлял своих холопов для управления вотчинами, делал им поручения по торговле или по хозяйству. Прислуга женского пола находилась под управлением хозяйки, если муж доверял ей; в противном случае ею заведовала какая-нибудь из женщин, обычно жена ключника. Одна из прислужниц была приближенная к госпоже и называлась ее постельницей. Кормилицы и няньки детей были большей частью из прислуги и пользовались перед другими особым почетом. Одни из служанок — обычно девицы — занимались исключительно вышиваниями вместе с хозяйкой, другие — обычно замужние — исправляли черные работы, топили печи, мыли белье и платье, пекли хлебы, готовили разные запасы, третьи занимались пряхей и тканьем. У лиц, живших вместе с хозяином, прислуга была общая. В распорядках домашнего быта у домохозяев соблюдались такие же обычаи, как в царской придворной жизни: главный хозяин в своем дворе играл роль государя и в самом деле назывался государем: слово это означало домовладыку; другие члены семейства находились у него в таком же отношении, как родственники царя; слуги были то же, что служилые у царя, и потому-то все, служащие царю, начиная от бояр до последних ратных людей, т. е. и слуги частного домохозяина, назывались холопами. Хозяин, как царь, окружал себя церемониями; напр., когда он ложился спать, то один из слуг стоял у дверей комнаты и охранял его особу. Хозяин награждал слуг и оказывал им свое благоволение, точно так же, как поступал царь со своими служилыми: жаловал им шубы и кафтаны со своего плеча или лошадей и скотину, посылал им от своего стола подачу, что означало милость. То же делала госпожа с женщинами: одних «примолвляла», т. е. награждала ласковым словом, другим дарила подарки или посылала им еду со своего стола. При дворе частных домохозяев, как и при дворе царском, сохранялся обычай отличать заслуги и достоинство слуг большим количеством пищи. При большом количестве слуг во дворе богатого хозяина существовали приказы, такие точно, как в царском управлении государством, под главным контролем ключника и дворецкого. Прислуга разделялась, как служилые царские люди, на статьи: большую, среднюю и меньшую. Принадлежавшие к большей статье получали большее содержание; некоторые получали

сверх одежды денежное жалованье от 2-х до 10-и руб. в год, другие же одежду, некоторые одно содержание. «Домострой» советовал, чтобы слуги по возможности были сыты государским жалованьем и одеты своим рукодельем. Т. о., им давалось льготное время, которое служилые люди употребляли для приобретения себе одежды.

Женатые служилые жили отдельно в избах: несколько семей помещались в одной и получали на содержание месячину; холостые и девки обыкновенно жили при господской кухне, *бане*, конюшне, сараях, в людских избах, для того построенных; девушки, занимавшиеся вышиванием, спали в *сенях* и от этого назывались сенными. Хозяева соединяли парней и девушек *браком* и праздновали их *свадьбы*.

Содержать хорошо слуг считалось делом богоугодным наравне с милостыней. В русских старых книгах были нравоучения такого рода: «Имейте рабы свои, аки братию и рабыни аки сестры себе, яко и те семья адамле есть».

Ист.: Костомаров Н. И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. М., 1993.

ДОМОВОЙ, олицетворенное понятие *огня*, хранимого на домашнем очаге. Это выражалось в обрядах, сохранявшихся еще во 2-й пол. XIX в. При переходе на новоселье хозяйка топила *печь* в старой избе: как только прогорали дрова, она выгребала весь жар в чистый *горшок* и со словами «милости просим, дедушка, на новое жилье» переносит горящие уголья в новую избу. Великороссы считали, что домовой живет за или под печкой, но кроме избы он поселяется и в *банах*, *овинах* — словом, везде, где устроена печь. Домовой — малорослый старик, весь покрытый косматою шерстью. Ему приписывалась страсть к лошадям; считалось, что по ночам он любит развезжать верхом, т. ч. нередко поутру видят лошадей в мыле. У домового есть всегда любимая лошадь, которую он холит и чистит, приглаживает ей шерсть и заплетает хвост и гриву. Домовой охотно ездит на козле, которого и держат на конюшне. С культом домашнего очага связывалось поклонение душам усопших предков. Некоторые исследователи видят «культ предков» и в названиях «род», «роже-ница» и «чур» (в восклицании «чур меня»). На Руси в лице домового чувствуется основатель рода, первый устроитель домашнего очага. Это подтверждается не-

В. Корольков. «Плач домовых»

Домовой в народных представлениях. Худ. Н. Антипова

которыми обрядами: в Малороссии невеста дает свое согласие пойти замуж тем, что слезает с печи. Это символически означает, что она передается как бы самим «дедушкой», покровителем семьи. В свадебных обрядах старались возбудить расположение чужого «дедушки» к невесте или проводили резкое различие между домовым своим и чужим: свой домовой большей частью добр, а чужой — непременно лихой. Но иногда он становится злым к семье своего хозяина, в особенности когда не исполняется обычных ему жертвоприношений, состоящих из *хлеба, соли, пирогов* и др. яств.

А. Афанасьев

Жители севернорусских губерний обычно поселяли домового в подполе, но и там он жил в том углу, в котором находилась печь. Он обитал также за печью, на печи, под печным столбом. Реже жил под дверным порогом, под углом дома, на чердаке возле печной трубы. Во дворе и в надворных строениях жил дворовой или хлевник, которого следовало отличать от собственно домового. Севернорусские говорили еще об одном духе, живущем в самой печи, и называли его сусуй, сысой, если это и не сам домовой, то нечто с ним сходное. Если хозяин уходил из дому, то для того, чтобы вместе с ним не ушел домовой, печь загораживали ухватом или закрывали заслонкой. При переезде в новый дом домового перевозили на помеле или на лопате, которой сажали хлеба в печь.

Домовой невидим, но иногда он показывается людям, чаще всего приняв облик самого хозяина, живого или мертвого. Он появляется также в виде старика с

длинными седыми спутанными волосами и бородой, иногда без бровей. Севернорусские сказания рисуют домового маленьким, покрытым шерстью человеком, который однажды, при особых обстоятельствах, замерз. Обычно мохнатый, он иногда появляется голым — тогда он предвещает бедность. Бывают домовые женского рода: их считают также и женами домовых (рус. *доманя, домаха, маруха*). Нередко домовой появляется в образе разных животных, чаще всего — *кошки, собаки, коровы* или *бычка*, реже — *змеи, крысы* или *лягушки*. Когда в одном севернорусском доме однажды убили змею, пол покрылся сметаной и вскоре после этого умерли три члена семьи. В другом доме убили крысу, и там пали все коровы. Кошка и собака, так же как и козел, — любимцы домового, сорока же служит *оберегом* от него.

О происхождении домового рассказывали две разные легенды, но обе они появились уже во времена христианства. По одной из них ангелы, которых Бог прогнал с небес, попадали на землю в разных местах: кто упал на дом — стал домовым, кто в лес — лешим, в «летающего» духа. По др. версии домовой — человек, умерший без покаяния, т. е. *заложный покойник*.

По народным представлениям н. XX в. домовой в общем не зол, но иногда он сердится на людей и тогда мстит им. Когда он наваливается на спящего, он тем самым предсказывает будущее: если он теплый, предвещает добро, если же холодный — это к *болезни*. Он сам должен ответить на вопрос, что ждет человека — хорошее или плохое. Если дому грозит беда, он стонет и плачет. Хозяину дома заплетает бороду в косички. Иногда он по ночам прядет. Он сторожит дом и оберегает его. Если он сердит на хозяев, то ночью стучит, шиплет спящих, а иногда даже выгоняет людей своими продолками из дому. Он бьет посуду, выбрасывает *кочергу*, кирпичи из печки и т. д. Последнее происходит обычно в тех случаях, когда в доме при старом домовом поселяются новые хозяева или же когда кому-либо со зла впустит в дом чужого домового. Вообще домовому приписывают свойства старого упрямого хозяина дома.

Ист. Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991.

«ДОМОСТРОЙ» (полное название — «Книга, называемая «Домострой», содержащая в себе полезные сведения, поучения и наставления всякому христианину — мужу, и жене, и детям, и слугам, и служанкам»), свод советов и правил, определявших все стороны жизни русского человека XVI в., поражающий нас сегодня почти неправдоподобной одухотворенностью даже мельчайших бытовых деталей. «Домострой» не просто сборник советов — перед читателем разворачивается грандиозная картина идеально воцерковленного семейного и хозяйственного быта. Упорядоченность становится почти обрядовой, ежедневная деятельность человека поднимается до высоты церковного действия, послушание достигает монастырской строгости, любовь к царю и отечеству, родному дому и семье приобретает черты настоящего религиозного служения.

«Домострой» создан в I-й пол. царствования Ивана Грозного. Авторство окончательного текста связывают с именем сподвижника и наставника Ивана Грозного благовещенского иерея Сильвестра.

«Домострой» состоит из трех частей: об отношении русского человека к Церкви и царской власти; о внутрисемейном устройстве; об организации и ведении домашнего хозяйства.

«Царя бойся и служи ему верою, и всегда о нем Бога моли, — поучает «Домострой». — Аще земному царю правдою служиши и боишися е, тако научишися небесного Царя боятися...». Долг служения Богу есть одновременно и долг служения царю, олицетворяющему в себе православную государственность: «Царю... не тщится служить лжею и клеветою и лукавством... славы земной ни в чем не желай... зла за зло не воздавай, ни клеветы за клевету... согрешающих не осуждай, а вспомни свои грехи и о тех крепко пекися...». «А в котором либо празднике... да призывают священнический чин в дом свой... и молят за царя и великого князя (имярек), и за их благородные чада...».

Та же часть сборника, которая посвящена вопросам семейного быта, учит, «как жити православным христианам в миру с женами и с детьми и домочадцами, и их наказывати и учити, и страхом спасати и грозою претити и во всяких делах их беречь... и во всем самому стражу над ними быть и о них пещись аки о своем уде... Все бо есьми связаны единою верою к Богу...».

В «Домострое» есть все. Есть трогательные указания, «како детям отца и мать любити и беречи и повиноватися им и покоити их во всем». Есть рассуждения о том, что «аще кому Бог дарует жену добру — дражайше есть камения многоценного». Есть практические советы: «како платье всяко жене носить и устроить», «како огород и сады водить», «како во весь год в стол ествы подают» (подробно о том, что — в мясоед, и что в какой пост). Есть указания по чину домашнего молитвенного правила для всей семьи — «как мужу с женою и домочадцами в доме своем молитися Богу». И все это — с той простотой, основательностью и тихой, мирной неторопливостью, что безошибочно свидетельствует о сосредоточенной молитвенной жизни и непоколебимой вере.

«Каждый день вечером, — поучает «Домострой», — муж с женою и детьми и домочадцами, если кто знает грамоту — отпеть вечерню, повечерие, в тишине со вниманием. Предстоя смиренно с молитвою, с поклонами, петь согласно и внятно, после службы не есть, не пить и не болтать никогда... В полночь, встав тайком, со слезами хорошо помолитися Богу, сколько можешь, о своих прегрешениях, да и утром, вставая, так же... Всякому христианину следует молиться о своих прегрешениях, и об отпущении грехов, о здравии царя и царицы, и чад их, и братьев его и сестер и христолюбивом воинстве, о помощи против врагов, об освобождении пленных, и о святителях, священниках и монахах, и об отце духовном, и о болящих, о заключенных в темницах — и за всех христиан...»

Митрополит Иоанн (Снычев)

ДОМОЧАДЦЕВ ДЕНЬ, народное название дня 20 тыс. мучеников, св. ап. Никанора и прп. Игнатия Ломского, 28 дек./10 янв.

В этот день все русские семьи собирались вместе, за общим столом. Напоминал Домочадцев день о том, что семейное согласие дороже всего. В семейном согласии и труд спорится, и земля родит, и хлеба в закромах достаточно. Считалось, что родившийся в этот день будет добрым и отзывчивым; для него семейное тепло — дороже всего, поэтому будет он рачительно относиться к семейному очагу.

ДОНСКАЯ, чудотворная икона Пресвятой Богородицы. Принесена донскими казаками, прибывшими на помощь к вел. кн. Дмитрию Ивановичу Донскому

Феофан Грек. Богоматерь Донская. Икона. Ок. 1392 г. ГТГ

в битве с татарами. Она была утверждена на древке, как хоругвь, и во все продолжение войны оставалась при русском войске. В день славной Куликовской битвы, бывшей в 1380 между Доном и Непрядвой, икону носили среди православных воинов для ободрения и помощи им против рати татарской, литовской и рязанской. Когда неприятели были поражены, казаки поднесли икону в дар вел. кн. Дмитрию, который привез ее в Москву и поставил сначала в Успенском соборе, а по сооружении Благовещенского собора перенес ее туда. В память победы, одержанной заступлением Пресвятой Богородицы на берегах Дона, икона названа Донскою. В 1591 крымский хан Казы-Гирей с многочисленными полчищами татар вторгся в пределы России и подступил даже к Москве. Царь Федор Иванович, не надеясь отразить своими силами внезапное нашествие татар, так как еще должен был защищаться от шведов, шедших на Новгород, обратился с молитвою о помощи к Небесной Заступнице. Он приказал с иконою Донской Богоматери и другими иконами совершить *крестный ход* вокруг города и потом поставить первую в походной своей церкви среди воинских рядов. Целую ночь царь усердно молился, прося Пресвятую Богородицу послать помощь на одоление врагов, и получил извещение, что силою Христа и предстательством Его Матери он одержит победу над врагами. При наступлении дня татары с ожесточением устремились на русские войска и целые сутки бились с ними, но вдруг были уstraшены невидимой силой и обратились в бегство, оставив на поле сражения множество убитых, раненых и весь свой стан. В этом же 1591 был основан Донской монастырь на том месте, где среди воинов во время битвы стояла Донская икона. В монастырской церкви была поставлена чудотворная икона и установлен 19 авг./1 сент. ежегодный праздник в честь сей иконы Божией Матери, в память

бывшей чудесной помощи от нее русскому войску, с крестным ходом из Успенского собора в Донской монастырь.

Прот. И. Бухарев

ДОРОФЕЕВ ДЕНЬ (Дорофей), народное название дня св. мч. Дорофея, епископа Тирского, 5/18 июня.

«На Дорофея сон-трава расцветает, — говорили русские крестьяне. — Кто на Дорофеев день сон-траву сорвет — спокойствие найдет». По народному поверью св. Дорофей управляет снами. Коли сон нехороший приснится, Дорофей поможет всякому, кто к нему обратится: и сон разгадает, и успокоит, и подскажет, какие меры предосторожности надо принять. Дорофей сон-травой владеет, потому все знает и ведает. Сама же сон-трава, по глубокому убеждению русских людей, имеет великую силу. Ее называли еще прострелом, потому что считалось, что она поражает своим соком всякую нечисть, служит русскому воинству. Русские богатыри в былинные времена ее соком смазывали копыя, потому и побеждали врагов без труда. При сон-траве не страшен ни враг земной, ни дух злой. Сон-траву клали под голову перед сном. Крестьяне верили, что никто такой сон нарушить не может, а проснуться в урочный час поможет сама сон-трава.

Св. кн. Игорь Черниговский. Икона. XX в. Москва

На Дорофеев день русские также вспоминали злодейски убитого вел. кн. Игоря Олеговича (1147), поэтому день этот в некоторых местах назывался Игорь Воинственный. Кн. Игорь после усобных войн между удельными князьями занял киевский престол. Против него выступил князь Изяслав и, победив, заключил Игоря в темницу. Там Игорь прозрел, познал пагубность усобиц между князьями и принял схиму в киевском Феодоровом монастыре. Во время очередной смуты в Киеве злодеи умертвили Игоря, несмотря на его монашеский сан.

Н. Р.

«ДОСТОЙНО ЕСТЬ», МИЛУЮЩАЯ, икона Богоматери. В России икона Божией Матери «Достойно Есть» почитается как защитница от эпидемий и не-

Достойно есть. Фрагмент иконы. Кон. XV — нач. XVI в. Соловецкий монастырь. ГМЗМК. Успенский собор

счастливых случаев. Перед ней молятся о счастье в браке и исцелении от болезней. Во 2-й пол. XIX в. в русских монастырях на Афоне сделано много списков с чудотворного образа, которые потом доставляли в Россию. Один из них привез в С.-Петербург иеромонах Арсений, известный проповедник, ок. 1887. Его установили в построенном в честь Божией Матери «Умиление» Милующей храме в Галерной гавани. После закрытия храма в советский период, в 1950, митр. Григорий (Чуков) благословил перенести святыню в Смоленскую церковь с приделом в честь иконы «Достойно есть» на Смоленском кладбище.

Празднование иконы установлено 11/24 июня в день посещения архангелом Гавриилом послушника в его келье неподалеку от г. Карей на Афоне.

ДОХА, верхняя зимняя мужская и женская одежда, надевавшаяся поверх основной зимней одежды при дальних поездках в *санях*.

Дохи шили из осенних шкур оленей, маралов, диких коз, волков и собак. Собачьи дохи считались особенно теплыми. В отличие от *шуб* дохи шили мехом наружу, с подкладкой из холста. Дохи делали длинными, до самых пят, с широкими рукавами, большим отложным воротником, который от холода поднимали так, что он закрывал всю голову. Две полы прямые, первая иногда расклешенная. Доху запахивали справа налево и подпоясывали *кушаком* «в два обмота». Кушак завязывали спереди, а концы его подтыкали около бедер. Воротник у горла подвязывали *платком* или шарфом.

ДОХОДНЫЙ ДОМ, большой многоквартирный (обычно в 3—4, в н. XX в. до 7 этажей) городской дом для сдачи в наем квартир. Включал как дорогие обширные (в 7, 10, 15 и более комнат) квартиры в нижних этажах (кроме первого), иногда занимавшие це-

лые этажи, так и небольшие, в 3–5 комнат квартиры в верхних этажах, наниматели которого нередко от себя сдавали комнаты, а то и «углы». Доходные дома появились в Петербурге (1820-е) и в Москве (1840-е), где было много чиновников, студентов, рабочих, снимавших жилье. Сыграли важную роль в оформлении внешнего вида столиц. Ввиду дороговизны городской земли застройка была очень плотной, с тесными дворами-колодцами, лишенными зелени, с голыми для экономии, безрадостными дворовыми фасадами; особенно это было характерно для домов «дешевых квартир». В доходных домах, особенно в тех, где имелись дорогие квартиры, устраивались парадные подъезды, собственно для жильцов, выходящие на улицу, с роскошно оформленными вестибюлями, украшенными зеленью, с ковровыми дорожками, придерживаемыми медными прутьями, на широких пологих лестницах, со стойками для галош, зонтов, тростей, и черный ход во двор для прислуги и жильцов самых верхних этажей, с дешевыми квартирами, с узкими крутыми черными лестницами. Такие дома обычно имели управляющего, штат дворников и швейцара в вестибюле. Иногда доходным домом управлял сам владелец, живший здесь же. На ночь подъезды и ворота запирались, и жильцов по звонку впускали швейцар или дворник.

Л. Б. ДОЩАНИК (ЩИТИК), лодка, изготовленная из пиленных досок.

Лодки такого типа изготавливали по-разному. На Русском Севере были распространены дощаники, каркас которых состоял из хорошо обтесанного елового ствола с естественным изгибом у основания массивного корня. Обтесанный корень служил форштевнем, т. е. носовой вертикальной стойкой, а ствол — килевым брусом. Кормовая вертикаль стойки представляла собой прямой четырехугольный брус, соединенный с килевым брусом шипом. Затем к килевому бруску прикрепляли упруги (шпангоуты) из хорошо просушенных еловых корней, кривослойной ели или пихты. Их соединяли с брусом деревянными гвоздями, которые забивали в просверленные буром отверстия. Количество упруг зависело от размеров лодки и колебалось от 3–4 до 12–14. Их ставили на расстоянии 50–60 см друг от друга. На упруги набивали набои — хорошо высушенные еловые доски. Одна доска прикреплялась к днищу,

из остальных досок изготавливали борта. Обычно на каждый борт шло не более 3–4 досок. На лодки больших размеров их нашивали столько же, но они были более широкими. Набои накладывали одна на другую с незначительным нахлестом, в высверленные в них отверстия забивали деревянные гвозди, после этого лодку конопатили паклей и смолили. У таких лодок нос и корма могли иметь одинаковые очертания: они были острые, высоко поднятые и выдавались вперед. Лодки строили с прямой задней кормой.

Лодки, шитые из досок, изготавливали разной величины: для подъема вверх по рекам и для плавания по озерам их делали длиной до 5 м и шириной 75–80 см, для ловли рыбы неводом на больших реках — длиной 10–12 м.

На маленьких дощаниках стояли гребли одним длинным веслом с двумя лопастями. Весла, вставляемые в уключины, применяли только на больших лодках. Для подъема вверх по реке использовали обычно длинные шесты (3,5 м) с железным наконечником.

Ист.: Шангина И. И. Русский традиционный быт. Энциклопедический словарь. СПб., 2003. Сс. 268–269.

ДРЕМА — см.: **ТАРАСИЙ КУМОШНИК**.

ДРОВНИ, грузовые сани, использовавшиеся для перевозки бревен, жердей, дров, соломы, снопов и разных громоздких грузов.

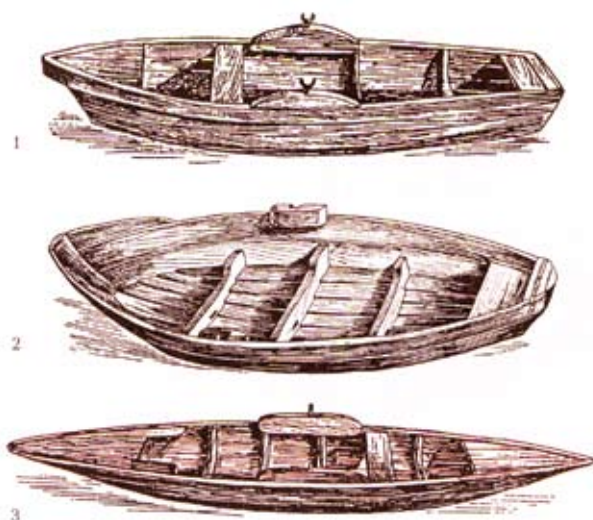
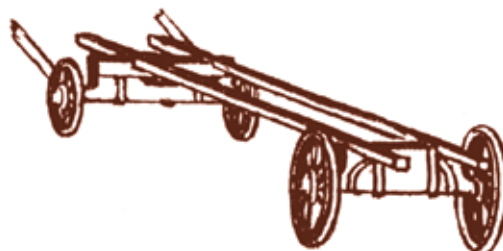
Дровни очень древний вид гужевого транспорта. Их детали находят при раскопках Великого Новгорода, Рязани и др. старинных русских городов.

Внешний вид дровней мог изменяться в зависимости от груза, который предполагалось на них перевозить. Так, для перевозки снопов, сена дровни делали с низкими копылами и кресалинами — своеобразным кузовом, представлявшим собой деревянную дугу, соединенную с головкой двумя снарвинами — прочными жердями, закреплявшимися вязовьем. Кузов был высокий и широкий сзади, узкий и низкий спереди. Дровни для перевозки бревен делали более короткими, но к ним сзади привязывали подсанки.

Для изготовления полозьев использовали дуб, вяз, березу, клен, при этом предпочтение отдавали дубу и вязу. Деревья выбирали молодые, здоровые, прямые и без сучков. Полозья, выгнутые из старого, большого дерева, были непрочными, быстро изнашивались и трескались.

И. Ш.

ДРОГИ (долгуша), четырехколесная телега для перевозки бревен, дров, сена, соломы и др. грузов. В дроги обычно запрягали одну лошадь через *оглобли*, дугу и *хомут*. Дроги широко использовали в крестьянских хозяйствах, прежде всего для вывоза из леса бревен.

Дощаники: 1 — конец XIX — начало XX в. Вологодская губ.; 2 — начало XX в. Ярославская губ.; 3 — конец XIX — начало XX в.

ДРУЖБА, в понятиях Святой Руси чувство, родственное любви, способность на неограниченную жертву, готовность положить душу, принять смерть за друга (Ин. 15; 13; 1 Ин. 3; 16).

Дружбу рождает родство душ. В древнерусском сборнике к. XII – н. XIII вв. говорится: «Того считай другом, кто любит тебя, а не тех, кто вокруг тебя. Золото огнем испытывается, а друг – жизненными напастьми. Рана от верного друга достойнее, чем поцелуй врага».

Русские пословицы: «Друг денег дороже»; «Не держи сто рублей, держи сто друзей»; «Кто друг прямой, тот брат родной»; «Друг и брат великое дело: не скоро добудешь»; «Будь друг, да не вдруг»; «Без беды друга не узнаешь»; «Друг познается в несчастье»; «Коня в рати узнаешь, а друга в беде»; «Нет друга, так ищи, а нашел, так береги»; «Не дорога гостьба, дорога дружба»; «Был я у друга, пил воду слаще меду»; «Для друга все не туга (не тяжело и не скудно)»; «Для друга нет круга»; «Для друга семь верст не околица»; «Для друга и пост разрезается».

О. П. ДРУЖКА, одно из главных лиц свадебного поезда (см.: Свадьба), как со стороны жениха, так и со стороны невесты. Являясь представителем жениха, он брал на себя организацию угощения гостей, ездил впереди свадебного поезда, приходил сватом и приглашал гостей; в обрядах, сохранивших память об обычаях увоза невесты, именно он изображался похитителем, за что в конце свадьбы его подвергали суду и «казни», вешая вместо него соломенную куклу. Дружка должен был хорошо знать весь свадебный ритуал, наговоры и приговоры, должен был уметь говорить в рифму, должен был отличаться находчивостью в ответах. В помощь себе дружка выбирал поддружье, который активной роли не играл, будучи только помощником при дружке.

ДУБ, самое почитаемое в Древней Руси дерево, символизирующее мужское начало, мощь, силу, твердость.

Священный дуб на о. Хортице

Под дубом совершались языческие ритуалы и жертвоприношения, особенно связанные с культом громовержца *Перуна*. О культовой роли дубов свидетельствуют археологические находки: в 1975 со дна Днепра подняли древний дуб, в ствол которого было вставлено 9 кабаньих челюстей; в 1910 подобный

дуб достали со дна Десны. В древнерусской грамоте 1302 упоминается местность Перунов дуб.

Почитание дубов сохранилось и после принятия христианства. В отдельных местностях возле них вплоть до XIX в. служили *молебны*, совершали бракосочетания, приписывали им целительную силу, обращались к ним в *заговорах*. Духовный регламент (1721) осуждает тот факт, что некие «попы с народом молебствуют перед дубом, и ветви оногo дуба поп народу раздает на благословение». В сер. XIX в. у старообрядцев-беспоповцев брачный союз заключался таким образом: парень, сговорясь с девушкой, отправлялся вместе с ней к завет-

И. Шишкин. Дубовая роща. 1887 г.

ному дубу и объезжал его три раза кругом. В Воронежской губ. пользовался уважением древний дуб: после венчания в церкви к нему направлялись молодые пары и трижды объезжали кругом.

О. П. ДУБЕНСКАЯ, чудотворная икона Пресвятой Богородицы. Принадлежала с давних времен к семейным святыням знаменитого дома кн. Острожских. Доблестный защитник Православия в западнорусской Церкви, кн. Константин Острожский пожертвовал свою благоговейно чтимую икону Пресвятой Богородицы в Спасо-Преображенский монастырь, построенный его предками в г. Дубно на Волыни. С тех пор много испытала перемен Волынская земля. Спасо-Преображенский монастырь был захвачен униатами, впоследствии уничтожен и обращен в приходскую церковь; но невредимо сохранялась в продолжение 3 веков чудотворная икона – этот памятник благочестия кн. Острожского, самоотверженного защитника Православия. Дубенская икона по своей живописи не уступает лучшим произведениям церковного искусства и является образцом иконописной красоты и изящества. Драгоценная жемчужная риза, украшающая сию святую икону, служит доказательством благоговейного почитания ее православными жителями на Волыни.

Дубенская икона Божией Матери. Список иконы. 1864 г.

Празднуется в день Преполовления Пятидесятницы.

Прот. И. Бухарев

ДУБЛЕНКА, верхняя зимняя мужская и женская одежда. Дубленки шили из мягко выделанных и продубленных овечьих шкур мехом внутрь. Лицевая (кожаная) поверхность дубленки была хорошо обработана. Покрой этих дубленок был аналогичен покрою *полушубков*. В некоторых северных губерниях Европейской России дубленкой называли одежду, сшитую из шкур овец неместных пород. Ее обычно шили в талию, со сборками на спине, длиной ниже колен, с рукавами, закрывающими кисти рук, со стоячим воротником.

Дубленку запахивали справа налево и застегивали до талии на крючки. Воротник, края рукавов, край подола обшивали шкурой нерпы или морского зайца.

ДУГА, часть упряжной сбруи, применявшаяся в конной *запряжке* с оглоблями, обеспечивавшая движение повозки. Она представляла собой согнутый в полукруг или полуовал ствол дерева, который устанавливали над шеей лошади. На внешней стороне излучины — вершине дуги — имелась зга — металлическое дужное кольцо, использовавшееся для закрепления поводьев (см.: Узда). Если возница не видел «зги», то приходилось останавливать работу лошади или в поездке искать ночлег.

В. Стожаров. Натюрморт с расписной дугой

Дуги изготавливали из вяза, ветлы, липы, березы, черемухи. Обычно ценились вязовые дуги, отличавшиеся большой прочностью.

Дуга — необходимый предмет запряжки лошади в повозку с оглоблями. Она выполняла роль распорки между оглоблями, скрепляла через гужи оглобли с хомутом, удерживала гужи от соскакивания с оглобель. Благодаря дуге и гужам запряжка обладала большой упругостью. На плохой дороге с камнями, ухабами и рытвинами ременные гужи растягивались, дуга изгибалась, а хомут спокойно лежал на шее лошади, облегчая ей работу. Кроме того, дуга предохраняла повозку от толчков. Толчки могли беспокоить ездовых не только на ухабистой, но и на ровной дороге. Это объяснялось тем, что лошадь, запряженная в повозку, двигалась толчками. Хорошая, упругая дуга смягчала толчки, и повозка более плавно катилась по дороге. Если дуга была слабой, т. е. изготовленной из плохого дерева, то при сильных ударах она ломалась.

ДУМЫ, эпический лирический жанр малороссийского фольклора. Исторические по своему содержанию, думы возникли и развивались в условиях казачьей вольницы XV—XVII вв. и были важнейшей частью репертуара слепых певцов-кобзарей (бандуристов). Думы исполняются мелодической декламацией в сопровождении кобзы (бандуры). Текст думы и подчиненная ему мелодия, родственная похоронным *причитаниям*, импровизировались при каждом исполнении, но в известных пределах. Стих думы — свободный, имеющий от 4 до 20 и более слогов; рифма почти исключительно глагольная; строф нет, текст делится на смысловые единицы-периоды. Этими особенностями стиха думы четко отличаются от родственных им по содержанию

исторических песен. Для поэтики думы характерны постоянные эпитеты («тихі води», «ясні зорі»), общие места, повторяющиеся в одной и даже нескольких думах, детальное, умышленно замедленное эпическое повествование. Большинство развитых дум имеют устойчивую композицию и состоят из своеобразной начальной музыкальной фразы-запальки (запева), далее идет изложение событий (сюжета) думы и завершается она концовкой — обращением к слушателям от имени кобзаря или действующих лиц думы. Размер думы достигает иногда 400 стихов. Старейшие думы XV — н. XVII в. (т. н. «невольницькі плачі», Дума о Марусе Богуславке, о побеге трех братьев с Азова и др.) рассказывают о тяжких страданиях пленников-рабов в татарско-турецкой неволе. Высокий патриотизм, мужество, верность духу товарищества, проявленные в самоотверженной борьбе против иноземных угнетателей, воспеваются в думе о казаке Голоте, или Нетяге (древнейшая запись ее известна в списке 1684), о Федоре Безродном, Иване Коновченке, Матяше Старом, Самойле Кошке и др. Большая группа дум возникла по свежим следам освободительной войны малороссийского народа против польско-шляхетского гнета. На первый план в этих думах выдвигается мужественный и мудрый образ гетмана Богдана Хмельницкого, образы его соратников, героизируются победы малороссов над шляхетскими войсками, осмеиваются польские магнаты и паны, осуждаются предатели из среды казачьей старшины (Дума о Корсунской победе, о походе в Молдавию, о Хмельницком и Барабаше, о смерти Хмельницкого и др.). Борьба «голоты» (образ «народного гетмана» Ганжи Андыбера) против старшины, «дуківсрібляників», против панов-поляков, жидов, арендарей-шинкарей отражена в ряде дум яркого социального звучания. Существовали также думы бытового характера (о сестре и брате, о казачьей жизни), иногда сплошь юмористические по обрисовке ситуаций и образов (дума об овчаре, о теще).

Лит.: Краткая литературная энциклопедия. М., 1964. Т. 2. **ДУНАЙ**, в представлении человека Древней Руси, частично сохранившимся вплоть до XIX в., загадочный образ главной реки и земли предков. Для русских племен земли, по которым протекал Дунай, были исходной родиной, память о которой сохранялась многие века. В сознании русских Дунай представлялся своего рода мистическим центром, откуда пошел развиваться их род и где остались лежать их предки. В поверьях и сказках Дунай составлял особый рубеж, к которому следует возвратиться, ибо за ним лежит далекая земля предков, обильная богатством, но и грозящая опасностью. Именно за Дунаем — граница благодатной земли, именно к нему в своем национальном мистическом сознании постоянно возвращались русские люди.

О. П.

ДУНАЙ ИВАНОВИЧ, русский былинный богатырь. Отправившись добывать для кн. Владимира в жены Опраксу Королевичну, дочь короля Литовского, на обратном пути Дунай Иванович встречается с удалой Настасьей Королевичной, побеждает ее и женится на ней. На пиру у кн. Владимира супруги ссорятся, поспорив, кто из них лучше стреляет из лука. На состязании Настасья Королевична побеждает мужа, и рассерженный Дунай Иванович убивает ее. Но, распластав жену и найдя в ее утробе чудесного ребенка, Дунай Иванович сам закаляется над трупом жены, и от их крови потекли река Дунай и река Настасья.

ДУРАК, домашний шут или шутиха в барских домах или при Дворе в XVIII в., реже в I-й пол. XIX в.: человек умственно недоразвитый, иногда идиот, часто инородец (калмык, финн и т. д.), нередко физический урод (особенно карлик) или даже здоровый человек с какими-либо физическими недостатками, наконец, просто обнищавший человек, снискававший таким образом кров и кусок хлеба. Чаше у вельмож шуты были из крепостных, причем таких дураков покупали за большие деньги, а иногда подыскивали им пару для заключения брака и получения потомства. Но дураком мог быть и свободный человек, напр., изгнанный со службы мелкий чиновник или мелкопоместный помещик, в силу болезненности, уродства или иных причин неспособный жить самостоятельно, заработать себе на жизнь.

Как правило, дураков причудливо одевали, чтобы подчеркнуть их глупость или уродство; нередко мужчин одевали женщинами. Дураки обычно бывали злы в силу униженного положения и, пользуясь своим особым, нередко привилегированным положением, бранились, плевались, кидались вещами, дрались и т. п. Хозяева старались иметь нескольких дураков, чтобы, стравливая их, потешаться драками. В свободное от «службы» время дураки были обычными нездоровыми людьми, а чтобы они не ели хлеб даром, их часто заставляли исполнять какие-либо легкие работы, напр. вязать чулки. Иногда дураки, разумеется, умственно полноценные, становились любимчиками, а то и доверенными людьми хозяев: наущничали на членов семьи и прислугу, выполняли различные мелкие поручения и даже получали ключи от кладовых и амбаров.

Ист.: Беловинский Л. В. Энциклопедический словарь российской жизни и истории. М., 2003.

ДУРАНДА (жмых), остатки выжимки льна, конопли, подсолнечника. Использовались на корм скоту, иногда добавлялись в хлеб.

ДУХОВ ДЕНЬ, второй день Пятидесятницы, празднуемый в понедельник после Троицы (см.: Троицкие гуляния), в честь Духа Святого.

У русского народа существовало предание о том, что Духова дня, «как огня», страшится бродящая по земле нечисть. Во многих местах Поволжья считалось, что на этот праздник — во время Божественной службы — сходит с неба священный огонь, испепеляющий всех злых духов, попадающих к нему. «И бегут беси огня-духа, — говорило предание, — и мешутся злые духи в бездны подземныя. И в бездне настигает их сила сил земных. Слышит вопль бесовский в сей день Господень заря утренняя, и полдень внемлет ему, и вечер — свете-тихий, — такожде до полунощи... Погибают огнем негасимым беси, их же тьма тем... И не токмо силу бесовскую, разит огонь небесный всяку душу грешную, посягающую на Духа Свята дерзновением от лукавствия»...

С.Ф. Колесников. Церковный праздник

В старину в Духов день устраивались по селам и даже городам особые, к этому празднику приуроченные игрища. Еще в 30-х гг. XIX столетия соблюдался этот обычай в Чухломском у. Костромской губ. Для сбора участников игрища, накануне вечером, заранее избранной «большухой» рассылались девчата-послы по всем девицам, звали их с матерями и всеми родственниками собираться после обеда на Духов день в заранее определенное место. В урочный час рядом с селом становились в кружок и запева́ли песни. Кроме большухи, выбирались две девушки, которых обступали *хороводом*. Они стояли посредине, до окончания одной игры отдавали всем поклоны и снова становились в кружок, а на их место выбирались две других. Очередь при выборе соблюдалась по старшинству лет: младшая пара не должна была выбираться раньше старшей. Песни «игрались» до вечера; перед стадами (возвращением скота с пастбища) все расходились по дворам, чтобы ночью снова сойтись на том же месте для новых игр и песен хороводных, продолжавшихся до самой полуночи. Все эти песни были отголоском свадебных. Вот, напр., одна из них, которую еще в н. XX в. можно было услышать во многих уголках крестьянской России:

*Уж ты, улица, улица,
Уж ты, улица широкая!
Трава-мурава шелковая!
Изукрашена улица
Все гудками, все скрипичами,
Молодцами да молодницами,
Душами красными девицами.
Не велика птичка-пташечка
Сине море перелетывала,
Садилась птичка-пташечка
Среди моря на камышек:
Слышит, слышит
птичка-пташечка:
Поет, пляшет красна
девушка,*

Иосиф Владимиров. Сошествие Святого Духа на апостолов. Икона. 1666 г. Церковь Троицы в Никитниках. Москва

*Идучи она за молодого
замуж:
Уж ты, млад муж,
взвеселитель мой,
Взвеселил мою головушку,
Всю девичью красоту!*

Конец этой песни иногда изменялся и пелся так: «...слышит, слышит птичка-пташечка: плачет, плачет красна девица, идучи она за старого замуж: «Ах ты стар муж, погубитель мой! Погубил мою головушку, всю девичью красоту!»

В белорусских местах девушки в н. XX в. «завивали березки» на Духов день, приготовляя столько венков, сколько у каждой завивающей близких-дорогих людей: для родимых отца с матерью, для братьев с сестрами, для любезных сердцу. По этим венкам загадывали о судьбе. «Русалочки-земляночки на дуб лезли, кору грызли, завалилися, забилися....» — пели при этом гадании.

Были деревни, где сохранялось старинное предание о том, что перед солнечным на Духов день восходом Мать-Сыра-Земля открывает все свои тайны. В этот день кладоискатели, как и в ночь на Ивана Купалу (с 23 на 24 июня) (см.: Иванов день), ходили «слушатьклады», помолясь перед тем Святому Духу, припадая

ухом ко «груди земной». И открывалась им «вся несканная» недр земных и подземных, но это только в том случае, если кладоискатель вел «богобоязненную-праведную» жизнь. С первыми лучами солнца умолкала вещая речь земли, могущая сразу навсегда обогатить человека. В малорусских деревнях была своя особенность: Троицын день праздновался там за «Духов», в понедельник же справлялось запаздывающее празднование «Троицы — Зеленых Святков».

Калики перехожие пели на Духов день следующее песенное сказание («На сошествие»): «Во граде в Ерусалиме, в Давыдовом доме, тамо предьявися предивное чудо: где обитает Пречистая Дева с ученики Господни, со апостолы Христовы, бысть шум презельный, носиму духу бурну, идеже сядяще апостолы с Царицей Небесной Владычицей Богородицей. Там проистекает река медоточна; источник духовный радость днесь исполни, Троицы нераздельной благодатию наполни, молитвами Богородицы всех наполни стран сего света. Слышите, со апостолы приидите, в дом Христов-Давыдов с любовью внидите: приидите, примите Духа Пресвятого, Истинна Пророка, Утешителя Господня. Он совершает тайны несканнны; в Божией церкви судьбы неизреченны, в ней судятся племена, всяких родов лица; облацы разделяше; языцы всем даяше, ловцов умудряше, уста им отворяше, глаголом апостольским всех удивляше. Во всякое время с ними Дух Святой пребываше, в сердцах почиваше, в глазах цветом цветяше; на всяком месте в них всегда сияше, рыбаками огненная словеса испущаше; разными языками святыми рекоша, всех евреев ужасаша, врагом страшное объявляша. Спас Избавитель и Дух Утешитель, Отец безначальный, Творец Бог и сын едиnorodный, Божеством сим равный, и Дух сопостольный, существом купно полный, Святой Боже, от премудрости Твоей Т\творче, Святой Крепкий-Сильный, во всех языцех дивный. Святой Безсмертный Царю... Всегда аз благодарю. Приими от нас, рабов Твоих, пение днесь сию хвалу, поюще Тебе на веки, преклонаяем свою главу. Свет пресветлый ныне в Ерусалимской силе, духом покрываше, шум бурный являше, в Божий град Давыдов верных призываше, в святой дом духовной всех собираше, очами небесными премудро дозираще, в жители небесные праведных собираше, а грешных на земли непокаянны оставляше, токмо Своєю милостию всех покрываше...»

После восхваления Творца-Бога стих переходил к самим поющим-восхваляющим: «А мы, многогрешны, рабы недостойны, взыдем на гору с апостолы Христовы, на истинный путь правый, от Отца посланный. Посмотрим очами умными в зеркала небесна, вникнем в свою утробу: ан мы живем тесно, все в нас закрыто, будущая безвестна; редко засвечаема в сердцах своих свечи местны; всегда погашают прелести временны здешны; прокрик почтимся услышать небесный-Божьими судьбами исцелим души многогрешны; слышав Божье слово, оставим сласти здешны. Туюжде дадим славу, наклонивше главу, тихо и умильно после ангельския песни, всегда и на веки с верными человеки. Чтим и величаем Небесную Царицу, со всеми небесными силами ублажаем. Дабы всех святых молитвами нас Бог не оставил, к вечному покою благополучно переправил, и ныне, и присно, и во веки веков, аминь!»

Кроме этого стиха калики пели и другие, величая этот праздник «источником радости духовной» и призывая боголюбивых слушателей приобщиться к ним:

*Тайно восплещем, духом веселяща,
Словесны мысли духовно плодяща,
Яко руками, движуще устами:
Дух Святый с нами!*

.....
*Всегда благословим всем властвующа
Царя и Бога, во всех могущаго.
Присно, в едином Божестве всесильном
Со Отцем и Сыном!..*

Духов день начинал собой Всесвятскую неделю, запечатленную в народной памяти обрядами-обычаями, связанными с празднеством в честь древнеязыческого Ярилы.

Ист.: Коринфский А. А. Народная Русь. М., 1995.

ДУХОВНОЕ РОДСТВО, устанавливалось на основе восприятия крестимого из купели во время обряда крещения. В духовном родстве считаются восприемник, восприятый, физические родители восприятого и нисходящие родственники всех этих лиц. Степени духовного родства определяются следующим образом: восприемник полагается к восприятому в первой степени родства, как отец; к физическим родителям восприятого — во второй степени, как их брат; к физическим братьям восприятого — в третьей степени — как их дядя. Отношения восприемника и восприимаемого приравнивались к отношениям кровного родства между родителем и ребенком.

Уже в эпоху раннего Средневековья Церковь стремилась исключить лиц, находящихся в духовном родстве, из сферы брачных отношений. Постановление Трулльского собора о духовном родстве (правило 53) было истолковано в церковной практике в том смысле, что не только запрещалось вступление в брак восприемнику с родной матерью восприятого, но и считалось участие отца или матери в обряде крещения в качестве восприемника поводом для *развода*. По признанию одного из церковных историков, этим правилом стали столь широко пользоваться как поводом для развода, что византийские императоры Лев IV и Константин VI (776—80) издали особую новеллу, в которой на виноватого в разводе супруга налагался значительный денежный штраф, а в случае несостоятельности виновного его подвергали телесному наказанию, семилетнему изгнанию и запрещали ему вступление в новый брак. Синодальным постановлением при патриархе Николае III Грамматике (в 1092 или в 1097) духовное родство признано препятствием к браку до седьмой степени включительно подобно родству кровному.

Влияние византийской традиции на Руси проявилось в XVII в. и было связано с распространением т. н. афонского Номоканона — сокращенного изложения правил для руководства священникам и духовникам. В нем запрещался брак между двумя лицами, принятыми от купели одним восприемником, и между их детьми до седьмой степени включительно. Мужу и жене восприятого также воспринимать вместе одного ребенка под угрозой принудительного развода или по меньшей мере наложения церковной епитимьи, где подразумевалось запрещение куму и куме вступать в брак.

С организацией Синода делались попытки ограничить случаи запрещения браков из-за духовного родства. Правительственный указ 1752 предписывал Синоду не расторгать браков, заключенных между восприемником и восприемницей, крестившими одного и того же ребенка, хотя и запрещал подобные браки.

Практически же браки по духовному родству расторгались в этот период независимо от степеней духовного родства. Показателен пример одного из судебных дел, несколько лет тянувшегося в канцеляриях московской консистории и Синода. Согласно делу, пономарь одной из московских церквей Афанасий Иванов женился в 1747 незадолго до Филиппова поста на Авдотье Ивановой. 30 нояб. того же года жена дьякона этой церкви родила с большим трудом девочку. Викарный священник, живший в доме дьякона, тут же совершил обряд крещения. Восприемниками родившейся девочки стали викарный священник и жена пономаря, прибежавшая на помощь к дьяконнице. Затем жена пономаря ушла домой. Но жена дьякона через некоторое время родила еще одну девочку, тоже едва живую. Пономарь, не зная, что его жена крестила первую родившуюся девочку, стал при крещении восприемником другой новорожденной дочери дьякона. Обе новорожденные девочки вскоре умерли. Но пономарь и его жена, воспринявшие детей дьякона, стали между собой кумом и кумой и на основании церковных правил подлежали разводу. По доносу о случившемся архиепископ московский Платон начал следствие, а до решения вопроса разлучил пономаря с женой, отослав ее в Новодевичий монастырь. Жена пономаря оказалась беременной, поэтому из монастыря ее отправили к родственникам. Дело тянулось свыше 5 лет. В февр. 1753 жена пономаря жаловалась в консисторию на свое бедственное положение из-за разлуки с мужем: вместе с ребенком, которому пошел 5-й год, она не имела постоянного пристанища. Дело закончилось тем, что архиеп. Платон, не дождавшись на свой запрос ответа из Синода, разрешил жене пономаря вернуться к своему мужу.

В XIX в. Церковь ввела некоторые ограничения на запрещение браков в большинстве степеней духовного родства. Указ 1810 предписывал исходить при рассмотрении вопроса о степенях духовного родства из 53-го правила Трулльского собора, которое запрещало брак только между восприемником и восприемницей, а также ее матерью по крови. По-видимому, церковные суды не хотели принимать даже мизерного ограничения их юрисдикции, т. к. Указ Синода от 31 янв. 1838 главам епархий требовал руководствоваться относительно духовного родства буквальным смыслом Указа 1810, «не простирая на браки прещений, в том Указе не положенных». Еще больше была сужена сфера духовного родства Указом от 31 дек. 1875, согласно которому в духовном родстве с восприятым считался лишь тот, кто произносил обеты за крестимого и, кроме того, был одного пола с крестимым.

В крестьянской среде к. XIX в. почитали родство духовное (*кумовство*) не меньше плотского. И все-таки нарушение духовного родства и свойства казалось меньшим *грехом*, чем кровного родства. Так, считалось возможным вступление в брак приемных детей с их усыновителями и детьми последних. Кумовья, как и приемные дети, между собой не женились (Шуйский у. Владимирской губ.). В Вологодской губ. крестьяне называли восприемника духовным отцом или «вторым отцом», и в случае смерти родного отца он заменял его во всех важных случаях: благословлял крестника на брак, на военную службу и т. п.

Лит.: Бердников И. С. Краткий курс церковного права. Казань, 1888.

Ист.: Лещенко В. Ю. Семья и русское Православие (XI—XIX вв.). СПб., 1999.

ДУХОВНОСТЬ, высшая деятельность души, устремленность к стяжанию Духа Святого, безгрешности, моральному совершенству, преображению души. Русская духовность выражается в древней духовной традиции Православия и *добротолубия*, иконописания и церковных песнопений, благочестия, старчества и подвижничества отечественных святых.

Понятие русской духовности обусловлено «естественной и первобытной географией русской души».

Огромные однообразные равнины, безграничные дали, где безмерная бесконечность, сверхъестественность составляют как бы часть каждодневных переживаний, определяют образ этой души и ее духовный склад. Как и просторы ее родной земли, она сама не знает границ. То чувство ясно определенной формы, которым так гордятся латиняне и греки, ей чуждо. Ей присущи от природы отсутствие рубежей и отсутствие меры, и щемящие противоречия, напоминающие резкую изменчивость климата ее страны. Как над ее родными степями, в ней разражаются грозы и проносятся вихри.

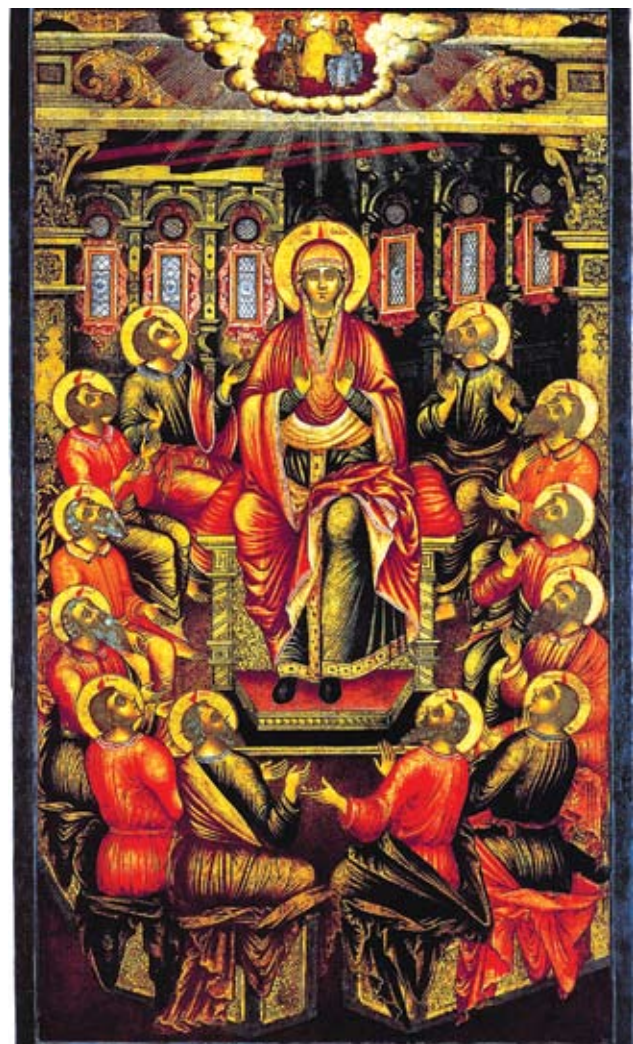
«Мы огромны, — любил повторять Достоевский, — огромны как матушка Россия». Русский человек мучается огромностью и безбрежностью своей земли. Для русского духа, для русского человека земля имеет немалое значение. Есть нечто мистическое в его отношении к ней. Первобытный дионисийский элемент в нем еще не угас. Он вошел и в русское христианство, придав ему особые черты, которых нет в христианстве византийском. Так, это в известной степени сказывается на культе Божией Матери. Черты духовного радикализма у русского народа, выражающиеся в большой доле безразличия к миру и к его благам, также определены в значительной степени строением Русской земли. В стране неограниченных далей и безмерных протяжений, с суровым климатом, почти без всяких внутренних рубежей и без определенных внешних географических границ, широко открытой для всевозможных нашествий, человек легко приобретает сознание своей физической слабости и бренности своих дел. Зачем, думает он, накапливать и дорожить тем, что обречено на гибель? К чему подчиняться юридическим нормам, которые сегодня имеют силу, а завтра потеряют всякое значение? Человек инстинктивно сосредоточивает привязанность на том, чего никто не может у него отнять. За этим духовным радикализмом, однако, не таится влечение к полному уничтожению. Он не восстает против самого принципа жизни.

Это безразличие вовсе не означает, что русский народ менее грешен, чем другие. Наоборот, он, может быть, даже более грешен, но он и грешен по-другому. Когда он бывает привязан к земным благам, к суетности и бренности земли, он к ним привязан своими *грехами*, а не своими добродетелями и не своими представлениями о правде или своим идеалом святости. Действительно, западный человек дорожит своим социальным положением, своей собственностью и своими жизненными удобствами не в силу своих слабостей и пороков, а в силу своих социальных добродетелей, религиозно обоснованных и оправданных. У него есть идеология, которая все это оправдывает. У русского человека такой идеологии нет. В глубине души он ничуть не уверен в том, что его собственность свята, что пользование жизненными благами оправданно и что оно может быть согласовано с совершенной жизнью.

Эта отчужденность, эта свобода духа лежат в основе русского бунта против буржуазного мира, бунта, в котором сходятся революционеры и реакционеры. Русская идея противоположна идее буржуазной. Ей присуще сознание, что непреходящего града нет на земле и что не приходится искать его в будущем: поэтому у нее не бывает слишком многих связей с земным градом. Духовное кочевничество — характерная русская черта, неотъемлемо присутствующая в русском идеале, и тип «странника» есть самый выразительный русский тип. Гоголь, Толстой, Достоевский, Константин Леонтьев, Вл. Соловьев — все были «странниками» и по своему духовному складу, и по своей внешней судьбе. Все они — искатели истины. Любовь к странничеству противостоит всему «буржуазному» в моральном значении этого слова.

Эта моральная черта безразличия и отчужденности просветляется христианством, которое дает ей направление к небу. В русском христианстве, гораздо больше, чем в византийском, взгляд обращается к «небесному Иерусалиму», к «грядущему Граду». Ему свойственна жажда преобразования жизни, ее преображения, пришествия нового неба и «новой земли», Царства Правды на земле.

Эта жажда всеобщего преображения — одна из самых ярких черт русского религиозного духа. В противоположность западному духу он стремится, как пи-

Сошествие Святого Духа. Икона (без полей). Кон. XVII — нач. XVIII в. Кострома. ЯХМ

шет Бердяев, соединиться с источниками бытия; он ищет преображения жизни, а не создания культурных ценностей и не тех результатов, которые обычно считаются обязательными, будь то в области знания, или морали, или искусства, и т. д.

Таким образом, русская душа не чувствует себя скованной нормами цивилизации, или морали, или науки; перед ней нет ничего, что заслоняло бы реальность Бога. Поэтому весь ее динамизм сосредоточен на преображении, которое должно произойти в конце времен. В русской духовной жизни таится великое мессианское ожидание, и вот почему *Пасха* есть тот праздник, который особо любим русским народом. Для русского человека она не только воспоминание о воскресении Христа, мистически переживаемом вновь, она означает также ожидание космического воскресения, воскресения и прославления всего творения, в ней предвосхищаемого и заранее переживаемого. У верующего русского человека взор уже обращен к Свету Того, Который грядет. Склонность созерцать Христа Грядущего тесно связана с этой идеей. Христос принес обетование прославления и преображения, т. е. обетование Царства Божия. И это будет не результатом эволюции или исторического прогресса, а чудом, мировой катастрофой. Это ожидание, это искание грядущего Града всегда живо каким-то образом в глубинах русского духа. Это позволяет нам понять, почему русский народ, когда он забывает Бога, обязательно впадает в нигилизм. Он тем самым возвращается тогда к своим народным истокам, которые отрицают все, враждебны всякому духовному стремлению и укоренены в материи. Не дорожа ценностями цивилизации и не веря в Бога и в бессмертие души, русский человек в этом случае убеждает себя в том, что все позволено. Предметом его стремлений остается все то же: спасение и преображение, новая жизнь. Но поскольку он не видит никакого развития в направлении к этому новому миру, он готов принять гибель всего существующего. Он хочет, чтобы все кончилось как можно скорее, чтобы все преходящее действительно прошло, чтобы время остановилось, чтобы пришло начало нового мира, новой жизни. Он хочет совершить космический переворот, и если «преображения» при этом не получается, то жизненные ценности рушатся тем не менее. Но даже и в этом случае, под действием христианской веры, веками проникавшей в духовную сущность русского человека, христианские мотивы продолжают составлять глубинную основу его существа и его побуждения остаются глубоко религиозными. На этот счет было очень верно отмечено, что русский человек бывает с Богом или против Бога, но никогда не бывает без Бога.

Делать из всего сказанного вывод, будто русская духовность представляет собою отрицание этого мира и занята исключительно будущей жизнью, было бы равносильно обвинению ее в своего рода ложном монофизитстве. И это было бы ошибкой, заводящей в тупик, потому что при этом упускалась бы из виду самая сущность русской духовности: необходимо понять, что если она устремлена к преображению и к «новому» миру, то это потому, что она утверждает евангелие Слова, ставшего плотью для того, чтобы победить смерть. Действительно, глядя на мир, в котором мы живем, невозможно избежать дилеммы: или нет ни Бога, ни идеи и вообще ничего, что имело бы подлинное бытие, или Бог должен явить нам Свою победу, Свое торже-

ство над миром. В действительности Он явил ее тем, что умер на кресте и воскрес. Иначе говоря, это означает, что Он воплотился для того, чтобы призвать нас к участию в Своей божественной жизни, и что страдание, крест есть единственный путь, ведущий к победе. Обоженное человечество, преображение мира — вот конец и цель истории и единственное положительное решение загадки существования. Воскресение, т. е. преображение всего мироздания, есть завершение дела Божия. Поэтому есть смысл жить, есть смысл рождать детей и воспитывать для жизни будущие поколения. Есть также смысл умереть, потому что только то, что умирает, может воскреснуть. Такова и глубокая основа отношения русского человека к надвигающейся смерти. «Удивительно умирает русский мужик! — писал Тургенев. — Состояние его перед кончиной нельзя назвать ни равнодушием, ни тупостью; он умирает, словно обряд совершает: холодно и просто».

Просветленное принятие креста и страдания, представляющих собою лишь приводящие обстоятельства смерти, входит в русскую духовность неотъемлемой составной частью. История русского народа — история очень тяжелая, очень мучительная, очень кровавая. Как писал Н. А. Некрасов:

*Волга! Волга!.. Весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Как великою скорбью народной
Переполнилась наша земля.*

Русский человек самой природой приучен к страданию. Христианство лишь возвысило эту привычку — или это качество — тем, что показало ему будущее блаженство как дивное преображение страдания. Крест неотделим от славы. Это — две стороны одной и той же медали. Пасхального духа не может быть без духа Голгофского. Даже еще больше — тот вытекает из этого. «Русский народ — один из тех немногих народов, которые любят сущность христианства, крест, — писал французский историк Леруа-Болье, — он не разучился ценить страдание; он воспринимает его положительную силу, чувствует действительность искупления и умеет вкушать его терпкую сладость». Действительно, русский человек уважает страдание как таковое, независимо от тех или иных положительных качеств, которые могут его сопровождать, — уважает потому, что всякое страдание есть участие в страстях и в смерти воплощенного Слова, «запечатлевшего — как учил св. Ириней — Свой крест на всех и на всем». Он принимает страдание потому, что за всяким страданием стоит единственная жертва, принесенная Сыном Божиим, ставшим Человеком (и уже ясно, что монофизитство тут ни при чем). Страдание, таким образом, становится великим благом само по себе, оно само по себе ведет к сокровищнице благодати. Когда человек страдает и «несет свой крест», врата Рая тем самым открываются перед ним. Когда он полностью принимает солидарность всего человечества, как в вине, так и в вытекающем из вины страдании, он тем самым преодолевает то и другое и готовит путь для такого же общего воскресения и излияния благодати на всех.

Следует еще подчеркнуть, что речь тут идет не столько о так называемом юридическом искуплении, сколько о проникновенном, страждущем, органическом, сущностном участии в страждущей и вместе с тем неиссякаемо изобильной жизни Христа.

С идеей преображения всего творения в русском религиозном сознании связана идея всеобщего спа-

сения. Это и неудивительно: преображение, «новая земля и новое небо» и спасение — это все то же самое. Это все — одна и та же идея, только рассматриваемая с разных сторон. Русская религиозная совесть никогда не удовлетворялась зрелищем личного спасения одной индивидуальной души, она всегда была озабочена общим спасением. Все души связаны между собою и ни одна не приходит к Богу без того, чтобы не увлечь за собою других. Следовательно, спастись надо вместе, а не каждому в отдельности. Достоевский прекрасно выразил эту мысль, говоря, что «все отвечают за всех». Здесь перед нами — своего рода духовный коллективизм, имеющий, возможно, своим основанием древний, унаследованный от предков и уходящий в тьму веков коллективизм сельского «мира», до такой степени укоренившийся в обычаях и нравах страны, что он сохранился до самой революции. Черты этого духовного коллективизма, этой жажды общего спасения для всего народа, для всего человечества, для всей вселенной, присущи всей русской мысли, и верующей, и неверующей. «Спасен будет тот, кто спасает», — сказал Владимир Соловьев, и тут он сходится не только с теми, кто верит, как он, — с Достоевским, с Константином Леонтьевым, со славянофилами, но и с представителями противного лагеря: с Белинским, с Бакуниним, с Герценом, с Чернышевским, с Лениным. И те ищут тоже, хотя и в секуляризированной форме, спасения для народа и для человечества, они тоже исповедуют, что избавление от зол и страданий должно совершиться не для отдельного человека, а для всех.

Но, конечно, своего подлинного сверхъестественного величия эта характерная черта русской души достигает у русских святых. Поэтому нет большей ошибки, как представлять себе русских святых судорожно сосредоточенными на себе самих и занятыми исключительно спасением собственной души. Даже самые мистические из них никогда не относятся с безразличием к судьбе ближнего и к судьбе мира. Уход от мира является для них не чем иным, как только средством, путем к более тесному единению с Богом. К тому же он почти никогда не бывает у них окончательным. Достигнув своей цели, они обычно возвращаются к людям, чтобы принести им в утешение спасительную весть. Русские святые очень человечны и вместе с тем очень активны. Многие из них обладали перворазрядными организаторскими способностями и были наделены темпераментом борцов и апостолов. Они с одинаковой силой и мужеством борются с язычеством и со злой волей князей. Русская мистика всегда была очень активной. Она очень глубока, очень сильно переживается внутренне, и вместе с тем она всегда готова бороться со злом, где бы она его ни встречала. Этим она отличается от куда более созерцательной и куда более пассивной мистики византийской.

Ввиду всех этих стремлений и предрасположений русской души, нетрудно понять, что христианская вера, проникая на берега Днепра, нашла в этой душе особо благоприятную почву. Великое христианское благовестие дало этой душе в области абсолютного ту точку опоры, которой она не находила в мире преходящих ценностей. Оно дало метафизическое оправдание той дискриминации, которую русский человек инстинктивно проводил по отношению к земной действительности. В русской душе Царство Божие не наталкивалось ни на одно из тех стремлений к омирщению, которые так мощно сказывались в сложившемся под

римским влиянием западном мире. Русские не знали ни восточного деспотизма, ни культа императора, ни культа государства. Они и приняли со свойственным им радикализмом новую веру, отвечающую их внутренним позывам, углублявшую их смутные стремления, указывавшую великолепную цель их непреодолимой тоске. Святые должны были стать глашатаями и наиболее подлинными представителями русской духовности, а их жития — жизненной философией русского народа. К ним в особенности приложимо прекрасное изречение Ф. М. Достоевского: «Может быть, единственная любовь народа русского есть Христос, и он любил образ Его по-своему, то есть до страдания».

Русская духовность веками питалась их идеалом: от их пламени зажигала свой светоч вся Святая Русь — святая не только в смысле моральной святости, но святая потому, что идеал святости составляет для нее самую высшую из всех вообразимых ценностей.

Иеромонах Иоанн (Кологривов)

ДУХОВНЫЕ СТИХИ. Духовными стихами в русской словесности называют народные песни на религиозные сюжеты. Песни эти пелись бродячими певцами-странниками на *ярмарках*, базарных площадях, у ворот монастырских церквей — везде, где находилось достаточное число благочестивых слушателей. О любви русского человека к такой форме религиозного самовыражения достаточно говорит тот факт, что вплоть до н. XX в. духовный стих бытует гораздо шире, чем даже *былины*. По сравнению с героическим эпосом религиозная поэзия проявляет гораздо большую жизненность. Если «старинушки» о «святोरусских богатырях» со временем остаются в репертуаре народных певцов преимущественно на севере России, то духовный стих продолжает сохраняться почти на всем протяжении земли Русской.

Время их появления установить с достаточной точностью затруднительно, можно лишь уверенно утверждать, что пелись они *каликами переходжими* на Святой Руси с незапамятных времен. В той форме, в которой стихи эти дошли до нас, они существовали уже в XV—XVI вв. На это время учитывая общий духовный подъем в России приходится и расцвет русской духовной поэзии.

Высота религиозного чувства и обширность познаний, отраженные в стихах, столь резко обличают несостоятельность точки зрения на русскую историю, предполагающей «темноту» и «невежество» средневековой Руси, что исследователи XIX—XX вв. вынуждены были придумывать самые неуклюжие объяснения, дабы спасти честь «исторической науки».

«В основе духовных стихов всегда лежали книжные повести», — уверенно заявляет один из них. «Можно ли утверждать, что все эти понятия и сведения, передаваемые духовными стихами, были вместе с тем общим достоянием народа?... Разумеется, нет!» — вторит ему другой. Допустим, так, но только чем тогда объяснить, что на протяжении столетий, из поколения в поколение передавая искусство духовного пения, народ с такой удивительной любовью и постоянством поет то, чего не понимает?

На деле конечно же все обстояло иначе. И чтобы понять это, даже не надо быть ученым-фольклористом. Достаточно просто быть церковным, от сердца верующим человеком. Тогда станет понятно, что народ пел от полноты сердечного чувства, созидая духовную поэзию как молитву, под благодатным покровом покаяния

и умиления, свидетельствуя тем о богатстве своего соборного опыта, поднимавшегося в иные мгновения до вершин истинно святоотеческой чистоты и ясности.

Певец духовных стихов не умствует лукаво, не «расстекается мыслию по древу» неомощного человеческого рассуждения. Он — верует:

*А я верую самому Христу, Царю Небесному,
Его Матери Пресвятой Богородице,
Святой Троице неразделимой...*

Живя в мире церковного опыта, народ твердо знает, что вся вселенная управляется всемогущим промыслом Всеблагого Бога:

*Основана земля Святым Духом,
А содержится Словом Божиим.*

И — о том же, еще поэтичнее:

*У нас белый свет взят от Господа,
Солнце красное от лица Божия,
Млад-светёл месяц от груди Его,
Зори белыя от очей Божьих,
Звезды частыя — то от риз Его,
Ветры буйные — от Свята Духа...
Роса утренняя, дробен дождик
От слез Его, самого Христа.*

Нелепо искать в духовных стихах богословски точных, догматически выверенных формулировок. Вообще ученость — как принадлежность рассудка — не может служить показателем духовной зрелости и мудрости. Зато их недвусмысленно подтверждает благоговейно-сыновнее, трепетное и любовное отношение ко Спасителю, составляющее главный нерв народной веры.

«Ох Ты гой еси, Батюшка наш, Иисус Христос!» — обращаются ко Господу в детской простоте певцы стихов. При этом религиозное целомудрие народа, чувствующего в земной жизни Спасителя высокий, таинственный мистический смысл, почти никогда не позволяет себе касаться ее подробно в сюжетах песен. Острое сознание своей греховности, своего нравственного несовершенства, питая дух покаяния, разрешило народному творчеству одну тему — тему страстей Господних, Его невинных страданий, которыми Сын Божий искупил грехи человеческие.

В нее вложил русский человек всю силу своего сердечного чувства, весь поэтический дар своей души:

*Над той над рекой над Иорданью,
На крутом, на красном бережочке,
Вырастало древо купарисо;
На том на древе купарисе
Там чуден Крест проявился...
На том Кресте Животворящем
Там жиды Христа мучили-распинали.*

Так тесно соединил народ в своем сознании судьбу России со Христом и его учением, что есть даже стихи, говорящие о распятии Господа «во Русеи» — ибо где же, как не на Святой Руси, происходит Таинству Искупления? Плачет Русь у подножия Креста Господня. Плачет, повторяя слова Спасителя, обращенные ко Пресвятой Богородице:

*По Мне, Мати, плачут небо и земля,
По Мне, Мати, плачут солнце и луна,
По Мне, Мати, плачут реки и моря,
По Мне, Мати, плачут старики-старицы,
По Мне, Мати, плачут вдовы-сироты.*

В благоговейном страхе певец не смеет даже пристально вглядываться в страдания Христовы. В стихах мало подробностей, есть несоответствия с евангель-

скими текстами. Зато сколько в них живого религиозного чувства! Воистину это всенародный «плач сердца», о котором, как о состоянии благодатно-высоком, часто писали в своих творениях Святые Отцы:

*И тут проклятые Христу плащаницу сковали,
Христа в плащаницу клали,
Обручи набивали
И оловом заливали...
Желтыми песками засыпали,
Каменными горами закатали,
Горячими камнями завалили...
В третий день Христос воскрес...
Вставал наш батюшка
Истинный Христос, Отец Небесный.*

Сознание, что человек искуплен от греха высочайшей, безмерной ценой вольных страданий Божиих, рождает сознание огромной личной религиозной ответственности:

*Со страхом мы, братие, восплачемся:
Мучения — страдания Иисуса Христа.
Восплачемся на всяк день и покаемся,
И Господь услышит покаяние,
За что и нам дарует Царствие Свое,
Радости и веселию не будет конца.*

Спасение души — смысл жизни человеческой. Этой главной цели подчиняется, в идеале, вся народная жизнь. Русь не потому «святая», что живут на ней сплошные праведники, а потому, что стремление к святости, к сердечной чистоте («Блажени чистии сердцем: яко тии Бога узрят» (Мф. 5; 8) и духовному совершенству составляет главное содержание и оправдание ее существования.

Это ощущение всенародного религиозного служения столь сильно, что понятие «Святая Русь», приобретающее в русских духовных стихах вселенское, космическое звучание. Святая Русь есть место — понимаемое не узкогеографически, но духовно, — где совершается таинство домостроительства человеческого спасения. Такова ее промыслительная роль, и народ русский есть народ-богоносец в той мере, в которой он соответствует этому высокому призванию.

«По Святой Руси» скитается Богородица в поисках распятого Христа. На Руси происходит мучение Егория (Георгия Победоносца) царем Демьянищем (имп. Диоклетианом), в действительности имевшее место в Риме в 303 по Рождеству Христову. «Не бывать Егорью на Святой Руси», — скорбит о своем герое певец. «Выходил Егорий на Святую Русь», — радуется он освобождению героя. Другой св. воин — Феодор Тирон (Тирянин), умученный при имп. Максимиане ок. 305 по Рождеству Христову, в одном из вариантов стиха идет «очистить землю Святую Русскую» от несметной «силы жидовской». Причем, в отличие от героического эпоса былин, даже сама битва за Святую Русь носит черты духовной брани. С Евангелием отправляется святой Феодор на борьбу:

*Он пошел в Божию церковь,
Он и взял книгу евангельскую,
Он пошел ко синю морю,
Он читает книгу, сам мешается,
Горящими слезами заливается.*

Даже в самой битве его оружие «книга, крест и Евангелие». Подобно Феодору, и Егорий Храбрый, очищая Русскую землю от нечисти, не сражается, а силой своего слова укрощает стихии и устроит землю. Это очень показательно — и в ратном подвиге, в

доблестных воинах народ прежде всего чтит святых, страдальцев и страстотерпцев.

Русь в духовных стихах становится местом действия лиц из священной истории Нового Завета:

Посылает Ирод-царь посланников

По всей земле Святорусской.

Рай и тот создается на Русской земле, как поется об этом в «Плаче Адама»:

Прекрасное солнце

В Раю осветило

Святорусскую землю.

Но это не гордыня. В стихах нет и намека на утверждение своей национальной исключительности. Вопросы национальной принадлежности вообще не занимают певцов. Вера и верность, чистота и полнота исповедания Православного вероучения — вот единственные значимые для них человеческие качества. С ними связана особая судьба России, русского народа и Православного царя — Помазанника Божия. Вот как говорит об этом знаменитая «Голубиная книга»:

А сама книга распечаталась,

Слова Божии прочитались:

У нас белый царь над царями царь.

Почему белый царь над царями царь?

Он принял, царь, веру хрещёную,

Хрещёную, Православную,

Он и верует единой Троицы,

Единой Троицы неразделимая:

Потому тот царь над царями царь.

Пусть тяжела русская судьба, полон скорбей и теснот путь служения «святорусского» — верность своему долгу не остается без небесного воздаяния. Эта мысль характерна для духовного стиха. Особенно показательного, что подтверждения берутся из реального исторического опыта народа:

По тому ль полю Куликову

Ходит сама Мать Пресвятая Богородица,

А за ней апостолы Господни,

Архангели-ангели святыи...

Отпевают они мощи православных,

Кадит на них сама Мать Пресвятая Богородица.

К Матери Божией на Руси отношение испокон веку было особенно трепетным и ласковым — не зря называли Русскую землю Домом Пресвятой Богородицы. Ощущение этой особой близости, особого почтения и одновременно дерзновения не могло не отразиться и в духовной поэзии. «Вся тоска страдающего человечества, все умиление перед миром божественным, которые не смеют излиться перед Христом в силу религиозного страха, свободно и любовно истекают на Богоматерь, — пишет современный исследователь. — Вознесенная в мир Божественный... Она, с другой стороны, остается связанной с человечеством, страждущей матерью и заступницей».

Самые нежные и трогательные слова посвящает Ей певец, обращаясь к Ней в дерзновении искренности и простоты, как к собственной матери — ласковой и близкой:

Мать моя — Матушка Мария,

Пречистая Дева, Пресвятая,

Свет Мати Мария,

Пресвятая Богородица,

Солнце красное,

Пречистая голубица,

Мати Божьжа, Богородица,

Скорая помощница,

Теплая заступница,

Заступи, спаси и помилуй...

Мир, освященный кровью Христа, освящен и следами Его Матери:

А Плакун трава всем травам мати.

Почему Плакун трава всем травам мати?

Мать Пречистая Богородица

По своем по Сыне по возлюбленном,

По своем по Сыне слёзно плакала.

А роняла слёзы на землю пречистыя,

А от тех от слёз от пречистых

Зараждалася Плакун-трава — травам мати.

Событиями Священной истории обусловлена жизнь мира. Не только земля и растения, но и человеческое общежитие — его устройство и бытие — укоренены в мистической библейской первооснове. Русское общество четко и ясно признавало эту связь, освящая сословное деление как деление единого для всех религиозного долга, а сами сословия — как церковные послушания, разные пути «израбатывания» спасения души:

От того у нас в земле цари пошли

От святой главы от Адамовой;

От того зачались князья-бояры

От святых мощей от Адамовых;

От того крестьяне православные

От свята колена от Адамова.

Это благоговейное отношение к миру земному вовсе не означает, однако, его идеализации. Чуткая народная совесть безошибочно определяет грех — искажение, искривление Божественного порядка вещей — как первопричину мирских неурядиц:

От Кривды земля восколебалася,

От того народ весь возмущается;

От Кривды стал народ неправильный,

Неправильный, злопамятный:

Они друг друга обмануть хотят,

Друг друга поесть хотят.

При свете церковного вероучения видней и собственные изъяны, собственное недостойство:

Дает нам Господь много,

Нам кажется мало:

Ничем мы не насытимся...

Очи наши — ямы,

Руки наши — грабли,

Очи завидуши,

А руки загребуши.

Особенной укоризны заслуживает уклонение от исполнения своего религиозного долга:

Вы за хрест, за молитву не стояли,

Господней вы воли не творили,

Господни заповеди нарушали,

Земных поклонов не кладали.

Однако нравственное несовершенство человека исправимо. Путь исправления — путь христианского подвижничества, путь православной аскезы. При общей целомудренной строгости народной жизни аскетические подвиги вызывают у певцов особое уважение, описываются с особой любовью. В описаниях «пустынного жития» — на удивление (для постороннего взгляда) поэтичных и ласковых — отражается богатейший благодатный духовный опыт русского благочестия, монашеского и мирского, внешне различный, но единый в сокровенных, таинственных глубинах мистической жизни Церкви. Так идет спасаться в девственную пустыню молодой царевич Иоасаф:

*Научи меня, мать пустыня,
Как Божью волю творити,
Достави меня, пустыня,
К своему небесному царствию.*

Красота пустыни — главная тема стиха. В некоторых вариантах он так и начинается: «Стояла мать прекрасная пустыня». Однако красота эта безгрешная, духовная, неземная:

*Тебя, мать пустыня,
Все архангелы хвалят...*

Трудничество — вот самое постоянное выражение, которым народ отмечает православную аскезу. «Трудник, трудничек, тружаник, труженик, тружельник» — так именует народ подвижников. «Со младости лет Богу потрудиться» — жаждают герои русских духовных стихов. Их подробное исследование еще ждет своего часа. И все же в области религиозно-нравственной, в области народного самосознания их свидетельство беспрерывно — к моменту расцвета духовной поэзии русский народ ясно и безоговорочно сознавал смысл своего существования в том, чтобы «Богу потрудиться», то есть привести свою жизнь в возможно более полное соответствие с Заповедями Божиими и промыслительным Его смирением о земле Русской. Вместе с героями своих любимых песен всю свою надежду в этом святом деле возлагает народ на помощь свыше:

*Я надеюсь, сударь батюшка,
На Спаса на Пречистого,
На Мать Божию Богородицу,
На всю силу небесную,
На книгу Ивangelия...*

Надежда эта и доныне помогает народу нашему претерпевать скорби его нелегкого, исповеднического пути...

Митрополит Иоанн (Снычев)

ДУША, божественная основа человека, его жизненное начало, вместилище духовной потенции и способности к духовно-нравственному совершенствованию, по

учению Нового Завета. Душа бессмертна и не умирает вместе с телом. Душа есть сам человек, его личность, но эта личность может быть бессмертна, только если душа будет спасена. Забота о спасении души — главное в жизни человека. От того, как человек прожил свою жизнь, душа либо спасается, либо обрекается на вечную погибель и соответственно идет либо в рай, либо в ад. После Страшного суда душа соединяется с воскресшим телом.

В русских понятиях душа резко противопоставляется телу: «Чистота духовная паче телесной», «Телу простор — душе теснота», «Что телу любо, то душе грубо», «Душа прохладу любит, а плоть пар», «Плоть грешна, да душа хороша», «Грешное тело и душу съело», «Душе с телом мука».

Для русского человека душа, душевные качества — главное в жизни. Об этом свидетельствуют народные пословицы: «Душа всему мера», «Душа меру знает», «Душа не принимает; с души прет, скидывает», «Душа душу знает», «Душа с душою беседует», «От души рад», «Мы с ним живем душа в душу», «Душа заветное дело». О человеке, который совершил неблагоприятный поступок, говорили: «Покрывил ты душой. Не пожалел ты души своей», «У него тело без души, бездушное тело, бездушный человек». Понятие души у русского человека тесно связано с понятием сердца.

Одухотворение души видно во всех сторонах ее жизни — мысленной, деятельной и чувствующей (Феофан Затворник). Душа человека есть недоступное хранилище его помыслов: если сам он таит их, то ни коварный глаз, ни предупредительный взор дружбы не помогут проникнуть в сие хранилище (А. С. Пушкин). Сущ-

Душа чистая. Лубок. Кон. XVIII — нач. XIX в. Собрание А. П. Бахрушина

Душевная чистота. Народная картинка из альбома Д. А. Ровинского

М. В. Несторов. На Руси («Душа народа»). 1914–1916 гг. ГТГ

ность души есть творчество (Б. П. Вышеславцев). Душа или покоряется природным склонностям, или борется с ними, или побеждает их. От этого — злодей, толпа и люди высокой добродетели (М. Ю. Лермонтов).

О. Платонов

Душа в народных представлениях — это двойник человека при его жизни, имеющий черты мифологического персонажа. После разделения с плотью человека (в случае его смерти или во время сна) душа покидает тело, принимая облик ветерка, пара, дыма или бабочки, мухи, птицы. Иногда душу представляют как маленького человечка с прозрачным телом или ребенка с крылышками.

Свое начало душа берет от матери при рождении человека, по др. представлениям — исходит от Бога. Она «живет» вместе с человеком, находится либо у него в голове, либо в ямке под шеей, в груди, в животе, в сердце. Душа растет, как и человек, чувствует

тепло, холод, боль, радость, но питается только паром от пищи. При жизни человека она может покидать его только во сне, поэтому людям снится, что они путешествуют, попадают в необыкновенные места и т. д.

Если человек связан с *нечистой силой*, то душа, покинув его во сне, творит различные злодейства. Так, по малороссийским поверьям, тело *ведьмы* остается бездыханным, пока душа, являясь людям в различных обликах, отбирает у коров молоко, похищает с неба звезды и т. п. Если в это время изменить положение тела ведьмы, то возвратившаяся после ночных странствий душа не может попасть в свою телесную оболочку и летает вокруг ведьмы, оборачиваясь то курицей, то гусыней, то мухой, то пчелой. Люди, совмещающие в себе свойства реального человека и нечистой силы (колдуны, планетники и др.), по поверьям, имеют две души или у них нет христианской души, они продают ее *дьяволу*, заменяют на «нечистый дух».

В великорусских и малороссийских верованиях встречается представление души, присущей человеку (мужчине), и пара, заменяющего душу животным, «не-христам», иногда — женщинам.

После смерти человека душа покидает тело с последним выдохом умирающего, оставаясь некоторое время поблизости от тела. Чтобы помочь душе покинуть помещение, нередко открывали двери, форточки, заслонки в печи; из окна вывешивали полотенце, по которому она спускается, а затем при желании возвращается обратно. Считалось также, что душа утирает этим полотенцем свои слезы, отдыхает на нем. Белорусы во время одевания покойного ставили на окне стакан с чистой водой и вешали полотенце, чтобы душа умершего могла вымыться, обсушиться и чистой явиться на «*тот свет*». Малороссы полагали, что душа сопровождает тело до кладбища, плача и вопрошая: «Йой, а я де буду?» После похорон душа часто возвращается в дом, поэтому на поминках принято подавать к столу горячие блюда (*борщ*, свежее испеченный хлеб, который специально ломают руками, и т. д.), чтобы душа могла подкрепиться паром от этой пищи. У белорусов в течение шести недель в *красном углу* под иконами стоит сосуд с водой: согласно поверью, душа покойника 40 дней находится в доме и нуждается в питье. На сороковой день после смерти происходят «проводы» души на «*тот свет*»; в Полесье, напр., этот обряд называет-

Душа чистая. Икона. Кон. XVIII — нач. XIX в.

ся «поднимать воздух». Аналогичные представления о душе усопшего, пребывающей вблизи людей в течение первых 40 дней после смерти, характерны и для южных славян, исповедующих Православие. По истечении данного времени души «путешествуют по земле», поднимаются в высшие воздушные сферы, летят на суд к Богу и т. д.

Наиболее тяжелым считался переход души через воду. В различных фольклорных текстах говорится, что души на «тот свет» перевозит св. Никола; иногда подчеркивается, что он перевозит только праведные души. По малороссийским поверьям, счастливые души пребывают в доме Соломона или Давида, стоящем на земле среди моря. Они непрерывно молятся Богу или пируют за белыми столами, на которых яства не уменьшаются, поскольку души едят только пар. Грешные души мучаются в аду и голодают, т. к. их кормят золой. Считалось также, что души грешников беспрестанно носятся по земле, вызывая *вихри*, бури, ураганы. Души некрещенных детей становятся *навками*, *мавками*, *русалками*.

Согласно поверьям, существует тесная связь души с телом и после смерти. Чтобы душа могла время от времени видеть свое тело, малороссы делали в гробу окошечко. В поминальные дни она посещает родной дом, обходит места, где бывал покойник, обязательно появляется у могилы, поэтому родственники усопшего оставляют на могиле *пирог*, *блины*, льют *водку*. Русский обычай подметать могилу березовыми вениками объясняли тем, что душе якобы приятен запах березовой листвы. Повсеместно было распространено верование о том, что души возвращаются домой в *Сочельник*, *Новый год*, на *Троицу* и др.

Показываясь людям, душа принимает облики различных насекомых и птиц, что связано с представлением о ее легкости, способности летать, наличии крыльев и т. п. Так, в южной России при появлении бабочек у пламени свечи поминают умерших, молясь и называя их по именам; известны также запреты убивать бабочек, приметы о них как предвестниках смерти и т. п. Если к дому постоянно прилетала какая-либо птица (*воробей*, *кукушка*, *коршун*), то ее отождествляли с душой умершего. В Полесье о пролетающих в поле птичках говорили, что это летают души добрых людей. Нередко в знак поминовения усопших на могилах или *перекрестках* дорог рассыпали для птиц зерно. Иногда душу представляли себе в облике мыши, ящерицы и др. животных.

Ист.: Плотнокова А. Душа // Славянская мифология. М., 1995.

ДУШЕГРЕЙКА, нагрудная девичья и женская одежда на лямках, как правило из дорогих фабричных тканей — бархата, плиса, парчи, полупарчи, шелка, — с подкладкой, часто на вате или кудели.

Душегрея. Кон. XVIII — нач. XIX в. Нижегородская губерния

Праздничная народная одежда: душегрея и сарафан. Кон. XVIII — нач. XIX в. Ткани — штоф и парча. ГИМ

бытовала в городской среде, у купцов и богатых мещан. В крестьянском costume встречалась реже, лишь в богатых семьях, в основном из пригородных, тор-

Праздничный костюм с душегреей жительницы слободы Кукарка

говых или ремесленных сел. В последней четв. XIX в. душегрейки стали использовать только в качестве свадебной одежды. В Архангельской и Вологодской губ. богатые невесты должны были сидеть на диванчике в сарафане и душегрейке. Душегрейка входила также в состав венчального костюма.

ДЬЯВОЛ (греч. — клеветущий), то же, что чёрт (*православн.* — проклятый), сатана (*евр.* — противодействующий), денница (люцифер), велиал (велиар), вельзевул. По учению Христианской церкви, злой ангел, злой дух или глава злых духов, виновник зла в мире, враг истины, Бога и людей. В Ветхом Завете дьявол назван «негодным человеком» и искушителем, «завистью которого вошла в мир смерть». В Новом Завете дьявол назван «бесом или сатаной» родоначальником и виновником греха. Дьявол и его последователи иудейские сектан-

Дьяволы приводят грешника к престолу сатаны. «Повесть о некотором немилостивом человеке, любителе века сего». Народная картинка из альбома Д. А. Ровинского

ты стараются коварно обольстить людей, внушить им ложные мысли и злые желания.

«Ваш отец дьявол, — говорил Господь иудеям, — и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца из начала и не устоял в истине; ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое; ибо он ложь и отец лжи» (Ин. 8, 44). Называются иногда дьяволом и детьми дьявола, так же как и сатаной, и люди, по злым качествам душ их (Ин. 6, 70; 8, 44; 1 Ин. 3, 10).

Как писал русский духовный писатель С. А. Нилус, «первый на земле народ, который признал дьявола своим богом и поклонился ему как Богу, был Израиль, ставший чрез то из народа Божия, богоизбранного, каким он был по первородству своему среди сынов человеческих, народом-богоборцем — богоубийцей, Вавилоном — женою любодеицею».

Заклечение договора с дьяволом. Картинка из лубочной книги XIX в.

Т. о., тайна беззакония, над которой так деятельно трудился князь тьмы дьявол (Ин. 12, 31; 13, 2, 27), приобрела наконец в лице иудейского народа самую восприимчивую почву, где могло возрастать семя грядущего антихриста. Только в этом народе, превратившемся из народа богоизбранного в народ богоотверженный, только в его безграничной ненависти ко Христу дьявол мог заложить прочный фундамент для своей церкви антихриста. Об этой служебной роли иудейства в осуществлении сатанинских планов говорит и Св. Иоанн Богослов: они «говорят о себе, что они иудеи, а они не таковы, но сборище сатанинское» (Откр. 2, 9).

О. Платонов

Русские для обозначения виновника зла в мире чаще всего использовали понятия *нечистая сила*, *бес*, *черт*. По русским народным представлениям, сонмы чертей неисчислимы, и мало на свете мест, куда бы они не дерзали проникнуть, вплоть до храмов. Называть черта — значит осквернять уста, совершая грех, и призывать его; поэтому люди пользовались эвфемизмами, говоря о нечистом, немытике, *анчутке* и т. п. Считалось, что когда сатана со своим воинством, восставший в гордыне против Бога, был низвергнут с небес в преисподнюю, черти падали куда придется и там приживались, так что *нечисть* обитает и в лесу, и в поле, и в болоте, и в воде, и в домах, и в хозяйственных постройках в виде *леших*, *водяных*, *домовых*, *дворовых*, *овинников*, *банников* и пр. Но масса чертей не имеет особого пристанища. Однако у чертей есть излюбленные места пребывания: глухие лесные чащи и непроходимые трясины, вообще малопосещаемые людьми сырые, поросшие кустарником места, — кулижки или кулички. Болотные черти живут семьями, плодя мелких чертенят (хохликов). Внешний вид чертей не совсем устоявшийся; известно, что они черные, поросшие шерстью, с копытами на ногах, когтями на руках, с хвостом и двумя рожками; морда же у них то ли козлиная, то ли свиная, то ли собачья. Впрочем, черт

Притча о богате и убогом Лазаре. Народная картинка из альбома Д. А. Ровинского

с легкостью и чрезвычайной быстротой может менять облик, превращаться в птиц (особенно в сорок), животных (особенно в черных кошек, собак и свиней), но только не в коров, петухов и голубей; черт может также «скидываться» живыми людьми и разными предметами, может изменяться в росте, превращаясь то в великана, то в малютку, которого можно посадить в тавлинку (табакерку). Черти очень общительны, любят ходить друг к другу в гости и пировать, особенно на *свадьбах с ведьмами*, устраиваемых на *перекрестках* дорог, где они пляшут, поднимая *вихри* пыли и снега. Они большие любители выпить, покурить, а особенно отличаются непреодолимой страстью с азартным играм, прежде всего в карты, немилосердно жульничая при этом и проигрываясь в пух и прах; их подозревают в изобретении вина, табака и карт. Черт очень любит подшутить над человеком, иногда очень зло, но главное его назначение — соблазнять людей, вводя их в *грех*, губить их *души* и затем мучить в *аду*. Черт обладает безграничными возможностями и может предоставить человеку разнообразнейшие соблазны, выторговывая себе взамен душу. Но в общем-то при необычайной хитрости он иногда бывает удивительно простодушен и верит на слово, хотя с грамотными составляет формальный договор, подписываемый кровью из правого мизинца. Он может навредить и даже погубить неосторожного человека. Поэтому сосуды для питьевой воды или кваса умные люди накрывают крышками, лучше всего с магическим узором (*оберегом*) по кромкам, или хотя бы двумя накрест положенными лучинками; перед питьем воды ли, вина ли нужно трижды дунуть в сосуд, зевая — крестить рот, перед тем, как сесть за трапезу или за выпивку, — креститься, а на *рубахах* по подолу, обшлагам, вороту и пазухе всегда вышивать магический узор-оберег, чтобы черт не проник через проемы к голому телу. Черт постоянно находится за левым плечом человека, и осторожные люди в случае сомнительного исхода дела полюют трижды через левое плечо. Бог, а точнее, Илья Пророк поражает черта молнией, и во время грозы, когда он прячется за спиной человека, при каждом раскате грома нужно говорить: «Свят, свят, свят», чтобы молния не убила. Страшной опасности

Черты в народных представлениях. Худ. Н. Антипова

подвергаются те, кто снял шейный крест в *бане* или во время купания. Но если крещеный человек еще может оборониться от козней черта, то некрещеные младенцы — легкая и любимая добыча черта, и он подменивает их на своих детей, которые очень уродливы: руки и ноги у них тоненькие, висят плетями, брюхо большое, а голова непомерно огромна; они тупы, злы и склонны убежать в лес. Любит черт

также похищать детей, проклятых матерями или просто неосторожно обруганных («чтобы тебя черти взяли»). Похищенные чертями дети раздувают пожары, девочки отдаются на воспитание *русалкам*, а мальчики — лешим. Черт очень сладострастен и сожительствоет с женщинами, являясь, напр., к вдовам, тоскующим по покойным мужьям, в их обличье; в *избу* он залетает через трубу в виде огненного змея. Такие женщины нередко превращаются в ведьм. Болезни большей частью, а нервные и душевные заболевания всегда причиняются чертями. Оборониться от черта можно крестом и молитвой, а также зачуравшись, т. е. произнести заговор или просто: «Чур меня!» Почти беспредельной властью обладает черт с полуночи до третьих петухов, но после их пения или после третьего удара церковного благовеста он проваливается в преисподнюю.

Ист.: Беловинский Л. Энциклопедический словарь российской жизни и истории. М., 2003.

В поверьях малороссов черт, представитель злого, темного начала, явился самостоятельно, независимо от начала доброго: Бог еще до сотворения земли нашел черта, Сатанаила, в пене воды и впервые тогда узнал о его существовании. У Сатанаила также была большая склонность к творчеству, но он или бессилен был сотворить что-либо без дозволения на то Бога, или мог производить только пародии на творения Божии, хотя силился достичь того же, что и Бог; Бог творит ровную прекрасную землю, а черт камни и горы, Бог цветы и злаки — черт сорные травы, Бог дал жизнь корове, а черт в состоянии сотворить лишь козу. Отсюда зависть к силе Бога и ненависть к Нему. Он старается тайком портить Его творения, пробует утопить Его в море, но бессилен причинить Ему вред. Бог разрешил ему сделать ему подобных, омачивая пальцы в воду и стряхивая капли: из капель рождались черти. Наделав т. о. большое войско чертей, Сатанаил хотел низвергнуть Бога, но был низвергнут Им сам со всем войском своим. С этого времени Бог и архангел Михаил ведут непрерывную войну с чертями, убивая их молнией: громовые удары и молния не что иное, как звук и блеск выстрелов небесного ружья, поражающего черта; также и солнце сжигает чертей. Истребляет их не одна небесная сила: их убивают люди, по большей части стреляют охотники, — между прочим, известный казацкий

Евангельская притча о богаче и бедном Лазаре. Народная картинка из альбома Д. А. Ровинского

полковник Семен Палий также застрелил однажды черта; *волки* едят чертей. Но уничтожить их до сих пор не удалось, т. к. они непрестанно размножаются таким же естественным путем, как и люди. Черти женятся на чертовках, а иногда крадут себе в жены женщин у людей. Метель и вихрь — это бесовские свадьбы (см.: Ветер). Сельские бабки-повитухи по обманному приглашению чертей неоднократно помогали своим искусством появлению на свет чертенят. Иногда и от обыкновенных жен людских рождаются чертенята, а иногда черти, в видах своего размножения, крадут у людей детей: вихрь подхватывает их и уносит; проклятые матерью дети также забираются чертом и превращаются в нечистых. Иногда черт подменивает новорожденное человеческое дитя своим, это чертово дитя называется відмінок.

Внешний вид черта такой: он черен, имеет рожки и хвост, ноги в шерсти, конские или козьи, пальцы рук кривые, с когтями. Он обладает способностью превращения в разные виды: чаще всего является красивым панычем, попом; в виде обольстительной девушки, умершего жениха или мужа и вообще во всяком человеческом образе; из животных он превращается в коня, овцу, барана, барашка, козленка, свинью, *собаку*, петуха, *ворону*, *лягушку*, рыбу; летает огненным змеем. Малороссийский черт обладает сверхъестественной силой и некоторыми знаниями, напр.: от него люди узнали секретковки железа, он изобрел *водку*, табак; но все же дела его носят печать незаконченности: он сделал воз, но не мог догадаться, как его вывезти из мастерской; изобрел мельницу, но не сумел ее достроить, и пр. Вообще его умственные способности невелики: он постоянно бывает одурачиваем людьми, с которыми входит в компанию или заключает с ними договоры, его очень часто бьют; особенно черти боятся баб, которые их шиплют, обваривают им голову кипятком и проч. Вообще сила черта настолько ограничена, что иногда обыкновенная злая баба действует успешнее его, и он сам поручает ей, за известное вознаграждение, исполнение некоторых трудных для него дел. Решительный и знающий человек легко справляется с чертом: глупый черт залез в *кувшин* — перекрестить его, и он уже не сможет оттуда вырваться; залез в кошелек — человек завязал его и сбросил в воду; является черт к *знахарю* за его душой, а тот посадил его на *лавку*, и черт уже не имеет силы оторваться от нее и встать. Он самым неумным образом попадает в рыболовные снаряды, просит отпустить его, ссылаясь на то, что он черт, и получает в ответ: это все равно! съедят люди добрые с хлебом! Вообще это скорее комическая, чем страшная фигура.

Но все же это злой дух, который стремится вредить человеку, и поэтому не следует его раздражать. Он постоянно искушает человека, подстрекает его к различным греховным делам, да и сам непосредственно причиняет зло: крадет у купца деньги, чтобы тот повесился, калечит человека, сжигает пасечника в шалахе; являясь на дусвітки под видом парней, черти отрезают девушкам головы и вешают их за косы на колья и пр. Но у черта есть и более мирные отношения с людьми: он заключает с ними договоры о продаже ему души — обыкновенно на перекрестке и кровью из мизинца контрагента (впрочем, в последнее время де-

лает это неохотно: часто его обманывают, да и без того люди сами стараются попасть в ад). Если огненный змей летит по воздуху — это он или несет деньги тому, кому обязался, или летает к женщинам для плотских сношений (перелёсник). Черти бывают у людей в гости, работают у них, пируют, танцуют с ними. Танцы и музыку черти очень любят и часто приглашают к себе сельских скрипачей; но под видом денег платят иногда разной гадостью. Впрочем, при серьезных договорах черт умеет держать слово и вообще не лишен чувства справедливости: однажды человек занял у черта деньги, а когда принес в срок, то оказалось, что его кредитор погиб; другие же черти не сочли себя вправе брать чужие деньги, и они остались человеку.

У черта множество имен: чорт, біс, люципер, сатана, сатанюк, идол, извір, ирод, дьявол, лукавий, нечистый, куций и пр., и пр.; старший из чертей — Сатанаил. Главные места пребывания чертей кроме ада — *болото*, камыш, бузинный куст, сухая *верба*, вода (кроме времени освящения ее), лес, глубокий овраг, корчма, сарай, мельница, пустое полуразрушенное здание; кроме того, есть черти, постоянно сторожащие *клады*. Сообразно месту жительства нечистая сила также имеет особые названия: лісовик (полісун) — лесной черт, в некоторых рассказах являющийся волчьим богом; польовий — живущий в полях; болотяник — любит топить в болоте людей; очертяник — житель камышей; скáрбник — охраняет казну богача.

Сохранились остатки жертвоприношений демонов: в Харьковской губ. для умиловления водяных им подносили соль, хлеб, вареную рыбу, павших лошадей и мертворожденных детей. Пчеловоды для успеха пасеки топили первый рой в жертву водяному или домовому. Водяник часто рвет гати: это он сердится, что ему нет прохода, в таком случае нужно бросить ему в воду коня в сбруе или даже с возом и проч.

К нечистой силе малороссы относили также домовика (иначе *хозяїна*), живущего преимущественно на чердаке дома и обыкновенно способствующего благосостоянию хозяина, но иногда вредящего ему (давит спящих, заезживает лошадей, может даже сжечь); во многих рассказах с домовиком сближается Доля, являющаяся в малороссийских народных представлениях существом с объективным бытием; манá или марá сбивает людей с дороги, отуманивает их; мóрок помрачает ум человека; манія — дух, навязывающийся людям или что-нибудь им предвещающий. Сюда же относятся: а) русалки (*мáвки*), происхождение которых объясняется различно: по одним рассказам это самостоятельные богини, по другим — утопленницы и дети, умершие неокрещенными. Они живут в воде, лесах и полях; четверг Троицкой недели, называемой русальной, это их *Велик-день*. Существуют песни, посвященные русалкам; б) *упыри* — мертвецы, ходящие после смерти и сосущие кровь живых людей; чтобы прекратить их хождение, следовало пробить их в могиле осиновым колом.

С. Ю.

Лит.: Рязановский Ф. А. Демонология в древнерусской литературе. М., 1915; Милорадович В. П. Заметки и малорусской демонологии // Киевская старина, 1899. VIII—IX; Беловинский Л. В. Энциклопедический словарь российской жизни и истории. М., 2003.

ЕВДОКИМОВО ЗАГОВЕНЬЕ (Евдокимов день), народное название дня св. прав. Евдокима Каппадокийского, 31 июля/13 авг.

В этот день крестьяне кланялись бороне. По поверью, с бороной, как и с др. с.-х. орудиями, надо было поговорить, обласкать ее, обтереть насухо, под навес поставить, в порядке содержать, своевременно чинить.

В этот день вспоминали св. Улиту, потому что она землю под озимый сев подымает и борону для него готовит. Чтобы поле как следует заборонить, следовало Улиту намолить и борону заговорить.

ЕВДОКИЯ ВЕСНОВКА (Евдокия Плющиха, Евдокия — замочи подол, Авдотья Свистунья), народное название дня Евдокии Илиопольской, игумении, прмц. (ск. ок. 160—170), жила во II в. в финикийском городе Илиополе, празднуется 1/14 марта.

Среди русских людей св. Евдокия получила название Весновки. Одновременно крестьяне связывали день ее памяти с началом весенних ветров и поэтому

присвоили ей еще одно название — Свистунья. По мнению некоторых исследователей, эта святая заменила собой языческого бога ветров *Позвизда*. Еще св. мч. Евдокия называлась в народе Плющихой потому, что в это время, как говорят, снег плющит на столе, т. е. начинает таять и при этом оседает. По старому обычаю, в сельскохозяйственном быту днем св. Евдокии оканчивались сроки зимних наймов и начинались весенние; потому при новых сроках поселяне говорили: «С Евдокии до Егорья; с Евдокии по Петров день» и т. п. По состоянию погоды в день Евдокии народ гадал о погоде целого года, как видно из пословиц и поговорок: «Какова Евдокия, таково и лето; На Евдокию погоже, все лето пригоже; На Евдокию снег — урожай; Теплый ветер — лето мокрое; Сиверко — холодное лето».

В этот день мужчины устанавливали ткацкие станки, а женщины начинали ткать. С 1 марта высевают рассаду, в первую очередь *капусту*.

В русских деревнях крестьянки были твердо убеждены в том, что в этот день снежная талая вода (снежица) имеет необыкновенную силу, потому что такую воду давали курам, чтобы они лучше неслись. Снежицу давали пить детям, ею отпаивали больных и ставили их на ноги; снежицей поливали в доме цветы и отмыкали стены дома. Утром каждому полагалось умыться снежной водой.

Считалось, что родившаяся в этот день девочка будет иметь суровый взгляд на жизнь и твердый характер.

По народному обычаю в этот день пекли «жаворонки» — обрядовое печенье. Жаворонки, весенние птицы, знаменуют собой приход весны. И весну человек не только взглядом воспринимал и теплом ощущал, но еще и вкушал весеннюю теплоту, весеннюю доброту. «Жаворонков» подвязывали на ветки деревьев, чтобы летели они по белу свету, всем возвещали о приходе весны.

К этому времени мужики спешили вывезти одонки — последнее сено с самых отдаленных стогов. Дети и девушки отправлялись на горки и высокие места «весну кликать», забирались на высокие деревья и на крыши домов. Считалось, что чем выше, тем весну виднее, тем она скорее услышит. Пожилые женщины одевали праздничные наряды, укладывали в узелок «жаворонков» и шли с ними к дальнему полю, угощая птиц, задабривая матушку-землю.

ЕВДОКИЯ СВИСТУНЬЯ (Свистуха), народное название дня блгв. Евдокии, вел. княгини Московской (1407), 17/30 мая. Не следует путать с *Евдокией Весновкой* (1/14 марта), которую также называли Свистуньей.

В народе говорили: «Евдокия день, когда ветры свистят», «Какова Евдокия, таково и лето».

Мц. Татиана, Евдокия, Екатерина, Анна, Феодосия, Марфа и Наталия. Икона. XVII в. Москва

Чудотворная икона прп. Евдокии Московской с частицами мощей и пояса

В этот же день праздновали память прмч. Адриана Андрусовского (1551) и апостола из 70-ти Андроника. В народе их называли Ондрон.

Крестьяне считали, что какова погода, такой и святой в этот день на землю приходил. Коли *ветер* свищет-задувает, пыль сухую поднимает — так это Евдокия Свистуха пожаловала; а коли *дождь* с неба — Ондрон с *ковшом*, полным воды, пришел.

ЕВЛАМПИЙ СВЕТИЛЬНИК (Евлампиий, День Евлампия), народное название дня свв. мчч. брата и сестры Евлампия и Евлампии, 10/23 окт.

По народному поверью, святые помогали лучину расщеплять, лампу зажигать, потемки освещать, поэтому день назывался Евлампием Светильником. В этот день вспоминали всех, кто своей святой жизнью освещал людям путь к Богу, к *добру* и свету.

ЕВПАТИЙ КОЛОВРАТ, герой прозаического пересказа богатырской песни, сохранившегося в некоторых

В. Кириллов. Евпатий Коловрат

поздних летописных сводах как эпизод «Повести о приходе Батыевой рати на Рязань». Узнав о нашествии, Евпатий Коловрат приезжает в рязанскую землю и видит, что она опустошена. Собрав дружину, Евпатий Коловрат погнался за Батыем и начал побивать татар. Батый выслал против Евпатия Коловрата своего шурина Таврула, которого Евпатий Коловрат рассек «на полы до седла». Тогда татары начали стрелять в него и убили его. Батый удивился храбрости Евпатия Коловрата, отдал его тело его дружине, которую затем отпустил на свободу.

ЕВПЛ, народное название дня мч. архидиакона Евпла, 11/24 авг. По народному поверью, в ночь на Евпла покойники выходят из могил. Поэтому в этот день св. Евплу следует молиться, чтобы они не нанесли вреда живым.

Мученик Евпл. Икона

Н. Матвеев. Евпраксия Рязанская

ЕВПРАКСИЯ, жена рязанского князя Феодора Юрьевича, славилась своей красотой. По преданию, слух о ее красоте дошел до Батыя, и он потребовал, чтобы Феодор доставил жену в орду, а когда последний отказался исполнить это, Батый велел его убить. Узнав о смерти мужа, Евпраксия, не желая попасть в руки Батыя, сбросилась с младенцем-сыном с высокого терема и убила («заразилась») до смерти. От этого будто бы и произошло название

города Зарайска, построенного на том месте.

ЕВСЕЕВ ДЕНЬ (Евсей), народное название дня мчч. Евсевия и иных, за принятие Христа во время казни св. Георгия усеченных, 24 апр./7 мая. «Пришел Евсей — овсы отсей», — говорили крестьяне. День этот считался крестьянами сроком сева овсов.

ЕВСТИГНЕЙ ЖИТНИК, народное название св. мч. Евстигнея Антиохийского, празднуемого 5/18 авг. Русские крестьяне называли его Житником, потому что в день его памяти они отправлялись заклинять жнивы, чтобы *нечистая сила* не поселилась в них и не выгоняла из пажитей скота.

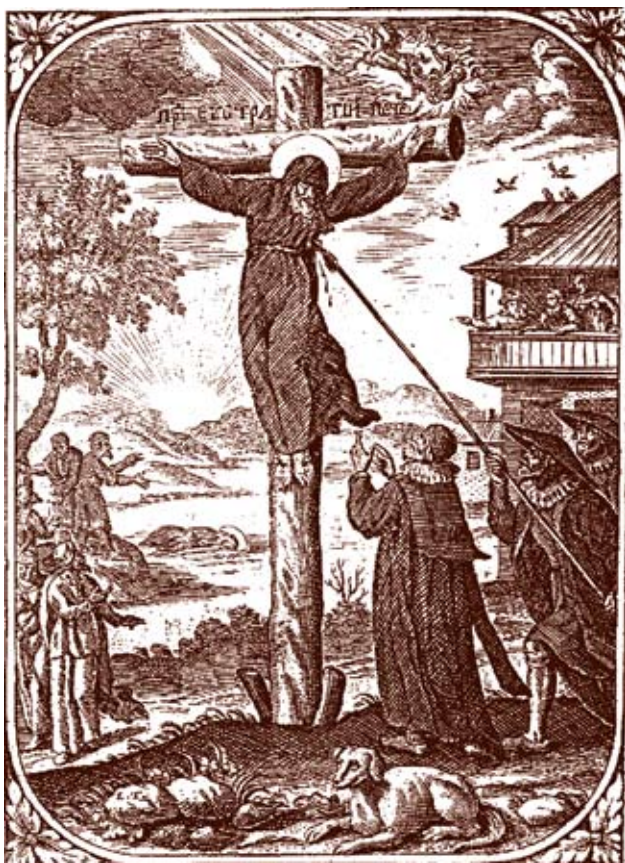
Жито заклинали, обращаясь на все четыре стороны и призывая Мать-Сыру-Землю. Евстигнея в этот день задабривали, в некоторых местах землю поливали конопляным маслом. Женщины-жницы, придя на поле, вначале кланялись ниве, потом срезали серпом несколько колосьев и сплетали себе опояску, которая оберегала здоровье жниц, спасала поясницу от усталости. А девушки на сжатой полосе собирали житную матку — первые 12 колосков, случайно оброненных при жатве. Кто первым собирал 12 колосков, тот и обретал житную матку, которую хранили под образами, надеясь, что она принесет счастье.

В этот день убирали лук. Связки луковиц развешивали в комнатах, чтобы воздух очищался. Сырой лук ели с *хлебом*, *солью* и *квасом*, чтобы здоровья прибавлялось и лицо имело свежий вид. На Евстигнея примечали погоду на декабрь. Вечером выходили в поле на пожню и слушали эхо: далеко оно разносилось — к ведру, близко раздавалось — к *дождю*. По обычаю на Евстигнея выпекали житник — первый ячменный хлеб из зерна нового урожая.

В разных местах России этот день называли по-разному: Евстигней, Евстигней Житник, Бессонник, Калинники, Малинники, *Луков день*.

ЕВСТРАТ (Мать-и-Мачеха), народное название дня памяти прмч. Евстратия Печерского (XI в.), празднуется 28 марта/10 апр.

Евстратий жил в Киеве. Раздав все свое богатство бедным, он поступил в обитель к Антонию. В 1096, когда половцы напали на Киев и причинили много зла Печерской обители, св. Евстратий был взят в плен

Прмч. Евстратий Печерский. Киево-Печерский патерик 1702

и продан в Херсонес одному еврею. Еврей понуждал Евстратия отречься от Христа, но тщетны были эти попытки. Евстратия подвергли многим мучениям, но он выдержал все пытки. Тогда евреи пригвоздили его к кресту. Мученик благодарил Бога, что ему пришлось так пострадать за него, и обличал евреев за пролитую кровь христианскую. Тогда его пронзили мечом и бросили в море. Христиане извлекли из моря мощи св. Евстратия и привезли в Киев, где они почивают в Антониевых пещерах.

По народному поверью, на Евстрата цветы мать-и-мачехи, собранные в августе, отдают свою целебную силу людям. До этого дня травный венок хранился в доме у *божницы*. Из него заваривали чай — крепкий, душистый, цветом золотистый: считалось, что он помогает от всех недугов.

По обычаю в этот день выходили чистить пруды. Камыш и сухую траву по их берегам собирали и сжигали в кострах.

ЕВТИХИЙ ТИХИЙ, народное название дней двух разных святых — мч. Евтихия, епископа Мелитинского, 28 мая/10 июня и мч. Евтихия Севастийского, 24 авг./6 сент.

На Евтихия Тихого (первого) 28 мая/10 июня по старинному преданию над хлебной нивой полудницы летают — ржаные бабы. Мужик трудится в поле — ничего не замечает, а как приляжет отдохнуть в ржаном поле, так сразу ему и привидится обнаженная, телом своим манящая женщина-красавица. Это и есть полудница. «Ей ребеночка зачать хочется, вот и ищет она в поле задремавшего мужика».

Для деревенских баб, что на сносях ходили, считалось полезно не только в ржаное поле ходить, но в поле и родить. В ржаном поле рождался хороший му-

жик. Беременным женщинам поручались *зажинки* и *дожинки*. От хлебного поля она набиралась силы и выращивала дите здоровым и крепким. Дети, рожденные в поле, слыли трудолюбивыми и талантливыми.

На Евтихия Тихого (второго) 24 авг./6 сент. погоды ожидали тихой и безветренной. А если вдруг налетал *ветер*, это сулило несчастье — льняное семя осыпалось. В народе в старину говорили, что заря в этот день — словно девушка на выдании: грустит, с летом прощается. По поверью, в этот день нельзя было смотреть на зарю и далеко уходить от дома. Иначе «опалит тебя огни неведомые, позаплутаешь-поплутаешь, да ни с чем домой и вернешься». Заря осенняя, хоть и тихая, а своими сполохами горячо палит. Сжечь не может, а опалить способна всякого зазевавшегося и заплутавшего.

ЕВФИМИЙ НОВГОРОДСКИЙ, архиепископ Новгородский († 11.03.1458). Сын новгородского священника. Еще до рождения сына родители посвятили его Богу. Пятнадцати лет Евфимий поступил в Николаевский Вяжицкий монастырь. В 1429 он был избран архиепископом Новгородским. Тогда он сказал себе: «Ему же будет дано много, много и взыщется от него» — и усугубил свои подвиги. Посты его были сверхъестественны, милостыня щедра и непрестанна. Святитель был покровителем прп. *Михаила Клопского*, *Арсения Коневского* и др. угодников. После кончины святителя на нем нашли тяжелые железные *вериги*, которые он носил тайно. Были обретены его нетленные мощи, и вскоре было установлено местное его почитание. Чудеса же и исцеления стали совершаться немедленно. В XV в. был исцелен при раке его от «студеной болезни» родоначальник дома Романовых — боярин Ники-

Евфимий, архиепископ Новгородский. Икона. XVII в.

та Захарьин-Юрьев, шурина Иоанна Грозного. В 1547 свт. Евфимий был причислен к лику святых.

Память его празднуется 11 марта.

ЕВФРОСИН ПСКОВСКИЙ, Спасо-Елеазаровский, преподобный (1386–15.05.1481), в миру носил имя Елеазар. С юных лет стремился к уединенной жизни, а свой иноческий подвиг начал в Снетогорском мона-

Прп. Евфросин Псковский. Икона (без полей). XVII в. ГМИР

стыре Пресвятой Богородицы, вблизи Пскова. Отсюда он перешел на берег р. Толвы и недалеко от Псковского озера основал Спасо-Елеазаров монастырь. Не изменяя подвижнического образа жизни, преподобный достиг глубокой старости. Причислен к лику святых на Московском Соборе (1551).

Память прп. Евфросину отмечается 15/28 мая.

Прп. Евфросиния Полоцкая. Икона. XVII в. Полоцк

ЕВФРОСИНИЯ ПОЛОЦКАЯ (ок. 1104–1173, 1167?), святая преподобная игуменья, основательница 2-х монастырей в Полоцке.

Св. Евфросиния, в миру Предслава, дочь полоцкого кн. Святослава (Георгия) Всеславиича, была очень красива и умна. Она много читала и владела навыками каллиграфии. Много женихов добивались ее руки, но она твердо решила уйти в монастырь и в 12 лет приняла постриг.

ЕВФРОСИНИЯ СУЗДАЛЬСКАЯ, княжна († ок. 25.09.1250), в миру Феодулия, старшая дочь св. кн. Михаила Черниговского. Родители просватали ее за суздальского князя Мину. Это было против воли праведницы, мечтавшей об иночестве. Она только молилась Господу о сохранении ее девства. И ее молитвы

Кн. Евфросиния Суздальская. Икона. XIX в. Суздаль

были услышаны: жених скоропостижно скончался. В Суздальском Ризположенском монастыре, преподобная приняла монашеский постриг. В обители князю не тяготили никакие послушания. После смерти игуменьи прп. Евфросиния возглавила монастырь. Когда в 1238 татаро-монголы во главе с ханом Батыем ворвались в Суздаль, там сохранился только Ризположенский монастырь, так как сильна была молитва о нем преподобной. После ее преставления от гроба святой совершались чудеса исцеления болящих.

Память прп. Евфросинии отмечается 25 сент./8 окт.

ЕГОРИЙ ВЕШНИЙ, народное название дня вмч. Георгия Победоносца (23 апр./6 мая). Этот день считался началом весны.

«Пришел Егорий — и весне не уйти!», «Юрий на порог — весну приволок!», «Не бывать весне на Святой Руси без Егорья!», «Чего-чего боится зима, а теплого Егорья — больше всего!», «Апрель — пролетный месяц — Егорьем красен!» — можно услышать во многих областях России. «Егорий-вешний и касатку не обманет!» (на 23 апр., по примете, из года в год падает начало прилета касаток-ласточек), «Егорий Храбрый — зиме ворог лютый!», «Заегорит (перейдет за день св. Георгия Победоносца) весна, так и зябкий мужик шубу с плеч долой!», «Не верила бабка весне, а пришел батюшка Егорий, — и ее, старую, в пот бросило!», «Алексей — человек Божий — с гор воду сгонит (17 марта пройдет), Федул (5 апр.) тепла надует, Василий Парейский (2 апр.) землю запарит, св. Пуд (15 апр.) вынет пчелу из-под спуда, а мужик все весне не верит — пускай, говорит, земля прееет, а я погожу полушубок снимать: придет Егорий — сам, батюшка, с плеч сымет!» и т. д.

Если выдастся 23-й день апреля теплый и ясный, быть, по примете, девятому дню мая с зеленой пони-зью: «Егорий с теплом — Никола с кормом!» — говорили крестьяне. «Егорий с водой (с росой), Никола с травой!» — прибавляют они к этому, продолжая: «Егорий с летом — Никола с кормом!», «Егорий с ношей (с кузо-

Чудо Георгия о змие. Обратная сторона двусторонней иконы. Посл. треть XVI в. Вологодские земли

вом), Никола с возом!», «Егорий-вешний везет корму в тороках, а Никола — возом!», «На Юрья роса — не надо коням овса!»

С.-х. опыт советовал с весеннего Егорьева дня «зapasать» (выгонять на пастбу) коров, оставляя коней ждать этого привольного корма до Николы. Этот день, заставлявший мужика сбросить с плеч полушубок, был отмечен особо в конском обиходе: на него примешивали в корм лошадям кусочки крестов из ржаного теста, испеченных на четвертой — Крестопоклонной, Средокрестной неделе *Великого поста*. Это должно, по поверью, охранять коня-пахаря от голодного хищника-волка на весеннем подножном корму.

С Егорья Вешнего, выгоняли пастухи наголодавшийся за зиму домашний скот на луга; но все это делалось неспроста, а с оглядкой. Старые люди строго-настрого наказывали детям-внукам блюсти уклад крестьянской жизни, сжившиеся с ней обычаи. Выгонять скот на первую пастбу — на «Юрьеву росу» — советовали не иначе, как освященной *вербой*, хранящейся в коровнике с *Вербного Воскресенья*. «Егорий ты наш Храбрый, — выкликали при этом старухи-*большухи*, — ты спаси («паси» — по иному разному сказу) нашу скотинку, в поле и за полем, в лесу и за лесом, от волка хищного, от медведя лютого, от зверя лукавого!» Выгон происходил непременно на утренней заре, когда еще на лугах стоит роса. Последняя, по уверению знающих людей, давала коровам богатый удой и делала их тучными и здоровыми. Роса представлялась воображению русского — язычника пролитым за ночь на землю молоком небесных коров; потому-то ей и приписывались чудесные свойства. Старики советовали окроплять впервые выгоняемое на весеннюю пастбу стадо святой водой. В некоторых местностях на выгоне, за околицей, служили в этот день молебны о благополучном для скота пастбище «с Юрья — до Ва-

сильева дня». По народному крылатому слову: «Юрий да Влас — всему серому мужицкому богатству глаз!»

Старинный обычай по многих южнорусских местах заставлял сельчан окатывать пастуха водой перед первым его выходом на пастбище. Выгонит пастух с подпасками стадо, а там на первом привале было готово для них угощение, «снаряженное» в складчину «всем миром». Несли туда бабы-девки «мирскую яичницу» и *водку*. За угощением пастухи молили Егория Вешнего, чтобы оберегал он, Храбрый, новое пастбище от всякого лиха, а скотину крестьянскую от лютой «помахи» (мора), ото всякой напасти. По народному поверью считалось, что в ночь с *Лукова* (22 апр.) на Егорьев день выходят на луга *ведьмы*, устилают траву белой-тонкой холстиной; как намокнут холсты, напитаются росой, так и сделаются они пагубными для коров: заберется ведьма в коровник и накроет таким холстом корову, и та заболит. Считалось также, что в канун Егорья Вешнего бродят ведьмы по крестьянским дворам, отворяют ворота, срезают с них стружки и вярят их в подойниках. Эта порча отнимает у сельских коров молоко. От такого ухищрения *нечистой силы* можно оберечь свой двор молитвой Егорию Вешнему, а также замазать оставленные ведьмами нарезки набранной у воротной притолоки грязью. О Егории Вешнем ходило у крестьян много заговоров. Вот один из них: «Встретил наш скот — милой живот — святой великомученик Егорий на белом коне; в рученьях у него, Егорья-света, щит огненный. Бьет он — побивает всех колдунов и колдуниц, воров и вориц, волков и волчиц!»

Егорий Вешний слыл не только покровителем стад, но и хозяином *волков* и др. хищных зверей. По преданию, он перед своим вешним днем садился на коня и объезжал все леса, собирая зверей. Каждому зверю шел от него особый приказ: чем кормиться, где промышлять добычу. «Обреченная скотинка — не животинка!» — говорили по этому случаю крестьяне. «Ловит волк свою роковую овечку!», «Без Юрьева наказа и серый (волк) сыт не будет!», «На что волк сер, а и тот по закону живет: что Егорий скажет, на том все и по решится!», «Святой Егорий держит волка впроголодь, а то бы хоть и скота не води!» В Среднем Поволжье в н. XX в. был обычай перед выгоном стада на первое пастбище выходить вечером в луга и выкликать: «Волк, волк, скажи, какую животинку облюбуеть, на какую от Егорья наказ тебе вышел?» После этого выкликавшие, преимущественно — старейшие в семье, шли домой, в темноте заходили в овчарню и схватывали первую попавшуюся под руку овцу. Она обрекалась на жертву зверю; ее резали, отрубленную голову и ноги бросали в поле, а остальное мясо жарили-варили для самих себя и для угощения пастухов.

О св. Егории как волчьем хозяине ходило по Руси немало разнообразных преданий. В одном из них велась речь о том, как шел через лес некий не почитавший Бога и угодников Божиих злой пастух; шел он к роднику — напиться водицы. Идет пастух и видит: стоит старый коренастый да ветвистый дуб, а вся понишь вокруг него прибита к земле, вся утолчена. «Дай-ка, — говорит пастух, — дай-ка посмотрю, что тут делается!» Влез пастух на дуб, видит — едет на белом коне своем св. Егорий, а вслед за ним целая стая волков бежит. Ни жив, ни мертв сидит пастух на дубу, шелохнуть веточку боится. А Егорий подъехал к утолченному месту, остановился под дубом и начал отдавать свои наказания волкам: рассылает их, серых, на все стороны света

Георгий Победоносец, Икона. 30–40-е гг. XII в. ГТГ

белого, говорит кому чем питаться весной красной, знойным летечком, вплоть до ненастной осени. Шло время, всех волков разослал, всех наделил краюшками хлеба заботливый волчий хозяин; вдруг (видит пастух) тащится из лесной заросли старый-престарый хромой волк. «А мне-то что ж?» — спрашивает волк. — «А тебе, — говорит св. Егорий, — вон на дубу сидит!» Сказал и уехал на своем коне. А волк сел под дубом; сидит, а самверху на пастуха смотрит да зубами щелкает. Сидит волк день, сидит серый другой день — все ждет, что слезет пастух; ждет-подождет, а тот не слезает, не хочет волку в зубы попасть. Пустился на хитрость серый: взял схоронился в кусты. Посидел-посидел пастух на дубу, пронял беднягу голод; огляделся он по сторонам — нигде не видать волка: слез — и бежать со всех ног. А волк — тут как тут: выскочил из своей засады, кинулся на пастуха, тому на этом месте и смерть пришла...

Малорусский сказ как бы дополняет это предание. Жили-были двое братьев на белом свете, — ведется повесть, — жили-были: один богатый, другой — гольнищета, бедный. Однажды «злиз бидный брат на дуба ночуваты, колы так о пивночи бачыть: якыйсь чоловик гоныть сылу звиря, а позаду другый чоловик ииде на вози. То булы лисун (леший) и св. Юрий. От прыгнав лисун звиря, да як раз — пид того дуба, де сидив чоловик; а св. Юрий почав разлиять окрайцы хлиба, що булы на вози». Раздал-разделил св. Егорий привезенный хлеб своему волчьему стаду, смотрит — одна

краюшка осталась лишняя. Отдал ее угодник Божий бедняку, отдав говорит: «Се тобі Господь дав счастья! З'цего окрайчика ты вже певне, що разживешься!» Прошло много ли, мало ли времени, — исполнились слова св. Юрия, разжился бедняк: «окрайця того никак не можно зъисты; що ни поидять, а назавтра вин и стане таким, як був: усе приростає!»... Видит это богатый брат — видит, и взяла его зависть лютая. «Дай, — думает, — и я все это сделаю!»... Пошел он к тому дубу, влез на верхушку зеленую. И снова пошло все, как по писаному: опять начал оделять св. Юрий краюшками хлеба свое волчье стадо. Да только конец не на ту статъ вышел: не хватило у волчьего хозяина одному волку краюшки, и дал наказ угодник Божий — съестъ богача завидушого вместо краюшки... Зависть лютая и здесь, как в первом приведенном сказании, была наказана, и голодный волк нашел свою волчью сыть.

По всей Руси в Егорьев день служили молебны на пашнях. «Он начинает работу, к его (зимнему) дню работа у мужика и приканчивается».

В Тульской губ. в н. XX в. существовал обычай — вставать ранним утром в день Егория Вешнего по росе на полевых межниках. Кто по Юрьевой росе покатается, будет, — гласило поверье, — «силен и здоров, что Юрьева роса». Наберется деревня силы от Юрьевой росы, а наутро — за яровой сев. Свойства у этой росы считались чудесными, еще в н. XX в. ею пользовались знахарки — вещие бабки — «от сглаза, от семи недугов». Эта же роса, по орловскому поверью, просу на пользу идет: «На Егорья роса — будут добрые проса!»

В некоторых местах России устраивались особые игрища, являющиеся отголоском старины. Таков был, напр., обычай «вождения Юрия», состоящий в том, что всей деревней девушки выбирали молодого красивого парня, обвешивали его зелеными венками и клали ему («Зеленому Егору») на голову большой круглый *пирог*, убранный цветами. Молодежь шла в поле, оглашая воздух припевами, обращенными к св. Егорию. Трижды обходили девушки и парни засеянные поля. Потом разводили на перекрестке межников небольшой костер — в виде кольца, посреди которого клали на землю принесенный пирог («моленник»). Все пришедшие садились с песнями вокруг костра и делили пирог: каждому должно было достаться хоть по малому кусочку. Кому из девушек доставалось в пришедшемся на ее долю куске больше всех начинки, та выйдет до осени замуж. Доев пирог, молодежь возвращалась по своим дворам, приплясывая и припевая:

*Мы вокруг поля ходили,
Мы Егора-свет водили,
Мы Егорья кликали... и т. д.*

На Егория Вешнего в белорусских и малороссийских селах закапывали на полевых межниках оставшиеся от «священной» пасхальной снеди кости поросят и барашков. Закапывание это производилось с особыми причетами, вызывающими все к тому же Егорию. Это, по старинному поверью, должно было оберегать посевы «от градобоя и бурелома».

На Егория Вешнего крестьяне считали, что нельзя работать с шерстью. «Кто берет под Юрья шерсть в руки, у того волки овец перережут!»

У крестьян существовало множество погодных примет, относящихся к Егорьеву дню. Если в этот день будет кропить небо *дождем* грудь земли-кормилицы, то, говорит народ, это сулит «скоту легкий год» (по белорусской примете — частые гречи). Если пойдет «на

Юрья» крупа, будет богатый урожай гречи-дикуши. Если ударит на Егорьев день легкий морозец-утренник, урождаются хорошие проса и овсы. («На Егорья мороз — будет просо и овес!»). Целые века приглядывался народ к обступающим его явлениям природы, потому-то неспроста обронил он и следующее присловье: «Коли на Юрья березовый лист в полушку — к Успенью клади хлеб в кадушку!» Ранние овсы опытные хозяева советовали сеять «с Егорья», ранние горохи — досевать к 23 апр. (Нижегородская губ.). Если егорьевское утро ясным-яснехонько, то урожайнее выйдут ранние посевы: яснее утра егорьевский вечер — поздние переспорят. «Сей рассаду до Егорья, — говорили огородники, — будет капусты доvole!» Если закукует вешунья — бездомница-кукушка «до Егорья», — это, по народной примете, не к добру: надо тогда ждать либо недорода хлебов, либо скотину станет валом-валить.

Ист.: Коринфский А. А. Народная Русь. М., 1995.

ЕГОРИЙ ОСЕННИЙ — см.: **ЮРЬЕВ ДЕНЬ** и **ГЕОРГИЙ ПОБЕДОНОСЕЦ**.

ЕГОРЬЕВ ДЕНЬ — см.: **ГЕОРГИЙ ПОБЕДОНОСЕЦ**, **ЮРЬЕВ ДЕНЬ**.

ЕДА — см.: **ТРАПЕЗА**.

ЕДЕМСКИЙ М. Б. (1870–1933), сын крестьянина с. Кокшеньги Тотемского у. Вологодской губ., получил образование в Учительском институте, потом в Петербургском университете — по специальности геология. Большую часть жизни он работал учителем и попутно увлекался сбором фольклорно-этнографических текстов. Им написан ряд статей в «Живую старину» по быту его родной деревни.

Соч.: Вечерованье, городки и песни в Кокшеньге//Живая старина. 1905. Вып. 3–4; Из кокшеньгских преданий//Там же. 1905. Вып. 1–2; Свадьба в Кокшеньге Тотемского уезда/Там же. 1910. Вып. 1–4, прил.; 17 сказок, записанных на Севере//Там же. 1912. Вып. 2–4; О крестьянских постройках//Там же. 1913. Вып. 1–2; и др.

ЕКАТЕРИНИН ДЕНЬ (Катерина Санница, Катерина Легкие родины, Катерина Женодавица), народное название дня памяти св. вмц. Екатерины IV в. 24 нояб./7дек.

Св. Екатерину называли Санницей, потому что с ее дня по всей России открывался санный путь. Ей молились все крестьяне, отправлявшиеся в этот день в дорогу, прося защиты от несчастий и невзгод. С Катерины мужики уходили в извоз.

В деревне каждый хозяин по обычаю должен был опробовать новые или отремонтированные сани, скатившись на них с горы. Потом в сани запрягали лошадь и катали деревенский люд. Катание на Екатерину — веселый праздник, когда устраивали гуляния по случаю открытия санного пути. Катали и новобрачных: молодую пару усаживали в расписные сани, укутывали волчьей или медвежьей полстью (шкурой), за молодоженами следовал поезд с родственниками. После катания свекор и свекровь встречали своего сына и невестку в сенях, стоя на вывернутой наизнанку шубе, а сопровождавшие передавали молодоженов «из рук в руки» целыми и невредимыми. Каталась и неженатая молодежь. Парни выказывали перед девицами свое умение управлять лошадьми.

По обычаю в этот день каждому нужно было обязательно скатиться с горы на сани, чтобы снять с души тяжкую ношу раздумий, предчувствий и обрести спокойствие. В некоторых местах традиционно сохра-

А. Андреев. Святая Екатерина. Икона. 1719 г. ГМИР

нялся обычай, когда парни мастерили сани для своих девушек-невест. Такие саночки раскрашивали и расписывали. Вместе на этих саночках катались с горы,

Вмц. Екатерина. Икона. 1721 г. ГРМ

веря, что с этого момента жизнь их будет неразлучной. Вечером дома хозяйка ставила на *стол* выпеченный в *русской печке пирог* с картошкой и рыбой. Расписные саночки дарили также бабушки своим внукам, а крестные матери — крестникам.

Вечер на Екатерину — время ворожбы. Молодежь загадывала на свое счастье. В первую очередь девушки гадали на своего суженого. Перед сном клали они под подушку кусок *хлеба* и загадывали, каким будет суженый.

В Екатеринин день русские молились также св. мч. Меркурию Смоленскому, при защите Смоленска отразившего нападение татар.

ЕЛЕНИНЫ КОСЫ — см.: **ОЛЕНИН ДЕНЬ**.

ЕЛЕОНСКАЯ Елена Николаевна (23.06 [5.07].1873—3.10.1951), этнограф и фольклорист. Специализировалась по фольклору и этнографии под руководством *В. Ф. Миллера*. Составила сборник великорусских частушек (1914) — первый научный труд, посвященный этому жанру. Заслуживают внимания работы Елеонской о сказках, *заговорах* и загадках. В журналах «Этнографическое обозрение», «Русский архив» и др. она поместила ок. 100 статей, рецензий и обзоров по вопросам фольклора и этнографии. Совместно с *В. Ф. Миллером* подготовила к изданию сборник «Былины новой и недавней записи из разных местностей России» (1908) и «Исторические песни русского народа XVI—XVII вв.» (1915).

ЕЛИСЕЕВ ДЕНЬ (*Елисей Гречкосей*), народное название дня прор. Елисея, а также прп. Елисея Сумского, соловецкого чудотворца (XV—XVI вв.), 14/27 июня.

Деяния пророка Елисея. Фреска. XVII в. Ярославль

Св. Елисей считался у русских крестьян покровителем полей, защитником их от пожаров. В день св. Елисея крестьяне молились ему о «ниспослании дождя». **ЕЛКА НОВОГОДНЯЯ**, срубленная и украшенная ель в праздник *Нового года* и *Рождества*. По евангельскому преданию, ель укрыла Богородицу во время ее бегства с Христом в Египет, за что получила благословение и была вознаграждена, оставшись навечно зеленой.

Обычай хвойного рождественского дерева, пришедший к нам из Германии, соединился с многочисленными славянскими ритуалами, связанными с внесением в дом дерева в определенные праздничные дни календарного года и жизненного цикла человека.

В виде срубленного дерева, его верхушки, веток, венка или гирлянды из еловых веток устанавливали или вешали в церкви на период от Рождества до *Крещения*, его ставили в *красном углу* на *лавке*, носили с собой колядники и пастухи, обходившие дома на *Святки*, и т.п.

В народной дендрологии ель также связывалась с похоронно-поминальными ритуалами. Использовалась в качестве обрядового дерева в рождественско-новогодних, масленичных, троичских и купальских празднествах, а также на *свадьбах*.

ЕМЕЛЬЯНОВ ДЕНЬ, народное название дней двух разных святых: 1) мч. Емилиана, при имп. Юлиане Отступнике пострадавшего, 18/31 июля; 2) прп. Емилиана, исповедника, 8/21 янв.

Мученик Емилиан. Икона XX в. Москва

На день мч. Емилиана, 18/31 июля по завершении жатвы жнецы складывали свои серпы в круг, а затем служили молебен и окропляли серпы святой водой. Лишь потом их уносили домой до следующей страды.

В этот день топили баню и парились *вениками* из ржаной соломы. С этого дня начинали заготавливать варенья да соленья.

На день св. Емилиана Исповедника 8/21 янв. в разгар морозов и метелей было принято приглашать в гости кума и куму, которые приходили с куском мыла. Мыло это использовали при купании ребенка-крестника. При этом на Русском Севере приговаривали: «Царь морской, да царь двинской, да царь пинежский, дай воды на живот, на здравие раба Божьего (называли имя ребенка), на чистоту его, на красоту его».

Вечером при свете свечи или лучины собирались послушать сказки и бывальщины старых опытных людей, повидавших многое на своем веку. Иногда те состязались между собой, рассказывая занятные истории, затейные бывальщины, страшные чудеса. Считается, что отсюда и пошла поговорка: «Мели, Емеля, твоя неделя».

День 8/21 янв. в некоторых местах России назывался Емельяны Перезимники.

ЕМЕЛЬЯНЫ ПЕРЕЗИМНИКИ — см.: **ЕМЕЛЬЯНОВ ДЕНЬ**.

ЕНДОВА, большой широкий округлый сосуд, деревянный, оловянный или медный, с носиком, для разлива *вина*, *пива*, *браги*, *меда*. В центральных губерниях

Ендова XVIII в. Русский Север. Дерево, резьба, роспись

Европейской России деревянные енды делали овальной или круглой формы, на поддоне, с ручкой и желобком для слива, вырезанным на краю сосуда. Северные енды имели круглое тулово со слегка отогнутыми краями, низкий

поддон и слив-желобок. Ендовы, распространенные в губерниях Поволжья, были токарной работы, круглые, с выступающим носиком в виде желоба. Деревянные ендовы, в отличие от металлических, обычно богато орнаментировали. Ендовы, так же как *ковиши*, *братины*, *скопкари*, являлись традиционной утварью для русского застолья. Они существовали еще в XVI–XVII вв., но не считались тогда предметами, которые необходимо выставлять на лучшее место в доме, как это делалось с братиной или ковшами. В русской деревне ендову почитали как символ гостеприимства: «В поле враг, дома — гость: садись под святые, начинай ендову».

ЕПАНЧА (епанёчка), нагрудная женская одежда в виде короткого, до талии, плаща без рукавов или с ложными рукавами. На Русском Севере ее шили из шелка или парчи, украшали кружевом из золотых нитей, металлической бахромой. В Сибири ее изготавливали из меха белки, куниц или соболя. Епанча не имела пуговиц, нередко ее завязывали у воротника или прямо у шеи длинными шелковыми лентами.

Неизвестный художник. Портрет крестьянки в голубой епанче. 1840-е гг. ГИМ

Неизвестный художник. Портрет тверской мещанки в желтой епанче. 1830–1840-е гг. ГИМ

Епанча (деталь русского народного костюма). Кон. XVIII в.

Епанча была известна еще в XVI–XVII вв. Этим термином обозначали тогда одежду на меху: «...на черевах лисьих... на пупках собольих», а также длинную одежду из сукна или войлока с длинными прямыми рукавами, часто пропитанную олифой, которую надевали во время дождя.

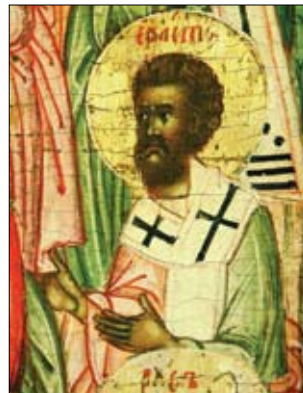
В XVIII–XIX в. епанчу из шелка и парчи надевали с *рубахой* из тонких тканей и шелковым *сарафаном*. Во 2-й пол. XIX в. она входила в состав свадебного костюма и встречалась лишь в семьях купцов и богатых крестьян. Епанча из меха, распространенная в Сибири, была праздничным нарядом девушек и замужних женщин.

И. III.

ЕПИФАН (Епифанов день, Рябиновка), народное название дня свт. Епифания, 12/25 мая. По народной примете, «если на Епифана утро в красном кафтане» — к пожарам.

В народных поверьях Епифан рядился в красный *сарафан* под цвет *рябины*, поэтому девушки в этот день надевали красные сарафаны. По древнему обычаю, крестьяне выходили в этот день к рябине и, обращаясь к Епифану, просили его уберечь дома и дворы от огня-пожарища. Старое сказание гласило, что ветка рябины помогает в лесу не заблудиться. Тот, кто с веткой рябины по лесам-болотам ходит, всегда верный путь находит. Рябина охраняет от всяких бесов, несет в себе целебную силу.

ЕРАСТ — НАСТЕЛИ НАСТ (Ераст), народное название дня апостолов из 70-ти Ераста, Олимпа, Родиона, Сосипатра, Куарта и Тертия, 10/23 нояб.

Апостол Ераст. Фрагмент иконы «Апостольские деяния». 1698 г.

По народным приметам, земля в этот день покрывается ледяной коркой. Морозы чаще и сильнее сковывают землю. По русскому поверью, на Ераста зима на пегую лошадку пересаживается. В этот день существовал обычай нищим и сиротам отдавать старую одежду, чтобы в холода не замерзли.

ЕРЕМЕЙ ЗАПРЯГАЛЬНИК (Еремей Яремник, Запашник, Засеватель), народное название дня прор. Иеремии, 1/14 мая.

Пророк Иеремия

Название дня памяти прор. Иеремии связано со словом «ярмо» (упряжи для скота). Святой в дни своих пророчеств носил на шее деревянные колодки, по народным понятиям — ярмо. В этот день с помощью подъяремных животных начинались сельские работы — тяжелые и изнурительные как для земледельца, так и для скота. Поскольку эти работы можно выполнить лишь с помощью Божией, то люди обращались к прор.

Иеремии, служили молебны и окропляли земледельческие орудия богоявленной водой.

По верованиям, в этот день сам прор. Иеремия запрягает на небе колесницу и засеивает хлеб, а иногда и заканчивает за изнуренных людей работу. Посев начинали с молебна св. Еремею. Крестьяне, выходя в поле, кланялись на восток, юг и запад, с низкими поклонами бросали в каждую сторону по горсти жита и просили у Матери-Земли хорошего урожая. После этого ритуала начинали сев.

Во многих губерниях в день сева ни под каким видом не давали чужому человеку ни единого зерна, ни куска печеного хлеба, т. к. считалось, что от этого может быть неурожай.

ЕРЕМЕЙ РАСПРЯГАЛЬНИК (Еремеев день, Ерема), народное название дня мч. Ермия, 31 мая/13 июня.

Мученик Ермий. Икона XX в. Москва

К этому времени должен быть закончен посев всех хлебов. В этот день распрягали лошадей, отпускали их на вольный выпас. Еремей Запрягальник сев начинает (1/14 мая), Еремей Распрягальник кончает. Всякий Еремей про себя разумеет: когда сеять, когда жать, когда в *скирды* убирать.

ЕРМОЛАЙ (Ермолаев день), народное название дня свв. мчч. Ермолая, Ермиппа и Ермократа, в Никомедии пострадавших, 26 июля/8 авг.

На этот день во многих местах России заканчивали жатву. Крестьяне молились св. Ермолаю о помощи в труде — «Ер-

молай, последний хлеб убирай». Если не успевали, приглашали соседей помочь.

ЕРМОЛОВ Алексей Сергеевич (12.11.1847 — 4.01.1917), ученый и государственный деятель, в 1894—1905 министр земледелия и государственных имуществ. Родился в Тифлисе. Окончил Александровский лицей и Петербургский земледельческий институт. Изучал и собирал народные приметы, связанные с сельским хозяйством (опубликовал их в книге «Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах», т. 1—4, 1902—05). Участвовал в работе Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности 1902—05. Считал необходимыми ориентацию сельского хозяйства на внутреннее потребление и более широкое привлечение земств к деятельности в аграрной сфере. В янв. 1905 обратился к имп. Николаю II с предложением учредить выборную земскую думу для предварительного рассмотрения важнейших законопроектов. С 1905 член Государственного Совета. С 1913 председатель комиссии по охране памятников природы при Русском Географическом обществе. Сторонник развития туризма. В 1915 опубликовал работу «Русский туризм и отцизноведение».

ЕРОФЕИЧ, *водка*, настоянная на целебных травах. Считалась целебной при многих болезнях. По преданию, рецепт принадлежал жившему в XVIII в. лекарю Ерофеичу, вылечившему гр. А. Г. Орлова от опасной болезни. В лавках продавались в фунтовых бумажных пакетах смеси трав с сушеными померанцами под названием «набор» для приготовления ерофеича.

ЕРОФЕЙ ЛЕШЕГОН, народное название дня сщмч. Иерофея, 4/17 окт. По поверью, на Ерофея *лешие* дурят в лесу: кричат, хлопают в ладоши, хохочут, ломают деревья, гонят зверье, траву в узлы завязывают, болотные зыбуны вспучивают.

Происходит это потому, что св. Ерофей их с земли гонит. Считалось, что в этот день лешие сквозь землю проваливаются и тянут за собой все живое — зверей и птиц, траву и ягоды, грибы и орехи. Если человек попадется — и его с собой утянут. Поэтому ходить в лес в этот день было запрещено — леший нападет.

Крестьяне рассказывали: «Леший — хозяин лесов и болот, ничего и никого не боится, кроме Ерофея да еще огня, даже головешки страшится. Только *крестным знаменем* можно от него уберечься. Почувствовав, что леший тебя водит, остановись да перекрестись, зажги ветку да оглянись — путь-то из лесу сразу и увидишь. А чтобы леший не обошел тебя спереди, сними обувь да стельки поменяй с пятки на носок: леший тогда сам запутается и назад от тебя побежит».

ЕРУСЛАН ЛАЗАРЕВИЧ, герой русских народных сказок, старейший текст одной из которых относится к XVII в. Сказка проникла и в лубочные издания. В ней рассказывается, как молодой богатырь Еруслан, достав

Неизвестный художник. Битва Еруслана Лазаревича с царем Змейским

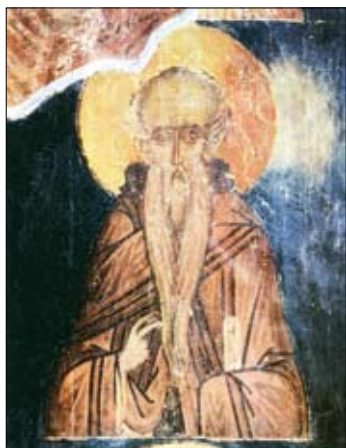
себе коня, совершает на нем ряд воинских и любовных подвигов. Вс. Миллер указывает на влияние сказки о Еруслане Лазаревиче на одну малорусскую сказку об Илье Муромце, а также отмечает одну былинку, представляющую яркий пример смешения обеих личностей.

Еруслан Лазаревич проник и в малорусский заговор против змеиного укуса: «На осиянском мори стоит дуб, а в том дубе Яруслан Лазаревич. Яруслан Лазаревич! Не будешь ты своего гаду сбирати, из желтой кости зуба вынимати — полевой, меловой, травяной, болотняной — побьет тебя день середя! Аминь».

ЕРШ ЕРШОВИЧ, сын Щетинников, изворотливый, плутоватый герой бытовых русских сказок, в которых высмеиваются дурные общественные порядки, подкупность судей, судебная ябеда и волокита. Представлено озеро, в котором плавают лещ, судьи и свидетели, всего 9 рыб; кругом озера 33 мужика (есть и крестьянки), приканчивающие Ерша, о чем и говорят надписи, взятые из стихотворного списка о ловле ерша, а внизу краткое извлечение из «судного дела, как был суд у Леща с Ершом».

ЕФИМ БЛАГОЧЕСТИВЫЙ (Ефимий Осенний, Пчельник, Льяницы), народное название для прп. Евфимия Солунского (Нового), 15/28 окт.

В это время в русских деревнях девушки начинали готовить пряжу, чтобы сесть за ткацкий стан. С этого дня, по старинному поверью, по ночам в дом проникает *кикимора* и начинает вместо девок прясть или ткать. Поэтому родители девушек молили св. Ефимия последить за прялками и ткацким станом и не допустить, чтобы кикимора в пряжу и ткань вплетала свое колдовство. От кикиморы можно и самому избавиться. Когда она за ткацким станом или с веретеном за прялкой ночью сидит, то видимой становится. Обратись к св. Ефимию, осени кикимору крестным знаменем — она и исчезнет (см.: Кикимора).

Преподобный Ефимий Великий. Фреска церкви
Зверина монастыря. XV в. Новгород

ЕФИМ МЕТЕЛЬНЫЙ (Ефимий Зимний, Ефимьев день, Ефим, Ефимки), народное название дня прп. Евфимия Великого, 20 янв./2 февр. По примете, на Ефима в полдень видно солнце — к ранней весне. По народному обычаю, если в этот день *ветер* с утра завывал и снега наметал, нужно было выйти на *крыльцо* и, махая руками, сказать: «Помело метет метлой на Маслену — придет сударыня метельная».

А если не было ветра снежного, то примечали, что Маслена будет тихая и солнечная.

ЕФИМЕНКО Александра Яковлевна (урожд. **Ставровская**) (18.5.1848—18.12.1918), родилась в с. Варзуга, ныне Мурманской обл., историк, этнограф, исследователь русской *общины* и *артели*. Первая в России женщина — почетный доктор русской истории (степень присвоена в 1910 Харьковским университетом). В 1863 окончила гимназию в Архангельске. Была учительницей в Холмогорах, где вышла замуж за ссыльного студента П. С. Ефименко, будущего этнографа и фольклориста. Занималась историко-этнографическим исследованием населения Севера России и Малороссии. Принадлежала к народническому направлению в историографии. Выступила с теорией первоначального существования на Севере печищного землевладения, которому на Юге соответствует дворишное, последнее в силу исторических условий превратилось в общину.

Исследования Ефименко появились в тот момент, когда в русской науке обсуждался вопрос о русской общине, о давности и исконном характере общинного землевладения. Ефименко удалось собрать среди крестьян Архангельской губ. многочисленные частные акты преимущественно XVI и XVII вв., рисующие

земледельческие порядки того времени. Тщательно изучив и подвергнув их детальному анализу, Ефименко дала полную картину поземельных отношений в XVI и XVII вв., указав на долевую организацию деревни, из которой, как из материнской формы, развились позднейшие формы — подворно-участковая и общинная.

Большое внимание уделяла изучению трудового начала в русском народном праве и *обычного права* русского народа.

Соч.: Артели в Архангельской губернии // Сб. материалов об артелях в России. 1873, 1874; Исследования народной жизни. Вып. 1. 1884; Обычное право. М., 1884; Южная Русь. Т. 1—2. 1905.

ЕФИМЕНКО Петр Савич (1835 — 7[20].05.1908), этнограф и фольклорист. Учился в Харьковском и Московском университетах. В 1860 выслан в Пермскую, а затем в Архангельскую губ. С 1870, отбыв ссылку, находился под строгим надзором полиции в городах Центральной России и Малороссии. Ефименко собрал большие материалы по этнографии и фольклору.

Соч.: Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии. 1869; Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Ч. 1—2. 1877—78; Сборник малороссийских заклинаний. 1874 и др.

ЕФИМИЯ СТОЖАРНИЦА (Ефимья), народное название дня мц. Евфимии (IV в.), 11/24 июля.

Крестьяне называли Ефимию Стожарницей, потому что считали, что она Стожары устанавливает — приметный кол, основу, ось. Стожарами является и Полярная звезда, вокруг которой поворачивается созвездие Большой Медведицы. В этот день мужики за Стожарами наблюдали и примечали: если ярко звезды сияют — к удачной охоте на *медведя*, который в эти дни любит лакомиться овсом.

В этот же день вспоминали *Ольгу Сеногойку*.

ЕФРЕМ СИРИН (Ефремов день, Ефрем Ветроуд, Прибаутник, Запечник, Сверчковый заступник, Именины домового), народные названия дня прп. Ефрема Сирина, 28 янв./10 февр. Крестьяне считали, что на Ефрема Сирина *домовой* шалит на дворе, и чтобы его умиловить, ставили на *загнетку* кашу, прося побереечь скотину.

Ж

ЖАБА — см.: ЛЯГУШКА.

ЖАВОРОНОК, булочка, обычно пшеничная, завернутая жгутом, в виде птички, с острым тестяным клювиком и глазками из изюма, иногда с маленькими, зашпанными из теста крылышками. Пекли в день *Сорока мучеников Севастийских*, 9/22 марта, символизировали приход весны, и дети в обряде «*веснянки*» где-нибудь на протаявшем бугре за деревней подбрасывали жаворонков кверху, призывая весну.

ЖАДНОСТЬ, алчное материальное стяжание, страстное и ненасытное желание присваивать все себе одному, увлекаться корыстью. Человеческое качество, строго порицаемое на Руси.

В «Книге премудрости Иисуса, сына Сирахова» говорится: «Око лихоимца не насытится частью, а обида лукавого иссушает душу его», «Взятки и мзды ослепляют и очи мудрых, так что и зрячие уже не видят». В «Наставлении отца сыну»: «Дом скупца — как туманная ночь, что скрывает звезды и свет от многих очей». «Горе лихоимцу, ибо богатство покинет его, огонь же примет его» («Изречения Исихия и Варнавы» из «Изборника 1076 г.»).

«Много желать, — говорится в русских пословицах, — добра не видать. Много хватать — свое потерять. Жадностью ничего не возьмешь. У жадного кадык перетянуло. Жадные глаза не знают стыда. Сытый волк смирнее ненасытного (жадного) человека. Нет пропасти супротив жадных глаз».

О. П.

ЖАЛЕЙКА, русский деревянный духовой музыкальный инструмент, дающий разом две ноты. Часто использовался пастухами.

ЖАЛОСТЬ, сострадание, соболезнование, сочувствие при чужой беде, печаль, грусть, скорбь, сокрушение (В. И. Даль). Одно из характерных качеств человека Св. Руси.

«Человек жалью живет, — говорят русские пословицы. — От жали (жалости) не плакать стать. Встретил с радостью, а проводил с жалостью. Жаль берет, жалость одолевает, глядя на этого бедовика». Вместе с тем русский человек считает: «Жалью море не переедешь, веку не изживешь».

Истинная сущность жалости не есть простое отождествление себя и другого, но признание за другим собственного значения — права на существование и наибольшее благополучие (В. С. Соловьев). Жалость есть разделение богооставленности твари, соединение с нею в этой богооставленности (Н. А. Бердяев). **О. П.**

ЖАМОК (жемок), русское народное дешевое лакомство, гостинец для детей и девушек, маленький пряник из серой муки, скатанный в руках и приплюснутый.

ЖАР-ПТИЦА, в древнерусской языческой мифологии волшебная птица, по некоторым сведениям, одно из воплощений солнечного духа Рарога. Согласно рус-

В. Корольков. «Жар-птица»

ским сказкам, жар-птица живет в тридесятом царстве в райском саду, окружающем терем Царь-девицы. Растут в том саду золотые яблоки, возвращающие молодость.

ЖБАН, небольшой сосуд, кадка, с крышкой и ручкой. Маленькие жбаны выполняли функции кружек.

ЖЕНА, в понятиях Руси одна из сторон в благодатных отношениях брака как таинства любви (Иоанн Златоуст). Отношения мужа и жены в христианском браке строятся по образу Христа и Церк-

ви (св. Климент Римский, Тертуллиан). Жена создана, по апостолу, для того, чтобы быть «славой мужа» (1 Кор. 11; 7), чтобы быть живым отображением богоподобия мужа. Такие отношения между мужем и женой являются выражением логики создания женщины из ребра мужчины. «Вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женою, ибо взята от мужа» (Быт. 2; 23). «Сколько бы ни были нам полезны бессловесные, но помощь, оказываемая женою, гораздо превосходнее... Жена — целое, совершенное и полное существо — может и беседовать, и в силу единства природы доставляет великое утешение. Ведь для его (мужа) утешения и создано это существо» (Иоанн Златоуст). «Жена добра и страдолюбива и молчалива — венец есть мужу своему» («Домострой»), а злая жена близка бесам. «Злая жена сведет мужа с ума». «Злая жена — засада спасению». «Злая жена — мирской мятеж!» «Злая жена — поборница греху». «Злая жена — та же змея». «Злая жена — злее зла». «Всех злыдней злее жена злая». «Лучше камень долбить, нежели злую жену учить». «Железо уваришь, а злой жены не уговоришь». В общем, по мнению русского человека, «от злой жены не уйдешь». «От злой жены одна смерть спасает да пострижение».

О. II.

ЖЕНСКАЯ ЧЕСТЬ, соблюдение целомудрия девушкой (см. также: Девичья честь) и супружеской верности замужней женщиной. Вплоть до к. XIX в. строго соблюдалась в среде *крестьянства* и в меньшей мере — среди других слоев русского общества. Русское крестьянство решительно осуждало добрачные связи и супружескую измену.

Вопросы, связанные с честью девушки или замужней женщины, могли, по желанию обиженной, рассматриваться на сходке *общины*. В их числе были оскорбления действиями символического характера: вымазать дегтем ворота, поднять подол, подрезать косу.

Повсеместно у русских ворота, вымазанные дегтем, означали позор для всей семьи, и прежде всего для девушки, которая жила в этом доме. После этого она подвергалась насмешкам, презрению, оскорблениям. Как правило, не могла выйти замуж. Но традиция хранила и возможность защититься от напрасно возведенного позорящего обвинения. Девушка могла обратиться к старосте и просить его собрать сходку, чтобы снять с себя позор, доказав невинность.

Порядок такой сходки описан наблюдателем из д. Мошковой Орловского у. Состав сходки в этом случае был необычным; на ней должны были присутствовать все парни общины. Девушка, по инициативе которой был созван сход, выходила перед всеми и трижды вызывала оскорбителя словами: «Кто меня обесчестил, выходи ко мне и обвиняй меня перед всеми!» Затем она просила общество защитить ее «правым судом». Община всегда соглашалась провести расследование. Призванная для этого женщина удалялась с девушкой, осматривала ее и о результатах сообщала сходке. Если девушка оказывалась невинной, участники сходки кланялись ей в ноги со словами: «Прости нас, ради Бога, ты не виновата, а мы над тобой смеялись и думали, что ты останешься в вековушках». Девушка в свою очередь кланялась «обществу». «Благодарим и вас покорно за мое оправдание». Если после оправдательного решения сходки кто-либо оскорблял все-таки девушку, община взимала с него штраф в пользу обиженной, а родственники девушки расправлялись с ним кулаками при одобрении общественного мнения.

Не всякая оскорбленная напрасным обвинением девушка могла решиться выступить таким образом перед сходкой. Для парней, вознамерившихся вымазать дегтем чужие ворота, существовала и другая острастка: если хозяин дома подстерег человека, мажущего его ворота дегтем, он мог расправиться с ним жестоко — общественное мнение не осуждало. Оправданную общиной девушку охотно брал хороший, по местным представлениям, жених. Неоправданная долго не выходила на улицу от позора.

Подобный вопрос ставился на сходке и в том случае, если парень публично заявлял свои права на девушку, с которой был близок, когда она оказывалась просватанной за другого. Оскорбление в этом случае совершалось публично, и потому оскорбитель всегда был налицо. Оскорбитель должен был доказать сходке, что сказал правду, и после этого обязательно жениться на оскорбленной им девушке. Та не смела отказать ему, подвергалась общему осмеянию и в течение года после замужества не должна была выходить в *хоровод* и на другие сборища. Последнее считалось наказанием за потерю чести в девичестве. Если же разбирательством устанавливалось, что оскорбитель оклеветал девушку, мир приговаривал его к большому штрафу и изгнанию из деревни на год, а родственники оскорбленной расправлялись с ним по-своему. По возвращении в свою деревню он еще в течение двух лет не допускался в хоровод.

Для замужней женщины на Орловщине оскорблением, символизировавшим обвинение в измене, было испачкать ей при всех рубашку сажей. При этом говорилось: «Запачкала ты себя с таким-то своим беззаконием!» Обвинитель должен был доказать сходке обоснованность своего выпада. Если ему удавалось это, обвиненная подвергалась насмешкам. В течение года она не имела права посещать соседей, даже просто входить к кому-либо в дом. Честь ее была навсегда потеряна в глазах общины.

М. Громыко

ЖЕНСКИЙ ПРАЗДНИК, в русской народной традиции приурочивался ко Дню жен-мироносиц — третьему воскресенью по *Пасхе*. В сер. и в к. XIX в. о нем сообщали из разных регионов России (Курская, Калужская, Ростовская и др. губернии) в ответ на программы Императорского Русского Географического общества и Этнографического бюро кн. Тенишева (см.: Тенишевское этнографическое бюро). Обычно после церковной службы, на которой девушки и женщины стремились по возможности побывать, они шли группами в лес, где раскладывали костер, устраивали угощение в складчину (традиционно — яичница, жареное сало, ржаные лепешки или калачики), составляли *хоровод*. «Три-четыре девки играют в это время в кувички, т. е. дудочки с одним отверстием, разной длины, нарезанные из тростника. Они подбираются под тоны, и звуки их так чудны и необыкновенно оригинальны». В некоторых местах для этого празднования объединялись женщины и девушки двух соседних деревень. Иногда в компанию могли затесаться гармонист и 2—3 парня, но, как правило, мужчины были лишь зрителями. Местами на «бабий праздник», посвященный женам-мироносицам, совершалось *кумление*.

М. Громыко

ЖЕНЩИНА, в понятиях Руси рассматривается двойственно. С одной стороны, совершенно очевиден культ возвышенного женского начала — Матери-Земли, Богоматери, человеческой матери и материнства, уважение к женщине как хранительнице семейного очага. С

Сотворение Евы. Лубок. 1692–1696 гг.

К. Маковский. Боярыня у окна

А. Рябушкин. Русские женщины XVII столетия в церкви

другой — отрицательное отношение к чувственности, которую выражает собой женщина. В этом смысле женщина рассматривается как один из главных источников греха и орудие сатаны. «Начало грехам — от женщины, и от нее ж — умираем мы» («Изборник 1076 г.»). «Зло есть женская прелесть» («Повесть временных лет»). Мотивы подобного отношения к женщине, как потенциальной «пособнице дьявола», заметны даже в «Домострое» (XVI в.). В сознании коренного русского человека главное предназначение женщины — служить хранительницей очага. «Домострой» требует от женщины чистоты и послушания, дает ей большие права в ведении домашнего хозяйства. Историк русского быта И. Е. Забелин рассматривает место женщины в семье по известной правовой формуле Руси: «слово и дело». Последнее слово всегда остается за «государем»,

С. Грибков. Прятки

хозяином дома, мужчиной, но делом в доме занимается «государыня», хозяйка дома, женщина («делодержец дому»), так что многим из женщин были присущи «крепкое мужество и непреложный разум — качества безусловно мужские».

«В «Домострое», — писал Забелин, — дается идеал семейной жизни, как он был создан древним русским обществом. Женщина поставлена здесь на видном месте, ее деятельность обширна... Необходимого

Фрагмент убранства. ГИМ

Женщина в костромском праздничном костюме. Нач. XIX в. ГИМ

Женщина в русском костюме XVIII в. Нач. XIX в. ГИМ

Торопчанка в праздничном костюме. Нач. XIX в. ГИМ

Женщина в костромском праздничном костюме (г. Галич). 1900-е гг. ГИМ

К. Маковский. У околицы

Женщина в кокошнике Псковской губернии. Нач. XIX в. ГИМ

для восстановления нравственных сил развлечения, перемены занятия, перемены предмета для разговора нет и быть не должно по общественным условиям... Повторяю, что мы не имеем никакого права упрекать «Домострой» в жестокости к женщине: у него нет приличных невинных удовольствий, которые бы он мог предложить ей, и потому он принужден отказать ей во всяком удовольствии, принужден требовать, чтобы она не имела минуты свободной, которая может породить в ней желание удовольствия неприличного или, что еще хуже, желание развлекать себя хмелем. Сколько женщин по доброй воле могло приближаться к идеалу, начертанному «Домостроем», скольких надобно было заставлять приближаться к нему силою и скольких нельзя было заставить приблизиться к нему никакою силою, сколько женщин предавалось названным неприличным удовольствиям? На этот вопрос мы отвечать не решимся».

Положение женщины в русском обществе было не принижено, а соответственным христианскому пониманию ее как домодержщицы и хранительницы семейного очага. Роль женщины в Древней Руси, писал историк В. В. Колесов, была исключительно велика, «поскольку для большинства, для младших членов коллектива, она — мать. Русская история показывает твердый характер русской «матерью вдовы» — от княгини Ольги до былинной Амелфы Тимофеевны; под их рукой ходили такие мужчины, как князь Святослав или Васык Буслаев».

Принижённое положение женщины характерно для Запада, где с эпохи т. н. Возрождения происходит эстетизация чувственного начала женщины и всего того, что в понятиях Святой Руси считалось греховным. Запад отказывается от христианского отношения к женщине и начинает видеть в ней преимущественно любовницу или своего рода механизм для получения удовольствия, имеющий денежную ценность. С XVIII в. такое отношение к женщине распространяется и среди русского дворянства и образованных слоев. Выпадение женщины из христианского миропорядка, освобождение ее от заповедей Нового Завета в корне изменило всю человеческую жизнь, сделав ее игрой мелких страстей и увлечений.

Осмысливая происходящее, Л. Н. Толстой писал: «Возьмите всю поэзию, живопись, скульптуру, начиная с любовных стихов и голых Венер и Афин, — вы видите, что женщина есть орудие наслаждения; она такова на Грачевке и на утонченном балу... Женщины устроили из себя такое орудие воздействия на чувственность,

Женщина в нижегородском праздничном костюме. 1900-е гг. ГИМ

Женщина в праздничном костюме Тульской губернии. 1900-е гг. ГИМ

что мужчина не может спокойно обращаться с женщиной. Как только подошел к ней, так и попал под ее дурман, и ошалел... Всякая разодетая женщина представляла опасность для общества. Поэтому, когда я вижу разодетую женщину, я хочу закричать: «Городовой!»

«Отношение к женщине, — писал В. А. Сухомлинский, — тончайший измеритель чести, совести, порядочности, благородства, высокая школа воспитания чуткости». Возвышенное отношение к женщине в духе христианства характерно для многих русских писателей. «Женщина — великое слово. В ней чистота девушки, в ней самоотверженность подруги, в ней подвиг матери» (Н. А. Некрасов); «Женщину я люблю, женщину! Что есть женщина? Царица земли» (Ф. М. Достоевский); «Подумаем о красоте и приятности женской: возможно ли не дивиться, видя их вид величавый, смирение и приятную лепоту?» (А. Д. Кантемир); «Женщина творит мужчину не только актом физического рождения; женщина творит мужчину и актом рождения в нем духовности. Женщина оплодотворяет творчество гения» (А. Белый); «Женщины у нас поднимаются и, может быть, многое спасут. Женщина — наша большая надежда, может быть, послужит всей России в самую роковую минуту» (Ф. М. Достоевский).

О. Платонов

Женщина в XVIII–XIX вв. Как объект русского гражданского и обычного права женщина обладала ограниченными правами, хотя в некоторых отношениях и более широкими, нежели в Западной Европе. Женщина не могла выдавать векселя без согласия мужа, не могла наниматься в услужение или на работу без его позволения. Жена или дочь (до 21 года, со-

Г. Седов. Боярышня

женщины, женское образование преимущественно имело специфические формы воспитания или простейшей ремесленной подготовки для низших сословий, а высшее женское образование в законных формах начинает зарождаться только в н. XX в. Женщины

Н. Петров. Три дамы

вершеннолетие юноши начиналось четырьмя годами ранее, с 17 лет) вписывалась в паспорт мужа или отца, а выдача ей отдельного паспорта совершалась лишь с согласия мужа, который мог вытребовать ее через полицию по этапу. Законодательство прямо предписывало жене «неограниченное послушание» мужу. Она не имела права отыскивать отца ребенка, рожденного вне законного брака и требовать с него содержания на ребенка. Право опеки над малолетними детьми с их имуществом принадлежало только отцу и при разезде или разводе ребенок оставался с отцом, если только тот добровольно не соглашался оставить его с матерью. Женщины до к. XIX в. практически не имели права на государственную службу (работа по вольному найму разрешалась с 1871 только в некоторых ведомствах), имелась значительная дискриминация в оплате труда

Девушка в праздничном тверском costume. Нач. XIX в. ГИМ

Женщина в новгородском costume. 1820-е гг. ГИМ

Женщина в красном платке. Кон. XVIII — нач. XIX в. ГИМ

И. П. Аргунов. Портрет неизвестной крестьянки в русском costume. 1784 г.

Женщина в костромском головном уборе. 1900-е гг. ГИМ

Женщина в праздничном костюме Скопинского уезда Рязанской губернии. 1900-е гг.

Неизвестный художник. Портрет К.А. Серебрянниковой. 1810-е гг. ГИМ

Неизвестный художник. Портрет Кулибиной, супруги И.П. Кулибина. 1810-е гг. ГИМ

М. Васильев. Портрет Е.О. Басниной, рожденной Портновой. 1821 г. ГИМ

Неизвестный художник. Портрет купчихи с жемчужным ожерельем. 1820-е гг. ГИМ

Неизвестный художник. Портрет крестьянки с синим платком в руках 1820-е гг. ГИМ

Н.Д. Мыльников. Портрет П.А. Спасской. 1829. ГИМ

Неизвестный художник. Портрет купчихи с веером. 1780-е гг. ГИМ

Неизвестный художник. Портрет крестьянки в розовом платке. 1790-е гг. ГИМ

не обладали избирательными правами (при наличии имущественного ценза могли уполномочить ближайших родственников-мужчин) и правом представительства в органах земского и городского самоуправления, не могли быть присяжными заседателями.

В то же время при разводе или разъезде муж был обязан обеспечить жену материально. После смерти отца женщина пользовалась всей полнотой власти над детьми, даже если это была незаконная мать. Особенностью русской женщины было право на раздельное владение имуществом, в т. ч. она сохраняла право на наследственное и приобретенное имущество, что давало ей возможность заниматься предпринимательской деятельностью от своего имени. Однако женщины были стеснены в правах наследования по прямой линии (дочери при братьях получали $\frac{1}{7}$ часть движимого и $\frac{1}{4}$ часть недвижимого имущества) и исключались из числа наследников по боковой линии. Бездетная вдова получала в пожизненное владение или до нового замужества все движимое и недвижимое имущество мужа, а четверть его предоставлялась ей в полную собственность. Приданое также сохранялось за вдовой. По Указу 1731 вдова наследовала после мужа и свекра $\frac{1}{7}$ недвижимого и движимого имущества и лишь по Закону 1762 вдова после смерти мужа получала все родовое имение. В обычном праве в среде крестьянства дочь не участвовала в разделе отцовского имущества, но братья обязаны были содержать ее и выдать замуж с приданым. Вдова по обычному праву получала некоторую часть имущества мужа, причем чем дольше длился брак и чем она была старше, тем большей была эта часть. При совершеннолетних детях

вдова по обычному праву ничего не получала, но оставалась жить в доме при них, а при малолетних детях оставалась полноправной хозяйкой. В крестьянстве жена была обязана работать на мужа или свекра (большака) определенное время в году (преимущественно с 15 апр. по 15 нояб.), но то, что она выработала в др. время года, а также деньги за проданные ею ягоды, грибы и пр. были ее собственностью: при описи и продаже имущества мужа за недоимки имущество жены не могло быть продано. Если муж взламывал сундук жены и забирал деньги или продавал холсты, принадлежавшие ей, хотя бы и на уплату податей, то она имела право жаловаться сходу, и при определенных настроениях схода мужика могли и выпороть. Муж имел право «заставить» жену на посторонние работы лишь в определенный срок, в др. же время она могла отка-

Неизвестный художник. Портрет купчихи в синей головной повязке. 1840-е гг. ГИМ

Н.Т. Дуров. Портрет ржевской купчихи А.В. Дворниковой. Фрагмент. ГИМ

Н.Т. Дуров. Портрет ржевской купчихи С.В. Ивановой. 1834 г. ГИМ

Неизвестный художник. Портрет купчихи Гончаровой. 1840-е гг. ГИМ

Мастерская О.Ф. Вишнякова. Бювар «Малороссиянка». 1870-е гг. ГРМ

Н.Д. Мыльников. Портрет Т.И. Озерской. 1832 г. ГИМ

Неизвестный художник. Портрет неизвестной в голубом платье. 1840-е гг. ГИМ

Неизвестный художник. Портрет Е.Н. Морозовой. 1850-е гг. ГИМ

Данковский однодворческий женский костюм — поздний вариант. Кон. XIX — нач. XX в.

Костромской «сборник», вышитый жемчугом, с жемчужной поднизью. 1-я пол. XIX в.

заться от работы. Но в пределах домашнего хозяйства она была обязана беспрекословно исполнять все работы, подчиняясь не только мужу, но и его родителям, а также женам старших братьев. Она была обязана обеспечить мужа определенным количеством полотенец, рубашек и др. вещей на год. На женщин не выделялась наделная земля, а потому они и не были ответственны за уплату податей и исполнение других повинностей. Женщины не подлежали телесным наказаниям.

В деревне отношения мужа и жены регулировались обычным правом. Женщина рассматривалась прежде всего как работница, и выбор ее, а также сроки заключения браков диктовались этим отношением: свадьбы игрались или весной, обычно на Красную горку, если семье нужна была новая работница, или осенью, преимущественно на Покров, когда кончались полевые работы, чтобы зимой не кормить лишний рот. При таких сроках и рождение ребенка приходилось или на зиму, когда женщина была свободна от полевых работ, или на середину лета, до начала жатвы. Ввиду постоянных и длительных отлучек мужа для заработков женщина пользовалась определенной свободой, особенно если было известно, что муж на стороне позволяет себе связи с др. женщинами. Муж мог избить жену за слишком вольное поведение в его отсутствие, но если избивание было чрезмерным и сопровождалось увечьем, по жалобе жены сход мог наказать мужа. Если муж вступал в постоянную связь с др. женщиной, жена могла отказать стирать на него, шить, но все равно обязана была выполнять др. хозяйственные работы.

Уголовные наказания женщин-преступниц всегда смягчались, а некоторые наказания (бритье головы для ссыльнокаторжных, приковывание к тачке) не применялись. Для беременных и кормящих грудью женщин наказание отсрочивалось. Женщины с детьми всегда, прочие — по возможности, отправлялись в Сибирь на повозках.

Выходя замуж, женщина переходила в сословие мужа, а при перемене им своего сословного положения также приобретала новые права. Но дворянка, выйдя замуж за недворянина, не теряла своего дворянства; однако титулованная дворянка, выйдя замуж за лицо, не имевшее титула, теряла право на титул. Вдова сохраняла сословные права, полученные при замужестве.

В социальной верхушке имелся ряд рожденных обычаем бытовых черт применительно к женщине. Женщина заведомо считалась по положению выше, чем мужчина, поэтому первым представляли мужчину женщине, каково бы ни было его социальное положение; исключение делалось только для мужчин

преклонного возраста. Девушка или замужняя дама не могли выходить на улицу в одиночестве, но только в сопровождении гувернантки, компаньонки или прислуги, если ее не сопровождал близкий мужчина. Считалось верхом дерзости смотреть женщине в лицо или лорнировать ее; чтобы не допускать этого, женщины носили *капоры*, чепцы или шляпы с широкими, низко опущенными полями, оборками, а при маленьких шляпках — вуаль. Женщина не могла переодеваться в мужское платье и ездить верхом по-мужски. Мужчина должен был сохранять все формы вежливости при общении с женщиной, целовать ей руку, если она подавала ее, и не мог раскланиваться с женщиной на улице, даже будучи представленным ей, если она находилась с др. мужчиной. Курить в присутствии женщины мож-

но было только с ее разрешения, и то это считалось не слишком приличным. Нельзя было при женщине сидеть развалившись или класть ногу на ногу. Если в комнату входила женщина, мужчины обязаны были встать. Поклон женщине сопровождался снятием головного убора. Беря женскую руку для поцелуя, мужчина должен был снять перчатку, но танцевать с женщиной можно было только в перчатках, чтобы не касаться ее обнаженного плеча голой рукой.

Ист.: Беловинский Л. В. Энциклопедический словарь российской жизни и истории. М., 2003.

ЖЕНЬ-МИРОНОСИЦЫ. В третье воскресенье по Пасхе вспоминается первое явление Господа людям по восстании Его из гроба. Он явился во плоти семи женщинам, глубоко и искренне возлюбившим Его, сле-

Жены-мироносицы у Гроба Господня. Икона. Кон. XVIII в. Поволжье (Кострома?)

Жены-мироносицы у Гроба Господня. Икона XV в. Русский музей

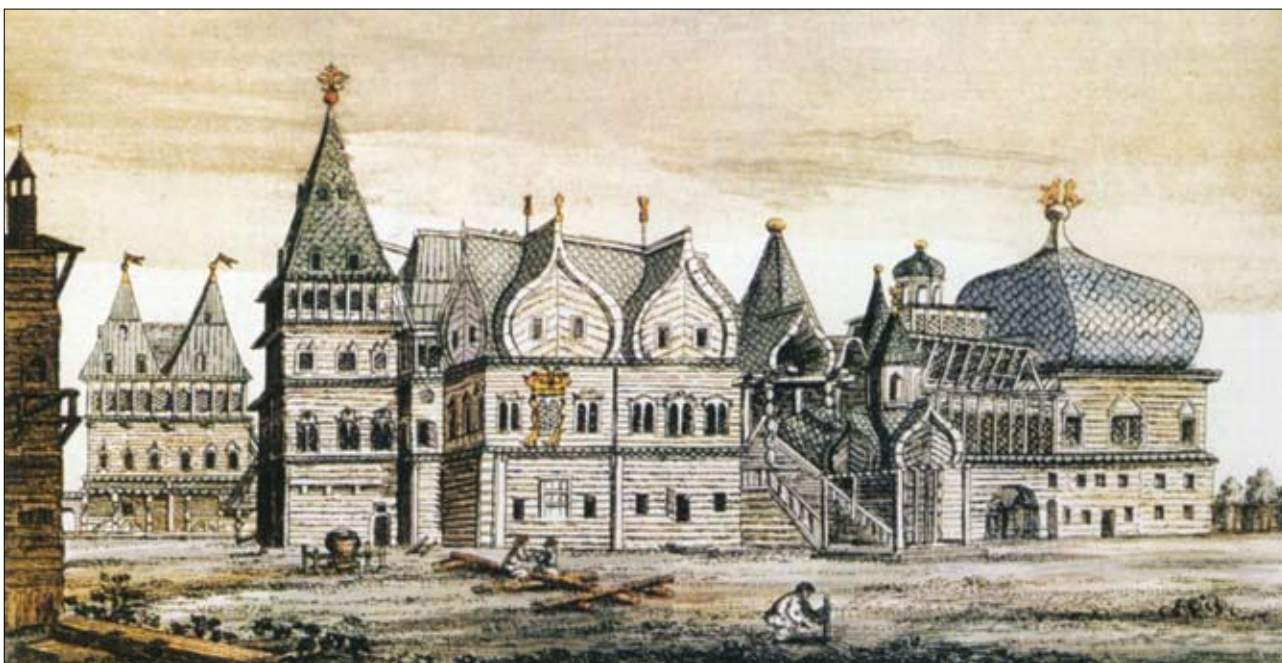
довавшим за Ним и служившим Ему, не оставившим Его даже в часы страданий и крестной смерти. Они принесли к погребальной пещере миро (благовония), чтобы по обычаю помазать им тело Иисуса. Но вместо Почившего обрели ангела, возвестившего им радостную весть, а затем увидели и Самого Воскресшего. Так жены-мироносицы оказались свидетельницами не только погребения, но и Воскресения Христова и пронесли это свидетельство по всему миру. Евангелие сохранило нам их имена. Это Мария Магдалина, Мария

Клеопова, Саломия, Иоанна, Мария и Марфа — сестры Лазаря, Сусанна. Именно этот день (третье воскресенье по Пасхе) всегда был настоящим женским праздником для всех христианских народов. Св. мироносицы представляют собой образец истинного женского призвания. Эта самоотверженная и постоянная любовь к Спасителю и к ближнему (как и заповедал Господь); это служение не только домашним, но и немощным, страждущим, неимущим; особенно же — это развитие и совершенствование доброго и любвеобильного сердца. И преданность женщин-христианок Богу, не только в славе, но и в бесчестии, засвидетельствована нашей историей. Русская Православная Церковь сохранилась и возрождается во многом благодаря их верности, их часто невидимому труду, их слезному молитвенному предстоянию.

ЖИЗНЬ, дар Божий, результат творческого акта Бога, обладающего неизбывной жизненной силой. Жизнь принадлежит Богу, и поэтому посягательство на любую жизнь — страшный *грех*. Исключение существует только в отношении врагов Бога и Отечества. В понятиях Руси жить нужно не для себя (эгоизм) и не для других (альтруизм), а со всеми и для всех (*Н. Ф. Федоров*). «Вся мудрость жизни — в сосредоточении мысли и силы, все зло — в их рассеянии» (*К. П. Победоносцев*). «Цель и смысл жизни — любовь» (*Н. А. Некрасов*). «Жизнь требует верного глаза и твердой руки. Жизнь не слезы, не вздохи, а борьба, и страшная борьба. Слезы — «дома», «внутри». Снаружи железо. И только тот дом крепок, который окружен железом» (*В. В. Розанов*). «Как жить? С ощущением последнего дня и всегда с ощущением вечности» (*Ф. А. Абрамов*)

О. П.

ЖИЛИЩЕ (дом), жилое помещение с *печью*. Основным материалом для постройки русских жилищ служило разного рода дерево: дом либо рубили из плах или цельных древесных стволов, либо плели из хвороста. Наряду с деревом уже с давних времен употребляли также землю и глину для землянок и мазаных домов. Кирпичи первоначально применяли только при постройке церквей; крестьянские дома из кирпича стали строить в деревнях не раньше XVIII в.

Дворец царя Алексея Михайловича в Коломенском

Рис. 1. Замок русского князя XI в. (Любеч. Резиденция Владимира Мономаха.)
Реконструкция Б. А. Рыбакова, 1964 г.

Существовали общие для всех русских характерные особенности строительства жилищ.

1. Преобладал такой способ постройки домов из древесных стволов, при котором на углах выступали концы бревен (зау́лки); на бревнах, на расстоянии

Ап. Васнецов. Старорусский город. 1899 г.

20 см от концов делали топором полукруглые выемки (рус. чашки). В такую выемку клали конец бревна следующего ряда до половины его толщины. Это называли *ру́бка в угол*, в *обло*, в *ча́шку*, в *ко́ровку*, в *за́руб*; у *зру́б*, у *цівкі* (малорос.). Вдоль бревна делали не очень глубокую борозду, т. н. паз, заполняли его для сохранения в доме тепла мхом или, реже, паклей и прижимали следующим бревном.

2. Отсутствие фундамента, который чаще всего заменяли большие камни, врытые в землю, под четырьмя углами дома, или короткие толстые столбы (рус. *сту́лья*, подстолбки; малорос. *стояни*).

3. Опорой для потолка служила горизонтальная поперечная балка (рус. *ма́тица*, малорос. *сво́лок*); на сколоченный из досок потолок насыпали землю.

4. Внутри дома вдоль стен были устроены неподвижные скамьи для сиденья (*ла́вки*, малорос. *лави*), а над ними — также неподвижные полки для посуды.

5. К жилому дому были пристроены *сени*, а рядом с ними, всегда в одну линию, — чулан или второе жилое помещение.

Рис. 2. Древнерусское жилище VII—XIII вв. 1 — полуземляночное жилище VIII—X вв., 2 — полуземляночное жилище XI—XIII вв., 3 — наземное срубное жилище XI—XIII вв. (схема-реконструкция П. А. Раппопорта, 1975)

Основные типы русского жилища различали по двум главным признакам: высота над уровнем земли и материал. Дома первого типа ставили непосредственно на землю, так что полом дома служила земля. Такой дом, естественно, отличался очень небольшой высотой. Назывался такой дом хата.

Кроме небольшой высоты хата отличалась тем, что была обращена к улице не фронтоном, а длинной стороной. Деревянный пол внутри хаты покрывал обычно не всю площадь, а лишь небольшую ее часть и, как правило, служил местом для сна. Наконец, крыша хаты была всегда четырехскатная, округлая, а не двускатная. Этот тип жилища преобладал в степных районах — в Малороссии, у южнорусских и отчасти у белорусов.

Москва. Вид одной из улиц города в первой половине XVII в. Гравюра А. Олсгария («Описание путешествия в Московию», 1634—1636 гг.)

Москва. Вид одной из улиц города в первой половине XVII в. Гравюра А. Олехаря («Описание путешествия в Московию», 1634—1636 гг.)

Другой тип русского жилища — севернорусская *изба* — строилась не непосредственно на земле, а на более или менее высоком сооружении из бревен — нижнем, нежилом этаже (т. н. *подпóлье*, *подклёт*, *подыбица*); его нередко использовали как кладовую или как хлев. Этот тип дома на подклете был обращен к улице фронтоном, и крыша у него была почти всегда двускатная (см. рис. 3—5). Он был характерен гл. обр.

Рис. 3. Севернорусский двор сзади. Ярославская губ., Пошехонский у.

Рис. 4. Севернорусский дом (дом-двор); вид спереди. Вятская губ., Орловский у.

Рис. 5. Севернорусский дом (на подклете). Вологодская губ., Кадниковский у. (рис. Г. В. Вороновой по Сулову).

для великороссов и постепенно стал вытеснять малороссийскую хату.

Что касается материала, то в Малороссии встречались дома (*хати*) типа наземных из ивовых веток, из хвороста, из связанного в пучки камыша, из ржаной соломы и, наконец, дома, снаружи и изнутри обмазанные глиной (*мазаные*), которые называли также *мазанки*. Малороссийские дома делали также из необожженного кирпича; это был *лемпáч*, *самáн* — смесь глины и мякины или резаной соломы. Иногда эти кирпичи (т. н. *валькú*) клали в стены еще совсем сырыми, так что приходилось очень долго сушить такие стены, прежде чем положить на них потолок и крышу. Глина — строительный материал, был настолько привычный для малоросса, что свой дом, даже сложенный из бревен, он также обмазывал и снаружи, и внутри глиной, благодаря чему такие дома тоже называли *мазанки* (см. рис. 17).

Южнорусские плели стены помещений для скота и др. хозяйственных построек из хвороста, но глиной их не обмазывали. Точно так же не обмазывали русские и белорусы свои бревенчатые дома. Южнорусский жилой дом такого же наземного типа, как малороссийский, отличался от последнего (даже бревенчатого) тем, что его не обмазывали, а также своим внутренним устройством: *святой*, или *красный*, *угол* с иконами и *столом* в большинстве случаев помещался около входной двери. У севернорусских такое расположение встречалось крайне редко, а малороссам и белорусам оно вообще не было известно.

Дома севернорусского типа на подклете обычно соединялись с двором, под которым находились постройки для скота и для хранения корма. Такое соединение жилого помещения со скотным двором народ называл *связь*. Положение дома по отношению к связанному с ним двору было не всегда одинаково. В некоторых случаях дом был связан с двором по длине, так, часто двор стоял за жилым домом; в этом случае жилое помещение могло быть пристроено сбоку. В др. случаях двор примыкал к дому сбоку, так что фасады обоих строений лежали в одной плоскости; при этом пристройка новых помещений могла производиться по оси дома; если имелся второй дом, он стоял позади первого.

На рис. 4 представлен дом, который кажется сложным, потому что двор здесь примыкал одним концом к задней стене жилого дома, а другим соприкасался с хозяйственными строениями; все это вместе имело вид буквы «П» (старое название буквы — «покой»), благодаря чему этот тип постройки народ называл *стро́йка покóем*). Весь двор был покрыт соломенными крышами, так что «птица не залетит». Этот тип постройки, который в Вятской губ. являлся господствующим, сравнивали с крепостью.

Характер крепости носили и жилища русинов в Карпатах, где жилой дом находился под одной крышей с хлевом и всеми др. хозяйственными постройками. Нечто подобное имело в н. XX в. и у малороссов Екатеринославской губ.

Материалом для крыши русского жилища (рус. *крóвля*, крыша, *стрéха*; малорос. *стріха*, *покрівля*; белорус. *страха*) служили солома, доски, *дранка* (*дрань*, *драніцы*), иногда также короткая кровельная *дрань* (*гонт*), изредка — *камыш*. Приколачивание кровельных досок железными гвоздями пришло в н. XX в. Вообще для постройки русского дома характерно полное

отсутствие железных гвоздей и др. металлических деталей. В некоторых случаях вместо необходимых железных гвоздей употребляли деревянные, а на крыше заменяли их гнетом.

Из двух основных типов русской крыши — четырехскатной шатровой и двускатной остроконечной — наиболее древней следует считать шатровую. В XIX в. у белорусов и малороссов распространилась двускатная крыша, вытеснив прежнюю четырехскатную.

На рис. 4–5 можно увидеть переходные стадии от четырехскатной крыши к двускатной. В одном случае наверху сохранилась часть соломенного ската (белорус. лабя́к, залоб, прыстрэ́шак). Иногда внизу сохранился рудимент того же ската (белорус. ако́п, казыро́к, причэ́лле, капё́ж, застрэ́шак). В др. случае (рис. 5) спереди скат (севрус. па́латка), а сзади двускатная крыша. Преимущества двускатной крыши, обеспечившие ей победу над шатровой, были таковы: увеличение площади чердака (рус. по́дволока, верх, черда́к, вы́шка; малорос. горі́ще, го́ра; белорус. гара́, верх, сельні́к, пакот́); возможность сделать на чердаке окно; уменьшение стоимости крыши, если ее делали из дорогого материала, например из железа. Для фронтона у русских не было общераспространенного названия, так что употребляли самые различные: шчы́т, зашчы́т, лоб, чало́, франто́н, павал, ачэ́лле; лёме́га (белорус.).

Если считать двускатную крышу более поздним явлением, чем четырехскатная, то следует признать также поздним тот тип крыши, который представлен на рис. 6. Эта крыша отличалась от обычной отсутствием стропил (рус. стропи́ло, бык; малорос. и белорус. кро́квы). В этом случае каркасом крыши служили длинные горизонтальные жерди (рус. слега́, лото́ка; белорус. пакот, набо́т), концы которых были положены на концы бревен фронтона (рус. саме́ц, боранды́ш; белорус. лёме́г).

Такая крыша на самцах была распространена у севернорусских, но нередко встречалась и у белорусов, которые делали эти крыши, покрытые соломой, на ам-

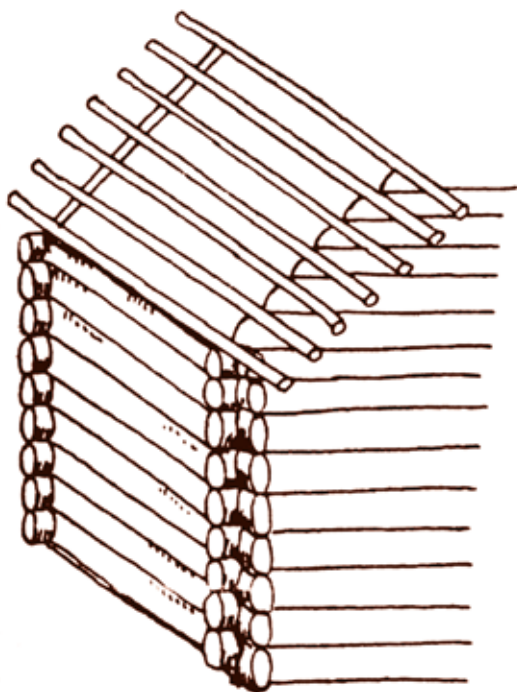

Рис. 6. Каркас крыши (на самцах) белорусской пуня. Черниговская губ. Мглинский у.

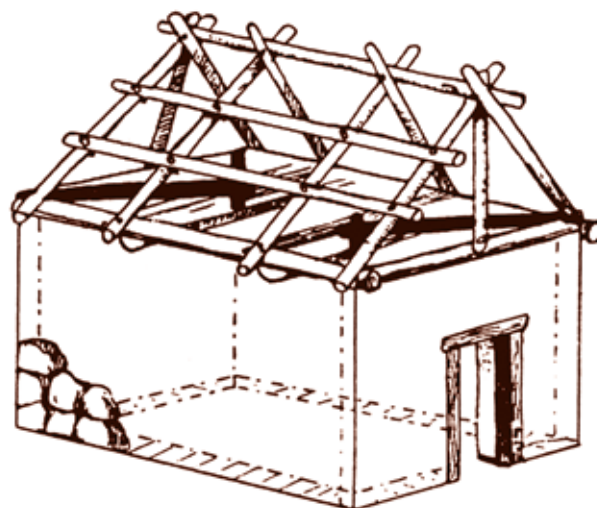

Рис. 7. Южнорусская пуня. Каркас крыши. Тульская губ., Богородицкий у.

Рис. 8. Крыша севернорусского жилого дома. Вологодская губ., Кадниковский у. (по Суслову)

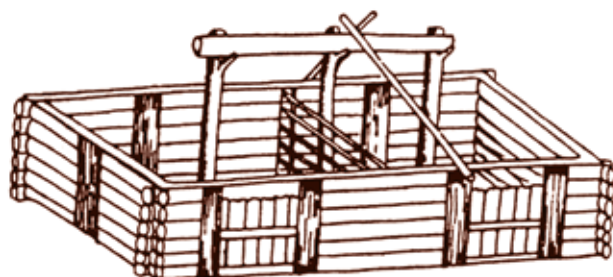

Рис. 9. Крыша пуня (на сохах) белорусского гумна. Могилевская губ., Гомельский у.

барах, чтобы обезопасить себя от воров: проломить такую крышу было невозможно.

У севернорусских деревянных крыш встречались по краю крюки (ку́рица, крюк, ко́кша; белорус. како́шина) для поддержки водосточного желоба. На самом вершю крыши находился конек (князёк, конёк, шелом, охлупень) и различные гнеты. Эти последние обычно лежали на русской крыше горизонтально, параллельно коньку, а на малороссийской и белорусской их клали в направлении от стены к коньку. Концы конька, а иногда и концы крюков украшали резными изображениями голов животных, чаще всего лошадиной головой, иногда — изображением гуся.

О древности крыши стропильного типа говорит и архаический характер русских крыш на сохах. В качестве сох чаще всего употребляли древесные стволы с естественной развилкой на верхнем конце (см. рис. 9), реже — обычные стволы с искусственным углублени-

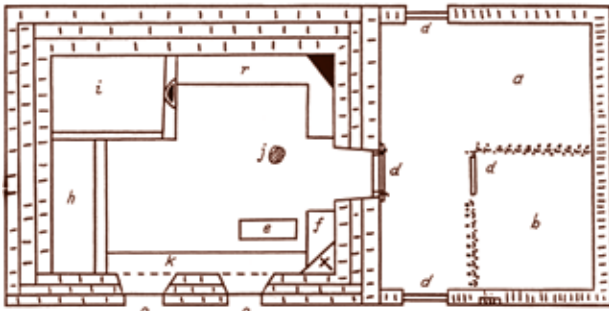

Рис. 10. План южнорусского дома. Тульская губ., Богородицкий у.

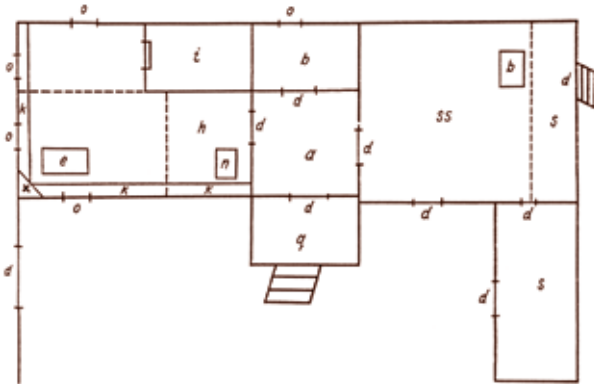

Рис. 11. План севернорусского дома. Вятская губ., Слободской у.

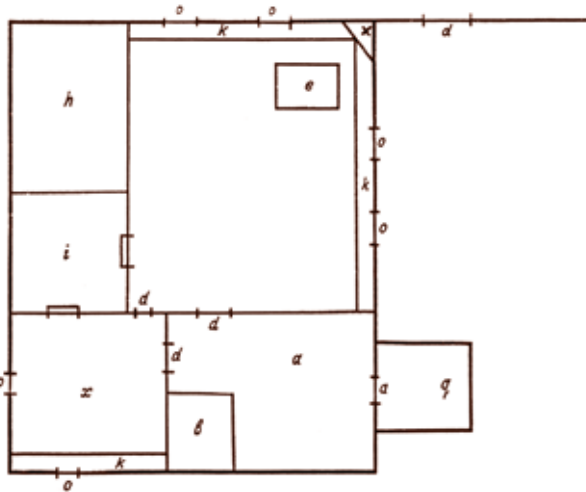

Рис. 12. План малороссийского дома. Харьковская губ., Старобельский у.

Рис. 13. План малороссийского двора. Екатериновская губ., Краснодарский (Константиноградский) у.

ем, сделанным на более тонком конце (севрус. ўши). В верхние углубления 2-х или 3-х таких сох вкладывали горизонтальное бревно, которое служило коньком (белорус. сόлмоя, см. рис. 9). От верхнего края стен сруба, а иногда прямо от земли к этому коньку подводили под углом стропила. На стропила клали слегы и т. д., как показано на рис. 7 и 8. В некоторых случаях на сохи (малорос. підсо́шки) клали не коньковую балку, а подбалку — горизонтальное бревно, в которое упирались нижние концы либо всех стропил, либо части их. Крыши на сохах были известны всем русским, однако лучше всего они сохранились у малороссов и белорусов.

Значительную часть русских крестьянских жилищ крыли соломой. У великороссов преобладал наиболее простой способ, при котором солому настилали на каркас крыши, снабженный слегами. Ломаную солому насыпали в полном беспорядке (вóрохом, в натру́ску). Поверх нее в качестве своего рода гнета клали прутья и палки. Др. способы крыть крыши соломой русские называли по-немецки. Лишь самые неимущие малороссы и белорусы избирали способ в натруску. В основном же можно выделить 3 малороссийско-белорусских способа крыть крыши соломой.

Пучки соломы (малорос. кўлики; белорус. кўлікі, пяркі, мэтки) связывали, обычно попарно. Их перевязывали в нижней части, около корней, и укладывали рядами, колосьями вниз. Этот способ носил названия: під гузі́р (малорос.); под ко́лас (белорус.); под прут, в околóт, прóсто (рус.). При этом каждый верхний ряд несколько перекрывал предыдущий нижний.

Второй способ немного сложнее: снопики соломы (малорос. кїтиці; белорус. застрéшнікі, двойча́кі или тройча́кі) связывали около колосьев по 2 или по 3 и укладывали колосьями вверх. Их клали рядами за застрешину и пригнетали тонкой жердью, или простой веревкой, или же веревкой из соломы (поплёт). Вербку привязывали к лежащей внизу слеге. Колосья нижнего ряда перекрывались снопиками следующего ряда. Этот способ носил названия: під во́лот (малорос.); под стрехóвку, под лопáту, под шётку, под гребёнку, под бо́му (белорус. бо́ма — это шест, по которому кровельщик поднимается вверх); под шётку (рус.). Такая крыша иногда держалась несколько десятков лет.

Третий способ — смешанный: первый ряд пучков клали вторым способом, колосьями вверх, а все последующие — колосьями вниз.

При всех 3-х способах ржаную солому брали не размельченную (правая). Конек, однако, крыли ломаной соломой, а иногда и льняной кострой, которую во избежание щелей обмазывали глиной.

Внутреннее расположение русского жилища в к. XIX в. чаще всего состояло из 3-х частей: жилое помещение, сени и чулан либо др. комната (рис. 13). Нередко встречались и дома, состоявшие внутри из 2-х частей, особенно если часть сеней была отведена под чулан или даже под жилую комнату (рис. 10—12).

Вход в жилое помещение был всегда через сени. У севернорусских вход в сени был обычно со двора, а у других — прямо с улицы, однако это правило имело немало исключений. Дверь устанавливалась почти всегда одностворчатая, с порогом, иногда очень высоким. Двустворчатые двери, точнее ворота, без порога, но с отдельно вставляющейся доской (подворотня) встречались почти исключительно там, куда въезжали в повозке. Еще встречалась дверь, которая двигалась на

пятье, без железных шариков, что раньше было распространено повсеместно.

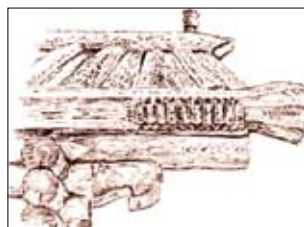
При входе в комнату справа от двери стояла печь, устье которой было обращено к окну, к свету (рис. 11). Если же печь помещалась слева от входа, то русские женщины называли такую комнату изба-непряха, т. е. помещение, в котором трудно прясть, потому что пряжа сидит на длинной лавке, которая тянется от двери до святого угла с иконами; при этом правая рука пряжи была обращена к стене, а не к свету от окна, и ей трудно было пустить веретено по полу на большое расстояние. Вообще лавки делались так, что на них можно было сидеть с прялкой; иногда в них сверлили специальные отверстия для гребня прялки. Напротив печи находился угол, в котором стоял стол и висели иконы; это святой, или красный, угол (др. названия: рус. сѹтки; малорос. и белорус. по́куть, по́куття) — почетное место для гостей.

Южнорусский жилой дом (рис. 10) отличался от всех остальных русских домов тем, что угол около двери предназначался не для печи, а для святого угла с иконами. Печка же помещалась в противоположном углу избы.

Обычно часть избы от устья печи до противоположной стены отделяли от остального помещения либо занавеской, либо дощатой перегородкой и называли у русских чулан, середá, прируб, шблныша, куть, камнáтка.

Название середá (т. е. середина) следует считать наследием тех времен, когда печь или очаг ставили в середине жилища; камнáтка (севрус.) и кiмната (малорос.) — это обособленная часть жилого помещения, которая обычно служила спальней.

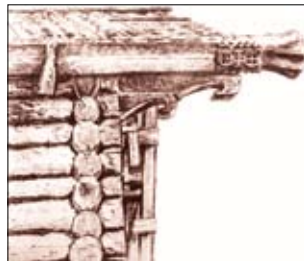
В севернорусской избе около двери, рядом с печью имелся ход в подпол — неглубокую яму под полом, своего рода погреб для хранения съестных припасов. Если этот ход имел вид невысокого ящика с горизонтальной

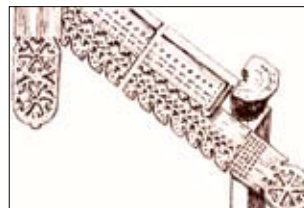
Деревня Ужмойла, Сямозерский район Карелии. Дом Смирнова. Резной «поток» и «повал». Рисунок пером проф. Р.М. Табе

Деревня Мяндусельга, Медвежьегорский район Карелии. Фрагмент дома Петрова. Рисунок пером проф. Р.М. Табе

Деревня Ужмойла, Сямозерский район Карелии. «Поток» и «помочи» дома Нестерова. Рисунок карандашом проф. Р.М. Табе

Деревня Мяндусельга, Медвежьегорский район Карелии. Деталь избы. Резные «причелина» и «полотенце». Рисунок пером проф. Р.М. Табе

Деревня Сулажгора, Прионежский район Карелии. Деталь избы. Резная «причелина». Сепия проф. Р.М. Табе

Толвуйский погост, Заонежский район Карелии. Резной «повал» («помочи»). Рисунок пером проф. Р.М. Табе

Село Шелахша, Кстовский район Нижегородской области. Деталь избы 1872 г. с подписью мастера. Из материалов М.П. Званцева

Деревня Юстозеро, Медвежьегорский район Карелии. Деталь избы. Резной «поток». Рисунок пером проф. Р.М. Табе

Рис. 14. Украшение резьбой жилищ: а) обрамление слухового окна фронтона дома и деталь украшения светелки (Ярославская обл.), б) верхняя часть наличника (Новгородская и Ярославская обл.).

Село Новое Ликеево, Кстовский район Нижегородской области. Фронтон избы 1896 г. Из материалов М.П. Званцева

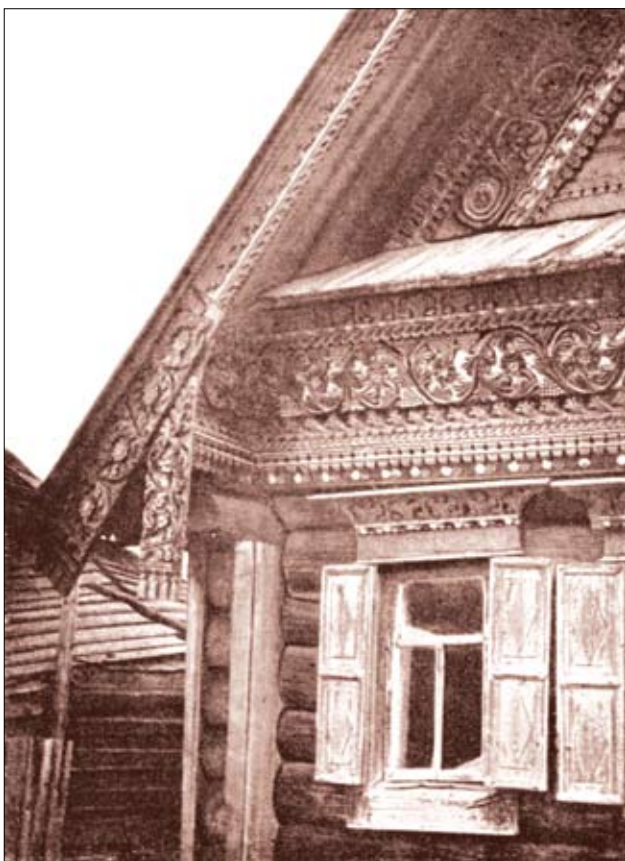
Село Новое Ликеево, Кстовский район Нижегородской области. Фрагмент фасада избы 1886 г. Из материалов М.П. Званцева

Село Караулово, Кстовский район Нижегородской области. Фронтон избы 1880 г. Из материалов М.П. Званцева

Деревня Стан, Кстовский район Нижегородской области. Фрагмент фасада избы 1880-х годов. Из материалов М.П. Званцева

Село Новое Ликеево, Кстовский район Нижегородской области. Фрагмент фасада избы 1870-х годов. Из материалов М.П. Званцева

опускающейся дверью, его называли *го́лбец*, *го́лбчик*, *го́лубец*, прилавок; он служил также и для сна. Если же он представлял собой небольшую комнату с отвесной дверью, он носил название *казёнка* (уменьшительное от казнá). В старых помещичьих домах казёнкой называлось особое помещение для хранения ценных вещей. В н. XX в. вместо голбца и казёнки делали просто опускающуюся дверь (п. на рис. 11).

Непременной принадлежностью русской и белорусской избы считались *полáти*, *пала́ці* (см. рис. 10–11) — высокий и широкий настил для сна (белорус. *пыла́ці*, *по́лы*; южнорус. иногда *хо́ры*). Малороссы их не знали. Их делали на расстоянии 80 см от потолка, и тянулись они обычно от печи до противоположной стены. Вероятно, они появились в русской избе в подражание церковным хóрам, предназначенным для певцов и некогда носившим название *полати*.

Южнорусские и белорусы устраивали под этими высокими полатами еще один настил на расстоянии 0,8–1 м от пола. Он тоже служил для сна и назывался *пол* (малорос. *піл*); белорусы иногда называли его *нары*. У русинов такого настила не было, они спали на обычных кроватях. Севернорусские называли *полом* деревянный пол в помещении, а спали они на уже упомянутых полатах и на *конике* — короткой скамье в форме ящика, которая стояла около двери (см. рис. 9); раньше у одного конца коника ставили доску с вырезанной на ней лошадиной головой. Малороссы в некоторых местах пользовались низким настилом (полом) как обеденным столом, если в доме не было др. стола.

А. Докучаев. Белорусское село

А. Трутовский. Малороссийский пейзаж

Около хаты в Малороссии

Малороссийское село

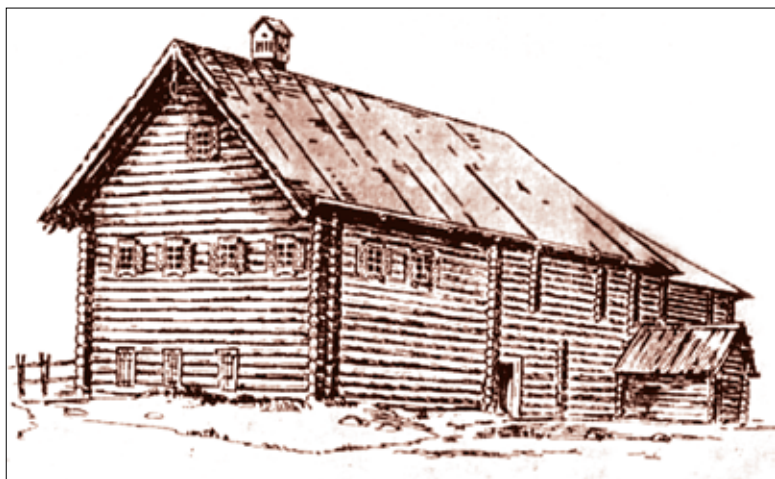

Рис. 15. Типы русского жилища, распространенные в различных районах. К. XIX — нач. XX в. а — Олонецкая губ., Каргопольский у., д. Б. Халуи; б — Нижегородская губ.; в — Самарская губ.; г — Витебская губ.

Рис. 16. Типы русского жилища, распространенные в разных районах страны. К. XIX — нач. XX в. а — Орловская губ. и у., с. Ольшанские выселки; б — Курская губ.; в — Область войска Донского, 1-й Донской округ, хут. Ажинов; г — Кубанская обл., Лабинский отдел, ст. Владимирская.

Рис. 17. Характерные особенности малороссийского жилища. К. XIX — нач. XX в. А — Киевская губ., с. Кудовка; Б — Бессарабская губ., Аккерманский у., с. Сергеевка; В — Волынская губ., Изяславский у., с. Свидриды; Г — Подольская губ., Каменец-Подольский у., с. Жердь.

Рис. 18. Характерные особенности белорусского жилища. К. XIX — нач. XX в. а — старинная курная хата и сенцы. Минская губ., Мозырский у., с. Чучевичи; б — хата с пристроенным сзади двором (погонный двор в один ряд). Минская губ., Слуцкий у., д. Подлипцы; в — старинная хата с веночным двором. Гомельская губ. и у., д. Шарпиловка; г — хата. Гродненская губ. и у., с. Белево

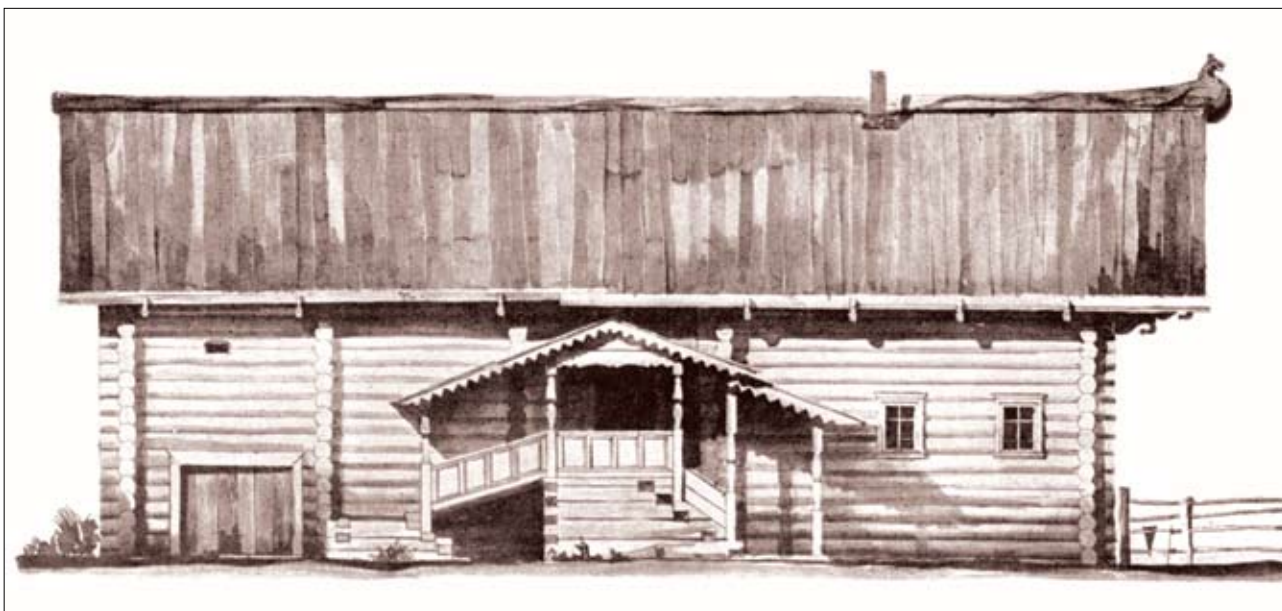

Село Кырканда, Архангельская область. Изба. Фото из коллекции К.Ф. Некрасова. МАА

Высокий настил (полати) опирался на балку, один конец которой был прикреплен к печному столбу, а другой — к стене. К тому же печному столбу была прикреплена еще одна балка, которая тянулась от полатей и печи к противоположной стене; это был т. н. *воронёц* (*грядка*). Обе балки, поперечная и продольная, делили жилище на 4 части, которые на Севере имели специальные названия: подпорожье или задний угол, в Олонце также полонённый угол; большой или красный угол с иконами; печной или середá — напротив устья печи; четвертый угол занимала печь. Если печь стояла не вплотную к стене, то пространство между стеной и печью называлось запёчье и вернó-угол; запечье находилось около двери. Полка с иконами (*божница*) в белорусской избе украшалась к празднику вышитыми *полотенцами* и трóичными ветками (белорус. май). Все русские украшали жилище вышитыми полотенцами, однако только

Сольвычегодский район Архангельской области. Изба. Фото В.М. Владимирова. МАА

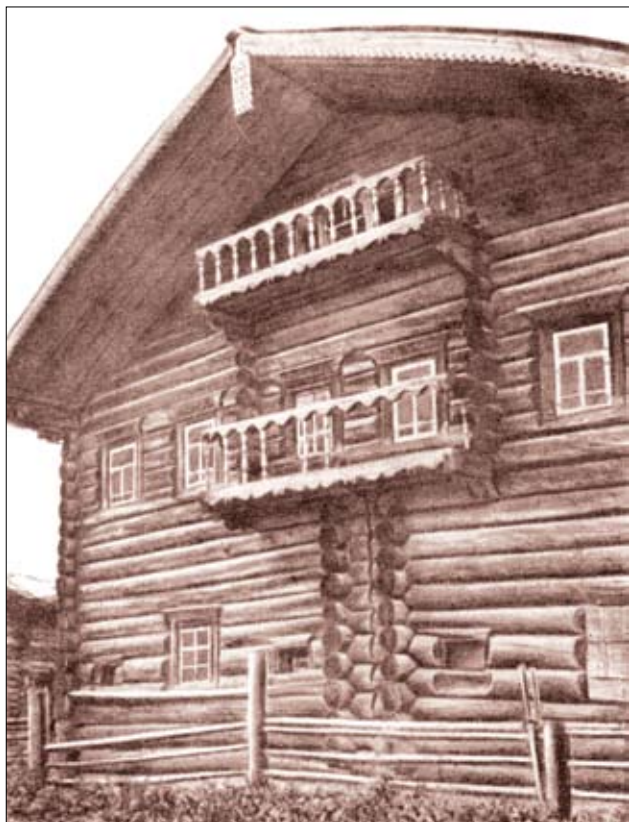
Деревня Окулово, Верхне-Тоемский район Архангельской области. Изба. Боковой фасад. Обмер архитекторов Г. Макарова, А. Рыбнева, К. Стериони, Р. Фонвизина 1938 г. МАА

у малороссов и отчасти у белорусов этот обычай носил общераспространенный и устойчивый характер.

Жилища русских часто украшались резьбой. У малороссов преобладал геометрический орнамент. Великороссы наряду с геометрическими фигурами изображали фантастических зверей, похожих на львов, морских котов, человекообразные фигуры с рыбьими хвостами (фараоны), лошадиные головы, растительный орнамент и т. д. Севернорусские обычно украша-

Северная изба. Фото Д. В. Милеева. Из коллекции бр. Весниных

Северная изба с волоковыми окнами. Фото Д. В. Милеева. Из коллекции бр. Весниных

Село Селецкое, Емецкий район Архангельской области. Изба 1828 г. Фото А. Н. Буйнова 1940 г. МАА

Гор. Котлас, Архангельская область. Изба. Фото В. М. Владимирова. МАА

Сольвычегодский район Архангельской области. Двухэтажная изба. Фото В. М. Владимирова. МАА

ли резьбой те доски фасада дома, которые шли по краю обоих скатов крыши от конька (причелина, косица, перо, полотно, закрылина). Резьбой покрывали также т. н. серёжки или подвесы, подпёрки, которые спускались с крайних досок как концы вышитого полотенца. Далее, резной была доска, висящая под коньком в верхнем углу фронтона, — запон или отвёсная доска, и укрепленная на ней горизонтально красная доска — горизонтальный карниз внизу на фронтоне. Оконные наличники, ставни, столбы ворот и сами ворота также украшались резьбой. Во 2-й пол. XIX в. резьба быстро исчезала, вытесненная цветной росписью.

Русское жилище было небогато мебелью. Кроме уже упомянутых неподвижных лавок, коника и стола в доме были еще переносные скамьи и посудные шкафы, стоявшие обычно около устья печи. У русских шкафы эти были, как правило, стоячие и низкие, как комод (рус. залáвок, поста́в, посúдник), у малороссов чаще навесные (малорос. мисник, сúдник, подішір) и были предназначены также для *ложек* (лижнік, жічник; белорус. сúден, лóжечник). Кроме того, посуду хранили на полках (поліца, рус. также полáвошник) под потолком; русские украшали их решетчатыми перилыцами и

Сольвычегодский район Архангельской области. Двухэтажная изба.
Фото В. М. Владимирова. МАА

Деревня Патаневщина, Заонежский район Карелии. Дом Клопова. Общий вид.
Рисунок пером проф. Р.М. Табе 1935 г.

Деревня Улялега, Сямозерский район Карелии. Дом Н. Азеева. Лицевой фасад дома.
Рисунок пером проф. Р.М. Табе 1937 г.

Деревня Петры, Заонежский район Карелии. Дом Терентьева. XVIII в. Общий вид.
Рисунок пером проф. Р.М. Табе 1937 г.

Деревня Лахново (близ Шун'ги), Заонежский район Карелии.
Дом Латаковых 1860-х годов. «Выход» на лицевом фасаде дома.
Фото Л. С. Залеской 1939 г. МОССА

Деревня Георгиевская, Гороховецкий район Ивановской области. Изба.
Фото из коллекции проф. Н.Н. Соболева. МАА

Село Новое Ликеево, Кстовский район Нижегородской области. Изба 1870-х годов.
Из материалов М.П. Званцева

Село Красное, Гороховецкий район Ивановской области. Двухэтажная изба 1870-х гг.
Фото проф. Н.Н. Соболева

в этих случаях называли блóдник, наблóдники. Если в малороссийском доме не было обеденного стола, его заменял кроме упомянутого пiла высокий сундук, т. н. *скрiня*, в которой хранили одежду и белье.

В н. XX в. в деревнях вошли в моду стулья и даже диваны. Раньше в большинстве случаев пользовались т. н. стóльчиками — это либо отпиленные от толстого

бревна чурбаны, либо гнутые и связанные из ивовых стволов стулья без спинки с четырехугольным сиденьем. Последние употреблялись также при дойке коров, и поэтому их иногда называли коровьими стульями. У севернорусских встречались стулья, сделанные в виде лошади: спинка стула было похожа на переднюю часть лошади, а его сиденье — на спину и круп.

Закладка нового жилища, так же как и переезд в новый дом, сопровождалась особыми обрядами. Прежде всего уделялось большое внимание выбору места для нового дома. Так, нельзя было строить дом там, где раньше проходила дорога или стояла баня, считалось, что в этом месте водится *нечистая сила*.

Выбирая место для нового дома, гадали на хлебе, воде или шерсти. В намеченном месте оставляли на всю ночь зерно или куски хлеба; их исчезновение или уменьшение их количества означало, что выбранное место — нечистое. Если таким образом гадали на углах первого венца, то в зависимости от результатов *гадания* иногда переносили уже начатое строительство в др. место. Если сухая овечья шерсть, положенная на ночь под горшок, совсем не отсыревала, то согласно народному поверью в доме, построенном на этом месте, будет царить бедность. В Сибири, гадая, выбрасывали из мешка 3—4 круглых хлебца: куда они упадут, там, по поверью, и есть счастливое место для дома.

В языческие времена закладка нового дома сопровождалась принесением курицы в жертву *домовому*, который должен был стать покровителем этого дома. Южнорусские Курской губ. и белорусы Минской губ. при закладке фундамента нового дома закапывали под угол дома куриную голову. Севернорусские закапывали под порогom вновь выстроенной бани в качестве жертвы *баннику* задушенную черную курицу.

Др. толкование этого обычая основано на представлении, будто каждое строительство предпринимается на чью-либо голову, т. е. вскоре после этого кто-нибудь умрет, освятив тем самым новый дом. Поэтому южнорусские, въезжая в новый дом, на пороге отрубали голову курице и курицу эту не ели. По воззрениям переяславских малороссов постороннему опасно присутствовать при закладке фундамента: мастер может при строительстве дома посягнуть на голову чужака, и тогда тот вскоре умрет. В связи с этим представлением в новый дом впускали сперва животных — петуха или кошку, особенно черной масти. Бывало и так, что глубокие старики, уставшие от жизни, сами входили первыми во вновь выстроенный дом.

Некоторые обычаи севернорусских, сопровождающие закладку фундамента, были явно связаны с культом растений: в землю втыкали или сажали с корнями *березу* или *рябину* (во Владимирской губ.), а в центре будущего скотного двора — *ель* (Вологодская губ.). Эта ель охраняла скот от эпизоотий, от опасности заблудиться в лесу и от хищных зверей и давала ему здоровье и плодовитость. Когда клали потолочную балку, в переднем углу строящегося дома ставили зеленую ветку как символ здоровья хозяина и его семьи.

Наконец, были широко распространены различные магические обряды. В углы первого венца бревен клали монеты, серебряные и медные, пучки шерсти, зерно и куски хлеба, чтобы именно этим и был богат новый дом. Кое-где (Вологодская губ.) эти деньги доставлялись плотникам, у более бедных хозяев они даже засчитывались как часть платы за труд мастеров.

Когда поднимали на стены потолочную балку, заворачивали в скатерть или в мех буханку хлеба, и иногда и соль, водку и пр. и привязывали к балке. Иногда один из строителей дома рассыпал вокруг зерно и хмель. Как только потолочная балка была уложена, один из плотников перерубал топором веревку, которой был привязан к балке сверток; сверток либо падал на пол (причем по нему гадали), либо его подхватывали стоящие внизу люди. Эту церемонию, как и мн. др. моменты строительства, завершало богатое угощение с вином для плотников. По малороссийскому поверью плотники не должны были ударять по потолочной балке (*мáтица*; малорос. *свóлок*) обухом топора или вальком, иначе у живущих в этом доме будет постоянная головная боль.

Для переезда в новый дом выбирали счастливый день перед полнолунием, чтобы в доме было всего полно. Сам переезд происходил непременно в полночь. Сперва в доме ночевали одни животные, у белорусов — первые 6 ночей; первую ночь — петух и курица, вторую — гусь или кот с кошкой, затем поросенок, овца, корова, лошадь, и лишь на седьмую ночь, если животные оставались целы и невредимы, туда приходил сам хозяин. В новый дом перебирались с огнем из старого очага, с хлебом или с тестом в *квашне*, с петухом и с кошкой, если они там еще не ночевали. Особо приглашали перебраться в новый дом домового. Севернорусские тащили в новый дом *помело* или хлебную лопату так, как будто на них едет домовый (Балахнинский у. Нижегородской губ.). В подвал нового дома клали для домового небольшой хлебец с солью и ставили чашку с водой (Белозерский у. Новгородской губ.).

Рано утром после переезда приглашали соседа, с которым находились в дружеских отношениях, и выставляли ему обильное угощение, чтобы в дом не вошел первым какой-либо злой человек. Соседи и родня, пришедшие на новоселье, приносили подарки — *каравай* хлеба, соль, ложку и т. п., а также деньги, которые клали на божницу.

Из всех элементов жилища самую большую роль в обрядах играла печь. По-видимому, она — прямое наследие прежнего очага. Печь играла значительную роль в свадебной церемонии, когда в семью принимали нового члена; в похоронах, когда семья лишалась одного из своих членов; в обрядах, связанных с поминовением усопших, т. е. в культе предков; в народной медицине (напр., т. н. перепеканье, т. е. повортное «выпекание» ребенка на хлебной лопате) и т. д. В обрядах, связанных с печью, переплелись 2 разных культа — культ домашнего очага или предков и культ огня. Когда малоросс хотел удержаться от брани, он обычно говорил: «Сказав би, та піч у хаті» («Сказал бы, да печь в доме»).

Передний угол считался почетным местом, и в некоторых обрядах, гл. обр. во время трапез, ему придавалось особое значение. Порог также считался священным местом. Старый обычай запрещал сидеть или стоять на пороге; нельзя также что-либо передавать кому-нибудь или принимать от кого-нибудь через порог, даже разговаривать через порог не разрешалось.

См. также: Изба, Печь, Освещение, Дом (место обитания семьи).

Лит.: Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983; Громов Г. Г. Жилище//Очерки русской культуры XVI в. Ч. 1 М., 1977.; Громыко М. М. Мир

русской деревни. М., 1991; Шангина И. И. и др. Русская изба. СПб., 1999.

Ист.: Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991.

ЖИРОВИЦКАЯ икона Пресвятой Богородицы. В 1470 в местечке Жировицы Западной Руси пастухи пасли стадо недалеко от леса и увидели в лесу необыкновенно яркий свет в виде пламени. Они подошли ближе и увидели на дереве икону Богоматери в лучезарном сиянии. Долго они не могли подойти к самому образу.

Жировицкая икона Богородицы. Икона. XVII в. Вольнская обл.

Но когда свет, озарявший икону, мало-помалу скрылся, пастухи поклонились образу Богоматери, сняли его с дерева и отнесли к своему господину, Александру Солтану. Он взял образ, запер его в ларец и пожелал сообщить о чудесном его явлении своим знакомым, для чего поспешно и пригласил их. Все с удивлением слушали его рассказ о явлении иконы и пожелали видеть самую икону. Александр пошел за нею, но иконы в ларце не оказалось. Это изумило его, потому что незадолго перед тем он сам положил ее туда.

Спустя некоторое время те же пастухи и на том же месте опять нашли икону Богоматери и принесли ее к своему господину. Александр, почитая себя недостойным иметь явленную икону в своем доме, дал обет на месте явления ее соорудить храм во имя Пресвятой Богородицы, и скоро был основан деревянный храм и икона Богоматери поставлена в нем. Через 10 лет в этой церкви случился пожар и обратил ее в пепел. Сколько ни старались спасти чудотворную икону Богоматери из огня, не могли; казалось, что она погибла в пламени, и все сокрушались о ее потере. Однажды малолетние дети были на той горе, у подножия которой

стоял сгоревший храм. Вдруг видят они вдали, что некая Дева в лучезарном сиянии сидит на камне; дети не осмелились подойти к Ней, но поспешили известить своих домашних. Принимая сказанное детьми видение за Божественное откровение, все отправились на гору и издали увидели на камне горящую свечу; когда же подошли к самому камню, то нашли на нем икону Богоматери Жировицкую, нисколько не пострадавшую от пожара. Священник и жители Жировиц несказанно обрадовались обретению иконы, взяли ее и поставили в доме первого, после чего приступили к сооружению нового храма в честь Богоматери.

Празднуется 7/20 мая.

Прот. И. Бухарев

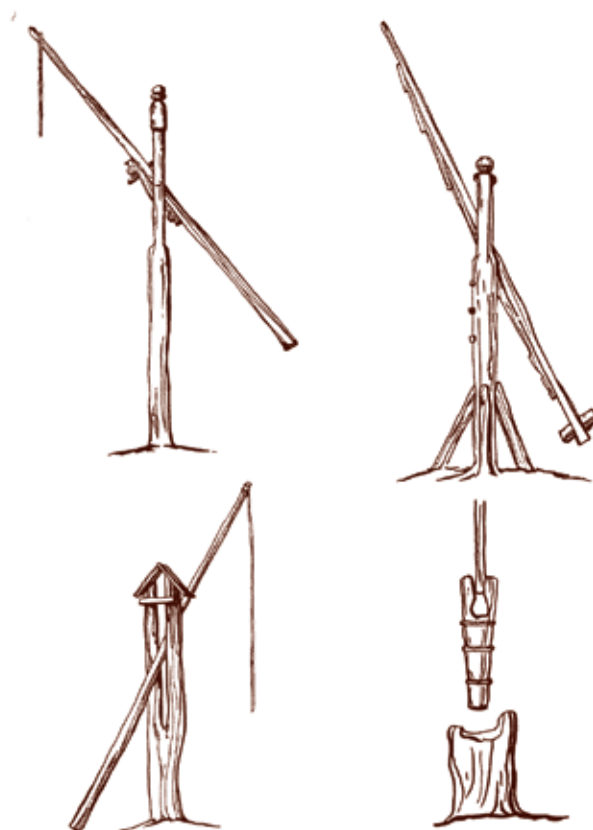
ЖИРОВИК, глиняный или металлический светильник в виде *плошки*, в котором горел фитиль, опущенный в жир, часто использовался в крестьянских *избах*, известен еще в Древней Руси.

ЖИТО, название любого *хлеба* в зерне (пшеницы, ржи, ячменя), преобладавшего в данном районе. От слова «жизнь», т. е. дающее жизнь.

ЖУПАН, у малороссов и белорусов старинная мужская и женская верхняя одежда, суконный полукафтан до колен, на множестве пуговиц, с отложным воротником, длинными узкими рукавами, в талию.

ЖУРАВЛИНОЕ ВЕЧЕ — см.: КУПРИЯН.

ЖУРАВЛЬ, приспособление для подъема воды из *колодца* не более 8 м. Состоял из высокого столба с развилиной наверху, в которую вставлялась длинная жердь — *очеп*, *коромысло*. На тонком длинном конце укрепляли *бадью* или *ведро*, на толстом коротком — груз. Подбиралась такая точка опоры, чтобы даже слабому человеку было легко поднять воду из колодца.

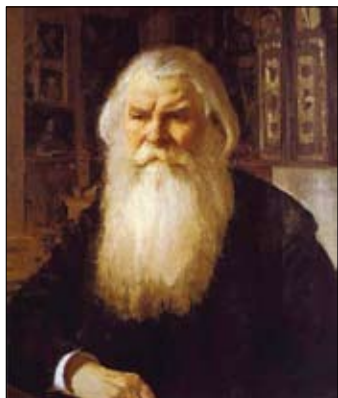
Типы водоподъемных сооружений («журавлей») в северных селениях

Забайкальская икона Божией Матери
«Споручница грешных»

ЗАБЕЛИН Иван Егорович (17.09.1820 — 31.12.1908), историк, археолог, исследователь русского быта. Родился в Твери в семье мелкого чиновника, сына сельского священника. В 1832–37 воспитывался в Преображенском сиротском училище в Москве. В 1837–48 канцелярский служитель 2-го разряда в московской Оружейной палате, участвовал в каталогизации фондов и разборе ее архива. С июля 1848 помощник архивариуса, с апр. 1855 архивариус Московской дворцовой конторы.

И. Е. Забелин

Не получив специального исторического образования, Забелин во время работы в Оружейной палате самостоятельно освоил палеографию и др. специальные исторические дисциплины. Углублению исторических познаний Забелина способствовало его общение с И. М. Снегиревым и П. М. Строевым, а также М. П. Погодиным и др. московскими историками. Определяющее влияние на формирование исторических взглядов Забелина оказали труды К. Д. Кавелина к. 1840-х (последнего Забелин ставил выше С. М. Соловьева).

В 1840-х определились научные интересы Забелина: история Древней Руси, история Московского государства XV–XVII вв. и история Москвы.

Основное внимание в своих работах Забелин уделял «домашнему быту» русского народа, изучение которого, по мнению Забелина, позволяет понять истоки национального своеобразия русской культуры, национального характера, национального самосознания. По

ЗАБАЙКАЛЬСКАЯ «СПОРУЧНИЦА ГРЕШНЫХ», икона Божией Матери. До 1917 находилась в Троицком соборе в г. Троицкосавск Забайкальской обл. Прославлена множеством чудес. Подобный список был еще в г. Ярославце Черниговской губ. и в ряде др. сел и городов России.

Празднование — 7 марта и 29 мая.

утверждению Забелина, «домашний быт человека есть среда, в которой лежат зародыши и зачатки его развития и всевозможных явлений его жизни — общественной и политической или государственной. Забелин развивал теорию «вотчинного» происхождения русского государства. История Древней Руси, по Забелину, резко отличалась от истории Западной Европы. По его убеждению, государства в Европе сложились в результате завоевания, но там рано возникли и укоренились законы. На Руси, напротив, высшее управление было «исконным», «отеческим», однако в силу патриархальности отношений давало простор беззаконию и произволу. Если на Западе личность рано приобрела самостоятельное значение, то на Руси веками сохранялась «детская» зависимость личности от власти. Забелин полагал, что укоренившийся на Руси самодержавный строй неразрывно связан с образом жизни русского народа, главным источником самодержавия является органически свойственная русскому народу патриархальность: подданные относятся к царю как к «отцу», а царь к подданным — как к «детям». Забелин считал, что преобразования Петра подготовлены всем ходом исторического развития страны, Петр I — человек, воспитанный в русских национальных традициях, однако сумевший осознать необходимость отринуть рутинные стороны русской жизни и проложить «новые пути» для народа и государства. Эти мысли Забелина нашли выражение в его труде «Домашний быт русского народа» (т. 1 — «Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях», М., 1862; т. 2 — «Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях», М., 1869) и в тематически примыкающей к нему статье «Большой боярин в его вотчинном хозяйстве» (БЕ, 1871, № 1–2). Продолжением этих трудов стала «История русской жизни с древнейших времен» (ч. 1–2, М., 1876–79; М., 1908–12).

Забелин — автор работ по истории древнерусского искусства («О металлическом производстве в России до к. XVII в.», СПб, 1853; «Историческое обозрение финифтяного и ценинного дела в России», СПб., 1853; «Черты самобытности в древнерусском зодчестве», 1877), статей и заметок об отдельных памятниках древнерусского иконописания, архитектуры и др. В 1880-х участвовал в работах комиссий по реставрации древней живописи в Благовещенском и Успенском соборах Московского Кремля, в Успенском соборе во Владимире.

Ист.: Отечественная история. Энциклопедия. Т. 2. М., 1996. С. 202–203.

ЗАБЕЛЬСКАЯ икона Божией Матери, сохранились 2 предания о явлении чудотворной иконы Божией Матери в д. Забелы Слуцкого у. Минской губ. Первое написал архим. Николай. Оно рассказывает, что в период сильного падежа скота в окрестностях села Забелы,

одному бедному крестьянину по фамилии Забело во сне неоднократно являлась Пресвятая Богородица. Она велела бедняку убить своего единственного вола, а его шкуру отдать слуцкому иконописцу для написания Ее иконы. Крестьянин исполнил волю Царицы Небесной. При подходе к Слуцку он встретил живописца, который знал цель его прихода в город и взял у него воловью кожу. Вскоре икона была написана, а падеж скота прекратился.

ЗАВЕТНЫЙ ПРАЗДНИК (Обетный праздник), праздник в деревне или городе, установленный мирянами по обету, т. е. обещанию Богу, Богородице, святым.

Поводом для возникновения праздника служило избавление жителей того или иного села, группы деревень или целого города от стихийного бедствия: пожара, наводнения, засухи, *града*, мора людей и скота

Сцена из жизни Адама и Евы. Фреска северной паперти церкви Ильи Пророка в Ярославле

и др. несчастий, принесших хозяйству большой урон. В этом случае он рассматривался как своего рода форма благодарности Богу, Божьей Матери, святым угодникам за спасение от бедствий. Многие заветные праздники устанавливались также по случаю явления иконы, которое также рассматривалось как Божья милость, обращенная на деревню, и требовало ответной благодарности.

Большинство заветных праздников приходилось на весенне-летнее время и справлялось в «числах», т. е. всегда в один и тот же календарный день. Однако дни проведения некоторых из них высчитывались по пасхалям и приурочивались в этом случае либо к восьмой — десятой пятнице по *Пасхе*, либо к неделе перед *Петровым* или *Ильиным* днем.

Заветный праздник проходил несколько иначе, чем *храмовый*. Общим элементом в них был только мирской молебен, т. е. молебен, заказанный всем деревенским обществом, отслуженный в церкви или часовне; иногда крестный ход. Затем устраивалась общая трапеза деревни, готовившаяся в складчину всем миром. На стол подавали пиво, пивное сусло или канун — напиток из муки с солодом без хмеля, а также богатый обед, со-

стоявший, в зависимости от времени празднования, из скромных или постных блюд. На заветный праздник никогда не приглашали гостей, гулянья молодежи, если и устраивались, то только на второй день праздника и носили обычно сдержанный характер.

См. также: Обетный обряд.

И. Ш.

ЗАВИСТЬ, досада по чужому *добр*у, *благу* или успеху, нежелание добра другому, а одному лишь себе. В сознании коренного русского человека рассматривается как тяжелый *грех*. В древнерусском сборнике «Пчела» зависть называется «язвой на истине».

Зависть, как «печаль о благополучии ближнего», резко осуждается в народных пословицах: «Лихоманка да зависть — иродовы сестры. Завистью ничего не сделаешь. Злой плачет от зависти, добрый — от жалости. Зависть прежде нас родилась. Где счастье, там и зависть. Завистливый своих двух глаз не пожалеет. Завистливо око видит далеко». И как вывод из этого: «С доброго будет, а завистливому шиш! Привет за привет и любовь за любовь: а завистливому — хрен да перец, и то не с нашего стола!»

О. П.

ЗАГНЕТКА, место на шестке *русской* *печи*, небольшая ниша, углубление, куда после топки сгребались горящие угли и присыпались золой, чтобы от них зажигать *лучину* при следующей топке.

ЗАГОВЕНЬЕ, народное название последнего дня мясопустной недели, т. е. воскресенья перед сырной (масляной) неделей; последний день употребления мясной или скоромной пищи. Заговенье соблюдалось также перед другими тремя главными *постами*.

ЗАГОВОР, магический обряд, имеющий целью связь с потусторонними силами (*нечистой силой*) для получения помощи и поддержки. При этом произносили определенные слова и совершали ритуальные действия. Главными исполнителями заговоров были *знахари* или *колдуны*, справедливо считавшиеся в народе пособниками сатаны.

Заговоры делились на «добрые» и «зловредные». Добрые заговоры были призваны вылечить человека, обеспечить ему успех, отразить от врагов. «Зловредные» — наслать *порчу*, вызвать *болезнь*, навредить человеку. Существовали заговоры любовные (присущи, отсушки), хозяйственные, охотничьи, лечебные (от *сглаза*, от зубной боли, от лихорадки и др.), смертоносные (наслать смерть) и пр. Русская церковь осуждала заговоры, считая их сатанинским действием. Известно множество следственных дел (XVI—XVIII вв.) о заговорах и колдовстве.

Многие заговоры, сохранившиеся в русской деревне еще в н. XX в., имели глубокие языческие корни. Содержание их магических действий осуществлялось как бы в центре мира, на острове среди моря-океана, на *Алатырь-камне*, возле священного дуба. «Заговорщики» обращались к звездам, зорям, деревьям, природным стихиям и древним языческим персонажам.

О. П.

ЗАГРОБНАЯ ЖИЗНЬ («тот свет»), в русском народе существовало спокойное отношение к смерти, как к явлению простому и неизбежному. Для христианина настоящая и вечная жизнь начинается после смерти. «Родится на смерть, умирает на жизнь», — говорили крестьяне. Существование после смерти русские люди часто уподобляли сну. В распространенных похоронных *причитаниях* говорится: «Не могу тебя докликаться, не могу тебя добудиться, ты уснула да крепко — да крепко». «Пробудись, родима матушка, ото сна ты от

Страшный Суд. Икона. 1580-е гг. Псковский мастер. СИХМ. Происходит из сольвычегодского Благовещенского собора

крепкого, от просонья вековешного» — это обычный мотив причитаний. По смерти человеку предстоит далекое трудное странствование по незнакомой дороге в страну предков... В причитаниях похоронить — это значит

*Проводить в далекий путь-дороженьку,
Во дороженьку незнакомую,
Во матушку во сыру землю,
На тот тебе белый свет —
На второе пришествице,
Ко своим тебе родителям.*

Русские духовные апокрифы «Сон Богородицы», «Житие Василия Нового», «Хождение апостола Павла по мукам», «Прения живота со смертью» рисовали подробно картины загробной жизни, ада и рая.

Один такой стих рассказывает о расставании души с телом и будущей жизни:

*«Ты прости-прощай, тело белое,
Тело белое, многогрешное.
Как тебе, телу, во сырой земле лежать,
А меня, душу, на суд зовут,
На суд зовут ко Господу,
Где душам будет разделение:
Душам праведным — мир селения,
А душам грешным — мука вечная,
Мука вечная, бесконечная».*
*И пришла душа на восток солнца.
Там стоят рай и все заперты,
В них сидят души все спасенные,
А мне, душе, здесь места нет.
И пошла душа, заплакала,
На закат солнца шла, рыдаючи,
Там стоят ады и все отперты,
В них сидят души грешные,
А мне, душе, тут место есть,
Пошла душа и застряла там,
Находилась она, намытарствовалась.*

Предивный, пречудный рай в духовных стихах старообрядцев Поволжья рисовался в виде сада, украшенного деревьями благоплодными, сияющего пестротой цветов, с райскими птицами голосистыми, с реками, истекающими млеком и медом; здесь свет немерцающий, доброта несказанная, непрестанный день, палаты чудные из золота чиста и серебра и т. д. Подобными словами описывался иногда рай в рассказах лиц, впадавших в летаргический сон. Случаи заумирания и хождения по тому свету нередки. Например, в 1866 заумирала дьяконица с. Троицы-Чудцы и потом рассказывала, как виделось ей, что пришли за ней 2 сестры, привели на кладбище к яме и свели туда по лестнице, потом повели темным тесным местом и привели к месту светлому: «Я увидела тут как бы церковь с запертыми дверями, около дверей стоял какой-то дьякон в белых ризах, с ключами в руках»... Чрез церковь они прошли в сад, «в саду так светло, такие красивые деревья и цветы, так хорошо поют птички, такой запах, что не вышла бы»... Тем же путем сестры проводили ее до дому, «и на мосту в сенях простились со мною»: «Прости, сестра, через три дня мы опять придем за тобою... все рассказывай, а трех слов... не сказывай», поцеловали они меня: одна в голову, а другая в плечо, и пропали... Как пропали, так я и пробудилась».

Все подобного рода рассказы живо напоминали стенные фрески Костромских храмов, где рай, напр. в церкви Воскресения на Дебре, представлен в виде сада с птицами и цветами. Но особенно ярко народ-

Образ Страшного суда Господня и второго Христова пришествия. Народная картинка из альбома Д. А. Ровинского.

ная фантазия разработала тему о загробных муках. И здесь образцы были даны теми же фресками и картинами Страшного суда, едва ли уступающими своими сюжетами картинам Дантовского ада. В Музее Местного Края в н. XX в. была интересна резная картина Страшного суда, которую можно отнести к XIX в., по-видимому, местной работы. Душегубцы, пьяницы, чародеи, клеветники и т. д. каждый по-своему терпит муки, поджариваясь на геенском огне привязанным то за руки, по за язык и т. д. Народные верования давали изощренную картину адских мук. Считалось, что табашников на том свете заставят бревно катить. Вот они катят-катят, прокатят уже большую половину — им и закричат: «Табашники, к рогу!» (т. е. табак курить — прежде табак держали в рогах). Опустят они бревно, и опять приходится начинать работу.

Считалось также, что кто носит краденые бусы и серьги, на том свете змея вокруг шеи или тела обвивается или в уши голову сует. Говорили, что такое наказание следовало тотчас же за смертью в самой могиле. Один скупой зашил в подушку деньги, рассказывали в Костромском у., и велел положить подушку, когда умрет, с ним в гроб. Наследники догадались уже после того, как похоронили его, что деньги в гробу. Пошли разрывать могилу, хотели уже вытащить подушку, как увидели, что вокруг шеи скупого обернулась змея. Так и бросили все назад и никогда о деньгах не вспоминали — заканчивается назидательно этот рассказ.

Наряду с христианскими существовали и языческие верования. Долго держался предрассудок, что мертвый продолжает жить в могиле. Отсюда он являлся людям. На кладбищах, как рассказывали, часто видят покойников, особенно церковные сторожа. Встают они из могил в белых саванах и тянут за веревку сторожевого колокола, помогая сторожу звонить и вступая с ним в разговоры. На вопрос, где живет, по его мнению, душа покойника, один крестьянин (грамотный) ответил буквально следующее: «По-моему, кроме могилы нигде, но в народе есть обычный разговор — в Царстве Небесном». В одном причитании жена спрашивает умершего мужа: «Ты скажи, мой надежничка, про свое-то про житье-бытье, каково жить в сырой земле?»

Покойник, по народному представлению, не только может «береститься» или «мереститься», т. е. представляться расстроенному воображению, он может являться совершенно реально. На поминках для него оставляется особый прибор. Не нарочно упавшими на пол крошками, считалось, питаются умершие некрещеными дети. Обязательно он приходит к себе домой в 40-й день после смерти, и притом в новых *лаптях*. Особенно часто являются утопленники, на которых «черти ездят».

Исследователь записал такой рассказ: «В полночь к кузнецу стучится мужик и просит подковать лошадь. Кузнец отказывается, но мужик настаивает, не уходит. Кузнец, наконец, согласился. Когда он разогрел подкову и поднял ногу серой лошади, он с ужасом увидел, что нога человеческая. «Как же так?» — спрашивает кузнец. — «А знавал ли ты Митрия, который утопился, так это он», — ответил мужик. Кузнец сотворил молитву и все пропало — и мужик, и лошадь». Этот рассказ встречался в различных местах в разных вариантах.

К неутешным вдовам покойный муж летал в виде огненного змия. «Прилетит и рассыплется искрами над трубой». Говорили также, что это летает *нечистая сила*, сладострастные наклонности которой известны.

Присутствие явившихся из-за гроба покойников чуяли животные. Со слов старичка-священника Галичского у. с. Троицы Олешь передавали такой рассказ. Одну женщину мучил покойный муж, неотступно являясь ей. Приходит она к священнику, просит отчитать Евангелие. А в это время собака так и лает, так и заливается. «Да неужто, батюшка, не видишь покойника-то, вон он стоит, вон на него собака лает», — говорит баба, указывая в сторону собаки.

Можно было избавиться от таких посещений. «Нужно идти на «кресты» (к часовне), скинуть там рубаху, в которой бес маял, и протащить рубаху всей деревней, или повесить холст на крест или колокол, холст потом поступает в церковь». Чтобы не тосковать по покойнику, рекомендовалось ходить по 3 зори на кресты (на *перекресток* дорог) прощаться с ним, а также следовало посмотреть через левое плечо в *печь* — или ходили по 3 зори на дорогу, куда увезли покойного, и там кланялись, прося прощения. Милостыня и молитва также умиловливали покойника. От злых покойников читали молитву Иисусову или «Да воскреснет Бог», отчитывали вдов священники, совершая над ними молитву перед царскими дверьми или служа какой-то «отчетный молебен».

Особенно часто являлись мертвые во сне. «Однажды явился мне покойный муж во сне, — рассказывала одна вдова священнику, — и говорит: поди к духовному

Картины из Библии. Апокалипсис. Народная картинка

отцу и скажи ему, чтобы он разрешил мой грех, который я забыл сказать ему», — и рассказал свой грех; грех этот я знала за ним. — «Да ты смотри, непременно скажи», подтвердил муж. Через несколько времени муж в другой раз явился мне во сне и еще подтвердил свою просьбу, «чтобы я непременно сходила к тебе, батюшка, и открыла этот грех».

«В 1806 в Нерехте упали своды перестраиваемой церкви и задавили некоего И. В. Трескина. В течение недели каменщики искали его тело среди церкви в большой куче камней на том месте, где видели его в последнее время за работой. Убитый привиделся через неделю одной соседке, сказав: «Не тут меня ищут, я сижу у дверей с правой стороны». Поутру овдовевшая жена, писал об этом происшествии М. Диев, просит каменщиков поискать его тело у дверей. Что же! Вынесли мусора одни носилки, стали накладывать другие, как нашли тело. Покойный, бежав из церкви, запнулся, упал и в эту минуту был завален кирпичами. Происшествие — достойное внимания физиологов!» — закончил ученый протоиерей.

Крестьянин В. Ф. Евремов рассказывал — такое было с ним дело. «Как-то с парохода на р. Костроме упала барышня и утонула. Урядник нарядил всю деревню искать утопленницу. Езжу на лодке, шупаю багром, да и смеюсь: «Вот утонула барышня — всех заставили искать, а как из нашего брата кто утонет, так и не подумают. И стала с того самого времени по ночам приходить она ко мне. То руку положит, то ляжет со мной — холодная. Измучила совсем. Один старик посоветовал: «Ты прости с ней». Вышел я, как советовал старик, ночью в 12 часов, оборотился к реке и говорю: «Прости меня, Христа ради, зря я посмеялся тогда». С того времени перестала являться». Покойник не придет, если около дома сделать крест из сырой лутошки. Так же, по народному поверью, «если убьешь кого, то чтобы мертвец не гонялся и не казался, нужно лизнуть крови

из мизинца убитого». Недоброй приметой также считалось, если во сне покойнику руку подашь.

«Если какой-либо умерший часто является во сне, — писал один батюшка, — то, вероятно, просит чаще поминать его и усугубить молитву церковную о нем, если же снится, что приходит к жене или жена к мужу, то ограждают себя с вечера крестным знамением или кладут от боязни с собой малых детей или близких родственников на одну постель, чтобы скорее позвать к себе близкого человека, когда привидится умерший». Об этом предмете совершенно иначе рассуждал другой крестьянин-скептик: «Кого больше поминают, — писал он, — как уверяет духовенство и в память кого уделяют больше денег попам, те им утверждают, что покойники живут хорошо в царстве Божьем, и некоторые видят их во сне в хорошем жилище и в красивом виде, что заставляет верить в слова духовников».

Многочисленные рассказы и сказки о смерти и загробной жизни раскрывали языческую сторону народных воззрений. Еще в н. XX в. на постоялых дворах в осеннюю ночь, на деревенских мельницах съезжались люди с разных мест, дежурили по очереди, коротая время рассказами про *колдунов*, *леших*, покойников. В этих сказках и легендах смерть являлась не отвлеченным понятием, а живой и олицетворенной. Она «ходила по людям». В одном из вариантов известной сказки про «Солдата и смерть», записанной в Костромской губ., в шутивно-сатирическом тоне рассказывалось про «смерть красную», которую сказка величала еще «костяной» — «один костяк в саване белом, на плече большая коса, которой людей косит». Такой она изображалась и на лубке — «Смерть праведного и грешного» и в синодиках (напр., синодики бывшего Ипатьевского монастыря). Сказка про «Солдата и смерть» рассказывала о том, как солдат обманывал смерть, как она от работы уставала, как комаром обернулась. Смерть на службе у Христа, который дает ей поручения, — в один год косить стариков, в другой детей. Некоторые сказки представляли смерть в виде длинноволосой бабы в саване, морит она людей тем, что подносит им чашу *зелена вина*.

Не всегда смерть была так страшна для людей. Была она красавицей девицей. Ходила и докладывала, что вот-де пора тебе умирать, потом к другому пойдет... Виноват в том, что смерть изменилась, один хитрый человек, Арид, много раз обманывавший смерть. Он даже в свой гроб ее заманил, потом в землю закопал. Сто лет там пролежала смерть — никто в это время не умирал, а как вырвалась, и пошла косить по свету, голодная да исхудалая.

В одной сказке смерть велела праведному судье устроить себе особую комнату в доме, созвать родню и соседей — сделать «Микольщину»: «Я, говорит, приду в тот день к тебе в гости». Так и сделал. Собрался народ, пришла и смерть на пир и говорит ему: «Пойди, покажи, как ты вверх устроил» (для нее комнату). Пошли, как взойшли до половины лестницы, поднялся вдруг в доме плач и причитания. — «А что это у меня там в доме-то за плач, не вернуться ли нам?» — «А это ты умер, — говорит ему смерть. — А вернуться уже тебе не следует. Пошел ты теперь уж в Царство Небесное». «Бог-то за его правду дал ему незаметную без болезни смерть».

В одной сказке рассказывалось про служилого человека, который отрубил руки смерти. Много раз просился он пустить ночевать в один дом, хозяева не пу-

скали его, потому что «седни (сегодня) наша очередь умирать». Ночью приходит их морить смерть, везде наплевала, нахаркала на оголовье, в кадку, в квасницу и ушла. Но потом вспомнила о солдате, который спал отдельно от хозяев на лавке, воротилась и полезла в окно. Служивый вовремя догадался — ударил ей по рукам саблей. «Тут смерть упала, не прокричала, не провизжала. Так вдруг пропала». Наутро «служивенькой» собрал жителей всей деревни и оказалось, что одна старуха с отрезанными руками. В ней и признали смерть, которая по очереди морила людей. Возможно, что это представление об очереди смерти зародилось в эпоху повальных моровых болезней.

Мертвецы в сказках показаны нередко мстительными и жестокими. В Коверnine М. М. Зиминим был записан рассказ о том, как в святки один парень в 1904 в д. Мишкине сорвал с покойника, которого несли погребать, плат и с ним ушел на *посиделки*. Покойник 3 раза приходил к окну, просил отдать плат, а потом подстерег парня, когда тот уходил с посиделок, и растерзал его.

Крестьянин Бунтеев, д. Харитоново, рассказывал и уверял, что это действительно происшествие, как однажды поспорили между собой девицы, кто из них сходит в 12 часов ночи позвонить на колокольню. Одна вызвалась и как отзвонила, полезла с колокольни назад, увидела — посреди лестницы сидит покойник в золотой шапочке. Она сняла с него шапочку и принесла ее подругам. Через некоторое время приходит покойник за золотой шапочкой: «Барышня, барышня, отдай мне золотую шапочку». Она сначала смеялась, потом пробовала подать ему шапочку на палке, но он не взял и продолжал требовать, чтобы она одела на него шапочку там, где сняла с него: «Не отступлюсь, пока не наденешь, где с меня сняла». Пришлось идти на колокольню. Когда она пришла на лестницу и стала надевать на покойника шапочку, он схватил ее и унес с собой.

Мотивы последних двух сказок представляют варианты чуда прп. Макария Унженского — «ради сыску и свидетельства мошей чудотворца» в 1675 был послан в Унженский монастырь Сибирский архиепископ Симеон. Осмотревши моши Макария, он велел их похоронить, но при погребении «отъял часть у мошей и скрыл оную у себя». Позднее он передал эту частицу архимандриту Желтоводского монастыря Тихону. И тот и другой за их дерзновенный поступок были наказаны. Тихон повсюду слышал тайный голос: «Не имам ти дать покоя, дондеже одаси мне мое». Точно то же происходило и с Симеоном, который непрестанно слышал страшный для себя голос: «Почто отъял еси от мошей моих часть». «Я не дам тебе покоя, — сказал ему однажды явившийся ночью Макарий, — пока не приложишь оную опять к телеси моему».

Злые мертвецы в народном представлении нередко действовали вместе с нечистой силой, с чертовщиной, сила которой лишь до пения петухов и против которой существовали разные средства.

В одной сказке рассказывалось, как мертвец сосватался к девушке, разумеется, не подозревавшей, что он мертвец. Вот едет она с женихом дорогой, а тот и говорит: «Месяц светит, мертвец едет, красну девицу везет. Красная девица, не боишься ли меня?» «Чего миленького бояться!» — отвечает она. Едут — и стоит на дороге изба, а в избе лежит покойник. Жених остановил лошадь и говорит: «Посиди здесь малость, у меня здесь

тетушка живет, так я зайду к ней». Ушел он, а девушка подошла потихоньку к окну и видит — жених ее ест покойника. Тут поняла она, что жених-то — мертвец и пустилась бежать домой. Подбежала к своему дому и закричала: «Тятенька и маменька! Встречайте меня с иконами, с образами, со горячими слезами!». Рассказала она, что видела. Все везде окропили святой водой они да заперли, а сами залезли на печь. Вдруг слышат: подъехали и ну стучать в ворота, в окна. Везде все разбили, и только бы мертвецам вбежать в избу, как запел петух, и бесы провалились. Сказка эта напоминает по сюжету балладу Жуковского «Светлана», в свою очередь отражающую «Ленору» Бюргера.

А. А. Ширским записан был такой рассказ: «Работали трое в лесу, возили лес. Один из работавших помер в зимовке. Спустя некоторое время другому рабочему пришлось заблудиться и набрести на ту же зимовку. Разложил огонек, сидит, варит ужин, и говорит: «Господи, хоть бы кого-нибудь послал». Слышит — шаги: кто-то идет тихо и за избушкой остановился. Ждет — никого нет. Крикнул: «Эй, кто там, если крещеный — иди сюда, а не крещеный — убирайся к черту». И видит: заглядывает к нему в избушку тот мертвец — лицо нехорошее, глаза выворочены, — и давай дуть в огонь: все головешки разлетелись. Тот ему: «Ты шутишь или нет?» Только и сказал глухо: «да». Он собрал головешки и стал молитвы читать — ничего не помогает. Два раза приходил, все дует в головешки, их раскидывает; и тут вспомнил он, что нужно соли бросить в огонь. Бросил — тогда тот плюнул ему в рожу и ушел. Так вот, барин, и есть леший-то, что леса ломает».

Блуждающие огоньки на *болотах* — «фонарики» — это тоже мертвецы, которые могут завести человека, если за ними идти.

В народных представлениях должен существовать определенный порядок в жизни человеческой и смерти, своя особая закономерность. В случае преждевременной смерти причитали: «Оставил нас, батюшка, без поры, безо времечка, (умер) да не в свою ты ведь очередь». «Он заедает чужую жизнь», — говорили про дряхлого старика.

Умереть бы надо бабушке,
А не тебе, родимый дядюшка, —

причитала об умершем дяде племянница.

Человеку «от роду написано» его жребий и смерть. В одном причитании эта мысль выражена так:

Знать уж так Господь на роду писал,
Что прийти твоей смертоньке в годах красных.

Несмотря на такое отношение мертвых к живым и суеверный страх перед ними, в деревне молодежь была не прочь пошутить над страхами. Некоторые обряжались смертью или мертвецами. При этом ряжение сопровождалось самыми непристойными шутками.

«Смерть — Божья воля», «Господь прибрал», и «от смерти не уйдешь» — говорили по поводу смерти близкого человека. В причитаниях — «смерть постигла», «срок пришел». В одном причитании по сыну мать говорит, что не следовало бы ему умирать, т. к. срочные годы его не пришли.

Верование в предопределение человеку его смерти можно видеть из следующего рассказа. «Когда человек родится, около него стоят два ангела и говорят между собой, сколько тот человек проживет и где и как умрет. Один раз баушка и услышала, как ангелы говорят: «Этот проживет до женитьбы, а в день свадьбы выйдет из-за стола (свадебного или «красного») и утопит в

колодезе». После того стали его беречи, а в день свадьбы с утра колодезь заколотили. Вот уж сидят все — за столом. Только заболело у жениха сердце, не сидится: «Пустите, говорит, меня, не могу сидеть». Вышел он на двор, подошел к колодезю, лег на доски и умер».

О смерти кого-либо говорили: «преставился», «отошел», или шутливо замечали: «В Могилевской губернии горшки обжигает», «карачун пришел», «дубу дал». О неизбежности смерти с упоминанием *дуба* говорит также одна загадка Варнавинского у.: «Стоит дуб-вертодуб, на том дубе-вертодубе сидит птица: никто ее не минует — ни царь, ни царица, ни красная девица».

Ист.: Смирнов В. Народные похороны и причитания Костромской губернии. Кострома, 1928.

ЗАЕДКИ, в народном русском быту — различные лакомства: *пряники, жамки*, маковники, орехи и пр.

ЗАЖИНКИ, старинный крестьянский обычай торжественного празднования начала жатвы: первый сноп, украшенный лентами и цветами, торжественно приносили в деревню и ставили на стол в *красном углу избы*, затем праздничным обедом с вином отмечали первый хлеб.

Первые зажинки в Центральной России проходили на *Фому Малеева*. Этот день так и назывался — зажинки, в др. местах — на *Афиногена*.

ЗАКЛИНАНИЕ ВЕСНЫ, древний обычай закликать в марте весну. 9 марта, в день *Сорока мучеников*, или самое позднее 25 марта, на *Благовещение*, начинали призывать весну.

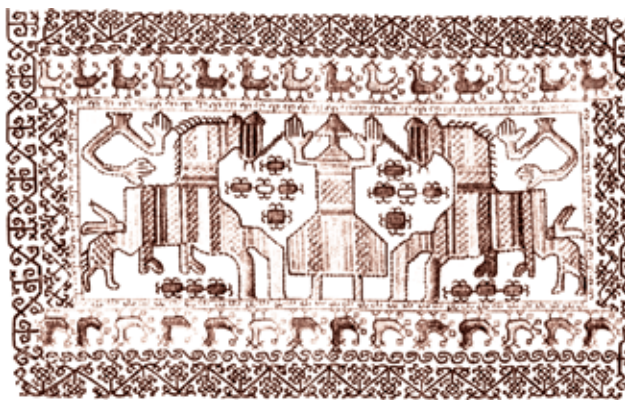

Исполнение протяжных призывов весны (этнограф Красовская Ю. Е.)

С этой целью девушки взбирались на холм или на крышу (магический символ господства над воздушным царством). Нередко разжигали костер и иногда водили вокруг него *хоровод*. Очень часто две группы девушек перекликались друг с другом, им вторили парни на деревянных дудках. Весну звали: «Ой, весна-мати, ходи к нам гуляти!» (Рогаческий у. Могилевской губ.). В весенних песнях (*веснянки*), которые обычно пели на грустный, меланхолический лад с припевом — возгласом «Ху!», призывали весну, иногда заманивая ее обещаниями

развлечений и богатства. Весну просили принести с собой свои обычные дары, покончить с зимой. Иногда весну изображали едущей верхом на плуге, бороне или на хлебном колосе.

Кое-где заклинение начиналось еще раньше, 1 марта, и длилось целый месяц. В Буйском у. Костромской губ. девушки призывали весну ранним утром, стоя по пояс в воде или вокруг проруби. В Борисовском у.

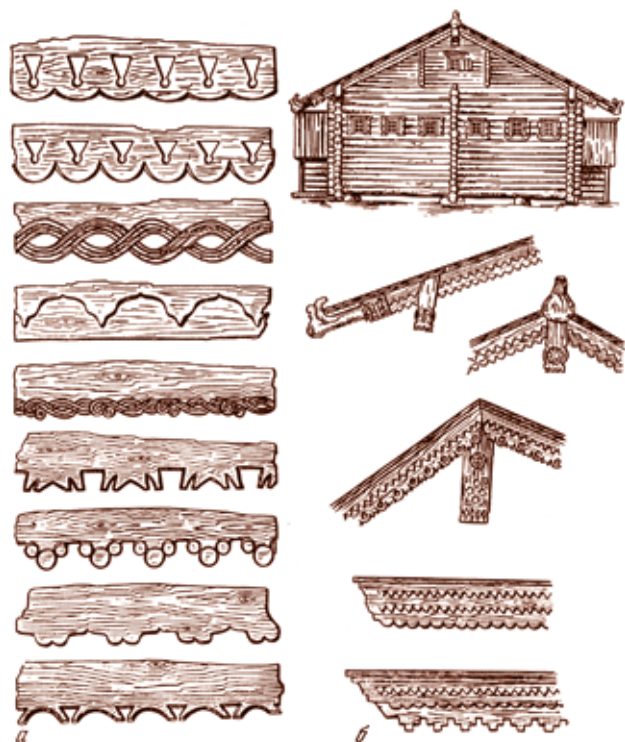
Русская вышивка XIX в., иллюстрирующая закливание весны

Минской губ. по полю, предназначенному для весеннего сева, возили на бороне вокруг горящего костра красивую и трудолюбивую девушку, т. н. *вясоўку*, украшенную венком из цветов и трав. Молодежь толпилась вокруг сидящей на бороне *вясоўки*, а потом на этом же поле устраивались танцы и пиршество.

Весной, часто сразу после *Пасхи*, пели песни, которые также называли *веснянки*; в них пелось о том, как знакомятся молодые люди друг с другом и как возникает предчувствие любви; в этих песнях девушек и парней заманивали на лоно природы, сожалели об отсутствующих и высмеивали чужие деревни и улицы.

Магическим способом ускорить приход весны являлась выпечка хлебов в виде *жаворонков* и других перелетных птиц, напр. *вальдшнепов*, *аистов* и т. п. Их пекли гл. обр. 9 марта. Дети забирались на крыши сараев с этими *жаворонками* в руках, подбрасывали их в воздух и звали: «Жавороночки, прилетите к нам! Красну весну принесите нам!» Одного жаворонка при этом бросали в печь.

Белорусы Новогрудского у. Минской губ. пекли на Благовещение печенье в виде *аистов* — с хохолком,

Комплекс заклиательной орнаментики русской избы. Причины «хляби» (Новгород XII—XV вв.) (а); солнце, кони, «хляби небесные» (б)

крыльями, ногами и хвостом, т. н. *галипы*. Обращаясь к аисту, мальчики кричали: «Бусля, бусля, на тоби галипу, а мені дай жита копу!» В Пинском у. Минской губ. пекли 26 марта печенье в виде ног аиста.

Ист.: Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991.

ЗАКРОМ, в амбаре неподвижный ларь, большая дощатая или бревенчатая выгородка, приподнятая на ножках над полом. Использовался для хранения хлеба в зерне, муки, круп. Сверху *закром*, разделенный на несколько отделений, по видам хлеба, был открыт. Для выборки хлеба снизу устанавливались окна с задвижками и лотками.

ЗАЛАВОК, ящик с подъемной крышкой или шкафчик с дверками, иногда задвигающимися, в *избе* против печного чела под *лавкой*, с несколькими ящиками или полками. Служил для хранения кухонной посуды, утвари. Иногда нижняя часть закрывалась решеткой, и за ней зимой держали кур.

ЗАЛОЖНЫЕ ПОКОЙНИКИ, покойники, которые считались нечистыми и опасными для живых. В основном это были люди, умершие насильственной смертью, особенно самоубийцы. Их не закапывали в землю, а оставляли на земле, прикрыв сучьями (подробнее об этом см.: Похоронные обряды, Семик).

ЗАЛОМ, по народным поверьям, происки *нечистой силы*, спутанный пучок стеблей несжатого хлеба, надломленных направо и налево и закрученных в узел вместе с золой и присыпанных у корней *солью*, землей с кладбища, яичной скорлупой и распаренными старыми зернами. Следствием *залома* бывает полный неурожай, и даже если его вырвать, все равно зерно будет легковесным, а хлеб будет быстро расходоваться, т. е. лучше продать весь урожай и купить зерно на рынке. Единственное средство от *залома* — отслужить *молебен с водосвятием* и попросить священника вырвать *залом*. Развязать *залом* могут также опытные старики и *знахари*.

ЗАМЕТ, дощатый забор с *пряслами*, с закладкой досок в пазы столбов.

ЗАМЕТУХА, народное название дня памяти *Федора Студита*.

ЗАМО́К, в народных представлениях предмет, используемый для защиты от вредоносного воздействия внешней среды. В качестве *оберега* замок фигурирует в егорьевских и свадебных обрядах, при эпидемиях и эпизоотиях, при похоронах и сокрытииклада.

В Малороссии при похоронах умершего ребенка клали ему на грудь запертый замок, чтобы не умирали другие дети. Замки находят иногда в погребальных курганах. И в XIX в., чтобы смерть не могла вернуться в дом, кидали при погребении замки в могилы. При эпизоотии над губами павшей скотины запирали замок, а потом зарывали его в яму вместе с животным.

Во время первого выгона скота хозяин гнал животных через *ворота*, в которых был заранее положен запертый замок; порой он сочетался с др. ритуальными предметами (*пояс*, яйцо, сковородник и др.), а иногда пояс или сковородник запирали на замок. В Смоленской губ. клали в воротах замок и ключ, чтобы волчья пасть запиралась так же крепко, как замок на ключ запирается. Замок часто фигурировал и среди тех предметов, с которыми *пастух* обходил стадо в *Юрьев день*, чтобы дикие звери не трогали его в течение лета. На свадебном сговоре клали замок под порог и запирали сразу после прихода в дом жениха, а потом кидали в

реку, чтобы *брак* был крепким. Замки и ключи были обнаружены в древнерусских *кладах* XI–XIII вв., что, по-видимому, отражало практику ритуального запира-ния *клада* от похитителей.

Замок осмыслился также как эротический символ и своего рода «антисвятыня» («замком» называли порой женский половой орган, о *месячных* девушки говори-ли: «замки ослабели» и т. п.). Грызли, целовали замок, дотрагивались до него во время совершения обрядов, связанных с идеей сексуальности или кошунствен-ного, ведовского поведения. «Мне беременеть, тебе прихоти носить», — говорила на Смоленщине невеста, грызя церковный замок, когда входила в церковь для свершения обряда *венчания*.

Мотив запираения замка в *заговорах* непосредствен-но вытекает из его роли в обрядах охранительной ма-гии. Характерны т. н. «закрепки» заговоров типа: «Зем-ля — замок, ключ — небо»; «... а к этому моему слову небо и земля — ключ и замок; аминь», «Ключ да замок, аминь». Такие закрепки, как и образ железной либо каменной стены до неба, воплощали идею космиче-ского брака неба и Земли. Бросание замка в морскую пучину, в огненную реку, а также разлучение ключа и замка должны придать заговору особую действенность и незыблемость: «... Замок в небе, а ключ в море; зам-кнул и ключ в воду бросил!» Рекомендация замкнуть замок, а ключ утопить в воде встречается и в магиче-ских действиях.

В некоторых случаях закрепка заговора перерас-тала в формулу невозможного, напр.: «К этому моему слову ключ и замок отношу я к Окиян-морею; есть на Окиян-море остров велик, на берегу лежит бел камень Алатырь; под камнем стоит живая щука, пожрет тот мой ключ и замок. Кто кругом Окиян-моря обойдет, кто около Окиян-моря песок вызовет, кто из Окиян-моря воду выпьет, кто ту живую щуку добудет, ключ и за-мок мой достанет, — тот мой промысел попортит». Об-раз замка в заговорах близок образу *камня*, ср.: «К тем моим словам небо и земля, ключ и камень».

Лит.: Познанский Н. Ф. Заговоры: Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. Пг., 1917; Макаров Н. А. Магические обряды при сокрытии *клада* на Руси // Сов. археология. 1981. № 4.

А. Топорков

ЗАМОЛОТКИ — см.: КОНДРАТЬЕВ ДЕНЬ.

ЗАНАВЕСКА, *запон*, в женском народном костюме передник особого покроя, с рукавами или без них, с округлым или прямоугольным вырезом для шеи, с бочками и короткой спинкой, открытый ниже лопаток; носился с *поневою* или *сарафаном*; обычно празд-ничная одежда, украшенная ткаными вставками, кру-жевами, вышивкой.

ЗАНАВЕСЬ КУТНАЯ, широкая занавеска, подвешивавшаяся под *грядкой* (*воронцом*) и отделявшая *бабий* (*печной*) *кут*, т. е. кухонное пространство перед чело-м печи в *избе*, от остального пространства.

ЗАПАДНЯ, сдвигающаяся крышка над лазом под пол *избы*, в *подыбицу*, устраивали возле *печи* или в *гольце*.

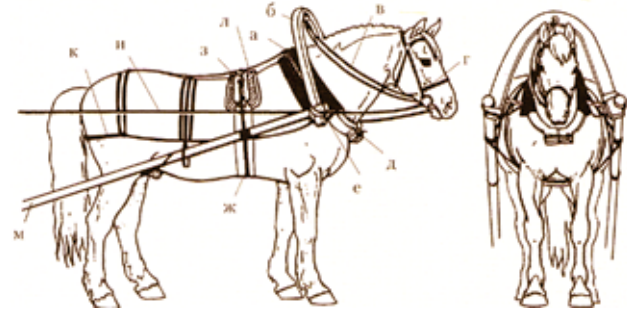
ЗАПЕКАНКА, алкогольный напиток, распространен-ный в Южной России и в Малороссии. Для приго-товления запеканки *горшок* со свежими ягодами или фруктами, залитыми *водкой* с добавлением сахара, плотно закрывали, обмазывали крышку тестом и ста-вили в протопленную, остывающую *русскую печь*.

ЗАПЛОТ, плотный прочный забор из бревен или жер-дей, обычно расположенных горизонтально между столбами, в отличие от *чактокола*.

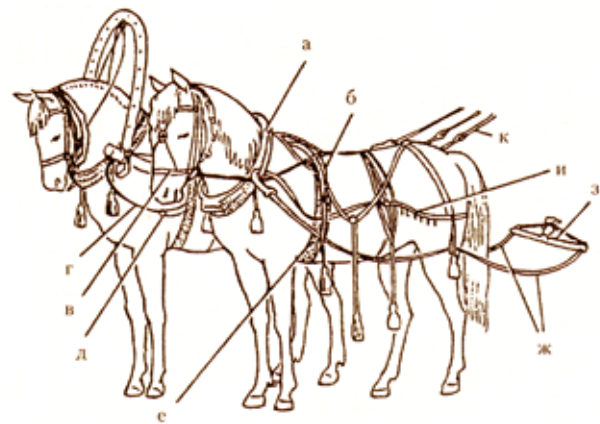
ЗАПОВЕДОВАТЬ, запрещать, повелевать, приказыв-ать, завещать какую-либо обязанность, обязывать к чему-либо.

ЗАПОЛЬЕ, запольные поля, отдаленные поля в кре-стьянском наделе, лежавшие далеко, за ближними по-лями.

ЗАПРЯЖКА (*упряжка*), способ присоединения лоша-ди или лошадей к повозке или экипажу. Существовали упряжки одиночные, парные, троечные, четверней, шестерней, цугом, гусем.

Запряжка одноконная дуговая: а — хому́т; б — дуга; в — поводки; г — узда; д — супо́нь; е — гу́ж; ж — подпруга; з — седе́лка; и — вожжа́; к — и́lesia; л — чере́седельник; м — огло́бли

Запряжка пароконная: а — хому́тик, б — трок; в — узда; г — чумбу́р; д — необходимое кольцо; е — подпруга; ж — постромки; з — валя́к; и — и́lesia; к — приво́жжеск

В деревнях были распространены одноконные и пароконные запряжки. В Сибири зачастую крестьяне запрягали в повозку по 4–5 лошадей гуськом. Такой способ езды был удобен на узких, занесенных снегом дорогах. В Европейской России многоконные за-пряжки использовали в основном богатые помещики для переездов из деревенских усадеб в города, госу-дарственные чиновники для разъездов по стране и т. д. Троечная запряжка в крестьянском быту почти не применялась (см.: Тройка). Она использовалась в по-чтовой службе, т. н. ямской гоньбе.

Запряжка использовалась русскими давно. В ран-них летописях довольно часто упоминаются *возы*, *сани*, *телеги*. Так, напр., в Новгородской летописи, где рассказывается о гибели на Тереке тверского князя Михаила в XIV в., есть упоминание о санях и телегах, на которых везли его тело на родину: «Бе же цело и не-вредимо тело его, из далних земель везено на телезе и на санях».

В санях и телегах в X–XV вв. обычно перевозили грузы. Так, на одной из миниатюр Никоновской ле-тописи XVI в., частично восходящей к оригиналам XIV–XV вв., изображены сани, наполненные репой. В письме дмитровского князя Юрия Васильевича в

И. Прянишников. Порожняки. 1872 г.

Свято-Троицкий Сергиев монастырь, датируемом 60-ми XV в., говорится: «...пойдут от Новгорода к Москве сквозь мою вотчину Дмитров с товаром зиме на триста возах, а лете на триста телегах». В летописных текстах часто рассказывается о вывозе бревен из леса для отопления помещений, для строительства хором. Так, в Никоновской летописи упоминается о том, что весна 1390 была очень поздней и «по Радунцах люди и дрова возили из леса на конях, аки зимные возы». Кроме того, повозки использовали для переездов женщин с детьми. Мужчины же в основном ездили зимой верхом. Это объяснялось плохим состоянием дорог, особенно в весенне-осеннюю пору.

В XVI–XVII вв. езда в повозках получила большее распространение, чем в предшествующие времена. В боярской, дворянской и купеческой среде выезд из дома в повозке, гл. обр. в саниах, считался более престижным, чем верхом. Выезд на саниах (даже летом) был, напр., обязательным для царя или великого князя, патриарха, архиереев.

До XVI–XVII вв. предпочтение отдавалось, как предполагают историки, одноконной запряжке. В XVII в. начали запрягать в повозку нескольких лошадей. В 1681 вышел указ, на основании которого ездить по городу, запрягая 2 лошадей, могли только бояре. Им также разрешалось в праздники запрягать в повозку 4 лошадей, а во время свадеб — 6. Остальные жители должны были ездить зимой на саниах, в которые была запряжена одна лошадь. И только при дальней поездке человеку, независимо от его сословной принадлежности, разрешалось запрягать 2 лошадей.

Что касается способов запряжки лошади, то вплоть до к. XV — н. XVI в. лошадь впрягали в повозку с помощью хомута и постромок. Запряжка с помощью *дуги* и *хомута* стала применяться, как предполагает большинство исследователей, лишь с к. XV в. Необходимо также отметить, что в Средневековой Руси лошадью управляли не только с помощью *вожжей*, но и с помощью поводьев уздечки. При этом возница сидел верхом на лошади. Такой способ был распространен еще в Древней Руси. В Житии св. Феодосия Печерского, датируемом XII в., говорится о том, что святой сам управлял возом, сидя верхом на лошади.

Ист.: Шангина И. Русский традиционный быт. СПб., 2003.

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА, выручка за *труд*, справедливое вознаграждение за выполненную работу. По традиционным русским понятиям за хорошо выполненной труд полагалась справедливая награда. При этом считалось само собой разумеющимся, что работа должна быть выполнена согласно традиционным нормам, обычаям и вековым привычкам крестьянина. Надо хорошо работать и не думать о вознаграждении, оно само собой следует тебе за старательный труд. Народное чувство выработало идеал справедливого вознаграждения, отступление от которого — попытка обмануть, надуть работника — осуждалось как нравственное преступление.

И. Богданов. За расчетом

Народная сказка о батраке и купце (попе), пытавшемся его обмануть, во всех вариантах кончается торжеством справедливости и посрамлением нечестного нанимателя.

Если крестьянин, ремесленник — один или с *артелью* — нанимался (подряжался) на работу, с нанимателем заключался договор, чаще всего устный, но нарушить его было величайшим грехом, ибо «договор дороже денег».

Договору-уговору, или иначе — *ряде*, придавалось очень большое значение. «Уговор — родной брат всем делам», «Уговорец — кормилец. Ряда — не досада», «Ряда дело хорошее, а устойка (т. е. соблюдение уговора) того лучше».

«Язык на сговоре (т. е. условия заключения)», «Рядись не торопись, — рассудительно говорит работник, — делай не сердись» или: «Рядись да оглядись, верши не спеши, делай не греши».

О нечестном нанимателе говорят так: «Он на грош пятаков хочет. С алтыном под полтину подъезжает». Поймав нанимателя на нечестности, работник не доверяет ему впредь.

Если в уговоре ошibочка выйдет по твоей вине, отвечать будешь только сам. «Рядой не вырядишь, так из платы не выможжишь». После уговора менять ничего нельзя. «Переговор не уговор. Недоряжено — недоплачено». В следующий раз умнее будешь.

«Что побьем (руками при договоре), то и поживем. Что ударишь, то и уедешь (увезешь с собой)».

И отсюда в конце договора обязательство: «Он в долгу не останется», то есть заплатит все без остатка, ведь так мы и сегодня говорим.

Справедливое вознаграждение за труд — дело невременное. И вот тут главную роль играют для кре-

Б. Кустодиев. Купец (Старик с деньгами)

стьянина деньги как мера труда. «Без счета и денег нет. Деньги счет любят, а хлеб меру. Деньги счетом крепки». Деньги для крестьянина не золотой телец — объект поклонения, а средство счета.

«Счет не обманет. Счет всю правду скажет», «Доверять-то доверяй, но и проверяй», «Не все с верою — ино с мерою». Впрочем, «кому как верят, так и мерят».

«Мера — всякому делу вера, счет да мера — безгрешная вера». В расчетах не должно быть исключений. «Счет дружбы не портит. Дружба дружбой, а денежкам счет». «Чаше счет, крепче дружба».

Подчеркивая трудовой характер своего заработка, русский трудовой человек говаривал: «Трудовая денежка до века живет (кормит, служит)», «Трудовая денежка всегда крепка», «Трудовая денежка плотно лежит, незаработанная ребром торчит».

Преобладание моральных форм принуждения к труду над материальными совсем не предполагало уравниловки в распределении, а наоборот, исключало ее. Для крестьянина считалось безнравственным заплатить равную плату и мастеру, и простому работнику. Качественный труд должен вознаграждаться значительно выше. «Работнику полтина, мастеру рубль».

Уравниловки в оплате труда народное сознание не принимало. Уравниловка допускалась только тогда, когда все работники выполняли работу одного объема и одного качества в *общине* на *помочах* или общественных работах, а также в артелях. В таком случае крестьяне говорили: «Тем добро, что всем равно», «Всякому по Якову», «Что миру, то и Спиру. Что миру, то и мирянину», «Что миру, то и бабину сыну», «Что тебе, то и мне. Что мне, то и тебе». «Что всем, то и одному. Что одному, то и всем», «Варлаам, пополам; Денис, поделись!».

В остальных случаях уравнилительные отношения считались безнравственными, т. к. нарушали трудовые принципы *крестьянства* и поощряли лодырей.

«Каков работник, такова и плата», «По работе и плата», «По товару и цена», «Каждому да воздастся по делам его».

«За бесплатно» работник трудился только на общественных работах и помочах. В остальных случаях полагалось материальное вознаграждение. Работу «за спасибо» работник всерьез не принимал. «Спасибом сыт не будешь», «Спасибо не кормит, не греет», «Спасибо домой не принесешь», «Из спасибо шубы не сошьешь». Рабочий человек смеется: «Подали спасибо, да домой не донес!»

Работника надо заинтересовать и материально. Некоторые народные пословицы в этом очень категоричны. «Не бей мужика дубьем, бей его рублем», «Не бей мужика дубиной, попробуй полтиной», «Не учи дубцом, поучи рублем», «Не торопи ездой, торопи кормом» (т. е. заинтересуй материально).

Больше всех зарабатывали мастера своего дела. Однако и мастеру заплатить просто так, не за дело не полагалось. Покажи работу, а потом проси плату. «Честь честью, а дело делом», «Честь по заслугам», «По заслуге молодца жалуют, а по отчеству чествуют». В общем — «по заслугам и почет. Каков есть, такова и честь». «Не место красит человека, а человек красит место».

Еще в древности в России сложился довольно высокий уровень оплаты труда. Митр. Макарий в своей «Истории русской церкви» приводит историческое предание о Ярославле Мудром, решившем в сер. XI в. построить Георгиевскую церковь в Киеве, но вначале не нашедшем достаточно строителей.

Неизвестный художник. Портрет купца со счетами. 1840-е гг.

Князь спросил: отчего мало делателей? Ему ответили: люди боятся, что лишены будут платы. Тогда князь приказал возить куны на телегах к месту стройки и объявить на торгу, что каждый получит «за труд по ногате на день». За ногату в те времена можно было купить целого барана. Подобный уровень оплаты подтверждается и в

«Русской Правде». В статье «О поконе вирном», определяющей, сколько вирнику следовало взять деньгами и натурой при исполнении своих обязанностей, следует ссылка: «То ти урок Ярославль». А за ней читаем: «А сей урок мостыникам: аще помостившие мост, взяти от дела ногата, а от город — ничи ногата». Таким образом, работник получал за каждую городню одну ногату и одну куну, а сверх того на прокорм деньгами или натурой: хлеб, мясо, рыбу, пшено и солод (на пиво или брагу). Однако не только квалифицированные работники получали такую высокую плату. Батрачка в деревне XII в. получала за сезон (обычно с конца апреля и до октября), кроме содержания на хозяйских харчах, гривну кун, или 20 ногат, т. е. могла купить 20 баранов. Для сравнения скажем, что оплата рядового поденщика в Англии XIII в. составляла в неделю 34 кг пшеницы, т. е. была (если рассчитать по эквиваленту) ниже оплаты русского рабочего.

В псковской летописи сохранились сведения о постройке каменной стены в г. Гдове. Зарплата работни-

ков на этой стройке составляла 1,5 новгородских денег в день. По ценам новгородских писцовых книг XV в. за эти деньги можно было купить полбарана или около 24 кг ржи. Хотя уровень оплаты в два раза ниже, чем в XII в., но выше оплаты труда во Франции XV в. Здесь за дневную плату чернорабочего можно было купить либо около 4 кг говядины, или 22 кг ржи.

Экономическое и имущественное положение русских крепостных крестьян в среднем было лучше положения крепостных крестьян в странах Западной Европы, и, прежде всего, Германии и Франции.

Видный исследователь положения русского крестьянства В.И. Семевский провел подробное сопоставление повинностей, которые платили или отрабатывали крепостные крестьяне в России и зарубежных странах, и сделал вывод, что эти повинности были примерно одинаковыми. Однако русские крестьяне имели два важных преимущества — гораздо больше земли и различных угодий на душу сельского населения, а также определенную социальную защищенность в форме крестьянской общины. Как правило, крестьянин не мог быть обезземелен или стать нищим, ибо во многих случаях община помогала своим нуждающимся крестьянам. В России не было такого имущественного расслоения крестьянства, как в Европе, где богатство небольшой части сельского населения покупалось ценой батрачества и обезземеливания абсолютного большинства крестьян.

Русские крестьяне в отличие от западноевропейских имели гораздо больше земли. В сер. XVIII в. даже на помещичьих землях средний душевой надел составлял 12 десятин, куда входили пашни, покосы, усадебные земли, лес.

В XVIII в. самой высокой оплатой труда в западноевропейских странах славилась Англия. Однако уровень оплаты труда рабочих в ней значительно отставал от оплаты труда российских рабочих. Если в 1767 рядовой английский рабочий мог купить на свою дневную зарплату 6 кг зерна, то русский рабочий — 10–11 кг. Говядины на свой заработок английский рабочий мог купить в два раза меньше, чем русский. В целом уровень оплаты труда русского рабочего в XVIII в. был в два раза выше английского и почти в три раза выше французского.

В России сложилось так, что большинство рабочих на городских фабриках и заводах являлись членами сельских общин и имели землю. Фабриканту, чтобы привлечь их к работе на фабрике, нужно было платить больше, чем они могли заработать на земле.

В сер. XIX в. по России путешествовал немецкий ученый барон Гакстгаузен, посетивший большое количество российских предприятий и изучивший систему оплаты труда на них. Вывод его был таков — «ни в одной стране заработная плата (фабричных рабочих) не достигает такой высоты, как в России». «Даже денежная заработная плата в России, — писал он, — в общем выше, чем в Германии. Что же касается до реальной платы, то преимущество русского рабочего перед заграничным в этом отношении еще значительнее».

Академику С. Г. Струмилину удалось также доказать, что и в н. XX в. заработки российских рабочих в крупной и средней промышленности были одними из самых высоких в мире, занимая второе место после заработков американских рабочих. Вот ход его рассуждений: «Средний годовой заработок в обрабатывающей промышленности США по цензу 1914 достигал

573 долл. в год, 11,02 долл. в неделю, или 1,84 долл. в день. В пересчете на русскую валюту по паритету дневной заработок американского рабочего составлял 3 руб. 61 коп. золотом. В России, по массовым данным 1913, годовой заработок рабочих деньгами и натурой достигал за 257,4 рабочих дня 300 руб., т. е. не превышал 1 руб. 16 коп. в день, не достигая, таким образом, и трети (32,2%) американской нормы. Отсюда и делались обычно выводы о резком отставании уровня жизни российских рабочих от американских стандартов. Но с учетом сравнительной дороговизны жизни в этих странах выводы получаются другие». При сравнении розничных цен на важнейшие пищевые продукты оказывается, что они стоят в США в 3 раза дороже, чем в России. Опираясь на эти сравнения, Струмилин делает вывод, что уровень реальной оплаты труда в промышленности России следует оценить не ниже 85% американского.

Таким образом, уровень оплаты труда в промышленности России был достаточно высок и опережал уровень оплаты труда в Англии, Германии, Франции.

Высокий уровень оплаты труда в промышленности вполне соответствовал сравнительно высокой (для того времени) доле оплаты труда в национальном доходе, составляя в 1908 ок. 55%, то есть опять-таки был близок к американскому.

О. Платонов

ЗАРОД, плотно утоптанная большая укладка сена: продолговатая, заостренная сверху, миндалевидная в сечении, лежавшая на остожье. «Метание» зародов, стогов, т. е. их наививание, укладывание так, чтобы сено не пробивал *дождь* и продувал *ветер*, было искусством, доступным не всякому крестьянину.

ЗАРЯ, световое явление, возникающее при восходе и заходе *солнца*, по народным представлениям, время совершения магических действий.

Время, когда солнце садится за горизонт, считалось особенно ответственным и опасным: люди оставляли свои повседневные занятия и молились, чтобы солнце не покинуло их навсегда и утром вернулось обратно. На закате не спали и даже будили малышей, ибо это сулило скорую смерть.

Заговоры произносили, как правило, на утренней или вечерней заре, обращаясь утром к востоку, а вечером к западу. При этом в заговоре описывался момент, когда уже показалось солнце, но месяц и звезды еще не исчезли и лишь постепенно тускнели на небе: «Востану я, раб (имярек), на заре, на утренней, на восходе солнышка, на закате месяца и на покрытие звезд...» В восточнославянских заговорах от детской бессонницы «зарю-заряницу, красную девицу» просят забрать у ребенка крик и вернуть ему сон. В заговорах к зорям обращались по имени, называя вечернюю Маремьяной, а утреннюю Марией.

В фольклоре утренняя заря обычно называется «ясной», а вечерняя — «темной». Согласно поверью, солнце к вечеру темнеет от созерцания греховных человеческих деяний, а ночью умывается в море и утром поднимается чистым и ясным. На древнерусских миниатюрах утренняя и вечерняя зори изображались в образах двух женщин — соответственно огненно-красного и зеленого цветов (ср. Вечорку, Зорьку и Полночку в русской сказке).

В белорусских свадебных песнях повествуется о браке месяца-жениха и утренней зари или солнца — невесты.

По цвету зари на Руси гадали о будущем. Так, в «Слове о полку Игореве» кровавый восход предвещает русскому войску поражение, а в «Сказании о Мамаевом побоище» ночное видение «огненных зорь», наоборот, является знаменем грядущей победы. **А. Топорков**

ЗАСИДКИ, осенние домашние работы при огне, который добывался из специально приготовленного куска дерева. Засидки начинались с Семенова дня (см.: Симеон Столпник).

ЗАСТРЕХА, у крестьянской *избы* или *хаты* свес кровли, место между *стрехой* и стеной, под самым свесом.

ЗАТРАПЕЗ, грубая дешевая крестьянская ткань, пестрядь из разных ниток льна или *пеньки*, большей частью с синими полосами. Использовалась при пошиве грубой дешевой одежды дворовых, крестьян и т. д. Названа по имени купца Затрапезнова, начавшего ее фабричное производство. В переносном смысле затрапезный — низкокачественный, дешевый.

ЗАХАРИЙ СЕРПОВИДЕЦ (Захар, Захарий, Именины серпа), народное название дня прор. Захарии, 8/21 февр. Пророк в одном из откровений видел летящий свиток, изогнутый наподобие серпа. В этот день крестьяне осматривали серпы, готовясь к будущей жатве, а бабы молились святому, чтобы жать было легко.

По народным поверьям, родившийся в этот день является «свидетелем чудных явлений. Только ему дается возможность прочесть судьбу, что написана в летающем серпообразном свитке. Чтобы познать силу Серповидца, надо иметь чистую душу и благородные помыслы. Вот тогда выходи в чистое поле да наблюдай, что тебе Серповидец скажет, какую работу укажет. Серповидец всегда злое от доброго отличает, худые помыслы от доброго человека отсекает».

ЗАЯЦ, животное, наделяемое в народных представлениях эротической символикой и демоническими свойствами. В игровых песнях к зайцу обращались «заюшка-батюшка». В Пермской губ. говорили: «Пока черные пятна с ушей зайца не сойдут, бабам над мужиками не суживать». В малороссийской сказке у садовника, поделившегося с женой чудесным яблоком, унесенным зайцем, родился сын по имени Заян. В хороводных играх зайника предстает женихом, выбирающим себе невесту, его просили свить венок, поцеловать девушку и т. д. В детской припевке старой бабе советовали выйти замуж за зайца. Сюжет женитьбы зайца на куннице или на сове лежит в основе некоторых сказок и шуточных песен. При *гаданиях подблюдная песня* о зайце, попавшем в ловушку, предвещает *свадьбу*. О девушке, которая не может выйти замуж, говорили, что она тогда замуж выйдет, когда в лесу зайца поймает. В песенном фольклоре встречается мотив совокупления зайца с девушкой: «Зайнька серенький, / Да не ходи по сеньям, / Не топай ногою, / Я лягу с тобою»; «— Заюшка, с кем ты спал да ночевал? / — Спал я, спал я, пане мой, / Спал я, спал я, сердце мой, / У Катюхи — на руке, / У Марюхи — на грудях, / А у Дуньки вдовиной на всем животе». В загадке о снеге на озимом хлебе говорилось: «Заюшка беленький! Полежи на мне; хоть тебе трудно, да мне хорошо».

На свадьбе исполнение песен про зайца нередко было связано с обрядом *брачной ночи* и определением «честности» невесты. Известны сказки о том, как заяц был свидетелем половой связи медведя с женщиной; как он обещал лису или волчицу; сказка о мужике, продававшем зайца попадье и поповнам, которые со-

глашались на его нескромное предложение. Метафорическими обозначениями совокупления являлись в фольклорных текстах мотивы проскакивания зайца в дырочку, заламывания им капусты, заячий укус. Идея плодovitости выражена: в эпитетах зайца, в охотничьих *заговорах* («пчолые ярые зайцы»); в объяснении детям, что их приносят зайцы, что заяц снес им пасхальные яйца; в использовании заячьей крови в качестве средства от бесплодия; в смазывании женских органов заячьим жиром при трудных *родах*; в кормлении кур заячьим пометом, чтобы они лучше неслись. Сон о пойманном зайце предвещает женщине *беременность* и рождение сына. Сонники толкуют сны о зайце как предстоящую женитьбу, блудодейство или «грех с женою».

Вместе с тем заяц был тесно связан с *нечистой силой*. Он находился в распоряжении лесных духов. *Леший* может проиграть зайцев соседнему лешему. В заговорах охотники просили леших загнать зайцев в их ловушки. Как лесной зверь, находящийся в подчинении у лешего, заяц был неподвластен *водяному*. Водяной не любил упоминания о зайце и, рассердившись, поднимал бурю. Поэтому рыбаки на озере называли зайца иначе: «кривень» или «лесной барашек». Согласно некоторым поверьям, заяц был создан *чертом* и служил ему. В загадке заяц — косо́й бес, в детской дразнилке заяц — «выводит» детей — косо́ых чертей. Известны былички о зайце-оборотне: о черте или лешем в виде огромного, хромого или трехногого зайца, которого не берут пули, который перебегает дорогу, бросается под ноги, заманивает в чашу, преследует человека или исчезает в *вихре*, с шумом, хохотом или зловонием. Черта иногда представляли с заячьим хвостом. Заячий хвост считали и отличительным признаком *ведьмы*. Облик зайца изредка могли принимать ведьмы и *колдуны*, в виде черного зайца мог появляться *домовой*. Существовал запрет употреблять в пищу мясо зайца как животного «нечистого». Запрет есть зайчатину объясняли также тем, что у зайца собачьи лапы. Беременным запрещалось есть зайчатину потому, что у зайца косые глаза, способные оказывать вредное влияние на человека (в частности, на сон). Представлением о зайце как существе опасном и «нечистом» объяснялась и примета о том, что заяц, перебежавший дорогу или встреченный на пути, сулил путнику несчастье.

В народном представлении заяц являлся олицетворением трусости. Говорили: «Труслив как заяц», «Дрожит как заяц».

Ист.: Гура А. В. Заяц // Славянская мифология. М., 1995.

ЗВАНЫЙ ВЕЧЕР, собрание гостей в дворянском или купеческом доме, или у состоятельных мещан или крестьян. Обычно гостей на званом вечере было меньше, чем на *бале* или званом обеде. Если гостей более 25 чел. — это званый вечер, если менее — это вечерний чай. На вечере гости разбивались на небольшие группы по возрастам и интересам, беседовали о разных предметах и новостях, мужчины играли в карты, молодежь танцевала. Устраивались также литературные чтения, живые картины, играли в фанты. На вечера не надевали бальных платьев, но можно было надеть платье с вырезом. Обычно вечера устраивались в определенный день недели раз или два в месяц, достаточно было одного приглашения за неделю до первого званого вечера на весь сезон. Являться приглашенным на каждый вечер было необязательно. Вечер назначался на 8–10 часов вечера и если длился долго, по окон-

чании гостям предлагали легкий ужин. Званный вечер непременно сопровождался чаем. Если гостей было немного, его подавали в столовой для всех, если же был многочисленным, молодежь переходила в столовую, мужчины в кабинет хозяина, большая часть гостей оставалась в гостиной. Если чай подавали в *гостиной*, садиться к столу не было принято, и чашку держали в руке, а хлеб на коленях, подложив под него салфетку; кончив пить, передавали чашку лакею или ставили ее на стол. В столовой на конце стола, у места хозяйки ставили самовар и поднос с чашками и стаканами. На столе в определенном порядке расставляли корзинки с несколькими сортами печений, тарелочки с бутербродами, сладкий пирог; между ними — сливочки и блюдо с нарезанным лимоном, сахарницы, вазы с вареньем, масло, нарезанный хлеб в лотках и пр. Могли подавать также холодное мясо и сыры. Солонки ставили по одной на каждое место. Графины с ромом и коньяком помещались рядом с хозяином.

На более многочисленных званых вечерах самовар и поднос с чашками могли ставить на отдельный столик рядом с местом хозяйки, на отдельных столах у дверей столовой и у буфета ставили графины с водками и наливками, тарелки с закусками, приборами, салфетками, хлебом и пр. Первые чашки разносили лакеи, затем это делали дочери хозяев и молодые люди. Чай разливала хозяйка, если в доме была взрослая дочь, то она. Пустые чашки и стаканы для споласкивания и наливания новых порций хозяйке стола приносили дочери и молодые люди. После чая подавали конфеты и фрукты.

Ист.: Беловинский Л. В. Энциклопедический словарь российских жизни и истории. М., 2003.

ЗВЕРИНЫЙ ПРАЗДНИК — см.: **ВАСИЛИЙ — ЗВЕРИНЫЙ ПРАЗДНИК**.

ЗГА, часть конской *упряжи*: небольшое кольцо, вворачивавшееся в верхнюю часть *дуги*; через згу пропускали чумбур повода, чтобы он не болтался на ходу; к зге также могли привешивать *поддужный колокольчик*. «Ни зги не видать» — ничего не видно в темноте или в метели. Когда начинало темнеть, зга становилась все менее заметной. Это служило сигналом к поиску ночлега и остановки.

ЗЕЛЕНИН Дмитрий Константинович [21.10 (2.11). 1878—31.08.1954], фольклорист и этнограф, член-корреспондент АН СССР (1925). Академик Болгарской АН (1946). Родился в с. Люк Вятской губ. Сарапульского у. В 1904 окончил Юрьевский университет. С 1916 профессор Харьковского университета, с 1925—Ленинградского университета.

Д. К. Зеленин

Свою научную деятельность Зеленин начал как краевед. Еще в молодые годы он делал фольклорно-этнографические наблюдения и записи на своей родине в Вятском крае и уже в студенческую пору (с 1900) публиковал их. В 1903 он выпустил первую книгу — «Песни деревенской молодежи, записаны в Вятской губ.» (Вятка, 1903), а затем краеведческий путеводитель «Кама и Вятка, путеводитель

и этнографическое описание Прикамского края» (Юрьев, 1904; сокращенное издание: Н. Новгород, 1908). Зеленин записывал и фольклорные тексты (при этом не только старинные, но и новые, частушки и пр.) и верования, интересовался материальной культурой («Русская соха, ее история и виды». Вятка, 1907). По окончании университета Зеленин жил в Петербурге, специально занимаясь — под руководством академиков Фортунатова и Шахматова — русской диалектологией. Он опубликовал в те годы свои записи сказок — «Великорусские сказки Пермской губ.» («Зап. ИРГО по отд. этногр.», т. 41, 1914), «Великорусские сказки Вятской губ.» (там же, т. 42, 1915). Очень важное значение для историко-этнографического изучения русского народа имеет труд Зеленина «Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных, в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации» (СПб., 1913): автор тщательно прослеживает исторический ход заселения каждой отдельной губернии, каждого уезда и пытается выяснить этнический состав их населения. Это была магистерская диссертация Зеленина; после защиты ее Зеленин был избран приват-доцентом Петербургского университета и читал там лекции по этнографии. В 1916 Зеленин опубликовал докторскую диссертацию «Очерки русской мифологии».

Зеленину принадлежат также очень полезные библиографические и архивоведческие труды: «Библиографический указатель русской этнографической литературы о внешнем быте народов России» («Зап. ИРГО по отд. этногр.», т. 40, СПб., 1913) и «Описание рукописей ученого архива Русского географического общества» (Пг., 1914—1916, вып. 1—3; не закончено).

Главным трудом Зеленина стала вышедшая в 1927 книга «Russische (Ostslavische) Volkskunde», т. е. в точном переводе «Русская (восточнославянская) этнография», в которой этнография русского народа рассматривалась в единстве даже не трех — великороссы, белорусы, малороссы, а по мнению автора четырех ветвей — севернорусской, южнорусской, малороссийской и белорусской. Книга Зеленина в большей мере заключала, завершала и подытоживала длительный и весьма плодотворный период истории русской этнографии, протянувшийся с 30—40-х гг. XIX в. до 1917.

Соч.: Новые веяния в народной поэзии. М., 1901; Песни деревенской молодежи. Вятка, 1903; Великорусские говоры... СПб., 1913; Великорусские сказки Пермской губернии. Пг., 1914; Великорусские сказки Вятской губернии. Пг., 1915; Библиографический указатель русской этнографической литературы о внешнем быте народов России 1700—1910 гг. СПб., 1913; Очерки русской мифологии. В. 1. Пг., 1916; «Russische (Ostslavische) Volkskunde». В. — Lpz., 1927; Восточнославянская этнография. М., 1991.

Лит.: Станюкович Т. В. и Торен М. Д. Д. К. Зеленин [Некролог]. «Сов. этнография». 1954. № 4.

ЗЕЛЕНО-ВИНО, старинное народное бытовое название хлебного вина, *водки*, а в более узком смысле — водки, настоянной или перегнанной на пряных, ароматных или горьких травах, листьях, кореньях или их смесях («зелье»): такие настойки действительно имеют зеленоватый цвет, но название — искаженное «зелеино-вино», от слова «зелье».

ЗЕЛЕННЫЕ СЯТКИ — см.: **ТРОИЦКИЕ ГУЛЯНИЯ**.

ЗЕМЕЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ, отношение русских людей к владению землей определялось особенностями народного мировоззрения, согласно которому

единственно справедливым источником приобретения имущественных прав может быть только труд. Поэтому земля, которая не является продуктом труда, должна находиться не в индивидуальной собственности, а лишь во временном пользовании, право на которое может дать только труд. Большинство русских крестьян не знали частной собственности на землю. Отсюда древний трудовой идеал крестьянина, враждебно относящегося к частной собственности на землю. Земля в крестьянских *общинах* распределяется по тем, кто ее обрабатывает, кто может приложить к ней свою руку. Отсюда и всеобщая вера русского крестьянина в черный передел, когда вся земля будет вновь переделана между теми, кто ее фактически обрабатывает.

Россия была очень богата землей, и лесами, и др. природными ресурсами. Еще в XIV–XV вв. стояли огромные массивы незаселенных земель, оставалось много неосвоенных ресурсов. В этих условиях владение ресурсами зависело от возможности человека освоить их своим трудом или трудом своих близких и челяди.

Земля — Божья, считал крестьянин, и принадлежать она должна тому, кто ее обрабатывает. Это основа трудового мировоззрения крестьянина, вокруг которого формировались все его другие воззрения.

Как отмечал исследователь русской общины Ф. А. Щербина, до к. XVI в. обычай свободной заимки земель был главным господствующим обычаем в экономической жизни и отношениях русского народа. Трудовое право русского человека состояло в том, что он пользовался занятым им пространством по известной формуле: «Куда топор, коса и соха ходили». Затрата труда на месте заимки служила в большинстве случаев определяющим фактором владения этой землей.

Еще в XIX в. русский ученый П. С. Ефименко отмечал, что в Западной Европе имущественные отношения строились на завоеваниях, насильственном захвате одной частью общества прав другой. В России же было иначе — для большей части общества имущественные отношения носили трудовой характер. «Земля не продукт труда человека, следовательно, на нее и не может быть того безусловного и естественного права собственности, какое имеет трудящийся на продукт своего труда. Вот то коренное понятие, к которому могут быть сведены воззрения народа на земельную собственность». Аналогичные мысли высказывал кн. А. И. Васильчиков. В России, считал он, «с древних времен очень твердо было понимание в смысле держания, занятия, пользования землей, но выражение «собственность» едва ли существовало: в летописях и грамотах, как и в современном языке крестьянства, не встречаются выражения, соответствующие этому слову».

Сложившийся общинный принцип ставится в России выше принципа частной собственности. Ф. А. Щербина рассказывает, как в Кадниковском у. умер крестьянин-собственник, оставив своей жене-старухе несколько десятин земли, приобретенных покупкой. Община, к которой принадлежала старуха, отобрала эту землю в общественное пользование, полагая, что старуха может содержаться за счет мира. «На что ей своя земля, — рассуждали крестьяне, — ее «мир» прокормит и без земли». Старуха пожаловалась в волость, где ей сказали, что мир поступил справедливо, ибо частная собственность превратилась в общинную из-за невозможности трудиться на ней старухе-хозяйке.

О. Платонов

ЗЕМЛЯ, в древнерусских народных представлениях одна из четырех главных основ мироздания (наряду с *водой, воздухом и огнем*).

Русские люди считали свою землю святой, боготворили ее как всеобщий источник *жизни*, мать всего живого — Мать сыру землю. «Гой еси сырая, Земля матерая! Матерь нам еси родная, всех еси нас породила». В некоторых духовных стихах земля отождествлялась одновременно и с матерью, и с отцом: «Земля — мать сырая! Всем, Земля, ты нам отец и мать».

Еще в языческие времена понятие «земля» для русских людей было равнозначно понятию «своего родоплемена», малой и большой Родины, Отечества, государства. Более того, образ земли выражал для русских единство и преемственность всех мертвых и живых. Поминальные ритуалы на могилах предков как бы декларировали связь всех ушедших и живущих поколений.

Самой страшной клятвой на Руси считалась клятва, при которой целовали или ели землю. Уезжая на чужбину, русский человек брал с собой горсть родной земли и держал ее на груди до конца своей жизни, унося ее вместе с собой в могилу. Возвращаясь на Родину, русские вставали на колени и целовали свою землю. Провожая в последний путь своих близких, русские брали с могилы горсть земли и растирали ее около сердца. Считалось, что т. о. можно преодолеть тоску по покойнику.

По древнерусским поверьям, земля страдает от человека и одновременно сострадает к нему. Люди виновны перед землей хотя бы потому, что «рвут ее грудь сохой, царапают в кровь бороной». Считалось, что земля — своего рода одушевленное существо и ей нужно устраивать отдых и именины. В Вятской губ., напр., земля считалась именинницей в *Духов день*, в др. местах именины земли праздновали в день св. *Симона Зилота*.

После Крещения Руси многие ритуалы, связанные с языческим культом Матери сырой земли, преобразовались в христианские обряды, связанные с почитанием Пресвятой *Богородицы*.

В народном мировоззрении земля не бездушная тварь, она организм, подобный человеческому телу. «Земля сотворена яко человек: камение яко тело имать, вместо костей корение имать, вместо жил дерева и травы, вместо власов былие». Земля — существо женское, и в лицевых рукописях изображается она женщиной, иногда престарелой. Народ окрестил землю, как и др. свои святыни, христианским именем — ее имя Татьяна.

Вода — дочка Ульяна,

Земля — мати Тетяно (вар. Татьяна),

Камне — брате Петро.

«Добрыдень тобі, Романе-Колодезю, и тобі, Водо-Уляно, и тобі, Земле-Тетяно». Но именинницей земля бывает не 12 янв., а весной: в Духов день или на Симона Зилота 10 мая, на др. день после Николы Вешнего, покровителя земледелия.

Именинницу землю величают такими словами:

Мать сыра земля добра,

Уроди нам хлеба,

Лошадушкам овсеца,

Коровушкам травки.

«На Симона Зилота земля именинница: грех пахать», «Сей пшеницу на Симона Зилота — родится аки золото», «На апостола Симона копают коренья на зелью (Даль, «Пословицы»). Желая достойно почитать именинницу, крестьяне не брались в этот день ни за

какую земляную работу: не пахали, не боронили, не рыли и особенно опасались вбивать в землю колья, чтобы не нарушать ее покоя. В Малороссии в этот день собирали целебные травы, в иных местах искали *клады* золота и верили, что искателям особенно помогает ап. Симон Зилот.

Земле приписывались человеческие действия и настроения: «пьет и не напьется», дрожит или стучит при землетрясениях, плачет.

Земля есть действительно мать человека, породившая его из своих недр, жалеющая и пекущаяся о нем при жизни и возвращающая его в свое лоно по смерти. «Земля, земля, мати сырая! Всякому человеку земля отец и мать». Все существо человека — продукт земли:

*Телеса наши от сырой земли,
Кости крепкие от камня,
Кровь-руда от Черна моря,
Наши помыслы от облак небесных.*

Сердобольная мать, земля любит и жалеет детей своих, плачет о них во время великих бедствий. В годину монгольского нашествия земля плакала пред Богоматерью и Господом Богом, «жерелом великим стоящи», умоляя пощадить грешных и наказанных христиан русских. Накануне Куликовской битвы соратник Дмитрия Донского Дмитрий Волынец гадал. Сошел он с коня, упал на правое ухо к земле, лежал некоторое время и снова поник к земле. Князь спрашивает Волынца: «На пользу ли сия примета?» Тот отвечает не сразу, по принуждению: «Княже великий, одна примета на пользу, а другая скорбна: слышал я, господине, как земля плачет на-двое — одна сторона горько плачет по-язычески о чадах своих, сильно крича, другая же сторона, как некая вдовица, тихо и жалобно плачевным голосом». Земля плакала о детях своих — и русских и татарах, вышедших на Куликово поле, чтобы лечь на нем многотысячными костями.

Земля — неисчерпаемый источник сил и здоровья для человека. Прикосновение к ней дает ему новые силы. Русские богатыри набираются сил, упавая на Мать сыру землю. В народной сказке богатырский конь дважды ударяет пятой доброго молодца — так, что тот падает на землю, а вслед затем спрашивает его: «Много ли сил прибыло?» — «Прибыла сила великая», — отвечает молодец. От земледельца земля требует огромного напряжения, сил, работы до истощения их. Былинная «тяга земная» оказалась не под силу даже могучему Святогору, за которым скрылся, вероятно, образ библейского силача Самсона. Но сама же земля и возвращает крестьянину положенные в нее силы. В иных местах России жатва заканчивается обрядом глубочайшей древности — завиванием бороды Волосу. Жнеи садятся при этом в круг и поют следующую песню:

*Нива ты нива, вот твоё поле!
Поле ты поле, вот твоё жнива!
Жнива ты жнива, отдай мою силу!
Я жала, в тебя силы клала.*

Затем жнеи припадают к земле спиной для получения силы и, перекувыркнувшись через голову, все поднимаются на ноги.

Земля порождает целебные злаки на пользу человеку и исцеляет непосредственно. «Как здорова земля, так бы моя голова была здорова», говорят, прикладывая песок со дна родника от головной боли. Больные лихорадкой отправляются на то место, где, по их мнению, приключилась болезнь, посыпают вокруг себя ячменной крупой и, кланаясь во все стороны, произносят:

«Прости, сторона, Мать сыра земля! вот тебе крупич на кашу», и уверены, что земля простит их, избавит от лихорадки. Крупичи на кашу, быть может, древняя жертва земле. Крестьяне Нижегородской губ., получившие при падении наземь какое-либо повреждение или ушиб, ходят прощаться на то место, т. е. молить наказующую землю о прощении. Знахарка говорит больной вывихом: «Ты пойд и поклонись три раза в землю на том месте, где тебе это подеалось, Мать сыра земля и отпустит тебя». Среди суеверий Ярославской губ. встречается прощание с землей. Во время «прятки» — болезни по неизвестной причине — на девяти вечерних и утренних зорях прощаются с землей словами: «Прости, Мать сыра земля, в чем тебе я досадила».

В лоне матери-земли человек находит вечное упокоение: рожденные от земли, мы все в нее ляжем. Человека, близкого к смерти, она зовет к себе; умершего принимает. Кн. Дмитрий Шемяка, согнанный с Московского престола, разбитый и бегавший от войска Василия Темного, явился, наконец, в Новгород и заехал в Клопский монастырь. В беспокойной голове князя роились новые замыслы, и он поделился ими с братией. Тогда юродивый Михаил Клопский взял Шемяку за голову, погладил ее рукой и сказал ему трижды: «Князь, земля зовет тебя». И вскоре князь был отправлен в Новгород. Если у умирающего человека выступают на теле темные пятна, то в Пошехонии говорят, что «это земля у него выступает на теле», «земля его к себе зовет». От человека, который в скором времени умрет, «пахнет землею». Если ребенок на вес весьма тяжел, то толкуют, что «его тянет земля»: он скоро помрет. Если ребенок растет пухлым и нежным, то говорится: «его нежит земля», он не жилец на белом свете. В Варнавинском у., когда захворает ребенок, мать выносит его из дома, кладет на землю и говорит: «мать сыра земля, или возьми себе или отдай мне!» «Прими меня, матушка сыра земля», — причитает крестьянка, потерявшая близкого человека. «Земля, земля сырая, родная всех мати, прими меня в недро свое», — поют малороссийские слепцы. Может быть, такие представления служили основой для народного обычая — класть на землю или на солому трудно умирающего.

*В эти дни в усадьбе барской
Смерти панской ждали...
Клади наземь, на солому,
Крышу разбирали;
Не живет, не умирает!*

Но земля не всех принимает в свои чистые недра. Народ убежден, что *колдуны и ведьмы*, опойцы, люди, предавшиеся злему духу, проклятые родителями, отлученные от Церкви, не гниют в земле, остаются вечными трупами: земля их не принимает. Отсюда о негодном человеке говорит пословица: «Уродила мать, что и земля не примать»; отсюда же и такое пожелание врагу: «Щоб тебя окаянного земля не приняла». У русского человека наблюдалась трогательная заботливость лечь в могилу чистым. Мертвеца непременно обмывали и переодевали. Русские солдаты перед битвой надевали чистое белье. Разъяснение этого обычая мы находим в «Житии боярыни Морозовой». В Боровской земляной тюрьме Морозова почувствовала приближение смерти. Единственная рубашка, бывшая на ней, требовала стирки. И вот боярыня обращается к сторожу темницы: «Иди на реку и вымой мне эту сорочку, ибо хочет Господь взять меня от сей жизни. Было бы непристойно этому телу в нечистой одежде возлечь в недрах

матери своей земли». По народным представлениям, земля покрывает мертвеца: «Из гроба не встает мертвец, покрыт матушкой сырой землей», — говорится в заклетьях. Покрывая, она давит его. Вероятно, на этом представлении основан обычай, встречавшийся у южнорусских болгар: «Когда опускают гроб в яму, то каждый находящийся здесь должен бросить туда три раза по одной горсти земли и сказать: «Пусть тебе будет легка земля»; в Трубчевском у., бросая землю, говорили: «Будь тебе земля пером» или «земля тебе пухом».

Земля представлялась, между прочим, местом обитания умерших. В Обонежском крае, встречая умерших родителей на поминках их, говорили: «Чай, вы зазябли в сырой земле, да и в дороге-то не тепло, может, было: погрейтесь, родные, на печке». Поэтому земля, где лежат предки, особенно священна: она земля рода — родная. «С родной (родительской) земли умри не сходи», — говорит пословица. Ее как святыню по горсти брали с собой наши предки, уходя в чужую-дальнюю сторону. Уезжая надолго на чужую сторону (в Пошехонии), некоторые брали с собой щепотку родной земли, которую зашивали в ладанку. Катерина у Шевченко, решив навсегда покинуть родной дом свой,

*Вышла в садик, помолилась,
Горсть земли набрала
И на крест ее в мешочке
Крепко навязала.
«Не вернись!» — проговорила:
Далеко умру я, —
И чужие закопают
В землю мне чужую;
А своя щепотка эта
Надо мною ляжет
И про долю и про горе
Добрым людям скажет.*

Землю, как предмет священный, человек может оскорбить и осквернить, как живому существу, может причинить ей боль. Есть легенда, что «когда землю начали впервые пахать, то она была живая и сильно кричала от боли, а борозды от плуга наполнились кровью. Но явился Бог и сказал земле: «Не плачь и не пускай крови, ты будешь кормить людей, но ты же и съешь их всех». С тех пор земля утешилась и больше не кричит и крови не пускает». Человек, не довольствуясь тем, что получал от земли в готовом, естественном виде, стал управлять ее производительными силами, и это показалось ему самому насилием над землей. По народным воззрениям, грешно даже попирать землю ногами, бросать ее горстью, плевать на нее и т. д. «Не бей землю, — говорят словаки, — не даст тебе хлеба». Во время засухи в Александровском у. Владимирской губ. пришлось разбивать комья земли на пашне, но некоторые крестьяне не решались делать этого, боясь греха.

В древнерусских епитимейниках упоминается странный грех «мужей и отроков» — лежать на земле ниц или на чреве. «Грех есть легчше мужницы на чреви на земли, опитемии 12 дней, поклон 60 на день». «Легши ниц, три дня поста». В одном перечне человеческих грехов указан такой: «ничему спати на земли». Такое оскорбление земли-матери приравнивалось к обиде родителей: «Аще отцу или матери лаял или бил или, на земле лежа ниц, как на жене играл, 15 дни» (епитимия).

Оскорбляет землю сквернословие. Древний проповедник, восставая против этого порока, говорит, что скверным словом оскорбляется Матерь Божия, др. мать, родная всякому человеку, и «третья мати — земля,

он неа же кормимся, и питаемся, и одеваемся, и тмы благих приемлем, по Божию повелению к ней же паки возвращаемся, иже есть погребение». По воззрению древнего летописца, «земля оскверняется ложными верами и человеческими жертвоприношениями».

Лит.: Смирнов С. Исповедь земле // Смирнов С. Древнерусский духовник. М., 1914; Комарович В. Л. Култ рода и земли в княжеской среде XI—XIII вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16; Федотов Г. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам). М., 1991; Марков А. Определение хронологии русских духовных стихов в связи с вопросом об их происхождении // Богословский вестник. 1910. № 6, 7, 8; Соболев А. Н. Обряд прощания с землей перед исповедью, заговоры и духовные стихи. Владимир, 1914; Успенский Б. А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Studia Slavica. 1983. Т. 29; 1987. Т. 33; Топорков А. Л. Материалы по славянскому язычеству (култ матери — сырой земли в дер. Присно) // Древнерусская литература: Источниковедение. Л., 1984; Толстой Н. И. Покаяние земле (Этнолингвистическая заметка) // Русская речь. 1988. № 5; Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. М., 1993.

С. С., О. П. ЗЕМЛЯ – БОЖЬЯ, широко распространенное среди русских крестьян понятие. Русские люди в основной своей массе не считали хозяйствование на земле только средством обеспечения своего существования или способом обогащения. Для них всегда это было нечто большее, связанное со всей их духовной жизнью. Связь эта проходила прежде всего через глубокое понятие — земля Божия, означавшее, что по происхождению своему и по существующему и ныне порядку вещей она принадлежит Богу. Это народное воззрение неоднократно отмечалось наблюдателями и исследователями XIX в., но чаще всего о нем вспоминали в связи с общеправовыми нормами собственности на землю или владения ею, в частности, в связи с правами общин и вольно-захватным способом приращивания земель, оставляя в стороне религиозный мировоззренческий смысл понятия.

Наиболее четко определено было использование народного понятия «земля Божия» в обычном праве в труде Ф. Щербины «Сольвычегодская земельная община». Автор выделил несколько категорий в крестьянских понятиях о правах на землю. 1. Божья земля: это — свободные, незанятые, пустые земли; их можно распахать или косить на них траву, рубить лес, охотиться, ловить рыбу. Если начальство не разрешало пользоваться пустопорожними землями и привлекало за это к ответственности, крестьяне считали это несправедливым, хотя в это же время крайне щепетильно относились к посягательствам на чужую собственность. Но пустопорожние государственные земли они таковой не считали. Автор приводит крестьянское рассуждение на этот счет: «Зачем же и земля, как не затем, чтобы пользоваться ею?» Пользоваться, значит, и трудиться, а трудиться, значит, — и владеть. 2. Общественная, или мирская, земля; это — земли конкретных общин, с определенными границами; ими владеют все члены мира сообща, и крестьяне никогда не считают эти земли ничейными, даже если они окажутся в какой-то части пустопорожними. 3. Надел — часть общинной земли; ею пользуется конкретный крестьянин со своей семьей. 4. Новина, или распашь, — вновь поднимаемая земля, часть мирской. 5. Собственная земля, или частная земельная собственность.

Поставленное в ряд с другими народными обозначениями разных уровней прав на землю, понятие «Божья земля» означает, казалось бы, лишь какую-то

часть территории — с максимальными возможностями свободного пользования. Но здесь, по существу, присутствует понимание того, что вся земля — Божия изначально; просто в данной категории земель это ее свойство наиболее заметно, а в других как бы заслонилось разными отношениями мирской жизни.

Представления русских крестьян об ограниченности любых прав на землю, поскольку истинный собственник ее — Сам Бог, вполне соответствует определению Священного Писания: «Землю не должно продавать навсегда, ибо Моя земля: вы пришельцы и поселенцы у Меня» (Лев. 25, 23).

Некоторые авторы видели священное начало в комплексе народных представлений, связанных с правами общины и определением принадлежности земли. Так, А. П. Шапов писал в 1875: «И ленские крестьянские общины, хотя не сознают, не понимают вполне отчетливо начала общинного землевладения, но все-таки, однако ж, инстинктивно берегут его, как священное начало, чувствуют всю его существенную многозначительность в своих общинно-юридических правах на землю. «Земля, — говорят ленские крестьяне, — собственно ничья, а Божья, да государственная, общественная, мирская».

Исследователь религиозно-нравственных оснований русского крестьянского хозяйства С. В. Кузнецов пишет: «Для христианского сознания русского крестьянина (...) было характерно представление о земле, как земле Божией. Земля Божия — этико-религиозное понятие, выражение целостного взгляда православного крестьянства на мир, как творение». Автор приводит пословицы, соответствующие православному восприятию мира: «Божия роса Божию землю кропит»; «Божие тепло, Божие холодно». «Отсюда, — пишет этот же автор, — то трепетное отношение к земле, которое характерно для русского крестьянина».

Это трепетное, благоговейное отношение к земле проявлялось не только и не столько в отдельных высказываниях, сколько во всем строе хозяйствования, обнаруживающем внимательное, предельно ответственное исполнение трудовых задач, основанное на глубоком эмпирическом знании, накапливаемом из поколения в поколение и тщательно хранимом.

Вся практика крестьянского хозяйства отличалась гибкостью, проникновением в специфику данных условий и вниманием к тончайшим деталям в обработке почв, уходе за культурами, сборе урожая. Именно такой подход и является той основной традицией земледелия, которая заслуживает использования и ныне, то есть должна быть сегодня возрождена там, где она утрачена.

В литературе можно встретить мнение, что земельные просторы России приводили якобы к небрежному хозяйствованию русских. А иные даже думают, что экстенсивное, с их точки зрения, земледелие (из-за обширности территории) не содействовало развитию инициативы в национальном характере. Протяженность территории с севера на юг и с запада на восток, напротив, способствовала развитию инициативы, ибо миграции занимали очень существенное место в его истории и требовали высокой приспособляемости к новым условиям.

Исследователи сибирского земледелия оценили деятельность русских крестьян по приспособлению вынесенных из мест выхода приемов хлебопашества к

условиям каждого осваиваемого района как агротехнический эксперимент. В. Н. Шерстобоев предлагал «рассматривать всю сельскохозяйственную деятельность пашенных крестьян Илимского воеводства... как непрерывный опыт, из которого выросли основы местной агротехники». В. И. Шунков выявил факты сознательных экспериментальных действий крестьян в земледелии, рассматривавшихся ими самими и современниками как опыт. Разумная осторожность в разворачивании собственного хозяйства на новых землях, целенаправленное заимствование опыта старожилов сопровождалось и постановкой собственно эксперимента.

Пока сохраняет народ память о том, что земля — Божья, он не может трудиться на ней небрежно, использовать ее хищнически. На этом основывалась народная экология.

М. Громыко

ЗЕМЛЯ КУДЕСНИЦА — см.: АЛФЕЙ ГЛИННИК.

ЗЕМСКИЕ СОБОРЫ, собрания представителей городского и областного торгового и служилого класса, являвшиеся по призыву московского правительства для разрешения важных административных и политических дел. Они действовали с сер. XVI в. в течение 150 лет. Первый Земский Собор созван в 1550 *Иваном Грозным* для исправления накопившихся за время его юности беспорядков. С прекращением династии Рюриковичей Земские Соборы получили особенное значение: они избирали государей 1598 и 1606; 1612 Земский Собор, находясь при ополчении Пожарского, составлял правительство государства; 1613 Земский Собор избрал Михаила Романова на царство. Первые годы его правления один Земский Собор сменял другой, пока государство не окрепло после Смуты. Выборные созывались посылкой грамот по городам, которые со своими уездами составляли избирательные округа. Выборы происходили по сословиям. Земские Соборы носили характер совещательный, иногда с законодательной инициативой. Земский Собор 1653, советовавший принять в подданство Малороссию, — последний полный.

ЗЕРКАЛО, в народных представлениях символ «удвоения» действительности, граница между земным и потусторонним миром. Как и другие границы (межа, окно, порог, печная труба, водяная поверхность и т. п.), зеркало считается опасным и требует осторожного обращения. Разбитое зеркало сулит несчастье, т. к. означает нарушение границы. Повсеместно соблюдается обычай завешивать зеркало или оборачивать его к стене, когда в доме находится покойник. Если этого не сделать, покойник станет вампиром, т. е. будет вторгаться с «того» света в мир живых. Тем же страхом перед открытой границей в потусторонний мир объясняется строгое требование закрывать глаза покойнику. Закрывание или отворачивание зеркала, так же как и запрет смотреться в зеркало, касается наиболее опасного времени и определенной категории лиц (наиболее подверженных опасности). Повсеместно известен запрет смотреться в зеркало ночью, а также во время грозы.

Особую опасность представляет время рождения и время смерти, когда происходит неизбежное пересечение границы жизни и смерти. Во время родов, как и в случае смерти, в доме завешивают зеркало и следят, чтобы роженица не могла увидеть себя в зеркале. Запрещается также смотреться в зеркало женщине во время *месячных*, *беременности* и в послеродовой период, когда она считается «нечистой», и перед ней, по народной фразеологии, «открыта могила». Зеркало представляет опасность и для новорожденного ребенка,

отсюда запрет подносить к зеркалу ребенка в возрасте до одного года, иначе ребенок не будет говорить (или долго не будет говорить, будет заикаться); испугается своего отражения, не будет спать; не будет расти; зубы у него будут болеть (или трудно резаться); он увидит «свою старость», будет выглядеть старым и др. Большинство мотивировок связано с представлением о потустороннем мире как о царстве молчания, неподвижности (невозможности роста), перевернутости (ребенку нельзя показывать зеркало, иначе жизнь его «отразится, перевернется»). Опасность состоит не только в соприкосновении через зеркало с «тем» светом, но и в последствиях самого удвоения (посредством отражения в зеркале), грозящего «двоедушием», т. е. раздвоением между миром людей и миром *нечистой силы*, превращением в *колдуна*, *ведьму*, вампира.

Однако тот же эффект удвоения может оцениваться положительно и сознательно использоваться для защиты от нечистой силы. На этом основано применение зеркала как *оберега*: если нечистая сила отразится в зеркале, она утрачивает свои магические способности. В Полесье зеркало наряду с серпом, бороной, мужскими штанами, убитой сорокой, крапивой, освященной *вербой* и др. предметами-оберегами широко используется как оберег хлева для охраны скотины от *домового* и *ведьм*.

Общеизвестно и отражено в литературной традиции обрядовое употребление зеркала при *гаданиях* (гл. обр. святочных). Гадания с зеркалом совершались в специальном («нечистом») месте (в *бане*, на *печи* и т. п.) и в особое («нечистое») время (вечер, полночь). Гадающие смотрели как бы сквозь зеркало прямо на «тот» свет, чтобы увидеть жениха или знак своей судьбы (смерти). Само это действие было сопряжено с большим риском: как только покажется видение, нужно было сразу же закрыть зеркало или перевернуть его, иначе видение «ударит по лицу», «придет да задавит» и т. п. Сходные гадания совершались с водой в доме, у *колодца*, над *прорубью*. Для большего эффекта брали 2 зеркала. Иногда зеркало клали под подушку вместе с др. символическими предметами, чтобы увидеть суженого во сне.

Ист.: Толстая С. М. Зеркало // Славянская мифология. М., 1995.

ЗИПУН, мужская и женская верхняя одежда, использовалась крестьянами весной и осенью как будничная и праздничная, а также надевалась поверх основной одежды в дорогу или во время ненастья. Назначение зипуна сказывалось на его покрое и материале. Праздничные зипуны изготавливали из фабричного сукна черного, синего цветов, будничные — из серого или белого сукна домашней выработки. Как правило, это была двубортная одежда с длинными рукавами, без воротника или с небольшим стоячим воротником. Его застегивали справа налево на крючки или кожаные пуговицы. Зипуны шили обычно с прямой спинкой и

прямыми полами, подол расширяли за счет клиньев, вставленных между ними.

В XVII в. зипуном называлась мужская наплечная одежда типа куртки, короткая, облегающая фигуру, имеющая неширокие рукава. Ее надевали поверх *рубахи* или *кафтана*. Вероятно, в боярском костюме она играла роль *жилета*.

ЗЛАТА ОНУЧНИЦА (Злата), народное название дня вмц. Златы (Хрисы) Болгарской, 13/26 окт.

Злата в русском народе считалась мастерицей шить *онучи*. По народному поверью, именно Злате надо было поклониться, чтобы она помогла выкроить онучи как следует, чтобы они долго носились.

ЗЛАТОУСТЬЕВ ОГОНЬ (Иван Златоуст), народное название дня перенесения мощей Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, 27 янв./9 февр.

Иоанн Златоуст в 40 клеймах жития. Икона. 1670–1680-е гг. ЯХМ

В этот день полагалось с особым вниманием относиться к огню в *русской печи*. Дрова хозяйка-*большуха* высушивала заранее и складывала аккуратно клеткой, заготавливала *лучину*. Затопить печку надо было так, чтобы поленья разом занялись, чтобы устье печи казалось золотым.

ЗЛО, отрицание *добра*, приносимого в мир Богом, противостояние *истине*, добру и *благу*. Всякое зло противно Божественному порядку, в православном сознании зло олицетворяется с духом тьмы, дьяволом, сатаной.

Икона Божией Матери Умягчение злых сердец. XVIII в.

Единственный путь познания Добра и Зла можно найти только в Свящ. Писании и у христианских мыслителей. Православная мысль рассматривает добро как норму и должное, а зло — как отклонение от нормы и недолжное. При определении должного и недолжного православный человек руководствуется указанием воли Божией, как она выразилась в естественном и сверхъестественном откровении. В Библии под добром понимается все то, что получает свое бытие от Бога. Исходя из этого, зло, как противоположность Божественной норме добра, есть явление случайное, то, чему не следовало быть и что не согласно с волей Божией, так как не входило в план мироздания. Зло проявляется в разрушении, беспорядке, уничтожении бытия и разделяется на зло физическое — все, что разрушает развитие физического бытия (болезни и пр.), — и зло нравственное — все, что противоречит в нравственной жизни воле Божией и что обыкновенно называется *грехом*.

Коренной русский человек был уверен, что в мире идет борьба добра и зла. Добро и зло совершаются прежде всего в душе, вне времени и пространства. Ареной борьбы становится человеческая совесть. Пытаясь победить зло злом, ты губишь собственную душу. «Не

Злая жена. Народная картинка

плати злом за зло, — говорят народные пословицы. — Нам добро, никому зло — то законное житье! Дружбу помни, а зло забывай. Зла за зло не воздавай. Назло да наперекор, да людям в укор. На зло молящего Бог не слушает. Во зле жить, по миру ходить».

Веря в добро, русский человек вместе с тем считает, что «мир во зле лежит». «Злой не верит, что есть добрые люди». «И доброе слово не уймёт злого». Но все равно — «Молись, а злых дел берегись».

Понятие зла подробно исследовано русскими мыслителями. «Зло не есть просто вражда, ибо вражда ко злу не есть зло. Зло есть противодуховная вражда. Только для лицемера или слепца равноправны *Георгий Победоносец* и закалываемый им дракон» (*И. А. Ильин*). «Лицо всякого зла, всякого отрицательного явления, в конце концов, всегда только искаженное лицо отрицаемого им добра» (*Ф. А. Степун*).

«Если ты спрашиваешь, зачем зло, — писал *Л. Н. Толстой*, — я отвечаю вопросом: зачем жизнь? Зло затем, чтобы была жизнь. Жизнь проявляется в освобождении от зла. Борьба со злом в том, что стараться переменить мысли человека, делающего зло. Борьба со злом плодотворна только в собственной душе».

«Зло должно искореняться непрестанно, — считал *Ф. М. Достоевский*. — Я хочу, — заявлял он, — не такого общества, где бы я не мог делать зла, а такого именно, чтобы я мог делать всякое зло, но не хотел его делать сам. Оправдайте, не карайте, но назовите это злом».

«В России зло очень редко творится умышленно, гораздо чаще — по недоразумению и недомыслию» (*Ф. И. Тютчев*). «Борьба со злом возможна лишь путем творчества жизни. Зло в творчестве выступает как самопобуждение к высшему напряжению творческих сил» (*М. М. Пришвин*).

О. Платонов

ЗЛЫДНИ, в представлении малороссов, маленькие существа неопределенных образов, соответствующие Горю, Лиху, Недоле. Где бы они ни появились, всюду приносят зло: как бы ни было велико богатство хозяина, оно быстро сгинет. Поселяясь в домах, злыдни живут за печкой, невидимками и притом никогда поодиночке. Своим крохотным ростом и неугомонным характером они напоминают домовых карликов.

ЗМЕИНЫЙ ДЕНЬ (**Артамон, Артамонов день**), народное название дня св. мч. Автонома (в народе его называли Артамоном), епископа Никейского, 12/25 сент.

По народному преданию в этот день змеи засыпают на зиму: *солнце* за небо закатывается — змеи в подземное царство уходят. В этот день, считали крестьяне, в лес и на *болото* ходить опасно. Разгневается змеиный царь Василиск, утащит с собой под землю. Следует обратиться к Артамену с молитвой: он всех ползучих гадов отправляет в норы и на зиму запирает крепким замком. **ЗМЕИНЫЙ ПРАЗДНИК** — см.: **ИСААКИЙ ЗМЕЕВИК**.

ЗМЕЙ ГОРЫНЫЧ, в древнерусской языческой мифологии воплощение мирового *зла*, злой дух, произошедший от змеи, которая семь лет не слышала человеческого голоса, или от сорокалетней рыбы. Змей имеет вид огромного дракона, покрытого панцирем, с одной

И. Билибин. Змей Горыныч

или несколькими головами и таким же количеством крыльев и когтей. Полет змея сопровождается *громом* и бурей, а из пасти его извергается пламя. Змей облагает людей поборами, требует ежедневно девушек и детей, поедает и убивает людей, летает к женщинам в дом, сожительство с ними или сосет грудь, а когда закончится молоко, сосет кровь, в результате чего женщина быстро сохнет, желтеет и умирает. В русских *былинах* и сказках всегда находится богатырь или герой, который храбростью и хитростью убивает змея и его змеенышей и освобождает людей.

«**ЗНАМЕНИЕ**» **СЕРАФИМО-ПОНЕТАЕВСКОЕ**, чудотворная икона Пресвятой Богородицы. Находилась в *Серафимо-Понетаевском Скорбященском женском монастыре* Нижегородской епархии. Была написана в

Богоматерь Знамение Серафимо-Понетаевское. Икона. 1903 г. ГМИР

1879 одной из сестер монастыря, Клавдией Войлошниковой, и стояла в письмоводительской келье в корпусе, занимаемом игуменьей монастыря. 14 мая 1855, в девятом часу вечера некоторые из сестер, бывшие в этой келье, заметили, что лик Богородицы вдруг сделался живее и светлее, — взор Ее поднимался на стоявших в трапезной на молитве. Это явление повторилось еще в полночь. Икона была перенесена в храм, и от нее начали совершаться исцеления.

Празднуется 27 нояб./10 дек. **Прот. И. Бухарев** **ЗНАНИЕ**, состояние, принадлежность знающего что-либо, плод учения и опыта (*В. И. Даль*). В представле-

И. Савин. Беседа Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста («Добрые плоды Учения»). Икона. Нач. XVII в. Царская мастерская. ГТГ

ниях Святой Руси высшее знание — понимание *добра и зла* согласно учению Нового Завета. Русские мудрецы видели в знании не только душевную полезность, но и красоту, позволяющую восхищаться величием Божьего замысла. Знание выражает прежде всего Премудрость Божию, глубину и бесконечность его созданий. Истинное знание может быть только цельным — содержать неразрывно веру и знание. Кроме высшего знания существуют житейское и научное знание, отражающие бытовые и технические второстепенные стороны жизни человека. Причем для неправославного человека научные знания являются поводом непомерной *гордыни* и сатанинского желания противостоять Богу. «Знание смиряет великого, удивляет обыкновенного и раздувает маленького человека (*Л. Н. Толстой*). Люди, думающие, что все дело в житейском и научном знании, подобны тем бабочкам, которые летят на свечки, — сами погибают и затемняют свет». В целом православный русский человек всегда больше ценил духовно-нравственное знание по принципу: «Кто сырых напитает, тот Бога знает». Знание должно быть близко к *душе*. «То знание ценно, которое острой иглой прочертано по душе. Вялые знания — бесценны» (*В. В. Розанов*).

О. П. ЗНАХАРЬ (от слова «знать»), деревенский лекарь, лечивший людей и животных. Обычно это была пожилая женщина, получившая знания от др. знахарей или по «наследству» от кого-то из родителей. В отличие от *колдуна* знахарь не прибегал к помощи *нечистой силы*, большинство знахарей были глубоко верующими людьми. При лечении обращались к Богу, Богородице, святым.

Любой знахарь начинал лечение больного с определения *болезни* и выяснения ее причины. При этом главным считалось именно последнее, чтобы лечение было более действенным. Знахари лечили от болезней,

вызванных как естественными причинами — «застуда нутра», «сорвал с пупа», «дурной ветер», «дурная кровь», «чужеядность» (проникновение в организм человека чужеродного тела), — так и сверхъестественными: *порчей*, *сглазом*, огызом (оговором). Лечили от болезней, вызванных дьяволом — «отцом всех болезней» — и духами болезней, такими как Ревун, Щекотуха, Полуночник, из-за которых дети страдали *бессонницей*, Холерой — страшной старухой, рассыпавшей по колодцам ядовитый порошок, Лохматой Девкой, присланной сатаной для уничтожения людей, а также Лихорадкой (Лихоманкой, Трясовицей) — виновницей множества разнообразных болезней. Кроме того, верили, что болезнь могла быть послана человеку Богом за *грехи*.

Ф. Журавлев. Знахарка

В постановке диагноза, естественно, большую роль играл опыт знахарей и их практические знания. Обычно они старались тщательно осмотреть больного, внимательно выслушать его жалобы, понять, что его тревожит. Вместе с тем для определения болезни и особенно ее причины использовали и различные магические приемы: лили расплавленный свинец или воск в холодную воду, определяя болезнь по конфигурации застывшей массы; внимательно разглядывали уложенные в *кови* с водой волосы с головы больного или обрезки его ногтей, пытаясь узнать, кто наслал на человека порчу, бросали в воду горящие угли и т. п. Все это придавало знахарям дополнительную уверенность в правильности диагноза, поставленного на основе наблюдения и расспросов, производило сильное впечатление на пациента, убеждавшегося в компетентности лекаря.

Если знахарь решал, что заболевание вызвано сверхъестественными причинами, то он прежде всего принимал меры к тому, чтобы освободить больного от злых духов болезни: уговорить их оставить больного в покое, выгнать силой, изрубить на части, передать другому и т. п. Так, при опухоли в животе, появление которой объяснялось вселением в человека «нутряной нутрянки», больного отправляли в *баню*, парили там 39 раз *веником*, приговаривая: «Стану я, раба Божия (имярек), отговаривать у раба Божия (имярек): нутряная нутрянка, выйди из раба Божия (имярек), из его белого тела, с его живота. Выйди в чисто поле, где пустота; там стоят столы дубовы, скатерти браны,

И.С. Глазунов. Знахарка

Знахарь. Худ. Н. Антипова

питья медовы, яства сахарны. Тебя в гости звали». Затем веник выбрасывали в западную сторону. При боли в пояснице, объяснявшейся вторжением «утина», действовали несколько иначе. Больной ложился на порог между *избой* и *сеними*, лицом к сеним. На спину знахарь клал ему *голик* и 3 раза слегка ударял по голику топором. При этом между больным и знахарем происходил следующий диалог: «Что сечешь? — Утин секу! — Секи горазже, чтобы век не было». После этого знахарь бросал топор и голик в сени, плюнув туда 3 раза. Если в человека вселилось «колотье», то знахарь, уложив больного, обводил его больное место точильным бруском, трижды крестил его столовым *ножом*, произнося: «Секу, отсекаю, рублю, перерубаю, секу, рублю колотье острым ножиком. Как брусок исчезает от укладу, от булату, от железа, так исчезни и иссохни, родимое колотье, в белой кости, в черном мясе, в белом тельце отныне и до века». Некоторых носителей болезни можно было задобрить, попросить их по-хорошему выйти из человека. Знахарка, пытаясь избавить человека от Лихорадки, рекомендовала родственникам больного испечь 12 маленьких продолговатых белых хлебцев, отнести их в лес и положить на пенё со словами: «На тебе, тетушка!» Злого духа болезни можно было изгнать не только магическим путем, но и различными отварами, настояками, молоком, водой. Так, напр., если знахарка определяла, что болезнь вызвана проникновением в желудок змеи — одного из воплощений *дьявола*, то поила больного парным молоком, смешанным с конопляным маслом, до тех пор, пока вместе со рвотой не выходили «черенки» — остатки змеи.

Если знахарь решал, что болезнь вызвана естественными причинами, то он начинал ее лечить различными лекарственными препаратами (мазями, отварами, настоями), приготовленными из трав, жира, мяса, крови, желчи домашних и диких животных. Эти лекарства иногда были довольно сложными по своему составу. Крапиву, смешанную с солью и яичным желтком, рекомендовали при сильном зуде кожи; отвар смородинового листа использовали для лечения глазных болезней; соком черной редьки с медом лечили кашель; порошком из цветов петунии, растворенным в растительном масле, снимали опьянение; галганом (калганом), соединенным с медом, лечили гниющие раны; чеснок, положенный на место змеиного укуса, спасал от яда; волчье сало снимало на лице угри; мясо и кровь зайца считались действенным средством при лечении недержания мочи; конский мозг помогал при грыже и т. п.

Знания о лечебных свойствах трав знахари могли получить из рукописных книг, которые были составлены еще во времена Средневековой Руси и сохранились вплоть до н. XX в., переходя от одного знахаря к другому. Эти книги назывались *травниками*, *лечебниками*, *зеленниками*, *вертоградями*. В книгах давалось обычно подробное описание трав, позволявшее найти их в лесу или в поле, указывалась болезнь, которую они лечат. В одном из травников XVII в., напр., довольно ярко описывается трава «мачехино лицо», которая рекомендуется при сердечной боли и кашле: «Есть трава мачехино лицо, а растет она на пожнях, кругла, как коневое копыто, корень у нее черлен, как змия, и ты дай ту траву ясти тому человеку». В книгах имелись также подробные рецепты приготовления лекарств. Так, в травнике, использовавшемся знахарями Пермской губ., давался такой рецепт изготовления пластыря «для спуска малхана живучего»: «Масло коровья два жеребья, ветчины сала жеребей, серы пихтовые жеребей, меду пресного жеребей — спусти вместе в горшок, на огне растопить, да процедить сквозь плат».

Среди знахарей было распространено мнение, что целебные травы надо собирать в определенные для них Богом дни и в определенное время суток. Девясил, напр., положено собирать накануне *Иванова дня*, обязательно до восхода солнца, траву плакун — в Иванов день на утренней заре, черныбыльник (полынь) — в конце августа или в первых числах сентября; ветки *бузины* — накануне праздника Всех святых; траву калюку — только в *Петров день* во время вечерней зари, траву прикрьш с 15 авг. по 1 окт. (по ст. ст.).

Все знахари, отправляясь за целебными травами, обязательно молились дома перед иконами, а когда приходили в лес, то сначала кланялись низким поклоном земле, а затем обращались к Богу с просьбой разрешить им сбор трав: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь. Благослови, Господи, Мать Божию, пресвятая Дева Богородица и святой праведный Абрам, я пришел к вам испросить у вас дозволить мне трав сорвать на всякую пользу и от всякой болезни всем православным христианам. Святой отец праведный Абрам все поле орал, Симеон Зилот сажал, Илья поливал, Господь помогал. Небо — отец, а земля — мать. Благослови, Господи, эту траву рвать на всякую пользу всем православным христианам. Аминь (трижды)». Зачастую выход знахаря за травами принимал ярко выраженный языческий характер. В книге известного этнографа Л. Н. Майкова, изданной впервые в

1869, это описывается так: «По словам знахариц, травы должно рвать на Ивана Купала, между заутреней и обедней, совсем нагому, какой человек родится; и не бояться ничего, что можно при том увидеть: «чертям не больно любо, как рвут травы», а как станешь рвать, то надо прежде попросить матушку сырую землю, чтоб она благословила нарвать с себя трав для всякого надобья; надо ничком упасть на матушку сырую землю и молвить такие речи:

*Гой земля еси сырая,
Земля матерая.
Матерь нам еси родная,
Всех еси нас породила
И угодьем наделила;
Ради нас, своих детей,
Зелый еси народила
Польгой беса отгоняти
И в болезнях отгоняти.
Повели с себя урвати
Разных надобьев, угодьев
Ради польги на живот!*

Рвать травы надо одному и так, чтоб и близко никого не было».

В лечебной практике знахарей широко использовались также вода, земля, огонь. Мифологическое сознание наделяло их чудодейственной очищающей, оплодотворяющей и целительной силой. Водой обмывали больных, считая, что тем самым снимают болезнь, воду пили, использовали для приготовления лекарств из трав. Землю накладывали на раны, натирали ею больное место, принимали вместе с водой внутрь, через специально сделанный в земле подкоп протаскивали больного. Огонь использовали в лечебно-предохранительных целях, особенно при эпидемиях, а также для лечения различного рода воспалений кожи. С лечебными и профилактическими целями применяли также «потухший огонь» — угли, золу, дым.

По распространенному мнению, если вода, земля, огонь были взяты в сакральное время и в сакральном месте, то их целебные свойства намного усиливались. Так, например, вода, освященная в *Крещение* (святая, крещенская, богоявленская, иорданская вода), а также набранная из святых источников в рождественское утро, накануне *Васильева дня*, в *Сретение*, в *Великой четверг* или в день Ивана Купала, обладала, по поверью, большей целительной силой, чем обычная колодезная или речная. Земля, взятая на *перекрестке* дорог, на могиле или собранная с 3-х (9-ти) межей, способствовала более быстрому излечиванию. «Живой огонь», т. е. огонь, полученный путем трения дерева о дерево, по общему мнению, лучше предохранял от эпидемий, чем огонь, зажженный от серной спички.

В лечении знахари также использовали предметы, которым приписывалось магическое значение: нож, ножницы, иглу, топор, сеть, пасхальное яйцо, *вербу*, венчальную свечу, венчальную рубашку, а также различного рода амулеты, в качестве которых служили части тела или внутренние органы зверей, рыб, птиц, некоторые растения и минералы («чертов палец», громовой камень, камень лектариус, добытый из петуха, а также камешки, извлеченные из ласточки).

Однако главным инструментом знахарей был заговор (наговор, слова, шептание), основанный на обращении к Богу, святым силам природы, который либо произносили непосредственно над больным, либо наговаривали на различные вещества или предметы: воду, вино, соль, хлеб, чеснок и т. п. Заговор произносили обычно шепотом, быстрой скороговоркой, ритмично, с использованием особой интонации. При произнесении заговора знахарь кропил больного водой, окуривал дымом, сплевывал, зевал, размахивал руками, крестился, кланялся. Благодаря всему этому создавалось впечатление какой-то тайной, магической речи, направленной к потусторонним силам, а знахарь воспринимался как посредник между людьми и высшими силами, от которых зависело здоровье человека.

Лечение больного проводили как в жилом помещении — в доме знахаря или больного (как правило, у печи или на пороге между сенями и избой), так и вне дома — в *бане*, хлеву, курятнике, у *колодца*, в поле или на перекрестке дорог. Выбор места был обусловлен характером болезни и состоянием больного. Время лечения регламентировалось в рамках суток: обычно до восхода солнца или после его захода. Некоторые болезни лечили ночью, когда на небе был виден убывающий месяц: «как месяц убывает, так у больного болезнь убудет». Кроме того, зачастую для лечения выбирали и определенные дни недели, при этом предпочтение отдавали т. н. счастливым дням лунного календаря, хорошими днями для лечения считались Великий четверг и Страстная пятница. Женщин старались лечить в т. н. женские дни недели, мужчин — в мужские.

Ист.: Шангина И. И. Русский народ. Будни и праздники. М., 2003; Майков Л. Н. Великорусские заклинания//Чародейство. Волшебство. Знахарство. Заклинания. Заговоры. М., 1998.

ЗОЛОВКА, сестра мужа. В большой крестьянской семье на нее как на «молодуху» по обычаю перекладывали самые тяжелые и неприятные работы. Поэтому у «молодухи» возникали неприязненные отношения с женой брата, *невесткой*.

ЗОЛОВКИНЫ ПОСИДЕЛКИ, народное название субботнего дня *Масленицы*.

ЗОРЕЧНИК — см.: **ЛАВРЕНТЬЕВ ДЕНЬ**.

ЗОСИМА ПЧЕЛЬНИК, народное название трех дней в году: 1) прп. Зосимы Соловецкого, 17/30 апр.; 2) св. мч. Зосимы-воина, 19 июня/2 июля; 3) св. мч. Зосимы-монаха, 4/17 янв.

М. Несторов. Святой Зосима

Русские пчеловоды называли прп. Зосиму Соловецкого Пчельником, считая его покровителем пчеловодства и хранителем пчел. По преданию, соловецкие угодники Зосима и Савватий, совершив дальнее путешествие на Афон, принесли оттуда в набалдашнике посоха пчелиную матку и этим положили начало пчеловодству на Руси. Поэтому пчеловоды молились Зосиме и Савватию об успехах в пчеловодстве; в день

Зосима и Савватий Соловецкие с житием. Икона. Ок. 1759 г. Церковь Преображения Господня. Кижь

памяти Зосимы служили в церквах молебны и приносили в церковь медовые соты для освящения. В некоторых местах кормили пчел просфорой, освященной накануне *Благовещения*, как это делал сам Зосима. В день его памяти пчеловоды вынимали ульи из мшаников и выставляли на пасеки. При этом один из ульев ставился в центре, на нем устанавливался образ Зосимы, изображенного на иконе с ульем в руках. Посреди пасеки ставили *стол*, на чистую полотняную *скатерть* клали *хлеб-соль*, ставили богоявленскую (крещенскую) воду, свечу от пасхальной утрени и *горшок* с горячими углями. Затем зажигали свечу и с молитвой, обращенной к Зосиме и Савватию, обходили вокруг пасеку, окропляя ее со всех сторон крещенской водой. При этом совершали *заговор*, чтобы пчелы брали с полей хорошую взятку.

В народных представлениях память мч. Зосимы-воина, жившего во II в., воспринималась как память Зосимы Соловецкого. Поэтому Зосиме-воину молились летом, так же как Зосиме Пчельнику Соловецкому. То же самое отождествление разных святых в образе Зосимы Пчельника наблюдалось и в третьем случае, когда имя Зосимы-монаха, празднуемого в январе, также ассоциировалось в народном сознании с именем Зосимы Соловецкого. Потому и называли этот зимний день также Зосимой Пчельником. Хотя мч.

Зосима-монах к пчеловодству никакого отношения не имеет, тем не менее примечали на этот день погоду, чтобы определить в будущем поведение пчел.

ЗУБРИЦКИЙ Денис Иванович (1777–4.01.1862), историк, этнограф, писатель, деятель русского движения в Галиции, член-корреспондент Петербургской АН (1855). Родился в г. Батятичи, Галиция. Из дворян. После окончания Львовской гимназии служил в Бржозовском магистрате (Саночский окр.). В 1809 секретарь временного правительства в Галиции, одновременно состоял (1809–12) русским переводчиком при местном суде; затем — юстициарий в Перемышльском округе и др. В н. 1820-х был назначен опекуном малолетних детей гр. Пининского и управляющим их имениями; получил в пожизненное пользование одну из их деревень, где занимался сельским хозяйством. Переехал во Львов, выступал в печати со статьями по вопросам сельского хозяйства и политической экономии. С 1830-х занимался историей и археологией. Член Львовского ставропигиального института (1829), управляющий ставропигиальной типографией, занимался разбором архива Ставропигии. Результатом его работы стала статья «Греко-католическая Ставропигиальная церковь во Львове и соединенный с ней институт» (опубликовано на нем. яз. в 1830, на польском яз. — в 1831). С целью привлечь внимание ученых на народные песни — важный источник познания старины и бытаев карпатского населения Зубрицкий опубликовал статью «О галицких народных песнях»; разделял галицкие народные песни на русские, польские и песни жителей гор. В русских песнях карпатского края, по мнению Зубрицкого, отразилась история коренного населения (русинов, русичей, карпатороссов), имеющих с русскими общий этногенетический корень — Русь. В 1836 издал во Львове (на польском яз.) «Историческое исследование о русско-славянских типографиях в Галичине», в 1837 — «Очерк истории русского народа в Галичине и церковной иерархии в том же королевстве». С 1839 постоянно переписывался с Обществом истории и древностей российских (ОИДР). Сотрудничал с Киевской временной комиссией для разбора древних актов (почетный член с 1844), член-корреспондент Археографической комиссии в Петербурге. Занимался разысканием документов в архивах униатского капитула, доминиканского монастыря, Перемышльской консистории, в частных библиотеках и др. Собранные коллекции древних актов Зубрицкий систематически высылал в Археографическую комиссию (в 1842–51 им доставлено 270 копий и подлинников, в т. ч. документы XIII–XIV вв.) Результатом работы Зубрицкого по приведению в порядок Львовского городского архива был труд «Хроника города Львова» (1844 на польском яз.). В 1841 Зубрицкий опубликовал в журнале «Москвитянин» статью «Ученые и литературные заведения во Львове», в 1849–50 в «Журнале Министерства народного просвещения» напечатал «Летопись Львовского Ставропигиального братства». Во время революции 1848–49 оказывал содействие писателям Я. И. Головацкому, А. С. Петрушевичу и др.; опубликовал работы «Границы между русской и польской нациями в Галиции» (1849, русский перевод — 1863). В 1852 вышли в свет первые 2 тома «Истории древнего Галицко-Русского княжества» с приложением «Родословной картины» (таблицы) русских князей и царей Юрикова поколения (охватывает историю Галицкой Руси до 1199); 3-й том, посвященный истории Галиции

1200–1337, вышел в 1855, в нем Зубрицкий изложил историю и фольклорные аргументы в пользу гипотезы о дунайской прародине славян, много внимания уделил отношениям Галицко-Волынского княжества с Польшей; 4-й том («Аноним Гнезненский и Иоанн Длугош», Львов, 1855) состоит из отрывков хроник Янко из Чарикова и Иоанна Длугоша, относящихся к событиям 1337–87. В 1862 в «Чтениях ОИДР» опубликована последняя работа Зубрицкого «Галицкая Русь в XVI столетии» (напечатана в отрывках в переводе А. А. Майкова).

Лит.: Аристов Ф. Ф. Карпато-русские писатели. Т. 1. М., 1916; Пашаева Н. М. Неизданная переписка Д. И. Зубрицкого // Слав. архив. М., 1962.

Т. Аристова

ЗЫБКА, *люлька*, детская *колыбель*. Представляла собой раму со слабо натянутой тканью, подвешенную за четыре веревки. Зыбку можно было качать, успокаивая ребенка.

ЗЯТЬ, муж дочери или сестры, иногда зятями называли и мужей племянниц и двоюродных сестер, прежде всего вообще всех свойственников мужского пола с женской стороны.

И

ИАКОВ АПОСТОЛ — см.: **ЯКОВ ДЕНЬ**.

ИВАН БОГОСЛОВ — см.: **ИОАНН БОГОСЛОВ**.

ИВАН БРАЖНЫЙ (Иван Бражник, День Бражника), народное название дня собора Иоанна Предтечи, 7/20 янв.

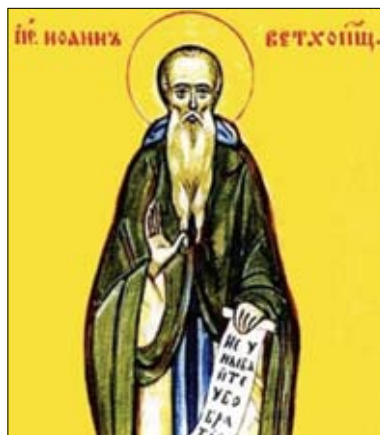

Усекновение главы Иоанна Предтечи. Икона. XIX в. Частное собрание.

Название этого дня, по-видимому, связано с тем, что от Крещения до Масленицы было принято справлять свадьбы, на которых не обходилось без «бражничанья» (употребления алкогольных напитков).

ИВАН ВЕТХОПЕЩЕРНИК (Новины), народное название дня прп. Иоанна Ветхопещерника, 19 апр./2 мая.

По старому русскому обычаю, имевшему еще языческие корни, в этот день «одевали весну в новины», поэтому день так и назывался: «новины». Обряд одевания весны в новину заключался в том, что крестьянки впервые выносили на весенний свет новину — новые, в этом году сотканые холсты и новопошитые рубахи, выполаскивали их в свежей весенней воде и развешивали на чуть позеленевших кустах. Сама весна нарядная — и холсты на ней новые. Нарядные одежды вбирали в себя солнечный свет и весеннюю свежесть. Женщины выходили с обетным концом в поле, кланя-

Иоанн Ветхопещерник

лись на все четыре стороны и, повернувшись к востоку, говорили: «Вот тебе, матушка-весна, новая новина да пирожки домашние». Затем расстилали холстины, оставляли на них пироги, чтобы матушка-весна оделась в новину, а за пироги-угощение (в иных случаях выставляли хлеб-соль) уро-

дила в изобилии и лен, и коноплю, и травы высокие, и рожь крепкую.

В обычае также было выходить всем, от мала до велика, на улицу — весну смотреть, где и как она свою красоту проявляет. Всмотривались в природу и загадывали при этом свои заветные желания.

По-своему русские представляли образ св. Иоанна Ветхопещерника. Молясь в пещере, он обновлял людские души, учил, что мир, созданный Богом, светел и прекрасен, что надо стремиться к настоящему обновлению и духовной чистоте. Поэтому новина, прежде всего, должна лечь на чистую душу.

ИВАН ВОИН, народное название дня св. мч. Иоанна Воина, 30 июля/12 авг.

В этот день св. Иоанну Воину молились в случае тяжелых нужд, обид и об «открытии потайных краж». Особенно святому молились *знахари* и ворожеи, считавшие его своим покровителем. Считалось, что в это время «обмирают ведьмы».

Этот день называли в некоторых местах *Силиным днем*.

ИВАН ГОДИНОВИЧ, русский былинный богатырь, имя которого связано с сюжетами о добывании женщин (Авдотьи, Марьи Белой Лебеди) и сопутствующих ему боевых подвигах.

ИВАН ГОЛОВАТЫЙ (Иоанн Предтеча, Иванов день, Иван — медвяные росы, Иван Гусятник, Ферапонтов день), народное название дня третьего обретения главы Иоанна Предтечи (ок. 850) и сщмч. Ферапонта (III в.), 25 мая/7 июня.

Иоанн Предтеча был покровителем посевов. Ему молились о плодородии и при освящении пчельника, о благополучии детей и об избавлении от головной боли.

В южнорусских губерниях и в Малороссии день этот был известен под названием Ивана Головатого. Обычно в это время сажали *капусту*, соблюдая обряд с *заговорами* и всякого рода предосторожностями. По-

Д. Григорьев, Ф. Игнатьев с товарищами. Обретение главы Иоанна Предтечи. Роспись северной стены церкви Иоанна Предтечи в Ярославле. 1694–1695 гг.

скольку выросшая капуста напоминает голову, то и праздник обретения главы Иоанна Предтечи получил название Ивана Головатого.

В этот день выпадала роса. На вкус — сладкая, медвяная, а на самом деле, по народному поверью, пагубная. Ее собирали только знахари-травники, чтобы лечить сначала мертвой, а потом живой водой. Людям и животным в этот день ходить по росе было нельзя. Поэтому утром в поле и огороде работ не было, а скотину выгоняли на пастбище, когда спадет роса. В этот день также обращались к св. Ферапонту, просили его отвести медвяные росы. Поэтому день этот назывался еще Ферапонтовым.

ИВАН ГОСТИНЫЙ СЫН, русский былинный богатырь из купцов, любитель коней и конского бега, имел чудесного коня — «бурушку косматого», превосходящего всех коней кн. Владимира. Согласно *былинам*, Иван хвастлив, любитель вина и женщин, в торговле способен зарваться до того, что спускает все свое состояние.

ИВАН ГРОЗНЫЙ (25.08.1530–18.03.1584), русский царь, ставший в сознании русского народа одним из главных символов русского государства.

Эпоха его царствования как бы венчает собой период становления русского религиозного самосознания. Именно к этому времени окончательно сложились и оформились взгляды русского народа на самое себя, на свою роль в истории, на цель и смысл существования, на государственные формы народного бытия.

Царствование Ивана IV протекало бурно. Со всей возможной выразительностью оно обнажило особенность русской истории, состоящую в том, что ее ход имеет в основе не «баланс интересов» различных социальных классов, групп, а понимание общего дела, всенародного служения Богу, религиозного долга.

В. Васнецов. Царь Иоанн Васильевич Грозный

Первым его шагом на этом пути стало учреждение опричнины. Само слово «опричина» вошло в употребление задолго до Ивана Грозного. Так назывался остаток поместья, достаточный для пропитания вдовы и сирот павшего в бою или умершего на службе воина. Поместье, жаловавшееся великим князем за службу, отходило в казну, опричь (кроме) этого небольшого участка.

Иван Грозный назвал опричниной города, земли и даже улицы в Москве, которые должны были быть изъяты из привычной схемы административного управления и переходили под личное и безусловное управление царя, обеспечивая материально «опричников» — корпус царских единомышленников, его сослуживцев в деле созидания такой формы государственного устройства, которая наиболее соответствует его религиозному призванию. Есть свидетельства, что состав опричных земель менялся, — часть их со временем возвращалась в «земщину» (т. е. к обычным формам управления), из которой, в свою очередь, к «оприч-

К. Лебедев. Грозный в Александровской слободе

нине» присоединялись новые территории и города. Т. о., возможно, что через сито опричнины со временем должна была пройти вся Россия.

Опричнина стала в руках царя орудием, которым он просеивал всю русскую жизнь, весь ее порядок и уклад, отделял хорошие семена русской православной соборности и державности от плевел еретических мудрствований, чуждебесия в нравах и забвения своего религиозного долга.

Даже внешний вид Александровской слободы, ставшей как бы сердцем суровой брани за душу России, свидетельствовал о напряженности и полноте религиозного чувства ее обитателей. В ней все было построено по типу иноческой обители — палаты, кельи, великолепная крестовая церковь (каждый ее кирпич был запечатлен знаменем Честного и Животворящего Креста Господня). Ревностно и неукоснительно исполнял царь со своими опричниками весь строгий устав церковный.

Как некогда богатство, опричное служение стало формой церковного послушания — борьбы за воцерковление всей русской жизни, без остатка, до конца. Ни знатности, ни богатства не требовал царь от опричников, требовал лишь верности, говоря: «Ино по грехом моим учинилось, что наши князи и бояре учали изменяти, и мы вас, страдников, приближали, хотячи от вас службы и правды».

В. Пукирев. Иван Грозный в моленной

Проворный народный ум изобрел и достойный символ ревностного служения опричников: «они ездили всегда с собачьими головами и метлами, привязанными к седлам, — пишет Карамзин, — в ознаменование того, что грызут лиходеев царских и метут Россию».

Когда в 1565 в Александровской слободе царь принял решение силой выжечь крамолу в России, это решение далось ему страшным напряжением воли. Вот портрет царя, каким его знали до этого знаменательного дня: Иван был «велик ростом, строен, имел высокие плечи, крепкие мышцы, широкую грудь, прекрасные волосы, длинный ус, нос римский, глаза небольшие, серые, но светлые, проницательные, исполненные огня, и лицо приятное».

Подвижнический характер имела вся личная жизнь царя. Это ярче всего проявлялось в распорядке Александровской слободы. Шумную и суетную Москву царь не любил, наезжая туда «не на великое время». В Александровской слободе он все устроил так, как хотел, вырвавшись из церемонного и чинного порядка государственной жизни с его обязательным сложным этикетом и неизбежным лицемерием. Слобода, собствен-

К. Лебедев. Царь Иоанн IV Грозный просит игумена Кирилла благословить его в монахи

М. Нестеров. Папские послы у Ивана Грозного. Эскиз

но, была монастырем в миру. Несколько сотен ближайших царских опричников составляли его братию, а себя Иван называл «игуменом всея Руси». (Царь не раз хотел постричься, и последний раз, после смерти сына в 1581, лишь единодушная молюба приближенных предотвратила осуществление этого намерения.)

Приняв на себя по необходимости работу самую неблагодарную, царь, как хирург, отсекал от тела России гниющие, бесполезные члены. Иван не обольщался в ожидаемой оценке современниками (и потомками) своего труда, говоря: «Ждал я, кто бы поскорбел со мной, и не явилось никого; утешающих я не нашел — заплатили мне злом за добро, ненавистью — за любовь». Второй раз приводим мы изречение Ивана, теперь уже с полным правом говоря — воистину так!

В отличие от историков, народ верно понял своего царя и свято чтит его память. Вплоть до самой революции и последовавшего за ней разгрома православных святынь Кремля к могиле Грозного Царя приходил простой люд служить панихиды, веруя, что таким образом выраженное почитание Ивана IV привлекает благодать Божию в дела, требующие справедливого и нелицеприятного суда. **Митрополит Иоанн (Снычев)**

ИВАН ДАНИЛОВИЧ, русский былинный богатырь, историческим прототипом которого является «храбр» Иван Данилович, погибший в битве при Супое в 1136. Он принадлежал к дружине кн. Ярополка и, вероятно, в том же веке дал повод к созданию дружинной песни. В *былинах* он изображается в виде юного богатыря, совершающего необыкновенные подвиги.

ИВАН ДОЛГИЙ (Оберег нивы), народное название дня блгв. кн. Иоанна Угличского, в иночестве Игнатия (1523) и прп. Иоанна, епископа Гофского (700), 19 мая/1 июня.

По русскому обычаю, в этот день поклонялись ниве. Для этого из веток ивы или *березы* выплетали большое колесо, поджигали и огненным катали его вокруг нивы. Заговаривали ниву от дождя-бури-огня-града. Девушки водили *хороводы*, пели песни, оберегающие ниву. Просили св. Ивана ниву оберечь и заклинали, чтобы «ветер-ветрило» не погубил ниву. На Ивана Долгого продолжали сеять огурцы.

ИВАН ДОРОДОВИЧ, русский былинный богатырь, человек праведной жизни, он был заподозрен в любовной связи с двоюродной сестрой — Софьей-царевной, племянницей кн. Владимира. Растерзан вместе с нею толпой.

ИВАН-ДУРАК (Иванушка-дурачок), сказочный герой, выразитель народного христианского идеала скромности, нестяжательства, «нищеты духа» и юродства. Ивану-дураку совершенно чуждо стремление к успеху и благополучию. Подчеркиваются его «дурость» и нелепые бессмысленные поступки. Именно эта кажущаяся с бытовой точки зрения «дурость» спасает Ивана-дурака, когда он попадает в опасное положение, а все «умные» вокруг него гибнут. Благодаря своей «дурости» Иван-дурак

проходит все испытания и достигает высшего успеха — побеждает противника, женится на царской дочери, получает богатство и славу, становится *Иваном Царевичем*.

О. П.

ИВАН ЕЛКИН, народное название кабака. Происхождение названия связано со старым обычаем прибывать у входа в кабак еловую ветку или небольшую елку.

ИВАН ЗЛАТОУСТ, народное название дня свт. Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, 13/26 нояб.

Иоанн Златоуст. Икона из деисусного чина. Ок. 1523 г. Тверь. ЦМИАР

В этот день крестьяне молились свт. Иоанну, чтобы он не допустил «озябание зяби», молились, чтобы зима землю снегом прикрыла, озимые поля сохранила. «На Златоуста — все поле пусто, — говорили крестьяне. — Всякая зябь на Златоуста останавливается в росте».

ИВАН КУПАЛА — см.: **ИВАНОВ ДЕНЬ**.

ИВАН МЕДВЯНЫЙ — см.: **АЛФЕЙ ГЛИННИК**.

ИВАН МИЛОСТИВЫЙ (Иван), народное название дня свт. Иоанна Милостивого, патриарха Александрийского, 12/25 нояб.

По народным приметам, дождь или снег на Ивана Милостивого означал оттепели до Введения (см.: Введение день). «Опрокинута осень на стылую озимь».

ИВАН МОЛЧАЛЬНИК (Безмолвник), народное название дня прп. Иоанна Безмолвника, епископа (557—558), 3/16 дек.

В этот день полагалось молча постоять перед иконами, помолиться Богу и св. Иоанну Безмолвнику. «Иван молчит, добрая молва дело растит». См. также: Декабрь, 2 число ст. ст.

ИВАН ПОСТНЫЙ, празднование Усекновения честных главы св. Иоанна Предтечи 29 авг./11 сент. Среди русских крестьян этот праздник еще был известен под названием Головосека. Один из иностранных путешественников по России, Александр Гвагнин Веронский (XVI в.), заметил, что русские ни одного святого не почитают так строго *постом*, как св. Иоанна Крестителя. Народ русских глубоко чтит день памяти мученической кончины св. Иоанна Крестителя и проводил его в строгом посте, продолжавшемся 24 часа. «Иван Постный обыденкой живет, да всеё матушку-Русь на посту держит!», «Поститель Иван — пост внукам и нам!», «Иван Постный не велик, а перед ним и Филиппов пост — кулик!», «Кто на Ивана, Крестителя Господня, скоромь жрет — тот в рай не попадет!», «На Постного Ивана вся скоромь мертвым узлом затянута (запрещена)», «Не соблюдешь Иван-пост, прищемишь в аду хвост!», «Кто Ивану Крестителю не постит — за того и сам набольший поп грехов не умолит!»

Усекновение главы Иоанна Предтечи. Икона (без полей). XVII в.

На Ивана Постного русские не ели ничего круглого, но даже и шей не варили, т. к. капустный кочан напоминал своим видом отсеченную голову. На Предтечу не рубили *капусты*, не срезали мака, не копали картофеля, не рвали яблок и даже не брали в руки ни косаря, ни топора, ни заступа, чтобы не оскорбить этим поступком священной памяти приявшего от меча мученическую кончину великого пророка Божия, принесшего грешному миру благовест о грядущем на его спасение Христе.

«Кто на все посты постится, за того все четыре Евангелиста!» — говорили русские и тут же добавляли: «А кто и на Ивана Постного скороми не ест — тому сам Истинный Христос помогает!»

От Ивана Постного осень считалась вступившей во все свои неотъемлемые права. «Иван Постный — осени отец крестный!» — говорили в народе. «С Постного Ивана не выходит в поле мужик без кафтана!», «Иван Предтеча гонит птицу за море далече!», «Иван Поститель пришел, лето красное увел!». С «Иван-поста» мужик осень встречает, баба свое бабье лето начинает. «С Ивана Постного последнее стлище на льны!», «Если журавли с Ивана Крестителя на Киев (на юг) пошли-потянули — будет короткая осень, придет неожиданно-негаданно ранняя зима».

За двое суток до сентябрьского Семен-дня (память св. Симеона Летопроводца) был Иван Постный — «полетовщик». К этому дню подводились все счета по наймам в Москве и во многих др. городах. Высчитывалась к Иван-посту всякая «полетная плата», собирались «полетные дани», определялся оброк с каждого тягла, «полетным грамотам» (договорам) приходил конец. Если поднимались цены на рабочие руки, то можно было услышать среди трудового люда слова: «Нынешний Иван Постный — добрые полетки!» Когда же плата начинала падать, то рабочий народ повторял, призадумываясь над предстоящей зимой: «Прошлое слетье — не в пример скоромнее, полеток того гляди весь мужичий год на Велик-Пост сведет!» и т. п. С 29 авг. устраивались ярмарки-однодневки, «ивановские торги» по многим городам и пригородам. «На Ивана-Постного в кармане и скоромная копейка шевелится!», «На Иванов торг и мужик идет, и баба зарится!», «Красно лето работой, а Иван Полеток — красными товарами да бабыми приглядами!» В некоторых губерниях (преимущественно поволжских) существовали Ивановские ярмарки. Но на них, по большей части, шел торг предметами домашнего крестьянского обихода, лошадьми и огурцами («в засол»), медом с вощиной, щепным и скобяным товаром. На этих постных торгах не было пьянства и загула. «Пей, купец, на Иван-торгу квас да воду, закусывай пирогами ни с чем!», «Никто с поста не умирает!», «С поста не мрут, с обжорствадохнут!», «Кто пьет-зашибается не в пору — распухнет с гору!», «На Постника Ивана не пригубь больше одного стакана!», «На Ивана Постного — хоть и пост, да разносол!» Вместо запретного круглого *пирога* «загигала» в этот день «праздничная» хозяйка долгий. Начинка была: грибы-грузди, грибы-масленики, грибы-рыжики, которых перед этим временем и в лесу, и в залесяе было много. Кроме грибов, идущих на похлебку и на закуску, в пирог заворачивали всякую ягоду: и костянику, и голубику, и чернику, и бруснику, и смородину. Подавали также овсяный и ягодный кисель, подавали деревенские хозяйки также и «кулагу» (пареное сложеное тесто с калиной — местами называлось «саламатою»). «Кулажка — не бражка!» — приговаривали они, подавая эту «лакомую стряпню» из погребца после

сытного постного обеда. — Упарена-укашена, да не хмельна, ешь вволю!»

«Не до праздника, не до гостей, когда не только в церкви, а и на гумнах — Иван Постный!» — оговаривалась старая молва крылатая. «Не бойся того поста, когда в закромах нет пуста! Страшен — мясоед, когда в амбаре жита нет!», «В год хлебородный — пост не голодный!», «Господь хлебца уродит — и с поста брюхо не подводит!»

До 20-х гг. XIX в. совершался праздничный обряд, приурочивавшийся непосредственно ко дню 29 авг. Собиралась молодежь со всего села к околице. Приносилась туда заранее кем-нибудь из старых людей накануне приготовленная глиняная, одетая в холщовый саван, кукла: без малого в рост человеческий. Особенностью этой куклы было то, что она делалась без головы. Эту безголовую куклу поднимали две молодых девушки и бережно, в благоговейном молчании, несли на руках впереди толпы к реке, где на самом крутом берегу останавливались и клали свою ношу наземь. Вся толпа начинала причитать над куклой, как над дорогим и близким ей покойником. По прошествии некоторого времени оплаканного глиняного покойника принимали на руки двое молодых парней и при вопле толпы с размаху бросали в воду. Этот обезглавленный человек в саване олицетворял, в глазах совершителей обряда, св. Иоанна Крестителя, неразрывно сливавшегося в народном воображении с побежденными красным летом темными силами. На Ивана Постного в Тульской губ. наблюдали за полетом птиц. Если журавли летели от Тулы на Киев, то, по приметам, вскоре после Семени-дня наступят холода. «Лебедь летит к снегу, а гусь к дождю!», «Лебедь несет на носу снег!», «Ласточка весну начинает, соловей лето кончает!», «Сколько раз бухало (филин) будет бухать, по столько кадей хлеба будешь молотить с овина!», «Чай, примечай, куда чайки летят!» Длинный ряд тульских примет-поговорок о птицах заканчивался остроумным замечанием: «Петух не человек, а свое все скажет и баб научит!»

Иван Постный — последний предосенний праздник — был на Руси «полетным» не только потому, что окончательно завершал собой летние красные дни, открывая широкую дорогу торною ненастной осени, но и оттого, что являлся последним, заключительным, праздником целого года. Через двое суток после этого дня (1 сент.) начинался новый год, шел день *Новолетия*.

Апостол Иоанн Богослов. Икона. 2-я четв. XVI в. ВМЗ

А. Коринфский
ИВАН ПШЕНИЧНИК, народное название дня Иоанна Богослова, 8/21 мая. На Ивана Пшеничника сеяли пшеницу, пекли пироги для нищих.

В некоторых местах этот же день назывался *Арсений Пшеничник*.

ИВАН ЦАРЕВИЧ, сказочный герой; его деяния — образец наивысшего успеха. Однако достигается он вопреки обычному

В. Васнецов. Бой Ивана Царевича с трехглавым змеем

здравому смыслу и с полным пренебрежением к материальным благам. По своей сути, образ Ивана Царевича является одним из вариантов образа *Ивана-дурака*.

ИВАНИЦКИЙ Николай Александрович (1847—1899), служил долгое время в земстве Вологодской и Олонецкой губ. (секретарем земской управы и пр.), занимался изучением быта крестьян. Он умел хорошо с ними сходить (хотя сам происходил из дворян) и входить в их интересы. Его главные труды: «Материалы по этнографии Вологодской губернии» (М., 1890), «Сольвычегодский крестьянин, его обстановка, жизнь и деятельность» («Живая старина», 1898, вып. 1), они награждены медалями Русского географического общества и Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии.

ИВАНОВ ДЕНЬ (Иван Купала), день Рождества Иоанна Предтечи 24 июня/7 июля, день летнего солнцестояния, до н. XX в. один из основных народных праздников, объединивший в себе элементы христианского мировоззрения и остатки древних языческих ритуалов.

Семен Хромой. Рождество Иоанна Предтечи. Икона. До 1616 г. ПХГ

Б. Ольянский. Ночь на Ивана Купалу

Древние памятники письменности дают достаточно подробное описание этого праздника. Один из очевидцев его, игумен Елеазаровской пустыни Памфил, живший в XVI в., в послании к наместнику города Пскова писал: «Егда приходит день Рождества Предтечева, и прежде того, исходят огньницы, мужие и жены чаровницы по лугам, и по болотам, и в пустыни, и в дубравы, ищущи смертных отравы на пагубу человеком и скотом; ту же и дивия корения копают на потворение мужем своим. Сия вся творят действием диаволи в день Предтечева Рождества, с приговоры сатанинскими. Егда бо придет праздник, во святую ту ночь мало не весь град возмется, и в селех возбесятся, в бубны и сопели и гудением струнным, плясканием и плясанием; женам же и девкам и главами киванием, и устнами их неприязнен крик, вся скверныя песни, и хребтом их вихляния, и ногам их скакание и топтание; ту есть мужем и отроком великое падение, мужеско, женско и девичье шептание, блудное им воззрение и женам мужатым осквернение, и девам растление».

В Стоглаве находим такое же известие о празднике Купалы. Здесь, между прочим, замечается, что в это время мужчины и женщины ходили ночью по домам и улицам, забавлялись бесстыдными играми, пели сатанинские песни и плясали под гусли. По прошествии ночи с великим криком все отправлялись в рощи и омывались в реке «как бешеные». Подобное говорит в своем Синописе архимандрит Киево-Печерского монастыря Иннокентий Гизель. В его время, в навечерие праздника Рождества Иоанна Предтечи, следующим образом отправляли праздник Купалы: «В навечерие Рождества св. Иоанна Предтечи собравшиеся ввече-

Иоанн Предтеча. Икона XIV в.

ру юноши мужеска и девическа и женска полу соплетают себе венцы от зелия некоего, и возлагают на главы, и опоясуются ими. Еще же на том бесовском игрищи кладут огонь, и окрест его, взявшись за руце, нечестиво ходят и скачут, и песни поют, сквернаго Купала часто повторяюще и чрез огонь прескачуще, самих себе тому бесу Купалу в жертву приносят».

Праздник Купалы был для русских великим днем очищения *огнем* и *водой*, праздником летнего солнцестояния, когда природа действует с особенной «всеоживляющей и всевозбуждающей силой». Дохристианский русский праздник Купалы совершался в самое время летнего солнцестояния, когда солнце достигает самого высокого и крайне сильного влияния на землю, после чего оно начинает поворот на зиму. На этом основании русские считали церковный праздник Рождества Иоанна Предтечи началом лета. Так, напр., в одном древнем сборнике относительно дня св. Иоанна Предтечи читаем: «Месяца иуния, в 24-й день, Рождество честнаго и славнаго Пророка и Предтечи Крестителя Господня Иоанна, отселе начинается лето».

И. Соколов. Ночь на Ивана Купалу

Г. Семирадский. Ночь накануне Ивана Купалы

При совпадении древнего праздника Купалы с днем св. Предтечи Иоанна оба эти празднества в народном понятии отождествлялись. Само имя Купалы от глагола купать — погружать в воду, омыwać тело, делать его чистым (отсюда купель) — наводило на мысль о св. Иоанне Крестителе. В простонародье, в Гродненской губ., в Брестском у., слово «купально» употреблялось в смысле очищения. Потому о самом св. Иоанне Пред-

тече, крестившем Христа в Иордане, в народных песнях попросту говорили, что он «купал Христа».

Вместе с тем к Иванову дню русские приурочивали и огненное крещение. В этом случае могло иметь значение то обстоятельство, что в церковно-богослужебных книгах св. Иоанну Крестителю постоянно придаются названия света, звезды, предшествующей солнцу, т. е. Иисусу Христу. В одной утренней стихире на день Рождества св. Иоанна Крестителя читаем: «Иже пред солнцем текшаго Христом Богом нашим, Иоанна славнаго яко звезду предтечеву». В самой Евангелии Иоанн Креститель называется светильником «иже бе света и горя». В одной из церковных песен он величается предтечею солнцу правды, светильником света, ден-

Д. Григорьев, Ф. Игнатъев с товарищами. Обретение главы Иоанна Предтечи. Роспись северной стены церкви Иоанна Предтечи в Ярославле. 1694–1695 гг.

К. Лебедев. Ночь на Ивана Купалу

И. Лысенко. Иван Купала

ницей солнца. Благодетельные книжники Древней Руси очень часто называли Иоанна Крестителя пресветлым солнцем. Так, в древней повести о девицах смоленских читаем: «Множество жен и дев стеклись на бесовское сборище, в ночь, в которую родился пресветлое солнце Иоанн Креститель». При таких образных представлениях о св. Иоанне Крестителе русские могли видеть в этом святом угоднике предтечу вещественного солнца на его поворотном пути к зиме. Недаром поэтому еще в XIX в. русские крестьяне были твердо убеждены в том, что в день Иоанна Предтечи солнце выезжает из своего чертога на трех конях, серебряном, золотом и бриллиантовом, навстречу месяцу. Таким образом, в народном представлении совершенно незаметно празднество древнерусского Купалы отождествилось с праздником христианским в честь св. Иоанна Крестителя и последний стал представителем и покровителем всего, что прежде приписывалось языческому Купале.

Считалось, что Рождество Иоанна Крестителя придает нужные свойства и силы травам и цветам, и потому, согласно с народным обычаем и верованием, в этот день запасались разными травами и цветами. Так, царь Алексей Михайлович в 1657 писал к московскому ловчему стольнику Матюшкину: «Которые волости у тебя в конюшенном приказе ведомы, и ты б велел тех волостей крестьянам и бобылям на рождество Иоанна Предтечи, июня в 23-й день, набрать цвету серебрянного, да трав империновою да мятной с цветом, и дяtleю, и дяtleяного корня, по 5 пудов». В Румянцевском сборнике 1754 читаем: «В Ивановскую ночь кладов стерегут, и на травах парятся в банях, и травы рвут, и коренья копают, еще березки подвязывают, ветви сплетают, да жив будет того лета человек». В древнерусских *травниках* читаем самые подробные описания целебных трав, кореньев и цветов, и соби́рание их приурочивается к Иванову дню или Ивановой ночи. Напр., о *папоротнике* в одном травнике сказано: «Есть та черная папороть, растет в лесах, в лугах, ростом в аршин и выше стебель, а на стебле маленьки листочки, а с испода большие листья... а цветет он накануне Иванова дня в полночь... Тот цвет очень надобен, если кто хочет богат и мудр быти. А брать тот цвет не просто, с

надобностями. В Иванову ночь идти к тому месту, где растет трава папороть, и, очертясь кругом, говорить: талан Божий суд твой, да воскреснет Бог». Во 2-й пол. XIX в., хотя самое представление о древнеязыческом Купале давно вышло из народной памяти, русские люди св. Иоанна Крестителя называли Лопуховатым и при этом твердо держались веры в целебную силу купальных трав и кореньев. В Северо-Западной Руси 24 июня поселяне имели обычай приносить в церковь к обедне для освящения огромные венки и связки зелени, и все это потом употреблялось против *нечистой силы*, «переполоху» и т. п. В Малороссии праздник Рождества Иоанна Предтечи назывался в народе Иваном Гулящим.

Добыв трением из дерева живой огонь, при пении особых купальских песен зажигали в эту ночь костры, имевшие символическое значение, и совершали различные *гадания*, стараясь узнать свою судьбу. Парни и девушки, в праздничных нарядах, собирались у реки, где, разведя огонь, устраивали *хороводы* и, взявшись за руки, попарно прыгали через эти костры, считая, что это избавит от всех зол, *болезней, горя* и, гл. обр., ху-

Русальские игрища по изображениям на серебряных браслетах из княжеских и боярских кладов XII—XIII вв.

Прыжки через костры в ночь на Ивана Купалу. С картины Р. Шамота

дого глаза; судя по прыжку, предсказывали грядущее счастье или беду, раннее или позднее супружество. На купальском костре матери сжигали снятые с больных детей сорочки, чтобы вместе с этим бельем сгорели и сами болезни. В некоторых местах существовал обычай прогонять через этот огонь и домашнюю скотину для защиты ее от мора.

Народное поверье гласило: кто выше скачет через купальский костер, у того и колос хлеба уродится выше.

В н. XX в. купальские обычаи наиболее сохранились в Малороссии, в белорусском Полесье, на Волинии и севернорусских губерниях. День *Аграфены Купальницы* (23 июня) посвящался здесь собиранию трав, имеющих, по народным поверьям, целебную силу. Из собираемых в канун Купалы травяных зелий пользовалась особенным уважением «купаленка» (желтоголов) и цветов иван-да-марья. С последним было связано стародавнее предание о купавшихся в дождевых потоках *Перуне*-громовнике и богине Заре, и отклик в белорусской купальской песне:

*Иван да Марья
На горе купалыся;
Гдзе Иван купався —
Берег колыхався,
Гдзе Марья купалась —
Трава расцилалась...*

В Малороссии в н. XX в. существовал обряд: девушки, головы которых убраны венками из трав душистых, в праздничных нарядах, а парни, лихо заломивши набекрень шапки, тоже убранные цветами, собирались накануне Иванова дня в заранее определенное место к дереву марене, или черноклену, обвешанному венками и лентами; под деревом этим ставили сделанного из соломы крошечного, а иногда и большого идола — Купалу, одетого в женскую сорочку и плахту, с монисточкой на шее и венком на голове.

Тут же были расставлены столы с закуской и горилкой. Затем, держа эту куклу, начинали прыгать через разведенный огонь попарно (парубок и дивчина); хор пел:

*Ходыли дивочки коло Мариночки,
Коло мого вудола Купала.
Гратеме сонечко на Ивана!
Купався Иван, та в воду упав,
Купало на Ивана!*

На другой день куклу и марену приносили к реке, срывали украшения и бросали в воду или сжигали. Иногда сажали под срубленным деревом вместо чучела дитя, убранный цветами и венками.

В Белоруссии накануне Иванова дня после захода солнца вбивали кол в землю; обкладывали его соломой и коноплей, а на самый верх клали пук соломы, называемый Купалою; в сумерки зажигали солому, подбирали в этот костер березовых сучьев, и начинались потехи.

В некоторых местах Белоруссии с рассветом Иванова дня, выбрав из своей среды самую красивую девушку, подруги раздевали ее донага, опутывали с ног до головы венками и цветами, завязывали глаза и вели в лес, где она, получившая на этот раз прозвище «дезвко-купало», раздавала заранее приготовленные венки, в то время как веселый хоровод двигался вокруг нее. Кому попал свежий венок, та будет жить богатою и счастливою жизнью, замужем, а которой достался увядший венок, «той счастья-доли не бачить, жить у недоли».

В Москве издревле праздновался Иванов день на Трех горах, а в Петербурге — на Петровском острове, на «Куллерберге», куда заезжала и аристократия. На последнем разводили купальские огни, устраивали хороводы и пировали. В 10 верстах от Петербурга, по Рижской дороге, находилась в старое время липа, ветви которой сплетались с ветвями других деревьев, образуя как бы природную беседку, в которой не раз отдыхал Петр I. Собирались здесь накануне Иванова дня, разводили огни, на которых сжигали белого петуха. В более поздние времена вследствие запрещения Ивановских огней духовными и светскими властями купальский костер заменился кучей крапивы.

Ивановская ночь, по народным поверьям, считалась страшной, полной чародейных явлений: бабы-яги, колдуны и киевские *ведьмы*, верхом на помеле, толпой летят на Лысую гору или чертово берепище под Киевом, где советуются, как бы причинить какое зло людям, уничтожить, напр., домашних животных. В это время не выпускали лошадей в поле, чтобы злые духи не заездили их; оставляли телят ночевать вместе с коровами, чтобы ведьмы не портили дойных коров, а на окно клали жгучую крапиву, которая не пускала нечистого духа в избы. Рыбаки уверяли, что поверхность рек в это время бывает подернута серебристым блеском. Деревья в лесу переходят с места на место и шумом своих ветвей разговаривают между собой.

Смельчаки отправлялись ночью в лес собирать лекарственные травы, цветы и корни, как, напр., лопань, былицу, полынь, яскер и пр., ибо тогда только они и оказывают действительную помощь, когда будут сорваны на заре Иванова дня, прежде чем на них обсохнет роса. Эти травы сохранялись в продолжение года как некая святыня; ими окуривали больных, их бросали в затопленную печь во время грозы, чтобы предохранить дом от удара молнии.

Труднее всего было достать в Ивановскую ночь папоротник, который в это время только и расцветает. Считалось, что кто отыщет расцветший папоротник, тот приобретет власть повелевать всем; пред ним бесильны будут мощные правители, и нечистые духи будут в его полном распоряжении; он может знать, где скрыты *клады*; во всякую сокровищницу, какими бы замками она ни была заперта, он войдет как хозяин, ибо двери сами растворятся перед ним, стоит только приложить к замку чудный цветок; невидимкой обладатель его проберется к любой красавице — и нет ничего, что было бы невозможно для него.

И. Калинин, Н. Степанов

ИВАЩЕНКО Петр Семенович (1846—1897), писатель, этнограф. Профессор русской словесности в лицее кн. Безбородко. В своем исследовании «Следы языческих верований в южнорусских шептаниях» (1878) рассматривал русские *заговоры* с мифологических позиций.

ИВЕРСКАЯ, чудотворная икона Пресвятой Богородицы. Икона находится в Иверском монастыре на Афоне с 999, куда чудесно прибыла по водам Мраморного моря, пущенная на воду из г. Никеи во времена гонений на иконы в IX в. В царствование Алексея Михай-

Богоматерь Иверская. Икона. XVII в. ПХГ

ловича, при патр. Никоне, в бытность его тогда еще архим. Новоспасского монастыря, по его желанию, в 1648 был привезен в Москву список с сей иконы, который совершенно сходен с подлинником и прославился в Москве многими чудотворениями. Иверская икона очень чтится в Москве. Она находилась в Иверской часовне у Воскресенских ворот Китай-города. Иверская икона одна из главных святынь русского народа. По традиции православные русские люди, пришедшие в Москву, обязательно отправлялись помолиться в часовню перед иконой Иверской Божией Матери. Русские цари при въезде в Первопрестольную останавливались у Воскресенских ворот, с внешней стороны которых находилась часовня, и молились в ней перед входом в Кремль. Китайгородская стена с Воскресенскими воротами была построена в 1534—38. В 1635 над воротами поставлена светлица, а в 1680-е — палатка с двумя шатрами над нею.

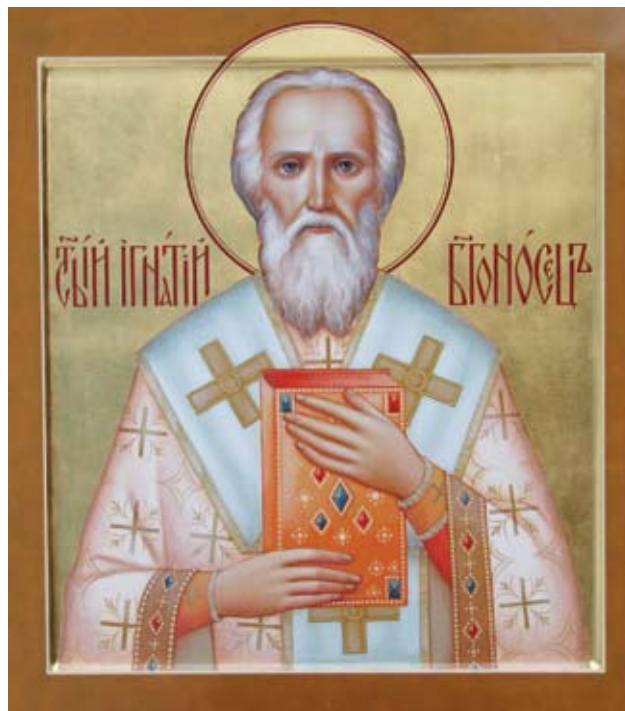
По ночам святую икону Иверской Божьей Матери из часовни возили из дома в дом в закрытой карете, запряженной четверкой лошадей, в сопровождении священнослужителей. Впереди скакал всадник с факелом.

ИГНАТ (Игнатий), народное название дня перенесения мощей сщмч. Игнатия Богоносца, 29 янв./11 февр.

В этот день по народному поверью бьются *ведьмы*: загибают ветки деревьев, закручивают траву в *заломы*. Только чертополох ведьмы не трогают — боятся. Ветки чертополоха стерегут поле и зимой. Старики в этот день выходили во двор, осматривали поля — не наследили ли там ведьмы, все ли в порядке в хозяйстве.

ИГНАТ И КОНДРАТ — см.: **КОНДРАТЬЕВ ДЕНЬ**.

ИГНАТЬЕВ ДЕНЬ (Игнатий, Игнатий Богоносец), народное название дня сщмч. Игнатия Богоносца, патриарха Александрийского, 20 дек./2 янв.

Святитель Игнатий Богоносец. Икона

По обычаю, в этот день полагалось поклониться родному *дому*, в котором человек родился и вырос. Дом — олицетворение *семьи* и рода, залог сохранения традиций. Ради сохранения домашнего очага служили молебны и совершали обход села с иконами.

ИГОРЕВСКАЯ икона Божией Матери, иконография Богоматери, относящаяся к типу *Умиление*. Ее название происходит от имени св. блг. кн. Игоря Черниговского и Киевского († 1147). Св. Игорь происходил из рода князей Ольговичей, которые за время своего великого княжения в Киеве нередко злоупотребляли властью и потому не были любимы киевлянами. Когда престол перешел к незлобивому и смиренному кн. Игорю, народное недовольство обрушилось на него в полную силу. Вспыхнула междоусобица. Киевские бояре предали Игоря и признали своим князем Изяслава из рода Мономаховичей. Игорь был заключен в темницу в Переяславле, где вскоре он пожелал принять монашество. Его тотчас перевезли в Киев, где он принял великую схиму в Феодоровском монастыре.

В последние дни своей жизни, предчувствуя скорую кончину, св. Игорь молился перед иконой Божией Матери, именуемой впоследствии Игоровской. В один из таких дней он был убит разъяренной толпой, ворвавшейся к нему в келью.

Игоревская икона Божией Матери, с деисусом и избранными святыми. Икона. Кон. XV — нач. XVI в. Северная провинция Новгорода (Вологда)

Празднование Игоревской иконы Божией Матери установлено 5/18 июня.

ИГОРЬ ВОИНСТВЕННЫЙ — см.: ДОРОФЕЕВ ДЕНЬ.

ИГРЫ (игрища), народные сборища, сходбища для забавы, увеселения; скачки, ратоборства; представления разного рода, для потехи (В. Даль). У русского народа существовал целый ряд игр, носивших спортивный характер — состязания на лошадях, кулачный бой, «пышка», лапта, свайка, бабки, сало и др. (об играх в помещении см.: Посиделки). Спортивный характер катанью на лошадях в повозках или санях придавал элемент состязаний, гонки, а также обычай запрыгивать на ходу. Но местами встречалось и катанье верхом. У семейских Забайкалья на Троицу не катались парами и тройками, молодежь устраивала гулянье верхом на лошадях большими компаниями. В деревнях на верхней Пинеге на Фомино воскресенье катались на лошадях в упряжке, увешанной «множеством колокольчиков, бубенчиков и шаркунов (вид колокольчика)».

Были два календарных дня, выходивших за пределы обычных сроков хороводов, к которым приурочивались летние конные развлечения молодежи: первое воскресенье после дня Петра и Павла и 18 авг. — день Флора и Лавра, которые считались покровителями лошадей. В конкретной местности освящением коней и конными состязаниями отмечался один из этих дней.

В Вельском у. (Вологодская губ.) в воскресенье после Петрова дня крестьяне задолго до заутрени съезжались в село со всего прихода. Полагалось с каждого двора привести на погост если не всех лошадей, то хотя бы одну. Ехали на тарантасах, запряженных по большей части тройками. Иногда в одну тройку впрягали

лошадей, принадлежавших разным людям. Можно было приехать и верхом. Приезжали крестьяне и из соседних приходов. Съезд продолжался во время заутрени и обеда. После молебна участники «чуть не бегом» бросались отвязывать коней и верхом подвезжали к церковной паперти, где стоял ушат с освященной водой, и священник ковшом плескал на лошадей в первом ряду. Зрители спешили отойти в сторону. Всадники старались обмыть голову коня, особенно глаза, уши и ноздри. Затем каждый объезжал вокруг церкви и останавливался опять против паперти, в последнем ряду, ожидая, когда до него снова дойдет очередь. Когда вода в ушат кончалась, все участники выезжали из ограды и устремлялись на «бьево» — большую площадь недалеко от церкви. Здесь-то и начиналось собственно «фролень», или «хролень» (от Фрола — Флора), — своеобразное состязание в верховой езде.

«Бьево» проезжали всей толпой, взад и вперед. Лошади были увешаны множеством «шеркунов». Всадники — в рубахах, с ремнями в руках. В этом массовом заезде участвовали опытные ездоки; начинающие плелись сзади, боясь быть смятыми. Задача состояла в том, чтобы показать свое искусство в верховой езде и качества лошади. Здесь, на «бьеве», вступали в силу спортивно-игровые нормы поведения. В условия состязаний входило, например, правило стегать лошадь чужую, а не свою. Зрители толпились по краям «бьева». Знаток следили за посадкой всадника, за особенностями хода лошадей, за соблюдением правил. Допускалось и более активное участие зрителей в происходящем. Когда утомленный всадник отъезжал в сторону, чтобы переменить лошадь, кто-либо из зрителей держал ее при этом. Едва седок касался крупы, державший сильным ударом гнал коня в гущу состязавшихся.

И религиозная, и спортивно-развлекательная части этого праздника касались почти исключительно подростков и парней, девушки же и женщины были активными зрителями и наблюдали за мчавшимися к центру села возницами. Как писал информатор из Хаврогорского прихода Холмогорского у., «как бы за труд от родителей делается удовольствие молодым людям, исключительно мужикам, прокатиться на лошади по всему приходу в праздничном платье и показать удалство своей лошади» (в этом приходе Фролов день был храмовым праздником и потому отмечался особенно празднично).

В немногих ответах на программы научных обществ упоминаются в числе развлечений молодежи кулачные бои. Один из информаторов Орловской губ. сообщал, что в д. Мешковой «бьются на кулачки». Сроки для таких сражений были строго регламентированы: на второй день Рождества, Новый год, Крещение, в субботу и воскресенье Масленицы. Команды составлялись по социально-территориальным частям деревни: «монастырские» и «однодворцы» бились против «дашковских». Последние численностью уступали объединенным усилиям первых двух групп, но действовали более дружно и «нередко даже одолевали противника».

На кулачный бой созывали возгласами: «Давай, давай на кулак!» Начинали «кулачки» подростки — 10–12 лет. Затем к ним присоединялись взрослые парни. Следующими вступали в борьбу женатые мужики; иногда участвовали даже старики.

Русская кулачная борьба имела ряд жестко соблюдавшихся правил. Нельзя было бить «лежащего». Также

Игра в жмурки

нельзя было бить того, кто присел. Запрещены были удары сзади, с тыла, обязательно следовало заходить вперед, лицом к лицу с противником. Разрешалось биться только «голыми руками» — в кулаке ничего не должно было быть. Нарушителей этих норм наказывали самосудом: их била собственная команда.

Сугубо спортивный характер носила зимняя уличная игра «в пышку» — народная предшественница современного хоккея. Две равные партии играющих становились по обе стороны улицы. Каждый участник имел «кочергу» — палку с загнутым концом. Одна партия начинала игру: крайний игрок поддевал кочергой лежащий на земле шар, и вся партия стремилась гнать его в определенном направлении, а противники возвращали его обратно. Игра проходила очень оживленно, как сообщал житель Волконской вол. Дмитровского у. (Орловская губ.). Если шар удавалось вернуть в начальное положение, то вернувшаяся его команда переходила на другую сторону улицы, и теперь она начинала игру — гнала шар вперед. Если же начинавшей партии удавалось довести шар до условленного места, то опять начинал игрок из ее состава. В этой игре принимала участие только подростки и мужики в возрасте от 14 до 30 лет. Считалось уместным играть «в пышку» и женатым мужчинам. Играли обычно в праздничные дни.

Летом бывали разные игры с мячом. Мячи делали кожаные, набитые шерстью. В Западной Сибири, напр., описана в 1852 мужская игра с мячом типа лапты. Половина игроков шла «в поле» и распределяла «между собою место, где кому стоять и что делать. Одни станут посредине, другие по бокам, и все обязаны ловить мяч. Один из полевых подает бить мяч. Кто не попадает палкою за третьим разом, тот лишается права бить мяч. Кто бьет за каждым разом, тот продолжает бить до трех промахов».

Более развернутое описание русской лапты 1860–80-х находим у В. И. Даля. Игроки делились на две половины, с двумя «матками», т. е., выражаясь современным языком, двумя капитанами команд. Одна часть — в «городе», другая — в «поле». В «городе» один игрок подавал мяч — «гилил», другой — бил мяч лаптой, то есть палкой или специальной плоской дощечкой, расширяющейся с одного конца. Если в «поле» удавалось поймать мяч с лету, «городская» команда проигрывала и шла в «поле». Если с лету поймать не удавалось, то пока мяч поднимали, игрок, который бил лаптой, должен был добежать до черты «поля» и вернуться на свое место. Он бросался бежать сразу же после удара. Команда «поля» старалась, схватив мяч,

Игра в бабки

«салить», «пятнать» им бегущего. Если попадали, шли в «город».

Мужской характер игры во времена В. И. Даля подчеркивала пословица: «Не берись, девка, за лапту». В то же время на Алтае, напр., в 1870-х «девицы играли в лапту с парнями, огромными стягами ударяя мячик так, что он исчезал из виду».

Другие мячи набивали конским волосом и тоже обшивали кожей, иногда разноцветной. В такие мячи играли поочередно, с ударом об землю, ловили через ногу или руку, как это делается и в современных играх, но уже только детских. С мячом играли также в «воробы»: в выкопанную в земле ямку клали деревянную дощечку, на нее — мяч. Бросали жребий, кому бить первому. От удара палкой по свободному концу дощечки мяч летел далеко; игрок, поймавший мяч, сменял бившего. Аналогичная игра с чуркой, косо заостренной с концов, называлась «чижом».

Большой популярностью пользовались игры в «свайку» и «бабки». «Свайка» делалась из железа в виде гвоздя с большой головкой и заостренным концом. В играх взрослых она достигала четырех–пяти фунтов (1,5–2 кг). Второй предмет игры — железное кольцо. «Свайку» брали за острие и метали так, чтобы она воткнулась в центр кольца. А. С. Пушкин к статуе играющего в свайку сделал такую надпись:

*Юноша, полный красоты, напряженья,
усилия чуждых,
Строен, легок и могуч, — тешится быстрой игрой!*

Особенно ценился такой удар, когда «свайка», попав во внутреннюю часть кольца, отлетала от него в сторону. Тот, кто с десяти раз не мог воткнуть «свайку», должен был в качестве штрафа подавать ее другим игрокам.

Бабки делали из подкопытной кости. Их вываривали в кипятке. Самую большую и тяжелую кость выбирали для битка. Иногда ее еще наливали свинцом. Каждый игрок ставил несколько пар своих бабок на ровном месте в один ряд. Группа бабок называлась «гнездом», а все гнезда вместе — «коном». Начинать игру тот, чей биток, брошенный из кона, отлетел дальше других. Сбитое гнездо поступало в качестве выигрыша тому, кто бил.

Игре в бабки повезло в литературе. Ее тоже воспел Пушкин. А в наши дни В. П. Астафьев посвятил ей целую вдохновенную главу в своем «Последнем поклон». Там он говорит, что начинает рассказ «с игры давней, распространенной в старину во всех русских деревнях, и самой ранней в году — с игры в бабки».

К девичьим развлечениям спортивного типа относились прыжки на качающейся доске, положенной поперек колоды. Две девушки становились на концах доски и раскачивались, делая высокие скачки. «Кто выше подскакивает, тому честь и похвала», — написал в 1852 об этом девичьем состязании житель Тюменского у. Допустимо было также для девушек бегать «взапуски», догоняя друг друга. «Тут большое наслаждение девушке, если она сумеет словить свою подругу на самом бегу».

В повседневных зимних развлечениях односельчан вне помещения бытовала игра «в сало». В ней принимали участие парни, девушки, а также «молодки и молодожены». Ближе к вечеру они все собирались кружком «в трех шагах от ворот какого-нибудь задворка». Один из парней становился у ворот, прислонившись к ним спиной. Из круга его спрашивали, кого ему «в сало» давать; парень у ворот должен был выкрикнуть имя и фамилию какой-либо из девушек. Вызывали обычно того, кто нравился. К названной девушке сразу же подбегали парни, выхватывали ее из толпы и гнали к воротам, приговаривая: «Иди у сало, у сало, у сало!» (Запись в Волконской вол. Дмитровского у. Орловской губ.). Добежав до ворот, девушка кокетливо упрекала парня: «Ванек, змей! Ну зачем же ты мне кликал-то?» Теперь двое у ворот тихо сговаривались, кого следующего вызвать; подходили к толпе и неожиданно начинали хлопать по спине выбранного ими парня, приговаривая: «В сало, в сало!» К ним присоединялись другие. Парень бежал к воротам и вызывал себе пару и т. д.

Во время игры в «сало» пели разные песни, в том числе величальные. Последние адресовали обычно молодоженам. «Величать принято только что недавно женатых, — писал корреспондент из Орловской губ., — притом отличающихся или хороших мужей или жен, которые тут же участвуют. Придя домой, рассказывают: нынче величали Гришинаго Степка, Ванька Деминаго и Питруху Залетенкова».

Другая подвижная зимняя игра вне помещения приурочивалась также к будним вечерам. Участники разбивались на пары и устанавливали (по желанию или перебором рук на палке), какая пара будет искать первой. Эта пара оставалась у ворот, остальные прятались: по две-три и больше пар в одном месте (в сарае, под стрехой, в омете соломы, овине, сенях). Иногда парни при этом вольничали, а на громко протестующих девушек шикали — нельзя шуметь, найдут. Нашедшие и отысканные вместе искали остальных участников игры: «водила» в следующий раз пара, которую нашли первой.

См. также: Детские песни и игры.

М. Громыко

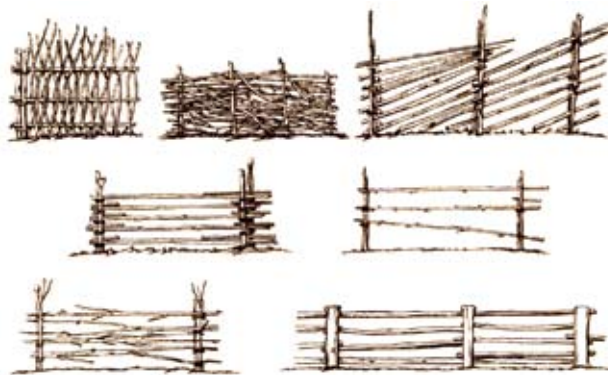
ИЖИЦА, название последней буквы в церковнославянской азбуке, имеющей вид зигзага. Поскольку изучением ее заканчивался первый этап обучения детей грамоте, их, чтобы лучше запомнили азбуку, пороли розгами, т. е. в школярском быту даже была поговорка: «Кси, пси, фита, ижица — к порке движется»; бытовало и выражение «прописать ижицу» — выпороть: при ударах розгами оставались зигзагообразные рубцы на теле.

ИЗ ПОЛЫ В ПОЛУ, народный обычай передачи продаваемого скота, лошадей из рук в руки покупателю: повод, веревку передавали из рук в руки, покрытые полами одежды; иногда для этого пользовались шапками.

ИЗБА — см.: ЖИЛИЩЕ.

ИЗГОРОДЬ, ограда, которую устанавливали вокруг села, деревни, усадьбы, пахотных полей, сенокосных угодий, пастбищ, открытого гумна, кладбища.

Составной частью любой изгороди были *ворота* с запорами, через которые люди попадали в огороженное пространство. Изгороди были разными по своему устройству. В северных губерниях Европейской России самыми распространенными были осек — косая изгородь и *прясло* — изгородь из горизонтально положенных жердей. В южных районах получили наибольшее распространение *тыны*, венчатые ограды, *плетни*. На Урале и в Сибири — заборы.

Типы изгородей в северных селениях России

Изгороди были известны с глубокой древности. Их устанавливали вокруг городов, деревень, усадеб бояр, посадских людей, ремесленников, крестьян. Около городов и усадеб ставили, как правило, высокие глухие ограды из горизонтально положенных или вертикально вбитых в землю бревен. Сады, огороды, прогоны разделяли более легкими оградами: плетнями, изгородями, сделанными из косо поставленных или горизонтально положенных жердей. Их остатки археологи находят при раскопках Новгорода, Москвы, Рязани. Изображения оград можно видеть на старинных иконах, миниатюрах XV—XVII вв.

Изгороди, имевшие чисто утилитарное назначение, осмыслились на мифологическом уровне как граница, рубеж, разделяющий свой мир и мир чужой. Своим миром считалось пространство, освоенное людьми: деревня, дом, двор, пахотные, сенокосные угодья, покосы. Чужой мир — это внешний мир, расположенный за пределами освоенного человеком пространства. Он казался человеку враждебным, населенным *нечистой-неведомой силой*, дикими животными. Поставленная людьми изгородь должна была защищать человека от враждебности иного, «не нашего» мира. Так, ограду вокруг кладбища ставили для того, чтобы мертвые не могли прийти в деревню к живым. По поверьям, через изгородь, поставленную с молитвой, не мог пробраться в дом нечистый, за ней можно было спастись от *заложенного покойника* — человека, умершего насильственной смертью, самоубийцы, похороненного вне кладбищенской ограды.

Ворота же осмыслились как место контакта людей и представителей чужого мира, а выход через них как переход в чужое, враждебное пространство. Этот акт требовал ритуального оформления и символической защиты. Напр., во многих русских деревнях крестьяне прикрепляли на ворота домовую ограду икону, на которую молились при выходе из дома. На воротах в день

Крещения Господня чертили кресты, в канун *Иванова дня* на воротах поскотины, скотного двора вывешивали *веники* — *оберег* от *ведьм*.

В воротах изгородей совершалось множество обрядов, ставящих своей целью защитить себя и свой мир от враждебности иного мира. Так, напр., в Егорьев день (см.: Георгий Победоносец) (23 апр./6 мая) — день первого выгона стада на пастбище — хозяйка обходила свою скотину с иконой св. Георгия, а потом прикрепляла ее к воротам дома. В тот же день кропили святой водой ворота поскотины, куда загоняли скот. В некоторых деревнях в Егорьев день, когда скот прогоняли на поскотину, на землю около ворот выкладывали *пояс*, *запертый замок*, *сковородник*, *ухват* — «чтобы скот не отбивался от дома».

Ист.: Шангина И. И. Русский традиционный быт. СПб., 2003.

ИИСУС ХРИСТОС, по Евангелию сын Божий — Второе Лицо Пресвятой Троицы, по предвечному божественному совету воплотившийся, ради спасения рода человеческого, от Пречистой Девы Марии и нареченный, по повелению Архангела Гавриила, именем Иисуса, т. е. Спасителя; Христос — значит помазанный. Христос совершил дело спасения падшего человечества в трех главных Своих служениях — пророческом, первосвященническом и царском. Иисус Христос родился в Палестине, в городе Вифлееме по наитию Духа Святого от Пресвятой Девы Марии. Время рождения Иисуса Христа относят, обыкновенно, к 754 от основания Рима. Но в последнее время ученые, на основании многих научных данных, утверждают, что Иисус Христос родился в 749 от основания Рима. До тридцатилетнего возраста Иисус Христос прожил в неизвестности в небольшом городке Назарете в семействе плотника Иосифа, который был обручником Девы Марии. Только когда ему минуло 12 лет, Он вместе с родителями

Своими отправился в Иерусалим на праздник Пасхи и пробыл три дня в храме, беседуя с книжниками. На тридцатом году жизни Иисус Христос принял от Иоанна крещение в Иордане. Прежде чем начать свое общественное служение, Он отправился в пустыню, и постился сорок дней, и был искушаем сатаной. Общественное служение Иисус начал в Галилее избранием 12-ти апостолов. Прежде всего Он начертал им образ Своего истинного последователя как человека смиренномудрствующего о себе, скорбящего о своей греховности, желающего примириться с милостивым Богом, чистого сердцем и миротворца. Чудесное претворение воды в вино, совершенное Иисусом Христом на браке в Кане Галилейской, укрепило веру учеников Его. После этого, пробыв несколько дней в Капернауме, Он отправился в Иерусалим на праздник Пасхи. Здесь Он впервые возбудил против Себя вражду старейшин иудейских и, в особенности, фарисеев тем, что изгнал торгующих из храма. После Пасхи Иисус Христос созвал Своих апостолов, дал им необходимое наставление и послал их проповедовать о наступлении царствия Божия. Сам Он тоже ходил из одного места в другое и тоже проповедовал, собирая учеников и распространяя Свое учение по всей земле. О Себе Самом Иисус Христос учил как об Искупителе падшего человечества, согласно ветхозаветным пророчествам, т. е. как о Мессии, или Христе. Еще раньше Самого Иисуса Христа учил о нем как об Искупителе всего человечества Иоанн Предтеча. Указывая на Иисуса Христа своим ученикам, он говорил о Нем: «Вот Агнец Божий, Который берет на Себя грехи мира». Впоследствии все апостолы распространяли это учение о Нем.

На русских иконах Иисус Христос изображается Ангелом Великого Совета, Предвечным Эммануилом, Христом-Спасителем и Христом-Вседарителем.

Основными образами Христа-Спасителя на русской иконе являются: Спас Милостивый и Спас Грозный. Спас Милостивый — со светлыми волосами, легкой раздвоенной бородой, волосы спадают на плечи и прядь волос на лбу. Глаза полны благодати и печали. Таким пишется Спаситель почти на всех иконах. Спас Грозный суровый, торжественно спокойный, каким является Христос-Вседержитель (Пантократор) в образе Бога Отца: «Кто видел Меня, видел Отца. Я и Отец один». Христос-Вседержитель обычно пишется во славе, сидящим на троне, или по пояс в куполе церкви с открытым Евангелием.

Христос Ангел Великого Совета заменяет Бога Отца на некоторых изображениях Сотворения мира, по словам Св. Писания: «Все чрез Него начало быть» (Ин. 1; 3). Образ Ангела Великого Совета с «атрибутами», присущими Спасителю, т. е. крещатое сияние и учительский свиток, виден на попорченной от времени фреске Ферапонтова монастыря (XIV в.). Ангел изображен погрудно, но надпись не сохранилась, тогда как на росписи церкви Бояны (Сербия) ее возможно восстановить. Ангел изображен во весь рост, крылья его расправлены в полете, одной рукой он держит свиток, на котором читается: «Видите, ныне, что это Я» (Втор. 32; 39). Другая рука поднята на основании Второзакония (32; 40): «Я подымаю руку Мою и говорю: «живу Я во век!» По бокам Ангела надпись: ИС. ХР. Ангел Великого Совета.

Надпись «Ангел Великого Совета» предписывается иконописным подлинником над образом Христа-Ангела. Христос величается Ангелом Великого Совета

Христос Вседержитель. Икона (без полей). 1520—1530е гг. Москва. ЦМиАР

«Не рыдай Мене, Мати...», с избранными святыми. Икона. Посл. четв. XVIII в. (около 1780 г.). Оклад — 1780 г. Москва

в евхаристической молитве на Божественной Литургии и в песнопении Всенощного Бдения. Св. Василий Великий и св. Иоанн Дамаскин именуют Спасителя «Ангелом Великого Совета».

Великий Совет, по учению св. Отцов, есть предвечный Совет, на котором Господь Бог, в лице Святой Троицы, предопределил Сотворение мира, Воплощение и Искупление Сына Божьего. Эта предназначенная Жертва Спасителя и ее выполнение изображены на иконе «В день Седьмой Почи Бог от Дел Своих».

На полях иконы перечислены шесть дней Творения в следующем порядке: «В начале сотвори Бог небо и землю. Во второй день сотвори моря. В третий день сотвори деревья, траву. В четвертый день сотвори Бог солнце и луну. В пятый день сотвори Бог скоты, птицы, рыбы морские. В шестой день сотвори Бог человека».

Седьмой день выделен в верхнем поясе иконы совместно с изображением Великого Совета. В центре возлежит Бог Отец, окруженный ангелами, и «почи-

Спас в Силах. Икона. 3-я четв. XVI в. Средняя Русь. ЦМИАР

вает от Дел Своих» (Быт. 2; 3). Слева от возлежащего Бога Отца Архангел Гавриил «благовествует Девине Воплощение», как читается надпись вокруг образа Богоматери. Над Богом Отцом витает Святой Дух в виде голубя, и все центральное изображение помещено в «звезде предвечности». Справа, в овальном сиянии и окруженный ангелами, стоит Сын Божий, Христос Ангел Великого Совета. Его облик юношеский, и стоит Он, покорно сложив крылья перед Богом Отцом, Который передает Ему сосуд с миром в знак своего благословения и завещания на Искупительную Жертву (Лк. 22; 29). В левом углу иконы Бог Отец восседает на престоле окруженный ангелами. Он держит крест с распятым Спасителем, крылья которого скрещены. Жертва совершилась. Сын Божий вернулся в лоно Отца. Но облик Христа изменился, потому что по Воплощении «Слово стало плотью» и черты Его лица уже не юношеские, а облик Его соответствует Его облику пребывания на земле.

Невидимый небесный мир, где совершился Великий Совет и осуществилась Искупительная Жертва, отделен от повествования грехопадения прародителей волнистой линией «небесной тверди» с солнцем и луной. Христос Ангел Великого Совета стоит наклонившись над Адамом и творит из его ребра Еву. Тут же стоит трепещущий Адам перед Орудиями Страстей в руках витающего ангела, предвозвещающего ему Искупительную Жертву Спасителя за его грехопадение. Далее Христос-Ангел благословляет прародителей у древа Жизни, а змий искушает Еву у древа Добра и Зла. По библейскому тексту, вкусивши запретный плод, «скрылся Адам и жена его от лица Господа Бога между деревьями рая» (Быт. 3; 8), и на иконе они видны сидящими среди ветвей. Изгнание из рая изображено за-

крытой преградой с Херувимом — «и поставил Господь херувима на Восток от сада» (Быт. 3; 24).

Земная жизнь прародителей, в противоположность цветущему раю, выделяется в мрачном, извилистом обрамлении. Четыре Ангела, стоящие, по Апокалипсису, «на четырех углах земли и держащие ветры» (Ап. 7; 1), дуют с севера, юга, востока и запада. Земное пространство заполнено скалистыми горами и зверьми. Архангел Михаил стоит перед Адамом и Евой и обучает их добыванию пищи и защите от зверей. Эта деталь основана на апокрифическом «Исповедании Евы». Дьявол стоит за спиной Каина и наталкивает его на убийство Авеля. Адам и Ева оплакивают сына.

Первый грех на земле рождает первое преступление, первое преступление — первую смерть.

Икона Ветхозаветной Троицы изображает гостеприимство Авраама: Трех ангелов под дубом Мамврийским. По библейскому тексту, «И явился ему Господь у дуба Мамре» (Быт. 18; 1). Авраам возвел очи и вот видит: три мужа стоят против него. Авраам обращается только к одному из них, говоря: «Владыко, если я обрел благоволение пред очами Твоими, не пройди мимо раба Твоего» (Быт. 18; 3). Когда, после трапезы, два ангела отошли к Содому, Авраам «еще стоял пред лицом Господа» (Быт. 18: 22), иными словами, перед третьим ангелом. Во время беседы с ним Авраам называет его «судьей всей земли и Владыкой». Библейское повествование заканчивается словами: «И пошел Господь, перестав говорить с Авраамом». По тексту ясно,

Спас «Благое Молчание». Икона. Нач. XIX в. Поволжье (Нижегород) (?). ГРМ

Омовение ног апостолам. Икона из иконостаса праздничного ряда. 1-я четв. XVIII в. Галич. Происходит из церкви Ильи Пророка с. Верхний Березовец Костромской обл.

что Аврааму явился Господь в сопровождении двух ангелов. Однако существует различное толкование о том, кого олицетворяют Три Ангела Гостеприимства Авраама. Католики не признают Трех Ангелов Гостеприимства Авраама как Святую Троицу. Св. Августин говорит, что «нельзя сомневаться в том, что три мужа были Ангелами, хотя некоторые уверяют, что один из них был Христос». Основанием этого толкования берутся слова апостола Павла: «Страннолюбия не забывайте; ибо чрез него некоторые, не зная, оказали гостеприимство Ангелам» (Евр. 13; 2). Однако эти слова более относятся к гостеприимству Лота, который принял двух ангелов, отошедших от Авраама в Содом: «И пришли два Ангела в Содом вечером... Лот увидел, и встал, поклонился лицом до земли. И сказал: «государь мои! зайдите в дом раба вашего» (Быт. 19; 1–3).

Православная Церковь, придерживаясь точного библейского текста, принимает толкование св. Ири-

нея, Юстиниана Философа, св. Афанасия Александрийского и других святых отцов в том, что явление Аврааму трех ангелов есть явление Святой Троицы в лице Христа Спасителя, Ангела Великого Совета, в сопровождении двух ангелов. Св. Иоанн Дамаскин в своем «Слове в защиту икон» говорит: «Образ Сына есть образ Отца и Святой Дух есть образ Сына», т. е. в лице Спасителя явлены все Три Ипостаси. Мы встречаем на так называемом Иерусалимском кресте новгородской работы XIII в. надпись «Отец, Сын, Дух Святой» над распятым Христом Спасителем. Дидрон в своей «Христианской Иконографии» пишет: «Един Господь в Трех Лицах, перед которым Авраам пал ниц».

На иконе Ветхозаветной Троицы три ангела восседают за трапезой. На более ранних иконах XV в. средний ангел особо выделяется, возвышаясь над остальными. Крылья его широко расправлены, голова окружена крещатым сиянием, одной рукой он

Спас Нерукотворный. Икона. 3-я четв. XIV в. Москва (?). ЦМИАР

благословляет, а другой держит свиток. Над ним надпись «Св. Троица», за ним виден дуб Мамврийский. На трапезе стоит Чаша с Агнцем и треугольники хлеба, символ Евхаристического Хлеба и Искупительной Жертвы Христа Спасителя, в которой все Три Лица Св. Троицы принимали участие: Христос — Крестным страданием, Бог Отец — завещанием (Лк. 22; 29) и Св. Дух — соучастием (Евр. 9; 14). Русский митр. Константин на Соборе 1156 в Константинополе доказал, что в Жертве Искупления принимали участие все Три Лица Св. Троицы и потому Евхаристическое Приношение на Божественной Литургии посвящается в одинаковой мере Отцу, Сыну и Св. Духу.

В XV в. Андрей Рублев, монах Троице-Сергиевской лавры, создал исключительно вдохновенный и гармоничный образ трех ангелов Святой Троицы, сохраняя учение Православной Церкви. Он слегка возвысил среднего ангела над остальными и отличил Его одеянием, присущим Спасителю, возложил Его благословляющую десницу над Чашей с Агнцем и благостно склонил Его главу в беседе со спутниками. В XVI в. рублевская Троица была избрана Стоглавым Собором 1554 образцом для изображения Святой Троицы в лице трех ангелов.

Вопрос о единосущности и нераздельности Святой Троицы был особой важности в XVI в. при возникновении жидовствующей ереси, отрицающей божественность Христа, нераздельность Св. Троицы и почитание икон. В опровержение ереси избранными священными изображениями были иконы Святой Троицы, утверждающие божественность Христа Спасителя и нераздельность Святой Троицы, и Нерукотворный Спас (Убрус) — образ, чудесно созданный самим Хри-

стом и этим утверждающий иконопочитание. Потому с того времени, по предписанию Церкви, в верхнем поясе каждой иконы и каждого Распятия полагалось изображать добавочно, в миниатюрном виде, тот или другой образ.

Ко времени борьбы с жидовствующими относится необычное изображение ангела с тремя головами. В западном искусстве встречаются трехголовые изображения XIV–XVI вв., но в русской иконописи подобные образы избегались. Ангел стоит во весь рост с широко расправленными крыльями, лик его юношеский, средняя голова окружена крещатым сиянием с предписанными буквами для сияния Спасителя «Аз есмь Сущий». Две добавочные головы исходят по сторонам среднего ангела. Их головы окружены сиянием с буквами Ис. Хр. Ангел держит мерило с насаженной на конце отрубленной головой. Другой рукой он указывает на разодранное одеяние и на образ Нерукотворного Спаса.

Судя по надписи, образ должен изображать «Видение св. Петра Александрийского», но обычно оно передается в совершенно иной композиции. Св. Петр Александрийский боролся в IV в. с ересью Ария, схожей с ересью жидовствующих в XV в. За выступление против Ария св. Петр Александрийский был заточен в темницу, где явился ему Христос в разодранном одеянии. Русский иконописец сопоставил обе схожие ереси, отделенные друг от друга веками, и на полях изображения трехглавого ангела воспроизвел вопросы св. Петра и ответы Спасителя: «Кто разодра Ти, Господи, ризу?» — «Арий безумный, того не примите в общение». На верхнем поле надпись выражает главную суть изображения: «Видение в Трех Лицах, в Отчем, в Сыновьем и Св. Дусе, Троице нераздельной преславно величаем».

Христос-Ангел, изображенный с тремя головами, является в сокращенном виде образом Ветхозаветной Троицы Гостеприимства Авраама, утверждающим нераздельность Троицы и божественность Христа, в лице которого явлены Три Ипостаси. Разорванные ризы обозначают еретические раздоры, от которых страдает Спаситель. «Нерукотворный Спас», на которого указывает ангел, утверждает иконопочитание. Об этом свидетельствует изображение VII Вселенского Собора, на котором было восстановлено иконопочитание и на изображении которого один из Отцов Церкви держит перед собой «Нерукотворный Спас» с надписью: «Против иконоборцев, отрицающих почитание икон». Образ «Нерукотворного Спаса» без убруса, т. е. обычного плата, на котором он изображен, встречается и на других изображениях, как, например, убрус Успенского собора в Москве.

Отрубленная голова на конце мерил ангела означает, весьма возможно, казнь еретика Ария, осужденного на Никейском Вселенском Соборе в 325.

Н. III.

ИКОНА (греч.: портрет, образ, изображение), живописное и рельефное изображение Второго Лица Св. Троицы, Бога-Сына, а также Божией Матери и святых.

Русская икона отличается от западной религиозной живописи тем, что икона не портрет и не картина. По учению св. отцов, икона — «небесное явление» и «подобие» Божественного. В ней нет ничего мирского и телесного, ее отвлеченные образы являют тайну невидимого. На иконе пишутся не лица, а «лики»,

«И почил Бог в седьмой день». Икона. Сер. XVII в. Кострома. КМЗ «Ипатьевский монастырь»

черты нереальны, глубокий взгляд расширенных глаз придает им выражение строгого, благого покоя и безболезненной печали, далекой от мирской суеты. Святые движутся и живут на отвлеченном золотом фоне в присутствии ангелов или в окружении сказочных гор, невиданных растений и райских цветов. Условное положение рук обозначает удивление, молчание, печаль и молитву. Перспектива, по мирским понятиям, отсутствует, архитектура орнаментальна, прозрачные здания позволяют видеть одновременно внешние их очертания и внутреннее убранство. Фронтон обозначает целое здание, отдельное строение — целый город. Кусок ткани, перекинутый с одной части здания на другую, указывает на действие, происходящее внутри помещения. Природа использована для усиления движения и выражения чувств. Например, на фоне иконы «Положение во Гроб» (XV в.) очертание двух скалистых гор повторяют жест отчаяния поднятых рук одной из св. жен. На иконе «Вход в Иерусалим» (XV в.) наклоненное дерево указывает движение Христа по направлению к городу, а опущенная голова ослати дает понятие о спуске Христа с Елеонской горы. На некоторых иконах для указания действия и движения та же фигура повторяется несколько раз, как, напр., на сложных композициях Воскресения Христова, где Спаситель изображен несколько раз: воскресшим, сходящим во ад и ведущим праведных в рай. Или на иконе Благовещения, где Архангел Гавриил виден дважды: слетевшим с неба и благовествующим Богоматери.

Икона прибыла на Русь сложившейся догматически и по своему духовно-религиозному содержанию, и по художественному письму. По постановлению Отцов

Богоматерь с Младенцем на троне с архангелами Михаилом и Гавриилом. Прорись фрески собора Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря

Церкви, икона не может быть домыслом личных религиозных воззрений художника и плодом его благочестивого воображения. На иконе каждая деталь должна быть основана на Священном Писании, Священном Предании и источниках, одобренных Церковью. Для руководства иконописца существует иконописный подлинник, который в схематических рисунках передает неизменную сущность каждой композиции. Первоначальный подлинник был византийским, в XVI в. появляется первый русский подлинник Софийский, позднее, в XVII в., — Строгановский и Сийский.

Русский иконописный Подлинник давал, помимо основной схемы иконы, материал для руководства и вдохновения иконописца. В приложении перечислялись принятые Церковью благочестивые легенды (апокрифы), справки о Житиях святых, описание видений, чудотворных икон, слова песнопений, молитв, разъяснение символов и греческих аллегорий, давались справки о важных исторических событиях, указывались одеяния святых и их «атрибуты отличия». В требуемых Церковью отвлеченных образах святых «атрибуты», установленные каждому, помогали к их опознанию: мученики держат крест или орудие мученичества, епископы — Евангелие, пророки — свитки, строители церквей и монастырей — модели зданий, святые врачи, как св. *Пантелеимон*, свв. *Косма* и *Дамиан*, держат ларец с лекарствами и лжицу. Все святые пишутся с бородами, кроме ангелов, которые, по словам Подлинника, «юноши неописуемой красоты»; то же и святые, умершие в юном возрасте, как св. *Георгий Победоносец*, св. *Димитрий Солунский*, св. кн. *Глеб* и св. *Иоанн Богослов*, бывший юным при земной жизни Христа.

Борода, по древним понятиям, была признаком особого уважения и благолепия. Еще в н. XVIII в. русский патриарх Адриан напоминает в своем «Слове о брадобритии», что «Бог мужа сотвори и жену, положив между ними знамение: мужу убо благолепие, яко начальнику, браду израсти, жене оного благолепия не даде, яко да будет подчинена, зряще мужа своего красоту». В отличие от святых, бесы пишутся бритыми, кроме сатаны, их начальника.

Стиль бороды и волос в сочетании с «атрибутом» создал определенный тип каждого святого, по которому он узнается до наших дней. Например, св. *Николай Чудотворец* пишется в епископском облачении, держащим Евангелие, как изображаются и другие святые епископы, но отличается он от них и узнается по указанному в Подлиннике стилю волос и бороды: «борода средняя, сед, взлысына».

Андрей Рублев. Благовещение. Икона. 1405 г. Благовещенский собор ГМЗМК

Существует распространенное мнение, что иконописный Подлинник ограничивал творчество художника и препятствовал развитию искусства, но образцы давали лишь схему неизменной догматической сущности, и иконописец заполнял контуры по своему умению, выбирая и расцветку по личному усмотрению. Он мог от себя добавить архитектурные детали, увеличить число ангелов и второстепенных фигур, украшать пейзаж растениями и цветами, не изменяя, однако, основной схемы. Новые композиции выдающихся мастеров, по принятии их Церковью, включались в иконописный Подлинник или распространялись в точной прорези.

Иконописцы были обычно монахи и приступали к работе с постом и молитвой. В ней они просили «полета в высоту и дерзновения видеть свет неприступный сокровищ славы Премудрости Божьей». Еще в 1554 на Стоглавом Соборе напоминает иконописцу быть смиренным, кротким, благочестивой жизни, догадками Божества не описывать, добавляя: «не всякому иконописцем быть» (Стогл. Собор, гл. 143).

Икона пишется на дереве, на липовой или кипарисной доске. Кресты и складни вырабатываются на металле, украшаются эмалью и рельефными изображениями. Иконы малого размера бывают из глины, кости, меди, серебра и золота. Доска иконы, в предотвращение выгиба, при сырости или жаре, скрепляется «шпонками», т. е. кусками дерева, врезанного поперек с обратной стороны. Середина доски, предназначенная для росписи, слегка выдалбливается, и, таким образом, края становятся подобием обрамления, т. к. для иконы не полагается ни рамы, ни стекла.

Заготавливается доска покрытием алебастра, разведенного на жидком клею, иногда грунтовка накла-

дывается на т. н. «поволоку» — т. е. на кусок полотна, прилаженного к доске. В старину краски в порошке растирались на воде или квасе, с добавлением яичного желтка. В настоящее время пользуются клеевой краской «темпера». Употребление масляных красок для писания священных изображений воспрещается из-за химического состава. Готовая икона покрывается особым лаком — «олифой».

Приступая к работе, иконописец начинал с позолоты, и по числу накладываемых листов золота иконы назывались «пятилистными», «шестилистными» и т. д. После позолоты писали одеяния и, закончив с деталями, — лики. Тени на иконе не накладываются в зависимости от внешнего освещения, как на картинах, а вырабатываются особой техникой перехода от темных красок к светлым, т. к. по своему замыслу икона освещается не извне, а исходящим от нее светом.

Иконы не подписываются. Иконописец создает их не для личной славы, а во славу Божию. Такие имена, как Алипий (XI в.), Андрей Рублев (XV в.), Симон Ушаков (XVII в.) и многие другие, дошли до нас по летописям, архивам и патерикам. Сохранение иконописных традиций было делом Церкви и Государства. Лучшие мастера созывались в Московский Кремлевский Дворец, и в царских палатах создавалась знаменитая Школа царских иконописцев.

С канонизацией Русских Святых устанавливаются в их честь новые праздники, службы, песнопения, особые от греческих. На иконах святые Борис и Глеб пишутся в русском платье, воины — в русском вооружении, церкви — уже не Св. София Константинопольская, а Св. София Новгородская или Киевская, Смоленская «Одигитрия» и Псковская Св. Троица. Если угодник был епископом, его житие дает данные для истории города, и на иконе встречается древний план города, построенные им монастырь и церкви.

Русские иконы XVI в. мало осложнялись деталями, тогда как в XVII—XVIII вв. появляются чрезмерно сложные композиции под влиянием обширной богос-

С. Ушаков. Архангел Михаил, попирающий дьявола. Икона. 1676 г. ГТГ

ловской литературы. Через Балканы проникали переводные апокрифы-легенды. Многие из них Церковь объявила «отреченными книгами», но некоторые принимала, основываясь на словах ап. Павла: «Итак, братья, стойте и держитесь предания» (2 Фес. 2; 15). Некоторые легенды видоизменялись в такие чисто русские литературные произведения, как *духовные стихи*, «Голубиная книга». Для ежедневного благочестивого чтения вышли сборники многотомного труда митр. Макария (Четьи-Минеи).

Е. И. Грек. Три святителя (святые московские митрополиты Петр, Алексий и Иона). Икона. 1744–1745 гг. ГРМ.

На Древней Руси знали икону, как слова молитвы. Знали так, что малейшее изменение вызывало опасение за чистоту веры. Живым свидетельством являются исторические примеры, как известное «Дело дьяка Висковатого». «Дьяк» в те времена был чином отличия человека образованного и дипломата, каким был Висковатый при царе Иване Васильевиче Грозном. В 1547 при московском пожаре сгорели древние иконы Кремлевского собора, и некоторые из них были заменены новыми — письма псковских мастеров. Висковатый с группой москвичей-единомышленников восстал против «непонятных» ему икон и подал странное заявление духовным властям, прося разъяснения. Был созван Собор. Этим доказывается важность, которую Церковь придавала подобным вопросам. Собор, разобрав до мелочей новые иконы, обосновал каждую деталь на Священном Писании. Висковатый принял разъяснение, объявил свое «богомудрствование» ошибочным и признал псковские иконы православными. Эти же иконы привели в недоумение новгородцев, которые обратились за пояснением к ученому монаху Отенского монастыря Зиновию. Он ответил им письменно в «Истинном Показании», в котором он принимал икону «Единородный Сыне» как православную, но отвергал «Распятого Серафима».

Это знание и понимание икон может быть объяснено воспитанием в Древней Руси до к. XVII в., главным двигателем которого было Православие. Иконы находились в каждом доме, будь то боярские хоромы или крестьянская изба. Иконы были связаны с важнейшими семейными событиями и умножались из поколения в поколение. При рождении ребенка заказывалась именная икона ангела с изображением святого покровителя, имя которого дано новорожденному при крещении. В старину эта икона делалась по мерке ребенка и потому называлась «мерная». При смерти «мерная» икона клалась на крышку гроба. Жениха и невесту благословляли иконами Божьей Матери и Спасителя,

В. П. Гурьянов. Богоматерь Феодоровская с предстоящими святыми Николаем Чудотворцем, Михаилом Малешным, царицей Александрой, Алексием митрополитом Московским. Икона. 1913 г. Москва. ГМИР

сына, призванного на войну, — иконой святого воина (св. Георгия Победоносца, Димитрия Солунского или *Федора Тирона*). Болящим дарили образ св. Пантелеимона. Изображения святых, имена которых соответствовали именам членов семьи, приписывали на полях икон, или заказывались особые «семейные» иконы с рядами святых. Памятные дни заносились на иконе в изображениях, соответствующих церковному календарю, например, если кто родился 25 марта, то образ Благовещения помещался в ряду икон, если венчание состоялось 26 авг., в день поминовения св. Наталии, ее образ олицетворял это событие и т. д.

Со временем иконы стали закрываться металлическими ризами или окладами, сначала в виде обрамления или узорчатой серебряной пластинки, заполняющей лишь фон иконы, так называемой «басмой», слово, принятое от татар, которые, собирая пошлину, возили с собой «басму», т. е. изображение своего хана.

С к. XVI в. металлические ризы стали постепенно закрывать икону, как, напр., риза на Ветхозаветной Троице (Рублева), пожертвованная царем Борисом Годуновым. Открытыми оставались лишь лики, руки и ноги. Ризы выпуклым рельефом или резьбой по металлу повторяли в точности скрывааемые ими иконы. Ризы были золотые, эмалевые, серебряные и медные золоченые. Чудотворные иконы Божией Матери, такие, как *Владимирская, Иверская, Казанская*, были украшены драгоценными камнями.

Н. Ш.

ИКОНА В РУССКОЙ ЖИЗНИ — см.: ПОЧИТАНИЕ ИКОН.

ИКРА, широко распространенный в России продукт питания. До первой мировой войны употреблялась только черная икра осетровых рыб с Волги и Каспия (красная лососевая икра появилась только в годы войны). Существовали следующие сорта черной икры: зернистая (протертая через сито и готовившаяся только из белужьей икры), паюсная, или салфеточная (прессованная в рогожных кулях и укладывавшаяся затем в бочонки, выстланные салфетками), низкосортная ястычная икра (засаливавшаяся прямо в ястыках — пленке, в которой она заключена в брюхе рыбы), столь же низкосортная «жаркая» из уже загнившей икры, и «лопаница» (из перезрелой икры, зерна которой лопались в тузлуке — соляном растворе). Зернистая икра в сер. XIX в. в Москве стоила 40—50 коп. за фунт, а паюсная — 35—45 коп., низшие же сорта были доступны самому широкому покупателю.

ИЛИЯ МУРОМЕЦ, любимый богатырь русского эпоса, крестьянский сын, защитник Русской земли от врагов. Прележавши в параличе до 33 лет, получает силу от ангелов-странников. Борется с *Соловьем-разбойником*, идолищем, Жидовином, татарами. Выступает на арену боевых подвигов с постоянным эпитетом «старый казак», хотя превосходит прочих богатырей силою и храбростью. Образ его олицетворяет собой спокойное, уверенное в своей мощи мужество, благоразумие и сознание своего достоинства. Стоя на страже общерусских земских интересов и служа выразителем их кн. Владимиру, Илья Муромец в то же время не дает ему проявлять над собой свой подчас крутой и своенравный характер, каким он рисуется в некоторых *былинах*, и смело ссорится и даже покидает его на некоторое время. Былины изображают Илью Муромца добродушным, чуждым зависти или недоброжелательства; к жестоким действиям он прибегает только в случаях необходимости. Деятельность его чрезвычайно раз-

И. Билибин. Илья Муромец и Святогор

нообразна: он освобождает Черниговскую землю от разбойников, охраняет веру христианскую от покушений басурманских и языческих; он же атаманствует на заставе в степи. По отношению к другим богатырям он старший брат, первый дружинник и советник (См. также: Былины).

В русской народной православной традиции день былинного богатыря Илии Муромца празднуется 19 дек./1 янв. как день прп. Илии Муромца, чудотворца Печерского, монаха Киево-Печерского монастыря, упокоившегося в Антониевой пещере. Древняя легенда называет его святорусским богатырем, освободителем земли Русской, избавителем престольного царь-града Киева от идолища поганого, победителем нечестивого татарского Калин-царя. Илья Муромец вместе с *Добрыней Никитичем* и *Алешей Поповичем* — страж Руси Великой, символ могущества нашего Отечества, выражение его доброй славы.

Н. Каразин. Илья Муромец поражает Соловья-разбойника

По старинному русскому обычаю день этот посвящался Отечеству, когда полагалось поклониться родной земле и вспомнить славные подвиги народных героев — защитников труда землепашца и его жилища. **ИЛЬИН ДЕНЬ**, особенно почитаемый на Руси день празднования памяти Илии Пророка. Отмечался 20 июля/2 авг. Илия Пророк (IX в. до Р. Х.), пророк, взятый живым на небо. Илия жил в царствование Ахава, когда иудеи поклонялись языческому богу Ваалу. За это Господь послал на них засуху в течение трех лет. Сам Илия подвизался в это время в пустыне. По воле Божией пищу ему приносили *ворон* и добрые люди.

Огненное восхождение Илии Пророка. Икона. XVII в. ГТГ

Когда же прошли три года, Илия вернулся к царю Ахаву и посрамил служителей Ваала: огонь сошел с неба на жертвенник Илии, тогда как все попытки вызвать его идолослужителями остались тщетными. Тогда царь и весь народ горько раскаялись и оплакали свой тяжкий *грех* перед Богом. И тут же дождь сошел с неба. Илия исполнил свое предназначение, и Господь взял его на Небо живым. Илия взшел туда на огненной колеснице, свидетелем чего и был его ученик прор. *Елисей*. Тогда Господь — через своих пророков и силы природных стихий — воды и огня — вразумил и продолжал вразумлять людей. Прор. Илия явился Спасителем в великий день Преображения, укрепляя Христа перед грядущими Его страданиями. По учению Церкви св. пророк Илия будет предтечей Страшного Второго Пришествия Христа на землю.

Образ христианского святого Илии Пророка после Крещения Руси вытеснил из сознания культ языческого божества грома и молний, дождей и ветров, покровителя земледелия и животноводства *Перуна*, который в древности праздновали в этот же день. В представлении русских людей этот святой получил те же внешние отличительные черты, которыми ранее наделялся Перун (тем более что они во многом совпадали с тем, что говорилось об Илье Пророке в Библии). В древних церковных месяцесловах память

Илия Пророк. Икона. Нач. XV в. ГТГ

этого пророка обозначается обыкновенно так: «Святое восхождение пророка Илии», или, как нередко также замечается в летописях, «Огненное восхождение св. Пророка Илии». Русские люди с глубокой древности привыкли особенно благоговеть пред этим угодником. Известно, напр., из Нестеровой летописи, что еще в дохристианскую эпоху в Киеве существовала церковь во имя Св. Илии Пророка. По русским поверьям, св. пророк Илия является могучим и грозным распорядителем самых страшных и благодетельных сил природы. Он посылает на землю молнию, гремит по небу, разбегая в своей колеснице, карает темные адские силы, низводит на поля дождь и дает им плодородие. Вот как в русских старинных сборниках объясняется молния: «Молния есть сияние огня сущаго вверху на тверди; небесный же огонь, то ты разумеи огонь сущий, его же Илия молитвою сведе на полена и на всесожжение, сего огня сияние есть молния». В одной из бесед XV в. между некими Епифанием и Андреем читаем: «Епифаний рече: по праву ли сие глаголют, яко Илия Пророк есть на колеснице езда гремит, молния пушает по облакам и гонит змия? Святый же рече: не буди то, чадо, ему тако быти, велико бо безумие есть, еже слухом приимити; человецы бо умовредни суть, да по своему безумию написали. Илия бо на небеса не взыде, ни на колеснице сидит, благодать имея на дожди; да ся молитъ Богу, да в годину бездождия, дабы Бог дал на землю дождь». Русские иконописцы на лубочных картинах писали прор. Илию сидящим на колеснице с огненными колесами, которая окружена была со всех сторон пламенными облаками и запряжена четырьмя крылатыми конями.

На иконе этого пророка, на свитке в его руке, обыкновенно писался следующий стих из Книги Царств, где говорится о прор. Илии: «Се дух велик и

крепок расточая горы и сокрушая каменя, и не в душе Господь, и по душе трус, и не в трусе Господь; и по трусе огонь, и не в огни Господь; и по огни глас света, и ту Господь». В древнем Новгороде в Ильин день и после Ильина дня в течение недели были по завету крестные ходы в Ильинскую церковь на Славне-улице с молебнами о дожде или о ведре прор. Илии. В этом же пророке русские видели производителя урожая: ему давалось наименование наделяющего; в некоторых местах крестьяне ставили на воротах чашку с зернами ржи и овса, прося священника «провеличать Илию на плодородие хлеба». Русские вплоть до начала XX в. день прор. Илии праздновали как веселый и богатый праздник урожая и говорили о св. Илии Пророке, «что он зажинает жито», а также почитали его покровителем домашних животных — телят, баранов и козлят. В сборниках Соловецкой библиотеки записано следующее народное поверье о св. Илии Пророке как производителе *молний и грома*: «Илия семь действий сотвори, яже суть сия: три лета и шесть месяц бездождия наведе, огонь с небесе сведе, дождь сведе, огнем пятидесятные старейшины в области попали».

Заместив в народном представлении Перуна, Илия принял от него все его задачи и обязанности, стал защитником и покровителем земледелия и скотоводства, изменив постепенно свой полуязыческий-полухристианский облик на чисто христианский. Празднование Ильина дня совершалось торжественно, сопровождаясь многими ритуалами, возникшими на почве занятия земледелием и скотоводством. Так, еще в н. XX в. местами сохранялся обычай собирать к церкви в Ильин день рогатый скот, из которого после обедни и выбиралась одна голова для заклания в пользу церкви (животное делилось на куски по числу мирян, и эти части покупались ими за деньги, идущие потом на нужды церковные). В этом обычае сохранялся уцелевший от глубокой старины языческий обычай приносить в жертву богу — покровителю стад лучшее животное из стада. В некоторых местах России существовал еще такой обычай: когда нужен был для хозяйства дождь, крестьяне ставили на воротах посудины с рожью или овсом и служили особый молебен Илии о ниспослании дождя. Власть прор. Илии над дождями, а в зависимости от этого и вообще над плодородием, признавалась и Церковью, которая так молилась о ниспослании дождя на землю: «Илия словом дождь держит на земли и паки словом с небеси низводит; тем же молим тя: тою молитвами, щедре, последи дождиводныя земли с небесе». Ему же молились и перед началом жатвы.

В народном календаре Ильин день означал поворот на осень; пословица говорила: «На Илью до обеда лето, после обеда — осень». С этим днем были связаны и некоторые народные поверья; так, после Ильина дня не купались, ибо «святая Илья смутив воду».

«Святая Илья зажинает!» — говорили крестьяне и перед началом жатвы связывали снопом на корню колосья, посвящая их покровителю урожая, словами: «Илье-пророку — на бородку». В Курской, Воронежской, Архангельской и некоторых др. губерниях это делалось перед окончанием жатвы. К оставленному в поле «кусту хлеба» все относились с благоговением, похожим на страх. «Кто дотронется до закрута — того скорчит!» — говорили крестьяне.

С Ильиным днем кончалось лето. «Илья лето кончает, жито зажинает; первый сноп — первый осенний праздник!» Народная мудрость, проявляющаяся в по-

словицах, шла дальше: «До Ильина дня сено сметать — пуд меду в него накласть, после Ильина — пуд навозу!» По старинному изречению: «До Ильи поп дождя не умолит, после Ильи — баба фартуком нагонит; до Ильина дня и под кустом сушит, а после Ильина дня и на кусту не сохнет!» В это время и ждал народ ведра для уборки хлебов, потому что, по его словам: «До Ильи дождь — в закром, после Ильи — из закрома!»

На Ильин день не работали в поле, но к этому дню подготавливались именно работами. «К Ильину дню заборанивай пар!», «До Ильи хоть зубом подери!», «К Ильину дню хоть кнутом прихлыстни, да заборони!», «До Ильи — хоть кнутом захлыщи!» Единственная работа, допускаемая в праздник св. Ильи-пророка, это подрезывание сотов на пчельнике. В этот же день пчеловоды перегоняли последние рои пчел и подчищали ульи. Пчелка — Божия работница, «Божа птишка», по словам малороссов. Ее работа на церковь, Богу на свечку охраняет ее от гнева разящего громами пророка. По верованию пчеловодов, Илья-громовник не ударит громом улей, хотя бы укрылся за ним нечистый дух.

На Ильин день не выгоняли и скот в поле на пастбище. Крестьяне были убеждены, что в этот праздник открываются волчьи норы, и «весь зверь бродит на свободе»... Кроме того, считалось, что разгневанный пророк может поразить и выгнанную в поле «животину», и пастуха.

К концу июля вода в реке становилась холоднее. Это связывалось в представлении народа с чествуемым праздником «дождащего и гремящего» пророка. И вот «до Ильи мужик купается, а с Ильи с рекой прощается!» По народной молве, с Ильина дня работнику две угоды: ночь длинна, да вода холодна! Дни становятся все короче («Петр и Павел к ночи час прибавил, Илья-

Илия Пророк в пустыне. Икона (без полей). 1-я пол. XVI в. Север ярославских земель

пророк — два приволок!»). Работы в это время становилось много. Русские особенно молились в Ильин день перед последней летней страдой, хотя в более южных губерниях, где хлеба созревают раньше, «Илья пророк копны считает», а кое-где есть уже за столом и «новая новина на Ильин день». Жнитво ярового, сноповоз, сев озимых, молотба — на все надо немало времени. И беда, если этому помешают дожди, если не умолят крестьяне грозного Илью, беспощадного в своем праведном гневе.

По поверью русских крестьян: «Ильинская солома — деревенская перинка!», «Знать осень на Ильин день по снопам!», «То и веселье ильинским ребятам, что новый хлеб!», «У мужика та обнова на Ильин день, что новинкой сытъ!», «Знать бабу по наряду, что на Ильин день с пирогом!»...

Во многих старинных песнях св. прор. Илья сливается с личностью *Ильи Муромца*, одного из любимых сынов русского былинного песнотворчества. Подвиги этого богатыря Земли Русской, связанные с памятью о прп. Илье Муромском, почивающем в Киевско-Печерской лавре, приписываются Илье-пророку. Во многих местностях где, по преданию, конь Ильи Муромца выбивал копытом родники, поставлены часовни во имя св. Ильи. В свою очередь, в др. губерниях даже громовые раскаты объясняются «поездкою богатыря Муромца на шести конях по небу».

Народный «Стих о Страшном Суде» придает пророку, держащему в своих руках громы и дожди, струящиеся на грудь Матери-Сырой-Земли, значение одного из исполнителей воли Господа, разгневанного всеобщей растленностью созданного Им мира. Вот как повествует об этом народное сказание:

*Как сойдет с неба Илья-пророк, —
Загорится матушка сыра-земля,
С востока загорится до запада,
С полуден загорится да до ночи.
И выгорят горы с раздольями,
И выгорят леса темные
И сошлет Господи потопие,
И вымоет матушку сыру-землю,
Аки харатью белую,
Аки скорлупу яичную,
Аки девицу непорочную...*

Всюду, где встречалось имя грозного пророка в памятниках русского народного творчества, он являлся в венце праведного гнева на нечестивых грешников, с отеческими заботами о благочестивых и добрых.

И. Калинин, Н. Степанов, А. Коринфский
ИЛЬИНСКАЯ ЧЕРНИГОВСКАЯ, чудотворная икона Пресвятой Богородицы. Находилась в Троицком Ильинском монастыре близ Чернигова, на Болдиной горе. Написана она в 1658 монахом Геннадием, который до монашества назывался Григорием Дубенским. При архиепископе Черниговском Лазаре Барановиче и игумене Ильинского монастыря Зосиме от этой иконы, в знамение молосердия, текли слезы в продолжение 8 дней, с 16 по 24 апр. Свидетелями такого чуда были почти все жители Чернигова. Вскоре после этого чуда, в том же 1662, татары совершили набег на Чернигов и разорили все окрестные селения, но монахи Ильинского монастыря поспешили в церковь и, усердно помолившись Небесной Заступнице, скрылись в тамошней Антониевой пещере. В полночь ворвались татары в монастырь, ограбили церковь, но чудотворная икона со всеми драгоценными украшениями оста-

Богоматерь Ильинская. Икона. Около 1706 г. Чернигов. УМЗ

лась неприкосновенной: невидимая сила не допустила варваров коснуться святыни. Та же невидимая сила не допустила их войти и в пещеру, где скрылись инок, хотя татары много раз покушались на это, подбегая к пещере с зажженными лучинами и обнаженными мечами. Внезапно напуганные непостижимым видением, они обратились в бегство. Свт. *Димитрий Ростовский* описал много чудес от Ильинской Черниговской иконы.

Празднуется 10/23 марта и 16/29 апр.

ИМЕНИНЫ, день ангела, праздник, отмечавшийся в день памяти святого, именем которого был наречен человек при *крещении*. Иногда совпадал с днем рождения, который обычно не праздновали. Непременной принадлежностью именин был большой именинный *пирог*, обычно рыбный, *кулебяка*. Именины членов Императорской фамилии назывались тезоименитством.

ИМЕНИНЫ МАТЕРИ-ЗЕМЛИ — см.: **СИМОН ЗИЛОТ**.

ИНДРИК-ЗВЕРЬ, единорог, в древнерусской мифологии «всем зверям отец», подземный зверь, «ходит по подземелью, словно солнышко по поднебесью», хозяин водной стихии, источников и колодезь. Описание его дано, в частности, в «Голубиной книге».

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ (лат. *intelligentia* — понимание, познавательная сила, знание, от *intelligens* — умный, понимающий, знающий, мыслящий), общественный слой людей, профессионально занимающийся умственным, преимущественно сложным творческим трудом, развитием и распространением культуры. Термин «интеллигенция» был введен в обиход русским писателем П. Д. Боборыкиным (1860-е) и из русского перешел в другие языки.

К. Юон. Ночь. Тверской бульвар. 1909 г.

В нашей литературе много раз указывалась духовная оторванность русской интеллигенции от народа. По мнению Достоевского, она пророчески предугаана была уже Пушкиным, сначала в образе вечного скитальца Алеко, а затем Евгения Онегина, открывшего собой целую серию «лишних людей». И, действительно, чувства почвенности, кровной исторической связи, сочувственного интереса, любви к своей истории, эстетического ее восприятия поразительно мало у интеллигенции, на ее палитре преобладают две краски, черная для прошлого и розовая для будущего (и, по контрасту, тем яснее выступает духовное величие и острота зрения наших великих писателей, которые, опускаясь в глубины русской истории, извлекали оттуда «Бориса Годунова», «Песню о купце Калашникове», «Войну и мир»). История является, чаще всего, материалом для применения теоретических схем, господствующих в данное время в умах (напр., теории классовой борьбы), или же для целей публицистических, агитационных.

Известен также и космополитизм русской интеллигенции. Воспитанный на отвлеченных схемах просветительства, интеллигент естественнее всего принимает позу маркиза Позы, чувствует себя гражданином, и этот космополитизм пустоты, отсутствие здорового национального чувства, препятствующее и выработке национального самосознания, стоит в связи с всенародностью интеллигенции.

Интеллигенция еще не продумала национальной проблемы, которая занимала умы только славянофилов, довольствуясь «естественными» объяснениями происхождения народности (начиная от Чернышевского, старательно уничтожавшего самостоятельное значение национальной проблемы, до марксистов, без остатка растворяющих ее в классовой борьбе).

Национальная идея опирается не только на этнографические и исторические основания, но, прежде всего, на религиозно-культурные, она основывается на религиозно-культурном мессианизме, в который

с необходимостью отливается всякое сознательное национальное чувство. Так это было у величайшего носителя религиозно-мессианской идеи — у древнего Израиля, так это остается и у всякого великого исторического народа. Стремление к национальной автономии, к сохранению национальности, ее защите есть только отрицательное выражение этой идеи, имеющее цену лишь в связи с подразумеваемым положительным ее содержанием. Так именно понимали национальную идею крупнейшие выразители нашего народного самосознания — Достоевский, славянофилы, связывавшие ее с мировыми задачами русской церкви или русской культуры. Такое понимание национальной идеи отнюдь не должно вести к националистической исключительности, напротив, толь-

ко оно положительным образом обосновывает идею братства народов, а не безродных, атомизированных «граждан» или «пролетариев всех стран», отрекающихся от родины. Идея народности, таким образом понимаемая, есть одно из необходимых положительных условий прогресса цивилизации. При своем космополитизме наша интеллигенция, конечно, сбрасывает с себя много трудностей, неизбежно возникающих при практической разработке национальных вопросов, но это покупается дорогой ценою омертвления целой стороны души, притом непосредственно обращенной к народу, и потому, между прочим, так легко эксплуатируется этот космополитизм представителями боевого, шовинистического национализма, у которых оказывается, благодаря этому, монополия патриотизма.

Но глубочайшую пропасть между интеллигенцией и народом вырывает даже не это, поскольку это есть все-таки лишь производное различие, основным различием остается отношение к религии. Народное мировоззрение и духовный уклад определяется христианской верой. Как бы ни было далеко здесь расстояние между идеалом и действительностью, как бы ни был темен, непросвещен народ наш, но идеал его — Христос и его учение, а норма — христианское подвижничество. Чем, как не подвижничеством, была вся история нашего народа, с давившей его сначала татарщиной, с этим многовековым историческим тяглом, стоянием на посту охраны западной цивилизации и от диких народов, и от песков Азии, в этом жестоком климате, с вечными голодовками, холодом, страданиями. Если народ наш мог вынести все это и сохранить свою душевную силу, выйти живым, хотя бы и искалеченным, то это лишь потому, что он имел источник духовной силы в своей вере и в идеалах христианского подвижничества, составляющего основу его национального здоровья и жизненности.

Подобно лампадам, теплившимся в иноческих обителях, куда на протяжении веков стекался народ, ища нравственной поддержки и поучения, светили Руси эти идеалы, этот свет Христов, и, поскольку он дей-

ствительно обладает этим светом, народ наш — скажу это не обинуясь — при всей своей неграмотности духовно просвещеннее своей интеллигенции. Но именно в этом-то центральном пункте, ко всему, что касается веры народной, интеллигенция относилась и относилась с полным непониманием и даже презрением.

Поэтому соприкосновение интеллигенции и народа есть прежде всего столкновение двух вер, двух религий, и влияние интеллигенции выражается прежде всего в том, что она, разрушая народную религию, разлагает и народную душу, сдвигает ее с ее незыблемых доселе вековых оснований. Но что же она дает взамен? Она понимает их просветительно, т. е. прежде всего как развитие ума и обогащение знаниями. Впрочем, за недостатком времени, возможности и, что еще важнее, образованности у самих просветителей эта задача заменяется догматическим изложением учений, господствующих в данное время в данной партии (все это, конечно, под маркой самой строгой научности), или же сообщением разрозненных знаний из разных областей. При этом сказывается сильнейшим образом и вся наша общая некультурность, недостаток школ, учебных пособий и прежде всего отсутствие простой грамотности. Во всяком случае, задача просвещения в интеллигентском смысле ставится впереди первоначального обучения, т. е. сообщения элементарных знаний или просто грамотности. Для интеллигентских просветителей задачи эти связываются неразрывно с политическими и партийными задачами, для которых поверхностное просвещение есть только необходимое средство.

Все мы уже видели, как содрогнулась народная душа после прививки ей в значительной дозе просвещения в указанном смысле, как прискорбна была ее реакция на эту духовную опустошенность в виде роста преступности сначала под идейным предлогом, а потом и без этого предлога. Ошибочно думает интеллигенция, чтобы русское просвещение и русская культура могли быть построены на атеизме как духовном основании, с полным пренебрежением к религиозной культуре личности и с заменой всего этого простым сообщением знаний. Человеческая личность не есть только интеллект, но, прежде всего, воля, характер, и пренебрежение этим жестоко мстит за себя. Разрушение в народе вековых религиозно-нравственных устоев освобождает в нем темные стихии, которых так много в русской истории, глубоко отравленной злой татарщиной и инстинктами кочевников-завоевателей. В исторической душе русского народа всегда боролись заветы обители прп. Сергия и Запорожской Сечи или вольницы, наполнявшей полки самозванцев, Разина и Пугачева. И эти грозные, неорганизованные, стихийные силы в своем разрушительном нигилизме только по-видимому приближаются к революционной интеллигенции, хотя они и принимаются ею за революционизм в собственном ее духе; на самом деле они очень старого происхождения, значительно старше самой интеллигенции. Они с трудом преодолевались русской государственностью, полагавшей им внешние границы, сковывавшей их, но они не были ею вполне побеждены. Интеллигентское просветительство одной стороной своего влияния пробуждает эти дремавшие инстинкты и возвращает Россию к хаотическому состоянию, ее обессиливающему и с такими трудностями и жертвами преодолевавшемуся ею в истории.

Для тех, кому дорого было сокровище народной веры и кто чувствовал себя призванным его охранять,

— прежде всего, для людей церкви, — создалась необходимость борьбы с интеллигентскими влияниями на народ ради защиты его веры. К борьбе политических и культурных идеалов примешалась религиозная распря, всю серьезность которой, вместе со всем ее угрожающим значением для будущего России, до сих пор еще не умеет в достаточной степени понять наша интеллигенция. В поголовном почти уходе интеллигенции из церкви и в той культурной изолированности, в которой благодаря этому оказалась эта последняя, заключалось дальнейшее ухудшение исторического положения. Само собой разумеется, что для того, кто верит в мистическую жизнь церкви, не имеет решающего значения та или иная ее эмпирическая оболочка в данный исторический момент, какова бы она ни была, она не может и не должна порождать сомнений в конечном торжестве и для всех явном просветлении Церкви. Но, рассуждая в порядке эмпирическом и рассматривая русскую поместную Церковь как фактор исторического развития, мы не можем считать маловажным тот факт, что русский образованный класс почти поголовно определился атеистически.

Из противоречий соткана душа русской интеллигенции, как и вся русская жизнь, и противоречивые чувства в себе возбуждает. Нельзя ее не любить, и нельзя от нее не отталкиваться. Наряду с чертами отрицательными, представляющими собою симптом некультурности, исторической незрелости и заставляющими стремиться к преодолению интеллигенции, в страдальческом ее облике просвечивают черты духовной красоты, которые делают ее похожей на какой-то совсем особый, дорогой и нежный цветок, взращенный нашей суровой историей; как будто и сама она есть тот «красный цветок», напитавшийся слез и крови, который виделся одному из благороднейших ее представителей писателю Гаршину.

Рядом с антихристовым началом в русской интеллигенции чувствуются и высшие религиозные потенции, новая историческая плоть, ждущая своего одухотворения. Это напряженное искание Града Божия, стремление к исполнению воли Божией на земле, как на небе, глубоко отличаются от влечения мещанской культуры к прочному земному благополучию. Уродливый интеллигентский максимализм с его практической непригодностью есть следствие религиозного извращения, но он может быть побежден религиозным оздоровлением. Религиозна природа русской интеллигенции. Достоевский в «Бесах» сравнивал Россию, и прежде всего ее интеллигенцию, с евангельским бесноватым, который был исцелен только Христом и мог найти здоровье и восстановление сил лишь у ног Спасителя. Это сравнение остается в силе и теперь.

С. Н. Булгаков

ИОАНН БОГОСЛОВ (народное название — **Иван Путник, Иван Долгий, Иван Пшеничник**), апостол из 12-ти, евангелист (ск. ок. 105–106), согласно церковному преданию, сын Зеведея и Саломии — дочери св. Иосифа, обручника Девы Марии. Иоанн вместе со своим братом Иаковом был призван Иисусом Христом, и оба брата тут же последовали за Господом. Ап. Иоанн был особенно любим Иисусом Христом. Вместе с Иаковом и ап. Петром св. Иоанн был свидетелем Преображения Иисуса Христа. Он присутствовал и во время крестных страданий Господа. Перед своей смертью Иисус Христос поручил Иоанну заботиться о Пресвятой Богородице, Которой апостол служил вплоть до Ее *Успения*,

Тихон Филатьев. Иоанн Богослов в молчании. Икона. 1686 г. Художественный музей

не отлучаясь из Иерусалима. После Успения Матери Божией ап. Иоанн направился в малоазийский город Ефес, проповедовать в котором ему выпало по жребию. Во времена гонения имп. Нерона св. Иоанн был приговорен к ссылке на остров Патмос в Эгейском море. Здесь вместе со своим учеником св. Прохором апостол провел несколько лет. На Патмосе Иоанном было написано «Откровение» (Апокалипсис), в котором раскрыты тайны судеб мира. По возвращению в Ефес св. Иоанн написал Евангелие. В Новом Завете ему также принадлежат три послания, в которых он проповедует любовь к Богу и ближним. «Апостолом любви» именует св. Церковь Иоанна Богослова. Прожив более 100 лет, Иоанн просил учеников своих похоронить его. Раскрыв спустя некоторое время могилу апостола, ученики не нашли его тела, таинственным образом взятого Господом. В древности на могиле св. Иоанна каждый год, 8/21 мая, выступал тонкий слой праха, приносивший исцеления. В память об этом чуде Церковь установила празднование в этот день. Кроме того, память Иоанну Богослову отмечается 26 сент./9 окт. (Преставление) и 30 июня/13 июля (в Соборе Святых Апостолов). Иоанн Богослов был одним из самых почитаемых святых в русском народном сознании.

В день весеннего празднования св. Иоанна Богослова крестьяне начинали сеять пшеницу. Перед началом этого дела пеклись особенные *пироги*, называемые обетными, которые главным образом назначались для неимущих и странников. С этими пирогами хозяева выходили на перекрестки дорог и усердно молились Богу, чтоб он послал им какого-либо доброго человека разделить трудовой хлеб. Если при этом попадался какой-нибудь бедняк или странник, они считали это для себя счастьем и милостью Божией; в противном случае они с печалию и чуть ли не со слезами возвращались домой и верили, что на них за что-то прогневался Бог, и тогда

вся семья встречала своего домохозяина с горем, и все вместе, погрузившись до слез и не касаясь обетного пирога, отдавали его на съедение птицам.

Во многих местах Северо-Западной Руси день Иоанна Богослова чествовали под именем «Николина Бацки», т. е. Николина отца. Основанием такому наименованию послужило отчасти то, что за этим днем непосредственно следует день свт. *Николая Чудотворца*, отчасти, быть может, внутреннее сродство обоих угодников Божиих по делам любви к ближнему. В этих делах свт. Николай следовал учению и примеру Иоанна Богослова, как сын следует наставлениям и примеру родного отца.

Иоанн Богослов среди русского народа почитался наставником живописного иконного дела. В «Сказании о святых» ему полагалась особая молитва об изучении иконного дела. В русских прописях и азбуковниках XVII в. содержались стихи ап. Иоанну как учителю иконной живописи.

По народному убеждению, Иоанн Богослов есть Божий путник. Потому обращались к нему крестьяне, в дальний путь отправляющиеся, за наставлениями. Просили в дороге помогать, от злых недугов охранять. «Иван — на то и путник, что все пути-дороги знает и добropорядочному человеку все расскажет-объяснит, все тайные тропы раскроет, прямые дороги покажет, верные направления укажет».

ИОАНН ВЛАСАТЫЙ, Милостивый, Ростовский, Христа ради юродивый († 3.09.1580), происхождения его

Иоанн Власатый. Икона. XIX в. Ростов Великий

никто не знал. С собой он носил и постоянно читал латинскую Псалтирь — поэтому думают, что он был иностранцем. Пристанища святой не имел, но иногда заходил к своему духовному отцу, священнику Всехсвятской церкви — Петру и к одной благочестивой вдове. Был св. Иоанн в общении с блж. *Иоанном Московским*, по прозвищу «Большой Колпак». Св. Иоанн был погребен при церкви св. Власия, причем были знамения: гроза и буря. На могиле блаженного происходили исцеления. С 1761 мощи его почивают под спудом в церкви *Толгской* иконы Божией Матери. До 1917 на гробнице лежали его кипарисовый крест и пергаментная латинская Псалтирь.

Память блж. Иоанну отмечается 12/25 нояб, 3/16 сент. и 23 мая/5 июня в Соборе Ростово-Ярославских святых.

ИОАНН ВОИН (IV в.), святой мученик, служил в войске римского имп. Юлиана Отступника, преследовавшего христиан. Внешне изображая из себя гонителя, св. Иоанн на самом деле старался помочь христианам, предупреждал их о грозящей опасности. В конце концов императору стало известно о тайной деятельности святого — и он был брошен в темницу. После смерти императора святой получил свободу. Оставшуюся жизнь он провел в святости и умер в глубокой старости. Скромная могила его была затеряна. Но святой явился одной благочестивой женщине и указал ей место своего погребения. Мощи св. Иоанна Воина с честью были положены в Константинопольском храме св. ап. Иоанна Богослова.

Мч. Иоанн Воин, с житием. Икона (средник). 1-я треть XVIII в. (средник). КМЗ «Ипатьевский монастырь»

Особенно широко почитание св. Иоанна Воина было распространено в Малороссии. В этой российской стороне крестьяне обращались к святому с особыми молитвами. Обворует ли кто, и есть подозрение на вора, — служат св. Иоанну Воину молебны, и воры так боялись святого, что нередко сознавались в своей вине; народ поэтому называл его карателем воров. Обидит ли кто — в этом случае тоже обращались к Иоанну Воину и отправляли ему молебны о защите от всех напастей и обидчиков. В «Сказаниях о святых» этому угоднику полагалась особая молитва об обрете-нии украденных вещей и бежавших слуг. В Прологе об этом угоднике читается, что он «изряднее рабом ух-дства удерживает, татьбы извещает и уличение яве творит». Церковь не запрещала молитв к св. Иоанну Воину, в которых русские люди просили его об избавлении от ненавидящих и обидящих, от всех врагов видимых и невидимых. В Киевском Софийском соборе находилась икона св. Иоанна Воина с молитвой и кондаком этому угоднику. В первой было написано: «О великий заступниче и угодниче Христов Иоанне Воинственниче! Помилуй раба твоего, сушаго в бедах, и скорбех, и во всякой злой напасти, и сохрани от всякого зла, заступи от обидящаго человека. Тебе бо дана бысть тако-вая благодать от Бога». Или же в кондаке говорится: «О великий и всемилостивый страдальче Иоанне, дивный и страшный, небеснаго Царя воине! Приими моление от раба твоего и от настоящаго беда, от лукаваго чело-века, от злаго хищения и будущаго мучения избави мя, верно вопиюща Ти аллилуя».

Память мч. Иоанну отмечается 30 июля/12 авг. **ИОАНН КАЗАНСКИЙ**, мученик (ск. 1529), во время набега на Кострому татары увели в плен юношу Иоанна. В плену они тщетно пытались совратить его при-нять исламскую веру, но святой все ночи проводил в молитвах и был непоколебим. Тогда татары отвели его на кладбище и там, после жестоких пыток, решили

Мч. Иоанн Казанский. Икона. XIX в.

отрубить ему голову. Однако им это не удалось и они ушли, бросив мученика замертво на снегу. Когда он остался один, руки его сами развязались, а снег растаял вокруг него. Св. Иоанн встал, пошел к послу вел. кн. Московского в Казани и рассказал все о себе. В ту же ночь он скончался, напутствованный Святыми Христовыми Таинами. Погребли его на русском кладбище.

В 1592 свт. *Гермоген* ходатайствовал о канонизации мч. Иоанна.

Память мч. Иоанну отмечается 24 янв./6 февр.

ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ (в миру **Сергиев Иван Ильич**) (19.10.1829–20.12.1908), протоиерей Андреевского собора в Кронштадте, духовный писатель и мыслитель, святой праведный, один из самых выдающихся выразителей русского образа жизни. Открыто свидетельствовал с амвона православному народу о грядущем

Св. прав. Иоанн Кронштадтский

суде Божиим над Россией. Родился праведный в семье псаломщика с. Суры Пинежского у. Архангельской губ. Приход был бедный, так что в детстве о. Иоанна даже священные сосуды в храме были оловянные. С детства Ваня полюбил молитву, Божий храм и постоянно ходил с отцом к богослужениям. Уже в те ранние годы о. Иоанн ощущал живо потусторонний духовный мир и в шестилетнем возрасте сподобился увидеть своего ангела-хранителя. Тогда же его начали учить грамоте, но она долго ему не давалась, так что, когда в 1841 его отдали в Архангельское духовное училище, то он с трудом читал по складам. В школе также учение шло туго, и Ваня долго был в числе самых плохих учеников. В этой беде обратился он с горячей молитвой к Господу и был услышан. Вот как он сам об этом рассказывает: «Ночью я любил вставать на молитву. Все спят, тихо. И вот как сейчас помню: все улеглись спать, не спалось только мне. Я по-прежнему ничего не мог уразуметь из

пройденного, по-прежнему плохо читал, не понимал и не запоминал ничего из рассказанного. Такая тоска на меня напала. Я упал на колени и принялся горячо молиться. Не знаю, долго ли я простоял в таком положении, но вдруг точно потрясло меня всего. У меня точно завеса спала с глаз, как будто раскрылся ум в голове, и мне ясно представился учитель того дня, его урок. Я вспомнил даже, что и о чем он говорил. И легко и радостно стало на душе. Никогда не спал я так спокойно, как в эту ночь. Чуть светало, я вскочил с постели, схватил книги и — о счастье, читаю гораздо легче, понимаю все, а то, что прочитал, не только что понял, а хоть сейчас и рассказать могу. В классе мне сиделось уже не так, как раньше, — все понимал, все оставалось в памяти. Дал учитель задачу по арифметике — решил, и учитель похвалил меня даже. Словом, в короткое время я подвинулся настолько, что перестал уже быть последним учеником». В 1845 Ваня перешел в духовную семинарию, которую кончил первым учеником и был отправлен в С.-Петербургскую духовную академию, куда был принят на казенный счет. Во время пребывания его в Академии умер его отец, а мать с двумя дочерьми осталась в очень тяжелом положении. Очень печалился молодой студент, что не может им помочь, и молил Бога дать ему эту возможность. Молитва его была услышана; в правлении Академии освободилось место письмоводителя, которое было ему предложено. Студент Сергиев с радостью взял на себя эту должность, а получаемое вознаграждение отсылал матери. Быстро прошли четыре года; на последнем — четвертом курсе крепко задумался Иван Ильич, какой жизненный путь ему избрать по выходе из Академии. Одно время думал он принять монашество и ехать миссионером в Восточную Сибирь или в Китай. В то же время ему рисовались картины деятельности на пользу ближних в сане священника на приходе: видел он, что даже в столице и ее окрестностях множество людей нуждаются в христианском просвещении и духовном руководстве. Горячо молился молодой студент Господу, да укажет Он правильный путь. И вот однажды после горячей молитвы увидел он себя священником, служащим в незнакомом храме. Он принял этот сон как указание свыше, что надо избрать поприще приходского иерея. Решение было принято: надо себя отдать всецело этому делу. Но Иоанн с детства видел, как трудно клирику совместить служение Церкви Божией с заботами о семье. А каноны церковные не разрешают неженатого посвящать во иереи моложе сорока лет. Тогда Иоанн решил найти такую подругу жизни, которая согласилась бы на сохранение целомудренной жизни и после вступления в брак, что и было осуществлено: вступив в брак, он всю жизнь в согласии с супругою провел как безбрачный. 12 дек. 1855 Иван Ильич был рукоположен во иереи и получил назначение на место третьего священника в Андреевский собор г. Кронштадта. Когда о. Иоанн первый раз вошел в этот храм, он был поражен: он увидел тот самый храм, который недавно видел во сне. Так закончился первый период его жизни, подготовительный к прохождению подвига служения на приходе. Первое руководство в праведной жизни о. Иоанн получил в семье и в своем приходском храме. Семья и храм сохранили в ребенке благодатные дары, получаемые каждым православным христианином в Таинствах Крещения и Миропомазания, и заложили твердые основы благочестивой жизни во время прохождения им духовной школы. Эта школа — училище,

семинария и для некоторых Академия — образовала целый сонм выдающихся церковных деятелей, из которых многие прославились святостью.

Кронштадт — город, расположенный в 25 верстах от Петербурга на о. Котлине, состоит из двух частей. Одна часть представляет собою морской порт и крепость. Население ее исключительно военное. Духовные нужды этой части города обслуживались военно-морским духовенством. Вторая часть — обычный уездный город, в который выселяли за неблагоприятные поступки и дурное поведение из столицы. Жили эти насельники в жалких, грязных домишках, предаваясь пьянству, разврату и терпя всяческие лишения. Ютилась эта беднота по окраинам города, куда было опасно заходить в темные вечера и ночи. Однажды там сняли шубу с плеч у самого о. Иоанна. До приезда его в Кронштадт духовенство мало сюда заглядывало и ничего не предпринимало для нравственного оздоровления этих жалких трущоб. О. Иоанн стал постоянным посетителем этих мест, стремясь утешать тела и души, кормя голодных, одевая нагих, утешая скорбящих, исправляя заблудившихся. Все свои доходы батюшка раздавал нуждающимся, а иногда даже с себя снимал одежду и обувь. Поначалу его встречали здесь с недоверием и даже враждебно. Он этим не смущался, говоря: «Злые люди — больные, а больных нужно жалеть больше, чем здоровых». Силу для несения своего пастырского подвига о. Иоанн находил в ежедневном служении литургии: это он соблюдал всю свою долгую жизнь. Совершаемые им богослужения всегда были проникнуты благоговейным устремлением к присутствующему невидимо Господу и непоколебимой верой, что Он, Всемилостивый, слышит молитву и непременно ее исполнит. В первые годы пребывания своего в Кронштадте о. Иоанн во многих вызывал образом своей жизни недоумение, недоверие к своей искренности и слышал даже обвинения в лицемерии, притворстве, в искании славы. Но постепенно народ стал убеждаться, что к ним пришел праведник, всем сердцем любящий Бога и ближних. С осторожностью, но все чаще стали говорить, что по его молитве Господь творит чудеса. До о. Иоанна доходили слухи о такого рода судениях и приводили его в сильное смущение. К этому времени относится его переписка с еп. Феофаном и посещение его посланною из Саровской пустыни Дивеевскою подвижницею, которая от лица прозорливых старцев, подвизавшихся в то время в Сарове, убедила его смело продолжать начатое служение на пользу ближних, которое угодно Богу. Эти сношения с праведниками, глубоко чтимыми о. Иоанном, рассеяли его колебания и сомнения, и он еще с большею ревностью продолжал откликаться на просьбы о помощи, шедшие уже не только от прихожан Андреевского собора, но со всех концов Русской земли.

О. Иоанн ясно сознавал значение православных приходов и монастырей и поэтому отдал много сил на сооружение в Кронштадте очень полезных приходских учреждений, а именно Дома трудолюбия и Странноприимного дома. Он устроил также два женских монастыря — один в Петербурге, другой у себя на родине в Сурском Погосте. Щедрой рукой он раздавал средства на сооружение и украшение храмов в разных местах России. Вместе с этим он побуждал приходских священников, как своим примером, так и дружескими беседами, к ревностному прохождению пастырского служения. Этим он внес в души многих пастырей и архипастырей огонь ревности о Боге и ближних.

Масштаб боговдохновенной личности о. Иоанна Кронштадтского явственно прорисовывается по его пророческим проповедям и составленным им молитвам, из которых ясно видятся грядущие события в России вплоть до наших дней.

Очевидцы подтверждают, что в 1903 святой говорил с амвона: «Уже близко время, что разделится народ на партии, восстанет брат на брата, сын на отца, отец на сына и прольется много крови на Русской земле. Часть русского народа будет изгнана из пределов России; изгнанники вернутся в свои родные края, но не так скоро, своих мест не узнают и не будут знать, где их родные похоронены». Для наших современников наиболее прискорбно то, что богоборцы до неузнаваемости изменили не только русский пейзаж, но и сам оставшийся под их властью 74 года русский народ. О сем также имеется предсмертное пророчество о. Иоанна (1908): «Русский народ и другие населяющие Россию племена глубоко развращены, горнило искушений и бедствий для всех необходимо, и Господь, не хотящий никому погибнуть, всех пережигает в этом горниле» («Новые слова»).

Будучи изранен врагами Христовыми в 1905 и лежа на ложе болезни и смерти своей, о. Иоанн Кронштадтский составил и записал в своих последних книгах немало молитв о России, которые не мешают употреблять и современным православным христианам. Из слов Государя видно, что эти молитвы находились в непрестанным употреблении до самой его смерти:

1) Господи, спаси народ Русский, Церковь Православную, в России погибающую: всюду разврат, всюду неверие, богохульство, безначалие! Господи, спаси Самодержца и умудри его! Господи, все в Твоих руках, Ты — Вседержитель.

2) Отче наш, Иже еси на небесах! Да святится Имя Твое в России! Да будет воля Твоя в России! Ты насади в ней веру истинную, животворную! Да будет она царствующей и господствующей в России, а не уравненной с иноверными исповеданиями и неверными. Да не будет сего уравнивания с неравными, истинного исповедания не имеющими! Истина не может быть сравнена с ложью и правда веры с неправыми исповеданиями: «Истина Господня пребывает во век» (Пс. 116; 2).

3) Господи всемогущий, всеблагий, премудрый Царь царств земных. Устрой и утверди Русское Царство с Русскою Православною Церковью на непоколебимом Камне, Каковой еси Ты, Иисусе Христе, Боже наш! Покори, Господи, все народы, составляющие Россию, Тебе — верховному и единственному Главе Церкви Своей. Да не поколеблют Державы Российской инородцы и иноверные и инославные! Сохрани целостность Державы и Церкви всемогущею Твоею Державою и правдою Твоею! Господи, умиротвори Россию ради Церкви Твоей, ради нищих людей Твоих, прекрати мятеж и революцию! Святое воинство Небесной Церкви, ополчись, ополчись за Церковь Божию, на земле сухую: бедствует Она, возлюбленная Невеста, нападения лютыя терпит. Ей, Господи, даруй восторжествовать всячески Церкви Твоей над всеми безчисленными Ея врагами. Аминь («Созерцательное подвижничество»).

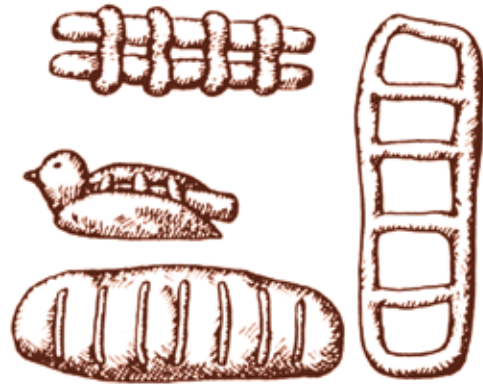
Еще до опубликования пророчества прп. Серафима Саровского об убийстве Царской Семьи в 1890 св. Иоанн Кронштадтский предрек это событие. Когда к нему под благословение подошли кунгурские паломники Пермской губ., он прорек им, что над Пермью висит черный крест. Совершенное через 28 лет злодеяние действительно имело место в их губернии.

Будучи уже смертельно больным, пред кончиной, о. Иоанн предрек в Леушинском женском монастыре (СПб.): «Кайтесь, кайтесь, приближается ужасное время, столь ужасное, что вы и представить себе не можете!» Он не говорил, а кричал, подымая руки кверху. Впечатление было потрясающее, ужас овладел присутствующими, в храме раздавались плач и рыдания. 80-летняя игуменья Таисия спросила у святого, когда же это будет? О. Иоанн отвечал ей: «Мы с тобой, матушка, не доживем, а вот они, — он указал рукой на монахинь, — доживут».

Обращаясь к русским людям, Иоанн Кронштадтский говорил: «Помните, что Отечество земное с его Церковью есть преддверие Отечества небесного, потому любите его горячо и будьте готовы душу свою за него положить... Господь вверил нам, русским, великий спасительный талант Православной веры... Восстань же, русский человек! Перестань безумствовать! Довольно! Довольно пить горькую, полную яда чашу — и вам, и России».

Память праведному Иоанну отмечается 20 дек./2 янв. **ИОАНН ЛЕСТВИЧНИК (Иван Лествичник)**, день празднования прп. Иоанна Лествичника, 30 марта/12 апр. По русскому обычаю, в день памяти Иоанна Лествичника пекли обрядовое печенье в виде лестницы в 12 ступенек (по числу месяцев в году). Такая лестница предназначалась для восхождения на небо, для каждого члена семьи выпекалась отдельная лесенка. Считалось, что какая ступенька в печи обгорит — в тот месяц беды жди и будь готов ей противостоять.

Молодежь в этот день выходила на улицу и подвешивала лесенки на деревья повыше, к небу поближе. А иногда подбрасывали их вверх: чья лесенка выше взле-

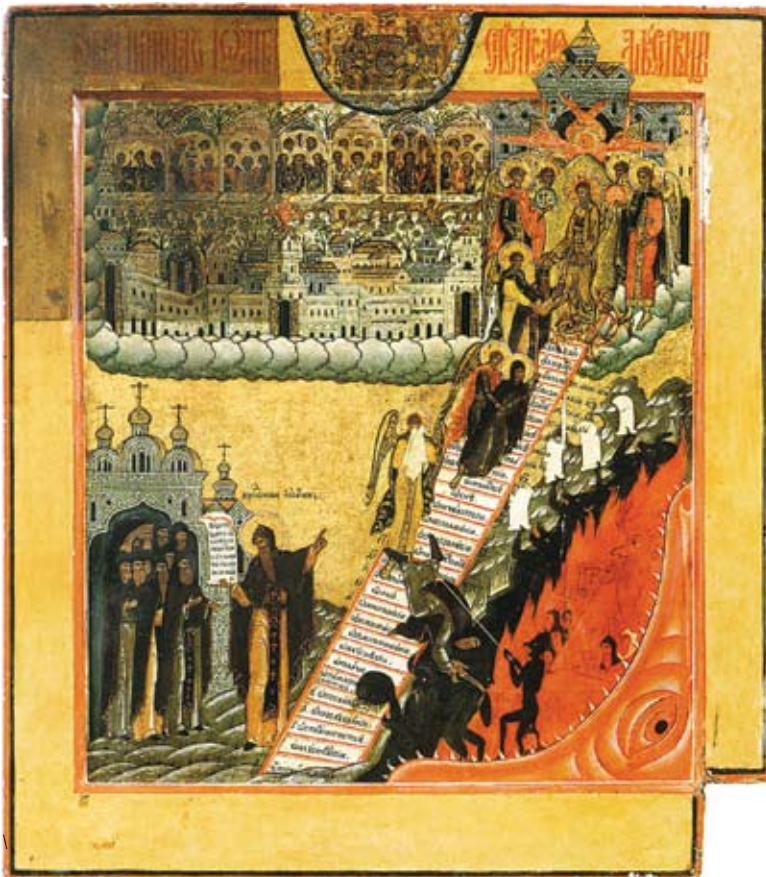
Хлебы-лесенки, по народным поверьям помогающие Христу подняться на небо

тит, «тому и счастья больше привалит». Если какая ступенька при падении сломается — то это к несчастью. Поэтому старались кинуть лесенку вверх так, чтобы она, падая, не разбилась о землю.

Хлебное печенье в виде лестницы в этот день окропляли святой водой в церкви; часть этого печенья оставляли в церкви, часть раздавали нищим.

Крестьяне верили, что на Ивана Лествичника, пока не запоет петух, домовый бесится. Они говорили так: «Домовому пришла пора на ведьме жениться, да негде им поселиться, вот они и пытаются к человеку в дом или к скотине в хлев забраться. Поэтому нельзя по двору ходить, да и к окнам люди не подходят. А не досмотришь, оставишь ворота открытыми, окна не прикрытыми — ворвется нечистая сила, коров-лошадей загубит, даже собак покусает, сани-телеги по двору разбросает».

ИОАНН РУССКИЙ, исповедник (к. XVII в. — 27.05.1730). Родился и вырос в Малорос-

Видение прп. Иоанна Лествичника. Икона. Кон. XVIII — нач. XIX в. Верхнее Поволжье. ГРМ

Иоанн Русский. Икона. XIX в. Греция

сии. Попал в турецкий плен во время Прутского похода 1711 как солдат русской армии Петра I. Был увезен в Малую Азию в г. Прокоплон своим рабовладельцем. Его, как и других русских пленников, турки всячески старались обратить в мусульманство, действуя при этом и посулами, и угрозами. Св. Иоанн стойко исповедовал свою веру, говоря: «Я родился христианином, христианином и умру». Стойкостью его был поражен даже хозяин-рабовладелец. К счастью святого, недалеко находился греческий православный храм, куда ночами устремлялся прав. Иоанн и на паперти храма молитвенно простаивал вплоть до зари. Он был похоронен на православном кладбище, но местный священник чудесным образом получил извещение, что мощи праведника нетленны. Их перенесли в храм и положили в отдельной раке. Множество чудес стало происходить от святых.

Память прав. Иоанну отмечается 27 мая/9 июня.

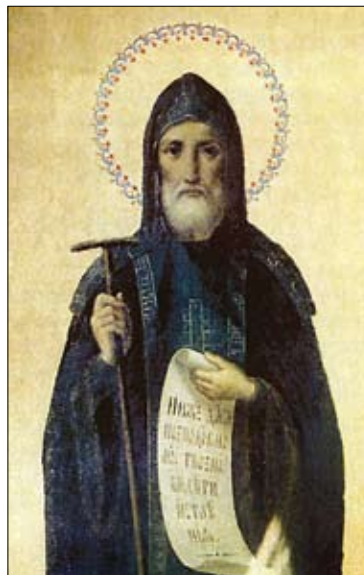
ИОВ ПРАВЕДНЫЙ, народное название дня свт. Иова, патриарха Московского и всея Руси, 19 июня/2 июля.

Многие крестьяне считали, что в этот день все невинно обогнанные и оклеветанные должны молиться св. Иову, чтобы он открыл всем правду. «Если на человека какая кривда-неправда неожиданно свалится, если кто его оклеветает понапрасну или облыжно в чем-либо обвинит, надо обратиться к Иову Праведному, и все напрасные обвинения с человека спадут. Ведь Иов потому и называется Праведным, что, будучи патриархом Московским, отказался признать в Лжедмитрии невинно убиенного царевича Дмитрия — сына Ивана Грозного. Так что многие, особенно девицы, ждали этого дня и говорили: «Погодите напраслине верить. Вот придет Иов Праведный и всю правду покажет, и злых наветников накажет». «На тебя — навет, а Иов Праведный скажет: «Нет», — говорили крестьяне. «С небылью к Иову Праведному приди, он на чистую воду всех выведет».

Патриарх Иов Московский. Икона. XIX в. Москва

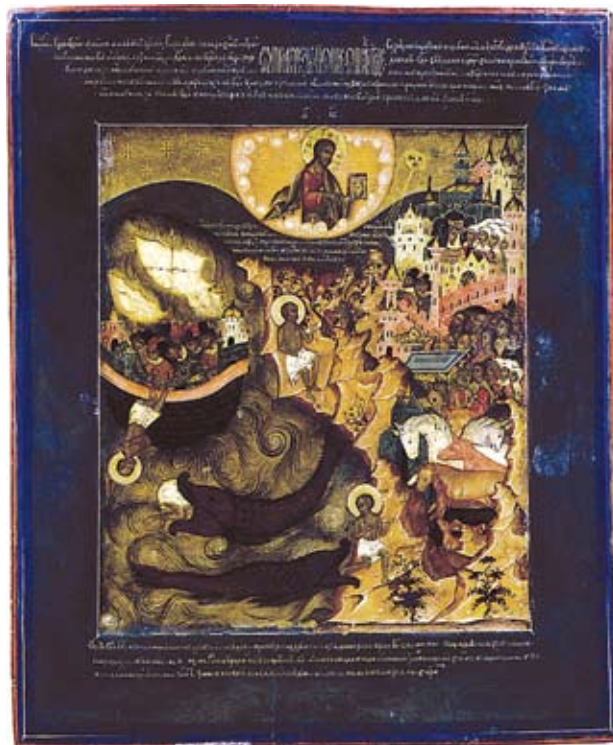
ИОВ РОСЕННИК (Иов Горошник, Иов и Денис Росенники), народное название дня прп. Иова Многогрудального, и прп. Иов Почаевский 6/19 мая.

Иов Почаевский. Икона. XX в. Волынь

По древним русским поверьям, роса в этот день обладает целебной силой. Женщины собирали ее в специальные сосуды, чтобы использовать как лекарство. Больным людям в этот день предлагали пройти босиком по траве и даже покатаются по ней — «искупаться в росе». Женщины молились Иову Росеннику, чтобы росы было больше. В этот день начинали сеять горох и продолжали посадку огурцов.

ИОНА, народное название дня прор. Ионы 22 сент./5 окт. В этот день не ели рыбы в память о пребывании Ионы в чреве кита.

Деяния пророка Ионы. Икона. 1-я пол. XVII в. ГРМ

День этот назывался в некоторых местах *Фока Листодер*.

ИОРДАНЬ, прорубь на реке или озере для совершения обряда водосвятия в праздник *Крещения Господня*. Имела форму креста, иногда над иорданью ставился киворий, или беседка. Существовал обычай окунаться в иордань, особенно у людей, родившихся в *Святки*, чтобы смыть *грехи* и хвори. Считалось, что ружье, заговоренное на иордани, не дает промаха.

ИОСИФ, священномученик, митрополит Астраханский и Терский (1597–11.05.1672), родился в Астрахани; принял в молодости монашество в астраханском Троицком монастыре, он был здесь игуменом, затем архимандритом, а в 1659 был посвящен в архиепископа Астраханского,

Сщмч. Иосиф, митрополит Астраханский

па Астраханского, в 1667 возведен в сан митрополита; во время бунта Степана Разина на Волге и после взятия им Астрахани митр. Иосиф уговаривал граждан не признавать Разина, за что и был по его приказанию замучен. Предание рассказывает, что когда банды Разина, взяв Астрахань, окружили собор, они потребовали, чтобы митрополит вышел к ним. Он

же велел звонить в большой колокол, чтобы собралось все духовенство, сам облачился и в сопровождении духовенства пошел в круг. Казаки сказали: «Почему ты пришел с крестом? Мы тоже христиане, а ты приходишь, точно мы еретики!» Его обвинили в сношениях с казаками, отделившимися от Разина, но он отвечал, что это ложь. Они потребовали, чтобы он разоблачился; он же понял, что его ждет, и сказал протодиакону с полным спокойствием: «Отчего ты не разоблачишь меня? Уже пришел час мой». И когда его разоблачили, казаки взяли его, повели на пытку и бросили на раскаленные угли. Ряса его загорелась. Казаки сорвали ее и стали его пытать. Митрополит же молчал и молился. Потом его повели на крышу собора (на скат) и поставили на край, и он упал и сейчас же убился, и, когда он был уже на земле, раздался страшный шум и стук, и великий страх напал на всех, и долгое время, минут 20, разбойники стояли повесив головы, не смея взглянуть один на другого, так они испугались. Но когда сбегалось в слезах духовенство, они разогнали его. Через час все же отдали им тело священномученика. Священники же перенесли его в собор, омыли раны и облачили в святительские одежды. Все было сделано по уставу и церковным правилам. В 6 часов начался погребальный звон, а в 10 часов святитель уже был погребен внутри собора. Отставной стрелец Иван Глухой показал, что у него была больная нога. В ночь, когда св. Иосиф упал с крыши, он почувствовал, что его тянут за ногу. Он встал и увидел, что на крыше собора горят 3 большие свечи, а посередине — огромное пламя с искрами поднимается к небу. Он в эту ночь вставал 9 раз и всякий раз видел это чудо. К утру же нога его исцелилась. И другие люди видели в эту ночь то же чудо.

Митр. Иосиф канонизирован в апр. 1918. Память его празднуется 11 мая.

ИОСИФ ВОЛОЦКИЙ, преподобный (1439–9 [22].09.1515), духовный вождь русских людей в борьбе с ересью жидовствующих, богослов, духовный писатель.

Мирское имя прп. Иосифа — Иван Санин. Род Саниных вышел из Литвы и осел в Волоколамском

Прп. Иосиф Волоцкий. Икона. Кон. XVII — нач. XVIII в. ГИМ

княжестве в д. Спировской, ставшей их родовой вотчиной. Будучи 20 лет от роду, Иван поступил в Рождества Богородицы Боровский монастырь в послушание св. старцу Пафнутию. Вскоре в этом же монастыре был пострижен и его отец, которого разбил паралич. С благословения старца юный инок Иосиф принял на свое попечение родителя, за которым неотступно ухаживал до самой его кончины в течение 15 лет.

Мать Иосифа тоже постриглась и стала монахиней Мариной женского Волоколамского монастыря. Вслед за родителями ушли в монастырь и оставшиеся дети, кроме одного. Среди ближайшей родни Иосифа насчитывается 14 мужских имен монашествующих (и лишь одно мирское) и 4 женских — все монашеские.

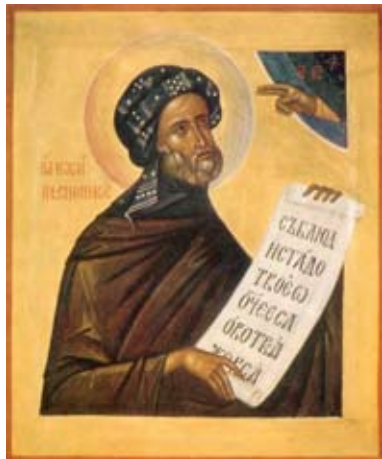
По смерти своего учителя, прп. Пафнутия, игуменом монастыря стал прп. Иосиф. Он хотел ввести более строгий устав, который для братии оказался непосильным. Тогда Иосиф покинул Боровец и со своими единомышленниками в 20 верстах от Волоколамска учредил монастырь, который скоро получил известность своим высоким иноческим уставом, аскетической строгостью монашеского общежития.

Иосиф Волоцкий сыграл огромную роль в истории Русской церкви, объединив всех верных в борьбе с ересью жидовствующих. Преподобный активно выступал против нестяжателей за сохранение монастырского землевладения. Его активное вмешательство на Соборе 1503 позволило разбить попытки *Нила Сорского* и Паисия Ярославова добиться отмены решения об отобрании монастырских земель в пользу вел. князя.

Преподобный оставил после себя обильное духовное наследие. Он, несомненно, — самый плодовитый автор своего времени. До и после него среди русских духовных писателей мало было людей столь начитанных, как он, и — что еще важнее — так умевших пользоваться своей начитанностью для себя и для др. До нас дошли от него более 20 посланий к различным лицам по моральным и богословским вопросам, кро-

ме того Устава, которым он наделил свой монастырь и, наконец, 16 речей («Слов») против жидовствующих, которые составили сборник под общим заглавием «Просветитель».

Соч.: Просветитель или обличение ереси жидовствующих: Творение преподобного отца нашего Иосифа, игумена Волоцкого. Казань, 1857 (переизд.: 1904); Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959; Слово об осуждении еретиков Иосифа Волоцкого//Памятники литературы Древней Руси: к. XV – 1-я пол. XVI в. М., 1984; Послание Иосифа Волоцкого кн. Голениной//Там же. **Иеромонах Иоанн (Кологривов) ИОСИФ ПЕСНОПИСЕЦ (Иосиф, Смотрины ольховые)**, народное название дня прп. Иосифа, Песнописца Сицилийского, 4/17 апр.

Иосиф Песнописец. Икона XX в. Москва

К этому дню зацветала ольха. По обычаю, девушки выходили смотреть, как она цветет. Пчеловоды заранее готовились к этому дню, чтобы выпустить из ульев пчел. В это же время начинал петь домашний сверчок. Курлыкали журавли, возвращавшиеся с юга. В некоторых областях России у крестьянок было

принято при пении журавлей выходить на ниву и семь раз кувыркнуться или покататься с боку на бок, заговаривая свою спину, чтобы она в страдную пору не болела.

ИПАТ (Ипатий, Беды с домовым, Огнище), народное название дня св. мч. Ипатия Гангрского (ск. ок. 326) и прп. Ипатия Печерского (XIV), 31 марта/13 апр.

Свт. Ипатий Гангрский. Икона. Кон. XVIII — нач. XIX в. Ветка. ГРМ

По народным преданиям св. Ипатий Печерский считался покровителем плодородия. Ему молились женщины, не способные к деторождению, а также роженицы, у которых пропадало грудное молоко. Особо ему молились о разрешении «неплодства и бесчадия».

Крестьяне считали, что в этот день с раннего утра до ночи бесятся *домовые*, не узнавая своих хозяев. Они злобствуют, чтобы извести всех домашних и даже разрушить дом. Поэтому следовало усердно молиться Ипатию Печерскому, чтоб он защитил от беснования домового. С заходом *солнца* многие крестьяне не выходили во двор, запирали весь скот и даже не подходили к окну.

В этот же день с древности соблюдался обряд огнища в память о тех временах, когда крестьянам, чтобы создать пашню, приходилось вырубать и сжигать леса. Из дома выносили горящие головешки и угли, раскладывали их на поле и грядках, а затем поджигали от домашнего очага. Возникший костер считали очистительным *огнем*, через который проносили орудия труда, сохи и бороны.

Д. К. ИРИНА РАССАДНИЦА (Арина Рассадница), народное название дня св. мц. Ирины, 16/29 апр. У русских была известна под именем Рассадницы, т. к. в день ее памяти сельские хозяйки сеяли в посадах и срубках *капусту* для рассады. Крестьяне говорили: «Арины — урви берега», «Ирина — разрой берега», намекая на обрывы речных берегов, происходящие вследствие весенних стоков воды и особенно обнаруживающиеся после ее оттока.

Кроме этого дня Ирины существовал еще один день, называемый в народе Ирина (Арина) Рассадница, 5/18 мая. Хотя это были разные святые мученицы, но в народном сознании они остались как единый образ Ирины Рассадницы. Если на апрельскую Ирину рассадку высаживали в домах, то на майскую Ирину выросшую рассадку высаживали в почву.

ИРЬЕ (Ирий-сад, Ирий, Ирей, Вырье, Вырай, Вырий-сад), древнее название *рая* в Древней Руси, сказочный, загадочный край, волшебное царство, блаженная теплая страна, куда на зиму уходят птицы, змеи и другие пресмыкающиеся. В «Поучении» Владимира Мономаха говорится, что «птицы небесные из ирья идут».

По древним поверьям, эта блаженная страна — солнечный край — находится по ту сторону облаков у самого моря. В ней царит вечное лето, она предназначена для будущей жизни хороших и добрых людей. Их здесь ждет вечное блаженство, а время для них перестает существовать.

Посреди ирья растет *мировое дерево* — береза или дуб. Над его вершиной обитают птицы и души умерших,

В. Корольков. «Небесное царство Ирий»

страдающих за свою зло прожитую жизнь. Добрым же определено место внизу, возле колодцев с чистой ключевой водой, вокруг которых растут прекрасные цветы, зреют на ветках молодильные яблоки и сладко поют райские птицы.

О. Платонов

ИСАКИЙ ЗМЕЕВИК (Змеиный праздник), народное название дня прп. Исаакия Далматского, 30 мая/12 июня. По поверью, в этот день змеиный праздник. Все змеи из разных щелей в одно место собираются на свадьбу, которую ведет семиглавый змей-дракон. Считалось, что в этот день в лес лучше не ходить, т. к. можно на змеиную свадьбу попасть, а тогда живым домой не вернешься. На улицу выходили только мужики в крепких сапогах.

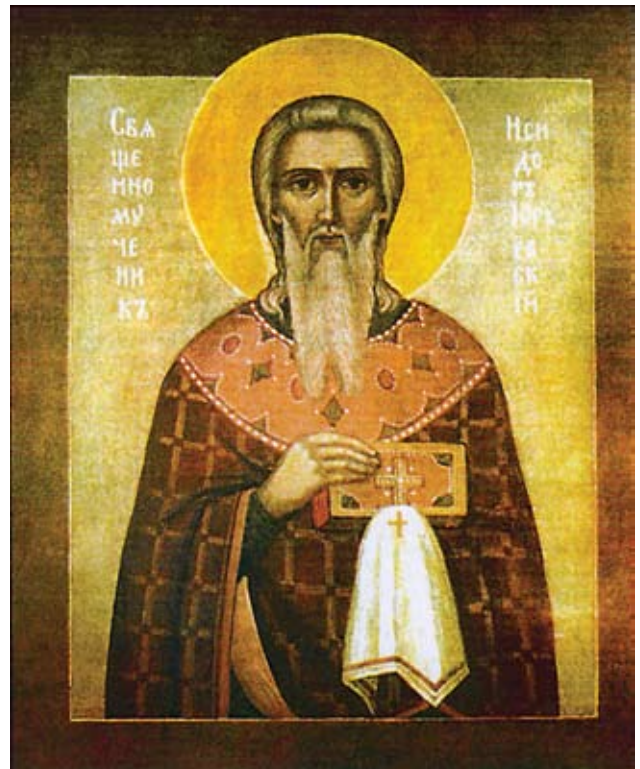
ИСАКИЙ МАЛИННИК (Исаков день, Исакий и Антон, Антон Вихревей, Исакий Вихревей), народное название дня прп. Исакия, Далмата и Фавста (IV–V вв.) и прп. Антония Римлянина (1147), 3/16 авг.

М. Архиповский. Исаакий Далматский в житии. Икона. 1833 г. Музей-квартира П. Корина

В это время погода была ветреная, шел сбор лесной малины. Крестьяне считали, что если в этот день будут вихри, то следует ждать снежной зимы. В некоторых местах этот день называли также Антон Вихревей в память о прп. Антонии Римляnine, которого сильным вихрем перенесло из Рима в Новгород.

ИСИДОР ЮРЬЕВЕЦКИЙ (Дерптский) и иже с ним 72 мученика, от латин в Юрьеве пострадавших (ск. 8.01.1472), пресвитер, священномученик, служил в православном Никольском храме г. Юрьева. Нарушив договор между вел. кн. Московским Иоанном III и вел. магистром Ливонского ордена, рыцари, вместо соблюдения интересов православных горожан, стали принуждать их к унии с Римом. Пресвитер Исидор мужественно встал на защиту Православия, призывая паству хранить отеческую веру. В праздник Крещения Господня, когда о. Исидор совершал Великое водоосвящение на р. Омовже, он и 72 прихожанина — мужчины, женщины и дети — были схвачены и после двухдневных издевательств утоплены в крещенской

Исидор Юрьевецкий. Икона. XIX в. Эстония

проруби. Перед смертью, в темнице, они успели причаститься Св. Дарами.

Память сщмч. Исидору, пресвитеру, и с ним 72-м, в Юрьеве Лифляндском пострадавшим, отмечается 8/21 янв.

ИСИДОРЫ — см.: СИДОР-ОГУРЕЧНИК.

ИСКУШЕНИЕ, в православной жизни испытание, проверка случайными, нарочитыми обстоятельствами или жизненными ситуациями, в которых раскрываются истинные свойства человеческой души — хорошие или плохие.

ИСПОВЕДЬ В НАРОДНОЙ ЖИЗНИ — см.: ПОКАЯНИЕ.

ИСПОВЕДЬ ЗЕМЛЕ, древний народный обычай исповеди без духовника, содержащий в себе 2 элемента: христианский — церковный институт тайной исповеди и языческий — олицетворения земли (см.: Земля), представления ее живым существом, способным внимать покаянным словам человека и примирять его грешную совесть. Многие столетия исповедь земле была важным элементом русского мировоззрения. Земля мыслилась как судия и как искупительница грехов. Ею клялись, причем целовали и даже ели землю. При спорах о земле, как одно из судебных доказательств, употреблялся дерн. Вырывается кусок дерна, один из спорящих кладет его себе на голову и так обходит по меже, по границе участка, который он объявляет своим. Если он пройдет благополучно, это значит участок его. «С Богом! Бери, что обошел: так рассудила мать сыра земля». Если претендующий не прав, тогда сама «мать родная земля прикроет его навеки». Этот распространенный прежде обычай идет из глубокой дохристианской древности. На него указывается в славянском переводе слов Григория Богослова по рукописи XI в. Много указаний на него в древних грамотах. Церковь боролась с этим языческим видом присяги и старалась заменить дерн христианским символом — иконой.

«Образовое хождение» предписывает и Уложение царя Алексея. Но результатом этих усилий было то, что начали употреблять и икону, и землю: икону Пречистой брали в руки, а дерн клали на голову. Клятва землей самая страшная. Посошков пишет: «Иные, забыв страх Божий, взяв в руки святую икону и на голову дернину, да отводят землю и в таком отводе смертне грешат; и много и того случается, еже, отводя землю и неправдою межу полагая, и умирают на меже». Очевидно, Посошков знал случаи смерти нарушителей клятвы. Такова сила внушения! Один клятвопреступник, добившийся спорной земли, как только стал на нее, тотчас же возопил великим голосом, — хотел бежать и не мог: «Горе мне окаянному, — вопил он, — эта земля на мне стоит: она меня покрывает, она меня погубит! Вот уже и прах этой земли засыплет мои окайнные очи!» Силою привели больного домой, а он все вопил: «О, горе мне! Эта земля, как облако висит надо мною, и на меня рушится, и прах очи мои засыпает». Клятва с дерном употреблялась, по-видимому, еще при продаже себя в полное, потомственное рабство. «Дерноватый холоп», «дерноватая челядь» — полные вечные рабы.

Как жалостливая мать, земля покрывает собою грехи человека, но как судья — иные грехи оставляет непрошенными. После смерти человека грехи остаются на земле. Земля представляется как бы погребающей в себе вместе с телом человека и грехи его. Погребая, она таит их. «Земля покрывает грехи исповедающих, падающих ниц, а покаянием погребает», — говорит одно странное греческое правило, предписывающее обязательность тайны исповеди. Следовательно, земля принимает в себя грехи и по исповеди, именно в тот момент, когда кающийся падает ниц на землю. Однако некоторые грехи земля не таит и не прощает. «Земля обещалась небу открывать свои тайны», т. е. тайны убийства человека. Собирая в себя грехи своих многочисленных детей, земля оскверняется ими, как бы принимает на себя ответственность за них, становится грешной и осужденной. Такая мысль ярко выражена в греческом апокрифе «Хождение апостола Павла по мукам». Солнце, луна, звезды, воды просят Господа наказать людей за беззакония. Просит и земля, которая «паче всяей твари осуждена есть». Она предлагает Богу наказать беззаконников голодом, но разрешения на такой суд не получает. На этом апокрифе основан русский духовный стих «Плач земли»:

*Как расплачется и растужится
Мать сыра земля перед Господом:
Тяжело-то мне, Господи, под людьми стоять,
Тяжелой того людей держать,
Людей грешных, беззаконных,
Кои творят грехи тяжкие:
Досады чинят отцу, матери,
Убийства и татьбы деют страшныя...
Отвещает земле Иисус Христос:
О, мати, ты мати сыра земля,
Всех ты тварей хуже осужденная,
Делами человеческими оскверненная.*

В некоторых духовных стихах содержатся сведения об исповеди земле. Так, в стихах, записанных в Архангельской губ., говорится:

*Уж как каялся молодец сырой земли:
«Ты покаяй, покаяй, матушка сыра земля!
Есть на душе три тяжкие греха,
Да три тяжкие греха, три великие:
Как первой на душе велик-тяжеск грех —*

*Я бранил отца с родной матерью;
А другой на душе велик-тяжеск грех —
Уж я жил с кумой хрестовою,
Уж мы прижили младого отрока;
А третьей-от на душе велик-тяжеск грех —
Я убил в поле брателка хрестового,
Порубил ишо челованьице хрестное!»
Как спроговорит матушка сыра земля:
«Во первом греху тебя Бог простит.
Хош бранил отца с родной матерью, —
Втогды глупой был, да неразумной слыл;
И в другом-то греху тебя Бог простит,
Хоша жил с кумой со хрестовою,
Хоша прижили младого отрока, —
Втогды холост жил, да нежонатый слыл;
А во третьем-то греху не могу простить,
Как убил в поли брателку хрестового,
Порубил челованьице хрестное!»*

Исповедь земле существовала по местам и в н. XX в. Исповедь земле держалась гл. обр. среди беспоповцев. Приведем свидетельство еп. Стефана, прот. Андрей Иоаннов сообщает: «Есть такое же мнение и у нынешних раскольников в беспоповщине, а особенно в нетовщине, которые толкуют, что лучше припадая к земле или зря на небо, или стоя пред иконою Спасителя покаяние приносить, нежели пред священником». Старообрядец Спасова согласия (Самарской губ.) рассказывал, что одна старушка его толка ежедневно прощается с солнцем при его заходе, молится на него и просит прощения во всем, что нагрешила днем. По словам того же старообрядца, «поморские старики и старухи говорят: «Если некому, то можно исповедывать и булине»» (т. е. былинке, траве). О старообрядцах на Печоре известно: «На исповедь усть-цыемы к православным священникам, конечно, не ходят и на приглашение священников... отвечают в таком роде: «Мы исповедаемся Богу и матери сырой земле» или «Я приложу ухо к сырой земле, Бог услышит меня и простит» и проч. и проч.». В Сибири, где мало священников, такая исповедь встречалась и среди православных. «От многих сибиряков мы слышали, — сообщал в к. XX в. один священник, — что каяться можно: и старикам, и земле, и дереву. Станешь возражать, а тебе в ответ такой аргумент: «Ну, а как же быть-то, если болезнь захватит в поле или в лесу; кому же, как не земле или дереву каяться, коли человека-то не будет?» Этот взгляд беспоповщинский, но он держится и у православных сибиряков».

Близок к исповеди земле был и обряд прощанья с землею, который совершается пред обыкновенной церковной исповедью. После прощанья с родными старушка, бывшая раскольница (Владимирская губ.), кратко просит прощения у красного солнышка, у светлого месяца, чистых звезд, зари утренней, ночей темных, дробна дождичка, ветра буйного и, наконец, с особой обстоятельностью у земли:

*Возоплю я к тебе, матушка сыра земля,
Сыра земля, моя кормилушка-поилица,
Возоплю грешная, окайнная, паскудная,
неразумная:
Что топтали тебя походчивы мои ноженьки,
Что бросали тебя резвы рученьки,
Что глазели на тебя мои зенки,
Что плевала на тебя скорлупоньки.
Прости, мать питомая, меня грешную, неурядливу
Ради Спас Христа, честной Матери,*

*Пресвятой да Богородицы,
Да Ильи пророка мудрого.*

Если земля растаяла, то крестьянка, стоя на коленях, умывает руки землей; если нет, то снегом, взятым как можно глубже, и, не очистив рук от земли, не отерши от воды, она так и идет до самой церкви. Во время умывания рук землей или снегом, стоя на коленях, полунаклонившись и кланяясь по разным сторонам (не оборачиваясь), старушка говорит:

*Еще раз, моя питомая,
Прикоснусь к твоей головушке,
Испрошу у тебя благословеньца,
Благословеньца со прощеньцем:
Что рвала я твою грудку
Сохой острою, расплывчатой,
Что не катом тебя я укатывала,
Не урядливым гребнем чесывала, —
Рвала грудку боронушкой тяжелою
Со железным зубом да ржавым.
Прости, матушка питомая,
Прости грешную, кормилушка,
Ради Спас Христа, Честной Матери,
Все святые Богородицы,
Да Овласия заступника,
Да Ильи пророка мудрого,
Да Егорья Победоносчика.*

Прощанье с землей пред церковной исповедью есть, очевидно, не что иное, как народная исповедь земле, дополняющая церковную. Земле старушка исповедует только те грехи, которых не спросит священник, грехи против самой земли, — остальные она скажет на духу. В ее перечне грехов слышится ясный отголосок культа земли: благоговение пред святой матерью-землею, которую человек должен попирать ногами, и священный ужас первого земледельца, которому приходится рвать грудь земли-матушки, заставляя ее служить себе.

В обряде исповеди земле и в связанных с ним верованиях лежит трогательная мысль и глубоко затаенное чувство ответственности пред матерью-землей. Это, конечно, одно из проявлений могучей «власти земли» над народом, живущим землею. Но такое настроение было не совсем чуждо и интеллигенции. Уместно привести в пример сцену из «Преступления и наказания» Ф. М. Достоевского. Раскольников — убийца по идее, из принципа — изнемог в борьбе со своею совестью. Вот он идет по Сенной площади в Петербурге, заполненной народом, даже не помня, где он находится. «Но, когда дошел до середины площади, с ним вдруг произошло одно движение, одно ощущение овладело им сразу, захватило его всего — с телом и мыслию. Он вдруг вспомнил слова Сони: «Поди на перекресток, поклонись народу, поцелуй землю, потому что ты и пред ней согрешил, и скажи всему миру вслух: «Я убийца!» Он весь задрожал, припомнив это. И до того уже задавила его безысходная тоска и тревога всего этого времени, но особенно последних часов, что он так и ринулся в возможность этого цельного, нового ощущения. Каким-то припадком оно к нему подступило: загорелось в душе одной искрой и вдруг, как огонь, охватило всего. Все разом в нем размягчилось и хлынули слезы. Как стоял, так и упал он на землю. Он стал на колени среди площади, поклонился до земли и поцеловал эту грязную землю с наслаждением и счастьем».

С. Смирнов

ИСПОДНЕЕ, что-либо находящееся с исподу, напр. нижнее платье, ныне называемое бельем. В крестьян-

ской среде ношение исподнего было распространено незначительно; едва ли не исключением было использование зимой надевавшихся под суконные штаны летних холщовых *порток*, *рубаха* же надевалась прямо на голое тело. Крестьянки носили только рубаху, рукава которой и верхняя часть, а нередко и подол были видны из-под верхней одежды, т. е. собственно исподним рубаха не была. В городском костюме употребление исподнего платья было обычным. Мужчины носили исподники или подштанники полотняные, женщины — панталоны и корсет. Вероятно, слово «кальсоны» употреблялось в к. XIX в. для обозначения подштанников и, равно, женских панталон. Женская нижняя рубашка, учитывая ношение открытых декольтированных платьев, по-видимому, не была принята, можно предположить ее употребление у городских низов и средних слоев как домашней одежды. Женские панталоны были холщевые, батистовые, шелковые, довольно длинные, ниже колена, у девочек, ходивших «в коротких платьицах», т. е. еще не выезжавших в свет, — почти до щиколоток, т. ч. виднелись из-под подола. Довольно широкие, просторные панталоны заканчивались оборками. К женскому исподнему принадлежали также нижние юбки — полотняные, накрахмаленные; иногда, напр., с кринолином, надевалось сразу несколько юбок. Женский бюстгальтер, как и нижняя рубашка — «комбинация», пришел из Парижа на рубеже XIX–XX вв. в быт исключительно социальных верхов, а бюстгальтер еще и в быт казаков, носивших кофты-«кираса» без рукавов, с широкими проймами; бюстгальтер был довольно широкий, закрытый, напоминавший корсет, изгнанный усилиями врачей из повседневного употребления. К исподнему у мужчин относились и носки («карпетки»), т. ч., если они надевались под брюки без штрипок с открытыми полуботинками с низкими берцами, их прикрывали белыми штиблетами (гетрами), закрывавшими подъем ноги. Чулки, надевавшиеся с открытыми туфлями и короткими штанами-кюлотами в XVIII в., а в XIX в. — как придворная форма и балетный костюм, исподними не считались. Т. о., понятие исподнего платья было относительным и связывалось с употреблением той или иной одежды. Специфика употребления исподнего вызвала к жизни необходимость использования для сна длинных ночных рубашек с рукавами — как детьми, так и взрослыми, как женщинами, так и мужчинами. Привычные же современному человеку мужские трусы и майки появились на рубеже XIX–XX вв. как спортивная одежда для игры в футбол; женские трусы — явление более позднего времени, примерно 1920-х, и их появление также вызвано распространением спорта.

Ист.: Беловинский Л. В. Энциклопедический словарь российской жизни и истории. М., 2003.

ИСТИНА (слав.: настоящий), соответствие знания вечным, неизменным основам бытия и возникающим из него вещам и явлениям. Для православного высшая истина — *Иисус Христос*, воплощенный Бог. Познавание истины требует не только ума, но и всего существа человека. В христианстве истина постигается верой. Христос говорит: «Я есмь путь и истина и жизнь» (Ин. 14; 6). Христианин верит, чтобы знать. «Познайте истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8; 32). Ценность истины в представлениях Святой Руси в том, что она несет спасение. «Истина не дается нравственно ущербному человеку» (*И. В. Киреевский*). «Гаснет любовь и

гаснет истина. Поэтому «истинствовать» на земле — значит постоянно и искренно любить» (В. В. Розанов). «Правда требует стойкости: за правду надо стоять или висеть на кресте, к истине человек движется. Правды надо держаться — истину надо искать» (М. М. Пришвин). «Всякий, кто искренне захотел истины, тот уже страшно силен» (Ф. М. Достоевский).

О. П.

ИСТОБКА, истопка, истба, избобка, собственно *изба*, небольшая деревянная рубленая крестьянская постройка с одним внутренним помещением и *печью*-каменкой либо глинобитной печью, топившейся по-черному. К истобке примыкали *сени*. См.: Жилище.

ИСТОМИН Федор Михайлович (1856 —?), этнограф. Окончил Петербургский университет. Участвовал в этнографических экспедициях: в Архангельскую губ. в 1884, в Печорский край в 1889 и 1890 и в двух экспедициях, отправленных в северные губернии для того, чтобы собрать старинные песни и напевы, в 1886 и 1893. Первой его работой была «Тоническая теория в славянском народном творчестве» (в «Сборнике статей учеников В. И. Ламанского», СПб., 1883). Далее он написал ряд критических статей в «Журнале Министерства народного просвещения» о книгах; ряд статей по этнографии Печорского края. Отдельно издан его труд «Песни русского народа, собранные в губерниях Архангельской и Олонецкой» (СПб., 1894).

ИУДА (Юда), в Новом Завете один из апостолов, предавший *Иисуса Христа*. В народной традиции представления об Иуде основываются на апокрифических легендах о жизни Иуды до встречи с Христом, о его смерти. Согласно народным легендам, причина преступления Иуды кроется в его прошлом. Родители Иуды бросают новорожденного в бочке в море, т. к. видят сон, что их сын убьет отца и женится на матери; через много лет Иуда действительно совершает убийство и *грех* кровосмешения, мать узнает его по метке — шраму, золотой булавке в голове. После раскаяния (напр., 33 года носил во рту воду на вершину горы и поливал сухую палку, пока она не зацвела). Иуда был принят в число учеников Христа. Иногда рождение Иуды предсказывается самим Христом: пекарю, отказавшемуся продать Христу и св. Петру *хлеб*, говорится, что ожидаемый в семье сын будет злодеем и причиной распятия Христа (Закарпатье). Обстоятельства зачатия и рождения Иуды необычны и определяют его дальнейшую судьбу. Иуда был зачат в постный день (в пятницу), поэтому должен был стать злодеем и убийцей; мать Иуды была беременна целый год; судьба Иуды решается перед его рождением в споре двух ангелов, и вторая половина жизни Иуды достается злому ангелу; Иуда родился рыжим, что подтверждало его злой нрав (ср. малороссийские и великорусские представления о косоглазии и картавости как признаках злого характера). Иуда может выступать и как своеобразный двойник Христа, полностью разделяющий его судьбу: Иуда и Христос родились в одном селе, вместе росли, дружили; Иуда предал Христа, но и сам был распят вместе с ним. На предательство Иуду толкает жадность, *гордыня*, *зависть* к Христу, чувство соперничества. Совершив предательство, Иуда решает в смерти опередить Христа, скорее попасть в ад и быть спасенным вместе с другими людьми, сохранив при этом свои серебряники. Иуда кончает жизнь самоубийством, но умирает после воскресения Христа и обречен на вечное пребывание в пекле. Народные рассказы в смерти Иуды канонизируют текст Нового Завета: Иуда повесился,

был придавлен деревом, выпустил себе внутренности, разбился при падении, тело Иуды разложилось от неведомой болезни. Согласно наиболее распространенной версии, Иуда удавился на *осине* или на *бузине*; по др. поверьям, Иуда хотел повеситься на *березе*, и она от страха побелела. Кровь Иуды попала на ольху, поэтому ее древесина имеет красноватый цвет. После смерти Иуды из его тела выросли табак, хрен, лук, чеснок. Иуда попадает в ад, где пользуется особым вниманием Сатаны, как самый великий грешник. По малороссийскому поверью, душа Иуды не имеет пристанища даже в аду; скитаясь по земле, она может вселиться в человека, нарушившего *пост* на *Страстной неделе*, и вызывать падучую. С именем Иуды связано представление о том, что после его смерти среди людей появились висельники, утопленники и самоубийцы.

В народных представлениях Иуда отождествляется с различными персонажами народной демонологии. В Малороссии имя Иуды упоминается среди названий черта: ср. малорос. «юда» — злой дух, *нечистая сила*. В *заговорах* от *болезни* скота недуг отсылается «Иуде (или черту) не здоровые ноги». Описание кончины Иуды соотносится с поверьем об истреблении чертей громом: когда Иуда повесился, ударом грома части его тела были разнесены по свету (Галиция). В белорусских сказках появляется «Чуда-Юда», крадущий с неба солнце, месяц и звезды, или «Юда — незаконный черт», человекоподобное лесное существо, оборотень со смертоносными клыками. В рассказах сибиряков «Иуда незаконный» сближается с *водяным*: если отказать Иуде в просьбе, он утащит в пруд, под мельничное колесо.

Лит.: Соловьев С. В. К легендам об Иуде-предателе. Харьков, 1895.

Ист.: Белова О. В. Иуда // Славянская мифология. М., 1995.

ИУЛИАНИЯ ВЯЗЕМСКАЯ, Новоторжская, княгиня, мученица (ск. 21.12.1406), почитается как образец супружеского целомудрия. Муж ее, вяземский кн. Симеон Мстиславич,

Иулиания Вяземская и Прокопий Устюжский. Рисунок. Иулиании Соколовой

служил смоленскому кн. Юрию Святославичу. Когда Смоленск захватил литовский кн. Витовт, кн. Юрий бежал в Великий Новгород, оставив свою супругу в плену. Через 2 года он ушел к Московскому вел. кн. Василию Дмитриевичу, от которого получил на княжение половину г. Торжка. Вторую половину получил его неперемный спутник и друг кн. Симеон. Кн. Юрий, прельщенный красотой и добрым нравом Иулиании, не раз пытался склонить ее к прелюбодеянию, но она свято хранила обет супружеской верности. Зимой 1406 во время пира кн. Юрий убил своего друга кн. Симеона и попытался насильно овладеть княгиней. Отбиваясь от насильни-

ка, она ранила его ножом в плечо. Разъяренный князь изрубил ее мечом, а тело повелел бросить в р. Тверцу. Убийца бежал к татарам, но и там не нашел покоя от угрызений совести. Тогда он удалился в Николаевский Успенский Венев монастырь, где в горьком раскаянии окончил свою жизнь. Весной, во время ледохода, один расслабленный крестьянин увидел в реке плывущее против течения тело прав. Иулиании и услышал голос, повелевающий предать ее погребению. Исполняя повеление, он внезапно почувствовал себя выздоровевшим. Гроб с останками святой был поставлен в Спасо-Преображенском соборе г. Торжка, и многие страждущие получили там исцеление.

Память прав. Иулиании отмечается 21 дек./3 янв., а обретение ее мощей 2/15 июня.

ИУЛИАНИЯ ЛАЗАРЕВСКАЯ (ск. 2.01.1604), Муромская святая из дворян. Мощи ее обретены в 1614–15. Житие святой написано ее сыном Д. Ю. Осорбиным. Мощи святой покоятся в Николонбережном храме г. Муром. Подвиг жизни св. прав. Иулиании — подвиг милосердия. В голодные годы (1601–02) святая

Иулиания Лазаревская

распродала для голодных весь скот, все имущество и дошла сама до последней нищеты. Тогда ей пришлось переселиться в свою Нижегородскую вотчину, где голод менее свирепствовал, и отпустить на волю своих слуг, которых нечем было кормить. Некоторые из них остались и собирали для своей госпожи лебеду и древесную кору, из которых святая пекла хлеб, кормилась сама с детьми и слугами, питала и заходящих нищих — их в то время было «без числа». Скончалась праведная 2 янв. 1604. Прощавшиеся с ней видели над ее головой золотой круг, «якоже на иконах пишется». Когда через 10 лет хоронили ее сына Георгия у Лазаревской церк-

ви, нечаянно раскопали ее могилу и нашли ее полной мира. Сын ее Калистрат Дружина, рассказывающий об этом, не мог убедиться в полном нетлении тела: «От ужаста не см яхом досмотрети, только вы дехом нозе ее и бедра целы суша». Этим миром, а когда оно исчерпалось, то перстью из гроба мазались больные и получали облегчение.

ИЧЕГИ, грубые высокие сапоги, *бахилы*, подвязывавшиеся под коленом, поверх которых надевались кеньги или *коты*, были распространены в Сибири.

ИЮЛЬ, седьмой месяц в году, древнерусское название — «липец», цветение липы. Русские крестьяне называли этот месяц макушкой лета, т. к. он считался

последним летним месяцем, или еще страдником — от страдных летних работ, грозником — от сильных гроз; говорили: «Месяц июль страдник (от страды при жниве). В нем хоть разденься — легче нет. Макушка лета. Плясала б бабка, да макушка лета настала».

Основные народные приметы этого месяца, по В. И. Далю, были таковы: 1. Св. мчч., чудотворцев и бессрр. *Космы и Дамиана* (см.: Кузьминки летние). Кузьмы и Демьяны пришли — на покос пошли; 4. Св. Андрея, архиеп. Критского (см.: Андрей Налива). Озими в наливах, а греча в исходе, т. е. на выходе; или: и рубахи нет, а овес до половины дорос; 5. Прп. Афанасия Афонского (см.: Афанасев день). Если в этот день вечером играет месяц, то обещает хороший урожай; 6. Мч. Ермия (см.: Сысоев день). Всякий Еремей про себя разумеет: когда сеять, когда жать

Богоматерь Умиление (Толгская Подкубенская). Икона. 1-я треть XIV в. ВМЗ

и когда в скирды убирать. Полагают, что в этот день непременно нужно окончить посев; 8. Явление образа Пресвятой Богородицы *Казанской* и вмч. *Прокопия* (см.: Прокопьев день). Казанская. Прокофья Жатвенника (зажинают рожь); Празднование Ярославской иконы Божией Матери. Кирская икона Божией Матери. 11. Мц. Евфимии. Афимьи Стожарницы (см.: Ефимия Стожарница); 12. Мч. Прокла. *Проклы* — великие росы; 15. Св. мчч. Кирика и Иулитты. Не жни на *Кирика* и *Улиты* — маньяки (видения) увидишь; 16. Сщмч. *Афиногена*. Финогена Володки. В этот день, когда на-

Свв. бессребреники Косма и Дамиан. 1-я пол. XV в. Московская провинция (Дмитров?). ЦМИАР

чинают жать, оставляют на ниве несколько колосьев на корню, и этот несжатый клочок называется «володка на бородку». На Афиногена птички задумываются; 19. Прп. Макрины. *Макрида* мокра — и осень мокра. Смотри осень по Макриде; 20. Славного прор. *Илии*. Илья зажинает, лето кончается; первый сноп — первый осенний праздник. Петр с колоском, Илья с колобком (круглым хлебцем из новой ржи; колоб — шар, ком). Новая новина на *Ильин день*. Сеять на Ильинской по-

Богоматерь Казанская. Икона. К. XVII в. — н. XVIII в. КМЗ «Ипатьевский монастырь»

Панфил Третьяк Андреев. Ярославская икона Божией Матери. 1564 г. МНДМ

ляне. На Илью лето до обеда, осень после обеда. До Ильи тучи по ветру, после Ильи против ветру. Придет Илья — принесет гнилья (дождей). Ильинским дождем

Кирилл Уланов. Богоматерь Кипрская с припадающими прп. Пелагией и Марией. Икона. Сер. XVIII в. Историко-архитектурный и художественный музей «Новый Иерусалим»

умываются от призора, окачиваются. До Ильи и под кустом сушит, а после Ильи и на кусту не сохнет. На Ильин день дождь — мало пожаров, ведро — много. Илья грозы держит, на огненной колеснице ездит. *Вознесенье* с дождем, Илья с грозой, потому скот не выгоняют на поле. На Ильин день где-нибудь да загорается от грозы. На Ильин день перегоняют пчел, подчищают улья, подрезывают первые соты, которые, впрочем, не в корысть; оттого говорят: богат как Ильинский сот (беден). Муха до Ильи кусается, а после запасается. С Ильина дня ночь длинна, а вода холодна. До Ильи мужик купается, а с Ильи с рекой прощается. На Илью зверь и гад бродят по воле. В Ильин день собак и кошек в избы не впускают (боясь грозы). Во что Илья, в то и *Воздвижение*; 22. Св. Марии Магдалины. *Марьи — добрый день*. Коли на Марьин день росы, то льны будут серы и косы; 24. Блгв. кнн. *Бориса и Глеба*. Бориса и Глеба — грозных *паликопов*. На Глеба и Бориса за хлеб не берися (за жнитво — не жни); 25. Успенье св. Анны, матери Пресвятой Богородицы. Анны — холодные утренники (см.: Анна Холодница). Если утренник холодный — и зима холодная; 27. Св. вмч. *Пантелеимона* и блж. *Николая*. Пантелеимона целителя, Палея, *Паликоны* (т. е. кто на него работает, гроза спалит того хлеб). Николая Кочанника (см.: Николай Кочанов). Полагают, что в этот день капуста свертывается в кочаны; 29. Мч. *Калиника*. Калиник день. Коли на Калиника туманы, то припасай косы (или закрома) на овес с ячменем. Пронеси, Господи, Калиника морозом, а не морозом; 30. Св. апп. Силы и Силуана. *Силин день*. На Силу и Селуяна рожь бывает пьяна (т. е. полна зерном и клонится к земле). На Силу рожь посеянная родится сильно, а *ведьмы* обмирают, опившись молока.

В народе июль называли «страдник», «месяц-прибериха». Говорили: «Придет месяц-прибериха, все приберет», но «В июле на дворе пусто, да на поле густо!», «Не топор мужика кормит, а июльская работа!» Работы в этот месяц было очень много. «Сбил сенозорник-июль у мужика спесь, некогда на полати лезть!», «Плясала бы баба, да макушка лета настала!», «Всем лето пригожо, да макушке тяжело!» — говорили крестьяне. «Макушка лета устали не знает!», «В июле хоть раздаться, а все легче не будет!», «Знать, мужик — доможил, что на сенозорник не спит!»

Справит деревня, придерживающаяся переживших века обычаев, поминки по весне (30 июня), приходили «Кузьминки летние». 1 июля — день, посвященный Церковью памяти свв. мчч. Космы и Дамиана. «Косма-Дамиан, светла похвала римскому граду тех даровала» — пели *калики перехожие*.

Июль добритя,
Светло красится,
Сих зря воссияла...

В этот день с.-х. опыт советовал всем огородникам в средней полосе России начинать прополку огородов; с этого же времени повсеместно можно было вырывать корневые овощи из гряд на продажу. В деревнях Тульской и смежных с ней губерний с летних Кузьминок выходили на покос. По степи знающие люди принимались с 1 июля искать травы, идущие на краску. 2 июля праздновали чудотворной иконы Божьей Матери «Ахтырская» «Феодотьевская», а 3 июля вспоминали св. епископа Василия Рязанского, совершавшего невиданные чудеса.

Через день после летних Кузьминок — *Стожары*. «Мокей с Демидом в поле стоят, к Марфе (4 июля) на-

Иконописная школа при Московской Духовной Академии. Ахтырская икона Божией Матери. 1997 г. Церковь Ахтырской иконы Божией Матери. с. Ахтырка (под Хотьковом)

Феодотьевская икона Божией Матери

Василий Рязанский. Икона. XIX в.

встречу вышли». К этому времени озимые хлеба должны были быть в полном наливе. «На Марфу озими в наливах дошли, батюшка-овес до половины урос: овес

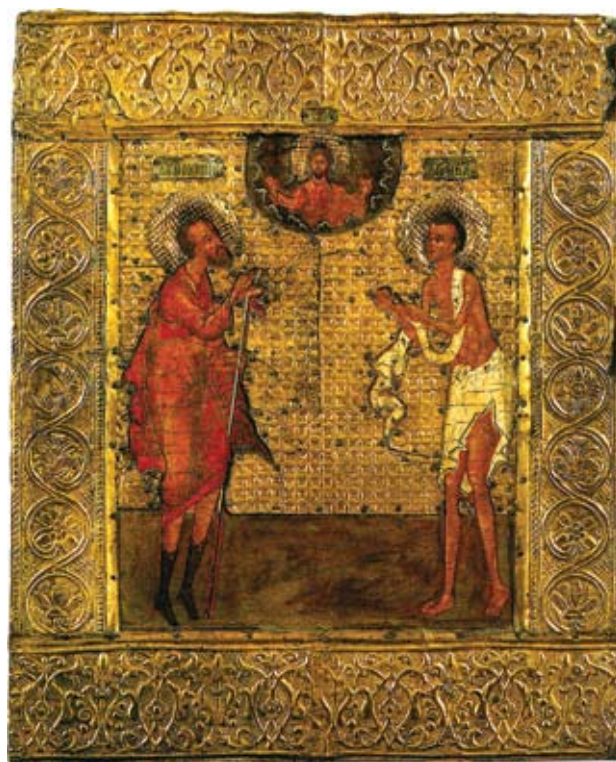

Галатская икона Божией Матери. Кон. XVII в. ГТГ

Домостроительница (Экономисса). Икона Пресвятой Богородицы

в кафтане, а на грече — и рубахи нет» (см.: Андрей Налива). 4 июля празднование Галатской иконы Божией Матери, 5 июля икона Божией Матери «Домостроительница». За Марфиным днем приходил *Афанасьев день*. «Афанасьев день — месяцев праздник»: в этот день крестьяне смотрели, как ведет себя месяц. Если ясен

Офонасей. Прокопий и Иоанн Устюжские, предстоящие Спасу. Икона. 1611 г. СИХМ

Праотец Адам

Праотец Авраам

Иконы из праотеческого чина иконостаса собора Феодоровской иконы Божией Матери. Фрагменты. 1913 г.

Богоматерь Ярославская. Икона. XV в. ГТГ

месяц — к хорошему урожаю, к ладной уборке хлеба. «В шестый день (июля) Сысоев день. Сисой лицом светлее, в седьмой день Фома Малеин, як снег, белеет», по выражению южнорусского простонародного месящес-

Каплуновская Казанская икона Пресвятой Богородицы

Св. блг. кн. Петр Муромский. Икона. Кон. XVI в. Муром. ЦМиАР

Св. блг. кн. Феvronия Муромская. Икона. Кон. XVI в. Муром. ЦМиАР

лова, записанного Бессоновым. 7 июля — Влахернская икона Божией Матери. 8 июля Каплуновская икона Божией Матери и Ярославская икона Божией Матери. Если к 8 июля — к «летним Прокопам» (*Прокопьев день*) — примется поспевать черника-ягода, то надо, благословясь, о жнитве думать: время-пора. Существовало предание, что в этот день «является сама собой

камаха, красна червец». В старину говорили, что «камаха» заносится ветрами в наши поля из теплых стран, свивается в клубок, и первому счастливцу, который ей встретился, подкатывается в ноги. Кто будет таким счастливцем в этот день, — быть во всем у того полному благополучию круглый год. «Тому камаха в руки дается, кому на роду написано!» В этот же день празднуют

М. В. Нестеров. Св. кн. Ольга. 1892. ГТГ

Конеvская икона Божией Матери. XVI в., записи XIX в.

вали верных и любящих супругов Петра и Февронию, затем следовал Панкратий Ягодник — 9-й день страдно-грозового месяца. Спустя сутки — премудрой княгини Ольги, Ольгин день. Ольга Сеногойка. Ефимия Стожарница. В этот же день праздновали чудотворную икону Пресвятой Богородицы «Конеvская» и иконы Коложскую и Колочскую.

Коложская икона Божией Матери

12 июля чествовалась память св. мч. Прокла: «Проклы — большие росы». К этому дню, по старинной примете, досушивали запоздалое сено «грядущками»: проклова роса — сеногойная. Но это не единственное ее свойство: вредная в с.-х. обиходе, она, по наблюдениям знахарок, была полезна «для очного врачевания»: отгонялся ею, изводился «очной призор». Советовали сберечь эту целебную росу на случай напуска-сглаза: с пришептом-заговором особым, поминая Прокла-мученика, проклинали знахари нечистую злую силу, отгоняя от опрыскиваемых росной влагой всякое дьявольское

Колоцкая икона Пресвятой Богородицы

наваждение. Вслед за «Проклами» следовал «Степан-Савваит ржице-матушке к земле клониться велит» (см. также: Гаврилов день) (13 июля); 14 июля — «Акила славный благопобедник, Кирик и Улита — двоица святая» (15-е число). Об Улите июльской было особое при-

С. Александровский. Портрет Ф. И. Тютчева. 1876 г.

словье: «Улита едет, да когда-то будет!»... В этот же день — «Владимир, Красное Солнышко». На этот день, посвященный св. Владимиру, «солнышко краснее светит, чем во всякую иную пору». День памяти Ф. И. Тютчева.

За днем Владимира — Красна Солнышка шли Финогеевы зажинки: «и Афиноген со десятинами учениками, мучениками и Соборы Свя-

тыми, якоже звезды в небе твердильный мир просвещают»... «Зажинки» (зажинок) на Руси были одним из важнейших земледельческих праздников. Во времена древнерусского язычества этот праздник был посвящен Дажьбогу; несколько позднее праздновали его Волосу-Велесу. Все эти празднования шли вместе с особыми пирушками-мольбищами, сопровождаясь разнообразными заклинаниями. В 1-й пол. XIX в. зажинки, не сохраняя в себе сколько-нибудь заметных языческих следов, были днем, объединявшим древние земледельческие обряды с благоговейным отношением крестьянина к дарам Матери-Земли, в которых все

его богатство, вся награда за непрестанный тяжелый труд. На Руси этот день проводился так: выходили поутру на Финогеев день зажинщики с зажинщицами на свои загоны. На каждом загоне шла впереди всех прочих жнецов сама хозяйка, «мужняя жена», с хлебом-солью и свечой «громнитною» — сретенской. Первый сжатый сноп — «зажиночный» — звался «снопом-именинником» и ставился отдельно от других; к вечеру брала его зажинщица-баба, шла впереди своих домашних, вносила в избу, клала три земных поклона перед «святом» (иконами) и ставила именинника в красный угол хаты, перед божницей. Стоял этот сноп до самого конца жнивта — до «Спожинок-дожинок», потом обмолачивался отдельно от другого хлеба; весь умолот его собирался в чистую посудину и относился в церковь, где его святости, чтобы примешивать свяченное зерно к семенам при засеивании озимого поля. Солома снопа-именинника сберегалась для домашней животины — на лихой случай: прикармливали ею больной рогатый скот. Во многих местностях зажиночный сноп переносился, по прошествии семи дней, от красного угла — божницы в овин, где и стоял вплоть до первой молотбы нового хлеба. Старики говаривали, что соблюдением этого обычая обеспечивался добрый умолот новины. Во многих малорусских селах еще в н. XX в. перед зажином служился в поле молебен св. Афиногену Мученику, причем первый зажин делался у каждого загона священником. По народной примете, каков будет зажин — таковы и зажинки. «Придет Финогей с теплом да со светом, уберешься загодя со жнивтами», «Финогей с дождем — копногной, хлеб в снопе прорастет!», «На Финогея молись солнышку, проси бога о ведрышке!», «Финогеев день к Илье-пророку навстречу идет, жнивта солнышком блюдет!», «Первый колосок — Финогеев, последний — Илье на бороду!»

За Финогеем шли «Марины» и прп. Леонид Устюнедумский (17 июля): «Марина с Лазарем ладит зорям па-

Прп. Леонид Устюнедумский. Икона. XX в. Вологда

К. Маковский. Цветы

зори». Марина Лазоревая. Следом за ними — Емельянов день, затем — «Мокриды», день, посвященный памяти прп. Макария. По этому дню делали прогноз на осень. «Смотри осень по Мокридам!», «Ведро на Мокриды —

осень сухая!», «На Мокриды дождь — осень мокрая!» Потому-то и присматривается хлебороб мужик к этому дню с такой опаской: «Прошли бы Мокриды, а то будешь с хлебом!», «Коли на поле Мокриды, и ты свое дело смекай!». 19 июля Роман Рязанский.

Огненное восхождение Ильи Пророка (средник). Сер. — 2-я пол. XIX в. Поморье. ГРМ

20 июля праздновался Ильин день, с которым у русских людей было связано множество обычаев, поверий, сказаний.

*Пророк Илья,
Яко молния,
Горе творит восходы,
На колеснице огненной сидит,
Четверокоными конями ездит.
Неизреченная зрит...*

После Ильина дня следовал день св. Симеона Христа ради Юродивого, а затем Марьян день Марии Магдалина — 22 июля (Марья — добрый день): «Коли на Марью большие росы, — будут льны серы и косы». По деревенской примете Марьяна роса укорачивала льняной рост. 23 июля — Трофимов день (Трофим Бессонник), канун Бориса—Глеба. Об этом дне говорили: «На Глеба—на Бориса за хлеб не берися!» (Киевская, Черниговская, Полтавская губ.). «Борис—Глеб — дозревает хлеб!» (Рязанская губ.) и т. д. В белорусских местах этот день называли «Паликопа». Считалось, что у не почитающих благочестивых обычаев загорались в этот день копны на только что сжатом поле. Бывали в этот день во многих местах сильные грозы. На свв. Бориса и Глеба народное поверье перенесло некоторые черты Перуна-громовника, чуть ли не всецело принадлежащие св. Илье-пророку. Так, оно представляло их пахущими небесную ниву выкованным ими самими плугом, запряженным крылатым Огненным Змеем.

Царевич Димитрий и кн. Роман Рязанский. Икона. Ок. 1676 г. Кострома. УМЗ

Равноапостольная Мария Магдалина и прмц. Евдокия. Икона. XVII в. ГМЗК

25 июля (Анна Холодница), по месяцеслову бессоновских калек переходящих:

Свв. страстотерпцы кн. Борис и Глеб. Икона. 1820 г. Москва(?). ГРМ

Прп. Макарий Унженский, с чудом спасения града Солигалича. Икона. Сер. XVIII в. Солигалич. КМЗ «Ипатьевский монастырь»

Святая Анна и Евпраксия,
Алимпсида игуменья,
В лепоте,
Райской красоте,
Приемлют наслаждения...

По старинной примете, если ночь с этого на следующий день будет свежая-холодная, то и зиме быть ранней да студеной. «Припасает на день святой Анны

Св. Николай Капустник (Николай Кочанов, Христа ради юродивый, Новгородский). Икона. Нач. XX в.

зима холодные утренники!» Тогда же 25 июля вспоминали св. Макария Желтоводского, одного из великих русских святых. С 27 июля-сенозорника (день св. Николая Кочанного, *Николая Кочанова*), по словам огородников, капуста кочны копит, на щи пахарю запасает к зиме. Вспоминаемому в этот же день вмч. *Пантелеймону* знахари служили молебны, как целителю всяких «болестей», чтобы он наставил разум их на

Богоматерь Гребневская. Икона. Сер. — 2-я пол. XVIII в. ГРМ

доброе-успешное врачевание. В др. местностях собирали «на Пантелея-целителя» «добрые травы», идущие на пользу «болящему люду». «На Прохора да на Пармена (28 июля) не затевай никакой мены!» — предостерегала народная примета. В этот же день праздновали чудотворные иконы Пресвятой Богородицы «Гребневская» и «Смоленская» «Югская», а также память св. Питирима Тамбовского. 29 июля — «Калинники» (св. мч. Каллиника и др.). В северной России с этого дня начинались утренники-морозцы. Боялся их мужик-северянин: убивали они хлеб на корню. «Пронеси, Господи, Калиники мороком (сырым туманом)!» В средней полосе России, напр. у туляков-землепашцев, ходила др. поговорка об этом дне: «Коли на Калиники туманы, припасай косы про овес с ячменем!»

Предпоследний день июля был отмечен особыми народными поверьями. Прежде всего, это день *Ивана-воина*, св. мученика, открывающего молящимся ему все потайные кражи. В большом почете 30 июля были ворожеи с ворожейками: сходились к ним со всей округи с просьбой о молитве чествуемому в этот день святому. Существовало немало *заговоров*, обращаемых знахарями к Ивану-воину. Кроме Ивана-воина праздновался в этот день св. ап. Сила, о нем говорили: «Святой Сила подбавит мужику силы!», «Дожить бы бабе до *Силина* дня, — и с яровыми управится, как засилья прибавит-ся!», «На Силу-святого и бессильный богатырем

Вмч. Пантелеимон в житии. Икона. XIII в. Египет. Монастырь Св. Екатерины на Синае

живет!» и т. д. Про этот день было записано поверье о том, что на него «обмирают ведьмы». По народному поверью, происходило это оттого, что они опиваются

Богоматерь Смоленская. Икона. 1-пол. XVI в. Вологда (?)

Юсская икона Божией Матери. До 1786 г. РМЗ

молоком. Некоторые крестьяне уверяли, что ведьмы умеют задаивать коров до смерти. Но они же и повторяли, что, если обомрет ведьма, так ее ничем не пробудить. Было только одно средство: «Жги скорей пята соломой, все дело пойдет на лад!» А умирает ведьма, говорили в народе, если не прибегнуть к этому завещанному стариной средству, — страшнее страшного: «под ней и земля трясется, и в поле звери воют, и от ворон на дворе отбою нет, и скот нейдет на двор, и в избе все стоит не на месте». А если поджечь обмирающей ведьме горящей соломой пятки, то не только пройдут

Питирим Тамбовский. Икона. XIX–XX в. Церковь Святителя Николая в Кузнецях, Москва

все эти страхи мимо, но и сама она никогда не захочет на молоко взглянуть, а не то чтобы корову задоить. С Евдокимовым днем (*Евдокимово заговенье*) (31 июля) приходил конец грознику-страднику, макушке лета. На Евдокима — Успенское заговенье, канун *Первого Спаса* — «Происхожденьева дня» Московской Руси.

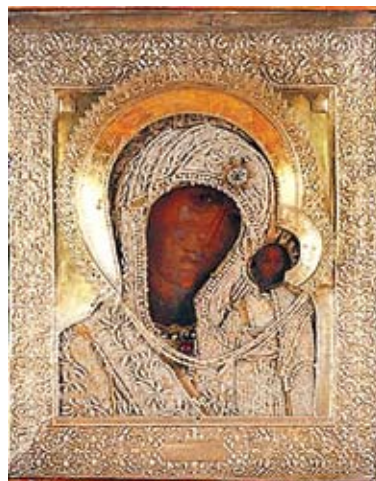
А. Коринфский

ИЮНЬ, шестой месяц в году, древнерусское название — «червень», т. к. краснеют вишни. В некоторых церковных месяцесловах и святцах встречалось другое название этого месяца — «изок» (кузничек). В это время кузничиков было особенно много. Существовало и еще одно название июня — «кресник», от «креса» (огня) и вместе с тем от дня *Иоанна Крестителя* (*Ивана Купалы*) — важнейшего древнерусского летнего праздника. Об июне говорили: «Конец пролетия (весны), начало лета».

К. Юон. Интерьер. 1907. Севастопольский художественный музей

Основные народные приметы по дням этого месяца по *В. И. Далю* были таковы: 1. Мч. *Иустина Философа. Устинов день*. Если в этот день чист восход солнца, будет хороший налив ржи. Если же этот день дождливый и мрачный, то будет хорош урожай льна и конопли; 3. Мч. *Лукиллиана. Лукьяна Ветренника*. В этот день гадют по ветрам; 8. Вмч. *Феодора Стратилата. Федора Колодезника*. Праздник колодезников, которые опрокидывают сковороды, чтобы узнать, где есть водяная жила, и коли сковорода сыра, тут и вода. Гроза на

Вязниковская Казанская икона Божией Матери. 1623 г.

Федора Летнего — плохая уборка сена. Боголюбская икона, Вязниковская Казанская икона; 9. Св. *Кирилла, архиеп. Александрийского* (см.: *Кириллин день*), и свв. мучениц *Феклы, Марфы и Марии*. На Кирилу конец весны, почин лету. *Марфы Рассадницы*; 10. Сщмч. *Тимофея* (см.: *Тимофеев день*). Коли на Тимофея знамение — будет голод;

Боголюбская икона Божией Матери. Икона (без полей). Посл. четв. XVIII в. Кострома

12. Прпп. Онуфрия и Петра Афонского. Петра Поворота, *Петра Соловворота*, Капустника. Солнце на зиму, а лето на жары, солнце укорачивает ход, а месяц идет на прибыль; 13. Мц. Акилины. *Акулины Гречишницы*. Акулины-задери хвосты (скот бесится от оводов, строчится). Полагают, что с этого дня должно начинать сеять гречиху, а по другим источникам — либо за неделю до Акулины, либо спустя неделю. В этот день — мирская каша для нищих. Праздник каш. 15. Мч. Вита (см.: Фит). Кто сеет после Вита, прост бывает жита; 16. Св. Тихона, еп. Амафунтского (см.: Тихон Толока). На Тихона и птицы затихают (кроме соловья); 17. Св. мч. Мануила (см.: Мануилов день). На св. Мануила солнце застаивается; 20. Сщмч. Мефодия, еп. Патарского. Праздник перепелятников (см.: Мефодий Перепелятник); 23. Мц. Агриппины. *Аграфены Купальницы*. Начало купания (на севере), закупываются. Травы в соку, и потому — сбор лечебных корней и зелий накануне Ивана Купала. Моются и парятся в банях. Общее купанье с песнями и т. п.; 24. Рождество св. пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. Ивана Купала. *Иванов день* пришел, траву собирать пошел. В этот день тоже собирают травы. В Иванов день, как и накануне его, раскладывают костры, зажигают, прыгают через них, а также купаются в воде и росе, пляшут вокруг дерева, а *ведьмы* собираются на

Достойно есть. Фрагмент иконы. Кон. XV — нач. XVI в. Соловецкий монастырь. ГМЗМК

Лысой киевской горе: этот день их, ведунов, колдунов и т. п., проказы *домовых*, *водяных*, *русалок*, *леших* и т. п. Папоротник расцветает в полночь на Ивана Купала, и им открывают клады. На Ивана Купала кого побьют (на игрищах), пиши пропало. Просите, детки (либо попы), дожда от Ивана, а после Ивана и сам я упрошу; 26. Явление иконы Пресвятой Богородицы *Тихвинской*. Прп. Давида. *Тихвинской Ягодочницы*. *Давида Землячника*. Полагают, что в этот день поспевают земляника; 27. Прп. Сампсона *Странноприимца*. *Самсона Сеногноя* (сено загнивает). Коли на Самсона будет дождь, то и летом будет то ж. На Самсона дождь — семь недель дождя, до бабьего лета мокро; 29. Св. верховных апп. Петра и Павла. С Петрова дня красное лето, зеленый покос. Женское лето по *Петров день*. В Петров день барашка в лоб. В Петра зарница хлеб зорит. С Петрова дня в поле пожня (покос). Прошла Петровка — опало по листу, прошел Илья — опало два. Соловьи поют до Петра, а кукушка кукует. Петр и Павел полчася сбавил. Не хвались, бабка, что зелено, а смотри, каков Петров. Петровка — голодовка. Утешили бабку Петровские жары голодухой. Лады косы и серпы к Петрову дню; 30. Собор славных и всехвалых 12-ти апостолов. *Полунетр*. В этот день, собираясь на покос, провожают весну.

Июнь — конец пролетья, начало лета. «Месяц июнь, ау!» — говорили о нем, имея в виду, что к этому времени все закрома в амбарах пустым-пусты. «Июнь, в закроем ветром дунь! Поищи: нет ли где жита по углам забито! Собери с полу соринки — сделаем по хлебце поминки!» — шутили крестьяне. «С июньского хлеба не велик прок: весь разносол — мякина, лебеда да горька беда!», «Пришел июнь — розан-цвет, отбою от работы нет!», «Богат июнь-месяц, а и то после дедушки-апреля крошки подбирает!», «Поводит июнь на работу — ото-

бьет до песен охоту!», «Что май, что июнь — оба впроголодь!», «Отец с сыном, май с июнем, ходят под окнами, Христа-ради побираются!», «В июне есть нечего, да жить весело: цветы цветут, соловьи поют!», «Июнь — скопидом, урожай мужику копит!», «Июньские зори хлеба зорят, скорее дозревать им велят».

«Мученик Устин (вспоминемый Церковью 1 июня, *Устинов день*) — между маем и июнем тын!» — говорили крестьяне. В этот день народное поверье запрещало городьбу городить: «На Устина не городи тына!» Старики сулили пожар тому домохозяину, который ослушается их совета. В этот же день судили по солнечному восходу об урожае, для чего выходили до зорьки в поле и приглядывались к солнечным лучам: взойдет солнышко на чистом небе — быть доброму наливу ржи. А бродят тучи по небу в это утро — бабам на радость: лен-конопель уродится на диво! От Устина — два дня до *Митрофанова дня* (4 июня). «В канун Митрофана — не ложись спать рано!» В навечерие этого дня оценивали перспективы вызревания хлебов. Деревенский опыт советовал под Митрофана «заглядывать, откуда ветер дует». Во многих местностях Владимирской, Ярославской, Тверской, Тульской и др. соседних губ. существовала старинная примета об этом. «Тянет ветер с полуден — яровому хороший рост!» — говорили там. «Дует с гнилого угла (северо-запада) — жди ненастья!» Ветер «с восхода» (восточный) — к поветрию (повальным болезням). «Сиверок (северо-восточный ветер) ржи дождями заливают!» В старину даже существовал обычай «молить ветер под Митрофана». Старухи сходились для этого за околицей ввечеру, после заката солнечного, и, по данному старейшей из них знаку, принимались выкликать по ветру, размахивая при этом руками, следующее заклинание: «Ветер-Ветрило! Из семерых братьев Ветровичей старшой брат! Ты не дуй-ка, не плюй дождем со гнилого угла, не гони трясавиц-огневиц из неруси на Русь! Ты не сули, не шли-ка, Ветер-Ветрило, лютую болесть-помаху на православный народ! Ты подуй-ка, из семерых братьев старшой, теплом теплым, ты полей-ка, Ветер-Ветрило, на рожь-матушку, на яровину-яровую, на поле — на луга дожди теплые, к поре да ко времячку! Ты сослужика, буйный, службу да всему царству христианскому — мужикам-пахарям на радость, малым ребятам на утеху, старикам со старухами на прокормление, а тебе, буйному, над семерыми братьями на большему-старшому, на славу!» Это заклинание, по словам сведущих людей, имело непреодолимую силу над ветрами и заставляло их помогать крестьянам.

«На Дорофея (5 июня) — утро вечера мудренее!» На *Дорофеев день* примечали течение ветров поутру, руководствуясь теми же указаниями векового сельскохозяйственного опыта, как и под Митрофана. В этот же день праздновали *Игоревскую икону* Божией Матери и память прп. Паисия Угличского. «Придет Ларион Пропольник (прп. Илларион, воспоминаемый 6 июня) — дурную траву из поля вон: подтыкай, девки-бабы, хоботье, начиная в яровом полотье!» Пименовская икона Божией Матери. 6 июня празднуют Пименовскую икону Божией Матери. 7 июня — св. Феодот (*Федот Страж*): «тепло ведет — в рожь золото льет», на дождь наводит — к тощему наливу. «За Феодотом — Федор Стратилат (*Федор Колодезник*) (8 июня), угрозами богат». Первая угроза этого дня, по мнению крестьян, гроза. Гремит поутру в этот день раскатистый гром — не к добру: с сеном не уберется мужик вовремя, дождик-

Пименовская икона Божией Матери. XIV в. ГТГ

«сеногной» все погноит, если не поспешить с уборкой, не бросить всю остальную работу. Прислушивались мужики в этот день к грому, а бабы постарше следили

Богоматерь Игоревская. Икона. 1-я пол. XVI в. Новгород.

Григорий Буренин (?). Паисий Угличский на фоне Покровского монастыря. Икона. Нач. XIX в. Углич. Старообрядческая мастерская. УМЗ

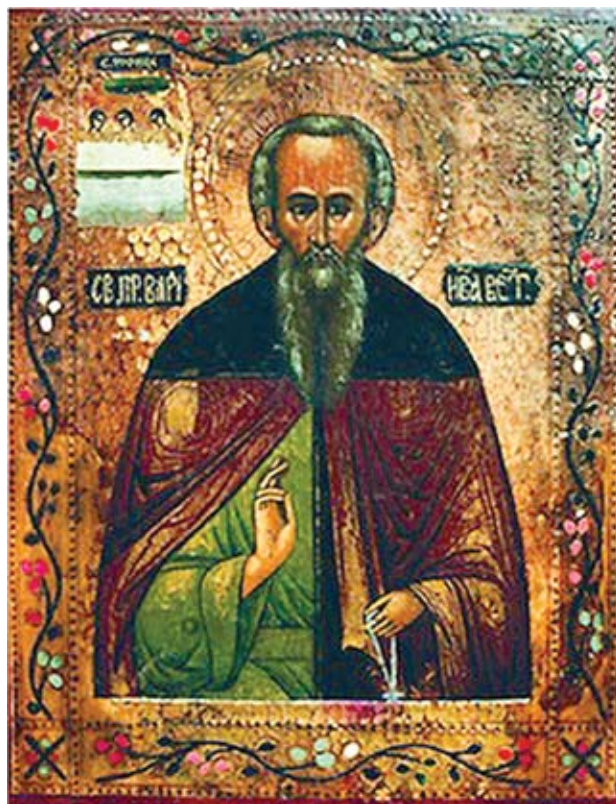
за росами. Стратилатовы росы — вешие: большие считались к хорошим льнам да к богатой конопле. Но еще более зорко приглядывались к этому дню землекопалодезники. Это был их заветный день. «С Федора Стратилата колодцы рой! — гласила народная примета. — Будет вода в них и чиста, и пьяна, и от всякого лихого глаза на пользу!» Под Федоров день — на Федотов вечер ставили колодезники на те места, где утром думали землю копать, «наговоренные» по особому об-

ряду сковороды и оставляли их до утра. Перед солнечным восходом шли они с первым проблеском солнца, снимали сковороды, чтобы загадывать по ним об успехе предстоящей работы: отпотеет, покроется каплями воды сковорода — «многоводная жила» на этом месте. Мало пота на сковороде — мало и воды. Сухая сковорода — уходить с этого места. Намочит наговоренную сковороду сверху дождь — все время, до нового лета, успеха не будет.

За Федором Стратилатом следовал *Кириллин день* (9 июня). «На Кирилу отдает земля солнышку всю свою силу!» — говорили крестьяне. «С Кирилина дня молись солнышку-ведрышку, что солнышко даст, то у мужика в амбаре!» В Кириллин день вспоминали св. *Кирилла Белозерского*. На *Тимофеев день* (10 июня) — «знамения», простор суеверному воображению народному. По преданию, в этот день бродят по земле призраки, «блзнящие глаз человеческий». Старые люди верили, что в эту необычайную пору несметные стада мышей, пасущиеся по гумнам, — к голодному году, волчьи стаи в полях — к падежу скота, стаи воронья, летящие тучатучей из леса на деревню, — к повальному мору людей. По уверению стариков, бывает и так, что если припасть ухом к земле, слышно, как Мать-Сыра-Земля стоном-стонет (к пожару), «люди честной жалеючи». Некоторым людям в эту пору случалось видение, что как будто по озимому полю огонь перебегает, на яркое дымом тянет. Это к бездождю: выгорят хлеба, свернет зерно, скосить придется всю ниву на солому. Тимофеевские знамения предсказывали грозу. Считалось, что счастливо то село, где ни одному человеку ничего не привидится в этот тяжелый день! Варфоломей с Варнавой (11 июня) ничего не предвещают, что Бог даст, то и будет; как проведет человек посвященный им день (во грехе или по-праведному), то ему и будет, независимо

Пименовская икона Божией Матери. Современная икона

Прп. Варнава Ветлужский. Икона. XIX в. Церковь во имя прп. Варнавы Ветлужского в пос. Варнавино

Прп. Арсений Новгородский. Икона

М. И. Дикарев. Мстислав, благоверный князь. Икона. XIX. ГЭ

Ломовская икона Божией Матери.
Без шитой ризы

Прпп. Андроник и Савва Московские. Икона

от каких-либо особых примет. В этот же день вспоминали чудотворную икону «Достойно есть».

12 июня называлось днем *Петра Солонорова*, Петра Капустника: на него высаживалась на огороды последняя, запоздавшая рассада. С этого, самого длинного за лето дня, по народному календарю, солнце укорачивает ход, месяц на прибыль идет, солнце поворачивается на зиму, а лето — на жару. В этот же день вспоминали свв. Анну Кашинскую и Арсения Коневского и Ломовскую икону Божией Матери. 13 июня *Акулина Гречишница*. По приметам: «Сей гречиху или за неделю до Акулин (смотря по местной погоде) или спустя неделю после Акулин». Ни один другой хлеб не требует такой осторожности при посеве. Св. Савва Московский.

За Акулиной Гречишницей следовал

Елисей Гречкосей, *Елисеев день* (14 июня). В этот же день вспоминали князя Мстислава Новгородского. «Придет пророк Амос (15 июня) — пойдут в рост и овес». 16 июня, на Тихонов день (*Тихон Толока*), на-

Моление о народе. Икона. 1530—40-е гг. Покровский храм на Рогожском кладбище

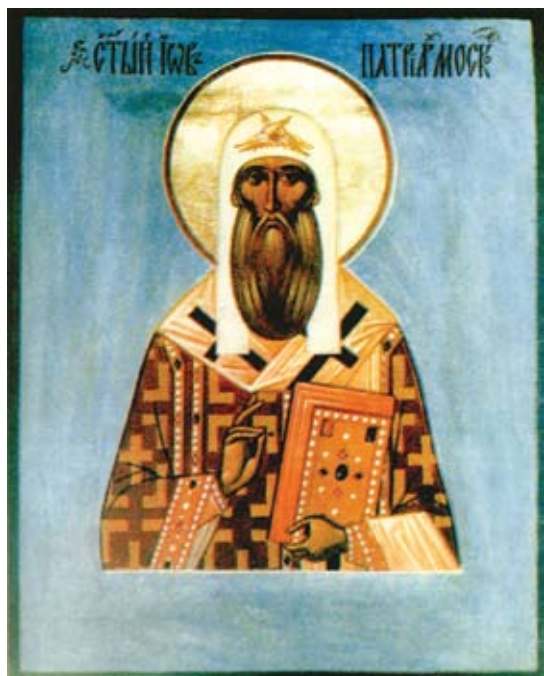
Богоматерь Боголюбская, с избранными святыми. Икона. Посл. треть XIX в. Мстера

Косинская (Моденская) икона Божией Матери. Успенский храм в Косино

жией Матери (20 июня) охотники готовились ловить перепелов, следили за приметами — носится ли тенетник-паутина над ржаным полем, вьется ли кучами мошара над хлебами. Все это — приметы того, что летом будет много перепелов. В этот день перепелятники старались изловить непременно хоть одного перепела: это залог верной удачи на все лето. Если кому выпадало счастье поймать белого «князь-перепела», то он навсегда был обеспечен ловлей: «перепела-де сами так и летят к тому, чуть в руки не валятся». В старину завязанные охотники целыми неделями искали такого счастья. «За Мефодием-перепелятником Ульянов день (21 июня) Ульяну кличет». 23 июня — день Аграфены Купальницы, «лютые коренья». Этот и следую-

чинали затихать певчие птицы; один соловей пел до Петрова дня. На Тихона во многих селах устраивались «толоки» — *помочи*, все торопились унавозить поля под пар. Вечером этого дня молодежь «в назмы играла»: хороводы водила. Пройдут еще сутки, а там празднование иконы «Молении о русском народе» и Боголюбской иконы «Федул (18 июня) на двор заглянул: пора серпы зубрить, к жнитвам готовиться загодя» (Федул и Ипат). С 19 числа Зосима Пчельник, пчелы начинали меда запасать, соты заливать. В этот же день вспоминали св. Иова Патриарха. На Мефодия Перепелятника и в день Косинской (Моденской) иконы Бо-

Патриарх Иов Московский. Икона. XX в. ТСЛ

Владимирская икона Божией Матери с лицевым сказанием о чудесах. Кон. XVI — нач. XVII в. ПХГ

щий (Ивана Купала) дни были окружены в народном представлении множеством поверий, обычаев и обрядов (см.: Иванов день). Празднование Владимирской иконы Божией Матери. В этот же день праздновали память св. отрока Артемия Веркольского.

Св. Артемий Веркольский. Икона. Россия, Север. 2-я пол. XVIII в.

Богоматерь Тихвинская. Икона. Тихвинский монастырь. Успенский собор

«На Тифинскую», Тихвинскую Ягодницу (26 июня), в день явления Тихвинской иконы Пресвятой Богородицы, по приметам, созревала земляника. Если на Самсонов день, Самсон Сеногной прошел дождь, то быть всему лету мокрому, по народной примете, вплоть до бабьего

Блгв. кн. Анна Кашинская. Икона. XIX в. МДА

лета (до самого сентября). Если же на Самсона сухо, 7 недель засуха стоять будет. В Сибири, по словам старожилов, в 40-х гг. XIX в. почти повсеместно соблюдался деревенский обычай приводить в этот день («на Николу Обыденного») лошадей к церкви, служить молебны о благополучии их и кропить водой. 28 июня праздну-

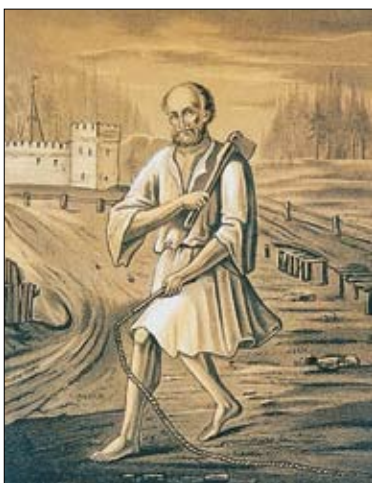
Икона Божией Матери «Троеручица». Храм в честь Успения Пресвятой Богородицы в Гончарах в Москве

Св. Сергий и Герман Валаамские. Икона. 1886 г. ГМИР

Богоматерь Седмиезерная. Икона. XVII в. Москва. УМЗ

Св. Андрей Мещовский, Христа ради юродивый. Тонолитография. 1876 г.

вали икону Божией Матери «Троеручица». «Герману (28 июня) (Крапивные заговины) до Петрова дня — через порог шагнуть, рукой подать!» Празднование св. блаженного Андрея Юродивого Мещовского и Лидской иконы Божией Матери история которой соответствовала идее Москва—Третий Рим. 29 июня вспоминали Касперовскую чудотворную икону.

Папа Римский поклоняется Лидской (Римской) иконе. Икона

Апостолы Петр и Павел. Икона. 1896 г. ГИМ

Богоматерь Касперовская. Икона. Нач. XVIII в. Музей икон в Реклингхаузене. Германия

стилась с ней деревня «до новых сороков (9 марта), до новых жаворонков».

*Весна-красна,
Ты когда, весна, прошла?
Ты когда, весна, проехала?
На кого, весна, успокинула
Своих детушек,
Малолетушек?*

В этот день проходила последняя «окличка», «поминки» весны. Звучала заунывная, сменившая «веснянки», песня поминающих весну девушек, собирающихся на солнечном закате в канун 1 июля на берегу реки. «Поминки» сопровождалась пирушкой: пили брагу, готовили «мирскую яичницу», водили последние весенние хороводы.

В XVIII – н. XIX в. в этот прощальный июньский вечер «хоронили весну». Ее изображала соломенная кукла, наряженная в красный *сарафан* и *кокошник* с цветами. Куклу носили на руках по селу с песнями, а потом бросали в реку, после чего и начиналась пирушка-тризна, посвященная последним проводам «Весны Красной». «Помянули весну – прощай, разноцвет!»

А. Коринфский

К

КАБАЧЕСТВО, сложившаяся с XVI в. система сознательного спаивания некоторой части населения России с целью получения дохода. Опиралась преимущественно на маргинальные слои населения и иудеев. До появления кабачества общественной формой употребле-

Сатана — первый винокур. Картинка из лубочной книги XIX в.

ния алкогольных напитков были *пиры*. Известны пиры княжеские, братские (*братчины*) между несколькими семьями, между одними мужчинами и отдельно между девицами (*складчины*). На пирах, на праздниках, при обрядах свадебных и погребальных русские пили свои старинные напитки — *брагу*, *пиво*, *квас* и бархатный *мед*, каждая семья варила к празднику хмельную бражку. Все пили питье домашнее, почти даровое, здоровое, и хотя не могли не встретиться случаи неумеренного употребления питей, но пьянства совершенно не было, в тех условиях оно было немыслимо.

С оккупацией России татаро-монголами вводятся налоги на брагу, пиво, мед, на квас, а с к. XIV в., когда в России появляется *водка*, и на водку. До этого времени напитки в больших городах продавались в корчмах. В XIV и в XV вв. корчмы встречаются в Новгороде, Твери, Смоленске, Пскове. В других городах и селах корчем не было, но и в упомянутых городах было не больше, как по одной или по две корчмы. Но с появлением водки корчмы стали размножаться, появились и пьяницы.

Случалось, князь, чтобы прекратить пьянство в тайных корчмах, уничтожит их, а заведет свою казенную корчму, но узнает про это владыка и пишет ему: «князь, не хорошо: снеси прочь корчму», — и князь корчму сносит. Так дело шло до 2-й пол. XVI в., когда в русской жизни появился кабак. Кабаком (слово татарское) у татар называлось сначала село, имение и потом постоянный двор, где, кроме съестных припасов, продавались и напитки, употребляемые татарами до

Б. Кустодиев. Корчма. Эскиз декорации к опере А.Н. Серова «Вражья сила». 1919 г.

1389, когда, приняв магометанскую веру, они должны были отказаться от вина. В Казани, во время взятия ее Иваном Грозным, в 1552, упоминаются Кабачкии врата. После Казанского похода Иван Грозный заболел, потеряв царицу, и потом, отдав управление земщиной касимовскому татарину, окружил себя опричниной, для которой за Неглинной, между Арбатом и Никитской, он построил дворец, а на Балчуге завел избу, где бы опричники могли пить и гулять, сколько им угодно, и назвал эту избу кабаком. В этот кабак приходили горожане, покупали там водку, кабак оказался делом выгодным, и вот наместникам областей предписывается уничтожить везде вольную торговлю напитками и заводить царские кабаки. Но чиста и здорова еще была народная жизнь, и царев кабак на Балчуге, по выражению современных памятников, возбудил многое нареkanie и погибель. Царь Федор Иванович, как рассказывают, велел сломать этот кабак, но зато, тотчас же по смерти отца, пожаловал Ивана Петровича Шуйского великим жалованьем, отдав ему город Псков с пригородами, с тамгою и с кабаками. Царь Борис Годунов запретил употребление вина и содержание корчем, и в то же время вновь открыл кабак на Балчуге, который и получил название Большого царева кабака. Место этого знаменитого «отца российских кабаков» указывают у Каменного моста. До сих пор пьянство было редким исключением, и народ, заплатя явку за пиво и мед, варил его дома и пил его у себя дома, сколько ему угодно. Но когда варить пиво и мед и курить вино было запрещено, когда все эти напитки стали продаваться от казны, когда к слову «кабак» приложился эпитет «царев» — народ поневоле потянулся к кабаку, и пьянство увеличилось. Зараза мало-помалу входила в жизнь; появление царева кабака в каком-нибудь месте сначала пугало народ, и он писал к царю: «Царь, вели снести кабак». И царь кабак сносил. В глазах народа кабак сделался чем-то проклятым. «Кабак, — говорил народ, — пропасть, — тут и пропасть». Явилось поверье, что церковь, поставленная на месте кабака, непременно провалится. В Новгородской губ. в Грузинском погосте в 1681 появился кабак, а монахи соседнего монастыря пишут к царю, что тут кабаку быть нельзя, ибо это место святое, здесь апостол Христос Андрей Первозванный посох свой водрузил, и благочестивый царь посылает грамоту, чтоб кабак снести.

Кабак с самого начала оказался вещью выгодною, и были употреблены всевозможные меры, чтобы распространить его, но кабак не шел. Цари жаловали кабаками князей, и бояр, и даже татар, всякий мог приехать в Москву и купить там себе кабак, т. е. право поставить его там, где ему хотелось, а вместе с кабаком брались на откуп и все напитки, даже сусло и квас, народу нечего было пить — но кабак все не шел вперед, а, напротив, появилось множество тайных корчем и ропат, которые были скрыты от общественного надзора и скоро сделались местами разврата. Народу сделалось противно самое имя кабака, и велено называть их кружечными дворами, и очень часто случалось, что отдают кабак на откуп, и в целом округе не оказывается ни одного откупщика. В деревнях кабаки строго запрещались (до к. XVII в.), и еще в 1665 существовали честные русские люди, вроде Ордин-Нащокина, который, замечая зло, распространяющееся от казенных кабаков, хлопотал о прежней вольной продаже напитков.

В Москве, в н. XVII в., было, вероятно, не больше двух-трех кабаков, но к концу века их число увеличи-

Изображение пьянственной страсти. Народная картинка из альбома Д. А. Ровинского

лось многократно. Кабаки начинались с самого Кремля. Здесь, при царе Алексее Михайловиче, на Земском дворе, возле самого государева дворца, с ведома Приказа начальных людей, были заведены кабаки, где кабатчики, собравшись в артели, торговали вином. Всех этих кабатчиков было больше тысячи, и артели их получала большие выгоды. В XVIII в. в Кремле были известны два кабака: один духовный, другой подьяческий. Первый помещался на Соборной площади, под известной Царь-пушкой, и назывался «Неугасимая свеча». Здесь, после вечерень, обыкновенно собирались соборяне, пили и пели «Пасху красную». Подьяческий кабак стоял ближе к дворцу, перейдя туда вместе с Приказами, — он стоял под горой, у Тайницких ворот, и назывался «Катон». При Анне Иоанновне кабак этот велено было из Кремля вывести, вместо него поставили несколько кабаков, но уже не в Кремле. Из других московских кабаков славилась Каменноостровский кабак, служивший притоном всяким вора, и «Красный кабачок», куда собиралось все, что только было тогда в Москве разгульного. Из особенно известных старых кабаков следует упомянуть кабак у Воскресенских ворот. Сюда собиралось после присутствия все подьячество. Между Моисеевской площадью и Никитской был кабак, называемый «Каменный скачок», позднее просто «Скачок». Против Моисеевского монастыря стояло «Тверское кружало», а где в сер. XIX в. был Воронин трактир, ранее стоял «Стекланный кабак». В XVIII в. всю Россию обнимает откупная система, распространившаяся потом на Сибирь, на юг, где

И.-Я. Меттенлейтер. Сцена в кабаке. 1791 г.

прежде московских кабаков не знали. Домашнее пиво и медоварение прекращается, и начинается пьянство в кабаках.

Раз поставленный кабак уже навсегда тут и остается, обрастая народными воспоминаниями. «Тверское кружало», стоявшее в Охотном ряду, в XVIII в. заменяется «Цареградским трактиром», который завел какой-то грек (позднее гостиница «Париж»). Далее на углу Тверской и Газетного переулка стоял «Старый кабак», прославленный августиновским кучером. На Саввинском подворье жил Августин, у него был кучер из духовного звания Илья. Этот Илья иногда до того пил, что его забивали в колодку и приковывали цепью к стулу. Проспавшись на цепи, он вставал, брал в руки стул, и со стулом, с колодкой и с цепью на шее снова плелся в кабак на углу Газетного переулка. В 1862 в Москве считалось, по отчетам откупщиков, 215 кабаков, большая часть их возникла в XVIII в. «Голь кабацкая» — главные посетители кабаков — проводили там время с женщинами, и за минуты буйного веселья среди этих женщин «голь почитала их благодарной памятью, соединив их имена с именами кабаков, которые они посещали». Таков известный кабак «Танька», получивший имя от

Таньки, известной разбойницы, хотя другое предание говорит, что местом посещения ее было «Петровское кружало». Подобным же образом получили свои названия кабаки: «Татьянка», «Агашка», «Аринка» на Девичьем поле. Многие кабаки получали имена от местностей, где они находились, и по др. причинам: «Синодальный кабак», «Казенка», знаменитая некогда «Старая изба», «Роушка», «Ленивка», «Веселуха», «Каковинка», «Щипок», «Подберезка», «Варгуниха», «Разгуляй». Кабаки по окраинам города назывались прощальными или росстанями, как, напр., тверские росстани. Явилось множество кабаков, называющихся по имени *бань*, около которых они стояли как необходимая принадлежность: кабак

«Новинские бани», «Сиверские бани», «Денисовы бани», «Девкины бани», «Барашевские бани», «Ирининские бани», «Елоховы бани», «Петровские бани», «Вишняковы бани», «Крымские бани». В XVIII в. появился кабак «Истерия», а также возникли и др. формы «западной цивилизации» как то: фартины, трактиры, герберги, рестораны, ренсковые погреба. Их число в столицах росло все больше и больше.

Кабаки начинают появляться по селам и деревням, чего прежде не было. В 1787 в средней и южной России не существовало ни одного города, где бы не было нескольких кабаков; встречались такие села, где не было ни одного дома, в котором не торговали бы водкой. Но почти во всяком городе была пивоварня. В Москве в н. XIX в. существовали еще сотни пивоварень. Но откупная система увеличивается более и более, откупная сумма доходит в 1850 до 106 млн. руб. серебром, употребление пива уничтожается, исчезают *наливки*, *настойки*, *травники*, делаются преданием старинные квасы, меда, а народ учили пить водку.

Кабаки были совершенно чужды народной жизни. Они вводились силой, управление ими и всем, что относилось до продажи напитков, уже никак не могло существовать вне общих оснований народного права. В государственной, общественной и народной жизни России сер. XVI в., когда в первый раз появился кабак, везде более или менее действовало выборное начало. Это же начало легло в основание первых установлений о торговле напитками. Царь Иван Васильевич Грозный заводит кабак, и надо собирать на кабаки деньги, но кому? Послать ему туда боярина, дворянина, гостя торгового — царь и представить этого не мог: он поручил надзор за кабаками всему обществу, всему народу, он отдал сбор кабацких денег на веру выборным людям. Да дело было в том, что кабаки были ненавистны народу, и, без сомнения, нельзя было и ожидать, чтоб для управления кабаками пошли лучшие люди. Народу было сказано, чтоб он выбрал лучших людей, т. е. людей достаточных и верных, которые бы, дав присягу и поцеловав крест, собирали бы кабацкую прибыль на веру. Но лучшие люди не шли на служение кабаку, шли только те, которым терять было нечего. Таким

Неизвестный художник н. XVIII в. Портрет Алексея Василькова

Х.-Г. Гейслер. Кабак. Кон. XVIII в. Гравюра

образом кабацкие выборные становились в глазах народа людьми низкими и презренными, и особенно те из них, которые заведовали самой продажей напитков. При каждом кабаке выборных было двое: голова кабацкий и его помощник; голове поручен был высший надзор за кабаком, а продавали напитки и сидели по кабакам его помощники, и хотя голова и его помощники одинаково целовали крест служить казне честно и верно и, следовательно, оба были целовальниками, но народ оставил это имя за одними сидельцами, назвав их целовальниками, а со слов народа этим именем стало называть их и само правительство. С именем целовальника народ соединил то постыдное, позорное и бранное значение, с которым оно дошло до XIX в., и история подтверждает справедливость народного приговора.

Казна требовала все больших и больших кабацких прибылей, и, чтоб вернее достигнуть этого, она, в отношении казенного сбора, связывала выборных самыми тяжелыми правилами в отношении к народу, к потребителям напитков, не стесняя выборных в произволе действия. Вместе с этим в Москве того времени, славившейся своим Шемякиным судом, своей московской волокитой, воспитывался особый разряд людей, готовых за деньги служить всякому нечистому делу. Люди эти, отовсюду сбиравшиеся в Москву, знали, что казна смотрит сквозь пальцы на кабацкое дело, и, сойдясь с московскими подьячими, покупали через них места кабацких голов и откупщиков, давая при этом обязательство выбрать с кабака сумму, несравненно большую перед прежними годами. Но как ни дурны были кабацкие выборные, как ни велико было зло, приносимое ими народу, владельческие и господские крестьяне лишены были даже и этой благодати: целовальников к ним присылали из городов.

Целовальники и откупщики жили вне суда, имели право действовать по своему произволу, только чтоб они к новому году представляли большую прибыль перед прошлыми годами. Москва только и писала к целовальникам, чтоб они торговали, «как бы нашей казне было прибыльнее, а питухов (которые пьют в кабаках) не отгоняли бы». Доносили целовальники, что народ не пьет в кабаках и кабаки пусты, а им на это отвечали, что они «доносят неразумно, и как хотят они, а чтоб непременно собрали кабацкую прибыль». Доходят жалобы, что целовальники недоливают вино, и народ поэтому перестает ходить в кабаки, и приходит по-

зволению самим питухам мерять вино при покупке для того, чтоб им впредь приходиться в кабаки было повадно. Меряя напитки неполными и неверными (незаорленными) мерами, целовальники, кроме того, применяли в водку табак и разные суррогаты, подливали воду. На посетителей кабаков они смотрели, как на самый подлый народ, с которым можно делать все, что хочешь. В 1643 шуянин Аксенов бьет челом царю на Шуйского верного голову и на кабацких верных целовальников, на посадских людей, на Тихона Иконнина с товарищами, что отец его «пьет у них на кабаке безобразно и голова и целовальники кабацкого питья дают ему в долг много, не по животам и промыслу», и «чтоб мне, государь, — продолжает сын, — в том кабацком отца своего долгу не погибнуть и не дойти до того, что и откупить его будет нечем». Поэтому уставными грамотами определяется количество напитков на кружечном дворе, запрещается целовальникам давать вино в долг и в кабалу, чтоб «питухи», как поучает Уставная грамота 1653, «в напойных долговых деньгах, стоя на правее и сидя за приставы и в тюрьме, напрасно не помирили». Велят также смотреть, чтоб «крестов, и различных окладов, и книг, и всякой церковной утвари, и татиных и разбойных рухлядей в пропое под заклад ни у кого не имели». Кабатчики обманывали нетрезвых людей, приписывали им «лишние напойные деньги», подводя их за это под палки, сажая их в тюрьмы. Кроме того, они давали и деньги взаймы, как обыкновенно делали это жида-корчмари в Малороссии. Так, шуйский откупщик в 1646 роздал шестнадцать человекам 55 руб. 50 коп., каждому от рубля до восьми. В кабаках существовали самые низкие и бесчестные средства к наживе, совершались самые низкие преступления. По кабакам заведены были азартные игры, табак, женщины. Работник и мастеровой часто проживали все имущество жены и детей. Пока сидели они в царевом кабаке, никто и ни под каким предлогом не смел вызвать их оттуда, чтоб не нанести этим убытка казне. Пили до того, что все пропивали с себя и выходили из кабака буквально голыми.

Кабак делался мало-помалу местом страшным и скверным. Мать, провожая сына, предостерегала его от кабака и от дружбы с целовальниками:

Не ходи, чадо, к костарем и корчемником,

Не знайся, чадо, с головами кабацкими.

Под влиянием ужасных сцен, совершавшихся в кабаке, — и вино, и кабак, и кабацкие пьяницы, — кабачество в народном сознании стало символом всего дьявольского, темного, нечистого. Не перекрестивши рта, не перекрестивши стакана с вином, нельзя было выпить — иначе, вместе с вином, вскочит в рот и *дьявол*, сидящий в стакане. Дьяволы лично являлись в кабаках и спаивали народ. Опившиеся в кабаках или убитые там считались уже нечистыми, их не погребали, а зарывали в лесу, считали *заложными покойниками*. Патр. Адриан повелел, чтоб всех, которые, играя, утонут или вином обопьются, не отпевать, а класть в лесу или на поле. Отсюда-то распространилось злое, суеверное народное мнение, что если на общем кладбище похоронят опийцу, то быть неурожаю или засухе. В 1861 в одной деревне, во время случившейся засухи, народ вырыл из могилы труп крестьянина, умершего от пьянства, и, изуродовав его, бросил в реку.

Несмотря на то что прежние целовальники, как люди выборные, часто сменялись, несмотря на то что

при введении откупов в прошлом веке уже не было верных целовальников, но имя их, их значение сохранилось в названии кабашных сидельцев целовальниками, они остались навеки памятны в позорной брани: «целовальник!» С развитием откупов к целовальникам присоединились целые массы откупных чиновников, агентов, приказчиков, надсмотрщиков, безнаказанно дерзко употреблявших все средства, чтобы спойть народ. Целовальники, служившие в откупах, получали прежде жалованья от 6 до 8 руб. в месяц, и только те получали 25 руб., у которых продажи было не менее чем на 2000 руб.

И несмотря на то что из этого скудного жалованья целовальники должны были платить за утку, за освещение кабака, за бой посуды, кроме того, платить штрафы, угощать полицию и пр. — желающих служить целовальниками было много. Целовальники в Москве наживались, богатели и делались откупщиками-миллионерами. Кроме миллионов, получаемых казноу за откупа (в 1859 эта сумма выросла до 127,7 млн. руб. серебром), кроме сотен миллионов, наживаемых откупщиками (по вычислению Бабста, до 600 млн. ежегодно), сколько еще миллионов наживали целовальники! Целовальник находился как бы вне законов: полиция не могла ничего сделать с ним без откупщика. Целовальник знал одну власть — откупщика, имел одну цель — обирать народ. Он обмеривал, обсчитывал, обкрадывал народ, торговал краденными вещами, торговал даже мелкой монетой, извлекая ее из народного обращения, и за все это продавал водку, разбавленную водою и суррогатами. Сначала в целовальники шли только горожане, затем в разных местностях сделалось обычаем на заработки ходить в города в целовальники, и, наконец, появились целые села, откуда на всю Россию выходили целовальники. Таковы богатые села Рязанской губ., Зарайского у.: Белоомут, Ловцы, Любичи и знаменитое государственное село Дедново.

Если в Центральной России народ спаивали откупщики и целовальники, то в Малороссии и Белоруссии еще более жестоко и напористо это совершали иудеи-шинкари. Усилением иудеев за счет умного, доброго и честного малороссийского народа Малороссия обязана сначала полякам, а потом Москве, которая народу не давала водки, а жидам и полякам позволяла делать все что угодно. Вся Малороссия и Белоруссия стонали еще под игом поляков. Малороссы были для польского пана низкими холопами. Народ панам поставлял «меда та вина ситни», а паны за это усеяли всю Малороссию шинками, отдав их, вместе с народом, в аренду иудеям. По Указу 26 янв. 1725 кабаки Смоленской губ. были отданы на откуп «жидам Борху и Лейбову», но они действовали так «хорошо», что через два года велено было сделать с ними расчет, и выслать их вон из России, и вперед не пускать. Закон 1845 окончательно запрещает жидам торговать в шинках по деревням, селам и хуторам. Запрещение это остается и в Положении 1863. И тут-то, среди глубочайшего, всеобщего молчания о пользах народа, начинают снова раздаваться голоса за иудеев-корчмарей, поднятые в видах народной пользы. Один предводитель дворянства, указав на важное значение иудеев для благосостояния губернии, ходатайствует о допущении их торговать в шинках, — тем более потому, что малороссы отказываются брать в аренду шинки, — и свидетельствует, что с освобождени-

ем крестьян некому будет содержать шинки, кроме иудеев, а с воспрещением этим последним шинковать — шинки должны будут закрываться, и тогда дворянство понесет убытки. Предложение это было принято, как видно из циркуляра от 23 мая 1863, и дозволено иудеям в местах их оседлости заниматься питейной продажей повсеместно, на общем основании. Народ Малороссии дал дорогу иудеям-корчмарям, сам же совершенно отстранился от участия в торговле вином. «Отчего вы не торгуете вином?» — спрашивают тамошнего крестьянина. — «Боимся проторговаться». — «Да отчего ж жида не проторговываются?» — «Да у жида, — отвечает народ, — бачьте, и жидовска натура, а у нас натура мужицка, христианска».

И. Прижов

КАГАНЕЦ, глиняная плошка с ручкой, наполненная салом с опущенным в него фитилем. Выполняла роль *светильника* в Малороссии и южных районах Велико-россии.

КАДКА (кадушка), емкость для заготовки солений, квашений, мочений.

Она изготавливалась бондарями из клепок, стянутых обручами, и представляла собой усеченный конус

Кадки

или цилиндр, иногда поставленный на три ножки, являвшиеся продолжением клепок. Необходимой принадлежностью кадки были кружок и крышка, сделанные из хорошо выструганных и прижатых друг к другу клепок. Кружком, диаметр которого был меньше диаметра кадки, прижимали положенные в нее продукты, а затем сверху укладывали гнет — камень. Соленья и моченья при этом всегда находились в рассоле, не всплывая на поверхность. Крышка, плотно входившая в кадку, нужна была для того, чтобы предохранить продукты от загрязнения. Снимали крышку с помощью находящейся в центре ее ручки.

Кадки изготавливали из листовых пород деревьев: сосны, липы, дуба; обручи — из ветвей ивы, сирени, черемухи, орешника. Особенно ценились дубовые кадки. В них засаливали огурцы, мясо, рыбу, квасили *капусту*, мочили яблоки, бруснику, клюкву. Дубовая древесина содержит консервирующие вещества, убивающие гнилостные бактерии, благодаря чему заготовленные в дубовых кадках продукты сохранялись намного дольше, чем в липовых или березовых. Кроме того, дуб придавал соленьям дополнительный аромат и вкус. Кадки из осины использовали гл. обр. для засаливания капусты, которая оставалась в них белой и хрустящей.

И. Ш.

КАЗАКЪН, мужской полукафтан, суконный, выше колен, приталенный, со сборками на спине, с узкими рукавами и воротником-стойкой, однорортный, на крючках. В XVIII–XIX вв. в женском костюме употреблялся казак в виде длинной кофты, с широкой спинкой, часто с закругленными полами; надевался поверх платья; обычно носился нараспашку.

КАЗАН, большой котел, литой, чугунный, кованный железный либо цельнотянутый медный, с полукруглым дном, с ушками либо с дужкой, для приготовления пищи.

КАЗАНСКАЯ ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ, один из главных символов русской духовности, икона с изображением Богоматери с младенцем Христом на руках в иконографическом типе Одигитрия (Путеводительница), обретаена в 1579 в Казани.

После пожара, уничтожившего половину города, 9-летней девочке Матроне Онучиной явилась во сне пречистая Богородица и повелела возвестить всем, что в земле, на месте сгоревшего дома Онучиных, хранится Ее икона. Сообщению девочки поначалу не придали значения. Однако сон повторился еще дважды. Тогда Матрона со своей матерью сами откопали икону, а священник ближайшего Никольского храма Гермоген с *крестным ходом* отнес икону в свой храм. А после молебна икону перенесли в Казанский Благовещенский собор. До н. XVII в. икона почиталась в основном в Казани и Москве. Интересен тот факт, что позднее, в

Богоматерь Казанская. Икона. Нач. XVIII в. Музей-заповедник «Шелыково»

Смутное время, священник Гермоген стал патриархом Русской православной церкви и прославился своими подвигами и мученической смертью во имя спасения Отечества.

Образ Казанской Божией Матери с наиболее благодатной силой впервые проявил себя в годы Смуты. В Казанском ополчении был список с иконы, который воины вручили кн. Д. М. Пожарскому. В 1612 икона стала Путеводительницей всего второго ополчения, двинувшегося из Н. Новгорода на освобождение Москвы. Накануне решающего сражения с интервентами, засевшими в Москве, русское войство 3 дня постилось и молило Богородицу о милости перед Казанской иконой. А победа, одержанная в этом сражении, была расценена как очередное свидетельство покровительства Божией Матери России.

С этих пор икона Казанской Божией Матери приобретает общерусское значение. Поначалу возникло народное почитание — сразу после освобождения Москвы в 1612, когда, в отсутствие царской власти, воины ополчения «уставиша праздник торжественный праздновати о таковой дивной победе».

Общегосударственной святыней, «палладиумом царского дома Романовых, защитницей столицы царства и охранительницей трона» икона сделалась к 1636, при царе Михаиле Федоровиче Романове, когда на Красной площади Москвы был построен каменный Казанский собор. Он был одним из немногих в то время храмов на Руси, посвященных этому образу, но сразу же занял второе место в иерархии столичных храмов. Собор возводили на средства царской семьи, которая, как свидетельствует Новый летописец, «начаша к тому образу веру держати велию и повелеша праздновати дважды в год и ход уставиша со кресты».

Тимофей. Богоматерь Казанская. 1649 г. ГМЗРК

Почитание Казанского образа все более соединялось для царя Михаила Федоровича и его семьи с восприятием Казанской иконы как символа покровительства Богоматери не только Российскому государству, но и, особо, новой царской династии. Это личностное отношение, крепнущую веру и почитание образа можно считать главными источниками создания все новых и новых храмов сначала в Москве, а затем и по всей России. Как показали наблюдения современных исследователей над хронологией строительства храмов в честь Казанской иконы вплоть до 1611, ее почитание первоначально распространялось лишь в Казани с отдельными выходами по Поволжью. Но бурный рост строительства Казанских храмов наблюдается уже со 2-й пол. 20-х XVII в. Он набирает силу после 1632, когда на Красной площади в Москве начали возводить собор во имя всенародной святыни.

Та же закономерность ощущается и в многочисленных чудесах, явленных от списков с Казанского образа — большинство из них отмечено в годы правления первых Романовых. При царе Михаиле Федоровиче было 7 таковых явлений — в Москве (1612 и 1632), в Черниговской (1622), Владимирской (1624), Волынской (1636), Костромской (1642) и Пензенской (1643) губерниях. Тремя явлениями отмечено царствование Алексея Михайловича — в Витебске (1654), Тобольске (1661) и Зарайске (1673). При царе Федоре Ивановиче — одно явление в Соловецком монастыре в 1676. При совместном правлении малолетних царей, Иоанне и Петре, отмечено 2 явления, а в царствование Петра зафиксировано 7 явлений иконы — в Киеве (1699), Шлиссельбурге (1702), в Костромской (1702), Харьковской (дважды в 1708) губерниях, в Каргополе (1714) и Пензе в (1717).

Как можно заметить, наибольшее количество явлений этой иконы в XVII в. происходило во времена царствования Михаила Федоровича. Видимо, это совсем не случайно: люди сохраняли еще живую память об образе, выведшем Россию из многолетней братоубийственной бойни, для них события Смутного времени были еще живой историей. В восприятии русского народа Казанская икона уже спасла, а затем и постоянно оберегала от гибели не только страну, но и ее жителей. В качестве примера можно привести «Повесть о Савве Грудцыне», герой которой, современник Михаила Федоровича, был избавлен от договора, подписанного с дьяволом, только по молитве перед Казанским образом в Москве. Примечательно, что свидетелем этого чуда был царь.

В 1649 Алексей Михайлович официально распространил почитание образа на все государство. Кстати, этот день, 22 окт., стал последним общим праздником единой Русской церкви.

К 60-м XVII в., с одной стороны, течение российской жизни постепенно вошло в спокойную колею, и память о помощи Казанской иконы постепенно покрылось туманной дымкой легендарного прошлого, а с др. — страна вступила в новую полосу испытаний, связанных с расколом Церкви. Последние годы царствования Алексея Михайловича и правление его преемника — Федора Алексеевича стали переломными в почитании образа, ибо гонимые приверженцы древнего благочестия страстно ожидали покровительства от святыни. Из столичного Казанского собора начался путь в ссылку главных идеологов старообрядче-

Богородица Казанская. Икона. XVII в. СИХМ

ства — «неистового» Аввакума и Ивана Неронова. По преданию, сохраненному П. И. Мельниковым, после разгрома царскими войсками Соловецкого монастыря икона Казанской Божией Матери — комнатный образ, ранее принадлежавший Алексею Михайловичу, — увела старца Арсения в заволжские леса, где тот основал первый раскольничий скит.

Новый всплеск чудотворений от образа приходится уже на годы Северной войны, но именно тогда происходит переосмысление образа как святыни, оберегающей Русскую землю от нашествия иноплемеников.

Так, в 1709, накануне Полтавского сражения, перед иконой молился Петр I, а в 1710 икона из Москвы была перенесена в С.-Петербург и здесь, после строительства в XIX в. Казанского собора, хранилась в этом соборе. В 1812, отправляясь в Русскую армию, перед Казанской иконой Божией Матери стоял на коленях М. И. Кутузов.

Празднование в честь иконы совершается 8 (21) июля и 22 окт. (4 нояб.).

С. Перевезенцев
КАЗАНСКАЯ ЗИМНЯЯ, народное название празднования иконы Казанской Божией Матери (22 окт./4 нояб.). Важный праздник в крестьянском быту. Казанская считалась бабьей заступницей. С праздником было связано много примет; напр., считали, кто на Казанскую женится — будет счастлив в семье.

К зимней Казанской производились все расчеты с батраками, каменщиками, плотниками, штукатурами и др. наемными рабочими. Закончив все работы, они ехали в свои деревни. На Казанскую ждали дома мужиков-отходников, которые избы и печи делали по др. деревням. Девушки в этот день гадали на лист-зеркальце. С утра пораньше, когда еще иней с листьев не спал, бежала девушка в лес, срывала заиндевелый березовый листочек, что ниже всех растет, и смотрелась в него, словно в зеркальце, стремясь увидеть в нем свое красивое отображение. Существовало поверье, что если девушка была дурна лицом, то после

Богоматерь Казанская. Икона. 2-я пол. XVIII в. Галич. Музей-заповедник «Шелыково»

этого смотрения в листик-зеркальце преображалась в красавицу.

КАЗАНСКАЯ ЛЕТНЯЯ, народное название праздника в честь дня явления иконы Пресвятой Богородицы во граде Казани, 8/21 июля. На Казанскую начиналась жатва.

По крестьянским наблюдениям, этот день чаще всего бывает солнечным, редко когда дожди выпадают. Начало жатвы проходило по особому ритуалу. В ржа-

ное поле выходили с Казанской иконой Божией Матери. Процессия во главе со священником обходила кругом все поле, затем служили молебен.

По древнему обычаю, кланялись ниве, чествуя ее *хлебом-солью*, затем нажинали первые 9 снопов и ставили их в бабку (суслон). На свежескошенной полосе расстилали полотно, раскладывали хлеб-соль, *пирог*и, яйца и принимались за трапезу, запивая еду освященной водой. Затем, помолясь, начинали жатву. Мужики косили, бабы и девки вязали снопы, подростки ставили бабки.

На Казанскую поспевала черника. С этого дня ее собирали в лесу. С ее помощью лечились от расстройства желудка, диабета, ревматизма, подагры. Там, где в селах церковь была посвящена Казанской иконе Божьей Матери, проводился престольный праздник. Сьезжались гости, устраивали *ярмарки*, проходили гуляния.

В этот же день праздновали память свв. мчч. Прокония и Праведника *Прокопия*, Христа ради юродивого, *Устюжского* чудотворца. Поэтому этот день в народе еще именовали Прокопьев день, Прокоп Жнец, Прокопий Жатвенник.

КАЗАЧЕСТВО (от *тюрк.*: казак, козак — удалец, вольный человек), военное сословие в России. В XIV—XVII вв. — вольные люди, свободные от тягла и работавшие по найму, гл. обр. на различных промыслах, а также лица, несшие военную службу на окраинах страны. Служилые казаки разделялись на городовых (полковых) и станичных (сторожевых) и использовались для защиты соответственно городов и сторожевых постов, за что получали от правительства землю в пожизненное пользование на условиях поместного владения и жалование. Как социальная группа эти казаки были близки к стрельцам, пушкарям и т. п. В XVIII в. большая их часть была переведена в податное сословие и вошла в категорию однодворцев, часть вошла в состав казачества (сибирского, оренбургского и др.).

Со 2-й пол. XV в. за линией сторожевых укреплений на южных и юго-восточных окраинах Польско-литовского и Русского государств начали скапливаться беглые крестьяне и посадские люди, которые также называли себя вольными людьми — казаками. Необходимость вести непрерывную борьбу против соседних феодальных государств и полукочевых народов способствовала объединению этих людей в общины. В XV в. возникли общины донских, волжских, днепровских и гребенских казаков. В 1-й пол. XVI в. возникла За-

Богоматерь Казанская. Икона. XIX в. Вольский краеведческий музей

Н. Самокиш. Казак на плацу. Кон. XIX в. Собрание В. Пешича

порожская Сечь, во 2-й пол. XVI в. — общины терских и яицких казаков. В к. XVI в. образовалось сибирское казачество, а в сер. XVII в. в Левобережной Малороссии — слободское казачество. Польско-литовское правительство во 2-й пол. XVI в. создало из верхушки украинского казачества категорию реестровых казаков, состоявших на жаловании, а остальных стремилось перевести в податные сословия. Быстро возрасшее малороссийское казачество составило ведущую силу народных восстаний в Малороссии в к. XVI — 1-й пол. XVII вв. под предводительством С. Наливайки, К. Косинского, Г. Лободы и др. В сер. XVII в. малороссийское казачество во главе с Богданом Хмельницким приняло активное участие в освободительной войне за воссоединение Малороссии с Россией.

Н. Самохин. Уральские казаки

Экономический быт и общественно-политическое устройство казачества имели много общих черт. Основу хозяйственной жизни казаков вначале составляли промыслы — охота, рыболовство и бортничество. Сравнительно рано появилось скотоводство; земледелие, как правило, стало распространяться позднее, примерно со 2-й пол. XVII в. В XVI—XVII вв. важными источниками существования казачества являлись также военная добыча и жалование от государства. За короткий срок казачество освоило огромные пространства плодородных земель Дикого поля и др. окраин России. Казаки активно участвовали в движении русских землепроходцев в Сибири и на Дальнем Востоке. В XVI — 1-й пол. XVII вв. царское правительство не имело достаточных сил, чтобы подчинить своей власти «вольное» казачество за пределами государственных границ. В то же время оно стремилось использовать это казачество для защиты южных и юго-восточных границ государства и посылало казакам жалование «за службу», боеприпасы, хлеб. Это способствовало постепенному превращению казачества в привилегированное военное сословие, положение которого определялось тем, что за службу государству каждое казачье войско наделялось землей, которую оно передавало в пользование казачьих станиц. Такая форма средневекового пользования землей за службу сохранялась у казачества до 1917.

Казачество с самого начала не было однородным. Увеличивалось количество бедных казаков («голытьба», «нетяги» и т. п.), которые принимали наиболее активное участие в крестьянских войнах и народных восстаниях XVII—XVIII вв. Одновременно из массы казачества выделялась богатая часть — «домовитые», верхушка которых захватила руководящее положение

в казачьих общинах, образовав группу старшин. В н. XIX в. казачья старшина вошла в ряды дворянского сословия.

В XVI—XVII вв. казачество пользовалось автономией в области суда, управления и внешних сношений. Все важнейшие дела обсуждал общий сход казаков («рада», «круг», «коло»), на решения которого рядовая масса оказывала некоторое влияние. В течение XVIII в. вместе с превращением казачества в военное сословие казачьи общины были преобразованы в иррегулярные казачьи войска. В 1721 они перешли в ведение Военной коллегии; затем была ликвидирована выборность войсковых атаманов и старшин, которые постепенно превратились в военных чиновников. В 1709 (в связи с подавлением Булавинского бунта) ликвидирована Запорожская Сечь, которая была восстановлена в 1734 под названием Новой Сечи и окончательно упразднена в 1775 после пугачевского бунта. В 1670-х окончательно подчинены Донское, Яицкое (переименовано в Уральское) войска, расформировано образованное в 1733 Волгское казачье войско.

Во 2-й пол. XVII — 1-й пол. XIX вв. вместо некоторых потерявших свое значение казачьих войск создавались на основе полного подчинения правительству новые. Так, для защиты восточных и юго-восточных границ государства от ногайцев, калмыков, казахов и башкир были образованы в 1750 Астраханское войско, а в 1755 — Оренбургское. В 1787 для защиты Новороссии из бывших запорожцев образовано Черноморское казачье войско, переселенное в 1792—93 на Кубань. В 1828 из задунайских запорожцев, принявших русское подданство, создано Азовское казачье войско, лик-

Одежда уральской казачки. Кон. XIX в.

видированное в 1865 (казаки переселены на Кубань и влились в состав Черноморского войска). Казаки, оборонявшие Ишимскую («Горькую»), Иртышскую и Колывано-Кузнецкую линии, в 1808 были объединены в Сибирское казачье войско. В 1851 образовано Забайкальское войско, из состава которого в 1858 выделено Амурское войско. В 1867 создано Семиреченское, а в 1889 — Уссурийское войска. В 1833 образовано Кавказское линейное казачье войско, в состав которого вошли все казачьи войска, расположенные на Кавказской линии (кроме Черноморского). В 1860 вместо Черноморского и Кавказского линейного образованы Кубанское и Терское казачьи войска. Казачество вновь образованных казачьих войск сыграло значительную роль в колонизации малонаселенных окраин (Сибирь, Дальний Восток, Семиречье, отчасти Северный Кавказ), в распространении земледелия. Наряду с этим оно подвергалось влиянию местного населения в области быта и хозяйства.

Праздничный костюм уральской казачки. 2-я пол. XIX в.

К н. XX в. в России существовало 11 казачьих войск — Донское, Кубанское, Терское, Астраханское, Уральское, Оренбургское, Семиреченское, Сибирское, Забайкальское, Амурское и Уссурийское. Кроме того, было небольшое количество красноярских и иркутских казаков, образовавших в 1917 Енисейское войско, и Якутский казачий полк Министерства внутренних дел. Казачество насчитывало 4434 тыс. чел. населения (1916), в т. ч. ок. 480 тыс. служилого состава, и располагало ок. 63 млн. десятин земли. Все казачьи войска и области, населенные казаками, были подчинены в военном и административном отношении Главному управлению казачьих войск Военного министерства во главе с атаманом всех казачьих войск, которым с 1827 являлся наследник царя. Во главе каждого войска стоял «наказный» (назначенный) атаман, а при нем — войсковой штаб, который управлял делами войска через назначенных атаманов отделов или (в Донском и Амурском войсках) окружных атаманов. В станицах и хуторах имелись станичные и хуторские атаманы, избиравшиеся на сходах. Взрослое мужское казачье население с 18 лет было обязано нести военную службу

в течение 20 лет (по уставу 1875 для Донского войска, распространенному позже на др. войска), в т. ч. 3 года в «приготовительном» разряде, 12 лет в «строевом» (4 года на действительной службе — 1-я очередь и 8 лет на «льготе» — 2-я и 3-я очереди, с периодическими лагерными сборами) и 5 лет в запасе. В 1909 срок службы сокращен до 18 лет за счет сокращения «приготовительного» разряда до года. На военную службу казак являлся со своим обмундированием, снаряжением, холодным оружием и верховой лошастью. Накануне 1-й Мировой войны казачество в мирное время составляло 54 конных полка, 20 батарей, 6 пластунских батальонов, 12 отдельных сотен и 4 отдельных дивизиона (всего 68,5 тыс. чел.). Во время войны (к 1917) было выставлено 64 конных полка, 56,5 батарей, 30 батальонов, 175 отдельных сотен, 78 полусотен, 11 отдельных дивизионов и 61 запасная сотня (ок. 300 тыс. чел.). Благодаря хорошей боевой подготовке и военным традициям казачьи части играли видную роль в войнах России XVIII — н. XX вв., особенно в Семилетней войне 1756—63, Отечественной войне 1812, Крымской войне 1853—56, Русско-турецкой войне 1877—78.

КАЗЕНКА, 1) каморка, чулан, отгороженный угол, клетушка; перегородка в избе, откуда нет топки, а иногда и в *горенке*, в летней половине; деревянный пристрой к печи в избе, с дверкой, во Владимирской, Нижегородской, Пермской, Смоленской, Рязанской, Тамбовской губ. служивший приступком для лаза на печь с лежанкой, если печь натоплена, помещением зимой для птицы и мелкого скота и (в Тамбовской губ.) крышей над лазом в *подполье*, *голке*; 2) *коник* (он же местами *кутник*), большой прилавок у дверей, при входе в избу, с дверцами; 3) каморка в виде арестантской (в Донской обл.); 4) рубка или каютка на речных судах, где живет хозяин или приказчик и хранятся деньги; 5) кабинет, тайничок; 6) *ларец* или *шкатулка*, денежная коробка.

В. Даль

КАЙСАРОВ Андрей Сергеевич (16 [27].11.1782—14 [26].05.1813), первый русский профессор из дворян, преподававший на русском языке, первый русский ученый-славист, писатель, общественный деятель, герой Отечественной войны 1812.

В 1804 Кайсаров издал на немецком языке книгу «Славянская и российская мифология», написанную в «азбучном порядке», которая затем на русском языке вышла в Москве в 1807 и 1810. Это был первый в России словарь языческих мифов. Тщательное изучение древнейшей славянской культуры и литературы легло в основу невоплощенного замысла — составления «Сравнительного словаря славянских наречий» (1805, Геттинген).

А. Б.

КАЛАБАШКА, точеная из дерева *чашка*, *миска* для еды в северных губерниях.

КАЛАЧ, пшеничный хлеб из слабо замешанного теста, выпеченный в форме утолщенного кольца с тонкой ручкой в виде дужки, за которую калач держали во время еды, чтобы не пачкать его руками.

КАЛАЧОВ Николай Васильевич (26.05.1819—25.10.1885), ученый историк-юрист, сенатор, исследователь русской *артели*. Учился в Московском дворянском институте и Московском университете на юридическом факультете. Еще будучи студентом, Калачов написал исследование «О Судебнике царя Иоанна Васильевича», помещенное в «Юридических записках». Службу Калачов начал при Археографической комиссии, но скоро вышел в отставку, чтобы заняться хозяйством в

Н. В. Калачов

своих родовых именин. В 1846 он вернулся в Москву и занял место библиотекаря в Московском Главном архиве Министерства иностранных дел. Защитил диссертацию «О Русской Правде». В 1848, с выходом из Московского университета К. Д. Кавелина, занял кафедру истории русского законодательства, на которой оставался до 1852. В 1850 Калачов начинает издание

«Архива историко-юридических сведений о России», который, благодаря трудам самого издателя и целого ряда ученых новой школы, был очень важным явлением тогдашней исторической литературы. Кроме вопросов древнего русского законодательства, в «Архиве» помещались исследования о древней жизни вообще, с теми новыми приемами, которые развивались тогда в истории, филологии, этнографии благодаря трудам В. С. Соловьева, Кавелина, Ф. И. Буслаева, А. Н. Афанасьева и др. С 1857 издание Калачова стало называться «Архивом исторических и практических сведений, относящихся до России». В 1851 Калачов был назначен членом Археологической комиссии, а в 1852 ему было поручено издание «Дополнения к актам историческим». Для собирания материалов Калачов совершил в 1852 и 1853 археологическое путешествие по России, результатом которого явились изданные в 1852 «Исторические заметки, собранные в Орле и Мценске». Оставив кафедру, Калачов переселился в С.-Петербург и здесь работал во Втором отделении Собственной Его Величества Канцелярии. Назначенный членом редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, Калачов работал в юридическом отделении их. Первый его доклад «О прекращении крепостного права» своей обстоятельностью вызвал удивление др. членов комиссии. Его инициативе обязаны своим существованием ст. 130 Устава гражданского судопроизводства, впервые узаконившая применение на суде *обычного права*. Позже Калачов был председателем комиссии, учрежденной при Географическом обществе для собирания народных юридических обычаев. В 1864 в С.-Петербурге им напечатано исследование «Артели в древней и нынешней России». В книге рассматривалась практическая деятельность артелей и относящиеся к ним законодательные документы.

Лит.: Н. В. Калачов. Чтения, посвященные его памяти, в Археологическом институте 3 декабря 1885//Вестник археологии и истории. Вып. 5. 1886.

КАЛГАН, долбленный из дерева *ковш*, деревянная или глиняная чашка для еды грубой работы; в калгане также формовали хлебы, крошили мясо, толкли сало и пр. В переносном смысле — грубое название головы, башка.

КАЛИКИ ПЕРЕХОЖИЕ, персонажи русского народного былинного эпоса (см.: «Калика Иванище», «Сорок калик со каликою»).

Калики предстают в русском народном эпосе далеко не второстепенными персонажами. Калики исцеляют и наделяют силой *Илья Муромца*; «сокрутившись» каликой, проникает он неузнанным в «Царь-от-град»; с каликой меняется одеждой и *Алеша Попович*, выходя на бой с Тугарином; каликами «справляются» Илья Муромец и *Добрыня Никитич*, спасая Михайло Потыка. Есть среди былинных героев Калика-богатырь, побивающий «силушку», которой «сметы нет», причем не где-нибудь, а «на тех полях да на Куликовых». Не менее значителен образ др. былинного богатыря, «сильного могучего Иванища», с которым не решается вступить в единоборство даже Илья Муромец. Иванище — тоже «калика переходящая переброящая».

И есть т. н. каличи *былины*, созданные самими каликами переходящими Древней Руси. К высочайшим образцам русского народного эпоса принадлежат былины «Голубиная книга» и «Сорок калик со каликою».

«Голубиная книга», по единодушному мнению специалистов, один из самых древних памятников фольклора, а «Сорок калик со каликою» — один из самых популярных. Всего же каликами созданы десятки произведений, составляющие особую каличью поэзию (см.: Духовные стихи).

Калигвы, калиголовки, калиги, калички, калижки — названия (по *В. И. Далю*) в разных губерниях России «обуток» косцов, пастухов. Но чаще калиги — обувь странников, паломников (лоскут холста, затянутый на подъеме веревкой).

Отсюда и «калики переходящие», всегда находящиеся в былинах в пути, в дороге, предупреждающие об опасности. Не случайно такой важной деталью является в былинах обувь каличья: не какие-нибудь «лапотки», а — в соответствии с поэтикой былин — «семи шелков», точно так же как «сума каличья» опять же не какая-нибудь, а «рыта бархата», и столь же неслучайный «посох каличий», выступающий в былинах в качестве богатырской палицы в «девяносто пуд».

Среди первооткрывателей каличьей поэзии и *духовных стихов* имена А. С. Пушкина, Н. М. Языкова, П. В. Киреевского.

«Бездомного, безродного//Немало попадает-ся//Народу на Руси», — так начинается глава «Странники и богомольцы» в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Стихотворение С. Есенина «Калики» из цикла «Русь» через полвека как бы продолжает этот рассказ: «Проходили калики деревнями, // Выпивали под окнами квасу, // У церковей перед затворами древними // Поклонялись Пречистому Спасу». Стихотворение Есенина заканчивается, казалось бы, неожиданным сближением калик переходящих со скоморохами: «Вынимали калики поспешливо // Для коров сбереженные крохи. // И кричали пастушки насмешливо: // «Девки, в пляску! Идут скоморохи!» Но сближение двух образов — калик и скоморохов — далеко не случайно, имеет свои глубокие исторические корни. Скоморохи — похваляющиеся (в былинах «Вавило и скоморохи») «перейграть царя Собаку», и калики — их «страдальные речи» — 2 полюса, 2 противоположных и тем не менее неотделимых друг от друга явления народной культуры и народной жизни.

И былинные, и литературные калики являются странниками, паломниками, но при этом обращает на себя внимание одно явное несоответствие. Ведь былинные калики — отнюдь не слепцы, не старцы, не «сырые и убогие», каковыми они предстают не только у Н. А. Не-

И. Прянишников. Калики переходящие

красова, С. А. Есенина, но и в «Губернских очерках» М. Е. Салтыкова-Щедрина, в книге С. В. Максимова «Русь бродячая», в стихотворении 1946 «Слепой» Н. Заболоцкого. Как раз наоборот, в былинах всюду подчеркивается, что ни в силе, ни в удали они не уступают богатырям, а зачастую и превосходят их. Эпические, монументальные образы калик предстают перед нами в былинах «Сорок калик со каликою». Это не убогие странники, а сорок удалых добрых молодцев, которые, проходя мимо потешных княжеских островов и завидя на охоте кн. Владимира: «Скричат калики зычным голосом, — //Дрогнет матушка сыра земля, //С дерев вершины попадали, //Под князем конь окарачелся, //А богатыри с коней попадали». Глубоко символический образ Калики-богатыря, защитника родной земли воссоздан в былинах «Калика-богатырь»: «О костыль каликушка опиралася, Высоко каликушка поднималася, //Поднялся тут каликушка поповыше лесу стоячего, //Поднялся тут каликушка пониже оболочка ходячего, //Прискакал Каликушка ко Пучай речке...»

Перед нами совершенно явное стремление создать героический образ калики, поставить его в один ряд с главными героями русского богатырского эпоса. Эта тенденция выделить калик последовательно прослеживается в целом ряде былин. Былина «Сорок калик со каликою» — такая же апология каличества, как «Вавило и скоморохи» — скоморошества. Калики и скоморохи — единственные, кто оставил в русском эпосе произведения, прославлявшие самих себя.

Видимо, была необходимость в таком прославлении и утверждении себя с помощью искусства. Каликам и скоморохам в равной степени было важно утвердить в народном сознании мысль, что они люди не простые.

Особой святостью скоморохи не отличались (о чем можно судить по целым страницам отточий в скоморо-

рошинах из «Сборника Кирши Данилова»), тем нужнее им было оправдать свое скоморошье искусство, создать вокруг себя ореол святости.

Калики переходящие Древней Руси, каковыми мы их знаем по легендам, духовным стихам, летописным рассказам, былинам — паломники, идущие на поклонение в Святую землю и добывающие себе пропитание милостыней. Так было принято испокон веков — подавать каликам милостыню, кормить их «ради Христа». Ту же самую картину мы видим и в былинах «Сорок калик со каликою», когда «сорок удалых добрых молодцев», напугавшие до полусмерти своим криком каличьим кн. Владимира, тут же склоняют перед ним головы и «прошают у него светлую милостыню». «Ведь убили много буйных головушек понапрасно ведь, //Ай пролили крови да горячией», — так объясняют они причину своего паломничества. И эта тема — «паломничества как раскаяния» присутствует не только в былинах «Сорок калик со каликою». В былинах «Василий Буслаев молиться ездил» паломничество новгородского богатыря объясняется аналогичным образом: «смолоду бито, много граблено, под старость надо душу спасти». Василий Буслаев тоже под старость становится каликой переходящей, но его нрав новгородского бунтаря дает о себе знать и в паломничестве на Святую землю.

Психологический мир былинных героев включает в себя и эту черту — осознания и искупления своих грехов. Пример тому — обращение Добрыни Никитича к матери в былинах «Добрыня Никитич» (в записи А. Ф. Гильфердинга от Петра Калинина). Богатырь, вернувшись после долгой разлуки к матери, не хвастает своими ратными подвигами, а обращается к ней со словами упрека за то, что она его, Добрыню, на свет спородила, а не завернула в тонкий в льняной рукавчик

и не опустила в море синее: «Я не ездил бы нонь, Добрыня, по Святой Руси, // Я не бил бы нонь, Добрыня, бесповинных душ, // Не слезил бы я, Добрыня, отцей матерей, // Не спускал бы сиротать да малых детушек».

В народном эпосе нашли отражение и традиционные формы искупления грехов — паломничество и уход в монастырь. В былинах «Сорок калик со каликою» калики-богатыри, вернувшись на родину, начав «седлать-уздать» своих ретивых коней, чтобы отправиться «по своим да по сторонущам», напоследок дают зарок: не ездить больше в чисто поле и «не кровавить рук да богатырских». А в былинах «Данило Ловчанин» состарившийся богатырь обращается к кн. Владимиру со словами: «Благослови, осударь, слово повымолвить, // Не сруби, осударь, буйной головы, // Не вынь сердца со печенью. // Благослови Динилу в монастырь ийти, // Как постричься во старцы во черные, // Поскоромиться во книги спасенные, // При старости Данилы бы душу спасти».

В древнерусских летописях и рукописных книгах сохранилось немало в высшей степени любопытных рассказов о каликах. Один из них — легенда о сорока новгородских каликах (таковым был, по всей видимости, обычный состав каличьих дружин) из рукописного сборника к. XVI — н. XVII в., датированный 1163. Но самое древнее упоминание о каликах относится к XI в. В княжеском уставе Владимира Святославича они перечислены среди людей соборных, Церкви приданных, на которых «опроче мирян» распространяется не княжеский, а церковный суд. С 1099, после освобождения крестоносцами Иерусалима от многовекового владычества турок-магометан, Святая земля и Гроб Господень стали доступны для христианских паломников. Немало их приходило и из православной Руси. Новгородский игум. Даниил совершил свое знаменитое хождение через 7 лет после освобождения Иерусалима, в 1106—08, и был, по всей видимости, одним из самых первых русских паломников. В 1200—04 в Святой земле побывал не менее известный новгородец Добрыня Ядрейкович, также описавший свое «Хождение», в котором, в частности, упоминается о существовании под Иерусалимом целой русской колонии, где паломники-калики находили себе приют и пропитание.

После игум. Даниила и Добрыни Ядрейковича за перо брались многие, чтобы рассказать об увиденном и услышанном. «Все описано в правду, или услышал от кого», — скажет один из таких паломников. А видели и слышали многое, их путешествие по тем временам было явлением не только необычным, почти сказочным, но и опасным. Все они, как правило, описывают традиционный путь русских паломников. Своеобразную «подорожную» составил в XV в. Епифаний Премудрый «От великого Новгорода до Великих Лук 300 верст, от Лук до Полоцка 180, от Полоцка до Миньска (Минска) 200, от Миньска до Случьска до Белгорода 500, от Белгорода до Царя-града 500». Ну, а дальше, до Святой земли, как говорится, рукой подать — пройти еще всего-то три моря... Тот же игум. Даниил из Царьграда идет пешком лукоморьем, описывая близлежащие острова — Крит, Самос, Родос и др.: «Вси ти острови полны людьми и скотом, стоят в ряд друг другу». Достигнув Яффы (от Кипра Даниил идет морским путем), русский паломник считает необходимым сообщить общее расстояние пройденного пути: «От Царьграда до Родоса 8 сот верст; а от Родоса до Афа 8 сот верст; то ти все пути по морю до Афа есть 1000 и 600».

Игум. Даниил, как и мн. др., описывал прямой путь. Но был и др. — окольный. Об этом свидетельствует былина «Василий Буслаев молиться ездил». Гости-корабельщики, которых встречает новгородский богатырь, говорят ему: «А и гой еси, Василий Буслаевич! // Прямым путем в Ерусалим-град // Бежать семь недель, // А окольной дорогой — полтора года».

В течение нескольких столетий прямой путь оказывался наиболее опасным, в нем царил «разбой велик». Но цель паломничества во всех случаях была одна. В былинах «Сорок калик со каликою» она описывается следующим образом: «А и будут в граде Ерусалиме, // Святой святыни помолилися, // Господню гробу приложилися // А всю-та молодцы отправили».

Помимо былины «Сорок калик со каликою» основу каличьей поэзии составляли и т. н. духовные стихи — о Егории Храбром, об Алексее человеке Божьем, об Анике-воине, о Дмитрии Солунском, являвшиеся своеобразными распетыми народными вариантами христианских апокрифов и легенд.

Соч.: Бессонов П. А. Калики перехожие. Вып. 1—2. М., 1861—64; Русские народные стихи, собранные П. В. Киреевским // Чтения в Об-ве истории и древностей российских при Моск. ун-те. Кн. 9. М., 1849; Русские эпические песни Карелии. Петрозаводск, 1981; Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записки Языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях / Подг. текстов к печати, ст. и коммент. А. Д. Соймонова. Т. 1. Л., 1977; Собрание народных песен П. В. Киреевского / Сост., предисл., посл. и коммент. В. И. Калугина. Тула, 1986.

Лит.: Адрианова (Перетц) В. П. Житие Алексея человека Божия в древнерусской литературе и народной словесности. Пг., 1917; Калугин В. И. Калики перехожие // Струны рокоптах... Очерки о русском фольклоре. М., 1989; Максимов С. В. Русь бродячая Христа ради. СПб., 1877; Соколов Б. М. История старин о сорока каликах со каликою // Русский филологический вестник. № 1—2. 1913. В. Калугин КАЛИНИК (Калина), народное название дня сщмч. Каллиника, 29 июля/11 авг.

Именем Калиника назывались утренние морозы, приносящие посевам большой вред. Название морозов-калиников происходит от слов «калить», раскалять», т. к. в народе зимние морозы отождествляли с ковкой железа: ибо зима морозы кует. Летние утренники,

Мученик Калиник

морозы-калиники особенно вредны для созревания хлебов. Потому и обращались крестьяне с просьбой к св. Калинку, чтобы не допустил он в этот день морозных утренников, а послал бы туманы. Крестьяне ожидали теплого дня, чтобы сохранились ячмень и овес.

С этого дня начинаются осенние грозы, полыхают в небе холодные зарницы, птицы готовятся к отлету в теплые края.

КАЛИНСКИЙ Иван Плакидыч, историк бытовой культуры русского народа, член Русского географического общества.

Основное сочинение «Церковно-народный месяцеслов» (1877). «В результате последовательного рассмотрения всех праздников и памятных дней календаря Калинин воссоздал обширный и многообразный мир жизни, повседневных житейских и трудовых забот простого люда, исконно жившего по правилам и заветам отцов и дедов. В свои сроки крестьянин менял сани на телегу, в апреле выгонял скотину в поле, готовил огородные гряды под посев, бросал животворное семя в землю, ждал всходов, в свою пору косил траву, сушил сено, жал, молотил, молот — свершал весь круг своих земледельческих работ и обязанностей. И самая жизнь текла размеренно, сообразно времени года, с соблюдением обрядов и обычаев. В семейные и общинные праздники люд предавался радостям и потехам, в горе причитал, со слезами поминал в установленные дни покойных родителей, водил хороводы, справлял свадьбы, весной закликал прилет птиц и раннее наступление тепла. И так шло из года в год, из десятилетия в десятилетие, из века в век» (В. Аникин)

КАЛИТА, кожаная сумка на *поясе*, делалась из дорогих сортов кожи («сафьян червлен»), расшитой серебряными и золотыми узорами.

КАМЕНЬ, почитание священных камней было особенно характерно для Белоруссии и Русского Севера. Почитаемые камни часто находятся рядом с остатками языческих святилищ. Напр., у городища-святилища Кулишевка сохранился камень-ледовик с двумя овальными углублениями, которые местные жители называли «божьи ноги».

Священными камнями, как правило, были необработанные валуны, часто больших размеров и причудливой формы. Расположенные на берегу озера, реки или у источника, среди деревьев, священные камни составляли единый обрядовый комплекс со своим природным окружением. Люди приходили к камню со всей округи, молились, купались в местном водоеме, вешали ленточки, *полотенца* или предметы одежды на деревья, пили воду из углублений камня и обливались ею для исцеления от *болезней*. В Дмитровском р-не Московской обл. до недавнего времени пользовался почитанием большой камень-валун, который лежал в болотистой местности, в нескольких шагах от р. Кимерши. К нему приносили тяжелобольных детей, обливали камень водой из ручья, потом собирали ее в особую посудинку и обмывали ребенка. После этого на него надевали новое белье, а старое развешивали на окружающих деревьях. Считалось, что если ребенку суждено жить, то он сразу после омовения пойдет на поправку, а если суждено умереть, то быстро зачахнет. Согласно легенде, камень сам приплыл по р. Кимерше в день Ивана Купалы (см.: Иванов день) и выбрал место, где ему лежать. Один из священных камней Ярославского Поволжья, называемый местными жителями синей или каменной бабой, находился в Берендеевом болоте. Еще в н. XX в. к нему приносили ягоды и хлеб; чтобы не заблудиться, бабы клали перед камнем ягоды и, выворотив наизнанку платье, уходили от него пятясь.

У русских переселенцев в Малороссии было отмечено почитание «каменных баб» — статуй, оставленных древним населением Причерноморья. В сер. XIX в. в Екатеринославской губ. во время засухи или эпидемии шли к каменной бабе, клали ей ломоть *хлеба* на плечо,

Скифский «камень-баба»

рассыпали у ног зерна и, кланяясь в ноги, говорили: «Помилуй нас, бабо, бабусенько, бабуся; будем кланяться еще ниже, только помоги нам и сохрани нас от беды!» Рассказывали, что когда бабу пытались стащить с кургана, то она сама «приподнялась, пошла вверх и стала крепче прежнего на своем месте».

В Житии прп. Иринарха (XVII в.) рассказывается, что в Переяславле был в овраге камень, в который вселился демон. Преподобный велел «вринуть в яму» камень, однако этот валун ледникового происхождения, прозванный местными жителями «Синим камнем», существует и поныне.

Особую группу камней составляли т. н. следовики — валуны с углублениями, напоминающими отпечаток ступни. Некоторые из этих «следов» имели естественное происхождение, иные представляли собой древние наскальные изображения. Часто они отличались большими размерами, что как бы свидетельствовало о том, что их оставили великаны, герои, святые и т. д. Отпечатки следов на камне приписывали Христу, Богородице или святым (Александру Невскому, Зосиме, Кириллу Белозерскому, Александру Ошевенскому и др.), иногда и *нечистой силе* (ср. урочище «Бесовы следки» у г. Беломорска). Связанные с камнями легенды объясняли их появление в данной местности, особенно формы, нанесенные на них знаки. Напр., близ Каргополя пользовался почитанием небольшой гранитный валун с углублением на вершине в виде отпечатка босой человеческой стопы. По преданию, св. Макарий Желтоводский присел отдохнуть на камень, но местные крестьяне прогнали старца. У др. священного камня на Каргополье на вершине была трещина серповидной формы, в которой скапливалась дождевая влага. Легенда рассказывает, что *Иисус Христос* предложил местным жителям провести тут реку, а когда они отказались, наступил в гнев на камень и ударил по нему.

К числу христианских реликвий России относится камень св. Антония Римлянина (XII в.), который хранится в соборе Рождества Богородицы новгородского Антониева монастыря. Согласно Житию, со-

Прп. Антоний Римлянин на фоне монастыря. Икона. Кон. XVI в. Новгородские земли

ставленному в к. XVI в., св. Антоний родился в Риме. Постригшись в монахи, он поселился на берегу моря и молился, стоя на камне. Однажды буря подхватила камень и понесла святого «на камени яко бы на корабли легце». Через 2 дня камень пристал к берегу у Новгорода. Впоследствии Антоний основал на берегу Волхова монастырь. Ок. 1500 камень, на котором приплыл Антоний, был торжественно перенесен с берега. С к. XVI в. начинаются свидетельства об исцелениях, которые происходили у священного камня.

В космогонических преданиях рассказывается о том, что в начале творения Сатана нырнул и достал камень со дна моря; Господь разломил его надвое, одну половину оставил себе, а вторую отдал Сатане; после этого Бог ударил о камень и из искр, вылетевших из него, появились ангелы; когда Сатана проделал то же, из искр появились бесы. Отголоски древних космогонических мифов сохраняют и мотив птицы, сидящей в начале творения на камне среди моря (*заговоры, духовные стихи, колядки*).

Архаический характер имеет и мотив происхождения человека от камня, напр. в *былине* «Бой Ильи Муромца с сыном»: «Зародился я от сырой земли,/Я от батюшка всё от камешка./От камешка да от горящего». По белорусским поверьям, мужчина рождается на камешке, а женщина на черепке, поэтому если в земле

под супружеской постелью лежит камень, то супруга беременеет мальчиком, а если черепки битой посуды, то девочкой.

В фольклоре и мифологии камень осмысливается как некая основа, центр мира или *замук*, скрепляющий небо и землю. При ударе о камень из него источаются огонь или вода — основные стихии мироздания. В былинах и сказках герои превращаются в камень или временно заключаются в него, что осмысливается ими впоследствии как временное погружение в сон. В сказках в каменном яйце может быть заключена Кошечья смерть, в каменной гробнице находит вечный покой былинный Святогор. В духовном стихе о Свитке Иерусалимском внутри камня, упавшего с неба, обнаруживается послание к человечеству, написанное рукой Иисуса Христа.

В фольклоре с камнем органически сопрягается тема рока: в былинах он становится «камнем преткновения» для Василия Буслаева, предвещает на распутье будущее богатырю. Камень занимает центральное место в архаической картине мира, воссоздаваемой в великорусских и белорусских заговорах (см.: Алатырь). Известны в заговорах образы каменной стены до неба, каменной тучи, каменной бабы и др. Разнообразно используются камни в народной медицине и охранительной магии (см.: Куриный бог).

Лит.: Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974; Макаров Н. А. Камень Антония Римлянина//Новгородский исторический сборник. Л., 1984. Вып. 2 (12); Демиденко Е. Л. Значение и функции общесоветского образа камня//Русский фольклор. Л., 1987. Вып. 24; Макаров Н. А., Чернецов А. В. К изучению культовых камней//Советская археология. 1988. № 3; Дубов И. В. Культ «Синий камень» из Клешина//Язычество восточных славян. Л., 1990.

А. Топоров

КАПОР, женский головной убор для улицы. Имел форму довольно глубокой, закрывавшей лицо корзинки с завязками, отделанной оборками, мехом.

КАПОТ, женское легкое домашнее платье, распашное, с *кушаком*, длинными широкими рукавами, отделанное рюшами, искусственными цветами, вышивкой, кружевом, лентами. Был распространен в XIX в. в дворянской, купеческой и отчасти мещанской среде. Капот надевался на утреннюю белую юбку. В капоте можно было принимать близких друзей и гостей «по-домашнему».

КАПТОРГА, в старинных русских одеждах особое металлическое украшение у *пояса*, футлярчик из серебра с позолотой.

КАПТУР, женский головной убор в виде теплой шапки, меховой или стеганый, с круглым верхом и меховой опушкой, покрывавшей не только голову, но и уши, даже шею; делался из дорогой материи и носился царицами и боярынями.

КАПУСТА, традиционный для России продукт питания, употреблялся во всех слоях общества: в свежем виде в *щах*, квашеная в *щах* и в чистом виде, с постным маслом, шла в *пирог*. Для нужд армии и флота в больших количествах заготавливалась мелкорубленая сушеная капуста. Важное значение капуста в русской кухне объясняется острой потребностью желудка в кислоте ввиду употребления большого количества плотной жирной, мучной пищи (*каши* с постным или скоромным маслом, салом, *кулага*, саламата, *пшенники* и лапшенники, пироги, толокно, крутой гороховый кисель, хлеб): выделяемая капустой молочная кислота способствует ее быстрому перевариванию. Этому же служил и употреблявшийся в больших количествах

Праздничный девичий костюм села Кочетовка Воронежской губ. Мужской костюм села Лесное Уicolo. Кон. XIX — нач. XX в.

Сечка для рубки капусты 1822 г.

кислый *квас*, простокваша и т. п. Для заквашивания капуста рубилась сечками в деревянных корытах. Ее рубка, фактически завершавшая уборочные работы и сезон заготовок, превращалась в особый праздник как в крестьянских и мещанских, так и в помещичьих домах. Поскольку заготавливалось огромное количество капусты, а рубка шла медленно, для работы собирались соседские молодые женщины и девушки, у помещиков — все дворовые, и работа сопровождалась песнями, а после окончания — угощением.

Л. Б.

КАПУСТНИЦЫ — см.: ВОЗДВИЖЕНИЕ.

КАПУСТКИ, один из видов *помочи*. На «капустки» собиралась молодежь, чтобы помочь хозяевам заготовить квашеную капусту на зиму. Семьи тогда были большие, и, чтобы их обеспечить капустой, требовалась не одна бочка этого ценного крестьянского продукта. В Сибири в больших селах на «капустку» порой собиралось до 200 чел., а количество обработанных кочанов достигало 5 тыс.

КАРАВАЙ, большой круглый хлеб, испеченный в русской печи на *поду*.

КАРАВАЙНЫЙ ОБРЯД, обрядовое действие, связанное с выпечкой и раздачей *каравая* по время свадебного пира (см.: Княжий стол).

Каравай — круглый большой сдобный хлеб, украшенный фигурками из теста, а также искусственными цветами, который подавали во время свадебного застолья. Его выпекали накануне *венчания* и *брачной ночи* или за два — три дня до этого в доме жениха, реже в доме невесты, а в некоторых деревнях и у жениха, и у невесты. Каравайный обряд состоял из двух этапов: первый этап был посвящен изготовлению каравая и назывался «каравай валять», второй этап представлял

собой деление каравая на свадебном столе — «каравай носить». Суть каравайного обряда была одинакова на всей территории его бытования, хотя сами обрядовые действия в разных деревнях разыгрывались по-разному. Выпечка каравая символизировала рождение новой жизни и тем самым обеспечивала плодovitость молодой брачной пары.

Действующими лицами обряда являлись посаженный отец и посаженная мать жениха, при условии, что они были «согласны в браке», а также молодые женщины-каравайницы, счастливые в семейной жизни, имевшие хороших, здоровых детей. Выпечка каравая, начиная с заготовки муки и воды и кончая раздачей каравая гостям, носила ярко выраженный ритуальный характер. Она начиналась обычно в сакрально отмеченное время, т. е. до захода солнца, с обращения к Богу и святым угодникам: «Благослови нас, Господи, спаси нас, милосливый Козьма-Демьян на Филатушкину свадьбу спечь каравай высокий, веселый!»

Действия каравайниц отличались от повседневной выпечки хлеба. Для свадебного каравая воду брали из семи колодцев, муку — из семи мешков; замешивание теста, его постановка в печь проводились нарочито театрально, так же как и вынимание хлеба из печи, раздача его гостям. Тесто укладывали для формовки в специальную большую чашу с крестом, которую ставили на лавку, где лежало сено, прикрытое скатертью. Присутствовавшим в избе людям под страхом наказания запрещалось дотрагиваться до теста и чаши. Перед тем как поставить сформованное тесто в печь, посаженная мать обходила с ним избу, садилась на *печь*, вместе с посаженным отцом обходила три раза печной столб. Каравай задвигали в печь на лопате с прикрепленными по ее краям горящими свечками, и, прежде чем оставить каравай в печи, его три раза то задвигали в нее, то выдвигали. Поставив окончательно, ударяли лопатой по *матице* — потолочной балке. На мифологическом уровне печь осмыслялась как женское чрево, материнское лоно; хлебная лопата, которой задвигали тесто в печь, — как мужское начало, а сам каравай — как плод, полученный в результате их слияния.

Украшения из теста, выпекавшиеся девушками отдельно от каравая, представляли собой фигурки, которые изображали солнце, звезды, месяц, цветы, плоды, домашних животных, прежде всего коров и лошадей, т. е. знаки, считавшиеся у русских олицетворением мира, добра, счастья, довольства, плодородия.

Весь процесс изготовления каравая сопровождался исполнением специальных каравайных песен, в которых рассказывалось об этапах его создания руками каравайниц.

После изготовления каравая в доме жениха его несли к невесте «на показ». В том случае, если хлеб изготавливался и у невесты, происходил обмен караваями.

В доме родителей жениха каравай ставили обычно в комнату молодых, где он находился всю брачную ночь. Утром *дружка*, отправляясь будить молодых, забирал каравай и выносил его в решете к свадебным столам. Придя к гостям, дружка три раза подпрыгивал, разламывал каравай пополам и начинал его делить среди собравшихся за столом родственников молодых. Разламывание каравая символизировало нарушение девственности невесты. Новобрачные получали свою долю каравая первыми. Обычно им выдавалась середина, которая, по народным представлениям, была связана с зарождением новой жизни, счастьем, богат-

ством. Оставшаяся часть каравая делилась поровну между родственниками молодого и родней молодухи. Это воспринималось как акт закрепления между ними родственного союза, как признание их общей судьбы, общей доли. Украшения с каравая раздавали девушкам, присутствовавшим на свадебном пиру в качестве зрителей.

Каравайный обряд был характерен для свадебного ритуала в центральных и южных губерниях Европейской России, однако изделия из теста, известные под разными названиями — *курник*, *печенье*, *пряник*, *пирог*, хлеб, — играли важную роль в ходе свадебного ритуала по всей России. Они могли служить знаком любви жениха к невесте, выкупом, благопожеланием, подарком, предметом, посредством которого передавалась магическая сила, и т. д.

Ист.: Шангина И. И. Русский народ. Будни и праздники. СПб., 2003.

КАРАЗЕЯ, грубая шерстяная ткань, чаще всего красная, используемая в XIX в. для подкладки в дешевой одежде.

КАРАЧУН (Корочун), в древнерусской языческой мифологии божество смерти, подземный бог, повелевающий морозами, злой дух, злое божество скотского падежа. В народе понятие «карачун» в смысле погибели, смерти используется до сих пор. Говорят, напр.: «Пришел ему карачун», «Жди карачуна», «Задать карачуна», «Хватил карачун».

День языческого почитания Карачуна (23 дек.) приходился на день зимнего солнцеворота, один из самых холодных дней зимы. По языческим поверьям, именно Карачун укорачивал светлую часть суток, повергая мир во тьму.

О. П.

В. Корольков. Карачун

КАРСКИЙ Евфимий Федорович (1860–1931), этнограф и филолог. Родился в Гродненской губ. Учился в Минской духовной семинарии и Нежинском историко-филологическом институте. С 1894 профессор Варшавского университета по кафедре русского и церковно-славянского языков. Его первые научные опубликованные работы были фольклорно-этнографического содержания: «Белорусские песни с. Березовца Новогрудского уезда Минской губ.» («Русский филологический вестник», т. 12–13, Варшава, 1884–85) и «Белорусские песни дер. Новоселок Затрокских Виленской губ. Троцкого у.» (там же, т. 21, 1889). Впоследствии Карский специально занимался славянской филологией и языкознанием; но его работы по белорусской диалектологии и истории белорусского языка тесно связаны с изучением этнографии белорусского народа. Капитальный труд Карского «Белоруссы. Введение к изучению языка и народной словесности» (т. 1, Вильна, 1904; т. 2, 1908–12; т. 3, вып. 1. М., 1916; вып. 2, 3, Пг., 1921, 1922) и сейчас остается основным исследованием по этнической истории, географии расселения, диалектологии, истории изучения белорусов. В 1918 издана составленная им «Этнографическая карта белорусского племени».

Лит.: Токарев С. А. История русской этнографии. М., 1966.

КАРГУЗ (фуражка), мужской головной убор с высоким околышем и неширокой тульей. Появился в России в н. XIX в. Встречались меховые картузы.

КАСЬЯНОВ ДЕНЬ (Касьян Немилостивый, Касьян Завистник, Кривой Касьян), народное название дня памяти св. Кассиана Римлянина, который отмечали в високосный год — 29 февр.

Св. Кассиан, живший в V в., прославился как проповедник монашеской жизни и основатель монастырей в Галлии. Он организовал женский и мужской монастыри в г. Массилия (ныне Марсель), написал 12 книг о жизни палестинских и египетских монахов и 24 «Собеседования» о нравственных основах христианского вероучения.

В русских преданиях, легендах, поверьях образ св. Касьяна, несмотря на всю праведность его жизни, рисуется как отрицательный. В некоторых селах он даже не признавался за святого, а само имя его считалось позорным. Обычно образ Касьяна связывали с *адом* и присваивали ему демонические черты в облике и поведении. В одной из легенд говорилось, что Касьян был светлым *ангелом*, но предал Бога, рассказав *дьяволу* о намерении Господа изгнать с небес всю сатанинскую силу. Совершив предательство, Касьян раскаялся, Бог пожалел грешника и дал ему сравнительно легкое наказание. Он приставил к нему ангела, который бил Касьяна по лбу молотом подряд три года, а на четвертый год давал ему отдых. Др. легенда рассказывает, что Касьян стоял на страже у ворот ада и только раз в году имел право оставить их и явиться на землю.

По народным представлениям, св. Касьян недоброжелателен, корыстен, скуп, завистлив, злопамятен и приносит людям одни несчастья. Внешний облик Касьяна неприятен, особенно поражают его косые глаза с несоразмерно большими веками и мертвящим взглядом. Русские люди верили, что «Касьян на что ни взглянет, все вянет», «Касьян все косою косит», «Касьян на народ — народу тяжело», «Касьян на траву — трава сохнет, Касьян на скот — скотдохнет». В Сибири считалось, что Касьян любит «заворачивать» головы

цыпляют, после чего они дохнут или становятся уродами. В свой праздник Касьян развлекается тем, что смотрит на окружающий мир: посмотрит на людей — будет мор, на скот — падеж, на поля — неурожай. Кроме того, считалось, что Касьяну подвластны все ветры.

Некоторые легенды объясняли зловредность Касьяна тем, что он в младенчестве был похищен у благочестивых родителей бесами, которые и воспитали его в своем доме. Кроме того, в них рассказывалось, что св. Василий Великий, повстречавшись с Касьяном, наложил ему на лоб крестное знамение, после этого Касьян стал обладать способностью сжигать приближающихся к нему демонов. Однако все это не могло обелить святого, и для всех он продолжал оставаться Касьяном Немилостливым, Касьяном Завистником, Касьяном Грозным, Касьяном Скупым.

День памяти св. Касьяна отмечали один раз в четыре года. Русские объясняли это тем, что Бог лишил его ежегодных именин за недоброжелательность к бедным людям. Легенда рассказывает, что однажды св. Касьян и Николай Угодник шли по дороге и увидели мужика, пытавшегося вытащить воз из грязи. Мужик обратился к ним за помощью, но Касьян отказался, сказав: «Не могу, еще испачкаю об твой воз свою райскую ризу, как же мне в рай прийти и на глаза Господу Богу показаться?» Николай же Угодник, засучив рукава, молча поднял воз и поставил его на сухое место. Пришли Николай Угодник и Касьян в рай. Бог увидел, что риза Николая Угодника испачкана, и спрашивает: «Где это ты, Микола, так выпачкался?» — «Я, — говорит Николай, — мужику воз помогал из грязи вытаскивать». — «А у тебя отчего риза чистая, ведь ты вместе шел?» — спрашивает Господь Касьяна. «Я, Господи, боялся ризу испачкать». Такой ответ Богу не понравился, и он разрешил Касьяну праздновать именины один раз в четыре года, а Николаю — два раза в год.

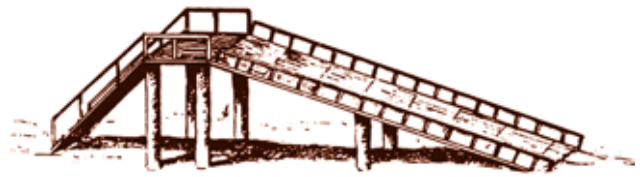
День памяти св. Касьяна считался одним из самых плохих, опасных, демонических дней народного календаря. Крестьяне верили, что все, каким-либо образом причастное к этому дню, обречено на неудачу. Если человек в этот день выйдет на улицу, то он рискует заболеть или умереть, если захочет поработать, то работа не будет спориться — все будет валиться из рук. Человека, родившегося в этот день, ждет печальная судьба: он будет всю жизнь несчастен, его ждет ранняя смерть, тяжелая болезнь или увечье.

Св. Касьян распространяет свою зловредность и на весь год: «Пришел Касьян, пошел хромать да на свой лад все ломать». Високосный год у русских считался опасным годом. По поверьям, в этот год все «уродливо и неспоро». У коров пропадает молоко; домашний скот не дает приплода, а если и дает, то нежизнеспособный: «Худ приплод в високосный год»; урожаи обычно низкие; брак, заключенный в этот год, всегда неудачен.

Считалось, что *молебен* перед образом Касьяна в день памяти святого поможет защититься от его козней. Кроме того, чтобы благополучно провести этот страшный день и «не попасть на глаз Касьяну», рекомендовалось не выходить на улицу, не выпускать со двора скот и птицу и отказаться от всех работ.

Ист.: Шангина И. И. Русский народ. Будни и праздники. СПб., 2003.

КАТАНИЕ С ЛЕДЯНЫХ ГОР, древнее развлечение русских, связанное еще с языческими ритуалами. Катание с высоких гор на санках, аналогичное качанию на *качелях*, сохраняло в народной памяти связь с

Деревянный каркас севернорусской ледяной горы для катания на санях. Вологодская губ., Сольвычегодский у.

земледельческой магией, особенно с ростом густого и высокого льна и конопли: русские женщины на *Масленицу* и первый понедельник *Великого поста* специально для этого (как говорится, «на лен и коноплю») катались с высоких ледяных гор на санках; в Рузском у. Московской губ. катались на донце прялки.

Севернорусское катание зимой. Вологодская губ. Сольвычегодский у.

Катание с ледяных гор (деревянный каркас такой ледяной горы изображен на стр. 334) длилось в течение всей зимы, однако, как считали в народе, наиболее подходящее для этого время — *Масленица*. У севернорусских существовал особый вид катания с гор: у косогора или оврага ставили наклонно 2 параллельных друг другу гладких шеста и, держась за руки, съезжали по ним вниз.

КАТАНИЕ ЯИЦ, народная, преимущественно детская забава, игра.

Игры с крашеными яйцами начинались обычно в *Пасху*, продолжались всю *Пасхальную неделю*, а иногда — вплоть до *Вознесения*. Суть игры состояла в том, что крашеное яйцо скатывали по наклонно поставленному деревянному лотку или по земле с невысокой горки. Внизу были полукругом расставлены яйца всех участников игры. Каждый участник, отправляя свое яйцо вниз, должен был сбить чье-нибудь яйцо. Если ему это удавалось, то он присваивал сбитое яйцо себе

Катание яиц на Пасху в Псковской губ.

и продолжал игру, если нет — в игру вступал др. участник, а неудачно скатившееся яйцо оставалось на кону. Эта игра была довольно азартной и могла продолжаться несколько часов. Некоторым ловким парням и мужикам удавалось набрать за игру до двух — трех десятков яиц.

Катание яиц было известно также и в др. весенне-летние дни. В деревнях Верхнего и Среднего Поволжья во время праздника в честь языческого бога *Ярилы*, приходившегося на *Петровское заговенье*, парни и девушки, расположившись парами, толкали яйца по земле друг другу. Катание яиц в Петровское заговенье в разных вариантах было известно и на северо-востоке России, и в Сибири.

В XIX в. катание яиц представляло собой веселую забаву с участием большого количества людей. Однако в древности эта игра входила в комплекс магических действий, связанных с пробуждением и оплодотворением земли. Так, во многих местностях России существовал обычай в день Вознесения катать яйцо по ози-ми в надежде на хороший урожай.

И. Шангина.

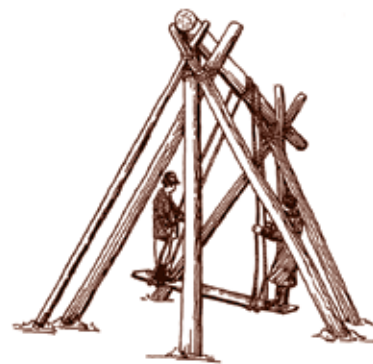
КАФТАН, крестьянская верхняя одежда, обычно праздничная, из домотканого или покупного сукна (синего, коричневого, черного) либо из плиса; длиной до колен, приталенная, со сборками сзади и с боков, с сужающимися книзу рукавами, невысоким стоячим воротником, вертикальными прорезными карманами, на подкладке до талии, застегивался налево на крючки или

медные пуговицы.

КАЧЕЛИ, качание на качелях — одно их древних развлечений русских женщин и детей. Они были связаны с весной: на качелях качались от *Пасхи* до *Вознесения* или до 23 апр., а также в *Петров день*, 29 июня. Белорусы кое-где уже с 9 марта разрешали детям качаться на качелях.

Различали простые и круглые качели. Для сооружения простых качелей к концам доски длиной в 1,5–2 м привязывали крепкие веревки, иногда свитые их молодых березок. Длина веревок 2–3 м. Верхние концы веревок прикреплялись к поперечному бревну, укрепленному

Севернорусские качели. Сибирь, Енисейская губ.

высоко над землей на особом сооружении из столбов. Т. о., доска висела горизонтально примерно на метровой высоте. Два

человека становились по краям висящей на веревках доски и раскачивали ее, держась руками за веревки и упираясь ногами в доску. Остальные садились на доску между обоими стоящими и спускали ноги. Размах раскачивающейся доски был иногда очень велик, и доска взлетала высоко над землей. По белорусскому поверью считалось, что те, кто качается летом на качелях, не страдают от укусов комаров.

На круглых качелях качающиеся описывали полный круг вокруг высокого поперечного бревна. На двух высоких врытых в землю столбах лежал вал, сквозь концы которого были пропущены 2 шеста. На этих шестах были укреплены 4 висящих доски. На каждую из этих досок (белорус. *зыбка*) садились по 2 человека. Парни, стоящие у качелей, ухватив за концы, поднимали и опускали их.

Под качелями всегда устраивались различные забавы. В давние времена здесь бывали *кулачные бои* и состязания. Однако боролись не большие группы, а лишь отдельные лица.

Одновременно с качанием на качелях девушки прыгали на досках. Доска клалась поперек толстого бревна таким образом, что концы ее, выступающие по сторонам бревна, были уравновешены. Кто-либо из участников садился на середину доски. На концы доски становились 2 девушки и начинали поочередно подпрыгивать, благодаря чему поднимался то один, то др. конец. Когда было засеяно поле и засажен огород,

Качели. 1805 г.

прыгать на досках не разрешалось, считалось, что земле тяжело, она беременна, и тревожить ее нельзя.

В качании на качелях и скакании на досках фольклорист Е. Аничков усматривал обряд очищения весенним воздухом. Д. Зеленин видел в этом магический обряд, связанный с земледельческим культом: высота взлета на качелях и прыжков на доске должна была послужить символом мощного роста растений и вызвать этот рост. В то же время в этом видели попытку человека заставить воздух служить его целям — магический символ господства человека над царством воздуха.

Ист.: Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991.

КАША, самое распространенное блюдо традиционной русской кухни (см.: Кухня русская), зерна пшеницы, полбы, гречихи, проса, ячменя, ржи, овса, риса, цельные или дробленые, сваренные в подсоленной или подслащенной воде или в молоке. Характерна прежде всего для народной кухни, хотя министр финансов, большой кулинар гр. Гурьев придумал особую Гурьевскую кашу — сладкую манную с фруктами или изюмом. Каша сопровождала русского крестьянина с момента рождения и до гроба: *повитуха* подносила отцу новорожденного блюдо круто посоленной каши, чтобы он осознал, как круто пришлось его жене во время родов; после похорон на поминках подавали прежде всего *кутью* — пшеницу или рис с изюмом, сваренные на *сыте*, меду, разведенном водой. Каша в виде *кутьи* вообще была очень важным ритуальным блюдом. Блюдо с кашей ставили в *подпечек*, *голбец* или в *подызбицу* для *домового*. Кашей начиняли *пироги*, бараний бок, гуся, утку. Кашу ели с *маслом* — русским (топленным), конопляным, льняным или с топленным салом. Наряду со *щами*, *квасом* и *хлебом* каша была основным блюдом в русской деревне. Во время тяжелых, напр. землекопных, работ, когда требовалась плотная питательная пища, богатая органическими веществами, работников непременно кормили кашей с маслом или с салом, чем жирнее, тем лучше. Каша с салом входила в рацион солдат и матросов, особенно во время плавания или в походах. С др. стороны, легкие каши (манная, рисовая на молоке) были пищей социальной верхушки, их давали также детям, больным. Некоторые виды каш имели особые названия: «черная» или «русская» — гречневая, самая популярная в России, или «зеленая» — из незрелых зерен любого хлеба, которая играла большую роль в деревенской жизни, выручая крестьянина в период летнего бескормицы, когда прошлогодний хлеб кончился, а до жатвы было далеко, и он питался чем попаало: щами из крапивы, щавеля, сныти, грибами и т. д.

Л. Б. КВАС (суровец), самый распространенный русский напиток. Известны три вида хлебного кваса: из муки, из черствого хлеба и из солода.

У севернорусских Вологодской губ. был распространен особый напиток, называемый *сулуй*, который делают из овсяной муки, смешанной с водой. Эта жидкая болтушка могла остаться пресной, и это еще не квас. Если же такую болтушку из ячменной муки или ячменных отрубей заквасить тестом из квашни, то получался настоящий квас. Он был беловатый, и русские иногда называли его белый квас, а также житный квас, суровец, сыровец. Оба последних названия объясняли, почему такой мучной квас, в отличие от солодового, не варили.

Этот старейший сорт кваса не только из ячменной, но и из овсяной и ржаной муки был известен по всей

В. Стожаров. Натюрморт с квасом

России. К н. XX в. его вытеснили лучшие, более вкусные и питательные сорта кваса. Русские же употребляли этот квас наряду с солодовым, поскольку солод не всегда есть в доме и его нельзя приготовить быстро, даже имея все необходимое для этого.

Способы приготовления кваса из сухарей были не всегда одинаковы. В некоторых случаях сухари делали из пресного теста. Этот способ был распространен у малороссов, которые пекли пресное тесто из ржаных отрубей и потом сушили из него сухари. Эти сухари заливали в бочке кипятком и в течение 6 часов солодили. Затем эту жидкость размешивали, нередко добавляли ржаную муку, заквашивали тестом из квашни и на 24 часа оставляли бродить. Когда такой сиривец начинал бродить, его разбавляли холодной водой и, прежде чем пить, давали ему некоторое время постоять. Однако этот напиток малороссы чаще употребляли для приготовления различных блюд, особенно борща летом, когда не было свекольного кваса.

При др. способе приготовления сухарного кваса сухари делали из кислого или солодового теста. Хлебцы, из которых сушили эти сухари, имели особое название — *квасники*. Такой квас на квасниках был широко распространен у белорусов и южнорусских. Белорусы замешивали густое тесто из ржаной муки, оставляли его на 2—3 дня и затем пекли из него хлеб. Этот хлеб ломали на куски и сушили из них сухари. Сухари клали в бочонок с холодной водой, иногда в мешке. Через неделю квас, сделанный из квасников, был готов. Иногда в него добавляли *мед* или *воск*. Белорусы, когда пекли квасники, смешивали иногда ржаную муку с вареным толченым картофелем. Севернорусское население Сибири иногда варило из квасников пиво.

При изготовлении перечисленных сортов кваса солод как особый компонент еще не использовался. Солодовый квас, который был больше распространен у севернорусских, в сущности, не что иное, как жидкое пиво. Солод, иногда смешанный с мукой или ячменными отрубями, заливали горшком горячей воды, варили и затем ставили на ночь в вытопленную *печь*. Жидкость, полученную таким способом, севернорусские называли *приголовок*. Ее нередко вместе с горшком опускали в *кадку* с холодной водой, где она быстро начинала бродить. По окончании брожения квас процеживали через редкое сито, ставили в погреб и затем пили.

Солод (севрус. руша) обычно делали из ячменя или ржи. Мешки с зерном погружали в реку или в озеро, где они мокли в течение двух недель; иногда их замачивали в кадках. Вымоченное зерно рассыпали на соломе на *гумне*, в *риге* или же в сарае. Там, прикрытое соломой, оно начинало в темноте прорастать. Когда ростки достигали размеров «пчелиной лапки», зерно сгребали в большую кучу и клали на нее различный груз — гнет. После этого зерно сушили в доме на печи или даже в печи риги. Высушенное зерно мололи (не очень тонко), иногда добавляя высушенный овес.

Ист.: Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991.

КВАША́, хлебобулочное изделие, мука из пшеничного солода, запаренная, смешанная с фруктами и запеченная в *печи*.

КВАШНЯ́, 1) невысокий широкий деревянный сосуд для замешивания теста для выпечки хлебных изделий; 2) собственно тесто для выпечки, *опара*.

КЕЛЕЙНИЧЕСТВО, особый род отхода от мирской жизни

без монастыря и пострига, но с соблюдением безбрачия и монашеского подвижничества, приспособленный преимущественно к сельским условиям. Распространено было в большей или меньшей степени по всей территории расселения русских. Крестьянин или крестьянка, стремившиеся к особо строгой в духовном отношении жизни и подтвердившие уже серьезность этого намерения всем своим поведением, обычно встречали сочувственное отношение в семье и *общине*. Если была возможность, такому человеку строили (или сам он строил) отдельное жилище — келью на своем же дворе, в задней его части, или на краю деревни, у леса, или поближе к церкви. Келью мог построить брат для сестры, взрослые дети для старых отца или матери, родители для сына или дочери и пр. Бывало, что келью возводила сельская община. Мог предложить ее подвижнику богатый благотворитель (помещик, купец, козак и др.) Часто келейниками становились молодými, иногда — в старости.

Информатор из Орловского у. (Орловской губ.) писал в 1890-х в *Тенишевское этнографическое бюро* о крестьянских келейниках: если сын или дочь, не вступившие в *брак*, выразили желание отойти от мирской жизни, жить отдельно от *семьи*, то «родители обязательно устраивают им особые хатки-келлии, где они и живут». Другие же выходили из кельи редко. Все они строго соблюдали *посты*, по понедельникам (не ели скоромного не только по средам и пятницам, но и по понедельникам), а иные из них и всегда употребляли только постную пищу.

Келейники сверх посещения церкви выполняли обширные молитвенные правила, осваивали церковнославянский язык и читали духовную литературу, ходили на *богомолья* к известным святыням. Духовный подвиг одного крестьянина-келейника открывал дополнительные возможности для односельчан: обучение детей и юношества чтению церковной печати и рукописей; приобщение к церковному пению; чтение псалтири по покойнику и др. Последним особенно часто занимались женщины-келейницы. В некоторых

местах они назывались *черничками* и обладали рядом особенностей в образе жизни.

Как правило, деревенские келейники поддерживали связь с монастырями, иногда их келейничество заканчивалось монашеством. В других случаях вокруг кельи одного человека, ставшего в общественном мнении окрестного населения образцом духовного подвижничества, селились желающие вести такой же образ жизни. Возникла духовная община, которая могла через несколько лет получить права монастыря.

С келейничеством связаны были судьбы многих известных подвижников благочестия, вышедших из крестьян. Так, старец Иларион, Троекуровский затворник, получил духовное воспитание в избушке своего деда-келейника (с. Зеньково Ранenburgского у. Рязанской губ.), а позднее сам келейничал. Келейницей была дочь тамбовского крестьянина — будущая игуменья Евгения, основательница Тихвинского монастыря в г. Бузулуке Оренбургской губ. (он возник из объединения двух келейниц со своими группами в одну общину). У чернички в соседнем селе научилась читать по-церковнославянски Священное Писание и Псалтирь крестьянка Евфимия Моргачева (из с. Нижнего Ломова Рязанской губ.), затем и сама стала сельской келейницей; а через много лет — игуменья Серафимой и др.

Истинных высот достигало келейничество, если было связано со *старчеством*, в котором наиболее полно осуществляется задача «хранить себя неоскверненным от мира», указанная ап. Иаковом в его определении благочестия.

М. Громыко

КИЕВ, «мать городов русских». Первая столица Русского государства, его название связывают с именем Кия, легендарного основателя города. По археологическим данным, поселения на территории Киева

С. Кириллов. Крещение княгини Ольги

Софийский собор в Киеве

существовали уже в позднепалеолитический период. Киев основан в VI–VII вв. н. э. как центр восточнославянского племени полян. Впервые Киев упоминается в русских летописях под 860 в связи с походом Руси на Византию. В «Повести временных лет» под 862 помещена легенда, связывающая происхождение названия «Киев» с именем Кия. Возвышению Киева как политического, культурного и торгового центра Киевской Руси способствовало его географическое положение. Через Киев проходили важнейшие торговые пути — «из варяг в греки», из Европы в Азию, в Польшу, в Царьград (Константинополь), на Дон, на Муром, в Новгород. В IX — н. XII вв. Киев — центр Киевской Руси, место, где подвизались великие русские святые Антоний и Феодосий и сонм других печерских подвижников. Высокого развития в Киеве достигли ремесло, пись-

В. Верещагин. Великая церковь Киево-Печерской лавры

Интерьер Софийского собора в Киеве. Вид на апсиду

менность, архитектура, живопись. В сер. XI в. в Киеве построены выдающиеся памятники древнерусского зодчества: Софийский собор, Киево-Печерская лавра. В 1037 при Софии Киевской основана первая на Руси библиотека; в X–XI вв. появились первые школы. В Киеве был создан первый древнерусский кодекс законов «Русская Правда».

С раздроблением Киевской Руси на ряд удельных княжеств, усилившихся в XII в. и приведшим к упадку Древнерусского государства, Киев утратил значение политического центра Древней Руси. Во 2-й пол. XII в. Киев стал центром Киевского удельного княжества. В декабре 1240 Киев после упорной обороны, возглавлявшейся воеводой галицко-волинского кн. Даниила Романовича Дмитрием, был захвачен и разрушен монголо-татарскими завоевателями. С 1240 Киевское княжество было в вассальной зависимости от Золотой Орды. Около 1362 Киев захватил литовский кн. Ольгерд, передавший Киевское княжество в удельное владение своему сыну Владимиру. Во 2-й пол. XIV–XV вв. население Киева вело борьбу как против литовских захватчиков, так и против татарских набегов. В 1399 Киев выдержал осаду татарского войска, в 1416 татарский хан Едигей, захвативший город, не сумел взять княжеский замок, оборонявшийся населением. Окончательная ликвидация удельного княжества литовским правительством (1470) вызвала восстание в городе против литовского наместника Гаштовта в н. 1471. С 1471 Киев стал центром Киевского воеводства Литовского государства. В 1482 Киев был захвачен и разграблен войсками татарского хана Менгли-Гирея. Но вскоре город был восстановлен. В 1494–97 литов-

ское правительство, стремясь привлечь на свою сторону зажиточные слои населения Киева, ввело в городе магдебургское городское право. Оживление экономической жизни вызвало рост населения Киева, составившего к к. XVI в. ок. 7 тыс. чел., в 1-й четв. XVII в. — до 15 тыс. После заключения Польшей и Литовским государством Люблинской унии 1569 Киев был захвачен Польшей. В к. XVI — 1-й пол. XVII вв. население Киева активно выступало против оккупантов, которые были изгнаны из города в 1648 крестьянским казацким войском во главе с Богданом Хмельницким. 16 января 1654 население Киева торжественно встретило русских послов и принесло присягу на верность России. С 1654 Киев стал центром Киевского воеводства, входившего в состав России (с 1708 — Киевской губернии, с 1781 — Киевского наместничества, с 1797 — Киевской губернии). «Мать городов русских» снова стала одним из главных духовных и культурных центров русского государства, местом поклонения общероссийским святым — пещерским чудотворцам.

КИЗЯК, или **кизик**, особое топливо, изготавливаемое из навоза и употребляемое в южной и юго-восточной России в безлесных местностях. Навоз укладывался недалеко от жилья, обливался водой, переминался топтанием, прессовался катками, разделялся на четырехугольные кирпичины, укладывался клетками и сушился. Кизяк плохо горел; дым его имел неприятный запах. Тепла давал мало, меньше соломы. На юге его называли «кирпичем».

КИЙ, ЩЕК и ХОРИВ, по преданиям, отразившимся в русских летописях XI—XII вв., князья в племенном объединении полян, основатели трех поселений, позже составивших город Киев. Существование на территории Киева поселений, к IX—X вв. слившихся в один город, подтверждается археологическими данными. Эта легенда об основании Киева возникла в VII—VIII вв. Сохранились предания о полянском князе Кии, который был с почетом принят в Константинополе и основал город на Днепре. Акад. Б. А. Рыбаков считает Кия реальным лицом в VI в. Предания о Кие, Щеке и Хориве и их сестре Лыбеди являются отражением в народном сознании нескольких этапов развития русского общества в IX—X вв.

КИКА, головной убор замужних женщин, разновидность *кокошника*.

Представляла собой твердую цилиндрическую шапку с плоским верхом и уплощенной задней частью, с небольшими лопастями, прикрывавшими уши.

Кики изготавливали из нескольких слоев проклеенного картона, обтянутого красным шелком или бархатом, украшали золотошвейной вышивкой, жемчугом, бисером, цветными стеклами, имитировавшими драгоценные камни. К *очелью* кики пришивали густую жемчужную или бисерную сетку-поднизь, спускавшуюся на лоб.

Кики. XV—XVI вв. Реконструкция И. Шангиной

Женский головной убор — «кика». Костромская губ., Галицкий у. Кон. XVIII — нач. XIX в.

Кика была праздничным головным убором крестьянок и горожанок из купеческого и мещанского сословия. В XVIII—XIX вв. она была распространена в Новгородской губ. и в северо-западных уездах Тверской губ.

Головной убор с тем же названием был хорошо известен и ранее XVIII в. Кики тогда носили богатые и знатные женщины. И. Е. Забелин, изучавший в XIX в. быт русских царей XV—XVII вв., называл кики «брачной женской регалией», необходимой принадлежностью русских царих в особо торжественных случаях. Сделанное им описание кик русских царих указывает на большое их сходство с крестьянскими ки-

Новгородская шитая золотом кика (кокошник) и вышитый платок. 1-я пол. XIX в.

ками XIX в.: «Обыкновенная и древнейшая форма кики представляла тулью вроде обыкновенного картуза, т. е. состояла из подзора, как бы пояса вышиной в три, четыре вершка (13 или 18 см.), облегающего вокруг голову, и из круга плоского или устроенного по овалу, который помещался наверху, т. е. на темени. <...> Кичная

Новгородская кика с жемчужной густой обнизью. Кон. XVIII в.

Тыльная сторона новгородской кики, шитой золотом. Кон. XVIII в.

верхушка в полтора, два раза больше ширины в лобной части кики, так что кика кверху постепенно расширялась, а в самом верху устраивалась несколько развалом. Тулья кики с верхом сшивалась из какой-либо простой ткани на александрийской картузной бумаге и проклеивалась рыбьим клеем, а затем покрывалась атласом или другою подобного рода тканью яркого, червчатого чаще цвета». Далее И. Е. Забелин подробно рассказывает о том, как украшались кики царей: «По всему подзору (передней части кики) ставились золотые или серебряные запоны, репья различной формы с дорогими цветными камнями. Меж запон по местам ставились тоже камни в металлических гнездах, и вообще весь убор убирался подобными драгоценностями в виде какого-либо роскошного убора.

<...> Внизу подзора со стороны лобной части прикреплялась поднизь — вязаная золотая сетка, низанная жемчугом. <...> Нижняя кайма поднизи украшалась крупными жемчужинами или металлическими фигурами вроде репьев, коронок, звездочек, которые при движении тряслись и блитали... У кик были рясы — длинные пряди из жемчугу вперемежку с драгоценными камнями и золотыми пронизками».

Ист.: Шангина И. И. Русский традиционный быт. СПб., 2003.

КИКИМОРА (шишимора), в древнерусской языческой мифологии злой дух дома, маленькая женщина-невидимка. Беспокоит всех живущих, пугает детей, вредит скоту. Свойства кикиморы сходны с мокушей, злым духом, продолжающим образ богини *Мокоши*.

Кикимора в народных представлениях. Худ. Н. Антипова

По народным представлениям, кикимора является чаще всего в образе маленькой, сторбленной старушонки, одетой в лохмотья. Но эта *нечистая сила* способна преобразаться в кого угодно — в животных, птиц и даже красивых девиц. Особую враждебность она проявляет к мужикам, стремится их выселить из дома. Появление кикиморы — недобрый знак.

Крестьяне считали, что чаще всего она появляется в доме, который построен на «нечистом» месте — там, где было совершено преступление, захоронен покойник и т. д. Кикимору порой напускали печники и строители, если они не были довольны оплатой труда и гостеприимством хозяина.

Чаще всего кикимора появляется в *Святки*, когда она рождает своих детей (шушканов), вылетающих из трубы и живущих до *Крещения*. Кикимора причиняет вред скоту, выдергивает шерсть у овец и перья у птиц, мешает ночью спать, бьет посуду, разбрасывает вещи. Но более всего, как было отмечено, кикимора любит прясть да ткать. Тут ей фантазии не занимать. Нити все спутает, пряжу в клочья завьет, в воловиках узлов наделает, все разорвет, намусорит, кругом пыли набьет. Так что крестьяне сильно кикимору опасались, перед сном осеняли крестом пряжу да ткацкий стан. Нередко хозяйки говаривали, что от кикиморы рубахи не дожدهшься. Избавлением от кикиморы считалось *крестное знамение*. *Оберегом* от нее служил *куриный бог* — камень с отверстием. Спасались от кикиморы и др. способами. Привязывали над насестом у кур разбитое горлышко от графина или *кувшина*, обвязанное красной тряпичей. Обвязывали солонки пояском, связанным из можжевельника. И, конечно, произносили заговорные слова, с которыми выпроваживали кикимору из дома.

Чтобы защитить себя от кикиморы, крестьяне обращались с молитвой к св. Евфимию Солунскому (см. Ефим Благодетельный).

КИНДЯК, хлопчатобумажная тонкая ткань, обычно красного цвета. Широко использовалась для пошива *сарафанов* и *рубашек*.

КИРЕЕВСКИЙ Петр Васильевич (11.02.1808—25.10.1856), публицист, археограф и фольклорист. Видный славянофил, младший брат И. В. Киреевского.

Киреевский П. В.

Детские годы, как и его брат, Петр провел в имении своих родителей в Калужской губ., получил солидное домашнее образование. В сер. 1820-х Киреевский установил литературные и дружеские связи с А. С. Хомяковым, С. П. Шевыревым, Д. В. Веневитиновым, вместе с братом входил в общество «любомудров». Киреевский изучил семь иностранных языков, много переводил Байрона, Шекспира, Кальдерона. Первые литературные опыты Киреевского относятся к 1827 (с публикации в «Московском вестнике» изложения «Курса новогреческой литературы»). В 1829—30 выезжал вместе с братом в Германию, где изучал немецкую философию. Свои славянофильские взгляды на историческое развитие России Киреевский изложил в статье «О древней русской истории. Письмо к М. П. Погодину» («Москвитянин», 1845).

В 1840–50-е Киреевский усиленно занимался собиранием и изучением памятников русского фольклора. Народные песни и сказания Киреевский начал собирать в 1831 в Московской, затем в Новгородской и Тверской губерниях. Некоторые из них (духовного содержания и свадебные) были изданы в 1847–56 в журналах и сборниках. Полностью изданы уже после его смерти («Песни, собранные Киреевским», вып. 1–10, 1860–74, новая серия вып. 1–2, 1911–28). Киреевский собрал тысячи текстов лирических и исторических песен, народных былин. В этой работе Киреевскому помогали А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, В. И. Даль, Аксаковы и др. единомышленники-славянофилы.

Подобно брату, П. В. Киреевский завещал похоронить себя в Оптиной пустыни.

В. Федоров

КИРИК И УЛИТА (День Кирика, Улита и Владимир Красное Солнышко), народное название дня свв. мчч. Кирика и Иулитты (IV в.) и равноап. вел. кн. Владимира, 15/28 июля.

Судьба мчч. Кирика и Улиты была широко известна русским людям, которые относились к этим святым с особым почитанием.

Г. Н. Кинешмцев (?) Мчч. Кирик и Улита, с житием. Икона (без полей). Нач. 1680-х гг. Кострома. ЯМЗ

Иулитта жила в Иконии и была христианкой. Скрываясь со своим трехлетним сыном Кириком от преследований, отправилась в Тарс. Но туда прибыл правитель Александр, чтобы преследовать христиан. Иулитту подвергли жестокому мучениям, но она безропотно их переносила. Сын же при виде мучений матери стал плакать. Александр взял его на руки и обещал оставить в живых, если мать отречется от Христа. Но Кирик рвался к матери, называя и себя христианином. Тогда правитель бросил его наземь и убил. Иулитту он приказал повесить, строгать ее тело железными когтями, лить на раны кипящую смолу. Непокорившуюся, ее умертвили мечом, а тело бросили на съедение псам. При имп. Константине Великом мощи ее были обреты нектленными и положены в храме Святой Софии в Константинополе.

По народному календарю этот день считался серединой лета. Женщины праздновали день матушки Улиты, почитая ее своей заступницей. В память мч. Иулитты и ее малолетнего сына Кирика в этот день матери приучали малых детей к труду. Как свяжет мать сноп — сын должен его отнести самостоятельно. На речку мать сына водила, учила его плавать, приучала к др. домашним делам, чтобы он был самостоятельным в жизни.

В некоторых местах день Кирика и Улиты назывался *Владимир Красное Солнышко*, потому что именно в этот день Церковь вспоминала равноап. вел. кн. Владимира, сына вел. кн. Святослава-язычника и внука княгини-христианки Ольги. В 988 он крестил Русь. За ревностное распространение христианства Владимир назван равноапостольным и вместе с княгиней Ольгой причислен Церковью к лику святых. Он пользовался большой любовью народа, потому в былинах он воспет как Владимир Красное Солнышко.

КИРИЛЛ НОВОЕЗЕРСКИЙ (Новгородский), преподобный (ск. 4.02.1532), происходил из дворянского рода Белых из г. Галича-Костромского. С детства полюбил уединение и, мечтая об иноческой жизни, в пятнадцать лет тайно ушел из дома во Введенский

Прп. Кирилл Новоезерский. Икона. XVIII в. г. Вологда

монастырь, что на р. Обноре, к прп. Корнилию Комельскому. Дороги он не знал, из дома не взял никаких припасов и шел, уповав на Господа и Его Пречистую Матерь. В пути юноше встретился старец-монах, который проводил его до обители, благословил и стал невидим. Настоятель принял юношу, обучил его основам монастырской жизни и облек в иноческий чин. Молодой инок ревностно исполнял послушания, постом и молитвою изнурял плоть, день и ночь учился слову Божию. Родители оплакивали сына как умершего, но, узнав о его подвижнической жизни, простили

за послушание и сами приняли монашеский постриг. Окрепнув духовно, прп. Кирилл с благословения игумена предпринял подвиг странничества, обходя св. места Русской земли. Он никогда не заходил в дома, не брал милостыни, ночи проводил молясь в притворах храмов. Как-то в Тихвинском Большом Богородицком монастыре ему явилась Пресвятая Богородица и велела идти в пределы Белозерские, на пустынный остров Нового озера. Преподобный поселился в указанном месте и поставил там две церкви в честь Воскресения Христова и Богородицы «Одигитрии» («Путеводительницы»). Много искушений испытал он от бесов и злых людей, но все преодолел терпением и молитвой. Весть о его святой жизни распространилась повсюду, и к нему стала стекаться братия — вскоре устроилась обитель. Святой, избранный настоятелем, до конца своих дней мудро управлял ею и служил для иноков образцом подвижничества.

Память прп. Кириллу отмечается 4/17 февр. и 7/20 нояб. (обретение мощей).

КИРИЛЛ УКАЗЧИК (Весноуказчик), народное название дня св. равноап. Кирилла, учителя словенского, 14/27 февр. В народе говорили: «С Кирилла весна не за горами». Для задержания снега у огородов, чтобы, подтаивая, не ушел он сразу же вместе с весенними ручьями в овраги, в этот день крестьяне обходили по солнечному кругу огороды, утапывая вокруг них снег. Считалось, чем больше удержишь снега, тем богаче будет урожай.

КИРИЛЛИН ДЕНЬ (Кирилл), народное название дня прп. Кирилла, игумена Белозерского, 9/22 июня. Это был день летнего солнцестояния — самый длинный день в году.

На Русском Севере бытовало предание, будто св. Кирилл Белозерский за свои труды праведные силу от земли получил. Память об этой его силе отпечаталась на *камне*, с которого он высматривал место обустрой-

Стены Кирилло-Белозерского монастыря

ства своей обители: след его ступни на нем остался. Потому кланялись в этот день св. Кириллу и просили, чтобы дал он людям земную силу.

КИРПИЧНИКОВ Александр Иванович (18.08. 1845—30.04.1903), литературовед, исследователь верований древних славян. Родился в Мценске Орловской губ. В 1865 окончил историко-филологический факультет Московского университета. Профессор Харьковского (1873—84), Новороссийского (1885—98), Московского (с 1898) университетов. Член-корреспондент Академии наук (с 1894). В магистерской диссертации «Поэмы ломбардского цикла» (1873) Кирпичников дал сравнительный анализ памятников немецкого и русского народных эпосов. В докторской диссертации «Св. Георгий и Егорий Храбрый» (1879) Кирпичников исследовал литературную историю христианских верований. В исследовании «Что мы знаем о личных божествах славян» (Журнал Министерства народного просвещения, ч. 241, 1885, сент.) он подвергал сомнению даже существование общеславянских богов, за исключением разве одного *Перуна*: все прочие божества засвидетельствованы либо для одних западных, либо для одних восточных славян. Основу сходства литературных явлений Кирпичников видел в «обще-человеческих» законах фантазии и народной психологии, что сказалось в работе «Греческие романы в новой литературе. Повесть в Варлааме и Иоасафе» (1876). В последних работах Кирпичникова преобладал биографический метод. Под его редакцией закончено начатое В. Ф. Коршем издание «Всеобщей истории литературы» (т. 2—4, 1885—92), где третья часть всей работы написана самим Кирпичниковым; издано Собрание сочинений Н. В. Гоголя (т. 1—3, 1902).

Соч.: Очерки из истории средневековой литературы. М., 1869; Средневековая литература Западной Европы//Всеобщая история литературы, т. 2, под ред. А. И. Кирпичникова. СПб., 1885; Очерк истории книги. СПб., 1888; Педагогические очерки (1867—88). М., 1890; Сомнения и противоречия в биографии Гоголя//«Изв. Отд. русского языка и словесности АН». 1900, т. 5, кн. 2 и 4; 1902, т. 7, кн. 1; Очерки по истории новой русской литературы. Изд. 2-е. Т. 1—3. М., 1903.

Лит.: Памяти проф. А. И. Кирпичникова. Харьков, 1905.

КИСЕЯ, очень тонкая, полупрозрачная ткань. Использовалась при пошиве легких женских, преимущественно девичьих платьев, а также на занавески и *пологи*.

КИСЛЫЕ ПИ, высший сорт *кваса* из смеси нескольких сортов солода и муки, запечатанный в засмолен-

Дионисий Глушицкий. Прп. Кирилл Белозерский. Икона. XV в. ГТГ

ных бутылках, где доходил до готовности. Разлитый в кружки, играл, как шампанское.

КИТАЙКА, плотная хлопчатобумажная ткань, обычно синяя. Использовалась при пошиве мужских *рубах* и женских *сарафанов*.

КИТЕЖ (Китеж-град), в древнерусских преданиях XIII в. город, чудесно спасшийся от татаро-монгольской Орды. При приближении Батыя Китеж стал невидимым и опустился на дно озера Светлояра. По русским поверьям, в городе спаслись и поныне живут только праведники, нечестивцы туда не допускаются, в отношениях между людьми царят мир и справедливость.

КИТОВРАС, в древнерусских книжных легендах кентавр. В рукописных текстах Китоврас фигурирует с XIV в. или как имя нарицательное, обозначающее чудовище, или как имя собственное, связанное с персонажем апокрифического сказания. Эти русские апокрифы восходят к легендам о царе Соломоне и его противнике Асмодее, которого в народных легендах заменил Китоврас. На Руси этот облик сблизил с известным здесь мотивом византийской иконографии, кентавром; при этом иногда Китоврас наделялся крыльями. Согласно русской версии легенды, царь Соломон нуждался в помощи Китовраса для того, чтобы построить Иерусалимский храм. При посредстве обмана и цепи с заклитием именем Божиим Китовраса ловят и приводят к Соломону. Китоврас научает его, как добыть у чудесной птицы шамир (шамур, по одним толкованиям — алмаз, по другим — волшебный червь), с помощью которого можно тесать *камни*, избегая, согласно ритуальным предписаниям, использования железных орудий. Характерны мотивы состязания Китовраса и Соломона в мудрости. По завершении строительства Соломон говорит Китоврасу, что его сила не превышает человеческой, т. к. его удалось поймать. В ответ Китоврас просит снять с него цепь с заклитием и дать ему волшебный перстень Соломона. Когда это исполняется, Китоврас забрасывает Соломона в далекую страну, наказывая его таким образом за гордыню. Согласно др. легенде, Китоврас привел Соломону двухголового мужа. Впоследствии у этого человека родились два сына, двухголовый и обыкновенный. После смерти отца двухголовый сын требует двойную долю наследства; Соломон хитроумным способом доказывает, что оба сына имеют права на равные доли. Легенды о Соломоне и Китоврасе получили на Руси самостоятельное развитие. В них о Китоврасе рассказывается, что он был родным братом Соломона, сыном царя Давида. Поимка Китовраса связывается с предательством его неверной жены, которую Китоврас носил в ухе. Еще одна легенда, известная по списку XVII в., повествует о похищении Китоврасом жены царя Соломона. Здесь Китоврас также брат Соломона, царь, правящий в соседнем граде. Он наделен чертами оборотня — днем в виде человека правит людьми, а ночью в виде «зверя Китовраса» — зверями. Китоврас обманом похищает неверную жену Соломона. Последний отправляется за ней, спрятав войско в лесу. Жена узнает Соломона и предает его Китоврасу. Соломон просит казнить его по-царски, перед повешением ему разрешено сыграть на рожке. Появляется войско Соломона и освобождает царя, а на приготовленной виселице вешают Китовраса и неверную жену. В виде кентавра-Китовраса на Руси изображали также Полкана — богатыря из повести о Бове-королевиче.

Лит.: Веселовский А. Н. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине // Веселовский А. Н. Собр. соч. Пг., 1921. Т. 8. Вып. 1; Окладников А. П. Бронзовое зеркало с изображением кентавра, найденное на острове Фаддея // Советская археология. 1950. Вып. XIII; Чернецов А. В. Древнерусские изображения кентавров // Советская археология. 1975. № 2; Он же. Об изображениях кентавра, обнажающего меч // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. 1981. Вып. 166.

Ист.: Чернецов А. В. Китоврас // Славянская мифология. М., 1995.

КИЧКА — см.: СОРОКА.

КЛАВДИЯ, народное название дня свв. мцц. Семи дев: Александры, Клавдии и др., 6/19 нояб.

Св. Клавдию почитали как устроительницу домашней жизни. Крестьяне говорили, что «она хоть и хромоножка, но много полезного может делать». Считалось, что тихо, спокойно и без суеты она наводит порядок в доме, соблюдает праведный образ жизни.

В этот же день вспоминали также св. *Павла Исповедника*.

КЛАД, сокрытое в земле сокровище. По русским законам принадлежал владельцу земли, на которой был спрятан. В губерниях Черниговской и Полтавской клад, отысканный самим владельцем на своей собственной земле, весь и сполна принадлежал ему; но когда клад был отыскан кем-либо случайно на чужой земле, то тогда из найденного одна половина отдавалась тому, в чьей земле клад отыскан, а другая поступала к отыскавшему клад. Относительно Керченского музея в 1834 было постановление: «Никто без дозволения местного начальства не имеет права искать древностей на землях казенных и общественных». Ст. 539 Т. X Свода Законов гласила: «Лица, представившие подлежащему начальству найденные старья или другия древности, получают всю настоящую цену золота, серебра или иного вещества, из коего они сделаны».

С поисками кладов в России было связано множество легенд и поверий. Говорили, что смельчаков, решившихся вырыть клад, *нечистая сила* пугает всевозможными способами, которые часто стоили жизни

Клад. Картинка из лубочной книги XIX в.

тому, кто решался рыть клад. Впрочем, клад можно было вырыть только тогда, когда кончался срок их заклятий; русские считали, что клады положены всегда с заклятием, или на срок, или навеки. Положенные навеки никогда в руки людей не дадутся, а уходят все глубже в землю. Срочные клады по истечении срока сами иногда выходят из земли под видом людей. Если до них дотронуться, то они моментально рассыплются золотом и серебром. Клад, бродящий в виде старика, обращается обыкновенно к встречным с просьбой развязать *кушак* или помочь в чем-нибудь другом. Услужившим дается в руки, рассыпаясь деньгами. Клад в образе петуха состоит из золота, свиньи, жеребенка — из серебра и др. драгоценных вещей. На заклятых навеки кладах обыкновенно горит свеча. В рассказах о кладах часто упоминаются иконы Божьей Матери, Животворящий Крест, просфоры, ладан, восковые свечи, молитвы Божьей Матери, Архангелу Михаилу как ограждение от владеющей кладом нечистой силы. Для вызывания клада употреблялись «вызывные» книги с молитвами из требника, растение Петров-крест, плакун-травы (выросшая, по поверью, из слез Богородицы), ключ-зелье, трава-разрушевка, *разрыв-трава* (цвет *папоротника*). Последнюю надо было положить, истерев предварительно в порошок, за надрезанную кожу на ладони правой руки. При прикосновении такой руки к двери, каким-либо запорам или даже горе — все мгновенно разлеталось на куски.

Прятавшими клады народ считал гл. обр. знаменитых разбойников, как, напр., Ермака, его есаула Кольцо, Стеньку Разина, Кудеяра. Разбойники эти прятали клады обыкновенно с таким заклятием, чтобы они достались бедным людям.

Лит.: Кондаков Н. П. Русские клады. СПб., 1896; Витевский В. Клады и кладоискание на Руси // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. X, вып. 5. Казань, 1890; Орлов. Народные рассказы о кладах // Харьковский Сборник. Харьков, 1890. С. Ю.

КЛАДБИЩЕ (погост), освященная земля при храме или за городом, селом, для погребения удостоившихся отпевания покойников; обносилось забором, в городах нередко даже каменной стеной с *воротами* или, на худой конец, окапывалось глубоким и широким рвом, чтобы на него не забредала бродячая скотина или случайно в потемках не зашел человек. При кладбищах обычно устраивалась небольшая кладбищенская церковь, была сторожка для сторожей, исполнявших роль могильщиков, мог быть Божий дом, иногда богадельня. Могилы были в виде небольших земляных насыпей, ориентированных с востока на запад ровными рядами, нередко они обсаживались и засаживались деревьями, кустами сирени, зарастали травой. На могилах ставили разной формы кресты в изголовье, деревянные или каменные, клались *камни* с высеченными надписями или ставились дорогие гранитные и мраморные памятники, скульптура в виде ангелов и т. д.; допускались и небольшие семейные постройки-склепы, где гробы иногда просто устанавливались на полу. Почетные прихожане, помещики погребались в ограде церкви близ самого храма, с правой стороны или возле алтаря, духовенство — возле алтаря или даже в крипте храма, под алтарем. Встречались погребения в церкви или в церковной стене.

Кладбище считалось страшным и опасным местом, поскольку покойники могут выходить из могил и пугать случайных ночных посетителей. Особенно

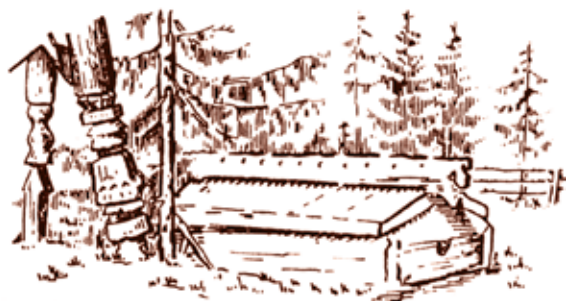
Кладбище в Кемии. XX в. Худ. И. Я. Билибин

опасны *упыри* или *вурдалаки*, случайно, по недосмотру, погребенные на кладбищах: они ловят случайных или неосторожных ночных прохожих и пьют из них кровь, причем укушенный (кусают в шею) сам превращается в упыря и после смерти питается свежей человеческой кровью. Поэтому кладбищенские ворота, если они были, на ночь запирались сторожами. Самоубийц в освященной кладбищенской земле не хоронили, а без отпевания закапывали за оградой, где-нибудь в овраге сзади кладбища, и их неупокоенный дух постоянно бродил возле могилы, что делало кладбища еще более опасными.

Хоронили чаще всего рядом с могилой родного: «в сыру землю под бок к дедушке», как говорилось в причитании.

Могила было принято делать не менее как на 2½ аршина глубины. Там, где этого не позволял грунт или зимой, когда тяжело рыть, бывает, что вынимают землю и не так глубоко. Но чаще было принято глубину могилы устраивать не менее 3-х аршин. По народному поверью, когда наступит конец мира, земля на 3 аршина сгорит. В одном из народных преданий говорится: «Земля будет гореть на три аршина, Бог-то и спросит: «Чиста ли ты, земля?» Земля в первый раз ответит: «Чиста как муж и жена». Еще спросит Бог — «чиста как вдова», — скажет земля. В третий раз спросит. «Чиста как красная девица», — ответит она. Вот тогда и будет суд».

Поэтому в народе считали, что если закопать покойника меньше чем на 3 аршина, он сгорит. В могилу гроб опускали на холстах, а по нужде — на веревках, на лыках или на кушаках. Каждый считал своим долгом, после того как гроб опущен, бросить в могилу горсть земли.

2

3

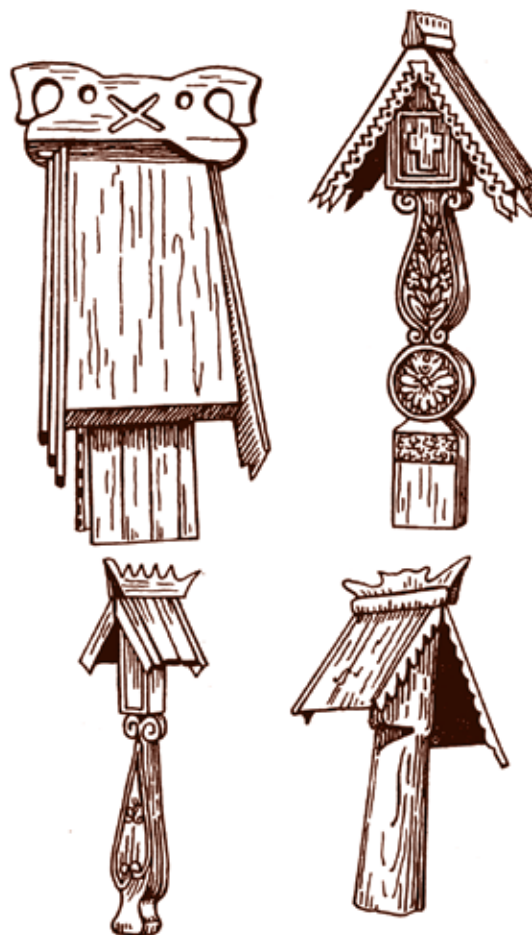
4

Домовины — «Столпы». XIX в. 1—Солотча (г. Рязань); 2—Север; 3—Карелия; 4—Лехтинский р-н, хутор Рио-Варика

На могиле делалась небольшая продолговатая насыпь в длину могилы, иногда меньше, которую потом обкладывали дерном родные или друзья. Часто на могилу клали камень, как объясняли, для того, чтобы могила была заметнее, чтобы ее не перекопали. У старообрядцев не было принято класть могильных каменных плит, т. к. при воскресении мертвых последним трудно будет поднять камень.

На могиле ставился деревянный или железный крест, а иногда просто вкапывался деревянный столб, на который вешали образок. Часто могилу обносили решеткой и сажали деревья. Деревенское кладбище, или как его называли, «погост», обычно представляло из себя рощицу, нередко обнесенную каменной оградой с железной или деревянной решеткой, а древние могильники носили название «рощение». Рубить деревья в этих заповедных рощах было нельзя — презрением клеймился тот, кто нарушал обычай.

Могилы иногда вместо насыпи покрывали деревянным срубом из бревен, сделанным по длине могилы. Такой в виде удлиненного колодца сруб был сверху открытым, изображая из себя, т. о., ограду могилы, в

Кладбищенские кресты-часовни. XIX в.

др. случаях его покрывали плоской или двускатной кровлей, на которую ставили также крестик. В этом случае получалось подобие деревянного долмена или домика. Такая постройка называлась «голубец» или «голбец». Чаще эта форма надгробного памятника встречалась на кладбищах хранителей древней поры и старых обычаев — старообрядцев. Такие деревянные срубы, между прочим, были сделаны над могилой прп. Макария Писемского (XV в.) и Ферапонта Монзенского (XVI в.). Иногда бывали кирпичные надгробия и чугунные плиты. Последние устраивали чаще всего помещики. Строили также памятники в виде часовен со стеклами в нишах, куда ставили икону или распятие и лампаду.

В к. XIX в. стали привозить железные кресты из города с надписями на жести или на железном листе

годов рождения и смерти и со стихами. Стихотворные эпитафии в н. XV в. можно было встретить в самых глухих уголках России.

Такие эпитафии представляли собой особую отрасль погребального ремесла, и в деревню проникали прежде всего излюбленные городские шаблоны вроде следующих:

*Куда наш друг любезный скрылся,
Нас оставил сиротам,
На веки с нами ты простился,
Чего бы не хотел и сам...*

Или:

*Прощайте, дети, не скучайте.
Да будет с вами благодать.
Меня к себе не ожидайте,
А я к себе вас буду ждать.*

В Коворнине на одной из могил была такая эпитафия:

*О человеце! Не возносись много,
Смерть у порога.
Здесь, как не ликовать,
А по смерти гроба не миновать.*

Интересно, что вторая часть этой эпитафии повторяла буквально народную поговорку: «Как не ликовать, а гроба не миновать», и, по-видимому, была заимствована из духовного стиха «Гробы» — «сколь я в мире не ликую, тебя, гроба, не миную», в свою очередь представлявшего отголосок мотивов, входивших в состав др. известных стихов.

В могилу *колдуна* было принято для ограждения людей от покойника вбивать кол. «Колдуна в могилу нужно класть книзу лицом — тогда не встанет: как оживет, начнет царапать руками землю, а сам все глубже проваливаться будет».

Рассказывали, что в Ветлужском у. кто-то разрыл могилу крестьянина д. Горлова, чтобы отнять правую руку, т. к. с правой рукой мертвеца легко воровать — нужно обойти с ней дом, который хотят ограбить: ни хозяин не проснется, ни собака не взвизгнет.

У кладбища в позднее время и ночью боялись ходить и ездить, т. к. местопребывание умерших насильственной смертью, по народному понятию, связано с местами их могилы и смерти. Здесь «чудилось», пугала *нечистая сила*, раз уж навредившая человеку, или сама погибшая *душа*, тоже перешедшая в разряд «нечисти». Вообще ходить через кладбище ночью до пения петухов боялись.

См. также: Погребение умерших, Похоронные обряды.

Ист.: Смирнов В. Народные похороны и причитания Костромской губернии. Кострома, 1928; Беловинский Л. В. Энциклопедический словарь российской жизни и истории. М., 2003.

КЛАДЕНЕЦ-МЕЧ, оружие русских сказочных героев (Еруслана, Бовы и др.). Хранится он под заклатьем в тайном месте, запрятанный глубоко в холм.

КЛАДКА — см.: ПРИДАНЕЕ.

КЛЕТЬ, холодное помещение деревянного срубного дома, использовавшееся как кладовая для различного домашнего имущества и как летняя спальня для молодых брачных пар.

На основной части территории России клетью называлась небольшая срубная постройка, соединенная с *избой сеними*. В южных губерниях Европейской России клеть могла стоять на открытом дворе отдельно от жилого дома. В северных губерниях Европейской России клетями обычно называли небольшие комнаты,

Клеть, стоящая на открытом дворе отдельно от дома. XIX в. Южная Россия

располагавшиеся на *повети* — втором этаже крестьянского крытого двора. Клеть освещались и проветривались через одно или два небольших волоковых окна, прорубленных довольно высоко от пола. Дверь в клеть делали очень прочной и закрывали на висячий замок.

Домашнее имущество раскладывали здесь на широкие полки, идущие вдоль стен, развешивали на спицы — деревянные гвозди, вставленные в стены, или на грядки — длинные шесты, протянутые от одной стены до другой. Когда клеть использовали как спальню, в ней устанавливали широкий деревянный помост.

В домах, где жила большая семья (хозяева-родители, незамужние дочери, женатые сыновья с женами и детьми), клетей было несколько. Одна-две клетки могли быть общими, своя клеть была у свекрови, у каждой из невесток и незамужних дочерей. Молодые женщины и девушки хранили в них свое личное имущество, принесенное в дом в качестве приданого или подготовленное к *свадьбе*. Ключ от клетки находился у владелицы, и никто из членов семьи не имел права войти туда без разрешения.

Клеть — помещение, издавна знакомое русским людям. В письменных документах XIII—XVII вв., перечисляющих строения, которые входили в состав хоров богатых бояр, посадских людей и крестьян, постоянно упоминаются клетки. Напр., в грамотах к. XIV в. о крестьянской усадьбе говорится так: «...на старом дворыще... поставити избу да клеть да огородец капустник». В документе, датированном 1695, описывается усадьба крестьянина «Максимки Федорова сына Евремова»: «...двор горожен тыном... изба сосновая полтретья сажени, клеть сосновая двух сажень с подклетом».

Ист.: Шангина И. И. Русский традиционный быт. СПб., 2003.

КЛЁН (явор), в народных преданиях дерево, в которое превращен («заклят») человек. По этой причине кленовое дерево не используют на дрова («явор от человека пошел»), не подкладывают листья клена под *хлеб* в *печи* (в листе клена видят ладонь с пятью пальцами), не делают из него гроб («грешно гноить в земле живого человека») и т. д.

Превращение человека в явор — один из популярных мотивов народных баллад: мать «закляла» в явор непослушного сына или дочь; музыканты, которые идут через рощу, где растет это дерево, срубают явор и делают из него скрипку, которая голосом сына (дочери) рассказывает о вине матери. В балладах о матери (или жене) — отравительнице явор вырастает на могиле убитого сына (мужа) или его сажают на этой могиле

(см.: Дерево; ср. также типичное для народных причитаний обращение к умершему сыну: «Ай мой сыночек, мой же ты яворочек» и т. п.)

Т. Агапкина

КЛИКУША, порченная нечистой силой женщина; распространённое явление в деревне и городских низах. На литургии в храме перед Херувимской и выходом со Святыми Дарами кликуши начинали вскрикивать на разные голоса, лаять, мяукать и пр. Обычно припадок заканчивался после выноса Святых Даров. Для прекращения припадка несколько сильных мужчин вели кликушу до Царских врат к причастию, а когда она начинала успокаиваться, выводили из храма, клали на землю, покрывали белой тканью (лучше всего — *скатертью*, которой накрывали пасхальный стол или в которой несли на пасхальную заутреню для освящения яйца, пасху и кулич), отпаивали богоявленской водой, отчитывали воскресной и богородичной молитвами или *заговором*. К кликушам в быту относились предупредительно, как к больным, освобождали от тяжёлых работ, кормили по возможности получше, старались не огорчать и не сердить. Иногда припадки у кликуш были очень сильными, сопровождалась корчами и пеной изо рта. В таких случаях, чтобы изгнать бесов и узнать, кто навел *порчу*, прибегали и к сильным средствам: надевали *хомут*, привязывали к ногам подковы, даже прижигали пятки калёным железом, окунали в одной рубашке в крещенскую прорубь или обливали водой возле нее: в этот момент кликуша бессознательно выкрикивала имя *колдуна*. Изредка кликуш отчитывали «*чернички*» и даже священники, но не все на это осмеливались и не все могли. Иногда кликушество было средством избежать преследований *свекрови* и *золовок* и даже отомстить им, указав на них как на виновниц *порчи*.

Ист.: Беловинский Л. В. Энциклопедический словарь российской жизни и истории. М., 2003.

КЛИМ ХОЛОДНЫЙ, народное название дня сщмч. Климента, папы римского, 25 нояб./8 дек. В

этот день обычно наступали холода. Чтобы защитить своих детей от мороза, матери обращались с молитвой к св. Клименту. Крестьяне говорили: «Клим с холодом, а мать — с голосом».

КЛОБУК, древнейший русский мужской головной убор, шапка в виде *колпака* с меховым околышем (упоминаемая уже в XI в.), которую князья носили также часто вместо короны. В XIX в. и позднее под клобуком обыкновенно подразумевали черное или белое покрывало, из шерстяной или шелковой ткани, камилавки, с разрезами (воскрилиями) по краям, еще чаще — совокупность камилавки с покрывалом, т. е. весь головной монашеский убор. Клобук с воскрилиями носился лишь монахами, уже принявшими пострижение.

КЛУБ, общественное объединение для совместного времяпрепровождения и досуга. Первый русский клуб был создан в Петербурге в 1770 под названием Английского. Сначала количество его членов было ограничено и разрешалось не принимать лиц с чином ниже бригадирского, в 1804 2-е требование отменено, а количество членов к 1850 возросло до 4000 и 1000 кандидатов, замещавших открывшиеся вакансии. В 1802 право посещения клуба было дано дипломатическому корпусу. С 1817 официальным языком клуба стал русский. Членские взносы возросли от 10 руб. ассигнациями в год в 1770, до 100 руб. серебром — в 1860. В 1772 в Петербурге возник Шустер-клуб, открытый немцем Шустером, куда входили заслуженные чиновники, артисты, богатые русские и иностранные купцы, зажиточные ремесленники; в XIX в. он получил название Немецкого клуба. Английский и Шустер-клуб в значительных размерах занимались благотворительностью, в т. ч. выплачивали много пенсий своим членам. В к. XVIII в. в Петербурге возник еще ряд клубов, в т. ч. основанный в 1785 гробовщиком Уленгутом танц-клуб, прославившийся своими скандалами. К к. XIX в. в Петербурге было 20 различных клубов, в т. ч. 2 яхт-клуба. В Москве к к. XIX в. было 10 клубов. Здесь они появились в 1780-х преимущественно как временные. Первый постоянный клуб, исключительно для дворянства, был основан в 1783 как московское (с 1810 российское) Благородное собрание, членом которого был имп. Александр I. Тогда же возник Английский клуб, закрытый имп. Павлом I и возобновленный в 1802. Он обладал лучшей библиотекой российской периодики и являлся оплотом аристократической оппозиции: имп. Николай I время от времени справлялся, что там говорят о тех или иных правительственных мероприятиях; считалось, что клуб отражает общественное мнение. В 1862 в Москве возник Купеческий клуб, более известный как «приказчий». В к. XVIII–XIX вв. по инициативе дворянства или офицерства клубы возникли во многих провинциальных городах.

Члены клубов занимались беседами, танцами и карточной игрой; в пользу клубов поступал доход от продажи карт и штрафы за игру позже положенного часа. Клубы славились своими поварами, которым платили большое жалованье. Уставы клубов утверждались министром внутренних дел, для их изменения требовалось $\frac{2}{3}$ голосов членов клуба. Устав определял, кто мог стать членом клуба: так, членами Купеческого клуба могли быть только почетные граждане, купцы и купеческие приказчики, членами петербургского Благородного собрания — лица, состоящие на государственной службе, потомственные почетные граждане, лица, имеющие ученые степени или звание художни-

Климент папа Римский, с житием на фоне. Икона (без полей). 1-я пол. XVII в. ПХГ

ка, и др. Посторонние допускались в клубы лишь как гости, по рекомендации членов клуба. Выборы членов производились баллотировкой. Устав клуба давал защиту карточным долгам, которые не признавались законом: за неуплату долга в установленный срок, после напоминания, должник по постановлению совета старшин исключался из членов клуба. Клубы считались юридическим лицом, владели имуществом и вступали в обязательства; их представителем перед законом был совет старшин, избиравшийся общим собранием членов. Наблюдение за порядком лежало на дежурном старшине.

Ист.: Беловинский Л. В. Энциклопедический словарь российской жизни и истории. М., 2003.

КЛУНЯ, хозяйственные застройки для хранения снопов, молотбы и веяния.

Клуня

КЛЮЧНИК (ключница), доверенное лицо помощника в барском доме. Выбирался из дворовых. У ключника хранились ключи от кладовых, из которых он выдавал припасы на нужды дома.

КНИГА, первые русские книги, как и на Древнем Востоке и в Египте, представляли собой свитки или деревянные дощечки с процарапанными на них письменными знаками, сохранявшими, как правило, языческие ритуалы и заклинания.

Апостол. Москва. 1564 г.

Время возникновения первоначальной славянской письменности относится к 1-й пол. I тысячелетия н. э. «Отнюдь не являлось бы смелым предположением, — писал академик С. П. Обнорский, — о принадлежности каких-то форм письменности уже русам антского периода». Иностранные путешественники, посещавшие славянские племена в этот период, свидетельствуют о виденных ими подписях в языческих капищах.

Страницы из «Изборника Святослава»

Ученым известны древние письменные знаки славянских племен, в том числе:

1. «Причерноморские знаки», открытые в сер. XIX в. в Херсоне, Керчи, Ольвии и в других местах греческого поселения на территории нашей страны. Знаки эти по своему рисунку имеют довольно сложную линейно-геометрическую форму. Некоторые из них напоминают одну из древнеславянских азбук — глаголицу. Большинство знаков относятся к III–IV вв. н. э. и представляют собой, по-видимому, родовые, племенные или личные знаки, знаки собственности и магические культовые знаки;

2. Знаки на предметах быта, на различных ремесленных изделиях — горшках, медных бляхах, свинцовых пломбах, пряслицах и монетах и т. п. Значительный интерес представляет т. н. «алекановская» надпись. Она была нанесена на глиняный сосуд X–XI вв., обна-

Новый Завет. Острог. 1580 г.

Грамматика Мелетия Смотрицкого. Москва. 1648 г.

руженный в 1847 во время раскопок у с. Алеканово под Рязанью, и состоит из 14 знаков;

3. Изобразительный символический орнамент, обнаруженный на вазах и кувшинах, найденных при раскопках на территории Волыни и близ Киева и относящихся к памятникам «черняховской культуры» (II–IV вв. н. э.). По мнению акад. Б. А. Рыбакова, орнаментированные вазы и кувшины «черняховской культуры» представляют собой древнеславянские сельскохозяйственные календари.

В «Сказании о письменах» болгарского монаха Храбра (IX–X вв.) сообщается, что еще в древности

Инокентий Гизель. Синописис. Киев. 1680 г.

Карион Истомир. Букварь славянских письмен. Буква «О». 1694 г.

славяне умели записывать свою речь «чертами и резами». По мнению известного русского ученого И. И. Срезневского, существовали книги и документы, написанные «русскими письменами», которые представляли собой греческие буквы, приспособленные к славянской речи.

О достаточно широком развитии письменности еще до Крещения Руси свидетельствуют тексты договоров русских князей с Византией, относящиеся к I-й пол. X в., которые писались на двух языках — греческом и славянском.

Из договора кн. Олега с греками (911) явствует, что давняя «дружба» между христианами-греками и русскими язычниками многократно подтверждалась «не только словом, но и писанием». В том же договоре сказано об обычае русских купцов делать письменные завещания на случай смерти.

На основании ранее существовавших «русских письмен» свв. монахи Кирилл и Мефодий в 863 создали упорядоченную славянскую азбуку. Как сообщается в «Паннонском житии» св. Кирилла, он в к. 850-х — н. 860-х в Корсуни (Херсонесе) нашел *Евангелие* и *Псалтирь*, написанные русскими буквами. Там же он встретил человека, говорившего по-русски, беседовал с ним и вскоре сам

Синодальная типография на Никольской улице

Ап. Васнецов. Книжные лавки на Спасском мосту в XVII веке. 1902 г.

начал читать и говорить по-русски. В одной из русских рукописей «Толковой Палеи» (XV в.) приводится факт, подтверждающий это. «А грамота русская, — говорится в «Палее», — явилась, Богом дана, в Корсуни русину, от него же научился философ Константин (св. Кирилл) и оттуда сложив и написав книги русским языком».

С помощью своей азбуки свв. Кирилл и Мефодий перевели на славянский язык основные богослужебные книги. Древнейшие славянские надписи и рукописи были выполнены двумя графическими разновидностями славянского письма. Одна известна под названием кириллица (названа в честь Кирилла — Константина Философа); название второй, глаголица, происходит от старославянского «глагол», что значит «слово».

С принятием новой славянской азбуки книжное дело широко распространилось по всей Руси. С X до сер. XIII вв. на Руси было построено и снабжено книгами около 10 тыс. церквей, для которых требовалось не менее 90 тыс. книг. С учетом четьей и светской литературы книжное богатство Древней Руси следует определить в 130—140 тыс. томов.

Широкое распространение берестяных грамот, найденных при раскопках в Новгороде в 1951, позво-

лили русским исследователям сделать вывод о достаточно широком распространении грамотности не только среди высших слоев, но и среди простых людей. Берестяные грамоты и писала были обнаружены в 40 русских городах. Русские люди переписывались между собой и просили «да пришли мне чтения доброго» (берестяная грамота от Якова к Максиму, XIV в.). Русский исследователь А.И. Соболевский подсчитал, что в XV—XVII вв. грамотными были примерно половина служилого класса, около 15% крестьян и подавляющая часть купечества.

Уже в XI—XIII вв. в русском обществе сложилось восторженное отношение к книге как к источнику мудрости и духовного, философского осмысления мира. В «Повести

временных лет» по Лаврентьевскому списку (1037) находим настоящий гимн книге: «Велика бо бывает польза от ученья книжного, книгами бо кажеми и учими есьми пути покаянью, мудрость бо обретаем и воздержанье от словес книжных, се бо суть реки, напояющие вселенную, се суть исходища мудрости, книгам бо есть несчетная глубина, сими бо в печали утешаемы есмы, си суть узды воздержанью... Аще бо поищещи в книгах мудрости прилежно, то обрящещи великую ползу души своей; иже бо книги часто чтет, то беседует с Богом, или святыми мужи, почитая пророческие беседы и Евангельские ученья и апостолская жития святых отец восприимлет души великую ползу».

«Изборник» (1076) начинался «Словом некоего монаха о чтении (святых) книг»: «Добро есть, братие, почитание книжное... Когда читаешь книгу, не торопись быстро дойти до другой главы, но поразмысли, что говорят книги и словеса те и трижды обращайся к одной главе... Узды коню правитель есть и воздержание, праведнику же книги, не построить корабль без гвоздей, ни праведника без почитания книжного... Красота воину оружие, кораблю — ветрила, также праведнику почитание книжное».

В Троицком списке Новгородской первой летописи сохранилось «Слово святого Ефрема Сирина о том, како достоит со всем прилежанием чести святые книги без лености». «Брате... Имея в утробе место книги божественныя, тацим же образом труба вопиющи, сзывает ны, тако божественныя книги чтомы, збирают помыслы на страх Божий... Тако и святые книги вставятти ум, прилежа ты на благое и укрепят ти на страсти. Там же, брате мои, понужал себя часто почитати я, да получим истинный разум писания почитанием. Черпающе от него воду живу, могущую устудити, ражжения наши страсти и наставят ны на всю истину. Муж мудр, не имея книг, подобен есть оплоту без подпор стоящу: аще будет ветер, то падется. Тако и мудрии: пахнувши на нь ветру греховному, падет ся не имеши подпоры книжных словес. Аще ли мудрость книги, то свершен есть. Иван Богослов рече: птицам того ради даны крылья, да сети человеичи избежать, а человекам

Чертеж земель Сибири, Тобольского города и всех разных градов и жилищ степи С.У. Ремезова

же книги, аще всю неприязную лесьть отгоняют. Меландр рече: именье книг паче злата, в множестве злата души помощи нет».

В «Пчеле» (1199) читаем: «Ум без книги, аки птица опешена. Якож она взлетети не может, тако же и ум недомыслится свершена разума без книг. Свет дневной есть слово книжное, его же лишився, безумный, аки во тьме ходит и погибнет вовек».

Блестящий оратор и проповедник Древней Руси (1160-е) Кирилл Туровский утверждал: «Сладко бо медвенный соть и добро сахаръ, обоего же добрье книгий разум». В «Златой цепи» — весьма распространенном в средние века сборнике — говорилось, что если «вежа» — это человек духовный, книжный, то «невежа» в противоположность ему — человек не книжный, не духовный.

Новая эпоха в истории русской книги открылась с возникновением книгопечатания. Первые печатные книги кирилловского шрифта выпущены были Ш. Фиолем в Кракове в 1491. Книгопечатание в Москве началось в 1550-х. Первая точно датированная русская печатная книга выпущена Иваном Федоровым и Петром Мстиславцем в 1564 («Апостол»). В 1574 Иван Федоров во Львове издает первые малороссийские печатные книги («Азбука» и «Апостол»). Еще раньше Франциск Скорина издает первую белорусскую печатную книгу «Псалтирь» (1517), а затем приступает к изданию «Библии русской», «абы братия моя Русь люди посполитые, чтучи могли яснее разумети».

К н. XX в по числу выпускаемых книг Россия стала одной из ведущих книгоиздательских держав мира, выгодно отличаясь от других стран по качеству книг или количеству духовной, научной и учебной литературы. Еще через 60 лет, по данным ЮНЕСКО, Россия была признана самой читающей страной мира.

О. Платонов

КНУТ, орудие пастуха, используемое для управления стадом. Состоял из короткой рукоятки — кнутовища и длинной рабочей части — кнута. Кнутовище вырезали из березы, ели, можжевельника. Кнут выплетали из вымоченных и вытрепанных льняных или конопляных волокон и заканчивали заплетенным косичкой конским волосом. В некоторых губерниях его изготавливали из переплетенных полос сыромятных кож с гибкой проволокой или стальным тросиком на конце. Длина собственно кнута была от 3 до 10 м.

Пастух обычно носил кнут, свернутый кольцами, на левом плече или справа на поясном ремне т. о., что его конец свисал за спиной и волочился по земле. Кнут использовался как сигнальный шумовой инструмент. Ударяя им о землю, пастух производил сильный хлопок, подгонявший стадо. Щелканье кнутом сопровождалось уханьем, гиканьем, различными криками: «вперед, вперед», «домой, домой» и т. д. Резкое щелканье кнута ранним утром напоминало хозяйкам о том, что стадо уже идет с пастухом на пастбище, вечернее щелканье означало появление стада в прогоне, приход его в деревню.

Кнутом пастух никогда не бил скот. Считалось, что каждый удар кнутом, наносимый скотине, отбирал у пастуха силу и влек за собой Божье наказание. По поверью, у пастуха, нарушавшего запрет, *медведь* мог задрать корову, *волки* разогнать стадо, а коровы, обидевшись, забрести в чащобу.

Кнут использовался пастухами только при пастьбе на больших лесных полянах, по дороге на пастбище

и при возвращении в деревню. В лесу с ним работать было трудно.

Кнуту, так же как и др. пастушьему инвентарю, приписывали различные магические свойства, обеспечивающие успех пастьбы. Верили, что кнут, особенно заговоренный *колдуном*, обладал способностью защищать пастуха и скот от грозящих во время летнего выпаса бед. Для придания кнуту магической силы его делали из материалов, обладавших, по мнению крестьян, особыми волшебными свойствами. Напр., плетая кончик кнута, т. н. хвостину, использовали волосы из гривы стельной кобылицы или девятилетнего жеребца. Кнутовище старались сделать из можжевельника — дерева, по верованиям русских, отгоняющего *нечистую силу*. Считалось, что, по-особому щелкая кнутом, пастух вступал в контакт с *лешим*, с которым якобы заключил договор перед началом пастбишного сезона. Существовало поверье, что через кнут нельзя переступать, отдавать его в чужие руки, ибо тогда он лишается магической силы, а пастух навлекает на себя несчастье.

Ист.: Шангина И. И. Русский традиционный быт. СПб., 2003.

КНЫШ, круглая пшеничная лепешка, пирожок с маслом, салом.

КНЯЖИЙ СТОЛ (большой стол, венчальный стол, красный стол), главный свадебный пир, проходивший после *венчания* в доме родителей жениха.

В определенном, утвержденном традицией порядке ставились столы, рассаживались гости — приглашенные родственники, размещались зрители — «глядельщики», подавались еда и напитки, исполнялись песни.

Свадебный пирог

Свадебные столы, как правило, ставились вдоль половиц и лавок «глаголем» (буквой «Г»), и лишь в некоторых местностях — поперек половиц. Жениха и невесту, именовавшихся на этом пиру «князем молодым» и «княгиней молодой», сажали на почетное место — в передний угол избы: «Как у нашего сватушки впереди сидит почетный гость — князь с княгиней». Гости рассаживались, соблюдая мужские и женские места, в строгой последовательности родства: чем ближе родственник, тем ближе он садился к жениху или невесте. Парни, девушки, соседи, обычно присутствовавшие на *свадьбе*, считались зрителями и не приглашались к столу. Рассаживанием гостей, а также расположением зрителей занимались дружка, главный сват или свашки.

Свадебные столы обязательно накрывали белыми скатертями. По обычаю, сначала на столы раскладывали *хлеб* и *пироги*. Хлеб ставили на середину стола, одна буханка на другую, справа и слева от него находились две тарелки с пирогами, на каждой по три пирога. По краю стола напротив определенного каждому

гостю места укладывали ломоть ржаного хлеба, а на него продолговатый пирог. Перед молодыми ставили два круглых хлеба, размещенных один на другом и прикрытых платком. После того как гости занимали свои места, начинали подавать напитки и еду. Блюда приносили попеременно, т. е. сначала подавали одно блюдо, потом второе, третье и т. д., чередуя с напитками. Количество блюд должно было быть четным, т. к. с четными числами связывались обычно представления о счастье и удаче.

Угощения различались по способу приготовления: холодные, горячие, жаркие, варева, похлебки, пирожные и т. п. Набор блюд для свадебного стола в разных местностях России был различным. Так, например, во Владимирской губ. на стол сначала приносили холодные блюда: окорок, баранью голову, студень, потом горячие: похлебку из гусиных потрохов, жареное баранье плечо, поросенка, гуся, кашу, пшеник, сальник, а затем сладкий пирог или пряник. В Вятской губ. сначала ставили рыбные пироги, потом щи, затем мясо, гуся, холодные блюда — телячью губу, а ближе к концу кисель и пирог. Подача очередной перемены сопровождалась разливанием *пива, браги, водки, вина, кваса*. Столовую утварь, еду и напитки выносили главные чины свадьбы — *дружка, тысяцкий, сваха* — и некоторые из поезжан, называвшиеся хлебник, пивник, чашечник, ложечник, наливашник, стольник, погребенщик и т. п. Последним блюдом свадебного пира был *курник* — пирог с куриным мясом — или свадебный *каравай*.

Свадебный пир проходил обычно в два этапа, или, как говорили крестьяне, в два стола. Первый стол назывался свадебным, второй — горным.

Участниками первого свадебного стола являлись жених с невестой, поезжане, родители «князя молодого», его женатая и замужняя родня.

Свадебный пир начинался с т. н. открывания «молодой княгини», которая после венца входила в дом, закрыв платком лицо. Как правило, отец жениха или тысяцкий, держа в руке горбушку хлеба или пирог, поднимал ими платок невесты, затем брал его в руки и трижды обводил им вокруг голов новобрачных. Присутствовавшие родственники кричали: «Хороша молодая княгиня, хороша!» Этот обряд перекликался со смотрами просватанной девушки перед сговором и был необходим как обряд знакомства родни жениха с новым членом родственного коллектива.

Жених и невеста, сидевшие за свадебным столом вместе с др. женатыми мужчинами и замужними женщинами, не имели права прикасаться к еде или питью. В знак запрета *миска* перед ними ставилась пустой, *ложки* связывались красной ленточкой или укладывались ручками к центру стола, а чарки для напитков переворачивались вверх дном. Запрет на публичную еду объяснялся древними мифологическими представлениями о том, что жених и невеста не могут принимать участие в общей трапезе с женатыми мужчинами и женщинами, т. к. пока еще не относятся к ним.

За первым свадебным столом звучали обычно поздравления в адрес молодых, пожелания им счастья, богатства. Кроме того, девушки из деревни жениха и молодичи, находившиеся в качестве зрителей в избе, пели им величальные песни:

Молоду князю песенку

С молодой княгиней:

Молод князь Иван-сударь,

*Беленький Николаевич,
Княгиня свет Марьюшка,
Белая Ивановна.*

*Бог их свел, Бог их свел
За единый стол,
Бог им велел, Бог им велел
Одну соль-хлеб кушать,
Бог им велел, Бог им велел
Одну речь говорить.*

Свадебный стол заканчивался уходом молодых в особое помещение, где им подавали ужин. В некоторых деревнях молодую сразу же после ужина «окручивали» (см. *Окручивание молодой*), т. е. надевали на нее женский головной убор.

Второй частью свадебного пира был горный стол. На нем присутствовали «князь молодой» и «молодая княгиня» в женском головном уборе и нарядной одежде. К этому столу приезжали родители и родственники новобрачной, которые первый раз садились за общий стол со своей новой родней. Возвращение молодых к общему столу приветствовалось радостными криками присутствующих, песнями девушек.

Горный стол предполагал одаривание невестой родственников жениха: матери, отца, сестер, братьев (деверей), а также всей остальной родни, включая самую дальнюю. Дарами служили *рубахи, платки, пояса, полотенца*, отрезки тканей. Подарок укладывали на блюдо, молодая подходила к одариваемому родственнику и низко кланялась. Он должен был взять подарок и вернуть на блюдо отдарок: *пряник, конфеты, деньги*. Кроме того, во время горного стола «княгиня молодая» должна была первый раз назвать своего *свекра* батюшкой, а *свекровь* — матушкой.

На этот раз молодые получали право участвовать в трапезе. Однако их трапеза отличалась от общего угощения. Прежде всего, молодым подавали определенный набор блюд: кашу, яйца, мед, масло, хлеб, пироги, молоко. На мифологическом уровне это объяснялось тем, что пища молодых, пока еще окончательно не утвердившихся в своем новом статусе, должна отличаться от пищи остальных гостей. Кроме того, молодые должны были пить молоко из одного стакана, есть хлеб или пирог от одного куска, пользоваться одной миской и одной ложкой. Это было необходимо для того, чтобы подтвердить единство молодых, их неразрывную связь.

В конце горного стола совершался также обряд деления караваев (см. *Каравайный обряд*).

Свадебный пир символизировал объединение двух семейно-родовых групп. Совместное сидение за общим столом, употребление одной и той же еды утверждали родство двух семей и закрепляли их новые родственные связи.

Княжий стол заканчивался торжественным уводом молодых к месту, где устраивалась брачная постель, под пение присутствовавших.

Ист.: Шангина И. И. Русский народ. Будни и праздники. СПб., 2003.

КНЯЗЬ, властелин, владетель области, княжества, первоначально племенной вождь. В России до XVIII в. звание князя было только родовым и могло достаться только по наследству. Русские князья частью потомки бывших владетельных князей, частью признаны в этом звании из татарских мурз и ханов.

В России князь являлся необходимым, неотъемлемым элементом древнерусского общественного строя.

А. Кившенко. Призвание князя — встреча князя с дружиной, старшинами и народом славянского города

Летописи свидетельствуют о существовании князей у отдельных племен, по крайней мере, у древлян и вятичей. Первые киевские князья, в частности Олег, Игорь, Святослав, еще мало связаны с землей. Они являются скорее странствующими завоевателями, ищущими новых земель и новой добычи, чем устроителями своей земли. Только с Владимира св. князья прочнее усаживаются в Киеве, и Ярослав уже имеет черты князя, тесно привязанного к своей земле. Отдельные области,

Княжение варяжских братьев: Рюрика, Синеуса, и Трувора

входившие в состав государства Владимира и Ярослава, мало были связаны между собою и эти князья посылают своих сыновей в качестве правителей земель. Авторитет родительской власти удерживал сыновей в повиновении киевскому князю, но уже при Владимире мы видим на примере Ярослава Новгородского попытку проявить свою самостоятельность. Со смертью Ярослава рушится кажущееся единство Русской

С. Иванов. Съезд князей 1910 г.

земли. Сыновья его становятся независимыми владельцами своих областей, и киевский князь, носивший титул великого, пользуется только большим почетом среди других князей. Функции древнерусского князя, в общем, заключались в следующем: князь является законодателем, об этом свидетельствуют заглавия некоторых статей «Русской Правды», далее князь явля-

И. Билибин. Съезд князей

ется предводителем на войне и защитником области и это одна из главных обязанностей князя; для защиты страны князь располагает дружиной, находящейся в его личном распоряжении, и народным ополчением, которое идет в поход по решению веча; наконец, князь является судьей и администратором, князь судит или

Неизвестный художник. Портрет княгини К.И. Лобановой-Ростовской

сам, или через доверенных лиц, точно также для управления он избирает помощников из окружающих его дружинников. За исполнение своих обязанностей князь получает вознаграждение в виде дани, доходов с суда и торговых пошлин. Князья имели также частную земельную собственность — села; в пользу князя идет и военная добыча. На свои сред-

И. Петерсен. Интерьер губернского дома в Ревеле

Неизвестный художник. Портрет князя Ф. Ю. Ромодановского

дружине. Не во всех областях князь имел одинаковую власть. В Галиче княжеская власть была сильно ограничена высшим слоем дружины — боярами; в Полоцке и Смоленске — вечем; в Новгороде и Пскове, где князья приглашались на особых условиях и часто изгонялись, власть князя была ничтожна. В Северо-восточной

Н. Богацкий. Портрет князя А. М. Горчакова

Руси, где князь являлся колонизатором-хозяином, его значение подавляет и дружину, и вече, хотя эта власть достается северно-русским князьям не без борьбы. Татарское нашествие оказало сильное влияние на отношение князя к населению и на характер власти князя в Северо-восточной Руси. Князья получают столы по милости хана, а участие народа

Дж. Доу. Князь И. Л. Шаховской

в управлении, выражавшееся в вечевом строе, уменьшается и, наконец, совсем уничтожается. Татарское иго, в числе других причин, способствовало и возвышению московского князя среди других князей. Мало-помалу все эти князья становятся в зависимые отношения к московскому князю, теряют свои права и нисходят в ряды боярства. Боярство, оказывавшее сопротивление самодержавным стремлениям московских великих князей, было сломлено Иоанном Грозным. Западнорусские князья, подпавшие под власть Литвы, также довольно скоро утрачивают права и сливаются с литовско-польской аристократией. С образованием централизованных государств удельные князья постепенно переходили в состав великокняжеского (с 1547 — царского) двора в России и королевского двора в Польско-Литовском государстве. В России до XVIII в. звание «князь» было только родовым. Князьями

были Рюриковичи (Одоевские, Горчаковы, Долгорукие и др.) и Гедиминовичи (Хованские, Голицыны, Куракины, Трубецкие и др.); княжеские титулы получили также представители татарских и кабардинских владетелей, влившись в состав русской феодальной знати (Черкасские, Юсуповы и др.). С н. XVIII в. титул князя стал также жаловаться правительством высшим сановникам за особые заслуги (первый пожалованный князь — А. Д. Меншиков).

С. Ю.

КОВЕРЗНИ, домашние лапти из бересты, ракушки, коры ветлы, жесткие, без обор для крепления на ноге.

Лапти-коверзны. XX в. Великолукская обл.

КОВРИГА, *каравай*, пшеничный или ржаной хлеб, тесто для которого было положено в специальную форму, а затем вынутое из нее, выпекалось на поду русской печи.

КОВРИЖКА, народное лакомство, печенное из муки на меду с пряностями, похожая на пряник, но более пышная, с прослойкой из варенья или повидла.

КОВШ, деревянный или металлический сосуд, использовавшийся для питья, для подачи напитков на стол, для разливания их по другим сосудам, для черпания воды, для пересыпания муки, зерна, круп и т. д.

Ковш. 1-я пол. XIX в. ГИМ

Ковши, предназначенные для различных нужд, имели разные размеры, форму, а часто и разные названия. Для подачи на праздничный стол пива, медовухи, бражки, кваса использовали деревянные большие ковши — конюхи, вмещавшие в себя до двух ведер напитка. Они имели плоское дно, широкую рукоятку и тулово, напоминающее своим силуэтом плывущую утку. Для питья напитков и разливания их по чаркам во время праздничного застолья употребляли маленькие деревянные ковшики — налёвки, наливки, черпаки, черпальники, корчички. Их делали небольшого размера, с округлым или полусферическим дном и длинной, стоявшей почти вертикально рукоятью. Такие ковшики вывешивали на бортики большого ковша или скопкря, из которого черпали пиво. Именно о них были составлены популярные до сих пор загадки: «Утка в море, хвост на угоре», «Щука в море, хвост на горы». Ковшик, которым черпали воду из ведра, стоявшего в печном углу, и ковшик, использовавшийся в бане для переливания горячей воды из чана в шайку, для поддавания пара на каменку, изготавливали из меди, латуни, железа. Обычно такие ковшики делали низкими, с рукояткой, заканчивавшейся крючком для подвешивания их на гвоздь. Причем металлические рукоятки банных ковшиков были защищены деревянной оправой. Ковшик, оставленный у лесного ключика, где мог попить в жаркий день уставший путник, был изготовлен из бересты и имел деревянную рукоятку, длина которой позволяла легко зачерпнуть воду, не склоняясь при этом слишком низко над источником. Ковши для зерна делали глубокими, полусферической формы, с круглой в сечении рукояткой.

Старинные ковши с изображением солнца, коней и птиц

Деревянные ковши, широко распространенные в крестьянском быту XVIII–XIX вв., выдалбливали из целого куска дерева (*березы, липы, осины*), корня дерева или из капа. Ковши из капа получали дополнительное название — *каповые, репчатые* ковши, из корневищ — *коренные, корчики*, из прямоствольного дерева — *прямизны*. Из выполняли в долблено-резной технике, при которой первоначальная грубая обработка дерева производилась топором, внутренняя часть сосуда «выбиралась» теслом, выравнивалась скобелем, а окончательная внутренняя и внешняя обработка проводилась резцом и *ножом*. Берестяные ковшики сшивали *лыком* из верхнего слоя коры, снятой с березы весной. Металлические ковши делали из красной меди, латуни, железа, олова, серебра.

Красивые деревянные и металлические ковши, предназначенные для праздничного застолья, заказывали мастерам-ремесленникам или приобретали на *ярмарках, торжках, в лавках*. Центром производства деревянных ковшей были села Московской, Тверской, Костромской, Ярославской, Нижегородской губ. Простые металлические ковши делали на Урале, в Вятской губ. Дорогие питьевые ковши изготавливали серебряники Новгорода, Вологды, Костромы, Н. Новгорода и др. городов. Берестяные ковшички, деревянные черпачки для ежедневных нужд делали и в домашних условиях. Фактически каждый крестьянин, владевший топором, теслом и резцом, в состоянии был смастерить их для своей семьи.

Ковши использовали на Руси с глубокой древности. При раскопках Великого Новгорода, Старой Ладogi в слоях X–XIV вв. археологи находят деревянные ковши, форма которых аналогична форме ковшей XIX в. Среди них встречаются и ковши, напоминающие плывущую по воде птицу, с рукояткой в виде головы барана, коня, медведя, дракона или прямыми рукоятками, завершающимися небольшими головками тех же зверей и птиц. В XV–XVII вв. деревянные ковши бытовали так же широко, как и в более раннее время. На миниатюре XVI в. из Жития Зосимы и Савватия, изображающей пир у новгородских бояр, можно видеть на пиршественном столе ладьевидные ковши. В монастырских описях имущества, составленных в XVI–XVII вв., довольно часто перечисляются деревянные ковши. В описи имущества Печерского Нижегородского монастыря от 1638 читаем следующее: «... ковш о двух стеблях кореново, красный с венцом, в четыре ведра... <...> шесть ковшей питьих». В кол-

лекциях многих музеев имеются деревянные ковши, изготовленные в XVII в.

В Древней и Средневековой Руси деревянные ковши использовались не только крестьянами, но и представителями др. сословий и социальных групп. Так, патр. Филарету, жившему в XVII в., были преподнесены в дар, как свидетельствует опись имущества, наряду с др. деревянной утварью «большие репчатые ковши». Преобладание в русском быту деревянной посуды и в частности ковшей, отмечали и иностранцы, посещавшие Москву в XVI–XVII вв. Немецкий дипломат Адам Олеарий, побывавший в России в 1633–35 и 1643, писал, что мало видел оловянной и еще меньше серебряной посуды, зато деревянную посуду, в частности ковши из липы, делают многие ремесленники. О принадлежности деревянных ковшей людям из разных слоев общества свидетельствуют имеющиеся на них надписи. Так, на одном из ковшей XVII в. можно прочесть: «Сей ковш села Ильинской пустыни Козьмодемьянского уезда пятидесячника крестьянина Константина Матвеева Красногорского». Др. ковш этого же времени принадлежал сыну стрельца: «Сей ковш козьмодемьянского пятидесятника стрелецкого Якова Нефедьева сына, пити во здравие добрым людям, пить до дна, во дне добро, пить не до дна — не видать добра».

Серебряные и золотые ковши, т. н. ковши питьевые, упоминаются еще в письменных документах XIV в. Напр., вел. кн. Иван II завещал монастырю «ковш великий золот гладкий», Дмитрий Донской — «два ковша золота по две гривенки», а Василий I — «ковш золот с лалом да с женчюги».

Ист.: Шангина И. И. Русский традиционный быт. СПб., 2003.

КОЖУХ, нагольная шуба, *тулуп*, подбитый мехом, упоминался уже в «Слове о полку Игореве», надевался на *зипун*. Старинные кожухи украшали нашивками, кружевами. В XIX в. кожухом называлась одежда из овчины, укороченный нагольный тулуп.

КОЗЫ (Федор и Василий, Евпл), народное название дня прпмчч. Василия и Федора Печерских, в Ближних пещерах, а также мч. *Евпла*, диакона при имп. Диоклетиане мечом усеченного, 11/24 авг.

По поверью, в этот день на *кладбище* ходить нельзя, т. к. там веселится *нечистая сила*. С ночи слышны ее песни, вой, свист. Бегают по кладбищу нечистая сила в образе белого коня, который раскапывает землю на могилах и жалобно ржет по покойникам. А над могилами появляются блуждающие огни.

На этот день приходилась пора стрижки овец, поэтому св. Василию посвящалась особая молитва. Благодарили его крестьяне за хорошую шерсть и просили, чтобы помог он овцам снова шерстью обрасти, чтобы зимой не мерзнуть. Люди верили, что в этот день нечистая сила на коз нападает, потому надо было козам уделить особое внимание: накормить-напоить, погладить-приласкать и в поле выпустить, а в хлеву навести порядок.

КОКЛЮШКИ, палочки из твердого дерева с намотанными на них нитками. Использовались для плетения кружев.

КОКОШНИК, праздничный головной убор замужних женщин. Кокошник надевался на женщину или сразу же после *венчания*, или после *брачной ночи* и указывал на ее новое семейное положение. Некоторые кокошники женщины носили только до рождения первого

Горожанки в кокошниках: 1 — псковский тип; 2 — новгородский тип

Кокошники в виде шапочек с твердым очельем (рогом). XIX в. Олонецкая губ.

или второго ребенка, а затем передавали более молодой родственнице. Их головным убором становился *повойник*.

Название «кокошник» происходит от древнего славянского слова «кокош», означавшего и курицу-наседку, и петуха.

Женский головной убор — кокошник. Костромской губ. 1-я четв. XIX в.

Женский головной убор — кокошник. Нижегородская губ. Кон. XVIII — нач. XIX в.

Женщина в кокошнике — «златоглаве» Нач. XX в.

Женский головной убор — кокошник. Владимирская губ. 2-я пол. XVIII в.

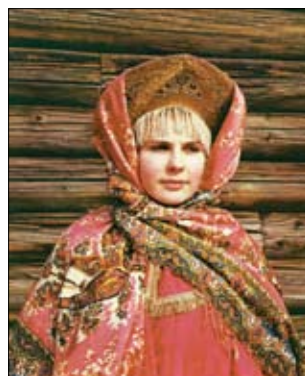
Тыльная сторона кокошника, шитая золотом. XVIII—XIX вв.

Нижегородский кокошник из парчи, шитый золотом и жемчугом. 1-я пол. XIX в.

Сибирский кокошник с золотым позументом и с жемчужной или бисерной поднизью. 50-е годы XIX в.

Кокошник Костромской губернии и шерстяная с тканым рисунком шаль. 1-я пол. XIX в.

Принято считать кокошник старинным головным убором. Он упоминается в документах XVI—XVII вв. Кокошники были в то время по преимуществу головными уборами богатых людей: цариц, боярынь, купеческих жен. В списках их имущества они встречаются довольно часто: «...кокошник низаной, пять кокошников шитых с голунами и с канетелью по камкам и по атласу, кокошник жемчужный со ставками». Головными уборами крестьянок в XVI—XVII вв., как предполагают ученые, были *сороки* или *убрусы* с подбрусниками. Однако из некоторых списков крестьянского имущества, составленных в XVII в., можно выяснить, что кокошники бытовали и в крестьянских семьях: «...два очелья новые кокошников, шиты по перевити нитми, местами шито золотом, кокошник дирчатый».

Кокошники были самого разнообразного вида. Наиболее были распространены т. н. однорогие кокошники и в виде шапочки.

КОКУРКА, пшеничная булочка с запеченным в ней яйцом в скорлупе. Обычно кокурки пеклись в дорогу. На привале, разломив булочку, доставали оттуда яйцо. **КОЛДУН** (еретник, малорос. **чаривник**, белорус. **ведьмак**), человек, отрекшийся от Бога и Царствия Небесного, продавший душу *дьяволу* и получивший от него сверхъестественные способности.

В противоположность *ведьмам* и *вампирам*, не является *нечистой силой*, и хвостов у них нет. Они, подобно языческим шаманам, лишь пользуются помощью различных представителей нечистой силы. При этом колдун заключает с нечистой силой соглашение обычно на таких условиях: пока колдун жив, нечистая сила ему служит, но сразу же после *смерти* он оказывается навеки в ее власти. Колдуну прислуживают черти, ко-

Колдун в народных представлениях. Худ. Н. Антипова

торые выполняют его поручения и, так сказать, отдают в его распоряжение, *заложные покойники*, а нередко также ведьмы и вампиры. Трагедия колдуна состоит в том, что он должен непрерывно занимать их какой-то работой, направленной во вред человеку.

По представлениям русского народа, колдуны — это люди, рожденные от православных родителей, но пожелавшие в силу разных жизненных обстоятельств обладать тайными знаниями. Необходимость в получении колдовского «дара» зачастую была вызвана неудовлетворенностью своим положением в обществе, желанием иметь власть над людьми, стать богатым, отомстить за обиду и т. п. Превращение обычного человека в колдуна, по поверью, происходило прежде всего путем отречения от Бога и от всего, что связано с миром людей. В старинной быличке опытный колдун объясняет молодому парню: «Ты перво-наперво отрекись от отца с матерью и прокляни их. Прокляни небо, солнце, луну и звезды. Не веруй в Бога, не читай Священного Писания. По праздникам работай, в церкву ходи ради блезирю, чтобы люди не могли догадаться, что ты настоящий колдун. Теперь иди и испорти отца или мать — кто первый отопрет ворота, а если ты не испортишь никого из домашних, тебя черти разорвут в мелкие куски».

Человек, пожелавший стать колдуном, поступал учеником к опытному колдуну (как и при обучении любому др. ремеслу, ученик получал знания от мастера), который в течение нескольких лет старался передать ему свой опыт, а перед смертью должен был «отдать» все свои знания. Так, напр., Иван Мучников, крестья-

Колдунья. Картинка из лубочной книги XIX в.

нин Московской губ., признался на допросе, что он «учил всякому волшебству на Дедилове кружечного двора голову Микитку Лукьянова крикоте и всякой порче... На Кашире подьячего Васку Микулаева икоте и к женскому привороту и всякому волшебству». Обучение могло происходить и в специальных «школах колдовства», которые возглавляли сильные и умелые колдуны. Пройдя курс обучения, мастера получали своеобразный диплом — «колдовской предмет», напр. серебряную монету, которая при опускании в воду дымилась, и «волшебную книгу» с заклинаниями.

Человек, пожелавший получить колдовской «дар» непосредственно из рук сатаны, должен был пройти сложный обряд отречения от Бога и поступления под власть дьявола. Он представлял собой «перевернутый» обряд православного крещения. Нужно было снять крест, положить его под пятку правой ноги, стать лицом на запад и обратиться к дьяволу со словами: «Отрекаюсь я, раб (имярек), от распятия Христова, и от тридневного Воскресения, всех дел Его и заповедей и не верую в Него, дую и плюю на все дела Божии, только прирекаюсь к тебе, дьяволу, и ко всем делам твоим и заповедям твоим, верую в тебя, творца и царя сатану, и во все дела и заповеди твои, и хочу быть сообщником

М. П. Клотт. Колдунья

В. Максимов. Приход колдуна на крестьянскую свадьбу

твоим и собеседником». Далее нужно было отречься от Богородицы, Православной Церкви, апостолов, христовых праздников, от святых угодников. При этом каждый раз повторялись формулы, заимствованные из текста православной службы. После этого человек должен был написать кровью расписку бесам примерно такого содержания: «Аз, раб Божий (имярек), отрицаю Бога и неба, и земли, и святых Божия веры, и соборные Божия Церкви, и не хочу нарицаться христианином, и передаюся во служение дьяволу, и должен ево волю творить, в том и письмо свернутое дал ему».

Верили, что колдун получал в свое распоряжение бесов, чертей (коловертышей, кузутиков, кулишей, шутиков), которые верно ему служили, а взамен отдавал сатане свою бессмертную душу. При этом он сам превращался в представителя иного мира.

По русским поверьям, колдун, связанный с враждебным человеку миром, всегда ориентировался на зло. Ему доставляло радость и удовольствие насыщать порчу на поля, скот, людей, губить молодых красивых женщин, сильных мужчин, расстраивать свадьбы. Считалось, что он может потерять свой колдовской дар и даже умереть, если перестанет приносить людям горе и болезни. В одной из быличек рассказывается, как колдун «для укрепления своего здоровья и чар» ежедневно пускал по ветру «щетинку» — мелкие щепочки, кусочки шерсти, мусора, которые вызывали у людей болезни.

Любые хозяйственные невзгоды, семейные беды, эпидемии и эпизоотии объяснялись в народе колдовскими действиями. Так, если корова переставала доиться, то в этом обвиняли колдунью. Считалось, что колдунья ранним утром *Иванова* или *Петрова* дня, сняв с себя одежду и привязав на спину кринки, забиралась за забор и громко произносила клички коров. Деревенские коровы переставали давать молоко своим хозяевам, молоко уходило в кринки колдуньи. Если на поле был плохой урожай ржи, то верили, что колдунья пролетела над ним в белых одеждах или сделала на полях «кукол», т. е. оставила на поле несколько особым образом скрученных стеблей.

Верили, что колдуны могли наслать на человека болезни, напр. «килу» — опухоль, «икоту» — истерические припадки, сопровождавшиеся бессвязной, не контро-

лируемой сознанием речью, или «помрачение рассудка». Порчей колдунов объяснялись сильные боли в животе, непрекращающиеся головные боли, депрессивные состояния. По рассказам крестьян, колдуны могли вселить в человека беса, превратить поезжан *свадебного* поезда в волков, напустить на человека «мороку», т. е. заставить его видеть то, чего на самом деле не бывает. Колдуны насылали порчу по воздуху, ветру, по следу, через воду, еду и т. п. Колдун, насылая порчу по ветру, брал комок земли и бросал его в сторону дома того человека, которого хотел испортить, приговаривая: «Кула, кула, ослепи (имярек) воронные, голубые, карие, бе-

лые, красные очи. Раздуй его утробу толще угольной ямы, высуши его тело тоньше луговой травы, умори его скорее змеи медяницы». Порча «на след» навелась несколько иначе. Колдун вырезал широким ножом след ноги человека, читал над ним *заговор*, а затем или прятал след за *матицу* — потолочную балку в доме, если хотел навести тоску, или сжигал в бане, если желал человеку смерти. Порчу, по представлениям крестьян, колдун мог наслать и более простым способом: дотронуться, стоя в дверях или воротах, до плеча человека, подать ему кружку наговоренной воды или *пряник* и т. п.

Считалось, что особенно опасными колдуны становились в *Страстную неделю* и в период между *Ивановым* и *Петровым* днем. По поверьям, в *Чистый четверг* или в *Иванову* ночь колдуны вылетают из своих домов для выдаивания коров, порчи зерна в амбарах, уничтожения посевов, овощей, порчи людей, заговора трав, которые после этого становятся вредными для здоровья.

В то же время, по мнению крестьян, только колдуны могли снять порчу, выручить в большой беде, спасти от повальных болезней, устранить тоску, помочь в любовных неурядицах, сделать человека богатым. Особенно часто обращались к колдунам с просьбой снять порчу, наведенную др. колдуном, наслать порчу на врага или защитить от порчи. Последнее особенно практиковалось во время свадеб, поскольку жених с невестой, а также поезжане были, по распространенному мнению, особенно беззащитны. Крестьяне говорили: «Свадьбу без колдунов не сыграешь. А то свадьбу испортят... Превратят ее или в веников, или в волков и разбегутся все. Свадьбу не соберешь. А берут сильного колдуна: он за крестным едет, передом, и все это от-делает (отколдует)».

К колдуну обращались также с просьбой «сделать присуху», т. е. вызвать к себе любовь человека противоположного пола, т. к. любовь — это «бесовское наваждение», а чтобы вселить бесов, необходима колдовская сила. «Присушку» колдун проводил с помощью заклинаний и «любжи» — напитка из трав, обладавших наркотическим действием. Объект любви должен был выпить приворотное зелье, растворенное в воде, *пиве*, *квасе*, или вытереться платком, *полотенцем*, намочен-

ным в нем, после чего под действием любовного напитка и произнесенного колдуном заклинания начинал испытывать любовное чувство.

Колдун, по мнению крестьян, мог помочь женщине, тоскующей по умершему мужу, изгнать огненного змея, который якобы прилетал к ней каждую ночь, принимая обличье мужа. Кроме того, он мог вылечить человека от болезни, вызванной вселением в него бесов. Колдун изгонял их с помощью воды, вызывавшей рвоту, окуривания травой, неожиданным выстрелом над постелью больного, заклинаниями.

М. Нестеров. За приворотным зельем

Кроме профессиональных колдунов в русском народном быту существовало и домашнее колдовство. Люди прибегали к нему в сложных жизненных ситуациях: чтобы наладить семейные отношения, добиться успеха в любви, отомстить за причиненные обиды, защитить дом и хозяйство от несчастий, узнать будущее.

В отличие от профессионального колдовства все магические действия, приемы и атрибутика домашнего колдовства были достаточно простыми, а «общение» с нечистой силой происходило только в момент свершения колдовского ритуала. Так, напр., чтобы заставить девушку полюбить парня, надо было поймать двух *лягушек* в момент совокупления, положить их в коробочку с дырочками и закопать в муравейник. Через несколько дней, когда муравьи объедят лягушек, вытащить коробочку, взять лягушачью грудную косточку и во время гулянья зацепить ею девушку за *сарафан*. Для привораживания парня нужно было взять из *веника* прутик и положить его на порог дома, в котором живет парень. Как только он переступит порог, прутик следовало поместить на полоч жарко натопленной бани со словами: «Как сохнет этот прут, пускай сохнет по мне раб Божий (имярек)». Если человек хотел быть удачлив на охоте, то ему требовалось в *Петров день* найти траву калюку, сорвать ее во время вечерней росы, засушить, спрятать в коровий пузырь, а перед началом охотничьего промысла окурить ею ружье.

При проведении такого рода магических ритуалов люди зачастую не особенно задумывались о том, что желаемое они получают с помощью нечистой силы. Однако в ряде случаев и в домашнем колдовстве человек сознательно призывал на помощь *нечистую силу*, отрекаясь на время совершения ритуала от Бога.

Так, напр., для отмщения обидчику нужно было снять крест, положить его под пятку, убить черного кота, а затем, завязывая на шерстяной нитке 13 узлов, произнести следующие слова: «По позднему вечеру выйду я на улицу, и откажусь я от Иисуса Христа, от царя земного, от Бога вышнего, от веры православной, от батюшки, от матушки. Предаюсь я к нечистому духу, к окаянной силе, прошу я ей помощи, чтобы она помогла ей и пособила, поступаю я на вора-разбойника, на денного грабильщика, на ночного полуношника, на (имярек). Я хочу его свержить, хочу я его испортить: хоша среди дня, хоша среди ночи, хоша в чистом поле, хоша в темных лесах, хоша в зыбучих болотах, хоша сонного, хоша дремучего, хоша в терему, хоша за столами дубовыми, хоша за яствами медовыми, хоша пошел бы он и запнулся бы, самого себя закланул бы. Окаянные духи, придайте мне силы, помогите и пособиите мне, чтобы не было (имярек) ни в день житья, ни в ночь спанья, ни в час моготы, ни в полчаса терпежу. Хошь бы схватило его грыжами, или стрелами, взяло бы его на минуту или в две, и узнал бы он все скорби и печали». После этого нитку необходимо было бросить в дом врага — тогда обидчик будет отомщен болезнью или смертью.

Все колдовские действия обставлялись достаточно таинственно. Их совершали обычно в ночное время, в лесу, на *перекрестках* дорог, где, по поверью, «черти на кулачках бьются», или в бане, считавшейся сакрально нечистым местом. В колдовских обрядах использовались могильная земля, кости людей и животных, мочалка, мыло и вода, использовавшиеся для обмывания покойника, а также *папоротник*, *чернобыльник* (попынь), *крапива*, ящерицы, змеи, лягушки, черные кошки, вороны, совы и др. Необходимой составной частью всех ритуалов были «колдовские слова». Верили, что именно магические тексты, сказанные правильно и в определенной обстановке, позволят человеку получить желаемое.

Магические приемы в XIX в. знали фактически в каждой крестьянской *семье*, не говоря уже о более раннем времени. В XVI–XVII вв., напр., они использовались людьми всех сословий. Боярин, составляя «подкрестную запись» на верность царю, обещал в ней не наносить ему вреда «всяким ведовским мечтанием, по ветру никакого лиха не насылати и следу не вынимати». Эти знания передавались от матери к дочери, от отца к сыну, а владение ими считалось необходимым для выживания в суровом мире. Колдовские знания семья старалась держать в секрете, однако ими можно было поделиться с человеком, попавшим в беду. Множество свидетельств этому имеется в судебных делах XVII–XVIII вв. Напр., «женка Марфица» хотела, чтобы «до нее были добры» муж, свекор и свекровь. Она обратилась за помощью к соседке, которая дала ей совет положить «свекру своему Харитону и свекрови Маланье, и мужу своему Феодору в постель... уголь да глинки кусок, да с конопля лычка и мышь мертвую и всякого хлеба зерна».

В др. делах подсудимые признаются в том, что получили свое тайное знание от посторонних, малознакомых им людей: напр., «Дарьицу, Некрасову жену» колдовским приемам обучил «ражий черноволосый мужик». Она хотела наказать своего обидчика Евтюшку: «Сделаю-де его такова черна, как в избе черен потолок, и согнется так, как серп согнулся». Колдовство удалось: «Евтюшка заболел вскоре и, три года ходя, сох и сохши умер».

Профессиональным колдовством занимались особые люди — колдуны (ведуны, волховники, волшебники, ворожеи, гадалники, знатники, еретики, кудесники, обавники, опасные, порченые, чаровники, чародеи, чернокнижники), которые, вступив в союз с нечистой силой — сатаной, чертями, бесами, сделали его своим главным занятием. Профессиональное колдовство было столь же широко распространено в русской деревне, как и домашнее. По свидетельству очевидцев, еще в н. XX в. в каждой более или менее большой деревне имелись 10–15 чел., которые считались колдунами.

Ист.: Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991; Шангина И. И. Русский народ. Будни и праздники. М., 2003; Елеонская Е. Н. К изучению заговора и колдовства в России. СПб., 1917. Вып. 1; Новичкова Т. А. Русский демонологический словарь. СПб., 1995.

КОЛОБ, небольшой круглый хлебец; *кокурка*, толстая лепешка, клецка из пресного теста, иногда на молоке; *пряженец* кислого теста; круглый *пирог* с толокном (В. Даль).

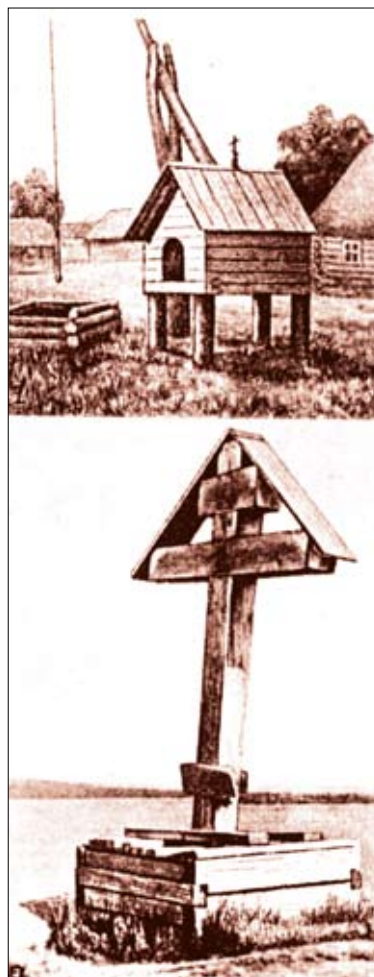
КОЛОДА, выдолбленная из крупного дерева емкость для кормления домашних животных.

Колоды ставили в хлевах, на дворах, а также около колодезь, если в деревне не было реки или пруда для водопоя стада.

КОЛОДЕЦ, деревянный сруб, обычно дубовый, вкопанный в землю до первого водоносного слоя. Над верхней частью сруба устанавливался ворот или *журавль* для поднятия воды. Отверстие колодца закрывалось крышкой.

Слово «колодец» пришло в русский язык раньше, чем само это сооружение. Впервые оно упоминается в «Повести временных лет» при описании событий 997. Однако там идет речь не об источнике водоснабжения, а о глубокой яме, в которой стояла *кадка* с медовой *сытой*.

Колодцы у русских были общественными. На деревню их приходилось несколько, и водой из них

Крест у колодца (святая вода). 1 — Деулино. 2 — Ковда

пользовались жители ближайших домов. Редко кто из крестьян имел в усадьбе собственный колодец.

Крестьяне тщательно следили за состоянием колодезь, поэтому их регулярно чистили, сгнившие срубы и отдельные подгнившие бревна заменяли новыми. Это объяснялось не только заботой о качестве питьевой воды, но и сохранявшимися с древности представлениями о воде как источнике жизни, одной из первых стихий мироздания и в то же время силе страшной и чужой.

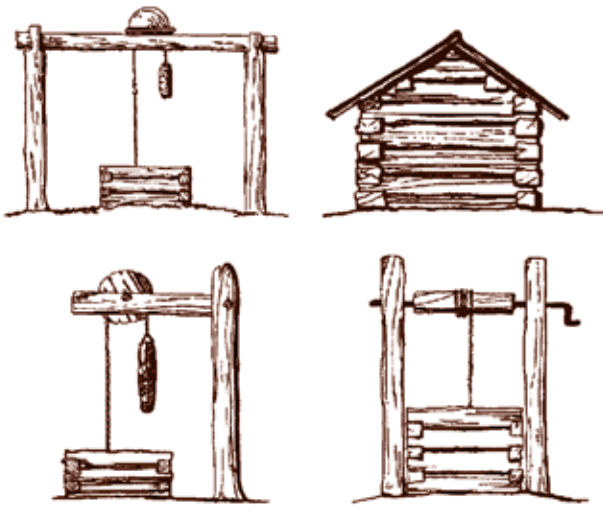
Древние славяне возле колодезь и источников совершали жертвоприношения, приносили клятвы, заключали брачные союзы.

Отношение к колодцам, бьющим из земли родникам, озерам и рекам как местам поклонения сохранялось и в XIX — 1-й четв. XX в. Почти в каждой деревне имелся свой святой «ключук» или святой колодец, вода которого считалась целебной. Возникновение того или иного святого источника связывалось с именем св. Параскевы (в народе Прасковей), нареченной Пятницей, культ которой сливался с культом Богородицы. По преданиям, распространенным по всей России, родничок появлялся там, где прошли или присели отдохнуть св. *Параскева Пятница* или Божья Матерь. На священных колодцах ставили скульптурные изображения, кресты с иконами Божьей Матери и св. Параскевы Пятницы. В определенные традиции дни, обычно в пятницу, на святые колодцы и «ключики» приходили паломники с жертвоприношениями: тканью, льняной куделью, выпряденными нитками, овечьей шерстью. Все это развешивали на деревьях, растущих около колодца, или бросали в источник. Выбор жертвоприношений определялся тем, что св. Пятница — христианское воплощение *Мокоши* — женского божества славянского языческого пантеона — считалась покровительницей женских работ, особенно прядения и ткачества.

С колодцами было связано немало поверий. Так, считалось, что через колодец можно попасть в мир мертвых и что в колодцах живет *нечистая сила*: «От воды — жди беды». Набирая в старину из колодца воду, люди сначала крестили колодец, а потом крестились сами. Особую опасность представляли колодцы в ночное время и зимой до дня *Крещения Господня*. Если

Благовещение у колодца. Икона. Нач. XX в. Мстера (?)

Типы оголовков колодцев и водоподъемных сооружений («баранов») в северных селениях

приходилось ночью идти за водой к колодцу, то шли туда обычно несколько человек, стараясь не шуметь и не разговаривать.

Колодезную воду, по обычаю, полагалось святить. Водосвятие проходило при большом стечении народа в Крещение и в Первый Спас (1/14 авг.). Если не представлялось возможным освятить все колодцы в деревне, то в каждый неосвященный вливали святую крещенскую воду. Церковное освящение воды, по народным представлениям, имело целью изгнание из нее бесов, очищение от скверны. Освященная в Крещение вода считалась целебной, здоровой, способной защитить от болезней и нечистой силы. Для очищения колодца от всякой нечисти в ночь на Крещение в него опускался крестик, сложенный из щепочек.

Колодцы, как предполагают исследователи, появились в русских городах в сер. XV в. До этого люди пользовались, вероятно, водой из рек, ручьев и ключей.

Ист.: Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991; Шангина И. И. Русский традиционный быт. СПб., 2003. **КОЛОКОЛА**, необходимая принадлежность русского православного храма. В чине благословения колоколов сказано: «яко да вси слышащие звенение его, или во дни или нощи, возбудятся к славословию имени Святаго Твоего». Колокольный церковный звон употребляется для того, чтобы:

- 1) созывать верующих к богослужению,
- 2) выражать торжество Церкви и ее богослужений,
- 3) возвещать неприсутствующим в храме о времени совершения особенно важных частей богослужений.

Кроме того, звоном созывался народ на вече (народное собрание). Звоном указывали дорогу заблудившимся в ненастье путникам. Звон оповещал об опасности, несчастье, пожаре. В трагические для Родины дни звоном призывали народ на защиту Отечества. Звоном оповещался народ о победе и приветствовалось победное возвращение полков с поля брани. Так, колокольный звон во многом сопутствовал жизни нашего народа.

Колокола развешиваются на особой башне, именуемой колокольной, или звонницей, которая строится над входом в храм или же рядом с храмом.

В России колокола появились почти одновременно с принятием христианства, т. е. в к. X в. Наряду с колоколами употреблялись также била и клепала, которые

И. Горюшкин-Сорокопудов. Колокола

существовали до последнего времени в некоторых монастырях.

С XV в. в России появились собственные заводы по отливке колоколов, на которых стали отливать колокола больших размеров. Так, для колокольной Ивана Великого в Кремле были отлиты колокол «Вседневный» весом 1017 пуд. 14 фунт.; колокол «Реут» весом ок. 2000 пуд.; колокол «Успенский», или «Праздничный», весом около 4000 пуд.

Самым большим, но не действующим колоколом в мире в настоящее время является «Царь Колокол», стоящий теперь на каменном постаменте у подножия колокольной Ивана Великого. Самым большим действующим — колокол «Успенский». Ударом в него давалось начало торжественному звону всех московских храмов в Великую, Светлую, Пасхальную ночь.

Отличительной чертой русских колоколов является их звучность и певучесть, что достигается различными средствами, как то:

- 1) точной пропорцией меди и олова, нередко с добавлением серебра, т. е. правильным сплавом,
- 2) высотой колокола и его шириной, т. е. правильной пропорцией самого колокола,
- 3) толщиной стен колокола,
- 4) правильным подвешиванием колокола,
- 5) правильным сплавом языка и способом прикрепления его к колоколу и др.

А. Косичев. Звонница в Ростове

Языком называется ударная часть колокола, помещающаяся внутри него. Русский колокол от западноевропейского колокола в первую очередь и отличается тем, что сам колокол укрепляется неподвижно, а язык подвешивается внутри колокола свободно качающимся, ударом которого и производится звук.

Характерно, что русский народ, назвав ударную часть колокола языком, уподобил этим звон колокола живому голосу. Для верующих русских людей колокола соделались языком, голосом и трубами. Поистине, каким другим именем, как не говорящими устами, можно назвать колокольный звон: в дни великих праздников он напоминает нам о блаженстве небесном, в дни святых Божиих он говорит нам о вечном покое святых небожителей, в дни *Страстной седмицы* напоминает нам о нашем примирении с Богом через Христа Спасителя, во дни *Светлой Пасхальной седмицы* возвещает нам о победе жизни над смертью и о вечной, нескончаемой радости будущей жизни в Царствии Христовом.

Разве это не говорящие уста, когда колокол дает нам знать о каждом часе, о течении его, напоминая вместе с тем и о вечности, когда «времени уже не будет» (Апок. 10; 6).

Благовествуя славу имени Христова, раздаваясь днем и ночью, и большею частью с высоты при храмах Божиих, колокольный звон сам собою напоминает нам слова Господа Вседержителя, сказанные через ветхозаветного пророка Исаию: «На стенах твоих, Иерусалим, Я поставил сторожей, которые не будут умолкать ни днем, ни ночью, напоминая о Господе» (Ис. 62; 6). Не случайно язычники часто, слыша колокольный звон, говорили: «Это голос христианского Бога слышен!»

Звуки одного церковного колокола представляют собой нечто возвышенное, торжественное, а если раздается звон нескольких, более или менее согласованных между собою колоколов, то происходит еще более величественное благозвучие. Мощный колокольный звон, действуя на наше внутреннее чувство, пробуждает наши души от усыпления духовного.

Какими скорбными, удручающими, а чаще всего раздражающими тонами отзывается колокольный звон в душе злого нечестивого отступника. Чувство беспокойства, душевного томления вызывается колокольным звоном в душе, постоянно грешной. Между тем как в душе верующей, ищущей мира с Господом Богом, церковный колокольный звон возбуждает светлое, радостное и мирное настроение. Так что человек может по колокольному звону определять состояние своей души.

Полюбив церковный колокольный звон, русский православный народ соединил с ним все свои торжественные и печальные события. Потому православный колокольный звон служит не только указанием времени богослужения, но служит и выражением радости, грусти и торжества. Отсюда и появились различные виды звона, и каждый вид звона имеет свое название и значение.

Колокольный церковный звон разделяется на два основных вида: благовест и собственно звон.

Благовестом называются мерные удары в один большой колокол. Этим звоном верующие созываются в храм Божий к богослужению. Благовестом этот звон называется потому, что им возвещается благая, добрая весть о начале богослужения.

Совершается благовест так: сначала производятся три редких, медленных, протяжных удара (пока не

прекратится звук колокола), а затем уже следуют мерные удары. Если колокол очень большого или огромного размера, то эти мерные удары производятся качающимся языком в оба края колокола. Если же колокол сравнительно небольшой, то в таком случае язык его притягивается веревкой довольно близко к его краю, на веревку кладется доска и нажимом ноги производятся удары.

Благовест, в свою очередь, делится на два вида:

1) обыкновенный, или частый, производится самым большим колоколом;

2) постный, или редкий, производится меньшим по величине колоколом в седмичные дни *Великого поста*.

Если при храме имеются несколько больших колоколов, а это бывает при кафедральных соборах, больших монастырях, лаврах, тогда большие колокола, в соответствии своему назначению, различаются на следующие колокола: 1) праздничный; 2) воскресный; 3) поилейный; 4) простодневный, или будничный; 5) пятый, или малый, колокол.

Обычно в приходских храмах больших колоколов бывает не больше двух или трех.

Собственно звон бывает в несколько колоколов или во все колокола.

Звон во все колокола бывает четырех видов:

1) Трезвон — это звон во все колокола, затем маленький перерыв, и второй звон во все колокола, снова маленький перерыв, и третий звон во все колокола, т. е. звон во все колокола трижды, или звон в три приема.

Трезвон выражает собой христианскую радость, торжество.

В наше время трезвоном стали называть не только звон во все колокола трижды, но вообще звон во все колокола.

2) Двужвон — это звон во все колокола дважды, в два приема.

3) Перезвон — это звон поочередно в каждый колокол (по одному или несколько ударов в каждый колокол), начиная с большого и до самого малого, и так много раз.

4) Перебор — это медленный звон поочередно в каждый колокол по одному разу, начиная с самого малого и до большого, а после удара в большой колокол — звон во все колокола вместе сразу, и так многократно.

Прот. С. Слободской

В русских народных преданиях *нечистая сила* начинала заниматься своей злой деятельностью только после того, как отзвонит колокол. Специально это относится к периоду от *Страстного четверга* до *Страстной субботы*, когда колокола, в соответствии с церковным каноном, не звонят вообще. Молчание колоколов — это время их «говения» и «скорби» по поводу кончины и мучений Иисуса Христа. Чтобы нечистая сила не имела возможности торжествовать победу и творить зло, в этот период принято было заменять колокольный звон др. звуками — парни ходили по ночам по селу с колокольчиками и трещотками, старухи били ветками по церковному полу.

Колокольный звон, как нечто освященное свыше и в известном смысле являющее собой присутствие этой силы (ср. колокол — «глас Божий»), связывается в народных представлениях с *истиной*. В малороссийских *заговорах*-клятвах, произносимых накануне суда, колокольный звон сопоставляется с правдой: «як заговору, як в дзвин зазвоню... так щоб була правда моя».

По малороссийским поверьям, колокольный звон вынуждает раскаиваться клятвопреступника. По русским поверьям колокольный звон останавливает вора, убегающего с места преступления, вынуждая его вернуться назад; вожжи, привязанные к церковному колоколу, заставляют конокрада оставить свою добычу или удавиться. На Подолье в случае какой-нибудь кражи принято было мазать язык церковного колокола чесноком и звонить в него, после чего вор терял всякую надежду остаться неузнанным. Самоубийцам и людям, умершим скоропостижно, без отпущения грехов и покаяния, колокольный звон заменял церковный обряд (ср. обыкновение хоронить таких покойников под колокольный звон и собирать пожертвования на литье колоколов во спасение их душ).

Все содеянное в то время, когда звучал колокол, освящалось присутствием высшей силы, ее соучастием в деятельности человека. Именно поэтому, вероятно, праздничный колокольный звон (особенно на *Рождество* и на *Пасху*) воспринимался как сакральное время, благоприятное для начала («заделывания») многих хозяйственных работ и совершения разнообразных магических действий.

В Ярославской губ. во время звона колоколов на Пасху желающие избавиться от бородавок должны были потереть их костью мертвеца; во многих народных традициях под пасхальный колокольный звон люди умывались у источников, чтобы быть здоровыми, а девушки — чтобы быть красивыми и избавиться от веснушек; под колокольный звон на Рождество девушки гадали о замужестве и т. п.

В народных традициях колокольный звон надеялся способностью воздействовать на вегетацию культурных растений. В Малороссии на Пасху парни попеременно забирались на колокольню и звонили в колокола; считалось, что у того, кто сделает это раньше и громче других, лучше уродится гречиха. А в Центральной России женщины звонили в колокола на Пасху, надеясь на то, что у них вырастет высокий лен.

Наряду с др. формами обрядового шума, колокольный звон использовался для разгона градовых туч, при приближении которых принято было звонить в колокола; иногда для этого даже устанавливали специальные колокола.

В народе считали, что колокольного звона боится нечистая сила, насылающая тучи или управляющая ими. Звонили в колокола и при солнечном и лунном затмении, чтобы демонические существа, похищающие или пожирающие солнце и луну, оставили их. В случае тяжелой агонии умирающему мог помочь колокольный звон «по сход души», который отгонял от него нечистых духов. Колокольному звону приписывается колоссальная сила воздействия и на др. природные стихии. В русских заговорах, произносимых при отыскивании клада, колокольный звон (как и «глас Божий») колеблет землю, обнажает хранящиеся в ней сокровища и поражает стерегущую их нечистую силу.

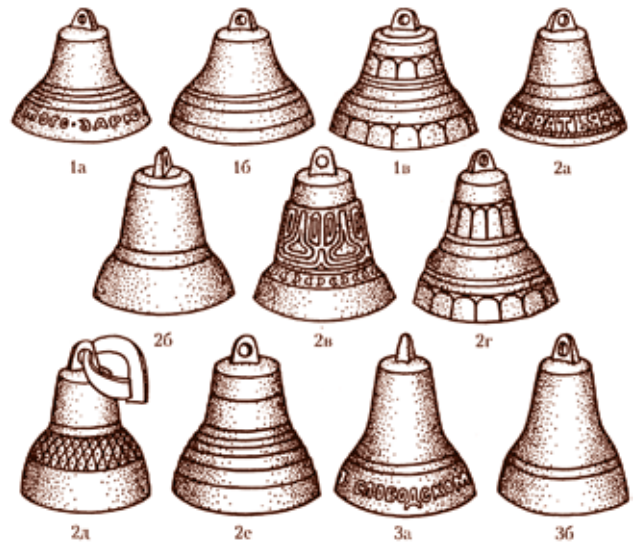
В приметах и снотолкованиях колокольный звон нередко предвещал получение известия. Чтобы хорошо петь, девушка пила воду, которой предварительно омыли церковный колокол (ср. в гуцульском заговоре, произносимом при этом: «йик ти голосний, аби І я така голосна була»). Желающие исцелиться от глухоты, становятся на Пасху под большой колокол. На *свадьбе* во время *венчания* звонили в колокола, чтобы молодожены и их дети не страдали глухотой, и т. п.

Колокольный звон соотносился со смертью (ср. обыкновение креститься при звуке церковного колокола, поминая умерших, и специально звонить в колокола на Пасху в память о них). Как угроза смерти воспринималось в народе обещание, данное живому человеку, «заплатить ему на позвонное», т. е. дать в церковь деньги за поминальный перезвон по нему. К этой угрозе прибегали в случае различных житейских недоразумений, при неуплате долга, при ссорах и оскорблениях и т. п. Провожая из дома или из села нелюбимого всеми человека или нежеланного гостя, устраивали ему «позвонное», т. е. имитировали колокольный звон, стуча по *горшкам* и металлической посуде. Так поступали для того, чтобы он никогда назад не вернулся.

Колокольный звон обычно предвещал смерть. Если во время движения *свадебного поезда* раздавался колокольный звон, то крестьяне считали, что это грозит смертью молодоженам или одному из них; увиденный во сне колокол предсказывал смерть одному из домашних; колокольный звон, услышанный девушкой в *Сочельник* во время гаданий, предвещал ей смерть в течение года и т. п. Если человек услышит ночью, как звонит на колокольне упырь или «ходячий» покойник, он непременно умрет к утру.

Т. Агапкина

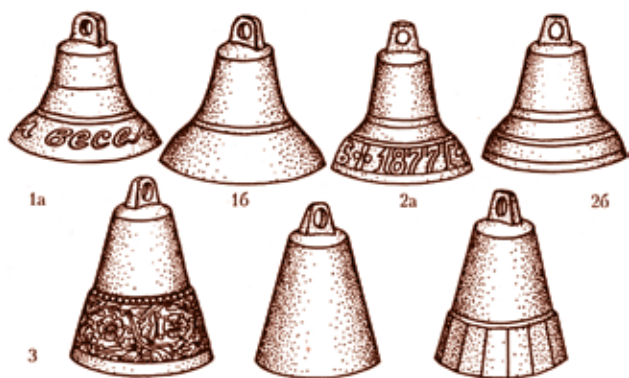
КОЛОКОЛЬЧИК ПОДДУЖНЫЙ, колокольчик, подвешенный к *дуге* конской *запряжки*. Колокольчики подвешивали к дугам почтовых *троек*, а в крестьянском обиходе использовали во время *свадеб* и праздничных *гуляний*.

Колокольчики поддужные: 1 — традиционной формы (тип «Дар Валдая»); 1 а — с надписью или орнаментом; 1 б — гладкий; 1 в — гранёный; 2 — сибирские (высокая юбочка, сужающаяся книзу): 2 а — с надписью или орнаментом; 2 б — гладкий; 2 в — резной; 2 г — гранёный; 2 д — с решеткой (по юбочке); 2 е — с валиками (по всему тулову); 3 — шадринского фасона (напоминают сибирские, юбочка книзу сужается, тулово почти конусообразное): 3 а — с надписью или орнаментом; 3 б — гладкий (комм. И. Шангиной).

Форма колокольчиков повторяла в своих основных чертах форму церковных колоколов. Все они имели круглое в сечении, расширяющееся книзу тулово с язычком внутри и ушком на вершине. Ушко служило для подвешивания колокольчика с помощью ремешка на дугу, а язычок в виде серьги или кольца на ремешке, ударяясь о стенки колокольчика, заставлял его звучать.

КОЛОКОЛЬЧИК ПОДШЕЙНЫЙ, колокольчик, надевавшийся на шею домашних животных при их свободном выпасе.

Колокольчики подшейные: 1 — традиционной формы: а — с надписью или орнаментом; б — гладкий; 2 — сибирские: а — с надписью или орнаментом; б — гладкий; 3 — конической формы (без юбочки или с неакцентированной юбочкой) (комм. И. Шангиной)

Колокольчики подшейные, как и колокольчики поддужные, отливались из медных сплавов, но отличались формой — обычно они были конусообразные, гладкие или полуграненые. Размеры колокольчиков были самыми разными: более крупные предназначались для лошадей и коров, более мелкие — для овец. Их подвешивали на шею животным на ремешках или веревках, пропускавших через специальное ушко. При движении животного металлический язычок ударялся о внутренние стенки колокольчика, вызывая звон.

Колокольчики отливали таким образом, чтобы каждый из них имел собственное звучание. Хозяйка благодаря этому всегда могла определить местонахождение на пастбище своих животных.

КОЛОМЯНКА, шерстяная ткань домашнего производства. Во 2-й пол. XIX в. с таким же названием производилась льняная ткань с добавлением *пеньки*, преимущественно светлых тонов.

КОЛОСОВОЖДЕНИЕ — см.: **ВОЗНЕСЕНЬЕВ ДЕНЬ**.

КОЛОТУШКА, две соединенные сухие, толстые, короткие доски, на одной из которых была ручка. Сторож, обходя свой участок, равномерно взмахивал колотушкой, держась за ручку, т. е. одна доска ударялась о другую, извещая злоумышленников, что охрана бодрствует.

КОЛПАК, высокая конусообразная шапка с заломленным концом. Известен с древнейших времен как женский и мужской головной убор.

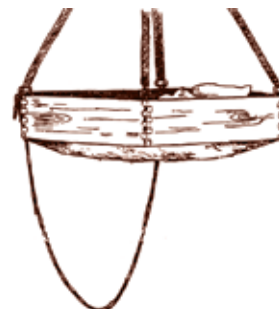
Изображение людей в колпаках сохранили фрески на лестнице Софийского собора в Киеве, а также их можно увидеть на одном из браслетов XII в.

В XIII–XVII вв. колпак был самым распространенным мужским головным убором на Руси. Его носили представители всех социальных групп русского общества в будни и праздники, дома и на улице. Колпаки в то время шили из льняных, хлопчатобумажных, шерстяных, шелковых тканей, а также вязали крючком или иглой. Внизу колпаки имели узкие отвороты с короткими продольными разрезами, которые украшались пуговицами, пряжками, запонками, брошками. Напр., в завещании боярина, составленном в 1503, говорится так: «...колпак, полки сажены жемчугом, да три у него пуговицы яхонты с жемчугом». О колпаке царя Бориса Годунова, правившего в н. XVII в., — «...на прорехе пять пуговиц, яхонты лазоревы, на спнях на золотых, на закрепках по зерну бурминскому». С к. XVIII в. колпак носили преимущественно в крестьянской среде.

КОЛЫБЕЛЬ, кроватка для младенца. Русские семьи пользовались подвесными колыбелями, качающимися преимущественно вверх-вниз (рус. *зыбка*, *люлька*, *качка*, *колыбель*; малорос. *колиска*; белорус. *калыска*). Наиболее распространенным типом детской колыбели была почти квадратная деревянная рама длиной меньше метра (рус. *станок*). На раму нашивался кусок холста, который был не очень туго натянут и образовывал довольно глубокую полость вроде мешка; в это углубление и клали ребенка. Иногда к четырем углам

Колыбель со знаком «ночного (подземного) солнца» (по Б. А. Рыбакову)

Южнорусская колыбель. Воронежская губ.

рамы привязывали веревки, чаще всего сплетенные из прутьев; иногда же к обеим сторонам прикрепляли изогнутую дугой тонкую палку или 2 таких палки, от середины которых тянулись кверху веревки. И в том и в др. случае тяжи привязывались к концу березового шеста длиной примерно 4 м (бечп, качульно, бцеп, зыбёльна). Др. конец шеста упирался в стену или врезался в нее; середина шеста прикреплялась к потолочной балке или же к железному кольцу в потолке или к матице, иногда середина шеста лежала на грядке — высокой полке, которая тянулась через всю комнату перпендикулярно шесту. Привязанную к свободному концу такого гибкого шеста колыбель раскачивали в вертикальном направлении, и она могла еще долго сама покачиваться снизу вверх. К колыбели снизу привязывали веревочную петлю (лямка, подцепка; малорос. *очепок*), с помощью которой можно было качать колыбель ногой, если руки были заняты работой. Малороссы не знали такой колыбели, висящей на шесте. Малороссийские колиски висели на одном или двух кольцах и не могли качаться в вертикальном направлении; они двигались только из стороны в сторону или же вращались.

Изображенная на рис. южнорусская колыбель *качка* (Воронежская губ.) отличалась от описанного типа лишь тем, что рама из четырехгранных брусков была заменена своего рода ящиком из 4-х досок шириной в 18 см. Доски на концах были врезаны шипами. Снизу прибавляли кусок холста. Длина этой колыбели 90 см, ширина — 55 см. Основное ее преимущество перед типом колыбели, описанном выше, заключалось в том, что ребенок не мог из нее выпасть.

Широко были распространены также колыбели, имеющие форму ящика или овальной корзины. Их делали из липовой коры, из гнутых тонких, но широких распаренных осиновых досок, сплетенных из сосновой щепы или ивовых прутьев. Дно делали из коры, досок, холста или войлока, сплетали из тонких веревок. Наконец, бывали ящики, имеющие форму усеченной пирамиды, с прорезями на длинных сторонах. Существовала еще переносная белорусская колыбель из липовой коры, которую подвешивали на поле на подставке из

3-х кольев. Для защиты от насекомых колыбель накрывали куском ткани (белорус. апінка; рус. положук).

Иногда отделяли небольшой дощечкой часть колыбели и закрывали ее крышкой; там держали соску, рожок и лакомства для ребенка. На дно колыбели обычно клали солому, поверх нее — мягкие тряпки, овчину или подушку, а под голову — маленькую подушку, набитую шерстью или пером. Над колыбелью вешали крест или иконку.

Если хозяин, который мастерил колыбель для своего первенца, хотел иметь еще детей, он срубал деревце для уступа в лесной чаще. Чтобы ребенок спал спокойно, в колыбель клали гребень или веретено. Рекомендовалось не качать пустую колыбель, иначе, считалось, ребенок будет страдать бессонницей или др. болезнями, от которых он даже может умереть. В севернорусских губерниях очень внимательно следили за тем, чтобы колыбель не оставалась непокрытой: считалось, что тогда в нее может забраться дух, который напугает ребенка.

Ист.: Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991.

КОЛЫМАГА, тяжелая *каре́та* на стоячих деревянных рессорах, с деревянным, обшитым кожей кузовом, с дверцами, запрягавшаяся 6—8 лошадьми.

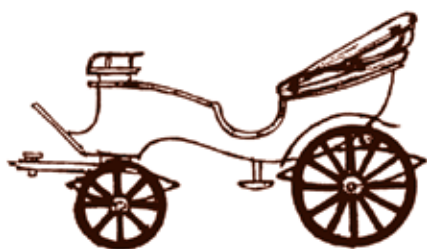
КОЛЯДА (Коледа), в древнерусской языческой мифологии воплощение смены годового цикла, зимнего солнцеворота, перехода солнца от зимы к лету, неизбежности победы добрых божеств над духами зла.

Празднование Коляды происходило с 25 дек./7 янв. (Рождество Христово) по 6/19 янв. (Крещение Господне). В это время наблюдались самые сильные морозы, по древним поверьям совпадающие с разгулом нечистых духов и злых *ведьм*. Празднование Коляды своим весельем и оптимизмом выражало веру древнерусских язычников в неизбежность победы добрых начал над силами зла. Чтобы помочь Коляде победить и отогнать злых духов, праздновавшие его день жгли костры, пели и плясали вокруг них.

После принятия христианства оптимизм и жизнеутверждение празднований Коляды получили новое содержание в праздновании Рождества Христова, а ритуальные языческие обычаи превратились в веселую игру на *Святки*. В эти дни, так же как и в древности, жгли костры, а юноши и девушки «наряжались в хари (маски)» коней, коз, коров, медведей и других животных и, ряженые, ходили по дворам, пели *колядки* — песни, прославляющие Коляду, приносящего всем благо. Славили хозяев, желали благополучия *дому* и *семье*, а за это требовали подарки, шутливо предрекая разорение скупым. Иногда сами подарки: печенье, *каравай* — назывались Колядой. Символизировали Коляду сноп или соломенная кукла, которые с песнями иногда приносили в *избу* на Рождество.

О. П. КОЛЯДКИ — см.: СВАТКИ, РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО.

КОЛЯСКА, запряженный *тройкой* пассажирский экипаж с откидным кожаным верхом.

КОМОЕДИЦЫ, языческий праздник пробуждения *медведя*, связанный с культом *Велеса*, часто представленного в виде медведя.

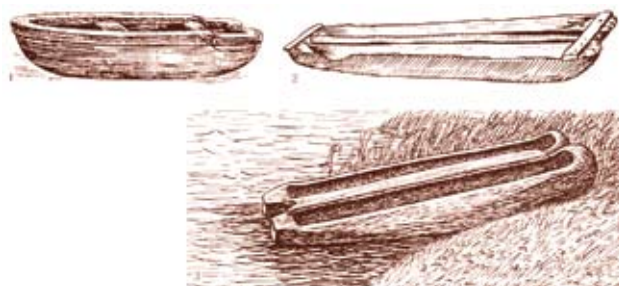
С принятием христианства Комоедицы в игровом варианте праздновались в день св. прп. *Василия Исповедника*, епископа *Парийского*, 12/25 апр.

В этот день с глубокой древности соблюдался обряд, называемый Комоедицы, суть которого состояла в том, чтобы задобрить медведя.

К этому времени в домах пекли обрядовый хлеб — *комы*. Замешивали тесто для ком из трех видов муки — овсяной, ячменной и гороховой. Выпеченные хозяйской *комы* мужики брали с собой в лес и угощали ими медведя, оставляли ему угощение на пне. Первыми угощали медведя охотники, медведь потом в охоте человеку помогал, мед ему из дупел доставать позволял, от всякой беды-напасти охранял и скотинку хозяйскую не трогал.

В деревне в этот день устраивали веселые пляски, наряжаясь в медвежьи шкуры. Чтобы и настоящему медведю в лесу весело было, разыгрывали всякие сцены: по деревне бегали, распевали озорные песни-заклинания, медведя-батюшку добром привечали, а то и незлобливо над ним подшучивали. В этом обряде участвовали и дети. По народному поверью, медведь в лесу рад, что ему оказывают такое внимание люди.

КОМЯГА (колода, ройка), лодка, представлявшая собой ствол дерева, выдолбленный внутри, и напоминавшая по своему облику *корыто*, *колоду* для корма скота.

Комяги. XIX в.: 1 — Калужская губ.; 2 — Ярославская губ.; 3 — Псковская губ.

Лодки изготавливались из дуба, осины, ели, кедра, липы, лиственницы, сосны. Они могли быть также парными, т. е. состоявшими из 2-х выдолбленных стволов, соединенных боками. Лодкой управляли с помощью шеста, которым гребец упирался в дно пруда, реки или одного двухлопастного весла. При этом в одинарной *комяге* он стоял на коленях, а в спаренной — во весь рост, поставив одну ногу в одно *корыто*, другую — в другое.

Комяги были малоподвижны, но довольно устойчивы. Их использовали на рыбной ловле и для различных хозяйственных перевозок.

Ист.: Шангина И. И. Русский традиционный быт. Энциклопедический словарь. СПб., 2003. Сс. 289—290.

КОНДРАТЬЕВ ДЕНЬ (Игнат и Кондрат, Дворы, За-молотки), народное название дня апостола из 70-ти Кондрата, 21 сент./4 окт. С этого дня начинались замолотки — молотьба хлебов. Первый оvin называли именинным. Для молотильщиков варили *кашу*, вечером угощались *пирогам* и бражкой.

Дворы — праздник девушек на выданье. Готовящиеся выходить замуж девушки в этот день наряжались, приводили свой двор в порядок, а *свахи* ходили

по деревне и на дворы заглядывали, высматривали, у кого и как обихожено. Где ждали сватов, там во дворе наводили порядок. Девушки выносили повязанные лентами овсяные, зажиночные снопы, ходили с ними по двору, а потом заносили обратно в дом. Соседи и хорошие знакомые приходили «двор дворить» — пожелать хозяевам доброго хозяйства, удачи во всех делах житейских, а невесте — жениха добropорядочного и трудолюбивого.

По обычаю в этот день выгребали золу из *печи*. По поверью, она обладает солнечной силой, поэтому ее высыпали на огороды и ожидали хорошего урожая. Золу рассыпали и на грядки, и под ягодные кусты, и на картофельное поле, и на пашню. Девушки помогали родителям, а свахи все это примечали — сноровиста ли в хозяйстве девушка, приучена ли к домашнему труду.

Если в каком доме была уже намечена *свадьба*, то совершался обряд обмывания дочери. Обмывала ее мать, поставив на солому в *бабьем куту*, вытирала ее свадебным *полотенцем* с пожеланием счастливой семейной жизни. Отец выносил мокрую солому во двор скотине и примечал: коли съест коровушка солому, то счастлива будет дочь замужем и родит крепких внуков.

КОНЕВОДСТВО, в н. XX в. в России насчитывалось ок. 41% мирового поголовья лошадей.

В России коневодство существовало издавна. Религиозные верования и обычаи славян внушали известное уважение к лошади. Славянские воины были преимущественно конные. Для земледельческих работ славяне издревле пользовались лошадью. Удельные

Н. Самокиш. Лошадь

Н. Соломин. Лошадка

князья имели на конюшнях большое число лошадей. В войске Дмитрия Донского насчитывалось до 150 тыс. всадников во время Куликовской битвы.

При Иване III в к. XV в. был основан под Москвою государственный конный завод, названный «хорошовским». Но коневодство того времени преследовало не улучшение породы, а содержание и сохранение купленных пород, преимущественно у татар, лошадей, и только в XVIII в. начали обращать на породу внимание.

Петр Великий в 1712 повелел завести конские заводы в Казанской, Азовской и Киевской губ. и в Астрахани. Кроме того было приведено несколько эстонских клепперов в Архангельск и Пермскую губ.

Для улучшения породы наших рослых местных лошадей, разводимых по р. Битюгу в Воронежской губ., выписаны голландские рабочего сорта жеребцы.

После Петра I на развитие коневодства было обращено наибольшее внимание в царствование Анны Иоанновны: в 1739 открыто 10 заводов, в которых к 1 января 1740 числилось 4414 лошадей арабских, английских, испанских, персидских и пр. Но коневодство того времени преследует одну главную цель — снабжать лошадами кавалерию и императорские конюшни.

Русские коневоды вывели целый ряд русских лошадиных пород. Среди них особо следует отметить русского рысака, выведенного от арабского жеребца и русской верховой лошади на конном заводе графа А. Г. Орлова-Чесменского в с. Хреновое Воронежской губ.

В той же Воронежской губ. по р. Битюгу разводили породу битюгов, происшедших, еще при Петре Великом, от смешения голландского тяжеловоза с рослыми местными кобылами. Со временем, вследствие близости завода гр. Орлова, к битюгу подливалась рысистая кровь.

Н. Сверчков. Лошади в поле

Н. Горский-Чернышев. Все в прошлом (Памяти конюха Василия Соколова)

В числе лошадей, выведенных в России, следует упомянуть тип лесной лошади Севера — лошадей белорусских, литовских жмудок, клепперов, шведок, обвинок и вятков, лучшие представители которых — низкорослые, но довольно быстрые и выносливые лошади. К верховому сорту местных русских пород относились донская, киргизская, башкирская, калмыцкая, черноморская, крымско-татарская, туркменская, теккинская и иомудская лошади. Все эти породы отличаются выносливостью, крепостью, довольно быстрыми движениями.

А. Соколов

КОНЕК — см.: ОХЛУПЕНЬ.

КОНИК, в крестьянской избе лавка с ларем и подъемной крышкой. На ней обычно спал хозяин, а в ларе хранилось его имущество.

КОНОН МАНДОНСКИЙ, св. мученик, градарь (огородник) (ск. в III в.), празднуется 5/18 марта.

В древнерусских месяцесловах этот святой назывался Оградником (Огородником). Русские крестьяне о нем говорили: «Хотя бы в день Конона Градаря были и зима, начинай пахать огород, и ты только почни в

этот день, непременно огород будет добр и овощу будет много». Такой совет и надежда на успешное занятие огородничеством объяснялись тем, что мч. Конон сам был градарем. В житии его замечается, что «он оград себе добр устроил, и сея зелия, и пищу от того себе имяше».

КОНСКИЙ ПРАЗДНИК — см.: ФЛОР И ЛАВР.

КОНСТАНТИНОВЫ КРУГИ, народное название дня праздника Обретения Частного Креста Господня святой царицей Еленой (326). Отмечался 6/19 марта.

По старинному обычаю в этот день полагалось обойти кругами колодцы, утоптать снег, чтобы гряз-

А. М. Поспелов. Св. равноапостольный царь Константин. Икона. 1728 г. Иконостас Петропавловского собора. ГМИ. СПб.

Св. Конан Градарь. Икона. Кон. XVIII в. ГРМ

ная весенняя вода не стекала в колодец, чтобы в нем оставалась чистая и свежая вода. Первым круги вокруг колодца совершал родившийся в этот день: протоптал снежок кругом, а потом набирай воду. Считалось, что от этого здоровья прибавлялось, особенно если сам на коромысле принесешь воду домой. Дорожку от колодца протапывали так, чтобы талая вода стекала вниз, подальше от колодца.

В этот день дети выходили на улицу и кликали ласточек, чтобы они скорее возвратились на родину, принесли с собой весеннее тепло.

КОНЬ, в древнерусской языческой мифологии одно из наиболее почитаемых священных животных, атрибут высших языческих богов, особые существа, связанные

одновременно с производительной силой земли (воды) и умерщвляющей потенцией преисподней. В Древней Руси считали, что конь наделен способностью предвещать судьбу, и прежде всего смерть, своему хозяину. В языческие времена коня хоронили вместе с хозяином.

По языческим поверьям, конь считался одновременно детищем *Белбога* (стихии света и добра) и *Чернобога* (стихии мрака и зла). Доброму богу посвящался белый конь, а злому — черный. Соответственным образом в древнерусских сказаниях злая сила представлялась выезжающей на черном коне, добрая — на белом.

Н. Богатов. Лошадь на крестьянском дворе

В русской мифологии образ всадника на белом коне, поражающего змея, стал одним из главных героических сюжетов. У русских существовал особый заговор против змея: «На море на Киане, на острове Буяне, на бел-горючем камне Алатыре, на храбром коне сидит Егорий Победоносец, Михаил Архангел, Илия Пророк, Николай Чудотворец, побеждают змея лютого, огненного, который летал в неверное царство пожирать людей; убили змея лютого, огненного, избавили девицу царскую и всех людей».

Почитание коня в России было таково, что даже в христианские времена ему были установлены особые святыне покровители и конские праздники. Покровителями лошадей считались св. *Николай Чудотворец*, свв. *Флор и Лавр*, св. *Георгий Победоносец* и св. *Илья Пророк*. Особые «конские праздники» отмечали в день памяти свв. *Флора и Лавра* и на вешний *Юрьев день*. На лошадях в этот день запрещалось работать, их кормили досьта, подвозили к церкви, кропили святой водой, украшали лентами хвосты и гривы, устраивали скачки

Н. Самокиш. Тройка. 1917. ГТГ, Москва

Изображение коней и всадников. Конец XIX в. а — деталь вышивки. Архангельская губ.; б — деталь подзора. Архангельская губ.; в — деталь донца прялки. Нижегородская губ. Городец; г — деталь гребня; д — вышивка; е — игрушка. Горьковская обл.; ж — изображение храма и всадников.

(но без седел) и конские выставки. На Юрьев день в Рязанской губ. делали «ряженого коня», на котором ездил пастух; на выгоне этот «конь» вступал в потешный бой с «конем» из другой деревни. В Самарской губ. священник, стоя возле костра, зажженного от «живого огня», кропил св. водой прогоняемые через «земляные ворота» конские табуны.

О. П.

КОНЮХОВ ДЕНЬ (Иоанн, Грязники), народное название дня прп. Иоанна Рыльского, 19 окт./1 нояб.

В этот день из-за плохой, грязной и скользкой погоды конюхи лошадей не запрягали, по обычаю, проводя время в отдыхе. По народному поверью, пользуясь этим, *дворовой* заплетал лошадям хвосты, расчесывал им гривы и норовил на них покатаются: кобылицы взбрыкивают, жеребцы с ржанием на дыбы встают. Женщинам в этот день к лошадям ходить нельзя: по поверью, если женщина через *хомут* или *оглобли* перешагнет — лошадям тяжело будет воз тянуть. Женщины в этот день доставали из сундуков *сороки* — головные уборы, примеривали их и подновляли. Считалось, что сорока в этот день весть на хвосте приносит.

КОПОРСКИЙ ЧАЙ, сушеные листья иван-чая, кипрея. Использовались как заменитель чая, иногда подмешивались к нему. Несмотря на запрет на его продажу, был широко распространен.

КОРЕННИК, коренной, в русской троечной (ямской) конной *упряжке* наиболее сильная и хорошо выученная лошадь, идущая в середине упряжки, в *оглоблях*; по бокам коренника идут в постромках молодые и резвые пристяжные.

КОРЁЦ, небольшой *ковш*, выдолбленный из корневища дерева. Иногда корцом называли емкость, свернутую из березовой коры, чтобы напиться воды из ручья, родника.

КОРЖ (коржик), пресная, засушенная лепешка, испеченная на сале (В. Даль).

КОРЗИНА, хозяйственная емкость с ручкой, сплетенная из лозы — ивы, черемухи, вяза и др. Плетением корзин занимались специальные мастера-корзинщики.

С корзиной у русского народа связано множество поверий. Так, напр., дурным знаком считалось прийти из леса с пустой корзиной или встретить в лесу незнакомого человека, особенно старушку, с пустой корзиной в руках — верили, что это сулит потерю кого-то из близких. Напротив, доверху наполненная корзина предвещала здоровье и достаток в *семье*.

А. Докучаев. Плетение корзин

КОРЗНО, старинное название верхней одежды, *зипуна* (В. Даль).

КОРИНФСКИЙ Аполлон Аполлонович (29.08 [10.09]. 1868—12.01.1937), поэт, прозаик, один из крупнейших знатоков народного быта. Родился в Симбирске в семье дворянина, мирового судьи и мирового посредника.

Детство Коринфского прошло в родовом имении, в сельце Ртищево-Каменский Отколок Симбирского у. Матери лишился в день своего рождения, отца — в 5-летнем возрасте. Но именно благодаря отцу, страстному любителю поэзии и музыки, Коринфский, еще не умея читать, знал наизусть стихи А. А. Фета, А. Н. Майкова, Я. П. Полонского, «явившихся т. о. первыми учителями его в области изящного». Самостоятельно овладев грамотой, Коринфский рано пристрастился к чтению и «в то же время с жадностью прислушивался» «к народному слову, доходившему до него в виде сказок, пословиц, загадок и преданий словохотливой деревни». Оставшись сиротой, Коринфский воспитывался родственниками и гувернерами. В 1879 поступил в Симбирскую классическую гимназию. С первых классов начал писать стихи, в 5-м издавал рукописный журнал «Плод досуга». В 1886 пытался стать театральным антрепренером, разорился, продал имение. Решив проявить себя на литературном поприще, опубликовал первое стихотворение в одном из мелких петербургских журналов и почти одновременно рассказ «Живой покойник».

В дек. 1889 переехал в Москву, где сотрудничал с журналом «Россия», печатался в «Русском богатстве», «Гусляре», «Русском сатирическом листке». Весной 1891 переехал в Петербург, служил в журнале «Наше время», «Всемирная иллюстрация». С мая — июня 1894 заведовал редакцией журнала «Север», в 1897—99 редактировал его самостоятельно, выступая в нем также с обзорами «Литература и журналистика» (под псевд. Присяжный читатель), направленными против «тенденции» в литературе и критике, в защиту «чистого искусства»; писал о творчестве В. Я. Брюсова, Ф. Сологуба, М. А. Лохвицкой, К. М. Фофанова, П. В. Засодимского, Н. Н. Златовратского. Одновременно (с 1895 по 1904) состоял помощником редактора «Правительственного вестника» К. Случевского по историческому отделу, где ему принадлежали все историко-этнографические очерки, составившие впоследствии книгу «Народная Русь. Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа» (М., 1901). С осени 1904 по март 1908 — редактор газеты «Голос правды».

С 1894 начали выходить его книги стихов «Песни сердца (1889—93)» (1894, 1897), «Черные розы». 1893—95» (1896), «Гимн красоте и др. новые стихи. 1896—98» (1899), «В лучах мечты. 1898—1905» (1906, 1912). Стихи Коринфского — лирика, публицистика, «народные сказания» — имели читательский успех.

Коринфский писал для детей стихи и прозу о природе, нравоучительные зарисовки, произведения на исторические темы: «На ранней зорьке» (1896, 1903), «В детском мире» (1909), «В родном краю» (1911) и др., а также много переводил из английских, немецких, французских, польских, армянских и др. поэтов: «Старый моряк» С. Т. Колриджа (1893; 2-е изд., 1897), «Полное собрание песен Беранже в переводе русских поэтов» (Т. 1—4. СПб., 1904—05), «Песни Баумбаха» (1906, 1912). Был одним из первых переводчиков на

русский язык Я. Купалы, с которым встречался и переписывался.

Выросший в приволжской деревне, Коринфский навсегда сохранил интерес к народному слову, собирал и записывал тексты календарно-обрядовой и духовной поэзии Смоленской, Симбирской, Казанской, Олонецкой, Нижегородской и др. губерний, изучал и издавал их: «Народная Русь...», «Трудовой год русского крестьянина» (вып. 1–10, 1904), «В мире сказаний. Очерки народных взглядов и поверий» (1905) и др.; интересовался творчеством писателей из народа, писал о них статьи (в т. ч. о Д. Н. Садовникове, А. Е. Разоренове), много лет дружил с С. Д. Дрожжиным. Наибольшее значение поэт придавал своим т. н. бывальщинам — стихотворным переложениям сюжетов из исторического прошлого России: «Волга. Сказания, картины и думы» (1903), «Бывальщины. Сказания, картины и думы» (1896, 1899, 1900), «В тысячелетней борьбе за Родину. Бывальщины X–XX вв. (940–1917)» (1917) и др.

Соч.: Стихотворения // Поэты 1880–90 годов. Л., 1972. [Николаева Л. А. Биографическая справка] (Б-ка поэта. Б. серия).

Л. Иванова

КОРМИЛИЦА, женщина, выкармливавшая грудью чужого ребенка. Считалось, что кормление портит буют, и матери из дворянских, особенно аристократических, семейств брали для своих детей кормилиц: крестьянок, в т. ч. крепостных, либо мещанок, у которых недавно родился ребенок. Обычно связь между кормилицей и ее выкормленником, молочными братьями и сестрами, а также обоими семействами сохранялась надолго, приобретая почти родственный характер. Кормилиц принято было одевать в русский сарафан и кокошник.

КОРНИЛОВ ДЕНЬ (Корней, Корнилий), народное название дня св. мч. Корнилия, сотника, 13/26 окт.

В этот день крестьяне убрали репу с грядок, очищая ее корни, заготавливали корнилье. Обращались с молитвой к св. Корнилию, помощь просили — с корнеплодами управиться, на зиму заготовить, да чтобы хватило их безголодно зиму перезимовать. В этот день заканчивали уборку всех корнеплодов, т. к. было замечено, что с этого времени они прекращают свой рост, а с наступлением утренников начинают замерзать.

КОРОБ (коробье), разновидность сундука, крупная емкость для хранения и перевозки вещей. Изготавливался из прочного луба в виде круглой или прямоугольной коробки с крышкой, покрывался олифой и расписывался. Коробья из луба известны русским с давних времен. При раскопках Великого Новгорода их находят в слоях X–XIII вв. Как и в XIX в., их размеры варьировались от 15 см до 55–60 см в диаметре, а два найденных короба имели днище диаметром 1 м. Коробья, найденные при археологических раскопках, несколько отличались от тех, что изготавливали в XIX в. Чаще всего они были

цилиндрической формы, очень редко прямоугольной или овальной. Их изготавливали, как и коробья XIX в., из липового луба, осины, но вместо днища из еловых досок вставляли днище из луба и бересты. Кроме того, найденные коробья с наружной и внутренней стороны были обтянуты несколькими слоями бересты, причем верхний наружный слой был покрыт тисненым, резным, расписным орнаментом.

Коробья с железной оковкой получили широкое распространение в XVI–XVII вв. Местами их изготовления были Великий Новгород, Великий Устюг, Москва. Эти коробья имели красивый желтоватый цвет, хорошо сочетавшийся с набитыми на луб полосами кованого железа: белого — луженого или черного — вороненого. Железные полосы укладывали вертикально на некотором расстоянии друг от друга. Они могли быть гладкими, сплошными или просечными, т. е. с ажурным растительным или геометрическим узором. Коробья были тогда сравнительно дешевы (от 6 до 30 алтын, т. е. от 18 до 90 коп., в то время как стоимость ларца доходила до 10 руб.) и вполне доступны даже не очень богатым крестьянам. Так, в книге расходов устюжского архиерейского дома за 1682 записано: «У Ивана Емельянова куплена коробка с замком и прутьем. За тою коробку плачено ему Ивану 13 алтын, две денги».

Коробья с росписью также были известны в Великом Новгороде. В XVII — 1-й пол. XVIII в. росписью коробьев занимались ремесленники Холмогор, Великого Устюга, Вологды, Выговской пустыни — старообрядческого центра в Карелии, и ряда др. мест. Роспись наносили на стенки коробьев, на внутреннюю и внешнюю сторону крышки. Во 2-й пол. XVIII–XIX вв. коробья украшали росписью мастера, жившие в селах и деревнях по Северной Двине и ее притокам, на Мезени и Пинеге.

Коробья бытовали в основном в богатых лесом северных губерниях Европейской России. Их использовали в русских деревнях гл. обр. для хранения одежды, *полотенец* и иной, по устаревшему выражению, «мягкой рухляди», но в них могли храниться и украшения, ценная столовая утварь. Они служили также местами для хранения приданого и торжественно перевозились во время *свадьбы* в дом жениха. Большое количество коробьев в доме свидетельствовали о богатстве семьи.

Лит.: Шангина И. И. Русский традиционный быт. СПб., 2003; Костомаров Н. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. М., 1993.

КОРОВА, в древнерусской языческой мифологии одно из наиболее почитаемых животных, требующее особой защиты от *нечистой силы*. В древности славяне, по-видимому, не забивали коров на мясо. Да и в более позднее время на этот счет существовали большие ограничения.

В Древней Руси верили, что корова оплакивает *смерть* своей хозяйки. Существовал даже обычай сразу же после *похорон* дарить корову священнику или бедняку.

В древних свадебных обрядах корова отождествлялась с женщиной-невестой. Обязательной частью *приданого* невесты в русской деревне была корова. В народных поверьях у коровы сложные отношения с *домовым* и др. опекунами крестьянского хозяйства — лаской, ужом и *петухом*. Ласку и ужа нельзя убивать, т. к. вместе с ними сразу же погибает корова. Корову

Коробья. XIX в. Северная Двина

М.М. Иванов. Доение коровы. 1772 г.

следует заводить той же масти (окраса), что и у ласки, живущей в хлеву. Существовало верование, что уж сосет молоко у коровы. Убивать такого ужа нельзя: корова будет скучать по нему. Нельзя бить корову палкой, которой убили ужа, корова будет сохнуть.

В 1896 в России насчитывалось 31, 6 млн коров, т. е. примерно 3 коровы на 10 душ населения. В центральных, северных, северо-восточных и частью северо-западных губерниях были распространены мелкие северные коровы, называемые великорусскими; они содержались гл. обр. для молока и навоза. Скот этот был весьма разнообразен по качествам. При крайне неблагоприятных, в большинстве случаев, условиях крестьянского хозяйства, коровы отличались большой выносливостью, а при хорошем кормлении и заботливом уходе быстро поправлялись, молочность их увеличивалась. Это можно видеть на примере стад городских и монастырских, где великорусские коровы давали до 150 и больше ведер молока в год. Содержание жира в молоке сравнительно высокое, в среднем — 4, 5%, колеблясь от 3,5 до 6% и в отдельных случаях достигая даже 7%. Среди великорусских коров различали несколько видов; так, напр., в северо-восточных губерниях, преимущественно Вятской и Пермской, был распространен безрогий или камолый скот, черного или рыже-пестрого цвета; на Верхней Волге выделялись ярославские коровы (в Ярославской, Костромской и смежных с ними Тверской, Владимирской, Вологодской губерниях), более крупные и дающие больше молока. Рост ярославских коров был от 25 до 30 вершков в холке, живой вес — от 15 до 22 пуд., производительность молока — от 100 до 200 ведер в год. Своими лучшими качествами эти коровы были обязаны исключительно хорошему корму и уходу; население этого района отличалось трудолюбием. В Прибалтийских губерниях молочное дело развито было больше, чем в др. местностях Европейской России, кормление и уход за коровами здесь был гораздо выше; молоко перерабатывалось на масло и сыр, отправляемые в Петербург. Хорошими мясными качествами отличалась ливонская порода. По нижнему течению Северной Двины, преимущественно в Холмогорском у. Архангельской губ. была распространена т. н. холмогорская порода коров. Местный скот на Двине был улучшен еще при Петре Великом животными, выписанными из Голландии; эти выписки повторялись неоднократно и в XIX

столетии. Холмогорские коровы, черно-пестрого цвета, отличались крупным ростом — в среднем 30 вершков; живой вес их составлял от 28 до 33 пуд.; молока они давали от 150 до 220 ведер в год. Одно из лучших стад принадлежало Соловецкому монастырю. Холмогорские коровы часто вывозились в центральные губернии, а также в Петербург, куда их ежегодно выписывали для подгородных молочных от 700 до 800 шт. Главными рынками потребления скота были большие города; наиболее крупный из них — Петербург.

КОРОВЬЯ СМЕРТЬ (Черная немочь), в сознании крестьян Древней Руси злое существо, несущее смерть домашнему скоту. Представлялось чаще всего в виде черной коровы, кошки или собаки, а иногда безобразной и злобной старухи. По старинным поверьям, Коровья Смерть никогда сама по себе в село не приходила, а заносилась проезжим человеком.

Коровья Смерть в народных представлениях. Худ. Н. Антипова

Для борьбы с Коровьей Смертью русские крестьяне использовали следующие обряды: *опахивание* селения, умерщвление коровы, кошки, собаки или иного небольшого животного и *петуха* (чаще всего путем закапывания живьем), зажигание «живого», т. е. добытого трением, *огня*, перегон скота через ров или тоннель, вырытый в земле, ткань «обыденного», т. е. вытканного в один день, холста. При опахивании иногда пели, призывая Коровью Смерть выйти из села, т. к. в селе ходит св. Власий (покровитель скота).

Когда в Курской и Орловской губ. при опахивании попадалось навстречу какое-нибудь животное (кошка или собака), то его тотчас убивали, как воплощение

Смерти, спешащее укрыться в виде оборотня. В Нижегородской губ. для отвращения заразы крестьяне загоняли весь скот на один двор, запирали *ворота* и караулили до утра, а с рассветом разбирали коров; при этом лишняя, неизвестно кому принадлежащая корова принималась за Коровью Смерть, ее вваливали на поленицу и сжигали живьем.

Белорусское коромысло

КОРОМЫСЛО, приспособление для переноски *ведер* и *корзин*, значительно облегчавшее труд женщин. Использовалось русскими с древности. Множество коромысел было найдено археологами при раскопках слоев XI—XIV вв.

О коромыслах с ведрами составлено много загадок: «Два братца хотят подраться, да руки короткие», «Двое купаются, а третий дивуется», «Промеж двух морей, по мясным горам, гнутый мостик лежит».

1а

2а

1б

2б

3а

3б

Типы коромысел: 1 — палкообразные: а — группа людей с коромыслами; б — два коромысла. Малороссия; 2 — овалыные гнутые: а — женщина с коромыслом; б — казачка-водоноска. Оренбургская губ.; 3 — с подвесами: а — вырезное с подвесами. Костромская губ.; б — палкообразное с подвесами. Львовская обл., Турковский р-н, с. Нижняя Яблунька

Ж.-Б. Лепренс. Женщина с коромыслом. 1764 г.

КОРОТАЙ, верхняя мужская и женская одежда из сукна домашнего производства, двубортная, распашная с полами ниже колен, без воротника или со стоячим воротником. У талии подол собирали в густые сборки. Был известен преимущественно на территории Южной России в XIX — н. XX в.

Коротай: вид спереди и сзади. XX в. Орловская обл.

КОРЧАГА, большой глиняный сосуд, вмещавший до 2 ведер, расширяющийся кверху. Использовался для нагревания воды, кипячения белья, варки *пива*, *браги*, *кваса* и т. п.

Корчаги не имели крышки. При варке пива, браги горло закрывали куском холста и замазывали тестом. Тесто в печи превращалось в плотную корку, не пропускавшую в сосуд воздух. У корчаг, предназначенных для варки пива, кваса, бражки, на нижней части тулова делали отверстие для стока, за-
тыкавшееся пробкой из липы.

КОРЧЕМНАЯ «ЗНАМЕНИЕ», чудотворная икона Божией Матери. Явилась в Рязани. В сер. XIX в. в этом городе жила вдова, одержимая недугом пьянства. Когда у нее в доме все было продано, она принесла в кор-

Корчемная «Знамение». Икона Божией Матери

чемницу образ Пресвятой Богородицы «Знамение» и, подав его корчемнику, попросила за нее вина.

Богобоязненный корчемник, поддавшись уговору, взял святой образ и поставил в своей божнице. Когда вдова протрезвела и осознала свой грех, собрала денег и поспешила к корчемнику, умоляя отдать икону. Тот исполнил ее желание, но наутро женщина не нашла принесенной домой иконы. В то же время корчемник увидел эту икону на прежнем месте в своей божнице. Скоро пришла к нему вдова и рассказала об исчезнувшей иконе. Удивившись, корчемник показал на икону и со слезами молвил: «Вот Она, Царица Небесная! Сама спроси Ее, как Она здесь оказалась». В слезах возвратилась вдова домой. Но молитвами Пресвятой Богородицы с этого времени она уже более не вкушала вина.

С тех пор икона стала именоваться в народе «Явленной корчемною» и пребывала в корчемнице до ее закрытия в 1850. Много чудес и исцелений произошло по молитвам перед иконой Пресвятой Богородицы «Знамение» Корчемная. Так, в 1845 один барин получил по молитвам перед святым образом разрешение своих дел и спасся почти от неминуемой гибели.

КОРЧИК, ковшик из меди, олова или серебра для питья крепких напитков. В быту русского народа корчик появился одновременно с *чаркой*, в к. XVI — н. XVII в., т. е. когда получили распространение более крепкие напитки, чем *пиво*, *медовуха*.

КОРЫТО, выдолбленная из дерева (липы или *осины*) емкость для хозяйственных нужд: купания детей, стирки белья, заготовки *капусты* и др.

Корыта были известны на Руси с древности. Об этом говорят археологические находки Великого Новгорода, Старой Ладogi и иных мест, где в земле хорошо сохраняется дерево. При этом форма корыт X в. пол-

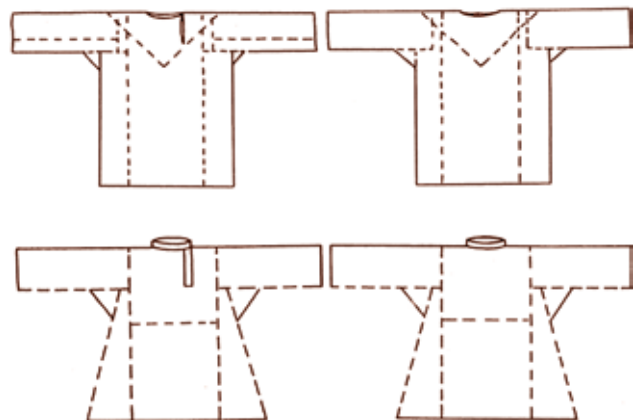
Корыто

ностью повторяет форму корыт, известных в XIX — н. XX вв.

КОСА, сельскохозяйственное орудие, служащее для ручной уборки сена и частью хлеба, состоит из длинного, слегка изогнутого и к свободному концу заостренного клинка, насаженного на длинную рукоятку с особой посередине приделанной малой рукояткой для правой руки рабочего, который левой рукой придерживает за свободный конец большой рукоятки. Повсеместно в России коса употреблялась для уборки травы, а из хлебов — овса и некоторых др. яровых. В Южной России косили все хлеба. Успешность уборки зависела от густоты убираемого поля и от качества самой косы. Т. н. косы-литовки, употребляемые в западной и южной России, были более эффективны, нежели «горбуши» севера. В зависимости от густоты собираемых растений успешность работы колебалась от полудесятины до одной десятины в день на взрослого рабочего. Косьба хлеба была всегда несколько медленнее, нежели травы.

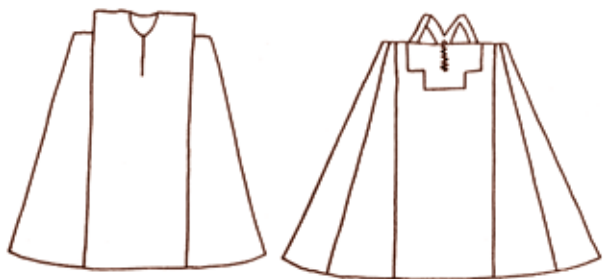
КОСМА и ДАМИАН — см.: **КУЗЬМИНКИ ЛЕТНИЕ, КУЗЬМИНКИ ОСЕННИЕ**.

КОСОВОРОТКА, мужская рубаха прямого покроя, с рукавами и низким воротником-стойкой, носилась навыпуск, подпоясанная *кушаком* или ремнем.

Косоворотка: вид спереди и сзади. Кон. XIX в. Курская и Воронежская губ.

КОСТОЛАН, крестьянская женская одежда, надевавшаяся поверх *рубахи*; употреблялась с поневым комплектом, преимущественно в Калужской губ. Имела вид прямоугольной туникообразной рубахи чуть ниже колен, с длинными или до локтей рукавами. Носилась

Костоланы (глухой и на лямках). XIX в. Смоленская губ.

с кушаком или внакидку на голову. Без костолана женщина не могла выйти на улицу. В Смоленской губ. костоланом называли косоклиный *сарафан* на лямках или глухой, немного ниже колен.

КОСТРОМА, в древнерусской языческой мифологии женское воплощение весны и плодородия — «мать колосьев». В русских обрядах «проводов весны» («проводов Костромы») — молодая женщина, закутанная в белые простыни, с дубовой веткой в руках, идущая в сопровождении *хоровода*. При ритуальных похоронах

Похороны Костромы. XIX в. Рис. с лубка

Костромы ее воплощает соломенное чучело женщины. Чучело хоронят (сжигают, разрывают на части) с обрядовым оплакиванием и смехом, но Кострома воскресает. Ритуал призван был обеспечить плодородие. Название «Костромы» связывают с русским «костерь», «костра» и другими обозначениями коры растений. В обрядах, посвященных Костроме, засеянное поле уподоблялось материнскому лону, порождающему плоды. Ритуалы празднования Костромы должны были обеспечить вечное плодородие земли.

КОСТРУБОНЬКА (Коструб), в древнерусской языческой мифологии мужское воплощение весны и плодородия. По своему значению имел тот же смысл, что и *Кострома*. Ритуальные похороны Кострубоньки определяли момент перехода к весне. В обрядовых действиях Кострубонька представлялся в виде чучела с подчеркнутыми атрибутами мужского пола.

КОСУЛЯ, северно-русское пахотное орудие с одним лемехом. Ее возникновение относится, очевидно, к к. XVI или даже к н. XVII в. Название «косуля» не связано, как это часто думают, со словом «коса». Русский народ называет косулями косые, т. е. асимметричные предметы и те существа, у которых одна половина туловища не соответствует другой. Поэтому русские крестьяне называют косулями все виды *сохи-односторонки* с перекладной полицей. Если сохи с перекладной полицей совершенно симметричны, то

сохи-односторонки такой симметричностью не отличаются: левый и правый ральники не парные, а полица — на одной стороне. В научной сельскохозяйственной литературе была принята более точная терминология: косулей называлось только северно-русское пахотное орудие с одним лемехом и одним отрезом, но без полоза и без подошвы.

Сходство между косулей и сохой было очень велико. Одинаков их корпус, в основе которого лежал треугольник. Однако непременной принадлежностью косули являлся отрез, который резал пласт сбоку. Наличие отреза делало в сохе-односторонке ненужным левый ральник, который стоял на ребре или имел брылу, чтобы подрезать пласт сбоку. Функция этого левого ральника переходила к отрезу. В ходе дальнейшего развития левый ральник вовсе исчезает. При наличии отреза функция правого ральника (лемеха) ограничивалась лишь тем, что он подрезал пласт снизу. Этим определялась и форма лемеха косули: он лежал горизонтально и довольно широк. Незначительные различия в форме отдельных видов косуль объясняются лишь теснейшей связью косульного лемеха с отвалом, что способствовало лучшему отваливанию пласта. Были и такие косули, у которых лемех и отвал представляли собой цельный железный лист, соответствующим образом выгнутый.

Органическое родство косули с сохой не оставляет сомнений в том, что косуля возникла непосредственно из сохи как усовершенствованный ее вариант.

Наименования частей косули и сохи очень близки друг другу. Однако у косули конец рассохи не раздвоен, и ее называют уже не *рассоха*, а *плотина*. Сошным подвоем у косули соответствовал выгнутый деревянный стержень, через середину которого проходил отрез; этот стержень назывался *войло*, *стужень*, *грядиль*, *упорка*, *сковорóдник*, *подмóга*, *отрѣзное дерево*, *армó*, *ольмó*. Ральник косули обычно называли *лемех*.

Корпуса косули и сохи были очень похожи. По строению различали два типа косуль: 1) т. н. костромская косуля, корпус которой близок к корпусу сохи, и 2) т. н. ярославская косуля, у которой задние концы оглобей укреплялись не в рогаля, а в середине плотины, и обе оглобли гнутые (см. рис.). Первый тип древнее второго, на котором бесспорно сильнее сказалось культурное воздействие.

Географическое распространение косули дает основание считать, что центром, из которого это пахотное орудие разошлось по северо-восточной Европе, была западная часть Костромской губ. или восточная часть Ярославской. К востоку оттуда косуля была распространена меньше, чем к западу (на Урале и в Сибири ее вовсе не было). Это объясняется встречной волной, которая принесла с Урала т. н. *курашóмку*. В 1870 кузнец Паюсов из Курашима Кунгурского у. Пермской губ. усовершенствовал местную соху, и эта усовершенствованная разновидность сохи быстро распространилась под названием *курашóмка*. Это было пахотное орудие с небольшой подошвой и с лемехом в форме равнобедренного треугольника.

Лит.: см. лит. к ст. «Соха».

Ист.: Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 49–50.

КОТОМÁ (котóмка), дорожная сумка, сшитая из изношенной грубой холщовой ткани, сукна, кожи в виде мешка с одной или двумя лямками. Котому брали с собой обычные нищие, собираясь на свой промысел.

С ней ходили *калики перехожие* — слепцы, распевавшие *духовные стихи*, богомольцы, отправлявшиеся к святым местам, странники и странницы по церквям и монастырям.

КОТЫ, женские башмаки с суконной красной или белой отделкой, с завязками на икрах.

КОЧАНОВ ДЕНЬ — см.: **НИКОЛАЙ КОЧАНОВ**.

КОЧЕРГА, металлический прут с загнутым концом, используемый для перемешивания углей в *печи*.

По поверьям русского народа кочерга считалась магическим инструментом, способным уберечь дом от *нечистой силы*.

Кочерга

В день *Крещения Господня* после возвращения с праздничной литургии хозяйка дома чертила сажей рабочим концом кочерги над дверями и окнами кресты, чтобы «закрыть вход нечистикам». Вечером накануне *Васильева дня* и утром в Страстной четверг женщины «объезжали» дом и двор верхом на кочерге в надежде защитить *семью*, дом и хозяйство от «врага нечистого, от лешего косматого, от беса лукавого». В *русалкино заговенье* парни и девушки выгоняли кочергой из сел русалок, которые якобы всю предшествующую неделю находились среди людей.

В погребальных обрядах кочерга использовалась как средство защиты от губительной силы смерти. Ее клали на то место, где стоял гроб до выноса покойника на *кладбище*, чтобы умерший не увел с собой на тот свет еще кого-нибудь из членов семьи.

Для облегчения и ускорения родов родильницу заставляли перешагивать через кочергу. Не разрешалось разбивать кочергой головешки в *бане* при мытье невесты перед *свадьбой*, а то муж будет бить. Перед началом *гаданий* кочергой ударяли по *матце*, чтобы защититься от *нечистой силы*. Во многих местах девушки или женщины «ездили» на кочерге при гадании или чтобы предохранить двор от нечисти.

Д. К.

КОШЕВЪ, сани-розвальни, широкие и глубокие, с поставленной на них широкой и глубокой *корзиной* из толстых прутьев.

Кошевы: 1 — XIX в. Алтай; 2 — конец XX в. Костромская губ.

КОШЕЛЬ, дорожная заплечная большая сумка, сплетенная из *бересты*, реже *лыка*, еще реже — камыша, болотной травы. Закрывалась клапаном, носилась на двух лямках.

КОШКА, домашнее животное, очень любимое на Руси. В русских сказках кошка — очень смышленное существо, способное даже говорить по-человечески. По народным поверьям, трехшерстная кошка приносит счастье тому дому, где живет; семишерстный кот является еще более верным залогом семейного благополучия.

По поведению кошек крестьяне предсказывали погоду и будущее. Кошка сворачивается клубком — к

А. Рицони. Кошки

морозу, крепко спит брюхом кверху — к теплу, скребет лапами стену — к непогоде, умывается — к хорошей погоде и приходу гостей, лижет хвост — к *дождю*, на человека тянется — обновку (корысть) сулит. На Руси говорили, что тому, кто убьет у кого-то любимого кота, семь лет ни в чем удачи не будет.

Кошка. Народная картинка

По старинным русским поверьям, кто любит кошек, того они охраняют от злых духов и *нечистой силы*. Это потому, что кошки, особенно черные, сами связаны с *колдунами*. На черную кошку можно выменять у *нечистой силы* шапку-невидимку и неразменный червонец. Черная кошка нужна *черту*, чтобы прятаться в нее на *Ильин день*, когда грозный пророк сыплет с небес своими огненными стрелами.

О. П.

КРАПИВА, растение, широко использовавшееся в народном быту. Молодые побеги крапивы использо-

вались для супов и салатов, а также на корм для домашнего скота и птицы. Из крапивы делали дерюги, мешки и веревки. Крапивой изгоняли *нечистую силу*, а также отваживали мужиков от «похотливой бабенки», положив ему стельку из крапивы. Крапивой лечили от простуды не только людей, но и скот. Крапивные *веники* на Руси считались «первейшими» после березовых. Целебную силу рубашки, сотканной из крапивы, знали на Руси издавна. Растолченную сырую крапиву прикладывали к ранам, сплетенную в полотно — хранили в доме: в случае простуды распаривали да прикладывали к груди или др. больному месту. Листья крапивы, и стебель, и корневище использовали как лекарство. Настой из листьев крапивы полагалось пить будущей матери, чтобы ребенок крепким и здоровым рос.

Крапива использовалась как средство против усталости в разгар пахоты. Женщины шли босиком голыми руками рвать крапиву, делали из нее веники и хлестали ими мужиков до тех пор, пока у них не прибавится силы.

Д. К.

КРАПИВНЫЕ ЗАГОВИНЫ (Павел, Сергей и Герман), народное название дня св. прп. Павла, врача из Коринфа, а также прпп. Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев, 28 июня/11 июля.

Прпп. Сергий и Герман Валаамские. Икона. Сер. XIX в. ГРМ

По народному поверью, в этот день крапива считалась особенно целебной и полезной. Поэтому следовало попариться в *бане* крапивным *веником*, а также приготовить зеленые *щи* из крапивы.

КРАСНАЯ ГОРКА, первое после *Пасхи* воскресенье, весенний языческий праздник в дохристианской Руси, связанный с культом *Дажьбога*, пережитки которого сохранялись вплоть до н. XX в. Название «Красная горка» произошло от того, что обряд встречи восхода *солнца*, или «красной весны», происходит на горе, освещаемой красным солнышком и покрытой зеленым с отливом ковром.

Уверение Фомы. Икона

Красная горка в разных местах России праздновалась не всегда в одно время. Так называют *Фомино воскресенье* и воскресенье или все время вплоть до *Петровок*. В Малороссии Красной горкой зовут канун весеннего Егория, 22 апр./5 мая. Как и в древние времена, русские поднимались на холмы перед рассветом, но славили уже не Дажьбога, а *Иисуса Христа*.

«Красной горкою», собственно, называлось *Фомино воскресенье*, первый день этой недели весенних поминок, недели *свадеб*. Название этого дня ведет свое начало из глубокой древности. Горы — колыбель человечества, родина и обитель богов и естественные пределы их владений, на заре народной жизни у всех славян почитались священными и являлись поэтому местом совершения большинства богослужебных обрядов и связанных с ними обычаев. Красный — прекрасный, веселый, радостный, молодой. Отсюда и название первого праздника воскресшей весны — «Красная горка». В отдаленнейшие годы древнерусского язычества в этот день возжигались по холмам священные костры — огни в честь Дажьбога. Вокруг этих огней совершались жертвоприношения и молебница. Здесь же вершился суд — «полюдь». У русского народа не было никаких капищ; их заменяли лесные поляны да «красные горы», на которых — на месте повергнутых идолов — воздвигнуты были церкви при благочестивых князьях-христианах, отходивших из этого мира во святой схим. В Фомино понедельник, звавшийся «*Радоницею*», на этих горах устраивались пиршественные тризны в честь умерших предков. Во вторник («Навий день» или «усопшая Радаваницы») продолжалось то же самое. Вплоть до н. XX

Участники праздника «горка» в своих старинных костюмах около дома ветерана Великой Отечественной войны В.Г. Чупрова. Усть-Цельма

в. этот день проводится на Руси по кладбищам за панихидами да поминками. В малорусских селах оба эти дня назывались «могилками», «гробками» и «проводами». Среда считалась в языческую старину днем браков, благословлявшихся жрецами на красных горках. В четверг и пятницу по древнерусским весям происходило «хождение вьюнитства», обычай, уцелевший и до н. XX в. в деревенской глуши под именем «вьюнца». В субботу на Фоминой проходили самые развеселые *хороводы*, самые голосистые *веснянки*.

В первый день Фоминой недели совершалось закливание весны. Оно начиналось с восходом солнца. Местом действия являлась все та же красная горка. При первом проблеске солнца собравшаяся на холме молодежь с избранной «хороводницей» во главе приступала к выполнению завещанного стариной обряда. Хороводница, благословясь, выходила на середину круга и произносила заклинание, сохранявшееся еще в н. XX в. в северо-восточной Руси: «Здравствуй, красное солнышко! Празднуй, ясное ведрышко! Из-за гор-горы выкатайся, на светел мир воздвуйся, по цветикам по лазоревым, подснежникам лучами-огнями пробегай, сердце девичье лаской согревай, добрым молодцам в душу загляни, дух из души вынь, в ключ живой воды закинь. От этого ключа ключи в руках у красной девицы, зорьки-заряницы. Зоренька-ясынька гуляла, ключи потеряла. Я, девушка (имярек), путем-дорожкой прошла, золот ключ нашла. Кого хочу — того люблю, кого сама знаю — тому и душу замыкаю. Замыкаю я им, тем золотым ключом, доброго молодца (имярек) на многие годы, на долгия весны, на веки веченские заклатьем тайным нерушимым. Аминь!» Все присутствующие при заклипании повторяли каждое слово за хороводницей, вставляя любившиеся каждому имена. Затем заклиная солнышко девушка, положив наземь посредине круга крашеное яйцо и круглый хлебец, затягивала песню-веснянку.

*Весна-красна!
На чем пришла,
На чем приехала?
На сошечке,
На бороночке! и т. д.*

Весь хоровод подхватывал. Эту песню сменяла другая; затем — третья. После песен принимались за угощение, начиналась веселая пирушка.

В этот же день, начиная с Москвы, это происходило в других городах, кончая самыми захолустными, устраивались праздничные прогулки заневестившихся девушек. Женихи, в свою очередь, выходили на смотрины, совершающиеся на весеннем вольном воздухе, под зеленеющими навесами распускающихся деревьев. Бывало и так, что на месте «зеленых смотрин» происходило и само рукобיתье. Местами существовал обычай (напр., в Костромской губ.), позволяющий парням в честь Матери-Сырой-Земли обливать водой приглашенных им девушек. Кто обольет которую, тот за нее и должен свататься, — гласило обычное, нигде, кроме памяти народной, не записанное право. Кто не сделал этого, тот считался лихим обидчиком, похитителем чести девичьей. В Густинской летописи так рассказывалось о подобии этого обычая: «От сих единому некоему богу на жертву людей топяжу, ему же и доньне до неких странах безумная память творят: собравшиеся юнии, играюще, вметають человека в воду, и бывает иногда действием тых богов, си есть бесов, разбиваются и умирают, или утопают; по иных же странах не вкидают в воду, но токмо водою поливают, но одинако тому же бесу жертву сотворяют».

Во многих селах и деревнях на Фомино воскресенье вечером был обычай сходиться молодежи за окoliцей и водить там, на задворках, хороводные игрища, величая Весну-Красну. При этом наиболее удалые из парней влезали на деревья и прыгали с них наземь, перескакивали с разбега через плетни; а другие ходили вокруг санных стогов или соломенных ометов и пели:

*Как из улицы идет молодец,
Из другой идет красна-девица,
Поблизехоньку сходились,
Понизехоньку поклонились.
Да что возговорит доброй молодец:
— Ты здорово ль живешь, красна-девица?
— Я здорово живу, мил-сердечной друг;
Каково ты жил без меня один? и т. д.*

Полный костюм молодухи. Усть-Цельма

Эта песня имела то же самое значение для деревенской брачующейся молодежи, как и только что описанное обливание водой.

В некоторых местах России и, между прочим, в Галиции совершался еще на «Святой» обряд погребения — «*Кострубонька*», которым изображалось замирание солнечной теплоты зимой и пробуждение, оживление ее весной. Состоял он в том, что одна из девушек, игравших в хороводе, падала, и все подруги начинали оплакивать ее как умершую; потом она поднималась, и все сообща радовались, пели, танцевали и продолжали свой веселый хоровод. Начало последнего, без сомнений, коренилось в тех плясках, пении и играх, которыми сопровождалось древнее языческое богослужение. Самая форма их — кругообразное движение — символ солнечного движения.

Красная горка, или проводы зимы и встречу весны, в Малороссии совершали так. Молодежь высыпала гурьбой на улицу или на зеленый луг, заводила хоровод. Выбрав затем из хоровода более милостивую девушку, которая своей красотой и молодостью должна была служить как бы символом весны, украшали ее с головы до пят выющеюся зеленью и живыми цветами; на голову ей надевали венок из живых цветов, сажали на дерновую скамью, вокруг ставили различные яства: *кувшин* с молоком, масло, сыр и пр., а у ног клали несколько венков. Снова начинался хоровод, и «*Ляля*» — так величали эту девушку — начинала бросать в своих подруг венками. Многие сохраняли эти венки до следующей весны. Обряд заканчивался тем, что девушки получали из рук своей выбранной подруги все упомянутые выше яства, которые служили символом ожидаемого плодородия.

Этот праздник живых по древнему обычаю соединялся с праздником умерших — Радоницею.

А. Коринфский, Н. Степанов

КРАСНАЯ НЕДЕЛЯ — см.: ПАСХАЛЬНАЯ НЕДЕЛЯ.

КРАСНЫЙ УГОЛ, в русской избе наиболее почетное место, в котором вешались *иконы* и стоял *стол*. Иконы (*божницы*) в красном углу отождествлялись с алтарем православного храма, а стол — с церковным престолом. В божнице, кроме икон, хранили сосуд с богоявленской водой и веточкой освященной *вербы*.

В. Максимов. Красный угол в избе

Красный угол в избе

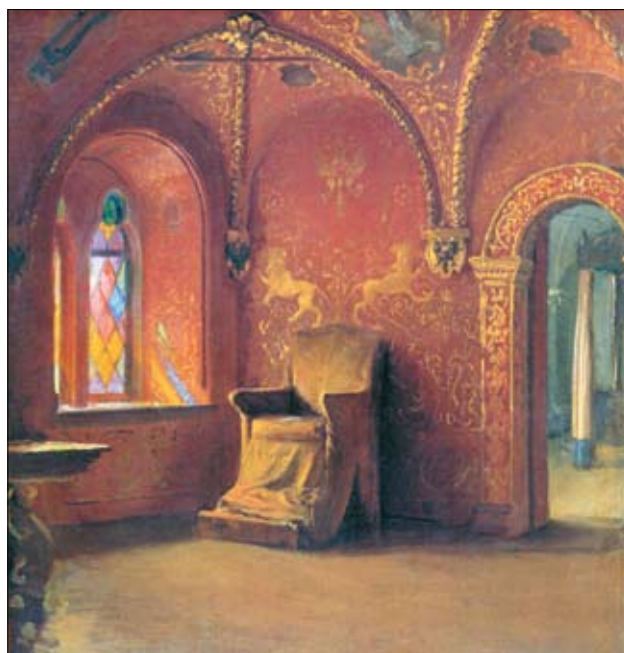
Войдя в избу, человек прежде всего крестился на иконы в красном углу, а затем уже здоровался с хозяевами. В красном углу сажали самых почетных гостей, а всем остальным полагалось сидеть поодаль.

В почитании красного угла прослеживались и древние языческие корни. В Древней Руси считалось, что именно там в определенные дни пребывают *души* предков. Покойника клали на стол и *лавку* головой к красному углу.

О. П.

КРАСОТА (прекрасное), в понятиях Святой Руси божественная гармония, внутренне присущая природе, человеку, некоторым вещам и изображениям. В красоте выражается божественная сущность мира. Источник ее в самом Боге, Его целостности и совершенстве. «Красота на земле не возникает сама собой, а посылается рукой и мыслью Божией» (*Афиногор*). «Некто, возрев на красоту, весьма прославил за нее Творца и от одного взгляда погрузился в любовь Божию и источник слез» (*св. Иоанн Лествичник*).

Важнейшим образцом прекрасного для русского человека XII—XVII вв. была красота православной иконы. «Самая мысль о целющей силе красоты, — писал Е. Н. Трубецкой, — давно уже живет в идее явленной и чудотворной иконы. Среди той многотрудной борьбы, которую мы ведем, среди бесконечной скорби, которую мы испытываем, да послужит нам эта сила источником утешения и бодрости. Будем же утверждать и любить эту красоту!»

А. Рябушкин. Красная палата

В народном сознании красоту связывают с *правдой* и *добром*. Не всякая правда — красота, но всякая красота — правда. Красота на добро не смотрит, но люди от нее становятся добрее.

По мнению Ф. М. Достоевского, красота спасет мир. Вместе с тем, имея в виду ее божественный первоисточник, писатель предостерегает людей от опасности подмены красоты божественной лжекрасотой *дьявола*. Красота, считает он, не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется и поле битвы — сердца людей. Будущий антихрист будет пленять красотой. Помутятся источники нравственности в глазах людей.

О. Платонов

КРАШЕНИНА, крашеная хлопчатобумажная ткань домашней выделки. Использовалась для пошива крестьянской одежды.

КРЕНДЕЛЬ, небольшое хлебное изделие, в форме русской буквы «в» из заварного теста, часто с пряностями, обсыпанное маком или толченой корицей.

КРЕСТЕЦ, перекресток дорог. По народным поверьям, на этом месте обитает *нечистая сила*, против которой на крестцах ставили кресты и даже часовни с изображением св. *Параскевы Пятницы*. В Москве в Китай-городе, у Никольского, Ильинского и Варварского крестцов собирались нищие и калеки, безместные священники, предлагавшие свои услуги, шел торг лубками.

Лит.: Максимов С. В. Собр. соч. Т. 15 (Крылатые слова). СПб., 1909.

КРЕСТИНЫ — см.: **КРЕЩЕНИЕ**.

КРЕСТНАЯ СИЛА, сила Честного Животворящего Креста Господня, в могущество которой верило большинство русских. Крест — это, прежде всего, любовь, готовность пострадать за других вплоть до смерти. Эта любовь *Иисуса Христа* и дала ту силу кресту, которая может защитить от любых нападков вражых. Отсюда народная вера в защитное действие креста начертанного, свящественного, *крестного знамения*.

Среди повседневных проявлений веры простого русского человека в своем *доме*, видимых и для постороннего глаза, — защита себя и жилища своего от *нечи-*

стой силы, нечисти. Бытовавшие при этом воззрения на вражью силу — народная демонология — не противоречили соответствующим догмам Православия. «Наша брань не против крови и плоти, но против... мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» (Еф. 6; 12).

«Крестьяне, живущие вблизи своих приходских церквей, — писал корреспондент в *Тенишевское этнографическое бюро* о Гжатском у. Смоленской губ., — стараются донести до дома зажженную свечу, с которой они стояли в церкви во время чтения о страданиях Христа или во время выноса плащаницы. Этим огнем они выжигают знаки на дверных и оконных притолках» для предохранения от нечистой силы и колдовства.

Поклонение Кресту. Икона. 1670-е гг. ГМЗМК

Указание на этот благочестивый обычай — выжигание крестов — одно из наиболее часто встречающихся во всех тенишевских материалах. Различие лишь в том, что в большинстве сообщений речь идет о свечах *Великого Четверга*, но встречается в этом назначении и крещенская свечка. Так, в Бирюченском у. Воронежской губ. в Великий Четверг по окончании чтения 12 Евангелий (т. е. 12 текстов из Евангелий о св. страстях Господних) крестьяне шли по домам с зажженными свечами и на избяных балках выжигали кресты. В Тульской губ. в Великий Четверг после 12 Евангелий (по церковному обычаю это чтение совершалось в четверг вечером на утрени) двигались по домам с горящими свечками и выжигали кресты на дверных притолках, потолках, избяных *матицах*.

По наблюдениям в Ярославской губ., «крест, согласно христианскому вероучению, считается народом самым верным, действенным оружием для борьбы с нечистой силою. В день Крещенского сочельника во

Прославление Креста. Двусторонняя выносная икона. 2-я пол. XII в. Новгород, ГТГ

многих местах выжигают на дверях дома и надворных строений богоявленскую свечою — кресты, для защиты от нечистой силы». О начертании крестов «по всем дверям, окнам хаты и надворных построек» накануне *Крещения*, когда приносили после вечерни домой св. крещенскую воду, писали и из Обоянского у. Курской губ.; только здесь (с. Шелковка) чертили кресты мелом. Возможно, это была трансформация обычая выжигать крест свечою, ибо самый сочельник назывался здесь «Свечки». (Такое название Крещенского сочельника отмечено также в словаре В. И. Даля для Костромской и Пензенской губ., а так же встречается еще в Воронежской губ.) После начертания крестов кропили всюду крещенской водою. Так очищали свой дом.

Несение Креста. Икона. Сер. — 2-я пол. XVIII в. ГРМ

Мелом же чертили кресты на всех косяках окон и дверей и на воротах в Шигровском у. Курской губ. в Крещенский сочельник — «для сохранения от нечистой силы». Указание на то, что «на Крещенский сочельник ставят меловые кресты» есть и у В. И. Даля.

А. Балов был прав, когда писал, что крест считается народом самым верным и действенным оружием для борьбы с нечистой силою. Это проявлялось и в постоянном осенении себя крестным знаменем (не только во время молитв). Медынский помещик (Калужская губ.) Г. Спафарьев, писавший в 1849 о христианских взглядах русских крестьян, подчеркивал, что они всякое дело начинают и кончают, осенив себя крестным знаменем. Люди, попавшие под сильное воздействие силы вражьей, не могли осенить себя крестным знаменем, и в этом была главная опасность их положения. Крестьянин Ф. Е. Кутехов (д. Бармино, Середниковской вол., Егорьевского у., Рязанской губ.) сообщал в к. XIX в., что во время *свадьбы* ни один человек не перейдет через порог, не перекрестившись.

Прежде чем резать *хлеб* (это делал обычно старший мужчина, сидевший под *иконами*), над ним *ножом* чертили в воздухе крест либо проводили ножом крестообразно по хлебу. Поднося ко рту кружку с питьем, — крестились.

«При упоминании о нечистой силе, — писал Ф. Зобнин, — у нас имеют обыкновение или отплюнуться, или перекреститься и сказать: «не слушай, святая хоромина, не к нам будь сказано». Это не воспринималось православными как формальность. Считали, что именование вызывало присутствие именованного. Представляет интерес приводимое здесь обращение к жилому дому — «святая хоромина», свидетельствующее об отношении к нему, как к Малой Церкви. Человек, упомянувший нечисть, понимает неуместность этого в св. помещении и, сверх того, опасается накликасть таковыми словами на себя воздействие вражьей силы, отсюда — «не к нам будь сказано» и осенение себя крестным знаменем.

Бытовало и бытует ныне множество историй, рассказывающих о том, как спасает от нечистой силы шейный крест и как опасно оказаться при каких-то обстоятельствах без него. Ходить без креста считалось серьезным *грехом*. Нельзя спать без креста, снимать его на время купания — человек остается без защиты.

Как только начиналась гроза, не только закрывали окна и задвижки печных труб, но обязательно крестили их. Лопаткой делали крестное знамение в сусеке над зерном, предназначенным для сева, прежде чем насыпать его в мешки. Когда сажали в *печь* кулич, то в каждом углу избы, начиная со святого, лопаткою трижды делали крест.

При зажигании огня от спички непременно крестились и говорили «Господи, благослови». Существовали понятия благословенный и неблагословенный огонь: «благословенный огонь не спалит ничего, а от неблагословенного огня случаются пожары». Еще страшнее был огонь, при зажигании которого ругались «срамными словами» или произносили проклятья. От такого огня, как считалось в народе, случались самые страшные пожары, когда горела скотина и даже люди.

Крестились, когда подавали питье и еду приезжему (или прохожему) человеку чужой веры, которого опасались, «чтобы не напустил нечистого»; посуду после него перебивали со св. водою. Но при этом его никогда не обидят, лишней копейки с него не возьмут за ночлег, «а то еще и совсем не просят, а что дадут, за то и спасибо» (сведения Болховского у., Орловской губ.).

Насторожены были крестьяне, если в дом приходил односельчанин, имевший худую репутацию человека, причастного к колдовству. С народными представлениями о вражьей силе связано широко бытующее убеждение в том, что люди, предавшие себя этой силе, могут «сделать» — причинить вред, наслать *болезнь*, беснование и пр. Соответственно верят и в то, что некоторые священники (из монахов и белого духовенства), а также старцы и старицы из мирян, достигшие большой духовной силы, могут изгонять бесов из людей — отчитывать и исцелять от другой какой-либо *порчи*. При появлении человека, который может навести порчу, начинали читать про себя молитву и крестились.

Невозможно перечислить все случаи, когда считалось необходимым принять меры против нечистой силы: прежде всего — осенить себя крестным знаменем или перекрестить какой-то предмет. Кроме постоянно повторяющихся обстоятельств — поведение в них определялось устоявшимся обычаем, — возникало, разумеется, множество индивидуальных моментов, требующих от каждого своего, личного решения. В «невидимой брани», которую вел православный человек, многое зависело от степени его веры. «Всяк крестится,

да не всяк молится», — говорит пословица. Относительно начертания крестов тоже есть пословица такого рода: «Не спасет дегтярный крест, коли не спасет животворящий» (дегтярные кресты чертили на воротах и на самих животных от падежа скотины). Народ в массе своей понимал, что начертание креста — не магия, что оно должно сочетаться с живою верою в Бога, в Крест Животворящий.

М. Громыко

КРЕСТНОЕ ЗНАМЕНИЕ, крест — самый главный символ для христиан, не только как орудие всемирного спасения, на котором был распят Христос, но и как постоянное напоминание, что люди не могут стать христианами, не приняв крест в основу жизни. «Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Мк. 8; 34). Поэтому христиане и осеняют себя крестным знамением — крестятся. Православные делают это так: соединяют в щепотку большой, указательный и средний пальцы, а два других, согнув, прижимают к ладони (что символизирует Божье Троичество и две Природы — Божественную и Человеческую — во Христе) и крестятся ото лба — к груди и от правого плеча — к левому. Этот всеобъемлющий символ показывает, что крест является вдохновением, силой и действительным содержанием нашей жизни и что наш ум и сердце отданы любви к Богу.

КРЕСТНЫЕ ОТЕЦ и МАТЬ, КУМ и КУМА, *восприемники* от купели при *крещении*. В русской народной традиции крестные играли существенную роль в течение всей жизни человека, т. к. духовное родство, в которое вступали восприемники и их крестники в результате крещения, считалось даже сильнее кровного. Пословица: «Духовное родство пуше плотского».

Крестные несут ответственность перед Богом за духовно-нравственное состояние своих крестников. С момента совершения таинства крестные родители становились как бы посредниками между крестниками и миром святых. Их молитвы считались действенными, иногда им придавалась даже большая сила, чем молитвам родной матери.

В духовное родство с крестными (в народной терминологии — *кумовство*) вступали в результате крещения и родители крещаемого, и ближайшие родственники его. Все они назывались кумами (крещаемые и крестные между собою кумами не назывались).

Лица, связанные духовным родством, не могли вступать между собою в *брак*. Церковное законодательство после XVII в. значительно сузило круг лиц, связанных брачными запретами. В к. XIX в. официально были запрещены лишь браки между восприемником и матерью крестника и восприемницей и отцом крестницы. Народная же традиция существенно расширяла круг лиц, на которых распространялось духовное родство и соответственно брачные запреты. Браки запрещались не только между крестными родителями и крестниками, но и между кумовьями. Запреты распространялись и на второе поколение. Интимные связи между духовными родственниками считались в крестьянской среде кровосмешением. «Ведь кум с кумою стояли у общей купели перед Богом, поручались за младенца и отрекались за него от сатаны, а вместо того они сами идут в лапы сатаны и младенца туда тащат, прямое дело, что грех непрощенный, потому как оскверняет невинного младенца» (Ярославская губ.).

Кумовство как система взаимоотношений включало определенные нормы поведения. По отзывам, поступавшим из разных мест, среди лиц, связанных ду-

ховным родством, «замечается большая сдержанность и уважение». Обязательной считалась взаимопомощь. Между покумившимися семьями не должно было быть ссор; они рассматривались как великий грех. Детей воспитывали в духе особого уважения к крестным родителям. По глубокому убеждению русских людей, «грех непростительный обидеть крестных. Бог счастья не даст».

По обычаю кумовья посещали друг друга в большие праздники, прежде всего на *Пасху*. В этот день крестные обязательно одаривали своих крестников крашеными яичками, а родители крестников в свою очередь несли подарки крестным. Крестные родители были непременными участниками всех праздников в доме своих крестников. Кроме того, было принято угощать кума и куму, когда бы они ни пришли.

Особая роль отводилась крестным на *свадьбе* крестников. С ними советовались перед вступлением в брак. Они благословляли жениха и невесту вслед за родителями и выполняли роль посаженных отца и матери. В случае отсутствия родителей крестные их заменяли. Когда невеста-сирота ехала на кладбище просить благословения у умерших родителей, ее сопровождал крестный. Нередко они выполняли в свадебном обряде почетные функции *свахи*, тысяцкого. Крестные, как и родители, благословляли при отправлении на военную службу или в дальние поездки.

По установившейся у русских традиции, крестная мать приносила на крещение кусок белой материи, на который клали после купели, — «риски», или «приём». Крестный отец платил за совершение таинства и дарил нательный крест — символ веры и защиту от нечисти. Постоянное ношение креста для русского человека было обязательным и естественным. Отсутствие его заставляло считать, что над данным человеком не было совершено таинство крещения, т. е. он не принадлежит к Православной вере.

Т. Листова

КРЕСТНЫЙ ХОД, торжественное шествие с *крестом*, хоругвями и *иконами*, сопровождаемое молебнами о милости Божией по тому или иному случаю. Поводами для крестных ходов служили как определенные постоянные праздники, дни святых и чудотворных икон, так и конкретные обстоятельства, требующие каждый раз назначения срока — начало и конец сельскохозяйственных работ, первый выгон скота, засуха, непрерывные *дожди*, эпидемии и эпизоотии, необходимость освятить определенные места (*перекрестки*, *колодцы* и др.).

При засухе, напр., в Бобровском у. Воронежской губ. крестный ход на поля происходил следующим образом. «В назначенный день все собираются в церковь и, отстоявши утрению и литургию, поднимают образа и хоругви и обходят кругом все поле. Впереди идут с иконами, за ними — священник, облаченный в фелонь и епитрахиль, несет крест; сопутствующий клир поет богородичны гласы и разные духовные песни; за клиром следует народ разного пола и возраста. В пяти местах, вперед избранных, весь ход останавливается, и служат молебны с водоосвящением». Первый молебен посвящали Спасителю; по окончании молебна все прикладывались ко кресту и священник кропил каждого святой водой; оставшуюся воду выливали на пашню. Второй молебен посвящали Божией Матери; третий — свт. *Николаю*; четвертый — прор. *Илье*. Пятым служили молебен о бездождии.

В иных местах молебен о дожде во время засухи строился несколько по-другому: останавливались не в установленных заранее местах, а по мере израс-

И. Прянишников. Спасов день на севере. 1887 г.

ходования св. воды. Такой вариант подробно описан в 1856 по Зарайскому у. Рязанской губ. Начиналось все с разговоров между собой крестьян, обеспокоенных состоянием хлебов. Религиозная основа этого предварительного обсуждения очевидна из записей современника события: «Плохо; не дает Бог дождя», — говорит один. «Видно, Господа Бога прогневали, — замечает

другой, — недавно я ходил в поле: больно худо, и не смотрел бы. Овес от земли и на четверть не поднялся, а уж кистится, по буграм же и совсем пожелтел, сгорел». — «Пора бы образа поднять, — говорит третий, — вон, третьего дня мухинские подымали». — «И в Рудневе подымали вчера», — замечает пятый, и пример соседей решает вопрос окончательно».

И. Прянишников. Крестный ход

День для поднятия образов выбирали чаще всего праздничный. К священнику обращались с вечера — «вот, мол, образа желают поднять». Утром все мужики и свободные от хозяйства и детей бабы шли в церковь. «Отслушав заутреню, берут хоругви, все образа, носимые в Пасху, образ Ильи-пророка и, предшествуемые священником, при пении причта, идут в деревню». Этому крестному ходу придавалось такое значение, что, как мы видим из приведенного свидетельства, состав икон был такой же, как на *Пасху*. Особо оговорен образ Ильи-пророка, к которому, как известно, всегда обращались с молитвами о дожде.

Первая остановка все-таки и в этом варианте делалась в определенном месте — на выгоне, возле часовни. Там служили молебен о дожде с водосвятием и коленопреклонением. После молебна крестный ход шел либо вокруг «всей дачи, по генеральным рубежам» (то есть обходили всю относившуюся к данной общине землю), либо шли только вокруг полей, находящихся в данное время под хлебами. Священник кропил поля св. водой, что сопровождалось пением молитв. Пройдя значительное расстояние, крестный ход останавливался, так как заканчивалась св. вода. Наполняли заново водосвятную чашу из ближнего водоема и снова служили молебен с водосвятием, после чего ход двигался далее. Когда обходили всю дачу, то служили три—пять молебнов, а иногда и больше.

Если вблизи дачи какой-либо деревни находился перекресток или распутие дорог, то там ставили постоянные часовенки (в данном случае — столбик с образом под кровелькой), около которых останавливались крестные ходы, когда обходили поля. Образы нести во время крестного хода могли все желающие; таковых было много, поэтому часто менялись; но те, кто нес икону по обету, — не отдавали ее никому. Священнику эту службу оплачивали всем миром, делая раскладку по дворам общины.

Подобные крестные ходы с молебнами совершались и в связи с др. причинами неурожая. Они могли включать освящение колодцев, обход самого селения и выход в поле, совершение водосвятий на распутиях. Иногда после молебна в поле делался обед.

Молебен на полях о прекращении засухи, которому предшествует панихида на *кладбище*, описал в своих воспоминаниях митр. Вениамин (Федченков). Он происходил из крепостных крестьян и, будучи студентом Духовной академии (первые годы XX в.), приезжал

в родную деревню в Кирсановском у. Тамбовской губ. Там он пел на клиросе. И вот однажды, засушливым летом, группа мужиков подошла к клирошанам и просила передать батюшке просьбу: совершить молебен по полям о дожде. Священник согласился. «Мужчины и женщины взяли крест, хоругви, иконы и под трезвон колоколов направились... куда же? На общее кладбище свое... И там мы отслужили сначала панихиду по всем усопшим. Оказалось, как мне разъяснил по пути батюшка, исстари велся этот обычай: живые молились по умершим, чтобы те помолились там Богу о нуждах живых своих потомков и близких... Мудрый

К. П. Бодри. Крестный ход у Благовещенского собора в Московском Кремле

и умильный обычай Святой Руси... В это время наши родные женщины-богомолочки бросились по разным концам кладбища, к родным могилам, и кое-где послышался жалобный плач... Потом мы пошли с пением молитв по полям. Что это были за горячие молитвы! Я и сейчас не могу удержаться от слез жалости и умиления к этим Божьим детям... И не раз на полях приходили мне такие мысли: «Господи! Ты не можешь не услышать этих бедных чад Твоих! За эту веру их, за слезы Ты дашь им, что нужно им! Дашь! Дашь!» — почти требовало чуда сердце мое.

И было оно... В тот ли день или на другой пошел дождь... И не помню я из своей жизни случая, чтобы такие молебны вообще оставались без исполнения».

В иных сообщениях с мест по программам научных обществ были выделены «крестные ходы в поле для молебствия» по трем причинам: по поводу засухи, на зелена (то есть для освящения молодых всходов зерновых) и во время засева. В последнем случае священник после молебна с водосвятием сам бросал на пашню первую горсть посевного зерна, взяв ее из севалки, где было смешано сборное зерно — от каждого двора. Затем он шел краем поля поперек всех полос в сопровождении дьячка с водосвятной чашей и кропил. И сразу же за ним двигался крестьянин, выбранный на сходке для почина сева.

Информаторы из Мосальского и Жиздринского уу. Калужской губ. подчеркивали в качестве поводов для молебнов в поле — запашку, засев и жатву. При этом писали, что служат «перед иконами», т. е. молебен предшествовал здесь тоже крестный ход. Молебен в поле, связанный с севом, мог быть перед посевом хле-

Б. Кустодиев. Крестный ход. 1915 г.

бов, во время него и по завершении. Напр., в сельце Почаево и относящихся к нему деревнях (Тарусский у. Калужской губ.) после весеннего посева хлебов служили общественные молебны, т. е. заказанные *общиной*. В этот день не работали.

Молебны от стихийных бедствий местами совершались не только тогда, когда уже беда посетила данную местность, но служили их ежегодно в определенные, установленные по традиции дни, независимо от состояния погоды. Так, в д. Мешкова (Орловского у. одноименной губ.) бывали ежегодные молебны в поле в последнее воскресенье перед *Вознесением* — от засухи; на *Казанскую* (8 июля) — от градобития.

По поводу молебнов, о которых просили крестьяне, как в благополучное, так и в неблагоприятное время, Т. Успенский пояснял в 1859: «Крестные ходы на поля совершаются по древнему обычаю, преимущественно же во время засух, нечаянной и несвоевременной стужи и т. п.; молебствия совершаются умиловительные. Но не отлагаются ходы и тогда, когда все благоприятствует прозябению хлебных растений и обещает обильные плоды; но тогда молебствия бывают благодарственные».

Если крестные ходы и молебны, связанные с началом или концом определенных стадий земледельческих работ, назначались преимущественно по обстоятельствам, то молебен по случаю первого выгона скота повсеместно было принято приурочивать ко дню св. *Георгия* (*Юрьев*, или *Егорьев день*) — 23 апр. (6 мая н. с.). Так, в Брянском у. Орловской губ. в этот день, по утверждению корреспондента *Тенишевского этнографического бюро*, все крестьяне выгоняли весь скот в поле и служили молебен.

Особое место в годичной системе крестных ходов и молебнов занимали службы, посвященные конкретным святым, а также связанные со святыми источниками или колодцами и часовнями. Ходы к местным святыням могли быть обращены к определенному святому, но могли и не иметь такой связи. Рассмотрим некоторые варианты таких ходов с молебнами.

В приходе с. Короцко (Валдайский у., Новгородская губ.) «в день мученицы Пятницы бывает крестный ход из церкви в часовню, отстоящую в 14 верстах и устроенную при болоте на Ключе. Часовня устроена в древнее время по следующему случаю, как гласит предание. Здесь явилась икона вмц. *Параскевы*; икона трижды была переносима из часовни в церковь, но обратно туда возвращалась, пока не сняли с нее копии и не поставили в часовню. В этот день богомольцы, особенно женщины, по обетам или по вере в целительность вод, непременно обязанностью считают купаться в ключах, бьющих близ часовни». Такой вариант был широко распространенным выражением народного благочестия: крестный ход к часовне, посвященной определенному святому и имеющей икону этого святого. Чаще всего сохранялось и местное предание о явлении иконы или о строительстве часовни. Такой ход приурочивали, естественно, ко дню этого святого.

В этом же приходе в день свт. Тихона совершался крестный ход из церкви на могилу его родителей (свт. Тихон Задонский родился в селе Короцко) для служения литии. Установлен он был с 13 авг. 1861, т. е. со дня прославления святителя.

В с. Куженкине этого же уезда происходил ежегодно «в пяток пред Ивановым днем, иначе в Ивановскую

И. Трутнев. Крестный ход в деревне

И. Е. Репин. Крестный ход в Курской губернии. 1880–1883 гг.

пятницу» крестный ход на св. родник, «замечательный по своей чистой и приятной воде». О времени и причинах учреждения этого хода в селе уже в 1860-х не сохранилось никакого предания. Пятница перед днем Иоанна Крестителя входила в число особо почитаемых в народе двенадцати пятниц в году. Можно предположить, что некогда по молитвам, обращенным к Иоанну Крестителю, произошло какое-то событие, связанное с этим родником.

В других случаях коллективная память о подобных событиях сохраняла и в к. XIX в. (а иногда хранит и доныне) даже подробности жизни святого, относящиеся к данной святыне. В селе Погорелове (на р. Уятоме) Пошехонского у. Ярославской губ. было известно, что колодец, вода которого считалась святой и, соответственно, целительной, вырыт собственноручно прп. Корнилием. К колодцу ежегодно совершался крестный ход. В том же уезде в с. Покровском (на р. Кештоме) был колодец, выкопанный собственноручно прп. Леонидом, сподвижником прмч. игумена Адриана, Пошехонского чудотворца. Каменная часовня, к которой ежегодно совершался крестный ход, была выстроена, по преданию, на том месте, где подвизался прп. Леонид. В часовне даже сохранялся камень, служивший изголовьем для святого.

Немало было таких крестных ходов, посвященных конкретной святыне, которые собирали тысячи богомольцев из разных мест. Обычно это было в тех случаях, когда святыня имела давнюю широкую известность, а самый ход насчитывал сотни лет от своего основания. Таков был, напр., в XIX в. ход из Вятки в с. Великорецкое с чудотворной иконой свт. Николая Чудотворца. «Кто не знает того, как у нас на Руси совершаются крестные ходы? — пишет А. Вознесенский, автор исследования о почитании свт. Николая Мир-

ликийского в России, описавший, в частности, и этот ход. — В это время, посвященное особенному чувству святыни, каждый из местных и приходящих богомольцев считает своим долгом не только поклониться святыне, но и воздать хвалу ей и испросить себе чрез нее милости у Господа и Его угодников в особом молебном пении. Итак, дня за два с этой целью начинают прибывать громадные массы, из окрестных и самых отдаленных обитателей Вятской земли к крестному ходу. 21 мая после литургии вся накопившаяся многотысячная масса богомольцев-пришельцев с горожанами, с преосвященным, градским клиром и образами всех церквей во главе, с церковным пением и звуками военной музыки («Коль славен наш Господь») направляется по отлогому спуску от собора к набережной реки Вятки. Здесь совершается молебен Угоднику пред его чудотворной иконой: город как бы прощается на время со своей святыней-сокровищем, и затем образ на особой красивой лодке, под голубым балдахином, переправляется на ту сторону реки, чтобы проследовать чрез лежащие на дороге села: Макарьевское, Бобинское, Загорское, Монастырское и Гороховское, дальше в село Великорецкое».

В течение долгого времени этот крестный ход, как и некоторые другие вятские ходы, совершался водным путем на стругах или плотах — по рекам Вятке и Великой; с 1778, по специальному решению, начали совершать его сухопутно, за исключением переправ, разумеется. В к. XIX в. переправа людей с иконой через Вятку сопровождалась церковным пением и звоном колоколов, берега были усыпаны богомольцами. Большинство из них продолжало участие в крестном ходе до р. Великой; в с. Великорецком служили два молебна: в древнем храме Преображения, где и оставался образ Святителя с 24 по 26 мая, и в более новом храме

Николая Чудотворца, имевшем свою местную чтимую икону его, называемую «Житель».

24 мая после литургии крестный ход направлялся к обширной каменной часовне, расположенной в лесу, на поляне, непосредственно на месте обретения образа. Посредине часовни — колодец над источником, происшедшим, по преданию, из-под корней той сосны, на которой когда-то был найден образ. Затем богомольцы шли служить панихиды на расположенном недалеко от часовни кладбище, где была своя деревянная церковь XVII в.

Возвращался крестный ход с иконою свт. Николая Угодника из с. Великорецкого (уходили 26 мая) в Вятку иным путем — через с. Медянское. В семи верстах от Вятки его торжественно встречали у часовни с. Филейки, где образа оставались и на следующий день. 28 мая ход вступал в Вятку, где происходили литургия с архиерейским богослужением и молебен. После этого начиналось движение чудотворного образа с другими местночтимыми иконами — Куринской Архистратига Михаила и *Тихвинской* Божией Матери — по домам тех горожан, которые хотели отслужить у себя молебен.

Этот многодневный и многоступенчатый крестный ход, представлявший собою, в сущности, систему крестных ходов с молебнами, входил сам как часть в большую систему ходов с особо чтимым образом Святителя Мирликийского по Вятской губ. 1 июня все три названные выше иконы отправлялись в новый крестный ход, называвшийся Куринским — по селам и деревням трех ближайших к Вятке уездов, из которого возвращались в центр епархии лишь 16 июля, посетив 1 город и 47 сел. Потом образа принимали др. города и села края: Вятский Низовой крестный ход включал в к. XIX в. 6 городов, 1 слободу и 87 сел; а Верховой (Сарапульский) — 3 города, 8 заводов и 102 села. Традиция крестных ходов с Великорецким чудотворным образом Николая Угодника по другим городам Вятского края имела глубокие исторические корни: под 1569 отмечены чудеса от этой иконы в г. Котельниче, а в 1572— в Слободском и пр.

Вятская система крестных ходов с конкретным образом не представляла собой исключения. Аналогичные явления народной духовной жизни происходили и в других регионах. Крестные ходы с Иверской иконой Божией Матери из Иверского Валдайского монастыря охватывали многочисленные города и села Новгородской и Тверской губ. — вся система этих ходов занимала почти половину года.

Если чтимый образ везли на большие расстояния в карете, то все равно движение его сопровождалось многими встречными ходами. Таковы были, напр., поездки с Калуженской иконой Божией Матери по Калужской и Тульской губ. Один из неперменных участников этих поездок в сер. XIX в. — причётник П. П. Шанский (будущий схимонах Петр) подробно описал их в письмах к своей дочери. Приведем здесь его рассказ о посещении с чудотворной иконой г. Алексина и окрестностей. «Мы туда (из Алексина в Мышинку. — *М. Г.*) отправились в экипаже, при звоне во всех церквах. Страшно вымолвить, сколько народу выступило на улицы, полагая, что икона выбыла совсем. Над рекою (Окою. — *М. Г.*), лицом к Мышинке, гора представляла торжественное зрелище: вся буквально она была усеяна народом в праздничных рядах. Народ стоял до тех пор, пока мы не приехали в

Мышинку. На другой день мы возвращались обратно в город. Икону опять приветствовали звоном во всех церквах. Народ вышел навстречу весь — от мала до велика. Из-за моста взяли икону и несли точно по воздуху. Все устремляли свой взор на лик Пречистой Богоматери. По принесении иконы нам нужно было бы служить молебны на набережной, но для их торжества пошли за город, в последнюю улицу. И невозможно без слез описать это торжественное шествие. И в первом доме, где мы служили, цветов постлано не было, но, к нашему удивлению, благоухание было неизреченное. По отслужении молебна городские разошлись по домам, не уходя лишь только приходящие из деревень; для них, чрез каждые 5 домов, мы служили молебны на улице. Хотел предводитель дворян просить Свящ. Синод о разрешении посетить 40 волостей, но ответа еще нет ничего. Болезнь (холера. — *М. Г.*) в городе прекратилась с 1-го же дня».

По поводу духовных впечатлений, полученных П. П. Шанским в этих поездках, в его жизнеописании дается следующая оценка, касающаяся не столько самого причетника, сколько состояния народной веры: «Сколько он видел непререкаемых свидетельств торжества нашей веры и упования! В течение сорока лет он был постоянным свидетелем народной любви, благоговения и поклонения Великому Богу и Его Пречистой Матери; в течение сорока лет он был свидетелем и неизреченного милосердия Царицы Небесной к этому народу, так чуткому к веяниям Божественной благодати».

Выше отмечалось движение крестных ходов, встречавших путешествующую святыню. Бытовала и иная структура сложных ходов, формировавшихся из многих простых шествий: из нескольких населенных пунктов — центров приходов, разбросанных на обширной территории, двигались в определенный день самостоятельные крестные ходы к одной точке, где находилась святыня или несколько святынь. Таким центром одновременного движения многих крестных ходов как бы по радиальным маршрутам мог быть монастырь. Например, в Белогорский Свято-Николаевский монастырь (Осинский у. Пермской губ.), расположенный на одном из отрогов Уральских гор, в день Всех Святых шли крестные ходы из соседних сел и заводов. Торжественный молебен служили у Царского Креста, сооруженного из огромных мачтовых деревьев и освященного в память спасения имп. Николая II от покушения. Здесь же особо почиталась Иверская икона Божией Матери — копия афонской.

Отметим также особенности ежегодных крестных ходов с мощами святых, сохранявшиеся в течение всего XIX в. во многих обителях и отдельных храмах, обладавших такими святынями. Обычно это были ходы вокруг храма или монастыря, но некоторые из них обрели сложные маршруты с остановками для молебнов, освящавшие большое пространство и привлекавшие огромные толпы народа из окрестных селений и пришедших богомольцев из других уездов и губерний. По наблюдениям паломника, опубликованным в 1840-х, в Новгороде 30 апр., в день обретения мощей свт. Никиты — епископа Новгородского, утром, когда раздавался звон колоколов Софийского собора (насчитывавшего к этому времени восемь веков существования), народ устремлялся с торговой и Софийской стороны на Кремлевскую площадь и заполнял ее. В собор схо-

дилось духовенство из сорока церквей самого города и четырнадцати окрестных обителей. Епископ, облаченный в семисотлетние ризы свт. Никиты, которые были обретенные вместе с мощами нетленными, склонился перед ракой, и архимандриты поднимали мощи святителя на верхнюю крышу раки для хода. «Молитвенники, стекшиеся отовсюду для сего зрелища», опустились на колени.

Шествие выходило на Софийскую площадь, наполненную народом, из-под арки архиепископских палат: вслед за хоругвями тянулся «бесконечный ряд клириков со свечами в руках, потом диаконы и священники с кадилами и древними иконами собора», затем «священное тело свт. Никиты, высоко поддерживаемое десятью архимандритами, игумнами и строителями обителей Новгородских». Когда шествие остановилось у южных дверей собора для литии, толпы народа «устремились к мощам, чтобы по древнему православному обычаю пройти под ними». «Хотели остановить стремление народа к святыне, но благочестивый епископ Леонид, хотя сам более других страдал от напора толпы, приказал всех допускать, чтобы никто не лишился утешения духовного». Во все время хода совершался молебен свт. Никите.

На следующий день был праздник Преполовения, снова служил епископ и вышел с крестным ходом на Иордан к Волхову, «предшествуемый хоругвями и крестами и всей древней святынею Новгорода». Несли чудотворную икону Знамения Божией Матери. Мимо моста, «усеянного народом», спустились к Волхову, «покрытому судами». От Иордани крестный ход двинулся к северу, вокруг кремлевской стены и остановился для литии у часовни свт. Николая Чудотворца, а следующая лития была на площади перед собором. «Народ с усердием бросался под икону Знамения».

Представляют интерес правила поведения во время крестного хода, составленные митр. Филаретом по поводу конкретного шествия из Голутвина монастыря в Коломну в память о прекращении холеры, но носящие общий характер.

«Духовенство должно напомнить благовременно себе и прочим, — говорилось в этих правилах, — что, дабы сие благое начинание принесло благий плод, для сего надобно, чтобы дело Божие совершаемо было с глубоким и непрерывным благоговейным вниманием. Когда вступаешь в крестный ход, помышляй, что идешь под предводительством святых, иконы которых в нем шествуют, приближаясь к Самому Господу, поколику немощи нашей возможно. Святыня земная знаменует и призывает святыню небесную; присутствие креста Господня и святых икон и кропление освященною водою очищает воздух и землю от наших греховных нечистот, удаляет темные силы и приближает светлые. Пользуйся сею помощью для твоей веры и молитвы и не делай ее бесполезною для тебя твоим нерадением. Слыша церковное пение в крестном ходе, соедини с ним твою молитву; а если по отдалению не слышишь, призывай к себе Господа, Божию Матерь и святых Его известным тебе образом молитвы. Не входи в разговоры с сопутствующими; а начинающему разговор отвечай безмолвным поклоном или кратким только необходимым словом. Духовенство должно быть примером порядка и благоговения, а мирские не должны тесниться между духовенством и расстраивать порядок. Не беда, если отстанешь телом: не отставай от святыни духом».

Особый вид составляли одноразовые, не повторяющиеся крестные ходы, назначаемые по какому-либо исключительно торжественному случаю духовной жизни. Несмотря на то что организовывались они «сверху» — церковными властями и согласовывались со светскими, тем не менее по типу поведения народа, в силу самого повода для торжеств, являлись выражением массовой религиозности. Таким был, напр., крестный ход из Москвы в Свято-Троицкую Сергиеву лавру в сентябрьские дни 1892: по случаю пятисотлетия со дня преставления прп. *Сергия Радонежского*. К этому ходу прихожане московских храмов тщательно готовились, заказывали хоругви с изображением Преподобного, явления ему Богородицы, образами святых — последователей его. Во время хода впереди несли не только более семидесяти хоругвей, но и множество икон, в т. ч. известные всем москвичам чудотворные иконы: *Владимирскую* икону Божией Матери из кремлевского Успенского собора, образ свт. Алексия из Чудова монастыря, копии *Иверской* иконы Божией Матери из Иверской часовни, иконы прп. Андроника и Саввы из Спасо-Андроникова монастыря и свт. Стефана Пермского из храма при Первой Московской гимназии».

21 сент. 1892 с раннего утра толпы народа начали стекаться в Кремль, и в 8 часов утра, после краткого молебна, крестный ход двинулся через Спасские ворота по Никольской ул., в сторону Крестовской заставы. Один из участников так охарактеризовал состав и молитвенное настроение шествия: «Величественно, медленно и плавно двигался крестный ход, сплошной массой, запруживая самые длинные и широкие улицы Москвы. Простая крестьянка в оборванном зипуне шла вместе с элегантной дамой, одетой по последней моде; безграмотный мужик шел рядом с ученым профессором — оба с непокрытыми головами, оба с одинаковым благоговением к Великому празднику... Одна мысль, одна молитва одушевляла эту неисчислимую толпу, придавала ей жизнь, сливала всех отдельных лиц в одно громадное целое, имя которому Русская земля».

Очевидцы свидетельствовали, что в пределах Москвы в этом крестном ходе участвовало более 300 тыс. чел. От Крестовской заставы Владимирская икона Божией Матери и часть хоругвей возвратились в Кремль, а ход двинулся далее, по Троицкому шоссе, и шел до лавры с 21 по 24 сент., с ночлегом в Больших Мытищах и Братовщине. Ночами у костров пели духовные песни. У часовни «Крест», в десяти верстах от Сергиева Посада, произошла встреча москвичей и присоединявшихся к ним по пути богомольцев с крестными ходами из Владимира, Суздаля и Коврова. Из Сергиева Посада навстречу вышли толпы богомольцев. «Многие стояли на коленях и горячо молились, иные от полноты охватившего чувства не могли удержаться от слез». У стен монастыря московских и владимирских богомольцев встретил большой крестный ход лавры. В Троицком соборе, у мощей Преподобного, была совершена вечерня, и всю ночь шел поток богомольцев прикладываться к мощам.

М. Громыко
КРЕСТОВАНИЕ, в Древней Руси *побратимство* через обмен крестов, носимых на шее. Поменявшийся крестами мужчина назывался крестовой, или крестовой брат, а женщина — крестова, крестовая сестра.

КРЕСТОВАЯ КОМНАТА, в XVII—XIX вв. особая комната в доме богатых людей, где специальные домаш-

ние священники служили заутреню, часы и вечерню. Иконы стояли там наподобие церковного иконостаса, а перед ними находился аналой с книгами и просфора Пресвятой Богородицы, которая имела, по понятиям того времени, благодатную силу и во время трапезы ставилась на столе.

КРЕСТОВИК (крестовый дом, шестистенок), деревянный рубленый дом, состоявший из четырех помещений, образованных двумя взаимно перпендикулярными стенами. В одном помещении располагались сени,

в др. ставилась русская печь, и оно служило кухней, две части, обогревавшиеся печами-голландками, использовались как «чистые» помещения (горницы, комнаты, спальни, залы).

КРЕСТОВОЕ БРАТСТВО — см.: ПОБРАТИМСТВО.

КРЕСТЬЯНСТВО (слав.: крестьянин — крещеный человек), мужик, земледельец, земледелец, селянин, поселянин, сельский обыватель, принадлежащий к низшему податному сословию (В. И. Даль) и живший в условиях общины. Слово «крестьянство» встречается в памятниках с к. XIV в. В древности крестьяне назывались еще «люди». Как выделялись крестьяне из перво-

И. Крамской. Крестьянин с уздечкой. Мина Моисеев

Крестьянские селения на пути из Пскова в Москву. XVII в.

начальной славянской общины, выяснить невозможно по отсутствию данных. В XIV в. крестьяне составляют уже сословие. Они сидят или на землях частных владельцев, или на «черных» землях. На владельческих землях крестьяне селятся по договору — ряду, который предполагает право свободного перехода на другую землю. Они переходят и из княжения в княжение, причем освобождаются от повинностей и податей в пользу князя на известный срок (10, 15, 20 лет). Попытки ограничения перехода крестьян в другое княжение встречаются, впрочем, довольно рано. В договорах новгородцев с князьями еще в XIII—XIV в. есть запрещение выводить людей из новгородских волостей. В пределах княжеств переход был свободен. Так как некоторые владения по льготным княжеским грамотам освобождались от повинностей в пользу князя на срок или бессрочно, то крестьяне стремились в эти владения с черных земель, чем наносился убыток княжеской казне, и князья иногда ограничивали такой переход. Договорные грамоты крестьян с владельцами земли, порядные, большей частью не восходят ранее XVI в. Если крестьянин занимал разработанный участок, на котором были исправные постройки, то в порядной определяется только размер его участка и повинностей крестьян. Обыкновенно крестьяне несут государственные повинности вместе с волостными людьми, а в пользу владельца поступают взносы деньгами и натурой и исполняются барщинные работы; на обязанности крестьян лежит поддерживать постройки. Если же крестьяне занимают новую землю, которую надо было расчистить и на которой надо было возвести хозяйственные постройки, или землю запущенную, где надо было ремонтировать строения, то они освобождались от повинностей в пользу владельца или несли

Крестьянская семья. 1904 г.

их в уменьшенном размере в течение определенного числа лет. Иногда владелец давал крестьянам «подмогу» деньгами, хлебом или скотом. Если крестьяне уходили с такого участка, не выполнив своих обязательств, то должны были возратить «подмогу»; ради предупреждения таких неисправностей в порядные вносились неустойки. Если крестьянин делал у владельца заем деньгами («серебро») или хлебом, то давал

Мужчины с конской упряжью. Нач. XX в.

заемную кабалу. Крестьянин мог уйти с земли до истечения льготных лет, возвратив подмогу и уплатив неустойку. Срока для отказа от земли первоначально для крестьян, по-видимому, не было: крестьяне отходили и на *Рождество Христово*, и в Соборное Воскресенье, и на *Петров день*, и в Оспожин день (*Рождество Богородицы*), и в др. дни. Землевладелец мог также отказать крестьянину и выселить его с земли. Землевладельцы часто нуждались в людях для заселения своих земель и тогда посылали в чужие деревни своих уполномоченных — «отказчиков», которые презывали крестьян на их земли. В таких случаях презывавший нередко принимал на себя уплату по крестьянским обязательствам по отношению к прежнему господину.

Другой разряд составляли крестьяне, сидевшие на «черных», тяглых землях. Они несли повинности только в пользу государя, и так как не были обложены повинностями в пользу частного владельца, то несли государево тягло в большем размере, чем крестьяне владельческие. Черные крестьяне составляли волости, которыми управляли и в которых судили их выборные или назначенные князем лица. Число крестьян в волости меняется, увеличиваясь путем прироста и приема новых членов, если есть лишние земли, или уменьшаясь вследствие выхода и смерти. Крестьяне владели участками потомственно и являлись по ним истцами и ответчиками в судах. Они имели в посадах лавки и торговали в них.

Уже в сер. XV в. замечается среди землевладельцев стремление стеснить выход крестьян. В 1450 белозерский кн. Михаил Андреевич в грамоте Ферапонтову монастырю позволяет крестьянам, сидевшим на земле этого монастыря, выходить только за 2 недели до и неделю после осеннего *Юрьева дня*, с уплатою мона-

На деревенской улице. 1900-е гг.

Деревенские парни. 1900-е гг.

стырю долга. По Судебнику 1497 крестьянам разрешается отказываться только в один срок за неделю до и неделю после осеннего Юрьева дня (26 нояб.), причем крестьянин платит владельцу «пожилое» за двор, а

Крестьяне южных губерний. 1900-е гг.

именно: просидевший 2 года — половину, а просидевший 4 года — полную цену двора. Судебник Ивана IV увеличил размер «пожилого» и установил в пользу владельца сбор по 2 алтына с каждого воза увозимой крестьянином рухляди.

Мужчины в ямщицких шапках. 1900-е гг.

Выезд на полевые работы. Нач. XX в.

Крестьяне средней полосы России. 1900-е гг.

Развитие в XVI в. служилого сословия, несшего обязательную службу государству, вызвало со стороны государства меры к обеспечению этого сословия и предоставлению ему материальной возможности нести эту

Мужчина в повседневной одежде. Орловская губ., Севский у. Начало XX в.

службу. Средством для такого обеспечения являлась раздача служилым людям земель, и в XVI в. в средней России масса «черных» земель переходит в руки служилого сословия в виде поместий. Для тяглых людей такой переход занятой ими земли был очень тяжел. Старое волостное устройство было разрушено. Служилые люди, как мелкие владельцы, нуждавшиеся всегда в средствах, все более и более облагают крестьян повинностями, и те уходят к богатым землевладельцам, за «хребтами» у которых жилось выгоднее и спокойнее. Земли служилых людей пустеют, доходы с них уменьшаются, служилые люди не могут уже нести службы со своих поместий и обращаются к правительству с жалобами на переходы крестьян. Нуждавшееся, в целях государственной обороны, в обеспеченном служилом классе правительство принимает к сердцу эти жалобы и подчиняет интересы крестьянского населения интересам служилых землевладельцев. Рядом мер правительство затрудняет переходы, устанавливая для них определенный срок и вводя уплату вывозимого имущества. Правительство, в интересах фиска, не выпускает крестьян с «черных» земель. Получив «черные» земли, служилые люди не выпускают также крестьян, полученных с этими землями, и образуется группа крестьян-старожилов, лишенных права передвижения. Задолженность владельцу также создавала препятствия для выхода. На практике сложился такой порядок, что крестьянин мог уйти с земли, только покончив денежные расчеты с владельцем.

По вопросу о том, как и когда крестьяне были окончательно прикреплены, высказывалось множество мнений. По Указу 21 нояб. 1597 «которые крестьяне из-за бояр, и из-за дворян, и из-за приказных людей, и из-за всяких людей, из поместий и из вотчин, и из патриарховых, и из митрополичьих, и из владычных, и из монастырских вотчин выбежали до нынешнего...

И. Куликов. В крестьянской избе

году за 5 лет, и на тех беглых крестьян в их побеге, и на тех помещиков и вотчинников, за кем они живут, тем помещикам, из-за кого они выбежали, и патриаршим, и митрополичьим, и владычным детям боярским, и монастырских сел прикащикам и служкам давать суд и сыскивать накрепко всякими сыски, и по суду и по

С. Виноградов. Обед крестьян

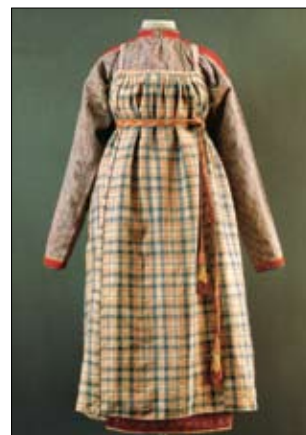
сыску тех беглых крестьян с женами, и с детьми, и со всеми животы возити назад, где кто жил». Указом 21 нояб. 1601 разрешалось мелким чинам не выше дворян возить и отказывать крестьян друг у друга, кроме чинов Московского у., сроком на год, при соблюдении условий правильного отказа. Этот указ повторяется и

В. Максимов. Бедный ужин

Одежда крестьянки Архангельской губ. Кон. XIX в. ГИМ

Одежда крестьянки Вологодская губ., Район Северной Двины. Кон. XIX – нач. XX в. ГИМ

Одежда крестьянской девочки. Тульская губ. Кон. XIX – нач. XX в. ГИМ

Женщина в тульском костюме. 1900-е гг.

Крестьяне Воронежской губернии. 1860-е гг. ГИМ

В. Суриков. Старик огородник

в 1602. Сверх того, В. Н. Татищев приводит приговор 9 марта 1607, по которому крестьяне, записанные за владельцами по книгам 1592—93 и с тех пор вышедшие за кого иного, возвращаются прежним владельцам. Из этих данных Татищев вывел, что крестьяне были прикреплены в 1592. Это мнение потом часто повторялось другими исследователями. М. П. Погодин усомнился в существовании особого Указа 1592 о прикреплении крестьян и утверждал, что пятилетний срок был установлен в 1597 только для беглых, т. е. ушедших незаконно, а не для всех крестьян. М. П. Погодин, И. Д. Беляев и К. С. Аксаков указывали на то, что в XVII в. продолжается свободный переход крестьян. Н. И. Костомаров в полемике с Погодиным утверждал, что переход крестьян в Юрьев день был отменен законодательным актом, а переходили в XVII в., по его мнению, или те крестьяне, от розыска которых господа отказались, или люди, не попавшие в тягло. Полемика Погодина с Костомаровым выдвинула те условия, при которых выросло крепостное право. Другие историки, допуская существование акта, прикрепившего крестьян, указывали на то, что крепостное право могло явиться и следствием Указа 1597, т. к. правительство, в интересах государственной обороны и фиска, воспользовалось переписью 1592, в которую были занесены все крестьяне, сидевшие на владельческой земле по различным порядкам, и как бы признало этих крестьян прикрепленными к земле. В. О. Ключевский совершенно отрицает прикрепление владельческих крестьян к земле и даже отмену права их выхода законодательным актом. Он выводит закрепление крестьян за владельцами из гражданских отношений, из их задолженности владельцам земли. Такие задолжавшие крестьяне, а их было огромное большинство, сближаются по своим

Русский крестьянин

отношениям к владельцам с кабальными холопами, которые в к. XVI в. не могли уже приобретать свободу возвращением долга по кабале. В XVII в. крестьяне дают обязательства, ограничивающие права их ухода и предоставляющие владельцу право распоряжаться в той или иной степени личностью крестьянина. Закрепощаются и крестьянские дети, жившие при отце и не несшие тягла, и попадают, как не привязанные к тяглу, в полное распоряжение владельца. Выход крестьян заменяется их вывозом, и притом с согласия прежнего владельца, а это является с течением времени, по существу, продажей их. Правительство заботилось только о том, чтобы крестьяне выполняли государственные повинности, и сделало владельца ответственным за уплату этих повинностей. В результате явилось, по мнению Ключевского, прикрепление крестьян к лицу владельца, а не к земле, на которой он сидел. М. А. Дьяконов, подтверждая в общем мнение Ключевского, относит

Крестьянка Тамбовской губернии с ребенком. Нач. XX века. ГИМ

Крестьяне Нижегородской губернии в праздничных костюмах. 1900-е гг. ГИМ

прикрепление крестьян-старожильцев ко 2-й пол. XV и 1-й пол. XVI в., а также указывает, что право суда над крестьянами, представительство за них на суде и ответственность за уплату крестьянином государственных повинностей присваиваются владельцам уже раньше XVII в., как и продажа крестьян семьями и отдельно, и перевод их на новые земли. В. И. Сергеевич оспаривал мнение Ключевского о сближении крестьян с кабальными холопами и применении к крестьянам правил

служилой кабалы и о прикреплении крестьян к лицу владельца, а не земли.

В течение всей 1-й пол. XVII в. служилые люди хлопочут о продлении срока для розыска беглецов, и правительство увеличивает этот срок, сначала в частных случаях, а в 1642— в виде общей меры до 15 лет. При Алексее Михайловиче «урочные годы» для сыска беглых были наконец вовсе отменены. Существовали, однако, и в это время еще люди, не записанные нигде за владельцами и, следовательно, сохранившие право распоряжаться своею личностью; они могли садиться на владельческую землю и заключать порядные, но, по Уложению, они должны были заявить о своем желании поступить в крестьянство в Поместном приказе, и приказ, после исследования, действительно ли это люди вольные, делает определение об отдаче их в крестьяне. К к. XVII в. продолжается сближение владельческих крестьян с холопами. С одной стороны, владельцы сажают холопов на землю, с другой — государство стремится обложить холопов повинностями в свою пользу, но закон все-таки строго разграничивает эти две группы населения. Окончательно крепостное право утвердилось в России в к. XVII в., то есть гораздо позже, чем во многих западноевропейских странах (Германии, Австрии, Франции, Венгрии и др.), и охватило около половины всех крестьян, остальные продолжали оставаться свободными. При Петре I произошло слияние крестьян с холопами, как следствие податной реформы. Петр, вместо взимавшейся прежде подати с земли или со двора, переложил подати на души. По произведенной в 1718—22 ревизии были занесены в ревизские сказки крестьяне, сидевшие на пашне холопы, зависящие от другого лица непахотные люди и все неприписанные к сословиям люди. Все попавшие в сказки были обложены податью под ответственностью землевладельца. Этим землевладельцу давалась над крестьяна-

Крестьянки Тамбовской губернии. 1860-е гг. ГИМ

К. Маковский. Крестьянский обед в поле

ми такая же власть, как над холопами, хотя по закону крестьянин сохранял свои гражданские права. При Петре возникают и новые категории крестьян, кроме владельческих: «черные» крестьяне, сохранившие свое положение преимущественно на севере, были обложены сверх подушной еще оброчной податью и составили группу государственных крестьян; монастырские крестьяне, переданные в ведение коллегии экономии и получившие название экономических; дворцовые, сидевшие на царской земле и обложенные повинностями в пользу двора; приписанные к фабрикам и заводам (впоследствии получившие название посессионных), независимо от личности владельца фабрики, и однодворцы — потомки измелъчавших служилых людей на окраинах Московского государства, записанные в подушный оклад, но сохранившие право личного землевладения и даже владения своими крестьянами. При преемниках Петра зависимость крестьян от владельцев еще более увеличивается. В 1727 постановлено крестьянские недоимки взыскивать с помещиков, а в 1731 и подушные деньги должны были платить помещики. При Анне Иоанновне помещиков сажают даже в тюрь-

мы за крестьянские недоимки. Ответственность перед казной давала помещикам большие права над крестьянами. При Петре I крестьянам запрещено было вступать по охоте в военную службу, что вело к выходу из крепостной зависимости. В 1730— запрещено покупать недвижимые имения, в 1734— заводить суконные фабрики, в 1736— отправляться на промыслы без разрешения помещика, в 1737— вступать в откупа и подряды. Наконец в 1741 при вступлении на престол Елизаветы Петровны крестьяне были исключены из присяги на верноподданство. В 1760 помещику дано право ссылать неисправных крестьян в Сибирь, причем каждый сосланный засчитывался за рекрута, сданного на службу, и крестья-

не лишены права входить в денежные обязательства без разрешения помещика. Правительство не запрещает иметь крестьян безземельным дворянам и, таким образом, считает их прикрепленными не к земле, а к личности помещика. Оно возлагает на помещика заботы о крестьянах в неурожайные годы и наблюдение за их порядочным поведением. Таким образом, правительство дает помещикам полицейскую власть над крестьянами.

В условиях продолжавшегося и усилившегося закрепощения русских крестьян самой надежной опорой для них продолжала оставаться община. Даже на помещичьих землях за крестьянской общиной и ее выборными представителями сохранялось право на самоуправление, на самостоятельное решение хозяйственных и бытовых вопросов, выполнение государственных повинностей (выплата податей, выдвижение рекрутов), регулирование гражданских и семейных отношений, а в ряде случаев — распорядительных функций при выполнении повинностей перед помещиком (больше — в оброчных, меньше — в барщинных имениях).

В царствование Екатерины II положение владельческих крестьян еще более ухудшилось. Власть над ними помещиков во 2-й пол. XVIII в. была значительно расширена. После крестьянских волнений 1765—66 помещикам предоставлено право ссылать крестьян за «дерзости» не только в Сибирь, но и в каторгу, а также право во всякое время отдавать их в солдаты. В

В. Маковский. Крестьянские дети

Крестьянин за работой

Женщина в праздничном костюме Касимовского уезда Рязанской губернии (с. Парахино). Кон. XIX – нач. XX в. ГИМ

Женщина в тульском костюме. 1900-е гг. ГИМ

Молодая женщина в праздничном костюме Орловской губернии. Нач. XX в. ГИМ

Молодая женщина в курском головном уборе 2-й пол. XIX в. ГИМ

1767 крестьянам запрещено подавать какие бы то ни было жалобы на помещиков. Владельческие крестьяне не были представлены в Комиссии для составления проекта нового уложения. Лишены они были и права самоуправления, данного учреждениями всем классам местного общества (1775). В жалованной грамоте дворянству (1785) сквозит взгляд на крестьянство, как на частную собственность дворян. Но при неопределенности законодательства относительно крестьян за ними остались некоторые гражданские права. Они имели право начинать иски и свидетельствовать в судах, заключать договоры и записываться в купцы с согласия помещика, и даже брать откупа за его поручи-

тельством. Предоставляя помещикам право продавать и отпускать на волю крестьян, закон запрещал торговать ими во время рекрутских наборов, продавать отдельных людей с аукциона и отпускать на волю престарелых и увечных, которые не могли прокормить себя сами. Еще до вступления на престол Екатерины II недворянам запрещено было владеть населенными имениями (1754), а служащим, не имеющим дворянского достоинства, предписывалось в течение полугода продать свои имения (1758). Несмотря на то что вопрос об освобождении крестьян был поднят при Екатерине II и обсуждался и в Комиссии (1767), и в Вольном Экономическом обществе и что около миллиона монастырских крестьян было изъято в 1763 из частного владения и обращено в особый разряд крестьян государственных, число крепостных в это царствование достигло огромной цифры, вследствие щедрых пожалований населенными имениями (было роздано до 400 тыс. душ), в то же время имело место водворение крепостного права в Малороссии. В XVIII в. увеличивается и количество дворовых крестьян переводом их с пашни на помещичий двор. Сидевшие на пашне крестьяне делились на издельных, или барщинных, и оброчных. Оброчное хозяйство преобладало в нечерноземных местностях и там, где были развиты кустарные и отхожие промыслы, а также в крупных имениях, в которых помещики не жили. В губерниях с развитым земледелием преобладала барщинная система. Оброк гос. крестьян в 1768 был определен в 2 руб., а в 1783 повышен до 3 руб. Ухудшение положения крестьян вызвало с их стороны побеги, бороться с которыми было трудно и помещикам, и правительству; последнее, с целью возвращения беглых, прибегало даже к вызову их для поселения на порожних казенных землях. С

Неизвестный художник. Портрет крестьянки с красным узорным платком на шее. 1830-е гг. ГИМ

Неизвестный художник. Портрет крестьянки в темной епанечке с золотым галуном. 1820-е гг. ГИМ

Неизвестный художник. Портрет крестьянки в красной епанечке. 1830-е гг. ГИМ

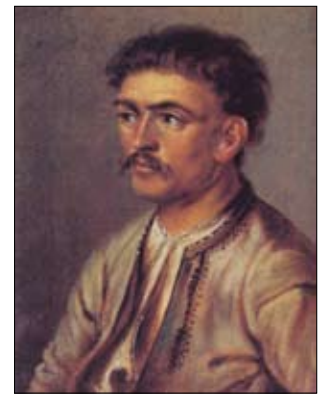
другой стороны, протест против тягостей крепостного права выражался в крестьянских волнениях и убийствах помещиков. Сильное волнение крестьян в Центральной России началось еще при Петре III и при вступлении на престол Екатерины II распространилось на обширный район. Созыв комиссии для составления проекта уложения породил слух о «перемене законов» и вызвал ряд новых волнений. В 1773–74 пугачевщина охватила всю восточную Россию и более 1,5 тысяч дворян сделали жертвами восстания. Отдельные случаи убийств помещиков были очень часты, и в одной, напр., Московской губ. за 5 лет было 30 случаев таких убийств. При вступлении на престол Павла I среди крестьян распространились слухи о намерениях нового царя дать им свободу и сопротивлению этим планам со стороны помещиков. Слухи эти послужили поводом к крестьянским волнениям в 12 губерниях. Волнения были подавлены, а Указ 3 апр. 1797 повелевал «всем и каждому наблюдать, дабы никто и ни под каким видом не дерзал в воскресные дни принуждать крестьян к работам, тем более что для сельских издольев остающиеся в неделю 6 дней, по ровному числу оных вообще разделяемые, как для крестьян собственно, так и для работ их, в пользу помещиков следующих, при добром распоряжении доступны будут на удовлетворение вся-

Крестьяне села Балаково. Фотография А.С. Муренко. 1869 г. ГИМ

Портрет неизвестной в русском головном уборе. 1769 г.

В. Тропинин. Портрет крестьянина украинца

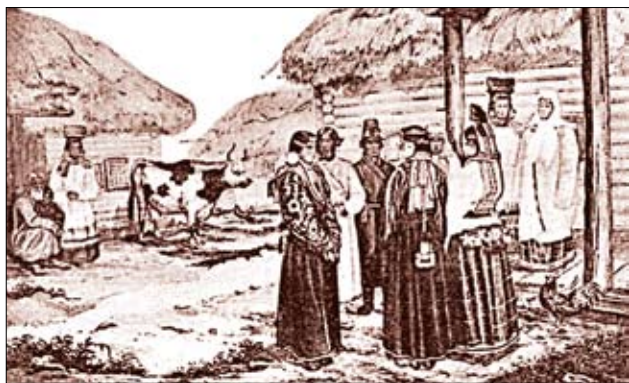

Крестьяне слободы Покровской. Фотография А.С. Муренко. 1869 г. ГИМ

Крестьяне-малороссы

ким хозяйственным надобностям». Указ этот, впрочем, мало облегчил участь крестьян, так как редко имел практическое применение. При имп. Павле раздача казенных населенных имений частным лицам продолжалась в еще более широких размерах, чем при его предшественнице; всего роздано было 265 тыс. душ. Александр I прекратил раздачу крестьян. Начало нового царствования обещало улучшение их положения. Император, подобно Екатерине I, был занят мыслью о постепенном освобождении крепостных. В 1808 отменена была ссылка крестьян помещиками в каторжные работы, а в 1811 и ссылка на поселение (впрочем, восстановленная в 1822); с 1804 запрещено сдавать крестьян в рекруты ранее 3 лет по совершении купчей на них, затем запрещено было продавать людей на яр-

Крестьяне Нижегородского у.

марках и торгах и давать доверенность на продажу крестьян в одиночку и без земли. Все эти меры относятся к 1-й пол. царствования Александра I, во 2-ю пол. планы об освобождении крестьян были оставлены и существенных улучшений в их положении не было, хотя слух о предстоящем освобождении продолжал циркулировать среди крестьян и в 1818–20 вызвал движение. Толки об освобождении возобновились при воцарении имп. Николая I, что повело за собою крестьянские волнения в губ. Вологодской, Псковской, Смоленской, Курской и Киевской. По этому поводу 12 мая 1826 был издан манифест в опровержение таких слухов, а 9 авг. того же года велено было судить нарушителей спокойствия военным судом. Побег крестьян заставили правительство озаботиться решением этого вопроса, и в 1827 велено не возвращать беглецов из Новороссии, где их оказывалось довольно много, владельцам, а в случае открытия здесь беглых выдавать владельцам по 250 руб. за мужчину и по 150 руб. за женщину; в том же году было ограничено право

Молодые крестьянки в тульских праздничных костюмах. 1900-е гг.

ссылки крестьян в Сибирь установлением предельного возраста ссылаемых (не старше 50 лет) и запрещено разлучать ссылаемых с женами и малолетними детьми. Тогда же была установлена наименьшая норма крестьянского земельного надела в размере 4,5 дес. на душу. С 1833 запрещено выдавать долговые обязательства, обеспеченные крестьянами без земли, а также продавать и иным образом отчуждать крестьян в розницу. С 1841 запрещено покупать крестьян лицам, не владеющим населенными имениями, и раздроблять крестьянские семьи. В 1842 определено законом право помещика наказывать крестьянина; только преступления, не влекущие за собою лишения прав и совершенные по отношению к крестьянину того же помещика, самому помещику или членам его семьи, подлежали суду помещика; по таким же преступлениям, совершенным по отношению к постороннему лицу, поме-

Неизвестный художник кон. XVIII в. Праздник в деревне

Костюм рязанской крестьянки. Нач. XX в.

щик мог судить только с согласия этого последнего лица; самое наказание в таких случаях ограничивалось 40 ударами розог, 15 ударами палок, арестом не свыше 2 мес.; только в особо важных случаях помещик мог отсылать таких преступников в смиренный дом не дольше как на 3 мес. и в исправительные арестантские роты не свыше 6 мес.; с 1844 запрещено наказывать крестьян «трехременной» плетью.

Тем не менее борьба крестьян против помещиков не прекращалась. В 1-й пол. XIX в. от 60 до 70 помещиков ежегодно оказывались убитыми своими крестьянами — «ибо таково национальное средство, к которому прибегает русский крестьянин, чтобы выразить свой протест» (А. И. Герцен). Половина из помещиков, убиваемых своими крепостными, погибали вследствие покушения на честь крестьянских девушек.

Принимаемые правительством меры не успокоили крестьян, волнения и случаи убийства помещиков не только не прекращались, но, напротив, учащались, и к сер. XIX

в. серьезно назрел вопрос об освобождении крестьянства, хотя во влиятельных сферах такое решение не встречало сочувствия.

19 февр. 1861 Александр II было подписано Законом об освобождении крестьян, а 5 марта обнародован Манифест об этом великом событии. Однако, несмотря на освобождение, крестьяне оказались в тяжелом положении, ибо были вынуждены платить помещику выкуп за свою землю. «Положение» не экспроприировало помещичье право собственности на землю; экспроприация полная, безусловная и невоснаградная последовала только относительно владения крестьянскими душами, что же касается земли, то здесь за помещиками номинально было признано право собственности на всю досель принадлежавшую им землю, но это право было чрезвычайно сильно ограничено. Крестьянам в бессрочное пользование была отдана земля, принадлежавшая помещикам, которые воспротивиться этому не могли ни в каком случае. Правда, правительство объявило о вознаграждении помещиков за это крестьянское пользование их землями, но размер вознаграждения был предопределен законом. Усадебная же собственность могла быть даже покупаема крестьянами у помещиков без согласия последних также за регулируемую законом плату.

Операция выкупа представляла свои выгоды для помещиков, потому что выкупная сумма определялась капитализацией оброка — платежа, установленного за пользование наделом, оброк же был установлен «Положением» высокий, выше обычной в те времена арендной платы. Эта высокая норма являлась со стороны правительства уступкою той помещичьей партии, которая жаловалась на неминуемое грядущее свое разорение и которую пожелали вознаградить за утрату дарового крепостного труда косвенным путем, искусственным возвышением нормы оброка. Вследствие этого и выкупная сумма (т. е. капитализованный из 6% оброк), также оказалась довольно высокою. Ста-

А. Кившенко. Чтение Манифеста Александра II

тистика обнаруживает, что до н. 1877 число утвержденных выкупных сделок было равно 61,784 (в 37 губ., устроенных на «общем положении»); из этого числа по обоюдному соглашению помещиков и крестьян было заключено лишь 21,598 сделок (т. е. 35%), а по требованию помещиков — 40,186 (т. е. 65%). Уже эти цифры сами по себе показывают, что выкупные операции были выгодны помещикам. Но кроме того, они были и нужны им, вследствие крайней задолженности владельческого класса в момент эмансипации.

Исследователи выкупной операции давно отметили тот факт, что помещики особенно стремились обязать крестьян выкупить землю в тех губерниях, где земля была не так плодородна, т. е. в губерниях нечерноземных, население коих охотно прибегает к отхожим промыслам.

Задолженность помещиков, сильная нужда в наличных деньгах, вызванная коренным переворотом всего сельского хозяйства, наконец, недостаток в кредитных учреждениях от 1859, когда старые учреждения перестали выдавать ссуды, когда начали устраиваться новые земельные кредитные банки, — все это сильно способствовало успеху и быстроте выкупных сделок. Что касается крестьян, то хотя выкупная операция и делала их собственниками, но будущее благосостояние их этою мерою далеко не везде упрочивалось, как показали ближайшие десятилетия. Слишком высокие выкупные платежи оказывались очень часто совсем не под силу крестьянству, и довольно большая часть его впала в хроническую нужду и недоимочность. 28 дек. 1881 последовал даже Именной Высочайший указ, понижавший выкупные платежи на 1 руб. с душевого надела (для вообще всех губерний, где действовало «великороссийское положение») и в 6% с годовой суммы выкупного платежа для местностей «малороссийского положения». Сверх того было установлено и особое, специальное понижение выкупных платежей для тех мест, где крестьянское хозяйство по ближайшем исследовании оказалось бы особенно расстроеным. Правительство установило обязательный с 1 янв. 1883 выкуп земли у помещиков крестьянами, еще оставшимися «временно обязанными».

Что касается экономического устройства крестьян не помещичьих, но государственных, то здесь дело обстоит так. Еще в 1861 было решено, что, в общем, устройство быта государственных крестьян должно совершиться на тех же основаниях, как и крестьян владельческих, но окончательно быт их был определен лишь «Положением» 24 нояб. 1866. По этому Положению за обществами государственных крестьян сохранены их наделы, и каждое общество получило на право владения особую «владенную» запись, за что

Портрет крестьянки Зуевой из села Усолье. 1849 г. ГИМ

Портрет крестьянина Зуева из села Усолье. 1849 г. ГИМ

Портрет крестьянки в головном платке с золотной каймой. 1850-е гг. ГИМ

они должны ежегодно делать в казну определенный взнос: «государственную оброчную подать».

Государственные крестьяне оказались счастливее помещичьих, ибо земли они получили больше, а государственная оброчная подать была в два с лишком раза меньше выкупных платежей, коими обязались пред казною крестьяне помещичьи. К этому остается добавить, что Законом 12 июня 1886

правительство увеличило общую сумму государственной оброчной подати до 49 млн., переименовало ее в «выкупные платежи» и предначертало погашение этой суммы на 44 года, считая от 1 янв. 1887.

Удельные крестьяне были освобождены от крепостной зависимости еще Указами 1858 и 1859, ибо относительно их освобождения воля Государя не могла встретить тех задержек и препятствий, как при освобождении крестьян помещичьих; но только в чисто юридическом отношении реформа быта удельных крестьян опередила реформу быта владельческих. Что касается аграрного их устройства, то эта сторона эмансипации несколько замедлилась. Лишь 26 июня 1863 было утверждено «Положение», урегулировавшее экономическое устройство удельных крестьян. Это «Положение» с точки зрения благожелательности к крестьянским интересам и стремления всюду жертвовать интересами удельного ведомства в пользу крестьянского сословия занимает исключительное место в истории эмансипации: удельное ведомство отдало крестьянам в собственность те земли, которыми они доселе пользовались, а выкупными платежами должны были впредь служить те платежи, которые они до сих пор уплачивали за пользование землями ведомства. В течение 49 лет эти платежи должны были погасить выкупную сумму; выкупной срок начался через два года по утверждении Положения, т. е. 26 июня 1865.

Реформа была объявлена 5 марта 1861; до 19 февр. 1863 крестьяне должны были исполнять в пользу помещика все работы и повинности на дореформенном основании, и только право телесных наказаний было несколько ограничено относительно дворовых и почти совсем уничтожено (фактически) относительно наделных. Полное осуществление основных положений

Домашние занятия крестьян Землянского у.

Ю. Кугач. Раскулачивание крестьян. 1990 г.

19 февр. началось, таким образом, лишь спустя два года по утверждении великой реформы; но уже за эти два года повсеместно определились контуры крестьянского быта, реформированного на новых началах.

Несмотря на тяжелейшие испытания крепостничества, большинству русских крестьян удалось сохранить личность и самобытность. Этому, безусловно, прежде всего способствовала община, ставшая для крестьян своего рода бастионом внутренней жизни. Несмотря на два века неволи, крестьяне сумели сохранить большинство традиционных ценностей своей культуры.

Вся жизнь крестьянина в общине обуславливалась чувством соборности, неразрывной связи с окружающими людьми, непротивопоставления своих интересов интересам окружающих. Члены общины знали друг о друге все. Община неформально осуществляла строжайший социальный контроль, цензуру нравов, от которой невозможно было укрыться. На крестьянских сходах решались самые разные вопросы, в том числе семейные. Разбирались взаимоотношения различных членов семьи, родителей и детей.

В этих условиях частная личная жизнь крестьянина (в современном понимании) практически не существовала. Он жил в миру и был человеком мира. Отдельная крестьянская личность растворялась, поглощалась, сливалась с сельским миром. Праздники и похороны, именины и свадьбы справлялись у крестьян всем миром, с миром у крестьянина связывались все радости, горести, успехи, прибыли.

И крестьяне старались держаться вместе, не выбиться из «мира». «Как все, так и мы» — распространенная крестьянская присказка.

Высокий духовно-нравственный потенциал традиционной крестьянской культуры оставлял мало места для всяких видов духовного разложения.

«Взгляните на русского крестьянина, — восклицал А. С. Пушкин, — есть ли тень рабского унижения в его поступки и речи? О его смелости и смысленности и говорить нечего. Переимчивость его известна, про-

ворство и ловкость удивительны...».

«Русский крестьянин, — писал А. И. Герцен, — многое перенес, многое выстрадал; он сильно страдает и сейчас, но он остался самим собою. Замкнутый в своей маленькой общине, оторванный от собратьев, рассеянных на огромных пространствах страны, он нашел в пассивном сопротивлении и в силе своего характера средства сохранить себя; он низко склонил голову, и несчастье часто проносилось над ним, не задевая его; вот почему, несмотря на свое положение, русский крестьянин

обладает такой ловкостью, таким умом и красотой».

С. Ю.

КРЕЩЕНИЕ (Крестины), первое христианское Таинство, внешний акт принятия в церковное общество.

Прежде совершения Таинства Крещения бывает наречение имени, которое дается человеку в честь кого-либо из Святых Православной Церкви. При этом священник троекратно осеняет его *крестным знамением* и молит Господа быть милостивым к этому человеку и, по присоединении через крещение к святой Церкви, сделать его участником вечного блаженства. Когда же наступит время крещения, священник молит Господа изгнать из этого человека всякого лукавого и нечистого духа, сокрытого и гнездящегося в сердце его, и сделать его членом Церкви и наследником вечного блаженства; крещаемый же отрекается от дьявола, дает обещание служить не ему, а Христу, и чтением Символа веры подтверждает свою веру во Христа как Царя и Бога. Когда же крестят младенца, то отречение от дьявола и всех дел его, а равно и Символ веры, произносят от его лица *восприемники*, т. е. *крестный отец* и *крестная мать*, которые являются поручителями за веру крещаемого и принимают на себя обязанность научить его вере, когда он придет в возраст, и заботу о том, чтобы он жил по-христиански. Затем священник молит Господа освятить воду в купели и, отогнав от нее дьявола, сделать ее для крещаемого источником новой и святой жизни и при этом трижды делает в воде знамение креста сначала своей рукой, а потом освященным елеем, которым он помазывает также и крещаемого в знак милости Божией к нему. После этого священник троекратно погружает его в воду, произнося: «Крещается раб Божий» (причем упоминает его имя) «во имя Отца, аминь; и Сына, аминь; и Святаго Духа, аминь». На крещеного возлагаются белая одежда и крест. Белая одежда служит знаком чистоты *души* после крещения и напоминает ему, чтобы он и впредь сохранял эту чистоту, а крест служит видимым знаком его веры в *Иисуса Христа*. Сразу же после этого совершается Таинство

В. М. Васнецов. Крещение кн. Владимира. 1885—1896 гг. Эскиз росписи Владимирского собора в Киеве

Миропомазания. Священник помазывает крещеного св. миром, делая им знак креста на разных частях тела с произнесением слов «печать (т. е. знак) дара Духа Святаго». В это время невидимо подаются крещеному дары Св. Духа, при помощи которых он возрастает и укрепляется в жизни духовной. Чело, или лоб, помазывается миром для освящения ума; глаза, ноздри, уста, уши — для освящения чувств; грудь — для освящения сердца; руки и ноги — для освящения дел и всего поведения. Троекратное затем хождение священника с новокрещеным и его восприимниками кругом купели есть знак торжества и радости духовной. Возжженные свечи в их руках служат знаком духовного просвещения, а крестовидное пострижение волос на голове крещеного делается в знак его посвящения Господу.

Для русских людей обряд церковного крещения младенца был связан с целым рядом древних обрядов, знаменующих прием новорожденного в общину. Конечно, основным здесь являлись христианские моменты, особенно Таинство Крещения; весь обряд назывался «крестины», а действующие в нем лица — кум и кума (см.: Крестные отец и мать).

Отец новорожденного ребенка и в этой части обрядов вел себя пассивно. Когда совершалось Таинство

Крещения, он, так же как и мать ребенка, в церкви не присутствовал. Его отсутствие объяснялось, по-видимому, тем, что он в связи с рождением ребенка считался нечистым, оскверненным. Во время обрядовой трапезы отцу окрещенного ребенка давали ложку крепко посоленной каши (т. н. «пересол»), иногда с острыми приправами и вином, и отец должен был съесть эту отвратительную смесь. А. Максимов считал это обрядом испытания, которому должны подвергаться молодые люди при достижении совершеннолетия.

Что касается крестных родителей, то их на крестинах рассматривали как представителей общины, как посредников между общиной и отцом ребенка. У русских в древности был широко распространен такой обычай: если первый ребенок умрет, ко второму было принято приглашать в кумовья первых встречных. Для этого шли на *перекресток* в деревне или прямо к церкви и по дороге находили нужных людей. Вполне понятно, что этих «божьих кумов» считали представителями общины, т. к. в этих случаях выбор ни в коей мере не зависел от личного желания приглашающего. Древний обычай требовал, чтобы крестные избирались не из числа родственников.

Отношение родителей новорожденного к куму и куме всегда и везде было преисполнено уважения.

В Кобринском у. Гродненской губ. крестная мать на несколько секунд клала своего крестника под *печь*, а затем трижды обносила его вокруг стола; совершенно очевидно, что таким образом ребенка принимали под родной кров, в число членов данного рода.

Принимались меры по охране ребенка от *нечистой силы* («*обереги*»), т. к. считалось, что иначе нечистый может с легкостью, особенно до крещения новорожденного, подсунуть вместо него другого ребенка, а такие «обменки» (*малорос.* «обмінча») очень прожорливы и тупоумны. Крестьяне Полтавщины передавали ребенка крестной матери через лежащий на пороге дома топор; при возвращении с крестин крестная мать должна была снова переступить через порог. Белорусы Минской губ. при крещении клали в уши новорожденного соль.

Если дети в доме рано умирали, крестные родители пытались обмануть *болезнь*: после крещения ребенка они приносили его во двор и клали в корыто, из которого поят лошадей, передавали его через окно, а не в дверь, и т. д.

Однако основными в день крещения являлись те магические действия, цель которых — обеспечить но-

Зинон. Крещение Руси. Икона. 1988 г.

ворожденному быстрое развитие, богатство и т. п. До и после крещения ребенка клали в мохнатый мех — символ *богатства*. Горшок с ритуальной кашей повитуха подавала на стол в меховой шапке.

В Корочанском у. Курской губ. новорожденную девочку передавали крестной матери через *прялку*, чтобы она выросла искусной пряхой, а мальчика — через порог, чтобы он стал «хранителем дома».

Существовал обычай приглашать на крестинный обед всех жителей деревни, хотя приходили, конечно, не все. У русских в некоторых местностях (Васильсурский у. Нижегородской губ., Ржевский у. Тверской губ.) на крестинную кашу приходили дети в возрасте до 7–8 лет со всей деревни; это были в основном дети того же пола, что и новорожденный. Обращаясь к женщине, готовящей еду, хозяин дома полушутя говорил о собравшихся детях: «Сажай их обедать, чтобы они нашего N (новорожденного) в крапиву не посадили». В других местах каждый гость уносил с крестинного обеда немного каши в платке для своих детей, т. е. дети, хотя и не присутствовали на крестинной ритуальной трапезе, тем не менее принимали в ней участие.

Наконец, все взрослые гости во время крестинного обеда непременно клали немного денег на ритуальное кушанье, будь то *каша* или *пирог*; часть этих денег получала повивальная бабка, но основная сумма предназначалась роженице. В обычае приглашать на крестин-

ный обед всех жителей деревни содержалось прямое указание на то, что община берет новорожденного и его мать под свою защиту.

Во время крестинного обеда крестные родители высоко поднимали правой рукой обрядовый пирог и, подняв, разламывали (Сергачский у. Нижегородской губ. и др.); горшок с кашей русские также поднимали высоко вверх и на какое-то время ставили его на полку, приделанную под самым потолком. Остатки вина из стаканов хозяин дома и гости плескали в потолок. Отец новорожденного, съев пересоленной каши, забрасывал ложку на полати и иногда прыгал по избе. У белорусов прыгала также повивальная бабка, после того как ей дарили *платок* на голову. Цель этих магических действий — обеспечить быстрый рост новорожденного.

К крестинному обеду обычно подавали 2 каши — одну от хозяина дома, а другую — от повитухи; сама эта трапеза у русских носила название «каши». Каша повитухи, как правило, была очень крутая, пшенная или гречневая; иногда ее варили с *медом*. Горшок из-под этой каши обычно разбивали тут же на столе, что магически символизировало обновление жизни. На Волини черепки такого горшка бросали в огород, чтобы хорошо уродилась тыква. У севернорусских кум с кумой ели эту кашу черенками ложек. Гости старались съесть кашу побыстрее, чтобы новорожденный рано начал говорить; с этой же целью крестные отец и мать должны были как можно больше разговаривать. В Ржевском у. Тверской губ. дети выбегали с кашей из избы, а затем, съев кашу, клали в пустую посуду петуха или курицу (в зависимости от пола новорожденного) ногами вверх; все это делалось для того, чтобы новорожденный научился пить и быстро бегать.

У русских крестный отец приносил ведра с водой для крещения в руках, не пользуясь коромыслом; это должно было предохранять ребенка от сутулости. Крестная хватала кусок льняной ткани («повой»), на котором ребенка вынимали из купели, и как можно быстрее бежала к реке, чтобы выстирать ткань, — тогда и ребенок научится быстро бегать. После обеда перед возвращением домой крестные отец с матерью немного отдыхали, чтобы ребенок был тихим и спокойным.

Повсеместно было распространено такое *гадание*: отрезанные во время крестин волосы ребенка закатывали в воск и кидали в воду купели. Считалось, что если они потонут, ребенок умрет. Гадали также на ложках, которыми ели кашу на крестинах; если брошенная за спину ложка падала сверху выпуклой стороной, то у роженицы родится еще один мальчик, если же наоборот, то девочка.

Русским было чуждо представление о нечистоте крещеного ребенка. В то же время считалось, что опасность, угрожающая ему со стороны нечистой силы, для него так же велика, как и для его матери. Были места (Тверь), где ребенка не купали в течение шести недель после крещения, опасаясь вызвать т. н. «цвет», т. е. молочницу во рту ребенка. До крещения ребенок — не кто иной, как чертенок, т. е. вдвойне нечистый; в этот период его не клали в *колыбель* и не надевали на него рубашечку.

В день после крестин малороссы устраивали еще один праздник, т. н. «похристини», «продирини», «очедэрини»: гостей принимали в честь ребенка, что-

И.Ф. Тупылев. Крестины. 1800 г.

бы он рос зорким и разумным («оченята продира́ть дити́ни»). Гостей и повитуху угощала сама роженица. Иногда ребенку клали деньги. После еды гости везли повитуху в трактир, иногда на бороне. Угощение в трактире либо оплачивала из своего скудного вознаграждения повитуха, либо это делала в складчину родня роженицы.

Осознанное признание необходимости крещения составляло и составляет важнейший элемент массового религиозного сознания русских. Т. А. Листова, исследовавшая вопрос о массовых воззрениях русских на крещение по материалам архивным и полевым (сборы последних десятилетий в разных регионах России), пишет: «С точки зрения русского православного человека, крещение — это второе рождение человека и, более того, это рождение собственно человека «по образу и подобию Божьему». До крещения новорожденный казался нечистым, как говорили в народе, «Не крещеный ребенок — чертеночек». Он и внешне непривлекателен: пахнет потом, лицо красное, тогда как после крещения и лицо у него белеет, и сам пахнет хорошо». Ужасались тяжелой загробной жизни младенцев, умерших неокрещенными, — «они на том свете не увидят света белого». В церкви поминать некрещенных младенцев нельзя, поэтому стремились отмолить таких детей — «окрестить их, Господи, в море щедрот Твоих и спаси неизреченною Твоею Благодатию».

Широко было распространено поверье, что мать

может помочь своему умершему до крещения ребенку, если раздаст 40 крестиков детям. Обычно это делается через церковь, чтобы крестики надевали на крещаемых младенцев. Надевались, что тогда Бог освободит умершего некрещеным, «из темного места посадит в светлое и крещеным». Младенцы, умершие окрещенными, становились ангелами Божиими. На основании многочисленных свидетельств письменных источников и устных бесед Т. А. Листова приходит к заключению: «Крестьяне были уверены в том, что их невинные дети не только станут ангелами, но их молитвы за оставшихся на земле будут особенно действенными».

«По убеждению русских людей, таинство крещения давало надежную защиту вступающему в полную опасностей

жизнь маленькому христианину <...>. С того момента, как Ангел принесет душу, и до обретения ею положенного места на «том» свете жизнь человека постоянно находится в поле внимания ангелов. <...> Кроме того, получая при крещении определенное имя, ребенок приобретал и своего ангела-покровителя — святого, в честь которого он был назван. «Свои» святые были очень почитаемы в народе. Каждый православный старался иметь дома икону с его изображением. В день ангела (именины) младенцев приносили в церковь для причащения, а взрослые в этот день сами заказывали молебен своему небесному покровителю».

Ист.: Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991; Громыко М. М., Буганов А. В. О воззрениях русского народа. М., 2000.

П. Коровин. Крестины

КРЕЩЕНИЕ ГОСПОДНЕ (Богоявление), христианский праздник в память того дня, когда тридцатилетний Иисус Христос явился на берега Иордана, где его крестил Иоанн Предтеча. В этот день было явление Пресвятой Троицы и, в особенности, явление Божества Спасителя, торжественно вступившего в Свое спасительное служение.

Праздник Крещения Господня отправляется так же, как и праздник *Рождества Христова*. Накануне совершаются Царские часы, литургия Василия Великого и Всенощное бдение, начинающееся Великим поветерием. Особенность этого Праздника составляют два великих водоосвящения, так называемых в отличие от малого, ибо малое водоосвящение может совершаться во всякое другое время.

Первое великое водоосвящение бывает накануне праздника в храме, а другое — в самый праздник под открытым небом на реках, прудах, колодцах. Первое в древности совершалось для крещения оглашенных и уже впоследствии обращено было в воспоминание крещения Господня, второе же, вероятно, произошло от древнего обыкновения иерусалимских христиан в день Богоявления выходить на реку Иордан и здесь вспоминать крещение Спасителя. В Древней Руси этот день — 6/19 янв. — назывался Водокрещи или Иордань, т. к. церковные процессии для водосвятия на реки принимались за выходы на Иордань. По народному верованию, на день Богоявления, как на *Пасху*, Ивана Купалу и Рождество Христово, играет солнце. Многие верили, что в Богоявленную ночь открывается небо, и потому она считается самым благоприличным и удобным временем молитвы к Богу обо всем. Многие русские мужчины в этот день после водоосвящения оку-

М. Шанков. «Крещение Руси»

нались в проруби рек для очищения себя от прежних грехов. Об этом обыкновении свидетельствуют иностранные писатели и путешественники, посещавшие Россию в XVI–XVIII вв. Барон Герберштейн, бывший в Москве в XVI в., свидетельствовал, что в его время многие из русских купались в иорданской проруби; тут можно было видеть даже отчаянно больных, которые не имели никакой надежды на выздоровление. Если верить Маржерету (н. XVII в.), то на Богоявление погружались в воду наши цари и вельможи. То же самое замечают и другие иностранцы, описывавшие нравы России до к. XVIII в.

В основе зимнего купания русских лежит древний языческий обычай ритуального очищения *водой*.

На Крещение русские крестьяне гадали о погоде и урожае в наступающем году: «В Крещение метель, и на Святой — метель». — «На Богоявление день теплый, хлеб будет темный», т. е. густой. — «На Богоявление снег хлопьями — к урожаю; ясный день — к неурожаю». — «В Крещение в полдень синие облака — к урожаю». — «Коли прорубь в Иордани полна воды, разлив будет большой» и т. п. Наконец, нельзя не заметить еще, что праздником Богоявления завершались т. н. *Святки*, и с ними прекращались все народные святочные развлечения и забавы, переряживания и *гадания*. Название Святки, т. е. святых дней или вечеров, относилось к 12 дням. По древнерусскому верованию, в продолжение святых вечеров нисходит с неба и странствует по земле новорожденный Бог, и потому всякая работа считалась за великий грех. Что касается празднования Святки, то на это можно находить указания в беседах и словах, произнесенных Отцами Церкви в течение 13 дней от 25 дек. по 6 янв., именно: св. Амвросием, Григорием Нисским и др. Св. Амвросий в одной беседе говорит: «Господь рождением Своим на земле принес свет и людям, и дням». Самое явление Божества сопровождается чудесными знамениями, особенно в полночь накануне Рождества Христова и Богоявления. Тогда отверзаются небесные врата; пресветлый

Б. Кустодиев. Зима. Крещенское водосвятие

рай, в котором обитает солнце, открывает свои сокровища; воды в реках и источниках приходят в движение и при этом претворяются в вино; на деревьях являются цветы и зреют золотые яблоки. В эти таинственные часы Божество принимает молитвы людей и рассыпает щедрые дары на весь мир: многие верят, что о чем кто помолится отверстому небу, то и сбудется. Очевидно, что в этих народных представлениях о святых вечерах выражаются мифические понятия о том, что земной поворот солнца служил к благодатному возбуждению творческих сил в природе. Но в христианскую эпоху верования эти приурочились к празднику Рождества Христова — времени рождения Солнца Правды — Христа Бога.

В народе праздник Крещения Господня назывался водокрестием, водокрещами (от совокупности двух освящений воды: одного накануне — внутри храмов, другого — в самый день Крещения — на ближайшей реке или озере).

Впрочем, нередко этим словом выражалось и более продолжительное время: «от оспоженок до водокрещей минуло», говорит присловица. В народе сохранялось убеждение в том, что в Богоявленную ночь, перед утреней, открывается небо и требует особенного подъема в молитвенном настроении. Для изгнания бесовского наваждения в часы крещенского сочельника на дверях и окнах хат и надворных строений было принято ставить кресты мелом.

В глухих местностях необъятной Руси в Богоявленную ночь совершали изгнание *нечистой силы*: толпа молодых парней верхом на лошадях носилась по всем дворам, била метлами и кнутами по всем темным углам и закоулкам с заклинанием, криком и визгом. Несмотря на стоящие обыкновенно в это время года лютые морозы «крещенские», благочестивые, но грешные и смелые люди считали своею святою, неперемennною обязанностью окунуться в прорубь возле «Иордани» и смыть с себя тяжкие грехи святочных игр, ряженья и маски. Ревнители старины, бережно охранявшие суеверные славянские обычаи, малороссы и белорусы, принимали этот мороз за грозную, немилостивую силу природы и умиловывали его особым жертвоприношением, заимствованным от седы старины. Накануне Крещения, в третью, т. н. «голодную», кутью одну ее ложку бросали за окно и звали «Мороз» прийти разделить трапезу. Если трещали углы в хате — значит, сам мороз зимой уйдет, если нет — стало быть, придет лето и познобит гречку. При этом в Белоруссии сохранялся обычай связать веревкой ножки стола, чтобы лошади не хворали и были в рабочую пору сытыми. Как велико всегда было значение этого праздника на Руси, сопровождаемого освящением воды, видно из слов одного чужеземца, который писал, что число народа, собиравшегося в день Богоявления на Москву-реку, простиралось до 400 тыс. чел.

В крещенский сочельник девушки пекли *пирогов* и выходили с ними в морозную ночь кликать суженого, стараясь узнать свою судьбу, кидали сапожки и пр., по сиянию звезд на небе, по погоде, при какой выступил крестный ход, по тому, как высоко поднялась вода на реке в устроенной «Иордани», старались угадать о будущем. Старухи убирали снег со стогов с полною уверенностью, что только он может выбелить всю холстину, бросали его в колодезь в том глубоком убеждении, что только от него может быть спорина и подпорье, хотя бы во все лето не было ни одной капли дождя.

Крещение. Икона. Кон. XV — нач. XVI в. Музей-квартира П. Д. Корина. Москва

Этим же снегом исцеляли разные немощи. В Белоруссии, кроме того, собирали еловые ветви, поставленные на «Иордани», которую было принято украшать сколь возможно благолепнее, и хранили их около образов, как *вербу*, чтобы окуривать, для изгнания нечистой силы, свои хаты, бросали по амбарам от крыс и мышей и, настояв ими воду, поили лошадей, чтобы они не надорвались в работе, и пр.

С ранних времен мы видим некоторое внешнее отличие обрядов, совершавшихся на севере, гл. обр. в Новгороде, от московских. Так, при освящении воды здесь употреблялись чаши с ручками по бокам и тисненными выпуклыми гранями. Новгородский митрополит после погружения креста в воду и освящения ее, зачерпнув воды этою чашею, приобщался сначала сам, а затем приобщал царского боярина, воеводу, дьяков, священника и весь народ. Накануне, при освящении воды, зажигались три витые «государские» свечи, а в отличие от московского устава праздничный тропарь «Во Иордане крещающуся» не пели, а читал протоиерей, держа перед владыкою-митрополитом названную чашу. Во время чтения Апостола сослужащие творили перед ним поклоны по двое в ряд, затем, по выносе из алтаря Евангелия, старший протоиерей читал его и подносил святителю, который отходил с горнего места, поддерживаемый двумя священниками, к престолу. В самый день Богоявления часы перед литургией читал не дьяк, а священник. На большом выходе выносили т. н. сионы, особенные церковные сосуды, составлявшие новгородскую принадлежность, потиры, крест, покровы, судари, кратиры с иорданскою водою и пр. Нечего и говорить, что здесь не было той торжественности и благолепия, которыми всегда отличались празднования в первопрестольной столице русских государей, Москве. В XVI—XVII вв. цари являлись на этот праздник в полном блеске своего сана: в одеянии

из дорогой материи, с богатыми украшениями из драгоценных камней и жемчуга, в царском венце, блиставшем алмазами, изумрудами, яхонтами, с богатою «диадемою» на плечах и с золотой цепью, на которой находился крест с частицами Животворящего Креста и Ризы Господней; в руках у них был золотой жезл, украшенный драгоценными камнями; башмаки царя были унизаны жемчугом. Со всех концов России съезжались в это время в Москву, чтобы видеть торжественный обряд освящения воды, совершавшийся патриархом на Москве-реке, где была устроена «Иордань», расписанная золотом, серебром, украшенная шелковыми цветами, зелеными листьями, с изображением птиц, вырезанным из медных листов. В 4-м часу дня, или, по-нашему, в 12 час. дня, патриарх начинал службу в Успенском соборе, и, когда звон колоколов на Иване Великом возвещал об этом народу, начиналось шествие, которое открывал отряд стрельцов, численностью в 600 чел. и больше, по 4 в ряд, одетых в цветное лучшее платье, с золочеными пищалями и винтовками, ложи которых были украшены перламутровыми раковинами, другие — с золочеными копьями и, наконец, третьи — с нарядными золочеными протазанами (род алебарды); древки их были обтянуты желтым или червчатым атласом, с золотым галуном, и украшены шелковыми кистями. За ними шло духовенство в крестном ходе, заключавшееся особой патриарха. Затем шествие государя открывалось нижними чинами, по 3 в ряд: сначала те, которые одеты были в бархатные кафтаны, затем — в золотных кафтанах и богатых шубах. За царем, поддерживаемым под руки двумя стольниками из ближних людей, постельничий нес «царскую стряпню», т. е. *кафтан, зипун, шапку, шубу*, посох и т. д., все, во что царь одевался на «Иордани». Трое стряпчих несли царское полотенце, стул и подножье. «Для обережения государева шествия от утеснения нижних чинов людей» по обе стороны царя шли стрелецкие полковники в бархатных кафтанах. На «Иордани» приготовлены были уже места для патриарха и царское, отделенные от народа решеткою и балюстрадою, покрытою красным сукном, и занавешенные сукном или тафтою. Самый обряд водосвятия совершался так: патриарх раздавал всем, начиная с Царя, свечи и совершал «действие по чину»; во время погружения креста в воду, при пении тропаря, подносили знамена для окропления. Патриарх черпал серебряным ведром воду из «Иордани» и отдавал ключарю, наполнив также водою «государеву стопу», которую относили во дворец для окропления комнат, осенял царя крестом, кропил св. водою и поздравлял с праздником. Царь со своей стороны поздравлял патриарха и принимал поздравления от бояр, один из которых говорил речь. По окончании торжества на «Иордани» усталый царь уезжал в санях, а у патриарха, точно так же, как и у новгородского владыки, был стол. Если крестный ход бывал до обедни, то с «Иордани» государь иногда ездил к обедне на Троицкое подворье, где была церковь Богоявления; иногда возвращался в Успенский собор и, отслушав там молебен или отпусковую молитву, шествовал во дворец.

В Богоявленский день 1700, когда на всю Россию объявлен был новый гражданский год, Петр I уже не являлся на крещенском параде во всем «царском величии». В 1699, в праздник Богоявления, Петр I участвовал в крестном ходе на водосвятие, совершавшееся на реке Неглинной, в Москве, и, в качестве капитана

Крещение с предстоящими святыми. Икона. Кон. XVIII в. РМЗ

Преображенского полка, шел вместе с полком и хором музыки. Преображенцы были в зеленых, а семеновцы — в голубых мундирах. Около «Иордани» устроен был высокий стол, на котором стоял человек, державший царское знамя, белое с двуглавым орлом, вышитым золотом. Знаменосец несколько раз наклонял знамя, которое, по погружении креста в воду, окроплено было св. водою. Затем на шести белых конях везли во дворец огромный сосуд со св. водою. Описывая виденное при крещенском водосвятии, один из современников-иностранцев замечает: «Этот праздник в старину управляли с гораздо большею торжественностью, потому что их царские величества и все знатные вельможи государства присутствовали на нем». Особенно торжественно праздновала день Крещения имп. Екатерина I в 1727. Около церкви св. Троицы, на Петербургской стороне, была устроена «Иордань», а с правой ее стороны «особливый высокий театр ее императорскому величеству», увенчанный императорскою короною и внутри обитый, с богатыми золотыми позументами, бархатом. Здесь находились особы императорской фамилии, когда в 1-м часу дня, в великолепной коляске, запряженной осьмеркою лошадей, приехала императрица, одетая в амазонское тканное из серебра платье, белый парик, шляпу с драгоценным бриллиантом вместо пуговицы, с осыпанной бриллиантами шпагой. По окончании литургии совершенно было пятью архиереями водосвятие с окроплением знамен, при громах пушечных выстрелов и ружейных залпов. При имп. Петре III «Иордань» была устроена на Мойке, у правой стороны нынешнего Полицейского моста. Таким образом, с н. XVIII ст. торжественное водосвятие в высочайшем присутствии установилось окончательно, за очень редким лишь исключением, когда царствующие особы не присутствовали. Вплоть до н. XX в. водосвятие в присутствии войск, имеющее главною целью

освящение знамен, совершалось везде, где были расположены воинские части.

Ист.: Степанов Н. П. Народные праздники на Святой Руси. М., 1990; Калинин И. П. Церковно-народный месяцеслов на Руси. М., 1997.

КРЕЩЕНИЕ КУКУШКИ — см.: КУМЛЕНИЕ.

КРЕЩЕНСКАЯ КОЛЯДА — см.: КРЕЩЕНСКИЙ ВЕЧЕР.

КРЕЩЕНСКИЙ ВЕЧЕР (навечерие Богоявления). В этот вечер — 5/18 янв. — русские люди, как и на Рождество, постились до первой звезды. Следующая затем трапеза называлась *Сочельником*, Голодною кутьею или Голодным святым вечером. Воду, освящаемую в церкви накануне праздника *Богоявления*, приносили домой и окропляли ею жилые здания, людей, хлеба,

Крещение из праздничного ряда. Икона. 1-я пол. XVI в. ГИМ

домашних животных, разные принадлежности хозяйственные, погреба и др. При этом существовал обычай чертить мелом на дверях, окнах и других особенно видных местах зданий кресты. Некоторые верили, что накануне Богоявления, в самую полночь, волнуется вода в ознаменование того, что в это время крестился *Иисус Христос*. Многие ходили наблюдать это чудное явление с *кувшинами*, старались захватить в них воды в самую минуту этого чудесного колыхания и благоговейно хранили, считая ее совершенно неспособной к *порче* и особенно целебной для разных недугов.

В Крещенский вечер совершались также обряды, имевшие в своей основе пережитки древних языческих ритуалов *Авсенья* и носившие название крещенской коляды или щедрого вечера. «Мнози от неразумия, — замечается в Стоглаве, — простая чад православных христиан во градах и селех творят еллинское бесование, различные игры и плясание... в навечерии Богоявления Господня и тем Господа Бога прогневают». Нет никакого сомнения, что это были заключитель-

ные святочные игрища, которые начинались с праздника Рождества Христова и продолжались в течение 12 дней до самого Богоявления. Как видно из грамоты царя Алексея Михайловича (1649), в Москве в то же время «кликали плугу», т. е. славили плуг; в этих обычаях было некоторое сходство с указанными выше обрядами *Авсенья*, потому они и ставились в упомянутой грамоте рядом с ним. Остаток обряда славленья плуга сохранился доселе, но в одних местностях этот обряд совершается накануне Рождества Христова, а в других — накануне *Нового года*. Малороссы накануне Рождества Христова кладут под стол чересло плуга, а накануне Нового года ходят по домам с плугом. В тот же день щедруют на Червонной Руси и при этом поют. «Ой чій же то плужок так рано выходит... Господарей плужок, Божья худоба».

В Крещенский вечер устраивали святочные гадания, когда загадывались самые заветные желания, и они, по народному поверью, — самые верные, самые правдивые.

В этот день гнали *черта* из деревни. Задумчивый он приходил в деревню, тихий, добрым прикидывался, старался влюбленным казаться — не отличить его среди молодежи. Но молодежь была стариками научена. Выворачивали парни полушубки да шапки наизнанку, выходили на улицу с палками и *кочергами* и звали черта к себе погулять. Он и выходил к ним празднично одетый, в невывернутом полушубке. Тут его и узнавали. Кидалась на него толпа людская и забивала насмерть. На том месте, где черта били, разводили костер, началось *гулянье*. Девушки и парни прыгали через очистительный огонь и радовались избавлению от *нечистой силы*. Чтобы избежать бесовского наваждения, в часы Крещенского сочельника чертили углем или мелом кресты — на дверях, притолоках, дверных косяках, на амбарах и мельницах. Креста дьявол больше всего боялся. Боялся он и заклинания: «С нами крестная сила».

Считалось, что крещенский снег — самый целебный. Полезен крещенский снег и для мытья в *бане*. Снег бросали в *колодцы*, чтобы летом в них вода не пересыхала. Воду от растаявшего крещенского снега хранили долго.

В этот день черпали воду из проруби и освящали ее на всенощной службе в церкви. Если нечисть не коснется такой воды, то в закрытом сосуде она будет храниться несколько лет; а открывая кувшин с крещенской водой, надо непременно перед тем окрестить его — наложить запрет для нечистой силы.

КРИНИЦА, в Малороссии и южных губерниях России *колодец* или родник с водой.

КРИНКА, глиняный сосуд шарообразной и грушевидной формы с зауженным горлышком для хранения молока и молочных продуктов. Известен в России с X в. Молоко в кринке долго не прокисло, а прокисшее давало много сметаны, которая легко снималась *ложкой*.

КРОВАТЬ, на народном языке спальная кровать состояла из двух грядок, поперечных связей, изголовья и изножья с ножками.

Кровати в крестьянском быту появились в XIX в. До этого времени местом для сна были *полати*,

Кровати разных типов: 1 — неподвижная на помосте. XIX в. Орловская губ.; 2 — переносная. Конец XIX в. Вятская губ.; 3 — неподвижная, врубленная в стену. XIX в. Олонечская губ.

пол, печь, голбец, лавки. При царском дворе, среди бояр и богатых людей, кровати получили распространение в XVI—XVIII вв.

КРОВНОЕ РОДСТВО, отношения между родственниками, учитывая степень их родства и свойства. Близость или отдаленность кровного родства определялась степенями, а степени считались по числу рождений. Между отцом и сыном одно рождение, следовательно, одна степень родства, между дедом и внуком 2 рождения, и потому 2 степени родства. Ряд степеней, последовательно идущих одна за другой в одном направлении, называется родственной линией. Прямой родственной линией называется порядок лиц, непосредственно происходящих одно от другого. Прямая родственная восходящая линия та, которая идет от данного лица к его предкам — отцу, деду, прадеду и т. д. А нисходящая — та, которая идет от данного лица к его потомкам — к сыну, внуку, правнуку и т. д. Сыновья одного отца находятся по отношению друг к другу по родству боковой линии.

Руководствуясь византийской традицией, Православная церковь приняла за основу правило, запрещающее *браки* в кровном родстве до седьмой степени. В XVIII—XIX вв. церковно-государственное законодательство неоднократно возвращалось к этому вопросу. Указами 1752 и 1767 было предписано руководствоваться в вопросах браков по кровному родству «словом Божиим», правилами учителей и Отцов Церкви, Духовным регламентом. Указом 1810 Церковь дополнила и конкретизировала перечисленные выше требования: впредь предлагалось руководствоваться «законами Моисеевыми» и 54-м правилом Трулльского собора. Согласно этому Указу, кровное родство должно было считаться препятствием к браку до четырех степеней включительно. Браки в более отдаленных степенях родства, в которых они запрещались в Кормчих, разрешалось производить, получив разрешение от епархиального архиерея. В к. XIX в. крестьяне Владимирской губ. признавали кровное родство до третьего колена (Меленковский у.), другие почти не считали за родственников двоюродных и троюродных (Суздальский у.). Приемные дети, в отличие от кровнородственных, не имели прав на землю.

Свойство (близочество) являлось родственным отношением, происходящим от сближения двух родов посредством брака их членов. Отношения свойства приравнивались к кровнородственным на основании формулы о муже и жене как одной плоти. Различалось свойство между одним из супругов и кровными родственниками другого, между кровными родственниками одного и кровными родственниками другого супруга. Обе родственные фамилии, вступившие в свойство, рассматривались как 2 боковые линии в кровном родстве. Тем самым родственники жены становились род-

ственниками мужа в тех же самых степенях, в которых они родственны жене, но не по кровному родству, а по свойству. Ограничение браков по свойству производилось в тех же степенях, что и браков по кровному родству.

Для обозначения родства и свойства использовали следующие категории: *деверь, шурин, зять, золовка, невестка*, *тесть, теща, свекор, свекровь*, *свояк, свояченица, сват, сваха*, *отчим, мачеха, пасынок, падчерица* (Владимирская губ.). В Вологодской губ. крестьяне признавали родней прямых родственников — родителей, братьев и сестер, а также племянников и двоюродных братьев. Всех других называли сватушками. Двоюродный дядя уже не признавался за родню. В крестьянской среде браки запрещались в третьей, четвертой и пятой степенях родства и свойства (Меленковский у. Владимирской губ.). В некоторых местностях брак допускался не ближе шестой степени родства, случался иногда и в пятой, но с разрешения духовенства (Шуйский у. Владимирской губ.).

В межсемейных отношениях учитывались степени родства и свойства. Во Владимирской губ. двоюродные родственники не знали — «не праздновались». Большим почетом пользовались родственники зятя. Им отводилось за *столом* переднее место и предлагался лучший кусок (Суздальский у.). На Вологодчине на *свадьбу* и праздники приглашалась родня не далее двоюродного брата.

Лит.: Бердников И. С. Краткий курс церковного права. Казань, 1888; Леценко В. Ю. Семья и русское Православие (XI—XIX вв.). СПб., 1999.

КРОМА, торба, *сума*, мешок нищего.

КРОТОСТЬ, качество, высоко ценимое на Руси. По определению святого Игнатия Брянчанинова кротость — смиренная преданность Богу, соединенная с верой и осененная Божественной благодатью, покорность сердца уму.

Св. Кирилл Туровский произнес слова, ставшие народной пословицей: «Не ищи мудрости, а ищи кротости».

«Кроткое слово гнев побеждает, — говорили русские люди. — Лютость бедит (приводит к беде), кротость побеждает. Аще обрящещи кротость, одолеши мудрость. Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его. Духом кротости, а не палкой по кости».

О. П.

КРОШЕВО, в русской кухне (см.: Кухня русская) мелко нарезанные овощи, мясо и т. п. Часто употреблялось вместе с *квасом*.

КРУПЕНИК, блюдо русской кухни (см.: Кухня русская): *каша* из мелкой гречневой крупы с творогом, яйцами, маслом, запеченная в *русской печи*.

КРУПЧАТКА, пшеничная мука из твердых сортов пшеницы, отличалась от др. сортов муки самым высоким качеством.

КРУШЕВСКИЙ Николай Вячеславович (1851—1887), языковед, этнограф. Окончил филологический факультет Варшавского университета. Профессор Казанского университета.

Соч.: Заговоры как вид русской народной поэзии // Известия Варшавского Императорского университета. 1876. № 3, и отдельно.

КРЫЛЬЦО, наружный вход в дом, лестница с пристроен, навесом; деревянная или каменная площадка перед домом со ступенями. Различали красное крыльцо, приемное, нарядное и черное, заднее с выходом во двор.

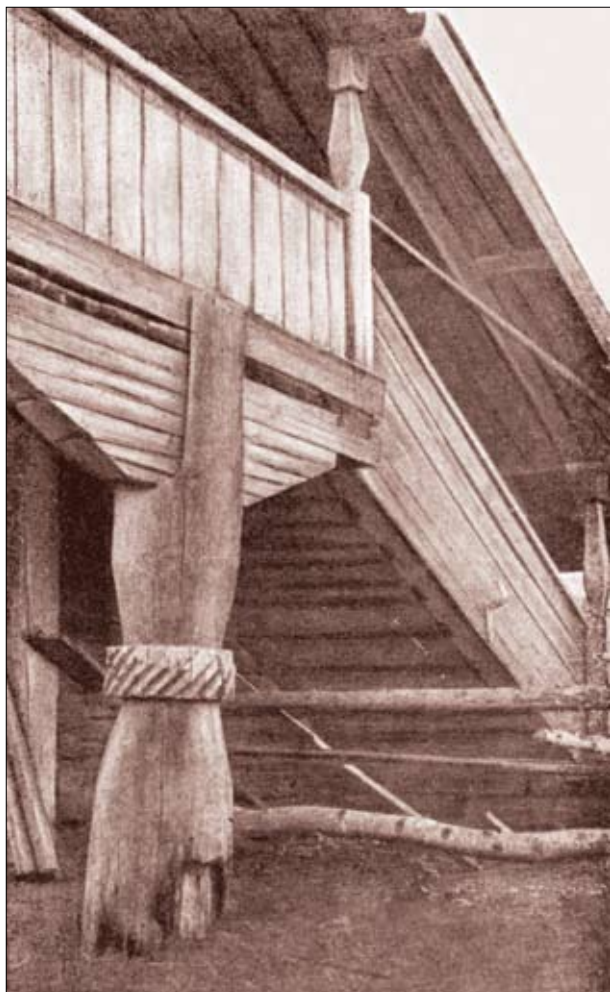
Село Брусенец, Нюксенский район Вологодской области. Черная изба XVIII в. Крыльцо. Фото Д. В. Милеева. Из коллекции бр. Весниных

Село Кургоминское, Виноградовский район Архангельской области. Крыльцо избы. Фото Д. В. Милеева. Из коллекции бр. Весниных

Деревня Придворово, Верхне-Тоемский район Архангельской области. Крыльцо избы на одном столбе. Фото Р. Фонвизина

Село Кургоминское, Виноградовский район Архангельской области. Крыльцо избы на одном столбе. Фото Д. В. Милеева. Из коллекции бр. Весниных

Сольвычегодский район Архангельской области. Крыльцо избы. Фото В. М. Владимирова. МАА

Крыльцо северной избы на одном столбе (по А. Бобринскому)

Сольвычегодский район Архангельской области. Крыльцо избы. Фото В.М. Владимирова. МАА

Сольвычегодский район Архангельской области. Крыльцо избы на одном столбе. Фото В.М. Владимирова. МАА

Деревня Сысоево, Чердынский район Вятской области. Крыльцо избы. Фото М.Е. Успенской. ЛОСС

Деревня Антипино, Чердынский район Вятской области. Крыльцо избы. Фото М.Е. Успенской 1938. ЛОССА

Крыльцо северной избы

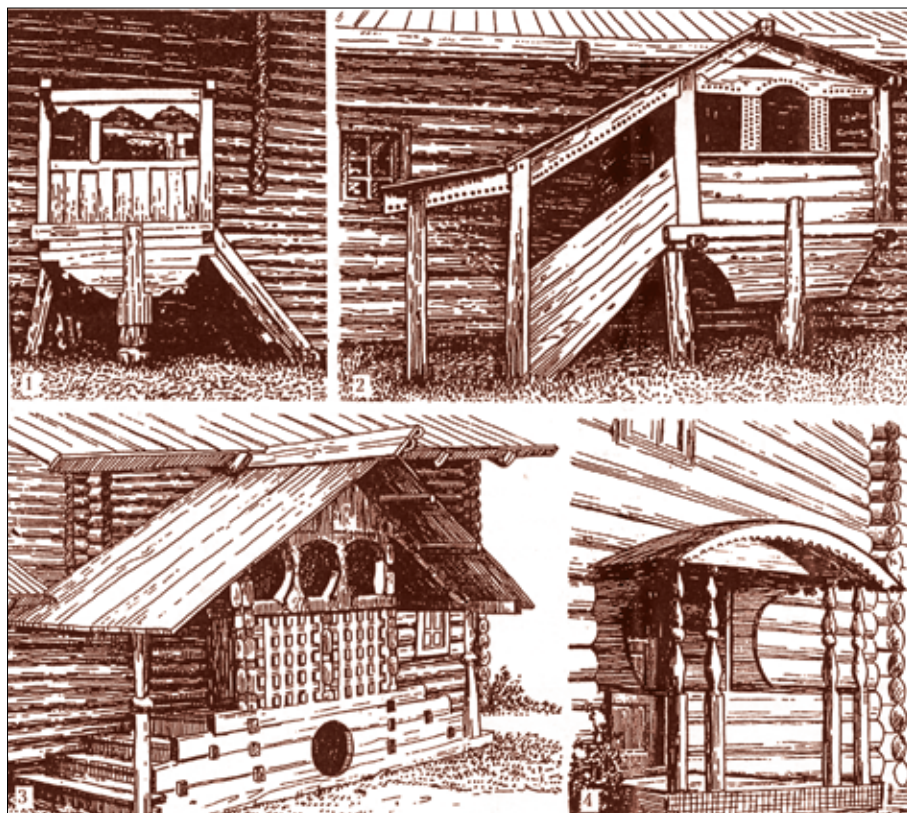
В избе на низком подклете крыльцо, как правило, было очень простым. Около входной двери устраивали невысокую площадку из расколотых пополам бревен с одной — двумя ступеньками. Она могла быть открытой или под двускатной (односкатной) *крышей*, прикрепленной к стене дома или поддерживавшейся колонками, врытыми в землю. Пространство между колонками ограничивали перилами со сквозной резьбой или точеными балясинами (фигурными столбиками).

В северных губерниях Европейской России и в Сибири, где дома ставили на высоком подклете или даже строили двухэтажными, крыльца имели довольно сложную конструкцию. Так, в деревнях по течению рек Камы, Вычегды, Сухоны, в Восточной Сибири были известны крыльца в виде прямоугольной срубной клетки под односкатной крышей, без *окон*, с широким открытым дверным проемом и внутренней лестницей. Лестничную площадку устраивали на высоте третьего и четвертого венца. Такая конструкция крыльца защищала вход от снега, ветра и дождя.

Во многих деревнях Северной и Центральной России крыльца делали на широкой площадке — рундуке, рубленном из бревен, к которому вела лестница. Рундук ставили или на отдельный сруб, или на выпущенные из стены в виде кронштейнов бревна. В некоторых деревнях рундук закрепляли на двух столбах или на одном очень толстом бревне, достигавшем в диаметре 60 см. В домах на высоком подклете крыльцо могло иметь два рундука. Нижний рундук в виде низкого сруба ставили на землю, верхний укрепляли на повалах (выпусках стенных бревен) или на одной — двух стойках, врытых в землю. Рундуки соединяли друг с другом лестницей. Некоторые крыльца были с двумя маршами: лестницы шли с двух сторон, как бы встречаясь на верхней площадке.

Крыльца на рундуках могли быть открытыми, т. е. без крыши и перил, или закрытыми — с крышей и перилами. Крышу при одном рундуке ставили двускатной или односкатной, при двух рундуках над нижним была односкатная крыша, над верхним — двускатная, полукруглая или четырехскатная. Крыша делалась с фронтоном и поддерживалась резными колонками, врытыми в землю. Крыльцо имело перила из точеных балясин или резных ажурных досок, которые укрепляли между колонками. Иногда всю внешнюю стену крыльца делали решетчатой или плотно зашивали досками. В последнем случае свет на крыльцо проникал через не застекленные окна и через дверной проем, не имевший дверей.

Очень интересными были крыльца-балконы в двухэтажных избах Русского Севера, состоявшие их

Типы старинных крылец: 1 — открытое одностолбовое. Архангельская губ.; 2 — крытое крыльцо. Вологодская губ.; 3 — крытое двухмаршевое крыльцо. Костромская губ.; 4 — крытое крыльцо при внутренней лестнице в сенях. Олонекская губ.

двухъярусной конструкции, которая объединяла в единое целое балкон и навес над входом в первый этаж. Такие крыльца встречались в богатых домах Заонежья и изредка в Вологодской губ. Крыльцо этого типа позволяло хозяину подниматься на второй этаж дома, не пользуясь внутренней лестницей. Верхний рундук этого крыльца устраивали на уровне входной двери на второй этаж и закрепляли на выпусках бревен из сруба и двух — четырех фигурно обработанных колонках, врытых в землю. Обычно он имел односкатную или двускатную крышу и резные перила. Нижний рундук ставили у входной двери в подклет или первый этаж, точно под верхним. В северных деревнях крыльцо всегда старались сделать красивым — «красным», добротным как свидетельство крепости, надежности жизненного уклада.

Крыльцо рассматривалось как граница между нашим миром и миром внешним. Оно связывало внутреннее, относительно небольшое пространство избы, маленький мир семьи с огромным, расстилавшимся вокруг дома миром природы. Выходя на высокое крыльцо дома, человек видел раскрывающуюся перед ним широкую панораму деревни, полей, лесов, ощущал свою связь с ними. Входя с крыльца в затемненное пространство *сеней*, он чувствовал себя защищенным в атмосфере добра, уюта, тепла родного дома.

В русском устном поэтическом творчестве крыльцо воспринималось как начало и конец пути. Все важные события в жизни человека начинались с крыльца: прием долгожданных гостей, отъезд невесты или рекрута из родительского дома. В старинной свадебной песне холостой парень «добрый молодец свет Семен Егорыч — сударь» расспрашивает девушку:

*«Ты, душа красна девица,
Свет Авдотья Ивановна!»*

Ты скажи путь-дороженьку
 Во Казань-город ехати
 Со атласом, со бархатом!»
 «Удалой добрый молодец,
 Свет Семен Егорыч — сударь!
 От ума ли спрашиваешь?
 От разума ли выведываешь?
 Во полях все пути лежат,
 Во полях все дороженьки,
 Во реках — броды мелкие,
 На красно крыльцо — лесенка,
 В новые сенечки — дверечки,
 В новой горенке — коврички
 Ко мне в кут за занавесу,
 Ко душе красной девице,
 К Авдотье Ивановне».

Р. Фелицын. На крыльце избы

В рекрутских причитаниях, сопровождавших отъезд крестьянского сына — «удалого добра молодца на грозну службу государеву», — говорится:

И как у нашего хоромного строеньица,
 И как у этого крылечка переного,
 Как у этого столба да у точеного
 Есть подогнаны ступистые лошадушки
 И под меня, да под несчастна добра молодца...

На крыльце нельзя было вести важные разговоры, договариваться о каких-либо серьезных делах: «На крылечке вестей не выведывай, допусти хоть до хоромного строеньица, до своей ты брусовой лавочки». Крыльцо издавна были принадлежностью богатого русского дома. Великокняжеские дворцы, боярские хоромы, избы посадских людей, каменные и деревянные церкви XII—XVII вв. всегда имели крыльца. Их конструкция была, как предполагают ученые, аналогична тем, которые строили у крестьянских северных изб XIX в.

Ист.: Шангина И. И. Русский традиционный быт. СПб., 2003; Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991.

КРЫША (кровля, кров), верхняя завершающая часть дома, защищающая его от непогоды и солнца. В условиях России крыши делались с крутыми скатами. Они были удобнее плоских. Вода стекала вниз по крыше, а выпадавший зимой снег сползал, не продавливая ее. Кроме того, чердак, располагавшийся между крышей и потолком, помогал сохранять тепло в жилых помещениях.

Схема устройства крыши на самцах (по М. В. Красовскому): а — желоба; б — охлупень; в — стамик; г — слези; д — огниво; е — князевая слега («кнес»); ж — повальная слега; з — самец; и — повал; к — причелина; л — курица; м — пропуск; н — бык; о — гнёт.

Двускатная форма крыши была распространена в северных, восточных и западных губерниях Европейской России, в Поволжье и в Сибири. Четырехскатная встречалась гл. обр. в южнорусских губерниях, на Кубани и Тереке, а также в Сибири. В центральных районах Европейской России в одной деревне могли встретиться избы как с двускатными крышами, так и с четырехскатными.

Крыши возводились обычно на стропилах, но еще в XIX в. можно было встретить плотников, которые умели поставить крышу по-старинному на самцах или на столбах. Кровельным материалом служили тес (длинные, вытесанные из бревна доски) или дранка (обычно сосновые или осиновые дощечки), а также солома.

На мифологическом уровне крыша воспринималась как очень важная часть дома. Это нашло свое отражение в бытующих до сих пор выражениях: «крыша над головой», «отчий кров», «жить под одной крышей». В произведениях устного поэтического творчества дом без крыши осмыслялся как брошенный, нежилой дом:

Да по лесу по дремучему,
 Там по полюшку чистому
 Я увидела, молода,
 Непокрытую хатину,
 Пустую хоромину.

Крыша завершала собой строительство дома, поэтому с этой стадией работ было связано последнее, самое обильное угощение плотников, которое называлось «замочка крыши». На Русском Севере хозяева

устраи́вали в этот день торже́ственный обе́д для чле́нов се́мьи, ро́дственни́ков и плоти́ков. Осно́вными блю́дами его́ были сала́мат, пригото́вленный из то́локна или му́ки, расте́рой со сме́таной и то́пленным масло́м, а та́кже каша́ из поджа́ренной на масле́ крупы́. В ру́сской се́верной дере́вне эти блю́да были́ ритуальными во вре́мя торже́ственных трапе́з, устраи́вавшихся по по́воду *крестин* младе́нцев, *свадеб* или похоро́н. Это уго́щение, по мнени́ю уче́ных, осмы́слялось как пере́дача до́му бога́тства, изоби́лия, благопо́лучия.

Ист.: Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991; Шангина И. И. Русский традиционный быт. СПб., 2003. **КСЕНИЯ ПЕТЕРБУРГСКАЯ**, Христа ради юродивая (между 1719 и 1730 — ок. 1803). Никто не знает точно, когда родилась блж. Ксения и когда скончалась, но все знают ее имя, помнят жизнь, которую она проводила во славу Божию, и с благоговением посещают ее могилку в *часовне* на Смоленском кладбище, заказывая молебны по своим нуждам или оставляя записочки с прошениями между кирпичами, если часовня закрыта. И все с верой прибегающие к ее помощи получа-

Блж. Ксения Петербургская. Икона

ют просимое. Свой спасительный подвиг блж. Ксения несла в Петербурге. Она была замужем за певчим придворного хора Андреем Федоровичем Петровым, который внезапно умер без должного христианского приготовления. Памятуя, что Господь соединяет супругов в таинстве *брака* в одно целое, 26-летняя вдова решила жизнь испустить нераскаянные *грехи* мужа, совершенно отверглась и принесла в жертву свой разум. В день похорон она надела на себя одежду супруга и назвалась Андреем Федоровичем. Раздарив оставшиеся ей дом и имущество, она начала скитаться по улицам города, подвергаясь нападкам и насмешкам. Мало-помалу к блаженной привыкли и стали замечать в ней нечто особенное. Милостыню она брала только у

людей добродетельных и тут же отдавала нищим. Ночью уходила за город и до утра пребывала в молитве. В словах и поступках ее обнаружился некий глубокий смысл, и ее стали почитать за пророчливую. Матери приметили, что если она приласкает больного ребенка, то тот выздоровеет. Вскоре выяснилось, что Ксения помогает честным людям устраивать их личную жизнь и счастливые браки, а недобросовестных обличает и наказывает. Подвизалась блаженная в подвиге юродства 45 лет.

Память блж. Ксении отмечается 24 янв./6 февр.

КУБАН, большая глиняная *кринка* с высокой расширяющейся горловиной.

КУБАРЬ, волчок, распространенная в XIX в. детская игрушка в виде шара с ножкой, быстро двигавшегося с помощью намотанного на ножку кнутика.

КУБКИ, деревянные или металлические сосуды для вина и легких спиртных напитков.

Кубки. 2-я пол. XVIII — нач. XIX в. Русский Север. Дерево точеное, роспись

Кубки в крестьянском быту появились довольно поздно, вероятно в к. XVII—XVIII вв. Однако они были хорошо известны русским вельможам с очень древних времен. Первое упоминание о кубке в письменных источниках относится к XII в. В завещании вел. кн. Василия I говорится: «...кубок хрустальной, што ми король прислал». До XVII в. кубки привозили в Россию из Западной Европы. В России же производство кубков было налажено в сер. XVII в.

Кубки были распространены у крестьян Архангельской и Вологодской губ. В др. местах Европейской России и в Сибири они не встречались. Крестьяне пользовались кубками при приеме гостей, во время праздничного или свадебного застолья.

КУБЫШКА, маленький глиняный, иногда деревянный или кожаный сосуд с округлым, слегка приплюснутым туловом и узким высоким горлом, заткнутым пробкой. Деревянные кубышки были из клепок на обручах или долбленные. Кубышка использовалась в дороге для ношения воды, а также для хранения в укромном месте, в земле, денег в монете.

КУВШИН, глиняный или металлический сосуд грушевидной или круглой формы с высоким горлышком и ручкой.

Кувшины из простой гончарной глины, томленные, т. е. принимавшие после специального обжига черный цвет, или покрытые поливой, имелись в каждой кре-

Кувшин. 1850, д. Репино, Балахнинский уезд, Нижегородской губ.

стьянской семье в большом количестве. Они были известны еще в X — XIII вв. и часто встречаются при археологических раскопках городов и селищ.

Поверхность медных, оловянных кувшинов была гладкой или ложчатой, украшенной чеканкой или гравировкой. Орнамент состоял из растительных мотивов, изображений

львов, барсов, сиринов, единорогов, сказочных птиц. Такие кувшины в большом количестве производились в к. XVII — н. XVIII в. для довольно обеспеченных горожан, но бытовали и в среде богатых крестьян северных губерний Европейской России.

КУДЕЛИЦА — см.: **ФИЛИППОВКИ**.

КУДЕСЫ, народные представления, исполняющиеся ряжеными на *Святках*. Сами ряженные носили древнее название кудесников. Кудесы упоминаются еще в «Стоглаве». Они носили преимущественно сатирический характер и часто являлись даже кошунственными.

КУЗНЕЦ, одна из наиболее почитаемых профессий на Руси. Кузнечное ремесло считалось высшим умением, искусством, во многом связанным с помощью чудодейственных средств и *нечистой силы*. Согласно старинным поверьям, кузнецу в его работе помогает *черт*, он замешан в колдовстве и чародействе. Связанное с колдовством слово «козни» происходит от понятия «кузнец».

В древнерусской языческой мифологии покровителем кузнецов был бог *Сварог*, который, в частности, в «Повести временных лет» отождествлялся с греческим богом-кузнецом Гефестом. Христианскими покровителями кузнецов были свв. *Косма и Дамиан*.

Праздник кузнецов отмечали в день празднования этих святых 1/14 нояб. Крестьяне говорили: «Кузьма — Демьян кузнец кует лед на земле и на водах».

Л. Плахов. Кузница

Кузов

КУЗОВ, дорожный заплечный *короб*, плетенный из *бересты*, *луба*, прямоугольный в основании, сужающийся кверху, с надевавшейся сверху лубяной крышкой, с двумя лямками. Использовался для переноса ягод, грибов, орехов, продовольствия, мелкой клади. Кузовом также называлась большая ручная *корзина* из бересты или драни; небольшая корзина называлась *кузовком* и более известна как емкость для сбора ягод или грибов.

В. Смирнов. Работа кузнецов

КУЗОВОК, небольшая *корзина* с ручкой, *лукошко* для сбора ягод, грибов. Плелась из *луба*, *бересты*, драни либо сшивалась из широкого луба, бересты.

КУЗЬМИН ДЕНЬ (*Козьма Огородник*), народное название дня памяти св. Космы, Халкидонского епископа, 18 апр./1 мая.

По народному поверью, св. Кузьма покровительствует огородничеству, охраняет всходы от сухих *ветров* и спасает их от проливных *дождей*.

В Подмоскowie на Кузьму сеяли морковь и свеклу. По обычаю перед посевом моркови и свеклы крестьяне выходили к священным ключам-родникам, смачивали семена в воде. В др. местах, в надежде на хороший урожай, на дно родников бросали медные деньги. По др. обычаю семена смачивали речной водой в течение трех утренних зорь. В том и др. случае все это проделывалось тайно — крестьяне боялись дурного глаза, который может навредить урожаю. На северо-западе на Кузьму делали соломенное чучело и, подняв его на шест, шли на горку, где устраивали праздничную трапезу с песнями и плясками. Заканчивалось празднество сжиганием чучела.

КУЗЬМИНКИ ЛЕТНИЕ (*Кузьма и Демьян, Бабий, Девичий, Куриный праздник*), народное название дня мучеников, бессребреников и чудотворцев Космы и Дамиана, 1/14 июля.

В этот день, по народному поверью, приходят на сенокосные луга на помощь мужику Кузьма и Демьян. Они чинят косы и грабли. Кузьма и Демьян — «мастера великие и знатные пособники крестьянскому хозяйству». Помощь они оказывают безвозмездно, поэтому их зовут бессребрениками.

Бабы в этот день вскладчину варили *кашу* — ссыпчину: кто крупу принесет, кто соль, кто масла, кто молока. Сообща из общих продуктов варили общую кашу — всей деревней вместе и обедали. Кузьму-Демьяна приглашали за общий стол, угощали кашей нищих и странников.

В огородах в этот день продолжали прополку, снимали первые овощи. Поскольку Кузьминки считались бабьим праздником, то устанавливались бабьи братчины с обязательной зеленью. Ходили друг к другу в гости со своими угощениями и потчевали друг друга.

КУЗЬМИНКИ ОСЕННИЕ (*Кузьма и Демьян, Курячий праздник*), день памяти свв. бесср. Космы и Дамиана. Первый зимний деревенский праздник (1/14 нояб.).

Косма и Дамиан (в просторечии Кузьма и Демьян), св. бессребреники. Русский народ с именем этих угодников соединял немало особенных верований. Что касается распространенного верования в их врачебную помощь от разных недугов, оно имеет действительное основание в сказании о их жизни. В Четьях-Минеях повествуется о свв. Косме и Дамиане, что они «приняше от Бога дар исцелений и подаваху здравие душам же и телесем, врачующе всякие болезни и исцеляюще всяк недуг и всяку язю в людех».

Далее в Четьях-Минеях отмечается, что «они не точию человеком помогаху, но и скотом, и ни от кого же что за сие приимаху, творяху бо сия вся не имений ради, дабы златом или сребром обогатиться, но Бога ради. Того ради и безмездные врачеве, и бессребреницы от верных наречены быша». Затем из «Сказания о святых, коим и каковыя благодати даются от Бога» видно также, что русские молились свв. Косме и Дамиану о прозрении разума к учению грамоте. В азбуковнике XVII в. находим прямое замечание: «Есть обычай мно-

Косма и Дамиан. Икона. XVI в. РХМ

Свв. бессребреники Косма и Дамиан. Икона. 1-я пол. XIX в. Владимирские иконописные села

гим учащимся совершати молебная святым бессребренникам Косме и Дамиану».

Свв. Косма и Дамиан в воображении русского крестьянина представлялись в облике «Божьего кузнеца — Кузьмы-Демьяна». На этот близкий народному сердцу облик были перенесены некоторые черты, присваивавшиеся в старину всемогущему богу-громовнику *Перуну*, златоусому Белбожичу. В одном из старинных русских сказаний Кузьма-Демьян, кующий сохи, бороны и плуги народу православному, вступал в борьбу с «великим змеем». Трудился кузнец Божий в своей кузнице и слышал он, гласит это сказание, летит змей (диавол). Заперся он, да не спасут от змея великого никакие затворы: подлетел змей, опустился-упал наземь, возговорил зычным голосом человеческим, — просит, лукавый, отворить двери. Не отомкнул Божий кузнец затворов, и начал он лизать языком своим дверь желез-

Косма и Дамиан. Икона. XVI в. РХМ

ную. Но как только пролизал змей дверь, ухватил его Кузьма-Демьян за язык железными клещами. Взмолился «великой змей» Божьему кузнецу — отпустить просит, да не тут-то было! Запряг его тот в только что выкованный плуг и поехал по степям, по пустошам, пропахал на нем, змее, всю землю от моря и до моря. Умаялся лукавый, взмолился он к святому — просит испить воды из Днепра-реки; не внемлет змею кузнец-пахарь, знай, гонит-погоняет его цепью железною. И только у Черного моря подпустил Кузьма-Демьян великого змея к воде: припало к ней чудовище, пило-пило, полморя выпило, напившись, лопнуло. А борозды, проведенные плугом Божьего кузнеца, пахавшего на *нечистой силе*, и до сих пор виднеются, слынут они в окрестном народе «Валами Змеиными».

Есть сказания, утверждающие, что Кузьма-Демьян, кузнец Божий, не только кует сохи, бороны и плуги,

но даже научил людей земледельческому труду, за что и окружен особым почетом в памяти народной. В мало-российских сказаниях этот подвиг приписывается то самому Творцу мира, то Его Божественному Сыну. По одним — «в поли, поли плужок ходить, за тим плужком Господь; Матерь Божа иисти носить»; по другим — Христа-пахаря сопровождают апостол Петр и Кузьма-Демьян.

По наблюдениям крестьян, со дня свв. Космы и Дамиана заковывает зима и земли, и воды: «Кузьма-Демьян — с гвоздем, мосты гвоздит». На подмогу Кузьмы-Демьяну прилетают с железных гор морозы.

«В кузнице Кузьмы-Демьяна кузница, а на всю Святую Русь в ней ледяные цепи куются!» — говорили крестьяне. «Закует Кузьма-Демьян, до весны красной не расковать!», «Из кузьмодемьяновой кузницы мороз с горна идет!», «Не заковать реку зиме без Кузьмы-Демьяна!» и т. п. Существовали поговорки и о простых кузнецах. Они часто слыли пьяницами. «Портной — вор, сапожник — буян, кузнец — пьяница горькая!» — гласит молва, прибавляя к этому: «Умудряет Бог слепца, а черт кузнеца!», «Для того кузнец и клещи кует, чтобы рук не ожечь!», «Не кует железа молот, кует кузнецов голод!», «Кузнецу что козлу везде огород!», «У кузнеца что стукнул, то гривна!», «У кузнеца рука легка, была бы шея крепка!», «Кому Бог ума не дал, тому и кузнец не прикует!», «Захотел от кузнеца угольев: либо пропил, либо самому надо!», «Не ищи у калашника дрожжей, у кузнеца — лишних угольев, у сапожника — сапог на ногах!», «Кузнец Кузьма — бесталанная голова!», «Есть кузнецы, что по чужим сундукам куют (воры)!»

Считалось, что святой кузнец Божий не только плуги да «землю-воды» кует, а и свадьбы, не доигранные в октябре. В старинном народном свадебном стихе об этом говорилось так:

*Там шел Кузьма-Демьян
На честной пир, на свадьбу:
Ты, святой ли, Кузьма Демьянович!
Да ты скуй ли-ка нам свадьбу,
Ту ли свадьбу — неразрывную,
Не на день ты скуй, не на неделюшку,
Не на май-месяц, не на три года,
А на веки вековечные,
На всее жизнь нерасстанную!*

Кузьминки назывались еще «курячий праздник», «курьи именины», «девичий праздник». Собирались к этому дню девицы на веселую беседу. Зорко следили перед Кузьминками за своим птичьим хозяйством крестьяне. С давних пор во многих местах существовал веселый обычай: ходили девки и парни ночью ворошить по дворам кур, гусей, уток, чтобы добыть себе на Кузьминки курятинки и гусятинки. В этот день крестьянки занимались различными хозяйственными работами в курятниках: утепляли их на зиму, убирали скопившуюся за лето грязь, чистили гнезда, отбирали на убой слабую птицу. После выполнения всех этих работ в курятнике вывешивали «*куриного бога*» (он также назывался «курячий поп»), камешек с одним или несколькими сквозными отверстиями, рыльце от глиняного умывальника, горлышко от бутылки, красные лоскутки и т. п. Его прикрепляли к веревке около насеста, чтобы куры были здоровы и плодородны. Кроме того, по поверью, «куриный бог» охранял кур от мифического хозяина двора — дворовика (см.: Дворовой), который любил их обижать, а также от *кикиморы*, ошипывавшей у кур перья.

В некоторых местностях на Кузьмодемьянов день к обедне бабы приносили к церкви кур. «Курица — именинница, и ей Кузьме-Демьяну помолиться надо!» — говорили крестьяне. «Батюшка Кузьма-Демьян — куриный Бог!» Курячьи именины праздновались примерно одинаково по всей России. В церквях в этот день проходили заказные молебны, жертвовались в храм куры, приглашались в дома священники для молебна и окропления курятника святой водой. Обязательными для этого дня были трапезы, на которых главными блюдами были жареные или вареные куры. Перед трапезой крестьяне молились: «Козьма-Демьян — сребреница! Зароди, Господи, чтоб писклятки водились!» При приготовлении блюд из куры и во время трапезы существовал запрет на ломанье куриных костей. Считалось, что если это произойдет, то цыплята будут уродливыми. Кости зарывали в курятнике, чтобы птицы были более плодовитыми. При крепостном праве было в обычае приносить 1 нояб. кур на боярский двор. С челобитьем приносили их крестьянки своей барыне — «на красное житье». Боярыня отдавала за подарок лентами — «на убрусник». Этим челобитных кур считалось за грех резать: отдавались они под особое покровительство чествовавшихся в этот день святых. Даже яйца, которые они несли, слыли более здоровыми для пищи, чем другие, — от простых, не «челобитных», кур.

Основанием народного представления о покровительстве свв. Космы и Дамиана курам послужило то обстоятельство, что эти домашние птицы как эмблема счастья и плодородия составляли непрерывную принадлежность свадебных церемоний и необходимое свадебное кушанье. По этим птицам деревенские девушки любили гадать о «суженых и ряженных». Русскому человеку всего естественнее казалось отдать кур под покровительство свв. Космы и Дамиана, покровителей свадеб. Народное представление о свв. Косме и Дамиане, Божиих кузнецах, в связи с покровительствуемой ими домашней птицей, *петухом*, имело довольно близкое отношение к древнерусскому языческому культу *Перуна*: божество это как производитель молний и *огня* представлялось в виде *кузнеца*, а петух считался атрибутом его как птица, посвященная в честь его. Древнеязыческое представление о Перуне могло впоследствии перейти на свв. Косму и Дамиана.

Ко дню Кузьмы-Демьяна выполнялись т. н. «обетные» работы. В старину многие боярыни продавали на Кузьминки сработанное их руками рукоделие, а деньги, вырученные от продажи, раздавали нищим, как бы следуя подвигу святых бессребреников.

В н. XX в. этот обычай уже не наблюдался. В день Кузьмы-Демьяна в селениях Мышкинского у. Ярославской губ. поселяне убивали кочета в овине. Старший в доме выбирал кочета и сам отрубал ему голову топором. Ноги кочетинные бросали на избу — для того, чтобы водились куры, а самого кочета варили и за обедом съедали всей семьей. До н. XX в. дошел обычай варить «козьмодемьянское пиво».

И. Калинин, А. Коринфский

КУКИШ, в древнерусской языческой мифологии оскорбительный жест, оберег от злых духов и *нечистой силы*. После Крещения Руси приобрел значение отрицания чего-либо или отказа вообще.

КУКЛИН Михаил Петрович (? — 1896), этнограф. Занимался собиранием народных песен и обычаев Вологодского края.

КУКУШКА, в древнерусской языческой мифологии вешая птица, связанная с весенними и летними праздничными ритуалами, предсказаниями жизни и смерти. В русской деревне на кукушку гадали девушки, пытаясь определить, сколько им лет осталось до замужества. Кукование часто рассматривалось как зловещее

Весенняя обрядовая игра «Похороны кукушки»: а) кукушка в рубашке и платке, б) кукушка—трава «кукушкины слезы»

предсказание: «Кукушка кукует, горе вешает». Услышав кукушку, говорили: «Хорошо кукуешь, да на свою б голову!» Прилет кукушки в деревню, к дому, кукование на крыше *дома* считалось знаком смерти, *болезни* или пожара.

Образ кукушки присутствовал во многих народных обрядах (*Троицкие гуляния, Семик, Кумление*). **О. П. КУКША РЯБИННИК**, народное название дня памяти св. мч. проповедника Кукши (27 авг./9 сент.), известного своими подвигами в обращении к христианству вятичей-язычников и многими чудесами в Брянске, Козельске и Мценске.

Кукша считался народным героем, о нем были сложены легенды, как он с рябиновой ветвью ходил крестить язычников. Поэтому Кукшу и прозвали рябинником. *Рябина* к этому времени становится зрелой. Из нее делали сок и пили его от разных *болезней*. Существовал ритуал лечения рябиной. Для этого надо на заре встать перед рябиной на колени, обнять ее, поцеловать и произнести *заговор*: «Рябина, рябина, возьми мою болезнь, отныне и до веку тебя не буду есть». Возвращаясь домой надо было также тайно, чтобы никто по пути не встретился.

Рябина считалась *оберегом*. Запрещалось ее рубить и ломать кусты рябины, использовать на дрова. В Воронежской губ. сваха жениху за голенища сыпала рябиновые коренья, чтобы на него во время *свадьбы порчу* не навели. В Новгородской губ., когда возвращались с кладбища, рябиновые прутья под дверь вешали, чтобы покойник не возвратился. На Русском Севере существовал обычай, по которому пастух, прежде чем выгнать скот первый раз на пастбище, расщеплял ветки рябины, ели и сосны и клал их под *ворота*.

На Кукшу Рябинника русские также молились прп. Пимену Великому и мч. Анфисе, за веру в Христа с камнем на шее утопленной. Поэтому день Кукши Рябинника еще называли «Анфиса».

КУЛАГА́, блюдо русской народной кухни (см.: Кухня русская), ржаная мука с солодом, смешанная с калиной, запаренная на кипятке в *русской печи* и затем охлажденная.

КУЛАЧНЫЕ БОИ, древнее развлечение русских мужчин. Они были распространены повсеместно и не связаны с каким-либо определенным временем года, но, как правило, происходили зимой, между *Рождеством*

Ап. Васнецов. Старая Москва. Разъезд после кулачного боя. 1990-е гг.

и *Масленицей*. В Орловской губ. ожесточенные кулачные бои между двумя соседними селами Пальна и Аргамач происходили на Троицу. В Мологе уже с осени начинали сражаться друг с другом мальчики с двух разных концов города. Нередко за несколько дней перед боем предводители враждующих сторон определяли срок, место и условия боя. Бою обычно предшествовала подготовка в виде насмешек над противником, которому традиционно приписывались недостатки, смешной или позорный поступок и т. п. Затем в драку вступали мальчишки, нередко «сравливаемые» взрослыми, за ними подростки, парни и, наконец, взрослые мужики. Каждая сторона имела своих наиболее сильных бойцов, вокруг которых и собирались остальные: иногда эти бойцы вступали в бой только в решающий момент. Бойцы выходили на бой легко одетыми, туго подпоясанными, в кожаных рукавицах. Существовали определенные правила: не бить «под дых» лежащих и вышедших из боя из-за тяжелых повреждений, не пользоваться свинчаткой, стопкой медных пятак и

Б. Кустодиев. Кулачный бой на Москве-реке

На кулачках

т. п., а тем более *ножами*; однако последнее правило соблюдалось не всегда, тем более что в сумятице и в сумерках (бои обычно происходили вечером) поймать нарушителя было трудно, а пострадавший уже не мог этого сделать; но если такого нарушителя застигали на месте преступления, его били все, даже свои.

Драка на кулаках и палками продолжалась до тех пор, пока одна из сторон не обращалась в бегство. В старом Черкасске в кулачных боях участвовали «не только все молодые чиновники, но даже многие генералы». В станице Кавказская на Кубани на Рождество и в др. праздничные дни девушки устраивали на улицах общий *хоровод*, а парни — кулачные бои, причем все население станицы делилось на две враждебные партии. Бой «идет во все время пения хоровода; как только прекращаются песни в нем, парни один по одному убываются с той и другой стороны к хороводу, и бой слабеет». В Харьковской губ. бои начинались за 3 недели до Масленицы; кульминации они достигали перед *Великим постом*.

Д. К. Зеленин считал кулачные бои отголоском древней тризны, которая принимала форму состязаний у могилы умершего («драться по мертвецы»). В н. XX в. еще сохранялась некоторая связь кулачных боев с днями поминовения умерших, как, напр., с Масленицей

Х.-Г. Гейслер. Кулачный бой. 1805. Гравюра

или Троицей. Там, где кулачные бои были запрещены властями, вместо них, а нередко и одновременно с ними, устраивали гусиные, *петушиные* и собачьи бои (Курск, Горбатов, Москва и др.).

Лит.: Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991.

КУЛЕБЯКА, большой прямоугольный *пирог* из кислого теста с разнообразной начинкой; в каждом из четырех углов могли лежать разные виды начинки (мясо, рыба, грибы, лук, каша и др.).

КУЛЁШ, жидкая пшеничная каша с салом, луком, иногда с картофелем; кулеш обычно готовили в дороге или где-нибудь вне дома: на покосе, в поле и т. д.

КУЛИГА, участок в отдаленной от деревни части леса, чаще всего покос или поле под *хлеб*. Иногда кулигами, кулижками назывались болотистые места, поросшие кустарником, где, считалось, любят водиться бесы.

КУЛИЧ (*греч.* — хлеб круглой формы), в русском православном пасхальном (см.: Пасха) обряде разговенья пшеничный, квасный, сладкий хлеб, иногда с корицей, изюмом, украшенный сверху глазурью с первыми буквами имени *Иисуса Христа*. Кулич вместе с пасхой (сладким жирным творогом) и крашеными яйцами освящали в церкви святой водой и являлись традиционной едой на праздник Пасхи. На пасхальный стол кулич часто подавали, воткнув сверху красную бумажную розу. После пасхальной службы всем сидящим за столом раздавали по куску кулича.

КУМЛЕНИЕ («Крещение кукушки»), старинный обычай молодых русских девушек и женщин обмениваться крестами и называть друг друга кумами. Совершался обычно либо во время *Троицких гуляний*, либо на второе восхождение после *Пасхи* (Неделя *жен-мироносиц*). Как описывали очевидцы, на Троицкие гуляния молодые «бабы и девки, собравшись и запасшись яичницами в черепнях (т. е. глиняных сосудах. — М. Г.), уходили в рощу». Там на поляне располагались вокруг *березы*, а в иных местах — вокруг растения кукушкины слезы (вид столетника крестообразной формы; отсюда и название обычая — «крестить кукушку»), и желающие «покумиться» вешали свои кресты на березу или на два крестообразно воткнувших над кукушкиными слезами прута. Все участницы гулянья пели песни, а решившие кумиться подруги целовали друг друга сквозь кольцо шнурка креста и обменивались крестами. После этого они называли друг друга «кумами»; дружба их становилась особенно тесной — по типу *побратимства* и по соседству; какие-либо ссоры исключались. Эти отношения продолжались в течение недели, а местами и длительный срок (в течение года, иногда на всю жизнь). После кумления молодежь угощалась и с песнями возвращалась в деревню; там пение и пляска продолжались. На следующее воскресенье молодежь в том же составе продолжала гулянье в роще. Наступала вторая часть обряда: те же пары подруг возвращали друг другу кресты — «раскумливались»; остаток этого же дня тоже проводили в селении — «в пении и пляске».

В Ростовском у. Ярославской губ. во второе восхождение после Пасхи девушки ходили в лес кумиться. Каждая брала с собой яйцо, «куличку» (хлеб в форме калача) и маленький моток ниток, выпряденный обязательно в *Великий четверг*. В лесу делились на пары. Желающие покумиться девушки вдвоем заплетали одну косу из трех веток молодой березки, вплетая в нее разноцветную ленточку; косу перевязывали нитками из четвергового моточка. Такое переплетение из

веток березы называлось мотушкой. Девушки приговаривали: «Кукушка, кукушка, сбереги мою мотушку». Сначала заплетали мотушку для одной из девушек, потом — для другой; затем — для близких родственников каждой из них. Мотушка, задуманная для мужчины, заплеталась не как коса, а в виде венка. Девушки, заплетавшие вдвоем мотушки, обменивались яичками, куличками и целовались. Гулянье имело продолжение на Троицын день: все девушки шли в лес за мотушками, отламывали их и несли к водоему. Там происходило обычное *гаданье* — по движению мотушек в воде. Однако объясняли гаданье необычно: если мотушка потонет, значит, девушка выйдет в этом году замуж.

В Нерехтском у. Костромской губ. девичий выход в лес для кумления приурочивался к *Семику*. К этому дню хозяйки пекли для девиц козули — «род лепешек с яйцами в виде венков». В лесу ветви на березе «завивали ленточками, бумажками и нитками», а также «завязывали венками». Потом девушки целовались через березовый венок, приговаривая: «Здравствуй, кум и кума, березку завивши!» Березу обвивали поясом или лентой; завивая венки, пели: береза моя, березонька, береза моя белая, береза моя кудреватая и т. д. После завиванья садились под березою есть козули и яичницу. Затем следовали «сценические игры» (*хоровод* со сценами?), «особенно замечательные на правом берегу Волги в с. Барщеве». Близкий к рассмотренному вариант описан по материалам Дорогобужского у. Смоленской губ.: девушки целовались через венок, завитый из ветвей одной березы или двух, склоненных друг к другу, приговаривая: «Покумимся, кума, покумимся, чтобы нам с тобой не браниться, вечно дружить». Этот текст наиболее точно передавал смысл, который вкладывали участницы в обряд.

В Щигровском у. Курской губ. обряд «крещения кукушки» имел характер трехчастного цикла. На «вешнего Николу» (9 мая) «опалывали кукушку»: девушки и женщины собирались на улице, с песнями шли в лес. Там искали растение кукушку и под специально для этого случая предназначенную песню пололи траву вокруг нее. Ополов, вырывали растение с корнем и «наряжали как куклу». Затем все отправлялись в дом одной из участниц, намеченный заранее для сбора.

Вторая часть цикла разворачивалась на *Духов день* (понедельник Троицкой недели). Одетую кукушку несли с песней в лес, где сплели венком верхушки двух березок. В середину венка вешали нательный крестик одной из девушек и покрывали его большим платком, при этом участницы пели. Вокруг венка составлялся хоровод, заводили новую песню: «Я в луг пойду, я венок завью; покумимся, кума, не бранися, душа». Наступал момент самого кумления: «Избравши по сердцу подружку, подходят одна с одной стороны, а другая с противоположной к венку и целуют три раза крест и друг друга сквозь венок, поверх венка и с правой и левой стороны венка (крестообразно)».

Покумившиеся обменивались крестами, дарили друг другу ожерелья, серьги. Подаренные украшения полагалось носить всю следующую неделю, до наступления третьей части цикла. Часть предметов дарили навсегда или до первой ссоры. После того как все «перекумятся», участницы праздника угощались лакомствами, принесенными в складчину. Березовый венок в этом случае, как и в других вариантах, оставался нетронутым в течение недели. В следующее воскресенье исполнялась третья часть цикла: девушки и

женщины собирались в том же составе, с песнями шли в лес к венку; венок развивали и возвращали друг другу подарки. Пели: «Я в лес пойду, я венок разовью; раскумися, кума, разбраниса душа».

Все это могло происходить и в пределах селения: выходили не в лес, а в сад, угощались в избе. Перед избой «играли песни» и плясали. Русская народная традиция знала также кумление вчетвером вместо пары. В с. Овстуг Брянского у. в Троицын день крестьянские девушки собирались в роще, где вырывали молоденькую березку и украшали ее лентами и косниками. На самой вершине березки привязывалось растение кукушка. Четыре девушки садились вокруг березки и «кумилась»; остальные в это время пели. Первую четверку сменяла следующая и т. д.

После того как все четверки покумятся, выбирали двух из самых старших участниц праздника. Избранные девушки несли молодое деревце (с кукушкой на его вершине) в укромное место и, стараясь оставаться никем не замеченными, сажали березку, загадав на одну из них: если дерево примется, то девушка выйдет замуж до следующей Троицы. Через некоторое время ходили смотреть, принялась ли березка. На Троицу все девушки и молодые женщины здесь шли вместе на кладбище, и именно там каждая из них завивала венок. С этими венками гурьбой шли к речке и бросали их в воду, загадывая желания: если поплывет — исполнится; если утонет — не исполнится.

На Орловщине кумление происходило в *Вознесеньев день* (за 10 дней до Троицы). Девушки после обеда собирались на улице в хоровод и шли в лес, распевая песни. В лесу им предстояло «кумиться», или «крестить кукушку» (здесь, как и во многих других местах, это было одно и то же). Макушки двух берез связывали «оборочкой» и вешали на них снятые с себя кресты, траву подорожник, называемую здесь кукушкой, и ленты. Затем девушки, двигаясь навстречу друг другу, сходились у березок и вновь расходились — так делали трижды, с песней: «Вы, кумушки, вы, голубушки! Кумитесь, любите! Не ругайтесь, не бранитесь! Сойдитесь, полюбите! Полюбите, подружитесь! Подружитесь, поцелуйтесь!» Трижды обходили вокруг связанных берез, целовали висящие кресты, а потом — друг друга. Сняв кресты и ленты, покумившиеся попарно обменивались ими. Кумами называли друг друга до Духова дня. После кумления начиналась совместная часть молодежного гулянья. У костра, зажженного, чтобы готовить непременно блюдо из яиц, появлялись парни, приносившие сласти: мед, «груздики», орехи, конфеты. Девушки, в свою очередь, угощали их яичницей. После угощения расходились по лесу парами, причем инициатива выбора принадлежала девушке: она подходила к избранному парню и целовала его. Некоторые пары гуляли по лесу, обнявшись. «На Вознесенье это не запрещается, — сообщает корреспондент, — в остальные дни за это засмеют, а отец с матерью тогда убьют». Как только солнце начинало садиться, все опять собирались вместе и шли в селение с песнями.

Взгляд крестьян на отношения, возникавшие в результате обмена крестами во время завивания венков, существенно различался в разных местах — и по срокам действия, и по степени серьезности этих отношений. В описаниях 1-й пол. XIX в. встречается восприятие его как настоящего посестримства (см.: Побратимство) — на всю жизнь. В Зарайском у., напр., «бабы и девки» в

Семик шли с песнями и с наряженной березкой в ближайшую рощу, обильную березняком, надевали там на головы венки, свитые из березовых веток, и завивали подобие венков на самих березах. Повешенный в такое кольцо из веток крест целовали с двух сторон кумившиеся девушки или женщины и затем обменивались крестами. Этот обряд означал утверждение между покумившимися дружбы «навсегда», «так что уже ссориться и браниться между собою считается у них величайшим грехом». Тех, кто покумившись ссорился, осуждала пословица: «Кукушку кстили (крестили), да языка не прикусили».

М. Громыко

КУМОВСТВО, духовное родство (свойство), возникающее в результате Таинства крещения между крестным отцом, восприемником (кум для родителей крестника и крестной матери), восприемницей (кума для крестного отца и родителей крещеного) и родителями крещеного.

КУМОХА — ВЕШНЯЯ ДРЕМА — см.: ТАРАСИЙ КУМОШНИК.

КУМОХА ОСЕННЯЯ (Захарий), народное название дня прор. Захарии и прав. Елисаветы, (5/18 сент.).

Пророк Захария. Фрагмент иконы XV в.

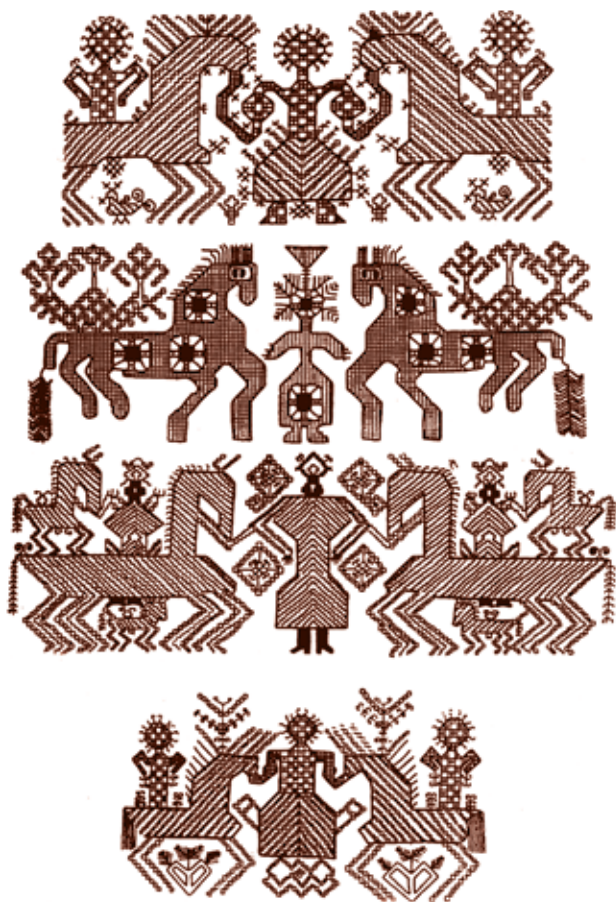
По старинному поверью, в этот день в деревни приходит нечистая сила — кумоха. Она калечит женщин, отнимает руки-ноги, искривляет лицо. Ходит кумоха из дома в дом в облике старушки-странницы. Добросердечные женщины впускают ее в дом себе на беду. Как попала кумоха в дом, тут и начинается она творить свое зло, на женщин всякие болезни напускает. Чтобы кумоху не допустить в этот день,

в доме надо было прибраться, баню истопить, самой березовым веником попариться и детей по спинкам веничком похлестать. Духа березового кумоха боится. Обращались в этот день за помощью к «Неопалимой купине». Если же в деревне был человек, который в этот день родился, то считалось, что он знал, как от кумохи избавиться. Она и сама его боялась. Поэтому как заведется в каком доме кумоха — следовало звать именинника, он точно кумоху изгонит.

КУПАЛА, языческое божество лета, полевых плодов и летних цветов, почиталось третьим после *Перуна* и *Велеса*, истукан его стоял в Киеве до Крещения Руси.

Ритуальный праздник ему был установлен в день летнего солнцестояния в начале жатвы, в *Иванов день* и в ночь, ему предшествующую (см. Аграфена Купальница). Возжигались большие костры, приносили жертвы. Участвовавшие плясали и пели возле огня в одеждах, украшенных цветами. Затем через огонь прогоняли скот, чтобы обезопасить стадо от злых духов.

Языческие ритуалы, посвященные Купале, в христианские времена были вытеснены великим празд-

Праздник летнего солнцестояния (Купало). В середине богиня Макошь и символы размножения. Обилие солнечных знаков указывает на «макушку лета» — праздник Купалы. (Русская вышивка; комм. Б. А. Рыбакова.)

ником Рождества св. Иоанна Крестителя и предшествовали ему днем празднования св. мц. Агриппины (Аграфены). Тем не менее отголоски древних языческих ритуалов сохранялись 23 и 24 июня вплоть до н. XX в. В народе эти дни прозывались соответственно Агриппина (Аграфена) Купальница и Иван Купала. На Троицыну неделю молодежь делала и одевала большую куклу, которую называли Купалой, а затем «с плясками, песнями и присвистом» бросала ее в ближайшую речку или пруд.

О. Платонов

КУПЕЧЕСТВО, торговое сословие. Существует в России с древнейших времен. В записках византийского имп. Константина Багрянородного рассказывается о деятельности русских купцов еще в 1-й пол. X в. По его словам, с ноября месяца, как только подмерзала дорога и устанавливался санный путь, русские купцы покидали города и направлялись в глубь страны. Всю зиму они скупали по погостам товары, а также собирали с жителей дань в оплату за ту охрану, которую им давал город. Весной уже по Днепру с полой водой купцы возвращались в Киев и на подготовленных к тому времени

Н. Некрасов. Новгородская торговля

судах отправлялись в Царьград. Труден и опасен был этот путь. И только большая охрана спасала караван смоленских, любечских, черниговских, новгородских, вышгородских купцов от многочисленных грабителей. Проплыв Днепр, выходили в море, держась берега, так как в любой момент утлые суденышки могли погибнуть от крутой волны.

В Царьграде русские купцы торговали шесть месяцев. Согласно договору, оставаться на зиму не могли. Размещали их не в самом городе, а у «святого Мамы» (монастырь св. Маманта). Во время пребывания в Царьграде русские купцы пользовались различными льготами, предоставленными им греческим императором. В частности, продавали свои товары и покупали греческие, не платя пошлины; кроме того, им выделяли бесплатно продукты питания и разрешали пользоваться баней. По окончании торгова греческие

Неизвестный художник. Торг у древних славян

С. Иванов. Торг в стране восточных славян

власти обеспечивали нашим купцам съестные товары и корабельные снасти. Возвращались домой не ранее октября, а там уже снова наступал ноябрь, и нужно было ехать в глубь страны, на погосты, распродавая то, что было привезено из Византии, и скупать товары для зарубежной торговли на следующий год. Такая предпринимательская деятельность велась Русью не одно столетие. Круговорот торговой жизни сыграл огромную роль в освоении и объединении русских земель. Все большее и большее число людей вовлекалось в эту экономическую деятельность, становясь кровно заинтересованным в ее результатах.

Впрочем, русские купцы вели торговлю не только с Царьградом, откуда вывозили шелковые ткани, золото, кружева, вина, мыло, губки, различные лакомства. Большая торговля велась с варягами, у которых покупали бронзовые и железные изделия (особенно мечи и топоры), олово и свинец, а также с арабами — откуда в страну поступали бисер, драгоценные камни, ковры, сафьян, сабли, пряности.

О том, что торговля велась очень большая, свидетельствует характер кладов того времени, которые до сих пор в изобилии находят близ старинных городов, на берегах больших рек, на волоках, возле бывших погостов. В этих складах не редкость арабские, византийские, римские и западноевропейские монеты, в т. ч. даже отчеканенные в VIII в.

Вокруг русских городов возникало множество торговых и промысловых поселений. Сюда сходились для торговли, или, как тогда называли, «гостьбы», купцы, бобровники, бортники, звероловы, смолокуры, лыкодеры и др. тогдашние «промышлен-

ники». Места эти получали название погостов (от слова «гостьба»). Позже, уже после принятия христианства, в этих местах, как наиболее посещаемых, строились церкви и размещались кладбища. Здесь совершались сделки, заключались договоры, отсюда пошла традиция ярмарочной торговли. В подвалах церквей хранился необходимый для торговли инвентарь (весы, меры), складывались товары, а также хранились торговые договоры. За это духовенство взимало с торговцев особую пошлину.

Первый русский свод законов «Русская Правда» был проназан духом купечества. Когда читаешь его статьи, то убеждаешься, что он мог возникнуть в обществе, где важнейшим занятием была торговля, а ин-

тересы жителей тесно связаны с результатом торговых операций.

«Правда», — пишет историк В. О. Ключевский, — строго отличает отдачу имущества на хранение — «поклажу» от «займа», простой заем, одолжение по дружбе от отдачи денег в рост из определенного условленного процента, процентный заем краткосрочный — от долгосрочного и, наконец, заем — от торговой комиссии и вклада в торговое компанейское предприятие из неопределенного барыша или дивиденда. «Правда» дает далее определенный порядок взыскания долгов с несостоятельного должника при ликвидации его дел, умеет различать несостоятельность злостную от несчастной. Что такое торговый кредит и операции в кредит — хорошо известно «Русской Правде». Гости, иногородние или иноземные купцы, «запускали товар» за купцов туземных, т.е. продавали им в долг. Купец давал гостю, купцу-земляку, торговавшему с другими городами или

В. Назорнов. Возвращение из похода

И. Билибин. Торговые гости

землями, «куны в куплю», на комиссию для закупки ему товара на стороне; капиталист вверял купцу «куны в гостьбу», для оборота из барыша».

Городские предприниматели, справедливо отмечает Ключевский, являлись то сотрудниками, то соперниками княжеской власти, что отражало их большую роль в обществе. Русское законодательство дорожило жизнью купца, за его голову полагался штраф вдвое больший, чем за голову простого человека (12 гривен и 5–6 гривен).

Успешный рост купеческой деятельности в Древней Руси подтверждался развитием кредитных отношений. Новгородский купец Климята (Климент), живший в к. XII – н. XIII в., сочетал свою широкую торговую деятельность с предоставлением кредитов (отдачей денег в рост). Климята был членом «купеческого ста» (союз

новгородских предпринимателей), занимался он преимущественно бортным промыслом и скотоводством. К концу жизни ему принадлежали четыре села с огородами. Перед смертью он составил духовную, в которой перечислял свыше десятка различного рода людей, связанных с ним предпринимательской деятельностью. Из перечня должников Климяты видно, что он выдавал также и «поральское серебро», за что взимались проценты в виде наклада. Деятельность Климяты была такова, что он не только предоставлял кредиты, но и брал их. Так, он завещал в уплату долга своим кредиторам Даниле и Воину два села. Все свое состояние

Н. Некрасов. Новгородская торговля

Б. Немтинов. Путешествие Афанасия Никитина по Индии

А. Васнецов. Новгородский торг

Климьята завещал Новгородскому Юрьеву монастырю — типичный для того времени случай.

Одним из самых характерных купеческих городов был Новгород Великий. Торговлей здесь жила большая часть населения, а купец считался главной фигурой, о которой складывались сказки и легенды. Типичный пример — новгородская былина о купце Садко.

Новгородские купцы вели свою торговлю и промысловую деятельность *артелями*, или компаниями, представлявшими из себя хорошо вооруженные отряды. Купеческие артели в Новгороде насчитывалось десятки, в зависимости от товаров, которыми они промышляли, или местности, куда ходили торговать. Были, напр., поморские купцы, торговавшие на Балтийском или Белом морях, низовские купцы, имевшие дела в Суздальской области, и т. п.

Самые основательные новгородские купцы объединялись в торгово-промышленную «ассоциацию», именуемую тогда «Иваново сто», имевшую свой центр около храма св. Иоанна Предтечи в Опоках. Здесь располагался общественный гостиный двор, где купцы складывали свои товары, а также находилась «грядница» (большая палата), своего рода зал для проведения деловых совещаний. На общем собрании «Иваново сто» купцы выбирали старосту, который руководил делами этой «ассоциации», наблюдал за общественной кассой и оформлением деловых документов.

Около церкви проходил торг, стояли специальные весы, при которых находились выборные присяжные чины, наблюдавшие за правильностью веса и торговли. За взвешивание, как и при продаже товара, взималась особая пошлина. Кроме больших весов, возле

Калужская купеческая жена в летнем платье. 1799 г.

Калужская купчиха в зимнем платье. 1799 г.

А. Рябушкин. Семья купца

Б. Кустодиев. Купец

церкви стояли и малые, служившие для взвешивания драгоценных металлов, слитки которых заменяли монеты.

Возникавшие между купцами и покупателями противоречия решались в специальном торговом суде, председателем которого был тысяцкий.

Купцы, входившие в «Иваново сто», обладали большими привилегиями. В случае финансовых затруднений им предоставляли кредит или даже безвозмездную помощь. При опасных торговых операциях от «Иваново сто» можно было получить вооруженный отряд для охраны.

Однако вступить в «Иваново сто» мог только очень состоятельный купец. Для этого в кассу «ассоциации» нужно было внести большой взнос — в 50 гривен — и, кроме того, безвозмездно пожертвовать в пользу церкви св. Иоанна в Опоках еще почти 30 гривен (за эти деньги можно было купить стадо в 80 волов). Зато, вступив в «Иваново сто», купец и его дети (участие было наследственным) сразу занимали почетное положение в городе и получали все связанные с этим привилегии.

Большую взаимовыгодную торговлю новгородские купцы вели с Ганзейским союзом. Новгородские купцы скупали по всей России и продавали ганзейцам льняные ткани, выделанные кожи, смолу и воск высокого качества, хмель, строевой лес, мед, меха, хлеб. От ганзейцев новгородские купцы получали вино, металлы, соль, сафьян, перчатки, крашеную пряжу и разные предметы роскоши.

Сильно развитая система купеческого предпринимательства вкупе с народным самоуправлением были главными условиями экономического процветания Древнего Новгорода, которое неоднократно отмечалось иностранными купцами и путешественниками.

Кроме «Иваново сто» в русских городах существовали и другие профессиональные объединения купцов. В XIV–XVI вв. торговые предприниматели, имевшие

лавки на городском торгу («ряды»), объединялись в самоуправляемые организации, члены которых назывались «рядовичами».

Рядовичи сообща владели отведенной под лавки территорией, имели своих выборных старост, обладали особыми правами на сбыт своих товаров. Чаше всего их центром была патрональная церковь (в подвалах ее хранились товары), нередко им также предоставлялись даже судебные функции. Имущественное положение купцов было неравное. Самыми богатыми были «гости-сурожане» — купцы, торговавшие с Сурожем и др. городами Причерноморья. Состоятельными были и купцы суконного ряда — «суконники», торговавшие привозным с Запада сукном. В Москве патрональным храмом «гостей-сурожан» была церковь Иоанна Златоуста. Принадлежность к корпорации московских гостей обставлялась примерно теми же правилами, что и в новгородской «Иваново сто». Положение в этой корпорации было тоже наследственным. Гости возглавляли купеческие караваны, отправлявшиеся в Крым.

Уже в XV в. русские купцы ведут торговлю с Персией и Индией. Тверской купец Афанасий Никитин в 1469 посещает Индию и, по сути дела, открывает ее для России.

В эпоху Ивана Грозного символом русского купечества становится энергичная деятельность купцов Строгановых, стараниями которых начинается активное освоение русскими Урала и Сибири. Кильбургер, побывавший в Москве в царствование Алексея Михайловича в составе шведского посольства, отмечал, что все москвичи «от самого знатного до самого простого любят купечество, чему есть причиной то, что в Москве помещается больше торговых лавок, чем в Амстердаме или хотя бы ином целом княжестве».

Некоторые города по внешнему виду напоминали пестрые торговые ярмарки. Широкое развитие торговли отмечалось и в более ранние времена. Иностранцы, побывавшие в Москве XV в., обращают особое внимание на изобилие съестных товарных продуктов, что

Неизвестный художник. Портрет купца на фоне Адмиралтейства. 1800-е гг.

Б. Кустодиев. Купчиха. 1915 г.

свидетельствовало о широком развитии товарных отношений среди крестьян, а отнюдь не о господстве натурального хозяйства.

По описанию венецианца Иосафата Барбаро, «зимою привозят в Москву такое множество быков, свиней и других животных, совсем уже ободранных и замороженных, что за один раз можно купить до двухсот штук... Изобилие в хлебе и мясе так здесь велико, что говядину продают не на вес, а по глазомеру». Другой венецианец, Амвросий Контарини, также свидетельствует о том, что Москва «изобилует всякого рода хлебом» и «жизненные припасы в ней дешевы». Контарини рассказывает, что каждый год в конце октября, когда река Москва покрывается крепким льдом, купцы ставят на этот лед «лавки свои с разными товарами и, устроив таким образом целый рынок, прекращают почти совсем торговлю свою в городе». На рынок, расположенный на Москве-реке, купцы и крестьяне «ежедневно, в продолжение всей зимы привозят хлеб, мясо, свиней, дрова, сено и прочие нужные припасы». В конце ноября обычно «все окрестные жители уби-

вают своих коров и свиней и вывозят их в город на продажу... Любо смотреть на это огромное количество мерзлой скотины, совершенно уже ободранной и стоящей на льду на задних ногах».

Ремесленными изделиями торговали в лавках, на рынках и в мастерских. Уже в глубокой древности ряд дешевых массовых товаров, изготавливаемых городскими ремесленниками (бусы, стеклянные браслеты, крестики, пряслица), распространялись купцами-коробейниками по всей стране.

Русские купцы вели большую торговлю с др. странами. Известны их поездки в Литву, Персию, Хиву, Бухару, Крым, Кафу, Азов и др. Предметом торговли были не только сырье и продукция добывающих промыслов, вывозившаяся из Руси (пушнина, лес, воск), но также изделия русских ремесленников (юфти, однорядки, шубы, холсты, седла, стрелы, саадаки, ножи, посуда и др.). В 1493 Менгли-Гирей просит Ивана III прислать ему 20 тыс. стрел. Крымские царицы и князья обращались в Москву с просьбой о присылке панцирей и других доспехов. Позднее, в XVII в., огромная торговля русскими товарами шла через Архангельск — в 1653 сумма вывоза через порт города за рубеж составляла свыше 17 млн. руб. золотом (в ценах н. XX в.).

Масштабы русской торговли поражали иностранцев, посещавших нашу страну. «Россия, — писал в самом начале XVII в. француз Маржарет, — весьма богатая страна, так как из нее совсем не вывозят денег, но они ввозятся туда ежегодно в большом количестве, так как все расчеты они производят товарами, которые имеют во множестве, именно: разнообразными мехами, воском, салом, коровьей и лошадиной кожей. Другие кожи, крашенные в красный цвет, лен, пеньку, всякого рода веревки, кавиар, т.е. икру соленой рыбы, они в большом количестве вывозят в Италию, далее соленую семгу, много рыбьего жира и др. товаров. Что касается хлеба, то, хотя его очень много, они не рискуют вывозить его из страны в сторону Ливонии. Сверх того, у них много поташа, льняного семени, пряжи и прочих товаров, которые они обменивают или продают, не покупая чужеземного на наличные деньги, и даже император... приказывает платить хлебом или воском».

В XVII в. в Москве торговое, купеческое сословие из разряда тяглых людей выделяется в особую группу городских, или *посадских, людей*, которая, в свою очередь, разделилась на гостей, гостиную и суконную сотни и слободы. Самое высшее и почетное место принадлежало гостям (их в XV в. было не более 30 чел.).

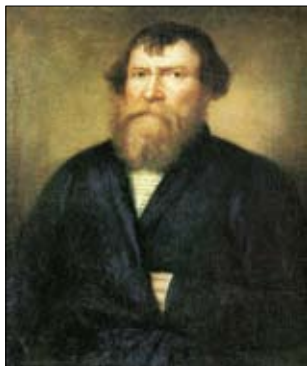
Звание гостя получали самые крупные предприниматели, с торговым оборотом не меньше 20 тыс. в год — огромная по тем временам сумма. Все они были приближены к царю, свободны от уплаты пошлин, вносимых купцами рангом ниже, занимали высшие финансовые должности, а также имели право покупать в свое владение *вотчины*.

Члены гостиной и суконной сотен (в XVII в. их было около 400) пользовались также большими привилегиями, занимали видное место в финансовой иерархии, но уступали гостям в «честь». Гостиные и суконные сотни имели самоуправление, их общие дела вершили выборные головы и старшины.

Низший разряд купечества представляли жители черных сотен и слобод. Это были преимущественно ремесленные самоуправляемые организации, сами производившие товары, которые потом про-

Н. Д. Мыльников. Портрет И.И. Худова. 1833 г.

Неизвестный художник. Портрет купца в полосатом жилете. 1830-е гг.

А. Дуров. Портрет тамбовской купчихи Кособрюховой. 1832 г.

Неизвестный художник. Портрет кашинской купчихи Ждановой. 1830-е гг.

Неизвестный художник. Портрет купца в синем. 1840-е гг.

Н. А. Заваруев. Портрет купца Я. Щербакова. 1860-е гг.

Н. Д. Мыльников. Портрет М.К. Шапошиковой. 1828 г.

Н.Д. Мыльников. Портрет Ф.А. Рахманова. 1826 г.

А. Ф. Крылов. Портрет М.М. Плеианова, ростовского городского головы. 1854 г.

Г. Ф. Чернов. Портрет купца с письмом в руке. 1844 г.

Неизвестный художник. Портрет купчихи в пунцовой душегрее. 1770-е гг.

Неизвестный художник. Портрет сибирской купчихи. 1810-е гг.

Неизвестный художник. Портрет купчихи с муфтой. 1780—1790-е гг.

Н.Д. Мыльников. Портрет А.К. Рахмановой. 1826 г.

Н.А. Заваруев. Портрет А.И. Худова. 1855 г.

Неизвестный художник. Портрет купца в мундире Министерства внутренних дел. 1850-е гг.

Панорама Замоскворечья. Фрагмент. Литография по рисунку Д.С. Индейцева. 1865 г.

давали. Этот разряд, условно говоря, непрофессиональных торговцев составлял сильную конкуренцию профессионалам-купцам высших разрядов, так как «черные сотни», торгуя собственной продукцией, могли продавать ее дешевле.

В крупных городах посадские люди, имеющие право вести торговлю, делились на лучших, средних и молодших. Сфера деятельности русских купцов XVII в. была широка, отражала всю географию экономического освоения России. Из Москвы брали начало шесть основных торговых путей — Беломорский (Вологодский), Новгородский, Поволжский, Сибирский, Смоленский и Украинский.

Беломорский (Вологодский) путь шел через Вологду по Сухоне и Северной Двине в Архангельск (ранее к Холмогорам) и на Белое море, а оттуда в зарубежные страны. К этому пути тяготели знаменитые центры русского предпринимательства: Великий Устюг, Тотьма, Сольчегинск, Яренск, Усть-Сысольск, давшие России тысячи купцов.

В сер. XVI в. русские предприниматели получили право беспошлинной торговли с Англией (она шла Беломорским путем), имели в Лондоне несколько зданий для своих нужд. Русские везли в Англию меха, лен, пеньку, говяжье

сало, юфть, ворвань, смолу, деготь, а получали ткани, сахар, бумагу, предметы роскоши.

Важнейшим перевалочным центром на этом пути была Вологда, куда всю зиму свозились товары из Москвы, Ярославля, Костромы и др. городов, а затем по воде направлялись в Архангельск, откуда, в свою очередь, осенью приходили товары для отправки в Москву санным путем.

Новгородский (Балтийский) торговый путь шел из Москвы на Тверь, Торжок, Вышний Волочек, Валдай, Псков, затем к Балтийскому морю. Этим путем в Гер-

С. Щедрин. Вид в усадьбе П.Г. Демидова «Сиворцы» под Петербургом

П. А. Дубровин. Портрет купца с жалаванными медалями. 1840 (?).

М. Васильев. Портрет В. Н. Басина. 1821 г.

Г. Х. Гроот. Портрет А. Н. Демидова (1678–1745)

Н. А. Заваруев. Портрет Т. А. Мамонтовой. 1860 г.

Ф. Рокотов. Портрет Н. А. Демидова

Неизвестный художник. Портрет купца с двумя жалаванными медалями на владимирских лентах. 1820-е гг.

манию шли русский лен, пенька, сало, кожи и красная юфть. Поволжский путь проходил по Москва-реке, Оке и Волге, а затем через Каспийское море в Персию, Хиву и Бухару.

Главным предпринимательским центром на этом пути был Н. Новгород с располагающейся рядом с ним Макарьевской ярмаркой. Путь от Н. Новгорода до Астрахани преодолевался русскими купцами примерно за месяц. Шли караванами из 500 и более судов с большой охраной. И даже на такие караваны время от времени совершались разбойные нападения. Купцы плыли и останавливались в местных предпринимательских центрах — Чебоксарах, Свияжске, Казани, Самаре, Саратове.

Торговля с Хивой и Бухарой проводилась в Каранском пристанище, куда из Астрахани под охраной

приходили купеческие суда, а на встречу с ними приезжали местные купцы со своими товарами. Торговля велась около месяца. После этого часть русских судов возвращалась в Астрахань, а другая шла в Дербент и Баку, откуда купцы уже посуху добирались до Шемахи и торговали с персами.

Сибирский путь шел водой из Москвы до Н. Новгорода и до Соликамска. От Соликамска купцы волоком двигались до Верхотурья, где был большой торг с вогулами, а затем снова водой до Тобольска, через Туринск и Тюмень. Далее дорога шла на Енисейск мимо Сургута, Нарыма. В Енисейске был устроен большой гостинный двор.

От Енисейска путь пролегал в сторону Илимского острога по Тунгуске и Илим. Часть купцов следовала и дальше, достигая Якутска и Охотска, проникая даже на Амур.

Главным предпринимательским центром Руси по торговле с Китаем был Нерчинск, где был построен специальный гостинный двор.

Основными товарами, которые покупали или выменивали на этом пути, были меха и звериные шкуры, из Центральной России в Сибирь везли железо, оружие, ткани.

Смоленский (Литовский) путь шел из Москвы через Смоленск в Польшу, но из-за постоянных войн этот путь для широкой торговли использовался сравнительно мало. Более того, в Москве очень неохотно привечали польских и еврейских купцов, имевшими плохую репутацию, а русские купцы избегали отношений с торговцами местечковой Польши.

Степной Малороссийский (Крымский) путь пролегал через рязанские, тамбовские, воронежские края, выходил к донским степям, а оттуда в Крым. Главными предпринимательскими центрами, тяготевшими к этому пути, были Лебедянь, Путивль, Елец, Козлов, Коротояк, Острогожск, Белгород, Валуйки.

Широкий размах основных путей торгово-предпринимательской деятельности наглядно свидетельствовал о гигантских усилиях, вложенных в экономическое освоение огромной территории России. В Древней Руси эта деятельность была связана и с путевыми трудностями. Осуществляя торговлю теми или иными товарами, русские купцы нередко принимали участие в организации их производства, особенно это касалось выработки воска, сала, смолы, дегтя, соли, юфти, кож, а также добычи и выплавки металлов и производства различной продукции из них.

Русский купец из посадских людей Ярославля Григорий Леонтьевич Никитников вел крупную торговлю в Европейской России, Сибири, Ср. Азии и Иране. Но основу его богатства составила торговля сибирской пушниной. Строил он ладьи и суда, перевозившие разные товары, хлеб и соль. В 1614 он получает звание гостя. С 1632 Никитников вкладывает капиталы в солеваренную промышленность. В к. 1630-х в Соликамском уезде Никитникову принадлежали 30 варниц, на которых, кроме зависимых людей, работали св. 600 наемных работников. Никитников держит целый ряд для продажи соли в разных городах, располагавшихся по течению Волги и Оки и связанных с ними рек: в Вологде, Ярославле, Казани, Нижнем Новгороде, Коломне, Москве и Астрахани.

Долгое время центром торговой деятельности Никитникова был его родной город Ярославль с обширным двором, принадлежавшим его предкам. По старым

Р. Курятников. Вид Гостиного двора на улице Ильинке в Китай-городе. 1824 г.

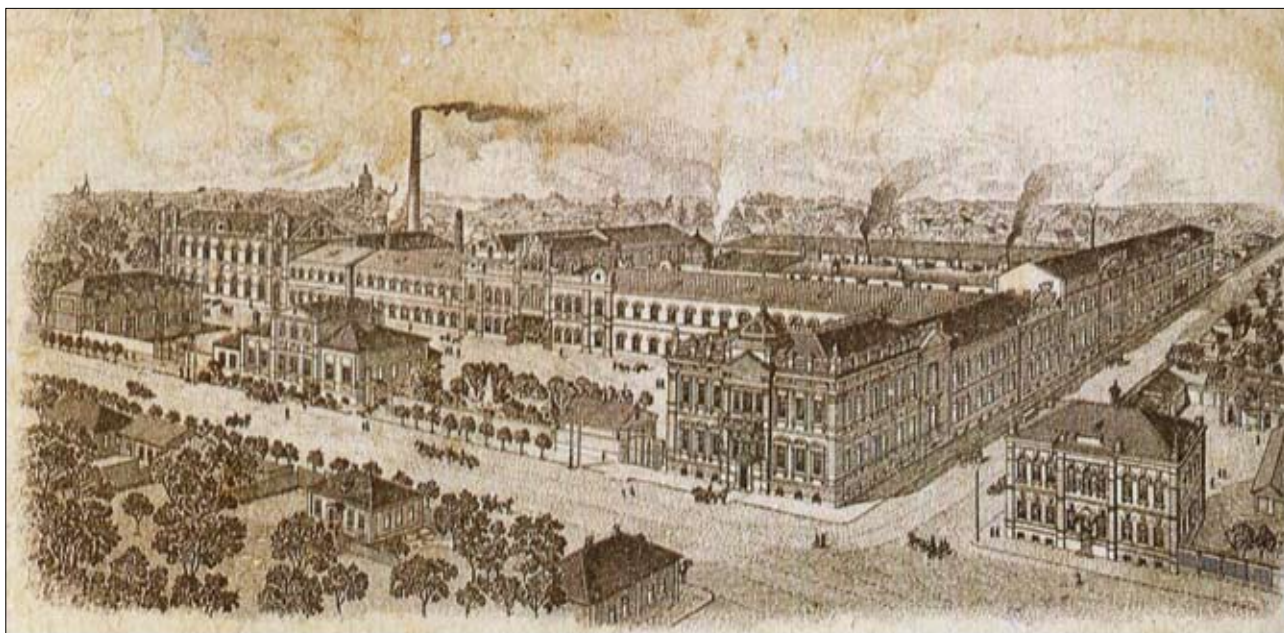
описаниям, усадьба купца Никитникова превращается в настоящий торговый центр Ярославля, становится узловым торговым пунктом, в котором скрещивались волжские и восточные товары, приходившие из Астрахани, с западными товарами, привозившимися из Архангельска и Вологды. Здесь Никитниковым была построена в 1613 деревянная церковь Рождества Богородицы. Недалеко от усадьбы стоял знаменитый Спасский монастырь, рядом с которым находился рынок. Ближе к реке Которосли размещались соляные и рыбные амбары Никитниковых. В 1622 Никитников по приказу царя переезжает в Москву, туда же перемещается и его торговый центр. В Китай-городе Никитников строит богатые палаты и красивейшую церковь Троицы в Никитниках (она сохранилась до сих пор). На Красной площади Никитников обзаводится собственными лавками в Суконном, Сурожском, Шапочном и Серебряном рядах. Никитников возводит большие склады для ведения оптовой торговли. Его дом становится местом встречи богатых купцов и заключения сделок. В синодик церкви Троицы вписаны имена крупных московских гостей XVII в., которые находились в личных и родственных взаимоотношениях с хозяином.

Купец Никитников прославился не только предпринимательством, но и своей общественно-патриотической деятельностью. В н. XVII в. он — молодой земский староста, подпись его стоит в списках участников первого и второго земских ополчений, созданных в Ярославле для борьбы с польскими и шведскими захватчиками. Никитников постоянно участвовал в несении государственных выборных служб, представлял на земских соборах, участвовал в составлении челобитных царю от гостей и купцов, искавших защиты интересов русской торговли и ограничения привилегий иностранных купцов. Он был

смел и уверен в себе, бережлив и аккуратен в платежах, не любил должать, но и не любил давать в долг, хотя в долг приходилось давать довольно часто, даже самому царю, который жаловал его в награду серебряными ковшами и дорогой камкой. Исследователь жизни Григория Никитникова свидетельствует о нем как «о человеке деловом и практичном, глубокого проницательного ума, твердой памяти и воли, с крутым решительным характером и большим жизненным опытом. Через все его наставления неизменно проходит требование сохранения семейного и хозяйственного порядка таким, каким он был при нем. Такой же деловой тон звучит в наказах о поддержании благолепия в выстроенных им церквях и в распоряжении об аккуратных взносах пошлин в казну за соляные варницы».

Весь свой капитал Никитников завещал не дробить, а передал в совместное и нераздельное владение двум внукам: «...и внуку моему Борису, и внуку моему Григорию жить в совете и промышлять вместе, а буде который из них станет жить неистова и деньги и иные пожитки станет сородичам своим раздавать и сторонним людям, один без совету брата своего, и он благословения моего и приказу лишен, до дому моего и до пожитков ему дела нет». Умирая (в 1651), купец Никитников завещает: «...и церковь Божию украсить всякими лепотами, и ладан, и свечи, и вино церковное, и ругу священнику и иным церковникам давать вместе, чтоб церковь Божия без пения не была и не за чем не стала, как было при мне, Георгии». Кроме своей московской церкви, он просил заботиться и о храмах, построенных им в Соли Камской и Ярославле.

Одним из характерных предпринимателей XVII в. был купец Гаврила Романович Никитин, по происхождению из черносошных крестьян русского Поморья. Свою торговую деятельность Никитин начинал

Самоварная фабрика наследников В.С. Баташева. Улица Грязевская (теперь улица Лейтейзена, 12). Прейскурант самоварной фабрики

в качестве приказчика гостя О. И. Филатьева. В 1679 он стал членом гостиной сотни Москвы, а в 1681 получил звание гостя. После смерти братьев Никитин сосредоточивает в своих руках большую торговлю, ведет дела с Сибирью и Китаем, его капитал в 1697 составлял огромную по тем временам сумму — 20 тыс. руб. Как и др. купцы, Никитин строит свою церковь.

В XVII в. в Москве строится церковь, ставшая святыней купечества всей России. Это — Никола Большой Крест, воздвигнутая в 1680 архангельскими гостями Филатьевыми. Церковь была одна из красивейших в Москве, да и во всей России. Ее взорвали в 1930-х.

Русские купцы, торговавшие с зарубежными странами, предлагали им не только сырье, но и продукцию высокой, по тем временам, технологии, в частности

металлические устройства. Так, в инвентаре одного из чешских монастырей под 1394 документально зарегистрированы «три железных замка, в просторечии называемые русскими». В Богемии было, конечно, немало и своих прославленных мастеров по металлу из богатейших Рудных гор и Судетов. Но, очевидно, изделия русской промышленности были не хуже, если они пользовались известностью и успехом так далеко за рубежом. Это известие XIV в. подтверждается и позднейшими источниками. Так, из «Памяти, как продать товар русской в Немцах», известной по тексту «Торговой книги» 1570–1610, видно, что продажа русского «уклада» и других металлических изделий «в Немцах» была обычным делом и в XVI–XVII вв. Торговали и оружием. Напр., в 1646 было вывезено в Голландию 600 пушек.

К. Юон. Зеленая столовая. Эскиз декорации к пьесе А.М. Горького «Егор Булычов и другие». 1933 г.

Рассказывая о знаменитых русских купцах XVII в., нельзя не упомянуть братьев Босовых, а также гостей Надея Светешникова и Гурьевых. Босовы вели торговлю с Архангельском и Ярославлем, скупали товары и на местных рынках Приморья, покупали также деревни в расчете на получение большого количества хлеба для продажи, занимались ростовщичеством, но основой их предприятия являлась сибирская торговля. Босовы отправляли в Сибирь обозы в 50–70 лошадей, груженных как иноземными товарами, так и русским сермяжным сукном, холстом, железными изделиями. Вывозили они из Сибири пушнину. Так, в 1649–50 было вывезено 169 сороков и 7 шт. соболей (6 767 шкур); приобретали в большом количестве и другие меха. На службе у Босовых было 25 приказчиков. Они организовывали в Сибири собственные ватаги, т. е. промышленные экспедиции в места, богатые соболями, а также приобретали их у местных жителей и у служилых людей, взимавших в Сибири ясак. Высокую прибыль давала также продажа в Сибири иноземных и русских изделий.

Богатейшие купцы несли казенную службу по финансам в качестве гостей, что давало им ряд преимуществ и предоставляло широкие возможности дальнейшего обогащения. Характер «первоначального накопления» имели также методы создания предприятий Надея Светешникова и Гурьева. Светешников вышел из ярославских посадских людей. Заслуги перед новой династией Романовых принесли ему пожалование в гости. Он вел крупные операции по торговле пушниной, владел деревнями с крестьянами, но также вкладывал свои средства в солепромышленность. Его богатство оценивалось в сер. XVII в. в 35,5 тыс. руб. (т. е. около 500 тыс. руб. на золотые деньги н. XX в.). Это пример крупного торгового капитала и перерастания его в промышленный. Важнейшее значение для обогащения Светешникова и развития его предприятий имели земельные пожалования. В 1631 ему были отданы громадные земельные владения по обоим берегам Волги и по реке Усу до позднейшего Ставрополя. Здесь Светешников поставил 10 варниц. К 1660 в Надеином Усолжье было 112 крестьянских дворов. Наряду с наемными людьми он применял труд крепостных. Светешников построил крепость для защиты от кочевников, завел кирпичный завод.

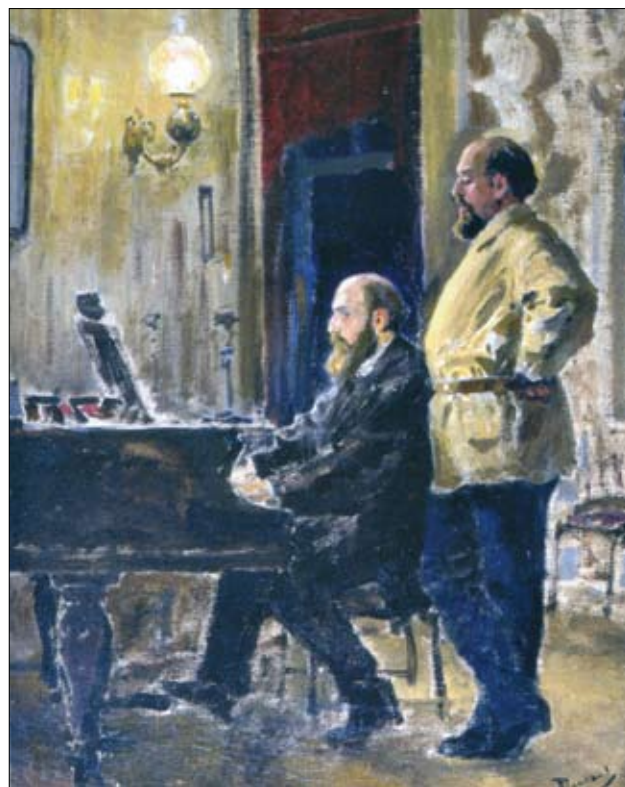
Из богатой верхушки ярославского посада вышли также Гурьевы. В 1640 они завели рыбные промыслы в устье реки Яика, поставили здесь деревянный острог,

затем заменили его каменной крепостью (г. Гурьев).

Развитие предпринимательства в России носило в значительной степени преемственный характер. Проведенное исследователем А. Демкиным изучение купеческих родов Верхневолжья показало, что 43% всех купеческих фамилий занимались купеческой деятельностью от 100 до 200 лет, а почти четверть — 200 и более лет. Три четверти купеческих родов, насчитывавших менее 100 лет, возникли в середине — 2-й пол. XVIII в. и действовали вплоть до конца столетия. Все эти фамилии перешли в XIX в.

В 1785 российские купцы получают от Екатерины II жалованную грамоту, которая сильно возвысила их положение. Согласно этой грамоте все купцы были разделены на три гильдии.

К первой гильдии относились купцы, владевшие капиталом не менее 10 тыс. руб. Они получали право оптовой торговли в России и за границей, а также пра-

Худ. В.Д. Polenov. С.И. Мамонтов и П.А. Спиро у рояля в столовой абрамцевского дома. 1882 г.

Особняк А.И. Дерожинской в Штатном пер. (Кропоткинский пер., 13). Москва. Архитектор Ф.О. Шехтель. 1901–1902 гг.

во заводить фабрики и заводы. Ко второй гильдии принадлежали купцы с капиталом от 5 до 10 тыс. руб. Они получали право оптовой и розничной торговли в России. Третью гильдию составляли купцы с капиталом от 1 до 5 тыс. руб. Эта категория купцов имела право только на розничную торговлю. Купцы всех гильдий были освобождены от подушной подати (вместо нее они платили 1% с объявленного капитала), а также от личной рекрутской повинности.

Кроме купцов разных гильдий, вводилось понятие «именитый гражданин». По статусу он был выше купца первой гильдии, ибо должен был обладать капиталом не менее чем 100 тыс. руб. «Именитые граждане» получали право иметь загородные дачи, сады, заводы и фабрики.

Значительная часть российской интеллигенции XVIII–XIX вв. не любила русского купечества, презирала его, гнушалась им. Она представляла купцов закоренелыми плутами и мошенниками, нечистыми на руку, по-волчьи алчными. С ее легкой руки в обществе создается миф о грязных и подлых «Тит Титычах», ничего общего не имевший с действительностью. «Если бы торговое сословие и в прежней Московии, и в недавней России, — отмечал П. А. Бурышкин, — было бы на самом деле сборищем плутов и мошенников, не имеющих ни чести, ни совести, то как объяснить те огромные успехи, которые сопровождали развитие русского народного хозяйства и поднятие производительных сил страны. Русская промышленность создавалась не казенными усилиями и, за редкими исключениями, не руками лиц дворянского сословия. Русские фабрики были построены и оборудованы русским купечеством. Промышленность в России вышла из торговли. Нельзя строить здоровое дело на нездоровом основании. И если результаты говорят сами за себя, торговое сословие было в своей массе здоровым, а не таким порочным».

«В московской неписаной купеческой иерархии, — писал В. И. Рябушинский, — на вершине уважения стоял промышленник-фабрикант, потом шел купец-торговец, а внизу стоял человек, который давал деньги в рост, учитывал векселя, заставлял работать капитал. Его не очень уважали, как бы дешево его деньги ни были и как бы приличен он сам ни был. Процентщик».

Особняк З.Г. Морозовой на Спиридоновке. Москва. Архитектор Ф.О. Шехтель. 1893 г.

Отношение к этой категории двух первых было крайне отрицательно, как правило, их на порог не пускали и по возможности пытались всячески наказать. Большая часть дельцов третьей группы происходила из западных и южных губерний России.

Перед революцией звание купца приобреталось уплатой за гильдейское свидетельство. До 1898 гильдейское свидетельство было обязательно для права торговли. Позднее — необязательно и существовало лишь для лиц, желающих пользоваться некоторыми преимуществами, присвоенными купеческому званию, или участвовать в сословном управлении. Преимущества: освобождение от телесного наказания (для торговцев крестьянского сословия очень важное), право при известных условиях получать звание почетного и потомственного почетного гражданина (дарующее преимущества купеческого звания без выбора и гильдейского свидетельства), возможность получить звание коммерции советника (чин с титулом превосходительства), некоторые права по образованию детей, право участия в городском самоуправлении (независимо от обладания недвижимой собственностью), участие в сословном самоуправлении. Сословное купеческое самоуправление заключалось в заведовании купеческими благотворительными учреждениями, в раскладке некоторых сборов, в заведовании купеческими капиталами, банками, кассами, в выборе должностных лиц (купеческие старосты, купеческие старшины, купеческие управы, члены сиротского суда от купечества).

Лит.: см.: «Русское хозяйство». // Большая энциклопедия русского народа. М., 2006.

О. Платонов

КУПРИЯН (Куприянов день, Журавлиное вече), народное название для сщмч. Киприана, 31 авг./13 сент. На Куприяна начинали копать картофель и собирать корнеплоды. По народному поверью, в этот день на болотах журавли собирались на «вече». Крестьянские погодоведы в этот день по поведению журавлей определяли погоду на зиму. На Куприяна запрещалось ходить за клюквой на болото, чтобы не тревожить журавлей.

КУПРИЯН и УСТИНЬЯ (Куприянов день), народное название дня сщмч. Киприана, мч. Иустины и мч. Феоктиста, 2/15 окт.

По народному поверью, после праздника *Покрова* снова поднимали голову *нечистые силы*. Чтобы убе-

речься от них, укрепиться в Православной вере, в этот день полагалось молиться св. Киприану и Иустине, спасающим народ от злых чар и наваждений.

КУПЯТИЦКАЯ, чудотворная икона Пресвятой Богородицы. Явилась в 1182 в Малороссии. Девица Анна из с. Купятицкого Пинского у. пасла стадо и заметила в лесу между деревьями блистание света. Она подошла и увидела, что на дереве висит небольшой крест с

Богоматерь Купятицкая. Икона. XVIII в. ГМИР. СПб.

изображением на нем иконы Пресвятой Богородицы. Девица сняла крест и с великой радостью отнесла его в свой дом, спрятала и воротилась к стаду, но на том же месте опять увидела сияние и крест и, думая, что находит др. крест, взяла и повесила его себе на грудь. Вечером, пригнавши стадо домой, она хотела показать отцу бывший на ней крест, но креста не оказалось. Она сказала, что есть у нее др. такой же крест, и пошла его взять, но не нашла и этого креста. Тогда она вместе с отцом вернулась к тому месту, где 2 раза находила крест. Оба они увидели тут на дереве во свете крест с изображением Богоматери и, взяв его, отнесли домой, но на др. день крест опять у них исчез. Тогда они объявили об этом чуде жителям своего села, которые пошли на указанное место, и все увидели на дереве крест, излучавший сияние. Это чудо возбудило во всех жителях благоговение, и они построили здесь деревянную церковь, и в ней поставили обретенный крест, и стали называть его Купятицкой иконой Пресвятой Богородицы. С того времени от иконы начали совершаться чудеса. Однажды во время морового поветрия в с. Купятицком икону обнесли вокруг села, и поветрие в тот же день совершенно прекратилось.

Прошло несколько лет, татары сожгли церковь с чудотворной иконой. Однажды некто путник по имени Иоаким, проходя мимо того места, где была церковь, изумлен был светом, исходящим из земли. Он подошел и увидел крест, лежащий в пепле. Путник объя-

вил о том жителям с. Купятицкого, которые со своим священником пришли на место и с радостью узнали в нем свою чудотворную икону. Она не подверглась ни малейшему повреждению от огня. Тут снова была построена церковь, при которой путник Иоаким остался пономарем. В 1629 при Купятицкой церкви основан православный мужской монастырь.

Празднуется 15/28 нояб.

КУРСКО-КОРЕННАЯ икона Божией Матери.

В 1383 монгольские войска хана Тохтамыша сожгли часовню, разрубили на 2 части образ, а местного священника Евфимия Боголюба увезли в Крым к татарам. Находясь в плену, Евфимий безропотно сносил все тяготы и находил в себе силы славить Господа и Бого-

Богоматерь Знамение Курско-Коренная. Икона. Центральная Россия. XVII в.

матерь. Однажды проезжавшие мимо места его заточения московские послы услышали песнопения в честь Богородицы. Они выкупили несчастного Евфимия и отвезли его в Рязань. Священник нашел обе части иконы и сложил их вместе. Чудесным образом половинки соединились воедино. Вскоре люди отстроили часовню. В ней Курская икона пребывала до к. XVI в., пока о святыне не узнал царь Федор Иоаннович.

В 1597 образ Богоматери приносили в Москву, где по велению царицы Ирины Федоровны на него возложили драгоценную ризу, а затем вставили в позолоченную раму с изображением Господа Саваофа сверху и Пророков по сторонам и внизу. С этого времени икону начали именовать Коренной в память о нахождении ее на корнях дерева, а все последующие списки с чудотворного образа стали дополнять фигурами Бога-Отца и Пророков на полях.

В этом же году по воле государя на месте часовни построили монастырь с соборным храмом в честь Рождества Богородицы и церковью Живоносного Источника на месте обретения иконы, где происходил ручей. Первым игуменом обители стал священник Евфимий.

Празднование Курско-Коренной иконе Божией Матери установлено 8/21 сент.

КУРЕНЬ, 1) казачий дом с надворными постройками; 2) временная постройка на поле или пастбище.

КУРИЛКА, народная игра, во время которой из рук в руки передавалась горящая *лучина*. Играющие пели: «Ножка тоненька, душа коротенька», «Жив, жив, курилка!» Тот, у которого лучина гасла в руках, считался проигравшим.

КУРИНЫЙ БОГ, в русской деревне вплоть до н. XX в. ритуальный предмет, обычно камень со сквозным отверстием, напоминающий птичью голову, который вешали в курятник в качестве оберега от *нечистой силы* — *домового* и *кикимор*, а также для того, чтобы куры хорошо неслись и были целы.

КУРИНЫЙ ПРАЗДНИК (Сильвестр), народное название дня св. Сильвестра, папы римского, 2/15 янв.

В этот день полагалось чистить курятники, ладить насесты, окуривать стены, чтобы охранить кур от проказ *домового*. Работу эту выполняли женщины втайне от мужчин. В курятниках, как и на Куриный праздник в осенние *Кузьминки*, подвешивали *куриного бога* — черный камень с отверстием, чтобы он охранял кур от нечисти и для лучшей их яйценоскости.

В этот день молились св. Сильвестру, заговаривали *лихоманку*. Опытные старушки смывали с дверей и притолок *лихоманок* (лихорадок) с приговором и непременно тряпичей, смоченной раствором *четверговой соли*, золы из семи печей и земляного угля. Четверговую соль хранили с четверга седьмой недели *Великого поста*, когда ее прожигали в *русской печи*.

КУРНАЯ ИЗБА, рубленый дом с *печью*, не имевшей дымохода. Дым из топки выходил через окно и дверь, открытую для тяги. Курная изба называлась еще *черной из-за толстого слоя сажи*, покрывавшего стены и потолок.

КУРНИК, круглый сдобный *пирог* с яйцами и куриным мясом, нарезанным крупными кусками.

КУРЯЧЬИ ИМЕНИНЫ — см.: **КУЗЬМИНКИ ОСЕННИЕ**.

КУТНИК, *лавки*, расположенные вдоль стен, образующие *красный угол*, *кут*.

КУТЬЯ, кушанье из риса и другой крупы с *медом*, изюмом и т. д. Освящается в церкви и вкушается на поминках и в *Сочельник* (*сочиво*).

КУХЛЯ, небольшой дубовый бочонок с носиком для слива, с четырьмя деревянными ножками и ручкой сбоку. Использовался для подачи на стол *кваса*, *пива*, *браги*.

КУХНЯ РУССКАЯ, особенности приготовления пищи в домашнем быту русского народа связаны с ритуальным характером, который русские придавали приему пищи (см.: Еда (трапеза)).

Из разных способов приготовления пищи варка, печение и сушка были распространены у русских значительно шире, чем жаренье и копчение. Последнее почти совсем не было принято. Напротив, широко использовались такие способы приготовления пищи, как соление, квашение и вяление на воздухе и на солнце. Существовал особый способ жаренья, который назывался *пряжить* (малорос. *пряжений*). Он заключался в том, что пищу полностью погружали в масло или сало и так варили. Этим способом делали т. н. русский *хворост*. Печенье *пряженики* и *пряжмо* были названы так именно по этому способу приготовления. Преобладало жаренье в закрытой посуде (*жаровня*, *плóшка*, *ринка*), и это восходило к *пряжению*. Различие заключалось лишь в том, что если жарилось не мучное блюдо, а

Металлическая утварь: а — ступа с пестиком; б — ковш; в — кружка с крышкой; г — горшок; е-з — сковородки; д — пельменница.

мясо или овощи, то они сами давали сок и т. о. кипели не в чистом масле или жиру, а в сильно разбавленном, так что скорее тушились и даже варились.

Парили овощи без жира или масла; их ставили в герметически закрытой посуде в горячую *печь*, и они варились в собственном соку. Севернорусские готовили этим же способом *паренки* из репы; они отличались по вкусу от печениц, т. е. от репы, печенной в *печке*. Выпечка некоторых *пирогов*, особенно пирогов с калиной и отчасти с рыбой, основана на этом же принципе. Круглые пироги с калиной тщательно закрывали сверху тряпкой, и они всю ночь *прели* в *печи*, как и *паренки* из репы, так что калина с солодом становилась уже не горькой, а сладкой. Ягодный сок, так же как сок от рыбы в рыбном пироге, оставались внутри пирога.

Существовал особый способ *калить*, *томить* продукты, напр. яйца, в *печи*. Их ставили в пустой закрытой посуде в горячую *печь*. Такие *каленные* яйца отличались вкусом от печеных. Орехи *калили* др. способом: завязывали в мешки и ставили в горячую *печь*. При этом мешки поворачивали с боку на бок, чтобы они не сгорели. Когда орехи сильно нагревались, их прямо в мешках погружали в холодную воду, затем снова *калили*, и повторяли это раза три — четыре. Ореховая скорлупа служила герметическим сосудом.

Широко была распространена сушка продуктов в горячей *печи*. Так сушили, напр., малину, чернику, вишню, рыбу и т. п.

Вяление рыбы отличалось от сушки тем, что она сохла медленно и постепенно не в *печи*, а на ветру и под лучами северного солнца. Севернорусские вялили рыбу следующим способом: не снимая со свежей рыбы чешуи, ее резали в длину, натирали солью и развешивали на солнце, обычно по краю крыши. От птиц ее предохраняли сетью. Так она висела все лето. Точно таким же образом, хотя и реже, вялили соленое мясо.

Рыба, вяленная этим способом, пахла гораздо приятнее, чем кислая рыба, которую нередко путали с соленой. Кислую, точнее квашеную рыбу сперва солили

Мастерская круга Вишняковых. Альбом «Демьянова уха». 1890-е.

в бочках, но лишь слегка. Некоторое время бочки с рыбой держали в теплом месте, на солнце, в избе, даже около печи, пока у рыбы не появится сильный кислый запах. Кислая рыба становилась совершенно мягкой, так что мясо легко отделяли от костей. Северяне ели такую рыбу, сырую или печеную, не обращая внимания на ее запах. Они утверждали, что кислая рыба действует возбуждающе. В Олонецкой губ. кислую рыбу называли межунная рыба (собственно, рыба теплого времени года), а замежёнилась рыба означает, что рыба закисло.

Из приправ на первом месте стояло соленое свиное сало, излюбленная приправа малороссов и белорусов; напротив, великороссы его не употребляли. Малороссы снимали с убитого кабана сало полосками шириной в 13 см, во всю длину туши и разрезали эти «ремни» на куски длиной 13–18 см. Эти куски натерли солью, набивали ими свиные кишки (здор), посыпали солью (3 кг соли на 20 кг сала) и вешали в сухом месте на ветру или в сарае. Кроме того, соленые куски сала без потрохов клали в *кадку* (будня). Через месяц сало было готово. Его употребляли как приправу к разным блюдам, иногда в толченом виде. Его также жарили на сковороде кубиками по 2 см, без кожи (смáжене сало). Великороссам все это было чуждо; они употребляли смалец (растопленное сало) только для жарки.

Приправой к постным блюдам служил сок, т. е. маслянистая жидкость, получающаяся, если растолочь жареное конопляное семя. Малороссы Овручского у. Волынской губ. готовили еще т. н. урдú: растирали в миске сырое конопляное семя, смешивали его с водой, процеживали и варили в горшке. Поднимавшуюся при этом наверх белую массу пережаривали с луком и употребляли как приправу. Конопляный сок, с незначительными вариантами в способе приготовления, употребляли во всех областях России.

Белорусы приправляли некоторые блюда, напр. мясной суп (юшнік), свиной и гусиной кровью. Они, как и малороссы, запекали, напр., кровь с мукой; это блюдо называлось кровянка. Кроме того, и белорусы, и малороссы делали колбасы из крови животных. В отличие от них великороссы избегали какого бы то ни было употребления крови и считали ее добавление в пищу *грехом*.

Помимо запрета на кровь существовал запрет на употребление в пищу мяса различных животных, птицы и рыбы, обусловленный библейскими заповедями или объясняющийся др. причинами. Нельзя было есть

конину, кошачье и собачье мясо и мясо хищных животных; кое-где, правда, разрешалось есть медвежатину. Не везде допускалось употребление в пищу заячьего мяса. В основном этого избегали великороссы, утверждая, что у зайца кошачья морда и собачьи лапы (Рязанский у., Вологодская губ., Шенкурский у. Архангельской губ. и др.). Русские не ели также мяса белки, между прочим потому, что старались не уподобляться своим соседям — финнам, употреблявшим в пищу и зайчатину, и беличье мясо. Редко и неохотно русские ели телятину. Вероятно, старый обычай не есть телятину был вызван хозяйственными соображениями. Теленка следует откармливать, пока он не станет побольше. Староверы и жители Крайнего Севера (Пудожский у. Олонецкой губ.) не ели свинину; они считали свинью нечистой, поскольку она питается падалью.

Не употребляли в пищу также мясо хищных птиц. Мясо лебедей тоже не ели, хотя еще в старой Москве оно было обычным блюдом. Этому запрету давали разные объяснения. В Сибири говорили, что у лебедей бывают менструации, что они рождаются слепыми и совокупляются по-собачьи. В Самарском у. лебедь считался священным символом супружеской любви. В Олонецком у., так же как в Вятской губ., это объясняли так: если из пары лебедей один умирает, второй бросается с высоты вниз и разбивается о землю. Во многих местах не ели мясо голубей, особенно белых. Причины были разные: говорили, что голуби рождаются слепыми (Псковский у.), что они «Божьи птицы» (Владимирская губ.), что святой дух явился в образе голубя (Шенкурский у. Архангельской губ.), что голубь — божественный символ (Обоянский у. Курской губ.). Кое-где, например в Псковском у., не ели и журавлиное мясо; раньше, однако, это была излюбленная еда, и журавлей откармливали как домашнюю птицу. В Самарском у. приводили такое объяснение: журавли — уроды, так как у них чрезмерно длинные ноги и носы. На этом же основании, как уродов, там не ели раньше и глухарей, потому что они глухие. В некоторых местах не ели перепелов (Сергачский у. Нижегородской губ.), петухов (Пудожский у. Олонецкой губ. и Вологодский у.), чаек (Шенкурский у. Архангельской губ.) и т. д. В Подолии не ели аистов, дятлов, цапель, поскольку это люди, превращенные в птиц.

Во многих местах не ели раков (Владимирская губ., Сергачский у. Нижегородской губ., Курская губ. и др.); их называли чертовы вши, потому что они питаются падалью. Из рыб не ели угря, похожего на змею и не имеющего чешуи (Вятская губ., Шенкурский у. Архангельской губ.). Голову выюна считали нечистой и поэтому ее отрывали (Могилевская губ.). Кое-где не ели также налимов, потому что у них нет чешуи, и сигов (Могилевская губ.). В некоторых местах староверы не ели даже картофель, который они называли чертовьи яйца и употребление которого в пищу еще в н. XIX в. они считали грехом. Требование бывшего департамента уделов Пермской губ. сажать картофель вызвало крестьянские бунты. Многие староверы до н. XX в. считали грехом употребление чая, кофе, сахара и особенно табака. Самовар они называли «антихристово брюхо» (Семеновский у. Нижегородской губ.) и даже «самоварную воду» без чая и то не пили. Почти везде сахар считался в постные дни запретным.

Первым и основным горячим блюдом великороссы считали *щи*, а белорусы и малороссы — *борщ*. Некоторые малороссы даже отказывались жениться на

русских девушках (москувках), говоря: «Хоть они и красивы, да борщ варить не умеют». Тем не менее это довольно поздний видоизмененный вариант старого кушанья, супа из диких трав, преимущественно из борщевника. У белорусов и великороссов это растение до н. XX в. сохраняло свое старое название — борщóвник. Белорусы, особенно Виленской и Минской губ., варили из этой травы кислую похлебку и называли ее борщ. Добавление разных трав, например крапивы, лебеды, характерно и для малороссийского борща, но его главной составной частью являлась свекла (буракъ) и свекольный квас. Главной же составной частью шей служила *капуста*. Свекла родилась на севере плохо и очень мало была там распространена. В некоторых районах Белоруссии щи называли капустой.

Очень редко встречалась у малороссов сушеная овсяная мука — толокно, общеупотребительное у белорусов и обогатившее целым рядом блюд русскую кухню. Эти блюда отличались друг от друга различными добавлениями к толокну, способом замешивания и особенно густотой. Это русские дежён, сухомёс, тепня, тепёнька и др.

Толокно (белорус. также *мілта*) делали следующим способом: овес обливали горячей водой, кипятили с помощью горячих камней или иным способом, сушили в печи, толкли в ступе, просеивали и мололи в муку. Для еды его разбавляли до разной густоты холодной водой с солью, квасом, молоком и т. п.

Кулáга была характерна для великороссов, однако ее знали и белорусы, называвшие ее кулáга или салатúха. Великороссы называли ее также тесто. Это кислое тесто из ржаной муки и солода, которое не пекли, а парили.

Для великороссов было характерно употребление в пищу тюрки, тюрьки; это кусочки черствого черного хлеба, размоченные в квасе или в воде, иногда с добавлением чеснока или конопляного масла. Белорусы называли эту еду цюпки, чекуляда. Ее делали также с молоком и березовым соком (весной).

Широкое распространение в русской кухне имели лапша и пельмени. Лапша готовилась из крупных кусков теста. Пельмени — разновидность пирожков с рубленым сырым мясом, которые варили в кипятке; ели их часто с уксусом и перцем. Делали также пельмени с начинкой из рубленой капусты, грибов или рыбы. Это блюдо было знакомо не всем севернорусским, а только жителям Урала и Нижней Волги. На севернорусские пельмени были похожи украинские вареники. Это пирожки, немного крупнее пельменей; их начиняли творогом, толченым маком, ягодами, бобами, мясом (т. н. гилуни), капустой. Их варили и ели со сметаной, маслом или медом. Вареники были известны также белорусам, которые начиняли их толченым конопляным семенем или грибами, варили в воде и затем сушили на горячей печи.

Другое малороссийское национальное кушанье — *галушки*; это кусочки густого пресного теста из гречишной или пшеничной муки, сваренные в воде. Их ели с маслом или со свиным салом с чесноком, а иногда со свекольным квасом. Узвар — специальное рождественское малороссийское блюдо: сушеные фрукты заливали водой и ставили на ночь в печь; его ели холодным, добавив немного меда.

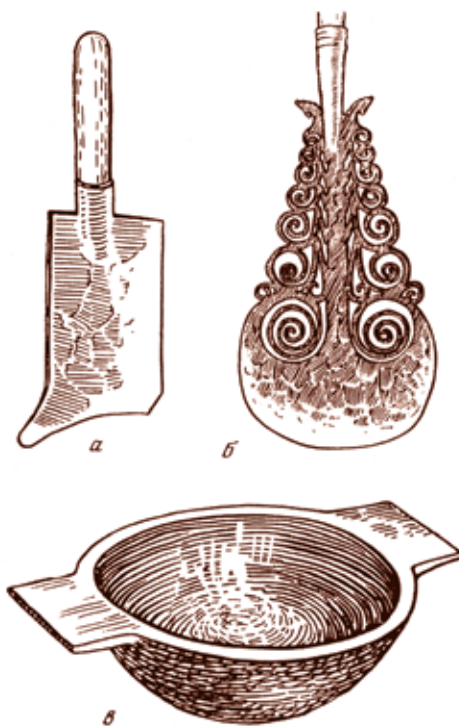
Белорусские национальные блюда, кроме упомянутых, включали еще следующие: жидкий мучной суп из ржаной, ячменной, овсяной, гречишной, гороховой,

бобовой муки или из смеси всех этих сортов, с солью. Он назывался калатúха и баўтúха. Ели его горячим, с маслом или салом. Т. н. камы — шарики величиной с куриное яйцо, приготовленные из вареных или толченых бобов или гороха, а иногда также из овсяной или гороховой муки. В последнем случае эти шарики варили или жарили. Их ели с молоком или салом. Такие шарики, начиненные кусочками свиного сала, назывались камы з варабьями.

Каша и кисель были распространены одинаково по всей России. Существовало множество видов этих блюд в зависимости от составных частей и способа приготовления.

Следует также упомянуть целый ряд диких трав, которые ели сырыми, причем не только дети, но и взрослые. Иногда сбор некоторых из этих трав превращался в общий праздник, как, напр., сбор дикого лука — резанца и др. вида лука на прибрежных лугах Севера (Вятская и Вологодская губ.). Его ели сырым, реže вареным, как приправу к разным постным кушаньям. Сбор лука в начале *Петрова поста* сопровождался веселыми прогулками молодежи. Белорусы ели оба вида лука сырым.

По всей России ели в сыром виде кислые листья щавеля, стебли и цветы т. н. заячьей капусты. Хвощ или дикая спаржа (пéстики) иногда всю весну кормили целые семьи бедняков, не имеющих хлеба. Это растение ели и сырым, и вареным. Его подземные клубни (земляные орехи) на Севере считали лакомством. Ели также клубни хохлатки и репного кервеля. Дети ели и лопушки, т. е. молодые побеги этого растения, а также молодые побеги липы. Молодые листья сняты обыкновенной (снитка) и борщевника давали зелень для овощных супов. Дети ели сырыми стебли этих растений, а также и некоторых др. зонтичных, напр. дудника. Съедобны также молодые побеги свербиги, стебли козлобородника, гроздовника, молодые побеги рогоза, плоды полевой мальвы (калáчики, просвирки) и др.

Утварь для рубки овощей: а — нож-секач; б — секач; в — корытце для рубки

Из деревьев *береза* и *сосна* давали весной сок. Его наеживали из-под коры. Он был сладок как мармелад. Сосновый сок являлся также целебным средством при легочных заболеваниях. Для получения соснового или березового сока выбирали молодые деревья 15–30 лет. Иногда их валили, но чаще очищали ствол от коры, не срубая дерева, и резали ножом или рвали струной мягкий сочный слой.

В пищу шли также молодые побеги ели во время цветения (севрус, сѣвериха, мѣчка, плѣтка, марѣшка).

Ист.: Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991.

Русская кухня в XVI–XVII вв., основывалась на обычаях. Лучшим поваром считался тот, который следовал сложившимся национальным традициям. Изменения в кушаньях вводились незаметно. Кушанья были просты и не разнообразны, хотя столы русские и отличались большим количеством блюд; значительная часть этих блюд была похожа одна на другую, с небольшими различиями. Богатые составляли себе роспись кушаний на целый год; счет шел по церковным праздникам, по *мясоедам* и *постам*; для каждого дня, соответственно со значением его в церковном круге, назначался заранее стол; впрочем, это не стесняло возможности выбора кушаний и по желанию, потому что в росписи писалось множество кушаний, из которых можно было выбирать.

Обычай свято сохранять посты, соблюдаемый как крестьянами, так и царями и боярами, разделял русский стол на 2 отдела: скоромный и постный, а по припасам, из которых готовились кушанья, они могли быть разделены на 5 отделов: мучнистые, молочные, мясные, рыбные и растительные.

Русские ели *хлеб* преимущественно ржаной; он был принадлежностью не только бедного, но и богатого стола. Русские даже предпочитали его пшеничному, приписывали ему больше питательности. Название «хлеб» значило собственно ржаной. Иногда, впрочем, к ржаной муке примешивали ячневую, но это не могло быть постоянным правилом, потому что ячменя было мало. Пшеничная мука употреблялась на просфоры, а в домашнем быту на *калачи*, которые вообще для простого народа были лакомством в праздничные дни — от этого и пословица: калачом не заманишь. Лучший сорт калачей пекся из крупитчатой муки в виде колец небольшого размера, другой сорт делался из толченой муки, круглыми булками: эти калачи назывались братскими; был третий род, называемый смесными калачами: их пекли из пшеничной муки пополам с ржаной. Это делалось не только от недостатка, но находили в такой смеси особый вкус: к царскому столу подавались такие калачи. Вообще хлебы, как ржаные, так и пшеничные, готовились без соли.

В XVI и XVII вв. в большом употреблении в народе было толокно, приготовленное из овсяной муки с водой; в сухом виде оно отпускалось служилым людям для продовольствия наряду с ржаной мукой.

Из кушаний, приготовляемых из теста, первое место занимали *пироги*. По способу выпечки они были пряженые и подовые. Подовые были всегда из квасного теста, пряженые иногда из квасного, иногда из пресного. Мука для них употреблялась пшеничная крупитчатая или толченая, смотря по важности дня, когда они готовились; пеклись также и ржаные пироги. Все русские пироги в старину имели продолговатую форму и различную величину; большие назывались пирогами,

малые пирожками. В скоромные дни они начинались бараним, говяжьим и заячьим мясом, несколькими видами мяса разом, напр. бараниной и говяжьим салом, также мясом и рыбой вместе с добавлением каши или лапши. На *Масленицу* пекли пряженые пироги с творогом и с яйцами на молоке, на коровьем масле, с рыбой вместе с искрошенными яйцами или с тельным, как называлось рыбное блюдо, приготовляемое вроде котлет. В постные рыбные дни пеклись пироги со всевозможнейшими родами рыб, особенно с сигами, снетками, лодогой, с рыбными молоками или с визгой, на масле конопляном, маковым или ореховым; крошенная рыба перемешивалась с кашей или с рисом. В постные нерыбные дни пеклись они с рыжиками, с маком, горохом, соком, репой, грибами, капустой, на каком-нибудь растительном масле или сладкие с изюмом и другими разными ягодами. Сладкие пироги пеклись и не в пост вместо пирожных. Пироги, за исключением сладких, подавались к горячему: меж ух.

Другой вид печенья из теста был *каравай* — сдобный хлеб, приготовленный различными способами. Был каравай битый, который взбивался с маслом в сосуде, ставленный — вроде кулича на молоке; яйцкий — на большом количестве яиц, каравай с сыром, каравай братский и прочее. Яйца, масло или говяжье сало, сыр и молоко служили добавкой в каравае, а различные виды его зависели от того, сколько класть муки и с чем ее клали и в каком количестве.

К печеньям из теста принадлежали: *курник*, т. е. паштет, начиненный курицей, яйцами, бараниной с маслом или говяжьим салом; оладьи, котлома, сырники, блины, хворосты, кисели. Оладьи делались из крупитчатой муки, яиц, коровьего масла, а в постные дни — без яиц с ореховым маслом и подавались с патокой, сахаром или медом. Оладьи огромного размера назывались приказными оладьями, потому что их приносили приказным людям на поминки. Подобное кушанье составляла котлома, отличавшаяся от оладий тем, что количество яиц в ней было меньше; она подавалась с патокой. Сырники готовились из творога, яиц, молока с небольшим количеством крупитчатой муки. Блины делались красные и молочные: первые из гречневой, вторые — из пшеничной муки; молоко и яйца входили в последний сорт. В XVI–XVII вв. блины не составляли принадлежности Масленицы, как в XIX в., — символом Масленицы были пироги с сыром и хворосты — вытянутое тесто с маслом. Пекли также тестяные шишки, левашники, перепечи, орешки: все эти виды подавались в масле; такие же кушанья готовились в пост с растительным маслом. Кисели делались из овсяной и пшеничной муки и подавались в скоромные дни с молоком, в постные — с постным маслом. Каша готовилась из круп, овсяных или гречневых, пшеничная каша была редко. Из молочных кушаний в употреблении была вареная лапша с подливом в нее свежего топленого молока, варенца, молочная каша разных видов, губчатый сыр из творога со сметаной, кислый сыр.

Мясные кушанья были вареные или жареные. Вареные подавались в *щах*, ухе, рассоле и под взварами; щи забеливались сметаной во время варения, а не при столе. Обыкновенный приварок к щам была кочанная и крошенная, свежая и кислая капуста. К щам подавалась гречневая каша. Ухой назывался суп или похлебка. Огромное количество разных принастей составляло принадлежность русской ухи в разных видах: уха с

гвоздикой называлась черной ухой, с перцем — белой, а без пряностей — голый. Рассол был вид солянки: варилось мясо в огуречном рассоле с примесью пряностей. Взмаром назывался всякого рода соус. Жареные мясные кушанья были верченые, шестные, печеные, сковородные. Баранина составляла самый обычный вид мясных кушаний в скоромные дни с весны до поздней осени. «Домострой» учит, как поступать с бараньим мясом: купив целого барана, следовало разделить его мясо и распределить на несколько дней части; грудинка подавалась на уху или щи; лопатки и почки на жареное; крюки подавались под взмаром; ножки начинялись яйцами; рубец кашей; печенку иссекали с луком и, обернув перепонкой, жарили на сковороде: легкое готовили со взболтанным молоком, мукой и яйцами; из головы вынимали мозги и делали из них особую похлебку или соус с пряностями, а из густосваренной с бараньим мясом ухи, ставя ее на лед, готовили холодный студень. Для говядины служили яловые коровы, поэтому говядина носила в старину название яловичины. Яловиц покупали осенью и убивали; мясо солили впрок, а потроха, к которым причисляли губы, уши, сердце, ноги, печень, языки, служили для обычной пищи и подавались под студнем, под взмарами, с кашей, на жареное. Свежей говядины русские ели мало, а употребляли гл. обр. соленую. Многие содержали во дворах свиней и откармливали их в течение года, а перед праздником *Рождества* кололи. Свиное мясо солилось или коптилось, и ветчина употреблялась на зимние щи, а голова, ноги, кишки, желудок подавались свежими в разных видах: голова под студнем с чесноком и хреном; из кишок делали колбасы, начиняя их смесью мяса, гречневой каши, муки и яиц. Зайцы подавались душенные (духовые), рассольные (в рассоле вареные) и под взмарами, особенно сладкими. Были люди, которые считали зайцев нечистыми животными. Стоглав запрещал продавать на торгах зайцев без «испущения крови». Такое же предостережение было от Московского патриарха в 1636; но нигде не видно, чтобы Церковь была против употребления зайцев в пищу. Наравне с зайцами некоторые остерегались оленины и лосины; но мясо этих зверей составляло роскошь царских и боярских торжеств.

Куры подавались в шах, ухе, рассоле, жареные на рожнах, вертелах, называемые по способу их приготовления нарожными и верченными. Щи с курицей назывались богатыми шами и всегда забеливались. К жареной курице обычно подавали что-нибудь кислое: уксус или лимон. «Кура рафленая» употреблялась в XVII в. в соусе из курицы с рисом, изюмом и разными пряностями, кура бескостная — в соусе из курицы без костей, с начинкой из баранины или яиц с шафранной похлебкой. За роскошными обедами особыми блюдами подавались куриные пупки, шейки, печенки и сердца. Другие птицы, употребляемые в пищу, были утки, гуси, лебеди, журавли, цапли, тетерева, рябчики, куропатки, перепела, жаворонки; утки — в шах и жареные, гуси — вяленые, начинялись гречневой крупой и приправлялись говяжьим салом; из гусей готовили *полотки*, которые ели зимой с хреном и уксусом; гусиные потроха шли в уху или в особые кушанья под взмарами. Рябчики, тетерева и куропатки — кушанья зимние — обыкновенно подавались: первый приправленный с молоком, прочие жареные со сливами и другими плодами. Лебеди во всякое время считались изысканным блюдом: их подавали под взмаром с топешками, т. е.

нарезанными ломтиками калача, опущенными в коровье масло; потроха лебязьи, как и гусиные, подавались под медвяным взмаром, иногда же с говядиной или в пирогах и перепечах. Дичи в России было много и она была дешева, но русские не очень любили ее и употребляли мало. Каждое мясо имело свои огородные и пряные приправы; так, репа шла к зайцу, чеснок к говядине и баранине, лук к свинине.

Московское государство изобиловало рыбой, составлявшей половину года обычную пищу. Самые распространенные виды рыб были: лососина, привозимая с Москвы с севера из Корелы, осетрина шехонская и волжская, волжская белорыбица, ладожская ладога и сырть, белозерские снетки и рыбы всех небольших рек: судаки, караси, щуки, окуни, лещи, гольцы, пескари, ерши, вандыши, хохолки, вьюны. По способу приготовления рыба была свежая, вяленая, сухая, соленая, провесная, ветряная, паровая, подваренная, впрок щипанная, копченая. По принятому обыкновению закупать для дома съестные припасы в оптовом количестве везде продавалось множество соленой рыбы, хороший хозяин покупал для домашнего обихода большой запас и складывал в погреб, а чтобы она не испортилась, вывешивал на воздух, и это называлось выветривать: тогда уже рыба получала название провесной, а если хорошо выветривать, то ветряной. С тех пор рыба складывалась уже не в погреб, а в сушиле пластами и прутами; пластовая рыба клалась на приделанных к стенам сушила полицах, а прутовая — кучей под рогожами.

Из-за трудностей доставки свежей рыбой могли пользоваться только жившие около рыбных мест; в Москву свежая красная рыба доставлялась только для царского стола и для знатных князей и бояр; она привозилась живая и содержалась в прудах, специально сделанных в их садах; большинство жителей довольствовались соленой осетриной, готовившейся на астраханских учугах.

Горячие рыбные кушанья были щи, уха и рассольное. Рыбная уха делалась из разных рыб, преимущественно чешуйчатых, а также из рыбных потрохов, смешанных вместе с пшеном или с крупами и с большим добавлением перца, шафрана и корицы. По способам приготовления в русском столе различалась уху рядовая, красная, черная, опеканная, вялая, сладкая, пластовая; в уху бросали мешочки или толченники, приготовленные из теста с искрошенной рыбой. Щи делались кислые со свежей и с соленой рыбой, иногда с несколькими сортами рыб вместе, часто с рыбой сухой вроде истертой в порошок муки; при этих горячих кушаньях подавали пироги с рыбными начинками или кашей. Рассольное готовилось обычно из красных рыб: осетрины, белужины и лососины. К горячим кушаньям подавали пирожки с разными рыбными начинками и с кашей. В постные дни летом подавалась ботвинья с луком и разными кореньями. Из тертой рыбы разных родов, смешанных вместе с примесью крупы или пшена, готовилось кушанье, называемое рыбная каша; а в скоромные дни примешивали туда и мяса; такую же кашу клали и в пироги. Готовили из рыб тельное вроде котлет, смешивали с мукой, обливали ореховым маслом, добавляли туда пряностей и пекли; это называлось рыбным караваем. Жареную рыбу подавали облитую каким-нибудь взмаром. *Икра* была в числе обычных кушаний: свежая зернистая из осетра и белорыбицы составляла роскошь; но во всеобщем

Мучные блюда: а — блины, б — вареники, в — пельмени

употреблении была паюсная, мешочная, армянская, которую употребляли даже бедные. Икру употребляли с уксусом, перцем и искрошенным луком. Кроме сырой икры употребляли еще икру, варенную в уксусе или маковом молоке и жареную в масле: в посты делали икрянки, или икряные блины: это была взбитая, после продолжительного битья, икра с примесью крупчатой муки и потом запаренная.

В те постные дни, когда считалось *грехом* употреблять рыбу, пища русских была растительная: ели кислую и ставленную капусту, свеклу с постным маслом и уксусом, пироги с горохом, с растительной начинкой, гречневую и овсяную кашу с постным маслом, луковники, овсяный кисель, левашники, оладьи с медом, караваи с грибами и с пшеном, разного рода грибы вареные и жареные (масленики, грузди, сморчки, рыжики), разные приготовления из гороха: горох битый, горох тертый, горох цеженный, сыр гороховый, т. е. твердосбитый мятый горох с постным маслом, лапшу из гороховой муки, творог из макового молока, хрен, редьку и разные овощные блюда: взвар из овощей и коливо.

Ко всяким кушаньям русские любили добавлять пряные приправы, а в особенности лук, чеснок и шафран. Лук и чеснок являлись продуктами первой необходимости: они давались в числе кормов, которые обязаны были жители давать писцам, посылаемым для составления писцовых книг. Перец, горчица и уксус ставились всегда на столе как необходимость обеда; и каждый гость брал сколько хотел. При приготовлении кушаний обыкновенно не употребляли соли. Это делалось для того, чтобы каждый мог брать соли сколько хотел, и в те времена русские не находили разницы во вкусе того, что посолено во время приготовления кушанья, от того, что солили уже на столе. Зато все любили соленое впрок и не только употребляли мясо и рыбу больше в соленом виде, но и заправляли солью и уксусом разные овощи и плоды: огурцы, сливы, яблоки, груши, вишни. У хороших хозяев всегда стояло несколько посудин с такими соленьями, «придавленных камнями» и «засеченных в лед». Они подавались к жареному мясному и рыбному, а белая соленая капуста была обычным запасом на зиму как у богатых, так и у бедных.

Русские лакомства состояли их плодов свежих или же приготовленных в патоке, с медом и сахаром. Плоды эти были отчасти отечественного происхождения, отчасти привозные. Хозяева употребляли яблоки и

груши в патоке и в квасе, т. е. клали в бочонки и заливали патокой, потом закрывали, но не плотно, чтобы «кислый дух выходил», или же, отобравши свежих яблок, делали в них отверстия и наливали туда патоки; из малины готовили морс, употребляемый с водой, из брусники брусничную воду. Было в обыкновении лакомство, называемое *левашами*: его делали из малины, черники, смородины и земляники. Ягоды сначала уваривали, потом протирали сквозь сито и вслед за тем варили снова, уже с патокой, обильно добавляемой во время варки, потом выкладывали эту густую смесь на доску, прежде смазанную патокой, и ставили на солнце или напротив огня; когда она высыхала, то сворачивали ее в трубочки. Другим лакомством была *пастила*, готовившаяся из яблок. Яблоки клали в *сыту* (медовый взвар) и парили, потом протирали сквозь сито, клали патоку и снова запаривали, мешали, били, мяли, потом выкладывали на доску и давали подняться вверх, наконец складывали в медные, луженые твораила, давая закиснуть, и опрокидывали вниз. Пастилу делали также и из других плодов, например из калины.

Редьку в патоке готовили таким образом: сначала крошили редечный корень в мелкие ломтики, вздевали на спицы так, чтобы ломтик не сталкивался с другим ломтиком, и вывешивали на солнце или в печах после выпечки хлебов; когда в растении не оставалось сырости, толкли его, просеивали сквозь сито, между тем варили в горшочке белую патоку и, уварив, выливали в редечную муку, добавляя туда разных пряностей: перца, муската, гвоздики и, запечатав горшочек, ставили в печь на 2 дня и 2 ночи. Смесь эта должна быть густой, как паюсная икра, и называлась мазоней, такую же мазоню готовили подобным способом из сухих вишен. Из арбузов, которые привозились с низовьев Волги, готовилось такое лакомство: нарезав арбуз пальца на 2 от коры кусками не толще бумаги, клали на сутки в щелок, между тем варили патоку с перцем, имбирем, корицей и мускатом и потом клали туда арбузы. Подобным образом готовили лакомства и из дынь. Русские варили в сахаре и в патоке привозные плоды, изюм, смоквы, имбирь и разные пряности. Обыкновенным русским лакомством был *взвар*, готовившийся из винных ягод, изюма, фиников, вишен и других плодов с медом, сахаром или патокой, с большим количеством гвоздики, кардамона, корицы, шафрана, имбиря и прочего; один род взвара назывался медвяным; другой квасным. К лакомствам следует отнести также *пряники* или коврижки, старинное национальное печенье. Сахар и леденец, привозимые русским из-за границы, служили предметом лакомств для богатых. На царских и боярских пирах ставили на стол приготовленные из сахара изображения орлов, голубей, уток, городов, башен, теремов, людей и также целые сахарные головы. По способу приготовления и по цвету различалось несколько видов сахара: сахар свороборинный, сахар зеренчатый, узорчатый, леденец белый и красный. Все это привозилось через Архангельск и с боярских столов переходило в народное потребление.

Напитки, употребляемые русскими в старину, были *квас*, *морс*, *пиво*, *мед*, *водка* и виноградные вина. Квас пили все — от царя до последнего крестьянина. Повсеместно в посадах можно было встретить и квасоварные заведения, и квасников, продающих квас в лавках и квасных кабаках. В монастырях квас был обычным питьем братии в будни. Квасы были разных сортов: кроме простого, т. н. житного, готовившегося из ячменного

или ржаного солода, были квасы медвяные и ягодные. Медвяный готовился из рассыченного в воде меда, процеженного, с примесью калача вместо дрожжей. Этот раствор стоял некоторое время с калачом, потом его сливали в бочки. Его качество зависело от сорта и количества меда: для царей, напр., собирали лучший мед во всем государстве на квас; такого же рода медвяные квасы делались в некоторых монастырях, имевших свои пчельники; и оттого медвяный квас в народе носил эпитет монастырского. Ягодные квасы делались таким же образом из меда и воды с добавкой ягод, вишен, черемухи, малины и прочего; этого рода квас также можно было встретить чаще всего в монастырях, а у зажиточных людей он служил для угощения людей низшего звания. Пиво делалось из ячменя, овса, ржи и пшеницы; для народа оно варилось в казенных пивоварнях при кабаках, а люди зажиточные, имевшие дозволение приготавливать у себя напитки, делали его для домашнего обихода в своих дворах и хранили в ледниках под снегом и льдом. Русское пиво было вкусно, но мутно. Некоторые хозяева подпаривали его патокой, т. е. готовое пиво сцеживали с дрожжей и сливали в другую бочку, потом, взявши этого пива ведро, примешав туда патоки, варили до кипятка, потом простуживали и сливали назад в бочку, а иногда подбавляли туда ягодных смесей. Последнего рода пиво называлось поддельным пивом.

Лучшим русским питьем был мед. Меды были вареные и ставленные; первые варились, вторые только наливались. Кроме того, по способу приготовления и по разным приправам меды имели названия: простой мед, мед пресный, белый, красный, мед обарный, мед боярский, мед ягодный. Мед, называемый обарным, готовили следующим образом: рассычали медовый сот теплой водой, процеживали сквозь частое сито так, чтобы мед отделился от вошины, потом клали туда хмеля, полагая на пуд меда полведра хмеля, и варили в котле, беспрестанно снимая пену ситом; когда же жидкость уваривалась до того, что в котле оставалась ее только половина, тогда выливали из котла в мерник и остужали не на сильном холоде, бросали туда кусочек ржаного хлеба, натертого патокой и дрожжами, давали жидкости вскиснуть, не допуская до того, чтобы она скисла совершенно, наконец сливали ее в бочки. Боярский мед отличался от обарного тем, что при рассычении меда бралось медового сота в 6 раз больше, чем воды; он кис в мерниках неделю, потом его сливали в бочку, где он стоял другую неделю с дрожжами; по-

том уже его сливали с дрожжей, подпаривали патокой и наконец сливали в другую бочку. Ягодный вареный мед готовился таким образом: ягоды варились с медом до тех пор, пока совершенно раскипали; тогда эта смесь снималась с огня; ей давали отстояться, потом ее процеживали, сливали в мед, уже сваренный прежде с дрожжами, хмелем, и запечатывали.

Ставленные меды готовились, как квасы, но с дрожжами или хмелем и потому отличались от квасов своим охмеляющим свойством. Ставленный ягодный мед был прохладительный и приятный напиток. Его делали обычно летом из малины, смородины, вишен, яблок и прочего. В посудину клали свежих спелых ягод, заливали водой (вероятно, отварной) и давали стоять до тех пор, пока вода не принимала вкуса и цвета ягод (дня 2 или 3), потом сливали воду с ягод и клали в нее отделенный от воска чистый мед, наблюдая, чтобы выходило по кружке меда на 2 или 3 воды сообразно желанию придать напитку более или менее сладости, потом бросали туда несколько кусков печеной корки, дрожжей и хмеля и, когда смесь эта начинала вскисать, хлеб вынимали, чтобы она не приняла хлебного вкуса, мед на дрожжах оставляли от 5-и до 8-и дней в теплом месте, а потом снимали и ставили в холодное. Некоторые бросали туда пряности: гвоздику, кардамон, имбирь. Мед ставленный держался в засмоленных бочонках и был иногда до того крепок, что сшибал с ног.

Ист.: Костомаров Н. И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. М., 1993.

КУЦАВЕЙКА (кацавейка), распашная зимняя женская одежда с большим воротником из белки, с длинными узкими рукавами. Для шитья ее использовались фабричные ткани, утепленные ватой или мехом.

КУЧМА, шапка с меховым верхом и исподом, распространенная в России до XVII в., позднее ее продолжали носить в некоторых российских провинциях, в частности в Малороссии.

КУШАК, пояс, складывающийся при одевании несколько раз; шился из шерсти, разноцветных шелков, иногда с использованием золотых и серебряных нитей. Крестьяне использовали узкий тканый кушак-покромку либо широкий цветной кушак, скрученный жгутом, с концами, заткнутыми по бокам.

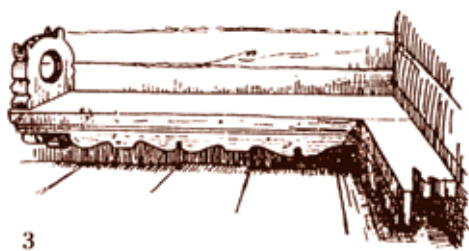
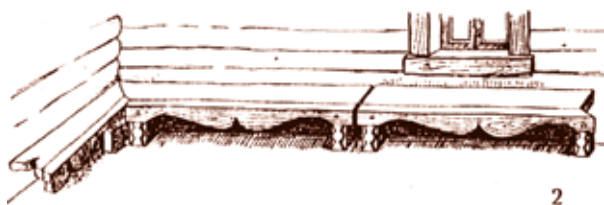

Л

ЛАБАЗ, «сарай, навес, балаган» (*В. Даль*) для хранения запасов и товаров; лабазом также назывался помост на деревьях, откуда охотники стреляли медведей.

ЛАБАРДАН, треска без головы, хребта и хвоста, соленая в бочке.

ЛАВКА, толстые длинные доски, вделанные в стены русской избы. Использовались для сидения и спанья. Для удобства лавки застилались ткаными полавочниками. Над лавками устанавливали полки для хозяйственных нужд.

Лавки. XVIII — нач. XIX в. Русский Север: 1, 2, 4 — опуштые; 3 — коник дверной

ЛАВРЕНТЬЕВ ДЕНЬ (Лаврентий, Лавр, Зоречник), народное название дня мученика архидиакона Римского Лаврентия и иных, а также блж. Лаврентия, Христа ради юродивого, Калужского, 10/23 авг.

Св. Лаврентия называли Зоречник, потому что в его день погоду определяли по зорям. В полдень ходили на воду определять, какая будет погода осенью и зимой.

Св. Лаврентий считался целителем глазных болезней. Крестьяне верили, что зоревая роса на Лаврентия обладает целебной силой.

Лагуна. 1-я пол. XIX в.

ЛАГУН, маленький дорожный бочонок с врезанной в верхнее днище трубкой, сливом, не позволявшим жидкости расплескиваться по дороге.

ЛАД, одно из основополагающих понятий мироощущения Святой Руси. Означало мир, согласие, *любовь*, дружбу, отсутствие вражды, порядок, гармонию в вещах, одежде, доме. «Лад всего дороже», «Мир да лад, тишь да крышья», «Дело пошло на лад».

Святой архидиакон Лаврентий. Мозаичная икона XI в. Киев

Наиболее полно это понятие раскрыто в книге В. И. Белова «Лад» (1982).

«ЛАД», выдающееся произведение русского писателя В. И. Белова, посвященное русской народной эстетике, своего рода словарь народного быта. Впервые опубликовано в 1982. Лад в народной жизни — стремление к совершенству, целесообразности, простоте и красоте в жизненном укладе, труде и

быте. На конкретных примерах жизни русского народа Белов раскрывает красоту, мудрость и глубину народных представлений, традиций и обычаев. Столетия гранили и шлифовали жизненный уклад, сформированный еще в пору язычества. Все, что было лишним, или громоздким, или не подходящим здравому смыслу, национальному характеру, климатическим условиям, — все это отсеивалось временем. «Все было взаимосвязано, и ничто не могло жить отдельно или друг без друга, всему предназначалось свое место и время. Ничто не могло существовать вне целого или появиться вне очереди. При этом единство и цельность вовсе не противоречили красоте и многообразию. Красоту нельзя было отделить от пользы, пользу — от красоты. Мастер назывался художником, художник — мастером. Иными словами, красота находилась в растворенном, а не в кристаллическом, как теперь, состоянии» (*В. И. Белов*).

ЛАДА (Ладю), в древнерусской языческой мифологии богиня любви, брака, благополучия, веселья. Особые обряды почитания ей устраивались весной и летом, сочетались они обычно с праздниками *Леля* и *Ярилы*. Отголоски их сохранились в песнях и хороводах на *Троицу*

М. Нестеров. Весна

(см.: Троицкие гуляния), *Семик* и *Иванов день*. С корнем «лад» связаны многие слова брачного значения. Лад — супружеское согласие, основанное на любви; ладить — жить любовно; ладковать — сватать; лады — помолвка; ладило — сват; ладники — уговор о приданом; ладканья — свадебная песня; ладный — хороший, красивый. В Древней Руси любимых называли Лада (напр., «Слово о полку Игореве»).

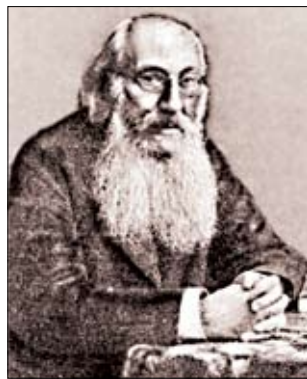
О. П.

ЛАДАНКА, мешочек, сумочка с ладаном или какой-либо святыней, носимая на груди вместе с крестом.

ЛАЗАРЕВА СУББОТА (Вербная суббота), народное название субботы накануне *Вербного воскресенья*. В

Вербную субботу (воскресение Лазаря) *вербы* ломают. В народе говорили: «Святой Лазарь за вербой лазит». В этот день в некоторых местах России пекли хлебцы по числу членов семьи, запекая в один из них монету. Если хлебец с монетой доставался девушке, то считалось, что ее ждет хорошее, счастливое замужество.

ЛАМАНСКИЙ Владимир Иванович (26.06.1833—9.11.1914), историк-славист, геополитик, создатель исторической школы русских славистов, общественный деятель.

Родился в Петербурге в старинной дворянской семье. Закончил историко-филологический факультет Петербургского университета, был учеником знаменитого слависта *И. И. Срезневского*. Со студенческой скамьи показал себя вдумчивым и строгим исследователем. За сочинение о языке «Русской правды» студент Ламанский получил серебряную медаль («золото» не досталось за критику официально принятой «норманнской теории»). По окончании университета молодой ученый, став формально чиновником губернского правления, много работал в Публичной библиотеке и Государственном архиве, основательно разгребая неизвестные науке летописи и рукописи. В 1859 защитил магистерскую диссертацию «О славянах Малой Азии, Африки и Испании», удостоенной Демидовской премии Академии наук. После триумфальной защиты новоиспеченный магистр два года путешествовал по славянским землям, выучив все славянские языки и заведя знакомства со многими общественными и политическими деятелями славянских народов. Научная карьера Ламанского развивалась успешно. В 1865 он становится доцентом, в 1871 защищает докторскую диссертацию «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе», становится профессором по кафедре славянской филологии. Ламанский извлек, опубликовал и прокомментировал много архивных документов, редактировал издание трудов М. В. Ломоносова. Помимо Петербургского университета также преподавал в Академии Генерального штаба и Духовной академии. В 1899 становится академиком. Помимо преподавательской деятельности Ламанский активно занимался работой в Русском Географическом обществе как секретарь, а затем председатель этнографического отделения. В 1890 он основал журнал «Живая старина», посвященный историческим и этнографическим исследованиям, который редактировал до 1912. Ламанский был ученым широкого профиля, помимо славянской истории и филологии он занимался многими другими историческими проблемами. Напр., в 1884 опубликовал на французском языке книгу «Государственные тайны Венеции» на основании материалов, которые извлек из венецианских архивов.

Однако как бы ни была велика научная деятельность Ламанского, все же в историю он вошел, прежде всего, как общественный деятель и политический мыслитель. Ламанский был одним из организаторов состоявшегося в Москве в 1867 Славянского съезда. Вместе с генералом А. А. Киреевым он создал Петербургское

Воскрешение Лазаря. Доустройство таблетки, лицевая сторона. XVI в. Новгород

отделение Славянского комитета, сыгравшего большую роль во время восточного кризиса 70-х XIX в. Не менее важную роль сыграл Ламанский как публицист русского направления. Парадоксально, но он опубликовал многие острые публицистические статьи в изданиях либерального и даже леворадикального толка. Это объяснялось, впрочем, тем обстоятельством, что Ламанский писал об общеславянских проблемах, которые горячо интересовали читателей и потому левая пресса стремилась привлечь к себе внимание, публикуя Ламанского. Кроме того, искренний патриотизм Ламанского отнюдь не сводился к прославлению существующего порядка вещей, напротив, он с горечью констатировал элементарную историческую безграмотность многих русских людей, считающих себя просвещенными. Мировую известность Ламанскому принесла большая статья в «Отечественных записках» в 1864 «Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношении». 1860-е были временем объединения итальянцев и немцев в единые государства после почти тысячелетней раздробленности этих народов. Как филолог, Ламанский обращал особое внимание на то обстоятельство, что у итальянцев и немцев за века раздробленности сложилось множество диалектов, зачастую взаимно не понимаемых. Величайший полиглот в истории кардинал Медзофанти, знавший 114 языков, и то не понимал многие итальянские диалекты. Литературным итальянским языком стал искусственно воссозданный флорентийский диалект XV–XVI вв., на котором в момент объединения Италии говорило всего только ок. 600 тыс. чел. из 27-миллионного населения страны. Но ни языковые, ни религиозные (у немцев) различия не мешали итальянцам и немцам чувствовать себя едиными нациями. Между тем языки даже самых отдаленных друг от друга славянских народов значительно ближе друг к другу, чем итальянские диалекты, а религиозные различия во 2-й пол. XIX в. уже не считались непреодолимым препятствием. Ламанский вслед за словаком Штуром, чехом Гавличеком и др. западнославянскими теоретиками панславизма, но первым в России, высказал в этой статье мысль о существовании единого славянского народа. Препятствия на пути общеславянского объединения, по словам Ламанского, это — слабость интеллигенции славянских народов, а также, как самокритично признавал автор, «важные недостатки нашей гражданственности, несознание Россией своего славянского призвания». Ламанский высказал также убеждение в том, что *русский язык* вполне может выполнять роль общеславянского языка, благо более двух третей славян говорит на нем, он был более или менее понятен всем славянам и, наконец, на нем существует значительная, признанная во всем мире литература. Кстати, здесь Ламанский вовсе не демонстрировал русский шовинизм, он лишь повторил идею Л. Штура и др. панславистов о превращении русского языка в общеславянский. Кроме филологических и расово-антропологических фактов, Ламанский рассмотрел и географические обстоятельства. Славяне южные отделены от других славян австрийскими немцами, венграми и румынами. Правда, Ламанский обращал внимание и на более высокий уровень рождаемости у славянских народов, которые даже начали стихийное обратное заселение некогда захваченных у них германцами и мадьярами земель. Во 2-й пол. XIX в. самым крупным городом по числу проживающих там чехов

в мире была Вена (200 тыс. из 700-тысячного населения), сербы заселили Воеводину — южную часть Венгрии, которая и поныне в составе Сербии. Поэтому тогда казался оправданным тот оптимизм Ламанского, когда он писал: «Народы славянские, инстинктивно чуя вред и опасность этих чужих островов в море славянском, издавна старались и стараются прорвать эти массы иноплеменников. В самом деле, пробуждение славянской стихии в Силезии, движение в собственную Австрию словенцев с юга, чехов с севера, словаков с востока, несколько ослабляет клин немецкий, цепь сербских поселений в Венгрии с юга на север, русских и словацких с севера на юг, так сказать, пронизали тело мадьяр в различных направлениях, точно так же, как и тело румын поселения болгарские с юга на север, а русские с севера на юг. Произойдет ли и когда такой великий разлив ручьев славянских, что в полуию воду смоят они все чуждые наносы, затопят немецкие, мадьярские и румынские острова или... дадут им общую славянскую растительность?». Любопытно, что в 1918–19, после распада Австро-Венгрии чехословацкий деятель Т. Масарик выдвигал на Версальской мирной конференции проект создания «Славянского коридора», который бы отделил остатки немецкой Австрии от Венгрии и дал бы прямую сухопутную границу между только что появившимися Чехословакией и Югославией. Но Антанта опасалась панславизма и после крушения Российской Империи, а потому оставила за Австрией населенные словенцами провинции Штирия и Каринтия. Так немецко-венгеро-румынский клин в славянском теле сохранился до сих пор. После этой статьи Ламанский продолжал вести активную научную и общественную деятельность. Так, в 1903 он установил, что «хазарская миссия» Кирилла и Мефодия была в сущности «русской миссией», закончившейся крещением Руси, и что русские первыми из славян начали пользоваться кириллицей. Ламанский также серьезно занялся антропологией и геополитикой (такого термина еще не существовало, Ламанский использовал громоздкий термин политикогеография). Одним из самых первых и самых значительных русских геополитических трудов является книга Ламанского «Три мира Азийско-Европейского материка» (1892). Он выделил на этом материке германо-романский, греко-славянский и азиатский «миры культурного человечества», имеющие географические, этнографические и культурные основы самостоятельного бытия. Греко-славянский мир включает не только славянские, но и другие восточно-христианские народы. Граница его проходит от Данцига (ныне Гданьска) на Балтике до Триеста на Адриатическом море, охватывает Восточную Европу и Балканы, Царьград, Малую Азию и часть Сирии. Борьба между мирами неизбежна. Еще в 1870-х Ламанский предсказывал неминуемую войну с германизмом. Наконец, Ламанский вовсе не был деятелем, интересующимся славянством «вообще». Под его руководством этнографического отдела Русского Географического общества провел огромную работу по всестороннему изучению антропологии, языка и диалектов, быта и обычаев русского народа. Уже в н. XX в. Ламанский участвовал в издании (редактором был его ученик В. П. Семенов-Тянь-Шанский, сын знаменитого путешественника) многотомного справочника «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества» (1899–1914), и поныне остающегося непревзойденным образцом научного энциклопедиче-

ского труда. Необходимо отметить, что, говоря о необходимости объединения славян под эгидой России и о неизбежной борьбе с германизмом, Ламанский вовсе не был апологетом войн, не делил народы на «высшие» и «низшие» расы. «Миродержавная роль нашего славянского племени — не завоевания, а хозяйственно-культурный подъем страны», — считал он. Ламанский умер в нояб. 1914, успев увидеть окончательное освобождение южных славян от турок в 1912 и начало давно ожидаемой им с тревогой войны с Германией и Австро-Венгрией, успев увидеть первые победы и поражения в этой борьбе.

Соч.: Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношении // Отечественные Записки. 1864. № 11–12; Чтения о славянской древности в Петербургском Императорском университете. СПб., 1867; Три мира азийско-европейского материка. 2-е изд. Пг., 1916.

Лит.: Шахматов А. А. Ламанский. Пг., 1914; Семенов-Тянь-Шанский В. П. Ламанский как антропогеограф и политико-географ. Пг., 1915.

С. Лебедев

ЛАПТА, русская народная игра. См.: Игры.

ЛАПТИ, низкая легкая обувь, плетенная из древесной коры. Известны с глубокой древности. Слово «лапти» встречается в письменных памятниках X в. По своему типу лапти полностью повторяли простейшую кожаную обувь, однако не шитую, а «моршеную» (*поршни*). Это та же низкая обувь, типа сандалий, которая привязывается к ноге длинными шнурами. Шнуры и здесь имели те же названия (рус. *оборы*, малорос. и белорус. *валóки*). В простейшей разновидности лаптей (см. рис. 1) *оборы* продевались сквозь петли или ушки, которые соответствовали отверстиям на кожаных *поршнях*; ими прикрепляли обувь к ноге.

Белорусские и малороссийские лапти (см. рис. 1) отличались от русских (см. рис. 2) не только прямоугольным плетением, но и тем, что в них были более низкие бока и очень слабо оформлен носок. В сущности, бока и носок такого лаптя состояли из петель, сквозь которые продевалась веревка, связывавшая лапоть и одновременно закреплявшая его на ноге. Сам лапоть при этом, в сущности, состоял только из подошвы, представляющей собой маленький коврик, сплетенный из полосок лыка. У русских лаптей (см. рис. 2), отли-

чавшихся косоугольным плетением, бока и особенно носок были гораздо глубже. Своей высотой и формой лапоть иногда напоминал настоящий низкий башмак.

Низкая обувь, похожая на лапти, которую также привязывали к ноге длинными оборами, но плели из пеньки, называли *чуни*. При плетении пользовались четырехугольной продолговатой колодкой, в которую забивали небольшие гвозди. Неношенные чуни сохраняли прямоугольную форму этой колодки (см. рис. 3). Для русских этот тип обуви являлся сравнительно новым, хотя распространился он очень быстро и повсеместно, и его проникновение в беднейшие слои рабочих продолжалось и в XX в.

Кроме лаптей, из полосок древесной коры, особенно березовой, плели еще один вид обуви, которая имела форму галош или домашних туфель и не привязывалась к ноге. Этот вид обуви обычно надевали без чулок и носили гл. обр. дома. Названия разнообразны: *стúпни*, *босовики* (рус.) и т. д. (рис. 4).

Для прочности к лаптям приделывали подметки, которые оплетали пеньковыми веревками,

Рис. 4. Южнорусская обувь — стúпни. Калужская губ.

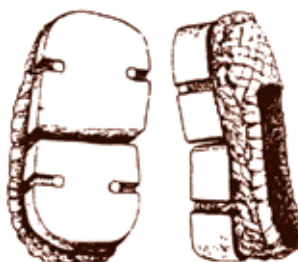

Рис. 5. Южнорусские лапти с деревянными колодками. Воронежская губ. Нижнедевицкий у.

Лапти. Смоленская губ., Ельнинский у., д. Гнездилово. Конец XIX в.

Рис. 1. Белорусские лапти. Минская губ.

Рис. 2. Южнорусские лапти. Смоленская губ., Юхновский у.

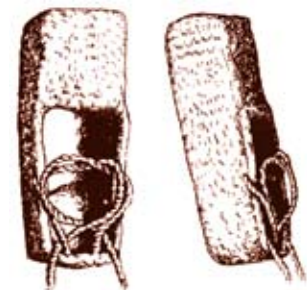

Рис. 3. Севернорусская обувь из конопли — чуни. Псковская губ., Порховский у.

а иногда тонкими полосками древесины *дуба*, размоchenными в горячей воде. Когда на улице было сыро и грязно, к подошвам лаптей привязывали деревянные колодки, каждая из которых состояла из двух дощечек (см. рис. 5). Это, в сущности, единственный у русских случай использования дерева для изготовления обуви. Будничные лапти без дополнительных приспособлений имели срок годности от трех до десяти дней.

С лаптями и др. низкой обувью, которую длинными завязками прикрепляли к ноге, русские носили обычно не чулки, а т. н. *оу́чи*.

На большей части территории Европейской России получили распространение лапти косоугольного плетения. Однако они не были совершенно одинаковыми на всем ее обширном пространстве. В одних местах лапти делали с головкой трапецевидной формы, с высокими бортами и высоким задником, с двумя петлями на боковых сторонах для продевания обор. В др. губерниях чаще встречались лапти с круглой головкой, с высоким задником и оборами, прoderнутыми через отверстие в бортиках (см. рис. 6).

Лапти косо́го плетения из широких полос *бересты* назывались *верзни*. Лапти прямо́го плетения у русских изготавливались редко, только в ряде уездов Псковской и Смоленской губ.

В праздничные дни русские крестьянки и крестьяне надевали нарядные лапти, т. н. писанные, т. е. лапти, головки которых выплетали из очень узких полосок лыка разнообразными узорами. Праздничные женские лапти иногда украшали разноцветной тесьмой, вплетавшейся вместе с лыком, а также бисером. Некоторые мастера использовали при их плетении окрашенное в красный цвет лыко, красиво сочетавшееся с полосами лыка естественного цвета. Праздничные лапти подвязывали черными или красными оборами, подчеркивавшими белизну онуч. Мужчины в праздничные дни использовали оборы из кожаных ремешков.

В русской деревне с лаптями было связано много поверий. Считали, что старый лапоть, подвешенный в курятнике, предохраняет кур от болезней, способствует их яйценоскости. Говорили, что корова после отела, окуренная из лаптя полученными от знахарки травами, будет здорова и даст много молока. Верили, что если лапоть с уложенной в него травой-мокрицей бросить во время сильной засухи в реку, то он вызовет долгожданный дождь.

Лапоть играл некоторую роль в семейных обрядах. Так, по обычаю, вслед свахе, отправлявшейся сватать девушку, бросали лапоть, рассчитывая, что это сдела-

Странник в лаптях

ет сватовство удачным. Встречая молодых после *венчания*, нередко поджигали лапти, набитые соломой, чтобы обеспечить молодоженам богатую и счастливую жизнь, предохранить от несчастий.

Ист.: Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991; Шангина И. И. Русский традиционный быт. СПб., 2003. **ЛАРЕЦ (ларчик)**, *шкатулка*, укладочка, сундучок чистой отделки, обычно с замком, для денег и хороших

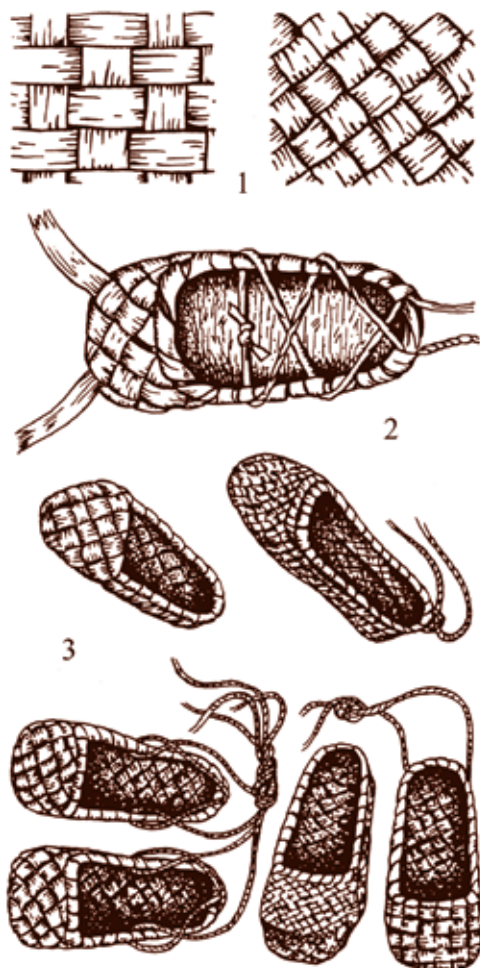

Рис. 6. Лапти. Кон. XIX в. Смоленская губ. 1 — способы плетения лаптей; 2 — южнорусский недоплетенный лапоть. XIX в. 3 — лапти различного плетения. XIX в.

Ларец. Сольвычегодск. Серебро, эмаль. Кон. XVII в.

мелких вещей. Часто назывался *теремком*, изготавливался из крепкого дерева, обитого металлом, кости и т. п. мастерами - сундучниками. В крестьянских домах ларец ставили на полке или лавке ближе к *красному углу*.

ЛАРИОН ПРОПОЛЬНИК (Прополки, Полольники, Пологушка), народное название дня прп. Илариона Нового, исповедника, 6/19 июня.

В это время занимались прополкой сорняков на полях и грядках. По народному поверью, в день Лариона Пропольника к вечеру грядки должны быть чистыми от сорняков. За помощью обращались к св. Илариону. В некоторых местах существовал обычай приносить ему к вечеру букет из сорняков.

ЛАСТОЧКА, чистая, святая птица, наделяемая женской символикой. В песне ласточка уподобляется Божьей Матери: «Ой на Дунаечку, на бережечку, / Там ластівочка та купалася, / То не ластівочка, то Божа Мати...» Ласточка и голубь — любимые Богом птицы. Своим пением ласточка славит Бога. Щебетание ее воспринимается как молитва: «Святый Боже, святый крепкий, Святый бессмертный, помилуй нас». В народной легенде о распятии Христа ласточки, в отличие от *воробьев*, старались избавить Его от мучений: кричали «умер, умер!», похищали гвозди, вынимали колющие тернии из тернового венца Христа и носили ему воду. Оттого гнездо ласточки под *крышей* обеспечивает дому счастье и благодать, и большой *грех* разорять ее гнездо, убивать ее или употреблять в пищу. Если ласточка бросит гнездо, вся семья в доме вымрет. Убивший ласточку не будет иметь счастья в разведении скота, а разоривший ласточкино гнездо сам лишится крова или ослепнет, на лице у него появятся веснушки или короста, умрет мать или кто-либо из домашних, сдохнет корова, у коровы пропадет молоко или она будет доиться кровью. В некоторых местах считали, что гнездо ласточки оберегает дом от пожара и что ласточка спалит дом обидчику, разорившему ее гнездо: недаром у нее есть красное пятно, словно от ожога. Встречалась также примета, что девушка скоро выйдет замуж, если ласточка совет гнездо на ее доме, вьется возле окон или залетит к ней в дом. Если ласточки и голуби летают возле дома, когда в нем справляют *свадьбу*, молодые будут счастливы в супружестве. Тот, кто носит при себе сердце ласточки, будет всеми любим, особенно женщинами. Ласточка и ласточкино гнездо использовали в *любобной магии*.

Ласточка — вестница весны. Говорили: «Ласточка весну начинает, а соловей кончает». В песнях ее называли ключницей, т. к. она приносит из-за моря золотые ключи, которыми отмыкает лето и замыкает зиму. Чаше всего прилет ласточки был приурочен к *Благовещению* (25 марта/7 апр.). В некоторых районах южной России на Сорок мучеников (9/22 марта) к прилету птиц пекли «ластовочек» с раскрытыми крыльями. В северо-западных губерниях прилет ласточек был приурочен к дню св. *Егория Вешнего* (23 апр./6 мая). В это время готовились к пахоте, жарили яичницу и выезжали в поле. Ласточки щебетали: «Мужики в поле, мужики в поле, а бабы яи-и-шню жарить!» Или: «Улетели — молотили, улетели — молотили, прилетели — па-а-шут!» Иногда в щебете ласточки слышалась жалоба на то, что за зиму опустели закрома: воробьи поклевали все зерно и ей не оставили ничего. Весной при виде первой ласточки кидали ей землю — на гнездо, старались умыться и отереть лицо, чтобы не было веснушек, прыщей или солнечных ожогов, а кто умоется в этот момент молоком, будет бел лицом. Умываясь, говорили: «Ластивко, ластивко! На тоби веснянки, дай мени биянky!»; «Касатка, касатка! Возьми свою рябину — подай мою белину!» Считалось также, что если умоешься при виде первой ласточки, станешь резвым и веселым, избавишься от сонливости и хвори.

У малороссов и белорусов были распространены поверья о зимовье ласточек в воде. В день св. *Симеона Столпника* (1/14 сент.) ласточки собираются вместе и жалуются этому святому на то, что воробьи занимали их гнезда, а дети их разоряли. Сразу после этого или на *Воздвижение* (14/27 сент.) они прячутся в колодцы, чтобы таким путем скорее попасть в «вырей». Осенью люди старались не вычерпывать воду из *колодцев*, чтобы не помешать ласточкам вылететь в «вырей». По др. поверьям, ласточки прячутся в реки, озера и пруды, сцепляются лапками или крыльями в цепочки и спят под водой до весны. Рассказывали, что рыбаки не раз вылавливали из-под льда целые гирлянды ласточек, приносили их домой, где в тепле подле печки они оживали. Весной из воды вылетают лишь молодые ласточки, которые появились на свет в прошлом году, а у старых опадают перья, и они превращаются в *лягушек*. Ср. мотив сбрасывания ласточкой перьев в сочинении Иоанна Дамаскина, греческого богослова VIII в.: «Ласточка, когда придет зима, сбрасывает с себя перья и залезает под кору дерева, а потом весной опять покрывается перьями, вылетает на свет, щебечет и как будто говорит человеку: «Убедись от меня в воскресении мертвых».

В народной традиции ласточки обнаруживали сходство с лаской. Названия их родственны по происхождению. При виде первой ласточки брали из-под ноги землю и искали в ней волос. Какого цвета он окажется, такой масти и следует покупать лошадь, чтобы она пришлась по нраву *домовому*. Ласточку, пролетающую под коровой, считали причиной появления крови в молоке, так же как в др. местах — ласку, пробегающую под коровой. В загадках щебетание ласточки представлено как иноязычная речь, немецкая, татарская, турецкая, латинская («по-немецки говорило», «по-татарски лепетало», «по-турецки заводило») и т. п. В народной символике ласку и ласточку сближали мотивы прядения и ткачества. Согласно белорусской легенде, ласточка украла у Божьей Матери клубок ниток и ножницы. В ее крике слышатся слова: «Крути нити!», а в загадках раздвоенный хвост ласточки уподобляется мотовилу, с помощью которого разматывают мотки пряжи в клубки: «Шило мотовило под небеса уходило».

Лит.: Афанасьев А. Н. Народные русские легенды. М., 1916; Даль В. Пословицы русского народа. М., 1957; Трубачев О. Н. Славянские этимологии. 29–38//Этимологические исследования по русскому языку. Вып. 2. М., 1962. **А. Гура** **ЛАТКА**, глиняная сковорода или широкая мелкая чашка с крутыми бортами.

ЛЕВ КАТАЛЬЩИК, народное название дня прп. Льва, епископа Катанского, 20 февр./5 марта.

На Льва Катанского катались с гор. Считалось хорошей приметой, к счастью, если скатишься к горы как можно дальше. День этот считался критическим для здоровья. У крестьянских знахарей были также приметы: «Если кто заболит на Льва Катанского, то или долго проболит, или умрет», «Если кто заболит на Льва Катанского, то под мышки больного нужно положить по ломтю хлеба: если к утру хлеб засохнет — больной непременно умрет».

В этот день нельзя было смотреть на скатывающиеся звезды — заболеешь. По народному поверью, они падают в преисподнюю. Увидишь, как звезда скатилась, — это счастье твое закатилося. Пала звезда — по-

гиб человек, судьбы не стало. Не звезды смотреть, а в труде потеть — такова основная заповедь крестьянская. Падшим человеком считали и пьяницу. В этот день молились мч. Вонифатию, прося его защиты от запоя.

По обычаю пекли в этот день обрядовые *кокурки* — круглые колобки.

По поверью, в этот день нужно было у *кузнеца* в его кузнице огня добыть из горна. Но кузнец ни огня, ни угольев не давал: боялся, что работа у него остынет. Угодить надо было кузнецу, задобрить его, в деле ему помочь, чтобы горн не затухал. Тогда и огонь можно было получить. Добытый огонь несли и разбрасывали в поле, укрепляя земную силу.

ЛЕВАДЫ, в некоторых частях южной России и Малороссии фруктовые сады. Такое же название носили огороженные пастбища для кобыл и жеребцов на конских заводах.

ЛЕВАШИ, старинное русское лакомство, известное еще в XVI—XVII вв. Его делали из малины, черники, смородины и земляники. Ягоды сначала уваривали, потом протирали сквозь сито и вслед за тем варили снова, уже с патокой, обильно добавляемой во время варения, потом выкладывали эту густую смесь на доску, прежде смазанную патокой, и ставили на солнце или напротив огня; когда она высыхала, то сворачивали ее в трубочки.

ЛЕВАШНИК, пирожок из кислого теста с начинкой в одном углу или без нее, поджаренный в масле.

ЛЕВЧЕНКО Михаил, автор словаря «Опыт русско-украинского словаря» (Киев, 1874). Левченко помещал заметки этнографического характера в «Основе» и «Киевской старине».

ЛЕЛЬ, в древнерусской языческой мифологии божество страсти, весны и молодости, сын богини *Лады*. По языческим поверьям, это божество побуждает природу к оплодотворению, а человека — к созданию *семьи*. От имени этого божества в русском языке сохранилось слово «лелеять» — нежить, любить. Праздновался вместе с богиней Ладой.

О. П.

ЛЕНТА, девичий головной убор, пришедший на смену старинным головным уборам — *венцам* и *повязкам*.

В Сибири лента была известна уже с XVIII в.

Лента. XIX в. Русский Север

Лента была праздничным головным убором, одевавшимся на *гулянья*, *посиделки*, праздники, рождественские игрища и *свадьбы*.

Наиболее часто лентой называли сравнительно широкую (от 8 до 12 см) полосу позумента, шелковой или парчовой ткани на подкладке из холста или набойки с длинными концами (лопастями) из той же ткани. В некоторых губерниях под позумент нашивали полосу бересты, образующую обруч. Ленту надевали на лоб так, чтобы макушка оставалась открытой. *Очелье* такого убора украшали золотной вышивкой, белым бисером, блестками, иногда жемчугом, искусственными цветами, кусочками шелка, позумента или плиса. Концы лопастей, спускавшихся по спине, отделывали

шелковыми лентами, металлическим кружевом. Иногда в деревнях под ленту надевали жемчужную или бисерную поднизь, прикрывавшую лоб.

ЛЕНЬ, нежелание работать, отлынивание, увиливание от *труда*. В «Изборнике 1076 г.» говорится, что «лень мать зла. Ленивый хуже больного: ведь больной, если лежит, то не ест, а ленивый и лежит и ест».

Владимир Мономах (XII в.) почти буквально повторяет эти слова в своем «Поучении сыновьям»: «Леньность всему злomu мать, что человек умеет, то забудет, а чего не умеет, тому не научится. Добро же творя, не ленитесь ни на что хорошее. Пусть не застанет вас солнце в постели. В дому своем не ленитесь, но за всем наблюдайте, чтобы приходящие к вам не посмеялись ни над домом вашим, ни над обедом вашим».

«Ленивый человек в бесчисленном покое сходит с неподвижной болотной водою, которая, кроме смраду и презренных гадин, ничего не производит» (*М. В. Ломоносов*).

У русских людей сложилось устойчивое презрительное отношение к лентяям, к отлынивающим от работы, не желающим добросовестно трудиться. «Ленивый и могилы не стоит», «Лень добра не сеет», «Лень к добру не приставит», «Пахарю земля — мать, а лодырю — мачеха», «У лодыря что ни день, то лень», «За дело не мы, за работу не мы, а поесть, поплясать — против нас не сыскать», «Лень лени и за ложку взяться, а не лень лени обедать», «Леность наводит на бедность», «У лентяя Федорки всегда отговорки», «Лень перекатная: палец о палец не ударит», «Лентяй и шалопай два родных брата».

«Тит, поди молотить», — говорит лентяю трудящийся крестьянин. — А в ответ: «Брюхо болит». — «Тит, пойдем пить!» — «Бабенка, подай шубенку». О таких лодырях крестьянин говорит: «У него лень за пазухой гнездо свила», «От лени распух», «От лени мохом оброс», «От лени губы блином обвисли», «Ленивому всегда праздник», «У него руки висят отболтались», «Пресная шлея (лентяй)», «Ест руками, а работает брюхом», «У него работа в руках плесневеет».

Трудовой крестьянин постоянно насмехается над лодырем. «Чем он занимается?» — спрашивают труженика о лодыре. «Кнуты вьет да собак бьет», — отвечает крестьянин. «Пошел баклуши бить», «Устроился слонов продавать», «Пошел черных кобелей набело перебивать», «На собаках сено косит», «На собаках шерсть бьет», «Слоном слоняется», «Спишь, спишь, а отдохнуть некогда», «На печи по дрова поехал», «Перековал лемех на свайку», «В лапоть звонит», «Хорошо ленивого за смертью посылать — не скоро придет», «Люди пахать, а он руками махать», «Люди жать, а мы с поля бежать».

Если судить по количеству народных пословиц, то к лентяю у русского крестьянина было больше неприязни и даже ненависти, чем к неправедным нанимателям. Да это и понятно. В общинном российском хозяйстве был необходим сложенный труд; начало и окончание работ, вывоз навоза, общественное строительство требовали дружной работы, которой, конечно, мешали отдельные лодыри, зачастую превращавшиеся в деклассированные элементы. Поэтому народная мудрость наставляет и предостерегает: «Станешь лениться, будешь с сумой волочиться», «Ленивого и по платю узнаешь», «У ленивого что на дворе, то и на столе», «Спишь до обеда, так пеняй на соседа, что рано встает да в гости не зовет», «Проленишься, так и хлеба ли-

шишься», «Отсталый и ленивый всегда позади», «Кто ленив сохой, тому весь год плохой».

О. Платонов
ЛЕОНИЙ КОНОПЛЯНИК, народное название дня обретения мощей свт. Леонтия, еп. Ростовского (1164) 23 мая/5 июня.

Св. Леонтий прославился обращением в христианство язычников в окрестностях Ростова. В его день крестьяне начинали высевать коноплю и молили святого о помощи. В конопляные семена клали пасхальное яйцо, а скорлупу от него разбрасывали по полю, чтобы конопля была белой, как яйцо. В некоторых местах св. Леонтия звали Огуречником, потому что в этот день сеяли последние огурцы.

ЛЕПКИЙ Данило (2-я пол. XIX в.), этнограф в Галиции. В 1880–90-е опубликовал записки о жизни и обычаях русского народа в Галиции.

ЛЕС, с древнейших времен играл огромную роль в жизни русского народа. В начале XX в. на долю России приходилось 27,5% всей лесной площади земного шара.

В удельно-вечевой период русской истории лес считался предметом общего пользования. В Русской Правде встречаются межи дворовые, ролейные, боржевые, но не лесные.

Первая лесоохранная грамота 1485 была дана Иваном III Троице-Сергиевой лавре. Уложение царя Алексея Михайловича предусматривало наказание за самовольную рубку леса. Понятие лесной собственности впервые встречается в законодательстве Петра I. Законом 1703 воспрещалась под страхом смертной казни рубка леса, росшего в 50 верст. от больших и 20 верст. от малых рек; была учреждена должность обер-вальдмейстера. Таким образом, лес стал частной собственностью, и только «заповедные леса» объявлялись «вне коммерции». Екатерина II Указом 1782 объявила леса неограниченной собственностью их владельцев. Павел I сделал попытку, к сожалению, неудачную, вернуться к началам петровского законодательства. Последствием Указа 1782 явилось полное равнодушие законодателя к состоянию частных лесов. Пользуясь правом неограниченной собственности, лесовладельцы вели истребительную политику, государство же не заботилось о восстановлении уничтоженных и сохранении существующих лесов. Почти все правила ведения лесного хозяйства относились к казенным лесам и только в Законах 1867 и 1888 были сделаны попытки охраны если не всех, то по крайней мере наиболее важных с государственной точки зрения лесов.

По законам Российской Империи н. XX в. леса по роду владения разделялись на государственные, общественные и частные, в свою очередь государственные — на казенные и имевшие особое назначение (отведенные казенным фабрикам, крепостям, городам, в которых не было введено городское положение, колонистам, монастырям и т. д.). Общественными считались леса духовного ведомства, ученых и богоугодных учреждений, городские, сельские и т. п. К частным принадлежали леса удельного ведомства, Императорского кабинета, особ Императорского Дома, дворянства, лиц др. сословий. По объему прав собственности леса делились на леса единственного владения, общие, спорные и въездные.

ЛЕСТЬ, похвала с корыстной целью, лукавая угодливость, притворное одобрение, униженное потворство. В понятиях Руси *грех* против *истины*, *правды* и *справедливости*, а значит, против Бога.

Из «Изборника 1076 г.»: «Отвращайся лстивых слов лстецов, они точно вороны: выключот очи и мудрых. Прерви нашептывающего тебе в уши — и не погибнешь с ним вместе».

Русские народные пословицы: «Встречай не с лстью, а с честью. Лсть да месть дружны. Он падок на лсть. В глаза лстят, за глаза ругают. Лстью и душу вынимают. Лсть словно зубами съест».

Лстивый человек мед на языке, яд в сердце имеет (*М. В. Ломоносов*). Лсть есть наижесточайший яд для государей, а лстецы должны считаться, яко погубляющие их душу и славу (*М. М. Щербатов*).

Лстец лстит только потому, что он невысокого мнения о себе и о других (*Л. Н. Толстой*). Лстят тем, кого боятся (*А. П. Чехов*).

Нет ничего в мире труднее прямотуши и нет ничего легче лести. Если в прямотуши только одна сотая доля нотки фальшивая, то происходит тотчас диссонанс, а за ним — скандал. Если же в лести даже все до последней нотки фальшивое, и тогда она приятна и слушается не без удовольствия; хотя бы и с грубым удовольствием, но все же с удовольствием. И как бы ни груба была лсть, в ней непременно по крайней мере половина кажется правдою. И это для всех развитий и слоев общества. Даже весталку можно соблазнить лстью. А уж про обыкновенных людей и говорить нечего (*Ф. М. Достоевский*).

О. Платонов
ЛЕТНИК, в допетровской Руси легкая женская одежда, обычно носившаяся летом. Шилась она из камки, атласа, обьяри, тафты и дорогов, на тафтяной или дорогильной подкладке, не слишком длинная, с подольниками из атласа и тафты и широкими и длинными рукавами-наканками; необходимую также принадлежность летника составляли вошвы. В богатых летниках рукава вышивались золотом и жемчугами, подолы — материей цвета и материала, отличного от всего платья, золотой тесьмой, шнурами и бахромой. Спереди в летнике делался разрез, застегивавшийся до самой шеи пуговицами, а затем сходящийся плотным шейным ожерельем, обшивавшимся тесьмой, чаще всего черного цвета, украшенной жемчугом и драгоценными камнями; самое ожерелье пристегивалось к летнику также пуговицами. Те же летники, подбитые мехом, носились и зимой и тогда назывались кортелями.

«ЛЕТО ГОСПОДНЕ», произведение писателя И. С. Шмелева, одно из высших выражений русского мировоззрения. Написано в 1927–31, 1934–44.

В своем произведении Шмелев раскрывает источники русской национальной духовной силы. Все трудности русской природы, все испытания русской истории, все неимоверные задачи русской государственности русские люди вынесли благодаря тому, что ставили свою *душу* в трепетную близость к Богу, получая от этой молитвенной близости: живую совесть, мудрое терпение, тихое трудолюбие, умение прощать и повиноваться. И еще глубже и священнее: душу, открытую для каждого веяния Божьего Духа, душу, по-детски доверчивую, искреннюю, добрую и смиренно-покаянную; дар — веровать сердцем и освящать лучами этой *веры* весь свой уклад, и быт, и труд, и природу, и саму *смерть*. Таков был дух Руси. Дух Православной Руси. Она крепла, непоколебимо верила в то, что близость к Богу дает не только правоту, ведущую на вершинах своих к святости, но и силу, жизненную силу, и, стало быть, победу над своими страстями, над при-

родой и над врагами. В революцию 1917 русский народ утратил все это сразу, в час соблазна и потемнения, — и близость к Богу, и власть над страстями, и силу национального сопротивления, и органическое единомыслие с природой.

Когда читаешь эту книгу, видишь саму Русь, народную Русь, Православную Русь, московскую, замоскворецкую, во всей ее темпераментной широте, во всем ее истовом спокойствии, в этом чудесном сочетании наивной серьезности, строгого добродушия и лукавого юмора.

Великий мастер слова и образа, Шмелев создает здесь в величайшей простоте утонченную и незабвенную ткань русского быта; этим словам и образам не успеваешь дивиться, иногда в душе тихо всплеснешь руками, когда выбросится уж очень точное, очень насыщенное словечко: вот «таратанье» «веселой мартовской капели»; вот в солнечном луче «суетятся золотишки», а от капусты на базаре идет «кислый и вонький дух»; «топоры хряпкают»; «арбузы с подтреском»; «черная каша галок в небе». А этот разлитый «постный рынок»... А запахи и молитвы Яблочного Спаса!.. А крещенское купание в проруби... Да всех богатств и не упомянуть!.. И уж потом только, когда выпьешь всю книгу и захочется начать чтение опять сначала, — в промежутке невольно спрашиваешь себя: что это за сила художественного воображения, на которую читатель не может не отозваться всем своим существом?

Это и есть воображение — насыщенное трепетом сердца. Здесь каждый миг взят любовно, нежным, упоенным и упоительным проникновением; здесь все лучится от сдержанных, не проливаемых слез умиленной и благодарной памяти. И такова сила этих непролитых художником слез, что у читателя они то и дело накипают в сердце. Шмелев показывает нам Россию и православный строй ее души — силой ясновидящей любви.

Эта сила воображения возрастает и утончается еще оттого, что все борется и дается из детской души, все доверчиво разверстой, трепетно отзывчивой и радостно наслаждающейся. С абсолютной впечатлительностью и точностью она подслушивает звуки и запахи, ароматы и вкусы. Она любит земные лучи и видит в них — неземные; любовно чует малейшие колебания в настроении у др. людей; ликует от прикосновения к святости; ужасается от греха и неустанно вопрошает все вещественное о скрытом в нем таинственном и высшем смысле. Шмелев показывает православную Русь — сквозь искренность, чистоту и нежность младенчества.

И вот эта сила любви и эта нежность младенчества блаженно впитывают в себя стихию Православия. Не в порядке богословия, и не в порядке богослужения; ибо обе эти стороны требуют не младенческого разума. А в порядке непосредственного жизнеосвящения.

Православие всегда искало раскрыть сердце человека навстречу Христу и ввести веяние Духа Святого во все уголки душевной и бытовой жизни: пробудить в людях голод по священному; озарить жизнь незримо присутствующей благодатью; научить человека любить Бога и в больших и в малых делах. И вот, с тех пор как существует русская литература, впервые художник показал эту чудесную встречу — мироосвящающего Православия с разверстой и отзывчиво-нежной детской душой. Впервые создана лирическая поэма об этой встрече, состоявшейся не в догмате, и не в таинстве, и не в богослужении, а в быту. Ибо быт на-

сквозь пронизан токами православного созерцания; и младенческое сердце, не постигающее учения, не разумеющее церковного ритуала, пропитывается излучениями православной веры, наслаждается восприятием священного в жизни; и потом, повернувшись к людям и к природе, радостно видит, как навстречу ему все радостно лучится лучами скрытой божественности. Лирическая поэма об этой чудной встрече разрастается, захватывает весь быт взрослого народа и превращается в эпическую поэму о России и об основах ее духовного бытия. Шмелев показывает русскую православную душу в момент ее пробуждения к Богу, в период ее первого младенческого восприятия Божества; он показывает нам православную Русь — из сердечной глубины верующего ребенка.

Прежде всего он показывает обновление. «Новое все теперь, другое». «Душа начнется». «Другое все! — такое необыкновенное, святое». «И будет теперь другое, совсем другое, и навсегда». Открывается мир по-новому; обнаруживается новый мир, мир, насыщенный божественной значительностью, священностью, святостью. Все, что прикасается к Божественному, к богослужению, к очищению души, к благословению, к молитве — все чувствуется как священное. И малютке самому хочется стать святым — навертываются даже слезы». И про любимца своего, старичка Горкина — а он «сама правда», свеча Божия, — ребенок уже допытывается, «кто он будет, святомученик или преподобный, когда помрет?».

Все освящается и очищается от молитвы: и жизнь, и двор, и животные, и яблоки, и самый воздух. Во всем раскрывается некая тайна и чистота; по-новому сияет «двор обмоленный», и кажется, что даже «во всех щелях, в дырках между досками, в тихом саду вечером — держится голубой дымок, стелются петые молитвы, — только не слышно их. И ото всего этого исчезает страшность жизни: «Мне теперь ничего не страшно... потому что везде Христос»; «и все во мне связывается с Христом»... и все это «для Него». Исчезает страшное — и начинается радость: «радостное до слез бьется в душе»; душа поет первую песнь озаренности, благодарности и любви. «Благовещение... и каждый должен обрадоваться кого-то, а то праздник не в праздник будет»; и вот, летят Божии птички на Божью свободу. И лошадь, старую Кривую, надо «снежком порадовать», и людей: согрешивших простить, недовольных примирить, трудящихся обласкать, наградить. Ласка любви льется отовсюду на детскую душу; и ответной любовью и лаской отвечает детская душа. И золотому лучу сердца — весь мир видится праздничным, радостным и золотым. Как же не радостным, когда идет сам «Господь, во святой Троице, по всей земле»... Неужели и «к нам» зайдет Господь? «Молчи, этого никто не может знать!» Пройдет он по земле и благословит: «и будет лето благоприятное»...

Так отверзаются духовные очи ребенка — и он видит Бога; и мир видит по-новому; и себя и свой народ он начинает разуметь свяшенно. И все это проникает в его родовое, национальное ощущение и будит в нем последнюю глубину общенародной памяти. Вот он смотрит с моста на Московский Кремль:

«Что во мне бьется так, наплывает в глазах туманом? Это — мое, я знаю. И стены, и башни, и соборы, и дымные облачка за ними, и эта моя река, и черные поляны, и лошадки, и заречная даль посадов — были во мне всегда. И все я знаю. Там, за стенами, церковка

под бугром — я знаю. И щели в стенах — знаю. Я глядел из-за стен... когда? И дым пожаров, и крики, и набат — все помню! Бунты, и топоры, и плахи, и молебны... — все мнится былью, моею былью — будто во сне забытом».

Блаженно детство, исполненное таких восприятий, постижений и радостей! Жив и никогда не умрет народ, создавший такое и умеющий так пробуждать к жизни своих детей! Еще ли русским не верить, и сомневаться, и роптать? Еще ли русским не чувствовать своей национальной судьбы в руке Божией? Еще ли не слышать духовным слухом звона московского на Рождество Христово: «В Кремле, — древний звон, степенный, с глухотой. А то — тугое серебро, как бархат звонный. И все запело, тысяча церквей играет. Такого не услышишь, нет. Не Пасха, перезвону нет, а стелет звоном, кроет серебром, как пенье, без конца-начала... — гул и гул».

Еще ли русским не чуют и не разумеют, чем строилась и держалась Россия? И как жили русские в ней, русские все — «птицы Божии» и как омывались духовно святой водой: «крещенская-богоявленская, смой нечистоту, душу освяти, тела очисти, во имя Отца и Сына и Святого Духа». Это вечное, это навеки так; ибо жива Россия. И в сердце русском должны слышать это всегда. И не «сны» это, уцелевшие в обрывках; а сама духовная, благодатная ткань православной Руси. Это — дух русского народа.

И. Ильин
ЛЕШИЙ (лешак, лесовик), в древнерусской языческой мифологии злой дух, хозяин леса, воплощение враждебных сил леса. По языческим преданиям, его представляют одетым в звериную шкуру, он перегоняет стада зверей из дикого леса в другой, может менять свой рост — становиться выше деревьев или ниже травы.

У малороссов леший (лісовік) — пастух, дикий человек, домашним скотом которому служат олени, лани и зайцы, а вместо собак и кошек у него медведи, волки и рыси. Севернорусские различают простого лешего и лесного царя, которому все лешие подчинены. Однако там, где нет больших лесов, нет и лесного царя, и его функции берут на себя простые лешие. Лешему послушны все лесные звери, и нередко он проигрывает их в карты своим соседям, особенно зайцев и белок, чем народ и объясняет массовые миграции этих зверей. Чтобы уберечь стадо от диких зверей, пастух заключает с лешим договор. Если леший похищает скот, то лесному царю подают на этого лешего написанную на бумаге жалобу, а в лесу на *перекрестке* оставляют ему в качестве жертвы яйцо или печенье из ржаной муки. Эхо в лесу считается криком лешего.

По сравнению со всеми другими представителями

В. Корольков. «Боголесье»

нечистой силы леший самый чистый из них и по своей природе ближе всех к человеку. В русских заклинаниях его обычно называют «лес праведной». Нет никаких оснований считать чем-то новым широко распространенное мнение, будто лешие происходят от *заложных покойников*. Леший отличается от людей только тем, что у него синяя кровь и нет ни бровей ни ресниц; кроме того, он не отбрасывает тени. Он может по своей воле увеличиваться или уменьшаться: в лесу он становится ростом с лес, в поле — как трава. Нередко он принимает облик различных животных. Обычно его считают добрым, честным и сговорчивым, даже глупым. Он любит подшутить над человеком: пообеет его, т. е. отнимет память, а человек потеряет дорогу и заблудится в лесу. Обманув человека, он радуется, громко смеется и хлопает в ладоши. Однако ни один зверь не тронет такого сбившегося с дороги человека, потому что он находится под защитой лешего. Лешему очень нравится также играть с людьми, особенно с женщинами, в «шешкотки», а если человек соглашается на эту игру, леший вполне может зашешкотать его насмерть. Иногда он похищает женщин и получает от них детей.

Уберечься от лешего нетрудно: он боится лутóшки, т. е. очищенного от коры сухого липового полена. Боится он также *соли* и *огня*. Матерная брань также защищает от лешего, и это одна из причин столь широкого распространения такой брани у русского народа. Напротив, свист в лесу очень нравится лешему. Заблудившись в лесу, человек должен вывернуть белье и одежду и надеть *лапти* не на ту ногу, тогда он легко отыщет дорогу из лесу. Переодевшись таким образом, он приобретает сходство с лешим, который, запахивая свой *кафтан*, всегда набрасывает левую полу на правую, а не наоборот, как это принято у людей, и лапти тоже носит не на ту ногу.

В некоторых, хотя и немногих местах верят, что полями леший не ведает, а существует особый, малоизвестный дух, т. н. *полевик*, у которого есть что-то общее с *полудницей*.

Леший в народных представлениях. Худ. Н. Антипова

Маленьких леших севернорусские называют диконькие, шекотуны, дикари, полуверицы.

Лит.: Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991.

ЛИБЕЦ, народное приспособление для ловли раков. Имело вид удочки, у которой вместо крючка привешивался камень, а на него наживка (мясо или рыба); наживка с камнем опускалась на дно, раки вцеплялись в нее, их вытаскивали до поверхности воды, где подхватывали сачком.

ЛИДСКАЯ (Римская, Римо-Лиддская) икона Божией Матери.

История Лиддского образа Богоматери с Младенцем, изложенная в «Повести», соответствовала идее «Москва — Третий Рим» о духовной и политической

Лиддская (Римляныня), с лицевым сказанием об истории и чудесах. Икона. ГМЗРК

преемственности Руси от Римской Империи и Византии. Она целиком представлена в росписях северной стены Троицкого собора Свято-Успенского монастыря в г. Александрове (сер. XVII в.) и Смоленского собора Новодевичьего монастыря в Москве.

Празднование Лиддской (Римской) иконе Божией Матери установлено 26 июня / 9 июля, а Лиддской Нерукотворной — 12/25 марта.

ЛИТВИН Михаил (Михалон), автор записок, составленных между 1548—51 «О нравах татар, литовцев и москвитян», изданных в сокращении в Базеле в 1615.

ЛИТВИНОВА Пелагея Яковлевна, этнограф 2-й пол. XIX в. Издала: Русские народные узоры (Киев, 1872), Южно-русский орнамент (1878), Сборник народных русских узоров (1879).

ЛИХАЧ, легковой извозчик на резвых лошадях, с хорошей упряжью и в щегольском экипаже. Богатыми людьми лихач иногда нанимался на определенный

Б. Кустодиев. Лихач. 1923 г.

срок в указанную часть дня. Лихачи отличались быстрой ездой.

ЛИХО (лихо одноглазое), в древнерусской языческой мифологии воплощение *горя* и злой *доли*, неразборчивости и несправедливости судьбы. В русских сказках предстает в облике худой женщины без одного глаза или великанши, пожирающей людей.

ЛИХОМАНКА, дьявольское наваждение, причина различных недугов: *лихорадок*, горячек, душевных болезней и др. По народным представлениям, лихоманками были дочери царя Ирода. Все они имели вид косматых, без *повойников*, распоясанных старух. Сведущие люди знали всех их по именам, и против них существовал молитвенный список, который носили на нательном кресте зашитым в тряпицу.

В русские поверья лихоманки имели разные имена: глухья, гнятея, грудея, желтея, ломея, огня, пухлея, трясея, каркуша, водяница, желтыница, костница, огневица, ознобица, пухленица, сглазница, студыница, соница, трясовица и т. д. Каждая из них искала слабое место в человеке и поселялась там. В народе считали, что особенно уязвим был человек, если он не знал Божьего слова, не слушал родителей, не вел благочестивой жизни. А если «человек худым словом бросается, тут лихоманки на него со всех сторон насаждают». За спасением от лихоманок надо обращаться к св. Дионисию. От *сглаза* заговаривали на соли, которую кляли в смолу, при этом лихоманку-сглазницу прогоняли со словами: «Черному, черемному — соли в глаз; завидушному, загребушному — смолы в глаз».

ЛИХОРАДКИ (трясовицы), в древнерусской мифологии духи *болезни* в образе женщин — «сестер-трясовиц». Число этих духов чаще всего называется двенадцать, но бывает и по-другому. В памятниках XVIII в. называются их имена — тресея, огня, гладя, аввареуша, храпуша, пухлея, желтея, авея, немея, глухья, каркуша

Лихорадки в народных представлениях. Худ. Н. Антипова

и др. Образы сестер-трясовиц связаны с апокрифическим мотивом дочерей царя Ирода — простоволосых женщин дьявольского обличья. Изображение трясовиц см. на стр. 708.

О. П. ЛОДКА, средство передвижения по воде. В деревнях, расположенных на берегах рек, озер лодка была одним из главных транспортных средств и имела в каждой крестьянской семье. При плохих дорогах весной и в летнее время ее использовали как для хозяйственных нужд — для рыбной ловли. Перевозки сена, снопов, дров, при охоте, так и для поездок на ярмарку, в гости, для катания по реке в праздничный день. Во многих деревнях лодку использовали для поездки в церковь, при перевозке гроба с умершим на кладбище.

Деревенские лодки были разнообразны по величине, грузоподъемности и способу изготовления. При этом каждый тип лодки имел свое название, которое к тому же менялось в зависимости от места ее бытования.

Основным материалом для изготовления лодок был дерево: дуб, осина, липа, кедр, ель, сосна, лиственница. Лодки могли выдалбливать из толстого ствола дерева или делать из пиленого леса.

Выдалбливание лодок из толстого ствола дерева — очень древний способ их изготовления. Самые простые долбленые лодки напоминали собой *корыта* или *колоду* для корма скота и назывались *комаги*, *камейки*. Несколько иначе выглядели пареные долбенки — *струги*. Они имели более широкие борта, получавшиеся после распаривания колоды на огне, отсюда и их название — пареные. К бортам некоторых пареных долбленок пришивали доски, что делало их более широкими, а осадку более глубокой. Такие лодки называли насады.

Лодки из пиленого леса сбивали из досок, проконопачивали и смолили. Чаще всего такие лодки назывались дощаниками, но у них был много и иных названий.

Крестьянские лодки были килевыми или с плоским дном. Им управляли с помощью одного либо двух весел, вставленных в уключины. На лодках могли ставить парус.

Лодки, использовавшиеся на реках и озерах, крестьяне заказывали у «лодейных», т. е. лодочных мастеров или изготавливали сами для нужд своей семьи. Мастера делали лодки без всяких чертежей, как их отцы и деды. С. В. Максимов, известный этнограф XIX в., наблюдавший строительство лодок, писал: «Лодейные мастера не знают чертежей и планов и руководствуются при строении судов только навыком и каким-то архитектурным чутьем, остальные приемы при деле установлены дедовскими и прадедовскими обычаями, преданием и наглядным наставлением» (Максимов, 1890, 302—303).

Лодейные мастера XIX в. работали в традициях более раннего времени. Искусство изготовления речных, озерных и морских судов было известно русским еще в глубокой древности. На протяжении многих веков водные пути были главными транспортными артериями России. По многочисленным рекам и озерам передвигались торговые караваны, военные отряды, шло мирное заселение новых земель.

В письменных документах Древней и Средневековой Руси часто упоминаются названия различных типов судов, среди которых были и небольшие лодки, использовавшиеся для передвижения от села к селу, на рыбной ловле, при перевозке легкой клади: паузки, однодревки, косные лодки, стружки, неводники, ботники, челны. Интересно, что современное слово «лодка» в старинных документах встречается только один раз. «Придоша Емь воевать в Ладозькое озеро, в лодках», — говорится в Новгородской летописи за 1228. Здесь, вероятно, речь идет о большом военном судне. Наиболее ранним письменным источником, в котором упоминаются лодки, является сборник законов Русская Правда, датируемый н. XI в. В нем перечисляются типы судов и лодок, указывается их относительная ценность. «Аже додью украдетъ, то 60 кун продаже; а лодью лицеем вороти; а морскую лодью 3 гривны, а за набоину лодью 2 гривны, за челн 20 кун, а за струг гривна». Информация о названии лодок, их назначении имеется также в берестяных грамотах Пскова и Новгорода, в торговых договорах и грамотах XII—XV вв., в описаниях иностранцев, посещавших Московию в XV—XVII вв.

Внешний облик старинных русских судов нетрудно реконструировать по их фрагментам, обнаруженным во время археологических раскопок. В ходе исследований Старой Ладogi, Новгорода, Пскова, Орешка в слоях XIII—XV вв. был найден множество частей и деталей лодок и больших судов, плавающих по рекам Великой, Нарове, Волхов, Ильмень-озеру, Чудскому озеру и др. водным магистралям на севере Европейской России. Так. При раскопках Владимирской башни Новгородского кремля были извлечены фрагменты 3-х лодок-однодревок, датируемые XI в. В Старой Ладогe при раскопках на левом берегу р. Ладожки в слое н. X в. был обнаружен фрагмент плоскодонного судна длиной 14,3 м и шириной ок. 1 м.

Изображения судов и лодок можно видеть на предметах древнерусского быта, например костяных гребнях, на берестяных грамотах, на миниатюрах летописей, на иконах. Так, в Старой Ладогe найдена костяная пластинка XIII в. с изображением судна под треголь-

ным парусом. На берестяной грамоте н. XIII в., вероятно, мальчиком нарисована лодка с высоко поднятыми кормой, носом и 2-мя веслами. В Житии Бориса и Глеба XIV в., в иллюстрациях Радзивилловской летописи XV в., в Житии Николая Чудотворца XVI в. есть изображения гребных судов разного назначения, в т. ч. и лодок. Лодки запечатлены и на новгородских, вологодских и псковских иконах XVI–XVII вв.

Все эти материалы свидетельствуют о том, что лодки, используемые крестьянами в XIX в., повторяли собой простейшие водные средства передвижения, известные в Древней Руси.

Ист.: Шангина И. И. Русский традиционный быт. Энциклопедический словарь. СПб., 2003. Сс. 291–295.

ЛОЖКА, предмет домашней утвари, в обрядах — символ члена семьи, живого или умершего.

«Деревянная ложка вырубалась из баклуши топориком, теслилась теслою, выстругивалась ножом, резалась кривым резакон, а черенок и коковка точились пилкою от руки. Ложки бывали: межеумок — простая русская, широкая; бутырка, бурлацкая, такая же, как межеумок, но толще и грубее; боская, длинная, тупоносая; полубоская, покруглее боской; носатая остроносая; тонкая, тонкой чистой отделки (сибирка)» (В. Даль).

Ложки деревянные. XVIII–XIX вв. Русский Север. Резьба, роспись

Ложка была одной из немногих личных вещей крестьянина; ложки помечали, избегали пользоваться чужими. Ложка мужчины подчас противопоставлялась остальным по размерам и форме; ее использовали в народной медицине. В Малороссии полагали, что с помощью ложки умершего хозяина можно избавиться от родимого пятна, бородавки, нарыва, опухоли в горле и т. п.; она имела особое название — «одмирьска» или «видмирьска». Ложку парня или девушки использовали в любовной магии: ее прижигали, чтобы приворожить к себе понравившегося человека.

Перед едой ложку клали обычно выемкой вверх, что как бы обозначало приглашение к еде; после же трапезы ложку переворачивали, показывая этим, что наелись. Вместе с тем в Орловской губ. не разрешалось класть ложку «вверх лицом» перед трапезой, иначе «умрешь с раскрытым ртом и глазами». По поверью белорусов Могилевской губ., во время поминальной трапезы ложку за каждым приемом пищи нужно класть на *стол*, чтобы ею ели деда (умершие предки), а класть ложку нужно непременно выемкой вверх, иначе покойники перевернутся в могилах лицами вниз.

Если одна ложка, оставленная на столе на поминках, символизировала, как правило, одного умершего члена

семьи и акт его кормления, то много ложек — всех умерших родственников или *семью* в целом, включая живых и мертвых. В Гомельской обл. после поминок складывали ложки в кучу и оставляли до утра на столе, чтобы быть всем вместе на «*том свете*». Там же на «деды» ложки складывали на ночь вокруг *миски* с поминальным блюдом, а утром по положению ложки судили о том, приходили ли ночью «деды»: если утром она окажется перевернутой, значит, ею пользовался умерший.

В Малороссии и в Белоруссии в ночь под *Рождество* участники ужина оставляли свои ложки на столе, складывая венчиком на бортик миски с остатками *кутью*; считали, что если ложка за ночь упадет или перевернется, то ее владелец в этом году умрет. На Русском Севере на ночь выносили на улицу ложки, наполненные водой: если она замерзала с ямочкой, то это сулило хозяину смерть, а если с бугорком — то жизнь.

А. Топорков

ЛОЖЬ, преступление против *истины*. В народном сознании Руси видится как тяжелый *грех*, присущий падшей природе человека: «*Всяк человек ложь — и я тож*» или «*Все люди ложь и мы тож*». «Люди солгали, да и мы правды не сказали». «Люди лгут, а нам веры не имут».

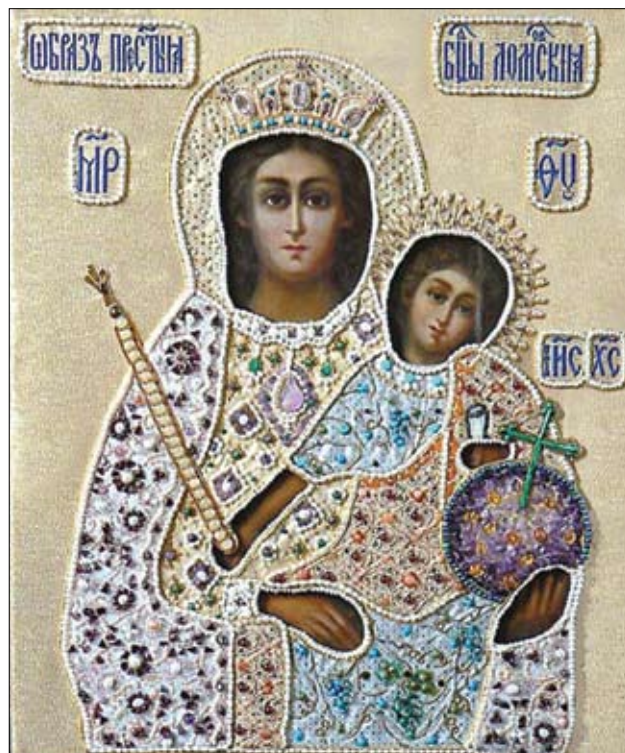
В «Поучении сыновьям» Владимир Мономах говорит: «Лжи остерегайтесь, и пьянства, и блуда, от того ведь душа погибает и тело».

Ложь так же живуча, как и истина, если не более (И. С. Тургенев). Тля ест траву, ржа — железо, а лжа — душу (А. П. Чехов). Ложь перед самим собою — это наиболее распространенная и самая сильная форма порабощения человека жизнью (Л. Н. Андреев). Ложь ложью спасается (Ф. М. Достоевский).

О. П.

ЛОМОВИК, извозчик, занимавшийся перевозкой тяжелых и громоздких грузов и одновременно исполнявший функции грузчика.

ЛОМОВСКАЯ (ЛАМСКАЯ) чудотворная икона Божией Матери, находится в Богородично-Рождественской девичьей пустыни. Икона была обретаена в дни вели-

Ломовская икона Божией Матери

кого стояния русских и татар на р. Угре. Разломанная на 2 дощечки (отсюда и название — Ломовская), икона была найдена в водах реки, и с тех пор, по словам летописца, эту реку называли Поясом Богородицы, защищающим Русскую землю. Явленная икона прославилась множеством чудес. В годы богоборчества она сохранялась сестрами Свято-Никольского монастыря «за Угрой». В 1975 образ был передан монахиней Ангелиной в действующий храм Рождества Богородицы в с. Барятине, где он пребывает и сейчас. В 1993 при храме образовалась монашеская община. В Барятине ежегодно случается чудо, которое могут наблюдать все желающие: в ночь на Рождество, а также иногда на Крещение, Сретение, в праздник свт. Николая (19 дек.) с тихим треском распускаются почки вербы около храма. То же происходит со старой вербой на месте бывшего Свято-Никольского монастыря «за Угрой». Празднование Ломовской иконе Божией Матери совершается 12/25 июня.

ЛОНАЧЕВСКИЙ Александр Иванович (1841— после 1902), малороссийский этнограф. Окончил Киевский университет, был учителем гимназии, заведовал железнодорожным училищем в Гомеле. Его записи народных песен были помещены в книге Б. Лавренко: «Пісні про кохання» (Киев, 1869), а сказок — в сборнике «Южнорускія народныя сказки» (1869—70). Участвуя в работах Юго-западного отдела Географического общества, поместил во II т. «Записок» отдела (1875) очерк «Криниця» и там же редактировал сборник «Буковинских песен» (вышли и отдельно). Помещал статьи в «Историческом вестнике» и «Природе и охоте».

Лит.: Пыпин А. Н. История русской этнографии. Т. III. СПб., 1891.

ЛОНГИН СОТНИК (Лонгин, Лонгин Вратник), народное название дня св. мч. Лонгина Сотника, который при Кресте Господнем, 16/29 окт.

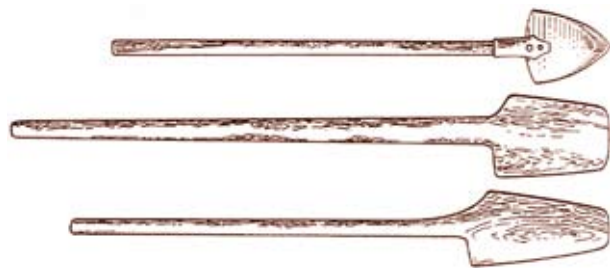
Ф. Зубов. Лонгин Сотник. Икона. 1680 г. Церковь Спаса Нерукотворного Московского Кремля

В народном сознании образ Лонгина Сотника связан с образом стражника, стража, сторожа. Лонгин охраняет ворота христианского дома, поэтому он вратник, вратарь. Он не допускает в дом *нечистую силу*, охраняет православные устои русского народа. Лонгин также считался целителем глазных болезней, т. к. он прозрел при распятии Христа и обрел веру в Спасителя.

По старому обычаю, в этот день отмечалось сияние солнечного света. Выносили на улицу под солнечные лучи зимние одежды, чтобы их осветило утренним солнцем и прихватило морозцем. Считалось, что после такого проветривания зимние одежды хорошо сохраняют тепло, т. к. на всю зиму вбирают в себя солнечное тепло.

ЛОПАТА, ручное орудие, использовавшееся для землекопных и гуменных работ, а также при выпечке хлеба.

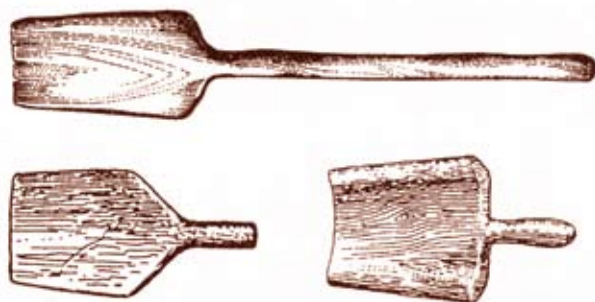
Конструкции лопат, размеры, формы и материал определялись их назначением. Лопаты, предназначенные для разных работ, носили разные названия: заступ, лопата веяльная, лопата гуменная, лопата хлебная, лопата для снега и т. д.

Лопаты. XI—XII вв. Новгород

Лопата — орудие, без которого невозможно ведение земледельческого хозяйства, была известна русским с ранних времен. При археологических раскопках Великого Новгорода, Пскова, Рязани находят большое количество как цельных лопат, так и их деталей.

Лопаты можно увидеть на рисунках древних летописей и житийных книг. Так, на рисунке Псковской летописи, датируемой XII в., показан отдыхающий крестьянин, рядом с которым лежит лопата. На миниатюрах из Жития Сергия Радонежского, Жития Зосимы и Савватия Соловецких к. XVI — н. XVII в. изображены работающие заступами монахи. Судя по этим материалам, лопаты Древней и Средневековой Руси аналогичны лопатам XIX в. Как и в более позднее время, в X — XVII вв. на Руси были известны лопаты 4-х видов: для вскапывания и рытья земли, для закладывания и выгребаания сыпучих продуктов, для снега и для хлебопечения. У них была та же форма, примерно те же размеры, и сделаны ни были из того же материала, что и лопаты XIX в.

Лопаты веяльные с короткой и длинной рукоятью. XIX в.

Лопаты для рытья земли имели рабочую лопасть прямоугольной, трапециевидной или треугольной Фомы. Нижний рабочий край был закругленным или прямым. Лопаты изготавливали с металлической оковкой или без нее. Правый верхний край любой лопаты всегда оставляли прямым, чтобы на него можно было нажимать ногой при вскапывании земли.

Лопаты для закладывания различных сыпучих материалов делали прямоугольными. Их налопатник был шире и выше, чем налопатник землеройных лопат. Лопаты для сгребания снега также были прямоугольными, но отличались большими размерами. Лопаты, используемые при выпечке хлеба, имели лопасть овальной или круглой формы. Их размеры были обычно стандартными: ширина 27 см, высота 37 см.

Ист.: Шангина И. И. Русский традиционный быт. Энциклопедический словарь. СПб., 2003. Сс. 190–191.

ЛОХАНЬ (лоханка), деревянная обручная посуда, мелкая, круглая, иногда на ножках, для стирки белья, мытья посуды. Иногда так же назывались продолговатые емкости для умывания. Лохани известны русским с X–XI вв.

ЛОШАДИНЫЙ ПРАЗДНИК — см.: ФЛОР И ЛАВР.

ЛУБ, крепкая, длинноволокнистая часть коры различных древесных и травянистых растений, имеющая хозяйственное применение (ткани, веревки и т. п.). Для получения волокна с деревьев снимали кору весной и затем вымачивали ее в воде в течение 6–8 недель с целью отделения

луба от прочих частей коры; при этом луб делался настолько гибким, что легко разделялся на пучки. Из этих пучков потом приготавливали веревки и ткали рогожи. Последние находили различное употребление, гл. обр. шли на упаковку товаров. Производство рогож было особенно развито в России, в Вятской, Костромской, Казанской и Нижегородской губерниях, где оно составляло предмет кустарного промысла.

ЛУБОК (от слова «луб» [синоним липы], из которого делали гравировальные доски), жанр изобразительного искусства, объединяющий графику и литературу; русские народные гравировальные или рисованные картинки; народный изобразительный фольклор, воплощающий дух нации: ее мировоззрение, понятие о духовности, нравственности и красоте. Появившиеся в XVII в. такие картинки отстаивали русские национальные традиции, противостояли западным влияниям на народную культуру. Лубки были по содержанию религиозные и светские, которые тоже во многом выражали православную душу русского народа. Картинки духовного содержания наклеивались на стенах крестьянских изб и городских домов, рядом с иконами, дополняя обычный иконостас простого русского народа.

Религиозные народные картинки производились в монастырях, на специальных фабриках, а также отдельными мастерами и артелями и распространялись в массовых масштабах по деревням, селам и городам. Больше всего расходились изображения Иисуса Христа, Богородицы, Николая Чудотворца, Георгия По-

Битва Еруслана Лазаревича с царем Змейским. Лубочная картина

бедоносца, изображения православных праздников и святых, которые «избавляют от разных бед и болезней». Особенно много народных картинок духовного содержания и видов разных русских обитателей печатали на досках в своих типографиях Киево-Печерский, Почаевский и Соловецкий монастыри.

Долгое время печатные картинки заменяли собою дорогостоящие живописные иконы даже в церквях. В XVII в. во многих храмах вместо икон были образа бумажные, а печатные святцевые находились почти в каждой церкви вплоть до н. XX в.

Рисованный лубок (тушь или чернила, перо, темпера, порой золото) религиозного содержания, выполненный в традициях книжной миниатюры и крестьянских росписей по дереву, создавался в старобрядческой среде, преимущественно на Севере России (Поморье, Северная Двина, Вологодский край), а также в Поволжье и под Москвой (Гуслицы) в XVII–XIX вв.

Гравюра на дереве, изображающая Евангелиста Луку, впервые появилась в России в виде приложения к первой, напечатанной по царскому повелению в Москве, книге «Апостол» (1564). За ней следовали те же изображения Евангелиста Луки при изданиях «Апостола», сделанных во Львове и Вильне. Отдельные же гравированные листки появляются гораздо позже — во 2-й четв. XVII столетия, и то в самом незначительном количестве; здесь приводятся: Темница

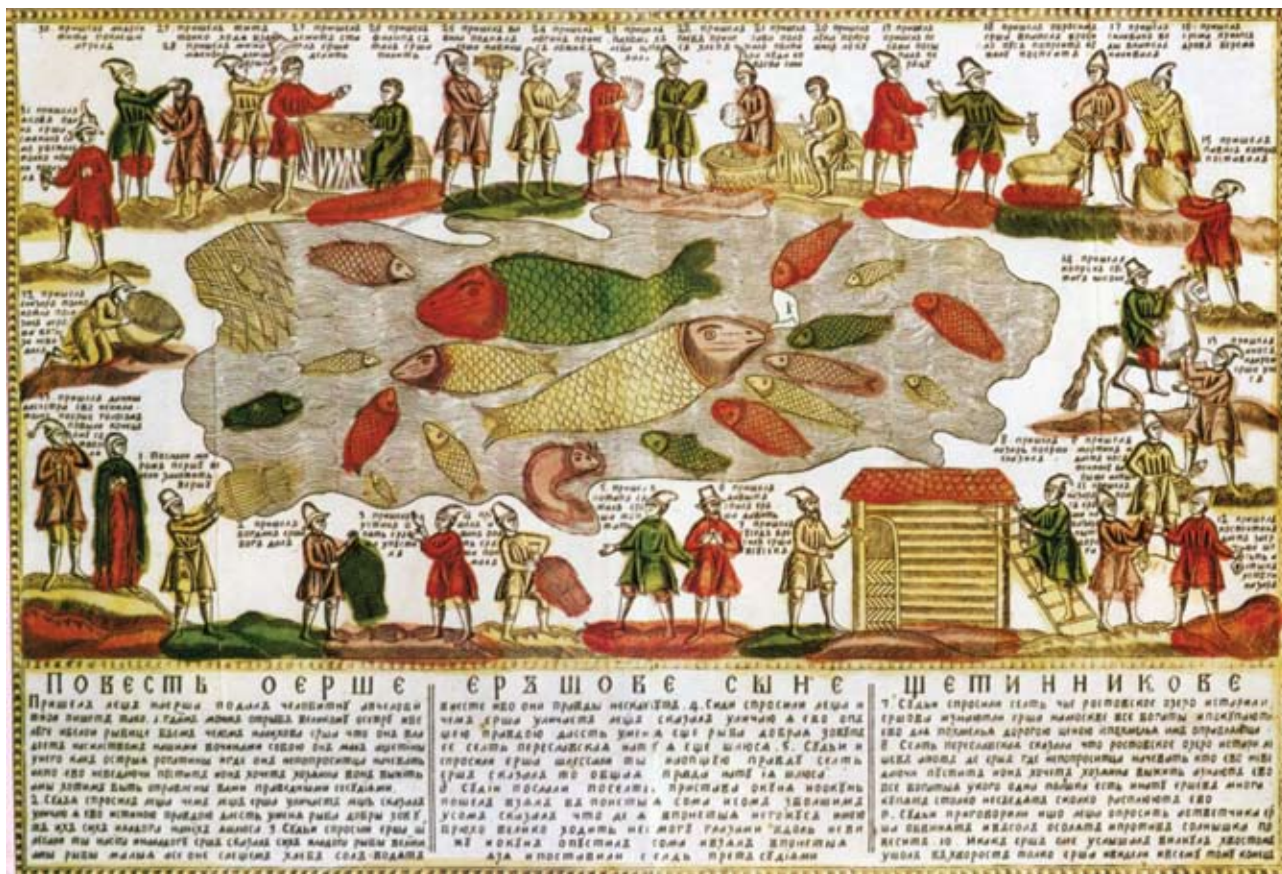
Фома и Ерма. Лубочная картина. 1760-е гг.

Шенякин суд. Лубочная картина. XIX в.

святых осужденных — большая гравюра в лист в ширину, вырезанная на оловянной доске и помеченная 1629, прп. Акилина такой же работы, помеченная 1627, — обе киевской работы; небольшие картинки

1626: «Смерть на бледном коне» и «Странствования св. Антония» — для вклеивания в книги; Антиминс, вырезанный на оловянной доске казначеем московского Знаменского монастыря иеромонахом Иосифом

Повесть о Ерише Еришове, сыне Щетинникове. Лубочная картина. 1830-е гг.

Лубок: Сова. Сер. XIX в. Гравюра с раскраской

в 1678. Наконец, за этими картинками следуют целые книги, гравированные на дереве: «Апокалипсис» иерея Прокопия, из которого здесь помещается 6 картинок, «Библия» монаха Илии, из которой здесь помещается одна картинка и тетрадка с отдельными отпечатками: изображение Киево-Печерских святых, не вошедших в издание «Патерика» 1661, — тоже монаха Илии. Из этой последней здесь прилагается любопытное изображение прп. Илии Муромского.

Но все эти картинки гравированы т. н. книжным способом, т. е. теми самыми приемами, которые употреблялись граверами при исполнении картинок для книг. Затем к наиболее ранним, чисто народным картинкам, как по большому формату своему, так и по примитивной работе, весьма схожей со старыми народными картинками, гравированными на дереве в XVIII в., должны быть отнесены лицевые изображения из Библии и Апокалипсиса, резанные в 1696 гравером Коренем по рисункам мастера Григория. С этого времени, в продолжение всего XVIII в., создается ряд народных картинок на дереве такой же работы.

Да и в картинках, прилагавшихся к церковным книгам того времени, гравирование на дереве в художественном отношении не отличалось от народных картинок. Напр., это были: «Успение» из Киевского Анфологиона (1619), заглавный лист книги «Меч духовный» (Чернигов, 1666), и Варлаам и Иосиф-царевич из Клинцовского издания их Жития (XVIII в.). В более позднее время народные картинки редко гравировались на дереве, т. к. при длинных текстах, которые нужны были тогдашним покупателям, несравненно удобнее было производить их на медных досках.

Первыми русскими граверами народных картинок были знаменщики или рисовальщики Серебряной палаты, входившей в *Оружейную палату*. У мастера *Леонтия Бунина*, из числа граверов-серебряников, был

Лубок: Филин. Сер. XIX в. Гравюра с раскраской

свой печатный стан, на котором, по всей вероятности, производилось печатание Страстей и Синодика.

В XVII в. мастерами русской народной картинки были типографские резчики-профессионалы и народные умельцы. В их числе: монах Антониево-Сийского монастыря Мисаил, монах Соловецкого монастыря Хрисанф, «печатник листов» из Мещанской слободы в Москве Василий Корень и его сын Алексей, гравировавшие на дереве. К ним относились московские мастера, гравировавшие на меди: Афанасий Трухменский, Василий Андреев, Леонтий Бунин и соловецкие граверы. В XVIII в. это граверы-серебряники подмосковного с. Измайлова; петровские граверы, переселившиеся в Москву, и их ученики, которые работали от случая к случаю на государство и постоянно на рынок, нередко гравировавшие и на дереве, и на меди (братья И. Ф. и А. Ф. Зубовы, Мартын Нехорошевский, Иван Либецкий, Андрей Тихомиров), а также Петр Чуваев, Илья Петров, Семен Баскаков и ряд безымянных мастеров.

В XIX в. резчиками народных картинок стали крепостные крестьяне П. П. Бекетова, прошедшие профессиональную выучку гравирования пунктиром у мастеров школы Г. И. Скородумова; иконописцы-раскольники и московские ремесленники, усвоившие стиль их резьбы; наконец, «рисовальщики Никольского рынка», т. е. профессиональные художники невысокого класса, создававшие рисунки для лубков. Особое место среди народных картинок духовного содержания занимали картинки иконописцев *Мстеры*.

Рисунки или переводы для своих картинок русские мастера заимствовали из разных источников: духовные листы иконного разряда, заменявшие образа (изображения Спасителя, разных явлений Богородицы, святых с житиями, праздников и святцев), копировались с миниатюр при книгах или же прямо с церковных икон; по части лицевых легенд и притчей богатый матери-

ал для народной картинки представляли церковные паперти, по стенам которых расписывались разные истории и апокрифические повести. Напр., с паперти Симонова монастыря перешла в картинки история о некоем немилостивом человеке, любителе мира сего. В ней представлено, как он умер и как сатана приказал чертям парить его в бане огненными вениками за то, что он любил при жизни «часто в бане мыться»; ему же черти трубят в уши — «в трубы огненные» за то, что он «любил в мире различные игры и потехи», и т. д. Оттуда же заимствованы: «Видение некоего святого» — как из 30 тыс. умерших только 2 души в рай вошли, 3 на мытарствах удержаны, остальные же все в ад отправлены, и «Видение некоего монаха о казни лихоимцами», где главный лихоимец (должно быть, Иуда) лежит внизу, а из чрева его выросло дерево, на котором подвешены за ноги мужеский и женский пол «в пламени неперестанно горящем». С паперти Чудова монастыря взята картинка, изображающая архангела Михаила и молящегося ему человека.

На паперти Соловецкого монастырского собора были изображены: «Похождения св. Феодоры по мытарствам» и «Монашеская чистота», где представлен монах, распятый на кресте; губы его замкнуты большим висячим замком; по сторонам соблазняют его — мир, в виде всадника, и 2 чертенка, из которых один тормошит его крючком, а другой пускает в него стрелу; подобное же изображение существовало на одной из народных картинок.

Много картинок заимствовано со стенописи Успенского собора в Москве, собора в г. Суздале, др. соборов и церквей, а также с разных металлических клейм или дробниц, набитых на древних ризах или вделанных в иконные оклады, и, наконец, с медных гравированных досок, изготовлявшихся для их наколачивания на церковные двери.

Изображения 12 Сивилл заимствованы, напр., со входных дверей Велико-Устюжского монастырского собора. Они награвированы на медных дощечках, которые наколочены на деревянных дверях. Подобные изображения Сивилл были в церкви Воскресения Словущего в Москве и Успенском и Благовещенском соборах Московского Кремля, а также Суздальском соборе и костромском Ипатьевском монастыре.

Целый ряд народных картинок духовного содержания имел источником иностранные образцы. В XVII в. самым распространенным иностранным источником была Библия Пискатора (из Голландии). Народные картинки «Описание Иерусалима», «Рука св. Анны», «Суд иудеев над Христом», «Образ Нерукотворного Спаса» имели оригиналом венские издания. Из Франции поступил оригинал для народной картинки «Денежный дьявол». Русские мастера, особенно в монастырях, хотя и использовали иностранные источники, перерабатывали их в привычном духе. Картинки на дереве киевских мастеров — монаха Илии, Прокопия и др., более ранних, — которые, хотя и заимствовали свои сочинения с иностранных образцов, но в то же время придавали им своеобразный иконный характер; ими же произведены первые «летучие листки»: «Темница святых осужденных» и «Прп. Акилина».

Круг владельцев гравированных досок и продавцов лубка в Москве до посл. трети XVIII в. очень широк и пестр. Это работники Печатного двора, дьячки и ключари церквей, даже сторожа таможи, купцы, мастера-вые, крестьяне, иногда сами граверы или «хозяева» ма-

стерских. В 1740–50-е в Москве работала мастерская Нехорошевского, в 1760-е — Леонтия Хлебникова. В 1740-е начала, а в последней трети XVIII в. развернула свою деятельность знаменитая мастерская И. Я. Ахметьева, наследника Конона Тимофеева, просуществовавшая в руках его преемника купца И. Логинова до к. 1860-х. В сер. — 2-й пол. XIX в. в Москве появляется огромное число печатен народных картинок в технике металлографии: А. Морозова, Е. Яковлева, Андрея Абрамова, В. Пономарева, В. Васильева и др. Строились печатни даже в некоторых селах Владимирской губ.: так, в д. Богдановке Ковровского у. завел свою металлографию офеня Игнатий Акимов-Сорокин, а в с. Мстере — известный своими археологическими трудами и дешевой народной картинок И. А. Голышев.

Ист.: Ровинский Д. Русские народные картинки. СПб., 1909; Лубок. Альбом / Вступ. ст. А. С. Сытовой. Л., 1984.

ЛУБЯНКА, большой сундук, согнутый из лубьев.

ЛУБЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ, играли важную роль в домашнем обиходе русского крестьянина. Из луба делались кузовки, коробы, рогожи и мн. др. На поморье Архангельской губ. на бересте еще в н. XX в. делали целые книжки, составляя страницы их из чистых лык, т. е. полосок луба, без дыр и коростыя (отсюда «не всяко лыко в строку»...); в Древней Руси слово «луб» нередко служило синонимом книги, особенно при переводе на русский иностранных слов, и береста, как замена писчей бумаги, упоминается в одном из указов московского правительства к. XVII в. Луб, т. е. внутренняя сторона содранной с дерева коры, преимущественно липовой, служил также для вырезывания клише, т. н. лубочных картинок. Изделия в большинстве случаев очень непрочные, почему название «лубочный, лубяной» уже в самом н. XIX в. стало понятием для обозначения всего непрочного.

ЛУДА, старинное русское название верхней одежды или плаща.

ЛУЗАН, кусок сукна на холщовой подкладке, надевавшийся через отверстие для головы. Использовался для одежды русскими охотниками на Севере и в Сибири.

ЛУКА (Фея) — Спасовы корни, Могушница, народное название дня прп. Луки Элладского, 7/20 февр.

По народным приметам, этот день был самым благоприятным для приготовления целебных лекарств из корней. Доставали из заветных ларцов и из холщовых мешочков заготовленные с лета травы и корни и приготавливали из них отвары. Особое значение в этих отварах имела лапчатка. Ее в народе называли могушницей или калганом. Цветок лапчатки напоминает крестик, потому что в нем заключена могучая крестная сила. Особую силу этой травки лучше всего знает родившаяся в этот день. Все тайны приготовления отвара она ведаёт, все премудрости лечения знает, потому она и слывет Могушницей.

ЛУКАШЕВИЧ Платон Акимович (? — 1887), малороссийский этнограф. Окончил Ришельевский лицей. В 1836 издал в С.-Петербурге анонимно свой сборник: «Малорусскія и червонорусскія думы и песни». Главную ценность сборника составлял отдел дум и исторических песен. Кроме исторических, в сборник были помещены песни бытовые и обрядовые. Книга Лукашевича оказала значительное влияние на изучение малороссийской народной литературы. Часть их (45 песен) была издана уже после смерти Лукашевича в книге Б. Гринченко: «Этнографические матерья-

лы, собранные в Черниговской и соседних губерниях. Том III. Песни» (Чернигов, 1899). Кроме того, Лукашевич написал: «Чаромутіе или священный язык магов, волхвов и жрецов» (СПб., 1846); «Примеры всесветного славянского чаромутія», «Микроскопическая астрономія».

ЛУКЕРЬЯ КОМАРНИЦА (Лушка, Гликерия, Гречишница), народное название дня мц. Гликерии, девы, и с ней мч. Лаодикия, стража темничного, 13/26 мая.

Св. мч. Гликерия. Икона

К этому дню на Руси наступала комариная пора, поэтому св. Гликерию крестьяне называли комарницей. Множество комаров — хороший признак для урожая грибов, роста травы и хлебов. В народном сознании она представлялась в виде тру-

дящейся женщины с лукошком.

ЛУКОВ ДЕНЬ, название, встречающееся в народном календаре 5 раз: 5/18 авг., 1/14 сент., 4/17 сент., 7/20 сент., 18/31 окт.

Августовский Луков день совпадал с днем *Евстигнея Житника*. В это время убирали лук. Связки лукович развешивали в комнатах — чтобы очищался воздух. Сырой лук ели с хлебом, солью и *квасом*. Считалось, что так прибавляется здоровье и лицо имеет свежий вид. На Евстигнея примечали погоду на декабрь. Вечером

выходили в поле на пожню и слушали эхо: далеко оно разносилось — к ведру, близко раздавалось — к *дождю*. По обычаю на Евстигнея выпекали житник — первый ячменный хлеб из зерна нового урожая.

Луков день 1/14 сент. совпадал с днем *Симеона Столпника*. В Ярославской и Вологодской губ. в это время убирали лук.

Луков день 4/17 сент. совпадал с днем празднования чудотворной иконы «Неопалимая Купина» и *Вавилой* — *праздником острых вил*. Во многих местах в это время рвали лук с гряд.

Луков день 7/20 сент. приходился на празднование прп. Луки. Этот день еще назывался Лука, Луковница.

На Неопалимую Купину лук начинали собирать, а в этот день несли его продавать на базар. Луков день был печален по двум причинам: во-первых, он «бабье лето» кончается, а во-вторых, бабы да девки в этот день от лука плачут, когда начинают чистить его для всяких солений. Девушки, заплетая лук в косы, как всегда, гадали. Просили святого Лука, чтобы дал он им такие же золотистые и тугие косы, какие они из лука вяжут и которые бы от времени не тускнели, всегда парней привлекали. А святой Лук специально слезы на девушек насылал — для их же пользы. Крестьяне говорили так: «Наплачешься над луком — легче с долей девичьей расстаться, замуж выходить». С Лукова дня начиналась свадебная пора.

В этот день пекли *пироги* с луком. Кроме пирогов, подавали на стол луковую кашу — толченый лук с солью, квасом и сметаной. Лук использовали и как антисептическое средство при морových болезнях и падеже скота, развешивая всюду связки-косы лука и чеснока. Девушки для сохранения красоты волос ополаскивали их настоем луковой шелухи.

Октябрьский Луков день к овощной культуре лука отношения не имел. Это было народное название дня ап. и евангелиста Луки, высоко почитаемого русским народом.

С этого дня начиналась осенняя путина: рыбаки готовили сети, чинили верши и др. рыбацкое снаряжение. Мужики собирались в артели и занимались товарным промыслом рыбы. Рыбу ловили к столу, заготавливали на зиму, солили, замораживали. Саму рыбалку в народе связывали с именем Луки и просили его покровительства, когда они рыбу лучили. Лучить — высвечивать лучом от фонаря или факела темные глубокие ямы, куда рыба опускается на ночь. Рыба на свет выплывала и ее вытаскивали из воды с помощью рыбацких приспособлений. «Лука лучить помогает», — говорили рыбаки.

Лука из иконописцев первым написал образ Пресвятой Богородицы, поэтому в народе считалось, что родившийся в этот день обладает особым даром художественного восприятия мира.

ЛУКОВАЯ КАША, толченый лук с *солью*, *квасом* и сметаной.

ЛУКОШКО, круглая лубяная или берестяная емкость с деревянным дном и ручкой. Использовалась для сбора ягод, грибов, орехов.

ЛУКЪЯН ВЕТРЕННИК (Лука, Лукиан), народное название дня св. мчч. Лукиллиана, Клавдия, Игнатия, Павла, Дионисия и Павлы, девы, 3/16 июня.

Тихон Филатьев(?), Евангелист Лука. Икона. Посл. четв. XVII в. Москва. Школа Оружейной палаты. ГРМ

По народному поверью, св. Лукиллиан правит ветрами. Было замечено, что в этот день ветры дуют так, будто срываются откуда: гонят пыль по земле, клонят ветки деревьев низу. Силу ветра приписывали Луке-Лукьяну. Крестьяне считали, что он с ветром по всей земле гуляет, все досматривает и людям обо всем рассказывает. Считалось также, что Лукьян не только силой могучей обладает, но знает еще и секреты борьбы с нечистью. Попроси Лукьяна, помолись ему, он всякую *нечистую силу* из всех шелей выдует. Силой этой Лукьян обязан ветру: нет ветра — так и Лукьян с чертями-ведьмами справиться не сможет. Потому ждали селяне, чтобы в этот день был ветер. «Коли ветер, то и Лукьян с нами, — говорили крестьяне, — а с ним никакая нечистая сила не страшна».

На Лукьяна под Митрофана крестьяне окликали ветер, просили его пролить дожди. Крестьяне верили, что Лукьян знал секреты, где рыть колодец. В этот день нужно было опрокинуть сковородку на предполагаемом месте колодца и по сырости на ней определить, есть ли вода близко, стоит ли тут рыть колодец.

ЛУПП СОЛУНСКИЙ, св. мученик († ок. 306), празднуется 23 авг./5 сент. и 26 окт./8 нояб. По наблюдениям русских крестьян, со дня памяти этого святого начинались первые заморозки, называемые в народе лупенскими. По созвучию имени св. Луппа крестьяне говорили: «На Лупа лыны лупить».

Фреска XIV в.

В просторечии св. Лупп назывался Брусничником, оттого что в это время поспевала брусника.

В некоторых местах России существовало поверье, что Лупп в образе рыжего мужика ходит и по спинам мужиков лупит,

наклоняться заставляет. Отлупил Лупп мужика — тот в поле побежал. Лупит Лупп и бабу. Та — в лес, а там брусника дозрела, наклоняйся и собирай. Крестьяне считали, что Лупп никого не забудет, всегда напомним, что и кому, где и когда делать надо.

ЛУТОШКА, липа, с которой снята кора на лыко (см.: Лубяные изделия). Из лутешек делали *кузовки*, *коробья* и т. п.

ЛУЧИНА — см.: **СВЕТИЛЬНИКИ**.

ЛЫБЕДЬ, в древнерусской мифологии сестра трех братьев, родоначальников племени полян: Кия, Щека и Хорива. Легенда о них приводится в «Повести временных лет». Близка этой легенде и русская сказка о богатырше Белой Лебеди, владелице живой воды и *молодильных яблок*, за которыми посланы братья.

ЛЫКО — см.: **ЛУБЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ**.

ЛЮБОВНАЯ МАГИЯ, пережиток языческих представлений о возможности «приворожить» или «отворожить» любимого с помощью *нечистой силы*. Осуждалась Русской церковью, виновные подвергались наказанию вплоть до отлучения от церкви. Православные русские люди к ворожеям относились как к ведьмам.

Отдельные действия любовной магии известны еще со времени Древней Руси. В «Вопросах Кирика» (XII в.) упоминается о том, что жены, которых невзлюбили их мужья, омывают свое тело водой и дают ее выпить своим мужьям. К помощи ворожей, владевших секретами любовной магии, в XVI в. прибегала вел. кн. Соломония, супруга Василия Ивановича. Одна из ворожей «наговаривала в рукомойнике тою водою умываться, чтобы любил ее муж, а когда понесут к великому князю сорочку, чехол или порты, и в то время она бы, омочив свои пальцы в рукомойнике, охватывала ими белье», другая наговаривала не то на масло, не то на пресный мед и «велела ей тем тертиса от того ж, чтоб ее князь великий любил, да и детей деля».

Наиболее распространено у восточных славян привораживание с помощью пищи или питья, которые дают особе противоположного пола, произнеся над ними специальный *заговор* или подмешав грудное молоко, кровь, пот и т. п. Среди вопросов, которые задавали женщинам на исповеди их духовники в XV в. и позднее, были и такие: «омывала ли еси молоко с персей своих медом и давала пити мужу своему любви деля», «или мазалася еси маслом или медом и, омывшись, давала еси пити кому».

Характерны для любовной магии действия с одеждой, вырезанным из земли следом, *волосами* человека. Наиболее радикальным средством считалось т. н. «вмазывание в печь», причем его использовали не только в любовной магии, но и как средство против воров и вообще при наведении *порчи*. В Новгородской губ. девушки привораживали парней таким образом: брали два волоса, один свой, другой парня, свивали их вместе со словами: «Как эти два волоса дружно свились, так бы и мы с рабом Божиим (имя) дружно сжились»; затем замазывали их глиной куда-нибудь в печь, приговаривая: «Как в этой печке жарко, так бы и рабу Божьему такому-то было бы меня жалко». Там же пекли яйцо в печке, нашептывая: «Как это яйцо печется, так чтобы сердце милого пеклось обо мне», а потом давали съесть это яйцо тому, кого хотели приворожить.

Среди прочих способов наиболее распространено было привораживание с помощью косточек *лягушки* или летучей мыши, *зеркала*, различных любовных зелий. В 1642 некто Афонька Науменко показал на следствии, что он умеет «привораживать женок»: «Возьмет лягушку самца да самку и кладет в муравейник и приговаривает: сколь тошно тем лягушкам в муравейнике, столь бы тошно было той женке по нем Афоньке, а поминает той женке в тот час имя, и на третий день приходит он, Афонька, к тому муравейнику, и в том де муравейнике тех лягушек останется один крючок да вилки, и он то возьмет и тем крючком которую женку зацепит, и та женка с ним и воровать (т. е. предаваться блуду) станет; а как ему с тою женкою воровать не похочется, и он тое женку вилками от себя отпихнет, и та женка по нем тужить перестанет».

По малороссийским поверьям, ведьмы жгут на огне волосы человека или кипятят траву «тирлич» со словами: «Тирлич, тирлич! Мого милого прикличь!», от чего их возлюбленный поднимается в воздух и летит к ним, как птица.

А. Т. ЛЮБОВЬ, в понятиях Руси главная добродетель православного человека, ибо христианство — религия любви. Бог есть любовь. «Любовь есть таинство» (*Блж. Августин*). «Одна любовь соединяет создания и с Богом, и друг с другом» (*Авва Фалассий*). «Любовь ко

Распятие Христа с виноградной лозой. Икона. XVIII в. Киев

Христу является внутренним солнцем жизни, к которому она поворачивается во всех своих проявлениях» (С. Н. Булгаков). «Дело истинной любви прежде всего основывается на вере» (В. С. Соловьев). «Любовь изменяет само существо вещей» (Иоанн Златоуст). «Православие признает только любовь, готовую на неограниченные жертвы, только любовь, готовую положить душу за брата, за друга (Ин. 15; 13; 1 Ин. 3: 16), ибо только через такую любовь человек возвышается до таинственной вышешичной жизни Св. Троицы и Церкви» (С. В. Троицкий).

Смысл и достоинство любви как чувства состоит в том, что она заставляет нас действительно всем нашим существом признать за другим то безусловное центральное значение, которое в силу эгоизма мы ощущаем только в самих себе. Любовь важна не как одно из наших чувств, а как перенесение всего нашего жизненного интереса из себя в другое, как перестановка самого центра нашей личной жизни. Это свойственно всякой любви. Только эта любовь может вести к действительному и неразрывному соединению двух жизней в одну, только про нее и в слове Божьем сказано: будут два в плоть едину, то есть станут одним реальным существом (В. С. Соловьев).

«Кто искренне любит Бога, тот не может не любить и ближнего, который есть образ Божий» (Тихон Задонский). Для православного русского человека любовь — высшее чувство, в любви он находит самого себя, свою личность. «Где любовь, тут и Бог», «Бог — любовь» — говорят народные пословицы. «Нет ценности супротив любви». «Ум истиной просветляется, сердце любовью согревается». «Совет да любовь, на этом свет стоит». «Где любовь, там и совет». «Где советно, там и любовно». «Где любовь, там и свет». «Милее всего, кто любит кого». «Нет того любее, как люди людям любви». «Мило, как людям люди милы». «Для милого не жаль потерять и многого». «Ради милого и себя не жаль».

«За милого и на себя поступлюсь». «Равные обычаи — крепкая любовь». «Одна думка, одно и сердце». «Сердце сердце чувствует». «Сердце сердцу весть подает». «Любовь — златница великая», высшее чувство, данное Богом, поэтому в сознании русского человека оно было связано с понятиями целомудрия, стыда, греха. «Любовь благородна только тогда, когда она стыдлива. Любовь — самое интимное и неприкосновенное чувство. Берегите тайны любви» (В. А. Сухомлинский).

Совсем иначе чувство любви воспринималось в сознании западного человека. Здесь оно носило преимущественно чувственный, плотский характер, характер сладкой страсти, приносящей глубокое физическое удовлетворение. Главная цель любви в сознании западного человека — физическое обладание, русский же человек видел в любви не просто обладание, а высшее духовное единение. Причем чисто физическая сторона любви, конечно, не отрицалась, но считалась глубоко интимным делом двоих, всяческая огласка которого неприлична. Любовь мужчины и женщины в народной культуре России венчалась не просто обладанием, а прежде всего браком.

Логика развития западной цивилизации и товарных отношений определила вырождение любви из высокого чувства в механизм получения полового удовлетворения. В сегодняшнем западном мире женщина и женское тело рассматриваются как объект потребления и товар. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть ряд наиболее популярных западных фильмов. Как признают западные исследователи, в общей шкале потребительских ценностей американского мужчины обладание красивым женским телом находится на одном из престижных мест, наряду с обладанием машиной, квартирой или загородным домом. Отношение к женщине — один из критериев доброкачественности любой цивилизации. Взгляд на женщину как на объект потребления — верный признак вырождения и злокачественной духовной болезни.

Мы недаром подчеркиваем эти черты западной цивилизации. Отталкиваясь от них, легче понять, как воспринимал любовь русский человек. Нет, он совсем не отрицает плотской любви и всех ее радостей, но он осуждает торговлю любовью, превращение тела в товар, выставление его на арену как зрелища для похотливых глаз.

Половая любовь и физическое обладание любимым в народной культуре России мыслились только в

М. Нестеров. Два лада

браке, конечно, были и исключения, но крайне редко. Физическое обладание не может быть выше духовного элемента любви — считал коренной русский человек. Это вытекало из всех его жизненных ценностей.

Любовь для русского человека не только и не столько наслаждение, но и подвиг, духовное возвышение, самозабвение. Любить истинно можно только душу. Любовь сильнее смерти и страха смерти. «Знать и любить, — писал А. Ф. Лосев, — это значит бороться с тем плохим, что ты находишь в любимом. А так как жизнь сложна и трудна, то бороться с недостатками — значит неуклонно идти по пути жизненного подвига».

В понятиях Святой Руси половая любовь признавалась только в браке. Половые сношения вне его считались тяжелейшим грехом. О тех, кто еще не вступал в эти сношения, в народе так и говорили: «Он (она) еще греха не знает». Лишить невинности девушку без намерений стать ее мужем в народной этике — страшный грех, за который придется строго отвечать перед Богом «мученьем души». Вместе с тем девушка, которая не сумела «соблюсти себя» по своему хотению, считалась падшей, и к ней относились как к блуднице, презирали, с ней водились только ей подобные.

В России вплоть до XVIII в. отсутствовал литературный жанр скабрёзных историй о любовных отношениях между мужчиной и женщиной — западноевропейские фавль, пошлые анекдоты. Причем на Западе в создании этих скабрёзных историй принимали участие все слои общества — от рыцарей и монахов до ремесленников и крестьян.

В России же подобные рассказы появились только в XVIII в., их сочинителями и распространителями были деклассированные, денационализированные элементы. Но что закономерно — потребителями подобной литературы (имеются в виду «сочинения» Баркова, Кострова и т. п.) стали представители образованных слоев, ориентированных на западную культуру.

В толще коренных русских людей этот жанр воспринимался как непотребство вплоть до к. XIX в. Еще в н. XX в. в большинстве деревень Русского Севера не только такие рассказы, но и употребление матерных словечек считалось грехом и бесстыдством. Поголовную матерщину в русскую деревню принесли большевики с их опорой на деклассированные элементы, ставшие ядром начальствующего состава большевистского режима в деревне. Похабщина и мат для этих элементов были выражением «народности». В полной мере этот элемент «народности» был развит советской интеллигенцией, для которой похабные анекдоты и матерщина стали неотъемлемой частью лексикона — от инженера и профессора до министра. Взгляд на любовь как на средство наслаждения, а на женщину, женское тело — как на объект потребления и товар, который сегодня стал общим местом во многих российских телепередачах, особенно в западных фильмах и клипах, еще в к. XIX в. в России был невозможен и воспринимался как плод развращенного ума.

Половая любовь и все связанное с ней в традиционной русской культуре не отрицались, но воспринимались только в браке, целью которого является создание семьи, рождение и воспитание детей. В народных песнях и сказках счастливая любовь венчается браком по закону и веселой свадьбой. Сыграть свадьбу для русского человека — «Закон принять. Идти на суд Божий» (т. е. венчаться).

О. Платонов

ЛЮДИ ДИВИЯ, в древнерусских книжных легендах и раннеисторических описаниях монстры, обитатели далеких сказочных земель, прежде всего Индии. Среди них упоминаются многоглавые, люди с лицом на груди, со звериными (в частности, псоглавцы) или птичьими головами и ногами, с крыльями, люди, живущие в воде, и т. п. Рассказы о людях дивия связаны

Люди дивия, найденные царем Александром Македонским. Народная картинка из альбома Д. А. Ровинского

или с повестями о походах Александра Македонского или со сказаниями о государстве индийского царя и попа Иоанна («Сказание об Индийском царстве», XV в.). Люди дивия являлись образцом неверных, «нечистых» народов. Наиболее опасные народы были, по преданию, «заклепаны» Александром Македонским в скалах, и им приписывалась важная роль в грядущих событиях накануне конца света, когда они выйдут на свободу, — ср. ветхозаветных Гога и Магога, кн. Рош. Наряду с образами, восходящими к переводным источникам, в русской книжной традиции известны оригинальные, относимые к сибирским народам. См. также: Див.

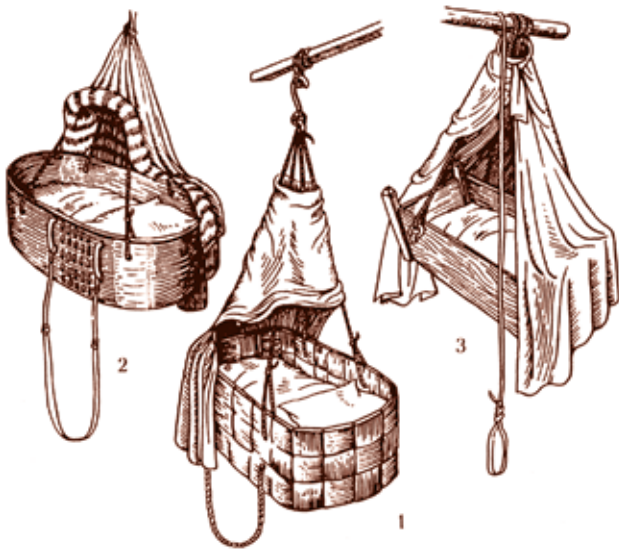
Лит.: Истрин В. М. Сказание об Индийском царстве // Древности. Труды славянской комиссии Московского археологического общества. Т. 1. М., 1895.

А. Ч. **ЛЮДМИЛА** (Птичья костка, Птичье голошение), народное название дня мц. Людмилы, 16/29 сент.

В этот день крестьяне прислушивались к птичьему голошению (пению) и по нему пытались предсказать погоду в будущем году. По поверью, женщина, родившаяся в этот день, обладала певучим голосом, первой запевницей была на девичьих посиделках, первой песенницей и на свадьбах.

На Людмилу существовал обряд: на стол ставили жареного гуся, глухаря или перепелку. По птичьим косточкам определяли, какой будет зима. Смотрели толстые кости у перелетной птицы или тонкие, оплыли они жиром или нет.

ЛЮЛЬКА (зыбка), колыбель для младенца. Изготавливалась либо в виде корзины, либо в виде ящичка и подвешивалась к очепо — длинной палке, соединенной с потолочной балкой. Укладывая ребенка в люльку, совершали определенные ритуальные действия. Люльку окуривали ладаном, сбрызгивали крещенской водой, крестили иконой Божьей Матери, привешивали маленькую иконку, вырезали на стенках кресты. Все это делали для того, чтобы создать ребенку «хороший дом»

Люльки: 1 — лучинковая; 2 — лубяная; 3 — дощатая XIX в.

на то время, что он будет находиться в люльке, и обеспечить его безопасность от неведомой силы. Ребенка клали в люльку, каждый раз благословясь, т. е. произнося слова: «Благослови, Господи, и все Его угодники, положить дите в колыбель, защити его, Господи, от лукавого!» Обычай подвешивать люльку над *полом* объяснялся также заботой о ребенке. Верили, что ребенок пришел в мир людей из иного мира, враждебно настроенного к людям, и тот мир может забрать его назад. Чтобы такого не случилось, надо было нарушить контакт младенца с землей, подвесив люльку над полом. Ребенок находился в люльке до полутора — двух лет, а затем его переводили спать на *полати*.

С люлькой было связано много поверий. Так, напр., нельзя качать пустую люльку: ребенок будет плохо спать; нельзя оставлять ее открытой без младенца: в нее ляжет зыбочник — злой дух, пугающий по ночам детей. Существовали поверья, связанные с очепом, на котором подвешивали люльку. Считалось, что дети в дом попадали по очепу. Если родители не хотели больше иметь детей, то ствол дерева, из которого делали очеп, не очищали от коры, когда же семья была настроена продолжать свой род далее, то очеп для люльки делали гладким.

Ист.: Шангина И. И. Русский традиционный быт. СПб., 2003.

ЛЯГУШКА (жаба), в народных представлениях нечистое животное, родственное змее и др. «гадам». Жабу в некоторых местах считали матерью ужа, верили, что она играет с ужом, как муж с женой, и спаривается с ним. Лягушка, 7 семь лет не видевшая солнца, превращается в летающего змея, у лягушки есть свой царь (с короной на голове). Лягушка способна оживить мертвого ужа, а куски разрубленной ящерицы сростаются под воздействием жабьей мочи. Как и змей, лягушек

считают ядовитыми. Яд их сильнее змеиного, но кусать человека им запрещено от сотворения мира. Они способны поглощать змеиный яд и очищать отравленный змеей источник.

По народным представлениям, лягушки — обреченные люди. Происхождение их, в частности, связывали с людьми, утонувшими во время Всемирного потопа. Согласно др. легенде, войско фараона, преследовавшее евреев во время их исхода из Египта и потопленное в водах Черного моря, превратилось в лягушек, которых вследствие этого называли «фараонами». Существовало поверье, будто у самок лягушки длинные волосы и женская грудь, а у самцов борода. Придет время, когда они вновь станут людьми, а ныне живущие люди превратятся в лягушек. Поэтому бить лягушек *грех*.

В лягушке часто видели дух умершего, душу ребенка, похороненного некрещеным, иногда при виде лягушки в доме высказывали пожелание вечного упокоения. С этими же представлениями была связана и распространенная мотивировка запрета убивать лягушек: умрет мать (реже — сам убивший, его родители или родственники).

Запрет убивать лягушек объясняли и иначе: рука отсохнет, будут болеть глаза, опухнешь, будет рвать выпитым молоком, не будет удаваться *хлеб*, будешь есть на *«том свете» пирог* с лягушками, другие лягушки покусают или задушат, убитая лягушка сама придет ночью и задушит, а у девушки отберет красоту.

Часто считали также, что убийство лягушки способно вызвать *дождь*. Причину засухи в некоторых местах видели в том, что жаба закрыла источник. Чтобы пошел дождь, убивали прыгающих лягушек и блох, нанизывали на нитку и вывешивали на кусте, приговаривая: «Как эти блохи и лягушки повисли, чтобы тучи повисли». Для вызывания дождя совершали обрядовое убийство, а иногда и похороны др. «гадов»: ужа, гадюки, ящерицы, рака, вши, насекомого, медведки, паука и др.

Считалось, что и жабы обладают такой силой взгляда, что могут слгазить человека или животное. Когда лягушка смотрит на человека, она пересчитывает ему зубы, и они от этого выпадают. Жаба может также плюнуть человеку в глаза, и он ослепнет.

Появление лягушки в доме служило предвестием прихода нежеланных гостей, несчастья, смерти в доме. Женщине нельзя брать лягушку в руки, иначе хлеб не будет ей удаваться. Лягушка, выскочившая на дорогу перед путником, особенно рыбаком, сулит неудачу. Если у рыбака в начале ловли станут ловиться лягушки, то рыбы ему не видать: значит, «нечистая» женщина (т. е. имеющая *месячные*) перешла через его невод.

С началом кvakанья лягушек были связаны приметы о погоде. Если кvakанье пришлось на скоромный день, коровы будут давать больше молока. При первом весеннем кvakанье люди кувыркались по земле, чтобы быть здоровыми и чтобы не болела спина. Увидеть первую лягушку в траве — к удаче, в воде — к несчастью, вверх животом — к покойнику.

О забеременевшей вне брака говорили, что она обьелась лягушками. Магическими свойствами обладала палка, которой разняли змею и лягушку: считалось, что с ее помощью можно расстроить *брак*, любовные отношения, облегчить тяжелые роды, отвратить градовую тучу, усмирить борющихся врагов, выиграть суд, выгодно совершать торговые сделки. Лягушку клали за пазуху, чтобы не бояться щекотки.

С помощью лягушки насылали порчу. Так, чтобы ослепить кого-нибудь, натирали этому человеку дверь лягушачьим жиром; зашивали его волосом глаза лягушки и клали ее под камень; закапывали под *порог* глаза лягушки, а потом выкапывали их, терли в порошок и подмешивали в питье.

Лит.: Миловидов Ф. Ф. Жаба и лягушка в народном мирозерцании, преимущественно малорусском. Харьков, 1913.

Ист.: Гура А. В. Лягушка//Славянская мифология. М., 1995.

ЛЯЛЬНИК — см.: **ФЕДОР ЛЯЛЬНИК**.

ЛЯЛЯ, олицетворение весны у белорусов. Она представлялась юной, красивой девицей; существовала даже поговорка: «пригожая як Ляля». В честь ее устраивался праздник накануне весеннего *Юрьева дня*, известный

под именем Ляльника. На лугу собирались крестьянские девицы, наряжали самую красивую подружку в белые покровы, перевязывали ей шею, руки и стан зеленью, а на голову надевали венок: это и была Ляля. Она садилась на дерн; возле нее клали разные припасы и венки; девицы, взявшись за руки, водили вокруг Ляли хоровод с песнями, в которых обращались к ней с просьбой об урожае. Ляля раздавала им венки и угощала всех приготовленными яствами. Эти венки и зелень, в которую наряжалась Ляля, сберегали до следующей весны. Этот первый весенний праздник в Великороссии назывался *Красной горкой*.

Кроме Красной горки в Центральной России 21 апр./4 мая был свой Ляльник (см.: Федор Ляльник).

М

МАВКИ (навки), по малороссийским народным поверьям, злые духи (часто смертоносные), *русалки*. В мавок превращаются умершие до крещения дети: имя «мавки (навки)» образовано от «навь». Мавки спереди имеют человеческое тело, а спины у них нет, поэтому видны все внутренности.

МАВРА МОЛОЧНИЦА, народное название дня св. мц. Мавры, празднуется 3/16 мая. У русских крестьян была известна еще под именем Рассадницы, т. к. с ее дня крестьяне начинали сажать рассаду (т. е. молодую *капусту*) и засеивать огороды. Св. Мавру называли в народе Молочницей потому, что в ее день было жирное и самое густое молоко, чему, конечно, способствовали пастбища, покрытые мягкой и сочной травой, от которой скот поправлялся и тучнел. О той же св. мученице крестьяне говорили: «Мавра — зеленые щи», давая заметить, что теперь огороды начинают доставлять пригодную для пищи молодую зелень. В этот день также было принято есть зеленые *щи* из *крапивы*, а мужикам хлестаться крапивным *веником* для прибавления сил.

И. Калинин

МАЗАНКА, малороссийская или южнорусская хата, глинобитная или построенная на основе плетня, обмазанного изнутри и снаружи толстым слоем глины, с глиняным полом, с белеными стенами, с крышей, крытой камышом или соломой.

МАЙ, пятый месяц в году, древнерусское название — «травень» или травный — зеленеет трава. В древности май считался третьим пролетным месяцем. Русские люди говорили об этом месяце: «Май смаит. Месяц май не холоден, так голоден. В мае жениться — век маяться. Май холодный — год хлебородный. Майская трава и голодного кормит».

В. Васнецов. «Весна-красна»

Основные народные приметы по дням этого месяца по В. И. Далю таковы: 10. Ап. Симона Зилота. На Симона Зилота земля именинница, грех пахать, собирают

Н. Рерих. «Весна священная»

Богоматерь Гора Нерукосечная. Икона. 1560-е гг. Москва, ГМЗК

зелья у болота, копают корни на зелья; 11. Сщмч. Мокия. *Мокия Мокрого*. Если этот день мокрый, то и лето будет мокрое. В этот день не работают, боясь, чтобы град не побил полей; 13. Мц. Гликерии девы. *Лукерьи*

Св. Пафнутий Боровский. Икона (без полей). XVII в. СПб. ГМИР

Комарницы. Полагают, что в этот день прилетают комары; 14. Мч. *Исидора. Сидора Огуречника*. На Сидора еще сиверко (северно). Придут Сидоры, минуют и сиверы (заморозки), прилетят стрижи и касаточки, принесут тепло. Полагают, что в этот день должно сажать огурцы и сеять лен; 15. Прп. Пахомия Великого. *Пахома Тепло-го, Бокогрея*. Пришел Пахом — запахло теплом. На Пахома поздний посев овса и пшеницы; 16. Прп. Феодора Освященного. *Федора Житника*. Кто сеет после Фита, прост будет жита. Полагают, что в этот день должно непременно сеять хлеба; 18. Мч. Феодота Анкирского и св. мцц. семи дев. *Федота Овсянника*. Коли на Федота на дубу макушка с опушкой, то будешь мерить овес

Чудо Георгия о змие. Икона

кадушкой. Если на Федота дубовый лист развернулся, то земля принялась за свой род. Семь дев сеют лен; 20. Мч. Фалалея. *Фалалея Огуречника*; 21. Свв. равноап. царей *Константина и Елены* (см.: Оленин день). Алены Леносейки. Алены — длинные льны. На Алену сей лен, также ярицу, гречу, ячмень и позднюю пшеницу; тоже сажай огурцы. Алене льны, Константину огурцы; 23. Обретение мощей св. Леонтия, еп. Ростовского (см.: Леонтий Коноплянник). Левона Огуречника; 25. Третье обретение главы св. пророка, Предтечи и Крестителя Господня *Иоанна* (см.: Иван Головатый). Ивана — медвяны (вредные) росы. Если в этот день на рябине много цветов, то будет хороший урожай хлеба. Лечебные зелья кладут под Иванову росу; 28 Прп. Никиты, еп. Халкидонского. *Никиты Гусятника* (см. также: Евтихий Тихий); 29. Мц. Феодосии, девы Тирской. *Федосьи Колосницы*. Полагают, что с этого дня рожь начинает колоситься. День Федосьи стоит всех понедельников (несчастный); 30. Прп. *Исаакия Далматского. Исакия Змеевника (Змеевик)*. Полагают, что в этот день змеи станицами ходят по лесам. На Исакия сажают бобы; 31. Ап. Ерма и мч. Ермия. *Ермея Распрягальника*. Как на Еремия (1 мая) Запрягальника, потому что на Еремия подыми сетеву (севалку), так и на Ермея

Богоматерь Свенская Печерская. Икона. XIX в.

же (Ермия, 31 мая) Распрягальника, потому что опусти сетево (т. е. начало и конец посевов). Для русских людей май начинался со дня памяти св. прор. Иеремии (1 мая). «С Еремея-Запрягальника запрягай коня в соху, выезжай в поле, подымай сетево (лукошко с семенами)», «На первую майскую росу (утреннюю) бросай первую горсть яровины на полосу!» Старики советовали молиться в этот день св. прор. Иеремии: «Овес сея, проси Еремея!» С молитвой, обращенной к нему, и выходили крестьяне, бросив три горсти семян, отвечивали три поклона на все стороны, кроме северной, а потом шли, благословясь, от борозды к борозде по всему засеваемому загону. «Ведро на Еремеев день — хороша хлебная уборка, ненастье — всю зиму будешь его помнить да маяться!» — говорили крестьяне.

Народная мудрость увещевала сеять хлеб осмотрительно, сеяли только в теплую погоду. Клад сеятель обе руки наземь, замечал: тепла ли земля, и, только уверившись в этом, начинал бросать зерно. «Сей неделю после

Егорья на другую после Еремея!», «Раннее яровое сей, когда вода сольет, а позднее — когда цвет калины будет в кругу!», «Яровой хлеб с одышкой да с поглядкой!», «Рожь говорит: сей меня в золу, да в пору; а овес: топчи меня в грязь, а я буду князь, хоть в воду — да в пору!», «Лягушка квачет — овес из-под земли скачет!»

Первого же мая на Руси вспоминали святого подвижника игумена *Пафнутия Боровского* († 1478). Первой добродетелью св. Пафнутий считал милосердие и нищелюбие, во время голода он кормил ежедневно ок. 1000 чел. В этот же день икона «Нечаянная радость».

Прп. Авраамий Галицкий. Нач. XVIII в. Кострома. КМЗ «Ипатьевский монастырь».

Артель Ф. Рожнова. Богоматерь Печерская. Икона. Ок. 1706 г. Москва. Школа патриарших иконописцев. УМЗ

2 мая считалось на Руси соловьиным днем (см.: Борис и Глеб); с него в средней полосе России запевали соловьи, ловцы-соловьятники выходили в лес на их ловлю. «Запоет соловей в другой день после Еремея-Запрягальника, будешь с хлебом!», «По соловьям —

Богоматерь Умление (Старорусская). Икона. 1-я пол. XIII в. ГРМ

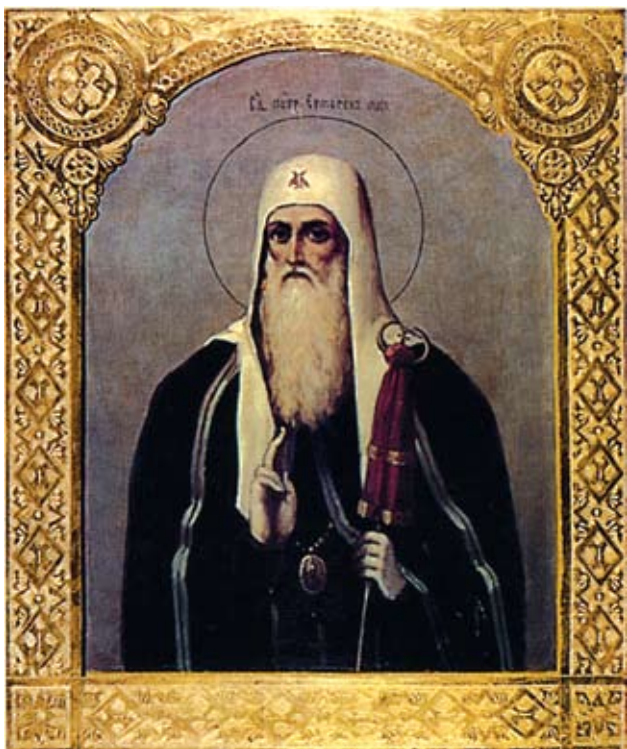
и погода!», «Поют соловьи перед Маврой (накануне 3 мая) (см.: Мавра Молочница) — и весна зацветет дружно!» В этот же день праздновали чудотворную икону Пресвятой Богородицы «Свенская Печерская», явившуюся в 1288.

4 мая празднуются святые братья *Алфановы* и *Старорусская* икона Божией Матери.

5 мая — *Арины-Рассадницы*: с этого дня высаживали на огородные грядки капустную рассаду. Еще на-

Дионисий. Митр. Алексий с житием. Икона. 1480-е гг. ГТГ

Свт. Гермоген, патриарх Московский и всея Руси, чудотворец. Икона. Собор Казанской иконы Божией Матери в Москве

кануне вечером «на Пелагею» (Пелагея Заступница) (4 мая) у огородников был обычай выносить на огороды надтреснутый горшок, класть в него выдернутую поблизости крапиву (с корнем) и ставить горшок вверх дном на самую середину средней гряды. Это делалось для ограждения огорода от нападений «вражьей», «завидушей» силы, чтобы ела она, проклятая, одну крапиву, чтобы не прикасалась ни к чему «взрожденному трудом праведным». Высаживая рассадку, крестьяне

Жировицкая икона Пресвятой Богородицы. XIX в.

причитали: «Рассадушка-рассада, не будь голенаста, а будь пузаста; не будь пустая, а будь тугая; не будь красна, а будь вкусна; не будь стара, а будь молода; не будь мала, а будь велика!» В этот же день праздновалась икона «Неупиваемая чаша». 6 мая (Иов Россенник и Денисов день), в этот день деревенский люд принимался сеять горох: «Денис-горошник!», «На Дениса се-

Сцмч. Ававакум. Нач. XX в. Гуслицы. ГРМ

Прп. Нил Сорский. Икона. XX в. Вологда

Мч. Акакий. 1795 г. ГРМ

ять бел горох не ленясь!» Любители красных присловий сеют, а сами приговаривают: «Сею, сею бел-горох; уродися, мой горох, и крупен, и бел, и сам тридесят, старым бабам на потеху, молодым ребятам на веселье!» Огородники следили на Денисов день за росой: «Большая роса — огурцам большой род». Крестьяне разливали «Дениса-горошника» и «Дениса-росенника». 6 мая — Михей Радонежский; 7 мая — день Жировицкой иконы Божией Матери и мч. Акакия. В этот же день отмечали память прп. Нила Сорского (см.). 8 мая (на Арсентьев день) совершался засев пшеницы в степных губерниях. В старину на *Арсентия-Пшеничника* пекли пшеничные пироги, угощая ими не только гостей, но и каждого прохожего человека, памятуя, что «прохожий — человек Божий». Для этого старики выходили с пирогами даже на перекрестки дорог за околицу и поджидали странников. «Быть худу, — говаривали, — если вернешься с обетным пирогом назад домой, а еще хуже, коли съест его самим: не найдется ни странника, ни калики перехожего, скорми этот пирог птицам!» И. П. Сахаровым записаны слова, повторявшиеся не встретившими прохожих людей хозяевами в этот день: «Прогневил я Господа-Создателя при старости лет; не

Николай Чудотворец. Икона. Кон. XIX в. Холуй

послал мне доброго человека разделить хлеб трудовой; не в угоду Его святой милости было накормить мне горемышного, при истоме усладить мне старого старика в безвременье. А и как-то будет мне на мир Божий глядеть, на добрых людей смотреть! А и как-то мне будет за хлеб приниматься!..»

9 мая — *Никола Вешний*. Мученик Христофор. «Раннюю пшеницу сей на Арсентия, среднюю с Николина

Св. мученик Христофор. Икона. Кон. XVIII в. Ветка

дня, позднюю — на Пахомия (15 мая)!, «С Николы Вешнего сади картофель!», «Велика милость Божья, коли на вешнего Николу дождик пойдет!», — гласил сельскохозяйственный опыт. У русского народа было два Николы: *Никола-Вешний* — с теплом да *Никола-Зимний* — с морозом. «Никола-зимний (6 дек.) лошадей на двор загонит, весенний — откормит (на траве)!, «Два Николы: теплый да холодный, сытый да голодный!», «С Николы (вешнего) крепись, хоть разорвись, с Николы (зимнего) живи — не тужи!», «Не хвались на Юрьев день посевом, а хвались на Николин травой!», «Пришел бы Никола, а тепло будет!»

На Николу Вешнего — первое «ночное», первый выезд парней и ребят-подростков на ночную пастбу лошадей. Егорий коров «запасает», Никола — коней. «Вешний Никола подножный корм лошадям несет!» — говорили в народе. В деревнях был обычай справлять в этот день ночной ребячий праздник. В лугах, на выгонах и на запущенном под пар поле разжигали костры; поблизости паслись «спутанные» лошади, у огня сидели кружком молодые пастухи, ели пироги, пекли картофель в золе, играли, бегали вперегонки, целую ночь вплоть до зари не смыкали глаз: «Николу праздновали».

За Николой следовал *Симон Зилот*, 10 мая. «Кто досевает пшеницу на Зилота — выйдет как золото!» и далее (*Мокей Мокрый*): «Мокро на Мокея (11 мая) — жди лета еще мокрее!» На Елифан-день (12 мая) «утро в красном сарафане» (т. е. ясная утренняя заря) — к пожарному лету. В этот же день вспоминали св. патриарха Гермогена (ск. 1612), замученного польскими оккупантами за отказ признать Лжедмитрия. 13 мая — *Лукерья-Комарницы*: в этот день, по примете, вместе с теплым ветром налетают комары с мошкой. Было поверье, что «комариный народ» улетает по осени — уносится на крыльях осеннего ветра — на теплые моря, где и зимует зиму, чтобы, расплодившись, вернуться в мае на Русь. 14 мая Сидор Огуречник, когда прекращались, по народным наблюдениям, до самой осени холодные ветры, прилетали на старые гнезда последние

перелетные птицы — стрижи. «Пойдут Сидоры, отойдут сиверы, и ты, стриж, домой летишь!» — говорили крестьяне. 18 мая Федот Овсянник. «Придет Федот — последний дубовый листок развернет!» Если лениво распускались листья на дубах, крестьяне ожидали хорошего урожая яровых раннего сева. «Сей овес, когда дуб развернется в заячье ухо!» — говорили в Тульской губ. «На дубу лист в пятак, быть яровому так!» «Коли на Федота на дубу макушка с опушкой, будешь мерять овес кадушкой!» Считалось, что с этого дня принималась земля «за свой род».

19 мая вспоминали прп. *Корнилия Комельского* († 1537), великого подвижника русской Фиваиды.

«На Филиппа да на *Фалалея Огуречника* (20 мая) — досевай огурцы скорее». Старинная примета советовала огородникам делать посадку огурцов скрытно от всех соседей и даже домашних, не принимающих непосредственного участия в работе. Особенно следовало скрывать от любопытного глаза первую засаженную гряду, а тем более — первый выросший на ней огурец. Этот огурец закапывали в потаенном месте на огороде, как бы принося жертву покровителям огородов — свв. Филиппу и Фалалею. Если будет много желтых, до поры до времени поблекших огуречных плетей, это приписывалось тому, что чей-нибудь лихой недоброжелательный глаз подсмотрел «на росту» первый огурец. В этот же день вспоминали св. митр. Алексия (ск. 1378), наставника и воспитателя св. *Дмитрия Донского*. 21 мая. Празднование *Владимирской иконы* Божией Ма-

Явление Божией Матери прп. Корнилию Комельскому. Икона (без полей). XVIII в. Вологда

Г. Зиновьев. Митр. Алексий у Московского Кремля. Икона. Около 1690-х гг. ГТГ

Владимирская икона Божией Матери (средник). 1514 г. ГМЗМК

тери. Оленин день, напоминающий деревне, что пора сеять льны. В некоторых местах этот день так и звался: «Длинные льны — Еленины косы». На сев льна было в обычае не выезжать без выполнения особой обрядности. Старухи собирали в канун Еленина дня по паре яиц с каждой бабы, пекли их всем «бабьим миром» в одной облюбованной для этого печи и затем раскладывали, не без ведома сеятелей, в мешки с семенами; но мужики не должны были проговариваться о своем «знатье» — молча собирались и выезжали они, благословясь, на вспаханную подо льны полосу, где прежде всего и принимались за завтрак, а потом уже — за посев. Скорлупки яиц должны были привозиться домой; там старухи толкли их и подбавляли понемножку в корм курам: чтобы неслись лучше. «Лен с ярью не ладит», а потому деревенский опыт не советует сеять на льнищах ничего иного. 23 мая праздновали память Леонтия Ростовского (†1073), просвятителя ростовской земли. 25 мая *Иван Головатый* и Ферапонтов день. «На Ферапонта первые худые росы», вредные для пасущейся животины, для деревенской листвы и для малых ребят. «Напала на медяную росу!» — говорят о заболевшей в этот день скотине; «От Ферапонтовой росы и трава ржавеет». В этот день советовали «глядеть рябину»: много цвету — будут и овсы хороши; малое цветенье — жди худа, не будет с овсами толка, хоть сызнава пересей!» 26 мая *Алфей Глинник*, Земля — Кудесница и апостол Карп. «На Карпа» хорошо «коропы» (рыба карп) ловятся. Опытные рыбаки старались не пропустить этого дня.

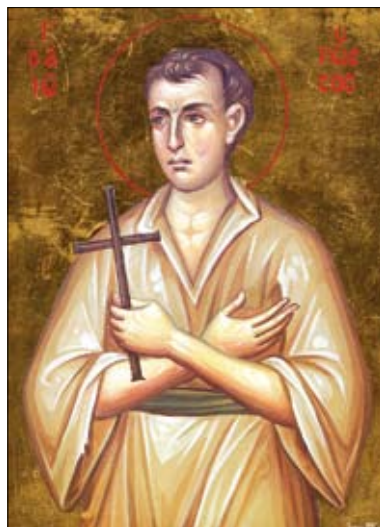
27 мая *Федоры*. «На Федору не выноси из избы сору!» — говорили крестьяне. Деревенские хозяйки не

Леонтий Ростовский. Икона (без полей). 2-я пол. XVI в. Ростов. ГРМ

мели избы, чтобы не быть худу. В этот же день вспоминали св. прав. Иоанна Русского (ск. 1730), ставшего образцом твердости в вере для многих русских людей. Если на следующие сутки, на Евтихия (см.: Евтихий Тихий), день был тихий, ждал пахарь хорошего урожая. 29 мая — «Федосьи-Колосяницы»: рожь принимается выметывать колос. «На Федосью» было хорошо, по примете, прикармливать скотину хлебом печеным: плоднее будет.

За Федосьями следовал *Исакий Змеевик*. На его день выползали из нор змеи. Старики предостерегали молодежь, чтобы с оглядкой ходили по лесу и лугу. «Идут поездом в этот день змеи ползучия да свадьбы змеиния», — гласило старинное сказание; «укусит человека гадина, не заговорить никакому знахарю». С этого,

Св. Иоанн Русский. Икона

змеино, дня сажали бобы, перед посадкой вымачивая их в «озимой воде», натаянной из мартовского снега, собранного заранее по лесным оврагам. «Уродись, бобы, и велики, на все долина старых и малых, на весь мир крещеный!» — приговаривали огородники, сажая их.

Лит.: Коринфский А. А. Народная Русь. М., 1995.

МАЙКОВ Леонид Николаевич (28.03 [9.04]. 1839–7 [20].04.1900), историк литературы, библиограф, этнограф. С 1891 – академик, с 1893 – вице-президент АН. Сын академика живописи И. А. Майкова, брат А. Н. Майкова. В 1860 Майков окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. Начал печататься в 1857. В 1863 Майков представил магистерскую диссертацию «О былинах Владимиров цикла», в которой защищал теорию исторического происхождения *былин*. Вступление Майкова в члены Географического общества (1864) способствовало усилению его занятий русской фольклористикой и этнографией; в «Записках» общества он печатает работу «Великорусские заклинания» (1869). В 1885–87 Майков совместно с В. И. Саитовым издал 3-томное Собрание сочинений К. Н. Батюшкова, где помещены ценная монография Майкова о Батюшкове (отд. изд. 1887 и 1896), а также историко-литературные примечания, в которых содержится 75 биографий русских писателей допетровской поры (35 из них принадлежат Майкову). Этот труд был отмечен полной Пушкинской премией АН (1888). В исследованиях по древнерусской литературе и литературе XVII–XVIII вв. Майков выступил с позиций культурно-исторической школы.

МАКАРЕНКО Алексей Алексеевич (1860–1942), этнограф. Оказавшись в ссылке в Сибири, собирал этнографический материал. По возвращении из Сибири стал работать в этнографическом отделе Русского музея. Полюбив Сибирь, он уже добровольно совершил туда несколько научных поездок: в 1904, 1906–08, 1910, 1913. Из разнообразных этнографических работ Макаренко наиболее важные посвящены народной медицине и сельскохозяйственному народному календарю русского старожилого населения Сибири. Таковы его работы «Материалы по народной медицине Ужурской волости Енисейской губ.» («Живая старина», 1897, вып. 1–4), «Сибирский народный календарь в этнографическом отношении – Восточная Сибирь, Енисейская губерния» («Зап. ИРГО по отд. этногр.», т. 36, СПб., 1913).

Из др. этнографических работ Макаренко следует отметить: «Почитание огня у крестьян-сибиряков Енисейской губ.» («Живая старина», 1897, вып. 2), «Новогодняя ворожба по деревням Енисейской губ.» (там же, 1900, вып. 3–4), «Сказки, собранные А. А. Макаренко» («Зап. Красноярского подотдела ВСОРГО», т. 1, вып. 1, 1902), «Сибирские песенные старины» («Живая старина», 1907, вып. 1–4).

Лит.: Токарев С. А. История русской этнографии. М., 1966.

МАКАРИЙ, митрополит Московский и всея Руси с 1542 (1482–30.12.1563), государственный и церковный деятель. Родился в Москве. При крещении его нарекли Михаилом. На духовное воспитание будущего митрополита огромное влияние оказал архим. Кассиан, настоятель *Симонова монастыря*. В к. XV в. юный Михаил поступил в *Боровский Свято-Пафнутиев монастырь*, где получил воспитание. Во время пребывания в Пафнутьевском монастыре (до 1523) инок Макарий сформировался как большой книголюбец и иконописец. В 1523 Макария возвели в архимандриты и назначили настоятелем *Можайского Лужецкого монастыря*. 4 марта 1526 была совершена хиротония владыки Макария в архиепископы Новгорода и Пскова, на старейшую архиепископскую кафедру Московской митрополии.

Свт. Макарий, митрополит Московский. Икона. XX в. Москва

При отправлении Макария к месту своего архипастырского служения вел. кн. *Василий III* вручил ему «казну» новгородских святителей, взятую *Иоанном III* в 1478.

Новгородский архиепископ способствовал распространению *христианства* среди карело-финского населения северных окраин Руси, а также строительству там монастырей. Пребывание архиеп. Макария в Новгороде сопровождалось большими культурными начинаниями. При Макарии провели реставрацию многих новгородских икон и церквей, отлили большой колокол для кафедрального Софийского собора, поновили его фрески, украсили его иконостас. По указанию Макария в Пскове построили архиепископский дворец, в котором работали писцы и книжники. Собранные вокруг него писатели и церковные деятели занимались созданием *житий святых* и служб, переводили различные греческие и латинские произведения, составляли летописные своды. Итогом собирания духовных сокровищ стала первая редакция «*Великих Четых-Миней*», данная в 1541 в Софийский собор. Литературное окружение митр. Макария ученые назвали «академией XVI в.».

В 1542 архиеп. Макария поставили митрополитом Московским и всея Руси. Он стал высшим официальным царским советником, считавшим самодержавие необходимым оплотом *Православия*. Макарий составил «Чин венчания на царство», по которому происходила церемония венчания на царство *Иоанна IV* 16 янв. 1547. Царь Иоанн Грозный всегда с уважением отзывался о своем «отце-митрополите». В 1547 и 1549 по инициативе Макария созывались Церковные Соборы для решения вопросов канонизации русских святых и замены местных священных преданий преданиями общерусскими.

Крупнейшей заслугой митр. Макария стало открытие в Москве первой типографии для печатания священных книг. Не меньшей заслугой святителя яв-

ляется создание еще двух списков «Великих Четых-Миней», при работе над которыми Макарий выступал как руководитель, редактор и автор. При его участии было составлено 60 новых житий.

В последние годы своей жизни Макарий занимался составлением «Степенной книги», играя роль руководителя и редактора. Современники Макария видели в нем святого подвижника и почитали его.

После смерти его похоронили в Успенском соборе Московского Кремля. Канонизация Макария и причисление к лику святых подвижников прошли на Церковном Соборе 1988. День памяти 30 дек. /12 янв..

Г. Аксенова

МАКАРИЙ ЖАБЫНСКИЙ, Белевский, иеросхимонах (1539—22.01.1623). Жабынский монастырь был воздвигнут в 1585 недалеко от г. Белева (в нынешней Тульской обл.) и много пострадал от татарских и польских нашествий. Прп. Макарий был его возобновителем

Прп. Макарий Жабынский. Икона. XIX в. Тула

(см.: Введенская Жабынская Макарьевская пустынь). Через несколько лет он отказался от настоятельства, принял схиму и поселился около источника, который сам сотворил в Смутное время, ударив своим жезлом о землю, чтобы напоить изнемогавшего от жажды солдата. Память о преподобном была утрачена после его кончины надолго. Но в 1814 св. мощи его были обреты нетленными, а в 1902 почитание прп. Макария было восстановлено.

Память прп. Макарию отмечается 22 янв./4 февр. и 22 сент./5 окт.

МАКАРИЙ ЖЕЛТОВОДСКИЙ и УНЖЕНСКИЙ, преподобный (1349—25.07.1444), родом из Нижнего Новгорода. В 12 лет тайно оставил дом родителей и принял монашеский постриг в Вознесенском Печерском монастыре. Здесь, непрестанно воспевая в молитвах Бога,

Прп. Макарий Унженский. Икона. Нач. XVIII в. Кострома. КМЗ «Ипатьевский монастырь»

Макарий ревностно предавался делу спасения: строжайший *пост* и точное исполнение иноческих правил отличали его перед братией. Только 3 года спустя родители узнали, где он скрывается. Но юный подвижник, избегая всего мирского, беседовал с отцом лишь через стену. Тяготясь славой своих подвигов, смиренный Макарий удалился из Печерской обители на берег Волги и, найдя пустынное место, скрылся в пещере. Он мужественно преодолевал бесовские наваждения и соблазны, противостоя им твердым воздержанием и крепким терпением. К нему собрались ревнители благочестия, для которых Макарий устроил обитель во имя Св. Троицы, называемую Желтоводской (*Троицкий Макарьев Желтоводский монастырь* в Нижегородских землях). Здесь он проповедовал Православие окрестным черемисам и чувашам. После разорения обители в 1439 казанскими татарами прп. Макарий с братией и многими жителями той местности переселился в окрестности г. Галич в Костромских землях. Во время этого переселения, по молитвам преподобного, все сопутствующие ему были питаемы чудесным образом. Переселившись на р. Унжу, прп. Макарий основал Унженскую обитель, в которой и скончался в глубокой старости.

Память прп. Макарию отмечается 25 июля/7 авг. **МАКАРИЙ КАНЕВСКИЙ, Пинский, Овручский, Переяславский**, архимандрит, священномученик (1605?—7.09.1678), родился в благочестивой семье, в г. Овруч на Волыни. Образование он получил в доме одного священника и завершил его иноком в Овручском монастыре. Впоследствии он был его настоятелем, но, когда обитель была разорена поляками, его перевели настоятелем в Каневский монастырь. Св. Макарий предсказал бедствия, которые постигнут этот монастырь и город: голод, польское и татарское нашествие. В сент. 1678, когда г. Канев и монастырь были разорены дотла, а сам архимандрит после жестоких пыток сподобился венца мученического, его нетленные мощи были обреты среди множества разлагающихся трупов в раз-

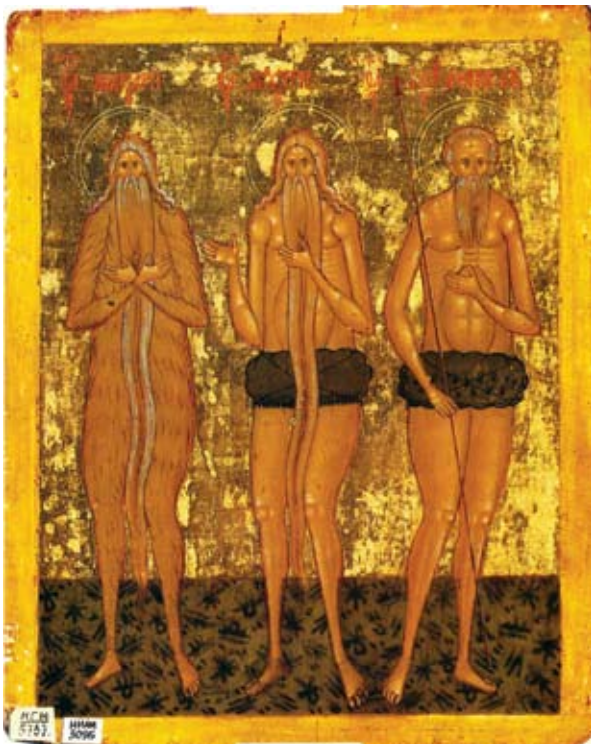

Сщмч. Макарий Каневский. Икона. XIX в. Киев

валинах и были погребены в монастырской церкви. Во время перестройки церкви они были обреты вновь и перенесены в Переяславль Южный.

Память прп. Макарию отмечается 7/20 сент., 13/26 мая (перенесение мощей в 1688) и в Неделю 3-ю по Пятидесятнице.

МАКАРОВ ДЕНЬ (Макар Весноукладчик, Макар Ясный), народное название дня прп. Макария Великого, Египетского, 19 янв./1 февр.

Преподобные Макарий Великий, Онуфрий Великий и Петр Афонский. Икона XVIII в. Новгород

В этот день крестьяне судили о весне. «Если на Макария метель — то и на всю Масленицу метель, если погода ясная — быть ранней весне».

В этот день с утра пораньше ставили самовар. Раздвигать его надо было непременно тем валенком, который родившийся в этот день носил. Считалось, что уголья самоварные передают свое тепло через подошвы к ногам, и тогда всякая боль-ломота в ногах отступит и целый год человек здоровым будет бегать без всякой усталости.

Преподобный Макарий Египетский и бес в тыквах. Народная картинка из альбома Д. А. Ровинского

В гости в этот день звали, приговаривая: «Макар к чаю зовет, Макар чаем угощает». А кого не звали к чаю, те размышляли: «К кому бы это сходить да с Макаром чай попить» или: «У какого Макара чай — туда и ступай».

Старому человеку полагалось в этот день, испив чаю, полежать на печи. Крепкому мужику непременно надо было сделать какую-либо работу. Это было как напояние — от работы не отлынивать. **МАККАВЕИ** — см.: **ПЕРВЫЙ СПАС**.

МАКОВИЦА, старинное название церковных глав. **МАКРИДА** (Мокрина, Макрины), народное название дня св. прп. Макрины, сестры святителей Василия Великого и Григория Нисского, 19 июля/1 авг.

В этот день совершался особый обряд, главным действующим лицом которого была Мокрина, которую представляла одна из девушек. Совершение обряда зависело от погоды. Если день был дождливым, Мокрина, одетая в праздничные наряды, целый день сидела дома. На улицу выходить было нельзя, считалось, что иначе дождь зальет всю землю. Если лето было засушливое, то все женщины приходили к нарядной Мокрине в дом и приносили ей колоски, а она собирала их в сноп, который в полотенце заворачивала. Днем начинался обряд вызывания дождя. Все женщины брали колосья и во главе с Мокриной выходили

к речке. Оставив одну девушку на берегу сторожить снопы колосьев от мужского глаза, женщины спускались к воде. Вначале в воду входила сама Мокрина со снопом и рассыпала колоски по воде, стараясь их утопить. Потом все женщины входили в воду и начинали помогать Мокрине утопить колоски. С плеском и шумом они ударяли по колоскам, «вызывая» тем самым дождь. Важно было, чтобы колоски успели утонуть в воде, прежде чем они уплывут вниз по течению. Обряд этот считался чисто женским. Мужчины на него не допускались. Если кто из мужчин приходил, то оставшаяся на берегу девушка подавала знак, и тогда бабы всей гурьбой накидывались на него: избив, бросали его в воду и даже могли утопить, приняв за *нечистую силу*. Зная это, мужики в этот день на реку не ходили.

МАКСИМОВ ДЕНЬ, народное название трех дней в году — весной, летом и зимой.

Весной, 28 апр./11 мая, так назывался день мч. Максима и иных (286 г.). В этот день во многих местах начинали сеять овес. По старинному обычаю, выходили ребятишки в поле и слушали — не кричат ли грачата: «Сей овес, сей овес».

Икона Гордеев(?). Максим Исповедник с деяниями. Икона. Кон. XVI — нач. XVII в. СХМ

Начинался массовый сбор березового сока. Этот напиток с удовольствием пили все — от мала до велика. Им отпаивали больных лихорадкой, сок давал живительную силу ослабевшим. Березовый сок пили свежим и заготавливали впрок.

Летом, 13/26 авг., это был день обретения мощей блж. Максима Московского, который среди русских считался защитником от демонов. К нему обращались с молитвой, прося его укрепить в вере Христовой. Только чистая вера православная и благочестивая жизнь могут спасти от демонов. Если *душа* чиста перед Богом, то и человек освобождается от всяческих пороков страстей, и демоны с ним ничего уже сделать не могут, никакого вреда ему не причинят. Если у че-

Прп. Максим Грек. Икона. XIX в. ГЭ

ловека мало добродетелей, в его душу вселяются демоны.

Зимой, 21 янв./3 февр., так назывался день прп. Максима Грека, который в народе назывался Максим Утешитель. По русскому обычаю, супруги выходили во двор и, крепко держась за руки, стряхивали с дерева снег или иней — на счастье, приговаривая: «Что Бог соединил, то человеку не разъединить». За утешением в случае беды-ссоры обращались к Максиму: крестьяне верили, что он утешит и ободрит, одну беду отведет, другую загасит, третьей не даст загореться. Вспоминали в этот день сердобольных людей, которые помогли когда-то добрым словом.

МАКСИМОВ Сергей Васильевич (25.09[7.10].1831—3. [16].06. 1901), писатель-этнограф, очеркист. Родился в с. Парфентьево Кологривского у. Костромской губ. в семье мелкопоместного дворянина, служившего поч-

С. В. Максимов

тмейстером. По окончании училища в с. Парфентьево поступил в Костромскую гимназию. Летом 1850 приезжает в Москву поступать на историко-филологический факультет Московского университета, но прием был только на медицинский. Среди новых друзей — будущий историк Д. И. Иловайский и будущий знаменитый врач С. П. Боткин. Впоследствии напишет: «Москве я обязан моими первыми литературными связями, моим литературным воспитанием и первыми проблесками моего сознания, что я должен чем-нибудь быть полезен народу». Этим проблескам сознания он обязан редакции «Москвитянина», где познакомился со своим земляком А. Ф. Писемским. Через многие годы А. Н. Майков напишет ему: «Вы помните ваше знакомство с Писемским: не

знаю, он ли был крестным отцом ваших первых произведений, но помню, что его трезвый взгляд на жизнь и искусство сильно действовал на вас, еще юношу, и не остался без влияния на дальнейшие ваши труды. Он, кажется, первый и указал вам на изучение жизни русского народа, найдя в вас и нужную для того подготовку, меткий взгляд и разумную наблюдательность». Максимов сблизился со своим костромским земляком именно в то время, когда «Тюфяк» А. Ф. Писемского и «Свои люди — сочтемся» А. Н. Островского забили, по словам А. А. Григорьева, «светлыми лучами», открывая новые пласты народной жизни. В 1850 ядро молодой редакции «Москвитянина» составил кружок Островского. Это было второе поколение 20-летних славянофилов, старшему из которых, Островскому, было 27 лет, а младшему, Максиму, 20. Вспоминая об этом 2-летнем московском периоде, Максимов особо подчеркивал, что «в кружке московских друзей привольно было лишь коренным русским людям», каждый, писал он, «побывавший здесь уходил и с более приподнятым челом, уверенностью и твердою поступью, как будто он на свое природное звание получил оформленный и засвидетельствованный патент». С этим «патентом» молодой писатель явился в 1852 в Петербург. Недаром в первых же его этнографических очерках критики отметили «отсутствие космополитизма».

В течение 1854 «Библиотека для чтения», самое массовое по тому времени издание, публикует 6 очерков Максимова. На них обратил внимание И. С. Тургенев, чьи «Записки охотника» тоже в определенном смысле были «этнографическими». «Ступайте-ка в народ, внимательно наблюдайте, изучайте его на месте, запасайтесь свежим материалом. Дорога перед вами открыта», — посоветовал он молодому писателю.

Первую свою «экспедицию» Максимов совершил во Владимирскую, Нижегородскую, Костромскую и Вятскую губернии, еще не имея, как он сам признавался, «никакой школы и поучения», надеясь на русское «авось». Цикл его очерков появился в той же «Библиотеке для чтения», составив впоследствии книгу «Лесная глушь».

В 1855 Военно-морское ведомство, возглавляемое братом императора вел. кн. Константином Николаевичем, при проведении давно назревшей реорганизации флота, решает послать «литературную экспедицию» для исследования и описания морских побережий и главных водных артерий России. Островского командировали на Верхнюю Волгу, Потехина (сотоварища Максимова по Костромской гимназии) — на Нижнюю Волгу, Писемского — в Астраханскую губ., Афанасьева-Чужбинского — на Днепр, Данилевского — в Малороссию и Крым, М. Михайлова — на Урал, Н. Филиппова — на Дон, а самого молодого из них Максимова — на Русский Север, в тот «край непуганых птиц», который через полвека после него вновь откроет М. Пришвин. Очерки Максимова, как и др. участников экспедиции, публиковал «Морской сборник», а в 1859 они вышли отдельным двухтомным изданием «Год на Севере».

Затем последовали др. экспедиции: в 1859—60 — на Амур, в 1862—63 — на Урал, Каспий и Кавказ, в 1867—68 — на Смоленщину и в Белоруссию. Результатом их стали новые книги: «На Востоке», «Сибирь и каторга», «Бродячая Русь Христа-ради». Эти книги тоже представляли жанр беллетризованной этнографии, возникший, не без участия Максимова, на стыке науки и литературы. Известный историк И. Е. Забелин писал

ему: «Этнография есть та же археология, только живая, действующая».

Однако наибольшую известность обрели книги Максимова, которые не имели прямого отношения к этнографии и его этнографическим экспедициям. В 1872 в журнале «Школьная жизнь» (№ 11—13) был опубликован цикл его очерков для детей среднего возраста «Куль хлеба и его похождения», в 1873 вышедший книгой (переиздания 1875, 1881, 1894). Спустя столетие (1982, 1985, 1987) «Куль хлеба» вновь оказался в центре внимания, причем уже не только детей. Максимов создал поэму о хлебе, гимн русскому хлебу и русскому хлебопашцу: «Хлеб — всему голова! — уверяют трудолюбивые крестьяне, которые всех ближе и вернее могут судить об этом деле: крестьянин землю пашет, хлеб сеет, собирает и продает; ел бы богач деньги, кабы убогий не кормил его хлебом. Ни о чем так сильно не хлопчут, ни о чем так усердно не молятся Богу простые русские люди, как о росте посеянного хлеба. Без хлеба не крестьянин. Хлеб на стол — и стол престол, а хлеба ни куска — и стол доска. Без хлеба несытно, без него и у воды худо жить, без хлеба смерть; хлеб — дар Божий, батюшка, кормилец».

Во время этнографических экспедиций Максимов вел и фольклорные записи — песен, сказок, легенд, обрядов, пословиц, поговорок, но все их передал фольклористам. В его этнографических книгах фольклор присутствует в своей естественной среде обитания. Все его книги фольклорные в точно такой же степени, как этнографические. Фольклор воссоздает внутреннюю жизнь народа, этнография — внешнюю. Они — как душа и тело народа.

Лишь в одной книге Максимов собрал воедино эти фольклорные золотые россыпи, выделив из них самородки крылатых слов. В 1880-е он публикует в различных газетах и журналах свои заметки, посвященные толкованию отдельных слов и выражений. В 1891 его «крылатые слова» были изданы, а затем неоднократно переизданы, став, наряду с «Кулем хлеба» одной из самых популярных книг.

Современники по праву называли Максимова патриархом народоведения. Его Собрание сочинений, вышедшее в издательстве «Просвещение», состоит из 20 томов. Но и оно — далеко не полное. Собрание сочинений стало итогом его полувековой литературной деятельности, но посмертным. При жизни Максимов вынужден был зарабатывать себе на хлеб насущный журналистикой в петербургских «Полицейских ведомостях». Его современник и биограф П. В. Быков писал о нем за год до смерти: «Это удивительно скромный человек далеко не оценен на своей родине, где его имя очень популярно, но не гремит, как гремело бы за границей, если бы Сергей Васильевич, только очень недавно избранный в почетные академики Императорской Академии Наук, — был писателем иностранным... Но такова уж судьба русского писателя за очень немногими исключениями».

Соч.: Собр. соч. Т. 1—20. СПб., 1908—13; Избранное. М., 1981; Год на Севере. Архангельск, 1984; Куль хлеба и его похождения. М., 1982; По Русской земле. М., 1989. **В. Калугин** **МАКСИМОВИЧ Михаил Александрович** (1804—1873), этнограф, историк, филолог. Один из первых собирателей фольклорно-этнографического материала в Малороссии. Из его этнографических работ наиболее важна публикация им «Малороссийских песен» (М., 1827), переизданных вторично в 1834 и в третий раз —

в 1849. Мотивы, побудившие его к этой публикации, Максимович излагает прямо и ясно. «Наступило, кажется, то время, — пишет он, — когда познают истинную цену народности. А народность выражается всего лучше в песнях, в сказках».

Из др. этнографических работ Максимовича представляют интерес его «Дни и месяцы украинского селянина». Это малороссийский сельскохозяйственный календарь с рассказами о поверьях, обычаях и праздниках (Русская беседа, 1856. № 1).

Лит.: Токарев С. А. История русской этнографии. М., 1966.

МАКСИМОВСКАЯ икона Божией Матери. Святая находилась над гробницей свт. Максима в Успенском соборе во Владимире (сейчас на ее месте список). Над

Максимовская икона Божией Матери. 1299–1305 гг. ВСМЗ

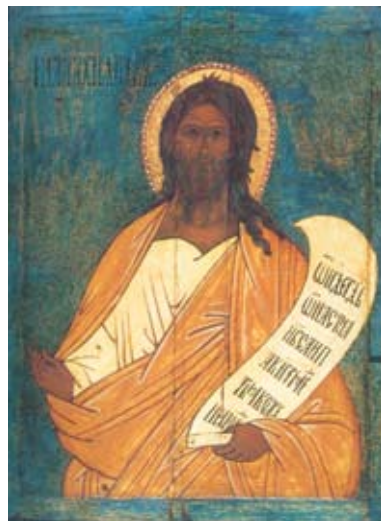
ней помещена надпись, повествующая, что извод был написан в память о видении митр. Максиму в 1299, когда он решил перенести митрополичью кафедру из Киева во Владимир: «Сей святой и чудотворный образ Пресвятыя Богородицы написан бысть в лето 6807 (1299) по видению Максима, митрополита Владимирскаго и всея России чудотворца, родом грека, по пришествии его из Киева во Владимир, когда он от путнаго шествия в келлии своей мало уснув, абие видит, аки яве, свет велик и необычен, и в том свете явился ему Пречистая Дева Богородица, держащи на руку Предвечнаго Младенца, и глаголя: рабе Мой, Максим, добре пришел еси семо посетите град Мой, и подаде ему омофор, глаголя: прими сей омофор, и паси во граде Моем словесныя овцы; он же прием, возбудися от сна, и в келлии никого не виде, а омофор обретесе в руце его. Он же страхом обят бысть на мног час, абие поведа великому князю Андрею, и построиша ковчег злат, и положиша на него той омофор, и прославися сие чудо по всей Русской земле и в Палестине, и повеле написати сей образ тем подобием, якоже виде Максим».

По преданию, в 1411, во время разорения г. Владимира войском татарского царевича Талыча, ключарь Успенского собора Патрикий спрятал золотой ковчег с омофором в тайник. За отказ открыть его местонахождение он был замучен татарами.

Празднование Максимовской иконе Божией Матери установлено 18 апр. /1 мая.

МАЛАХАЙ, зимняя меховая шапка с четырехугольным или остроконечным верхом из сукна с четырьмя клапанами, боковые клапаны завязывались тесемками, верхние спускались на лоб в сильные морозы. Носился как мужчинами, так и женщинами.

МАЛАХИЯ (Гордей, Оберег коров), народное название дня прор. Малахии (400 г. до Р. Х.) и дня мч. Гордия (III в.), 3/16 янв.

Святой пророк Малахия. Икона XVI в. Ярославль

По народному поверью, в зимние вечера голодная *ведьма* задаивает коров, отнимает у них молоко, поэтому корову следует оберегать *крестным* знаменем, защищать и кропить святой водой. Ведьма знает, что 17 янв. крестьяне будут выгонять *черта* из деревни. Чтобы его спасти, ведьма пробирается в хлев, принимала облик хозяйки, брала в руки подойник и начинала доить коров (корова ее к себе подпускала, если была без *оберега*). Считалось, что молоко она выцеживала до последней капли, до крови, т. е. корова иногда и погибала. Коровьим молоком ведьма потом отпаивала черта. Чтобы не допустить несчастья, хозяйка по несколько раз в день заглядывала в хлев. Если же она видела там похожую на себя бабу с подойником, то следовало ее ударить наотмашь, «тогда и пропадет ведьма злая». От *сглаза* и *порчи* корову заговаривали разными *заговорами*. Ей варили овсяную

кашу на молоке и потчевали из *горшка*, клали на блюдо хлебный *каравай*, обсыпали клеверным сеном.

На Малахию лечили «кажеников» (сумасшедших, полоумных, испорченных), изгоняя из них бесов особыми заговорами.

МАЛАЯ ПРЕЧИСТАЯ — см.: **РОЖДЕСТВО ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ**.

МАЛОРОССИЯ (Малая Русь), историческая, географическая, природная и экономическая часть России; расположена на юго-западе Европейской части России. Малороссия неоднократно подвергалась оккупации со стороны Польши и Австро-Венгрии. Название «Малая Русь» появляется в XIV в. в период раздробленности Русского государства, когда оно распалось на Северо-Восточную, Юго-Западную и Западную Русь. Юго-Западная Русь стала называться Малороссией, включая в себя Галицко-Волынскую землю и Приднепровье. Название «Украина» применительно к Малороссии относилось к приграничным территориям, окраинам Русской земли. В частности, так называлась окраина Галицкой земли между реками Южный Буг и Серет, а также приграничные земли Галицко-Волынского княжества возле Западного Буга.

Польские и австро-венгерские оккупанты старались не использовать в официальном обороте названия «Русь» и «Малороссия», подчеркивающие русское происхождение территории. Вместо них ими внедряются разные искусственные названия — «Украина» (географическая нелепость, ибо название приграничных, окраинных территорий не могло распространяться на область Приднепровья), «Герцогство Буковина», «Галиция и Лодомерия». Оккупационные власти внушали русским (малороссам), что они особая нация — украинцы. В официальных документах запрещалось употреблять слова «малоросс», «русин». С 1904 галицийские русины (русские) стали именоваться в австрийских документах «украинцами». Готовясь к войне против России, австро-венгерские спецслужбы подготавливают планы отторжения от нее малороссийских губерний и создания под скипетром Габсбургов «Украинского ко-

ролевства». С приходом к власти большевиков используемое столетиями историческое название «Малороссия» исчезает из официальных документов, заменяясь искусственно придуманным врагами русского народа понятием «Украина», а малороссы начинают рассматриваться как особый народ — «украинцы».

О. Платонов

МАЛЬЧИШНИК холостяцкая пирушка с близкими друзьями накануне *свадьбы*. В большинстве местностей России в отличие от *девичника* мальчишник устраивался редко.

МАМОНТ ОВЧАРНИК (Мамонтий, Овчарник), народное название дня св. мч. Маманта и родителей его Федота и Руфины (III в.), 2/15 сент.

Святой мученик Мамант. Книжная миниатюра XI в. Афон

Св. Мамант считался покровителем овец и коз, поэтому его просили охранять овец и дать им плодovitость. К этому времени прекращали свободный выпас овец и коз, их запирали в хлеву и выпускали только в теплое время дня. По обычаю в этот день полагалось убрать двор и загоны для коз и овец, хлев и омшаники окуривали вересковым дымом и утепляли болотным мхом. Считалось, что *нечистая сила* дыма боится, а во мху никакая гнилость не заводится, т. к. мох является природным антисептиком. Скотину домашнюю выгоняли в последний раз на вольный выпас.

В этот день кланялись пастуху: если он родился в этот день, то ему обязательно давали козьего молока с ржаным хлебом.

С этого времени в стародавние времена начинался рекрутский набор — новобранцев забирали для службы в армию, потому в деревнях устраивали праздничные проводы. Гостили друг у друга, слушали наставления стариков, пели песни, веселились.

А. Кившенко. Переяславская рада. 1654 год. Воссоединение Украины с Россией

МАНТА (гугля), плащ русинов. См.: Верхняя одежда русских.

МАНУИЛОВ ДЕНЬ (Мануйло, Ярило), народное название дня мчч. братьев Мануила, Савела, Исмаила (IV в.), 17/30 июня.

Мученики Мануил, Савел и Исмаил

С древних времен этот день был связан с языческим культом *Ярилы*. Считалось, что на него *нечистая сила* становится особенно активной. Старики призывали молодежь в этот день сидеть дома, молиться Богу и святым.

По народным преданиям, в день Мануила у воды сидит Манья-русалка, распускает белые лилии по воде, зазывает парней и увлекает с собой в омуты/ Крестьяне говорили: «Не гонись, не манись за Маньей, перекреститься не забывай — не то в омут угодишь».

День этот считался маревным, потому что кругом туманы разливались маревом, русалки маревные выманивали парней, а кого выманили, тот погибал. Русалки иногда приходили в образе соседок, просили займы. Дашь займы — все пропадет. Поэтому в этот день ничего нельзя было из дому выносить и давать займы — ни хлеба, ни соли, ни телегу, ни лошадь.

МАРА (Маруха, Мора), в древнерусской языческой мифологии злой дух, воплощение смерти. Чучело под названием «Мара» сжигали в ночь на Ивана Купалу. Считается, что Марью в купальских песнях можно отождествлять с образами Мары и *Мокоши*.

МАРДАРИЙ (Дарий, Евстрат), народное название дня мчч. Евстратия, Авксентия, Евгения, Мардария и Оresta, при имп. Диоклетиане и Максимилиане пострадавших, а также дня прп. Мардария, затворника Печерского (XIII в.), 13/26 дек.

В этот день крестьяне убирали в дом метлу, которой мели двор, чтобы ее не утащили *ведьмы*. Нельзя было ругаться, т. к. *нечистая сила* сразу же накинется

на сквернословя. Считалось, что в этот день ведьмы на метлах летают и метель поднимают. Солнца в этот день было мало. Поэтому крестьяне говорили: «Мученик Евстрат солнышку рад».

МАРЕМЬЯНА, народное название дня св. Мариамны, 17 февр./2 марта.

Св. Мариамна в народном сознании трансформировалась в Маремьяну — *кикимору* в образе женщины. Она жена *домового*, *дворового* или *лешего*. Детей своих она рождает во время *Святок*, зовут их шульканы (шуликаны). Они вылетают из трубы и стараются навредить людям.

По народным поверьям, у Маремьяны надо просить прощения за *грехи*, ибо она их хорошо знает.

На Маремьяну на вечерней заре произносили заговоры. Вечерняя заря считалась темной, в то время как утренняя — чистой. По поверью, солнце к вечеру темнеет от созерцания людских грехов, а умывшись ночью в море, утром встает чистым и ясным.

МАРЕНА (Марана, Морена), в древнерусской языческой мифологии богиня, воплощавшая смерть и сезонное умирание и воскресение природы. В поздней русской традиции образ ее превратился в былинную ведьму Маринку. В Малороссии Мареной называли соломенное чучело, сжигавшееся на костре на Ивана Купалу.

МАРИНА ЛАЗОРЕВАЯ (Марина, Лазарь), народное название дня вмц. Марины (IV в.) и перенесения мощей прп. Лазаря (II в.), 17/30 июля.

Великомученица Марина. Икона XVIII в.

В этот день крестьяне с особым вниманием следили за хлебным полем и молили Бога о ниспослании дождей и спасении от молнии. В этот день часто на горизонте сверкали молнии. В народном сознании св. Марина ассоциировалась с большой водой или большим *дождем*, а прп. Лазарь — с лазоревым

отблеском молнии. Отсюда складывалось название Марина Лазоревая.

МАРИЯ — ЗАЖГИ СНЕГА (Марья Пролубница, Марья — заиграй овражки, Марья — пустые ши), народное название дня прп. Марии Египетской (552 г.), 1/14 апр.

День Марии Египетской считался на Руси началом весеннего обновления. Крестьяне говорили: «Марья солнечные лучи призывает, Марья с солнечным лучом счастье в дом приносит, Марья, зажди снега, заиграй овражки (сделай весну дружной и полноводной)».

По народному поверью, Марья приносит любовь и укрепляет семейный очаг. В этот день с древних времен русские славили *Ладу* — богиню любви, покровительницу молодоженов. Лада — сама любовь, свадебная устроительница, хранительница семейного очага. От нее зависят благополучие и семейный лад.

К этому времени у крестьян заканчивались запасы кислой *капусты*, потому Марью называли пустые ши.

Св. Мария Египетская с житием. 2-я пол. XVII в. ГТГ

Мария Египетская считалась у русских покровительницей раскаявшихся блудниц и блудников и судей на Страшном суде тех, кто не раскаялся.

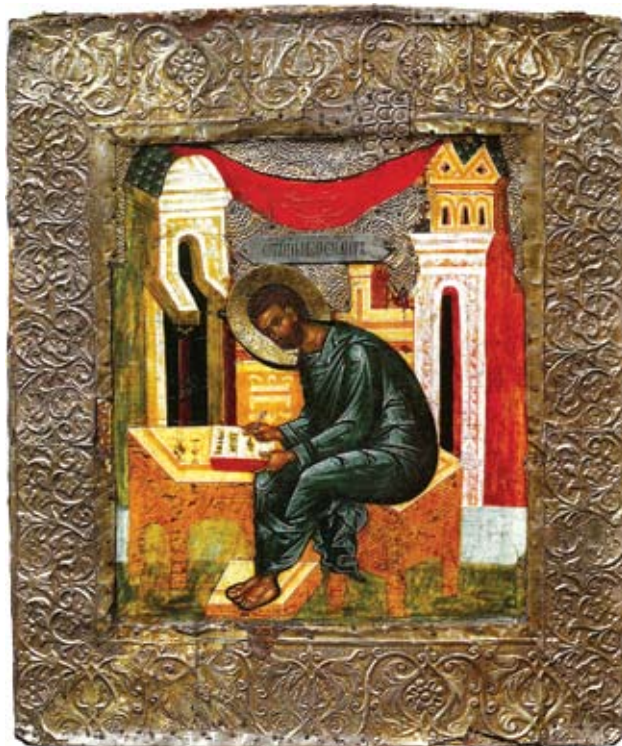

В. И. Васильевский. Прп. Мария Египетская. Икона. 1746 г. ГМИР

Считалось, что в этот день просыпается *домовой* и нужно шутивно обманывать друг друга, чтобы и он обманулся: девушки старались обмануть как можно больше людей, чтобы женихи не могли обмануть их, а они водили бы за нос как можно больше парней.

МАРК КЛЮЧНИК (Марков день), народное название дня евангелиста Марка, 25 апр./8 мая.

Крестьяне в этот день молились Марку Ключнику о ниспослании *дождя*. «С Марка Ключника, — гово-

Евангелист Марк. Икона. Кон. XVI в. Москва. ГИМ

рили крестьяне, — дожди теплые», «Марк Ключник владеет ключами от дождей», «Если на Марка ясный день — будет хороший урожай яровых».

В этот день готовили домики для перелетных птиц, чтобы они жили на огороде и не улетали в лес, охраняя огороды от вредных насекомых.

МАРКЕВИЧ Николай Андреевич (1804—1860), малороссийский этнограф и историк. В 1831 вышли его «Украинские мелодии», это были стихотворные переделки народных легенд и повестей, картины малороссийской природы или пьесы исторического характера. В примечаниях к стихотворениям были помещены сведения о народном малороссийском быте и выписки из исторических сочинений о Малороссии. Последующая деятельность Маркевича была направлена на изучение быта Малороссии. В 1840—42, 1847—48 и 1858 Маркевич поместил свои исторические материалы и исследования в «Маяке», в «Чтениях московского общества истории и древностей». В 1842—43 вышла в Москве его «История Малороссии» в 5 томах, из которых первые два заключали в себе собственно историю, остальные — приложения (преимущественно неопубликованные еще документы и богатый этнографический материал). После Бантыша-Каменского это была новая попытка широкого обзора малороссийской истории. Маркевич положил в основу своего труда еще не опубликованную тогда «Историю русов». В 1860 в Киеве уже после смерти Маркевича вышел

его труд «Обычаи, поверья, кухня и напитки малорос-сиян». Книга эта являлась только частью задуманной обширной работы «Внутренняя жизнь Малороссии от 1600 до XIX в.» (не закончена).

МАРТ, третий месяц в году, древнерусское название — «березозол». По поводу этого названия существовало несколько толкований: начинает пускать почки бере-за, брали сок из берез, жгли березу на уголь. До к. XV в. март был первым месяцем в году. В Следованной

Волоколамская икона Божией Матери. 1572 г. ЦМиАР.

А. Саврасов. Грачи прилетели. 1871 г.

Псалтири под 1 марта говорится: «Сей первый есть в месецах месяц, зане в онъ началобытныи свет сей ви-димый и Адам сотворен бысть, и вся тварь его ради, и в рай введен, преслушания же ради изгнан». В жи-тии св. Стефана Пермского читаем: «Март месяц на-чало всем месяцем, иже и первый наречется в месяцах, ему же свидетельствует Моисей законодавец, глаголя: месяц же вам первый в месяцах да будет март... Марта бо месяца начало бытия — вся тварь Богом сотворена бысть от небытия в бытие, марта же месяца в 21 (25) день и перво-званный человек, родоначаль-ник Адам, рукою Божиею соз-дан бысть».

На севере России март на-зывался «сухий», или «сухий», от весенней теплоты, осушаю-щей всякую влагу. В древней-ших месяцесловах и святцах встречается еще одно название марта — «пролетний», так как им начиналась весна, пред-вестница лета, и вместе со сле-дующими месяцами — апрелем и маем он составлял т. н. «про-летье».

Основные народные при-меты по дням этого месяца по В. И. Далю таковы: 1. *Прмц. Евдокии*. Авдотьи Весновки. В этот день встречают весну и поют: «Весна красна, что ты нам принесла? — Красное ле-течко!»; В этот же день память

К. Юон. Кормление голубей на Красной площади в 1890—1900 годах. 1946 г.

Албазинская икона Божией Матери («Слово Плоть бысть»). XIX в.

Мартирия Зеленецкого. 4. Прп. Герасима. *Герасима Грачевника*. Полагают, что в этот день прилетают из-за моря грачи; 5. Мч. Конона Градаря. *Конона Огородника*. Полагают, что с этого дня должно начинать копать огород; 7. Сщмч. Василия, еп. Херсонского. *Василия Капительника* или *Капельника*; 9. Святых Сорока мучеников, в Севастийском озере мучившихся. Полагают,

И. Калугин. Св. прп. Мартирий Зеленецкий. Икона. 2001 г.

что в этот день прилетают из-за моря жаворонки. На 40 мучеников день с ночью меряется, зима кончается, весна начинается; 17. Прп. *Алексия, человека Божия*. Алексея — с гор потоки. Сани покинъ, а телегу подвинъ; 19. Мчч. Хрисанфа и *Дарии*. Дарьи — грязные проруби; 22. Св. мч. Василия Анкирского. Василия Солнечника (см.: Василий Теплый). Если в этот день при восходе солнца будут видны на небе красные круги, то этот год обещает плодородие; 25. *Благовещение Пресвятой Богородицы*. Благовещение — птиц на волю отпущенье. На Благовещение весна зиму поборола. На Благовещение под дымоом не сидят (перебираются в сени и клетки). На Благовещение медведь встает. Покров — не лето, Благовещение — не зима. Каково Благовещение, такова и Святая. На Благовещение птица гнезда не вьет, а завьет — станет на все лето пешею, как кукушка (что на Благовещение гнездо завил). На Благовещение воры заворовывают для счастья на весь год. Если на Благовещение красный день, то год будет грозный и пожарный; 26. Собор Архангела Гавриила (см.: Гавриил Благовест) и прп. Василия Нового. Что ни родится на день Гаврила — уродливо и неспоро. Василия — выверни оглобли. Пряжа после Васильева дня не идет впрок; 27. Мц. Матроны Солунской. *Матрены Полурепницы, Настовницы* (наст — окрепый снег). Щука хвостом лед разбивает, а овсянка поет: «Покинь санки, возьми воз!»; 30. Прп. *Иоанна*, составителя Лествицы. *Ивана Лествичника*. В этот день пекут из теста лестницы для восхождения в будущей жизни на небо и полагают, что в то время *домовой* начинает беситься до полуночи, как запоят петухи.

Первое марта, день, посвященный, по православному месяцеслову, памяти св. Евдокии, в народе назывался *Евдокея Плющиха*. Снеговые сугробы в этом месяце подтаивают и, оседая, во многих местах выпадают на «плюшки» — делянки. «Авдотья-плющиха

Богоматерь Федоровская. Икона. Кон. XVII — нач. XVIII в. Москва (?). Мастер круга Оружейной палаты

снег плющит!» — говорили в народе, справлявшем в день «Евдокеи-подмочи порог» первую встречу весны. «Евдокея красна — и весна красна!», «Евдокея весну сряжает!» — продолжали об этом дне народные приметы. — «Откуда на Евдокеи ветром повеет, оттуда он подует весной и летом. Коли Евдокея с дождем, то быть лету мокрому. На Евдокей погожо — все лето пригожо!» Первое марта — первые оттепели весенние; с первых оттепелей деревенская детвора первые «веснянки» — песни запекает. Но случается — и нередко, что и «март морозом на нос садится», что «и на Евдокею мороз прилучится». Потому-то и приговаривали перед первым марта крестьяне: «Тепло светит солнышко, да Авдотья поглядывает — либо снег, либо дождь. Евдокея умоется — и нас обмоет. На Евдокеи снег — будет урожай, теплый ветер — мокрое лето, ветер с полуночи — холодное лето!» Народное погодоведение занесло в свой дневник, что иногда «Евдокея встоячь собаку снегом заносит», даром что она, плющица, «снег настом плющит». Сельскохозяйственный деревенский опыт говорил, что, если на Евдокею холодно, — скот придется кормить 2 лишних недели (по весне). А если «у Евдокеи вода», то — «у Егорья теплого (23 апр.) трава», «Коли курочка в Евдокеи напьется (снеговой талой воды), то и овечка на Егорья (травы) наестся!» «Ни в марте воды — ни в апреле травы!»

С первого марта крутились первые весенние вихри, ветер начинал свистать, отчего Евдокею-плющицу и прозвали в некоторых местностях «свистуньей». Проведет плющица по снегу свои плюшки, — начинали по деревням (в иных губерниях с 1 марта, в иных — несколько позднее) «кликать весну». Молодежь садилась на пригорки за околицей, а детвора залезала на амбары и сараи; и те, и другие кликали:

Весна-красна!

Что ты нам принесла?

Теплое солнышко...

Весна-красна!

Что ты нам принесешь?

Красное летечко...

и т. д.

«С Евдокеи» — снег, по старинному поверью, приобретает особую, целительную силу; старухи-знахарки собирали его в облюбованных местах по пригоркам, обогретым солнышком до проталин, и давали его из тщательно «сохраняемых ото всякого лихого глаза кувшинов» больным людям — на пользование против самых разнообразных недугов.

Март считался на Руси последним сроком зимним наймам батраков и в то же время началом весенних договоров. В старину так и договаривались: «С Евдокей до Егорья», «С Евдокей до Петрова дни» и т. д. Кое-где такой обычай сохранился до н. XX в., хотя в большинстве случаев эти сроки уже переносились на 23 апр. — к «запасашему коров» Егорью-Вешнему.

2 марта праздновали память св. *Арсения*, епископа Тверского.

Подмочит, по народному поверью, Евдокея порог у хаты, — подарит чем когда захочет — либо снегом, либо дождем — 3 марта праздновались чудотворные иконы Пресвятой Богородицы «Волоколамская» и Гидлянская... Не успевал крестьянин и оглянуться, как приходил *Герасим-Грачевник* (4 марта), звал на Русь первых вешних птиц, грачей, с теплых стран. Коли грачи прямо на старые гнезда летят, — весна, по примете, будет дружная: полая вода сбежит вся разом. В этот день дети

Арсений и Михаил Тверские. Икона. XVIII в. ТОКГ

бегали к роще, занятой прошлогодними грачиными гнездами, — «грачей следить».

В народе говорили: «Герасим-грачевник не одного грача на Русь ведет, а и со Святой Руси кикимору гонит». В этот день, по старинному поверью, только и можно устрашать этого врага рода человеческого. «Кикиморы» — духи, витающие в воздушных пространствах, кующие свои ковы на люд крещеный и наслаждающиеся своей мстительностью за былые, неведомые миру обиды. «Если кикимора облюбуется чей-нибудь двор, — беда грозит хозяевам неминуемая» — гласит поверье, если не озаботятся они на Герасимов день поклонить-

Богоматерь Владимирская (Волоколамская). Икона. Нач. XVII в. ГТГ

Ли

Голыанская (Тиделянская, Тидельская) икона Божией Матери

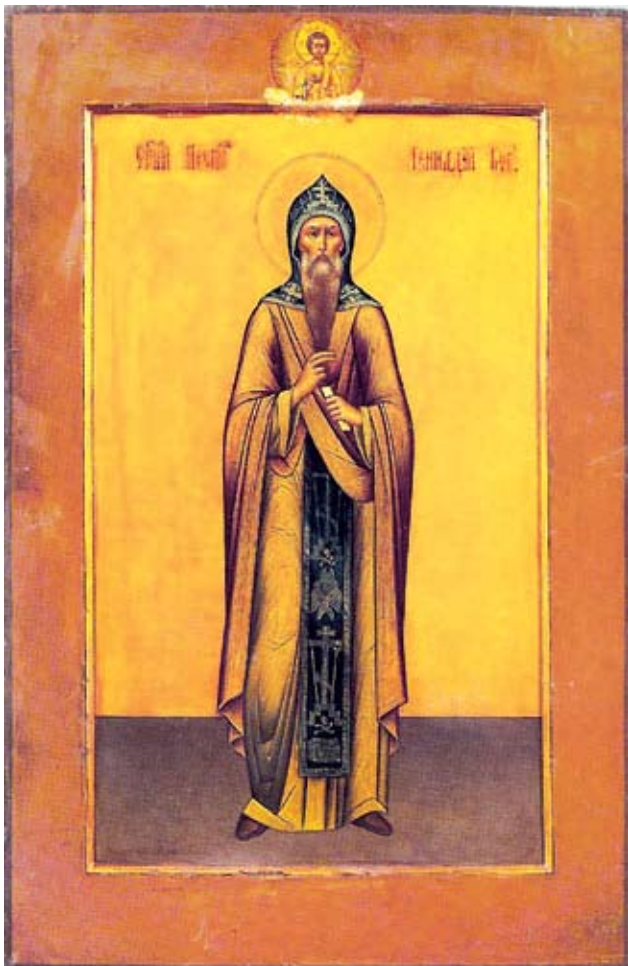
ся об изгнании непрошенной гостыи знахарю. Изгнание совершалось с особыми заговорами, причем хозяева, перебираясь накануне обряда к соседям, оставляли в распоряжение знахаря свою хату. Он обметал все углы, выгребал золу из подпечка, «домовничал» в избе до самого вечера, после чего объявлял, что нечистая сила ушла «восвояси на веки вековечные».

И. П. Сахаров записал сказание об изгоняемых на Герасима-Грачевника кикиморах. По его словам, живет нечистая сила на белом свете сама по себе: «ни с кем-то она, проклятая, не роднится: нет у нее ни родимого брата, ни родимой сестры, нет у ней ни родимого отца, ни родимой матери, нет у ней ни двора, ни кола, а перебивается, бездомовая, где день, где ночь»... Единственной радостью у нее является все губить да крушить, назло идти, миром мутить. Есть между этой силой нечистой «молодцы молодые ззорливые», при-

Святители. Иоанн Новгородский, Варсонофий Тверской и Серапион Новгородский. Икона XIX в.

ки дывающиеся то человеком, то змеем. «По поднебесью летят они, молодые молодцы, по-змеиному, по избе-то ходят они по-человечьи»... Бывает, что соблазняют они своей «несказанной красотой» красных девушек. «И от той ли силы нечистая зарождается у девицы детище, — продолжает сказание. — Проклинают отец с матерью его еще до рождения, кланут-бранят клятвой великою: не жить ему на белом свете, не быть ему в урост человека, гореть бы ему век в смоле кипучей, в огне неугасимом»... С этого заклатья «детище пропадает из утробы матери». Уносит его нечистая сила за тридевять земель в тридесятое царство, где оно нарекается «кикиморой», и начинает жить «у кудесника в каменных горах», расти в холе-неге на беду роду человеческому. К семи годам вырастает заклотое детище, научается всем премудростям, волшебству всякому. «Тонешенька, чернешенька та кикимора, а голова-то у ней малым-малешенька, с наперсточек, а туловища не спознать с соломиной». Но несмотря на все свое убожество, видит она «далеко по поднебесью, скорей того бегае по сырой земле, не стареется целый век». И все-то ей, кикиморе, знаемо да видимо. Выбегает она в урочные годы на белый свет, на пагубу люду крещеному. И вот «входит кикимора во избу, никем не знаячи, поселяется она за печку, никем не ведаючи; стучит-гремит от утра до вечера, со вечера до полуночи свистит и шипит по углам, со полуночи до бела света прядет кудель конопельную, сучит пряжу пеньковую»... Дело кончается тем, что забравшаяся — незвано и непрошено — в хату гостейка выживет из теплого, насиженного-належенного жилья всех хозяев своими причудами: «ничто-то ей, кикиморе, не по сердцу, а и та печь не на месте, а и тот стол не в том углу, а и та скамья не по стене». И принимается все она швырять-бросать, перестанавливать. «А и после того, — заканчивается сказание, — она, лукавая, мутит миром крещеным: идет ли прохожий по улице, а и тут она ему камень под ноги; едет ли посадский на торг торговать, а и тут она ему камень в голову. С той поры великия пустеют дома посадские, зарастают дворы травой-муравой»... Только сведомый во всяких кудесах знахарь, — да и тот всего один день в году, на Герасима Грачевника, — и может избавить хозяев дома от такого постоя безданного-беспошлинного. Старые люди советуют молодым не жалеть на этот случай посулов-даров для знахаря-ведун, умеющего по-своему разделяться со всяким наваждением. Следует служить молебны памятуемому в этот день святому угоднику Божию.

Прп. Геннадий Костромской. Икона. XIX в. Москва

7 марта икона «Споручница грешных». 8 марта праздновался св. Лазарь Муромский а за ним на Русь шли «Сороки» (9 марта). Сорок мучеников, воспоминае-

Богоматерь «Споручница грешных». Икона. Сер. XIX в. Музей палехского искусства

мых в этот день Православную церковь, по народному поверью, торят путь-дорогу 40 утренникам (морозам), из которых каждый все легче и мягче другого. По примете, если все 40 утренников пройдут подряд, быть

Зинон. Св. Лазарь Муромский (фрагмент). Роспись трапезной Ново-Валаамского монастыря. Финляндия. 1992 г.

всему лету теплomu да ведряному, для уборки всякого полевого жита сподручному.

В этот день прилетала вторая птица весенняя — жаворонки, а по старинному поверью, не только они, а 40 птиц прилетают, 40 пичуг на Русь пробираются. «Сколько проталинок — столько и жаворонков!»

Вознаменование прилета птиц в каждой семье пекли по 40 жаворонков из теста («сороки святые — колобаны золотые»). На 9-й день марта месяца праздновали чудотворную икону Пресвятой Богородицы «Слово Плоть Бысть» и была вторая встреча весны. В этот день, по народному дню, зима кончается, день с ночью меряется-равняется (равноденствие). С этого дня крестьяне отсчитывали 40 морозов-утренников и засеивали гречу-дикушу, не опасаясь за всходы. Деревенская детвора с нетерпением ждала прихода «Сороков»: для нее этот день был лакомый еще более, чем Власьев с его пышками. Ребятам давали сдобные, обмазанные медом (или патокой) «жаворонки». В этот день повсюду были веселые игры и песни.

*Ты запой, запой, жавороночек,
Ты запой свою песню, песню звонкую!
Ты пропой-ка, пропой, птишка малая,
Птишка ль малая, голосистая,
Про тое ли про теплую сторонушку,
Что про те ли про земли про заморския,
Заморския земли чужедальныя,
Где заря со зоренькой сходитя,
Где красно солнышко не закатается,
Где тепла вовек не отбавится!
Ты запой-ка — запой, жавороночек,
Жавороночек ты весенний гость,
Про житье-бытье про нездешнее!..*

9 марта праздновали икону Божией Матери «Ильинская Черниговская».

Ильинская Черниговская икона Божией Матери. XVIII в.

С 12 марта (днем Григория, папы римского) была связана в народе примета о тумане. «Если утром туман Григорию дорогу застит, — говорили крестьяне, — быть большому урожаю на коноплю да на лен белый, на волокнистый!» В этот день в обычае было разбрасывать по двору горсть-другую конопляного да льняного семени: на корм птицам. Опытные хозяева особенно зорко присматривают на Григорьев вечер за лошадьми:

М. Былинин. Прп. Макарий Калязинский (Колязинский). Икона. 1792 г. ГРМ

было поверье, что коли, не дай Бог, занедужится коню об эту пору, то все лето быть ему «не в своей силе». В некоторых областях России 12 мая называлось Ферапонтовым днем (см.: Феофан — проломи наст), а туманы в это время феофановскими.

14 марта праздновалась чудотворная икона Пресвятой Богородицы «Феодоровская», 16 марта отме-

Яков Казанец. Алексей человек Божий и Мария Египетская в молении к образу Богоматери. Икона. ГМЗМК

Свт. Никон, игумен Печерский. Икона. XX в. Киево-Печерский музей-заповедник

чали память святого подвижника XVI в. св. Серапиона Новгородского. 17 марта праздновали память Макария Калязинского, с 17 марта шел «Алексей — с гор вода» — «Алексей — человек Божий, с гор вода, с холмов потоки». С этого дня ничто уже не могло, по народной примете, остановить или задержать ход весны. «Дарья — грязная пролубница» обломает 19 марта бережки у прорубей; посинеет лед, начнет его пучить-вздымать: вот-вот, того и гляди, тронется!.. 23 марта Никон Печерский.

Конец марта — Благовещение, великий праздник (25 марта), завершавший своим приходом последнее звено пестрой цепи предвесенних народных праздников — больших и малых — и начинавший собой вешние.

Свт. Ипатий Гангрский. Икона. Кон. XVIII — нач. XIX в. Ветка. ГРМ

Иона, митрополит Московский. Икона. XIX в. ТСЛ.

31 марта праздновали память св. епископа Ипатия Гангрского — борца с ересью, а также Ионы, митрополита Московского.

Лит.: Коринфский А. Народная Русь. М., 1995.

МАРТИРИЙ — см.: ДЕДОВСКИЕ ПЛАЧИ.

МАРТЫН ЛИСОГОН — см.: ВОРОНИЙ ПРАЗДНИК.

МАРФА РАССАДНИЦА — народное название дня памяти мучениц дев Марфы и Марии 6/19 февраля. В этот день начинали сажать семена на рассаду.

МАРЬИН ДЕНЬ — см.: МАРЬЯ — ЗАЖГИ СНЕГА, АПРЕЛЬ.

МАРЬЯ — ДОБРЫЙ ДЕНЬ (Марья Искусница, Марья Ягодница, Марья — сильные росы), народное название дня равноап. Марии Магдалины (I в.), 22 июля/4 авг.

В этот день во многих областях России начиналась уборка хлебов. Хотя в некоторых местностях считалось, что «На Марию Магдалину в поле нельзя работать — гроза убьет». По народным приметам, в этот день выпадали сильные росы.

Н. и Н. Богдановы. Св. Мария Магдалина. Икона

В народе говорили: «Мария Магдалина — цветочница, ягодница... На Марию Ягодницу пришла пора собирать чернику и смородину». В некоторых местах этот день назывался Марья Искусница. Считалось, что родившиеся в этот день женщины отличаются добротой и искусством плести кружева и вышивать.

МАРЬЯ ИСКУСНИЦА — см.: МАРЬЯ — ДОБРЫЙ ДЕНЬ.

МАСЛЕНИЦА, Сырная неделя, зимний народный праздник, предшествующий Великому посту. Самая

Л. Соломаткин. Масленица

ранняя Масленица приходится на конец января — начало февраля (по ст. ст.), а самая поздняя — на конец февраля — начало марта. Название «Масленица» возникло потому, что на этой неделе, по православному обычаю, мясо уже исключалось из пищи, а молочные продукты еще можно было употреблять. Погулять вволюшку перед семью строгими во всех отношениях неделями поста — таков был дух этого праздника. Но он впитал и очень древние традиции празднеств, отмечавшихся некогда на грани зимы и весны.

Неотъемлемой частью праздника, где бы он ни происходил, были катания на лошадях. В Вязниковском у. Владимирской губ. «на Масляной» всю неделю, «с утра до ночи» катались в санках на лошадях, обвешанных цветными лоскутками и бубенчиками, колокольчиками и расписными дугами. К передку санок прикрепляли красные флаги на шестах. Из саней с упряжками образовывались длинные вереницы, они разезжали по селению «с песнями и шумом». По сторонам улицы стояли зрители, обменивавшиеся поклонами с проез-

Б. Кустодиев. Масленица

П. Грузинский. Масленица

жавшими. Озорники вваливались в сани на ходу и оставались в составе «поезда».

В Тверской губ. (записи о селениях по р. Тверце) масленичное катанье на лошадях начиналось только с пятницы. На лошадей надевали самую лучшую сбрую, обвешивали их бляхами. Парни, которые собирались жениться, специально к этому катанью покупали сани. Все молодые парочки непременно участвовали в катанье. Девушки тоже добывали себе сани и, «насевши по несколько человек, нарядные, отправлялись куда-нибудь в ближайшую деревню, где назначается съезд».

В такую деревню съезжались сотни саней. Даже девочки-подростки просили родителей запрячь им лошадь. Если не было саней, то запрягали в дровни. Катанье продолжалось здесь в течение трех дней. Имела значение одежда, в которой предстояло появиться на праздничных саях. Парни надевали крытые шубы; за отсутствием своей даже брали напрокат, потом отработывали. Катанье, как и *хоровод*, было окружено определенной атмосферой внимания старших, в которой формировалось общественное мнение.

В Тамбовской губ. (материалы Борисоглебского у.) катанье на лошадях также было принято в течение последних трех дней Масленичной недели. Местами оно делилось на две части: сначала разъезжали отдельными упряжками или поездами из нескольких саней; потом совершался общий съезд в каком-либо местном центре. Так, в Ильинской вол. Ростовского у. (Ярославской губ.), где Масленицу праздновали с понедельника, кататься начинали в четверг: молодежь и мальчишки запрягали по очереди лошадей в *розвальни* и, ввалившись целой ватагой в сани, с песнями ездили по соседним деревням. Здесь, как и повсеместно, обязательным было участие молодоженов в масленичном катанье. Сани с молодыми встречная толпа останавливала по несколько раз в каждой деревне и «заставляла здороваться, то есть целоваться».

Вторая часть катанья наступала в последнее воскресенье Масленицы — «прощальное», в середине дня: в с. Ильинском собиралась молодежь со всей волости. Те, кто имел хороших лошадей и нарядную упряжь, разъезжали по селу, а те, кто не имел, водили хороводы с песнями и под гармошку. Катанье на лошадях, как и все гулянье приезжей молодежи в селе, проходило только днем и заканчивалось внезапно, как бы по

Сельская Масленица. 1858 г. Рисунок с дубка

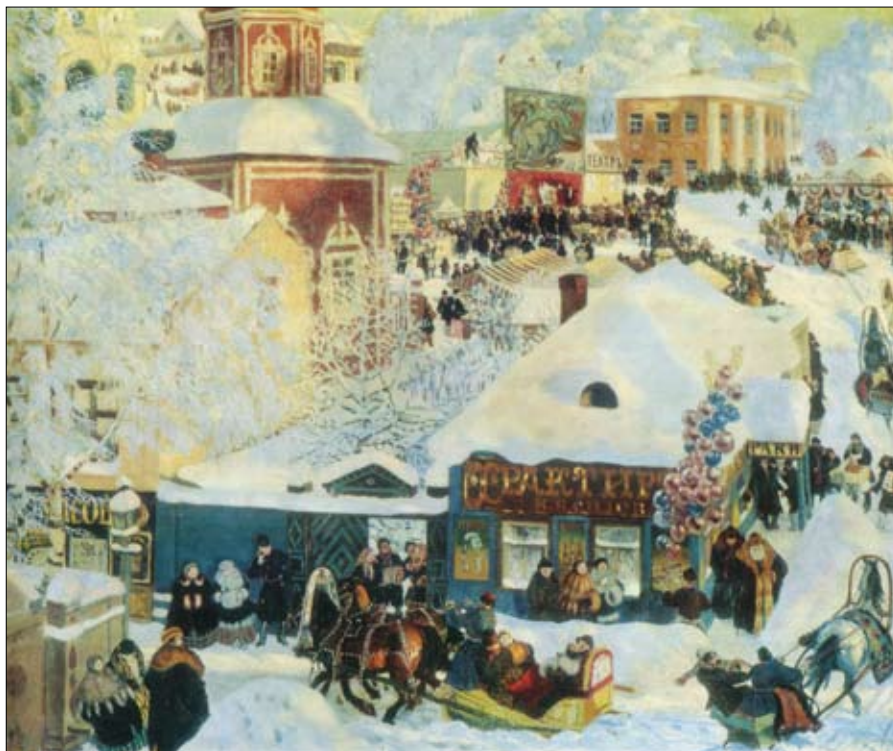

Масленица. Гравюра Н. Я. Симонович-Ефимовой

Катание на Масленицу. Калужская обл. и р-н, д. Сиваково

сигналу. Сигналом служил первый удар колокола к вечеру. После него, писала в *Тенишевское этнографическое бюро* сельская учительница Краснораменская, все «буквально бросаются из села и гонят обыкновенно как на пожар, так что в какие-нибудь 5–10 минут в селе не остается ни души, и наступает такая тишина, как в

Б. Кустодиев. Зима. Масленичное гулянье. 1919 г.

Великий пост». Пospешность разъезда была вызвана тем, что вечером Прощеного воскресенья катанья, как и хоровод, считались уже неуместными: наступало время просить друг у друга прощенья, начиналось заговенье на Великий пост. Для молодежи эта гонка из села по домам составляла острый заключительный этап праздничного катанья на лошадях, содержащий элементы спортивного состязания.

В пределах Ярославской губ. бытовал и иной вариант масленичного катанья, который отличался чисто женским составом катающихся. По материалам Пoсшехонского у. он описан так: «В последние дни Масленой недели после завтрака запрягаются тройками, парами и одиночками розвальни, пошевни, и в них бабы и девки, засевши целыми кучами, чуть не одна на другую, разряженные и приглаженные, катаются нередко с песнями».

В Череповецком у. Новгородской губ., где Масленица праздновалась только три дня (пятница — воскресенье), и кататься начинали только в пятницу. Хозяева запрягали лошадей в сани, сажали множество желающих покататься — детей или молодежи — и разъезжали вдоль селения. Для многих из молодежи масленичное развлекательное катанье на празднично убранных лошадях соединялось с поездкой в гости в др. деревни. В частности, молодые, повенчанные в последнее межговеье (от *Рождества* до Масленицы), обязательно должны были уехать в гости к родным женам, где та оставалась гостить всю первую неделю Великого поста. Надо сказать, что сроки гостеваний вообще в крестьянской этике были достаточно четко определены традицией: кому и когда уместно приезжать в гости.

В Тульской губ. (материалы с. Верхотишанка) молодые на первой после своей *свадьбы* Масленице катались вместе с молодичами и девицами своего семейства. В четверг вечером или в пятницу утром их брали в дом к родителям молодой, где они гостили три дня, постоянно выезжая с песнями посещать др. родственников. В Костромской губ. так же, на фоне катания всей молодежи от одной деревни к другой, новобрачные ездили на лошадях в гости к родственникам. Катанье на лошадях по улицам с песнями на Масленицу отмечено и в сообщениях из Воронежской губ.

По материалам Тюменского у. прослеживается четкая возрастная смена катающихся в течение дня: открывалось оно «катаньем детишек самого малого возраста, иногда грудных», — детей закутывали в *шубы, тулупы*, одеяла, *вожжи* давали тоже мальчику. Позднее выезжала молодежь, среди которой центральное место занимали молодожены. Затем катались «*большаки*, кондовые и богатые крестьяне». С заходом солнца катанье прекращалось.

Столь же широко, как и праздничная езда на лошадях, распространено было катанье молодежи с ледяных гор: от юж-

Б. Кустодиев. Масленица. 1919 г.

ной этнографической зоны до Крайнего Севера. Оно тоже было приурочено преимущественно к Масленице. Так, из Воронежской губ. (с. Архангельское, или Гольшовка, Каратоминского у.) в 1854 сообщали в Географическое общество, что на Масленицу там делают горы и катаются на салазках. А описывающий быт русских колымчан 1820-х путешественник Ф. П. Врангель с удивлением отмечал: «На Масленице также веселятся и обыкновенно строят горы, хотя здешние жители и без того почти никогда иначе не ездят, как на санях по снегу и льду».

Повсеместно в селениях, стоявших на равнине, а нередко и при наличии естественных спусков, строили к Масленице большие искусственные горки. Эта подготовка сама по себе уже служила поводом для оживленного общения молодежи. В Архангельской губ. большую ледяную гору делали к Масленице в каждой деревне, а сверх того устраивали еще небольшие катки для детей у отдельных домов. Четыре столба с настеленными досками и залитым водою снегом со-

ставляли верх горы — гузно. Скат — катище — делался тоже из досок, державшихся на подпорках с «перекладками» поперек ската. На досках лежал слой льда или замороженного снега. Катище продолжалось «улицей» (раскатом), проложенной по поровненному и залито-

Л. Соломаткин. Масленица

Масленичное катание. Владимирская губ. 1900 г.

му водой снегу. Иногда «улицей» служил лед реки или озера, если горку строили у водоема. По бокам гузна, катища и «улицы» втыкали в снег елки. В некоторых деревнях горы украшали фигурами из катаного снега, облитыми водой. Лица фигур рисовали углем.

Катались здесь с горы на салазках, шкурах и рогожах. На санях — по одному, два, а иногда и по три человека. Последнее называлось катиться кораблем: двое располагались лицом друг к другу, а третий — между ними. На кожах и рогожах скатывались по 4–10 чел. Парни катались также на коньках (кониках) и просто стоя — несколько человек держались гуськом друг за друга, это называлось катиться юром.

Среди крестьянской молодежи было принято использовать масленичное катанье с гор и для встречи постоянных пар — парня и девушки. Местами катанье парами считалось уместным в течение всей зимы, а не только на Масленицу. Из Орловского у. сообщали в Тенишевское бюро, что зимой делают скамейки (т. е. обливают их водой и замораживают) и ледянки («подмороженные плетушки из решета»). На скамейке катаются парень с девушкой. Катанье сопровождалось шутками, озорством, хохотом. Тем не менее, как писал житель с. Неделина Калужской губ., забавы при парном катании «отличались большим благородством и вежливостью».

В Юрьевском у. Владимирской губ. (1853) молодежь каталась на Масленицу с горы на скамьях и бучках — низеньких соломенных корзинах, специально подмороженных. Как только утром кто-либо появлялся на горе, на него набрасывалась компания гуляющих и валила в снег.

Во многих русских селениях Тверской губ. всю зиму катались с естественных гор только дети — мальчики. С первых дней Масленицы к месту катанья приходила вся деревня — «от мала до велика». Девушки и парни выходили на горку нарядами. Катались на катульках — досках, выдолбленных с одной стороны, намороженных льдом с другой и заостренных с одного конца. Здесь же молодежь пела песни.

В Череповецком у. Новгородской губ. долбленки из дерева, «похожие на большое корыто», называли «корежками». На Масленицу здесь на «корежках», санках и шубах катались преимущественно подростки обоего пола.

Тверские «катульки», а новгородские «корежки» в Ярославской губ. назывались «скачками» или «лодками». Во всю длину (аршина полтора) толстой доски

выдалбливали углубление — до двух вершков. Иногда делалось и сиденье. Дно «лодки» обливали водой дня за два до катанья, к носу привязывали веревку. В скачок садились один человек и, искусно управляя им, скользил по крутым и пологим склонам естественных возвышенностей. Такое катанье взрослой молодежи было принято здесь только днем.

По материалам Вологодчины описано парное и групповое катанье в течение недели Масленицы на шестах. На пологой горке укладывали параллельно жерди в виде рельсов, в полутора аршинах одна от другой, и обливали их водой. Катающиеся становились

обеими ногами на одну из обледенелых жердей, брали друг друга за руки и скатывались вниз. Здесь же исполняли обычай, называвшийся «ездить бобром на молодом». Совершался этот обычай тогда, когда на горке появлялся кто-либо из мужчин-молодоженов, приехавших в данную деревню на несколько дней — гостить, как полагалось, у родителей молодой. Знакомые молодожена притаскивали розвальни без оглобелей, насильно усаживали на них молодого, к нему присоединялось человек десять, вскакивавших и на ходу, и вся компания шумно катилась под гору.

В некоторых местах, по традиции, катанье с гор взрослых приурочивалось, как и катанье на лошадях, только к последним трем дням Масленицы. Такое ограничение отмечено, напр., в описании 1850-х из Борисоглебского у. Тамбовской губ.

В Ачинском и Енисейском уездах парни накануне Масленицы делали общую для всего селения высокую

Масленичная кукла. Калужская обл. и р-н, д. Колопаново

катушку — горку с политым водою ледяным скатом. Иногда сооружали несколько катушек — «поулошно», если в селении были четко выраженные территориальные компании молодежи. В течение масленичной недели ежедневно под вечер на катушку собирались шумные толпы парней и девушек, ребятишек, молодежь. Парни «выказывали свое молодечество», спускались на санках «с головокружительной высоты», посадив к себе на колени одну или двух девушек. Катались и группами на «кожуре» (шкуре) и *дровнях*. По другому, тоже восточносибирскому описанию, «молодняк собирает на катушке, катающая на санках, на лодках, на шкурках, на снопах соломы. Шутки идут, а другой раз до драки дело доходит».

В Пермском крае во время катанья взрослых в последний день Масленицы парню, скатившему девушку с горы, дозволялось поцеловать ее. В некоторых местах Пермской губ. бытовало, как и на Вологодчине, катанье компаний мужчин с молодоженом: «Под вечер в воскресенье — последний день Масленицы — женатые мужики приносили на катушку большой широкий луб. На луб валили сперва какого-нибудь новожена (то есть женившегося в последний мясоед), на него пластом валили другого, за ним какого-нибудь третьего и так всего 15–20 человек. Сверху уминал эту массу какой-нибудь молодец. Луб катился немного: сажень 5–6 при уханье и хохоте как зрителей, так и самих катающихся. Так катались весь вечер дотемна».

В некоторых местах Архангельской губ. в связанных с молодоженами играх на горке участвовала и молодая. Здесь объектом внимания становились все пары, обручившиеся после предыдущей Масленицы. Молодожены подкатывали к горе на лошадях, и молодой сначала один поднимался на вершину, где его ждала компания холостых парней. Его усаживали в сани и начинали громко окликать молодую. Она поднималась на горку и садилась на колени мужа, обняв его одной рукой за шею. Парни не давали молодым скатиться вниз до тех пор, пока молодая не поцелует мужа назначенное число раз. Поцелуи считали громогласно; за промедление назначали штраф (должна поцеловать еще столько же раз) — все это называлось «солить рыжики на пост», или «промораживать».

Менее широкое распространение, чем катанье на лошадях и санях, имели в XIX в. среди сельской молодежи прыжки через костер и взятие снежного городка.

«Проводы Масленицы» с рис. Григорьева

Л. Н. Воскресенская. Масленица в Нижнем Новгороде. 2002 г.

Первое в зимнее время традиционно было связано со сжиганием чучела Масленицы в Прощеное воскресенье. Так, в Гжатском у. Смоленской губ. (данные Чальско-Дарской вол., селений Скугарово, Холмы и др.) молодежь обоего пола делала в последний день Масленицы огромную бабу из соломы, вывозила ее на больших санях за околицу и там сжигала; при этом прыгали через костер.

Судя по сообщению 1890-х из Череповецкого у., там через костер при сжигании Масленицы прыгали лишь отдельные смельчаки. Это кажется естественным, если учесть размеры костра в этом варианте: уже с утра Прощеного воскресенья мальчишки-подростки свозили со всей деревни за ее пределы всякое старье — эта подготовка сама по себе составляла дополнительное развлечение. Собирали старые бочки, корзины, дрова — «в каждую избу заедут и что-нибудь выпросят». В сумерках к этой огромной груде собирались взрослые, дети и поджигали ее. Это и называлось «Масленицу жечь».

В Пошехонском у., где обычай «сжигать Масленицу» сохранялся к 1880-м почти повсеместно, материал для костра молодежь начинала собирать с первых дней Сырной недели: дрова, солому, хворост, старые кадки свозили в поле. В последний день, после вечерни, парни и девушки шли туда и зажигали Масленицу. Размеры такого костра, строившегося в течение недели, были несовместимы, по-видимому, с обычаем прыгать через него — о прыжках в этом описании нет и речи. После сжигания Масленицы просили прощения друг у друга, шли просить прощения у тех, кто не был в поле, затем спешили по домам — успеть «заговорить» до 12 часов.

В другом варианте (Ростовский у. Ярославской губ.) — через костер прыгали лишь мальчишки, хотя со-

Сожжение чучела Масленицы (гравюра из книги А. Е. Бурцева). 1902 г.

бирали солому, деготь, дрова они вместе со взрослой молодежью. Собирались вечером, только перед самым сжиганием Масленицы. Девушки и парни стояли вокруг костра и пели: «Гори, гори, Масленица, Симионова племянница, пройдет семь недель, придет светлый день, будут пасху носить, будут яйца красить». Потом молодежь с песнями возвращалась в деревню.

Взятие снежного городка, увековеченное в известной картине В. И. Сурикова (по непосредственным наблюдениям художника), бытовало преимущественно на Урале и в Сибири. Эта сложная затея, включавшая в равной мере элементы игры, спектакля и спортивного состязания, предварялась, как и катанье с ледяных гор, участием молодежи в строительстве специального сооружения. По описанию 1-й пол. XIX в., на Енисее на Масленицу парни строили ледяную крепость с воротами. Она была довольно высокой — в ворота въезжали верхом. Одна партия занимала крепость и готовилась выдержать осаду. Другая — шла на приступ. Осаждающие были конными и пешими. Последние лезли на стену, срываясь под хохот зрителей со скользкой ледяной поверхности, а верховые должны были по одному прорваться в ворота. Осажденные метлами, хворостинами, нагайками хлестали лошадь, пугали ее, чтобы заставить повернуть обратно. Всадник с позором отступал под возгласы и улюлюканье собравшихся односельчан либо гордо врывался в крепость, оттесняя грудью разгоряченной лошади противников. Потом победители шли торжественно по селению с песнями, и всю ночь продолжались забавы.

«Истари в слободе Усть-Ницынской Тюменского округа, — писал Ф. Зобнин о своем родном селении, — в последний «прошениый» день Масленицы делается «город». На реке Нице или на слободской площади, где больше простору, складывают по круговой линии из снега, иногда из льда, стены, в которых проделываются два столба. Сверх столбов кладется также из снега или льда дугообразная перекладина. Куски снега тщательно заливаются водою для того, чтобы крепче стояли. Предварительно же рыхлые столбы и перекладину с лицевой стороны украшают различными узорами больше всего посредством прикрепления к белому снегу по разным направлениям кусочков угля». Вверху на воротах ставили вылепленные из снега фигуры людей, иногда птицы или зверя. Перед закатом солнца большое количество народа собиралось смотреть, кто и как будет «ломать город». Как и во мн. др. случаях, развлечения молодежи, связанные со снежным городком,

проходили на виду у всей *общины*, поведение участников подлежало непосредственному обсуждению.

На верхней Оби молодежь делала городок иначе: несколько невысоких, со сводами наверху, толстых столбов снега, облитых водою, составляли лишь основание крепости. На своды настилали доски. На углах крепости ставили очень высокие столбы, обвитые соломой. По крепостному валу размещали снежные скульптуры. Игра и здесь проходила в «прошениый» день. К городку приходили все перед наступлением вечера. Начиналась атака конников и пеших под предводительством «генерала». Самый эффектный момент наступал после взятия крепости: зажигали соломенные столбы, и высокие факелы пылали в наступивших сумерках, освещая причудливые очертания полуразрушенной крепости и отражаясь в ледяных поверхностях.

Во многих местах бытовал обычай съезжаться на Масленицу большими группами ряженных всадников. В Нерехтском у. Костромской губ. «в больших вотчинах в Сыропустное воскресенье собирается съезд из нескольких сот лошадей под названием обоза, который известен в Ярославле под именем околка». Верховые были одеты в соломенные *колпаки* и *кафтаны*.

В XVIII и XIX вв. получает распространение крестьянская масленичная комедия, занимавшая центральное место в празднестве. В ней принимали участие персонажи из ряженных — «Масленица», «Воевода» и др. При этом зачитывались обширные стихотворные тексты юмористического или сатирического характера. Сюжетом для них служила сама Масленица с ее изобильными угощениями перед предстоящим постом, с ее прощаньями и обещаниями вернуться на следующий год. Часто в представление включались какие-то реальные местные события, в качестве сатирического героя которых выступал масленичный *блин*. Это были местные крестьянские сочинения или городские, бытовавшие в сельской округе. Такие тексты переписывались, их включали в рукописные сборники.

Заканчивалась Масленица обычаем просить друг у друга *прощения*. В разных краях России сложились свои особенности, свой склад этого обычая, но суть всюду была одна — духовно-нравственное очищение через покаяние, через взаимное прощение прегрешений. После бурного веселья последней перед Великим постом недели обычай просить прощенья помогал ощутить переход к серьезным духовным задачам, к строгим семи неделям, продолжающимся до *Пасхи*, к повышению нравственных требований к самому себе.

М. Громыко

МАСЛО СЛИВОЧНОЕ, продукт русской кухни (см.: Кухня русская), используемое на Руси с глубокой древности. Приспособления (маслобойня) для изготовления сливочного масла бондарной работы обнаружены при раскопках Великого Новгорода в слоях XI—XIV вв. Употребление масла в отдельных случаях, особенно на *Масленицу*, носило ритуальный характер.

В разных областях России масло готовили по-своему. Великороссы масло перетапливали или сбивали из топленой сметаны. Топленое масло было известно под названием *русское*, хотя в н. XX в. у русских широко распространилось приготовление сливочного масла из свежих сливок, так же как у чухонского масла, т. е. сбитого из сметаны, но не топленого. Малороссы масло не топили.

Коров везде доили 2 раза в сутки. Из подойника молоко переливали сквозь ситечко в специальные *кринки* и ставили их в погреб. Через несколько дней снимали

сливки, собирали их в большой *горшок* и ставили его в не очень горячую *печь*. Топленые сливки выносили на ледник. При охлаждении сыворотка (рус. пахтанье, сколóтина, измятина, одёнки, юра́га, сыворотка; белорус. скалатвіны, пасмёцінне; малорос. сколо́тина) оказывалась на дне горшка. Масло обычно сбивали (мешали, сбивали, пахтали) точно такой же деревянной мутовкой (колотóвка, весёлка), какой месят в *квашне* тесто. Обычно женщина садилась на пол, ставила горшок с охлажденными сливками между ногами, мутовкой протыкала в сметане дырку и через эту дырку сливала сыворотку в отдельную посуду, а оставшиеся в горшке сливки сбивала мутовкой до тех пор, пока масло отделится от сыворотки.

Полученное масло клали в корытце (нучвы) и несколько раз промывали холодной водой. Великороссы перетапливали сбитое масло, ставя его в горшке в печь после того, как в ней пекли *хлеб*; малороссы и белорусы складывали сбитое и промытое масло в бочки и солили его. Примечательно, что русское обыкновение топить масло было неизвестно соседям русских — финнам и тюркам. Масса, остающаяся при перетапливании масла на дне горшка (оденки, измятина), использовалась при приготовлении *пирогов*, оладий и т. д.

Простоквашу, остающуюся после того, как снимут сметану, также ставили в горшке в не очень горячую печь, а затем выкладывали в решето или в льняной мешок. Последний подвешивали, чтобы стекла сыворотка. Получался творог (творóг, сыр), который клали в бочку и накрывали деревянным кружком и тяжелым камнем сверху.

Севернорусские иногда приготавливали к *Пасхе* немного масла из свежих, нетопленых сливок, для чего наливали их в кринку с плотно закрывающимся горлышком и сбивали, сильно и часто встряхивая ее. Сбитое таким способом масло называлось *чухонское*.

Существовали также специальные маслобойки — высокие и узкие, снабженные крышками бочонки, в которых, как поршень, двигалась палка с деревянным кружком на конце.

Ист.: Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991.

МАСТЕРСТВО, способность качественно выполнять те или иные виды работ или ремесла. Способность эта очень ценилась на Руси. «Не то дорого, что красного золота, а дорого то, что доброго мастерства». Среди русского народа существовал настоящий культ мастера.

«Мастерство везде в почете», — говорили люди. «Работнику полтина — мастеру рубль», «Не работа дорога — умение», «Мастер один — а подносчиков десять», «Не за шило платят, за правило», «По закладке мастера знать», «В добрую голову — сто рук», «Дело мастера боится», «Всякая работа мастера хвалит», «Мастерства за плечами не носят, а с ним добро».

О мастерах говорили всегда уважительно и с особой теплотой. «Он на все руки мастер», «Золотой человек, золотые руки», «К чему рук ни приложит, все кипит».

Об их необыкновенных возможностях создавались всяческие легенды, порой просто баснословные. Им приписывались сверхчеловеческие качества. Например, легенда о Левше, подковавшем блоху, у которого был реальный прототип. О таких говорили: «На обухе рожь молотит, зерна не уронит», «Комар носу не подточит. Иголки не подсунешь (не подобьешь)», «Он из песка веревки вьет».

Профессионализм и мастерство русских ремесленников были очень высоки. Древнерусские «кузнецы

по злату и серебру» создавали золотые украшения с цветной эмалью, изящные изделия из серебра со сканью и зернью, красивое оружие, художественную чеканку, высоко ценившиеся во всем мире. Немецкий знаток ремесел Теофил из Падеборна (XI в.), описывая в своих «Записках о различных искусствах» страны, прославившиеся в том или ином мастерстве, назвал на почетном месте и Русь. Мастера, как правило, были грамотны, о чем свидетельствует множество надписей на бытовых вещах, стенах церквей, а также дошедшие до нас берестяные грамоты. Кузнец-оружейник ставил свое имя на выкованном им клинке меча («Людота Коваль»); новгородский мастер великолепного серебряного кубка подписал его: «Братило делал»; Любечанин Иван, токарь по камню, изготовив миниатюрное, почти игрушечное, веретенное пряслице своей единственной дочери, написал на нем: «Иванко создал тебе (это) одна дша».

Велико мастерство архитектурных сооружений Древней Руси, и прежде всего храмов. Для их возведения понадобилось создание целой системы подготовки квалифицированных строительных кадров, их учета, предоставление им целого ряда специальных льгот. Строительные мастера в XVII в. не платили податей с земли или добра и не несли никаких личных повинностей, обязательных для тяглова населения (хотя с 1684 эти льготы были отменены). Им было разрешено вести мелочный торг и курить вино для личного употребления, что было признаком доверия к ним со стороны правительства. Все дела строительных мастеров и их семей ведали и судили, кроме значительных уголовных преступлений, в Каменном приказе. Мастера и подмастерья, находившиеся на службе в Каменном приказе, разделялись на целый ряд специальностей — градодельцев, городских смышленников (занятых постройками военных сооружений), каменных дел зателей и пр. Некоторые мастера Каменного приказа получали постоянное жалованье, а кроме того, участвуя в какой-либо постройке — еще и поденную оплату.

Больше всего мастеров было в плотничном деле. Об этом свидетельствовали деревянные храмы и дома, стоявшие в русских селах и городах еще в начале нынешнего века (сегодня сохранившиеся в основном на фотографиях). У плотников была своя проверка мастерства. «Клин тесать — мастерство казать» (сразу вытесать верный клин, без подтески, — такое же мастерство для плотников, как выточенный от руки правильной формы шар для токарей).

Мастерство и мастера ценились как среди ремесленников, так и среди крестьян. Древние, отточенные до совершенства приемы труда у некоторых крестьян приобретали эстетический характер. Такие мастера в крестьянской среде ценились особо. Григорий Потанин, известный русский путешественник, рассказывал, как на Алтае ему довелось познакомиться с одним из таких крестьян. «Особого совершенства этот крестьянин достигал на жнивье, где результат труда его облекался в отточенную форму, доставлявшую эстетическое удовольствие ему самому и зрителям... Он прекрасно вязал снопы, прочно и красиво, и никто не мог лучше его завершить стога. Пашню Петра Петровича тотчас можно было отличить от прочих по красоте конических суслонов, которая зависит от пропорциональной завязки верхнего снопа, опрокинутого вниз колосьями и служащего суслону крыши; если перевязка его сделана слишком далеко от жнива, суслон выйдет большоголовый, если слишком близко — наоборот. Петр Петро-

вич избегал обоих недостатков. И шейки всех суслонов приходились у него на одной высоте».

Если мастерство высоко почиталось в народной среде, то неумелость подвергалась насмешкам, рассматривалась как своего рода нравственный порок. «За безручье (за неуменье) по головке не гладят», «За все берется, да все не удается» — говорит о таких народ. «За прогул да за неумение нет платы», «Нечем хвалиться, как все из рук валится», «Швец Данило, что не шьет, что гнило», «Рук не наставишь», «Все му учён, только не изловчён», «Парень-то тороват, да дела не знат».

О неумелых работниках говорили: «Ни в дышло, ни в оглоблю. Ни в корень, ни в пристяжку», «Зимой с бороной, а летом в извозе», а о работниках, делавших работу слишком медленно, — «Улита едет, когда-то будет». Крестьянин, который не мог выполнить крестьянской работы, считался последним человеком. Подростков, не умеющих плести, дразнили безлапотниками. Девочек, не сумевших еще в детском возрасте научиться *лапти* прясть, обзывали непряхами, не умеющих ткать на кроснах — неткачами, не умеющих самостоятельно поставить стан «без подсказки матери» — бесподставочными. Презрительное отношение к неумейкам сохранялось в крестьянской среде всегда, вплоть до сер. XX в.

О. Платонов

МАТВЕЕВ ДЕНЬ, народное название двух дней в году: 1) день св. апостола из 12 Матфея, 9/22 авг. — Матвей

Ненастный; 2) день апостола и евангелиста Матфея, 16/29 нояб. — Матвей Отпотей.

По народным приметам, на Матвея Ненастного кончается летнее тепло. В этот день начинали готовиться к *ярмаркам*: кто готовил свой товар на продажу, заказывали в церкви молебен и просили у Матвея напутствия в торговле. Считалось, что Матвей остужает пыл да жар, торопливость да суету — все то, чего нельзя было допускать при торговых сделках. Потому Матвея особенно почитали купцы и зажиточные крестьяне.

На Матвея Отпотей по народным приметам ветры усливлялись, зима приближалась. Правда, иногда бывало и тепло. Тогда в народе говорили: «зима потеет». После этого морозы становились круче. Если на Матвея буйные ветры дуют — быть выюгам и метелям до самого *Никола Зимнего* (6/19 дек.).

МАТЕРЩИНА, экспрессивная ненормативная русская лексика, коренящаяся в древнеславянских языческих обрядах, связанных с плодородием, защитой от некоторых духов стихий, с закланиями и проклятиями, имеющими целью подставить кого-либо под удар темных карающих сил, а также с похоронными ритуалами и могильной символикой. В язычестве имела, по многим оценкам, сакрально-ритуальный, а не кощунственно-оскорбительный характер, но затем получила ярко выраженную антихристианскую окраску и стала одним из средств богохульства и унижения человека. Нередко ее происхождение списывали на «еллинское блядословие», «жидовское слово» или же неприемлемые стороны татарской речи. Многократно осуждалась в авторитетных документах русского средневекового Православия. «В матерной брани реализуются представления о совокуплении с Землей. Это объясняет, с одной стороны, ритуальное сквернословие в свадебных и сельскохозяйственных обрядах, с другой стороны — характерное убеждение, что матерная брань оскверняет землю, что вызывает, в свою очередь, гнев земли» (Б. Успенский).

Некоторые матерные слова таковыми ранее не были. Известное слово «б...», обозначающее женщину непристойного поведения, еще в XVII в. было печатным и обозначало ложь, словоблудие или «блядословие»; еще во 2-й пол. XIX в. вполне литературные слова «стерво» и «падло» обозначали падаль животных, словом «хер» называлась в азбуке буква Х, а «сволочь» обозначала случайное разнородное собрание людей, сброд, сволокшийся отовсюду. Матерная ругань довольно широко употреблялась в простонародье публично, в т. ч. без намерения обидеть, обручать собеседника, а от полноты чувств и иногда даже ласкательно. Широко употреблялась матерная брань офицерами, особенно во флоте: моряки вообще считались отчаянными сквернословцами, что было связано с постоянными экстремальными ситуациями, требовавшими нервной разрядки. Но матерной ругани не чуждалась аристократия и интеллигенция, т. ч., напр., в переписке В. Г. Белинского современные публикаторы часто вынуждены прибегать к купюрам. По-видимому, понятие непристойности в тогдашнем быту не было столь ярким, как в сер. XX в. Отсюда и широко распространенная непристойная поэзия той эпохи, сейчас обычно связываемая с именем И. Баркова, хотя к ней прибегали многие известные поэты, в т. ч. из аристократии.

Л. В., Л. Б.

МАТИЦА, массивная центральная балка, поддерживающая потолок в крестьянском доме. В матицу ввора-

Евангелист Матфей. Икона из Царских врат. 1815 г. Поволжье. ГРМ

чивалось железное кольцо, к которому привязывалась *зыбка* для ребенка, либо в него вставляли длинный гибкий шест, оцеп, с привязанной к его концу *зыбкой*. С матицей, важной деталью конструкции *избы*, связаны разные поверья и обряды.

Покровителем матицы считался св. Никодим Печерский. В его день 31 окт./13 нояб. крестьяне обращались к нему с *молитвами*. Уходя из дому, у крестьян было принято подержаться за матицу, потому что она, как «мать родная, недаром матицей зовется».

МАТРЕНА ЗИМНЯЯ (Матрена, Матренин день), народное название прп. Матроны Цареградской, 9/22 нояб.

По народному поверью, в этот день зима является в виде белой лошади. Эту лошадь запрягает в *сани* св. Матрона и едет на ней по всей России.

Считалось, что в этот день следует запаривать лекарственные травы и корни и использовать этот настой всю зиму.

МАТРЕНА НАСТОВНИЦА (Полурепница), народное название св. мученицы Матроны Солунской (III–IV вв.), празднуется 27 марта/9 апр.

Матрену Настовницей называют потому, что она в этот день наст вскрывает. Накануне после оттепели морозы снега заковали в панцирь, но пришла Матрена — наст потеплел. Днем ручьи побежали, ночью снова снежная корка на снегу появилась. Вест о такой погоде подает чибис и шука, что хвостом бьет лед на реке. Крестьяне говорили: «Надоел ей зимний ледовый потолок, вот и бьется она об лед, к весеннему солнцу пробивается». Считалось, что кто увидит шуку в этот день, тому и счастья прибавится.

Матрену называют еще и Полурепницей. Репа у русских после хлеба была одним из главных продуктов. Обычно к этому времени хлеб и др. продукты кончались и крестьяне принимались за репу. Чтобы ее на следующий год уродилось вдоволь, садились в этот день всей семьей за *стол* и отбирали на посадку семена репы. Родившийся в этот день считался хорошим огородником.

МАТРОНА МОСКОВСКАЯ (1885–2.05.1952), святая старица. Матрона Дмитриевна Никонова родилась четвертым ребенком в семье благочестивых крестьян. Слепую от рождения Матрону Господь наградил внутренним зрением. О богоизбранности девочки догадался крестивший ее священник Павел Прохоров. С семи — восьмилетнего возраста у нее открылся дар предсказания и исцеления больных. С детства она стяжала и дар непрерывной молитвы. По ее молитве люди получали исцеления от болезней, утешение в скорбях. В 17 лет Матрона лишилась возможности ходить, ее сидение продолжалось полвека. Она чувствовала приближение опасности, предвещала стихийные и общественные бедствия.

Грядущую революцию Матрона предсказала еще задолго как страшное бедствие: «будут грабить, разорять храмы и всех подряд гнать».

В 1925 блж. Матрона переехала в Москву, где прожила до конца своих дней. Опасаясь ареста, без прописки, духом предвидя грядущие неприятности, она спасала от репрессий не только себя, но и приютивших ее хозяев. Много людей приходило к Матроне со своими болезнями и скорбями. Имея предстательство перед Богом, она помогала многим. Ее духовно-молитвенное служение отвращало от гибели доверившихся ей людей и приводило ко спасению.

Матрона Московская. Икона

Предвидела блж. Матрона Великую Отечественную войну: «Вот сейчас вы все ругаетесь, делите, а ведь война вот-вот начнется... Народу много погибнет, но наш русский народ победит».

Перед смертью матушка Матрона сказала: «Все, все приходите ко мне и рассказывайте, как живой, о своих скорбях, я буду вас видеть, и слышать, и помогать вам». Ее могила на Даниловском кладбище стала святым местом православной Москвы.

В 1998 честные останки блж. Матроны были перенесены в московский Покровский монастырь, где 2 мая 1999 состоялось церковное прославление угодницы Божией.

М. Жукова
МЕБЕЛЬ В РУССКОМ БЫТУ XVI–XVII вв., в домашнем быту русских людей издавна существовал обычай укрывать и покрывать. В зажиточном доме *полы* были покрыты коврами, у менее зажиточных — рогожами и войлоками. В *сенях* у дверей обязательно лежала рогожа или войлок для обтирания ног. Для сидения служили *лавки*, приделанные к стенам наглухо. Если стены были обиты, то и лавки обивались тем же самым, чем стены; но, сверх того, на них накладывались куски материи, называемые *полавочниками*; они делались из двух полотнищ, так что одно было длиннее другого; первое закрывало лавку во всю ее длину, а последнее свешивалось до земли, закрывая середину пространства между лавкой и полом. Их длина и ширина были различны, смотря по лавкам, величина которых соразмерялась с пространством покоев. Были, напр., полавочники в 4 м длиной и в 1,5 м шириной. Полавочники переменились: в будни клались попроще, в праздники и во время приема гостей наряднее. В будни клались полавочники суконные, а в праздники из шелковой

Шкаф для посуды. 2-я пол. XVIII в.

Шкаф. Кон. XVIII в.

Шкаф-поставец. 1830-е гг.

Дверца шкафа. Кон. XVII в.

Дверца шкафа. Деталь и общий вид.
Нач. XVIII в.Шкаф-поставец. Общий вид. 2-я пол. XVIII в.
Олонецкая школа

материи, подбитые простой тканью и отороченные куском материи другого цвета. Такие же куски клались на окна и назывались наоконниками; в будни клались простые коврики, в праздники шелковые куски, вышитые золотом. Длина их была 1,5–2 м, а ширина ок. 1,5 м; вероятно, они спадали вниз с оконного карниза. Как полавочники, так и наоконники были разных цветов: светло-зеленого, голубого, кирпичного, гранатного и преимущественно красных отливов, иногда вышитые узорами. На полавочниках узоры на меньшем полотнище делались другие, чем на большем. Кроме лавок для сидения делались еще *скамьи* и *стольцы*. Скамьи были шире лавок, напр. до 1,5 м шириной, длиной делались до 3-х м; в одном конце их приделывалось возвышение, называемое *приголовником*. На них не только садились, но и ложились отдыхать после обеда. Они накрывались, как и лавки, полавочниками. Иные скамьи служили постоянно кроватями. Стольцами назывались четырехугольные табуреты

«Притча Птоломея, царя египетского, о смерти...». Роспись внутренней стороны двери шкафа. Кон. XVII – нач. XVIII в.

«Девушка прекрасная». Роспись внутренней стороны двери шкафа. Общий вид. Нач. XVIII в.

избегало стенных картин и эстампов, не допуская других украшений в этом роде, кроме *икон*, но в XVII в. мало-помалу начали входить в домашний обиход картины и эстампы, сначала в царских хоромаш, потом у знатных лиц.

Кроватью служила прикрепленная к стене скамья или лавка, к которой приставляли другую лавку. На этих лавках клали постель, состоящую из трех частей: пуховика, или перины, изголовья и подушек. Было два изголовья — нижнее называлось бумажным и подкладывалось под верхнее, на верхнее клались подушки, обыкновенно 3; постель покрывалась простыней из полотна или шелковой материи, а сверху закрывалась одеялом, входившим под подушки. Постели убирались понаряднее в праздники или на *свадьбах*, попроще в обычные дни. В нарядных постелях на изголовья и подушки надевались бархатные или атласные наволочки, шитые золотом и серебром, унизанные жемчугом по краям; одеяла стелились, подбитые соболем, атласные, красного цвета с гривами, т. е. каймами золотой или серебряной материи, подбитые соболями. Перины были набиты лебяжьим или чижевым пухом. На простых постелях наволочки были тафтяные белые или красные, подбитые крашениной. Простые одеяла подбивались заячьим мехом. Постели были принадлежностью только богатых людей, да и у тех использовались редко, а сами хозяева охотнее спали на простой звериной шкуре или на матрасе. У людей среднего сословия обычной постелью служили войлоки, а бедные спали на печках, подложив под головы собственное платье, или же на голых лавках. Детские *колыбели* делались висячие, всегда широкие и длинные, для того чтобы дитя могло свободно расти, а внутри их всегда привешивались иконы или крестики.

Для хранения домашних вещей употреблялись *скрины* (род комодов с выдвижными ящиками), *сундуки*, *погребцы*, чемоданы. Посуду ставили в *поставцах*: это были столбы, уставленные со всех сторон полками; книзу их делали шире, кверху уже, на нижних полках ставили более массивную посуду, на верхних мелкую. Женские украшения хранились в *ларцах*, которые расписывались яркими красками с золотом и узорами, окаймлялись металлическими кружевами; такие лар-

для сидения одному лицу и также накрывались куском материи. Скамей и стоек в доме было немного, а кресла и стулья составляли роскошь царского двора и знатных бояр, и даже там были в небольшом количестве. *Столы* делались деревянные, большей частью дубовые, длинные и узкие; у зажиточных людей иногда их разрисовывали изображениями из Священного писания, а бока и ножки украшались резьбой. Кроме больших столов были столы маленькие, у богатых людей украшенные камнями и разными пестрыми аспидными кусочками. Большие столы ставили перед лавками и обыкновенно покрывали подскатертниками. Во время трапезы поверх подскатертника стол накрывался *скатертью*. Скатерти или подскатертники изготовлялись обычно дома. Как полавочки и наоконники, так и скатерти и подскатертники переменялись по праздникам; в будни столы накрывались полотняными и суконными кусками, в праздники бархатными, парчовыми, камковыми подскатертниками с золотошвейными каймами. Скатерти у небогатых были полотняные, грубой отделки, у богатых — шитые, узорчатые с бахромами. Все эти покрывала — на столах, окнах и лавках — назывались хоромным нарядом. Стенных *зеркал* в XVI–XVII вв. не было: Церковь не одобряла их употребления; духовным лицам Собор 1666 запретил иметь зеркала в своих домах; благочестивые люди избегали их как одного из заморских *грехов*; только зеркала в малом формате привозились из-за границы в большом количестве и составляли принадлежность женского туалета. Так же точно старинное благочестие

цы передавали из поколения в поколение вместе с драгоценностями.

Ист.: Костомаров Н. И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. М., 1993.

МЕДВЕДЬ, в русских народных поверьях и сказках один из главных персонажей. По преданиям, медведь ведет свое происхождение от человека. Человек был обращен Богом в медведя в наказание за убийство родителей;

Медведь принесет бабе медь.
Медведь и баба. Картинка из лубочной книги. XIX в.

за отказ страннику или монаху переночевать; за честолюбивое желание, чтобы все люди его боялись и пр. По причине своего человеческого происхождения медведю не велено есть человека, а человеку — медвежатину. Подобно волку, медведь может задираť корову лишь с Божьего позволения, а на человека нападает лишь по указке Бога за совершенный грех. На

женщин медведь нападает не для того, чтобы съесть, а чтобы увести с собой и сожигать. От такого сожительства, по народным поверьям, рождались люди, обладавшие богатырской силой.

Шерстью медведей окуривали больных. Сквозь медвежью челюсть протаскивали больного ребенка. Считалось, что тот, кто съест медвежье сердце, выле-

Медведь с козю проклажуются

чится от всех болезней. Отвар из медвежатины пили от грудных болезней. Салом его натирались от обморожения и ревматизма, мазали лоб, чтобы иметь хорошую память. Когти и шерсть медведя использовали как оберег для защиты, от сглаза и порчи. Правый глаз медведя вешали ребенку на шею для храбрости.

О. П.

МЕДОВУХА (медовина), вареный, питейный мед.

МЕДОВЫЙ СПАС — см.: ТРЕТИЙ СПАС.

МЕЛАНЬЯ (Маланья, Меланка, Меланьины сборы, Меланья Желудочница, Меланьин день), народное название для прп. Мелании Римляныни, 31 дек./13 янв. Этот день в Великороссии носил название Васильевской коляды или *Васильева вечера*, т. к. на другой день Православная церковь праздновала память Василия Великого. В Юго-Западной Руси этот день называли Меланкой, от имени св. Мелании, и честили именем Щедрого, Богатого вечера по обильным, щедрым вечерним трапезам, обыкновенно устраиваемым нака-

нуне 1 янв. В Северо-Западной Руси Васильев вечер носил название Жирной кутьи или Щедрухи, также от щедрого угощения мясом и жирными блюдами. Васильевым вечером русский народ повсеместно провожал старый год и старался как можно веселее встретить наступление нового в том убеждении, что в этом случае он пройдет счастливо. О Васильеве вечере в великорусских губерниях наблюдательные старики замечали: «На Васильев вечер прибывает дня на курячий шаг».

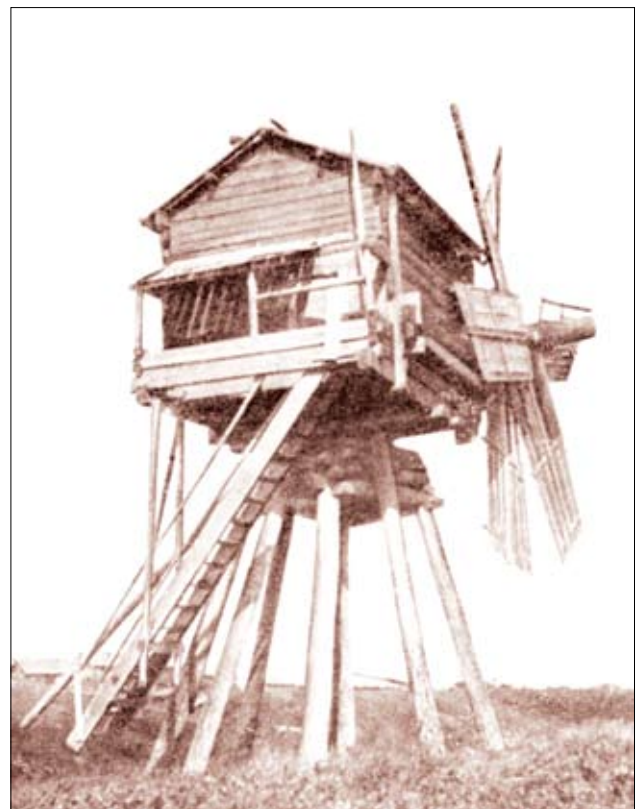
В некоторых местах России этот день назывался Щедрый вечер, *Авсень*, Таусень, Гадания.

В этот день гадали по печени поросенка: если в середине она толстая — будет стужа с середины зимы; широкая сторона печени, обращенная к брюху, — к морозам на конец зимы. Примечали и по селезенке: ежели она ровная да гладкая, так и зима будет ровной, с умеренными холодами и без оттепелей; если край у спины толще — к холодам под конец зимы.

В этот день готовили Васильеву кашу. До света заваривали *крупу*, затирали ее, добавляли в крупу шкварки и ставили *горшок* в печь.

Колядки в этот день отличались тем, что за них получали щедрые подарки, потому колядки называются еще и щедровками. У всех в этот день было наварено, наготовлено много всякой еды, чтобы и на семью вдоволь хватило, и гостям досталось, и колядовщикам. Чем щедрее угостишь, тем год богаче будет, тем больше сторицей воздастся. В народе говорили: «Наварила, напекла, словно на Маланьину свадьбу».

МЕЛЬНИК, в народной культуре персонаж, который знается с *нечистой силой*, прежде всего с *водяным*. Считалось, что для того чтобы поставить мельницу, нужно было принести жертву водяному: о мельниках рассказывали, что они заманивали прохожих и толкали их в омут или под колесо мельницы — иначе утонет

Деревня Горка, Каргопольский район Архангельской области. Ветряная мельница на р. Свида

Деревня Шелково, Кирилловский р-н Вологодской области. Группа мельниц. Фото ЦГРМ. МАА

Село Великий двор, Каргопольский р-н Архангельской области. Ветряная мельница. Фото ГИМ

Деревня Текатчула, Олонецкий р-н Карелии. Водяная мельница Куджиева на р. Туксе. Фото проф. Р.М. Габее

Деревня Верхний Наволок, Приморский р-н Архангельской области. Ветряная мельница. Фото А.Н. Носова 1939 г. МОССА

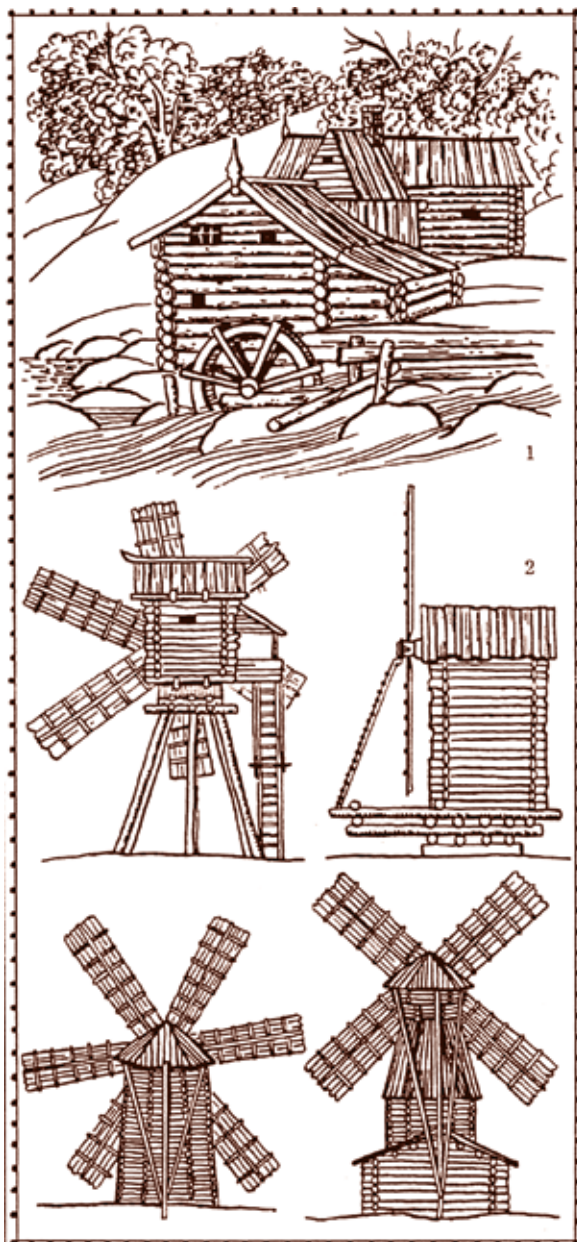
И. Шишкин. Мельница в поле

сам мельник; мельник продавал душу водяному и т. п. Мельники действительно приносили жертвы водяным, бросая в воду дохлых животных, хлебные крошки и т. п.; по праздникам лили в воду водку; в Белоруссии при заморозках опускали под мельничное колесо кусок сала, иначе водяной слижет смазку с колеса; под дверь мельницы закапывали живьем черного петуха,

а в самой мельнице держали животных черного цвета (*петуха* и *кошку*). Хозяин ветряной мельницы бросал в воздух несколько пригоршней муки, чтобы подул ветер. В русской святочной игре в мельницу («с мельницей ходить», «жернов возить») участвовали ряженные мельники и *черт*, который портил «мельницу», но его прогоняли заклинаниями мельники.

К. Юон. Мельница. Октябрь. Лигачево. 1913

1. Водяная мельница. XVIII в. 2. Ветряные мельницы: «столбовки» и «шатровки». XVII—XVIII вв.

С. Воробьев. Устарой мельницы

Женский костюм для улицы — сарафан и шугай из штофа на фоне ветряных мельниц. Костромская губерния. 1-я пол. XIX в.

Считалось, что в разрушенной мельнице обитают черти: в малороссийских быличках черт, прикинувшись мельником, зазывал мужиков на такую мельницу молотить; он молотил быстро и бесплатно, но мука оказывалась перемешанной с песком.

Мельник, связанный со стихией воды, как и *кузнец*, *гончар* (связанные соответственно с огнем и землей — глиной), относился к группе мифологизированных персонажей, обладающих особым умением, обитающих на границе освоенного людьми жилого пространства (за пределами села) и наделяемых сверхъестественными, в том числе колдовскими, способностями.

В. II. МЕМНОН (Девять мучеников Кизических), народное название дня прп. Мемнона чудотворца и Девяти мучеников Кизических, 29 апр./12 мая.

В народных поверьях этот день соединял память о св. Мемноне, чудотворце, с Девятью мучениками Кизическими. Русские считали, что св. Мемнон помогает избавиться от страданий, мучений и *болезней*. В народном сознании произошло смещение понятий: девять мучеников превратились в девять напастей: рыдание, отчаяние, потерю кормильца, одиночество, злое очарование, искушение, помрачение ума, утрату воли, душевное уныние. От всего этого человеку надо избавляться, приобретать моральное благополучие и душевную чистоту. Чтобы приобрести душевный покой, полюбить крестьянский труд, следовало в этот день обратиться к Мемнону с просьбой и все напасти из дома, деревни, села изгнать. Напасти эти — воплощение *нечистой силы*. Изгоняли нечисть *молитвой*, окроплением стен дома да наведением чистоты, ведь порядок в доме определяет и порядок душевный. От болезней всяческих в этот день готовили травяные настои. Они изгоняли нечистую силу из немощных, т. к. в этот день имели особую целительную силу.

В народе так и говорили: «Мемнон — девять напастей вон».

Если на Мемнона случался *дождь*, дети высыпали на улицу с непокрытой головой, радовались весенней небесной влаге. А если не было дождя, то выходили

Деять мучеников Кизических с иконой Рождества Богородицы. Икона. Кон. XVIII в. Слобода Холуй. Частное собрание

с причитаниями и мольбами, чтобы св. Мемнон дал дождь.

МЕНЬШОВ Иван Иванович (1831–1881), этнограф. Собирает материалы по истории и этнографии Уфимского края, печатавшиеся в «Уфимских губернских ведомостях».

МЕСТЬ, воздаяние злом за зло, обидой за обиду, злопамятство (*В. И. Даль*); чувство, мало характерное для большинства коренных русских людей, в личной жизни предпочитавших отвечать на зло добром. Как отмечал в к. XIX в. русский этнограф С.Я. Дерунов, «мщения русский народ почти не понимает» (подробнее об этом см.: Прощение). Правда, совсем по-другому этот вопрос ставился о воздаянии за зло, нанесенное врагами Веры, Царя и Отечества. Здесь злоумышленников ждала неотвратимая справедливая кара.

О. Платонов

В.П. Верещагин. Месть княгини Ольги

В.П. Верещагин. Мученическая гибель князя Игоря

МЕСЯЧНЫЕ, в народных представлениях период, когда женщина считалась «нечистой» и подвергалась изоляции. Значительная часть названий месячных (как показателя определенного периода в жизни женщины, периода ее расцвета) связана в славянских языках с красным цветом, красотой и цветением, ср. «цвет», «цветет», «краски», «червоний Иван», «красный король» и т. п.

Известны этимологические предания, объясняющие происхождение месячных. Богородица, родив Христа, положила свою окровавленную рубашку в *горшок* и велела служанке, не открывая его и не разглядывая рубашки, бросить горшок в реку; служанка не послушалась и тотчас же заболела сама; с тех пор все женщины раз в месяц болеют тем же.

Наступление половой зрелости у девушки, выражавшееся в появлении первых регул, по-своему отмечалось в разных областях России. Обычно мать девушки мазала ей кровью щеки или брови или слегка била ее по лицу, чтобы девушка была счастлива, красива, румяна, чтобы ее любили парни, и т. п. В Сибири о девочке, у которой появились месячные, говорили, что она «девкой стала». При наступлении первых регул девушки иногда прятались в доме в укромном месте, из которого могли показываться, только закрывшись с головой. В России при первых месячных в гости к девушке собирались все женщины села, пировали и, расстелив на полу рубашку девушки, плясали на ней или устраивали девушке символическую *свадьбу* — из старших девушек выбирали для нее «жениха» и оставляли их на ночь вдвоем — «молодиться». Наступление месячных, знаменующее половую зрелость девушки, отражалось в изменении ее одежды (появлении нижних юбок, фартуков и др.), украшений, манеры поведения, походки и др. Окончательное прекращение месячных (когда женщина «теряла свой цвет», «переставала цвести», «отмылась» и др.) также переводило ее в иную возрастную категорию и изменяло характер участия в социальной и ритуальной жизни (она могла стать *повитухой* и т. п.).

Предписания и запреты, регулирующие бытовое поведение женщины в период месячных, были очень строгими. Кровь от месячных, как и после дефлорации и родов, а также женское белье тщательно скрывались от посторонних глаз, т. к. это могло повредить женщине (месячные станут нерегулярными, длительными и болезненными или, напротив, их могут «украсть»), а также потому, что эту кровь могли использовать для

ворожбы и наведения *порчи*. Воду от стирки белья надо было выливать в каком-нибудь глухом месте, чтобы кто-нибудь случайно не наступил на него и сам не получил кровотечения. При стирке категорически запрещалось смешивать белье нескольких женщин, живущих в одном доме, чтобы месячные не могли «перейти» от одной женщины к другой. Строго запрещались в это время и половые сношения супругов.

Основные запреты и ограничения касались социальной сферы и хозяйственной деятельности женщины и преследовали цель уберечь людей и культурные объекты от ее вредоносного влияния. Наиболее развитая система такого рода запретов существовала прежде всего в русской старообрядческой среде.

«Нечистота» женщины в период месячных особенно ярко проявлялась в ее отношении к сфере священного. Женщине запрещалось посещать церковь, ходить на *кладбище*; если в доме в это время случалась какая-нибудь служба, то она не имела права показываться в *горнице*; прощалась с покойным она в последнюю минуту, когда с груди умершего уже снимали *икону*; во время месячных женщине нельзя было мыть домашних икон, зажигать перед ними свечу или лампаду, пить воду, освященную на Крещение; есть просфору, носить нательный крестик (его на это время вешали к образам).

Значительно ограничена была также сфера общения женщины, возможность выполнения ею определенных социальных и ритуальных функций. «Нечистой» женщине возбранялось быть кумой, а также участвовать в праздничных трапезах и обрядах, устраиваемых в первые дни жизни новорожденного, — гл. обр. во избежание различных кожных заболеваний у ребенка. Оберегая ребенка от возможной опасности, исходящей от такой женщины, на *порог* дома клали металлические предметы (чтобы все входящие в дом женщины переступали через него) или вешали у *колыбели* красную тряпку, чтобы «урочливый» взгляд такой женщины остановился бы прежде на ней, а не на ребенке. Если женщина, имеющая месячные, все же участвовала в праздничном застолье, она не имела права скрывать свое состояние, а, напротив, должна была объявить об этом во всеуслышанье, чтобы не повредить ребенку, или предпринять иные магические меры предосторожности.

«Нечистая» женщина не должна была принимать участие в севе и пахоте, сажать, полоть и собирать овощи, виноград, дотрагиваться до растущих овощей, сидеть в амбаре на мешках с зерном и т. п. Нарушение запрета грозило гибелью урожая.

Женщина во время месячных не должна была заниматься и некоторыми домашними работами: печь праздничные *пироги* (особенно к *Рождеству* и *Пасхе*), квасить *капусту*, солить сало (все сгниет); стирать чужую одежду (человек, надевший ее, заболеет); сновать и ткать (одежда и полотно будут непрочными). У русских Сибири заметное место занимали запреты, относящиеся к контактам женщины, имеющей месячные, с промысловыми орудиями: ей нельзя переступать через весла, сети, ружья, иначе их владелец не будет удачлив в своем промысле.

Значительное место в народной магии занимали разнобразные действия, оказывающие влияние на течение месячных. Для вызывания месячных широко пользовались двумя способами: пили отвар коры какого-нибудь дерева, соскобленной сверху вниз по стволу.

В народной магии с помощью рубахи, которую женщина носила во время месячных, или воды, в которой ее стирали, предотвращали *беременность* (лили эту воду на каменку в *бане* или в растопленную *печь*), привораживали мужчин (давали им несколько капель крови в еду или питье), наводили порчу (подливали эту воду во фруктовые сады или в хлев) и т. п.

Лит.: Сокольников Н. Болезни и рождение человека в селе Маркове на Анадыре // Этнографическое обозрение. 1911. № 3–4; Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — н. XX в. Л., 1988.

Ист.: Агапкина Т. А. Месячные // Славянская мифология. М., 1995.

МЕТЛА, веник из березовых или дубовых прутьев на длинной деревянной палке. Использовалась для уборки двора и др. помещений вне дома. В представлениях русских крестьян считалась *оберегом* от *нечистой силы*, *сглаза*, *порчи* и *болезней*. Метлу полагалось держать у входа в дом для мистической охраны от злых сил. Хотя в некоторых случаях метла считалась орудием злых сил и использовалась *ведьмами* и *Бабой-Ягой* как средство передвижения на сборища злых сил.

МЕТЛИНСКИЙ Амвросий Лукьянович (1814–1870), малороссийский этнограф и поэт. Окончил Харьковский университет. Был библиотекарем университета, защитил диссертацию «О сущности цивилизации и о значении ее элементов». Зав. кафедрой русской словесности в Харьковском университете. В 1849 переведен в Киевский университет, а затем снова в Харьковский, где и пробыл до своего выхода в отставку (1854–58). Метлинский издал две работы, относящиеся к предмету его преподавания: «Речь об истинном значении поэзии» (1843) и «Взгляд на историческое развитие теории прозы и поэзии» (докт. дисс., 1850). Имя себе составил прежде всего сборником стихотворений «Думки, пісні та ще дещо» (Харьков, 1839), который он издал под псевд. Амвросия Могилы. Метлинский часто возвращается к историческим воспоминаниям, и эти его стихотворения («Казача смерть», «Козак та буря», «Смерть бандуриста») принадлежат к лучшим. В 1848 Метлинский издал в Харькове «Южно-русский сборник», составленный, кроме нескольких стихотворений редактора, из произведений Петренко, Стеф. Александрова, Мих. Макаровского и Г. Квитки-Основьяненко. Для своего времени сборник этот был выдающимся явлением. В 1852 Метлинский издал еще «Байки й прибаютки» Боровиковского со своим предисловием. Главной заслугой Метлинского является его книга «Народные южно-русские песни» (Киев, 1854). Этот сборник, представляя материал совершенно новый и превосходного качества, сыграл важную роль в деле пробуждения интереса к малороссийской этнографии, долгое время давал богатый материал для научных исследований. Кроме этого главного своего труда, Метлинский напечатал еще (Киев, 1854) составленную им вместе с кн. Дабижей «Программу для этнографического описания губерний киевского учебного округа», а также «Красногорский монастырь» (в «Очерках России» Пассека). «Дополнение к статье Сементовского — «Замечания о праздниках у малороссиан» («Москвитянин», 1841; «Маяк», 1843) и др.

МЕФОДИЙ ПЕРЕПЕЛЯТНИК (Мефодиев день, Тенетник, Паутинный день, Праздник перепелятников, Погодоуказатель), народное название дня сщмч. Мефодия, еп. Патарского, 20 июня/3 июля.

Усекновение главы свт. Мефодию Патарскому. Фреска. XVI в. Ярославль

Этот день охотники называли перепелиный праздник и молились св. Мефодию. К этому времени складывались удачные условия для охоты на перепелов: много мошки, др. насекомых, и пауков которых перепела используют в пищу. На тучи мошек налетало множество перепелов, которых охотники ловили сетями, «тенетами».

День этот также назывался Паутиным днем, Погодоуказателем. Барометром здесь выступал паук, по поведению которого судили о будущей погоде: если к непогоде — он паутину не ткал, если к теплу — он начинал трудиться.

МЕЧ-КЛАДЕНЕЦ, в русских народных преданиях и сказках волшебное оружие, обеспечивающее победу над врагами. В сказках существует несколько вариантов поиска чудесного меча, скрытого в земле, замурованного в стене, и т. п.

МЁД, древнерусский напиток. Был 2-х видов: алкогольный и безалкогольный.

Для изготовления алкогольного меда медовые соты заливали теплой водой и процеживали через сито. Затем туда клали хмель, и все это варили в котле, снимая ситом пену. Сваренную жидкость остужали и заквашивали куском ржаного хлеба, смазанного сахарным сиропом и дрожжами. Пока шло брожение, ее разливали в бочки. Сорта вареного меда различали по соотношению воды и меда, по способу заквашивания, по приправам (ягоды, пряности и т. д.): обáрный, т. е. обваренный, простóй, прёсный, белый, красный, боярский, ягодный и т. д.

На этот старинный вареный мед была похожа малороссийская *варенуха*, но кроме меда в нее, если не было хмеля, добавляли *водку* (горілку). Сушеные фрукты — груши, яблоки, вишни, сливы, изюм, винные ягоды, заливали водкой и добавляли туда мед и немного испанского перца. Горшок с этой смесью герметически закрывали хлебной коркой, замазывали сверху пресным тестом и на 12 часов ставили в горячую *печь*. Горячая варенуха была вкуснее, чем холодная.

Похожий на нее напиток, но без хмеля и алкоголя, назывался медовый квас. Белорусские пчеловоды упо-

требляли его до н. XX в.: соты, из которых вынут мед, 2 часа варили в воде. Полученная жидкость в течение недели стояла в полуоткрытом сосуде и бродила, после чего сосуд плотно закупоривали. В старину медовый квас заквашивали т. н. колачами. Лучший квас назывался монастырским, так как у монастырей были большие пасеки и много меда.

Малороссы делали медовый квас из диких груш и яблок. Груши пекли и клали на 2 месяца в бочку с водой; яблоки держали 3 месяца в бочке сырыми. И в том и в др. случае бочки ставили в погреб. Белорусы делали напиток из брусники и клюквы, добавляли груши и яблоки. В старину делали квас с медом; он был известен под названием *ста́вленный мед*. Свежие спелые ягоды заливали на 2–3 дня водой, после чего ее сливали и на каждые 2–3 стакана этой воды клали стакан чистого меда. Заквашивали ее печеным хлебом или дрожжами, но квасили не сильно; добавляли пряности, а иногда и хмель.

Ист.: Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991.

МЁДЫ, легкие спиртные напитки (10–12°) из перебродившего на дрожжах и хмеле меда (см.: Пчеловодство). Известны с древнейших времен. До к. XIV меда были единственным спиртным напитком (наряду с пивом), употреблявшимся русскими людьми (водка и вино пришло в Россию из западных стран). До XVII в. производство этого напитка носило массовый характер. С эпохи Петра I медоваренное производство теряет самостоятельный характер и составляет дополнительную статью при пивоварении. В 1896 мед производился в 422 заведениях, из которых 178 составляли отделения при пивоваренных заводах. Всего в этом году было произведено 575 тыс. ведер меда, на что употреблено 45 тыс. пуд. сахара, 27 тыс. пуд. меда, 107 пуд. хмеля, 131 пуд. фруктов и др. К 1917 пиво и фруктовые воды постепенно вытесняли мед. При большевиках медоваренное производство было фактически запрещено по идеологическим причинам как «напиток отсталых слоев населения».

МЕЩАНСТВО, низшее городское сословие, состоявшее в подушном окладе и подлежащее рекрутскому набору в солдаты. Название «мещанство» идет от слова «место» или «обыватели места», как в западной и южной Руси называли города (откуда «местечко» — малый город); в Московской Руси мещане обыкновенно назывались посадскими; в XVII и XVIII вв. слово «мещанство» вошло во всеобщее употребление и в законодательство; по городскому положению Екатерины II мещане образовали низшее городское сословие, по-

Неизвестный художник. Портрет тверской мещанки в клетчатой шали. 1840-е гг. ГИМ

Неизвестный художник. Портрет мещанки в зеленом головном платке. 1840-е гг. ГИМ

Г. Седов. Курская мещанка

датное и от телесного наказания не изъятное (в противоположность высшему городскому сословию купцов и почетных граждан, от подушной подати и телесного наказания освобожденному). Оба сословия имели

Неизвестный художник. Портрет неизвестного мещанина. 2-я четв. XIX в. ГИМ

особое сословное управление, но соединились в одно городское общество, упраздненное в 1870. Сословные же управления сохранились. Перед 1917 мещанское управление состояло из: общества, собирающегося на сход, утверждающего раскладку повинностей, ассигнующего расходы и выбирающего должностных лиц; старосты или (в столицах и Одессе) управы (пред-

ставляющих исполнительный отчет и заведующих имуществом общества) и двух членов сиротского суда (ведущих опеку). **С. Ю. МИКУЛА СЕЛЯНИНОВИЧ**, былинный богатырь, чудесный пахарь, несущий «тягу земную», олицетворение русского крестьянства; биться с ним нельзя, так как «весь род Микулов любит Матушка Сыра Земля». Главное в жизни Микулы Селяниновича, согласно *былинам, труд, пахота*. В его образе олицетворяется сам народ, ибо только Микула может поднять те «сумоч-

ки переметные», в которых обретаются «тяга земли». Мошь Микулы Селяниновича подавляет и посрамляет черные силы колдовства. Былина рассказывает, как богатырь Волх Всеславьевич, известный своей силой и «вежеством» (т. е. владеющий колдовскими тайнами), при рождении которого «подрожала Мать Сыра Земля, сотрясалося славно царство Индейское, а и сине море сколебалося», вынужден был уступить пахарю Микулу первенство в труде. Волх Всеславьевич увидел в поле пахаря, который пашет, да с таким размахом, что «ехал Волх до ратая день с утра до вечера, а не мог до ратая доехать». Не утерпел Волх, зовет Микулу Селяниновича поехать с собою в побратимах, и Микула соглашается, но когда пришло время вынимать из земли соху, то ни сам Волх, ни вся его дружина не могли с ней справиться, а только Микула Селянинович одной рукою выдергивает соху из земли и перебрасывает ее за ратиков куст.

О. П. МИЛЛЕР Всеволод Федорович (7 [19].04.1848–5 [18].11.1913), филолог, глава исторической школы, ориенталист. Академик (с 1911). Родился в Москве. Окончил Московский университет в 1870. Ученик

В. Ф. Миллер

Ф. И. Буслаева. Профессор Московского университета, директор Лазаревского института восточных языков. В 1884–97 – хранитель Дашковского этнографического музея. Разрабатывал вопросы народного творчества, древнерусской литературы, мифологии, сравнительного языкознания; в 70–80-е изучал этнографию, фольклор, язык и археологию осетин

и древних иранских народностей Кавказа, результатом чего явился фундаментальный труд «Осетинские этюды» (ч. 1–3, М., 1881–87).

С 90-х главным предметом научных исследований Миллера становится история русского былинного эпоса. Следуя миграционной теории, Миллер раскрывал влияние на русский эпос иранских сказаний, предполагая проникновение их в Южную Русь через Кавказ и через половцев («Эксперименты в область русского народного эпоса», 1982). Затем он перешел к розыскам основ былин в конкретной исторической действительности, разработал методику приурочения эпических сюжетов к определенным событиям, а героев былин – к историческим деятелям. В этом направлении Миллером изучены почти все сюжеты русского эпоса и предпринята попытка обобщенного изложения его истории («Очерки русской народной словесности», т. 1–3, М., 1897–1924). Миллер имел многих последователей, продолживших его разыскания. Методология, методика и конкретные работы Миллера подверглись серьезной критике. Была отмечена произвольность сближения имен, географических названий, эпизодов в *былинах* и летописях, отмечалось игнорирование идейно-художественного содержания эпоса. Отвергнуто было и положение Миллера о зарождении былинного эпоса в высших социальных кругах Древней Руси и о «порче» его сказителями-крестьянами. Однако вклад Миллера в изучение былин очень значителен. Он собрал большой фактический материал, поднял

много важных вопросов. Значительна и его роль как организатора научных исследований, редактора журнала «Этнографическое обозрение» и др.

Соч.: Очерки арийской мифологии (Асвины — Диоскуры), М., 1876; Взгляд на «Слово о полку Игореве», М., 1877; Систематическое описание коллекций Дашковского этнографического музея, вып. 1—4, М., 1887—95; Руководство к изучению санскрита. Грамматика, М., 1891; Русские былины старой и новой записи/Под ред. Н. С. Тихонравова и В. Ф. Миллера, М., 1894; Былины новой и недавней записи из разных местностей России, М., 1908; Исторические песни русского народа XVI—XVII вв., М., 1915.

МИЛЛЕР Орест Федорович (4 [16]. 08 1833—1 [13]. 06. 1889), фольклорист, историк литературы. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. Выступил в печати в 1852

О. Ф. Миллер

как поэт. В 1858 защитил магистерскую диссертацию «О нравственной стихии в поэзии...», в которой сделал попытку обозрения мировой литературы с древнейших времен до У. Шекспира с точки зрения развития нравственных идей. С н. 60-х занимался фольклором. В его работе «Опыт исторического обозрения русской словесности» (1863) впервые вводит-

ся в курс литературы систематическое изучение народного творчества. Как фольклорист Миллер примыкал к мифологической школе, что в полной мере сказалось в докторской диссертации «Илья Муромец и богатырство киевское» (1869); в ней обнаружились славянофильские позиции Миллера, с которых он вел полемику с В. В. Стасовым. В 1874 Миллер составил на материале своих лекций обширный курс «Русская литература после Гоголя», в котором систематизировал материал о творчестве А. Н. Островского, Ф. М. Достоевского, И. А. Гончарова и др.

Соч.: Подвиг матери. СПб., 1855; Беседы о русской истории. Вып. 1. СПб., 1862; Славянство и Европа. СПб., 1877; Великорусские былины и малорусские думы. Киев, 1876; В память А. С. Грибоедова. СПб., 1879; История словесности. СПб., 1884; Памяти Гаршина. СПб., 1889; Внутренняя жизнь и ход развития И. С. Аксакова по его письмам. СПб., 1889.

МИЛОРАДОВИЧ Василий Петрович (1845—1911), малороссийский этнограф. Окончил юридический факультет Харьковского университета, был мировым судьей. Собрал ценные этнографические материалы о народных обычаях и поверьях малороссов, часть которых — «Свадебные песни» — напечатана в «Киевской Старине», 1890, кн. 7, 8 и 9, др. часть, «О рождественских святках» — в № 42, 43 и 44 «Полтавских Губернских Ведомостей» за 1893, третья часть, «Песни рабочих» и одна историческая песня — в «Киевской Старине», 1895, X и XI. Др. труды: «Народные песни и обряды Лубенского уезда», «Заметки о малорусской демонологии» («Киевская Старина», 1899, № 8 и 9).

МИЛОСЕРДИЕ, исключительно широкое и устойчивое распространение среди русских получили идеи и поступки, связанные с состраданием, сочувствием,

оказанием помощи в самых разных ее видах. Это была целая система воззрений, основанных на евангельских идеях любви к ближнему и помощи ему, бескорыстной отдачи просящему больше, чем он просит, самоотверженной готовности положить жизнь за други своя. Это — система взглядов, но в то же время — это и черта национального характера: органичная потребность делать *добро*, столь естественная, что не воспринимается ни дающим, ни принимающим как что-то особенное, а зачастую даже не бывает замечена.

Во многих описаниях губерний, составленных чиновниками во 2-й пол. XVIII — н. XIX в., отмечается сострадательность крестьян, готовность подать милостыню, помочь погорельцам, броситься на помощь при несчастном случае. Еще более обширный материал об этом есть для 2-й пол. XIX в.

Богоматерь Знамение. Икона. Нач. — 2-я пол. XVII в. Москва

Помощь погорельцам носила и общинный (см.: Помочи) и сугубо индивидуальный характер. «Все крестьяне нашей местности, — писал в к. XIX в. Ф. А. Костин из д. Мешковой Болховского у. Орловской губ., — к погорельцам относятся с жалостью, стараются их утешить и помочь как советом, так и делом». Каждый крестьянин, отмечал он далее, «считает за счастье», если у него поселится погоревший сосед. Беспрекословно брали скотину погоревшего к себе на двор, давали ему свою лошадь. Брать с погорельца деньги за помощь «считается большой грех и срам».

С жалостью и состраданием относились и к чужим погоревшим крестьянам. «Никто не отказывает просящему «на погорелое», — записал Ф. А. Костин. Это же подчеркивал и вологжанин А. К. Аристархов: «Погорельцев снабжают всем, что есть лишнего, а иной раз и от необходимого. Собирающий (милостыню. — М. Г.) «на погорелое место» пользуется большим состраданием и благотворительностью крестьян».

В 1897 в деревне Пёсье Череповецкого у., Новгородской губ., случился пожар от молнии: сгорело 27 домов. У многих сгорело при этом и все имущество, у иных — хлеб в житницах. Помощь пострадавшим оказывали не только жители ближних деревень, но и крестьяне из отдаленных селений. Одни — помогали хлебом, другие — одеждою, третьи — орудиями труда и посудою. А когда погорельцы стали отстраиваться, «всю купленную ими на стороне постройку перевозили бесплатно».

П. Гурьев в «Денежном отчете за 1878 по Тесовским сельским школам» (Новгородская губ.) заметил: здесь «даже погорельцы не ходят за подаaniem, а ждут и уверены, что каждый сам придет к ним с помощью по силе и возможности».

При пожарах «иные смельчаки вместе с хозяевами дома бросались в горевшие дома и спасали от огня имущество». Многие пользовались известностью за самоотверженным и находчивое поведение во время стихийных бедствий. Так, крестьянин д. Дмитриково (Фетиньинская вол., Вологодский у.) Василий Матвеев отличался удивительной смелостью, проворством и умением в опасных обстоятельствах. «Кажется, уже горит совсем, нет, он выбежит из огня с целою кучею крестьянского добра, бросится в пруд и, мокрый, снова бежит в огонь. Энергия его побуждает и других крестьян принимать горячее участие в спасении чужого добра». Пожар — нередкое бедствие для деревянной русской деревни, поэтому многочисленные рассказы о самоотверженной готовности помочь другому человеку связаны именно с пожарами.

Повсеместно проявлялось гостеприимство к чужим людям, попросившим крова, в том числе — и нищим. Человеку, не обратившемуся непосредственно к первичным материалам, просто трудно представить себе, какое большое количество упоминаний о распространении милосердия, милостыни, гостеприимства у русских крестьян всей территории России встречается в опубликованных и неопубликованных источниках. Приведем хотя бы небольшую часть из них.

«Предки наши, — писал Гавриил Успенский в н. XIX в., — по признанию самих иностранцев, *гостеприимство* почитали в числе первых добродетелей и повсюду оным славились. Доныне между поселян, живущих в отдалении от столиц и от больших городов, обычай сей продолжается, чтобы проезжего или прохожего пригласить к себе в дом, накормить и упокоить его по возможности, являя при том приветливость и свое удовольствие. Хозяин и хозяйка обыкновенно встречают и провожают его с веселым лицом, с поклонами и приветствием; все, что ни имеют, как-то: хлеб, молоко, яйца, огородные растения, — приносят без прошения, за все никакой не требуют платы, говоря, что за хлеб за *соль* с проезжего брать деньги — великий *грех* и что оттого спорыньи (успеха, удачи) в доме их не будет». Этот взгляд попал и в пословицы, зафиксированные В. И. Далем в сер. XIX в.: «Кто за хлеб-соль берет со странного (странника. — М. Г.), у того спорыньи в доме не будет».

Наблюдения Г. Успенского касались преимущественно южных губерний России. А вот свидетельства о том же из северных районов, относящиеся уже к к. XIX в. «Нищему никогда не откажут ни в хлебе, ни в ночлеге», — сообщали из Вельского у. Вологодской губ. «Нищие в редком доме получают отказ», — утверждал информатор из Пошехонского у. Ярославской губ.

«Очень гостеприимны и внимательны к нищим и странникам», — писали из Белозерского у. Новгородской губ. В последней информации подмечено, что большим гостеприимством и радушием к постороннему человеку отличаются крестьяне «среднего и бедного состояния». Но есть и противоположные утверждения (из Вельского у. Вологодчины) — о том, что именно зажиточные крестьяне больше принимают у себя просящихся на ночлег и обязательно накормят при этом.

В сведениях 1849 о нравах помещичьих крестьян сел Голунь и Новомихайловское Тульской губ. (Новосильский у.) отмечалось равное странноприимство и гостеприимство всех крестьян и устанавливалась связь этого явления с уровнем религиозности: «При такой набожности ни у кого, по выражению народному, не повернется язык отказать в приюте нуждающемуся страннику или нищему. Лавку в переднем углу и последний кус хлеба крестьянин всегда готов с душевным усердием предоставить нищему. Это свойство крестьян особенно похвально потому, что бедные семейства, до какой бы крайности ни доходили, никогда не решаются нищенствовать, но стараются или взять заимообразно, или пропитываться трудами рук своих, и из этого-то слезового куска они никогда не отказывают страннику-нищему».

Даже тот крепостной крестьянин, который стоял на грани обнищания, делился со странником — чужим ему человеком.

«По уборке хлеба всякий за грех почитает отказать просящему новины (хлеб нового урожая. — М. Г.), несмотря на то что таковых просителей бывает очень много», — отмечалось по Мещевскому у. Калужской губ.

Некоторые современники различали поведение странноприимничества в деревнях, отдаленных от городов и больших дорог, и в подгородних и притрактовых селениях: первые, как правило, приветливо открывали *ворота* и двери любому странствующему, угощали, обеспечивали ночлегом, снабжали необходимым в пути — безвозмездно; вторые нередко за все брали плату, увеличивая ее в зависимости от обстоятельств. Так писал, напр., В. Левшин в 1811 о районах Тульской губ., близких к Москве и наиболее затронутых отходничеством. Перечисляя черты, присущие тульским сельским жителям, «равно как и всем россиянам», он отмечает, что они «в особенности странноприимцы». И далее: «Можно, однако, заметить, сколько просвещение действует на чистоту прежних нравов и что с приобретением познаний раздаются новые страсти, а паче — любостыжание и ячество. Пременяется уже сия почтенная черта русского характера — странноприимство. Когда в отдаленных от городов и больших дорог деревнях каждому проезжему и странствующему, просящему ночлега, хозяин усердно отворяет ворота дома своего, разделяет с ним свою трапезу, старается упокоить, помочествовать и снабдить чем только в силах; просветившиеся подгородние и при больших дорогах обыватели без заплаты не дадут ночлега и куска хлеба; вместо пособия стараются притеснить и взять за вещь вчетверо, когда только видят, что в ней проезжающему необходимая нужда».

Но тот же автор после этого язвительного замечания, на соседней странице своей рукописи, свидетельствует: «Крестьяне без размышления пренебрегают жизнь свою на спасение жизни ближнего, бросаются в огонь и в воду». И рядом: крестьянин «никогда не от-

казывает, если имеет что дать просящему милостыни, и с веселым лицом идет для пособия призывающему его в помощь».

Чаше мы находим в источниках безоговорочное утверждение о гостеприимстве крестьян. «Вологодский народ, как и весь вообще русский, чрезвычайно гостеприимен. Отказ путнику, попросившему переночевать, является в виде крайнего исключения, — писал в 1890 *Н. А. Иваницкий*, один из лучших собирателей сведений о нравах и быте на Русском Севере. — Не пустит в избу странника или прохожего разве баба, оставшаяся почему-либо дома одна, в которой страх пред чужим человеком («кто его знает, что он в мыслях держит») превозмогает чувство гостеприимства и сострадания, или же семья раскольников. Не покормят прохожего в том только случае, когда у самих есть нечего».

«Проезжающий мимо селения, даже незнакомый, нуждающийся в ночлеге, а также и проходящий пеший путник в редком доме получает отказ», — сообщал *С. Я. Дерунов* из Пошехонского у. *В. Иванов* из Новгородской губ. (Белозерский у.) дал подробную зарисовку подобного приема, сделанную с натуры. Он отметил, что в зимнюю пору особенно часто просятся на ночлег путники, едущие издалека. «В большинстве случаев крестьяне отказываются от платы, а если и берут, то весьма умеренную, чаще всего, сколько сам проезжий положит».

Приведем целиком описание приема крестьянином нищего в Новгородском крае — оно хорошо передает обстановку благожелательности, которую стремились создать в этом случае. «Когда нищий заходит в избу, то хозяин или хозяйка первым долгом стараются обласкать пришедшего своим сочувственным взглядом, особенно если замечают в нем усиленную робость и унижение, затем подают ему кусок хлеба; нередко осведомляются, откуда он, расспрашивают о его бедственном положении, приглашают отогреться и поесть теплой пищи, а если дело случится к ночи, то добродушно сами предлагают остаться ночевать, говоря: «Куда ты пойдешь на ночь глядя, ночуй — ночлега с собой не носят, вот вместе поужинаешь с нами, обночешься, а утром и пойдешь с Богом».

Если приходил в избу не нищий, а просто незнакомый крестьянин, чтобы отдохнуть в пути, хозяин прежде всего спрашивал, откуда он, куда и по какому делу идет. (Пешком на большие расстояния тогда ходили многие и потому такие приходы служили богатым источником информации.) Затем радушно предлагал прохожему человеку пообедать «чем Бог послал» и в ответ на его благодарность отвечал: «Да что за пустое благодарить, а вот закуси, а потом и говори спасибо. Эй, хозяйка, собирай на стол, пусть человек-то пообедает, устал с дороги-то!» И полученная после обеда благодарность тоже встречала оговорки хозяина, как бы стремившегося снизить значение своего поступка: «Ну, не осуди, родимый, на большем, что уж случилось».

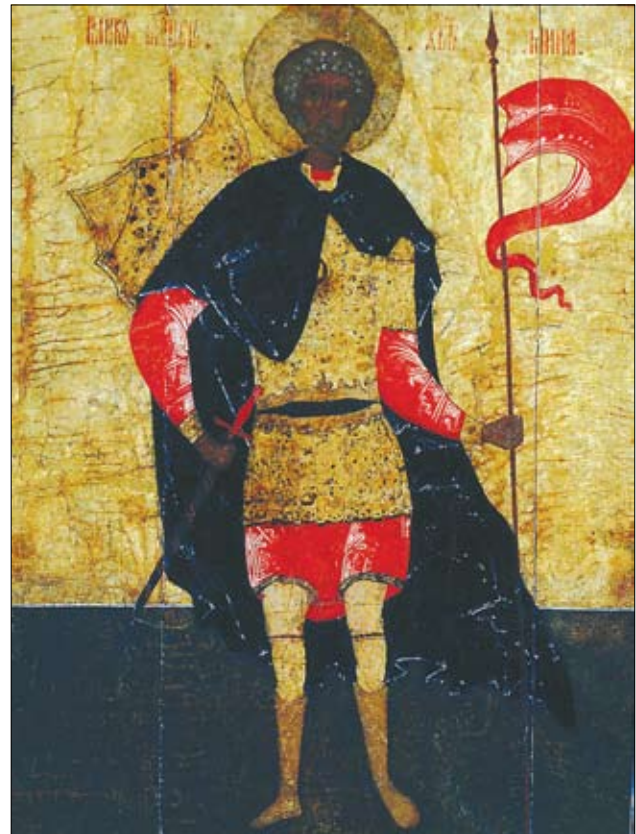
Сохранилась довольно подробная характеристика благотворительности и гостеприимства крестьян с. Давшино (юго-западная часть Пошехонского у.), сделанная жителем этого селения по наблюдениям 1840-х. «Благотворительность, — писал он, — обнаруживается в готовности помочь ближнему и советом, и делом, ссудить его нужным, также в милосердии к бедным, в подаяниях. Некоторые из здешних жителей погрешают за свой счет умерших в крайней нищете и

делают иногда по ним поминки. Гостеприимство выражается в том, что во время праздников здешние жители угощают всех гостей, как родных, так и чужих, и даже часть таких, которых не знают по имени; впрочем, они даже и не заботятся узнать их имена».

В подаче милостыни и, шире, — в оказании помощи вообще, особое место занимало представление о важности соблюдения тайны. Дела милосердия лучше всего творить незаметно, безымянно, чтобы тот, кому оказывается милость, не мог поблагодарить и другие люди не могли бы похвалить. Иначе доброе дело может не быть зачтено на небе, т. к. дающий получил уже награду на земле. Эта евангельская истина органично вошла в массовые народные воззрения и прославлялась, в частности, в тайной милостыне.

М. Громыко
МИНА — СВЕТЛЫЕ ОЧИ, народное название дня мчч. Мины, Ергогена и Евграфа (IV в.), 10/23 дек.

На св. Мину молились за исцеление от глазных болезней. В народе говорили: «Св. Мина болящим очам дает просветление. Со св. Мины — нас тьма мимо. Со св. Мины — с очей пелена». Считалось, что св. Мина

Великомученик Мина (средник). Икона. 2-я пол. XVI в. Художественный музей. Череповец

не только исцеляет глазные болезни, но и учит людей различать добро и зло, духовный свет и дьявольскую тьму, не поддаваться бесовским искушениям.

МИНСКАЯ икона Божией Матери, чудотворная святая Руси. Минская икона была принесена вел. кн. *Владимиром* из Корсуни (Херсонеса) и поставлена им в Десятинной церкви (X в.). Здесь она прославилась чудесами. В 1240 Киев был сожжен монголо-татарами. Тогда же погибла и Десятинная церковь. Икона сохранилась. Впоследствии она могла находиться в Киевском Софийском соборе. В 1482 Киев снова подвергся разорению от татар. Один из врагов снял с иконы все украшения, а сам извод бросил в Днепр.

Минская икона Божией Матери

13 авг. 1500 святыня явилась в Минске на р. Свислочи напротив древнего замка удельных минских князей. Горожане нашли образ по необычайному сиянию, исходившему от него, и поместили его в замковый собор в честь Рождества Богородицы. Множество паломников приходила сюда для поклонения святыне. Минская икона почиталась наравне с *Виленской*, *Смоленской* и *Корсунской-Эфесской*.

Празднование Минской иконе Божией Матери установлено 13/26 авг.

МИРО (греч.: благовонное масло), вещество, освящаемое патриархом или митрополитом, используемое в таинстве миропомазания, при освящении престолов и антиминсов православных храмов, при венчании Царя на царство.

В Православной христианской церкви приготовление св. мира составляет предмет особой важности, так как через помазание св. миром сообщается крещаемым и воссоединяемым с Православною церковью благодать Духа Святого. В греческой церкви для составления его бралось до 50 благовонных веществ, у нас в России таких веществ требовалось (до 1853) только 26, но в том же году прибавлено еще пять; таким образом, для приготовления мира использовались на 20 пуд. масла 6 ведер белого виноградного вина (лиссабонского), которое служит лишь для того, чтобы во время варения масло и прочие вещества не воспламенялись и не иссушивались, но в состав мира не входит; от 2 пуд. до 30 золотников следующих веществ: стиракс (камедь, особый древесный сок), ладаны: росной, простой, белый и черный, — сандалак (растительная

смолка, добываемая из особого вида можжевельника), мастика (тоже смолка), преимущественно фиашковая, розовые цветы, базилик (пахучий василек), корни: фиалковый белый, имбирный, черный, калганный, кардамонный, — бальзам перувианский, терпентин венецианский (скипидар), масла: мускатное густое, бергамотовое, лимонное, лавендуловое, гвоздичное, богородичной травы, розмариновое, лигниродийное (каменноугольное), розовое, коричневое, маиранное, померанцевое и мускатное жидкое. В древние же времена употреблялись лишь те вещества, какие можно было найти на месте. Так, мы знаем, что для мирования в 1631 при патр. Филарете вытребованы были из царской аптеки: янтарь добрый, ладан росной, мед дивий (дикий), корица, перетрун, корень азар, гуляфная (розовая) водка, смирна и кассия.

Первое св. миро принесено было в Россию из Херсонеса Таврической губ. при Крещении Руси. При св. кн. Владимире св. миро привозимо было в Киев также из Константинополя в так называемом «алавастр» — медном сосуде с узким горлом, обложенном перламутром. «Алавастр» этот хранился в Московской синодальной ризнице, в домовый церкви всероссийских патриархов, на престоле.

Мироварение совершалось только в Киеве (в трапезной церкви Киево-Печерской лавры) и в Москве. В последней оно совершалось сначала, во времена патриархов, на паперти церкви Трех Святителей, когда же церковь эта вследствие ветхости была уничтожена, для этой цели предназначена была в 1763 особая, так называемая «Никоновская», или Крестовая, патриаршая палата, против церкви Двенадцати апостолов, в Кремле, где прежде собирались соборы Российской церкви и где прежние патриархи принимали иноземных послов и греческих архиереев. Здесь, под деревянною золоченою стенью, устроенною имп. Николаем I в 1852, исключительно для данной цели был устроен каменный очаг с двумя серебряными вызолоченными котлами, которые вставлялись в чугунные котлы. Затем для той же цели тут находилась «кадь» с двуглавым орлом и вензелем Екатерины II с короною наверху, поддерживаемая двумя ангелами, на крышке — литые из серебра изображения прор. Самуила, возлияющего елей на голову Давида, и 4 евангелистов. Затем для разливки св. мира — четыре серебряные вызолоченные ковша, лопатки для вычищения из банок стиракса, ладана и пр., для слития масла и вина — «ситка для процеживания». Сосуды почти все устроены благочестивым усердием имп. Екатерины II, а по повелению Павла I устроено еще в 1797 для хранения св. мира 16 серебряных, внутри вызолоченных кувшинов и вместо оловянных вещей сделаны серебряные. В богатейшей ризнице Московского Успенского собора вплоть до н. ХХ в. хранился сосуд, в который вливалось св. миро для помазания государей Российских во время священного коронования их.

Сосуд этот, упоминаемый в летописях и грамотах под названием «Сердоликовой августовой крабийцы», представлял собою небольшую чашу с поддоном, украшенную эмалью и на крышке финифтяным змеем, завязанным узлом, как символом мудрости и здравия. По преданию, крабийца эта была прислана греческим имп. Алексеем Комнином в дар Владимиру Мономаху вместе с царскими одеждами и золотым венцом.

Приготовление веществ для мироварения начиналось с Крестопоклонной недели. Утром, в понедель-

ник *Страстной недели*, митрополит окроплял приготовленные вещества св. водою и, влив в котлы св. воду, благословлял положить в них масло, благовонные травы и пр., затем сам зажигал огонь под котлами и начинал чтение св. Евангелия; это чтение, которое продолжало после него прочее духовенство, равно как и перемешивание варимого деревянными веслами, продолжалось денно и ночью до вечера среды, когда в приготовленное миро, дав ему остыть, клали ароматы и затем разливали в сосуды и ставили на особых скамьях, а впереди них на особом столе — «алавастр», содержащий в себе неиссякаемое, преждеосвященное и сохраняющееся запасом св. миро.

В *Великий Четверг*, перед началом часов на литургии, при колокольном звоне и пении тропаря *Успения Пресвятой Богородицы*, владыка вступал в мироваренную палату и, совершив здесь каждение, вручал старшему протоиерею «алавастр», а прочим священникам — сосуды с вновь приготовленным миром и шествовал в Успенский собор при пении тропаря Пятидесятницы. Здесь «алавастр» поставлялся на жертвенник, а прочие сосуды — вокруг него.

Во время Великого Входа из литургии выносились все сосуды с св. миром из алтаря впереди Св. Даров, и «алавастр» служащим архиереем поставлялся на престол, а сосуды с неосвященным миром — вокруг него. По освящении Св. Даров освящалось и миро. Архиерей открывал каждый сосуд и по провозглашении слов: «И да будут милости Великого Бога...» благословлял каждый сосуд трижды: «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа» — и затем произносил вслух молитву, положенную для освящения мира, молитву о том, чтобы «Господь милости и Отец светов сотворил миро сие помазанием духовным, хранилищем жизни, освящением

душ и телес, елеем радования», и пр. Другая молитва читалась тайно с коленопреклонением. По окончании молитв владыка снова благословлял св. миро трижды, и сосуды закрывались. Из «алавастра» запасное освященное миро вливалось в новоприготовленное и им же восполнялось в память того св. мира, которое прислано было в нем из Византии греческим митр. Фотием в Киев, а затем уже из Киева перенесено в Москву. По окончании литургии освященное миро, при пении 44-го псалма, при колокольном звоне, с крестным ходом, в преднесении «алавастра», относилось в хранилище Патриаршей ризницы, откуда и отпускалось по требованию епархиального начальства по всем храмам и монастырям, где оно хранилось в драгоценных сосудах на престоле, вместе со Св. Дарами. В Киеве освященное миро относили в Великую Лаврскую церковь, где и хранили.

Н. Степанов

МИРОВОЕ ДЕРЕВО (древо жизни), в древнерусской языческой мифологии мировая ось, центр мира и воплощение мироздания в целом. По преданиям, дерево

Сундук-подголовок с изображением «древа жизни». Детали росписи. 1688. Северная Двина

это стоит на о. *Буяне* посреди океана на *Алатырь-камне*. Крона его достигает небес, корни — преисподней. В древнерусских апокрифах в виде дерева с золотыми ветвями, месяцем у вершины, нивой у корней изображается идеальное государство, где месяц — царь, нива — православное крестьянство. Мировое дерево выражало плодородие живой природы, дерево жизни: в кроне свивает гнездо соловей, в стволе — пчелы, приносящие мед, у корней — горностаи, символизирующий родительскую любовь. Ветви дерева — терем, где происходит пир, и по кругу идет чаша с напитком бессмертия. Понятие древа жизни было одним из основных в народных ритуалах, прежде всего на *свадьбе* и строительстве *дома*. В последнем случае обрядовое дерево помещалось в центре стройки. Обрядовым воплощением мирового дерева являлась также рождественская (новогодняя) елка.

О. П. МИРОЖСКАЯ, чудотворная икона Пресвятой Богородицы. Находилась в Спасо-Мирожском монастыре во Пскове. Пресвятая Богородица «*Знамение*» изображена на ней во весь рост. По правую руку в молитвен-

Мирожская икона Пресвятой Богородицы. XVI в. ПМЗ

ном виде изображен блгв. кн. Псковский *Довмонт*, во св. крещении Тимофей, а по левую в том же виде — супруга его, кн. Мария Дмитриевна. В 1567, когда свирепствовало моровое поветрие во Пскове, Мирожская икона прославилась чудесным излиянием слез и др. чудесами.

Празднуется 24 сент. /7 окт.

МИРОНОСИЦКАЯ (или **Царевококшайская**) икона **Божией Матери**, именуется Мироносицкой потому, что вместе с Богоматерью на ней изображены Жены-Мироносицы. Чудесно явилась в Казанской губ. Царевококшайского у., близ местечка «Дальние кузнецы»

Мироносицкая (Царевококшайская) икона Божией Матери

в 1647. Прославилась множеством чудес, побывала в Москве, но, по повелению царя Алексея Михайловича, была возвращена и на месте ее появления выстроен Мироносицкий женский монастырь. Икона вырезана на аспидном камне, обложена золотом и серебром и вставлена во *Владимирский* образ Божией Матери. Икона также называется Царевококшайской, т. к. до 1917 г. Йошкар-Ола именовался Царевококшайском (от речки Кокшайки). Чудеса, исходящие от этой иконы, прославили образ, икона получила всероссийскую известность. Сейчас, когда возрождается почитание этого образа, возобновлены и многочисленные крестные ходы с явленной иконой.

Празднование иконе совершается 1 мая.

МИРОН ВЕТРОГОН (**Миронов день**), народное название двух дней в августе.

8/21 авг. день св. Мирона, епископа Критского. К св. Мирону обращались с молитвой, чтобы он успокоил *ветры*, которые в это время были очень сильны. Считалось, что родившийся в этот день может управлять ветрами.

7/30 авг. день мч. Мирона, пресвитера. Этот день еще назывался Вдовьи помочи. Полагалось на Мирона Ветрогона (позднего) сходить на вдовый двор и помочь ей по хозяйству. По поверью, родившийся в этот день обладает мирным характером, пытается всякое дело уладить миром, выступает заступником слабых и обиженных.

МИРОТОЧЕНИЕ и ПЛАЧ ИКОН. Православные русские люди рассматривают *икону* как особую форму

откровения Божественной реальности. Все канонические иконы в храмах или домах священны благодаря своему духовному содержанию и смыслу. Однако некоторые избираются *Промыслом Божиим* для особых знамений. Исходящие от них неизреченный свет, благоухание, миро — вещественные знаки явления мира горного, Царствия Божиего.

Слово «*миро*» имеет несколько значений. Одно из них обозначает искусственный состав из различных благовонных веществ, который после освящения употребляется в церковном таинстве миропомазания. Другое значение — маслянистая влага, образующаяся сверхъестественным образом на иконах или святых мощах. Лабораторные анализы показывают, что это жидкость органического происхождения, иногда напоминающая оливковое масло, но каким образом она возникает на святынях, остается необъяснимым. В результате исследования влаги, взятой с одной из плачущих икон, установлено, что «это самые настоящие слезы». Миро не изводится из вещества иконы, а возникает на ней «из ничего». Бывает, влага появляется и набухает на стекле киота, покрывающем образ, или выступает на самой иконе под ним. Древность или новизна иконы, ее материал не имеют значения: могут мироточить изображения на дереве, бумаге, стекле и т. п.

Вид, цвет, консистенция образующейся жидкости разнообразны: от густой, тягучей смолы до росы, поэтому иногда говорят о «елеоточении» или «росоточении». Она может иметь благовонный аромат. Форма и размер капель также чрезвычайно различны. Иногда они покрывают все изображение, иногда как бы струятся из определенных точек. В широком смысле слова под мироточением понимается любое чудесное появление влаги на иконах и священных предметах. Нередко через помазание источившимся миром происходит исцеление недугов.

История Православной церкви насчитывает около тысячи образов, прославившихся чудотворениями за всю историю христианства. Большинство их — образы Божией Матери, Небесной Заступницы человеческого рода. Главным основанием для почитания того или иного образа чудотворным служило удостоверенное дарование конкретной помощи людям, будь то исцеление болящих, заступление от врагов, пожаров, стихии. Иногда эту помощь предвляло или сопровождало некое сверхъестественное событие: Мать Божия Сама приходила во сне или в видении и сообщала, где и как следует обрести Ее образ; иконы шествовали по воздуху, спускались или поднимались сами собой; от них наблюдалось сияние при их обретении (Елецкая-Черниговская, Ченстоховская-Тывровская, Царевококшайская, Жировицкая, «Милующая», Ахтырская, Галичская, Дубовицкая), исходило благоухание («Елеоточивая»), звучал голос («Скоропослушница», Югская, Смоленская-Соловецкая), икона сама собой обновлялась (Касперовская) или оживало изображение на ней («Нечаянная Радость», Серафимо-Понетаевская).

От некоторых образов чудесным образом источались кровь, слезы, миро. Истечение крови («Закланная», Долисская, Ченстоховская, *Иверская*, Кипрская, Пахромская, «Нечаянная Радость»), как правило, происходило от нанесенной образу раны — для врачевания людей, оскорбивших святыню. Слезы, истекавшие из очей Пресвятой Богородицы («Плачущая», *Тихвинская*-Афонская, Ильинская-Черниговская,

Пряжевская, Рядитенская, *Казанская*-Высочинская, *Казанская*-Каргопольская, «Умиление» — Новгородская, Каплуновская, Мирожская, «Знамение» — Новгородская, Корсунская-Изборская), воспринимались и как знак скорби Божией Матери о грехах человеческих, и как знак милосердия Владычицы, плачущей о своих чадах. С 16 по 24 апр. 1662 плакала Ильинско-Черниговская икона Божией Матери. Это случилось спустя четыре года после написания образа. Впоследствии эта икона прославилась многими дивными чудесами, описанными свт. Димитрием Ростовским в книге «Руно Орошенное». В 1854 епископ Романский Мелхиседек стал одним из очевидцев истечения слез от иконы, получившей впоследствии название «Плачущей» (в Румынском Сокольском монастыре). Владыка говорил, что подобные события происходили и в древности и что это «всегда предвещало тяжкие испытания для Церкви Христовой и для Отечества».

Церковному преданию известно несколько икон, от которых источалось святое миро. Еще в древности, в VI в., на Писидийской иконе струился елей от руки Богородицы. Впоследствии это чудо было утверждено в своей истинности VII Вселенским Собором. В XIII в. после усердной молитвы блж. Прокопия и людей о спасении от каменного града Великого Устюга по иконе Благовещения («Устюжского») потекло миро — знамение совершившегося над городом милосердия Богородицы. 16 сент. 1392 миро возникло от десницы Богородицы на Толгской иконе. В 1592 образ «Похвалы Пресвятой Богородицы» был похищен с Афона разбойниками. Но, когда икона покрылась благовонным миром, они раскаялись и вернули святыню. На пятой седмице *Великого поста* 1635 в Оранском Богородицком монастыре Нижегородской епархии во время вечернего славословия с акафистом на Владимирской-Оранской иконе от главы Младенца Иисуса истекло миро и весь храм наполнился благоуханием. В 1848, в Москве в доме полковника Д. Н. Бонческула находился только что написанный список чудотворной иконы «Споручница грешных». В *Пасху* икона заблестела, и на ней увидели капли, похожие на дождевые. На ощупь они были маслянисты и благоухали. Через помазание чудной влагой получили исцеление больные. Образ пожертвовали в храм, где он прославился другими чудотворениями.

А. Любомудров
МИСКА, древняя столовая посуда. В Новгороде ее находили в культурных слоях X в. Представляла собой

глубокий и широкий круглый сосуд с расширяющимися кверху стенками. Изготавливалась из дерева или глины. Использовалась для подачи первых и вторых блюд. В крестьянских семьях одна миска использовалась на 6 чел., из

Миски деревянные различной формы

нее по очереди брали пищу *ложкой* сидевшие за столом члены *семьи*.

МИТРОФАН ВОРОНЕЖСКИЙ, святитель Митрофан, первый епископ Воронежский, является одним из немногих святых, прославленных в синодальный период Русской Церкви — спустя 75 лет после канонизации свт. *Димитрия Ростовского*. Его жизнь и деятельность стоят в преддверии синодальной эпохи, он известен

Св. Митрофан Воронежский. Икона. После 1832 г. Спасо-Преображенская пустынь. Елгава. Латвия

как современник Петра I, глубоко уважаемый государем. Близость свт. Митрофана к императорскому дому предопределила его славу и широкое почитание в верхних слоях общества в XIX в., после обретения мощей и общецерковной канонизации в 1832, осуществленной благодаря стараниям и мудрой политике архиеп. Воронежского Антония (Смирницкого). Сохранилось множество храмов, посвященных святому (в т. ч. на Афоне), церковных росписей (напр., он изображен в таких соборах государственного значения, как Спас на Крови — в алтарной мозаике, Исаакиевский собор — в иконостасе правого придела, Храм Христа Спасителя, Владимирский собор в Киеве), многочисленные иконы (в т. ч. *житийные*), гравюры и литографии, памятники шитья, эмали, паломнические реликвии.

МИТРОФАНОВ ДЕНЬ (Митрофан — **Красный сарафан**), народное название дня свт. Митрофана, патриарха Константинопольского, 4/17 июня.

С Митрофана начинали сеять гречу. В Смоленской губ. гречиху сеяли, когда начинала краснеть земляника. В южных местах греча в это время уже начинала всходить.

По народному поверью, в этот день *ветер с громом* сговариваются: быть или не быть *дождю*, в какую сторону его заслат. Старики слушали, откуда ветер подует, что с собой принесет. К св. Митрофану обращались и просили, чтобы прислал ветра такого, какого в это время надобно. Если стояло засушливое лето, в небе

ни облачка, жара палит, поля сушит — просили, чтобы ветер пригнал дождевые тучи. Если шли непрерывные дожди — просили, чтобы Митрофан пригнал ветры-суховеи, разогнал дождевые тучи.

МИХАИЛ И ГРИГОРИЙ СОЛОМЕННЫЕ, народное название дня св. Михаила, первого митрополита Киевского (992) и сщмч. Григория, епископа Великой Армении (IV в.), 30 сент./13 окт.

В этот день было принято набивать матрацы новой соломой. Молились в этот день свв. Михаилу и Григорию, просили, чтобы солома в матрацах на пользу человеку была.

В этот день на *пороге* через решето обмывали детей. Поливала мать на ребенка воду и приговаривала, чтобы на него только целебная вода проливалась, а всякая хвороба в решете оставалась. В этот день также сжигали старые *лапти*.

МИХАИЛ КЛОПСКИЙ, Новгородский, Христа ради юродивый († ок. 1456). Сын знатных родителей и родственник вел. кн. *Димитрия Донского*, прп. Михаил, скрыв свое имя и происхождение, принял на себя тяжелый подвиг юродства, покинул Москву и пришел в Клопский Свято-Троицкий монастырь под Новгородом. Неизвестно, каким образом попал он в запертую

Ангел Хранитель и прп. Михаил Клопский, в предстоянии Господу Вседержителю. Икона. 1-я четв. XIX в. Поморье. ГРМ

келью одного иеромонаха: там его застали переписывающим книгу Деяний св. апостолов. Пришельца оставили в монастыре, где он стал нести послушание чтеца в храме и на трапезе, не открывая по-прежнему своего имени. Однажды на праздник Преображения Господня в обитель приехал кн. Константин Дмитриевич Новгородский (1389–1433), младший сын Димитрия Донского. Услышав чтение нового инока, он узнал его и назвал своим родственником Михаилом Максимовичем. 44 четыре года прожил в обители прп. Михаил, являя братии добрый пример праведного иноческого жития и подвигов аскетизма. Он наложил на себя строгий *пост*, вкушая только хлеб с водой один раз в

неделю, спал на голой земле, изнурял плоть бесчисленными трудами и великими молитвенными подвигами. Неустрашимо обличал святой сильных мира сего и пороки людские. За св. жизнь Господь наградил его даром прозорливости и чудотворения. Так, прп. Михаил предсказал рождение вел. кн. Иоанна III и взятие им Новгорода, обличал кн. Димитрия Шемяку за то, что тот ослепил своего брата Василия Темного, а во время сильной засухи и последовавшего за нею голода по молитвам подвижника близ монастыря начал бить источник, и запасы хлеба в монастырских кладовых не уменьшались, несмотря на то что зерно обильно раздавалось голодающим. Предуказав место своего погребения, прп. Михаил мирно отошел ко Господу и был похоронен на правой стороне соборного храма.

Память прп. Михаилу отмечается 11/24 янв.

МИХАИЛ ЯРОСЛАВИЧ ТВЕРСКОЙ, великий князь (1272–22.11.1318), племянник св. блгв. кн. *Александра Невского*. Отец св. Михаила умер по дороге из Орды на родину, видимо отравленный по приказу хана. Мать отрока воспитала его в духе глубокого благочестия, что он в полной мере проявил, став Тверским кня-

Кн. Михаил Ярославич Тверской и кн. Ксения. Икона. Кон. XVII в. Тверь

зем: в Твери был построен великолепный каменный Спасо-Преображенский собор. После смерти вел. кн. Андрея Александровича его престол во Владимире, по праву старшинства, должен был занять св. Михаил. С этим не хотел смириться Московский князь Юрий Данилович — его соперник. Будучи сыном св. блгв. кн. Даниила, он не унаследовал праведности своего отца. Интригами и лестью он вызвал к себе любовь и доверие хана Узбека. Этот союз был закреплен браком с ханской дочерью. Дабы не упустить престол, кн. Юрий начал войну с Тверью. В состав его войска входили и татарские отряды. Но это не помогло коварному князю — тверичи одержали победу. В плен к ним попала и

жена кн. Юрия, дочь хана. Вскоре она скорострительно умерла. Кн. Юрий поспешил в Орду и уверил хана в том, что она была отравлена Тверским князем. Разгневанный хан Узбек немедленно вызвал кн. Михаила в Орду. Не желая разорения своей земли, он смиренно отправился к хану. Суд приговорил святого к смерти, он был брошен в темницу. Князю предлагали устроить бегство из плена, но он отказался — судьба родины была ему дороже своей жизни. Долгие дни св. князь кочевал вместе с Ордой, непрерывно терпя побои и унижения. Убит он был неожиданно: его долго мучили и били ногами, а потом закололи. Тело святого было увезено как трофей кн. Юрием в Москву, а только через 2 года св. мощи кн. Михаила перевезли в Тверь и положили в выстроенный им Спасо-Преображенский собор.

Память блгв. кн. Михаилу отмечается 22 нояб. /5 дек.

МИХАИЛ ЧЕРНИГОВСКИЙ, князь и боярин его **Федор** (ск. 20.09.1246), святые мученики и исп. «В лето 1238 было нашествие татар на христианскую землю по гневу Божию за умножение грехов наших», — так начинается повествование о страданиях св. блгв. кн. Черниговского Михаила и боярина его Феодора очевидец поп Андрей. «Тогда некоторые затворились в городах, а князь Михаил бежал в Угры. Другие же бежали в дальние земли, а другие укрывались в пещерах и пропасть земных. Те, которые укрывались в городах, молясь Богу со слезами и покаянием, все безжалостно были избиты от поганых. А из числа оставшихся в городах и пещерах и в пропасть в города, перечислили их и стали брать с них дань...»

Кн. Михаил не нашел помощи в Венгрии. Когда он вернулся в Киев и Чернигов, его города были разорены, и Лаврская церковь разрушена почти до осно-

В. Смирнов. Князь Михаил Черниговский перед ставкой Батые. 1883 г.

вания. А хан Батый потребовал, чтобы сам он, подобно всем русским князьям, явился ему на поклон. Но князь знал, что его не иначе допустят к хану, как заставив пройти сквозь огонь и поклониться солнцу и кусту, а из даров волхвы нечто бросали в огонь. Он пламенел желанием исповедать Христа и пролить за него кровь свою. Боярин же его Феодор обещал положить с ним вместе душу свою за Христа.

Мч. кн. Михаил Черниговский. 1688 г. Живописное изображение на крышке раки. ГИМЗМК

Перед отъездом они говели, и духовник их иерей Иоанн напомнил им, что подобает кланяться лишь Единому Богу. Они же сказали: «Молитвою твоею, отче, как Бог даст, так и будет; а мы хотели бы пролить кровь за Христа и веру христианскую». Духовник сказал: «Вы будете в нынешнем веке новосвятыми мучениками, на утверждение другим, если так совершите». Он дал им Причастие на дорогу и благословил их.

В Орде князь Михаил сразу же отказался пройти через огонь, который нечестивые почитали, как бога. Жрецы пошли доложить об этом хану, а Михаил и Феодор стали воспевать стихиры святым мученикам. И множество христиан слышали ответ Михаила.

Тогда к нему подошли русские князья, жившие в Орде, ради заступничества за землю Русскую перед нечестивыми. Между ними был и внук его 14-летний князь Борис Ростовский, старший сын дочери его Марии и князя Василько Константиновича, умученного татарами после битвы на Сити в Шеринском лесу (1239). Кн. Борис был всю жизнь свою печальником за землю Русскую, т. е. ее заступником. Народ чтит его. Он восемь раз ездил в Орду, был и у великого хана. Скончался он в 1277.

Все они со слезами умоляли кн. Михаила пощадить себя, обещая грех его взять на себя. Тогда боярин Феодор стал напоминать ему наставление духовного отца их, а также и слова Евангельские: «Иже погубить душу

свою Мене ради и Евангелия, той спасет ю» (Мк. 8; 35) и «Иже исповесть Мене пред человеки, исповедую его и Аз пред Отцем Моим, Иже на небесех» (Мф. 10; 32). И святой князь отвечал князьям: «Не желаю быть христианином только по имени, а поступать, как язычник» и, бросив меч свой, сказал: «Возьмите славу мира сего, она не нужна мне».

Тут подошел посланный от хана царедворец его Ельдега и именем хана стал требовать, чтобы Михаил подчинился, прошел через огонь и поклонился богам. Михаил ответил, что царю, которому покорилась земля Русскую десница Вышнего, поклониться он готов, но поклоняться идолу, ему христианину, чтущему Одного Христа, не подобает.

Ельдега пошел передать ответ его хану, а кн. Михаил и Феодор, зная, что настал их последний час, стали молиться. Прошло немного времени, и все увидели, что приближаются убийцы. Князья опять начали умолять Михаила, но святые мученики ответили вместе: «Не поклонимся и вас не послушаем», и стали петь стихиры: «Мученицы Твоя, Господи, не отвергошася Тебе...», «Страдавшие Тебе ради, Христе...», «Мученицы Твои, Господи, много мук претерпеша, и любовь Твою души соединиша святии!»

«Тогда приехали убийцы, — продолжает свой рассказ очевидец, — и сначала схватили Михаила и били его по сердцу руками и ногами, и это продолжалось долго, пока отступник Даман не отрезал ему голову и не бросил ее, но уста мученика продолжали повторять: «я — христианин!».

Потом предложили Феодору, за отречение, княжество господина его и, когда он отказался, так же мучили его и отсекали ему голову. Было это 20 сент. 1246. Святые тела их бросили псам, но псы не тронули их, а ночью стал появляться над ними огненный столп. Христиане взяли их и перенесли в Чернигов, а оттуда в Москву, где они почивают под спудом в Архангельском соборе Кремля.

Св. мч. и исп. Михаил Черниговский и боярин его Феодор празднуются 20 сент./3 окт.

МИХАИЛ ЯРОСЛАВИЧ ТВЕРСКОЙ, великий князь (1272–22.11.1318), племянник св. блгв. кн. Александра Невского. Отец св. Михаила умер по дороге из Орды на родину, видимо отравленный по приказу хана. Мать отрока воспитала его в духе глубокого благочестия, что он в полной мере проявил, став Тверским князем: в Твери был построен великолепный каменный Спасо-Преображенский собор. После смерти вел. кн. Андрея Александровича его престол во Владимире, по праву старшинства, должен был занять св. Михаил. С этим не хотел смириться Московский князь Юрий Данилович — его соперник. Будучи сыном св. блгв. кн. Даниила, он не унаследовал праведности своего отца. Интригами и лестью он вызвал к себе любовь и доверие хана Узбека. Этот союз был закреплен браком с ханской дочерью. Дабы не упустить престол, кн. Юрий начал войну с Тверью. В состав его войска входили и татарские отряды. Но это не помогло коварному князю — тверичи одержали победу. В плен к ним попала и жена кн. Юрия, дочь хана. Вскоре она скоропостижно умерла. Кн. Юрий поспешил в Орду и уверил хана в том, что она была отравлена Тверским князем. Разгневанный хан Узбек немедленно вызвал кн. Михаила в Орду. Не желая разорения своей земли, он смиренно отправился к хану. Суд приговорил святого к смерти, он был брошен в темницу. Князю предлагали устро-

Георгий Попов. Архистратиг Михаил. Икона. Сер. XVIII в. Ильинский собор г. Архангельска

ить бегство из плена, но он отказался — судьба родины была ему дороже своей жизни. Долгие дни св. князь кочевал вместе с Ордой, непрерывно терпя побои и унижения. Убит он был неожиданно: его долго мучили и били ногами, а потом закололи. Тело святого было увезено как трофей кн. Юрием в Москву, а только через два года св. мощи кн. Михаила перевезли в Тверь и положили в выстроенный им Спасо-Преображенский собор.

Память блгв. кн. Михаилу отмечается 22 нояб./5 дек.

МИХАЙЛОВ ДЕНЬ, народное название праздника Собора Архистратига Михаила (8/21 нояб.).

День Михаила-архангела считался в народе как первый шаг к настоящей зиме. Этот праздник в большей части России бывал «с мостом» (т. е. с покрытыми льдом реками). «С Михайлова дня зима стоит, земля мерзнет!» — говорили крестьяне. «Со дня Михаила-архангела зима куёт морозы». У стариков в это время была забота: «Дворового» к Михайлову дню ублажить-задобрить. Он хотя и младшим братом «Домовому» приходился, а все-таки не след крестьянину ссориться с ним, если он хочет, чтобы не только в дому у него, но и вокруг двора все было по-доброму, по-хорошему в предстоящую зиму. «Не ублажи Дворового до Михайлова дня — уйдет он со двора, а на свое место придет Лихого!» Не всякий сумеет, как следует, и задобрить «хозяинова брательника».

В Симбирской и в некоторых др. смежных губерниях Среднего Поволжья этот старинный обряд совершался по следующему порядку. Старая бабка выносила рано поутру, до белой зорьки, хлебную чашку с пивным суслом в поднавес и ставила ее на повесть. Затем, перед полуднем, *большак* в доме садился на лошадь и начинал ездить на ней взад и вперед по двору, в то время

Архангел Михаил из деисусного чина. Икона. XIV в. ГТГ

как старуха, стоя на *крыльце* избы, махала во все стороны помелом, приговаривая: «Батюшка Дворовой! Не уходи! Не разори двор, животину не погуби! Лихому пути-дороги не кажи!» После этого помело обмакивалось в дегтярницу, и где-нибудь во дворе проводилась

Собор архангела Михаила. Икона. 1804 г. ГМИР

Чудо архангела Михаила о Флоре и Лавре со свт.т. Николаем и Власием. Икона (без полей). Нач. XVIII в. Галлч. Нерехтский филиал КМЗ «Ипатьевский монастырь»

дегтем по стене полоса. Это, по объяснению ублажавших Дворового, означало «отмечать на лысине у дедки зазубрину». Завидев эту зазубрину, «Лихой» чуть ли не за версту обходил двор домохозяина, строго блюдушего обряды старины.

С этим обычаем был тесно связан и другой — «курьи именины» (см.: Курячьи именины). По свидетельству бытописателей русской деревни, этим именинам, проводившимся в пирушках, предшествовало связанное с чисто языческим суевием принесение петуха в жертву «Лихому». Это жертвоприношение происходило обыкновенно на гумне, в овине, чтобы ворогу крестьянской худобы не было и повода приблизиться ко двору. Выбирался для этого самый худой старый кочет, от которого «ни утечи курам, ни корысти хозяйству». Большак (старший в доме) отрубал ему голову заржавленным, зазубренным топором и бросал ее в сторону. Ребята, присутствовавшие при этом, подхватывали ее и начинали, бегая по гумну, подкидывать с припевом:

*Вот тебе, Лихой!
Чур тебе, Лихой!
Ты сердиться — не сердись,
Дворовому поклонись,
Домовому помолись,
Петушиным гребнем подавись!
Вот тебе, Лихой!
Чур тебе, Лихой!
Ты по гумнам не ходи,
В огороде не сиди,
Ко двору не подходи,
В нашу хату не гляди!
К речке-реченьке беги,
Прямо в прорубь угоди!
Не кузнец реку кует, —
Михалархангел
С Козьмодемьяном,
Со ангелами...*

Михаил-архангел считался в народе не менее грозным для всякой «нечисти-нежити», чем Илья-пророк.

Архангел Михаил и двенадцать трясовиц. Икона (без полей). XIX в. ГМИР

По народному представлению, сам Бог Саваоф положил ему быть грозой для темных сил бесплотных. Когда Господь воспылил гневом на Сатанаила и его присных, из ангелов превратившихся в «аггелов», Он повелел Михаилу-архангелу свергнуть их с небес в преисподняя земли, что и было исполнено в точности. Заонежское северное предание повествует, что «сверзил Михаила-архангел с небеси сатанино воинство, и попало оно на землю в разные места, и пошли с той поры на земле водяные, лешие и домовые». В одном из памятников русской отреченной письменности («Свиток божественных книг») после картинного описания сотворения мира рассказывается, что, создав «море Тивериадское безбрежное», Господь «сниде на море по воздуху и виде на море гоголя плавающа, а той есть рекомый сатана — заплелся в тине морской»... «И сказал, — продолжает неведомый повествователь, — Господь Сатанаилу, аки не ведая его: ты кто еси за человек? И рече ему сатана: аз есмь бог. — А Мене како нареши? Отвечав же сатана: Ты Бог богом и Господь господем... И рече Господь Сатанаилу: понырни в море и вынеси Мне песку и кремень. И взяв Господь песку и камень и рассея песок по морю, глаголя: буди земля толста и пространна!»... Затем взял Он камень, «преломил надвое, и из одной половины от ударов Божьего жезла вылетели духи чистые, из другой же половины набил сатана бесчисленную силу бесовскую»... И возгордился Сатанаил пред Богом богом и Господем господем. И низверг его со всей ратью бесовскою «в бездны бездонныя» Михаил-архангел, впервые со дня существования мира прогремевший громами небесными, переданными впоследствии в распоряжение молниеносного прор. Илии. И обратился диавол в ту «змию злаковидную, огневидную, власяновидную, дубовосходную, врановидную, змию слепую, триглавую, удающую жены, ехидну морскую», о которой говорит

народ в своих переходящих из уст в уста заклинаниях, ограждающих его суеверие стеной крепкой от злых ухищрений «беса полуденного и полунащного».

А. Н. Афанасьев приводит заговор, обращенный к победителю Сатанаила: «Пойду я раб (имярек) из избы дверьми-воротами; навстречу мне Михаил-архангел со святыми своими с ангелами и апостолами. И взмолюсь я Михаилу-архангелу: Михаил-архангел! Заслони ты мене железною дверью и запри тридевятью замками-ключами. И глаголет мне, рабу Божию, Михаил-архангел: заслоню я тебя, раба Божия, железною дверью и замкну тридевятью замками-ключами, и дам ключи звездам... Возьмите ключи, отнесите на небеса!.. Замыкаюся я, раб Божий, девяноста позолоченными ключами, от колдуна, от колдунницы, от волхвов и от волхвиц... и т. д. И народ, произносящий устами своих «знающих слово» людей это заклинание, неуклонно верит, что Михаил-архангел сойдет с небес и замкнет, могущественный посланец Божий, «всеё вражью силу темную накрепко и твердо».

Грозному победителю «диавола со диаволами» народное воображение приписывало даже участие в мирозидании. «Како огонь зачася?» — спрашивается в одном из памятников народной отреченной письменности. «Архангел Михаил возжег его от зеницы Божией», — следует ответ. Затем кроме борьбы с «силами бесовскими» на него возложено перевозить души праведных через огненную реку, отделяющую, по свидетельству народных духовных стихов, земную переходящую жизнь от загробной — вековечной:

*Протекала тут речка, да речка огненная,
От востока да и до запада,
От запада и до сивера;
По той ли по реки, да по огненной,
Ездит Михайло-архангел-свет,
Перевозит он души, души праведных.
Праведныя души, души радуются,
Песнь эту поют херавиньскую,
Гласы те гласят серафиньские...*

Чудо архангела Михаила в Хонех. Оборотная сторона иконы Сретение. Кон. XV — 1-я четв. XVI в. НМЗ

Охранитель праведников на земле от сатанинского наваждения является в народном представлении и проводником их душ в селения райские. В последние дни существования брэнного мира, на Страшном Суде Божию, после того, как «потопие» омоет «матушку сыру землю» от его грехов, «сойдет Михаил-архангел батюшко, вострубит в трубоньку золоту, и пойдут гласы по всей земли, разбудят мертвых и вызовут их из гробов»...

По народному поверью, принимал со смертного одра души усопших архангел Гавриил. Но вот однажды послал его Господь по душу к бедняку захудалому, у которого одно богатство было — семеро по лавкам, мал мала меньше. Пожалел осиротить семью посланец Божий, вернулся к престолу Всевышнего. «Как уморить его, Господи! — воскликнул он, по словам народного сказания. — Ведь у него малыя детки! Они, несчаст-

Архангел Михаил — небесных сил воевода с избранными святыми. Икона. Кон. XVIII — нач. XIX в.

ные, погибнут с голода!» Воспылал гневом Господь, взял у Гавриила меч и вручил его Михаилу-архангелу. Но и тот не мог поразить мечом бедняка, и его разжалобили горькие слезы рыдавших возле смертного одра. «Жалко мне поразить этого человека!» — воззвал он к Вседержителю. И завязал Господь ему уши, чтоб не мог он слышать плача людского; и сошел архангел на землю, и принял в свои руки душу человеческую. И стал Михаил-архангел с того дня на страже смерти. И ведет он с той поры нескончаемую битву с духами преисподней, обступающими ложе смертное. Потому-то русский человек и оборонялся от темных сил и при жизни святым именем грозного для нечистых сатанинских Михаила-архангела.

С этим именем связано было в народном представлении немало поверий, вращающихся вокруг каждодневной жизни крестьянина. И не только на Руси, но и во всем зарубежном славянстве, сохраняющем с Россией кровные и духовные связи, с давних времен Михайлов день отмечался среди народных праздников

особым чествованием грозного и в то же время милостивого архангела Божия. В Сербии, Черногории, у далматинцев, иллирийцев, на Карпатской Руси, в Герцеговине, Боснии, Болгарии и др. странах, родных нам по крови и духу народному, — всюду этот праздник ознаменовывался с незапамятных пор родственными друг другу обрядами, в которых сливалось языческое суеверие с христианской верой.

По русскому народному поверью, существовавшему в северных губерниях, Михаил-архангел налагает на диавола цепи, скованные «кузнецами», — *Косью и Дамианом*. В день, посвященный Церкви их памяти, зима zaczynaет сковывать землю и воды: «Михайло мостит мосты» (а иногда и «расковывает» оттепелью). На другие же сутки после Михайлова дня «зима встает на ноги», и морозы отлетают от «железных гор», под которыми разумеются окованные стужей тучи.

А. Коринфский

МИХЕЙ КАМНЕКЛАД (Михей Тиховей), народное название дня пророка из 12-ти Михея (VIII в. до Р. Х.), 14/27 авг.

М. И. Дикарев. Прп. Михей. 1893 г. Икона-миниатюра. ГРМ

Этот день считался днем каменщиков, строителей храмов и крепостей, мастеров каменных дел *ветру*.

По нему определяли погоду на осень, наблюдали отлет журавлей, продолжали пахать поле под озимые. Крестьяне спешили закончить работы и помочь соседям вывезти снопы, управиться с пахотой. Помощь в этот день оказывалась всем нуждающимся, нередко устраивались *помочи*. В первую очередь помогали вдовам, многодетным семьям и семьям, потерявшим кормильца.

Михей Радонежский, преподобный († 6.05.1385), любимый келейник и ученик прп. *Сергия Радонежского*, присутствовал при явлении ему Пресвятой Богородицы.

В 1608 во время осады Троице-Сергиевой лавры шайками Сапеги и Лисовского прп. Сергей троекратно являлся пономарю Иринарху. В третий раз он сказал ему, что послал в Москву с вестью учеников своих Михея, Варфоломея и Наума на слепых лошадях, которых из-за бескормизны вы-

Прп. Михей Радонежский. Икона. XX в. ТСЛ

пустили за монастырскую ограду, но врагам настичь их не удастся. Оказалось, что разбойники действительно видели трех старцев на плохих лошадях, но догнать их не удалось — лошади летели как на крыльях. В тот же день в Москве увидели идущего к Лаврскому подворью (Богоявленский монастырь) старца, а за ним ехали 12 возов с хлебом. На расспросы он отвечал: «Все мы из дома Пресвятой и Живоначальной Троицы». Его стали расспрашивать о том, что же там происходит. Старец продолжал: «Не предаст Господь имени Своего в поношение неверующим, только вы сами не смущайтесь и не предавайтесь отчаянию».

Память прп. Михею отмечается 6/19 мая.

МЛАДЕНЦЕВ ДЕНЬ — см.: СТРАШНЫЙ ВЕЧЕР.

МЛАДЕНЧЕСТВО И ДЕТСТВО, русские женщины кормили ребенка грудью больше года, а в большинстве случаев — до следующей *беременности*. Нормальным сроком считалось время «трех постов», т. е. 1,5–2 года, поскольку учитывались только 2 поста в году: *Великий*

П. И. Попов (Костромитин). «Не рыдай Мене, Мати» (средник). Икона. Сер. XVII в. Кострома. Происходит из церкви Ильи Пророка в Ярославле. ЯМЗ

и Успенский (в августе). Очень часто, однако, кормление грудью длилось 3 и даже 4 года, т. к. существовало твердое убеждение, что в период кормления не может наступить новая беременность.

Однако помимо материнского молока ребенок получал еще и прикорм, причем с первых минут своей жизни. Для этого служили соска и рожок. Соской был белый или черный жеванный хлеб, иногда с сахаром, завернутый в кусок редкой материи или в бязевую тряпочку; ее совали в рот младенцу. Рожок — это полый коровий рог с предварительно размягченным в соленой воде коровьим соском, надетым на тонкий конец; в рожок наливали коровье молоко, очень часто разбавленное водой, а также *квас* или чай, если молока не было. Лишь во 2-й пол. XIX в. эти рожки стали вытесняться стеклянными бутылочками с резиновой соской.

Шестимесячных детей кормили гречневой кашей с молоком и, кроме того, особым кушаньем из малень-

К. Лемох. Новый член семьи

ких кусочков ржаного хлеба, сваренных в воде (белорус. кармушка, тюрька). Дети постарше ели то же, что и взрослые, продолжая, однако, сосать материнское молоко (сосать титьку). Из Гродненского у. в н. XX в. сообщали, что очень часто трехлетний ребенок ставил рядом с матерью скамеечку, говоря: «Мáци! Дай мне цыцки пососáць», и мать давала ему грудь, а потом кормила его *борщом* или чем-либо другим.

Чтобы отучить ребенка от груди, мазали сосок горчицей, солью, перцем, дегтем, сажей; иногда клали на грудь колючую щетку для чески льна или кусок меха.

И. Пелевин. Первенец

М. Нестеров. Дмитрий-царевич убиенный

К. Лемох. Родительская радость

М. Игнатьев. Няня

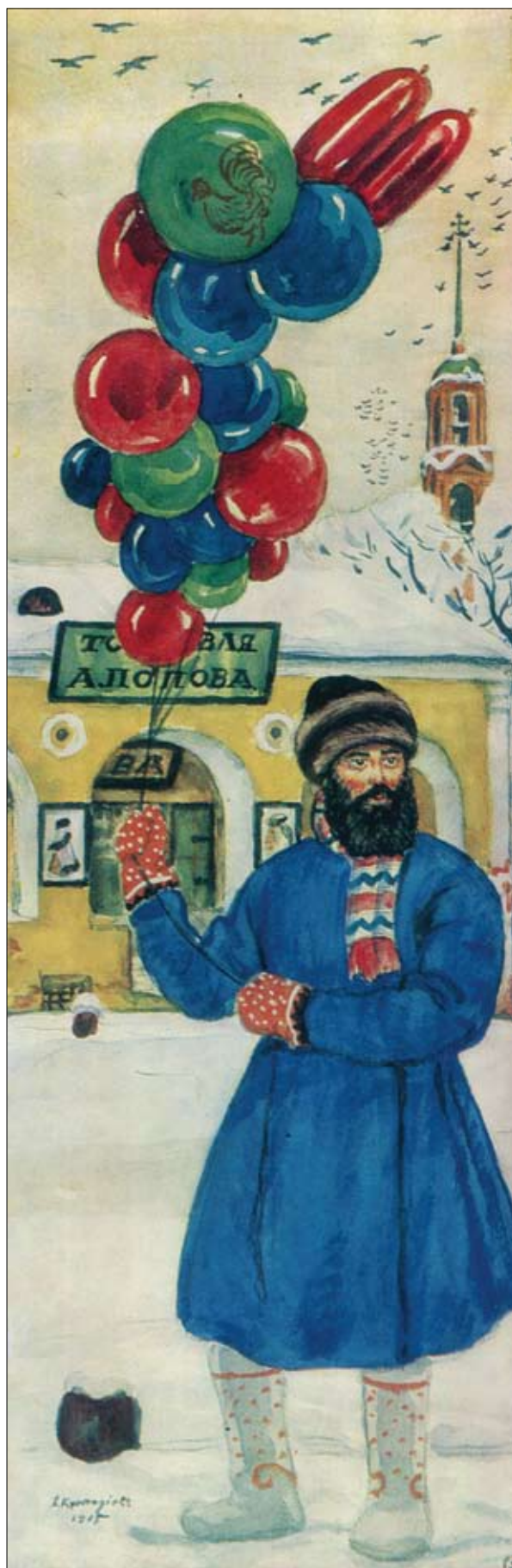
Женская рубашка и запан. Головной убор — качка и ситцевый платок. Нач. XX в.

Одеждой новорожденному ребенку служили пеленки (белорус. пялюки) — полосы старого полотна более 1 м длиной, которые сверху крест-накрест перевивали поясом примерно в 2 м длиной и 9 см шириной (рус. свивальень, свивальник; малорос. повівач; белорус. сповівач); иногда для этого брали простой шнурок. Детей пеленали до 6 мес. — 1,5 лет, до тех пор, пока ребенок не начинал сопротивляться запеленыванию, как правило, довольно тугому.

Обычно под пеленки надевали на ребенка рубашку. Белорусы и малороссы вместо рубашки надевали

Крестьянский мальчик, надевающий лапти. 1823—1826 гг. ГРМ

Б. Кустодиев. Продавец воздушных шаров. 1915 г.

Девочка в платке. 1900-е гг. ГИМ

на детей 4–6 месяцев т. н. пла́шок или мя́тлик — кусок старой ткани, без швов, с вырезом для головы. В Белоруссии бытовал обычай, согласно которому этот вырез в куске ткани делал священник при крещении ребенка.

В момент, когда ребенок впервые пробовал ходить, кто-либо должен был взять нож и сделать им такое движение, как будто он разрезает что-то на полу, причем между ножками ребенка. Это называлось *разрезать нүто*,

и после этого ребенок должен был быстро научиться ходить. Существовал и др. прием: если ребенок долго не ходил, его брали за руки и вели по полю, причем на каждом шагу сыпали конопляное семя, или же на Пасху во время заутрени или обедни проводили его через ток.

Чтобы приучить ребенка самостоятельно сидеть и ходить, пользовались особыми приспособлениями (т. н. постоячки, стоялки, сиделки).

На 4-м году жизни детей учили молиться, креститься и читать молитвы, хотя в остальном они пользовались в этом возрасте полной свободой. На 6-м году девочку уже называли нянька и на нее возлагалась забота о зыбочном ребенке, который еще не умел ходить; девочка в 6–7 лет обычно пасла также телят, овец, гусей, училась прясть и ткать и помогала матери по хозяйству. Мальчик также пас на 7-м году свиней и гусей и, если у него не было сестер, присматривал за малышами; кроме того, он был бороноволо́ком, т. е. боронил поле, или погони́чем, т. е. погонял волов во время пахоты. С 12 лет дети выполняли все легкие работы наравне со взрослыми.

У южнорусских Обоянского у. Курской губ. считалось *грехом* подпоясывать детей в первые 40 дней

Ж.-Б. Грёз. Девочка с куклой. Около 1756–1757 гг.

их жизни. Через 6 недель после рождения ребенка его крестная мать приходила к своему крестнику и приносила ему в подарок поясок, а иногда также рубашку и крестик. Она впервые подпоясывала ребенка, и с этого момента он носил крестик. В Московской губ. обряд первого опоясывания совершался лишь через год после рождения ребенка; при этом крестная мать ставила своего крестника к печному столбу и говорила, надевая ему пояс: «Будь здоров и толсто́й, как печной столб!»

Севернорусские и белорусы не стригли ребенку ногти, пока ему не исполнится год, иначе он мог стать вором. До года не стригли также волос, даже если

волосы становились очень длинными и мешали ребенку смотреть. Если не соблюдать эти правила, то, по народным представлениям, ребенку можно «отрезать язык», т. е. ему будет трудно научиться говорить.

Это отголосок древнего обряда, сохранившегося до н. XX в. лишь в немногих местах. Он носил названия: по́стриги, застри́жки (рус.); постри́жшини, обстри́жшини (малорос.). В самом к. XIX в. этот обряд совершался в Лубенском у. Полтавской губ. так: в первую годовщину рождения ребенка его сажали на стол, причем мальчика на топор, чтобы он был искусен в ремесле, а девочку на коноплю, чтобы она выросла хорошей пряжей. Затем повитуха сперва крестообразно выстригала во-

Ж.-Б. Лепренс. Прогулка зимой. 1764 г.

И.И. Фирсов. Юный живописец

лосы на голове ребенка, потом полностью состригала их и получала за это коноплю. Богатые люди ставили при этом ноги ребенка в *водку*, чтобы он быстрее начал ходить. По окончании этой церемонии устраивали угощение для повитухи и соседей. В др. районах ребенка, которого стригли, сажали на шубу, чаще всего черную и положенную мехом вверх. *Крестные отец и мать* по очереди крестообразно состригали волосы с головы ребенка. Иногда срезанные волосы засовывали в плетень, чтобы ребенок был кудрявым, или в коровий навоз, чтобы ребенок был темноволосым (Старобельский у. Харьковской губ.). Обычно крестная мать дарил своему остриженному крестнику новую рубашку, т. е. на ребенка одновременно надевали новую одежду (ср. выше — первое опоясывание в первый день рождения).

Белорусы впервые стригли ребенка на 3-м году жизни. В былые времена стрижка княжеских детей производилась по прошествии 2–4 лет, иногда на 7-м году, когда мальчика впервые сажали на коня. Сведения об этом, сообщаемые летописью, восходят к 1192. Стрижка происходила в день именин или на Новый год, т. е. 1 сентября. Иногда княжеских детей стриг епископ. Воспоминание об этом сохранилось в формуле поздравления и пожелания, с которыми обращались к родителям.

Церковный характер древнерусской стрижки волос у князей наводит на мысль, что на этот русский обряд повлияла византийская традиция.

К этим же ритуальным испытаниям молодых людей, достигших совершеннолетия, следует отнести и такой белорусский обряд: когда девочка 5–6 лет впервые спрядет нить и сматает ее в клубок на клочок кудели, этот клубок сжигают, а золу девочка должна выпить с водой или съесть; в др. местах пряжа поджигала первую спряденную ею нить и глотала дым.

Ист.: Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991.

Уход за младенцами и их лечение. Русские крестьяне считали, что счастлив будет тот ребенок, который родился в «сорочке» или если он, будучи женского пола, похож на отца, а мужского — на мать; равно хорошим предзнаменованием для него считалось, когда в день его родин в доме была какая-нибудь прибыль.

Неживуч считался тот младенец, который родился под исход месяца, у кого голова раздвоенная, у кого рот не цветет, т. е. у кого не бывает болезни молочницы, при которой на кончике языка, губах и нёбе появляется белое творожистое вещество, кто с первого же времени удивлял окружающих своей смысленностью; скорая же смерть предвещалась новорожденному, когда в день его родин случалась какая-нибудь потеря, убыток, когда отдавали в др. дом какую-нибудь вещь совсем, или займы, или на подержание, когда вместе с его крестинами в церкви были похороны и когда его волосы, срезанные священником и закатанные в воск кумом, не плавали по воде в купели, а тонули.

После крестин бабка-повитуха оставалась в доме родильницы с неделю или две. Обязанности ее в это время состояли в том, чтобы заботиться о ребенке, ежедневно обмывать и пеленать его, а также ходить за родильницей и, если последняя была одинока, хлопотать вместо нее по хозяйству. Родильницу она парила в *бане* или печке, поила различными лекарственными травами и правила опустившийся после родов ее живот, растирая его при этом деревянным маслом.

Из лекарств, употребляемых родильницами, были известны: настой водки на колгане, анис, богородская трава, ромашка и душица. Настой водки на колгане употребляли как средство, способствующее подъему живота; анис и богородскую траву пили для того, что-

И.П. Якимов. Мужчина у колыбели. Фрагмент несохранившейся картины «Семейственная сцена» («Домашнее спокойствие»). 1772–1773 гг.

бы из груди свободнее шло молоко; ромашку же и душицу — чтобы вызвать «краски» или от простуды.

Ничего кислого и соленого родильнице не давали.

Счастлива была родильница, которая выбирала себе *бабку* опытную и расторопную. Такая бабка могла со всем управиться и за всем усмотреть. Но не то было при бабке начинающей или нерасторопной. От ее несообразительности нередко происходили и несчастные случаи: либо родильница простудится или обьестся чего-нибудь кислого или соленого, либо младенец ушибется или истечет кровью, когда развяжется пуповина.

По выздоровлении родильницы и перед уходом бабки происходило очищение всех присутствовавших и принимавших какое-либо участие при родах. Зажигали пред иконами свечу, молились и потом водой, в

которую клали хмель, яйцо и овес, умывались сами и мыли младенца.

Во время умывания родильницы бабка иногда говорила ей: «Как хмель легок да крепок, так и ты будь такая же; как яичко полное, так и ты полней; как овес бел, так и ты будь бела!»

А когда мыли ребенка, то приговаривали: «Раста с брус вышины да печь толщины!» Этот обряд был известен под именем «размывания рук». В некоторых местах очищение совершалось и над кошками, когда они окотятся: кошку-мать и ее котят купали в реке или пруду.

Бабка за свои хлопоты кроме денег, собранных ею на крестильном обеде, получала еще один хлеб, мыла с фунт, платок и деньгами от гривенника до рубля.

По уходе бабки все хлопоты и заботы о ребенке ложились гл. обр. на его мать. Прежде всего она должна была выполнять по отношению к ребенку все требования, предъявляемые ей многовековой народной практикой. Так, чтобы младенец спокойно спал, не следовало качать *люльку* пустой; чтобы он беспрепятственно рос, не нужно было обрезать ему ногтей и стричь волос ранее года; чтобы он не запоздал с разговорной речью, ему не давали смотреться в *зеркало*; чтобы не сделался сидякой, т. е. чтобы он научился ходить не позднее своих сверстников, не следовало мести около него, когда он сидит на полу; чтобы не умер скоро, не следовало его показывать спящим тому, кто его раньше не видел, и, чтобы растущий ребенок был опрятен, матери его необходимо было перед растопкой печи сметать с *загнетки* золу. Мать в пору младенчества своего дитяти должна была особенно внимательно следить за собой, чтобы не ругать, а тем более не проклинать его и в досаде не говорить ему: «Пропади ты пропадом!» Считалось, что от брани и проклятия дети делаются глупыми, или не растут, или «пропадают», или мрут не своей смертью, и, т. о., их «ангельские душики гибнут». В предупреждение могущих случиться с ребенком несчастий его перед сном следовало ограждать *крестным знаменем* и, когда он чихал, говорить следующее, предохраняющее младенца от пагубного действия бесов, приветствие: «Здравствуй, ангельская душка!»

Уследить за выполнением описываемых требований для родильницы было очень трудно. Не легки были также и обычные обязанности, налагаемые на нее простым материнским чувством и состоящие в приговаривании ребенку постели, в заботе о его чистоте и пище, лечении от различных болезней, изыскании развлечений, когда он капризничал и плакал, в убаюкивании его на сон грядущий и т. д.

Детская постель обыкновенно состояла из лубочной или на деревянной рамке холщовой *люльки*, набитой перьями или чаще сеном перины, такой же подушки, холщовых простыней, ситцевых или собранных из разноцветных маленьких лоскутков одеял и надеваемых на *люльку*, для защиты спящего ребенка от мух и света, цветных ситцевых или белых коленкорových пологов.

В одежду младенца кроме холщовых пеленок, шерстяных или ситцевых свивальней и ситцевых или коленкорových ризок входили сорочки, пояски, наглазники, нагруднички и чепчики. Сорочки делали по большей части из материй или белого цвета, как, напр., из кисеи, коленкора и миткаля, или же из какого-нибудь ситца, преимущественно розовых цветов.

Детская одежда. XIX — нач. XX в.

Кисейные, коленкоровые и миткалевые рубашки обшивались ленточками — голубыми для мальчиков и розовыми для девочек — и употреблялись во время крещения младенца и в др. торжественные минуты, когда, напр., его несли в церковь причащать, когда с ним ехали куда-нибудь в гости или принимали гостей; ситцевые же употреблялись по будням.

Поясами для детей служили обыкновенные, покупные тесемки или самодельные, сплетенные из красных шерстяных ниток, шнуры; пояс употреблялся только после достижения младенцем 6 недель.

Нагруднички, или слюнявки, делались из коленкора или ситца и надевались на детей для того, чтобы передняя часть их рубашки не смачивалась принимаемой ими пищей и слюнями.

Наглазники, которые имели форму простого, продолговатого (шириной четверти 2 и длиной в аршин) лоскута, а также чепчики представляли собой не что иное, как средство укрывать ребенка от мух и солнечного жара. Как наглазники, так и чепцы делались из кисеи, миткаля и т. п.

Чтобы содержать дитя в чистоте, заботливая мать часто меняла на нем белье, просушивала постель и если не ежедневно, то еженедельно его обмывала.

Пищей для младенца служило гл. обр. молоко матери, а если его не было, коровье молоко или просто жеваные баранки с сахаром. При этом не считалось лишним и вредным для ребенка покормить его картофелем, кашей, щами или попоить кваском. Срок кормления ребенка грудью простирался обыкновенно от одного года до полутора лет, а именно 3 поста: 2 Великих и 1 Успенский или 2 Успенских и 1 Великий. С этого времени его начинали сажать за общий стол, а молоко и баранки признавались баловством.

Из многочисленных детских болезней наиболее распространены были следующие: английская болезнь, бессонница, глисты, грыжа, долгое неумение говорить и ходить, золотуха, коклюш, колотье в боках, крик, недуг, ненормальная величина живота, непроизвольное мочеиспускание во время сна, огонник, опрелости, простуда, сглаз, «сухая стена» и «собачья старость».

Лечение почти всех перечисленных болезней основывалось гл. обр. на действии лекарственных трав и на вере в магическую силу заговоров, наговоров и разного рода магических действий.

При английской болезни дитя заставляли сидеть в песке и улучшали его питание.

При бессоннице и вообще при плохом здоровье ребенку добавляли в молоко или в молочную кашу мак, клали у него в голову чертополох и прибегали к заговору: «Заря-зарница, красная девица! Возьми бессонницу, а дай младенцу (такому-то) сон и доброе здравие».

Читали этот заговор 3 зари: 2 вечерних и 1 утреннюю или 2 утренних и 1 вечернюю.

От глистов младенцу давали цитварное семя или конопляного масла по ложке в день.

Чтобы ребенок не болел грыжей, его после рождения кормили свеклой, или конопляным семенем, или серным цветом. А некоторые матери «пригрызали» эту болезнь у родившегося сквозь ветошку; для этого у девочек брали в зубы пуповину, а у мальчиков детородный член. Во время пригрызания у лица, совершавшего эту операцию, бабка спрашивала: «Что ты делаешь!» — «Грызь пригрызаю». — «Грызи, грызи больше, чтобы грызь не заводилась». — «У нашей грыжки не бывает отрыжки». Этот заговор повторялся до 3-х раз.

Сидяк мыли отваром из соломы, набранной ночью из 3-х пелен чужих домов, а также весной, когда в первый раз выезжали сеять, выносили на поле и, посадив посреди пашни, обсевали кругом и приговаривали: «Ты, овес, расти, а ты (имярек) ходи!» Иногда сидяка сажали в мешок и в нем бегом обносили около своего двора 3 раза. Каждый раз бегущего с мешком встречал кто-нибудь из домашних и спрашивал: «Что несешь?» — «Сидяку, — отвечал тот. — Надо ему ходить». Так обносить сидяк можно было во всякое время.

Когда ребенок долго не говорил и не ходил, то, когда пекли хлеб, его сажали под *дежу*, когда вынимали из нее тесто, и потом, вымывая над этой дежой себе руки водой, которой смазывали сверху испеченный хлеб, говорили: «Как мои хлебы кисли, так и ты, мое дитятко, кисни (полней); как мои хлебы всходили, так и ты ходи: как я, мое дитятко, говорю, так и ты говори».

Больного золотухой поили листом калины, собранным во время ее цвета, а также листом смородиновым, отваренным в молоке; золотушные болячки мазали козьим, а за неимением его — коровьим маслом; или же эту болезнь лечили 3 зари следующим заговором:

*На море-океане,
На острове Буяне
Стоит Божья церковь;
А у этой церкви
Лежит камень
Сорока сажень;
А на этом камне
Сидит девица,
Придурывает золотуху:
Золотуха-краснотуха!
Тебе тут не быть,
Тебе тут не жить,
Костей не ломать,
Сустав не гноить!*

После произнесения этих слов следовало плюнуть и дунуть.

От коклюша ребенку давали сосать леденец, принимать раза 2 в день по чайной ложке прованского масла с сахаром и розовым маслом или же в таком же количестве деревянного масла с сахарным песком.

От колотья в боках прикалывали громовыми стрелами с произнесением следующих слов:

*Господи Иисусе Христе!
Спаси и помилуй
От всяких недугов
Денных и ночных,
Полуденных и полуночных
Ангельскую душу
Младенца (имярек)*

(трижды).

Если ребенок очень часто кричал, то с ним выходили на улицу 3 зари и, обращаясь по вечерам на запад, а по утрам на восток, говорили:

*Заря-зарница,
Красная девица!
Возьми от младенца
(такого-то) крик,
А дай ему некрик*

(трижды).

В этом случае больного также выносили в подоле 3 раза по зорям под куриный нашест и приговаривали:

*Куры белые,
Куры серые,
Куры пестрые,*

*Возьмите от младенца
(такого-то) крик,
А дайте ему гомон!*

(трижды).

(Далее можно было перечислять каких угодно кур, не помяная только черных.)

Чтобы избавить ребенка от недуга или, иначе, от младенческой болезни, известной в медицине под именем родимчика, при первом припадке, когда заболевший переставал биться, у него разрывали спереди рубашку от разреза донизу или накрывали его полотенцем, которым была покрыта невеста во время венчания, либо скатертью, которую стлали на свадебном обеде или при молебне в какой-нибудь праздник. Для той же цели больного мыли росой, собранной с косы, а затем клали на блюдо на положенные в него ложки.

Ребенка с ненормально большим животом кормили ячменной кашей или поили, давая по столовой ложке в день, конопляным маслом.

Кто мочился во время сна под себя, того секли на заслонке сапожным голенищем 3 утра.

Против огонника, или летучего огня (мокнувшего лишая лица), по мнению крестьян, помогали различные средства. Можно было лечить эту болезнь, трижды выбивая огниво пред лицом больного так, чтобы искры летели на последнего; или при растопке печи, до 3-х раз зажигая пучок из лучинок, брызгать на него изо рта водой, чтобы при этом дым от тухнувшего пучка летел в лицо сидящего на столе или на лавке ребенка; или же прикладывали к больному месту обыкновенное, тряпичное или мочальное, помело, которым заматали в печи после топки. Огонник лечили также заговором: «Огонь, огонь! На тебе мокрый, дай мне сухой!» Слова эти произносили трижды, когда «припаливали огонь», махая на сидящего ребенка ночевками или лотком, в котором сеяли муку, или когда «откликали огонь» по 3-м зорям через реку или пруд, если только в тот момент светился огонь в 2-х или более избах обеих сторон деревни.

При поносе поили красным вином или кормили сывороткой.

Если у ребенка прело под мышками, в пахах или в складках кожи на шее, то опрелости засыпали крахмалом, чечевичной мукой, древесной червоточинной, порошком, полученным от скобления ножом «чертова пальца» или простого дубового обеденного стола, печным песком и т. п.

Простудившегося клали раздетым на распаренное сено, разложенное на жаркой печи, и поили мать-и-мачехой, клевером, чернобылом, а также составом из каких-либо 12 различных лекарственных растений, собираемых на Ивана Купалу (24 июня) между утренней и обедней.

От сглазу младенца умывали преимущественно на 3-х порогах свежей водой, сошедшей с принесенного из святых мест креста, или с камешков из старого Иерусалима, или с икон, которые употреблялись когда-нибудь на *свадьбе* для благословения жениха с невестой, или с углов обеденного стола, или с громовых стрел, или же, наконец, с 3-х угольков.

Из средств против «сухой стени» были известны следующие:

а) Брали земли с 3-х полей и 9 кружек воды, почерпнутой на месте слияния 2-х рек, и притом 3 кружки по течению одной реки, 3 против течения другой и 3 против себя, в том месте, где сходились струи вод обеих

рек. С этой землей, водой и больным ребенком ночью, чтобы никто из посторонних не видал, шли на рубеж 2-х смежных между собой земель разных владельцев и принесенными водой и землей, предварительно смешав их вместе, мыли больного. Вымытого перекачивали с земли одного владельца на землю другого. Рубашку же, бывшую до этого на ребенке, оставляли на рубеже.

б) Ночью собирали 3 горсти земли из-под дверей 3-х сараев и черпали воды из 3-х колодцев. Воду нагревали на загнетке, но не в самой печи, и мешали с землей, а потом выливали сквозь решето на голову младенца, посаженного в избе под *матицей*.

в) Раскалывали от корня четверти на 3 молодой растущий дубок и в образовавшееся отверстие протаскивали ребенка трижды в одну и трижды в др. сторону и вытаскивали его оттуда голым, а надетую на нем рубашку оставляли в отверстии дуба.

г) Младенца клали на постеленную шерстью вверх шубу и, отрезавши из нее по клочку шерсти у больного в головах, ногах и под спиной, мерили суровой ниткой обе его руки, окружность головы, толщину и с обеих сторон длину туловища. Затем ребенка мыли чистой водой с положенными в нее 3 угольками. Нитку клали в печурку, а после их сравнивали между собой: если мерка одной руки оказывалась равной мерке другой, а мерка правой стороны туловища мерке левой, то считалось, что ребенок будет жив; если же мерки были неравными, то предсказывали его смерть. Рубашка, бывшая до времени лечения на младенце, снова могла годиться к употреблению лишь тогда, когда ее выполаскивали в реке трижды против течения и трижды по течению.

д) Ставили ребенка на *лавку* около стены, растягивали ему руки горизонтально и мерили его суровой ниткой. Затем, отметив ножом на стене величину его роста и длину рук, окуривали больного, сжигая для этого с ладаном нитяные мерки.

Для лечения младенца от «собачьей старости» (так крестьяне называли атрофическое состояние детей в последнем периоде его развития) его либо парили вместе со щенком в печи и, ударяя венником то одного, то другого, говорили: «Щенок! Возьми свою старость!» (трижды), либо катали по телу больного кусочек хлебного мякиша и отдавали съесть одношерстной собаке.

Все изложенные способы лечения «сухой стени» и «собачьей старости» применялись лишь по средам и пятницам.

Когда ребенку в какой-нибудь болезни не помогало никакое лекарство, то его иногда «перераживали». Мать становилась на место происходивших родов, брала ребенка и с помощью повивальной бабки до 3-х раз протаскивала его через ворот своей сорочки сверху вниз.

Ист.: Успенский Д. И. Родины и крестины, уход за родильницей и новорожденными // Этнографическое обозрение, 1895, № 4.

МОГИЛА, место пребывания тела (и *души*) покойника, «вечный дом» человека после смерти. Могила считается «святыней», которую нельзя осквернить: испортить, распахать и тем более — раскопать, чтобы украсть из нее сохранившиеся вещи. Запрещалось не только забирать вещи, оставленные на могиле, но и бросать на нее что-либо (напр., землю при выкапывании другой могилы).

Могили копали на месте, выбранном заранее родственниками или самим покойным при жизни. Близ-

ким людям обычно запрещается копать могилу. В Белоруссии, напр., это делали бесплатно старики или нищие, при этом они избегали разговоров о покойнике; закончив работу, объявляли убиравшим усопшего женщиной, чтобы они вылили в могилу воду, которой обмывали его. При выкапывании могилы запрещалось присутствовать жене умершего, а также женщинам, недавно потерявшим кого-нибудь из родных. Если при копании могилы обнаруживались более ранние захоронения, то могилы бросали туда деньги и др. ценные вещи, чтобы потревоженные мертвецы «не прогнали» вновь пришедшего.

Если могила оказывалась мала для гроба и ее приходилось расширять, то это означало, что вслед за погребаемым туда же отправится новый покойник, обычно — его родственник. Подобное объяснение на Витебщине приводилось и в том случае, когда могила была слишком велика: верили, что одного покойника мало и появится следующий. Особенно опасными представлялись такие происшествия, как осыпание краев могилы и падение в нее кого-нибудь из сопровождавших покойника.

Заколотенный гроб опускали в могилу на веревках или на длинных широких полотенцах, чтобы дорога на «тот свет» была широкая, как полотно. В это же время присутствующие бросали в могилу различные вещи: деньги (чтобы покойник выкупил себе место на *кладбище*, на «*том свете*»), одежду (*платки*, шарфы, *пояса*), полотно, использовавшееся для шитья савана, а также иголки и нитки (чтобы ими не воспользовались для колдовства *ведьмы*); туда же сметали и зерно, которым посыпали гроб при выносе из дома. В могилу, как и в гроб, иногда опускали любимые умершим при жизни предметы (напр., инструменты для ремесленников и т. п.). На Русском Севере гроб с висельником ставили в могиле вертикально.

Во многих областях Малороссии и Белоруссии был распространен обычай «печатать могилу»: малороссийский священник под особые песнопения чертил железной лопатой знак креста над могилой и крестообразным движением бросал на гроб землю; белорусы перед опусканием гроба в яму или по насыпанному уже пригорку стучали с четырех углов крест-накрест лопатой. Погребение без такого «печатания» считалось неполным: именно оно не позволяло покойнику выйти из могилы.

В Олонецкой губ. вдоль могильного холмика клали лопату, которой засыпали гроб, а сверху ставили перевернутый *горшок* с углями. Белорусы на насыпанной могиле сразу делали крест, хотя бы маленький, временный, пока не поставят новый, в рост человека. На могиле ребенка, родившегося мертвым, разжигали костер из осиновых веток, на могиле некрещеного ребенка оставляли *камень* или треугольник из осинового дерева. На могиле самоубийцы также оставляли *камень*; их могилы устраивали и вне пределов кладбища: русские — в глухих местах и оврагах, белорусы — на *перекрестках* и холмиках в лесу, чтобы они были видны отовсюду. В Закарпатье на могилы самоубийц, обычно похороненных на месте преступления, бросали камни.

В день похорон на могиле устраивались поминки. Принесенные кушанья, состоявшие из *кутьи* или «кануна», а также *блинов*, *пирогов*, медового напитка и др., бросали на могилу. Остатки блюд часто оставляли на могилах для умерших, отдавали нищим. По данным

археологии, в древности поминки совершались непосредственно на могилах. До сих пор такие поминальные обряды и обычаи, как «будить покойника», «поднимать воздух», «приклады» (белорусский поминальный обычай, связанный с обустройством могилы), *Радоница* (см.: Фомина неделя) и др. происходят под открытым небом, на могилах.

Могила умершего становится для родственников заменой и воплощением его самого: могилу или памятник на ней целуют, обнимают.

Могила как место вечного пребывания умершего благоустраивается и нередко оформляется в виде *дома*. Так, белорусы устанавливали на могилах прямоугольные деревянные сооружения. Такой «приклад» напоминал крышку гроба, он имел окошечки и покрывал весь пригорок целиком; нередко его называли «хаткой». У русских установленные на могилах кресты с двускатным покрытием и с иконкой иногда носили название «часовенка». На Русском Севере помимо обычного креста можно было увидеть продолговатое четырехугольное сооружение («*голубец*»), открытое сверху или же покрытое плоской крышей, на которой ставят крест. На могиле делают и своеобразный «сад»: сажают цветы, плодовые деревья. В Гомельском Полесье на Радуницу следовало, напр., посадить на могиле дерево, а вокруг нее воткнуть березовые прутья.

Было распространено поверье, что земля с могилы обладает чудодейственными свойствами. Так, в севернорусских деревнях этой землей терли себе грудь, держали за пазухой, клали в воду, которой обливались после похорон, для того, чтобы прошла тоска по умершему. В Витебской губ. считалось, что земля со свежей могилы ослабляет страх перед покойником, не подпускает смерть к дому, предохраняет от болезни людей, скот. При повальной эпидемии скота могильной землей трехкратно осыпали животных. В Полесье больного ребенка купали в воде с песком с могилы родственника. Могильная земля — одно из сильных колдовских средств, ее использовали в магических действиях ведьмы.

Лит.: Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991. Пахаванні. Памінкі. Галашэнні. Минск, 1986.

Ист.: Плотникова А. А. Могила // Славянская мифология. М., 1995.

МОДЕСТ, народное название дня св. Модеста, архиепископа Иерусалимского, 18/31 дек.

По народным поверьям, в этот день зима выпускала из-под коряг *нечистую силу*, служащую *дьяволу*, поэтому надо было быть очень осторожным. Нельзя было оставлять на столе *чашку*, *миску*, *крынку* с молоком — нечистая сила могла туда залезть и принести много горя. Нельзя было на ночь оставлять на столе *нож* — всю ночь нечисть будет играть с этим ножом у печи и беситься в *бабьем куту*.

В эту ночь устраивали гадания, пытались узнать о будущем. Девушки гадали на суженого. Пожилые люди собирали со всех дворов по снопу разных злаков и, обвязав их *полотенцами* с вышитыми *оберегами*, несли их на Красную горку, где старики, уважаемые люди, сажали снопы в снег. Поутру наблюдали: на какой сноп выпадет больше снега или инея — тот злак уродится на следующий год, его и надо сеять весной. Молодые супруги зажигали в полночь за деревней костры, веря, что они освещают путь Богородице. У костров водили круги, лепили из снега 3-х баб и с первым пением петуха бросали их в огонь. Важным считался обычай

опутывать перед *Новым годом* ножки у стола в *красном углу*. Когда вся *семья* собиралась к столу и хозяин готовился произнести благодарственное слово уходящему году, детям давалось ответственное поручение: связать по ходу солнца ножки стола. Это символизировало крепкую связь семьи, вселяло надежду, что и в будущем году семья будет крепкой и единой.

Повсеместно был распространен и обряд колядования. *Колядки* — на зимние *Святки*. Колядовали в основном дети, но порой увлекались этим и молодые, и даже пожилые люди. Колядовать — провожать уходящий старый год и прославлять рождающийся новый. Непременные участники колядования — сеяльщики. Сеять — значит вызывать новую жизнь. Осеять (осыпать зерном) кого-либо или дом хозяйский — обозначить благополучие, счастье, радость. В ответ хозяева благодарили колядовщиков и одаривали их заранее приготовленными сладостями. Детские пожелания при колядовании считались ангельскими. Чем больше получала поздравлений хозяйка и пожеланий благополучия семья, тем больше выдавалось отдарков — *пирогов*, конфет, *пряников*, а то и денег. С колядующими ходили и ряженые, символизирующие уходящую нечистую силу. Она была еще сильна, поэтому ее тоже задабривали подарками, чтобы не мешала жить в следующем году.

В этот день устраивались мужские *братчины* с пивом и непременно с мясом, т. к. Модест считался покровителем скота.

Ист.: Русский народный календарь/сост. Н. Решетников. М., 2005.

МОКЕЙ МОКРЫЙ (Мокеев день, Мокрый день, **Мокросей**), народное название дня сщмч. Мокия, 11/24 мая.

Православная церковь отмечает в этот день обновление Царьграда (Константинополя). В русском народе это событие осмысливалось по-своему. Крестьяне считали, что в этот день происходит празднование Царя-Града, насылающего грозовые тучи и *град*. В этот день считалось *грехом* сеять хлеб, потому что хлеб градом побьет.

По народным приметам, в этот день шли мелкие *дожди*. Крестьяне говорили: «Мокей с дождем пришел, работы в поле приостановил». По Мокею и погоду на дальнейшее время определяли: как туманы расстилаются, как заря занимается.

В этот день зацветала незабудка. По народному преданию, назван этот цветок так для того, чтобы у людей память сохранялась, чтобы не забывали они своих предков, защитников Отечества, учителей.

Незабудку дарили в память о ком-либо из близких. В этот день вспоминали тех, кто оставил по себе добрую память.

МОКИЙ И ДЕМИД — см.: **СТОЖАРЫ**.

МОКОШЬ (Макошь), единственное женское божество древнерусского языческого пантеона, чей идол в Киеве стоял на вершине холма рядом с кумирами *Перуна*, *Велеса* и др. божеств. При перечислении языческих божеств в «Повести временных лет» под 980 Мокошь замыкала список, начинавшийся с Перуна. «Обособленное место занимает она и в последующих списках языческих богов, хотя в них Мокошь, при сохранении ее противопоставлений мужским богам, может быть выдвинута на первое место» (В. В. Иванов).

Мокошь служила олицетворением Матери Сырой Земли, символизировала собой взаимодействие сил

Антропоморфные вальки для стирки одежды со знаками Земли и Солнца. (По Б. А. Рыбакову.) Общий вид, очевидно, воспроизводит богиню Макошь

земли и неба, являлась богиней судьбы, женского начала, плодородия, покровительницей женщин. В разных местах — у дорог, возле колодцев для поклонения ей ставились столбы, чурбаны, вырезанные болваны, возле которых приносили жертву.

В. Корольков. «Макошь»

Мокошь представлялась как женщина с большой головой и длинными руками, часто воздетыми вверх. По ночам она пряла в избе, по-видимому нити человеческой судьбы, что сближало ее с образом греческих мойр, также прядущих нити судьбы. Непосредственным продолжением образа Мокоши после Крещения Руси стала сщмч. *Параскева Пятница*. **О. П.**

МОКРЫЙ СПАС — см.: **ПЕРВЫЙ СПАС**.

МОЛЕБНЫ, краткие службы, в которых верующие по своим частным нуждам и обстоятельствам обращаются с молитвой к Господу Богу, Божией Матери и святым.

Обыкновенные молебны по своему составу подобны утрене, но на практике они значительно сокраща-

ются и состоят: из начальных молитв, пения тропаря и припевов («Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе»; «Пресвятая Богородице, спаси нас»; «Святителю отче Николае, моли Бога о нас» и других), чтения Евангелия, сугубой и малой ектений и заключительной, приспособительно к предмету моления, молитвы к Господу Богу, или Божией Матери, или святому, которому совершается молебное пение. Иногда такие молебны соединяются с акафистом или с малым освящением воды. Акафист читается после малой ектении перед Евангелием, а освящение воды совершается по прочтении Евангелия.

Кроме общего просительного молебна, бывают особые молебны, приспособленные к каким-либо случаям, например: молебен благодарственный за полученные от Бога милости, молебен об исцелении больного, молебны по случаю общественных бедствий: засухи, наводнения, войны. Особый молебен полагается совершать в день *Нового года*, перед учением, в неделю Православия.

МОЛЕБНЫ В ДОМАХ, важное и широко распространенное событие в духовной жизни русских с древности и вплоть до 1-й четв. XX в., эпизодически сохранявшееся в советское время и возрождающееся в наши дни.

Повсеместно у русских бытовал обычай приглашения причта с молебном в свои дома на *Пасху*. На протяжении XIX в. мы почти не встречаем таких описаний народной религиозной жизни, где не было бы упоминания или подробного рассказа о домашних молебнах на *Светлой* (Святой) *седмце*. Такая информация поступала отовсюду. В 1847 в характеристике обычаев Мосальского и Жиздринского уу. Калужской губ., направленной в Императорское Русское Географическое общество, говорилось: «В Светлое Воскресенье крестьяне поднимают образа и сопровождают в каждое селение». В 1852 из Щигровского у. Курской губ. писали о том, что на Святой священники в сопровождении толпы оброчников, давших обет носить иконы, ходят по всем домам всех деревень своего прихода и служат молебны. Как мы видим, молебнам в домах предшествовал *крестный ход* из храма в деревню, продолжавшийся затем в виде переходов из дома в дом с последующим перемещением в другое селение. В приведенном сообщении обращает на себя внимание подчеркнутая всеобщность этого явления — по всем домам всех деревень данного прихода.

В Щигровском известии описаны и некоторые детали, сопровождавшие, по местному обычаю, молебен в доме. Заранее приготавливали *кулич*, ковригу хлеба, солонку с солью, три сырых белых яйца — все это должно было быть освящено в ходе молебна. После молебна, если в избе было тесно (а ведь оброчники шли толпою, как выше было сказано), стол выносили на двор, накрывали его льняной *скатертью*, ставили кулич и «величали Пасху». Затем начиналось угощение. Хлеб отдавали причту; кулич расходился тут же на угощение; освященные яйца подкладывали под наседку; овес сохраняли до первого засева, когда добавляют его в семена; соль давали больной скотине; скатерть выбрасывали на крышу, где она лежала до тех пор, пока ветер не сдует.

Более подробную картину пасхальных молебнов вне храма в Зарайском у. Рязанской губ. в 1850-х оставил В. В. Селиванов, непосредственно наблюдавший их

неоднократно. Священник — по желанию прихожан — назначал день на Светлой седмице для хождения с образами. Вся деревня готовилась к встрече. К заутрене из деревни шли богоносцы — «мужики и бабы, парни и девки, по большей части по обещанию, данному за исцеление болезни или минование другого какого горя, для исполнения святого дела, ношения образов». Как только стоявшие у околицы ребяташки закричат: «Идут! Идут!» — вся деревня приходила в движение: «и старый и малый и бежит, и едва плетется, опираясь на палку, все торопятся во сретение святых посетителей. Далеко еще слышав пение причта, сердца ожидающих наполняются восторженным благоговением, и, когда блеснут лучами солнца венцы на святых иконах и животворящий крест в руке священника, начинают молиться: иные крестятся, призывая про себя Имя Господне, другие, повергаясь ниц, творят земные поклоны».

Если в имении был господский дом, то крестный ход двигался прямо на барский двор, где заранее был приготовлен накрытый скатертью стол. Под столом помешали немного сена, а на столе — меру с овсом, в которую укладывали несколько сырых яиц, и втыкали рогульку с прилепленной к ней свечой. Могли быть поставлены и другие зерновые — в четвериках, гранцах, полумерках: пшеница, горох, просо, ячмень, гречиха. Освященные зерна высыпали потом в закрома — в приготовленные семена. Богоносцы становились рядом со столом, перед образами зажигали свечи, священник начинал молебен.

После молебна на барском дворе образа шли (т. е. крестный ход двигался) по деревне. Молебен служили в каждой избе; после молебна иконы устанавливали в переднем углу, «а священник, дьячки и богоносцы непременно должны» были присесть к накрытому заранее столу и отведать, хоть немного, «хозяйской хлеба-соли». Поблагодарив хозяев, поднимали образа и с пением «Христос воскрес» выходили на улицу. Всякий приход имел свой обычай — сколько давать клиру копеек за молебен в доме и сколько *пирогов* и кругов хлеба. «Бабы жертвуют на образа холст по своим достаткам».

После обхода всех дворов крестный ход двигался к часовне, где служили заключительный молебен. При этом во время чтения Евангелия староста преклонял голову под епитрахиль, а по завершении молебна священник благословлял одного из двух крестьян, назначенных на сходке для почина пахоты, и давал им по кругу хлеба. Крестный ход уходил с пением канонов, провожаемый до околицы жителями селения. Если деревня была сильно отдалена от села, где стояла церковь, то образа могли остаться здесь на ночь — в доме помещика, или в избе, предназначенной для общественных сходов, или в другом помещении. Некоторые благочестивые жители оставались при иконах на всю ночь: молились, меняли догоревшие свечи.

Молебны по домам по просьбе жителей служили также на храмовые и обетные праздники (кануны) и во время больших крестных ходов с чудотворною иконою.

Массовое народное понимание молебна в доме было по сути своей сугубо церковным: молебен отвечал желанию максимально освятить все стороны своей жизни и снискать благословение Божие на свое жилище.

М. Громыко

Деисусный чин и молящиеся новгородцы. Икона. 1467 г. НМЗ

«МОЛЕНИЕ О НАРОДЕ», Молебная икона Божией Матери, вариант Боголюбской иконы Божией Матери.

Богоматерь «Моление о народе», со свт. Петром, митрополитом Московским. Икона. 2-я четв. — сер. XVI в. ВМЗ

Появление Молебной иконографии связано с народными представлениями о силе соборной молитвы и заступничестве Пресвятой Богородицы за Русскую землю.

Празднование иконе «Моление о народе» установлено 18 июня/1 июля.

МОЛИТВА, благодарственное или просительное обращение к Богу, который любит Свое творение, любит каждого из нас, Он есть наш небесный Отец. Как детям свойственно видеть своих родителей и беседовать с ними, так и нам должно иметь радость беседовать с Богом и духовно общаться с Ним. Благоговейная беседа человека с Богом называется молитвой. Душа, соединяясь в молитве с Богом, одновременно соединяется и с духовным миром ангелов и праведников.

Молитва часто сопровождается благоговейными словами и внешними знаками благоговения: *крестным знаменем*, коленопреклонением, поклонами и другими знаками богопочитания. Но молитва может быть возносима и без слов, без внешних проявлений. Это внутренняя, или углубленная, молитва, которая знакома по опыту многим усердным христианам.

Успех молитвы полагается в силе Бога, правильной вере просящего, примиренности молящегося с другими людьми, содержанием самого прошения, которое не может быть выполнено, если будет греховным. Успех молитвы зависит не от количества и «правильности» слов, от посулов (обетов) Богу, а от личности просящего, от того, насколько он угоден Богу, и от Воли Божьей (Мф. 6; 5–15; Мк. 11; 25, 26).

«Подлинно блаженное дело — не грешить, а согрешающим — не отчаиваться, но плакать о том, в чем согрешили, чтобы слезами опять улучшить блаженство.

Посему прекрасно всегда молиться и не стужать, как говорит Господь (Лк. 18; 1). И апостол еще говорит: непрестанно молитесь (1 Сол. 5; 11), т. е. и ночью, и днем, и всякий час. Не только входя в церковь, но и в другие часы не оставляй о сем попечения; напротив того, работаешь ли, спишь ли, или находишься в дороге, или ешь, или пьешь, или лежишь, — не прерывай молитвы: ибо не знаешь, когда придет требующий души твоей. Не жди воскресного дня, или праздника, не разбирай различия мест, но, как сказал пророк Давид, молись на всяком месте владычества (Пс. 102; 22). Посему в церкви ли ты, или у себя дома, или в поле, пасешь ли овец, занимаешься ли постройкой, бываешь ли на пиршестве, не оставляй молитвы; и, когда можно, преклони колена, а когда невозможно, молись умом, и вечером, и утром, и в полдень. Если молитва будет предшествовать делу и, встав с ложа, первые свои движения посвятишь молитве, то *грех* не найдет доступа к душе. Молитва есть предохранительное средство для целомудрия, обучение сердца, укрощение кичливости, очищение от памятозлобия, истребление ненависти, исправление нечестия. Молитва — крепость телу, благоденствие дому, благоустройство городу, могущество царству, знак победы во время брани, прочность мира. Молитва — печать девства, верность брака, оружие путников, страж почивающих, благонадежность бодрствующих, плодonoсие земледельцам, спасение плавающих. Молитва — заступница судимых, отрада заключенных, утешение скорбящим, веселие радующимся, ободрение плачущим, праздник в дни рождения, венец супругам, погребение умершим. Молитва — беседа с Богом, равночестие с Ангелами, преуспеяние в добром, отвращение от худого, исправление согрешающим. Молитва Ионе и кита соделала домом, а Езекию от врат смертных возвратила к жизни, и отрокам в Вавилоне превратила пламень в дух росы (Дан. 3; 50). Молитвою Илия связал небо, не одождите лета три и месяцев шесть (Иак. 5; 17). Видите, братия, как сильна молитва. В целой жизни человека нет достоинства драгоценнее молитвы. Никогда не удаляйтесь от нее, никогда не оставляйте ее, но, как сказал Господь наш, будем молиться, да не вотще будет труд наш (Мф. 6; 6)» (Прп. Ефрем Сирин)

МОЛОДЕЧНИК, прощание жениха с холостой жизнью.

Молодечник проходил в последний предсвадебный день или утром в день *венчания* в доме жениха в присутствии его родителей, родственников и друзей. Для собравшихся устраивали обильное угощение, во время которого женщины пели свадебные песни. По окончании угощения родня жениха или сам жених отправлялись к невесте с подарками.

Молодечник был распространен не так широко, как *девичник*. Он известен только в некоторых селах Европейской России.

МОЛОДИЛЬНЫЕ ЯБЛОКИ, по языческим поверьям, плоды, растущие в *ирье*, способные возвращать молодость.

МОЛОДОЙ ЯРИЛО — см.: **МАНУЙЛОВ ДЕНЬ**.

МОЛОДОСТЬ, молодежь в русской деревне назывались парни и девушки брачного возраста, 15–17 лет, а также мужчины и женщины первого года *брака*. После рождения ребенка, независимо от возраста, женщина и мужчина считались людьми зрелыми. Холостых молодых людей было принято называть молодцы, парни, робята, девушек — девицы, девки, девахи. В празднич-

К. Коровин. Северная идиллия

ной ситуации юношу обычно величали *мóлодцем*, *молдцем* удалым, девушку — *дéвицей*, *красной девицей*. Женщину первого года брака звали *молодухой*, *молодкой*, *молодицей*, *выюницей*, мужчину — *молодым*, *молдиком*.

Праздничный головной убор новобрачной (молодухи) из села Русская Тростянка, Острогожского уезда, Воронежской губернии. Нач. XX в.

Молодежь в русской деревне представляла собой особую группу, несколько отличавшуюся от остального населения. Это было связано прежде всего с открывавшимся перед молодыми людьми будущим, с важностью задачи, которая стояла перед ними на этом этапе, — подобрать брачную пару и продолжить человеческий

«род-племя», а также с той жизненной энергией, которая характерна лишь для молодости. Своеобразие этой возрастной группы проявлялось во внешнем облике, в хозяйственной деятельности, а также в самом образе жизни парней и девушек, молодых и молодых.

Праздничный костюм новобрачной из села Клепово Павловского уезда Воронежской губернии. 2-я пол. XIX в.

Характерная черта внешнего облика молодежи — нарядный костюм, который молодые люди носили не только в праздники, но и в будни. Родители старались одеть своих взрослых детей получше, часто тратя последние деньги на наряд дочери или сына. Одежду, особенно праздничную, обычно шили из добротного материала. Появление парня или девушки, молодого или молодухи в «простенькой» или неопрятной одежде вызывало всеобщее недоумение. Множество деталей костюма традиционного типа указывало на принадлежность его владельца к группе молодежи. Прежде всего — обилие различных украшений и предметов, дополнявших туалет. Девушки и молодухи надевали ожерелья, серьги, браслеты, кольца, перчатки, брали в руки «парусольки» — зонтики и ридикюли — сумочки на длинной цепочке. Парни и новобрачные мужчины носили кольца-печатки, часы, цепочки, брелоки, щеголяли в галошах, надетых на сапоги «в гармошку», шейных платках, жилетах, вставляли в уши серьги.

Девушки носили *венцы*, *повязки*, *перевязки* — открытые сверху головные уборы, а волосы заплетали в косу из 12–14 прядей (плеток), которая спускалась по спине и заканчивалась красивым косником. Молодухи носили нарядные *кокошники* или *сороки*, а их «бабий» костюм отличался яркостью расцветок. Девушки и молодые женщины, в отличие от женщин зрелого возраста, широко использовали косметику: белили и румянили лицо, чернили брови.

Парни и молодые мужчины стриглись, как и мужчины, «под горшок», но при этом оставляли открытыми уши. Модной среди парней была прическа с косым пробором и взбитым чубом. Парни обычно не носили усов и бороды, которые были характерной чертой облика женатого мужчины. Головным убором парня и молодого мужчины была шляпа, украшенная перьями, пряжками, искусственными цветами, надетая набекрень, тогда как мужчины носили шапки и шляпы без всяких украшений, которые натягивали на лоб. В к. XIX — н. XX в. в моде были также картузы, которые надевали так, чтобы был виден чуб. В это же время в молодежный костюм стала активно входить одежда, считая по городской моде.

Молодежь, естественно, принимала участие в хозяйственной деятельности *семьи*. При этом парни и девушки выполняли только определенные виды работ: считалось, что они еще не готовы полностью «тянуть крестьянскую лямку». Парни боронили, косили, вывозили сено и урожай с полей, молотили, заготавливали дрова, ухаживали за лошадьми. Однако им редко доверяли пахоту, сев, сушку и укладку зерна в закрома, ремонт рабочего инвентаря. Эти работы, считавшиеся очень ответственными, полагалось выполнять только женатым мужчинам, привлекавшим сыновей в качестве помощников. Многие парни были заняты в ремесле в качестве подмастерьев, они не могли стать самостоятельными мастерами до тех пор, пока не обзаводились собственной семьей. Прерогативой парней было «отходничество» (отхожие промыслы), т. е. они были свободны в зимнее время и не были связаны семейными обязанностями.

Девушки были основной рабочей силой во время жатвы, уборки овощей, они теребили лен и коноплю, стригли овец, помогали матери в приготовлении еды, в уборке избы, в уходе за домашними животными. В зимнее время пряли, ткали, шили, вышивали — готовили себе приданое. Молодوخ старались по возможно-

Женский головной убор Костромской губернии

сти освободить от тяжелых работ, чтобы не помешать выполнению их главной миссии — рождения здорового первенца.

Участие молодежи в обрядах как годового, так и жизненного цикла также имело определенные ограничения. В период зимних празднеств молодежь была занята в святочных обрядах. *Святки* вообще считались молодежным праздником. Парни и девушки колядовали, ходили ряжеными, участвовали в играх. Во время *Масленицы* роль молодежи сводилась к изготовлению чучела Масленицы, сбору дров и разжиганию масленичного костра. Девушки были главными участниками весенних обрядов, в основе которых лежала идея будущего плодородия. В *Вознесение* девушки совершали магические действия для повышения

Костюм молодой крестьянки из района Богословщина Михайловского уезда Рязанской губернии. XIX в.

урожайности полей, напр. подбрасывали на ржаном поле вверх хлебцы-лесенки; в *Семик-Троицу* ходили в поля, где колосилась рожь, и устраивали там трапезу, водили *хороводы* вокруг *березы* в надежде на то, что эти действия стимулируют плодородие полей, а также помогут выйти замуж. Кроме того, девушек привлекали к исполнению очистительных обрядов. Так, напр., они участвовали в опахивании — обряде, проводившемся для предохранения от эпизоотий скота. Одетые в белые *рубашки*, с распущенными волосами, впрягшись в соху, девушки вместе со старыми девами и старухами прокладывали вокруг села борозду, которая считалась преградой для *Коровьей Смерти*.

Участие холостой молодежи в обрядах жизненного цикла в целом ограничивалось свадебным ритуалом. Парни и девушки были его деятельными участниками от *сговора* до *венчания* (см.: Свадьба). Девушки входили в партию невесты, поддерживали ее и оплакивали ее будущую нелегкую «бабью долю». Парни составляли дружину жениха и старались скрасить его последние «вольные денечки».

Характерной чертой поведения деревенской молодежи было совместное времяпрепровождение — не только в праздники, но и в будни. В воскресные дни и праздники парни и девушки редко бывали дома, а собирались своим кругом. В будние дни встречались вечером, освободившись от работы. Возвращение парня или девушки домой ближе к ночи, а иногда и под утро не считалось предосудительным.

Весной и летом устраивались молодежные *гулянья*, которые начинались обычно на *Пасхальной неделе* и заканчивались к *Петрову дню* или к *Успению*. Гулянья проходили на площади села или за околицей деревни. Зимой молодежь собиралась на *посиделки* в избе, с этой целью специально снятой девушками. Они начинались или с дня Иоанна Богослова (26 сент./9 окт.) или с *Покрова*, а заканчивались к *Рождеству Христову*.

В *Святки* молодежь встречалась на играх, а в зимний масленичный период (период между *Крещением* и *Масленицей*) парни и девушки были участниками свадебных ритуалов. В *посты* совместные развлечения молодежи прекращались. Посещение гуляний, посиделок, игр считалось обязательным для девицы «в самой поре», «в самой красной жире» и для «женихающегося» парня. Отказ от участия в молодежных развлечениях вызывал удивление и резкое осуждение как в молодежном кругу, так и у старшего поколения: по мнению крестьян, такое «неправильное» поведение девушки или парня навлечет на всю молодежь деревни Божий гнев, а сами «отступники» будут наказаны безбрачием, ранним вдовством или бесплодием.

Парни и девушки относились друг к другу очень уважительно, обращались друг к другу, особенно на гуляниях и посиделках, по имени и отчеству. При встрече с девушкой парень должен был первым ей поклониться, сняв шляпу. Девушка должна была ответить ему таким же поклоном. При встрече полагалось немало поговорить, обменяться комплиментами. Рукопожатия между парнем и девушкой не одобрялись, т. к. считалось, что через них передается сексуальное влечение.

Общение между парнями и девушками обычно принимало форму любовной игры. Парни ухаживали за девушками, дарили им небольшие подарки, готовы были защитить от предполагаемых оскорблений со стороны парней-чужаков. Их игра строилась на том,

Рязанская девица «краса». Нач. XX в.

чтобы завоевать внимание и любовь девушек. Парни стремились продемонстрировать перед ними свое молодечество: силу, храбрость, ухарство (удаль), ловкость, остроумие, умение быстро принимать решение и воплощать его в жизнь. Эти качества очень ценились девушками, т. к. позволяли думать, что парень, ими обладающий, после женитьбы будет хорошим мужем. Девушки должны были с достоинством принимать попытки парней завоевать их симпатии, выбрать себе пару, показать себя трудолюбивыми, скромными и в то же время веселыми, в меру раскованными. Все эти черты характера говорили парням о том, что девушка будет «доброй» женой.

В молодежной среде также очень ценилась и внешняя красота, которая людьми пожилыми не считалась особенно большим достоинством человека: «Нам с лица не воду пить, и с корявой можно жить». В крестьянской среде вниманием парней пользовались высокие девушки крепкого телосложения, с румяным лицом.

Девушки считали красивым парня высокого роста, с полным, румяным лицом. Особенно ценились широкие плечи («косая сажень в плечах»), говорившие о силе — «молодость плечами крепка».

Любовная игра, в которой проходила жизнь молодежи, не должна была заходить слишком далеко. Девушкам полагалось «блюсти» себя, свое «честное имя», т. е. заботиться о своей репутации, хранить девственность до свадьбы. Парни также должны были помнить о своей чести, добром имени, хранить целомудрие. Молодые люди, нарушившие правила игры, строго наказывались молодежным коллективом. В их адрес раздавались непристойные частушки, «хорошие» парни и девушки старались не иметь дела с «заблуждающимися». Всеобщее неодобрение вызывала девушка, родившая ребенка вне брака. Ее презрительно называли *покрытка*, *накрытка*, *ребятница*, *богданиха*, изгоняли с посиделок, преследовали насмешками.

Новобрачная в свадебном костюме. Усть-Цельма

Молодожены не порывали связей с холостой молодежью: ходили на гулянья, посиделки, участвовали во всех развлечениях. Однако их статус в молодежной среде был выше, чем статус парней и девушек. Они были почетными, уважаемыми гостями, им уступали лучшие места на посиделках, старались говорить им приятные слова, обращать на них внимание, прислушиваться к их мнению. Молодожены пользовались большим вниманием и со стороны взрослого населения. В календарные праздники во многих деревнях Русского Севера для них устраивали застолья-«пирушки», от посещения которых нельзя было отказываться. Женщины приглашали молодух на свои праздники (*мор-*

Портрет новобрачной. Усть-Цельма

Н.А. Синявский (?). Парень с девушкой. 1809 г.

госья), где угощали сладким *пивом*, *пирогам* и давали полезные советы: как строить отношения с мужем, как угодить *свекрови*, как зачать мальчика. Молодоженам полагалось ездить в гости, «показывать себя людям» в Масленицу, в праздник *Введения*.

Молодежь, как холостая, так и женатая, пользовалась со стороны взрослых людей большим уважением. В праздник парней и девушек называли по имени и отчеству, в будни только именем, но всегда полным; их старались похвалить, отметить в разговоре их положительные качества. Подчеркнуто уважительно, даже с долей почтения, деревенские люди относились к молодоженам. Все называли их только по имени-отчеству, любовались ими как продолжателями «крестьянского рода-племени» и желали: «Вам, Иван Иванович, богатеть, а Вам, Марья Ивановна, спереди горбатеть». В то же время молодежь находилась под постоянным контролем со стороны старшего поколения деревни, которое наблюдало и оценивало поведение парней и девушек, молодух и молодых с точки зрения этических норм. Считалось, что несоблюдение этих норм — «обычаев дедов» — нарушает стабильность мира и ведет к гибели всего деревенского сообщества. В старинном духовном стихе «Сия песенка — отпадшим от Бога в погибель в грех» говорилось: «Плачу я, красно солнце со лучами, светел месяц плачу со звездами, что мир-народ идет он весь в погибель, в ту ли муку превечную».

Ист.: Шангина И. И. Русский народ. Будни и праздники. СПб., 2003.

МОЛОТЬБА, русские крестьяне знали 3 способа молотбы: топтанье, волочение и битье. Преобладал, однако, третий способ — битье цепом.

Белорусы, чтобы выбить зерно из колосьев, топтали и растирали просо босыми ногами. Лошадью топтали колосья 2 способами: без телеги и с телегой. В Твери скошенный овес расстилали на току и ездили

по нему на лошадях. На первую лошадь садился мальчик и правил ею так, чтобы она все время шла рядом с тем местом, которое было перед этим пройдено. Повод второй лошади привязывали к хвосту первой, третьей — ко второй, четвертой — к третьей. Если лошадей или быков запрягали в обычную телегу, утяжеленную каким-либо грузом, то зерно вымолачивали не только копыта животных, но и колеса телеги.

Малороссы называли одним и тем же словом молотбу с помощью скота и телеги и молотбу катком. Это называлось *гарма́ніти*, *гарманува́ти*. Ток как для того, так и для другого они называли *гарма́н*, а каток — *кото́к*, *гарма́нка*. Каток делался из известняка. Это вал длиной в 100–120 см. По всей длине у него 4–6 прямых выступов в 7–9 см. Поперечный разрез этого катка имел вид пятиконечной звезды; радиус каждого луча этой звезды был равен 30–40 см. Вращаясь, каток своими выступами вымолачивал зерно (Херсонская губ.).

С этим катком была сходна сибирская *молотя́га* (см. рис.). Она была сделана не из камня, а из ствола лиственницы, а вместо выступов были зубья длиной в 18–23 см. Иногда соединяли 2 таких валка, вставив их в четырехугольную раму (Иркутская губ.). Похожими деревянными валками из 1 или 2 коротких березовых стволов с 7 рядами зубьев или пальцев пользовались уже ок. 1850 в Нижегородской губ. Их называли медведь. Зубья этого катка были похожи на лошадиное копыто.

На Кубани и в Бессарабии имелось т. н. *мялка*, или *дика́ны*. Это широкая доска, передний конец которой был загнут вверх, а в нижнюю поверхность забиты осколки кремня или мелкие железные пластинки.

Молотьба катком относилась к молотбе волочением.

Древнейшим видом молотбы битьем следует считать тот, который южнорусские крестьяне обозначали глаголом *старнова́ть* или *тарнова́ть*. Орудиями при этом еще не пользовались. Работник брал обеими руками сноп или часть снопа за нижний конец и хлестал колосьями о края или стенки бочки, о доску или о верхнюю часть плетеного кузова повозки (Рязанская губ. и др. места). Севернорусские крестьяне называли такой способ просто *хвоста́ть* (т. е. бить, колотить). Этот вид молотбы в н. XX в. встречался редко и только в порядке исключения, если нужно срочно получить немного зерна на семена или на хлеб. Он был непрактичен, т. к. при нем много зерна оставалось не обмолоченным. После такой молотбы снопы часто снова сушили в овине и еще раз молотили. Преимущество же его заключалось в том, что при этом сохранялось неповрежденной солома. В н. XX в. глагол «старновать» приобрел более широкое употребление и означал всякую молотбу, при которой оставалась целой солома и сохранялся сноп (*около́т*, *обмолото́к*, *обй́вки*). В н. XX в. старнованье отличалось от обычного обмолота цепами лишь тем, что на нижний конец снопа, развязав перевязь, клали в качестве груза палку, а после обмолота снопы снова связывали. Впрочем, бывало и так, что снопы при этом не развязывали.

Существовала также молотба орудием, которое называлось *па́лица*, *пра́льник*, *валёк*, *кичи́га*. Оно было похоже на валёк, которым колотят белье при стирке в реке, только немного больше. Белорусы называли его *праник* (см. рис.). Этим орудием везде молотили лен и коноплю. Молотили каждый сноп

отдельно, причем верхушку его клали на доску. Только на севере (Архангельская, Вологодская, Олонецкая, Новгородская губ.) им молотили также и зерновые. Тамошнюю кичигу делали из березового бревна с кривым суком. Сук длиной 140–190 см служил рукояткой, а само молотило, которым били по снопам на току, представляло собой доску длиной 35–45 см, шириной 6–10 см и толщиной 5–7 см.

Иногда семенные коробочки льна срезали ножом или косой; оставшиеся обрывали т. н. дра́чкой или на рибальнице. Драчка (от глагола «драть») — это несколько соединенных, параллельных друг другу серпов (Псковская губ.). Рибальница представляла собой железные зубья, укрепленные на конце наклонной скамьи. Взяв в руки сноп льна, им проводили по торчащим зубьям рибальницы (Олонецкая губ.).

Остается описать наиболее употребительный и характерный способ молотьбы — цепями. Несмотря на конкуренцию молотилок, это орудие вплоть до н. XX в. встречалось у всех русских крестьян под разными названиями: цеп (малорос. — ціп, рус. диалектное — цоп), молотило, при́уз или приу́зень. Цеп состоял из 3 основных частей: 1) ручка, 2) било, 3) ремень, связывающий обе части. Ручка цепа — это деревянная палка длиной 150 см и больше. У нее были всевозможные местные названия, многие из которых происходили от слова цеп (малорос. — ціпіло, ціпільно (а), ціпина; белорус. — цапільна; рус. — цепильня (о), цепник, цеповіще); др. происходят от глагола «держать» (южнорус. — держалень, держалка, держало, а также северус. — ра́товище — так называют и рукоятку копыя или пики, — дубе́ц, ка́дца, ка́дочка, каду́шка).

Било — это палка из дубового или др. крепкого дерева длиной 75–95 см, с небольшим утолщением на конце, иногда изогнутая. Ее названия в большинстве случаев были связаны с глаголами «бить» и «тыпать», как малорос. — бич, белорус. — біч, бичук, рус. — тя (и) пё́ц, тя (и) по́к, тя (и) пи́чка, кепе́ц, тыпёнок, би́ло, биле́нь; также рус. — бато́г, валёк, дубе́ц, на́вязень, кий, киёк. Обычно ручка была соединена с билем сыромятным ремнем, иногда ремнем из морской кожи, реже из лыка. Этот ремень назывался: малорос. — капиця, белорус. — гу́жык, великорос. — путо, пу́тце, при́уз, гуж, гу́жина, при́швица.

Такой ремень прикреплялся к ручке разными способами. В зависимости от этого различали 3 типа восточнославянских цепов. Для наиболее архаического типа было характерно то, что ремень просто привязывали к концам ручки и била. При этом ремень, привязанный к билу неподвижно, свободно вращался вокруг ручки: благодаря этому било при каждом ударе описывало круг (см. рис.). Этот тип цепов был характерен для белорусов.

У второго типа цепов на конце ручки имелось воронкообразное углубление. Оно было направлено внутрь под небольшим углом и кончалось узким отверстием сбоку. Через это отверстие пропускали ремень и завязывали его снаружи узлом, так что он не мог проскользнуть в воронку. Этот конец ремня свободно вращался в воронке, а второй конец его был неподвижно закреплен на конце била (см. рис., Сольвычегодский у. Вологодской губ.). На этом рисунке нетипично то, что углубление одинаково узко на всем своем протяжении. Обычно оно на нижнем конце было шире и имело воронкообразную форму. Конец ремня, высту-

павший из бокового отверстия, чаще закреплялся не штифтом, а узлом. Такой вид цепов характерен был для северных областей, но был известен и в Галиции. Можно предполагать, что севернорусское название ручки ка́дочка, каду́шка, было связано с этим воронкообразным углублением. Думается, что этому севернорусскому типу предшествовал более древний, сохранившийся до н. XX в. главным образом у белорусов (см. рис.).

Для малороссов был характерен третий тип. Здесь к двум сторонам одного из концов ручки был прикреплен широкий (до 4 см) ремень, образующий петлю. На конце била также имелся такой ремень. Середина каждого из ремней, концы которых привязаны, образовывали петлю. Сквозь эти петли был пропущен третий ремень, тонкий (т. н. гу́жина, ушива́льник), образующий небольшое кольцо (диаметром приблизительно 5 см) и связывающий ручку и било. Таким образом, получалась цепь из 3 звеньев: 2 капицы на концах и гужина в виде кольца посередине.

Малороссы считали длинную связь характерной для белорусов, которых они называли литвины (т. е. «литовцы»). Било болталось на длинной связи вокруг ручки; поэтому малороссы называли болтливое чело- века литовський ціп.

Зимой нередко молотили на льду пруда или реки, предварительно убрав оттуда снег, но чаще молотили на току (малорос. — тік, великорос. — ладо́нь, доло́нь, белорус. — такавня́, сыробо́йня), который являлся частью гумна. Обычно это делалось под открытым небом. С земли удаляли траву и разравнивали землю трамбовкой (см. рис., Вологодская губ.). В лесах и болотах Севера ток нередко имел крышу (кры́тик) и даже деревянный пол.

При молотьбе снопы расстилали вдоль всего тока в 2 ряда, колосьями друг к другу. Это называлось посад. Работники становились друг против друга (2–6 мужчин) и в такт ударяли сперва по колосьям одного ряда посада. Продвигаясь постепенно вперед, они доходили от овина до противоположного конца тока. Затем возвращались к овину и начинали молотьбу колосьев второго ряда, причем один из них бил по средней части снопов. За ними шел ребенок 9–12 лет и переворачивал снопы, которые еще раз обмолачивали с другого бока. После этого ребенок серпом или топором разрезал перевязи на снопах, и развязанные снопы снова молотили. Теперь надо было развернуть снопы внутренней частью наружу. Это делал тот же самый ребенок рукояткой грабеля или наиболее сильный из рабочих, который шел несколько впереди и боковым ударом цепа справа налево вытаскивал каждый сноп, подставляя его внутреннюю часть остальным молотильщикам. После этого одни работники ворошили обмолаченную солому граблями, поднимали ее и отбрасывали в сторону, а другие на вилах или на ручке переносили ее с тока в сарай. Оставшиеся колосья сметали на середину тока и дважды снова обмолачивали их цепями. Этим завершался обмолот посада, и на току расстилали новую партию снопов.

Малороссы посадов не делали. Они клали на ток 2–3 снопа, молотили их цепями и затем начинали молотить следующие 2–3 снопа. Малороссов Воронежской губ. можно было узнать именно по такому способу молотьбы.

Обмолоченное зерно граблями освобождали от мелкой соломы и колосьев и собирали в кучу (т. н. во-

рох) в таком месте, где особенно сильно и равномерно дует ветер. Здесь зерно веяли (кроили), т. е. очищали его от мякины и пыли и отделяли более качественное зерно от плохого. Белорусы веяли, сидя на низкой скамье, великороссы и малороссы работали стоя. Великороссы поворачивались к ветру левым боком и широкой лопатой с едва заметным углублением в середине бросали зерно вверх против ветра (под углом 50–70°). Белорусы же садились на низкий деревянный чурбан или на сухой пень, против ветра, несколько под углом и небольшой лопатой с короткой ручкой (см. рис.) бросали зерно перед собой полукругом. Худшее зерно (охвостье) падало ближе к веяльщику, а хорошее (голова), благодаря тому, что оно тяжелее, оказывалось дальше. Охвостье служило кормом для скота, голову пускали на семена. Что же касается зерна среднего качества (середина и хвост), то оно шло в пищу и на продажу. Нередко зерно очищали и сортировали дополнительно на грохоте, т. е. на большом решете, и на изготовленной фабричным способом веялке.

На рис. представлены белорусские орудия для молотбы и веяния (Слуцкий и Мозырский у. Минской губ.): 1) цеп, 2) вилы, 3) т. н. траяны, т. е. трезубые вилы, 4) грабли, 5) т. н. шупель, т. е. лопата для веяния, 6) пра́ник (валек) для обмолота льна и конопли, 7) веялка, т. е. небольшая лопатка для веяния.

Ритуальным блюдом при начале молотбы (за молотки) считается крутая каша из разных круп: она магически воздействовала на хлеба будущего урожая (Гомельский у. Могилевской губ.). По народным представлениям, на гумне живет гумённый, дух двора, которого часто отождествляли с ови́нником. Севернорусские крестьяне Лужского у. Петербургской губ. 1 окт. (Покров пресвятой Богородицы) ставили на току ведро пива и оставляли его там на несколько дней; можно рассматривать это как жертву гумённику.

Лит.: Найдич Д. В. Орудия и способы молотбы и веяния. Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967.

Ист.: Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 77–83.

МОЛЬБА — см.: ТРАПЕЗА ОБЩЕСТВЕННАЯ.

МОНАШЕСТВО (иночество), духовное сословие подвижников уединения, целомудрия, послушания, *нестяжательства*, внутренней и внешней молитвы.

В. Васнецов. Нестор-летописец

На Руси иночество началось почти одновременно с принятием христианства. Основателями иночества на Руси были прп. Антоний и прп. Феодосий, жившие в Киево-Печерском монастыре.

Башни соловецкого монастыря

В. Шилов. Троице-Сергиева лавра

Большие монастыри, с несколькими сотнями монахов, стали называться лаврами. Каждый монастырь имеет свой распорядок жизни, свои правила, т. е. свой монастырский устав. Все монахи должны обязательно выполнять различные работы, которые по монастырскому уставу называются послушаниями.

Монашество могут принимать не только мужчины, но и женщины с такими же точно правилами, как и у монахов. С древности существуют женские монастыри.

Желающие вступить в иноческую жизнь должны прежде испытать свои силы (пройти искусы) и тогда уже дать невозвратные обеты.

Люди, проходящие предварительные испытания, называются послушниками. Если они в течение долгого испытания оказываются способными стать монахами, то их облачают в неполное одеяние инока, с установленными молитвами, что называется рясофором, т.

е. правом ношения рясы и камилавки, чтобы в ожидании полного иночества они еще больше утвердились на избранном пути. Послушник после этого называется рясофорным.

Б. Кустодиев. В монастыре. XVII век

Н. Сидоров. Мировжский монастырь. Фрагмент

Вид на Феропонтов монастырь

М. Нестеров. Скитник

Новодевичий монастырь

Палаты бояр Романовых

Валдайский Иверский монастырь

Самое иночество включает в себе две степени: малый и великий образ (образ ангельского жития), которые по-гречески называются малая схима и великая схима.

При вступлении в самое иночество над монахом совершается последование малой схимы, в которой монах дает обеты иночества и ему дается новое имя. Когда наступает момент пострижения, монах трижды дает игумену ножницы в утверждение своего твердого решения. Когда игумен в третий раз принимает из рук

постригаемого ножницы, то он, с благодарением Богу, постригает крестообразно волосы ему, во имя Пресвятой Троицы, посвящая его этим всецело на служение Богу.

На принявшего малую схиму надевают параманд (греч.: небольшой четырехугольный плат с изображением Креста Господня и орудий Его страданий), подрясник и пояс; затем постригаемый покрывается мантией — длинным плащом без рукавов. На голову надевается клобук, так называется камилавка с длинным покрыв-

Михаил Несторов. В скиту. 1915 г.

Г. Лебедев. Новодевичий монастырь. 1988 г.

Л.-П. Бишбуа. Новый Иерусалим

Г. Лебедев. Симонов монастырь. 1998 г.

валом — наметкой. В руки даются четки — шнурок с на-
низанными на него шариками для подсчета молитв и
поклонов. Все эти одежды имеют символическое зна-
чение и напоминают монаху о его обетах.

В заключение обряда даются в руки новопостри-
женному крест и свеча, с которыми он стоит всю ли-
тургию до самого Св. Причастия.

Спасский собор Андроникова монастыря. Москва. 1420—1427 гг.

Г. Лебедев. Кирилло-Белозерский монастырь. Белая ночь. 1990-е гг.

Монахи, принимающие великую схиму, дают еще более строгие обеты. Им еще раз меняют имя. В облачении также есть изменения: вместо параманда надевают аналав (особый плат с крестами), на голову вместо клобука надевают куколь, покрывающий голову и плечи.

У нас принято называть схимниками исключительно только тех иноков, которые пострижены в великую схиму.

Если монах поставляется в игумены, то ему дается жезл (посох). Жезл есть знак власти над подчиненными, знак законного управления братией (монахами). Когда игумен возводится в архимандриты, на него надевают мантию со скрижалями. Скрижалями называются четырехугольники из материи красного или

К. Крыжицкий. Скит в лунную ночь. 1898 г.

Воскресенский собор в Новом Иерусалиме. Крестовая церковь. Заалтарный обход. 1656–1685 гг.

Г. Лебедев. Собор Смольного (Воскресения Словущего) монастыря 1990-е гг.

зеленого цвета, нашитые на мантию спереди, два наверху и два внизу. Они означают, что архимандрит руководит братией по заповедям Божиим. Кроме того, архимандрит получает еще палицу и митру. Обычно из архимандритов поставляются на высшую степень священства — в епископы.

Многие из монашествующих были истинными ангелами во плоти, сияющими светильниками Церкви Христовой.

Г. Лебедев. Новоспасский монастырь. 1990-е гг.

Несмотря на то, что иноки удаляются из мира для достижения высшего нравственного совершенства, иночество имеет великое благотворное влияние на живущих в мире.

Помогая духовным нуждам ближних, иноки не отказывались, когда имели возможность, служить и временным их нуждам. Добывая себе трудами пропитание, они делились средствами пропитания с неимущими. При монастырях были странноприимницы, где иноки принимали, питали и покоили странников. Из монастырей часто рассылались милостыни и по другим местам: томившимся в темнице узникам, бедствовавшим во время голода и от других несчастий.

Но главная неоценимая заслуга иноков для общества состоит в непрестанной творимой ими молитве о Церкви, Отечестве, живых и умерших.

Е. Волков. У монастыря

Свт. Феофан Затворник говорит: «Иноки — это жертва Богу от общества, которое, предавая их Богу, из них составляет себе ограду. В монастырях в особенности процветает священнослужение чинное, полной-

Б. Кустодиев. Монахиня. 1908 г.

М. Нестеров. Лисичка

шее, продолжительнейшее. Церковь является здесь во всей красоте своего облачения». Поистине, в монастыре — неиссякаемый источник назидания для мирян.

В средние века монастыри имели большое значение как центры наук и распространители просвещения.

Наличие в стране монастырей есть выражение крепости и силы религиозно-нравственного духа народного.

Б. Кустодиев. Монахиня

Русский народ любил монастыри. Когда возникал новый монастырь, то русские люди начинали селиться около него, образуя поселок, который вырастал иногда в большой город.

Прот. С. Слободской **МОРОСЬЕ** (от диалектного слова «моргосить» — кокетничать, умильничать), праздник замужних женщин. Эти праздники были известны под различными названиями по всей России и проводились обычно в весенне-летнее время, начиная с недели *Жен-мироносиц* до *Троицы*. Особенно часто празднества устраивались в третье воскресенье по *Пасхе*, когда Церковь отмечает память Жен-мироносиц — женщин, которые оплакивали распятого Христа и пришли к Его гробу с благовонными маслами, чтобы умастить его тело. Считалось, что в это воскресенье все женщины — именинницы.

Праздники представляли собой совместную трапезу замужних женщин, проводившуюся в лесу, на берегу реки, озера или в избе втайне от др. жителей деревни. В празднике принимали участие женщины, имевшие детей и не утратившие репродуктивной функции. Старухам и девушкам посещать женские праздники не полагалось. Молодухи — женщины, только что вступившие в брак, приходили на праздники лишь по специальному приглашению.

Праздник начинался со сбора («ссыпки») продуктов, необходимых для трапезы. Обычно готовились пироги, каши, яичница, творог, сметана, сыр, а также напитки — пивное сусло, *квас*, бражка — из ячменя или ржи. Перед началом пиршества на *божницу* ставили *миску* с кашей как подношение Божьей Матери, Женам-мироносицам или святому, на день которого приходился праздник. Во время трапезы женщины обсуждали деревенские и личные проблемы, делились опытом семейной жизни с молодыми, пели, плясали, веселились.

Женские праздники, как и мужские (см.: Братчины), своими корнями уходят в глубокую древность. Принято считать, что в их основе лежат языческие ритуалы, связанные с принесением жертвы божеству растительности.

Ист.: Шангина И. И. Русский народ. Будни и праздники. СПб., 2003.

МОРДОВЦЕВА Анна Никаноровна (1823—1885), этнограф, жена писателя Д. Л. Мордовцева. Предоставила в 1854 Императорской академии наук «Былины и песни», записанные ею в Саратове. В 1855 она составила словарь к Святославу сборнику. «Русские народные песни, собранные в Саратовской губернии А. Н. Мордовцевой и Н. И. Костомаровым» были опубликованы в «Летописи русской литературы и древностей» (1862, т. 4).

МОРОЗ (Морозко), персонаж русского сказочного фольклора. Сказочный образ Мороза часто представляли в виде богатыря, *кузнеца*, который сковывает воду «железными» морозами (калинниками, по народной этимологии связанными с «калить»). Возможно, что сказочный образ Мороза (Трескуна, Студенца), в русской сказке идущего с Солнцем и Ветром и угрожающего заморозить встретившегося им мужика, может быть сопоставлен с образом Мороза, живущего в ледяной избушке и одаривающего (в функции сказочного помощника) пришедшего к нему.

Обрядовые представления, лежащие в основе этих образов, сохранялись у русских в ритуале кормления Мороза накануне *Рождества*. В каждой семье стар-

ший должен был выйти на *порог* или высунуться в волоковое окно с *печи* и предложить Морозу ложку киселя или *кутчи* со словами: «Мороз! Мороз! Приходи кисель есть. Мороз! Мороз! Не бей наш овес!»; затем следовало перечисление растений и злаков, которые Мороз не должен был побить (ср. обычай кормления *дедов*-предков и сочетание Дед Мороз). В русской низшей мифологии Мороз — старичок низенького роста, с длинной седой бородой, бегающий по полям и стуком вызывающий трескучие морозы; от удара Мороза по углу избы трескается бревно.

Дальнейшая трансформация обрядов, связанных с Морозом, в городской среде вызвана влиянием западноевропейских рождественских обычаев: Дед Мороз — рождественский дед.

В. И., В. Т.

МОРЕНА (Морана), в языческой мифологии богиня зимы и смерти. Ее владения лежат на границе *Яви* и *Нави*, где она своим серпом обрезает нити жизни.

В. Корольков. «Морана»

МОСКВА, главный символ Русского государства и народной жизни, крупнейший духовный, культурный, политический и экономический центр России. Население 8,7 млн. чел. (1993).

Заселение территории Москвы началось еще в эпоху неолита. Первое летописное упоминание о Москве как городе с тем же названием относится к 1147. По данным археологических раскопок, укрепленное поселение на месте современного Кремля существовало в к. XI — н. XII вв. В княжение Юрия Долгорукого,

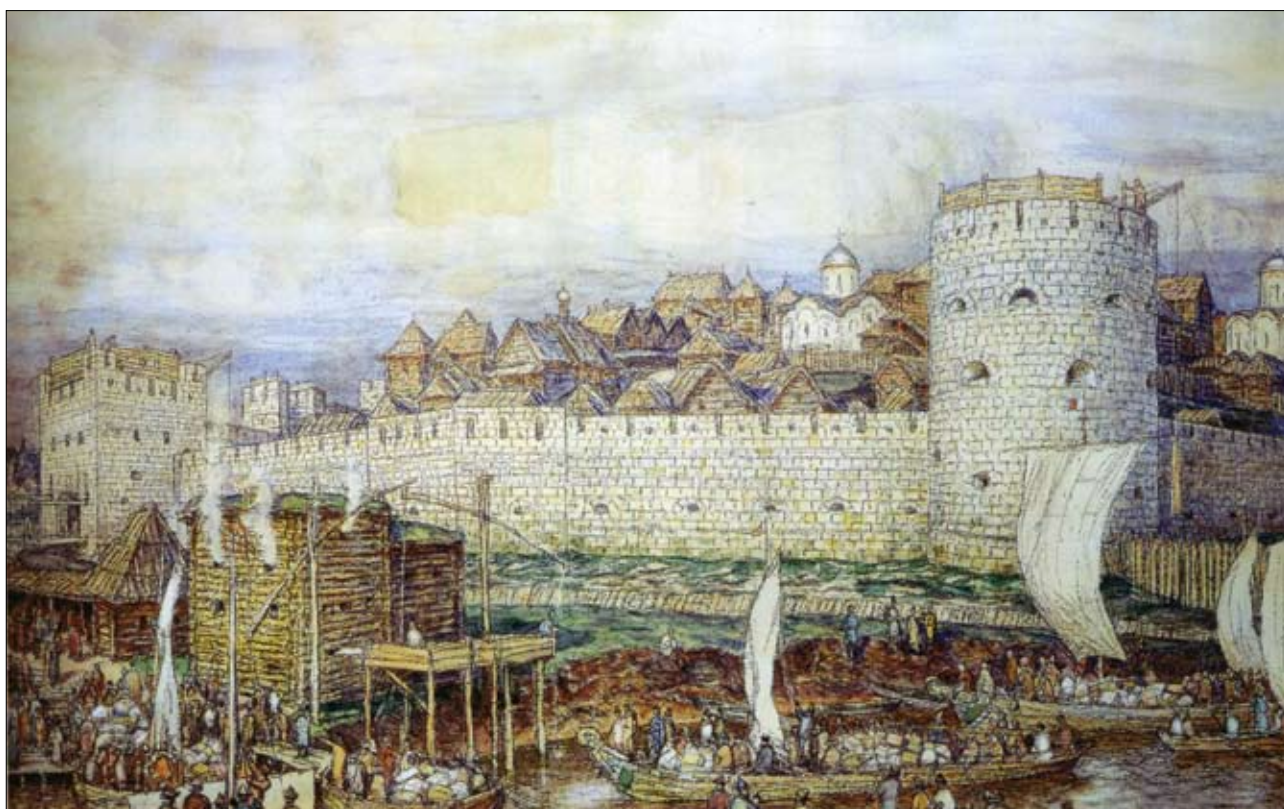
Н. Дубовской. Храм Василия Блаженного

около 1156, была построена новая, более обширная крепость, разоренная монголами в 1237. Сравнительно скоро Москва была вновь отстроена. Во 2-й пол. XIII в. Москва — стольный город Московского княжества. Рост и возвышение Москвы были связаны прежде всего с ее расположением в центре той части славянских земель (земли вятичей и кривичей), где складывалась русская народность, на пересечении торговых путей.

Важным фактором возвышения Москвы было развитие ремесла, торговли и земледелия. В XIV в. Москва выдвигается как центр Московского великого княжества — одного из сильнейших княжеств Северо-Восточной Руси. Со времени Ивана I Даниловича Калиты Москва становится политическим центром Владимиро-Суздальского великого княжества, резиденцией русских митрополитов, церковной столицей Руси. Во 2-й пол. XIV в., при внуке Ивана Калиты Дмитрии Ивановиче Донском, Москва — организатор вооруженной борьбы русского народа против татаро-монгольского ига, свержение которого началось Куликовской битвой 1380. Золотоордынские ханы, понимая значение Москвы, не раз пытались ее уничтожить. Однако ничто уже не могло приостановить продолжавшуюся консолидацию русских земель вокруг Москвы. В XIV и 1-й пол. XV вв. Москва — крупный город с многочисленным торгово-ремесленным населением, которое расселяется на территории Великого посада (впоследствии — Китай-город) и многочисленных слобод в Заречье (впоследствии — Замоскворечье) и Занеглименье (территория к западу от р. Неглинной). В последней четв. XV в., при вел. кн. Иване III Васильевиче, Москва превращается в столицу Русского централизованного государства, в 1480 навсегда сбросившего татарское иго. Замечательным памятником

Ап. Васнецов. Московский Кремль при Иване Калите

Ап. Васнецов. Московский Кремль при Дмитрии Донском

Ап. Васнецов. Московский Кремль при Иване III

эпохи создания Русского государства стал новый московский Кремль, построенный в к. XV в. и сохранившийся в своей основе до наших дней.

Одновременно с ростом политического значения Москвы идет превращение ее в крупнейший экономический и культурный центр страны. Большое развитие получает в Москве производство оружия, тканей,

кожевенных, гончарных, ювелирных изделий, строительное дело. Память об этих производствах, сосредоточенных в многочисленных ремесленных слободах, до сих пор сохраняется в названиях многих улиц и переулков (Бронные улицы, Котельническая и Гончарная набережные, улицы Большие и Малые Каменщики и т. д.). В к. XV в. в Москве был основан Пушечный двор,

Ап. Васнецов. Всехсвятский каменный мост

Вид соборов Кремля

где производилась отливка пушек и колоколов. Между Москвой и другими русскими городами завязались оживленные торговые отношения. Центром московской и общерусской торговли был Великий посад. Главный рынок — «Торг» располагался вблизи от Кремля, на месте нынешней Красной площади. Развитие ремесла и торговли в XVI в. способствовало росту территории и населения города. По своим размерам Москва превосходила в то время Лондон, Прагу и др. города Европы. Территория ее располагалась в пределах современного Садового кольца, местами выходя за ее границы. Численность населения не поддается точному исчислению: к н. XVII в. оно колеблется между 80 и 200 тыс. чел. По тому времени Москва была благоустроена, в ней были деревянные мостовые и водостоки.

В XVI в. в Москве создана система кольцевых оборонительных сооружений. Каменная стена, получившая название Китай-города, построена в 1535–38 вокруг Великого посада. В 1586–93 на месте нынешнего Бульварного полукольца возведена каменная стена Белого города. В 1591–92 город был опоясан третьим оборонительным рубежом — земляным валом с деревянной стеной (Скородом), тянувшимся по линии нынешних улиц Садового кольца. Подступы к городским укреплениям прикрывали дозорные монастырские крепости: Свято-Данилов, Спасо-Андроников, Новодевичий, Донской, Новоспасский, Симонов.

Во 2-й пол. XVI в. посадское население состояло из гостей, торговых людей гостиной и суконной сотен и черных тяглых людей; первые две группы объединяли наиболее богатые слои населения московского посада. Москва становится важнейшим центром общерусской национальной культуры. Здесь создаются оригинальные по содержанию и форме, острые по идейной на-

правленности публицистические и художественные произведения («Лицевой свод» и др.). Большого совершенства достигает московское зодчество, воплощенное в таких памятниках архитектуры, как Кремль и собор Покрова на Рву. В Москве зарождается русское книгопечатание. В 1564 на «Государевом дворе» дьяконом кремлевской церкви Николы Гостунского Иваном Федоровым и его помощником Петром Мстиславцем была выпущена книга «Апостол» — родоначальница русской печатной книги. В н. XVII в. во время польско-литовской интервенции врагам удалось подойти к Москве и 21 сентября 1610 захватить город. В 1610–12 вокруг Москвы, находившейся в руках интервентов, разворачивается борьба русского народа за независимость и целостность Русского государства. Эта борьба завершилась победой народного ополчения во главе с нижегородцем К. Мининым и москвичом Д.М. Пожарским. 26 октября 1612 враг, засевший в Кремле, вынужден был капитулировать. Изгнание врага из Москвы положило начало освобождению русской земли от иноземных захватчиков. Годы борьбы с интервентами причинили большие опустошения Москве. Большая часть города была сожжена, население резко уменьшилось. Однако за сравнительно короткий срок Москва была восстановлена. Ее население к сер. XVII в. достигло 200 тыс. чел. Выросла территория города, во многих местах Москва перешагнула за черту Земляного вала — границы XVI в. Здесь, вдоль дорог, тянувшихся из столицы в разных направлениях, вырос новый пояс московских слобод: Дорогомиловской ямской, Кудринской, Новинской, Тверской ямской, Сушевой, Напрудной, Переяславской ямской, Алексеевской, Греческой, Рогожской ямской, Кожевнической, Семеновской, Воронцов-

Церковь Успения Пресвятой Богородицы на Покровске

ской и Коломенской ямской. К к. XVI — н. XVII вв. окончательно складывается радиально-кольцевая схема планировки Москвы, которая сохранилась в основе развития города. Москва застраивалась преимущественно деревянными зданиями. Каменные дома были довольно редки, однако число их непрерывно росло. Наиболее значительными среди них по своим архитектурным достоинствам были: группа замечательных сооружений в Кремле (Теремной дворец, Патриаршие палаты, Потешный дворец), здание Печатного двора в Китай-городе, дома думного дьяка Аверкия Кириллова (Берсеневская набережная), дьяка Волкова (Харитоньевский переулок), князей В.В. Голицына и Б.И. Троекурова в Охотном ряду.

Хозяйственное развитие России XVII в., характеризовавшееся постепенным слиянием всех областей, земель и княжеств в одно целое, находит наиболее полное выражение в экономической жизни Москвы. В XVII в. Москва — центр складывавшегося всероссийского рынка. Наряду с ремеслом, все больше приобретающим характер товарного производства, увеличивалось число промышленных предприятий мануфактурного типа. К их числу относятся новый (второй) Пушечный двор, пороховые мельницы, Гранатный двор, кирпичные заводы, Хамовный полотняный двор, стекольный завод. Оживленное становились связи Москвы с самыми отдаленными уголками страны. Сильно возрастает ее значение как большого международного рынка, привлекающего купцов из Европы и Азии.

Большие изменения происходят в культурной жизни Москвы. Грамотность и просвещение, бывшие привилегией преимущественно высшего класса, начинают распространяться среди верхов торгово-промышленного населения. Большого развития до-

стигает книгопечатание. Московский Печатный двор становится одной из крупнейших типографий Европы. Создаются первые школы. В 1687 открывается Славяно-греко-латинская академия, явившаяся первым опытом организации высшей школы в России.

После переноса столицы России в Петербург в 1713 Москва по-прежнему остается важнейшим экономическим и культурным центром страны. Значительное развитие получает крупная промышленность, гл. обр. текстильная: Суконный двор, полотняные и шелкоткацкие мануфактуры. Москва сохраняет за собой значение крупнейшего торгового центра страны. В 1-й четв. XVIII в. в Москве было положено начало светскому школьному образованию: в 1701 были открыты Школа математических и навигацких наук и Артиллерийская школа, в 1707 — Медицинское училище, в 1712 — Инженерная школа. В 1755 в Москве был основан первый русский университет. Здесь же в 1702 возник первый в России публичный театр, в 1703 начала выходить первая русская газета «Ведомости». Немаловажную роль играла Москва и в политической жизни страны, оставаясь второй столицей империи. О большом политическом значении Москвы в XVIII в. свидетельствует пребывание в ней правительства и большинства центральных учреждений в общей сложности в течение почти 20 лет в последние три четверти XVIII в. Быстро росли территория и население Москвы. К сер. XVIII в. ее площадь составляла 8698 га. Новой границей Москвы становится Камер-Коллежский вал протяженностью 32 версты. Рост населения шел гл. обр. за счет оброчных крестьян, пополнявших ряды городского рабочего люда, а также многочисленной крепостной прислуги дворянства, концентрировавшегося в Москве. Потребностям и нуждам московского дворянства была подчинена вся застройка города, осуществлявшаяся в духе классицизма. Вершины развития московская архитектурная классика достигает во

Вид колокольни Ивана Великого

2-й пол. XVIII в. в творчестве выдающихся представителей русской архитектуры В. И. Баженова — дом Пашкова и М. Ф. Казакова — здание Сената, Благородное собрание и др.

В XVIII—XX вв. территория Москвы постоянно увеличивалась за счет присоединения к городу подмосковных сел и деревень. В к. XX в. граница города проходит по Московской кольцевой автомобильной дороге. Площадь города составляет около 1000 кв. км.

В. П.

МОСТ, в народной традиции соединяет этот и «*тот свет*». По верованиям малороссов, *душе* после смерти предстоит перейти по кладочке через огонь, и если она оступится, то не дойдет до Царства Божия. Белорусы Гомельской обл. полагали, что душа умершего переходит по мостику над водой.

В Белоруссии существовал обычай делать в память об умершем мостик через канаву или ручей. На следующий день после поминак на могиле мужчины ставили крест, а в память о женщине делали кладку через какое-нибудь мокрое, топкое место или же перекидывали мостик через канаву либо ручей; вырезали на дереве, срубленном для моста, дату смерти и серп; затем садились на дерево, выпивали, закусывали и поминали умершую. Каждый, кто переходил по такому мостику, также должен был ее помянуть.

Тема мошения мостов характерна для обрядовой поэзии. В колядках и волочечных песнях рассказывается о том, что к хозяину пришли гости издалека, преодолев множество препятствий и, в частности, построив калиновые мосты через *Дунай*. В малороссийской калядке по калинову мосту уходят от человека его лета молодые и счастливая *доля*. В др. тексте хозяин дома идет через Дунай по калиновому мосту и встречает ангелов; они подхватывают его под руки и несут в рай.

Как небесный мост осмысляются *радуга* и Млечный Путь. По поверьям Тульской губ., радуга — это мост, по которому ангелы поднимаются на небо с душами праведников и опускаются на землю, чтобы передать праведным людям Божию волю. В Тульской губ. Млечный Путь осмысливали как мост из ада в рай, по которому идут души умерших. Те, кого поминают в молитвах на земле, беспрепятственно проходят в рай, но если кого-нибудь из них на земле проклинают, то

Бог изгоняет их из рая в ад и, когда они падают вниз, от них летят искры, которые падают на землю в виде змей и др. гадов.

Небесный мост упоминается и в загадках: «Золотой мост на сотню верст» (лучи солнца, свет), «Протянулся мост на семь верст, а в конце моста золотая верста» (неделя, дни недели), «Намощен мост на семь верст, на мосту яблоня, на яблоне цвет во весь вольный свет» (семь недель *Великого поста* и *Пасха*).

В святочных *гаданиях* мост и вода связаны с символикой *любви* и *брака*. Девушка ставила на ночь у кровати сосуд с водой или сделанный из дров *колодец*, а потом связывала из прутьев или палочек мостик и клала его сверху; во сне ей должен был явиться жених и перевести через мост.

В русских сказках на калиновом мосту происходит единоборство со *змеем*. Иногда схватка происходит на ледяном мосту, который создан на море дыханием змея, или на трех мостах: сначала на медном, потом на серебряном и, наконец, на золотом. Одна из трудных задач в сказках — построить за ночь большой чудесный мост — одна мостина серебряная, другая золотая.

Ист.: *Топорков А.* Мост//Славянская мифология. М., 1995. **МОСТОВСКИЙ Михаил Степанович**, писатель, этнограф. Окончил Московский университет (1862).

Соч.: *Этнографические очерки России*. М., 1874; *Храм Христа Спасителя в Москве*. 3-е изд. М., 1884, 1889, 1896.

МОТНЯ, в малороссийских шароварах очень большой клин в шагу, сильно их расширявший, делавший их удобными в жару и в седле.

МОТЫГА, земледельческое орудие. Известно с древности (X в.), когда с ее помощью вручную обрабатывали *подсеки*. Мотыгу, которой возделывали подсеки, севернорусские крестьяне называли *тыпка*, *цапка*, *копаница*, *копыло*, *карапуля*, *копач* и т. д. О самом процессе говорили: *цапать*, *копылить*, *тыпать*, *карапулить*. Это орудие было похоже на топор с длинным топорщиком, причем железное лезвие было насажено не вдоль топорщика, как у обычного топора для рубки дерева, а поперек (см. рис.).

Лит.: см. лит. к ст. «Соха».

МОЧАЛО, волокна липы с внутренней части ее коры. Использовалось для изготовления рогож, циновок, кулей, веревок и простых мочалок для мытья.

Емецкий р-н Архангельской области. Рубленый мост через реку Сию. Фото А.В. Лядова. ЦГРМ. МАА

МУДРОСТЬ, одна из семи человеческих добродетелей в православном смысле, соединение *истины* и *блага*, высшая правда, слияние *любви* и истины, высшее состояние умственного и нравственного совершенства, знание *добра* и *зла*.

В византийской книге «Стефанит и Ихнилат», появившейся на Руси в XIII в. и полюбившейся русским людям, говорится: «Мудрому следует держаться трех вещей: во-первых, пострадав, хорошее углядеть и дурное в том, что явилось причиной, — и за добрым следовать, дурного же избегать; затем осознать, что действительно зло, что добро, и, наконец, рассчитать, что случится потом».

«Мудрый муж, — говорится в «Поучении отца сыну» (XI в.), — разумным и мудрым друг, а неразумным Бог; большое это богатство — добрый ум». Эта же мысль проводится в «Молении» Даниила Заточника. «Мудрый человек — умный друг, а неразумный — недруг. Лучше мне слышать угрозы мудрых, нежели наставле-

С. Хромой (?). Беседа трех Вселенских святителей («Благодатные плоды учения»). Икона. Нач. XVII в. ПХГ

Н. Савин. Беседа Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста («Добрые плоды Учения»). Икона. Нач. XVII в. Царская мастерская. ГТГ

ния глупых... Нищий мудрый — как золото в грязном сосуде, а богатый человек глупый — как шелковая наволочка, соломой набитая».

Понятие мудрости хорошо освещено в сочинениях Л. Н. Толстого. Мудрость, считает он, есть знание вечных истин, приложимых к жизни. Не думай, что мудрость представляет собой свойство только особенных людей. Мудрость необходима всем людям и поэтому свойственна всем людям. Мудрость в том, чтобы знать свое назначение и средства исполнять его. Нет таких положений и нет таких незначительных дел, в которых не могла бы проявиться мудрость. Свойство мудрого человека состоит в трех вещах: первое — делать самому то, что он советует делать другим, второе — никогда не поступать против справедливости. И третье — терпеливо переносить слабости людей, окружающих его. Мудрость в том, чтобы знать, какие знания самые нужные. Из всех же знаний самое нужное — знание того, как жить хорошо, то есть жить так, чтобы делать как можно меньше зла и как можно больше добра.

О. Платонов

МУЖ, в понятиях Руси одна из сторон в благодатных отношениях *брака* как таинства любви (Иоанн Златоуст). «Отношения мужа и жены в христианском браке строятся по образу Христа и Церкви» (св. Климент, Тертуллиан). Вступая в брак, муж принимает на себя всю ответственность за жизнь, здоровье и благополучие жены и детей. Подобно Христу, который принял мучения за свою Церковь, муж должен быть готов положить свою жизнь за жену и детей. Муж не должен останавливаться ни перед какими мучениями и даже смертью, если это нужно для блага жены. «Я считаю тебя драгоценнее души своей», — говорит муж жене у Златоуста. Совершенная брачная мужская любовь, испрашиваемая в православном чине обручения, есть любовь мученическая, и глубокий смысл заключается в том, что в православных храмах в чин *венчания* входит церковная песнь «Святити мученицы» (С. В. Троицкий).

О. Платонов

МУЖЕСТВО, одна из семи человеческих добродетелей, означающих стойкость в беде и борьбе, духовную крепость, доблесть, храбрость, отвагу, спокойную смелость в бою и опасностях, терпение и постоянство.

Мужество особо почиталось на Руси. Это качество было крайне необходимо русским людям в тех тяжелых условиях, в которых им чаще всего приходилось жить. В понимании коренного русского человека лучше умереть, чем погрешить против мужества. *Смерть* не страшна, если ты стоишь за праведное дело, и, уповая на Бога, не погибнешь. В древнерусском сборнике «Пожелание праведного спасения» говорится: «Сын, избегай и распри, но, коль поединок случится, не заслужи позора в мужестве своем: ни жизнь и ни смерть не бывают без пользы, а выйдешь с честью из боя — честь и обретишь». Та же мысль проводится и в поучении Владимира Мономаха: «Смерти, дети мои, не страшась, ни войны, ни зверя, дело исполняйте мужское, какое вам Бог пошлет; никто из вас не повредится и не убьется, пока не будет от Бога повеления».

«Мужество есть великое свойство души; народ, им отмеченный, должен гордиться собой», — писал Н. М. Карамзин, а М. В. Ломоносов восклицал: «Держайте Отчизну мужеством прославить!»

Многим коренным русским людям мужественность была врожденна, закаляясь в тяжелейших испытаниях. Мужество воспитывалось изо дня в день в упорном сопротивлении трудностям. «Самое трудное, — писал В. А. Сухомлинский, — мужество повседневности, многолетнего труда. Найди себе идеал мужества и не отступно следуй ему».

Истинное мужество немногоречиво: ему так мало стоит показать себя, что самое геройство оно считает за долг, не за подвиг (*А. А. Бестужев-Марлинский*). Природная смелость есть та глыба драгоценного мрамора, из которой страх вырабатывает величественную статую мужества. Не тот мужественен, кто лезет на опасность, не чувствуя страха, а тот, кто может подавить самый сильный страх и думать об опасности, не подчиняясь страху (*К. Д. Ушинский*).

О. Платонов
МУЖЧИНА (мушина, муж, мужик), в понятиях Руси воспринимался в состоянии возмужалости, зрелого возраста, женатый. Главное его качество — мужество, стойкость в беде, борьбе, духовная крепость, доблесть, храбрость, отвага, готовность положить свою жизнь за Веру, Царя и Отечество.

«Домострой» требует от мужчины быть строгим, справедливым, честным, любить свою жену, но не давать ей власти над собой. Без жены мужчина не считался настоящим мужчиной, не мог заводить своего дома, иметь права голоса на общинном сходе или вече.

П. Корин. Старинный сказ. 1943 г.

Неженатый оставался в доме родителей и мог быть всегда наказан розгами отцом.

Женатый мужчина считался полным государем в своем доме, ему принадлежало последнее слово во всех делах, хотя самим домашним делом управляла государыня, его жена.

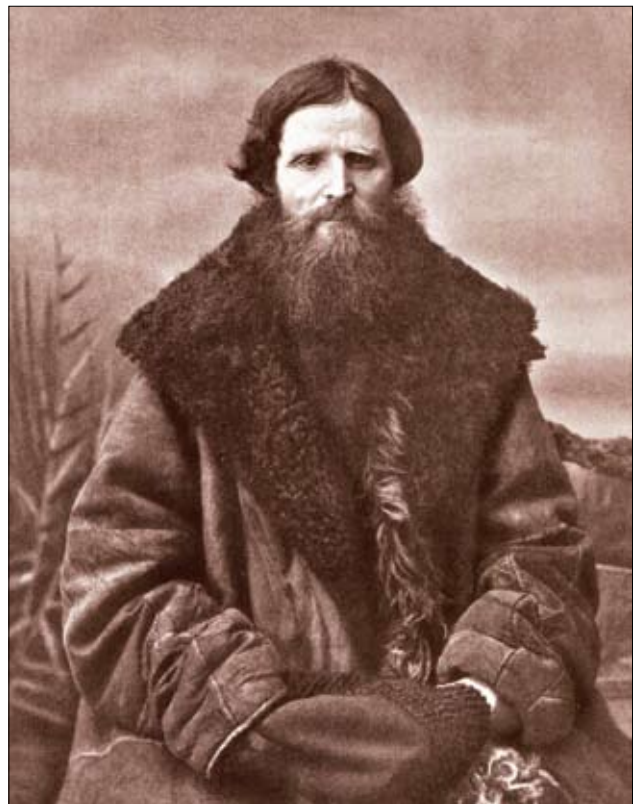
В своем личном «государстве» мужчина-домохозяин, по словам историка В. В. Колесова, был носи-

Н. Д. Мыльников. Портрет П.С. Спасского. Около 1829 г. ГИМ

Неизвестный художник. Портрет Леонтия Егорова. 1850-е гг.

Мужчина в овчинном тулупе. 1900-е гг.

Жена мужа слушает. Миниатюра из Жития Алексия, человека Божия

телем духовного чина, то есть порядка, обеспечивая дом экономически и воспитывая его обитателей нравственно, согласно заповедям Нового Завета. Право мужчины было обеспечено его христианским долгом: воспитание не только буквально как питание, но и как общее духовное руководство. При этом главным основанием и решений, и действий мужчины-государя являлась его совесть. Мужчина-домохозяин отвечал за души своей жены и детей перед самим Богом на Страшном Суде («Домострой»).

О. Платонов

МУЗЫКА В РУССКОЙ ЖИЗНИ (см. также: **Пение церковное**), вокальная и инструментальная музыка (последняя, вероятно, чаще всего как сопровождение, а затем уже и как замена первой) были известны русским славянам уже в глубокой древности. На это указывают многочисленные русские обрядовые песни, несомненно, ведущие свое начало из языческой старины, и свидетельства, рассеянные в сказках и др. произведениях народной поэзии. В сказках упоминаются чудесные рога, вызывающие своими звуками многочисленную рать, гусли-самогуды, заставляющие плясать леса и горы и наводящие волшебный сон, обличительница дудка-жалейка, сделанная из надмогильного тростника или из кости злодейски убитых юноши или девушки, и т. д. В *былинах* также упоминаются гусли-звончаты, игрой на которых занимаются не только гости богатые, вроде Садко, но и богатыри, как Добрыня Никитич, Чурила Пленкович, Соловей Будимирович, Ставр Годинович; говорится и о профессиональных музыкантах-инструменталистах, игроках, гудочниках, о мастерах-певцах, вроде Василия Буслаевича. Эти зачатки вокальной и инструментальной музыки не были самостоятельным приобретением наших предков, но представляли собой наследие, вынесенное ими из еще более древней, общеславянской, или праславянской, эпохи. Доказательством этому служит тождество из-

вестных природных (не заимствованных) музыкальных терминов в славянских языках: глагол «петь» и разные производные образования от его корня (песня, петел и т. п.) свойственны всем или почти всем отдельным славянским языкам. О существовании у праславян инструментальной музыки свидетельствует также ряд общеславянских названий музыкальных инструментов: свирель, сопелка, пищаль, дуда, труба, гусли, струна, смычок.

С начала русской истории до сер. XVII в. профессиональными представителями светского музыкального искусства являются у нас «веселые молодцы, люди вежливые, очестливые, веселые ребята скоморохи». Откуда явились на Руси эти бродячие «умельцы», часто бывшие в одно и то же время и певцами, и музыкантами, и мимами, и танцорами, и клоунами, и авторами-импровизаторами исполняемых произведений — до сих пор еще не выяснено; самая этимология слова загадочна. Одно из его объяснений указывает на византийское происхождение скоморохов, не обошедшееся, конечно, без южнославянского посредства. В Византии были целые дружины актеров, танцовщиков, придворных певчих, которые во время торжественной царской трапезы (напр. во время приема русской княгини Ольги) занимали и потешали пирующих. Существует даже известие, что во времена византийского императора Константина Багрянородного (X в.) придворными музыкантами служили славяне, любовь которых к музыке отмечается греческими летописцами еще в VI в. Возможно, что и с Запада рано попадали к нам изредка тамошние скоморохи — жонглеры и шпильманы (последнее слово встречается уже в памятниках XIII в.; переделкой его является русское шпынь — насмешник, балагур, шут, слепой нищий — певец, откуда шпынять — насмехаться, язвить, бранить). Этим, быть может, объясняется сходство скоморошеского платья с латинским, т. е. западноевропейским, отмечаемое в XIII в. летописцем Переяславля Суздальского. Случайные западные влияния едва ли, однако, могли равняться по силе более широким и постоянным византийским. Древнейший образ, в котором являются у нас скоморохи, — это «гусельники», играющие на своих «звончатых» или «яровчатых» (т. е. яворовых) гуслих, поющие песни, а иногда и пляшущие, одетые в особое скоморошье платье и ходящие поодиночке или целыми толпами-товариществами. Они — желанные

И. Ермеев. Поющие слепцы

гости на свадьбах, народных праздниках и сборищах, пирах княжеских и частных; их охотно зывают к себе в дом любители их искусства, несмотря на поучения и запрещения духовных пастырей. Древнейшее историческое свидетельство о гусельной игре на княжеских пирах встречается в летописи под 1015. Там же (в житии Феодосия Печерского) находим описание пира у вел. князя Киевского Святополка Ярославича, где игумен Феодосий увидел многих «игрецов», «овы гуслями гласы испускающе», «органныя гласы поюще», «инем замарьныя писки гласящем и тако всем играющем и веселящемся, яко-же обычай есть пред князем». Замечание Феодосия: «будет ли так на том свете?» заставляет князя прекратить веселье. Очевидно, что в XI в. «игра», т. е. музыка и пение, были «обычной» принадлежностью княжеского двора на Руси, как и тогдашнего сербского царского двора. На старинной фреске Софийского киевского собора, относимой к XI в., есть изображения таких «игрецов» на флейте, на длинных трубах, на струнных инструментах, вроде арфы и гитары, и на тарелках, причем флейтист и тарелочник изображены в то же время и пляшущими. Есть в летописи и данные о существовании военной музыки: во время похода Святослава в Болгарию «пойде полк по полце бьюще в бубны, и в трубы, и в сопели»; в «Сказании о Мамаевом побоище» рассказывается, что перед началом битвы «начаша гласы трубные от обоих стран сниматися». По-видимому, количество музыкальных инструментов находилось в известном отношении к численности войска. Так, в летописи количество войска у князя Юрия Владимировича определяется числом знамен (30), труб и бубнов (140). В описании междоусобицы Новгорода с Владимиром (1216) указывается, что первый выставил в поле 60 труб, а второй 40 труб и 40 бубнов. Музыка (исполнявшаяся, конечно, скоморохами) долго была непременной принадлежностью царского двора, особенно на свадьбах. На свадьбе Михаила Федоровича, как «государь пошел в мыльню, во весь день и с вечера и в ночи на дворце играли в сурны и в трубы и били по накрам». Г. Котошихин свидетельствует (в 60-х гг. XVII в.), что на царских свадьбах, «на царском дворе и по сеням, играют в трубки и в суренки и бьют в литавры». Алексей Михайлович первый отказался от этого обычая, соблюдавшегося «на прежних государских радостях», и «накрам и трубам быти не изволил, а велел государь в свои государские столы, вместо труб и органов и всяких свадебных потех, петь своим государевым певчим дьякам... строчные и демественные большие стихи». Это настроение не было продолжительно; музыка опять является при дворе, и ей отводится широкое место в ряду прочих увеселений. Так, в сентябре 1674 был при дворе большой пир, на котором «великого государя тешили и в арганы играли, а играл в арганы немчин, и в сурны и в трубы трубили и в суренки играли, и по накрам, и по литаврам били во все». Бояре также заводили у себя скоморохов. Скоморошеские забавы нередко примешивались и к церковным обрядам. В определениях Стоглава (1551) указывается на участие в «мирских свадьбах» «глумотворцев и органников и гусельников и смехотворцев», поющих «бесовские песни». Вследствие этого собор запрещал «скомрахом и глумцом» ходить «к венчанию ко святым церквам». Участники «пешного действа» — «халдеи» — на улицах вели себя как скоморохи. Митр. Даниил в своем поучении (в сер. XVI в.) говорит, что «суть неции от священных, иже суть сии пресвитери

Средневековый оркестр. Лицевой летописный свод. XVI в.

и диаконы, иподиакона, и четци и певцы, глумяся, играют на гуслях, в домры, в смыки». С сер. XVII в. скоморошество благодаря разным законодательным мерам стало падать: бродячие скоморохи постепенно исчезают, а оседлые превращаются в музыкантов, актеров, балетных танцоров и т. д. Пережитки бродячих и добровольцев скоморохов продолжают, впрочем, существовать и доньше в виде сказителей былин на севере, кобзарей-бандуристов на юге, народных дударей, гудочников-скрипачей (у белорусов сельский скрипач и теперь еще называется «скоморохой»), балалаечников, лирников и др. Древнейшим музыкальным инструментом скоморохов являются гусли — струнный инструмент, родственник нем. Hackebrett, цитре и т. п. В позднейшее время (XIV—XV в.) гуслями назывался аналогичный струнный инструмент, близкий к древнему псалтирю или псалтериюму и, вероятно, заимствованный с Востока или из Византии, а еще позже (в XVIII в.) — клавиирообразные многострунные цимбалы, до сих пор еще изредка встречающиеся в захолустных уголках. В н. XVII в. появляются у нас указания на употребление цимбал. Затем в старинных песнях и памятниках упоминаются трубы (по всей вероятности прямые, как на киевской фреске XI в.), бубны (старинные бубны, кажется, отличались от современного бубна и были близки к позднейшим накрам) и сопели. Впервые мы находим упоминание об этих трех инструментах в приведенном выше летописном известии о военной музыке кн. Святослава в его болгарском походе. Бубны упоминаются также в житии Феодосия (XI в.) и в «Слове о Задонщине». Несколько позже (XV в.) встречаются указания на существование волынки; другое ее название — коза или (более древнее) козица. В XVII в. встречаются упоминания о домре. В XVIII в. домра исчезает, вытесненная балалайкой (первично — двухструнной), которая, вероятно, представляет собой некоторое видоизменение малой домры. Впервые балалайка упоминается в 1715, в описании шутовской свадьбы князя-папы. Смычковый трехструнный инструмент гудок (или его еще более древний и простой прототип) восходит еще к праславянской эпохе. В народной русской песне гудок является в такой же

Неизвестный малороссийский художник XVIII века. Казак-бандурист

обстановке, как и гусли. «Гудосьники», которые «все в гудки играют», упоминаются в былинах; существует песня, где идет речь о срезании трех березовых прутьев проходимыми скоморохами с целью сделать из них три гудка. Рядом мы встречаем другой термин для обозначения смычкового инструмента — старославянское *смык* (скрипка, гудок). У нас *смыки*, в значении смычкового инструмента, упоминаются не ранее XVI в., в поучении митр. Даниила и в «Стоглаве» («и гусли, и смыки, и сопели, и всякое гудение»). Изображение скомороха, играющего на гудке, находим у Олеария.

В н. XVII в. находим указания и на употребление у нас на пирах теперешней малорусской лиры. Измененное у нас имя лиры было *рыле* (рыль), *рылеи*, *рели*. Остальные смычковые инструменты явились у нас в XVIII в., и к древнерусским инструментам не могут быть отнесены. К числу второстепенных древнерусских инструментов принадлежали также: *варган* — полудуховой, полуударный инструмент, в который дули ртом и ударяли пальцем, и *ложки* — медный ударный инструмент, имеющий форму обыкновенных ложек, ручки которых увешаны бубенчиками. Кроме перечисленных выше инструментов, употреблявшихся гл. обр. профессиональными музыкантами (скоморохами, военными и дворцовыми «игрецами»), предки наши обладали рядом доморожденных или сельских духовых инструментов, сохраняющихся в употреблении и доселе. Таковы: *дудка* или *свирель* (из полого ствола какого-нибудь растения или древесной коры), *пастушеский рожок* разной величины (из бересты или дерева, обмотанного берестой, теперь нередко из жести), *двойная дудка* *жалейка*, или *сиповка*.

Песня во всей ее этнографической неприкосновенности составляет главную неизбежную основу русской самобытной национальной музыки; она своими резкими особенностями придает ей индивидуальность, неподражаемый характер и те существенные черты, которые выделяют ее из прочей музыки Европы, ложатся в плоть и кровь русского композитора и не стусеиваются никакими условиями теории музыкальной культуры. Особенности русской песни выражаются, прежде всего, в ее мелодии, ритме, ладе и гармонии. Мелодия чрезвычайно своеобразна: при своих контрастах, протяжности или крайнем оживлении, она не отличается плавностью и легким, свободным

течением, но движется нередко скачками, напр. на кварту, притом всегда диатонически, не заключая в себе вводного тона минора; по протяжению она скорее коротка, чем длинна. Замечательной особенностью ритма, непривычной для иностранца, является его несимметричность. Так, размер песни нередко бывает в пять и семь долей, причем различные размеры часто меняются на коротком расстоянии; напр. вполне возможно чередование двухдольного с трехдольным и пятидольным размером и т. д. Сюда же относится и другая особенность песни, несимметричное сложение тактов; напр. сложение по пяти тактов

или по три меняется со сложением по четыре, по два и т. д. Гармония песни, сопровождающая мелодию, не допускает ни септимы, ни хроматизмов и состоит преимущественно из простых трезвучий. Следовательно, укладывание гармонии русской народной песни в рамки определенного мажора или минора совершенно к ней неприменимо, а между тем в эту ошибку впадали многие аранжировщики и гармонизаторы русской песни, а равно и составители песенных сборников, искажавшие хроматизмами даже самую мелодию. Так поступали все лица, имевшие дело с русской песней, начиная от И. Г. Прача до ближайших предшественников М. И. Глинки. Причины ладовой конструкции русской песни и близость ее гармонии к церковным тонам, несомненно, исторические и зиждутся на прочном водворении основ греческой церковной музыки в России, начиная с IX в.; пение же греческой Церкви было ладовое. Не будет, однако, противоречием, если мы подметим в некоторой части русских песен характер и колорит восточный, в силу коих диатонизм мелодии несколько нарушается введением в ее строение увеличенных интервалов, напр. увеличенной квинты и в особенности увеличенной секунды. Такая кажущаяся аномалия опять имеет свое историческое объяснение: она вытекает из постоянного общения русского народа с пограничным востоком. Вот почему вполне понятно введение нашими талантливыми русскими композиторами в их музыку восточного элемента и тщательная разработка его музыкальной поэзии, что сделано впервые с неподражаемым искусством Глинкой в его «Руслане и Людмиле».

История церковно-православного пения играет важную роль в истории русской музыки вообще, ибо на его древних музыкальных принципах построена национальная русская музыка. К сожалению, в развитии произошел по историческим причинам более всего в период татарского владычества застой, и потом с течением времени, в XV и XVI вв., эти коренные принципы стали отодвигаться и забываться, и таким образом наша церковная музыка уже не могла оказывать должного влияния на развитие музыки светской. Отчасти забвению подобных церковных музыкальных догматов содействовало и установление в XVII в. многоголосного, или партесного, пения, хотя украсившего музыкальное искусство, но заимствованного из музы-

ки западноевропейской. Наконец, во 2-й пол. XVIII в. православное церковное пение, как и музыка в России вообще, подпало новому влиянию, итальянскому, т. к. все наше музыкальное искусство вверено было попечению выписанных из Италии композиторов. Русская коренная песня, как выражение народной безыскусственной поэзии и иллюстрация различных ее форм — былин, сказаний, стихов и проч., вытесненная пришлым наносным элементом, постепенно стала вымирать или заглушаться, и ее распространители: гусяры, скоморохи, слепцы-кобзари, бандуристы, лирники и пр. — со своими инструментами мало-помалу делались достоянием исторического прошлого. Значительному успеху православных песнопений (см. пение церковное) содействовали Бортнянский, Березовский, Ведель, Дегтярев, Турчанинов и др., хотя лишь в указанном выше смысле, а позже А. Ф. Львов, заслуга которого еще более заключается в переложении всего церковного обихода, т. е. древних распевов и напевов, на гармонические голоса. Впрочем, вся существенная черновая работа этого труда была выполнена его компетентными сотрудниками: Воротниковым и Г. Я. Ломакиным. Во всяком случае, во 2-й пол. XIX в., несомненно, заметно постепенно развивающееся стремление к восстановлению в православных песнопениях духа и музыкальных принципов древней русской церкви. В этом направлении стали работать с непрерывною энергией, талантливостью и знанием дела современные русские композиторы: Римский-Корсаков, Балакирев, Чайковский, Аренский, Азеев, Смирнов и мн. др.

В конце царствования Елизаветы Петровны как будто созревает потребность в русской опере. Причину ее отчасти можно искать в природном сочувствии императрицы к народным крестьянским песням и хороводам, а также в некотором влиянии гр. А. Г. Разумовского, выходца из народа, но впоследствии ближайшего друга и советника императрицы. Как бы то ни было, но рождение первой русской оперы произошло в царствование Елизаветы Петровны.

Заря русской музыки занялась с сер. 1-й пол. XIX в. с появлением гения М. И. Глинки (1804—57), т. е. от создания им двух его опер: «Жизни за Царя» и «Руслана и Людмилы». Высокохудожественная натура Глинки инстинктивно понимает, что залогом русской национальной музыки может послужить лишь таковая же песня со всеми ее особенностями в мелодии, ритме, гармонии и даже полифонии (т. к. контрапункт играет очень важную роль в коренной русской песне при хоровом ее исполнении). Сознание подобной задачи русского композитора сложилось в творческой душе Глинки вполне ясно, твердо и определенно в тот период н. 1830-х, когда он, принеся дань увлечения итальянской музыке, убежденно высказался, что писать музыку можно лишь на основании отличительных черт нашей народной безыскусственной песни. Глинка был, бесспорно, прав, ибо даже в том случае, когда творчество не преследует исключительно народных идеалов и стремлений, талантливый автор все же несомненно обнаружит в художественном произведении принадлежность свою к определенной национальности, так как оно будет запечатлено чертами безыскусственной поэзии его народа, будь то в литературной, музыкальной или иной области. Особенность эта, свойственная представителям всех национальностей, ярко выразилась в Глинке, написавшем не одни только русские народные произведения, но и две испанские фантазии,

Кобзарь

в коих, несмотря на их чужеземную окраску, все-таки проглядывает творец русской музыки. Последователь Глинки, А. С. Даргомыжский (1813—69), унаследовав многие черты творчества Глинки, в свою очередь явился вокальным композитором по преимуществу и сделал крупный шаг вперед в выразительности вокальной декламации.

Глинкой, Даргомыжским и выдвигающимся далее на композиторском поприще А. Н. Серовым (1820—71) исчерпывается первый период т. н. новой русской школы музыки, называемой новой потому, что с ее возникновением впервые начинается развитие в русском музыкальном искусстве инструментальной и симфонической музыки. Главой последующего течения стал М. А. Балакирев, около которого почти сразу сгруппировался ряд талантливых и самобытных молодых композиторов, т. н. Балакиревский кружок или «Могучая кучка»: Ц. А. Кюи, М. П. Мусоргский, Н. А. Римский-Корсаков, А. П. Бородин. Под руководством Балакирева все они развивают свои музыкальные вкусы гл. обр. на принципах и заветах Глинки — с одной стороны, с др. — на произведениях Бетховена, Вебера, Шопена и новейших композиторов, преимущественно Шумана, Листа и Берлиоза. Но в это же время творчество их запечатлено оригинальностью, чуждою всякой рутины в особенности в оперной форме, в высоком развитии музыкальной декламации, в

вокальной области и вообще в стремлении к новым путям в искусстве. Параллельно с этим зарождением новых самостоятельных композиторских сил в России быстро распространяются и утверждаются прочные начала теоретического музыкального образования. В 1859 создается Русское музыкальное общество, а в 1861 — петербургская консерватория. С этого времени богато разветвляются по всей России филиальные отделения Русского музыкального общества и учреждаются в 1863 московская консерватория, а затем повсюду музыкальные училища и классы при провинциальных отделениях общества. Отныне среди композиторов и музыкальных деятелей не стало более дилетантов, но все они получали широкое музыкальное образование у себя же, в своем отечестве, а не при исключительном посредстве случайных западных преподавателей. Вместе с тем, с развитием консерваторской жизни первоначальная немецкая и вообще привитая иностранная педагогическая эрудиция стала терять свою специфичность и заменялась русским обликом, в особенности в области преподавания композиции. Среди педагогов-теоретиков выдвигаются: Римский-Корсаков, Лядов, Чайковский, Аренский, Танеев, Ипполитов-Иванов, О. Д. Разумовский. Особое место среди русских композиторов занял П. И. Чайковский (1840—93), заявивший свой великолепный композиторский талант во всех родах и формах музыкального сочинения в качестве оригинального, но несколько элегичного мелодиста и гармониста и виртуозного полифониста и инструментатора. Первым русским симфонистом в хронологическом смысле явился Римский-Корсаков (1844—1908), причем он же по справедливости может быть назван предтечей многих талантливых новейших русских композиторов, в т. ч. Аренского, Ипполитова-Иванова, Соколова, Глазунова, Гречанинова.

Период 1880—90-х отмечен некоторой академизацией новаторских принципов «кучкистов», особым вниманием к проблемам композиторского мастерства (в т. ч. интерес к полифонии у С. И. Танеева и А. К. Глазунова).

К н. XX в. происходит определенная переакцентировка роли жанров: теперь опере предпочитается симфоническая и камерная музыка. В преддверии революции возникает новый тип симфонической поэмы («Поэма экстаза» и «Прометей» Скрябина), отражающий всеразрушающий дух смуты. Вместе с тем развиваются и совсем иные пласты музыкальной культуры России: камерно-вокальная музыка (Рахманинов, Танеев, Метнер, Василенко, Черепнин), хоровое и церковное пение («Иоанн Дамаскин», «По прочтении псалма» Танеева, «Литургия Иоанна Златоуста», «Всенощное бдение» и «Колокола» Рахманинова, сочинения А. Т. Гречанинова, А. Д. Кастальского).

На стыке веков происходит подъем исполнительского искусства. Русская вокальная школа представлена такими яркими именами, как Ф. И. Шаляпин, А. В. Нежданова, Л. В. Собинов, И. В. Ершов, пианистическая школа — С. В. Рахманиновым, виолончельная — А. А. Брандуковым и т. д.

В послереволюционный период русская музыка развивалась в русле «многонационального советского искусства». В ее становлении немалая роль принадлежала композиторам старшего поколения (Глазунов, Ипполитов-Иванов, Кастальский, Глиэр, Василенко, Гедике), исполнителям и педагогам К. Н. Игумнову, М. Ф. Гнесиной, Л. В. Николаеву и др.

В развитии симфонизма в советский период основополагающим было творчество Н. Я. Мясковского, С. С. Прокофьева, Д. Д. Шостаковича, Б. И. Тищенко, Б. А. Чайковского, А. Я. Эшпая.

Наивысшие достижения в опере связаны с именами С. С. Прокофьева («Игрок», «Любовь к трем апельсинам», «Огненный ангел») и Д. Д. Шостаковича («Нос», «Катерина Измайлова»).

Выдающиеся композиторские работы в области балета — «Пламя Парижа» и «Бахчисарайский фонтан» Б. В. Асафьева, «Золушка» и «Ромео и Джульетта» С. С. Прокофьева, «Спартак» А. И. Хачатуряна, «Ярославна» Б. И. Тищенко, «Анюта» В. А. Гаврилина.

Широкое развитие получили жанры хоровой музыки — от песни (А. В. Александров, И. О. Дунаевский, В. Г. Захаров, Б. А. Мокроусов, В. П. Соловьев-Седой, А. Н. Пахмутова, Т. Н. Хренников и др.) до оратории и кантаты («Александр Невский» Прокофьева; «На поле Куликовом» Шапорина; «Поэма памяти Сергея Есенина», «Патетическая оратория», «Курские песни» и «Пушкинский венок» Г. А. Свиридова; «Военные песни» и «Перезвоны» В. А. Гаврилина).

МУЗЫКАЛЬНЫЕ НАРОДНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ, русские народные праздники, *хороводы, посиделки* частью проходили под аккомпанемент музыкальных инструментов, многие из которых были известны с глубокой древности.

Древнейшими из музыкальных инструментов, под игру на которых танцевали и на которых вообще играли, являлись духовые. Это были т. н. свистуны или свистульки — маленькие инструменты из глины в форме птицы или лошадиной головы. Они были одинаковы по всей России.

Древние музыкальные инструменты: гусли, гудок (смычковый инструмент), дудка. Новгород

Рис. 1. Южнорусский рожок.
Курская губ.

Свистульки из дерева, камыша, липовой и ивовой коры, гусиных перьев и т. п. служили не только детскими игрушками, но и музыкальными инструментами при танцах и пении веснянки; ими пользовались также пастухи, когда пасли скот. Называли их по-разному: дудка, свирель, жалейка, пищик (рус.); пысвирэлка, жалейка, дудка, пішчык (белорус.); сопілка, свистілка (малорос.).

По своему устройству они мало отличались друг от друга. На рис. 1 изображен южнорусский музыкальный инструмент из Курской губ., сделанный из двух камышовых трубок (пищики). Одна из трубок была снабжена 5 клапанами, вторая — двумя.

На верхнем конце каждой трубки имелась пластинка и продольный разрез. При игре верхний конец трубки с пластинкой брали в рот и клали на язык таким образом, что вся пластинка целиком оказывалась во рту. Трубки держали двумя пальцами правой руки, указательным и средним, и нажимали ими на отверстия. Двумя др. пальцами, мизинцем и безымянным, держали снизу коровий рог, в широкую часть которого для усиления звука вставляли нижние концы трубок. При длине камышовых трубок 23 см диаметр отверстий был равен 5 мм, а длина пластинки — 27 мм. Расстояние между клапанами было равно в этом случае 20–22 мм, а расстояние между нижним отверстием и нижним концом трубки — 27 мм. Под пластинкой была протянута шерстяная нитка, чтобы пластинка не прилегала плотно и не мешала ходу воздуха.

Иногда полый рог молодой коровы насаживали на нижний конец деревянной дудки; при этом брали не две трубки, а одну. В некоторых случаях рог заменяли *берестой*, скрученной в форме трубы. Так делали в отличие от длинных труб пастухов и севернорусский пастуший рожок.

В камышовых дудках оба конца были открыты; в деревянных иногда плотно закрыты оба, но чаще — только верхний конец, в котором оставляли маленькое отверстие, чтобы вдуть в трубу (полый цилиндр) воздух. Вместо продолговатой пластинки на них делали полукруглое отверстие, причем не на верхней стенке трубы (цилиндра), как на рис. 1, а на нижней. В рот его не брали. На такой трубе было 6 клапанов, но бывало и 4–5. Обычно длина деревянной дудки была 35 см, однако встречались и дудки длиной 70 см. Материалом для них служила древесина калины, орешника, ясеня и т. д. Сердцевину куска дерева либо выжигали железным стержнем, либо высверливали. Иногда деревянные дудки тоже соединяли попарно.

Соединение большого количества дудок давало особый музыкальный инструмент (южнорус. кувички, севрус. зорьки, малорос. свиріль). Кувички представляли собой соединение 5 камышовых дудок различной длины. С одного конца они шли уступами; у более длинных звук выше. На верхнем конце каждой из них было отверстие, в которое вдвухали воздух. Для игры все 5 дудок подносили ко рту, дули в них и голосом подражали звучанию инструмента: «кувикуви» (отсюда и название).

Зорьки делали из гусиных перьев длиной 9 см; до 20 таких перьев одинаковой длины располагали рядом друг с другом и обшивали кожей, отделяя их друг от друга швами. При игре дули в отверстия, прикладывая их к губам. Возникали пищашие звуки, под которые танцевали (например, в Чердынском у. Пермской губ.).

Малороссийская свиріль отличалась от описанных южнорусских кувичек лишь тем, что у свиріли было не 5, а 17 камышовых дудок различной длины. Их нижние концы были вставлены в дугообразную деревянную раму. Кроме этого инструмента, у русинов была еще двусторонняя свирель — камышовые дудки различной длины, связанные посередине. Оба конца каждой дудки были открыты, но в середину были вставлены деревянные колышки, от которых зависела высота звука.

Сложной и получившей дальнейшее развитие деревянной дудкой являлась русская волынка (белорус. дудá; малорос. дудка, дудá, козá). Русская волынка отличалась от белорусской и украинской тем, что ее мех был сделан не из кожи, а из бычьего пузыря. По числу отверстий в мехе различали 3 вида белорусских волынок — с 1, 3 и с 4–7 отверстиями. У русских и малороссийских волынок было только 3 отверстия. Простейший вид волынки с одним лишь отверстием бытовал в Ржевском у. Тверской губ. В круглый кожаный мех вставляли маленькую трубку с пластинкой, по виду точно такую же, как на рис. 1. Верхний конец этой трубки был открыт, клапанов 3–4. Мех сам издавал звуки, даже когда в трубку не дули: надо было только надавить на мех, и тогда находящийся в нем воздух поступал в трубку и возникал звук.

В обычной волынке с 3 отверстиями в одно из отверстий вставлялась трубка 13–18 см длины (белорус. сапéль, сóска; малорос. сисáк), через которую мех наполнялся воздухом. В др. отверстие была вставлена

Малороссийский кобзарь Остан Вересай с бандурой (прорисовка Т. В. Косьминой)

трубка длиной в 27–36 см с отверстием внизу и с 5–6 клапанами, на которые поочередно нажимали пальцами. В гуцульской дудке 2 параллельные друг другу трубки, одна из которых заканчивалась коровьим рогом. Трубки белорусов и русских обычно имели на свободном изогнутом конце широкое отверстие.

В третье отверстие меха вставлялась еще одна трубка (малорос. и белорус. гук, бас; белорус. рагавня), дающая особо низкий звук. Малороссийский гук был весьма сложен; он состоял из 2 трубок, причем верхняя длиннее нижней. Высота звука зависела от того, насколько верхняя трубка выступала над нижней. У белорусов, однако, часто бывал не один, а 2 гука разной длины и с разным звучанием: при длине одного из них в 80 см другой был равен 55 см. Первый давал октаву самого низкого тона, возможного для труб с клапанами, второй — квинту первого.

Белорусская дудка, в которой было не 2, а 3–6 гуков, называлась муцьянка, моцьянка.

Малороссы делали меха волынки из шкур козленка, белорусы — из телячьей или барсучьей шкуры. Мехи эти были продолговаты, и по форме вся волынка напоминала большого гуся: длинную шею гуся заменяла труба с загнутым концом, на который при игре нажимали пальцами, хвост — длинная и толстая труба роговня, которая во время игры либо висела между коленями музыканта, либо лежала на них.

На белорусской волынке играли на *свадьбах*. Танцевали тоже под резкие звуки волынки. Музыканты с волынкой входили и в группы певцов пасхальных волочечных песен — *волочечников*. Иногда белорусы играли на дудке без меха, причем одновременно с ней брали в рот дудку с клапанами (жалейка) и гук.

Из струнных инструментов для русских была характерна *балалайка*, для малороссов — бандэра и скрипка. Балалайку делали из соснового дерева с резонатором треугольной формы, в котором имелось 6 миндалевидных или круглых отверстий, расположенных в виде звезды вокруг общего центра. Из трех жильных струн балалайки 2 были настроены в унисон, а 3-я — на квинту. При игре левой рукой нажимали на струны, правой щипали их, одновременно ударяя по ним. В особо эффектных местах опытный балалаечник дробно бил четырьмя пальцами по деке своего инструмента.

В XIX в. балалайка широко распространилась. В 1848 двухструнная балалайка была зафиксирована в Кобелякском у. Полтавской губ. По ее струнам ударяли не пальцами, а ногтями.

Малороссийская бандура или кóбза — инструмент, у которого нижняя дека (малорос. спідняк) была круглой, овальной или грушевидной формы, а в центре верхней деки (верхняк) имелось круглое отверстие (голоснік). Бывали бандуры с 25–30 струнами, однако обычно из 12, из которых 6 (реже 3–5) больших (т. н. бунті) были натянуты на гриф, иногда полый, а другие, малые струны (т. н. при́струнки) в количестве от 6 до 30, крепились на колках, идущих по краю верхней деки (брямка). Исполнитель сидел и держал инструмент наклонно или вертикально на колене или же меж колен. В левой руке у него был гриф, и он нажимал ею на большие струны или щипал малые. Пальцами правой руки он перебирал струны, как большие, так и малые, причем на указательный палец надевался наперсток — широкое металлическое кольцо с вставленным в него кусочком дерева (кóсточка). Этой косточкой музыкант и прихватывал струны, чтобы получить

более сильный и резкий звук. Малые струны бандуры были расположены в соответствии с древнегреческим гипопидийским ладом.

На рис. 2 изображен известный малороссийский бандурист, или кобзарь, Остап Вересай, умерший в 1875.

Из 2-х названий описанного малороссийского инструмента одно, бандура, — западного происхождения, другое же, кобза, пришло с востока. У севернорусского населения восточных губерний встречались круглые кобзы с 4–5 струнами.

Цимбалы встречались у малороссов и белорусов: на коробку, имеющую форму параллелограмма, были натянуты металлические струны, по которым ударяли двумя деревянными палочками (малорос. пальцятки). Цимбалы напоминали исчезнувшие древнерусские гусли, которые были большего размера и металлические струны которых перебирали пальцами (рис. 3).

Лира, инструмент со струнами и клавишами (малорос. реля, риль, ріля; белорус. ліра) — музыкальный инструмент малороссийских и белорусских нищих. Это средневековый органиструм, от которого берут начало немецкая гармоника и крестьянская шарманка. Поляк Маскевич, побывавший в Москве в 1610–11, уже встречал такой инструмент, называвшийся «лира», в боярских домах.

Резонатор лиры имел 2 плоских деки и был похож на резонатор скрипки или контрабаса, но вместо грифа к лире был прикреплен маленький ящик, на стенках которого имелись 3 колка для 3-х струн. Для лиры брали кишечные или жильные струны, которые настраивали по-разному: либо обе крайних на квинту, а среднюю на октаву к более тонкой из крайних струн, либо среднюю на октаву к первой основной струне, а третью — на скрипичную квинту. Все струны вибрировали одновременно благодаря вращающемуся валику. Над средней струной был укреплен продолговатый ящик; на одном его конце, ближнем к валику, имелась круглая прорезь, в которой свободно двигалась средняя струна; вибрации на др. конце препятствовал ящик. На малороссийской лире было 9–11 деревянных клавиш, на белорусской — 4–7. Когда нажимали на среднюю струну, ее звук менялся (староионический лад). Исполнитель держал лиру наклонно с помощью перекинутого через плечо ремня; правой рукой он вертел валик, а левой нажимал на клавиши. Клавиши свободно двигались в прорезях ящика и сами падали вниз, когда на них переставали нажимать.

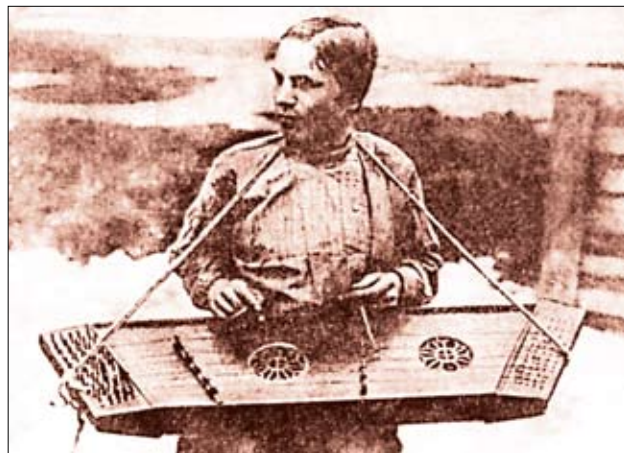

Рис. 3. Белорусские цимбалы. Могилевская губ.

У лиры был сильный и резкий звук; чтобы смягчить его, струны в тех местах, где они соприкасались с валиком, оборачивали мягкой шерстью. На лире невозможно было ни крещендо, ни диминуэндо; можно было лишь ускорить или замедлить темп или играть стаккато. Меланхолическое, монотонное и грустное звучание лиры как нельзя лучше соответствовало репертуару нищих певцов — духовным песням.

К ударным инструментам относился бубен. На обрuch из тонкой сосновой древесины натягивали тонкую кожу и вешали бубенчики. Старинные малороссийские литавры представляли собой большие медные котлы в форме полушарий, на которые натягивалась кожа; для игры требовалась пара таких литавр.

С сер. XIX в. самым распространенным и популярным русским инструментом была гармошка (у русских — также *тальянка*).

Под именем *гармоники* в России н. XIX в. был известен западноевропейский инструмент клавишного типа, со стеклянными клавишами, на которые нажимали пальцами или ударяли по ним палочками. В сер. XIX в. рабочие из Германии, приглашенные на тульские фабрики, принесли с собой тогдашний аккордеон, названный так потому, что исполняемая на нем мелодия благодаря особому устройству сопровождалась двумя аккордами — в тонике и в доминанте. Этот инструмент быстро распространился в России под уже известным названием гармоника. Больше всего способствовали быстрому распространению этого модного инструмента солдаты. Свой вклад внесла и отечественная промышленность. Из Тулы производство гармоник было перенесено в целый ряд др. мест, напр. в Череповец, Ростов, Ярославскую губ., Вятку и т. д.

Гармоника представляет собой растягивающийся ящик с мехами, концы которого музыкант держал в руках, так что он мог их сжимать и растягивать. Пальцами он при этом перебирал клапаны (клавиши). Звуки возникали благодаря притоку и выходу воздуха через отверстия, прикрытые тонкими металлическими пластинками (пищик). У пищика каждой пластины было свое особое звучание. В самой простой гармонике имелось меньше 20 пищиков: на одном конце 14, а на другом 2 *баса*, в каждом из которых 1—6 клапанов. В более сложной гармонике 60 пищиков и даже больше: 3 ряда клапанов по 14 в каждом ряду и 2 *баса* с 2—6 клапанами каждый.

Ист.: Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991.

МУРАВА, глазурь на глиняных сосудах, широко использовавшаяся в русском быту. Состав, которым муравили посуду, в старину назывался мур. Технология глазурирования посуды пришла на Русь в X в. из Византии.

МУРМОЛКА, старинная высокая шапка с тульей рас-трубом, с меховой лопастью в виде отворотов, пристегивавшихся на пуговицах с петлями в 2-х местах к тулье спереди. Еще в н. XX в. мурмолка использовалась в С.-Петербургской, Новгородской и Псковской губ., имела вид круглой шапки с верхом из курчавых белых барашков, без отворотов.

МУРОМСКАЯ, МУРОМСКО-РЯЗАНСКАЯ икона Божией Матери. Предание об этой иконе восходит к XII в. Согласно ему, св. кн. Константин Муромский, желая крестить свой народ, принес образ Богородицы с Младенцем из Киева в Муром. Вскоре муромцы, прозванные за свое противление христианству святогона-

Муромская икона Божией Матери. Кон. XIX — нач. XX в.

ми, составили заговор и попытались убить князя. Св. Константин вышел навстречу заговорщикам с иконой в руках. Чудесный образ Божией Матери, нежно склонившей голову к Младенцу Христу, произвел на людей глубокое впечатление. Они покаялись и крестились.

В к. XIII в. епископ Муромский Василий был несправедливо обвинен в неправедной жизни, и народ вынес ему смертный приговор. По легенде, в доказательство своей невиновности владыка вышел на берег р. Оки, расстелил на воде свою мантию и, взяв в руки Муромскую икону, чудесным образом поплыл против течения. Пораженные невиданным чудом муромцы раскаялись в содеянном зле. Они долго бежали вслед уплывающему епископу и просили прощения. Владыка достиг берегов г. Рязани и решил там остаться. В 1291 он перенес в Рязань епископскую кафедру, а чудотворную икону поставил в главном соборе города.

Празднование Муромской иконе Божией Матери установлено 12/25 апр.

МУСОР, по народным поверьям, одно из магических средств, способствующее плодородию, плодовитости, материал, используемый в народной магии. В Сибири перед Рождеством специально заматали мусор в углы, чтобы он там «переночевал», а наутро выносили сор на перекресток и, стоя на мусоре, спрашивали имя у первого встречного (т. е. имя суженого). Мусор собирали в течение нескольких дней до *Рождества* или с *Сочельника* до *Нового года*.

Запрет подметать и, особенно, выносить мусор на *Святках*, Ивана Купалу (см.: Иванов день) и в некоторые др. дни объясняется, очевидно, присутствием в это время в доме *душ* предков. Это делали и для того, чтобы не вымести богатство, ради защиты от *волков* и др. После окончания праздников, наоборот, необходимо было подмести в доме, а мусор сжечь, бросить в реку, вынести в поле, за село, рассыпать по саду, тем самым «выпроводив» души из дома. У белорусов после Дедов

(поминок) в канун Троицы хозяин обмахивал комнату метелкой, говоря: «А киш, киш, душечки! Котора старша и больша, та дверьми, а котора меньша, окнами!»

«Святочный» мусор вместе с соломой сжигали на дворе, в воротах, в саду, на огороде; это называлось «греть покойников», «дидуха палити». После Святков мусор выносили также за огород, на болота, рассыпали под деревьями, бросали в реку — «чтобы сорняков не было на поле», «чтоб волк в хлев не пришел», чтобы «вымести коляды» (т. е. праздники), и т. п.

Было широко распространено поверье, что нельзя бросать мусор в огонь (например, карпатские овчеводы говорили, что иначе у овец появятся струпья, бельмо на глазу и т. п.), хозяйки не выбрасывали мусор, стоя лицом на восток и навстречу солнцу, иначе, считалось, что скотина станет яловой. С др. стороны, мусор переносили из старого дома при переселении в новый. Мусор использовали также для лечения. От сглаза белорусы тайком собирали мусор из трех соседских домов, поджигали и окуривали им больного.

Ист.: Валенцова М. М. Мусор//Славянская мифология. М., 1995.

МУХОЯР, пестротканая материя из льна с примесью шерсти или хлопка, окрашенных в пряже домашней выделки. Чаще всего использовалась для изготовления крестьянской одежды.

МЫШЬ, по народным поверьям, нечистое животное, считающееся созданием *дьявола*. Мышь и крыс народная традиция относит к «гадам»: их называют «гадом», «гадиной», «поганью» и т. п. Говорят, что на всякую тварь Бог дает хлебушка, лишь на такую нечистую, как мышь, не дает. Согласно легенде, во время Всемирного потопа мышь прогрызла дыру в ковчеге, которую заткнула *кошка* своим хвостом. Мышь, оказавшаяся в выкопанной могиле, означает, что покойник был колдуном и что злой дух в облике мыши вышел навстречу умершему колдуну, чтобы забрать его *душу*. В образе мыши представляют души умерших. По поверью, если оставить на ночь недоеденный хлеб, ночью в виде мыши придут им питаться души умерших. Если кошка поймает такую мышь, то это грозит неисчислимыми бедствиями всем домашним.

С мышью связаны различные приметы. Так, если мыши покидают дом, быть пожару. Мышь, попавшая за пазуху, — предвестие большой беды. Тот, кому мыши погрызут одежду или обувь, вскоре умрет. Если мышь прогрызет верхнюю корку у *каравая*, будет высокая цена на хлеб, если нижнюю — хлеб будет дешевым. Мыши одолевают — к голоду. Мышиные гнезда на поле близко к колосу предвещают сырую осень.

Считается, что мышей больше в сырой год, а *зайцев* — в сухой. Если приобретенный купцом товар будет попорчен мышами, то продать его можно будет скорее и выгоднее. Женщинам нельзя брать мышь в руки или убивать ее, иначе хлеб не будет удаваться. Беременной женщине нельзя отказывать в том, что она попросит, иначе у того, кто откажет, мыши погрызут одежду. Невеста должна ехать к *венчанию* натошак, чтобы мыши ничего не погрызли у нее в доме.

Известны различные способы изгнания, изведения мышей и обереги от них. Для изгнания от мышей обходили вокруг дома с освященной пасхальной едой, разбрасывали скорлупки пасхальных яиц по углам дома. Чтобы мыши не наносили ущерба в хозяйстве, на *Рождество* запрещалось вынимать одежду из *сундуков*.

Чтобы мыши не поели зерна, снопы с поля начинали свозить в *овин* в тот день недели, на который пришелся в этом году праздник *Благовещения*. Считали, что везти снопы надо поздно вечером или ночью, когда все спят, причем так, чтобы не встретиться по пути с женщиной. По дороге сквозь спицы колес телеги бросали камни. Снопы с первого воза ставил в овине раздевшийся донага мужчина. Для мышей опрокидывали набок первый сгруженный с воза сноп или оставляли им зерна на дне *телеги*. От мышей помещали в овине палку, с помощью которой до этого удалось разнять ужа и гадюку. В некоторых местах под снопы стелили ольховые ветки, а на дно сусеков клали ветки *бузины*.

Судя по поверьям и народным приметам, существует определенная связь между мышью и зубами человека. Считается, напр., что если мыши поедят неубранные остатки ужина, то у хозяина будут болеть зубы. От зубной боли едят хлеб или сыр, объединенный мышами. Первый выпавший у ребенка молочный зуб бросали за печь со словами: «Мышка, мышка, на тебе репный зубок, а дай мне костяной». Были распространены способы лечения грыжи с помощью мыши: пускали мышь «на грыжу», чтобы укусила, или прокалывали мышь, продевали сквозь нее нитку или шнурок и подпоясывали им больного. Больного чесоткой натирали пеплом от сожженной головы мыши.

Лит.: Сумцов Н. Ф. Мышь в народной словесности//Этнографическое обозрение. 1891. № 1.

Ист.: Гура А. В. Мышь//Славянская мифология. М., 1995.

МЯСОЕД, праздничные дни после *поста*, когда Церковь разрешала употребление мяса и др. скоромных продуктов. На мясоед обычно устраивали *свадьбы*.

МЯСОПУСТ, церковное название *Масленицы*.

Н

НАБИРКА, небольшая *корзина* для сбора ягод и грибов, изготовленная из луба с берестяным дном или целого пласта березы.

Представляла собой круглую в сечении емкость с невысокими прямыми стенками и дужкой. Изготовление лубяной или берестяной набирки не требовало

Набирки для ягод XIX в. Вологодская губ. Луб, роспись

много времени и большого труда, поэтому этим могли заниматься мужчины в свободное от земледельческих работ время. Они обычно снабжали семью нужным количеством такой утвари. Правда, наряду с набирками домашней работы во многих крестьянских семьях на русском Севере имелись и лубяные набирки, изготовленные профессиональными мастерами. Их делали в ремесленных селах, расположены на Северной Двине, и продавали на ярмарках и базарах. Эти невысокие, широкие набирки были украшены росписью. Растительный узор в виде пышной волнистой ветви опоясывал по горизонтали все тулово окрашенной в белый цвет набирки. Ветви, листья, цветы, ягоды вырисовывали черной краской, а затем раскрашивали в красный, зеленый, желтый цвет. В узор включали также маленькие изображения птиц и животных.

Ист.: Шанина И. И. Русский традиционный быт. Энциклопедический словарь. СПб., 2003. Сс. 423–424.

НАВКИ — см.: **МАВКИ**, **РУСАЛКИ**.

НАВОЗНИЦА, народное название 2–3-й недели июня, когда в поля вывозили навоз. Производилось это между весенними и летними полевыми работами.

НАВОЛОК, пойменный луг, в разлив заносимый илом.

НАВЬ, в народных представлениях воплощение смерти. В «Повести временных лет» (под 1092) эпидемия в

Полоцке приписывается мертвецам, скачущим на невидимых конях по улицам: «навье бьют полочаны». В Древней Руси существовал особый Навий день, день поминовения умерших, позднее приуроченный к четвергу пасхальной недели (малорос., белорус. Навский велик-день, Мавский велик-день, Мертвецкий велик-день).

НАГАВИЦЫ, старинная русская обувь вроде *голешиц*, одевавшая часть ноги от колена с наколенками, делалось и то и др. большей частью из различных, часто дорогих, тканей.

НАГАЙКА, витая плетель с металлическим грузиком на конце. Использовалась на войне и на охоте. Одним ударом нагайки, напр., глушили или убивали зверя.

НАГОЛЬНЫЙ ТУЛУП, крестьянский *полушубок* мехом внутрь, не отделанный сверху тканью.

НАГРУДНИК, в южнорусском женском поневном костюме наплечная верхняя одежда: туникообразная, длиной до пояса или ниже, с короткими рукавами или без них, украшенная лентами, кружевами, вставками.

НАДЕЖДА, христианская *добродетель*; вера, упование, уверенность в исполнении желаний. В православной символике представляется зеленым цветом, с XVI в. — якорем, в искусстве надежда аллегорически представляется в виде молящейся, часто крылатой фигуры в зеленом одеянии, с якорем; до XVI в. — с патриаршим крестом.

В русских пословицах надежда связывается с Богом, терять надежду — *грех* перед Богом, хотя упованием на Него не ограничивается и требует приложить свой труд: Полагай надежду на Бога; На Бога надейся, но сам не плошай; На чужое надейся, а свое паси; Колотися, бейся, а все надейся; Век живи, век надейся; Надейся добра, а жди худа; Жить надейся, а умирать готовься; Надеючись и живут и мрут; Счастье скоро покинет, а добрая надежда — никогда.

О. П.

НАКАПКИ, длинные (ок. 2 арш.) и широкие (13–15 вершков) рукава в *летниках*, расшивавшиеся узорами, украшавшиеся жемчугом и т. п.

НАКРЮШНИК, *полотенце* для украшения стен крестьянского дома. В праздничный день его вывешивали на крюк.

НАЛЕВКА — см.: **КОВШ**.

НАЛИВКА, домашнее сладкое вино, приготовленное из ягод, залитых водой и перебродивших с добавленными к ним сахаром и медом.

НАМЕТКА, древнерусский головной убор в виде белого *полотенца*, в более позднее время употреблялся в знак траура; в XIX в. в южных и западных губерниях России использовался головной убор крестьянок; в Ярославской и Костромской губ. — вид головного покрывала; у старообрядцев черное женское покрывало.

НАНКА, грубая плотная хлопчатобумажная ткань серого или желтого оттенка. Использовалась для пошива верхней одежды в малоимущих семьях.

Полочане прячутся от «навий» в свои хоромы. 1092 г. (миниатюра Радзивилловской летописи)

НАПИТКИ, среди многочисленных напитков, которые с древности употреблялись русскими, прежде всего следует отметить березовый сок (березовицу, березовку). Добыча этого сока известна всем русским людям, причем пили его не только свежим, но и кислым, в виде *кваса*. Севернорусские заквашивали такой березовый сок солодом (т. н. сусло), пивной гущей; малороссы — воском (сотами без меда), сушеным горохом или горячим ржаным хлебом; белорусы — тоже воском, солодом, проросшими бобами и дубовыми щепками.

Способы добычи березового сока были не везде одинаковы. Простейший способ состоял в том, что на стволе дерева, из которого собирались брать сок, не выше чем в 80 см от земли делали надрез глубиной ок. 20 см; сок, скапливающийся в этом углублении, вычерпывали *ложкой*. Существовал и др. способ: в березе пробуравливали отверстие, до сердцевины или менее глубокое, или же надрубали дерево в двух местах топором вдоль древесного волокна, а между этими зарубками делали поперечный надрез. В сделанное отверстие вставляли трубку из *бузины* или др. дерева или же прибивали желоб. Под ними ставили или подвешивали сосуд. Чтобы этот сосуд не украли, его помещали довольно высоко и прикрывали ветками. Иногда обрубали сук и у обрубленного конца подвешивали сосуд. Такими же способами добывали и кленовый сок (кленовица).

Самым распространенным повседневным напитком русских был квас (рус. квас, суровец, сыровец; малорос. квас, сирівець; белорус. квас). Известны были три вида хлебного кваса: из муки, из черствого хлеба и из солода (см.: Квас).

Русские делали с солодом три разных напитка: уже описанный солодовый квас, *пиво* и *брагу*. Последняя иногда отличалась своим составом от др. напитков. Севернорусские варили брагу из овсяной муки со сравнительно небольшим количеством солода, и напиток обычно был белого цвета; поэтому его называли белая брага, бражка. Бражку часто пили горячей, т. к. от холодной не так быстро хмелеют. Малороссы варили брагу из ячменного солода; ячменный солод ошпаривали кипятком, затем оставляли на 8 часов солодиться, разводили холодной водой и процеживали через *сито*. Кое-где брагой называли также обыкновенное пиво без хмеля.

В общем, три этих солодовых напитка отличались друг от друга только более или менее сложным способом приготовления. Наиболее сложен был процесс варки пива (см.: Пиво).

С глубокой древности излюбленными напитками русских были т. н. меды. Медовые соты заливали теплой водой и процеживали через сито. Затем туда клали хмель, и все это варили в котле, снимая ситом пену. Сваренную жидкость остужали и заквашивали куском ржаного хлеба, смазанного сахарным сиропом и дрожжами. Пока шло брожение, ее разливали в *бочки*. Сорта вареного меда различали по соотношению воды и меда, по способу заквашивания, по приправам (ягоды, пряности и т. д.): обарный, т. е. обваренный, простой, пресный, белый, красный, боярский, ягодный и т. д.

На этот старинный вареный мед была похожа малороссийская *варенуха*, но кроме меда в нее, если не было хмеля, добавляли сливы, изюм, винные ягоды и сладкие рожки — заливали водкой и добавляли туда мед

и немного испанского перца. Горшок с этой смесью герметически закрывали хлебной коркой, замазывали сверху пресным тестом и на 12 часов ставили в горячую печь. Горячая варенуха была вкуснее, чем холодная.

Похожий на нее напиток, но без хмеля и алкоголя, назывался медовый квас. Белорусские пчеловоды употребляли его до н. XX в.: соты, из которых вынут мед, 2 часа варили в воде. Полученная жидкость в течение недели стояла в полуоткрытом сосуде и бродила, после чего сосуд плотно закупоривали. В старину медовый квас заквашивали т. н. колачами. Лучший квас назывался монастырским, т. к. у монастырей были большие пасеки и много меда.

Малороссы делали квас из диких груш и яблок. Груши пекли и клали на 2 месяца в бочку с водой; яблоки держали 3 месяца в бочке сырыми. И в том и в др. случае бочки ставили в погреб. Белорусы делали напиток из брусники и клюквы, добавляя груши и яблоки. В старину делали квас с медом; он был известен под названием ставленный мед. Свежие спелые ягоды заливали на 2—3 дня водой, после чего ее сливали и на каждые 2—3 стакана этой воды клали стакан чистого меда. Заквашивали ее печеным хлебом или дрожжами, но квасили не сильно; добавляли пряности, а иногда и хмель.

На русских *ярмарках*, особенно в XVIII в., всегда продавали горячий напиток из жженого меда с пряностями — *сбитень*. Иногда в него вместо пряностей клали шалфей. Сбитень пили только горячим. В к. XIX в. сбитень сменился чаем, и сравнительно быстрое распространение чая среди населения как раз и объясняется тем, что раньше все пили сбитень. Китайский чай появился на Руси лишь в н. XVII в. и был прислан монгольским властителем в подарок царю Михаилу Федоровичу. Староверы и теперь считают употребление чая *грехом*. Существуют деревни, в которых и в наше время не пьют чай, но таких деревень немного. Вообще же чай, который пили иногда с молоком и непременно с хлебом, нередко заменял крестьянину завтрак. Сахар в чай не клали, а пили через сахар или вприкуску (откусывая маленькие кусочки). Иногда вместо сахара употребляли изюм. Там, где чай не продавался, его заменяли травами: Иван-чаем или душицей, чабрецом, липовым цветом, листьями яблони, кое-где даже березовым грибом.

В Сибири пили кирпичный чай, который продавали в виде прессованных плиток черного или красного цвета. Севернорусское население Забайкалья готовило этот чай так: плитку толкли в ступе, высыпали толченый чай в чугунок и варили в печи, затем наливали его в высокий глиняный сосуд (т. н. байдара) и в течение четверти часа переливали поварешкой из байдары в др. сосуд. Иногда всыпали чай в кипяток, а не варили его предварительно в *печи*; в этих случаях грели воду, бросая в нее горячие камни.

Водку, или хлебное вино, гнали из ячменя, ржи и пшеницы и иногда, чтобы она была крепче, перегоняли 3—4 раза.

Ист.: Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991.

НАПОЛ, *кадушка*, выдолбленная из толстого дерева. Использовалась для квашения *капусты*, хранения зерна, муки, меда, масла.

НАСПИШНИК, *полотенце* для украшения избы в праздничный день, вывешивалось на спичку (деревянный гвоздь).

НАТАЛЬЯ ОВСЯНИЦА — см.: **АНДРИАН И НАТАЛЬЯ**.

НАУМ ГРАМОТНИК, народное название дня прор. Наума, 1/14 дек.

Пророка Наума русский народ почитал помощником в «умственных и механических занятиях» и называл его Грамотником. В прописях и азбуковниках XVII в. приводилась следующая краткая молитва к прор. Науму о его содействии занимающимся науками: «Святый пророче Божий Науме, вразуми мя и накажи своею милостию добре руководствию навекати».

А. И. Стрелковский. Сельская школа. 1872 г.

В одном из азбуковников XVII в. указывалось: «Обычай есть многим (учащимся) совершати молебны свв. бессребреникам *Косме* и *Дамиану*, и св. прор. Науму, и Ангелу своему, его же святого тезоименитство имать». Предки наши имели обычай отдавать своих детей в научение со дня св. прор. Наума и 1 дек. обращались к этому пророку с молитвой о его содействии и помощи всем начинающим учиться. В старое время на день прор. Наума отцы семейств начинали учить своих детей грамоте. Для этого заранее условливались с приходским дьячком или другим лицом. Все семейство отправлялось в церковь, где после обедни служили *молебен*, испрашивая благословение на отрока. Учитель являлся в назначенное время в дом родителей, где его встречали с почетом и ласковым словом, сажали в передний угол с поклонами. Тут, держа сына за руку, отец передавал его учителю с просьбами научить умразуму и за леность угощать побоями. Мать, по обыновению, стоя у двери, должна была плакать. Иначе худая молва пронеслась бы во всем околотке. Ученик, приближаясь к учителю, обязан был сотворить ему три земных поклона. После этого учитель ударял осторожно своего ученика по спине три раза плеткой. Мать сажала своего сына за *стол*, вручала ему узорчатую костяную указку, учитель развертывал азбуку, и начиналось велимудрое учение: аз-земля-ер-аз. Мать усугубляла свой плач и умоляла учителя не морить сына за грамотой. На одном азе оканчивалось первое учение. Учителя после трудов угощали чем Бог послал и дарили подарками. Отец награждал учителя платьем или *хлебом*, мать — *полотенцем* от своих трудов. Проводы и угощения продолжались до *ворот*. На другой день ученика отправляли к учителю с азбукой и указкой. Матушка снаряжала с сыном огромный завтрак и пода-

рок для учителя, который состоял из домашних птиц. Объяснения, почему этот обычай приурочен к имени и дню св. Наума, напрасно мы стали бы искать в жизни этого угодника. Всего проще обычай этот объясняется тем, что месяц декабрь как зимнее время есть самое сподручное и свободное в сельскохозяйственном быту для занятий сельских детей книжным делом, а первый день этого месяца наша Церковь посвящает памяти св. прор. Наума. Естественно также, что при мысли о занятии наукой — делом умственным — кто-либо из русских простодушных начетников мог подумать, что самое имя пророка — Наум имеет отношение к образованию ума. Русские крестьяне говорили о Науме: «Батюшка Наум наводит на ум» — и верили, что хорошо начинать учить детей не только со дня св. Наума, но и во всякое время года с молитвой к нему. **И. Калинин**

НЕВЕСТКА, жена сына по отношению к его матери, к жене брата, а также жена одного брата по отношению к жене другого.

НЕЖИТЬ, в понятиях русских крестьян одно из воплощений *нечистой силы*, то, что не живет материальной жизнью, не рождается и не умирает естественным образом, не имеет определенной формы, подобно людям и животным, но и не является духом, а имеет неопределенный, зыбкий и изменяющийся образ. Нежить враждебна людям, но от нее можно обороняться с помощью *креста* и *молитвы*.

НЕНИЛА ЛЬНЯНИЦА, народное название дня мчч. Терентия и Неониллы и мц. Параскевы (28 окт./10 нояб). В этот день девушки просили святых о даровании женихов; не пряли и не солили белья, т. е. не стирали с золой или щелоком, а то Параскева на том свете будет гоняться за грешницей. Мяли льны и вытрепанный лен выносили на улицу, приносили в храм. Женщины устраивали льняные смотрины, особенно девушки старались похвастаться перед парнями своим искусством.

НЕОБХОДИМОСТЬ, у коренного русского человека обязательность исполнения нравственного *долга* перед Богом, Царем и Родиной, духовная невозможность совершить противоположное. Необходимость такого порядка не подлежала обсуждению и считалась само собой разумеющимся моральным принципом. **О. П.**

«НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА», чудотворная икона Пресвятой Богородицы. Одна из любимых икон русского народа. Празднуется 4/17 сент. Середину иконы занимает звезда восьмиконечная, в центре которой образ Богоматери с Христом Спасителем. Четыре зеленые луча обозначают купину, т. е. куст, другие четыре луча — красное пламя горящей купины. На некоторых иконах «Неопалимой Купины» к концам внешних лучей добавляются буквы А. Д. А. М. Эта деталь основана на греческом сказании, по которому Архангелы составили имя первого человека по звездам, взятым с четырех концов света: Архангел Михаил — с Востока букву «А» от звезды «Анатоли», Архангел Гавриил — букву «Д» от Западной звезды «Дисис», Архангел Рафаил — букву «А» от Северной звезды «Арктос» и Архангел Уриил — от Южной звезды «Месембри» букву «М».

Богоматерь держит в руках Спасителя и свою эмблему — лестницу. По четырем углам иконы размещены пророчества, связанные с Воплощением Христа: Моисей перед горящей купиной, в центре которой образ Богоматери «Знамения» с Предвечным Эммануилом в лоне. Прор. Иезекииль перед закрытыми врата-

Богоматерь Неопалимая Купина. Икона. 2-я пол. XVII в. Музей икон в Реклингхаузене, Германия

ми «видевши на востоке ворота и никакой человек не войдет ими, ибо Бог вошел ими» (Иез. 44; 1–2). Видение пророку Исаие Серафима «в руке у него горящий уголь, который он взял клещами с жертвенника» (Ис. 6; 6). Горящий уголь — символ Христа, клещи — символ Богоматери (см. икону «Уголь Исаево»). На некоторых иконах «Неопалимой Купины» добавляется «Корень Древа Иессеева», по пророчеству Исаии: «вместо терновника вырастет кипарис... в знамение вечное несокрушимое» (Ис. 11; 10; 55; 13).

Богоматерь «Царица Небесная», честнейшая Херувим и славнейшая Серафим, окружена подвластными Ей небесными силами — архангелами и ангелами сти-

хий: грома, молнии, росы, ветра, дождя, мороза и мглы. Каждый ангел держит соответствующий «атрибут», как чашу, фонарь, облако, меч, факел, закрытый кивот (мороз), нагую фигуру (ветер). Число ангелов и их распределение вокруг Богоматери меняется по выбору иконописца. Ангелы светил и небесных стихий взяты из Апокалипсиса, где перечисляются ангелы звезд, облака, молнии, града и землетрясения. Представление об ангелах, управляющих светилами и стихиями, было принято с верою в средние века. Летописец Нестор, отмечая таинственный огненный столп, появившийся над Киево-Печерской лаврой в его дни, без малейшего сомнения объясняет это явлением ангела (Нес. 96,

Богоматерь Неопалимая Купина, со святыми на полях. Икона. Нач. XX в. Углич. Старообрядческая мастерская. УМЗ

121). В Соловецкой рукописи XIV в. сказано, что Богоматерь посылает, через посредство ангелов, молнию, лед и землетрясение на безбожников. Но бедствия, ниспосылаемые Богоматерью, могут быть предотвращены молитвой, обращенной к Ней, и карательная сила превращается в заступничество и милосердие.

Первая икона «Неопалимой Купины» была привезена на Русь из Синая палестинскими старцами в 1390. Иконе приписывается чудодейственная сила защиты от огня «огненного опаления». На Синае поют службу иконе во время сильных гроз; в России обносили ико-

ну во время пожаров, предохраняя соседние здания от огня.

Появление «Неопалимой Купины» в Москве связано со следующим преданием: стремянный конюх царя Феодора Алексеевича Димитрий Колошин, человек богатый, особенно уважал икону Богоматери «Неопалимой Купины», стоявшую в святых сенях при царской Грановитой палате, и каждый раз, когда приходил во дворец и уходил, усердно молился перед нею; наконец он пожелал построить во имя ее храм по следующему случаю. Однажды подпав невинно гне-

ву царя и не надеясь оправдаться пред ним, Колошин с еще большим усердием начал молиться пред иконою «Неопалимой Купины», прося Царицу Небесную защитить его; молитва была скоро услышана. Царю Феодору Алексеевичу во сне явилась Богоматерь и объявила конюшего невинным; царь велел исследовать дело Колошина и, найдя его невинным, освободил от суда и возвратил свое прежнее расположение к нему. В благодарность своей Избавительнице Колошин выпросил у царя икону «Неопалимой Купины», и в 1680 построил во имя ее храм. Предание прибавляет и другие случаи, относящиеся к славе этой иконы. 1) Когда в Москве был сильный пожар, эту икону обносили вокруг домов прихожан Неопалимовской церкви, и те все уцелели от огня. Живущие в этом приходе замечали, что в нем бывают очень редко пожары, да и те очень незначительные, несмотря на то, что это место было застроено преимущественно частыми деревянными домами, — и это приписывали особенному покровительству Богоматери. 2) Покойный протоиерей Новодевичьего монастыря, находящегося недалеко от Неопалимовской церкви, Введенский, сообщил одному из священнослужителей этой церкви следующее: «В 1812, когда Москва была занята французскими войсками, оставшись один в монастыре, я был однажды испуган неожиданным приходом польского солдата, который, отдавая мне серебряную ризу с иконы, просил возвратить ее в ту церковь, где она была похищена, и прибавил к этому, что с того времени, как он снял ее, его мучит сильная тоска». Эту ризу по выходе из Москвы французом протоиереем возвратил в Неопалимовскую церковь. Икона эта празднуется еще в 6-ю неделю по Пасхе. Название иконы Божией Матери «Неопалимая Купина» произошло от видения Моисеем горевшей и не сгоревшей купины (куста терновника), которое изображало Приснодество Богородицы, и на этой иконе Пресвятая Богородица обыкновенно изображается окруженной пламенем.

В г. Славянске Харьковской епархии, в Троицкой церкви имелась чудотворная икона «Неопалимая Купина». Она была написана по следующему случаю. В 1820–21 в этом городе происходили частые пожары от поджогов. Приняты были все меры к открытию поджигателей, но злодея не могли найти. В это время одной старушке, Бельницкой, которая первая пострадала от пожара, кто-то, явившись во сне, сказал, что если будет написан образ «Неопалимой Купины» и будет совершено пред ним молебствие, то пожары прекратятся. Старушка открыла свой сон городскому протоиерею. Образ был написан, и после молебствия пред ним в этот же день была открыта виновница пожаров — малоумная девица Мавра, которая тотчас соznалась, и пожары прекратились.

На Руси был обычай ходить вокруг горящего здания с иконою «Неопалимая Купина» для скорейшего предотвращения пожара. «Неопалимая Купина» считалась у русских охранительницей от пожаров и молний, ей полагалась особая молитва с просьбой защитить дом и скотину от огня.

На Неопалимую Купину начинали рвать лук с град.

День «Неопалимой Купины» имел еще одно название: *Вавила — праздник острых вил.*

Прот. И. Бухарев, Д. К.

НЕСТЯЖАТЕЛЬНОСТЬ, одна из главных духовно-нравственных основ русской жизни. Суть его заключалась в преобладании духовно-нравственных мотивов жизненного поведения над материальными интересами.

В. П. Верещагин. Св. Григорий проклинает умершего монаха за нарушение обета бессребрия. 1869 г. ГРМ

В душе наших предков, прежде всего крестьян, жило чувство справедливости, причем не просто материального воздаяния, компенсации, а чувство высшей справедливости — жить по душе достойно, вознаграждать по совести. К XIX в. сформировался народный идеал справедливости, который был для русского крестьянина своего рода компасом. Не следует гнаться за богатством, за наживой, преследовать корыстные интересы. Как цель жизни, это считалось недостойным. Главное же — прожить жизнь по-доброму, по правде, достойно.

Человек не должен стремиться ни к богатству, ни к накопительству, человек должен довольствоваться малым.

«Лишние деньги — лишние заботы», «Деньги — работа, мешок — тягота», «Без хлеба не жить, да и не от хлеба (не о хлебе, материальном интересе) жить», «Не о хлебе едином жив будешь», «Хлеб за живот — и без денег живет». Действительно, «зачем душу тужить, кому есть чем жить» (есть хлеб). «Без денег проживу, лишь бы хлеб был», «Без денег сон крепче», «Лучше хлеб с водою, чем пирог с бедою».

«Напитай, Господи, малым кусом», — молит крестьянин. «Ешь вполсыта, пей вполпьяна, проживешь век дополни». Нечего завидовать другим, говорит русский крестьянин и подчеркивает: «На людей глядя жить (то есть не по достатку) — на себя плакаться».

Отвергая стяжательство и накопительство, острожно и с достоинством принимая богатство и деньги, трудовой человек выдвигает свой идеал — идеал скромного достатка, при котором можно и самому жить сносно, и помогать своим близким. «Тот и богат, кто нужды не знат», «Богаты не будем, а сыты будем».

В сознании русского человека понятие достатка, сытости связано только с *трудом*, работой, личными заслугами. «Как поработаешь, так и поешь», «Каковы сами (как работаем), таковы и сани», «Каков Пахом, такова и шапка на нем», «По Сеньке и шапка», «Каков Мартын, таков у него алтын» (столько заработал).

Русский человек твердо считает, что: «От трудов своих сыт будешь, а богат не будешь». Нажива такому человеку не нужна. «Сыта душа не берет барыша», «Лучше жить в жалости, чем в зависти», «Кто сырых питает, тот Бога знает», «Одной рукой собирай, другой — раздавай», «Рука дающего не оскудеет».

«Не тем богат, что есть, а тем богат, чем рад» (то есть поделись с ближним), «Не богат, да гостям рад», «Не надо мне богатого, подай тороватого» (нежадного), «Держи девку в темноте, а деньги в тесноте».

Особо вопрос ставится об отношении к чужому имуществу, результатам чужого труда. Посягнуть на них — страшный грех. «Лучше по миру собирать, чем чужое брать». «Лучше попросить ради Христа, чем отнять из-за куста». «Заработанный ломоть лучше краденного каравая». «Хоть в латаном, да не в хватаном».

Для западноевропейского бюргера, наверное, чужовишной бессмыслицей показались бы русские народные пословицы, призывающие жалеть чужое добро. «Не береги свое, береги чужое». «Береги чужое, а свое — как знаешь». А ведь в самом деле было так: чужое добро берегли с большей ретивостью, чем свое.

«В чужом кармане денег не считай». «Пожалей чужое, Бог даст свое». «Кто чужого желает, тот свое утратит». Впрочем, русский труженик говорит и так: «Своего не забывай, а чужого не замай». «За свое постою, а чужого не возьму».

А. И. Герцен в книге «Былое и думы» рассказывает о крестьянине, который категорически отказался взять с него лишнее. В избе, где Герцен остановился ночевать по пути в ссылку, крестьянин накормил его ужином. Когда утром надо было рассчитываться за трапезу, хозяин запросил со ссыльного пять копеек, а у того самой мелкой монетой оказался двугривенный. Крестьянин отказался принять эту монету, потому что считал великим грехом взять за ужин больше, чем он того стоит.

Писатель В. И. Белов справедливо отмечает: «В старину многие люди считали Божиим наказанием не бедность, а богатство. Представление о счастье связывалось у них с нравственной чистотой и душевной гармонией, которым, по их мнению, не способствовало стремление к богатству. Гордились не богатством, а умом и смекалкой. Тех, кто гордился богатством, особенно не нажитым, а доставшимся по наследству, крестьянская среда недолюбливала».

Среди крестьянских мудрецов и бывалых людей бытовали истины, идейно-нравственное содержание которых в переводе на современный язык было примерно таково: «Богатство человека состоит не в деньгах и комфорте, не в дорогих и удобных вещах и предметах, а в глубине и многообразии постижения сущности бытия, стяжании красоты и гармонии мира, создании высокого нравственного порядка».

Человек, который думает только о своих личных материальных интересах, неприятен душе крестьянина. Его симпатии на стороне живущих по совести, справедливости, простоте душевной.

Классическая русская сказка о трех братьях — двух умных и третьем дураке — кончается моральной победой бесребренника, нестяжателя, простодушного младшего брата-«дурака» над материализмом и практической мудростью старших братьев.

Русский человек осуждает несправедливое богатство, как и любую другую форму паразитизма.

С его идеалом скромного достатка больше согласуются бережливость и зажиточность. «Бережливость — говорит он, — лучше богатства», «Запасливый лучше богатого», «Береж — половина спасения», «Запас мешка не дерет», «Запас беды не чинит».

«Маленькая добычка, да большой береж — век проживешь», «Копейка к копейке — проживет и семейка», «Домашняя копейка рубль бережет», «Лучше свое поберечь, чем чужое прожить».

«Держи обиход по промыслу и добытку», «Не приходом люди богатеют, а расходом», «Кинь добро по-

зади, очутится впереди», «Кто мотает, в том пути не бывает».

«Не о том, кума, речь, а надо взять и беречь», — поучает рассудительный хозяин. «Собирай по яголке — наберешь кузовок», «Пушинка к пушинке, и выйдет перинка», «В общем, запас мешку не порча», «Подальше положишь — поближе возьмешь».

Бережливость всячески поощряется. Но накопительство, жадное стяжание материальных предметов рассматривается как грех, ибо, считает народ, «скупому душа дешевле гроша».

Скупые и скряги, так же как и богачи, подозреваются в сговоре с *чертом*. «Скупой копит — черт мошну тачает», «Черт мошну тачает — скряга ее набивает», «Кто до денег охоч, тот не спит всю ночь», «Скупые что пчелы: мед собирают, да сами умирают».

О таких народ говорил: «У него от скупости зубы смерзлись», «У него в Крещение льду взаймы не выпросишь», «У него всякая копейка рублевым гвоздем прибита». А общий приговор таков: «Скупому человеку убавит Бог веку».

Осуждая стяжательство, накопительство, жадность, скупость и несправедливое богатство, народное сознание снисходительно относится к беднякам и, более того, симпатизирует им. По-видимому, образ бедняка больше согласуется с народными идеалами, чем образ богача.

«Бедность — святое дело», «У голыша та же душа», «Гол, да не вор; беден, да честен», «Богат, да крив; беден, да прям», «Лучше нищий праведный, чем богач ябедный».

«Бедность не порок, а несчастье», «Хоть мошна пуста, да душа чиста», «Гол да наг — перед Богом прав», «Бедность учит, а счастье портит», «Убожество учит, богатство пучит».

О. Платонов
«НЕУВЯДАЕМЫЙ ЦВЕТ», «БЛАГОУХАННЫЙ ЦВЕТ», икона Божией Матери. Предание связывает название иконы с цветком бессмертника, растущим на

Богоматерь Неувядаемый Цвет. Икона. Кон. XVII — нач. XVIII в. Происходит из Троице-Петровского собора. ГРМ

склонах Афонской горы, никогда не вянущим и считающимся символом чистоты.

Празднование иконе Божьей Матери «Неувядаемый Цвет» установлено 3 / 16 апр.

«НЕУПИВАЕМАЯ ЧАША», икона Божией Матери. История чудотворного образа Богородицы «Неупиваемая Чаша» связана с Введенно-Владычным монастырем, построенным по благословению св. митр. *Алексия* в 1360–62 в г. Серпухове. Первым настоятелем этой обители стал его ученик и келейник св. Варлаам. Перед закладкой монастыря ему было видение ангелов,

Икона Божией Матери «Неупиваемая Чаша». Высоцкий мужской монастырь в Серпухове

державших в небесах монастырь, в который входила Сама Пресвятая Дева. Поэтому построенная обитель была названа Введенской Владычной, а первая церковь освящена в честь Введения Богородицы во храм. По прошествии столетий в 1878 во Владычном монастыре произошло чудесное обретение иконы «Неупиваемая Чаша». В Тульской губ. Ефремовского у. сильно страдал от пьянства некий отставной солдат. Он пропил все свое имущество и стал нищенствовать. К нужде добавились тяжкие болезни, у него отнялись ноги, но солдат продолжал пить. Однажды он во сне увидел старца, который повелел ему идти в г. Серпухов и молиться об обретении здоровья у иконы «Неупиваемая Чаша» во Владычном монастыре. Солдат не придавал значения видению, но сон повторился дважды. Тогда он решил отправиться в неблизкий путь, преодолевая все свои немощи.

Добравшись до обители, он сразу попросил отслужить молебен перед образом «Неупиваемая Чаша». Встретившие его монахи сильно удивились. Они ничего не знали о существовании в монастыре такого извода. После долгих поисков иноки вспомнили, что у входа в ризницу есть образ Богородицы с изображением перед Ней чаши для причастия. К всеобщей радости на оборотной стороне иконной доски они обнаружили надпись: «Неупиваемая Чаша». Рядом с этой иконой

солдат увидел образ св. Варлаама, в котором он узнал старца, являвшегося ему во сне. После молитв перед иконой «Неупиваемая Чаша» солдат исцелился от болезни и навсегда избавился от пьянства.

Празднование иконе Божией Матери «Неупиваемая Чаша» установлено 5 / 18 мая.

«НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ», икона Божией Матери, в основу которой положен сюжет повести «Руно орошенное», написанной свт. *Димитрием Ростовским* (1702–09).

Икона Божией Матери «Нечаянная Радость». XIX в. Псков

Согласно этому тексту, один разбойник ежедневно молился Пресвятой Богородице перед Ее иконой. Свою молитву он начинал архангельским благовестием: «Радуйся, Обрадованная!». Именно с этими словами архангел Гавриил обратился к Деве Марии при Благовещении. Но после молитвы человек снова возвращался на порочный путь и совершал беззакония, в которых затем каялся. Однажды во время молитвы ему явилась Пречистая Дева с Младенцем на руках. На руках, ногах и в боку Христа были кровоточащие раны. Испугавшись, грешник пал на колени и спросил, кто принес страдания Божественному Младенцу. Богородица ответила, что каждый человек творящий грех, причиняет боль Ее Сыну и словно заново распинает Его. Пораженный словами Пресвятой Девы разбойник раскаялся в содеянных проступках. Стараясь больше не грешить, он начал вести честную и благочестивую жизнь и постоянно просил Богородицу стать его заступницей перед Господом. Богородица смилостивилась над ним и стала молить Своего Сына простить разбойника. Вскоре человек услышал слова Спасителя «Ныне прощаются ему грехи Тебя ради». Так раскаявшийся разбойник обрел прощение, которое стало для него «нечаянной радостью».

Празднование иконе Божией Матери «Нечаянная Радость» установлено 9/22 дек. и 1/14 мая.

НЕЧИСТАЯ СИЛА И БОРЬБА С НЕЙ В НАРОДНОЙ ЖИЗНИ, в представлении русского народа нечистая сила есть черное воинство *дьявола* — черти, бесы, нечисть, нежить, то, что не живет естественным образом, но существует, принимая телесные, произвольно изменяемые формы, по Божьему попущению. По народным поверьям, когда дьявол восстал против Бога и был низвергнут со своим воинством с небес, сам он и большая часть его присных, чертей, провалилась сквозь землю в преисподнюю, часть же упала в разные места на землю и там осталась. В зависимости от места падения нечисть приобрела облик *леших, водяных, болотников* (болотниц), *полевиков, овишников, банников, кикимор, дворовых, домовых*. Назначение нечистой силы — вредить человеку, вводить его в соблазн с целью завладеть его *душой*. Сущность нечисти зловредна, и она довольно опасна, но от нее можно уберечься крестом, *молитвой* и закланиями. Впрочем, постоянная близость с человеком смягчила некоторые виды нечисти, напр. домового. Внешний облик нежити малоизвестен и трудноуловим, к тому же она способна «скидываться», превращаясь в предметы, животных, особенно нечистых (собаку, свинью, козла), в черную *кошку* и даже в людей, особенно в рыжих; но при умелом применении нужного заклания нежить «рассыпается». Обычно нечисть бесчинствует по ночам, до третьих петухов, с пением которых скрывается, либо до третьего удара благовеста к заутрени.

Среди повседневных проявлений веры простого русского человека в своем доме, видимых и для постороннего глаза, — защита себя и жилища своего от нечистой силы, нечисти. Бытовавшие при этом воззрения на вражью силу — народная демонология — не противоречили соответствующим догматам Православия. «Наша брань не против крови и плоти, но против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных». (Еф. 6; 12).

«Крестьяне, живущие вблизи своих приходских церквей, — писал корреспондент в *Тенишевское этнографическое бюро* о Гжатском у. Смоленской губ., — стараются донести до дома зажженную свечу, с которой они стояли в церкви во время чтения о страданиях Христа или во время выноса плащаницы. Этим огнем они выжигают знаки на дверных и оконных притолках» для предохранения от нечистой силы и колдовства.

Указание на этот благочестивый обычай — одно из наиболее часто встречающихся во всех тенишевских материалах. Различие лишь в том, что в большинстве сообщений речь идет о свечах *Великого Четверга*, но встречается в этом назначении и крещенская свечка. Так, в Бирюченском у. Воронежской губ. в Великий Четверг по окончании чтения 12-ти Евангелий (т. е. 12 текстов из Евангелий о святых страстях Господних) крестьяне шли по домам с зажженными свечами и на избяных балках выжигали кресты. В Тульской губ. в Великий Четверг после 12 Евангелий (по церковному обычаю это чтение совершалось в четверг вечером на утрени) двигались по домам с горящими свечами и выжигали кресты на дверных притолках, потолках, избяных *матицах*.

Сохранился рассказ о *Четверговых свечах* в предреволюционное время Н. Толгской, у которой дед и три дяди были священниками, а отец — церковным регентом. «Помню, как мерцали свечечки в руках мо-

сквичей, идущих домой от Двенадцати Евангелий в Страстной четверг. Четверговую свечу, которую держали во время чтения Евангелия, полагалось принести домой зажженной. Так и шли по улицам и переулкам, прикрывая пламя свечи ладонью от ветра, а у некоторых были бумажные фонарики. Удивительно: погода всегда была в Великий Четверг безветренной! Вечер был тихий, и все благополучно доносили до дому свечу горящей. С такой свечечкой в дом входила благодать. От нее зажигали лампадку, растапливали печку, ставили самовар, а потом хранили в киоте до следующего года. Не сохранить пламя свечи считалось неблагоприятностью.

Так же было и в Вербную Субботу. Вся Москва после всенощной была в мерцающих огоньках свечей, двигающихся от храма к домам. Церквей было много, и путь от церкви домой был не длинный».

По наблюдениям в Ярославской губ., «крест, согласно христианскому вероучению, считается народом самым верным, действительным оружием для борьбы с нечистой силою. В день крещенского *Сочельника* во многих местах выжигают на дверях дома и надворных строений богоявленскою свечою кресты для защиты от нечистой силы». О начертании крестов «по всем дверям, окнам и хаты и надворных построек» накануне *Крещения*, когда приносили после вечерни домой святую крещенскую воду, писали и из Обоянского у. Курской губ.; только здесь (с. Шелковка) чертили кресты мелом. Возможно, это была трансформация обычая выжигать крест свечою, ибо самый Сочельник назывался здесь «Свечки». (Такое название крещенского сочельника отмечено также в словаре *В. И. Даля* для Костромской и Пензенской губ., а в наших материалах встречается еще в Воронежской губ.) После начертания крестов кропили всюду крещенской водой. Так очищали свой дом.

Мелом же чертили кресты на всех косяках окон и дверей и на воротах в Щигровском у. Курской губ. в Крещенский сочельник — «для сохранения от нечистой силы». Указание на то, что «на Крещенский сочельник ставят меловые кресты», есть и у Даля.

А. Балов писал, что крест считается народом самым верным и действенным оружием для борьбы с нечистой силой. Это проявлялось и в постоянном осенении себя *крестным знаменем* (не только во время молитв). Медынский помещик (Калужская губ.) Г. Спафарьев, писавший в 1849 о христианских взглядах русских крестьян, подчеркивал, что они всякое дело начинают и кончают, осенив себя крестным знаменем. Люди, попавшие под сильное воздействие силы вражьей, не могли осенить себя крестным знаменем, и в этом была главная опасность их положения. Крестьянин Ф. Е. Кутехов (д. Бармино Середниковской вол. Егорьевского у. Рязанской губ.) сообщал в к. XIX в., что во время *свадьбы* ни один человек не перейдет через *порог*, не перекрестившись.

Прежде чем резать *хлеб* (это делал обычно старший мужчина, сидевший под иконами), над ним *ножом* чертили в воздухе крест либо проводили ножом крестообразно по хлебу. Поднося ко рту кружку с питьем, — крестились.

«При упоминании о нечистой силе, — писал Ф. Зобнин, — у нас имеют обыкновение или отплюнуть или перекреститься и сказать: «не слушай, святая хоромина, не к нам будь сказано». Это не воспринималось православными как формальность. Считали, что име-

нование вызывало присутствие именованного. Представляет интерес приводимое здесь обращение к жилому дому — «святая хоромина», свидетельствующее об отношении к нему, как к Малой Церкви. Человек, упомянувший нечисть, понимает неуместность этого в святом помещении и, сверх того, опасается накликасть такими словами на себя воздействие вражьей силы — отсюда — «не к нам будь сказано» и осенение себя крестным знаменем.

Бытовало и бытует ныне множество историй, рассказывающих о том, как спасает от нечистой силы шейный крест и как опасно оказаться при каких-то обстоятельствах без него. Ходить без креста считалось серьезным *грехом*. Нельзя спать без креста, снимать его на время купания — человек остается без защиты.

Как только начиналась гроза, не только закрывали окна и задвигали печных труб, но обязательно крестили их. Лопаткой делали крестное знамение в сусеке над зерном, предназначенным для сева, прежде чем насыпать его в мешки. Когда сажали в печь *кулич*, то в каждом углу избы, начиная со святого, лопатой трижды делали крест.

При зажигании огня от спички непременно крестились и говорили: «Господи, благослови». Существовали понятия благословенный и неблагословенный огонь: «благословенный огонь не спалит ничего, а от неблагословенного огня получаются пожары». Еще страшнее был огонь, при зажигании которого ругались «срамными словами» или произносили проклятья. От такого огня, как считалось в народе, случались самые страшные пожары, когда горела скотина и даже люди.

Крестились, когда подавали питье и еду приезжему (или прохожему) человеку чужой веры, которого опасались, «чтобы не напустил нечистого»; посуду после него перемывали со святой водой. Но при этом его никогда не обижали, лишней копейки с него не брали за ночлег, «а то еще и совсем не просят, а что дадут, за то и спасибо» (сведения Болховского у. Орловской губ.).

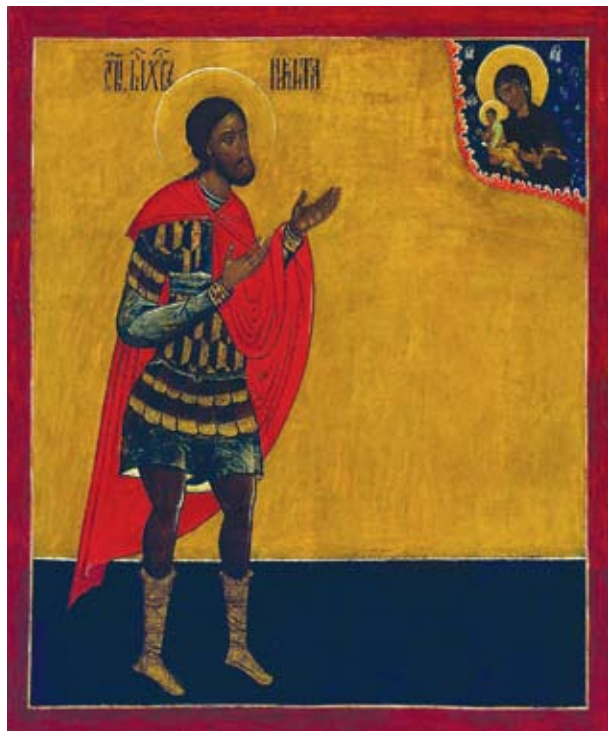
Насторожены были крестьяне, если в дом приходил односельчанин, имевший худую репутацию человека, причастного к колдовству. С народными представлениями о вражьей силе было связано широко бытующее убеждение в том, что люди, предавшие себя этой силе, могут «сделать» — причинить вред, наслать *болезнь*, беснование и пр. Соответственно верили и в то, что некоторые священники (из монахов и белого духовенства), а также старцы и старицы из мирян, достигшие большой духовной силы, могли изгонять бесов из людей — «отчитывать» и исцелять от др. какой-либо *порчи*. При появлении человека, который мог навести порчу, крестились и начинали читать про себя молитву.

Невозможно перечислить все случаи, когда считалось необходимым принять меры против нечистой силы: прежде всего — осенить себя крестным знаменем или перекрестить какой-то предмет. Кроме постоянно повторяющихся обстоятельств — поведение в них определялось устоявшимся обычаем, возникало, разумеется, множество индивидуальных моментов, требующих от каждого своего, личного решения. В «невидимой брани», которую вел православный человек в своем доме против нечистой силы, многое зависело от степени его веры. «Всяк крестится, да не всяк молится», — говорит пословица. Относительно начертания крестов тоже есть пословица такого рода: «Не спасет дегтярный крест, коли не спасет животворящий» (дегтярные кресты чертили на воротах и на самих животных от падежа скотины). Народ в массе

своей понимал, что начертание креста — не магия, что оно должно сочетаться с живой верой в Бога, в Крест Животворящий. См. также ст.: «Дьявол».

Ист.: Громыко М. М., Буганов А. В. О воззрениях русского народа. М., 2000; Беловинский Л. В. Энциклопедический словарь российской жизни и истории. М., 2003.

НИКИТА ГУСЯТНИК, народное название дней двух разных святых — прп. Никиты, епископа Халкидон-

Никита-воин, предстоящий Богоматери (средник). Икона. Кон. XVI в. СИХМ

В. П. Гурьянов. Вмч. Никита. Икона (без полей). 1902 г. Мстера. ГРМ

ского, 28 мая/10 июня и вч. Никиты Воина, 15/28 сент., считавшихся в народе покровителями гусей.

На Никиту Гусятника (первого) 28 мая/10 июня крестьяне говорили: «Гуси становятся ожиревшими и ленивыми». В этот день дети играли в игру «Волк и гуси».

На Никиту Гусятника (второго) 15/28 сент. (еще его называли Гусепролет и Никита Репорез) полагалось молиться о сохранении водоплавающей птицы.

Проконий Чирин. Никита-воин. Икона (без полей). Кон. XVI в. ГТГ

Св. Никите молились, чтобы помог он птицам трудный путь преодолеть и назад весной прилететь, поэтому Никиту Гусепролетом называли. В этот день били и зажаривали домашних гусей, не забывали задобрить и *водяного*, которому бросали зарубленного гуся без головы.

В некоторых местах в этот день начинали убирать с полей репу и укладывать в погреб. Никиту почитали покровителем репы — основного крестьянского продукта до появления картофеля. Поэтому его и прозвали Репорезом. Репу ели свежую, пареную, ее сушили, варили из нее кашу-репницу, готовили репный квас.

На Никиту стригли овец. До больших холодов овцы успевали обрасти шерстью; снятая шерсть шла на изготовление *валенков*, *онучей*, варежек. Никита почитался у русского народа еще и целителем: он спасал детей от родимца (падучей болезни), потому к нему обращались с особой молитвой.

НИКИТА КОНИК (Никита Пожарник, Хранитель молний), народное название дня свт. Никиты, затворника Печерского, епископа Новгородского (1108), 31 янв./13 февр.

Св. Никита считался охранителем дома от молний и пожаров. Его символом был конек на крыше — *ко-*

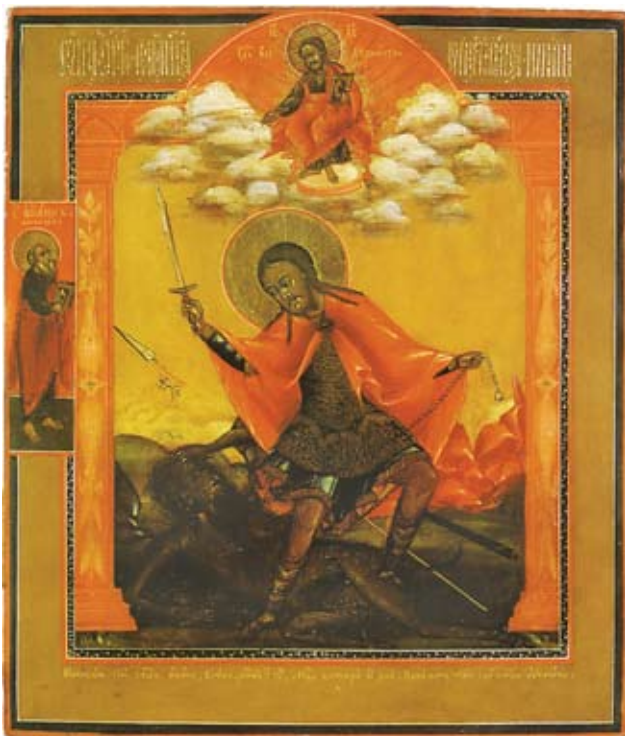

Вч. Никита Новгородский

ник, *охлупень*. К св. Никите обращались в этот день, прося заступничества и покровительства.

НИКИТА ЛЕДОЛОМ (Угощение водяного), народное название дня прп. Никиты Исповедника, 3/16 апр. В этот день в западных губерниях освящали в храмах хлеб с солью и вешали его на рога коровам. Считалось, что на Никиту *водяной* просыпается от зимней спячки.

В некоторых местах существовал обычай: если у кого скотина не ко двору или не водится, то в этом случае приносили в жертву купленную у цыган лошадь (топили в воде), чтобы умилиловать водяного.

Святой Никита, побивающий беса. Икона. 1843 г. Гуслицы. ГРМ

Чтобы задобрить водного (даже если в доме все в порядке), выходили на реку, пруд или озеро и подкармливали его, крошки со своего стола бросали в лунки. Считалось, что водяной хозяин воды, и если его не задобришь, так он такое половодье устроит — все дома затопит. Не только водяной, но и все подводное царство в этот день от долгой зимы оживает, приплывает к прорубям и ледяным трещинам.

НИКИТА ОГУРЕЧНИК (Своборинное дерево), народное название дня прп. Никиты, столпника Переяславского (1186 г.), 24 мая/6 июня.

Прп. Никита Столпник. Икона. 2-я пол. XVI в. ПЗИХМ

В этот день было принято высаживать огурцы, а также проверять, как растет своборинное дерево, так в старину называли шиповник. Крестьяне использовали его от многих недугов. Девушки в этот день старались прикоснуться лицом к лепесткам шиповника, чтобы лицо стало нежным и румяным. Шиповнику кланялись, просили у него здоровья.

НИКИТИН ДЕНЬ, народное название дня мчч. Фотия и Аникиты, в Никомедии от имп. Диоклетиана пострадавших (IV в.), 12/25 авг. См.: Фотий Поветный.

НИКИФОР ДУБОДЕР (Зеленые святки, Вьюн зеленый), народное название дня свт. Никифора, исповедника, патриарха Константинопольского (828 г.), 2/15 июня.

В это время заготавливали древесную кору для дубления кожи. День Никифора Дубодера показывал на *Зеленые святки*, когда дома были украшены березками, а молодежь по вечерам водила *хороводы*, которые в некоторых местах назывались зелеными вьюнами.

Девушки плели венки из разных цветов, вплетали в них веточку березовую или дубовую. Надевала девушка такой венок-вьюнок на голову приглянувшемуся парню, надеясь его к себе приворожить.

В некоторых местах хороводы водили у березки, нарядив ее цветными лентами. Березку вырубали в лесу и ставили на поляне, украшали. Вокруг нее плясали, пели песни, водили хороводы, а вечером устраивали костер.

НИКИФОРОВСКИЙ Николай Яковлевич (1845—1910), этнограф, краевед. Из духовного сословия Витебской губ. Закончил Полоцкую духовную семинарию. Был учителем на Витебщине. Никифоровский собирал различный материал по быту, обычаям, поверьям местного крестьянства. Этот материал он передавал сначала *П. В. Шейну* (с которым познакомился в 1871), а с начала 90-х начал публиковать его сам. Его записи охватывали разные стороны материального и духовного быта витебских белорусов. Главные работы: «Очерки Витебской Белоруссии» — ряд статей под этим общим заглавием печатался в «Этнографическом обозрении» за 1892—98 (и отдельно); «Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности» (Витебск, 1895); «Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах в Витебской Белоруссии» (Витебск, 1897); «Нечистики. Свод простонародных в Витебской Белоруссии сказаний о нечистой силе» (Вильно, 1907).

Лит.: Токарев С. А. История русской этнографии. М., 1966.

НИКИФОРЫ-ПАНКРАТЫ, народное название дня прп. Панкратия Печерского (XIII в.) и мч. Никифора (260 г.), 9/22 февр.

В этот день у крестьян было принято проверять свое хозяйство, особенно запасы в амбарах. Считалось, что родившийся в этот день будет трудолюбивым.

НИКОДИМ ПЕЧЕРСКИЙ (Никодим, Спиридон, Праздник охотников, Юровая), народное название дня прпп. Спиридона и Никодима Киево-Печерских (XII в.), 31 окт./13 нояб.

На Никодима перед *Кузьминками* у русских существовал обычай собираться всей семьей и молиться св. Никодиму, чтобы сохранил крепость *матице*. Матица считалась в *избе* священным предметом. Кто в дорогу собирался, обязательно за матицу перед тем держал-

ся, потому что считалось, что матицей дом держится. «Нельзя ее забывать — она что мать родная, потому матицей и зовется». Никодима почитали как хранителя дома от огня, бед и несчастий. По преданию, Никодим Печерский затушил пожар в монастыре, набрав воды в свою власяницу. С тех пор ему и поклонялись в этот день, прося защитить от огня. В разных местах этот день отмечался по-своему: где-то это был праздник рыболовов и охотников, где-то устраивали проводы осени, где-то этот день (а в некоторых местах — накануне) назывался Юровой.

НИКОЛА ВЕЛИКОРЕЦКИЙ, чудотворная Великорецкая икона Николая Чудотворца была обретена в 1383, когда Вятские земли осваивались православными верующими, преимущественно новгородцами. Местные племена вотяков и черемисов — язычники — нередко нападали на переселенцев. Согласно Сказанию, спасаясь от них, колонисты бежали на р. Великая (неподалеку от Хлынова), где в лесной чаще «святой образ оставиша». Вскоре «благочестивый муж» Семен Агалаков увидел дивный свет в лесу, напоминавший множество горящих свечей. Пробравшись сквозь заросли, он обнаружил у источника икону свт. Николая. Семен спрятал образ дома, и никому о нем не рассказывал.

Однажды его односельчанину, больному и обездвиженному Иоанну, во сне явился св. Николай, который поведал ему о своей чудотворной иконе и повелел к ней приложиться, чтобы исцелиться от недуга. Когда Иоанн исполнил наказ святителя и поправился, весть о святине распространилась в окрестностях, и поселяне построили на месте обретения святыни церковь. Вскоре, чтобы уберечь образ от язычников, жители Хлынова, в ту пору главного города Вятской земли, испросили у митрополита Московского Пимена разрешения перенести икону св. Николая в свой город, пообещав ежегодно возвращать святыню на р. Вели-

кая. Так было положено начало многовековой русской традиции — Великорецкого крестного хода.

НИКОЛА ВЕШНИЙ (Никола Теплый, Никола Травный), народное название дня перенесения мощей свт. *Николая Чудотворца*, 9/22 мая. Один из важнейших праздников в русской деревне, считался мужским праздником. От Николая Вешнего оставалось 12 утренников (заморозков). Шел средний посев яровых,

В. Никонов. Травы

а овес должен был быть уже отсеян; лошадей выгоняли в поле, совершая *молебен* с водосвятием. Парни в первый раз ехали в *ночное* и пировали у костров всю ночь. С Николая Вешнего заказывали луга, втыкая на межах ветки.

Никола Вешний — покровитель лошадей, охраняет их от *волков* и *медведей*, дарует табунам здоровье, поэтому этот день был праздником конюхов. Лошадей выгоняли в ночное на пастбище.

С этого дня начинается купание — Никола Вешний выступает здесь как властитель над водной стихией.

НИКОЛА ЗАРАЙСКИЙ, икона святого *Николая Чудотворца*. Согласно преданию, в 1224 служителю Корсунского храма, греку Евстафию было видение свт. Николая, который повелел ему взять его икону из храма и вместе с супругой Феодосией и сыном Астафием идти в Рязань: «Там хочу пребывать, и чудеса творить и место то прославить». Евстафий с семьей следовал по маршруту, указанному Николаем Чудотворцем, — по Черному морю, р. Днепру, через Кесь (латвийский г. Цесис), по Балтийскому морю в Великий Новгород, где сделал остановку. В 1225 Евстафий отправился в рязанские земли. Здесь, в селце Красном на р. Осетр его почетно встретил князь Феодор Юрьевич. На месте встречи святыни он построил церковь в честь Николая Корсунского. Икона свт. Николая стала венчальным образом князя Феодора и княгини Евпраксии. В 1237 князь погиб в сражении с монгольским войском хана Батыя. Когда Евпраксия узнала о смерти мужа, она вместе с малолетним сыном Иоанном выбросилась из окна высокого терема или, как говорили на Руси, «заразилась». В память о трагической гибели княжеской четы городок Красный называли «Зарайск», а венчальный образ княжеской четы «Николой Зарайским».

Свт. Николай Чудотворец (Великорецкий). Икона. Сер. XVI в. Москва. КМЗ «Ипатьевский монастырь»

Свт. Николай, архиепископ Мирликийский (Никола Зарайский). Икона. Нач. XVII в. Мастер круга Оружейной палаты. ГРМ

НИКОЛА ЗИМНИЙ (Никола Холодный, Николин день), народное название дня свт. Николая Чудотворца, 6/19 дек. Зимний Никола вел с собой никольские морозы. Об этом времени крестьяне говорили: «Подожел бы Никола, а уж зима на санках приедет за ним!», «Привезли зиму на санках до Николы — вот тебе ижданная оттепель!»

По преданию, 6 дек. Никола-угодник спускается с небесных полей на оснеженную землю и шествует по Русской земле, обходя ее «обыденкой» из конца в конец. У русских существовал сказ о состязании Николы-угодника с Ильей-громовником. В давние времена жил-был мужик. Николин день завсегда почитал, а в Ильин нет-нет да и работать станет, а про Илью-пророка и думать забыл. Вот как-то раз идет Илья-пророк с Николою полем этого самого мужика, идут они и смотрят — на ниве зелены стоят такие славные, что душа не нарадуется. «Вот будет урожай, так урожай!» — говорит Никола. «А вот посмотрим!» — отвечает Илья. — Как спалю я молнией и выбью градом все поле, так будет мужик правду знать да Ильин день почитать!» Пospорили и разошлись в разные стороны. Николы-угодник сейчас к мужику: «Продай, — говорит, — скорее ильинскому попу весь хлеб на корню; не то ничего не останется, все градом прибьет!..» Мужик послушался. Прошло ни много, ни мало времени: собралась-понадвинулась грозная туча, страшным градом и ливнем разразилась она над нивой мужика, весь хлеб как ножом срезала. На другой день идут мимо Илья с Николою, и говорит Илья: «Посмотри, каково разорил я мужиково поле!» А Никола-угодник в ответ

А. П. Кузнецов. Св. Николай. 1721 г. ВУМЗ

ему, что хлеб-де давно мужиком на корню продан. «Постой же, я опять поправлю ниву, будет она вдвое лучше прежнего!» Никола опять к мужику и заставил его выкупить побитое поле. Меж тем откуда что взялось — стала мужикова нива поправляться: от старых пошли новые, свежие побеги. Дождевые тучи то и дело носят над полем и поят землю: чудный уродился хлеб — высокий да густой, сорной травы совсем не видать, а колос налился полный-полный, так и гнется к земле. Пригрело солнышко, и созрела рожь — словно золотая стоит в поле. Много нажал мужик снопов, много нажал копен, уж собрался возить да в скирды складывать. На ту пору идет Илья с Николою; узнает Илья, что поле мужиком выкуплено, и говорит: «Постой же, отыму я у хлеба спорость! Сколько бы ни поклат мужик снопов, больше четверика зараз не вымолотит!» Никола-угодник идет к мужику и советует ему во время молотбы больше, как по одному снопу, не класть на ток. Стал мужик молотить, что ни сноп, то и четверик зерна: все закрома, все клети засыпал рожью, и все еще много остается; пришлось строить новые амбары...

Св. Николай Чудотворец представлялся в воображении русского народа то в образе «добротого деда» (Никола-милосливый), то в виде сурового старца; то облик его отличался богатырской поступью, напоминающей «походочку» *Миколы Селяниновича*, сына Матери-Сырой-Земли. Ему приписывалась не только власть над морями, не только защита хлеботородных полей, но и мн. др.

«Кому на ком жениться, тот в того и родится», — говорила старая русская пословица. «Всякая невеста — своему жениху невестится», «Суженого конем не объедешь», или «Сужено-ряжено — не объедешь в кузове» и т. д. Николу-милосливого наделяли силой «связывать судьбу суженых». Существовал обычай служить после свадебного сговора молебствие Николу-угоднику о

благополучии брачующихся. «Смерть да жена — Богом суждена».

Вместе с Ильей-пророком и Михаилом-архангелом русские приписывали св. Николаю Чудотворцу участие в перевозе *душ* христианских через реки огненные, отделяющие пределы земные от мира загробного. Среди благоуханного рая, под густым навесом «племенитого лавра», распустившего во все стороны света белого свои ветви золотые с листьями серебряными, «на святом ложе», усыпанном пестрыми цветами духовитыми, лежит-почивает «святой отец Никола». Приходит к нему, говорит сказание, Илья-громовый. «Вставай, Никола, пойдем в лес, построим корабли и давай перевозить души с того света на этот!»

Уделив св. Николаю Чудотворцу обширное место в области своих сказаний, окружив его имя веренище обычаев и поверий и создав о нем множество пословиц, поговорок и всяких речений, русский народ не забыл о нем и в своих *заговорах*. Вот один из них: «Завяжи, Господи, колдуну и колдунье, ведуну и ведунье уста и язык на раба Божия (имярек) зла не мыслити. Михайло-архангел, Гавриил-архангел, Никола-милостив! Снийдите с небес и снесите ключи и замкните колдуну и колдунье, ведуну и ведунье и упырю накрепко и твердо. И сойдет Никола-милостив, и снесет железа и поставит от земли до небес, и запрет тремя ключами позолоченными, и те ключи бросит в окиан-море; в окиан-море лежит камень алатырь: тебе бы, камню, не отложаться, а вам, ключам, не выплывать по мое слово!»

*У того ли, у Николы Можайского,
Те мужики новгородские сохотились,
На братчину, на Никольщину,
Начинают пить канун, пива ячнныя...*

Никольщина была приходским праздником, отмечалась в течение 3—4 дней с приглашением всех родственников и друзей. Это был «обетный» праздник, готовясь к встрече которого варили всей деревней на общий счет *пиво*, распиваемое до последней капли в один день (кроме Николы-зимнего это совершалось и в некоторые др. праздники). В старину на Николу привозили мужики новгородские к обедне в церковь жареных петухов, баранину и *караваи* хлеба. Часть этого отдавалась причту церковному за молебен, а остальное шло на угощение съезжавшихся и сходявшихся на *братчину*. «На братчину ездят незваны!», «Братчина судит, ватага — рядит», — говорят в народе. «На Никольщину и друга зови, и врага зови, оба друзья будут!» — добавляется в др. изречении с намеком на то, что за одним столом с братующимся человеком сидит и Яр-Хмель, общий примиритель. «Николить» — праздновать Никольщину — является в то же время равнозначными словами: пить, гулять, пьянствовать. «Наши заниколели», — говорили на Руси. «Что наковал, то и прониколел», «Дониколелся до сумы»... Крылатое слово народное рисовало яркую картину деревенского веселья, связанного с зимней Никольщиной. Вся эта картина составлялась из поговорок вроде: «Веселилась Маланья на Николин день, что мирскую бражку пьет, а того Маланья не ведаст, что за похмелье мужиков бьют!», «Звали бабы Никольских ребят брагу варить, а того бабы не ведали, что ребята только брагу пьют!», «На Никольщину едут мужики с поглядкой, а после Никольщины валяются под лавкой», «Знать мужика, что Никольщину справлял, коли на голове шапка не держится!»... В этих поговорках русские сами подсмеивались над своим обычаем. Тем не менее, о Никольщине говорили так: «Никольщина красна пи-

вом да пирогами!», «Для кума Никольщина бражку варит, для кумы пироги печет!», «Городская Никольщина на санках по улице бежит, а деревенская в избе сидит да бражку пьет», «Горевал мужик по Никольщине, зачем она не целый век живет!»

Сохранились в памятниках народного творчества и другие изречения: «Никольщина не ходит с поклоном на барский двор!», «Позывала Никольщина барщину в гости пировать, а того Никольщина и не ведала, что на барщину царем от Бога навек заказ положен!»

День, посвященный Церковью памяти св. угодника Божия, ведающего «все воды и все броды», был днем первого хлебного торга. «Цены на хлеб строит никольский торг», «Никольский обоз для боярской казны дороже золота!», «У доброго мужика и на Никольщину торг стоит!»... Длинная цепь подобных хозяйственных поговорок замыкалась наиболее точной из них: «Никольский торг всему указ».

В крестьянском быту Николин день был сроком для разного рода сделок, платежей, хозяйственных договоров. На *ярмарках* складывались цены на хлеб и др. продукты. На *посиделки* девушки пряжи не брали, надевали праздничные наряды да *хороводы* с песнями веселыми водили.

В Поморье Никола Зимний был рубежом между осенней и зимней путиной. Заканчивался лов семги, наваги, камбалы, трески. Рыбаки возвращались домой. А после Николы уходили на морской зверобойный промысел. Начинался и последний лов сельди. С Николы Зимнего молодежь начинала готовиться к святочным посиделкам, шить наряды, готовить маски для ряженых.

С Николы Зимнего начиналось сватовство; те, кто думал жениться или женить, служили *молебен*.

А. Коринфский

НИКОЛА МОЖАЙСКИЙ, икона свт. Николая Чудотворца, в основу сюжета которой легло народное преда-

Свт. Николай Можайский, с житием. Икона. 2-я пол. XVI в. Ростовская провинция

ние о чудесном избавлении г. Можайска от вражеского разорения. В XIII в., когда татаро-монголы подступили к г. Можайску, над городскими стенами было видение св. Николая. В одной руке Он держал меч, а в другой — изображение крепостного храма. Напуганные этим знамением, враги бежали. В благодарность за спасение горожане изготовили деревянную резную статую Николая Чудотворца с мечом и макетом храма в руках. Позже таким святителя стали изображать на иконах.

Образ «Николы Можайского» почитался на Руси как защитник русских городов от вражеских вторжений. Резные статуи «Николы Можайского» почитались русским народом наравне с иконами. Наибольшее распространение они получили в северных областях России. Мастера-резчики, чьи имена за редким исключением остались неизвестными, изготавливали их чаще всего из липы или иногда сосны и березы, используя топор и ножи разной формы. Затем иконописцы покрывали готовую статую левкасом, расписывали ее темперой и золотили как икону.

НИКОЛА «РАТНЫЙ», чудотворная икона святителя Николая Чудотворца. По преданию, благодаря этой иконе жителям с. Устинка Курской губ. (ныне эти места относятся к Белгородской обл.) было даровано избавление от нападения монголо-татарских войск. Увидев неприятеля, насельники Николаевской пустыни, находившейся в селе, вышли навстречу ему с иконой свт. Николая. Переправлявшиеся через реку татары вдруг остановились, начали тесниться и падать с плотины в воду. В советские годы почитаемая икона была утеряна. Обретение святыни произошло в 1995. Сегодня она находится в Преображенском кафедральном соборе г. Белгорода.

НИКОЛА СВЯТОША, Черниговский, Печерский (ск. 1143), первый русский князь, принявший монашество, сын Черниговского кн. Давида. По воле родителей Никола, носивший в миру имя Святослав, женился и стал Луцким князем (дочь его была замужем за блгв. кн. Всеволодом Новгородским). Не по душе миролюбцу были постоянные ссоры русских князей. В февр. 1106 кн. Святослав, оставив семейство, принял постриг в Киево-Печерской обители. Здесь он с великим смирением работал в поварне, рубил дрова, носил воду, был привратником. На свои средства построил надвратный Троицкий храм и больничную церковь свт. Николая, около своей кельи развел сад. Его никто не видел праздным, все труды его сопровождалось непрерывным произнесением молитвы Иисусовой (первый известный пример на Руси). Пройдя разные послушания, подвижник наложил на себя обет безмолвия, который соблюдал в продолжение 30 лет. Он стяжал дар прозорливости и врачевания.

Память прп. Николе отмечается 14/27 окт., 28 сент./11 окт. и во 2-ю неделю (воскресенье) Великого поста.

НИКОЛА СТУДЕНЬ (Волчий сват, Новоезерские морозы), народное название дня прп. Николая, исповедника, игумена Студийского (ок. 868), 4/17 февр.

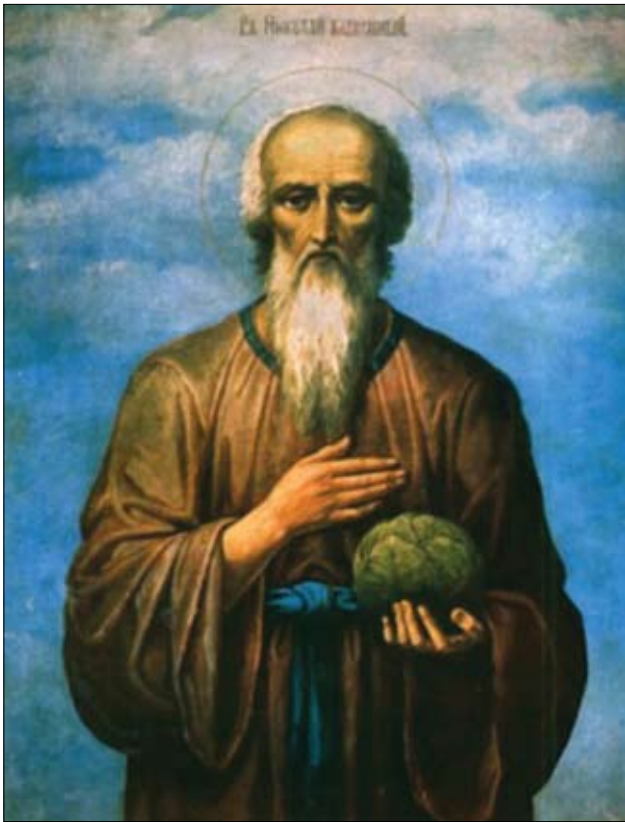
Редкий год на Руси в этот день не бывало морозов. Считалось, что морозы новоезерские — самые крепкие. Крестьяне говорили, что в этот день Никола Студийский и Кирилл Новоезерский (праздновался в этот же день) морозы на Руси ставят. В это время происходили звериные свадьбы, поэтому в народе Николу Студеного называли волчьим сватом.

Прп. Никола Святоша. Икона. XX в. Киев

НИКОЛАЙ КОЧАНОВ (Николай Кочанский, Кочанов день), народное название дня блж. Николая Кочанова, Христа ради юродивого, Новгородского (1392), 27 июля/9 авг.

В это время созревали огородные культуры. По народному поверью, капуста в кочаны завивается, чем напоминает голову св. Николая. В этот день она оживляется, поэтому надо молиться Николаю Кочанову и просить его, чтобы капуста туго завивалась.

Св. Николай Кочанов. Икона. XX в. Новгород

В этот же день русские чтили память св. **Пантелеймона (Палия)** — целителя. По народным поверьям, в этот день нельзя было работать в поле, иначе Пантелеймон — Палий напустит грозу и все поле спалит.

НИКОЛАЙ ПСКОВСКИЙ, блаженный (по прозвищу **Салос**) († 28.02.1576), Христа ради юродивый. Зимой 1570 Иоанн Грозный, разгромив Новгород, с тем же намерением подошел к Пскову. «Теперь во Пскове все трепещут, — говорил он приближенным, — но напрасно: я не сотворю им зла». Действительно, в городе происходило смятение, вести об участии Новгорода уже достигли до него, и жители не знали, что им делать: бежать всем в леса? Сопротивляться? В то же время между местным архиепископом, воеводой — кн. Юрием Токмаковым — и Христа ради юродивым Николаем Салосом происходило совещание. По совету юродивого решено было устроить торжественную встречу. И вот когда царь, окруженный опричниками, вступил в город, он увидел, что перед каждым домом поставлены столы с хлебом и солью, а рядом со столами — на коленях граждане с женами и детьми.

Злоба опять закипела в душе царя. Когда первым поднес ему хлеб и соль кн. Токмаков, он с яростью оттолкнул блюдо, и соль рассыпалась. Все вздрогнули от ужаса. В это время на палочке, как дитя, подъехал к нему юродивый. «Иванушка, Иванушка, — сказал он, — покушай хлеба и соли, а не человеческой крови». Царь велел схватить его, но юродивый скрылся. Царь вошел в Троицкий собор, и там начался молебен. После молебна блаженный опять подошел к нему и пригласил его в свою келью: он жил под соборной колокольней. Царь, который успел немного успокоиться, согласился.

В чисто убранной келье на лавке была разостлана скатерть, а на ней лежал кусок сырого мяса. «По-

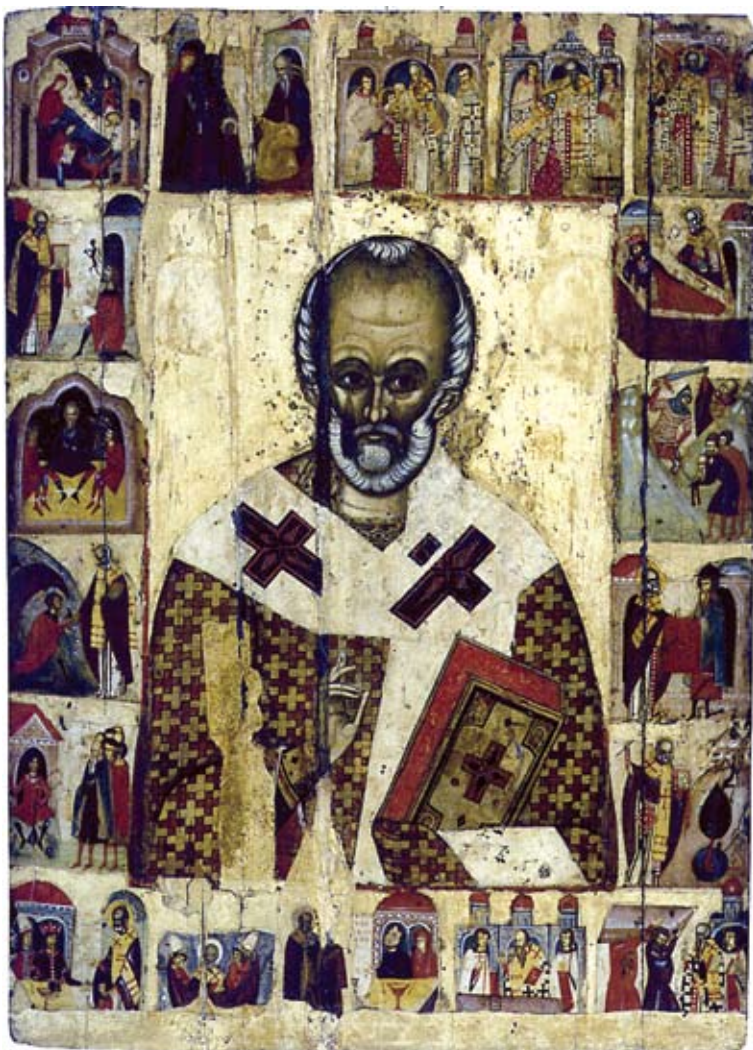

Св. Николай Псковский Салос. Икона. XVIII(?) в. Находится на северной стене храма Св. Троицы

кушай, Иванушка», — ласково сказал блаженный. «Я христианин, — сказал царь, — мяса постом не ем!» «Ты делаешь хуже, — строго возразил ему блаженный, — ты питаешься плотию и кровию человеческою. Ты забываешь не только пост, но и Бога!» Злоба опять закипела в душе царя. Он приказал начать грабеж. «Оставь нас, прохожий человек, — строгим голосом сказал тогда блаженный, — ступай скорей от нас. Если еще помедлишь, то не на чем будет тебе бежать отсюда». Но царь уже не слушал, на соборной колокольне уже снимали лучший колокол. И в это время поспешно входит опричник и докладывает, что любимый царский конь пал. Тогда только царь опомнился — он поспешно вышел из кельи, приказал немедленно прекратить грабеж и выступить из города. Однако же награбленную добычу отвезли в Москву. Когда же блж. Николай скончался, то благодарные граждане погребли его в Троицком соборе, где хоронили только князей и архипастырей.

Память блж. Николая Салоса празднуется 28 февр./13 марта.

НИКОЛАЙ ЧУДОТВОРЕЦ, архиепископ, чудотворец († ок. 345). В России нет ни одного храма, ни одной православной семьи, где на почетном месте не оказалось бы иконы свт. Николая. Провинциальный архиепрей из Малой Азии так тронул русскую душу, что стал отцом-покровителем далекой необъятной России. Русскому слуху оказалось близким название г. Миры, в котором святитель епископствовал. Здесь и мир — свящ. благовоние, крестопомазанием которого сообщаются благодатные дары Св. Духа выходящему из купели крещения христианину, царю, венчаемому на

Николай Чудотворец с житием. Икона. 2-я пол. XIV в. ГТГ

царство, престолом и антиминсам храмов; и душистое миро, истекающее от чудотворных икон или мощей прославленных святых; это и мир как состояние души, и мир как вселенная; здесь и производное мирянин — человек, не имеющий сана, но мирно, по церковным законам живущий в миру. Родился будущий святитель в г. Патары. Назидаемый благочестивыми родителями, достойно провел детские годы, с юных лет посвятил себя Церкви и стал архиепископом Мир Ликийских. Он отличался скромностью и простотой; трудился, постился, молился; помогал всем — богатым и бедным, старым и юным, больным и здоровым и, самое главное, — исцелял страждущих от греховных язв. В глубокой старости мирно отошел ко Господу, но не оставил своим попечением весь христианский мир. Ему молятся о воспитании детей, о мире в семье, об избавлении от нищеты и бедности, об отвращении блудных помыслов или посягательств, о паломниках, моряках, путешествующих, об избавлении от уз или от смерти, об укреплении и чистоте православной веры... Нет такой ситуации, в которой Николай Чудотворец не помог бы страждущим. Погребен был св. Николай в г. Мирах Ликийских, на юге Малой Азии (отсюда и его наименование — Мирликийский). Но в посл. четв. XI в., когда турки-мусульмане часто стали опустошать эти области Византии, угроза нависла и над великой общехристианской святыней — мощами св. Николая.

Купцы из Италии, среди которых было много греков, в 1087 решили спасти св. мощи от неминуемой гибели. Они даже пошли на насилие над монахами, оберегавшими мощи святителя: завернув благоухавшие мощи мощи, купцы отнесли их на свой корабль. Среди купцов-похитителей почти все были из г. Бари (на юго-востоке Италии), куда они и привезли святыню. Мощи были торжественно помещены в храм св. Стефана, а через год для них построили особый храм, где они находятся и по сей день.

О степени почитания русским народом свт. Николая можно судить по тому, что Русская церковь положила ему по четвергам в каждую неделю особую службу наряду с апостолами. До Крещения Руси четверг считался днем главного языческого бога *Перуна*, в который ему поклонялись и приносили жертвы. После принятия христианства многие праздники и торжественные дни, во время которых почитался Перун, были вытеснены почитанием святых, и прежде всего св. Николая Чудотворца. Этим в значительной степени и объясняется, почему русские люди издревле с особенным усердием чествовали св. Николая и чаще, чем к другим святым, обращались к нему с молитвою. В Ипатьевской летописи под 1227 о галицком кн. Данииле читаем: «Еха Данил в Жидичин кланяться и молиться св. Николе, и зва и Ярослава к Луческу; и реша ему бояре его: приими Луческ, где ими князя их; оному же отвещавшу: яко приходиш зде молитву створити». Или в другом месте: «Нача посылати Михаил и Изяслав грозыча: дай нашу братью, или придем на тя войною. Данилови же молящюся Богу и св. архиерею Николе, иже каза чудо свое». *Калики перехожие* в одном

из своих стихов поют про св. чудотворца Николая, что он, чудотворец, Богом силен, он всем помощник. Малороссийские старцы пели в своих стихах о св. Николае Чудотворце:

*Ой! Кто, хто Миколая любит,
Ой! Кто, хто Миколаю служит,
Тому святой Миколае
На всякий час помогае.*

В «Сказании о святых» свт. Николаю приводится особая молитва о заступлении от всяких бед и несчастий. Исстари ни одному угоднику в православной Руси не воздвигалось столько храмов и приделов, как св. Николаю Чудотворцу. Александр Гуагнин Веронский, путешествовавший по России в XVI в., замечал, что русские, между святыми особенно почитая св. Николая, едва не воздают ему божеского поклонения; во имя его воздвигают они особенные храмы и рассказывают о нем много чудесного. Иностранный путешественник говорил, что у русских св. Николай считается патроном их отечества, и, между прочим, прибавлял, что русский люд даже верит, будто св. Николай Чудотворец мог бы быть Богом, но не захотел этой чести, и, во всяком случае, после Бога заступает первое место. Русский народ исстари привязан к самому имени св. Николая; оно составляет доселе одно из употребительнейших имен, какими только привыкли называть себя русские. Образ св. Николая можно встретить почти во

всех православных русских домах. Пред ним русский человек молился о помощи во всех более или менее трудных обстоятельствах своей жизни. Русские крестьяне говорили о св. чудотворце Николае: «Нет на нас поборника супротив Николы», «Попроси Николу, и он скажет Спасу», «Всем богам по сапогам, а Николае боле, что ходит боле», или: «От Холмогора до Колы тридцать три Николы», или еще: «Благому чудотворцу Николаю два праздника в году, а Касьяну немилостивому один в четыре года», «Что криво и слепо, то Николае свету» и т. д.

Всёобщее поклонение Николаю Чудотворцу среди русских людей в значительной степени объяснялось его душевными качествами, в которых русские находили много сходного с русским народным характером. Это открытое заявление Николая Чудотворца в защиту угнетаемой невинности, это решительное и смелое заступничество за неправедно осуждаемых и гонимых, каким отличался свт. Николай Мирликийский во время своей жизни, особенно как-то идут к характеру открытой, смелой и доброй русской натуры. Такие особенности личного характера чудотворца, без всякого сомнения, делали образ этого угодника Божия особенно привлекательным и достойным уважения в глазах русского народа. Насколько русский человек представляется простодушным и чистосердечным в обращении с Николаем Чудотворцем, лучшим доказательством служат народные легенды об этом угоднике, как, напр., легенда о купце *Садко* и св. Николае Можайском, повесть о покровительстве одному крестьянину св. чудотворцем Николаем и о его соперничестве в этом деле со св. Илиею Пророком и т. д. Свт. Николай почитался в России не только вообще заступником от всех бед и несчастий, но еще, в частности, хранителем на водах, и в «Сказании о святых» ему полагалась особая молитва об охранении на водах. Русские мореходы почти всегда имели икону этого угодника и в случае опасности выносили ее на палубу, умоляя его об избавлении от кораблекрушения и бури.

Очевидно, что основанием для этого верования послужили чудеса св. Николая, которыми прославился этот угодник на море. Четьи-Минеи о св. чудотворце Николае повествуют так: однажды случилось, что корабль, на котором плыл в Палестину св. Николай для поклонения святым местам, подвергался опасности от бурных волн на море. Но когда св. Николай помолился о спасении, буря укротилась, и корабль благополучно прибыл к месту своего следования. Исполнив свой обет в Палестине, св. Николай на том же корабле намерен был отправиться на родину, но корабельщики, обещавшие привести его в Ликий, обманули и направили свой корабль в другую сторону. Вдруг по молитве св. Николая поднялась буря, и корабль, вопреки всем усилиям корабельщиков, принесло к берегам Ликии. В другой раз какой-то корабль на пути в ликийские страны застигнут был сильною бурей, которая угрожала кораблекрушением. Корабельщики только по слуху о св. Николае как помощнике всем несчастным на водах вспомнили вел. свт. Николая, и он, явившись сам на корабль, стал править рулем и запретил бушевать ветру по морю. В прологе XVII в. в числе чудес чудотворца Николая повествуется «о чуде чудотворца Христова Николая, бывшем в Кыеве месте, в церкви св. Софии». Чудо состояло в том, что утопшее дитя св. Николай сохранил живым. «Так раб Господень, — говорится в Минеях, — морю и ветрам повелеваше и послушливы ему

бываху». На этом основании Русская Церковь в своих песнопениях в честь св. Николая величает его спутником путешествующих и на море сущим правителем. На Руси с давних времен св. Николая в народе называли «морским» и «мокрым». Последнее прозвище укрепилось за ним и не только потому, что его молитва спасала плавающих по водам, но и от того еще, что он держал в своей властной руке и воды подземные. Влага, выступающая из-под земли и спасающая поля от засухи, поднимаясь в виде испарений и снова падая на грудь земную дождем, в некоторых местностях признавалась даром св. Николая. Потому-то и оставляли во многих селах на сжатой ниве горсть колосьев «на бороду святому Николае» — обычай, в большинстве случаев связанный с почитанием Ильи-Пророка. Ко дню 6 дек. в честь св. Николая приурочены были в старину т. н. *братчины*. О братчинах встречаем весьма частые упоминания в летописях и других древних русских памятниках, и братчины, совершавшиеся на празднике св. Николая, получили название *Никольщины* (см.: Никола Зимний).

Празднование памяти свт. Николая Чудотворца совершается 6/19 дек. и 9/22 мая (перенесение мощей в 1087).

И. Калининский

НИКОЛИН ДЕНЬ — см.: НИКОЛА ЗИМНИЙ.

НИЛ СОРСКИЙ, преподобный (1433—7.05.1508), происходил из рода бояр Майковых.

Пострижение в монашество прп. Нил получил и начало иноческой жизни полагал в обители прп. Кирилла Белозерского. Здесь он пользовался советами умного и строгого старца Паисия (Ярославова), который потом был игуменом Свято-Троицкой Сергиевой лавры и был приглашаем в митрополиты, но, по смиреннию своему, отказался от этого великого сана.

Прожив в Кирилло-Белозерском монастыре некоторое время, Нил вместе с учеником своим и сотрудником, монахом Иннокентием, из рода бояр Охлебинных, путешествовал ко святым местам, на Восток,

Прп. Нил Сорский. Икона

чтобы в опытах тамошних подвижников видеть жизнь духовную: был он, по его словам, «на горе Афонской, в странах цареградских и других местах».

Живя несколько лет на Афонской горе и путешествуя по монастырям Константинопольским, прп. Нил особенно в это время напитал дух свой наставлениями великих отцов пустынных, которые путем внутреннего очищения и непрестанной молитвы, совершаемой умом в сердце, достигали светоносных озарений Духа Святого.

Прп. Нил Сорский. Книжная миниатюра. XVI в. Частная коллекция

Прп. Нил не только изучил умом и сердцем, но и в постоянное упражнение своей жизни обратил душевспасительные уроки богомудрых отцов — Антония Великого, Василия Великого, Ефрема Сирина, Исаака Сирина, Макария Великого, Варсонофия, Иоанна Лествичника, Аввы Дорофея, Максима Исповедника, Исихия, Симеона Нового Богослова, Петра Дамаскина, Григория, Нила и Филофея Синайских. Поэтому изречениями сил великих отцов и преисполнена его книга, называемая «Предание о жительстве скитском».

Возвратясь в Белозерский монастырь, прп. Нил уже не хотел жить в нем, но построил себе келью, недалеко от него, за оградой, где и жил недолгое время в уединении. Потом отошел за 15 верст от сего монастыря на реку Сорку, водрузил здесь крест, поставил сперва часовню и уединенную келью и при ней выкопал колодец, а когда собралось к нему для сожития несколько братьев, то построил и церковь. Обитель свою учредил он на особенных отшельнических правилах, по образцу скитов Афонских, почему она и названа скитом, а прп. Нил почитается основателем в России скитского жития, в более строгом и точном его устройстве.

Святые отцы-подвижники разделяли монашеское житие на 3 вида: первый вид — общежитие, когда многие иноки живут и подвизаются вместе; второй вид — отшельничество, когда подвизается один инок в уединении; третий вид — скитничество, когда инок живет и подвизается с двумя или тремя братьями, при общей пище и одежде, при общем труде и рукоделии. Этот последний вид монашеского жития, как бы средний между двумя первыми, который прп. Нил называл потому «царским путем», и хотел он осуществить в своем скиту.

Скит прп. Нила имел сходство и с нашими монастырями необщежительными, которые очень часто состояли из 2 и 3 иноков, иногда из 5 и 10, тогда как в скиту Нила, под конец его жизни, число скитников возросло даже до 12; и с монастырями общежительными, ибо у скитников общие были и труды, и одежда, и пища. Но отличался Нилев скит от всех др. наших обителей по внутреннему своему направлению — по тому «умному» деланию, которое должно было составлять главнейший предмет забот и усилий для всех скитников.

В новом своем скиту преподобный продолжал изучать Божественное Писание и творения святых отцов, устроая по ним жизнь свою и учеников своих.

Преподобным было написано религиозное и научное сочинение «Устав монастырский», ставший одним из основополагающих трудов в развитии философии, психологии и педагогики. Вокруг Нила Сорского возникает целая школа ученых монахов, его последователей — Вассиан Косой, Иннокентий Вологодский и др.

Историю внутренней своей жизни отчасти открыл сам преподобный в послании к одному из своих близких сподвижников, по настоятельной его просьбе. «Пишу к тебе, — говорит он, — показывая себя: любовь твоя по Боге вынуждает к тому и делает меня безумным, чтобы писать тебе о себе. Не просто и не по случаям надобно нам поступать, а по Святому Писанию и по преданию святых отцов. Удаление мое из монастыря (Кириллово) не было бы ради душевной пользы? Ей, ради нее. Я видел, что там живут не по закону Божию и преданию отеческому, а по своей воле и человеческому рассуждению. Много еще и таких, которые, поступая так неправильно, мечтают, будто проходят житие добродетельное. Когда мы жили вместе с тобой в монастыре, ты знаешь, как удалялся я мирских связей и старался жить по Святому Писанию, хотя по лености моей и не успевал. По окончании странствования моего, пришел я в монастырь и, вне монастыря, вблизи его, устроив себе келью, жил сколько мог. Теперь переселился я вдаль от монастыря, нашел благодать Божию место, по мыслям моим малодоступное для мирских людей, как сам ты видел. Живя наедине, занимаюсь испытанием духовных писаний: прежде всего испытываю заповеди Господни и их толкование — предания апостолов, потом — жития и наставления святых отцов. О всем том размышляю и что, по рассуждению моему, нахожу богоугодного и полезного для души моей, переписываю для себя. В этом — жизнь моя и дыхание. О немощи моей и лени возложил я упование на Бога и Пречистую Богородицу. Если что случается мне предпринимать и если не нахожу того в Писании, на время отлагаю в сторону, пока не найду. По своей воле и по своему рассуждению не смею предпринимать что-нибудь. Живешь ли отшельнически или в общении, внимай Святому Писанию и следуй по стопам

отцов или повинуйся тому, кто известен как муж духовный, — в слове, жизни и рассуждении. Святое Писание жестоко лишь для того, кто не хочет смириться страхом Божиим и отступить от земных помышлений, а желает жить по своей страстной воле. Иные не хотят смиренно испытывать Святое Писание, не хотят даже слышать о том, как следует жить, как будто Писание не для нас писано, не должно быть исполняемо в наше время. Но истинным подвижникам и в древние времена, и в нынешние, и во все века слова Господни всегда будут словами чистыми, как очищенное серебро: заповеди Господни для них дороги более, чем золото и камни дорогие, сладки более, чем мед и сот».

Новый путь жизни, избранный прп. Нилом, изумлял собой современников его. Да и, действительно, было чему изумляться, особенно для слабых.

Место, которое избрал для своего скита прп. Нил, по свидетельству очевидцев его, было дико, мрачно, пустынно. Вся местность скита — низменная и болотистая. Сама р. Сорка, давшая свое имя угоднику Божию, едва тянется вниз по течению и похожа больше на болото, чем на текущую реку. И здесь-то подвизался русский отшельник! Еще целы: прудок, выкопанный прп. Нилом, колодец его трудов, с превкусной водой, которую употребляют для исцеления, одежда святого подвижника, волосы которой колотятся, как иглы.

Все скитское общество преподобного состояло из иеромонаха, диакона и 12 старцев; в числе их были Дионисий, из князей Звенигородских, и Нил (Полев), потомок князей Смоленских, — оба вышедшие из монастыря Иосифо-Волоколамского; потому что прп. Нил сиял тогда, как светило, в пустыне Белозерской.

Для устройства храма и усыпальницы руками святого старца и его скитников насыпан был на болотистой почве высокий холм, а для нужд братий прп. Нил устроил на р. Сорке небольшую мельницу. Каждая келья поставлена была на возвышении и каждая от храма и от др. кельи — на расстоянии брошенного камня. В храм свой скитники, по примеру восточных, собирались только по субботам, воскресеньям и праздникам, а в прочие дни каждый молился и трудился в своей келье. Всенощная скитская буквально продолжалась всю ночь. После каждой кафизмы предлагалось по 3 и 4 чтения из отцов. Во время литургии пели только «Трисвятую песнь», «Аллилуйя», «Херувимскую» и «Достойно»; все прочее читалось протяжно — нараспев. По субботам в братской усыпальнице совершалась общая панихида за упокой усопших. Таковы были устройство скита и церковный устав прп. Нила Сорского. Относительно внешнего поведения и деятельности прп. Нил предписывает полную скитскую нестяжательность и простоту во всем. Необходимое для жизни велит приобретать только трудами рук своих, повторяя слова апостола: «Аще кто не хочет делати, ниже да яст».

«Иноческая милостыня — помочь брату словом во время нужды, утешить в скорби духовным рассуждением; душевная милостыня настолько выше телесной, насколько душа выше тела. Если придет к нам странник, — успокоим его по силе, и если требует хлеба, — подадим ему и отпустим его», — говорил прп. Нил.

Новая, до этого невиданная на Руси, жизнь скитская, часто высказываемая душевная скорбь о порче церковных книг и старание, по возможности, исправлять их, конечно, возбуждали против преподобного неудовольствия, но он терпеливо шел своим путем и был в уважении добрых святителей и даже вел. князей.

Прп. Нил был на Соборе о жидовствующих еретиках в 1491. Сам ревнитель Православия, архиеп. *Геннадий Новгородский*, в 1492 желал лично видеть и слышать суждения прп. Нила о предметах недоумений, по делу о них. Даже вел. князь содержал Нила (Майкова) и учителя его Паисия (Ярославова) в великой чести. По окончании Собора 1503 о вдовых полах и диаконах старец Нил, как имевший доступ к самодержцу, по своей крепкой жизни и по великой добродетели, и как уважаемый самодержцем, предложил, чтобы не было сел у монастырей и жили бы монахи трудами рук своих. С ним согласны были все Белозерские подвижники.

В своем предсмертном завещании прп. Нил, заповедуя ученикам бросить тело его в пустыни в пищу зверям или закопать его в яму с презрением, написал: «Оно тяжко согрешило перед Богом и недостойно погребения», а затем прибавил: «Сколько в моей силе было, старался я не пользоваться никакой честью на земле в этой жизни, так пусть будет и по смерти».

Память прп. Нилу отмечается 7/20 мая.

Архим. Иустин

НИЛ СТОЛБЕНСКИЙ (Нил), народное название дня прп. Нила Столбенского, 7/20 дек.

П. Баклашев. Прп. Нил Столбенский. Икона. 1774 г. КХМ

В этот день заканчивали зимний праздник уходящего года. Девушки и молодые женщины принимались за шитье с *молитвой*, приговаривая: «Наперед стежка — Богу молись, наперед шитья — Бога славь».

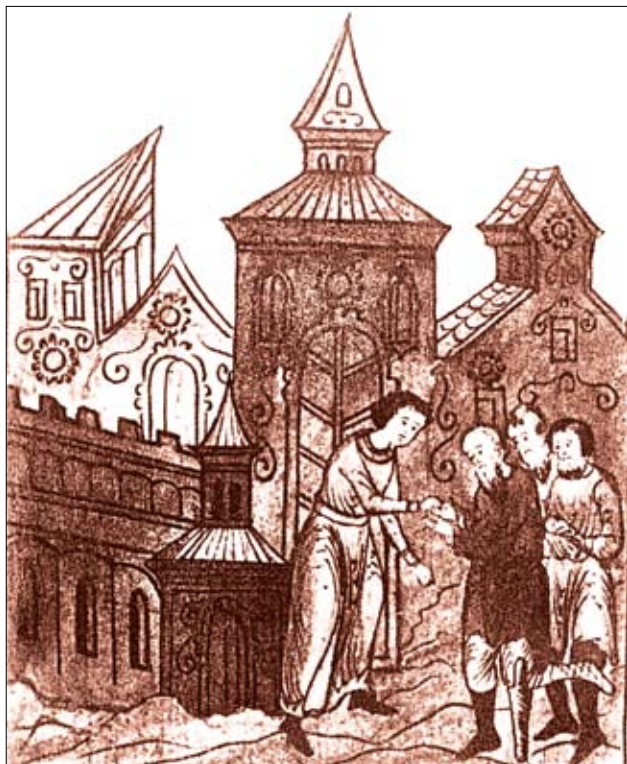
НИФОНТ, преподобный, еп. Кипрский (IV в.), празднуется 23 дек./5 янв., у русского народа почитался заступником от козней и наваждений нечистого духа. В «Сказании о святых» ему назначается особая молитва о прогнании лукавого духа от людей и скота. Вера в это основывается на жизнеописании преподобного, который всю свою жизнь боролся с нечистыми духами и всегда побеждал их при помощи Божией.

Празднование св. Никифора совпадало с *Федуловым* днем.

И. Калинин

НИЩЕНСТВО, собрание подаяния Христа ради.

Нищелюбие, т. е. желание помочь нищим и обездоленным, было традиционным для русских людей. В летописях XII–XV вв. рассказывается о русских князьях, выделявших большие денежные суммы на подаяния. Напр., Святой Владимир (X в.) раздал нищим, как говорит летописец, 300 гривен — огромную по тем временам сумму, кн. Святослав Всеволодович (XII в.) всегда их «миловал» и не однажды приглашал на *пир*, кн. Всеволод Юрьевич (XII–XIII вв.) считался «кормильцем нищих».

Кормление «приходящих в дом». Миниатюра из Повести о новгородском посаднике Шче. XVII в.

Доброжелательное отношение к нищим сохранялось и в более поздние времена, в XV–XVII вв. В «Домострое» — памятнике русской письменности XVI в. — рекомендовалось: «Милостыню по силе всяких потребностей дай, сколько требуют; и видя беду их и скорбь и всякую нужду, сколько возможно помогай им; и всякого скорбного, и нищего, и бедного, и нуждающегося не презри; и введи в дом свой, напои, накорми, согрей, одень со всею любовью и чистой совестью». Русские цари, а вслед за ними и бояре, следуя этому правилу, раздавали нищим деньги, приглашали их на праздничные и поминальные трапезы. Так, напр., в покоях Патриарха всю светлую *Пасхальную неделю*, в праздник *Успения* и в один из дней *Масленицы* устраивались пиры, на которые наряду с «боярскими детьми» и священниками приглашались и нищие. В 1678 у Патриарха было устроено застолье, на котором присутствовали 2500 нищих. Во время поминок по умершему царю Федору Алексеевичу в течение пяти дней кормили 300 нищих, то же самое происходило и на поминках по царю Ивану Алексеевичу. Подаяния из государственной казны раздавались также в *Великий пост*, в двенадцатые и великие христианские празд-

К. Пылеев. По миру

ники, во время поездки царя и царицы на богомолье, во время царских свадеб. Иван Грозный в своем обращении к Церковному собору говорил: «Милостыня и корм годовая, хлеб и соль, и деньги, и одежда по богдельням, по избам и по городам деются из нашей казны, и христороубцы милостыню дают же».

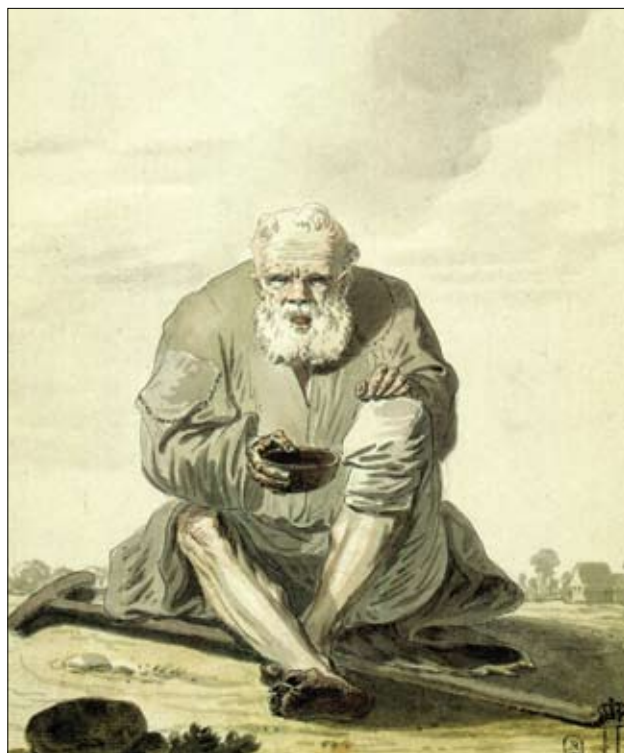
Н. Загорский. В неурожайный год (По миру)

И.А. Ерменев. Нищий и нищая. Акварель

И.А. Ерменев. Нищая с девочкой-поводырем. Акварель

И.А. Ерменев. Сидящий нищий. Акварель

Такое отношение к нищенству было основано на представлениях о святости нищих. Считалось, что Бог любит нищих — «труждающихся и обремененных», и что им покровительствуют *Иисус Христос* и ап. *Иоанн Богослов*. Соответственно человек, щедрый на милостыню, заботящийся о «Христовой братии», угоден Богу. Он оградит дающего милостыню и его дом от всякого зла: «от насилия, от ограбления, от всякого мздоимства, от ябедничества, от кривого суда», а сам подающий «благословен будет отныне и до века». Люди верили, что подавание милостыни поможет «грешной душеньке» очиститься и попасть в Царствие Небесное.

Ф. С. Журавлев. Дети нищие

Русские пословицы говорят: «В день страшный вся милостыня, тобою сотворенная, соберется в чашу твою», «В рай входят святой милостыней», «Милостыня перед Богом оправдывает», «Пост приводит к вратам рая, а милостыня отвергает их», «Нищий богатым питается, а богатый нищего молитвой спасается». Вера в святую милостыню получила яркое поэтическое воплощение в *духовных стихах* о спасении души.

Эти представления, столь долго господствовавшие в русском обществе, опирались на евангельские изречения: «... если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах...», «Подавайте лучше милостыню из того, что у вас есть: тогда все будет у вас чисто».

Христианские представления о значимости милостыни для спасения души естественно соединялись с жалостью русского человека к нищим и убогим людям, желанием помочь в беде, которая может постигнуть каждого: «От тюрьмы да от сумы никто не зарекайся». Эта сторона нищелюбия особенно проявлялась в т. н. тайной (тихомирной) милостынке, т. е. поданной таким образом, что получающий не знал, от кого она исходит. *Хлеб, пироги*, крупу, молоко, яйца, мясо, отрез ткани, одежду оставляли поздним вечером под окном (на крыльце дома) нищего или обедневшей семьи. Некоторые бедные семьи получали тайную милостыню от односельчан до тех пор, пока семья не встанет на ноги, оправившись от несчастья. Желание помочь ближнему тайно также находило объяснение в христианском учении: «Смотрите, не творите милостыни вашей перед людьми с тем, чтобы они видели вас: иначе не будет вам награды от Отца вашего Небесного. Итак, когда творишь милосердие, не труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди. Истинно говорю вам: они уже получают награду свою. У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно».

Нищенство представляло собой явление, достаточно широко распространенное в России. Трудно было представить себе монастырь, церковь, *кладбище* без стоявших с протянутой рукой нищих. Всюду, где собиралось большое количество людей, — на *ярмарках*, праздничных *гуляньях*, *похоронах*, на кладбищах в *поминальные дни* можно было услышать их жалобный голос: «Подайте копеечку ради Христа», «Будьте отцы милостивы, сотворите святую милостыньку, поминаючи родителей на Царствии Небесном!», «Побейте меня, да покормите! Руки-ноги поломайте, да милостыньки Христовой подайте!» Толпами нищие шли по дорогам России к святым местам, рассчитывая получить там «милостыньку во спасение души» от богомольцев (см.: Богомолье). Они останавливались в больших селах в надежде пожить в это время *престольного праздника*, стекались на городские кладбища в ожидании богатых похорон, толпились у домов знатных людей в дни их именин или *свадеб*. И. Г. Прыжов, изучавший эту сторону русской жизни в XIX в., писал о количестве нищих в России так: «Крестьяне казенные и господские, как говорится, «из мира нейдут». Вот идет по деревне нищий и просит: «Дайте Христа ради!» А ему отвечают с привычной усмешкой над своей участью: «Сами семерых послали, не знаем, что принесут». По его словам, нищих было полно и в городах: «Войдемте в московский город, в московские городские ряды, ста-

Забота об убогих. Миниатюра из Синодика. XVII в.

ринный притон нищих. Ряды битком набиты нищими, которые с раннего утра до позднего вечера снуют там взад и вперед, не давая ни прохода, ни покоя ни покупателям, ни торговцам. Это какая-то саранча, вылетающая ежедневно из разных дальних и ближних закоулков столицы и облипающая каждого встречного».

Среди людей, живущих сбором подаяний «Христа ради», человек оказывался по разным обстоятельствам. В большинстве случаев в это «сословие» попадали люди, лишившиеся в силу каких-либо жизненных обстоятельств средств к существованию. Это могли быть крестьяне или горожане, утратившие имущество во время пожара, пострадавшие от стихийного бедствия, разоренные войной, потерявшие кормильца. Ряды нищих пополняли старые солдаты, калеки, одинокие старики, утратившие способность к труду, беглые крестьяне и арестанты, осиротевшие дети. При этом количество несчастных и обездоленных людей, по наблюдениям современников, постоянно увеличивалось. И. Г. Прыжов писал, что это происходило «от отсутствия в жизни всяких человеколюбивых начал, от постоянных разгромов, пожаров, ежегодно истребляющих целые города, моровых поветрий, голодных времен, рабства и пр. и пр.»

Наряду с людьми, нищенствующими по объективным обстоятельствам, в России было множество профессиональных нищих, называвшихся промышленниками. Они обосновывались в больших городах или

В. Васнецов. Нищие певцы (Богомольцы)

странствовали по стране и были вполне довольны своим образом жизни, сравнительно много зарабатывая благодаря профессиональному опыту, часто полученному в наследство от родителей. Каждый из них имел своего рода «специальность», которая его кормила. Самым распространенным типом профессиональных нищих были «мамаки» — женщины, побиравшиеся с

маленькими детьми, украденными или взятыми напрокат у бедной семьи. Дети-калеки, золотушные, рахитичные вызывали жалость у добросердечных людей, обеспечивая нищенке неплохой доход. Удачливая «мамака» зарабатывала на них до 3 руб. в день, в то время как девушка, работавшая на фабрике, получала в среднем ок. 50 коп. в день. Второй довольно выгод-

Н. Ярошенко. Слепцы

В. Щегуев. Нищий

ной «специальностью» профессиональных нищих был сбор денег якобы на восстановление дома после пожара. Мнимые погорельцы работали «семьей»: мужчина, женщина и множество маленьких детей. Они обходили деревни, вызывая сочувствие крестьян, хорошо знающих, что значит остаться без крова. Доход был вполне приличный — ок. 30 руб. в месяц. В городах промышляли «савотейшики», которые каждое утро обходили булочные, лавки, трактиры, собирая черствый хлеб, *пирог*и, булки, *бублики* для продажи в ночлежках. На кладбищах — «могильщики», среди которых особую группу составляли люди, поставлявшие сведения о богатых похоронах и получавшие за это «деньги на подметки». На церковных папертях стояли «богомолы», зачастую делившие доход с церковным старостой за разрешение жить при церкви и просить подавание. «Профессий» у нищих было множество: «выписавшиеся из больницы», просившие деньги на дорогу в родную деревню, «железнодорожники», т. е. побиравшиеся на железных дорогах, «коробочники» — собиравшие деньги на строительство церкви, «охотники» — нищие, получившие образование и пользующиеся им в своих интересах, «протекционисты» — приходившие в дома богатых людей за деньгами якобы по просьбе кого-то из знакомых, «севастопольцы» — изображавшие солдат, раненных при осаде Севастополя в Крымскую войну, «терялки» — дети, разыгрывавшие горе от потери родительских или хозяйских денег. Все они рассказывали различные печальные или страшные истории, которые должны были разжалобить сердобольных людей. Профессиональные нищие часто объединялись в ватаги, возглавлявшиеся выборным атаманом. Члены ватаг вместе собирали подавание, помогали друг другу в тяжелую минуту. Собранное делилось на пай, при этом двойной пай получал атаман, решавший различ-

ного рода организационные вопросы, члены ватаги, владевшие лошадью и повозкой, а также *знахари*, их лечившие. Ватажники общались на специальном «нищенском» языке, который сформировался в XVII в.

Особую группу нищих составляли *калики перекрестные*. Этим словом в XIX в. обозначали набожных слепых людей, исполнявших духовные стихи. Они были объединены в большие *артели* — «по сорок каликов со каликою», которые во главе со зрячим проводником передвигались по стране, останавливаясь на ночлег в монастырях, странноприимных домах, ночлежках. Своей главной задачей они считали прославление Христа и святых угодников. Придя в село, калики, одетые в старые рваные *кафтаны* и *армяки*, давно не стриженные и неумытые, останавливались у церкви, втыкали свои палки с крючьями на конце в землю, вешали на них нищенские мешки и начинали читать нараспев духовные стихи. В них развивались сюжеты, взятые преимущественно из апокрифов — раннехристианских текстов, не включенных в библейский канон и изъятых из официального употребления Православной церковью. Калики воспевали аскетизм, призывали отречься от всего мирского и обратиться в своих помыслах к Богу:

*Тебе, Христос, подражаю,
Нищ и бос хочу быти,
Да с тобою могу жити.
На царские вси палаты златы
Не хочу взирати;
Покоев светлых, чертогов,
Славы и чести пренмогой
Бегаю, аки от змия.*

И. Творожников. Мальчик-нищий

Лейтмотивом в духовных стихах, исполнявшихся каликами перехожими, проходила мысль о наказании за грехи на Страшном суде, гибели земли в связи с близким приходом Антихриста:

Скоро нам будет тое времечко злаго Антихриста,
Время на три года будет и шесть месяцев.

Отношение к нищим, в т. ч. и профессиональным, в русской среде было вполне доброжелательным. В большинстве своем люди откликались на просьбы о подаении, говоря: «Прими Христа ради!» Отказывали в милостыне («Бог подаст», «Ступай, ступай отселева с Богом! Много вас таскается, всех не накормишь!») довольно редко. Пришедшему в деревню нищему, как замечали бытописатели XIX в., «никогда не откажут ни в хлебе, ни в ночлеге», «крестьяне очень гостеприимны и внимательны к нищим и странникам. Лавку в переднем углу и последний кус хлеба крестьянин всегда готов с душевным усердием предоставить нищему». Нищим всегда подавали милостыню на похоронах, во время *поминок* по умершему, при каждом посещении церкви. Во многих деревнях было принято приглашать нищих на поминальные обеды, на которые иногда собиралось до 200–300 представителей нищей братии.

Ист.: Прижов И. Г. История нищенства, кабачества и кликушества на Руси. М., 1997; Шангина И. И. Русский народ. Будни и праздники. М., 2003; Громыко М. М., Буганов А. В. О воззрениях русского народа. М., 2000.

НОВГОРОД, один из главных символов русского государства и народной жизни. Впервые упоминается в 859. С X в. второй по значению центр Киевской Руси. Расположение на стыке пути «из варяг в греки» с Волжским путем способствовало развитию уже в X в. ремесел (обработка железа, дерева, кожи, ювелирное искусство), торговли и культуры. В 1136–1478 центр Новгородской республики, управляемой вечем. Со 2-й пол. XIV в. город называется Великий Новгород, в XV в. — Господин Государь Великий Новгород. Под его властью находилась огромная территория от Кольского полуострова до г. Торжок, которая административно делилась на 5 частей (пятин). Торговые связи

София Новгородская. XI век

Новгорода распространялись от Фландрии и ганзейских городов до Югорской земли и от Скандинавии до Астрахани и Константинополя (вывозились пушнина, воск, лен, кожевенное сырье и др.). С сер. XII в. Новгород — место напряженной социальной борьбы посадских людей с засильем светских и церковных феодалов и купцов (городские вооруженные восстания XII–XV вв.). Древний Новгород — выдающийся центр русской культуры, не пострадавший от татаро-монгольского нашествия, был средоточием летописания, книгописания, распространения грамотности (найжены 752 берестяные грамоты XI–XV вв.), сыграл большую роль в развитии русской архитектуры, живописи и прикладного искусства. В 1478 Новгород и все его земли

Г. Лебедев. Великий Новгород. Кремль

вошли в состав русского централизованного государства. В XVI—н. XVIII вв. оставался одним из крупных хозяйственных и торговых центров России (в 1546 по количеству дворов и населения занимал среди русских городов 3-е место после Москвы и Пскова). Сильно пострадал от шведской оккупации 1611–17. В XVIII в. с развитием С.-Петербурга постепенно теряет свое торгово-экономическое значение, оставаясь одним из центров льноводства. Крупнейшим предприятием Новгорода была адмиралтейская парусная фабрика, снабжавшая парусиной Балтийскую флотилию; действовали 8 кожевенных заводов. С 1727 центр Новгородской губ.

На левом берегу р. Волхов — т. н. Софийская сторона с Новгородским кремлем — Детинцем (основан в X в.; каменные стены 1302–24, общая протяженность 1385 м; ныне — Историко-архитектурный музей-заповедник), на территории которого Софийский собор (1045–50), Софийская звонница (XV в.; перестраивалась в XVI–XIX вв.), Митрополичьи покои (1770-е, на основании построек XVII в.), здания Владычного (Епископского) дворца с Грановитой палатой (1433), дозорная башня «Часозвоня» (1673), Архиепископский дворец (по др. данным, Судная палата, 1670), памятник «Тысячелетие России» (1862). На правобережье Волхова, на т. н. Торговой стороне, комплекс построек Ярослава дворища, Торгового и Гостиного дворов (к. XVII в., перестраивались в к. XVIII–XIX вв.). Близ р. Волхов, в северной части города, — Рождество-Богородицкий Антониев монастырь (н. XII в.) с собором Рождества Богородицы (1117).

НОВИНА, домотканый небеленый холст.

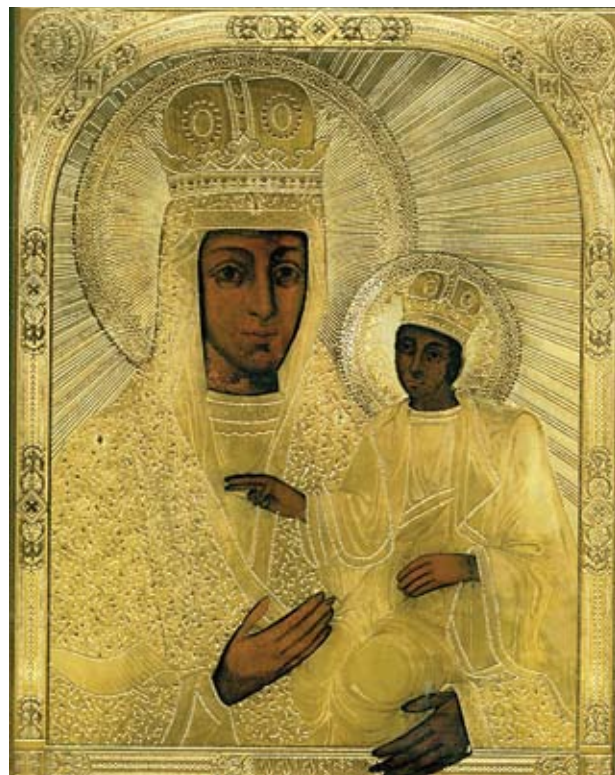
НОВИНЫ — см.: **ИВАН ВЕРХОПЕЩЕРНИК**.

НОВИЦКИЙ Иван Петрович (1844–1890), малороссийский этнограф и историк, был вольнослушателем Киевского университета. Работал в Центральном архиве при университете и напечатал не менее 10 описей актовых книг этого архива, в археологической комиссии и в Киевском статистическом комитете. В комиссии он собрал два тома «Матерьялов по истории крестьян XV–XVIII вв.» и предпослал этому изданию «Очерк истории крестьянского сословия юго-западной России в XV–XVIII вв.» (1877); составил два указателя по всем изданиям комиссии, начиная с 1844; имен личных (1878) и географических (1883). В «Киевских губернских ведомостях» он печатал материал по истории колонизации края в эпоху войн Хмельницкого, а в киевских «Университетских известиях» (1871) помещен им словарь юридических терминов старого актового языка. В «Киевской Старине» он напечатал «Князя Ружинские» (1882, IV) и «Адам Кисель, воевода Киевский» (1885, IX–XII). Работал, как статистик, в качестве члена Юго-Западного Отдела Географического Общества (1874) во время переписи Киева, а затем участвовал в экспедиции *П. П. Чубинского*, собрал и доставил для V тома «Трудов» экспедиции 5000 малороссийских песен. Др. этнографические его работы: в альманахе «Киевлянка» (1884), «Женщина и ее положение в малорусских народных песнях»; в «Киевской Старине»: «Еще по поводу народной песни о взятии Торческа или же Азова» (1882, VIII); множество этнографических сообщений Новицкого, записей народных песен и пр. напечатано, начиная с 1866, в «Киевлянке» и «Киевских губернских ведомостях».

НОВИЦКИЙ Яков Павлович (1847– после 1894), малороссийский этнограф. Учился в Александровском

уездном училище, был 9 лет народным учителем, с 1877 служил в Черниговском земском статистическом бюро, затем в Александровском земстве. Писал в «Русских ведомостях», «Стране», «Петербургских ведомостях», «Народной школе» и пр. Постоянное общение с народом дало ему возможность сделать ряд важных фольклорных записей. Впервые они появились в «Малорусских народных преданиях и рассказах» Драгоманова (Киев, 1876), в газетах «Днепр» («Запорожье в памятниках народного творчества», 1855), «Степь» (1855–86), «Екатеринославские губернские ведомости» (1887–92: «Из области народных преданий и рассказов», «Песни казацкого века» и др.). В VI т. «Сборника Харьковского Историко-филологического общества» (1894) и отдельным оттиском вышли его «Песни», собранные в 1874–94, преимущественно на местах бывшей Запорожской Сечи.

НОВОДВОРСКАЯ, чудотворная икона Пресвятой Богородицы. По преданию, написана свт. *Петром*, будущим митрополитом Московским и всея Руси, ок. 1320,

Новодворская икона Пресвятой Богородицы. Храм свв. мчч. Адриана и Наталии в Москве

когда он жил еще на Волыни в устроенном им монастыре, на р. Рате, на урочище, называемом Новый Дворец, который ныне не существует.

Празднуется 20 дек./2 янв.

НОВОЛЕТИЕ, день 1 сент., празднуемый в допетровской Руси как первый день нового года. Он приходился на день памяти св. Симеона Столпника, с XV по XVIII в. считался на Руси днем «Новолетия». 1 сент. 1699 Петр Великий в последний раз «торжествовал, по древнему обычаю своих предков, начало нового лета и на большой Ивановской площади, сидя на престоле в царской одежде, принимал от патриарха благословение, а от народа приветствие, и сам поздравлял его с новым годом, который в 1700 г. он уже праздновал 1 января». В допетровские же времена цари московские и всея Руси справляли день св. Симеона, заканчивав-

ший старое и начинавший новое лето (год), а потому и называвшийся днем *Симеона Летопроводца*, являлся одним из торжественных дней общения царя с народом, во множестве стекавшимся не только со всей Москвы Белокаменной, но даже изо всех ближайших пригородов, «лицезреть пресветлыя царския очи» в стены Кремля златоглавого. Здесь из года в год совершалось, по нерушимому завету старины, летопровождение или «действие многолетнего здоровья».

Богомольные царские выходы, приближавшие священную особу царя к народу и придававшие особый блеск церковным «действиям», ознаменовывавшим собой главнейшие годовые праздники, поражали иностранцев не только своим великолепием, но и самобытностью.

Действо Новолетия начиналось раскатом выстрела вестовой пушки в Кремле. Это происходило ровно в полночь. Выстрелом возвещался жителям Белокаменной, а за ними и всей Руси Православной, миг наступления нового года. Вслед за ним начинал гудеть большой колокол с колокольни Ивана Великого. Кремлевские ворота распахивались, и «всенародное множество» наполняло Кремль, чтобы встретить Новолетие вместе с государем. Царь выходил из своих палат в четвертом часу дня. В Успенском соборе совершалась в это время патриаршая утренняя служба. «Государев богомолец» выходил, предшествуемый образами и сонмом духовенства, в западные двери. На дворе церковном, перед вратами, совершалось «патриаршее молитвословие», вслед за которым царь благоговейно подходил к Евангелию и осенялся благословением патриарха. Затем сопровождаемое звоном «во все колокола с реутом» шествие следовало на Ивановскую площадь, между Архангельским и Благовещенским соборами. Здесь, против Красного крыльца, посреди площади, воздвигался обширный помост, выстланный богатыми коврами и огороженный расписной решеткой. По описанию Забелина, с восточной стороны этого помоста ставились три налож с иконой св. Симеона Летопроводца на одном из них. Возжигались свечи в серебряных преданалойных подсвечниках. Ставился особый «столец» для освящения воды. С западной стороны устраивались два «места»: государево, обитое червчатым бархатом и серебряной обьярью (парчой), и патриаршее, крытое ковром персидским. Государево место было подобно трону: вызолочено, расписано красками и имело вид пятиглавого храма с одной большой главой посредине и четырьмя малыми — по углам; на главах, сделанных из прозрачной слюды, реяли двуглавые золоченные орлы. Под колокольный звон государь вступал на свое место через створчатые слюдяные двери. Звон умолкал. Ближайшие стольники поддерживали под руки государя, прикладывавшегося на ступенях своего места к иконам. Патриарх, осеняя царя крестом, вопрошал его «о царском здоровье». Духовенство размещалось в это время по обе стороны мест государя и патриарха; ближние люди царские становились, по чину, по правую сторону государя и за его местом. Вся площадь, «по предварительной росписи», заполнялась еще до выхода государева служилыми людьми в золотных и др. праздничных кафтанах. На паперти Архангельского собора стояли иноземные послы, приезжие иностранцы, а также посланцы из отдаленных русских областей. Ратный строй стрельцов со знаменами, ружьями и в цветном платье завершал величественную картину, окаймленную живой рамой

несметной народной толпы. Начиналось молебствие с водоосвящения. Митрополиты, архиепископы, а за ними и все иное присутствовавшее духовенство по двое подходили и били поклоны перед царем и отдельно перед патриархом. Осенив государя крестом по окончании молебного пения, патриарх «здравствовал ему речью», заканчивавшейся возгласом: «Здравствуй, царь-государь, нынешний год и впредь идущия многия лета в род и во веки!» Государь в ответ на пространную речь патриарха кратко благодарил своего богомольца. Затем государя и патриарха поздравляли по очереди духовные власти, бояре и все сановные люди, кланяясь «большим обычаем», т. е. почти до земли. Государь отвечал на поздравление духовенства наклоном головы, а боярам — поздравлением. После этого государя поздравляли с новым летом все стрелецкие полки; а за ними — весь народ, бывший в Кремле, «многолетствовавший» царю, ударяя челом о землю, как один человек. Ответив народу поклоном, приложившись к кресту и приняв патриаршее благословение, государь шествовал в Благовещенский собор к поздней обедне, а оттуда — в свои палаты царские. Действо новолетия заканчивалось. Из казны государевой раздавалась в этот день обильная милостыня нищим и убогим, чтобы все они «молили о многолетнем здравии государя царя». Новое «лето» вступало в свои права приobleтавшем столицу всенародном возгласе: «Здравствуй, здоров будь, на многия лета, надежа государь!»

В правовом отношении день нового года имел в старину немалое значение для народной жизни. Он вместе с *Рождеством Христовым* и Троицыным днем был сроком, когда должно было приезжать в Москву «ставиться на суд пред государем и его боярами». Кто из судившихся не являлся к «началу индикта» на срочный суд, тот считался виновным, и его противнику выдавалась «правая грамота». Местом суда на Семенов день назначался Приказ Большого Дворца. Государю представлялись на усмотрение те особо важные дела, которых не могли разрешить наместники, приказчики, городовые и волостели. Суд царев считался равным Божьему. В приговорах уличенным в преступлении так прямо и объявлялось: «Пойманы вы есте Богом и Государем Великим». В день Новолетия ставились обвиняемые на суд и пред патриархом. По Уложению царя Василия Ивановича Шуйского (1607) было установлено относительно крестьян-перебежчиков, что, «если не подадут челобитья по 1 сентября о крестьянах, то после того срока написать их в книги за тем, за кем они ныне живут». Этот же день, по установившемуся с давних времен и вошедшему в силу закона обычаю, являлся сроком уплаты оброков, даней и пошлин. Им начинались и заканчивались условные договоры между поселянами и торговыми людьми. С него сдавались во временное пользование земли, рыбные ловли и всякие др. угодыя.

В Семенов день на Руси существовали обычаи — «постриги» и «сажание на коня», о которых сохранились летописные свидетельства с XII в. Постриги совершались над сыном-первенцем в каждом благочестивом русском семействе, начиная с великокняжеского. Обряд постригов детей великокняжеских происходил в церкви и совершался епископом; у бояр и простолюдинов это делалось дома, в присутствии ближайшей родни, рукой *крестного отца*. Выстриженные на темени младенца волосы передавались матери, зашивавшей их в ладанку. Кум и кума выводили крест-

ника на двор, где отец дожидался их с обьеженным конем, на которого и сажал своего первенца. Кум водил коня под уздцы, а отец придерживал сына рукой. У крыльца отец снимал ребенка с коня и передавал его куму, в свою очередь вручавшему крестника куме — «из полы в полу» с поклонами. Кума вела младенца к его матери и приветствовала последнюю ласковым словом. В горнице подносились куму и куме подарки, а они одаривали крестника. За торжественным обедом кум с кумою разламывали на крестниковой голове *пирог* с пожеланиями «новопостриженному» всяких удач в жизни. Эти обычаи давно уже исчезли из обихода русской народной жизни; долгие всего сохранялись они у казаков и старообрядцев.

Вся неделя с 1 по 8 сент. называлась на Руси «Семенской». Она же называлась и «бабьим летом», хотя это последнее по большей части продолжалось, по местному неписаному месяцеслову, до середины месяца. Со дня Новолетия начинались, по народной примете, первые холода, готовые перейти если еще не в морозы, то в заморозки. Еще за несколько дней (а именно 29 авг.) начинали загадывать в деревне о холодах — по отлету птиц и по паутине, носящейся в воздухе. «Батюшка-сентябрь не любит баловать! — говорили крестьяне. — В сентябре держись крепче за кафтан!» Деревенский опыт посмеивался над наступившим бабьим летом, приговаривая: «Как ни хвались, баба, бабьим летом, а все глядит осенина-матушка: на дворе сентябрь — в сентябре одна ягода, да и та горькая рябина!» Но в то же самое время этот умудренный жизнью опыт зорко примечал приметы первого дня осмеиваемого им «лета». Этот день оказывал влияние на всю последующую осень: если на него ясно, то и вся осень будет ведреная; если луга в этот день опутаны тенетником, если гуси гуляют стадами, если скворцы не летят, то вся осень будет сподручной для деревенских работ, т. е. ясной. С Семена-дня бабам было всяких забот чуть ли не больше, чем мужику-домохозяину. С этого времени принималась деревня мять и трепать пеньку, молотить выбранный лен и расстилать его по лугам. В этот же день, вечером, «затыкали красна», т. е. начинали ткать холст, затевали «*супрядки*» — садились за прялки и веретена.

1 сент. — день «запашек» (опахивания) полей для ограждения их от всяких напастей со стороны вечно враждующей с народом-пахарем темной *нечистой силы*. В этот же день во многих местностях было в обычае перебираться в новые дома и справлять новоселье. Варилась *брага*, пеклись пироги; на пирушку зазывались хозяевами нового дома тесть с тещей, сваты, дяди и кумовья. Гости присылали и приносили на новоселье *хлеб-соль* и подарки, каждый по своему состоянию, кроме кума и кумы, которые непременно должны были принести *полотенце* и мыло. Пирушка затягивалась, только поздним вечером начинались проводы гостей. Но еще до всего этого, до прихода последних, совершался завещанный предками обряд: перейти в новое жилище не решался ни один крестьянин, не пригласив на новоселье старого хозяина, дедушку-*Домового*. В покидаемой хате в последний раз топились *печь*. Старая бабка, остающаяся на прежнем пепелище одна, выгребала из печки все угли в печурку. В полдень поспешно собирала она в припасенный заранее *горшок* все непогасшие до того времени угли, накрывала посудину скатертью и, обращаясь к заднему углу избы, говорила: «Милости просим, дедушка, к нам в новое

жилье!» Затем уходила бабка на новый двор, где у распахнутых настежь *ворот* ее ожидали хозяева с хлебом-солью. Подойдя к воротам, старуха стучалась в вереву и спрашивала: «Рады ли хозяева гостям?» — «Милости просим, дедушка, к нам на новое место!» — с поклонами отвечали ей ожидающие. Старуха шла в новую избу в сопровождении несущих хлеб-соль хозяев и ставила горшок с углями на стол; взяв скатерть, она трясла ею по всем углам и высыпала угли в печурку. После этого только и было возможно, по мнению крестьян, есть хлеб-соль в новом доме. Горшок, в котором был перенесен сюда «Домовой», разбивался и зарывался под передний угол нового дома.

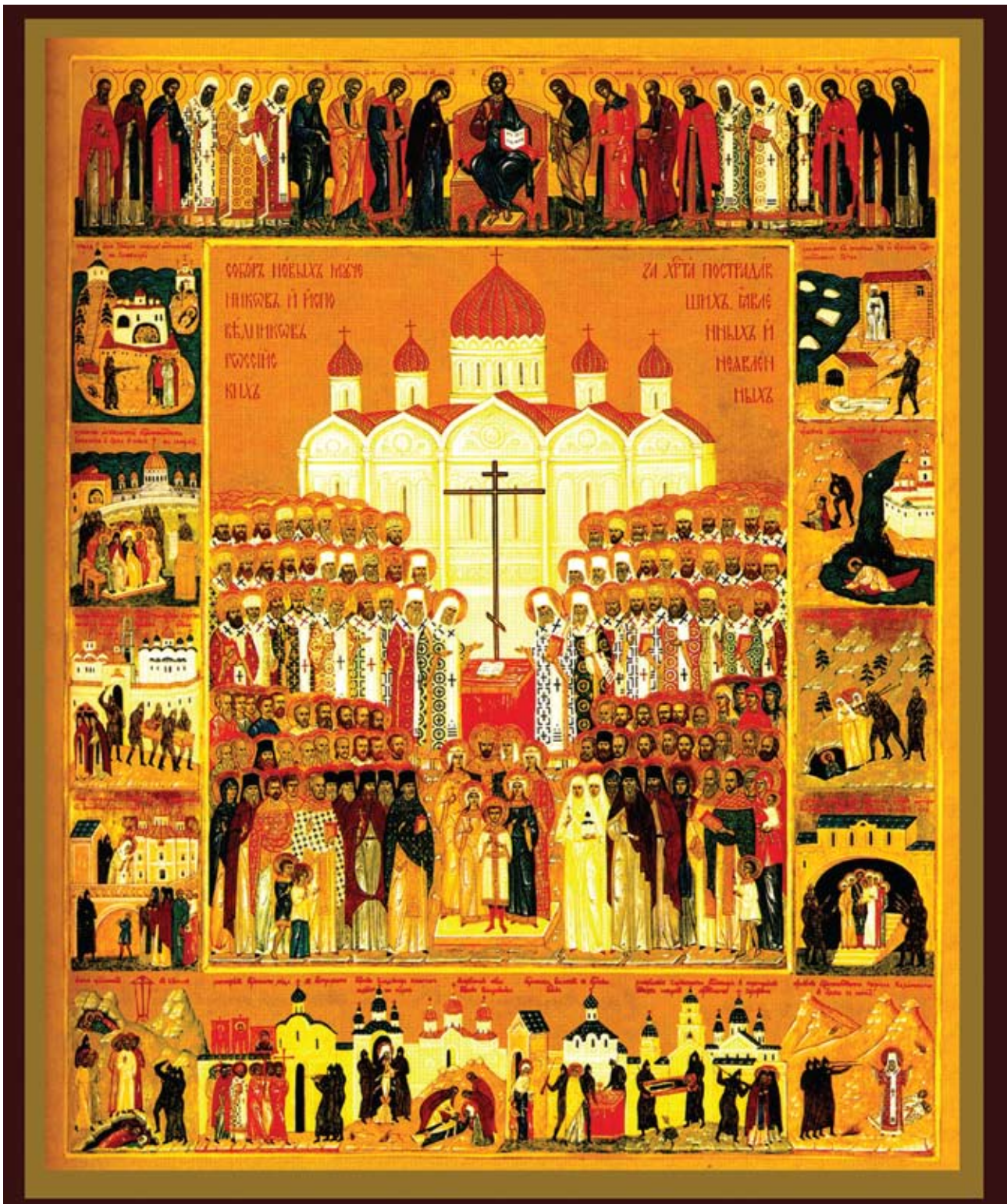
На Семен-день, совпадающий с древним праздником в честь Белбога, крестьянские девушки хоронили мух и тараканов, покровителем которых, между прочим, считался и названный славянский бог. Для этого делались гробки из свеклы, репы или моркови, в которые и клались погребаемые насекомые, а затем зарывались в землю. При этом пелись песни, ничего общего ни с «богом мух», ни с какими погребальными обычаями не имеющие. Погребальщицы, разряженные в свои лучшие наряды, играли песни, а парни, собирающиеся тайком поглядеть на девичью забаву, высматривали себе подходящих невест. После похорон девушки шли вместе с выбегающими к ним из своей засады парнями пить брагу, и вслед за тем деревня оглашалась протяжной хоровой песней:

*Ай, на горе мы пиво варили;
Ладо мое, Ладо, пиво варили!
Мы с этого пива все вокруг соберемся;
Ладо мое, Ладо, все вокруг соберемся!..*

Семен-день чествовался не только работниками, но и охотниками. В старину в этот день выезжали бояре охотиться за *зайцами*. Существовало поверье, что «от семенинского выезда лошади смелеют, собаки добреют и не болеют», и что также и «первая затравка наводит зимою больше добычи».

В новгородско-валдайской округе записано любопытное поверье об угорь-рыбе. На утренней ранней зорьке выметывается она в Семен-день из воды на берег и ходит-перескакивает по лугам на три версты по росе. Смывает-сбрасывает с себя она все свои лихие болести — на пагубу человеку. Потому-то и не советовали знающие люди выходить до спада росы в этот день на берег реки. Угорь считался на Руси запрещенной рыбой. Можно его есть, говорили старики, только тогда, когда «семь городов наперед обойдешь — никакой ясты не найдешь», да и тогда запрещалось вкушать голову и хвост угря. Народное суеверие принимало его за «водяного змея, хитрого и злобного», поясняя при этом, что за великие преступления этому змею положен запрет на жало: «не жалить ему веки вечные ни человека, ни зверя». *Знахари* заставляли угря быть вещим помощником их *гаданий*: они клали его на горячие уголья и по направлению его прыжков старались обозначить место, где укрыта ворами какая-нибудь пропавшая вещь. При этом они заклинали его именем св. Марфы, матери Симеона Столпника, память которой чествуется Православной церковью в один день с ее преподобным сыном.

А. Коринфский
НОВОМУЧЕНИКИ И ИСПОВЕДНИКИ РОССИЙСКИЕ, подвижники Русского Православия, принявшие смерть за веру в Христа от советской власти, основу которой вплоть до к. 1930-х составляли еврейские большевики, задумавшие построить в России царство

Собор новомучеников и исповедников Российских. Икона

«избранного народа» на основах «Шулхан Арух». В Православной России установилась власть апокалиптического зверя, ибо большинство ее носителей говорили на языке Талмуда и мыслили его безжалостными категориями. За веру в Христа были убиты и замучены сотни тысяч православных людей, большая часть священников и епископов Русской Церкви.

НОВОСЕЛЬЕ, обряд вселения в новую *избу* и двор. Совершалось ночью, предпочтительно в полнолуние;

счастливыми днями для новоселья считались двунадесятые праздники, особенно *Введение* во храм Пресвятой Богородицы. Сначала в *избу* впускали петуха и кошку: если суждено случиться беде, то пусть над ними и стрясется. Затем входили хозяева с *иконой* и *хлебом-солью*. Поставив икону в *красный угол*, хозяйка отрезала от непечатого *каравая* краюшку, посыпала солью и клала ее в *подпечек* для *домового*; туда же ставили чашку с водкой. Кое-где голая хозяйка должна была до

рассвета трижды обежать новый двор с приговором и трижды же перекувырнуться в *воротах*.

НОВЫЙ ГОД, в Древней Руси первый день года, который начинался с 1 марта. В 1492 вел. кн. Иоанн III Васильевич окончательно утвердил постановление Московского собора считать за начало как церковного, так и гражданского года 1 сент., когда повелено было платить дань, пошлины, различные оброки и т. п., а для того чтобы придать более торжественности этому дню, сам царь накануне являлся в Кремль, где каждый, будь то простолюдин или знатный боярин, в это время мог подходить к нему и искать непосредственно у него правды и милости.

Новый год. 1858 г. Рисунок с лубка

Первообразом той церковной церемонии, с какою происходило на Руси празднование сентябрьского *новолетия* в царский период ее существования, служило празднование его в Византии, установленное Константином Великим. Один из иностранных современников так описывает, между прочим, виденное им в России в 1636 торжественное зрелище встречи Нового года: «На дворцовом дворе собралось более 20 тысяч человек старых и малых. Из церкви, стоящей с правой стороны у входа на площадь (речь идет об Успенском соборе. — Н. С.), вышел патриарх со своим духовенством из 400 священников: все в церковном облачении со множеством образов и с развернутыми старыми книгами. Его Царское Величество, со своими государственными сановниками, боярами и князьями, шел с левой стороны площади. Великий Князь с непокрытою головою и патриарх в епископской митре вышли одни из хода, подошли друг к другу и поцеловались в уста. Патриарх подал также Великому Князю поцеловать крест... Затем в длинной речи он произнес благословение Его Царскому Величеству и всему народу и пожелал всем счастья на Новый год. Патриарх говорил так: «Дай, Господи! Вы, Царь Государь и Великий Князь, всея России Самодержец, здоров был со своею Государынею Царицею и Великою Княгинею, а нашу Великою Государынею, и со своими государевыми благородными чадами, с царевичи и царевны, и со своими государевыми богомольцы, с преосвященными митрополиты, и со архиепископы, и со епископы, и с архимандриты, и с игумены, и со всем освященным собором, и с бояры, и с христоролюбивым воинством, и с доброхоты, и со всеми православными христианы, здравствуй, Царь Государь, нынешний год и впредь идущие многие лета в год и во веки». Народ в подтверждение патриарших новогодних пожеланий громко кричал: «Аминь!» Сирые, убогие, беззащитные и гонимые находились тут же в толпе с поднятыми вверх прошениями, которые они с плачем и рыданием повергали к стопам Вели-

кого Князя, прося у него милости, защиты и заступы. Прошения эти относились в царские покои».

Последний раз Новый год отпразднован был 1 сент. в 1698. Проведен он был весело в пируестве, устроенном с царскою пышностью воеводою Шеиным, собравшим невероятное множество бояр, гражданских и военных чиновников, а также большое число матросов; к ним подходил сам царь, оделял их яблоками, называя каждого из них братом. Каждый заздравный кубок сопровождался выстрелом из 25 орудий. Царь Петр Великий, явившись в Успенский собор в сопровождении своего малолетнего сына Алексея и супруги царицы Евдокии, одетый уже на немецкий лад, как и прочие присутствовавшие, за исключением вдовствующей царицы Прасковьи Феодоровны, сам поздравлял народ с Новым годом, с новым счастьем. Гвардия была в синих мундирах с красными обшлагами и высоких ботфортах.

«Лучшего ради согласия с народами европейскими в контрактах и трактатах» Петр Великий изменил коренным образом и летосчисление наше, и способ празднования Нового года. В первый год XVIII ст. он уже приказал вести летосчисление от воплощения на земле Богочеловека, отменив летосчисление от дня Сотворения мира. Не желая совершенно изгонять обычай празднования Нового года, он установил его по обычаям, заимствованным им в Голландии и др. странах Западной Европы. В оправдание своих начинаний царь приводил те простые и очевидные основания, что «не только во многих европейских христианских странах, но и в народах славянских, которые с восточною нашею Церковью во всем согласны, как валахи, молдавы, сербы, далматы и самые его великого государя подданные черкесы (т. е. малороссы), и все греки, от которых наша вера православная принята, согласно лета свои исчисляют от Рождества Христова в восьмой день спустя, т. е. генваря 1 числа, а не от создания мира, за многую рознь счисления в тех летах».

Проведение в жизнь этой реформы, имевшей столь важное общественное значение, началось с того, что запрещено было праздновать каким бы то ни было образом 1 сентября, а 15 декабря 1699 барабанный бой возвестил о чем-то важном народу, который толпами хлынул на *Красную площадь*. Здесь устроен был высокий помост, стоя на котором так, чтобы было видно всему народу, царский дьяк громко читал царский указ о том, что великий государь Петр Алексеевич повелел «впредь лета счисляти в приказах и во всех делах и крепостях писать с 1 генваря от Рождества Христова». В знак того доброго начинания и нового столетнего века, «после благодарения Богу и молебного пения в церкви» повелено было: «по большим проезжим улицам, и знатым людям, и у домов нарочитых (именитых) духовного и мирского чина, перед воротами, учинить некоторое украшение от древ и ветвей сосновых, еловых и можжевельных. А людям скудным (т. е. бедным) хотя по дереву или ветви над воротами или над хороминами своими поставить. И чтоб то поспело будущего генваря к 1-му числу 1700 сего года; а стоять тому украшению генваря по 7-е число того же года. Да генваря ж в 1-й день, в знак веселия, друг друга поздравляти с Новым годом и столетним веком, и учинить сие, когда на Большой Красной площади огненные потехи начнутся и стрельба будет; и по знатым домам боярским и окольным, и думным и знатым людям, палатного, воинского и купеческого чина знаменитым людям на

своём дворе из небольших пушечек, у кого есть, или из мелкого ружья учинить трижды стрельбу и выпустить несколько ракет, сколько у кого случится; а по улицам большому, где пристойно, генваря с 1-го числа по 7-е число по ночам огни зажигать из дров, или из хвороста, или из соломы; а где мелкие дворы, — собравшись по пяти или шести дворов, тако ж огонь класть, или, кто похочет, на столбиках по одной, или по две, или по три смоляные и худые бочки, наполняя соломой или хворостом, зажигать, а перед бургомистрскою ратушею стрельбе и таким украшениям по их усмотрению быть же». Сам царь первый пустил ракету, которая, огненной змейкой извиваясь в воздухе, возвестила народу наступление Нового года, а вслед за нею, согласно царскому указу, началась потеха и по всей Белокаменной. На другой день царь принимал поздравления у себя во дворце.

Н. Степанов

НОГАЛИЩЕ, чехол на ружейный ствол, употребляемый охотниками на севере России.

НОЖ, инструмент для разрезания. С использованием ножа было связано множество примет. Во время трапезы нож полагалось класть рядом с хлебом, режущим краем в его сторону. После трапезы нож надо было убрать в положенное ему место: считалось, что ножом, оставленным на столе или в др. неподходящем месте, мог воспользоваться бес, чтобы нанести людям вред. Передавать нож др. человеку можно было только рукояткой вперед: если нож подается лезвием, то произойдет ссора. Нельзя есть с ножа, чтобы не быть зарезанным разбойником.

Хлеб за обедом разрезал только глава семьи: когда все собирались за *столом*, на *каравае* ножом чертили крест и только после этого хлеб разрезался на ломти.

Нож считался важным орудием *колдунов* и *оборотней*: только перекувырнувшись через нож 12 раз или один раз через 12 ножей, воткнутых в пенёк в лесу, можно было превратиться в *волка* и таким же образом вновь стать человеком; ножом очерчивали магический круг против *нечистой силы* при добывании цветка *папоротника*, поиска *клада* и пр. Нож клали под подушку родильницы, чтобы защитить ее от нечистой силы, когда ребенка после крестин вносили в дом, *крестные родители* должны были переступить через нож, лежащий на *пороге*, или наступить на него. Если ребенок долго не начинал ходить, ему опутывали ноги ниткой и затем разрезали эти путы ножом и т. д. В день усекновения главы Иоанна Крестителя, 29 авг./11 сент., не полагалось брать в руки ножа, и хлеб нарезали накануне. Чтобы узнать колдуна, нужно было положить нож острием вверх и прочесть воскресную молитву с конца.

Нож использовался в обрядовой жизни людей как действенное средство защиты от вредоносной силы. Нож оставляли в *колыбели* новорожденного под матрасом, чтобы нечистая сила не могла подменить младенца; укладывали на порог перед тем, как пронести через него ребенка, возвращающегося из церкви после обряда *крещения*; клали в карман жениху, отправляющемуся за невестой перед *венчанием*, чтобы «бесы не попутали» его в такой важный момент жизни. Верили, что нож может защитить от сил смерти, если его воткнуть в притолоку двери после выноса гроба с покойником из избы. В обрядах народного годового календаря нож использовали в *гаданиях*: им очерчивали круг возле гадающих, стремившиеся предохраниться от *чертей*. В Егорьев день (23 апр./6 мая) пастух об-

ходил стадо, положив нож в *решето* рядом с иконой, веткой *вербы*, яйцом, хлебом, чтобы магическим путем защитить животных от лешего. С этой же целью нож весной закапывали на пастбище. Верили в то, что колдуны и ведьмы не смогут проникнуть в дом, если в *Великий четверг* воткнуть нож в притолоку входной двери; если бросить его в поднявшийся *вихрь*, то вихрь прекратится, а нечистая сила, вызвавшая это бедствие, погибнет.

И. Ш., Л. Б.

В народной традиции нож считался оберегом от нечистой силы. Считалось, что нож, брошенный в вихрь, ранит черта и на нем останется кровь.

Нож и др. металлические предметы сопровождали человека, когда он считался наиболее уязвимым для воздействия нечистой силы, в первую очередь их использовали для защиты некрещеного младенца, женщины в предродовой или послеродовой период, жениха и невесты во время свадебного обряда. В Волинской губ. для охраны новорожденного от конвульсий мать, ложась спать или выходя из дома, клала нож в колыбель или брала его с собой. Там же баба-повитуха трижды обводила ножом вокруг кумы, когда та несла крестить ребенка, чтобы злой дух не мог приступить к младенцу. В Гомельской обл. мальчику клали в колыбель нож, чтобы он стал плотником, а девочке — *гребень*, чтобы она умела пряхать. В 1920-х в Житомирском районе во время похорон клали в колыбель нож или ножницы, «чтобы не приступила смерть» к ребенку. В Полесье, выходя из дома после родов, женщина затыкала за пояс нож (реже — ключ или гвоздь). Там же мать подкладывала под себя нож при кормлении грудью ребенка. В Малороссии кум и кума, отправляясь в церковь крестить ребенка, переступали через нож, положенный у порога или на порог, так поступали, «чтобы к ребенку, еще не крещенному, не мог подступить нечистый дух».

В Белоруссии и Малороссии широко практиковалось процеживание молока через нож, серп или иголки. Напр., в Черниговской обл. говорили, что если корова доится кровью, то надо лить молоко на нож, положенный под цедилкой на подойник, этим «ведьме перерезаешь язык». Вместе с тем в быличках нож описывается как одно из орудий ведьм, отбирающих молоко у коров. В Овручском р-не говорили, что когда ведьма захочет молока, она идет к себе в хлев, забивает в соху нож и подставляет доенку, молоко так и бежит струей с ножа.

В Белорусском Полесье, если скотина заблудилась в лесу, хозяин обращался к *знахарю* с просьбой «засечь» ее. Знахарь шел в лес, находил дерево, больше других покрытое зелеными листьями, поднимал вверх принесенный с собой нож и произносил *заговор*, в котором просил Господа Бога и св. Юрия «засечь» скотину. Произнося последнее слово заговора, знахарь вбивал нож в дерево и возвращался домой. На следующий день перед восходом солнца он снова шел в лес и вынимал нож из дерева. Если тот оставался чистым, то это означало, что животное не погибло и уже не сойдет с того места, где оно находилось, когда его «засекали», а также что оно защищено от *волков*. В Дубровицком р-не Ровенской обл. для того, чтобы черт не трогал скотину, требовалось встать до восхода солнца, раздеться, взять под левую руку нож или косу, трижды обежать вокруг хлева и забить их в стену. Обегание хлева с ножом или косой выражало идею, которая в заговорах передается мотивом «железной стены» до неба; втыкание ножа в

стену хлева как бы замыкает эту железную стену на замки.

В Ровенской и Волынской обл. известны случаи, когда во время *свадьбы*, собрания молодежи или большого праздника в стол втыкали снизу нож, чтобы гости меньше ели.

В Черниговской губ. во время приготовления свадебного каравайя после того, как тесто вынимали из *дежи* и начинали месить на столе, в середину пустой дежи втыкали острый нож и пели: «Коло діжи чотири ножи,/А пятий на послузі,/Коло діжи свічи палають,/А на столі коровай бгають». По-видимому, нож, как и горящие свечи, символизировал собой работающих каравайниц, в белорусских «каравайных» песнях сила каравайницы упоминалась вместе с ножом, которые как бы принимали участие в замешивании каравайя: «Чатыры ножи у дзяжы,/Пятая моя сила/Коровай замасила...»

Лит.: *Топорков А. Л.* Домашняя утварь в поверьях и обрядах Полесья // Этнокультурные традиции русского сельского населения XIX – н. XX в. М., 1990. Вып. 2.

А. Топорков
НОСОВКА, верхняя женская одежда в Смоленской и Калужской губерниях. Носилась поверх *рубахи*. Туникообразного покроя, глухая, до колен или чуть ниже, без рукавов или с короткими рукавами, с ластовицами, украшенная нашитыми лентами, кружевами.

НОЧНОЕ, выпас лошадей на ночной пастьбе. Осуществлялся преимущественно подростками. Деревенские мальчики 10–13 лет умели хорошо управлять лошадьми, т. к. к этой считавшейся чисто мужской работе мальчика начинали приучать довольно рано. Семилетний мальчик уже ездил верхом на лошади, гонял ее по поручению отца на водопой, в 9–10 лет умел запрягать лошадь в телегу, помогал отцу в перевозке снопов, сена.

Пригнав лошадей на место выпаса, многие подростки, следуя советам своих бабушек и дедов, проводили обряд задабривания хозяина леса — *лешего*. Этот обряд мог проходить по-разному, но повсюду включал в себя приношение лешему и молитву-заговор. Так, напр., в Смоленской губ. подросток укладывал под березу принесенную с собой краюшку хлеба и яйцо, кланялся три раза низким поклоном земле и произносил: «Честной лес, муж богатый, дарю тебе подарок: хлеб, соль, белую рубаху и шелковый пояс. Прими от меня, раба Божьего, и сбереги мою скотину и в чистом поле, и во темном лесу».

Поездки в ночное были любимым летним развлечением мальчиков. В лесу дети были предоставлены сами себе, разводили костер, рассказывали друг другу страшные истории. Подросткам очень нравились рассказы о баловстве лешего или *водяного*, о *колдунах* и *ведьмах*, о живых мертвецах, о *кладах*, закопанных в земле лихими разбойниками.

Особенно впечатляющими были рассказы о леших, которые бродят по лесу и подходят к костру, где сидят ребята. Верили, что это может произойти в лунные теплые ночи. Леший, прикинувшись старичком, подойдет к костру, сядет рядом с подростками и примется плести *лапти*. Свою сущность он покажет только в том случае, если тучка закроет месяц и станет темно. В этот момент леший встанет и скажет глухим голосом: «Свети, светило». Говорили, что леший может специально испугать ребят: прикинуться страшной образной в виде *лягушки*, подойти к костру и начать хлопать себя шестипальными руками по голому желтому брюху

с зеленым пупком. Крик совы, хлопанье ночных птиц крыльями, треск старого дерева — все это воспринималось как проделки лесных духов, от которых надо отрешиваться. По поверью, лешего можно вызвать к костру силой заклятия. Для этого надо найти в лесу сосну, срубить ее так, чтобы она вершиной упала к востоку, встать на пень и произнести: «Дядя леший, покажись не серым волком, не черным вороном, не елью жаровой, покажись таким, каков я». Если табун пасся на берегу реки или озера, то еще страшнее лешего считался водяной. По поверью, он показывается в полночь в виде старика, покрытого мхом и болотной травой, и его появление около табуна предвещает грядущее несчастье.

Ист.: *Шангина И. И.* Русский народ: будни и праздники. СПб., 2003.

НОЯБРЬ, одиннадцатый месяц в году, древнерусское название «грудень» — от слова «груда», мерзлая колея на дороге. В Древней Руси замерзшая дорога называлась грудным путем. В «*Повести временных лет*» говорится: «Поидоша на колех (колесах) и по грудну пути, бе бо тогда месяц грудень, рекше ноябрь».

И. Вельц. Начало зимы

Основные народные приметы этого месяца, по *В. И. Далю*, были таковы: 1. Св. бессрр. *Космы* и *Дамьяна*. Кузьмы и Демьяна. Курячий праздник. На Кузьму и Демьяна курячьи именины, куриная смерть. На Кузьму и Демьяна курицу на стол, цыпленка попу. Если Кузьма и Демьян с мостом, то Никола с гвоздем, а то и сам с гвоздем (начало зимы). Коли Кузьма и Демьян закует, то Михаил (8-го) раскует (оттепели). На Кузьму и Демьяна лист на дереве — через год мороз; 8. Собор Архистратига *Михаила* и пр. бесплотных Небесных Сил. *Михайлов день*. Михайловские заморозки. День Архистратига с полумостом. С Михаила зима не стоит, земля не мерзнет. Михайловские оттепели, грязи. Во что Михаила, в то и Никола. С Михаила зима морозы кует; 9. Прп. *Матроны*. Матренин день (см.: Матрена Настовница). С зимней Матрены зима встанет на ноги, налетают морозы. С *Сергия* (25 сент.) зима починается, с Матрены устанавливается. Иней на Матрену на деревьях — к морозам, туман — к оттепелям; 11. Прп. *Феодора Студита*. Со дня *Федора Студита* стало холодно и сердито. Федор Студит землю студит; 12. Иоанна Милостивого (см.: Иван Милостивый). Дождь на Милостивого — оттепели до *Введения*; 14. Ап. *Филиппа* (см.: Филипповки). Иней на Филиппа — урожай на овес; 15. Мч. *Гурия* (*Гурьев день*). Гурий на пегой кобыле (грязь либо снег); 16. Ап. и евангели-

Свя. бессребреники Косма и Дамиан. Икона. 1-я пол. XIX в. Владимирские иконописные селы

ста *Матфея*. На Матвее (*Матвеев день*) земля потеет, преест; 17. Св. Григория Неокесарийского (см.: Встреча Сивера). Приехала зима на пегой кобыле; 18. Мчч. *Платона и Романа*. Каков Платон да Роман, такова и зима; 21. *Введение во храм Пресвятой Богородицы*. На Введение — леденье. Введение ломает леденье. Введение пришло — зиму привело. Введение не ставит зимы; 24. Вмч. *Екатерины*. Катерины Женодавицы. *Катеринин день*. Первое катание на санях; 26. Освящение храма вмч. *Георгия* в Киеве. *Юрьев день* осенний. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Срок перехода крестьян при царе *Борисе*. Крепки ряды Юрьевым днем. Мужик и болит, и сохнет по Юрьев день. Мужик не тужит, знает, когда Юрья. Юрий холодный оброк собирает. Юрьевский оброк. Осенью Юрий с мостом, Никола с гвоздем; 30. Ап. *Андрея Первозванного*. Андрею молятся о хороших женихах. Наслушивают воду: коли тиха — хорошая зима, коли шумна — морозы, бури и вьюги.

Ноябрь начинался с «зимнего Кузьмы — Демьяна» (см.: Кузьминки Осенние). 2 нояб. — Акиндин и Пигасий. «Акундин разжигает овин, Пигасий — солнце гасит». Всюду, где уродился хлеб, в этот день дымилась овины, молотба по гумнам впервые готовилась на зимнем ледяном току. Через два дня на третий — день св. *Галактиона-мученика*. О св. Галактионе ходило по Руси сказание. «У Галактиона-мученика, святого православного, родители были злые эллины неверные... Выбирают они (родители) Галактиону обручницу юную, что тое-ли свет-Епистимию, деву красную. Галактион святой воли родителей не послушался, обручается он с Епистимею кольцом железным, по тому ли по обычаю злу эллинскому поганому. Уж и сидит-то Галактион с Епистимией, своей обручницей, говорит он с нею речи короткие, привычные, не творит лишь

ей обычного целования. Как возговорит Галактиону родный его батюшка: «Ох ты, сыну, ты мой сыну, чадо милое! Ты скажи мне всю правду, не утаючи: чем младая обручница тебя опечалила? Не творишь почто ты ей обычного целования?» На вопрос отца держит («гласом кратким») свою отповедь сыновнюю святой Галактион: «Господин ты мой великий, родный батюшка! Во всем я тебе, господину, послушный сын, что ты хочешь мне, своему сыну, приказывай, и ни в чем я твоей отчей воле не противляюсь: лишь единого от меня, родный батюшка, не спрашивай: Епистимия, обручница моя юная, дева красная, никаким она меня тяжким словом не опечалила, и любя она мне, моя обручница Епистимия, и по ней всем сердцем болю-сокрушаюсь, да и к ней я, дева красной, душой распаляюсь; не могу ж я ей творить обычного целования: христианин бо аз есмь, она же — эллинка поганая, и скверна мне будет, доколе не очистится баней водною, баней чистою, святым крещением, и скверна мне и мерзка мне будет, доколь не оденется в ризу чистую, в ризу светлую, в ризу нетления; и дотоле скверна будет, доколь не причислится к стаду кроткому, к стаду избранному, к стаду христианскому!» Вслед за этим ответом святого сказание переходит к словам обрученной невесты его — Епистимии. «О, жених мой возлюбленный, ты печаль души моей!» — обращается она к Галактиону, уведя его в свою горницу. Голос ее слагатель стиха называет «голосом кротким, сладостным». «О тебе об едином мое сокрушение! — продолжает она. — О тебе бо едином все мое помышление! Жестоко слово Христос эллином поганым, тяжело слышати будет моим родителям, страшусь страхом я их ярости поганския: совершенная же любви изгоняет страх. И скажу я тебе, возлюбленный, не боясь — скажу: аще хощешь, и я буду христианкою православною!» Слыша эти слова возлюбленной, «берет Галактион воду чистую и крестит он в той воде Епистимию, деву красную. Как узнали то да увидали злые эллины, предают они святую двоицу судилищу поганскому, осуждают их игемон скверный на мучение смертное. Идет святая двоица на смерть, радуясь»... Сказание кончается словами св. Галактиона, обращенными к его спутнице: «Возлюбленная моя супружница Епистимия! За Христа мы умрем и со Христом будем царствовать, и подаст Христос за нашу веру и страдание: аще просит раб моим именем да раба возлюбит его любовью огнепальною, то и будет тому рабу по прошению». Этими последними словами объясняется народное поверье о том, что желающие приворожить чье-либо сердце к себе должны молиться о том Галактиону-мученику.

Вслед за Галактионовым днем — «*Павлы-исповедники*, Варлаамы-хутынские» (6 нояб.), с памятью о которых была связана в народе примета о ледоставе и будущем урожае: «Если лед на реке (к этому дню) становится грудями, то и хлеба будут груды, а гладко — так и хлеба будет гладко». 7 нояб. *Федот Зимородок*. «Мученик Федот лед на лед ведет», — говорили крестьяне. О 8 нояб. — *Михайловом дне* был в народе свой особый сказ. *Калики перехожие* в этот день пели: «Единого славы Царя невещественна заря благолична, просвещает всех нас земных разумична. Ею же осиявшеся, причастицы сим явльшися, тем ублажим, гласы благодарственная с мыслями чувственная днесь умножим. Михаила-воеводу и христианскому роду спасителя; с Рафаилом Гавриила и светлая Уриила хранителя, небесных сил, начальников, душам нашим помощников

Св. Варлаам Хутынский. Икона. XIX в. ГМИР

непрестанных, престолов Божественнейших, херувимов пресвятейших, небославных, серафимов светло-взятых, шестокрылых, правителей, Церкви всяе соборные и веры непорочныя защитителей. Первую троицу образу, богоносу, бессоблазну, пречестнейшу, триех священств углезарных, гласом святым благодарным всесветлейшу. Господствия священная почтем приукрашенна багром светлым. Сил славных вооруженных, твердым словом убаженных, небоцветных, владычественнейших Властей, изъятых всех долних страстей. Втору троицу, слова полных хвалителей, духоносных служителей Богу Отцу. Начал святых богомудрых, архангелов всех премудрых поя ясно почтем с благодаренми, купно и славословенми богогласно, ангелов сонм безчисленных, лик святыи богопочтенный возносяще, десяточисленные лики, полки зелны, превелики, венцов вечных, небесных сил блаженнейших и Троице слуг пресветлейших, бесконечных...»

9 нояб. — Матренин день, *Матрена Настовница* «Скоропослушница», икона *Божией Матери*. «С зимней Матрены зима встает на ноги!» — говорили крестьяне. Иней в этот день, по деревенской примете, к холодам; туман — к теплой погоде, во время которой не страшны никакие морозы, налетающие с гор. За зимней Матреной следовал день апп. Родиона и Ераста, *Ераст — настели наст*. «Придет Родивон (10 нояб.) — возьмет зима мужика в полон!» — говорила народная примета. «Со святого Ераста — жди ледяного наста!», «Наш Ераст на все горазд, — подхватывал смешливый люд, — и на холод, и на бездорожную метелицу!» 11 нояб. праздновался *Федор Студит*: «придет — все остудит!», «Федоровы ветры голодным волком воют!», «Со Студита стужа — что ни день лютей-хуже!», «Федор — не Федора: знобит без разбора!», «Федор Студит — на дворе студит, в окошко стучит!», «На дворе Студит, да в избе тепло, коли хозяйка хороша!», «На печке да

Икона Божией Матери «Скоропослушница» («Невская»). XIX в. Александровская лавра в С.-Петербурге

Иоанн Златоуст. Мозаика. Собор Св. Софии в Киеве. Святительский чин. Центральная апсида

около горячих щей и на Студитов день не застудишься!», «Жирные щи застудятся, коли вовремя не съешь, студень кvas нагреется, коли не вовремя выпьешь!», «Не плачь, что ночь студена — на то она и Студитова: ободняет, так и обогреет; а не обогрело — так ведь не к Семику дело!», «Федоры Студиты к Филипповкам, по-сту Рождественскому, студеною дорожку торят!»

За Студитовой стужей следовали два Ивана: *Иван Милостивый* (12 нояб.) и *Иван Златоуст* (13 нояб.). 12 нояб. также праздновали чудотворную икону Пресвятой Богородицы «Киккская Милостивая». Под Москвой был записан *духовный стих* о св. Иоанне Златоусте, начинающийся следующими словами:

*Златокованную трубу
Восхвалим днесь,
Свирель пастырскую,
Низложившаго песни мусикийския,
Орган чудный Духа Святаго,
Иоанна Златоустаго...*

Стих этот имеет южнорусское происхождение: «Днесь позлащенная труба цветет, яко финик ласковый горлицы ждет; воин на поле станицы, Иоанна Златоустого, архиерея цареградского. Вечной славы царь, слово превечное со ангельским чином Тебе взывает укоханным Сыном: — Прииде, чадо укоханне, в чертог светел днесь, Иоанне! — Ангели чюдятся, зряще Иоанна в ризы оболченна, митра на главе херувимом дана,

крест победы, пастырем слава, руци его на змиеве главе. Цевнице духовна, а труба златая, гора Елеонская, тимпан златый, церковь Сионская! Когда вострубит Господь трубою, не забуди стати со мною!»

14 нояб. — день св. ап. Филиппа, заговенье на *Филипповки*. Если иней изукрасит на Филиппово заговенье серебряной бахромой все деревья, ждали крестьяне богатого урожая овса на будущий год; воронье черное каркает — к оттепели. В этот день доигрывали по деревням последние свадьбы. «Кто не повенчался до Филипповок — молись Богу да жди нового мясоеда! — говорили в народе. «Пост свадьбам не потатчик, пива не наварит, на пир-беседу не позовет!»

Гурьев день (15 нояб.). Как только мчч. Гурий, Симон и Авива, слывшие в народе зубными целителями, «разрубят ноябрь студень пополам, так уже не растаять снегу вплоть до весеннего половодья». «Морозы — железные носы» брали с этой поры такую силу-мочь,

Симон Ушаков. Богоматерь Елеуса-Киккская. Икона. 1668 г. ГТГ

В. Н. Воиц-Чудовский. Священномученик Ипатий, епископ Гангрский. 1757 г.. Кострома

что даже вся «нечисть лихая» убегает с земли в свои преисподняя, где и скрывается до самых Святков. В этот же день праздновали чудотворную икону Пресвятой Богородицы «Благоуханный цвет» и *Купятицкую икону*.

Считалось, что если на ап. Матфея (*Матвеев день*) 16 нояб. ветры веют буйные, то быть «вьюгам-метелицам» до самого *Николы Зимнего* (6 дек.). Так же 16 ноября праздновали память счмч. Ипатия Гангрского. 17 нояб. память Никона Рождественского. Через трое суток с Матвеева дня праздновались «*Проклы*» (20 нояб.) Про-

Никон Радонежский. Икона. XVII в. СПМЗ

клинали в этот день знахари скрывавшуюся в земных недрах *нежить*, чтобы не выходила она из своих нор как можно дольше, чтобы как можно меньше мучила человеческую жизнь. Существовали особые заговоры на этот случай.

21-й день ноября был посвящен великому празднику *Введения* Пресвятой Богородицы во храм.

22 нояб. — Память великого князя Михаила Тверского убитого за веру татарами. *Прокопьев день*. «Пришел Прокоп — разрыл сугроб!» — говорили в народе. «Святой Прокопий дороги прокапывает!», «С Прокопьева дня — хороший санный путь: сани сами катятся по гладкой дорожке, сами сани лошадке прыти прибавляют!», «Где прокопал Прокоп — там и мужику и зимний путь!» В обычае было с этого дня ставить зимние вехи, обозначать дорогу; местами вешить дорожку снопами вымолоченной ржи, по др. местам — сосенками да елочками. Старые благочестивые люди советовали не приниматься за это дело без молитвы к святому «прокопывателю дорог». Вешить дорогу считалось богоугодным делом, т. к. цель его — указание пути идущему люду в ночное время и в снежную вьюгу, когда легко можно сбиться с дороги. Обыкновенно эта нетрудная работа производилась «всем миром». 23 нояб. святитель Митрофан Воронежский. Через сутки

Кн. Михаил Тверской. Икона. XVII в. ГТГ

Свт. Митрофан Воронежский. Икона. ЦМИАР

после «Прокопов» — день памяти св. вмц. Екатерины. *Екатеринин день* прошел, катанье привел; «Катайся, у кого лошадь да сани есть — на санях, а нет ни саней, ни лошадки — садись на ледянку, с горы катись!» — говорили об этом дне: «Прокоп дорожку прокопает, а Катерина укатает!», «С Катерин зима деревню дойдет не мытьем, так катаньем: не голодом, так холодом!» С этого дня начинался для мужика зимний извоз: тянулись в города из села обозы с хлебом.

Вмц. Екатерина. Икона. XVII в. ГТГ

Богоматерь Знамение. Икона. XV в. ГТГ

В Пермской губ., в 30-х гг. XIX столетия по многим селам чествовали прокапывателя занесенных дорог, св. Прокопия, особым празднеством, сопровождавшимся пирушкой «всего мира на мирской счет». В этот день закалывался «последний (до весны) барашек», и его съедали сообща всей деревней. Соблюдался этот обычай и в некоторых др. местностях.

За Катерининым следовал Климентьев день, *Клим Холодный*. «С Климента зима клин клином вышибает, слезу у мужика морозом из глаз гонит!» — говорили в народе. 26 нояб. — «Юрий Холодный» — зимний Егорий, *Юрьев день*.

27 нояб. отмечали «Знамение» (от иконы Божьей Матери, в Новгороде), церковный праздник, бывший престольным-храмовым во многих селах. С этим праздником было связано ожидание всяких знамений: более чем когда бы то ни было крестьяне внимательно приглядывались-прислушивались ко всему, и в жизни, и в природе, в этот день; всему придавалось особое значение. И тучи небесные, и звезды чистые, и ветры буйные, и все голоса природы говорили для них своим вещим языком, предвещающим и доброе, и худое, и лихое, и желанное. В Сибири праздновали Абалацкую икону Божией Матери, в Рязани Корчемная «Знамение». 29 нояб. отмечался Парамонов день (*Парамон Зимоуказатель*), с которым были связаны у крестьян приметы о декабрьской погоде: «Если на Парамона утро красное — быть и всему декабрю ясным: коли Парамон со снегом — жди метелей вплоть до Николина дня!», «Багряная заря с Парамонова дня на Андреев (30 нояб., *Андрей Первозванный*) — будут сильные ветры». На этот же день приходилась память прп. Акакия Синайского, который считался на Руси целителем всяких болезней.

В занесенном в бессоновский сборник песенном «Месяцеслове» *калик перехожих* воспевались в после-

довательном порядке все святые, отмечавшиеся в ноябре, и все праздники ноябрьские. «Месяц Ноемврий весь святых множеством днесь светло приукрашен», —

Абалацкая (Абалакская) икона Божией Матери. Нач. XX в. Абалакский Свято-Знаменский монастырь

гласила заповедь. Начинали ряд воспеваемых святых «Косьма с Дамианом», орошающие, по народному слову, верных своим врачеванием. Заключительные слова были посвящены св. Андрею Первозванному, которого безвестный слагатель этого стиха величал «русской Церкви камнем»...

Ист.: Коринфский А. Народная Русь. М., 1995.

ПРАВ, в понятиях Руси одна половина или одно из двух свойств духа человека (вторая — *ум*), включающая волю, *любовь*, *милосердие*, хотение, страсти. От слова «*нрав*» происходит слово «*нравиться*», то есть «соответствовать нраву, духу человека».

Народные пословицы: «Что кому нравно, то и люблю. Не то хорошо, что хорошо, а то, что нравно. Нравное дело не спор. Нрав на нрав не приходится. Всяк своему нраву работает». Народный идеал состоит в том, чтобы нрав был добрый, а человек — нравственный (см.: *Нравственность*).

О. П.

НАВСТВЕННОСТЬ, в понятиях Руси качество, относящееся к одной половине духовного быта (другая половина — *ум*, умственное), но составляющее общее с ней духовное начало: к умственному относится *истина* и *ложь*, к нравственному — *добро* и *зло* (*В. И. Даль*).

Понятие нравственности носит положительный характер и противопоставляется телесному, плотскому.

Нравственно то, что согласуется с *совестью*, с законами правды, с достоинством человека, с *долгом* честного и чистого сердцем гражданина своего Отечества.

Для коренного русского человека нравственный быт важнее быта материального. А это означает способность в самоотверженности. «Всякое самоотвержение есть поступок нравственный, доброй нравственности, доблести. Православная вера включает в себе правила самой высокой нравственности. Нравственность веры нашей выше нравственности гражданской: первая требует только строгого исполнения законов, вторая же ставит судьей совесть и Бога» (*В. И. Даль*).

«Каждая сила духовная, создававшаяся внутри одного человека, невидимо влечет к себе и подвигает силы всего нравственного мира. Мир свободной воли имеет свою правду в мире вечной нравственности» (*И. В. Киреевский*). «Чем соедините вы людей для достижения ваших гражданских целей, если нет у вас основы в первоначальной великой идее нравственной? Созидается общество началами нравственными» (*Ф. М. Достоевский*). «Жизнь без нравственного усилия — это сон. Ценность нравственности определяется не вещественным значением дела и его возможными последствиями, а степенью доброго усилия» (*Л. Н. Толстой*).

О. Платонов

РУССКИЙ НАРОД

Этнографическая энциклопедия
в 2-х томах

Научное издание-хрестоматия
Том 1 А—Н

Главный редактор, составитель О. А. Платонов

Ответственный секретарь М. В. Кузнецова

Корректоры А. Г. Мартынова, О. А. Рогачева

Подбор иллюстраций О. А. Платонов

Компьютерная верстка А. Е. Успенский

Институт русской цивилизации

Тел.: 8-495-605-25-35

e-mail: info@rusinst.ru

для писем: Москва, 121170 а/я 18

Подписано в печать 6.11.2012

Формат 60 x 90 1/8. Тираж 1500 экз. Отпечатано в Италии